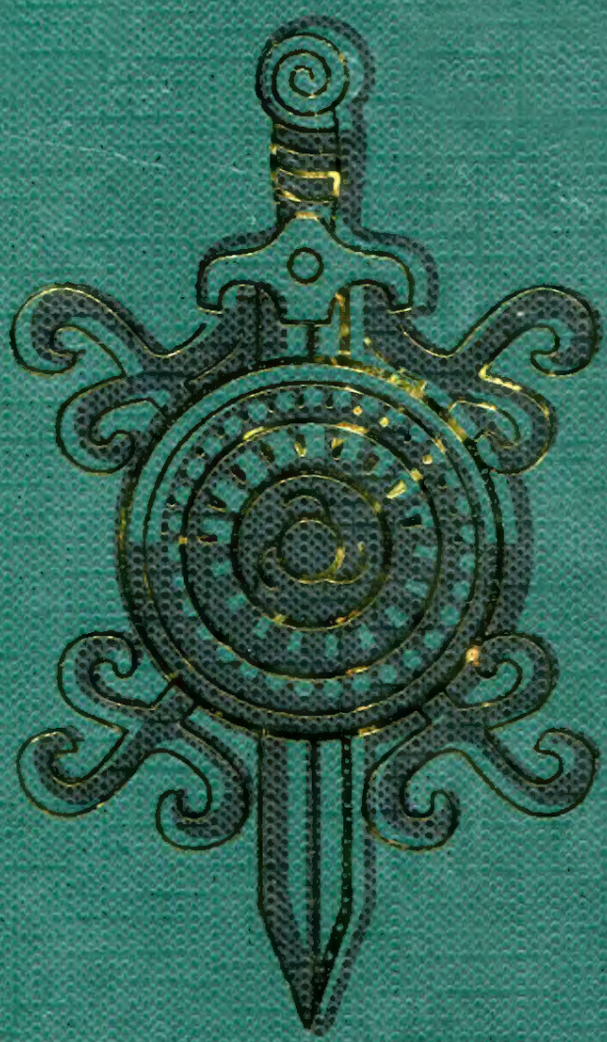
И. А. Дахкильгов

ИНГУШСКИЙ НАРТСКИЙ ЭПОС



И. А. Дахкильгов

ИНГУШСКИЙ НАРТСКИЙ ЭПОС

Оцифровка – dziglo
dziglo2013@yandex.ru

Нальчик
ООО «Тетраграф»
2012

Рекомендовано к изданию Ингушским научно-исследовательским институтом гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Нартский эпос – сокровищница устного народного творчества ряда народов Северного Кавказа. В отечественной фольклористике накопилось немало публикаций по текстам и по исследованиям этого эпоса. Среди них были публикации и по фольклору ингушей и чеченцев. Но, как выяснилось, у каждого народа есть своя эпическая традиция, и северокавказский эпос ставит перед его исследователями еще множество вопросов. Ответить на некоторые из них призваны тексты и исследования, осуществленные на материале ингушского эпоса.

ISBN 978-5-906002-42-6

© И. А. Дахкильгов.
Составление, перевод
и комментарии, 2012
© Ингушский НИИГН, 2012
© ООО «Тетраграф», 2012

ТЕКСТЫ

Подобные монографии о нартах обычно начинаются с их исследования, вслед за которым приводятся тексты. В данном случае дан обратный порядок: вначале приводятся тексты, после которых дано их исследование. Сделано это из соображения, что ознакомившись с текстами, легче будет освоиться с их исследованием.

1. ХЬАЛХА ХИННА ВАМПАЛАШ

Адам кхоллалехьа Дала вампалаш кхелла хиннаб. Сов лакха уж болаш, малха кIалгIолла дIаболхача хана, тIера кий дIахьоргйоацаш, IотаIаш хиннабар уж. Ца теIача, корта морцаргбар цар. Доахан а цар сов доккха хиларах буц санна хьу юаш хиннадар.

Селлара доккхий дегIамаш долаш уж хиларах даар, дукхагIча хана, тоъаш хилацар царна, цудухьа шоайла вIаший буар цар. Ишт-та во уж болашехьа а Далла садеттар царна, уж метта бахкар дага волаш. Бакъда, лаьтта Даллага леткъа доладенна хиннадар:

– Ер вампалаш укх дунен тIа баьннача ханара денна сатем байнаб са. Цхьа ди-бийса сапаргIата хиннадац со. Шоай когаш IотIахьекхаш, со деррига хьешадаьд цу вампалаша.

Дала у дайтад цу вампалашта. Берригаш а бенна дIабаьлар уж. ТIаккха адам хьакхеллар Дала. Цу ханара денна лаьтта леткъадац.

ПРЕЖНИЕ ВЕЛИКАНЫ

Прежде чем сотворить человека, Бог создал великанов – вампалов. Они были настолько велики ростом, что, проходя под солнцем, нагибались, чтобы не сшибло с них папахи и не обожгло головы. Скот у них был такой величины, что он поедал леса, как траву.

Их огромные тела не удовлетворялись обыкновенной пищей, и они при случае поедали друг друга. И все же Бог терпел, надеясь, что со временем они образумятся. Но Земля начала жаловаться Богу: «Со дня появления на свет этих великанов я не знаю покоя ни днем ни ночью. Они всю меня перетоптали».

Бог наслал на великанов заразную болезнь, и они все вымерли. Потом Бог создал человека. И тогда Земля успокоилась.

В 1973 году от 80-летнего жителя сел. Бамут Паскоша Махаури записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: МЛВ. С. 106; Аиф. Т. 1. С. 29.

* * *

2. БЕЗА НОАНОЙ

Хи-нана хи чу яхаш я. Юкъагара хьал дегI сага санна да цун, юкъагара Iо – чкъаьра я из. Денни бийсанни са ца лоIаш хиш ухийт цо. Сатассалехьа цхьа ах сахьат далалехьа, лоаццача юкъа мара тхьовсац из, йихе мел йисача хана цахаддаш къахьегаш хьайоагIа.

Хи-нана тхьайсача юкъа хий дете дIаотт. Цу хи тIа аьнна хIама кхоачаш хул, йоах. Цкъа цу тайпара детача хина тIанийсавенна хиннав ши воша. Цу тайпара хий хьалха шоашта дайна ца хиларах, цецбаьнна хиннаб уж.

– Цу хи чу лувча воал со, – аьннад воккхагIча вошас.

– Хий тамашийна да, фу хул а хац, ма лувча валара хьо, – аьннад зIамагIчо.

Цунга кхы дукха ла ца догIаш, воккхагIвар хи чу ийккхав. ЗIамагIвар берда тIа ваьгIав. Саготала хига хьийжав из. ЦIаьххахина букъ тохабеннаб «Ер Далла лораволва воча хIамах», – ийккхад зIамагIча вешийгара. Цхьанне лоставича санна хи чура берда тIа кхессав воккхагIа вола воша. ТIаккха гучаяьннай Хи-нана. Аьннад цо:

– Со тхьайса йолаш, хий дотаденнача хана, аз салоIача юкъа, хи чу ваьннар цхьа зулам доацаш дIавохийташ Iаьдал дац са. Хий детача хана аьнна хIама кхоачашдеш а Iаьдал да са. Хьай воша Далла лораволва, аьлар Iа. Аз из зулам ца деш дIа а вохийт. Ховргдакха, Iа из аьнна децаре, во хьал хургдар цунга.

Циггач хила къайлаяьлар Хи-нана, вежарий дIахо дIабахар. У-нана мел долча дуненна эгIазъяха лелаш я. Цкъа елакъежаяц из. Шийна цатоам бола хIама даь, во аьнна вола саг, маха миссел мара цо даьдеце а, у тIахийце вув цо.

Цкъа гIалгIашта эгIазъяха хиннай У-нана. Берригаш хIалакбе лаьрхIад цо. Ши бер мара дитадац цо: цхьан тайпах кIаьнки, вокха тайпах йиIиги. Царех дIадоладеннад деррига таханара вай фу.

Бешлоам-Керта тIа ягIаш я Дардза-нана, лоам лохе-да доал деш я Мехка-нана. Хьалхарча замах гелатхоша еза лоархIаш хиннаяр Мехка-нана. Цунна тийкъачул тIехьагIа мара Башлоам-Керте боалаш хиннабац уж. Наькъа ваьнна водача сага новкъостал деш хиннай, йоах, Мехка-нана. Цунна хов малагIча лоамах малагIа ганз йоал. Гуйранна Башлоам-Керта лохе гIолла гонахьа муш бул Мехка-нанас. Сага гац из. Цу мушах дехьаваьннар гIорвергва.

Наха эгIазъяхача, Миха-нанас наьха ялаташ кегаду, хIалакду, холаши аьлаши дохадий михаца ловзаду. Цхьан хана Миха-нана лоаман хьагIара чу тоIIаяь йоаллаеш хиннай. Маха биллал Iург хиннадац цу хьагIара чура из арайоалалургйолаш. Дувцаш да, МIагIой тIоаргаца чура миха седкъа мукъабаьлча, цу седкъо из Миха-нана а хьагIара чура яьккхай. Цигара михаш а доладеннад, беркат а дIадаьннад.

Цхьанне ка а яьнна, цо миха седкъа лоацаре, Миха-нана ше кара йоагIаргьяр цунна. Торо хургьяр из юха хьагIара чу йолла. Ирази беркати оттаргдар, тIаккха, дуне тIа.

МАТЕРИ-БОГИНИ

Хи-нана (Мать-вод) живет в воде. Верхняя половина туловища у нее – как у человека, а нижняя – как у рыбы. Хи-нана заставляет воды течь, не отдыхая ни днем ни ночью. Только за полчаса до рассвета она засыпает на какое-то мгновение, а все остальное время она работает. В этот же миг, когда Хи-нана уснет, вода не движется, застывает и густеет, подобно прокисшему молоку.

Однажды два брата наткнулись на такую загустевшую воду. Они удивились, почему вода стала неподвижной.

– Хочу я искупаться в этой воде, – сказал старший брат.

– Неизвестно, что может случиться, лучше не купайся, – предостерег его младший брат.

Старший не послушался и окунулся в воду, а младший остался на берегу и смотрел на реку. Вдруг на ее середине вода всколыхнулась.

– Как бы чего худого не вышло с братом! – вслух испугался младший.

И тут же из воды на берег выбросило старшего брата. Над водою показалась Хи-нана и сказала:

– Того, кто войдет в воду, когда я сплю и вода густеет, я не упускаю, чтобы не причинить ему вреда. Но также я исполняю любое желание, которое будет произнесено над загустевшею водой. Ты пожелал, – обратилась она к младшему брату, – чтобы остался цел и невредим твой брат. Я исполнила твое желание, иначе ему пришлось бы плохо.

Хи-нана скрылась в воде, а братья пошли своей дорогой.

Уна-нана (мать заразы и болезней) зла на весь свет. Она ни разу в жизни не улыбнулась. А если кто причинял ей вред, хотя бы и с иголку, на таких она насылала заразу. Рассердилась однажды Уна-нана на ингушей и решила их всех уничтожить. Напустила она странную заразу, и погибли все, кто жил в ту пору. Уна-нана оставила в живых только одного мальчика и одну девочку из разных семей. От них вновь и пошли ингуши [1].

На горе Башлоам-корта обитает Дарза-нана, пониже горы хозяйничает Мехка-нана. Раньше жители аула Гвилети ее высоко чтили и обязательно ей молились, прежде чем взойти на гору Башлам. Эта богиня помогала путникам и тем, кто ходил в горы. Мехка-нана знает, где на горе спрятаны клады[2]. Осенью она по низу горы протягивает невидимую нами веревку, и кто ее перейдет, тот неминуемо замерзает.

Когда Миха-нана (мать ветров) рассердится на людей, она насылает ветры и губит посевы, разметает копны и стога. Когда-то

Миха-нана была заключена в такую пещеру, из которой не было никакого выхода, даже малейшего отверстия. Говорят, что когда у Маго из сундука вышла «звезда ветров», она раскрыла пещеру и выпустила Миха-нану. Поэтому благодати стало меньше. Если бы кто попытался изловить «звезду ветров», тому Миха-нана сама пришла бы в руки, и он бы мог ее вновь заключить в пещеру.

В 1975 году от 65-летнего жителя сел. Мужичи Али Балаева записал И. Дахкильгов.

Опубликовано: МЛВ, с. 147; ГІОДФК, с. 34; Аиф. Т. 1. С. 69.

[1] В прошлом общенациональным бедствием для ингушей были инфекционные болезни: чума, холера, оспа и пр.

[2] Горцы считали, что на горе Казбек спрятаны клады грузинских царей. Именно в поисках кладов первым взошел на Казбек житель аула Гвилети, Соси из рода Бузуртановых.

* * *

3. ДАРЗА-НАЬНА ВОРХІ ВОІ
(ГІалгІай шира оалам)

Низ болча дала Ткъас дуне хоздаь бола лоа тІаулла лакха Башлоам-Корт кхеллачул тІехьагІа хьакхеллар дуне тІа дІабаьржа бола наьрташ. Цул тІехьагІа хинна хІама да ер, яхаш дувц гІалгІай боккхача наха. Низ бола тенна наьрташ Ткъас цу лоама кІала, готтигача чІоже, кхехкаш хий Іоухача метте баха Іоховшабаь хиннаб.

Хьалхарчоа наьрташ кІезига бар. Кхали маІеи болча шин наьртах йоккха тІехье дІайолаелар. Цар хьалйизар аре, Іаьржача лоамий довкъаш. Ха дукхагІа дІа мел йода, лаьтта тІа дукхагІа хулар наьрташ, дукхагІа хьахулар цар юрташ.

Тенна, турпала наьрташ хиннабар шоай деналца цІихеза. МайрагІа а курагІа а яр цу лоам кІала баха ховшабаьча наьртий тІехье. Низ болча Ткъас Башлоам-Керта юхе ховшабаь хинна наьрташ лоалахарча тукхамех ца баша баьлар, царех ший хана дІа а къаьста, кхычахьа баха хайшар уж. ЦІихезача теннача наьрташа гІаьраш йора, феса ухар. Къаьстта туржаІ дора цар, къахетам боацаш хІалакбора цар уж нах буараш.

Низ болча наьрта Ткъах мара кхерацар уж цІихеза наьрташ. Цо шоаш хьакхелла хиларах, шоашта доал деш хиларах хьадоагІар из. Ткъах кхераш, цу низ болча наьрташа цу даьлана синнела хІара дийнахьа кхухьар нах буа нарташ, феса бахачара боалабаьчарех. Наггахьа нийсалора есар воалаваь нах буа наьрт воацаш. ТІаккха цу низ болча наьрташа шоайла кхадж тоссар. Кхадж кхаьчар Ткъана синнела вувр.

Гора Казбек (Башлоам), с которой связано множество ингушских мифов и сказаний

ХІаьта, хала бахаш хиннабар уж.

Адам хьа а кхелла, Башлоам-Керта юхе даха Іохоадаь дале а, Ткъас лаьтта тІа доссаданзар цхьаккха хьайба, е аькха. Цхьалхха шийна, аьнна, леладора цо жа Іул. ХІаьта наха нийс-нийсъеннар мара яа торо хилацар. Кхы де хІама доацаш, наьрташа баьцаши овлаши дуар. Цу тайпара бола кхача ла ца могаш болча нах буача наьрташа шоайла вІаший боабеш дІабуар. Бакъда, цу тайпара хиланзар низ бола наьрташ. Уж кхеташ хиннабар, шоайла вІаший даа уж болалой, дукха ха яьлалехьа ваа саг а ца вусаш, шоай фу хадаргдолга.

Баьцаши овлаши... селлара мискача кхачах бизар хилацар низ болча наьрташта. ЦІаьрматача Ткъана леткъа болалора уж. Къаьстта халагІа дар царна Іай: болалора шийла мух хьекха, лахь даь баьцаш кхоачалора. Шийлача цу Іай Ткъас нахах хьулабора малх, цунгара шийна мара йІовхал хургйоацаш. Адамага йІовхал кхоачаргйоацаш, цуннеи малхаи юкъе морх кхестайора Ткъас. Вешта аьлча, адам хьа а кхелла лаьтта дІадоаржадаьчул тІехьагІа, кхы дІахо цу адама вахара сагото ца еш дІаІийр Ткъа. Кхыдола, шийна сакъердамегІа дола, хІамаш дагадаьлла хургда-кха цунна.

Кхача эсала хиларал совгІа, наьртий вахар кхы а халагІа дар чуІе цІеношш ца хиларах. Мух чубеттача хьагІарашка хьулалора

уж. Шийлача тIошта вижар дар цар. Цхьайолча хана гIоз а ваьле, Ткъа аркъал ухаш вела оттар. ХIана велац, кIаьдача морхаш тIа вагIар а долаш. Пишках вIохлуш санна малхах вIохлуш хилча. Цун веларах лоамаш эга долалора, чухьадар лоаман токхамаш. Дукха адам кIалакхухьаш доадора цар. Ше яхар ца этта хала хеташ доккха са цо даьккхача, лаьтта гIолла дIабаржар шийла мух. НаIараш йоацаш йолча хьагIарашка лечкъача наьрташта из шелал дегIах йодар. Шийна хетар ца этта халахеташ, дега бохам хинна Ткъа вийлхача, Iалаьмате чIоагIа догIа а долалора. Цох а хулар наьрташта Iоткъам. Массарел вогIа дола хьал оттар. Ткъа ший къаенначе сесагаца, Химиханаца, дов даьккхача: дардза долалора, лаьтта шаьрдеш мух хьокхар, Iаьржа хиш долалора, дуIа кхастар, токхамаш чуухар. Из мел дар юха а наьрташта халонна хулар.

Раьза боацаш, леткъа болабелар наьрташ.

Наьрташтеи Ткъанеи юкъе хинна моттиг геттар телхар. Шоай даьша дувцарах наьрташ ховш хиннабар Ткъа эрзах даьча цIагIа вахалга, боамбе санна кIаьдача морхашта вижар цун долга, визалца даа Iоахарий цун долга, дегIах хьацар тоххал маьлха юхе из вIохлуш волга.

Леткъар наьрташ, – цох хIама хилацар. Хьалха санна мецеи шийлеи дар цар вахар. Кхы сатоха ца денна, наьрташа синнела адам дуа наьрт Ткъана синнела ца вийча, бекхам боацаш дисацар из: Ткъас тIатохар дарци дуIеи, текха долалора лоамаш, михо овланцара дIакхухьар баьцаш. Цхьайолча хана наьрташта у дойтар, – низ бохар наьртий, мозий санна лар уж, адам дуача наьрташа дIабуар уж.

Башлоам-Керта нийсса кIала йоаллача йоккхача хьагIара чу бахаш хиннабар кIайвенна, йIаьха модж йола наьрт Сосаркъеи цун воI Къуркъеи. Дуне тIа вахаш ше мел дукха ха яькхай дицденнадар Сосаркъийна. ДагадагIацар ший къона шераш. Кхыча наьрташта дага из мел воагIа, воккха волаш воагIар.

Дукха хIама ховш волча Сосаркъий хьагIарга наггахьа гулалора кхыбола наьрташ. Ткъа мишта вахаш ва, мел низ болаш ва, дувцар къаьнача наьрта. Можамаш Iояхийта, корташ чудахийта, дегаца хьатIаэцар цар воккхача саго мел дувцаш хиннар. Цхьайолча хана хьаькъалах тувлавеле, ше фу дувца хацар Сосаркъийна. Циггач наьрташта хеталора Сосаркъий багенца шоашца Ткъа лувш санна.

– Ма тамашийна хоза да вай наьна лоамаш! – бIаргаш а дувшадий, оалар Сосаркъас. – Iуйранарча дехко цIеча шовлакхо санна лоамаш кхаьлача. Ма тамашийна хоза хул уж. Дошох лепаш хул зIоаголаш. Сийлахьа ва ер дуне кхелла Ткъа!

– Сийлахьа ва ер дуне кхелла Ткъа! – ладогIачар массане тIехьа оалар.

– КIай Iоахарий санна лаьгIо додаш хул дохк, – дIахо дувцар Сосаркъас, – лоамангара лоаманга дода из. Чухьеж из чIожашка, ахка, дIаьгIенашка гIолла кхест. Массанахьа фуд ха безам ба цун.

Цхьацца нахьа дихкахь хьакъард малхо цIеяь чхар, е Iаьржача лоаман дукъ. Ткъа велакъежача, Iуйрана фу долалу, тIаккха дохк деше дIадоал. ЦIийбала болалу Бешлоама-Корта, сийлахьча наьрта – Ткъай велакъажар шийна дайча. Сийлахьа ва, воккха ва укх кхоллама дала Ткъа!

– Сийлахьа ва укх кхоллама да вола Ткъа! – юха а цхьатарра тIехьаоалар ладогIаш мел багIачар.

– Башлоам-Корта, – дIахо дувцар воккхача саго, – сигаленах гIортабенна ба. Цун керта тIа улл шаи лоаи. ЦIаккха дашац уж. ЖIовхараш санна къегаш хул уж шана тархеш. Дуне тIа мел долча лоамел лакхагIа ба вай лоам. Ер дуне кхоллача хана массарел хьалхагIа Ткъас вай лоам кхеллар, цу тIа эрзах даь ший чаьтар Iоотадар духьа. Цу чаьтар чу вагIаш, дуне зув цо. Сийле хийла везача Ткъай!

– Сийле хийла везача Ткъай!

ДIахо дувцар воккхача саго:

– Хьалха цхьабола наьрташ цу лоам тIа бала гIийртабар. Берригаш, чухьа са доацаш майрабараши дика тIемахойи тIехьа, хIалакахилар! Дукха, геттар дукха, ха дIаяхай цу ханара денна. Цу хана кхийна зIамига саг вар со, – селлара дукха ха дIаяхай. ЭгIазвахача чIоагIа хала хул Сийлахьа Ткъа!

– ЭгIазвахача чIоагIа хала хул Сийлахьа Ткъа! – тIехьаоалар ладогIачар. ТIаккха берригаш, Ткъай сий деш, уйлане баха багIар.

Цу мел болча наьртех цаI, къона Куркъа, мара вацар цу къамаьлах цавашшаш велакъежаш, шеквувлаш.

Дукха ха яр из Ткъана раьза воаца. Дагадоаллар цунна, дега Iаткъаш, ше кхелла наьрташ бицбаь из паргIата лелаш хилар. Массанега санна цунга а кхоачар моцал, шелало гергвора. Бакъда, вожаш садетташ бар аьнна, из бехк боахаш къамаьл деш хулар, сердар ший кхела. Дог кIаьда дар цун, цудухьа цунна къахетар низах беха, цхьаккха кхоачам боацача ший денал долча нахах. Дика кхетадора: наьрташ хьакхоллашехьа а Ткъас царна эрзи жаи деннадаларе, ираз долаш бахаргбар уж, жа-доахан доажоргдар, нах буача наьрташа адам дуаргдацар, къоалаш, гIаьраш, къовсамаш дуне тIара дайна дIадаргдар. Кхы а кхетадора: синнела адам кхухьача метте, устагIа бахьа мегаргбар.

ТIеххьара дагадехар Куркъийна Ткъал говзагIа хила, нахана ираз хьада.

Дагадехадале а, ха тIехьайоахар, ца лоархIавеш лелар. Хьалхарчоа дага вар из дехарцеи синнел дахьарцеи Сийлахьча Ткъай дог кIаьдде. ЙIайхача, хьаьнача, аттача вагIа Ткъа дехарашта къора вар. Цу хана а ховш хиннадар визар мецачох кхеташ воацалга.

Цкъа ший даь, Сосаркъий, текъамашка ладийгIачул тIехьагIа, есар вига адам дуа наьрт чувеллача хьагIара вахар. Вийр цо из, пицхех лотаяьча цIералла кхессар, Ткъана синнела из хургволаш.

Из синнел дахьаш, Куркъа геттар тийкъар, цIаккха ше ца тийкъача тайпара. Цудухьа низах веха, кIоарггача набарах вижар хьагIара чу хиннача шийлача тIош тIа. Іуйранна сомаваьлча, дIаара хьежар из. Циггач жа латтаргдар, аьнна, хетар цунна. Цхьаккха хIама дацар гуш. Хи тIа мукъа эрдз хургбац-те тIабаьнна, аьнна, хи тIа вахача, цигач а дацар гуш хIама.

Ала доацаш эгIазвахар Куркъа.

Ховш вар из, синнела цо вихьар нах буача наьртех тIеххьарвар хинналга, кхоанача ден низ болча наьртех синнела цаI ве везаргволга. Сатийса ма варий из, цу тайпара хIама кхы дезарг ца хиларах, цун текъам низ болча Ткъага кхоачарг хиларах.

ТIаккха духьалаваьлар из.

Ший дегIах боккха низи, ший дег чу доккха денали доссаш хоаделар цунна. ХIанз, хьо дегIал ваха наьрта Ткъаца лата веза, аьлча, хIамах шек воацаш, кхера ца луш латаргвар из.

Кхоана, Ткъана синнела мала вахьаргва, аьнна, дош дувца хайра наьрташ Сосаркъий хьагIара чу. Кхадж а тесса, шоаех цаI вийна воагаве везаш хиннаб. Наьрташка дIавийрза, циггач чIоагIа тIатеIIа къамаьл дир Куркъас:

– Вежарий наьрташ! – аьлар цо царга, – са дас дукхаза вувцаш волча Сийлахьча Ткъана дицденнад вай. Моцал а хьог а вай, бала а хьог вай, воаех цхьацца ве везаш а хул вузаргвоацача Ткъана синнела. Жа Іулаш цунга да, эрдзах чаьтараш, цунга да. Вайна боссабе магаций цунна цхьа-ши устагIа, массехка эрдз? Жа дебарг ма дарий вай, эрдз шу-шергара дукхагIа тIабуврг ма барий вай. Ираз долаш хург ма дарий вай вахар. Довнаш, къовсамаш, нах боабар дIадарг ма дарий вайна юкъера... ХIаьта синнела цунна адам ца а доадеш, жа кхувла йиш хург ма ярий. Бакъда Ткъа хIама гуш а е хозаш а вац. Вай хьегаш бола бала га тигац цо, вай делха текъаш дехар дIахазац цунна.

Цу хана лакхара хьахезар ди тохаш, лоамара чухьийддар токхам, Куркъийна лалла тIой детталуш.

ТеIIа вий кхайкаяь, сихха йистара ийккхар Куркъа.

ХьагIара чура араваьлар къавенна Сосаркъа, сигала ши кулг хьал хьекха, дуIа дир цо:

– Моаршал да шоана, кхетачен тIа даьхка наьрташ! Сийлахьча Ткъана тахан синнела хIама йихьаяц вай. Бехке да вай, Ткъа вайна эгIаз ахарах. ТIем тIа бахараш цIабаьхкабий?

– Баьхкаб! – жоп делар цхьанне.

– Адам дуа наьрт доаладаьдий цар?

– Доалаьдац, – аьлар.

– Ишта долче, кхадж тоссаргба вай. Воаех цаI синнела вига везаш да гIулакх. Детташ дола ди хозий шоана, эгаш дола лоамаш гой шоана! Ткъа ва вайна эгIазваха, вай из вицварах.

– Вай деций цунна дицденнараш! – цIогIа техар Куркъас.

ВиIийга раьза воацаш хьежар воккха саг.

– Баге соцае! – цIимхара аьлар, – Сийлахьча Ткъай эгIазал ма еха вайна!

– Со кхерац цох!

– Хьажалахь, эггара хьалха хьа кхел цо еш.

Куркъа, кура велакъежа, сецар.

ТIаккха кхадж тасса болабелар.

Воккхача сага хьагIара юхе, боккха го баь, Iохайшар наьрташ. ХьагIара IотIатоIаенна йолча чхара тIа ваьлар цаI. Наьрташка букъ а берзабаь, царгахьа кхерилг кхессар цо.

Куркъий когашта юххе бежар из.

– Кхадж Куркъийга кхаьчаб! – Йиш хаьла аьлар воккхача сага-наьрта. – Ткъас бекхам бергба хьона. Ма аьннадарий аз! Iадика хийла, са воI! Кхы цIаккха бIаргашта сона гургвоацаш ва хьо, лергашта цIаккха сона хозаргвоацаш ва. Еза хийла Сийлахьча ткъай цIи!

– Еза хийла Сийлахьча Ткъай цIи! – тIехьааьлар наьрташа.

Кхы ди къайкъанзар, сигале хьеIа дIаэттар. Шийна хургдолча синнела раьза хилар Ткъа.

– Доле, хIанз, цIи ювза, – дег тIа боккха бала болаш аьнна, хьагIарча вахар Сосаркъа.

– Сайна согача цIера докъаденна овлаш дахьаш воагIа со, – аьсала верзаш, аьлар Куркъас. – Са хьагIара чу дукха да уж.

Щийга юха фу оал кхы ла ца догIаш, дIаваха къайлаваьлар из.

IодоагIача цхьан хина йисте хьагIар йоаллар. Куркъийна мара, сага из я-яц ховш яцар. Цу чу хьулавелар из, тIехьада мегача оарцах. Бийса гаьна яьллалца лечкъа ваьгIаьр из.

– ХIай-хIей! – эгIазне шибар дора цо. – Хьайна синнела хержав Iа!.. Хьа низах кхераш лелача цу Iовдалаша со воагавича бакъахьа хетар хьона, хьай сий деш!.. Къаьстта со, со цаI хьона духьалваьнна хиларах! Цунца фу ала веннавар хьо? Сох хье кхеравенналга хайтар Iа! Кхерандаь, со вийта веннавоав! Лоралелахь. Со кхерац хьох, цудухьа хьоца къовсалургва со майрра!

Арахьа лелача наьха гIараш хезар цунна. Из лехаш лела наьрташ бар уж. Из къайлаваларах цецбувлар уж. Наьрташ дуне тIа кхоллабеннача ханара денна цхьаь-цаI ведда хиннавацар Ткъана синнела кхадж бена наьрт. Цудухьа тийшабар уж, овлаш да вода, цо аьлча, цох тийша хиларах дIа а вахийтар.

Кхы а тоъал ха яькхар цо хьагIара чу вагIаш. ГIараш гаьнъяьнна дIаяхар, еррига юрт кIоаргача набарах елар.

Сигале морхаша къайлаяькхар. Йоачан латтар.

Ше аьннар ца деш болча наьрташта таIазар де кийчлуш вар Ткъа.

Шок етташ, мух сов чIоагIа хьакхарах, лоамаш эттIар, йоккхача гIараца Iочуухар доккхий тIой. Хиш Iаьржденна, булкъаш беш,

кхехкаш долхар. Сигале Іаьржъеннаяр. Кхыметтел Куркъий дег чу а кхерам боссал унзара яр.

Куркъа воханзар, са метта дера. Лечкъа ваьгІачара наькъа араваьлар из.

Башлоама Куркъа гаргагІа ме вода, готтига чІож шерлуш дІаурагІа додар. Хина бердаш а шаьрагІа хулаш, лоама босенгахьа даьлар. ЦІаккха ца даша лоаи шаи улла лоам унзара хулаш хьаэттар.

Лохенгахьа, даьгІенашкахьа, дІахьежар Куркъа. Унзара, дегаза яр цигача: тІоштеи чхараштеи юкъ-юкъе гуш яр бос баха буц, баІаш, къаж. Гаьнна, чІож аьхка, ІувгІаш, гІар яьккха додар хий, тІох бола ший накха эттІабеш.

Кхы а даькъазагІа, чамазагІа яр урагІа хьалхьежача, баьцехи гаьнехи ер ма дий, аьнна, хІама доацача, дерззана тІой долча, дега бохам беши кар хьувзийташи матара дийрза лоа уллача, тІох бийрза ша уллача. Гоннахьа гуш садола хІама доацаш, дега тІа Іоакъа южар. Гуш мел дар акха, къора дар. Лайна юкъера урагІа гІортаенна чхараш а цхьан хІаманна сагото еш санна хетар.

УрагІа, урагІа дІахо водар Куркъа.

Ирача тІоша когашта човнаш яьяр цунна, бакъда бекхам баро дог деналах хьалдузар цун, тІаккха кІаьдвалар а фуд хацар. Кулгашца каетташ, когаш гІертабеш, кадай урагІа водар из чхараш тІагІолла. Кулгашта а човнаш хилар.

ЦІаккха ца дашаш лоа уллача кхаьчача, цецваьнна сецар из.

Чхаран тІа ягІаш ейра цунна дошох лепаш йола желкъорг. ІажагІа бІаргаш къерзадеш, дІунгала хьежар из. Куркъийна тІагІолла нек деш, дІаяхар йоккха аьрзи. Цун низ болча ткъамаша мух айбора. Цу тайпара оалхазараш цІаккха дайнадацар къонача наьрта. Цудухьа дог шекдаьлар цун: аз дукхача ханара денна сатийса, кхерам тІехьашка теташ укхазара дига дага вола жа дий-те ер тамашийна хІамаш, Ткъа Іеш волча дІакхаьча вийте со...

Бакъда, аьрзе шийгада дІаяхар желкъорг а мича яхар ца ховш, дІаяьлар.

ТІаккха дагадехар цунна, ше кІаьнк волча хана, ший юртарча боккхийча наха давцаш хиннар.

Цар дувцачогІа, хІанз болча нартел хьалха Сийлахьча Ткъас кхелла хиннабар тамашийна доккхий дегІамаш дола, цхьа бІарг бола адамаш. Шийнеи наьрташтеи юкъе баха ховшабир цо уж. Ткъа гІалат ваьнна хила везар селлара низ болаш, шийна кхераме болаш уж кхелла хиларах. ХІаьта кхеллачул тІехьагІа кхы де хІама а доацаш, ший доккхий Іулашкара массехка хьайба делар цо царна. Ший гІалат тоадар духьа наьрта адам кхеллар цо. Шийгара гІалат даьнна уж бехке болаш санна, цхьаккха хІама ца луш битар уж, хало хьегийташ, цу тІа шийна синнелаш кхухьийташ.

Лохе уллача мехкаи лакхенгахьа хьалбодача шана лоамаи чхаращта юкъе хьулаенна яр цхьабдаргбарий массехка юрта.

ТIойи лаьттеи IотIадилла дола цар цIенолгаш лоаман чхарех букъ гIортабаь латтар.

Шийна гуча мехках тамаш еш вар Куркъа. Цунна ховш хиннадацар, лохегIа баха ший наьрташ хиларал совнагIа лакхенгахьа а кхыча тайпара бола цхьабIаргбараш болга. Ткъана уж гаргагIа бахалга а хацар.

Цхьана цIен наIара юхе вIаьхвенна уллар лаккха цхьабIаргбар, кIоаргача набарах ваха, цхьа бIарг бувшабаь болаш. Куркъа дIаваха везача наькъа пхорагIа вижа уллар из. ДIахо дIавахар духьа цунна тIагIолла ког лайзза ваха везаш вар Куркъа.

Циггач тенначо хьалекхар ший цхьа бIарг. Хьахьежар.

Баьдйийрза яле а, бутт хьакхетарах лаьгIо сигалара сердал йоагIар.

– Хьо малав? – зIамигача сагага хаьттар цхьабIаргболчо.

– Со арара хьавена наьрт ва, – майрра аьлар Куркъас.

– Хьо фу де венав укхаза?

– Сийлахьа Ткъа волча хьалвода со.

– Фу ийца вода?

– Из сай гIулакх да са.

– Долче, хьайгада гIой дIавала, са наб йоха а ца еш! Тахан гIалашта чарахье ваха лийна, чIоагIа кIаьдвеннав со.

«Чарахье йоае хIамаш я шугахьа-м, – дагахьа, халахеташ, аьлар Куркъас, – хIаьта тхогахьа-ма баьцаши овлаши мара дац».

Ший уйла хайтанзар цо, хаьттар:

– Ткъа мича Iеш ва? Никъ хьехал сона.

– Наб йоха ма е са! – Iаьхар цхьабIаргбар. – Наькъзара ца воалаш духхьала дIагIо. Хьало-о цхьа кIай шана аре я... Цигач вахаш ва хьона Сийлахьча Ткъай ворхI воI. Цар хьехаргба хьона никъ... ХIанз хьо дIаваха ца воале, аз хьавенача юха чукхоссаргва хьо!

СихагIа ваха везалга хайна, Куркъа хьалволавелар.

Бокъонца, дукха ца говш, дIа а кхаьчар из Ткъай ворхI воI вахача мехка. Шийлеи баьдеи бар из.

Лайво кIайяь йоккхий аренаш яр гонахьа дIаухкаш. БIарга мел гу кхесташ дар баьде дохк, цхьанахьа нийлха дувлаш, кхычахьа дикълуш кхестар из. Михаш, дарцаш, дуIаш бирса цIувзар яьссача цу аренашка гIолла. Цар IувгIараша, цIувзамаша наьрта дог тоха долиитар.

Iаьржача саготоно доал дора цу бирсача лай аренашка.

Ший когаш шеллуш латталга хоа ца луш, дегI кадайгIа дувлаш, салаIеи сатеми ца лехаш, цахаддаш хьалхаваьнна водар Куркъа. Цхьан нигато вугар из: ше де лаьрхIача хIаманна тIакхачаро. Дег чу бола бекхам, из урагIа мел вода, лаьгI а ца луш, совбоалаш бар.

Ший наьна юртара гаьнагIа дIа мел вода, ший мехкахоех дукхагIа къахетар цунна. ХIана аьлча, Ткъай сутарало, къизало, уж мел бах, меца лела безаш уж хиларах.

Ва, ер фуд?

Ах сигале къайлайоаккхаш, цхьаннена тIехьа шоллагIдар доагIаш, ворхI IиндаргIа эттар лай арен тIа. ВорхI дар уж.

Шоайла вIаший кулгаш а лаьца, Куркъий никъ къайлар цар.

– Шо малаш-д? – кхералуш, хаьттар цо.

Аьнна из воалашехьа, боккха мух баьлар, цIаькха дуIа хьайр, эйдаь кхестача лайво Куркъий бIаргаш кхаьлар.

Из дар IиндаргIаш-вампалаш белабаларах хьайна лайна дуIа.

– Вай малаш-д, хетт укхо?! – ДуIан IувгIара тара йола цар оазаш хозар зIамигача сага. – Малав хьо? Хьаалал хье малав?

– Со наьрт ва... лохегIа бахачарех... цIи Куркъа я са! – цIогIа, деттар цо, дуIан IувгIари шоки къарде гIерташ. ЦIаьхха эгIазал ессар цун дег чу, IиндаргIашка вийрза, ший низ мел-б цIогIа техар цо. – Со малав ха шоай безам бале, ма эйбе селлара чIоагIа мух! Дерригаш ца лувш, цаI йист хила!

ХIанз IиндаргIашта дIахезар, гIараш сайцар. ЦIаьхха дуIа тийр.

Оаш сабарделаш, оалаш санна вокхарна кулг оамал а яь, царех цаI йист хилар. Шийга цо къамаьл деш, лаьгIо бале а, ший дегIах шийла мух бодаш хоаделар Куркъийна.

– Лохе йолча арен тIара наьрт ва хьо? – хаьттар цхьанне. – Лайх биза болча тха мехка мишта кхаьчав хьо?

– ВоагIо-ош, иштта хьавенав-кха.

– ХIанзолца наьртех цхьаккхинг венавац укхазахьа! – аьлар IиндаргIас.

– ХIанзолца хиннавеце, хIанз ва-кха.

– Тхо долча фу эшаш венав хьо?

– Шо долча, даь, венавацар со. Малаш-д шо да?

– Сийдолча Ткъай къонгаш да тхо.

– Из волча водаш ва-кха со. Хьехал сона никъ. Мича вах из?

ЦIаьхха юха а хьайр IалаьмателоккхадуIа.

Аркъал ухаш, ворххIе а велаш вар.

– Хьонеи? Никъ хьокхеи? – вийла ваьнна, хьогга цунца къамаьл деш хиннача, вампала хаьттар из. – Миска-яI, наьрт, говза хIама да хьона дагадехар! Сийдола Ткъа мича вахаш ва ха безам ба хьа?

– Ба те!

– Укх лай арений лакхагIа, дIахо долча лоамаштеи чхараштеи лакхагIа, царна тIагIолла лелача дохкала лакхагIа лелаш да къаьна са – низбола Ткъа. Укх гонахьа мел йола моттиг, мел йола аре, мел бола лоам кхераме цIи йолаш ба. Цхьанна сага, цIаккха ейнаяц цун юхь. Тха нанас, Химиханананас, дувцачох, из ма йий укхаз хулача дарций а укхаз йолча меттий а нана, Ткъа унзара а цIимхара а ва. Керта тIара кес йоккха, хьерчаенна я, бIаргашкара тIоа сегаш санна хетт. Цунна бIарахьежар къизача Iоажалах дIаваргволаш ва. ХIаьта хьо цунна духьала оттал майра ва!... Нахах, кхычарех

дIахаьда, цхьаькха вахаш ва из, Миска наьрт! Фу де воал хьо бирса Ткъа волча?

– Цунгара лочкъаде воал со ши устагIи эрдзи.

Из хезача, Ткъа къонгаш баге гIортаяьча бисар, бIижала ваьннав-те, аьлча санна.

– Шорттига, – аьлар Куркъаца къамаьл деш хиннача вампало. – Iа дувцар атта хозаргда цунна.

– ХIанза-ма из наб еш уллар, – аьлар вокхо. – Тхьайса уллаш, хIама хазац цунна. Хьона сенна деза цун жа, цун эрдз?

– Тхо, миска наьрташ, кхеллад цо, – аьлара Куркъас, – лаьтта тIа даха дIа а доаржадаьд. Бакъда, е даар деннадац цо тхона, е тхов кIийле еннаяц. Тхоаех цхьабараш баьцаши овлаши дуаш лел, вожаш шоайла вIаший буаш боахк. Наха юкъе машари дуачун кхоачои хилийта дага ва со.

– Селхан, дуIан юкъегIолла, тхона хоам бир Сийлахьча Ткъас: цхьаболча наьрташта эгIазвахав ше, кхоана, сомаваьлча, царна у дойтаргда ше, аьнна.

– Фу бахьан?

– Массе хана кхухьаш хинна синнел оаш тахан цунна дена ца хиларах. Оаш доагадаьча синнела кIур хьалбенабац из волча. Из хIана даьд оаш?

– Со вар цунна синнела вига везаш. Бакъда, со кIалхар а ваьнна, хIанз укхаза ва-кха. ХIаьта.., даьца, наьнаца цхьана хIана дахац шо, укх безаме йоацача хIана лел?

– Ткъа вагIача лоама бухье лепаш, йоккха цIи санна боагаш, из вохьвеш малх ба. Из цIаккха гуча ца боалача, шийлача лай тIа, ша тIа хоадаьд тхои тха нана Химихнанеи.

– Цо хIана лелхадаьд шо шийгара дIа?

– ХIаман сагота доацаш тхо лийнадаь. Лоам тIара лоам тIа кхувсалуш, ловзаш, делаш тхо хиларах. Цунна новкъа дар из. Оаха хьоаяьча маьженах лаьгIо хьокха мух а тIехьа новкъа хиннабар цунна. Тхо деладелча, михаца лоа кхастар... Цудухьа цо тхо шийна гаьндаьхар. Дарц кхестош йола тха нана а дIагаьнаяькхар шийгара. Нана а тхо а хьо санна раьза дац цунна!

– Эрз а жа а хьаэца оаш сона новкъостал дергда яхалга дий из?

Ткъай ворхI воI шоайла дагавала эттар. Цар хабарах хьаухаш бола мух хоалора Куркъийна.

Куркъийца къамаьл деш хинначо шоай ваIад йийцар:

– Дика да, – аьлар цо, оалачох дукха сагота а воацаш, – тхо раьза да, нагахьа санна оаха новкъостал дича, тхона яла фий хьа?

Дукха уйла еш лаьттар Куркъа, – дагада хIама дацар.

– Лаьтта тIа фий шун? – хаьттар цар.

– Баьцаш, кIотаргий овлаш, тIой да.

– Уж тхона эшаш яц.

– Чхараш а я тхога, Iоуха хиш да.

– Уж а тхона пайдана хIамаш яц.

– Кхы а цIи я тхога.

– Тха моастагIа ва Iа вувцар. Цунга дошодайта дала йиш яц тха.

– Лазараш а да, Iоажал а я.

– Лазараш, Iоажал? – тIехьааьлар вампало. – Фуд уж? Куркъас дIакхетабир уж лазарех а Iоажалах а.

– Церал вогIа хIамаш мий Iа ювцараш! Царех е Iоажалах валар тхона фу бе да! Из вIалла а тхона хьашт дац.

– Кхы шоана ювца хIама яц тхога.

– Йоацаче, оаха а новкъостал дергдац хьона эрдз эца, жа лахка.

Уйлане вахар Куркъа.

– Сабар! – ший ма хулла цIогIа техар цо. – Кхы а да тхога!

– Фуй-хьоагI из? Iа дувца тIойи овлаши санна цхьа пайданна доацар хургда-кха?

– Ишта дац. Къона, хоза наьрт-мехкарий ба тхога.

– АхIайт! – цIогIа даьлар вампалага. – Модж-мекх доацаш бола нах бий уж? Цкъа вай доазонга IокIалаваьннача хана царех цаI ейнаяр сона. ЧIоагIа тоам болаш хийттар сона из.

– Цхьа бIарг болча наьртий яр ейна хургья хьона? Тхаяраш дуккха дикагIа я. Шишша бIарг ба цар.

– Тхона совгIата ужжаморг цхьацца лургйий Iа?

– Лургья...

Вампалаш юха а шоайла шиш-пиш де болабелар.

– ХIа, – Куркъийца къамаьл деш хиннача вампало аьлар, – тхо раьза да! Долче, воле, тха воккха саг тхьайса уллача юкъа дIакхача деза. ТIехьавала тхона.

Хьалхабаьнна дIаболабелар уж. Цар боларах дом санна лоа хьалъухар Царна тIехьаваьлар Куркъа. Вампалаша эйдаьча лайво бIаргаш кхоалар цун, кулг-ког гIордора, царга тIа царг оттацар, садоаккхалацар.

ХIаьта а ший ма хулла тIехьакхувш водар Куркъа хьаькъала гаьна боацача вампалашта тIехьа.

Дукха ихар уж, мелла йоккхача юкъа ихар ховргдоацаш.

ТIеххьара тIехьашкахьа йисар лай тарченаш.

Куркъийна хьалха эттар тамашийна хоза сурт. Лоама бухкье, е лоа е шо боацача, латташ яр Iаьрш. Цунна гонахьа ейга морхаш кхестар. Лакхача сийнача сигаленгара хьахьежар бIайха малх, цIаккха дIа ца бужаш санна. Лила санна йолча сигален гIолла ле-лар, морхилгаш санна, кIайи сиреи бос бола Iоахарий. Куркъийна дагарде маганзар уж, сов дукха долаш. Сов урагIа хьийжа, корта бIогора аха болабелар Куркъий. Iаьршана гонахьа яр йоккхий эрза хьунаш. Гаьна доацаш дар эрдзах даь цIа. Цун тунгилгах хьалъу-хар сийна кIур. Хьаетталора кхерзача дулха хьадж. Мецвеннача Куркъий корта бIогора баькхкар цо.

ВорхI вампал дIаэттар, кхы дIабоха ца луш.

ДегI ийшар цар, низ бехар, IиндаргIаш санна эгар дегIамаш.

– ДІахьажал, – хаьлача оазаца аьлар царех цхьанне, – гой, дІарча дехка юкъе вагІа хьона Ткъа. Мерчешта юкъе воаллаш санна тхьагІара ваха. Цхьоал юаш ва из. ХІаьта, дІарча цун цІагІа пхьор да цунна кийчадеш.

– Из жа цу сигалара мишта лоацаргда? – сатоха ца луш хаьттар Куркъас, – мишта хьабоаккхаргба эрдз?

– Эрдз хьона юхе ба. Хьай низ тоъэ, хьабаккха. Низ беха хиларарах тхога из боаккхалургбац. Малх – тха лирагІа вола моастагІа ва. Кхы а совнагІа укхаз оаха ха йоаккхе, деша дІагІоргда тхо. Сихлий вала, тхо дІадовла дезаш да укхазара!

Сихвенна катехха эрдз баьккхар Куркъас, ший овла а тІехьа. Керта тІагІолла кхостабаь, Іочукхессар.

Цу хана сигала жа Іолохденна доагІаш дар, лоам бухье отташ.

Каи жийи, шоайла ловзараш деш санна, хьалха-тІехьа удар.

– Хьалаца, – хаьлача оазаца аьлар цхьан вампало.

Боккха мархІа баь, шаккхе устагІа лаьцар Куркъас. Цкъарчоа, боамби санна дайга хийтар уж цунна. ТІаккха цар дозал хоаделар цунна. Цар хьайза, даьре санна къегача элтара кІала хоаделар цунна уж дулхахи тІехкехи долга. Дар уж, бокъонца дар, жа!

Цхьацца бе белла, керта тІагІолла кхостабаь, лоам кІала, ший юрта йолча оагІонгахьа лостадаь дІадахийтар цо уж.

– Іокхийтта, лерг ма дий уж, – дехкевоалаш аьлар Куркъас.

ТІаккха вампалаш болабелар мамогга фу детта. Цар эйбаьча михо жа михаца дайга кхесташ, шорттига лаьтта дессар.

Бакъда, цІаьххара хилар унзара хІама.

Сомаваьлар къаьна Ткъа. Цун Іаьрша юхера морхаш дІаейдар. Царна юкъера хьакъедар унзара наьрт Ткъа. Цун сибат сов ийрча хиларах Куркъа Іовежар, са ца доаккхалуш висар. Ше веннав аьнна хетаделар цунна.

ЦІаьххара доккха дуІа хьайр, сигале Іаьржъелар, малх байр, – Іаьржача морхаша къайла. Лоамех хьадувлача тІоехи чхарехи Іодоладелар доккхий токхамаш. Куркъийна хетаделар цу токхамаша шоай юрташи мел дола наькъаши къайлахьош санна.

Эгача лоамах Куркъа дІа-хьа теркавора.

Йоккхача чхара тІара Іочухьежар Ткъа: дохки морхаши дІайхьай ейдар. Ткъана Іолла лаьтта бІаргабейра лаьттах Іоттабенна багІа эрзи цунна юхе баь тІа бажаш ши устагІи.

Алилга доацаш, дувцилга доацаш, эгІазвахар Ткъа.

– Вайхав! – цІогІа техар цо. Унзарадаьнна огаделар гонахьа мел дар. – ХІанзарчул тІехьагІа лаьтта тІа эрз хургба, жа дебаргда! Соца нийсалургба наьрташ. Сона кхы синнел кхухьаргдац цар! Со вицвергва цар! Боккха, ца хеза бекхам хургба согара фос йихьачарна! ЛадогІалаш низ болча Ткъас еча кхелага.

Тоъалча хана цIогIа дийттар цо. Цун ворхI воI дегIа эшаш, эшаш, низах бохаш дIабахар. Куркъа дIа-хьа веттар, дег чу кхерам бессар цунна.

ТIехкьар Ткъас цIогIа техар:

– Сона тийшаболх баь, сона тешаме боаца къонгаш кхебаь йола са сесаг Химихнана, хьайола ях аз!

Из цIогIа доаллашехьа, михаца цхьа хIама хьайзар, Iалаьмате чIоагIа дарц хьекхар. Дуне дохаш санна хетаделар Куркъийна.

– Низ болча Ткъас еча кхелага ладогIа! – аьнна, дарц соцадир низ болча Ткъас.

Лоаман доал деш волча унзарча Ткъана хьалха корта Iочубахийтар Дардза-нанас.

– Согара эрдзи жаи даххьал хинна бIежала наьрт хIанзарчул тIехьагIа зIанарашца дIавийхка хургва цхьа бIарг болча вампалий мехка, хьагIара чу. Нахагара эрдзи жаи дIадаллаца чхарах зIанарашца воалларгва из. ХIаьта нахагара цIаккха дIа а даргдац е жа а е эрдз а. Дуне мел латт денал дола наьрт хьагIара чу бала озаш хургва. ХIара денна из волча ухаргья лоаман аьрзе. Ший зIок етташ, цун дог эттIоргда цо. ХIаьта хьо, Дардза-нана, Химихнана из лоравеш, цунна юхе ягIаргья. Хьона хьалха, лай тIа, цIаккха ца йов цIи йоагаргья. Даар кхача хургба хьа маькхи устагIан ности. ХIара денна из кхача латтаргба хьона. Уж диа хьо йоаллашехьа, юха а шоаш ма хинна, хьона духьала оттаргда уж. ХьагIара гонахьа тамашийна го Iохьокхаргба Iа. Цхьаккхача адама пурам дац цу гон дехьа вала. Цунна тIехьа ког баккхал майра хиннар Iа техача дарцо ахка вохийтаргва. Лай токхам цунна IотIатохаргда Iа, Дардза-нана! ХIаман хьисап доаца ворхI воI сона варах, хьона оттадаь таIазар да из. Иштта ший кхел кхайкаю низ болча Ткъас.

Доккха са даькккхар Дардза-нанас. Цох эйбеннача михо хьагIара чу кхессар Куркъа.

Таккха ший къонгашка кхайкар Ткъа:

– Шо, цхьаккхача хIаман бала боацараш, кхел йоацаш дусаргдац. Наьха ираза духьа согара фос йихьа майра наьрт укх лаьтта тIа вусаргва чIоагIача чхарах тоIаваь, ер дуне мел латта. ХIаьта шо сигала хьалгIоргда, цигач цхьана долаш, сигале хозъеш... Цхьана долаш, седкъий санна лепаш, кIоаргача сигалара хьежаргда шо укх даькъазача лаьттанга!.. Наха «Дардза-къонгаш», аьнна цIи тулларгья шох.

ТIаккха Дардза-наьнага – Химихананага доккха дуIа эйде, аьлар цо. Хьайнача дуIо сигала хьалвихьар цар ворхI воI. УрагIа хьал мел болх зIамагIа хулаш, тIеххьара сийрда седкъий хинна дIаэттар.

ДуIа дIадаьлар. ДIаяхар ха. Бешлоам-Керта тIа деррига дIатийр, ше хиннача бесса дIаэттар.

Низ болча Ткъагара эрдзи жаи дахьарах Куркъа зIанарашца чхарах вийхка бIаьши эзараши шераш дIадахар.

Дукхаза Іана тІехьа бІаьсти ихар, ахкан тІехьа дукхаза гуйре ихар. Іалаьмате даьржар дунен тІа эрдзи жаи. Наьха вахара хьал дика тоаделар: моцал дІаяьлар, паргІато эттар. Доккха баркал оалаш, массанена дагаухаш ва денал дола наьрт. ТІехьено тІехьенга дувц цун денал, цун хинна доакъазал.

ХІаьта Куркъа хІанз а воал зІанарашца вийхка Бешлоам-Кертах йоаллача хьагІара чу. ХІанз а ух аьрзи цун дегах зІок етта. ЦІийха лешаш да цун хьаьнала, денал дола дог. ХІанза а цунна ха деш ягІаш я къаенна Химихнана. ХІанза а моцал юаш волча Куркъийна хьалха дуъ цо цІаккха кхоачалуш доаца маькхи устагІан ности. ХІаьта нахана жа доаладаьча Куркъий ираз хиланзар устагІан ховхача дулха чам ха. Шийна хиннача таІазарах, къонгех ше яькккхарах Куркъа бехке веш, Куркъийна кхачанна лу докъденна овлаш, моладу деша догІан хий.

Бийсанна Химихнана гаьнна сигала хьеж. Цигач леп ворхІ седкъа. Царга хьежаш, ший къонгаш гу цунна. Цар къина елха йолалу из.

Цхьайолча хана чура йоал из, хьаръяьле хьовз, барт бетт, бийнаш дет Іазап озача наьрта. Цу хана лоамашкара токхамаш Іоух, цІеноши, кхаши хІалакду, аренашка бирса дарца хьувз, йоккхийча чоалпашца хьувз лоа. ХІаьта наха лов из, дукхе зе хилац цох. Цу шийлача, дарц хьувзача деношка шоай эрдза цІеношка бІайхача кхуврча юхе багІаш хул, чам бола устагІан дулх дуъ цар. Йоккхача сага эгІазал йода наькъах гоаваьнна висача сагах.

Башлоама гонахьа Дардза-нанас Іохьекхача таках дехьабала, лоам тІа бала, дІаихача дукхача шерашка дукха хиннаб денал дола нах. Лоам лорабеш ягІаш я Дардза-нана. ТІаккха боргІалах Іах из, таках дехьа ваьннар хІалакахул. Наггахьвар мара кІалхаравалац. Кхерам бессар наьха дег чу, – лоам тІа ца бувлаш, сайцар уж. Кхерам боссар совнагІа, хьалха хиннача наьртел эсалагІа хилар нах: хьалха хинна денал дІадаьлар, дегІа эшашагІа хилар. ХІанз вай санна. Химихананах кхераш, Девдаркъий-чІоже цун сийна баткха оттадир наха. Цу тІа синнелаш кхухьар.

ХІаьта Куркъа-ма хІанза а воал зІанарашца вийхка. Хьалхарча шерашка каст-каста Іокхайкар из:

– Дий нахага жаи эрдзи?

Уж долга шийна хайча, цІогІа ца тохаш тоъалча юкъа соцар. Моджи мосаши йІаьхха Іояхай цун. Ха дІайодаш, лоа мо кІайеннай уж. Башлоам тІарча лайх дІаийнай. Фоартах тессача сомача зІанаро чІоагІа лоаттаву, мІараш овлаш санна йІаьхъенна Іояхай, лоаман бердах дІаувш. Кхуврчара товнаш санна доагаш да бІаргаш. Хьогал Іувш цо. Наггахьа, дог цхьа бахьан кІаьдделча, йоккхача саго дашаш дола лоа лу цунна; хьогал чІоагІъяр мара хІама хилац цох. Іазапах цІогІа тох цо. Цунна юхе гІолла ІодоагІаш да хьеІа хьаста чура хий. Из мала ІотІаверзашшехьа, шовда юстараэккх.

Іазап ла ца могаш денош доагІа. Узам беш, бІаргех дІайха хиш ухаш лат из. Уж хиш шовдашца аренга духдувла. Наха пайдане дола дарбан хиш да уж.

Цхьалха-цхьаь висав Куркъа. Дуне мел латт наьха духьа Іазап увзаш хургва из. Цо шоашта даь дика наха цІаккха дицлургдац.

– Хьайла, фу адамаш хиннад хьалха! – оал гІалгІай боккхача наха, тІаккха тІатох, – цудухьа наха дукха беза наьрташ.

СЕМЬ СЫНОВЕЙ ВЬЮГИ [1]
(Ингушское предание)

Это было в те незапамятные времена, как рассказывают старики-ингуши, когда землю населяли нарты, сотворенные всесильным Тга [2], после того, как он сотворил лучшее украшение Вселенной – снежного великана Бешлам-Корт [3]. Нарты были могущественные и сильные люди-великаны, которых Тга поселил у подножия горы в тесной долине, по ложбине которой протекала бурная река.

Сначала в небольшом селении было немного людей – пара нартов, от которых впоследствии разошлось по долине и соседним черным горам многочисленное потомтсво. И чем больше проходило времени, тем больше людей оказалось на земле и тем больше аулов появилось у подножия гор.

Великаны-богатыри славились неслыханным мужеством, храбростью и гордостью, особенно отличались этими качествами предки нартов, сотворенных всесильным Тга, которые поселились у Бешлом-Корта. Они не признавали соседних племен, давно уже утерявших с ними первоначальную связь, и проводили жизнь в набегах, грабежах и разбоях. В особенности они были беспощадны к нартам-людоедам и вели с ними никогда не прекращавшуюся войну, часто побеждая их вследствие своей природной хитрости и ума [4].

Естественно, кого они еще боялись, – это великого нарта Тга, их творца и повелителя. Ежедневно приносили ему к подножию горы в жертву по одному нарту-людоеду из числа тех, которых забирали в плен во время набегов. Когда же случалось, что пленных не оказывалось и приносить в жертву ненасытному Тга было некого, они бросали между собой жребий и закалывали на алтаре того, кто вытягивал жребий.

Животных на земле не было, так как Тга, населив нартами подножие Бешлам-Корта, держал у себя стада баранов, предоставив созданным им людям питаться, чем им будет угодно. Вот почему они и питались разными травами и кореньями, отыскиваемыми ими в долине. Их враги, нарты-людоеды, не довольствовались такой скромной пищей и стали поедать друг друга, но нарты Бешлоам-Корта рассудили, что если и они последуют примеру своих соседей, то вскоре весь род их должен будет прекратиться, так как есть уже будет некого.

Однако трава и коренья не могли удовлетворить их вечного голода, и понемногу они стали роптать на Тга. В особенности плохо им приходилось зимою, когда начинали дуть холодные ветра, растительность вымирала и трава, заготовленная впрок, подходила к концу. В эту суровую зимнюю пору всесильный Тга ревниво прятал около себя солнце, чтобы оно сильнее грело его самого, и окутывал его толстыми облаками, чтобы оно не посылало тепло на землю. Словом, создав людей и населив ими землю, он перестал заботиться о них и предоставил их собственной участи, вероятно, решив заняться созданием кого-нибудь другого, более интересным делом.

Жилось нартам плохо и оттого, что они должны были ютиться в пещерах, спать на голых камнях и не имели возможности укрыться от непогоды и ветров. И когда Великий Тга в припадке веселья хохотал, сидя на своих облаках и греясь у солнца, как у хорошей печки, то от его хохота сотрясались горы и каменные обвалы сваливались на землю и побивали многое множество людей. А когда он вздыхал от какого-нибудь неудачного дела, то вздох его доходил до земли в виде ужасного холодного ветра, от которого нарты не знали куда укрыться, так как пещеры были открыты с наружной стороны. Ну а когда Тга принимался в припадке злобы плакать, то слезы его падали на землю целыми потоками дождя, и нартам опять-таки приходилось плохо. Но хуже всего было тогда, когда Тга принимался ссориться с женой, со старухой Химехнинен[5]. Тогда поднималась буря, ветер со страшными порывами проносился над землею, вода в реке бурлила и выступала из берегов, снег валил хлопьями и обвал за обвалом сыпался на несчастные головы нартов.

И они начали роптать.

Отношения между ними и Великим Тга совсем испортились. Они знали, по отдаленному преданию, что живет он в хижине из тростника, спит на толстых мягких облаках, ест досыта барашков и греется до пота у солнца.

Но ропот не приводил ни к чему. Нарты все-таки продолжали зябнуть и голодать. – И если со злости придумывали лишить Тга человеческой жертвы, то им это никогда не проходило даром: Тга посылал на них обвалы и вьюги, которые уносили вырванные с корнем травы; и еще посылал на них мор, от которого нарты умирали и ослабевали так, что людоеды их легко побеждали и поедали целыми толпами.

У самого подножия Бешлоам-Корта в глубокой и обширной пещере жил седовласый и длиннобородый нарт Созруко[6] со своим сыном Курюко. Сколько времени жил старик на земле, он не помнил, не помнил себя и молодым, да и все, кто знал его, знали уже стариком.

Иногда собирались к нему в пещеру другие нарты, и тогда старик и начинал им рассказывать о величии Тга, о его жизни и

могуществе. И все внимали ему благоговейно, уставая бороды в землю и поникнув головами. Созруко и сам не знал, что говорил; порой его слова походили на бред, и тогда все думали, что устами его вещает сам великий Тга.

– Как дивны наши родные горы! – восклицал, закрыв глаза, Созруко. – Как дивны они, когда утренние облака покрывают их розовой тканью, а восходящее солнце золотит их верхушки огнем... Велик в своем творении Тга!

– Велик в своем творении Тга! – вторили хором присутствующие.

– Тихо двигаются барашки-облака, – продолжал Созруко, – по длинной цепи гор, с любопытством заглядывая в ущелья и долины, в пещеры и пропасти. Кое-где из этого стада облаков выглянет красный утес, покажется верхушка черной горы. Утренний ветерок поднимается от ублыбки Тга, и тогда тают белые облачка. Вершина Бешлам-Корта розовеет от счастья увидеть улыбку Великого Нарта. Велик, велик и могуч в своем творении Тга!

– Велик в своем творении Тга! – опять хором подхватили присутствующие.

– Бешлоам-Корт, – продолжал старик, – верхушкой своей упирается в небо, и голова его покрыта льдом и снегом, которые никогда не тают. И эти льды сверкают на солнце, как самоцветные камни... И гора наша выше всех гор на свете... Когда Тга творил мир, он раньше всего сотворил нашу гору, чтобы устроить на вершине ее удобный шатер из тростника, в котором он обитает, наблюдая оттуда за созданной им землею. Слава Великому Тга!

– Слава, слава Великому Тга!

Старик продолжал:

– Были другие нарты, которые пытались пробраться к его вершине, и все они погибли, все погибли, даже самые отчаянные смельчаки, самые лучшие воины! Давно это было... очень давно... когда я был еще юношей... не упомню. Страшен в гневе своем Великий Тга!

– Страшен в гневе своем Великий Тга! – повторили слушатели, после чего все погрузились в благоговейное безмолвие.

Только один из нартов, молодой Курюко, внимал речам отца с насмешливой улыбкой и дерзким сомнением.

Давно уже сердился он на Великого Тга и не мог простить его равнодушие к созданным им самим нартам. Он, как и все, терпел голод и непогоду, но в то время, как все молчали, он громко роптал и проклинал свою участь. У него было доброе сердце, и ему жаль было этих сильных, но беспомощных людей-великанов, лишенных самого необходимого на земле. Он понял, что если бы Тга, сотворив их, дал им стада баранов и тростник, то они жили бы счастливо, занимаясь скотоводством; людоеды-нарты прекратили бы свое гнусное ремесло, потому что им не к чему было бы питаться людьми, и все набеги, разбои, распри и ссоры кончились бы на

земле. Да и вместо умилостивительных жертв людьми можно было бы приносить в жертву баранов.

И вот Курюко вздумал перехитрить Великого Тга и доставить людям счастье.

Но он долго откладывал исполнение задуманного плана, долго не решался на него. Он думал жертвоприношениями и мольбами умилостивить Великого Тга. Но Тга оставался глух к его мольбам, потому что жил в тепле и сытости; а еще в те времена было известно, что сытость служит помехой к пониманию голода.

Однажды, после славословия Созруко, сын его отправился в пещеру и заколол в ней пленного нарта-людоеда. Затем он взвалил его на костер и зажег под ним сухие корни низкорослых деревьев, принеся людоеда в жертву Тга.

Курюко горячо молился во время этого жертвоприношения. Так горячо молился, как никогда. Он тут же растянулся на голом камне в пещере, заснув глубоким сном. Проснувшись утром, он думал найти у входа в свою пещеру стадо баранов, но ничего не нашел. Тогда он отправился к реке, рассчитывая увидеть на ее берегах лес тростника. Но и этого не было.

Курюко страшно разгневался. Он знал, что нарт-людоед был последним в их пещерном ауле и что, следовательно, сегодня необходимо будет принести в жертву кого-нибудь из своих. А он надеялся, что это не придется делать, что молитва его будет наконец услышана Всесильным Тга.

Тогда он возроптал. Он почувствовал в себе необычайную силу и великое мужество. Если бы ему предстояло теперь сражаться в рукопашную с самим Тга, он и этого не испугался бы.

Вечером, когда нарты собрались к пещере Созруко, чтобы бросить жребий, кому из них быть заколотым и сожженным, Курюко обратился к ним с торжественной речью:

– Братья нарты! – сказал он им. – Великий Тга, о котором так много говорит всегда отец Созруко, забыл нас. Мы голодаем и бедствуем и принуждены убивать друг друга, чтобы удовлетворить ненасытного Тга. У него стада баранов, у него хижина из тростника. Разве не мог бы он бросить нам пару баранов и несколько стеблей тростника? Мы бы сумели расплодить баранов и развести тростник. Мы бы тогда жили счастливо. Вражда, убийства и распри прекратились бы между нами... И мы приносили бы ему в жертву баранов, а не нартов. Но Тга слеп и глух. Он не видит наших невзгод и не слышит наших горячих молений...

В это время раздался сильный глухой удар грома, и у самой пещеры Созруко упал обвал, который чуть-чуть не раздавил смелого Курюко. Курюко разразился проклятиями и вовремя отскочил в сторону.

Из пещеры вышел старый Созруко и, воздев руки к небу, заговорил:

– Приветствую вас, собравшиеся здесь нарты! Сегодня мы не приносили жертву Великому Тга, и он справедливо гневается на нас. Вернулись ли наши воины?

– Да! – ответил кто-то.

– Привели ли они нарта-людоеда?

– Нет! – послышался ответ.

– Тогда приступим к метанию жребия. Кто-нибудь из нас должен быть принесен в жертву. Вы слышите, как гремит гром, как дрожат горы? Великий Тга гневается, что мы забыли о нем.

– А не он забыл о нас? – воскликнул Курюко.

Старик укоризненно посмотрел на сына.

– Молчи! – строго сказал он. – Не призывай на нас страшного гнева Великого Нарта!

– Я не боюсь его.

– Смотри, он первого накажет тебя.

Курюко дерзко улыбнулся, но промолчал.

Тогда начали бросать жребий.

Нарты уселись широким кругом около отверстия в пещеру старика, а один из них – на скалу, выдававшуюся в виде навеса над входом в пещеру. Там он обернулся спиной к нартам и бросил через плечо камень вниз.

Камень упал как раз у ног Курюко.

– Курюко намечен! – сказал старик-нарт с глубокой печалью. – Я говорил тебе. Тга накажет тебя! Прощай, сын мой! Никогда, никогда больше не увидят тебя глаза мои и уши мои не услышат твоего голоса. Да будет славно имя Великого Тга!

– Да будет славно имя Великого Тга! – повторили нарты.

Гром перестал греметь, небо сделалось ясным. Жертва была угодна Тга.

– Теперь ступайте готовить костер, – сказал Созруко и в великой печали удалился в пещеру.

– Я пойду, принесу старых сухих кореньев для своего костра, – сказал смиренным голосом Курюко, – у меня их много в пещере.

И прежде чем ему успели ответить, он исчез из виду.

Курюко спустился к реке и скрылся в пещере, ему одному известной. Он боялся преследования и погони. Он досидел в укромном местечке до глубокой ночи.

– А! – злобно шептал он. – Ты избрал меня своей жертвой!.. Ты хотел, чтобы эти трусливые перед твоим могуществом глупцы сожгли меня в угоду тебе! Меня, единственного между ними, который осмелился роптать на тебя! И что же ты хотел показать этим? Только одно: ты боишься меня! Боишься – и потому хочешь уничтожить! Берегись! Я не боюсь тебя и вступлю с тобой в борьбу!

Он услышал невдалеке от своего убежища голоса. Это нарты искали его. Они удивлялись его побегу. Никто еще никогда с тех пор, как существовали нарты, не уклонялся от жребия быть прине-

сенным в жертву Тга. Поэтому они поверили ему, когда он заявил, что идет за корнями и отпустили его.

Он долго просидел еще в своем убежище, пока всё вокруг не успокоилось, и пещерный аул не уснул мертвым сном.

Небо заволокло тучами. Собиралась гроза.

Великий Тга готовился наказать непокорных нартов.

Ветер свистел и гудел с такой силой, что камни с шумом отрывались от гор и скатывались в долину. Небо было почти черное, река бушевала, бурлила, клокотала. Даже Курюко почувствовал что-то вроде страха в своей душе. Но он быстро с этим справился и вышел из своего убежища.

Узкое ущелье расширялось по мере того, как Курюко приближался к подножию горы, и вместе с тем долина реки поднималась все выше и выше, подходя к отрогам величественной вершины, покрытой вечными снегами и льдами.

Он взглянул вниз, в долину. Угрюмо и неприветливо было внизу: по голым скалам ползла жалкая, чахлая и низкорослая растительность – вереск, колючка и серые мхи. Река глубоко, на дне долины, все еще бурлила и клокотала, роясь по каменистому дну.

Но еще угрюмее и неприветливее было там, наверху, где растительности почти не было, где скалы были обнажены даже от мхов, и где начинались унылые, безнадежные снеговые поля и вечные льды. И все вокруг мертво и уныло, безмолвно и дико, и черные скалы, торчавшие из-под белого снега, казалось, тосковали о чем-то.

Курюко поднимался все выше и выше. Ноги его были уже изранены об острые камни, но жажда мести все еще поддерживала его, и он не замечал усталости. Бодро шагал он, карабкаясь по скалам, цепляясь руками за острые выступы их и изранив себе, кроме ног, еще и руки. Когда он добрался до вечных снегов, то остановился в изумлении.

На остром выступе скалы он увидел серебристого хищного луня, который ворочал желтыми глазами и тупо созерцал окрестность. Над головой Курюко пролетел огромный орел, шумно взмахнув крыльями. Молодой нарт никогда не видел таких птиц, и ему подумалось: уж не дошел ли он до жилья Тга и не эти ли странные существа именно те бараны, о которых он так давно мечтал, и похитить которых он так смело собрался. Но орел пролетел, и серебристый лунь скрылся с его глаз. Тогда он вспомнил о том, что старые люди рассказывали ему, когда он был еще мальчиком, в его родном пещерном ауле.

Они говорили, что кроме них, обыкновенных людей-нартов, Великий Тга ранее создал необыкновенных одноглазых великанов и поселил их между собою и людьми. Тга, очевидно, по ошибке создал их слишком сильными и слегла побаивался их. Но когда создал, то было уже поздно, и он поспешил отдать в их пользование несколь-

ко животных из своих многочисленных стад. Чтобы поправить ошибку, он сотворил обыкновенных нартов и в отместку за свою оплошность, а также из жадности лишил их всего и предоставил судьбе, требуя от них однако же непосильных жертв.

В скалах, между снегами и дном долины, приютились несколько аулов одноглазых нартов. Сакли их с плоскими крышами, покрытыми землею и камнями, прилепились к самым скалам.

Курюко с удивлением оглядывал местность. Он не подозревал, что, кроме нижних нартов, на свете существуют еще нарты верхние, которые ближе к Тга, чем сородичи Курюко.

У порога одной сакли он увидел одноглазого нарта. Растянувшегося на земле и крепко спавшего, так как его единственный глаз был закрыт. Нарт грузным, огромным телом загородил ему дорогу, и Курюко должен был перешагнуть через него, чтобы получить возможность идти дальше.

Нарт приоткрыл глаз и взглянул на него.

Было уже темно, но луна показалась на темном своде неба и освещала местность бледным светом.

– Кто ты? – спросил юношу одноглазый нарт.

– Я нарт из долины, – смело ответил Курюко.

– Что ты пришел здесь делать?

– Я иду к Великому Тга.

– Зачем?

– Это уж мое дело.

– А твое, так ступай и не мешай мне спать! Я сегодня охотился за ланью и устал!

«У вас есть за кем охотиться, – подумал Курюко с завистью, – а у нас, кроме травы да кореньев, ничего нет».

Но громко он не сказал этого, а только спросил:

– А где живет Тга? Укажи мне дорогу.

– Не мешай мне спать! – проревел великан. – Иди все прямо. Вон там, впереди, белеет ледяное поле... Там живут семь сыновей Великого Нарта, семь юношей. Они тебе укажут дорогу... А если ты сейчас же не уйдешь, я тебя сброшу вниз, туда откуда ты явился!

Курюко поспешил удалиться.

Действительно, вскоре он достиг царства семи сыновей Тга. Темно и холодно было в этом царстве.

Бесконечные поля, покрытые пеленою белого снега, раскинулись далеко вокруг. Серые туманы, где сплошь, где обрывками, заволакивали небосклон. Стонали ветры, бураны и метели, и вихри неслись по безлюдным полям: визг и вой их леденили душу отважного нарта.

Печаль царила в этих суровых полях.

Курюко все шел вперед, не замечая того, как ноги его леденели от холода, не чувствуя ни усталости, ни желания отдыха и покоя.

Он был полон одной мечтой: добраться до цели предпринятого им путешествия. Жажда мести не только не утихала в нем, а разгоралась все больше и больше.

И чем дальше он уходил от родных мест, тем больше росло в нем чувство жалости к тем своим обездоленным сородичам, которые ради алчности и злобы Великого Тга обречены были на вечный голод.

Но что это?.. Перед ним одна за одной на снежных полях выросли семь огромных теней, которые закрыли собою полнеба. Они взялись за руки и загородили путь Курюко.

– Кто вы? – в страхе спросил он.

И вдруг поднялся сильный ветер, засвистел ураган, вздымая с полей белоснежную пыль и засыпая ею глаза Курюко.

Это тени-великаны смеялись, и смех их производил снежную метель.

– Он спрашивает, кто мы?! – услыхал юноша их голоса, показавшиеся ему ревом бури. – Ты кто? Скажи нам кто ты?

– Я нарт... нижний нарт... Курюко! – силился он перекричать свист и вой бури. Он вдруг пришел в ярость и крикнул, что было сил, теням. – Если вы хотите слышать, кто я, не делайте такого проклятого ветра! Пусть говорит кто-нибудь один из вас!

Тени расслышали наконец его голос и замолчали. Буря разом стихла.

Один из них, сделав другим знак молчать, заговорил с Курюко. Тогда он почувствовал, как холодный, но не очень сильный ветер стал обдувать его.

– Ты нарт из долины? – говорил голос. – Как же ты попал в наше снежное царство?

– Так вот, пришел...

– Сюда не забирался еще ни один нарт! – говорила тень.

– А я вот забрался.

– Зачем же ты пришел к нам?

– Я не к вам вовсе пришел. Я вас не знаю, кто вы...

– Мы сыновья Великого Тга.

– Вот к нему-то я и пробираюсь. Укажите мне дорогу. Где он живет?

И вдруг опять поднялся великий снежный вихрь.

Все семеро принялись хохотать.

– Указать тебе дорогу? – проговорил, нахохотавшись, тот же великан, который говорил с ним раньше. – Хитрую вещь задумал ты, бедный нарт! Ты хочешь знать, где живет Великий Тга?

– Ну да!

– Над этими полями, выше высоких утесов и гор, выше ходячих туманов царит старый дух – Могущественный Тга. Его страшным именем названы и горы, и долины по всей окрестной местности. Лица его никто никогда не видел. Но вид его страшен и мрачен,

как говорит наша мать Химихнинен, царица здешних мест и мать здешних вьюг. Грива у него косматая, взоры – как молнии. И не миновать тому лютой смерти, кто осмелился бы взглянуть ему в очи. А ты хочешь идти к нему!.. Он живет одиноким, угрюмым отшельником. Зачем ты хочешь идти к грозному Тга, бедный нарт?

– Я хочу похитить у него пару баранов и тростник.

Эти слова были так неожиданны и дерзки, что сыновья Тга уже не смеялись.

– Тише! – сказал тот великан, который говорил с Курюко все время. – Он может тебя услышать.

– Он спит теперь, – проговорил другой, – а когда он спит, то ничего не слышит. Зачем тебе его бараны и тростник?

– Он создал нас, бедных нартов, – ответил Курюко, – и населил нами землю. Но он лишил нас пищи и крова. Часть из них питается кореньями и травами, а другая часть пожирает друг друга. Я хочу водворить мир и довольство на земле.

– Великий Тга вещал нам сегодня сквозь вихрь бурь, что он прогневался на некоторых нартов и что завтра, когда он выспится, нашлет на вас страшный мор.

– За что?

– За то, что вы не принесли ему сегодня обычной жертвы и он не мог обонять дыма этой жертвы. Отчего вы лишили его обычной дани?

– Это меня должны были принести в жертву. Но я скрылся и вот пришел сюда. Но... отчего вы не живете вместе с отцом и бродите по этим унылым полям?

– Тга прогнал нас с вершины вместе с нашей матерью Химихнинен и определили нам это царство льдов и снегов, где почти никогда не видать солнца, тогда как там, на вершине, в царстве Великого Тга, оно сияет, как огромный костер, и согревает его.

– За что же он прогнал вас?

– За то, что мы очень легкомысленны. Мы носились по вершине с одного конца на другой, резвились, смеялись и хохотали... Это мешало ему. Каждое наше движение производило ветер, который леденил отца, и каждый наш смех вызывал снежную бурю... Вот он и прогнал нас сюда и отослал от себя Химехнинен, мать вьюг. Мы все недовольны им так же, как и ты!

– Значит, вы мне поможете похитить тростник и баранов?

Семеро сыновей Тга стали советоваться между собою, и Курюко слышал легкое дуновение ветерка.

Потом все тот же великан обратился к нему:

– Хорошо, – сказал он с обычным своим легкомыслием, – мы согласны. Только что дашь ты нам за это?

Курюко долго думал, но ничего придумать не смог.

– Что у вас есть на земле?

– Есть трава, корни низкорослых деревьев и камни.

– Нам ничего этого не нужно.

– Есть у нас скалы и река.
– И это нам не подходит.
– Есть еще огонь.
– Это наш природный враг. От него мы растаем и погибнем.
– Есть болезни и смерть.
– Болезни и смерть? – повторил великан. – Это что же такое?
И когда Курюко объяснил ему, он сказал:
– Ну, это еще хуже огня! От смерти ведь тоже погибают, как и от огня! Нет, это нам не подходит.
– Больше у нас ничего нет.
– Ну, так и мы не можем доставить тебе баранов и тростник.
Курюко задумался.
– Стойте! – крикнул он что было у него сил. – Есть еще!
– Что же? Такое же все негодное, как то, что ты называл? Коренья да камни?
– Не знаю. У нас есть еще молодые девушки-нартки.
– А! – радостно воскликнул великан. – Это такие люди без усов и бород? Я видел одну такую, когда спускался однажды до границы нашего царства. Она мне очень понравилась.
– Ты, верно, видел одноглазых девушек... У нас они лучше. У них по два глаза.
– И ты подаришь нам по такой девушке?
– Да.
Великаны опять пошептались между собой.
– Ну, – сказал опять тот, который все время говорил с Курюко, – мы согласны! Идем же, пока старик спит. Ступай за нами.
Они пошли вперед, взметая тучи снежной пыли. Курюко последовал за ними. Снег слепил ему глаза, забирался в рукава, леденил его. Зубы его стучали друг о дружку, и холод захватывал его дыхание. Но он все шел, еле поспевая за легкомысленными братьями.
Шли они долго, так долго, что Курюко не мог уже сообразить времени. И вот наконец ледяные поля кончились.
Взору Курюко открылась дивная картина. На самой верхушке, обнаженной от льда и снега, стоял трон, окутанный облаками. Сверху, с голубого неба, сияло горячее солнце, очевидно, никогда не заходившее, а по глубоким полям неба гуляли стада белых и серых барашков, и их было так много, что у Курюко не хватило уменья сосчитать их и закружилась голова от того, что он все время держал ее поднятой кверху. Вокруг трона росли целые леса великолепного тростника, а неподалеку от трона виднелась тростниковая хижина, из отверстия плоской крыши которой взвивался к небу синий дымок и пахло так вкусно жареным мясом, что Курюко почувствовал страшный голод.
Семь великанов остановились. Они сделались теперь меньше и шатались от слабости, как настоящие тени.
– Смотри, – прошептал один из них, и Курюко еле расслышал его голос, – вот он сидит, Тга, закрытый туманами и закутанный

белым саваном. Он тихо дремлет, тоскуя в одиночестве. А там, в хижине, ему готовится пища.

– А как же достать барашков? – спросил нетерпеливо Курюко. – А как же вырвать тростник?

– Тростник около тебя. Если у тебя хватит сил, вырви его. Мы не сможем этого сделать: мы очень слабы. Солнце – наш лютый враг. Если мы еще долго пробудем здесь, то вовсе растаем. Спеши, чтобы нам можно было уйти!

Курюко торопливо вырвал с корнем тростник, раскачал его над головой и бросил вниз на землю.

В это время барашки низко спустились с неба и бежали по самой верхушке горы. Два барашка точно играли друг с другом, перегоняя один другого.

– Лови! – слабеющим голосом сказал один из семерых сыновей Тга.

Курюко расставил руки и поймал обоих барашков. Сначала они казались ему легкими и мягкими, как облачко, но потом он ощутил под их завитой, блестящей и шелковистой шерстью мясо и кости. Да, да, это были настоящие, живые барашки! Он взял по одному в каждую руку, сильно раскачал их над головой и бросил вниз, в родной аул.

– Они убьются! – с горестью сказал он, а сыновья Тга стали из всей мочи дуть, чтобы поддержать барашков и не дать им разбиться о землю. Но дыхание ослабевало все больше и больше у семи молодцов.

Тем не менее, барашки закружились в воздухе и плавно стали опускаться на землю.

Но тут произошло нечто ужасное. Старый Тга проснулся. Облака вокруг трона рассеялись, и Великий нарт выглянул из них. Лицо его было так страшно, что Курюко упал ниц и перестал дышать. Ему показалось, что он умер.

И вдруг поднялся страшный ураган; небо стразу потемнело, солнце померкло, его заволокли густые тучи; целые груды обломков камней и скал стали срываться с окрестных вершин. В сознании Курюко промелькнула мысль, что теперь засыпаны каменными завалами пути и селения на его родине. Гора дрожала так, что Курюко качало из стороны в сторону. Тга нагнулся над выступом скалы, тучи и туманы рассеялись, и он увидел внизу, на земле, ствол тростника, воткнутый в землю, и двух барашков, пасущихся на полянке. Тогда гневу его, казалось, не было предела.

– Обокрали! – закричал он, и все вокруг задрожало от ужаса. – Теперь будет расти тростник на земле и не будут мне больше приносить умилостивительных жертв, они забудут меня! Страшная кара, неслыханная кара ждет дерзких похитителей! Слушайте суд Великого Тга.

Великий нарт Тка (Ткъа) – владыка всех нартов, горы Казбек и ее окрестностей (с картины Х-А. Имагожева)

Он еще долго кричал, и семь сыновей его становились все слабее, слабее и меньше, а Курюко все еще бросало из стороны в сторону, и он еще не мог отделаться от дрожи.

Наконец Тга крикнул:

– Приди сюда, Химехнинен, коварная жена моя, родившая мне семь изменников-сыновей!

И тотчас же после этих слов что-то пронеслось по воздуху, и вьюга сделалась такою, что Курюко показалось, будто наступает конец мира.

– Слушай суд Великого Тга! – повторил громовым голосом Великий нарт и смирил вьюгу.

Мать вьюг трепетно склонилась перед страшным властителем горы.

– Отныне дерзкий нарт, осмелившийся похитить у меня барашков и тростник, будет прикован в царстве одноглазых великанов в пещере. Он будет до тех пор прикован к скале, пока у людей не переведутся барашки и не иссохнет весь тростник. И никогда у людей не переведутся барашки и не иссохнет тростник. И всегда, на веки веков дерзкий нарт будет томиться в пещере. Горный орел будет ежедневно прилетать к нему и терзать клювом своим его сердце. А ты, мать вьюг, царица Химехнинен [7], будешь сторожить его. У тебя будет гореть на снегу неугасимый огонь. Будет у тебя и неистощимый хлеб, и неистощимая нога барашка. И после каждой твоей трапезы хлеб и барашек окажутся на том же месте. Ты начертишь вокруг пещеры волшебный круг, которого нельзя будет перешагнуть ни одному смертному. Каждый смельчак, который покусится на это, будет сброшен твоим дуновением в пропасть, и ты его завалишь ледяным обвалом, Мать вьюг! Вот тебе наказание за то, что родила мне семь легкомысленных изменников. Так говорит и судит Великий Тга.

Мать вьюг вздохнула, и Курюко был унесен вихрем в пещеру.

Тогда Тга вещал сыновьям:

– Вас, легкомысленные сыновья, я буду судить строгим судом. Дерзкий нарт, похитивший мое добро, думал о земном и хотел осчастливить родичей. За это он будет прикован к земле, к твердой скале, на вечные времена. Небо, в котором вы рождены, наскучило вам, я прикую вас к небу на веки веков. Вы будете украшать собою темное небо, все семь неразлучно, чтобы вам не было скучно... Вы будете блистать звездами и с недосягаемых высот смотреть на эту жалкую землю!.. И назовут вас люди Дердза-Куангидж (Вьюгины Сыновья)... [8]

И, сказав это, он повелел Богине Вьюг, старухе Химехнинен, вызвать великую бурю. Все семь сыновей ее были подняты на воздух, и по мере того, как они удалялись от земли, они становились все меньше и меньше и казались уже светлыми звездочками.

Буря давно уже стихла, и все пришло в обычный порядок на вершине Бешлам-Корта.

Многое множество веков прошло после того, как нарт Курюко похитил у Великого Тга тростник и барашков и был за это прикован к острой скале.

Многое множество раз сменялись зима летом и осень весною. Много на земле развелось барашков и тростника. И люди стали жить в полном довольствии, сытости и приволье. И все с глубокой благодарностью вспоминают до сих пор отважного нарта и из поколения в поколение передают повесть об его подвиге и гибели.

И только Курюко и до сих пор еще прикован к угрюмой скале Бешлам-Корта, и до сих пор ежедневно прилетает к нему горный орел и терзает его великодушное, храброе сердце. И до сих пор сторожит его старуха Химихнинен и ест перед его утомленными глазами неистощимый хлеб и неистощимую баранью ногу. А ему, похитившему баранов, так и не удалось попробовать этой вкусной пищи. Старуха, озлобленная на него за наказание, которое ей приходится нести из-за него, и за потерю своих сыновей, кормит его сухими кореньями и поит снежной водой.

По ночам Мать вьюг глядит на далекое небо, с него светят ей семь звезд, которые были когда-то ей сыновьями, и горько плачет она об их неволе. Иногда она выходит из себя, неистовствует, бранится и бьет беспомощного нарта. И тогда сыплются на людей завалы, грозно воет в долине буря, огромными густыми хлопьями падает снег. Но все это очень редко приносит людям несчастье. Они греются в такие дни в своих тростниковых домиках у огня-очага и едят вкусных барашков. Разве путник какой не успеет вовремя укрыться от непогоды и делается жертвой злой старухи.

Много дерзких людей за минувшие века пытались пробраться за волшебную черту Бешлам-Корта, охраняемую Богиней Вьюг. Но все они, испуганные петушиным криком, которым их пугала старуха, бежали назад, если каким-нибудь чудом спасались от гибели. И тогда люди пришли наконец к убеждению, что нужно смириться, тем более, что нарты из поколения в поколение делались мельче и слабее, пока не выродились в обыкновенных людей. И эти обыкновенные люди признали власть Химихнинен и поставили ей в Девдоракском ущелье жертвенник, на котором и приносят ей умилостивительные жертвы.

Но Курюко все еще прикован к скале. Он часто в первое время кричал на землю:

– Есть ли у людей барашки и тростник?

И убеждаясь, что есть и то и другое, надолго умолкал. Он оброс волосами и бородой, и сделались они белыми, как те снежные поляны, которые его окружали. Толстая цепь удерживает его за шею у скалы; ногти его отросли в виде могучих корней и слились

с кряжами горы; глаза его горят, как каленые угли. Жажда мучит его: старуха редко-редко, в особенно добрые минуты, дает ему талого снега, который не утоляет жажды, а только раздражает ее. И он кричит от этой мучительной жажды. Близ него журчит горный ключ с прозрачной, как кристалл, водой. Но только несчастный нагнется к ключу, как тот быстро от него убегает.

Бывают минуты, когда Курюко не в силах перенести мучения тихо стонет, и горячие слезы капают из его глаз. Эти слезы сбегаются в долины и образуют целительные горячие ручьи, приносящие большую пользу людям.

Одинокий страдалец вечно будет страдать за свой смелый подвиг, а люди вечно будут благоденствовать.

Вот какие люди, рассказывают старики-ингуши, жили когда-то на свете, и вот почему нартских людей все любят.

---

[1] Записал В. Я. Светлов. ГIалгIай меттала таржам даьд.

Опубликовано: *Светлов В. Я.* Сочинения. СПб., 1910. Т. 2. С. 198–214; МЛВ с. 150; Аиф. Т. 4. С. 80–107.

Текст, видимо, записан в ингушском ауле Гвилети, находящемся у самой горы Казбек. Его жители освоили восхождение на эту гору: первым на нее когда-то поднялся житель аула Соси; на склоне горы жителями было построено святилище в честь грозной богини вьюг Дардза-нане и служившее временным убежищем при восхождении на Казбек, если вдруг устанавливалась неблагоприятная погода; жители аула славились как первоклассные проводники альпинистов и разных любителей путешествий на вершину горы.

Сюжетные детали этого ингушского сказания перекликаются с кабардинскими сказаниями «Прикованный старик», «Месть Тха» (см.: Кабардинский фольклор. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 105, 106).

[2] *Тга* – так В. Светлов назвал верховного бога, «обитающего» на горе Казбек. Имя бога произносится Ткъа, но так как в русской фонетике нет фонемы «къ», В. Светлову пришлось передать ее через фонему «г». В этом произведении имеется некая литературная обработка, но исконная сюжетная канва народного текста в записи В. Светлова сохранена, о чем свидетельствуют имена богов, название созвездия Большая Медведица и пр.

На основе сюжета этого фольклорного произведения писатель С. Чахкиев написал драматическую поэму «Чаша слез», в которой богом – владыкой Казбека – назван бог грома, молнии, погоды Села. На самом деле никогда этот бог не соотносился с этой горою: поскольку у Селы есть своя гора – Цай-лам. Однако для литературного произведения такая вольность в перемещении бога с горы на гору допустима. Также вслед за С. Чахкиевым было создано литературное произведение под надуманным именем главного героя (Пхармат) А. Сулеймановым, который, следуя «Чаше слез», на горе Казбек также поместил бога Селу.

[3] *Казбек-гора* (примеч. В. Светлова).

[4] В тексте нарты делятся на положительных и отрицательных. Такая дуальность типична для легенд и других фольклорных произведений.

[5] *Химехнинен* – в буквальном переводе с ингушского «Мать воды и ветра». Такое название в народе встречается редко: обычно называют раздельно – «Мать вод» и «Мать ветра». Как правило, с горою Казбек связываются две матери: по низу горы – «Мехка нана» (Мать страны, или – земли), с вершиной горы – «Дардза нана» (Мать вьюг). Функции всех этих Великих матерей В. Светловым спутаны. Но то, что эти Матери ему были известны, говорит в пользу того, что В. Светлов в общем был знаком с ингушской мифологией. Вместо Химиха-наны в тексте должна была быть Дардза-нана – Мать вьюг. Об этом невольно свидетельствует и сам В. Светлов – ведь он озаглавил этот текст «Сыновья вьюги», а в самом тексте пишет, что Казбек охраняет Богиня вьюг.

[6] *Нарт Созруко* – В. Светлов имя старейшины нартов, Созруко, позаимствовал из фольклора адыгов. В ингушском нартском эпосе это Соска Солса, которого никогда не называют Созруко.

[7] Тут В. Светлов **Мать вьюг** назвал именем Химихнинен, что не соответствует действительности. У ингушей богини вьюги, ветра, воды существовали раздельно и самостоятельно.

[8] Так ингуши называют созвездие Большой Медведицы (примеч. В. Светлова).

* * *

4. ДАРДЗА-НАЬНИЛГ

Дардза-наьний ворхI воI хиннав, йоах. Сигала хьалбаха, седкъий хиннад царех. Цу ворхI седкъах оалаш да «Дардза-къонгаш». Дардза-наьнилг Башлоам-Керта тIа ягIаш я. Цун кхуврча улл массе хана йоагаш, яьга ца йоалаш, кхо хена гудирг. Мелла цо даарах, кхоача ца луш, маькха олги устагIан кхехкадаь гIогIи да цунга. Иштта ягIаш я из, ший къонгий бала хьогаш.

Башлоама гонахьа боккха, цхьа тамашийна го баьб, лайна тIагIолла Iохьокхаш, цу Дардза-наьнилгас. Цу гонах ког дехьа баккха вухьаш саг вац. Дехьаваьннар Дардза-наьнилгас ахка вохийт, лай токхам IотIа а тох, оалаш да. Дардза-наьнилг бIаргаейна саг вац. Цо тохаш дола цIогIа хеза-м ба. Из цIогIа тара да, йоах, боргIала Iахара. Башлоам тIа бала гIерташ бола нах цу цIогIанца кхерабу цо.

ДАРДЗА-НЯНИЛЬГ – МАТЬ ВЬЮГ [1]

Дардза-нянилг имела семерых сыновей, которые покинули ее и ушли на небо. Это – Большая Медведица, которая называется Дардза-къонгаш (Сыновья вьюги). Сама она сидит на снежной вершине Казбека (Башлоам-корт). У нее постоянно горят три полена дров. Она имеет неистощимый хлеб и такую же вареную ляжку барана; съеденное богиней снова возобновляется. Говорят, что богиня начертала на снежном конусе Казбека волшебный круг,

через который ни один смертный не осмелится перешагнуть из страха, что богиня сбросит смельчака в пропасть и завалит его ледяной горой. Ее никто не видел, но многие слышали ее петушиный крик, которым она пугает людей, дерзнувших приблизиться к волшебному кругу [2].

---

[1] В 1891 году от жителя аул Фалхан, бывшего жреца при святилище Мят-Цели, Ганыжа Келигова записал Б. Долгат.

Опубликовано: *Далгат Б.* ЭО, М., 1901. № 1. С. 35–85; Указ. соч...; ГЭЧИ. С. 258; МЛВ. С. 150; Аиф. Т. 4. С. 109. ГIалгIай меттала таржам даьд.

В этом мифе отразились общие мотивы, связанные с грозной богиней Дардза-нана: созвездие Большая Медведица (Дардза-къонгаш – Сыновья вьюги) образовалось из ее сыновей; она обитает на горе Казбек; у нее имеется неиссякаемая пища; она начертала на вершине горы круг, через который, под страхом смерти, человек не имеет права переступить и т. д.

[2] Мотив пугания Дардза-наной своим петушиным криком людей, дерзнувших подняться высоко в горы, видимо, порожден слуховыми галлюцинациями, которые испытывает человек вследствие разряженности воздуха.

* * *

5. ХIАНА КАД ДАРДЗА-НАНА

Дала дуне кхоллача хана кхелла хиннаб Башлоам-Корта. Цу лоама тIа ший вахар диллад Дардза-нанас. Нийсвенна ворхI воI хьалкхийнав цун. Аьннад цар наьнага:

– Сигала хьалдаха доахк тхо. Кхо пхьор дIадаьнначул тIехьагIа юха а доагIаргда тхо.

ДIадахар кхо ди. Шу дIадахар. Къонгаш цIенах кхийтанзар. ХIара денна пхьор кийчадеш ягIа Дердза-нана. Ший къонгаш цIабарга сатувс цо, уж цIабоагIаргбоацилга шийна ховшшехьа. Кадаш ягIа из:

– Кхо пхьор, кхо пхьор, кхо пхьор...

Лоам тIа улл, йоах, кIайча тхана оалхаш, Дардза-наьнилгас къаждеш дола тха да из. Дитта барзкъа улладу моттиг а хиннай цун.

ВорхI вешех ворхI седкъа хиннаб.

ПРИЧИТАНИЯ ДАРДЗА-НАНЫ

Башлам (Казбек) был сотворен тогда, когда Бог создал землю. На этой горе поселилась Дардза-нана. У нее выросли семь сыновей.

Они сказали:

– Мы пойдем на небо. Вернемся после трех ужинов.

Прошло и три дня, и год. Сыновья больше не вернулись домой.

Дардза-нана каждый день готовит ужин, ожидая своих сыновей, при этом она, зная, что они не вернутся, причитает:

– Три ужина, три ужина, три ужина [1].

На горе, рассказывают, лежат большие мотки белой шерсти, которую начесывает Дардза-нана. На Башламе, рассказывают, есть место, где она расстелила стираное белье.

Сыновья же ее превратились в семь звезд.

В 1985 году от 80-летнего жителя сел. Плиево Лукмана Ажигова записала Зарема Ажигова.
Опубликовано: МЛВ. С. 165; Аиф. Т. 4. С. 110.

[1] Здесь причитания Дардза-наны «Три ужина, три ужина, три ужина...», вероятнее всего, введены вместо петушиного крика, имеющегося в более старых записях.

* * *

6. БАШЛОАМАХ

Даьржа-наьнилг яхаш хиннай Башлоама керта тIа. БархI воI хиннав цун. Царех цаI, ший цхьа бахьан долаш, сигала хьалваха хиннав. Юхебисача вежараша лаьрхIа хиннад сигала хьалбаха а, шоай воша хьалаха а. Iо а хайша, цIаста меннад цар, тIаккха болхашшехьа Башлоам тIара нийса урагIа, сигала, хьалбаха хиннаб. Беррига къонгаш цIенах балар сов хала хеташ, Даьржа-наьнилгас Башлоам тIа Iокхесса хиннай ший шарбал.

ДIахьажал Башлоамагахьа. Цу тIа цхьа моттиг мара гуш яц хьона лоа тIа ца улаш. Цу моттигах наха оалаш да «Даьржа-наьнилга шарбал улла моттиг». Цу метте цIаккха а е лоа е ша хилац.

ХIаьта из ворхI воша хIанза а сигала лаккха лелаш а шоай воша лехаш а ва. Наха дувцачох, цу ворхI вешийна шоай воша коравоагIе, дунен тIа зама яргья.

О ГОРЕ КАЗБЕК [1]

На горе Казбек жила Дяржа-нанилг. У нее было восемь сыновей. Почему-то один из них ушел на небо. Оставшиеся семеро

братьев решили подняться туда же и разыскать своего брата. Сели они и выпили расплавленную медь, затем поднялись в небо прямо с вершины Казбека. Когда ушли сыновья, Дяржа-нанилг в знак своего горя бросила на вершину Казбека свои шаровары.

Посмотри на Казбек, и ты увидишь лишь одно место на нем, где и сейчас нет снега. Это место называется «Место, где лежали шаровары Дяржа-нанилг». На том месте никогда не бывает ни снега, ни льда.

А семеро братьев и сейчас ходят по небу и ищут своего брата. Как поговаривают люди, если они найдут его, то наступит конец света.

В 1975 году от 60-летнего жителя сел. Алкун Гойберда Евлоева записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: МЛВ. С. 164; Аиф. Т. 4. С. 111.

[1] Этот миф записан в сел. Алкун, находящемся далеко от горы Казбек. К тому же запись произведена в наше время. Эти два обстоятельства, по всей вероятности, обусловили то, что имя богини вьюг Дардза-нана упростилось в «Дяржа», а начертанный этой богиней круг (по записи Б. Далгата) здесь уже превратился в «место, где лежали шаровары Дяржа-нанилг».

Мотив распития расплавленной меди обычен для ингушских нартских сказаний, повествующих об их гибели.

* * *

7. ВОРХІ ВЕШЕХ ХИННА СЕДКЪИЙ

Гелатхоша сона дийцачох, геттар гаьнача замах нах чІоагІа харцахьа баьнна хиннаб. Цудухьа, царна бекхам бар духьа Даьлас лаьрхІа хиннад уж боабе, хила бахийта. Бакъда, царех къоаставаьв цо доккхача иманаца вола воккха саг. КъайлагІа цунга дІахайтад Даллас ше бе лаьрхІача бекхамах. Кхы а хьийхад цо цунна: воккха саги цун дезали чухошал йола цхьа йоккха яьшка хьае. Махулла сихагІа из хьаеш, денна къахьегаш, из яьшка я воккха саг воаллаш, цунна тийшар бе дагадехад шайтІана. Гоама хиннав цунна бакъ лелаш вола воккха саг. Воккха саг каст-каста хьунагІа ухаш хиларах, шайтІо дегабуам баь хиннаб. Воккхача сага къайле мишта гучайоаккхаргья-те, яхаш, уйла еш хиннад шайтІа. Кхалсага тІагІолла къайле гучаяьккха аттагІа долга ховш, шайтІа хозача куцах волча зІамигача сагах дийрзад. Хозача къамаьлашца, зудмоакалашца йоккха саг Іехаяьй цо, воккхача сага къайле гучайоаккхийташ. Къайле хейначул тІехьагІа, шайтІас вІашагІатехаб ший поал. Бийсан хьунагІа а ваха, воккхача саго баь хинна мелбола болх хІалакбаьб цар. Кхийтар воккха саг шйй баге кхаба ца харах, тийшар шийна хинналга. Даьлагара къахетам

бийхаб цо шийгара даьннача гIалатах къинтIера воалаш, болх юха а дIаболабе, аьнна, Дала новкъостал а даь, яьшка хьаяь яьлар.

ТIаккха сигале яттIаш дийлхар доккха догIа, деррига лаьтта къайладоаккхаш.

Беррига нах хила бахар, воккха саги цун дезали боацар. Яьшка чу хила гIолла лелаш дукха ха яьккхар цар, цхьаккха берд ца гуш. ЦIаьхха гаьнара гучабаьлар Бешлоам-Корта. Цунна дIатIа а лаьлла, Iобессар воккха саги цун дезали. ХIа, аьнна, лоам тIа боссашехьа, беррига кхача шийца хьош, яьшка хила яха къайлаяьлар. «Ва-а Даьла, – кхайкар воккха саг, – хих тхо лорадир Iа! ХIанз моцалах ма далийта тхо!»

ТIаккха Дала хьийхар царна Бешлоам тIара цIайнала лоархIаш бола шо баа. Тоъал дукха ха йодаш мара хий Iолохдаланзар. Шо боацар кхы кхача боацаш дукха ха яьккхар цар. Из кхача хилар бахьан долаш, сесаго вир цунна лоа мо кIай волаш ворхI воI, сигале санна къаьга а шоаш болаш. Уж баьчул тIехьагIа хилар цар йоккха тIехье, лаьтта тIа массанахьа дIаяржаш. ХIаьта шо буаш кхийна хьалхара ворхI воI Бешлоам тIа висар. ХIаране ши-ший фусам хиннай цар. Дуненца гIулакх доагIаш хиннабац, цудухьа харцдари зенедари хьокхаденнадац царех. Болх бе безаш хиннабац уж, хIана аьлча, хIара денна, малх хьакхеташшехьа цар дошоча пхегIашка дикагIа дола даар-малар хьахулаш хиннад. БIаьшераш дIаахарах уж ворхI воша къалуш хиннавац.

Дунен чура цхьанна адама бокъо яцар уж болча отта, селлара еза из моттиг лоархIаш хиларах. КIезига цигара Iолохвелча егIа хиннаяр цхьа бу, тIекъа баьхкача наха лаьрхIа. Циггара ваьнна хьалъурагIа ваха цхьаккхача адама бокъо хиннаяц, селлара из лакхара моттиг еза лаьрхIа хиларах.

Йила ха чакхъяьлча, Даьла амарах, уж кагий нах дилла дийна болаш хулийтаргбар. ХIаьта, цкъа, из киназ долча хьатIавена хилар дикача куцах вола зIамсаг-чарахь. ТIадувха барзкъа тIаьда да цун, шелвеннав из, тIехьа оарц да цунна. Бийса яьккха ше чувита дех цо. Цкъарчоа чува бокъо лац цунна. ЧIоагIа дехаш, оал цо, хьаьша лархIар – доагIаш а деза а гIулакх долга, хIанз-хIанз оарц шийна тIакхоач, вувргволаш ва. Цу ворхI веший зIамагIчоа къахийттад велха-чIехка волча чарахьах. Даьла кхел йохаергья Iа, чу ма витала из, аьнна, бокхагIча вежараша яххашехьа, Даьла кхела духьала воалаш, из чарахь чувут. Бакъда, хIа аьнна, бийса йоссашехьа, Бешлоам тIа йижар Iаьржа морхаш, тIоа сегар, ды къувкъар. Бухара денна хьалха лаьтта аьгар. Дуне кхеллача хана денна иззал доккха дуIа хиннадацар.

Из дIадаьлча киназ даьсса хилар: Даьлас сигала хьала а вихьа цу ворхI вешех ворхI седкъа хилийтар.

Мала хиннавола из тIавена чарахь. Из хиннаяр гаьна йоацаш уллаш йолча Гергеты яхача юртара хоза йоI. ЧIоагIа дагахиннадар цунна ха: фу дола-те цу кинза чу. Цудухьа маIача наьха барзкъаш а дийха, яха хилар из цигач. Цу бахьанах, дуIа хьовшшехьа, ды теха йийр из.

СОЗВЕЗДИЕ СЕМИ БРАТЬЕВ

Когда-то, очень-очень давно, говорили мне гвилетцы, люди были так злы, что Господь решился их всех потопить, кроме одного добродетельного старца, которого он соблаговолил пощадить, и потому, поведав ему под величайшею тайной о своем решении, приказал приступить немедленно к постройке большого деревянного ящика, в котором старик с семейством мог бы спастись во время предстоящего бедствия. Старец работал целые дни и уже приводил свой труд к концу, но частые отлучки его в лес показались подозрительными сатане, который давно точил на него зубы за добродетельную жизнь. Но как узнать тайну, которую старик не открывал никому? Разумеется, через женщину. И вот принял сатана образ миловидного юноши, стал рассыпаться мелким бесом перед женою старца и заставил выведать у мужа цель его таинственной работы. Узнав в чем дело, враг человеческий собрал своих сподручников и, забравшись ночью в лес, разметал работу старика. Догадался старец, что поплатился за свою болтливость, и стал просить у Бога прощения. Господь услышал его молитву и приказал вновь приступить к работе, которая при могучем содействии Творца скоро приведена была к концу. Тогда разверзлись небеса и полился дождь, от которого и произошел Великий потоп. Все люди погибли, кроме добродетельного старца, который долго-долго блуждал по волнам, не находя себе пристанища. Но вот засверкала вдали яркою белизной белая маковка Бешлам-Корта. По Божьему велению старец причалил к ней с семейством, но едва ступил на твердую почву, как дивный ковчег со всеми запасами исчез под волнами. «Боже!» – возопил старец. – Ты избавил меня от потопления, не дай же умереть голодною смертью». Но Господь велел ему употреблять в пищу священный лед с вершины Бешлама. Много протекло времени, пока спадала вода, а старик с семейством жил на дивном острове, и лед был его единственной пищей. И родились у жены его от этой пищи семь сыновей, белых, как снег Бешлама, и ясных, как Божий день. Было у него после того еще много детей обоего пола, потомки которых распространились по земле, но семь первенцев, получивших зачатие от священного льда на Бешламе, и потому чистых и непорочных, поселились под вечными льдами Казбека в семи кельях и не сообщались с порочным миром. Они не нуждались в работе, потому что каждый день с восходом солнца находили у себя в золотых сосудах роскошные яства. Проходили века, но красавцы юноши не старились.

Никто из смертных не имел права вступить в их священную обитель. Несколько ниже ее была маленькая хижинка, где странники, приходившие поклониться святому месту, находили себе пристанище. Дальше запрещено было Богом пускать грешных людей. При исполнении велений Божьих красавцам юношам предназначено было в удел бессмертие. Но вот приходит однажды к монастырю

молодой красавец охотник. Он просит приюта на ночь, одежда его измочена, он продрог, устал и ищет убежища от преследований. Ему сначала отказывают, но он просит так убедительно, напоминает о священных правах гостеприимства. Погоня близка, ему предстоит смерть, если его не укроют. Тогда младший из братьев, тронутый слезами пришельца, решился, вопреки убеждениям других, нарушить запрет Господний. Охотник был принят в его келью. Но едва наступила ночь, как Бешлам подернулся мрачными тучами, засверкали молнии, послышались раскаты грома. Затрещала земля и пошатнулась в своем основании. Никогда с сотворения мира не было еще такой бури. Когда она утихла, монастырь оказался пустым, а на небе явилось новое созвездие семи братьев, которых Господь взял на небо.

Записал А. Висковатов от жителей ингушского села Гвелети. см. Висковатов А. С Казбека // Русский вестник. 1865. Т. LX.

А. Висковатов в своем примечании пишет, что названый в сказании монастырь действительно имеется под горою Казбек, но опустевший и полуразрушенный. Также им отмечено, что названное несчастие с монастырем произошло из-за любопытства некой красавицы, переодевшейся в мужской костюм.

Также А. Висковатов пишет: «Бешлам-Корт, как видно по всему, есть средоточие туземной мифологии...

Все это сообщает Бешлам-Корту какую-то святость, которая, без сомнения, вместе с суеверным страхом, внушаемым злою Мягкинен, делает во мнении народа гору эту недоступною для людей. Вследствие этого ко всем трудностям восхождения на Бешлам присоединяется еще и то, что человек, отваживающийся на такой подвиг, может в том только случае благополучно совершить его, если он будет чист духом, т. е. безгрешен, к чему должен приготовить себя молитвами. С этой стороны, для добродушного Цоголя нет больших препятствий к достижению вершины Бешлама: он принадлежит к числу тех типов, которые можно найти только в местностях, где человек находится в непрерывном соприкосновении с окружающею девственною природой, и где нрав его образуется преимущественно мощным ее влиянием...».

* * *

8. ЧУХЬИЙ ГІАЬР

Наьрт-орстхой аьрдагІа нах хиннаб. Нах есара кхихьаб цар, наьха хІамаш кхихьай, къаьра дувнаш диад. Наха юкъе цІихеза волча цхьан къонахчун кІаьнк вихьав цар, цох шоашта боккха мах балар догдоахаш. КІаьнк, зІанарашца вийхка а вийхка, шоай халбата къайлав цар. ТІаккха юкъе нах ахийта баьннаб, иззал мах Іобилла цу кІаьнках, яхаш. Цу къонахчо, ший гаргара мелбола нах

оарцагIа а баьха, из цар бийха мах вIашагIтехаб. Цу наьрт-орстхой бIуна баьчча Чухьи яхаш хиннав. Ший бIуца лелавеш хиннав цо ворхI бIухо. Цу маьха уж берригаш раьза хиннаб, цхьабакъда цу Чухий гIаьраца хиннав ЦIаза яхаш цхьа саг, чIоагIа цIаьрмата а волаш. Цу Чухьий гIаьра барт бохабаьб цо, хьабенна мах кIезига а ба, моллагIа бахьан а даьккха, боккхагIа мах баккха беза, аьнна. Къонахчун дош дохаш мо хIама ма дий, бийца хиннача маьха из-зал кхыъ IотIадилла деза алар. Бахьан даьккхад орстхоша: «Оаха шун кIаьнк шин кIира лелаваьв, цудухьа ши мах хьабала беза оаша».

Де хIама дац укхох, яхаш, кIаьнка дай юха а мах вIашагIтохаш лелача хана, лерттIа дIахьажа саг а воацаш, даа-мала а доацаш виса хинна кIаьнк моцалла веннав.

«Цамогаш хиннав шун кIаьнк, тха бехках веннавац», – аьнна, цун дакъа дIаденнад. Пхьа кхайкабаьб. Къоали тийшаболхи шоаш дика ховш хиннабале а, чура са мела долаш хиннаб Чухьий гIаьрахой. Цигара байдда дIабахаб уж. Байддабар, аьнна, Даьла кхелах кIалхарбаргбий тийшаболх баьраш! Дала моцал ейтай цу гIаьрахошта. Къоалаца даьккхар мара доацаш хинна бола уж, цхьаккха дарах къоалах хIама хулаш хиннабац. Моцалла чураш Iехаш бола ераш цхьан Жербабий коа нийсбеннаб. Гаьнна, ше цхьаь яхаш хиннай йоккха саг, цудухьа Чухьий гIаьр ейзаяц цунна. Царна хьалхашка пхьерийна дулх-хьалтIамах диза гуй оттадаьд цо. ЖIалеш санна тIабеттабенна из даа болабеннаб уж, ши-шийна кIезигагIа кхачар кхераш. Бакъда, гуй чура хIама кхоачалуш хиннаяц. Юххера а, биза, китамаш йийста шоаш болаш, хаьттад цар Жербабийга: «Ва, ер ма йоккха тамаш я, мел оаха къахьегарах гуй чура даахIама саго кулг ца техача мо латташ ма дий, фуд хьа ер?». «Ер, даьсара, да, – аьннад йоккхача саго, – дунен беркат. Со камаьрша хиларах Дала деннад сона из, моцал енача хана сайна яал йоаца маькха чIорг аз сагIадехарга дIаялар бахьан долаш».

Цигара яьнна юха а лела араяьннача цу гIаьра цхьаккха дарах ка йоалаш хиннаяц. Дагаехай царна из Жербаба. Юха а баьхка, йоккха саг тIаетталушше а, из беркате гуй дихьад акхар. Дала дутаргдий иззаморг? Боккха мух баьннаб. Чухьий карара гуй а цунца мел хинна гIаьр а, питаме вола цхьа ЦIаза воацар, хьеккха сигала хьалдахийтад. ЦIаза цхьанахьа каш-кIоага чу кхесса дIаваькхав. Сигален юкъе дIаэттад из гуй, седкъа а хинна, Чухьехи цун гIаьрахи хьахиннад седкъий. Хьо сигала хьалхьоже, гургда хьона: хIанза а кхеста уж цу беркатеча гуйна гонахьа, цунна тIакхача ца а могаш тIакхоаче доккха зе хургда, йоах.

ХIаьта Жербабийна юха а хьахиннад беркате гуй, цхьа боккха пхьу а беннаб цунна, зене вола саг цо Жербабийна тIавутаргвоацаш.

ЧУХИЕВА ШАЙКА

Нарт-осртхойцы были весьма буйными людьми. Они брали в плен и продавали людей, разбойничали, давали ложные клятвы. Как-то украли мальчика, родители которого были очень богаты и могли уплатить большой выкуп. Сковали они мальчика и заключили в темницу. Затем послали посредников с предложением уплатить за мальчика выкуп. Отец мальчика влез в большие долги и собрал большую сумму. Предводителем у этих нарт-орстхойцев был некий Чухи. В его дружине было семь разбойников. На предложенную сумму согласились все, кроме одного, по имени Цазик. Он был очень жаден и внес разлад в шайку, убеждая ее, что родители мальчика в состоянии внести более крупный выкуп. Но мужчинам не положено нарушать слово, поэтому разбойники, выдумав какую-то причину, потребовали заплатить вдвое большую плату.

Отец и весь род мальчика стали вновь собирать деньги для выкупа, но тем временем мальчик умер, так как за ним не было должного ухода и его плохо кормили.

– Ваш мальчик был больным, оттого и умер, а мы тут ни при чем, – сказали разбойники и передали через посредников тело мальчика его родителям.

Те объявили кровную месть всей шайке Чухи. Разбойники умели творить плохие дела, но сами были людьми трусливыми. Узнав об объявлении кровной мести, вся шайка со страха сбежала из тех мест. Но разве можно избежать Божьего наказания! Бог наслал на разбойников голод. Разбойный промысел их стал неудачным. Они оказались на грани голодной смерти. Кишки их урчали от голода. Но вот случайно, где-то далеко, они наткнулись на домик одиноко живущей Жербабы. Она не знала, какими плохими людьми были ее гости, и потому поставила перед ними гуй – большую чашу, полную мяса и галушек. Словно голодные псы накинулись они на еду, тесня друг друга. Но сколько бы они не ели, пищи не убывало.

Насытившись так, что животы их вздулись, они спросили Жербабу:

– Сколько бы мы не ели, еды не убывает. Почему это так?

– Потому что это благодать земная. Всевышний дал мне ее из-за моей чрезмерной щедрости: когда наступил голод, я последнюю краюху хлеба отдала нищему и сама очутилась на грани смерти.

Разбойники вновь стали странствовать, но вновь их постигла неудача. Вспомнили они про Жербабу, вернулись к ней и насильно отобрали у нее эту посудину. Разве Бог мог такое простить!? Задул сильный ветер и унес в небо всех разбойников Чухи, вместе с посудиной. Остался на земле лишь Цазик, которого вскоре земля поглотила. Посудина вознеслась и остановилась прямо посередине неба, превратившись в звезду. Также в звезды превратились Чухи и его разбойники. И сейчас они кружат вокруг той звезды-посудины, хотят до нее дотянуться. Не дай бог, чтобы они дотянулись, ибо тогда могут произойти большие несчастья.

Жербабе же Бог вновь дал неиссякаемую чашу. А еще дал хорошего пса, чтобы он не допускал к старухе злых людей.

Если посмотреть на небо, то и сегодня видно как Чухий-гяр – разбойничья шайка (Малая Медведица) кружится вокруг этой посудины (Полярной звезды), но не может до нее дотянуться.

В 2008 году от 52-летней жительницы Малгобека Тамары Барахоевой записал М. Матиев.

* * *

9. СОСКА СОЛСА ХЬАХИЛАРАХ

Цхьа йоI яьгIай доахан детташ. Кхы гаьна боацаш уллаш сийна кхера хиннаб. Цхьа зIамсаг хиннав из йоI езаш. Цу кхерий тIа Iохайнав из. ЙоIага хьежаш вагIача юкъа дегI ловзадаьнна хиннад цун. Циггач дегIа бохам а хинна из бахьан из кхера пхоара хиннаб Соска Солсах. ХIама ховш саг хиннай Села Сата, Яха, из кхера боха а баь, цу чура Соска Солса хьаийца хиннав цо.

КАК РОДИЛСЯ СОСКА СОЛСА [1]

Одна девушка доила коров. Близ того места, где она доила, был синий камень. Один молодой человек, любивший эту девушку, сел на этот камень и, глядя на нее, пришел в возбуждение, отчего с ним произошло что-то, и от этого в камне образовался зародыш Соска Солсы. Об этом знала святая женщина Села Сата. Она пошла, разбила камень и взяла оттуда Соска Солсу.

---

[1] В горной Ингушетии записал Б. Далгат.
Опубликовано: ЭО. 1901. № 1. С. 35; ГЭЧИ. С. 287; ССПЧИ. С. 228; ИССП. С. 225. Таржам даьд.

К этому тексту Б. Далгат дает следующее пояснение: «На мой вопрос, был ли Соска Солса народным героем и приносил ли он пользу народу, Газбык ответил, что он помогал только своим орштхоям, своим близким, но всему народу не был полезен. Вообще все орштхои грабили и обижали других людей». Но в примечании к другой своей записи (Гибель орштхоев) Б. Далгат пишет следующее: «Рассказчик Газбык смешивает нартов и орштхоев, но, как мы увидим ниже, другой рассказчик, Ганыж, проводит между теми и другими большую грань».

Б. Далгатом также опубликовано «предание», возвеличивающее род Газдиевых (и его ответвление – Базоркиных). С этой целью информатором был использован вышеприведенный нартский сюжет:

Происхождение Газдиевых-Базоркиных

В одном месте был раздвоенный камень. Один молодой человек лег на этот камень и заснул, в это время мимо него прошла любимая им девушка. Он ее увидел во сне и имел с ней сношение; семя его попало в трещину камня. Когда он встал, то камень сомкнулся и наверху образовалась шишка. Он спросил знающих людей, что это значит. Ему сказали, чтобы он всегда следил за камнем. Шишка все росла и на девятый месяц растрескалась, и оттуда вышло дитя. От него произошли Газдиевы и Базоркины.

Приведенный текст опубликован: ЭО. М., 1901. С. 35. Б. Далгат в примечании к этому тексту отметил, что он по содержанию идентичен тексту «Как родился Соска Солса» и разница текстов лишь в том, что в первом тексте повествуется о рождении Соска Солсы, а во втором – рождении предка Газдиевых.

* * *

10. СОСКА СОЛСАС САРТАЛ ЭШАВАРАХ

ЦIай-лоамагара IодоагIача хина шовде ухаш хиннай Села Сата. Шовдана йисте уллаш хиннаб боккха моакхаза кхера. Ше хий хьаийцача, цу кхерий тIа наг-нагахьа Iоховш хиннай из. Цхьайолча хана цу шовдана юкъе гучаювлаш хиннай Хи-нана. Шоайла вIаший къамаьл деш хиннаб ужаш. Цкъа хий да яхачара, цу шовдана йисте ягIаш дукха гоаеннай Села Сата. Из дукха езаш хиннавар Наьртби яхаш, цIихеза хинна вола зIамига саг. Шийна из аьттехьа вуташ хиннаяц Села Сата. Гоа а енна, цу кхерий тIара гIетта из дIаяхача, цу шовдан йисте ший говра дIаоттаяьй Наьртбе, хий малийта. Ше цу моакхаза кхерий тIа Iохайнав из. Кхера тоъал бIайха хиннаб. Iай хиннад из. Цу кхерий тIа вIохлуш вагIаш, Наьртбе дегI ловзадаьннад, хаче эйла йошаеш. Из гIалат шийгара даьнна чIоагIа эхь а хийтта, цигара дIавахар, йоах, Наьртби кхыча мехка. Села Сатийна кхы вайнавац из.

Хи тIа ухаш, кхерий тIа хувшаш йолаш, Села Сатийна хоаденнад кхера бесташ боагIаш. Хи-наьнага хаьттад цо:

– Кхера бесташ е дайна а е хеза а дац сона. Ер моакхаза кхера бесташ, сомлуш ма бий. Фуд из?

– Хьона хьалха берах хиннаб из кхера. ХIанзарчул тIехьагIа кхо кIира даьннача гIолла цу кхера юкъера тамашийна кIаьнк варгва хьона. Хьай воI ва хьа из. Из кIаьнк кхеварах дехке яргьяц хьо,– аьннад Хи-нанас.

Цхьан пхьарса кIала из кхера болаш, вокха кулгаца бIарчча кхо пед чу ховшшал йола кIудал яхьаш чуенай Села Сата. Цу дийнахьа ден хьа ший китах хIамаш а хьоарчайий арайоалаш хиннай из. Ше берах я, аьнна, хабар арадалийтад цо. ДIахо а бесташ хьабоагIаш

хиннаб из моакхаза кхера. Кхо кIира даьннача бийсанна сомаяьннай Села Сата. Деррига цIа сийрдадаьнна хиннад. БаьттIа уллаш кхера хиннаб, цунна юхе тамашийна хоза волаш, дегIах лир дIаухаш кIаьнк хиннав. Наьрташа кхел хоаяь хиннай, ер фу кIаьнк ва, мичара мишта хьахинна ва, Села Сата маьре яха йоацаш хилча, аьнна. Села Сатас дIаалийтад царга, ше къайлагIа мах баь хиннаяр цу дIарча юрта йисте вахаш волча Сосеца. Цхьаькха вахаш къонах хиннавар из. Цунна мах а бенна, хьалхе а цунца дийца хиннадар Села Сатас, ше цунца къайлагIа мах баьб алийтар духьа. Сосес тешал а даь, кхы Села Сатах баккха бехк боацаш бисаб кхелахой.

Соска Солса, аьнна, цIи дIаяхар цу кIаьнка. Ди-денгара чIоагIа сиха кхувш, эйла юкъе дола бераш ловза ца дуташ, тIакхач-кхаьча царех шийна кара венар кIалтохаш хиннав цо, совбаьнна низ болаш ше хилар бахьан долаш. Юртара нах раьза хиннабац Села Сатийна, кIаьнк соцаве яхаш, лувш хиннаб уж.

Юртара араваьннача ший пхьоале вахаш а болх беш а хиннавар аьшка пхьар ЖIов-Баьтар. Ер кIаьнк низ болаш ва, лайси детта хьона накъаваргва, Iомаве дIаэца ер, аьнна, цунга дийхад Села Сатас.

– Са фу дов, хьавайта хьай кIаьнк,– аьннад цо.

ЖIов-Баьтар чIоагIа раьза хиннав кIаьнка, моллагIа вола зIамига саг санна низ болаш из хиларах, ше берашха мара воацашехьа а, Цхьан кулгаца лайси детташ, вокха кулгаца аьшка тувсаш, хьинарца хиннав кIаьнк. Ди сайранга ластача хана цIерала даьлла аьшка санна цIийлуш хиннав кIаьнк. Сайрана хи чу лийча а лийче, цIаводаш хиннав. Хи чу из лувчача хана хий кхехкаш хиннад. ХIанад-хьоагI ер иштта, аьнна, цецваьнна лелаш хиннав ЖIов-Баьтар. Зуврга-кха аз укхо лелор, аьнна, тидам бе волавеннав из цу кIаьнка. Ше балха воаллаш, оагIоро бIарг локхаш хиннав ЖIов-Баьтар. БIаргадайнад цунна ше дIаверзача юкъа, Соска Солсас шаккхе коанаца товнаш хьа а ийце, уж дIакхоаллаш волаш. «Тамаш а яц,– аьнна хийттад ЖIов-Баьтра,– аьшка мо ер цIийлуш хилар, ер Iочуваьнна хий кхехкаш хилар». Цкъа Села Сатах ше кхийттача аьннад цунга ЖIов-Баьтара:

– Хьа воIах хIанзолца ца хинна турпал хургва. ДегI болата долаш ва из.

– Хьона сенах хов? – хаьттад Села Сатас.

Иштта а да, вешта а да, аьнна цунга дIа а дийца, пхьаро аьннад:

– Хьа воI сона накъавоалаш хинна вале а, пхьар хила аьнна кхелла хиннавац кхеллачо. ТIема кхелла наьрт ва ер, дIавига мара везац хьона,– аьннад ЖIов-Баьтарас.

Феса ухача кIантех дIатехав из Села Сатас. Наха цхьа фос яхьача ши фос яхьаш хиннав из.

Цкъа наьрташца феса аьнна, гаьннача мехка ваха хиннав Соска Солса. Цу хана вахаш хиннав Сартал яхаш цIихеза паччахь. Сармак-паччахь, оалаш хиннад цох. ХIана оалаш хиннад, аьлча,

из хиннав дийнахьа адама куц долаш, бийсанна сармака куц долаш, дийнахьа нахаца гIулакх доагIаш, бийсанна наха зенаш деш. Соска Солса цIагIа воацаш нийсаденна хиннад из. Наьртий юрта а вена, Села Сатийга шийга яь еза аьннад. Цун мар хиннав яхаш вувцаш хинна Соси цу ханна венна дIаваьнна шу диза хиннад. Шу даллалца сабар а даь, вена хиннавар из Сартал.

– Со сай кхийна воI волаш яхаш саг я, маьрел сона вIалла дага а дац. Хьашт доацар ца а дувцаш, гIой дIавала,– аьннад Села Сатас

– Хьа воI цIаьхха хьалкхийнавар, аьнна, хьо хье къона кхалсаг я. Бахьанаш а ца доахаш, еча тол хьона а хьа юрта а.

– Са юрт хIана хьехаю Iа? – хаьттад.

– Хьехаю, хьо сога хьа ца йоагIе, дийна хIама ца дуташ, ер юрт шаьръергья аз.

Ха тIехаяккхар духьа аьннад цунга Села Сатас:

– Кхаь денна мукъа ха я сона, цIаьхха деш хилац ер мо дола хIама. Дагаяла езаш я со.

– Кхаь денна ха я хьона. ТIаккхале хьо хьайоагIе, паччахь йолаш яхаргья хьо, ца йоагIе, хьои укх юрта мел вари даькъаза варгва.

Из кхерам баь, дIавахар Сартал яха сармак-паччахь. Елхаш, юрта юкъе гIолла хьал-Iо аха йолаелар Села Сата. Кхайкаш хиннай из:

– Дукхача дошо да я со. Деррига из дIалу аз Сарталах латаргволчоа,– оалаш хиннад цо.

Цхьаккха йистхулаш хиннавац. ЙоагIаш йола Села Сата ейча, кораши наIараши къувлаш хиннад. Цхьан бIагIарча йоккхача саго аьннад цунга:

– Хьа хьай воI ма вий гIаьххьа турпал волаш. Из ваккха хьайна цу Сартала духьала.

– Йиллача укх хана из цIавоагIе а хац. ЦIавеча а цхьаькха лоархIалургвий из цу Сарталах,– яхаш, кадаш хиннай.

– Кхо ди доалаш воагIаргва хьона,– аьннад йоккхача саго,– хьа воI цох латарг а ва хьона. Цо Сартал Iо а вулларгва хьона, бакъда из ве могаргдац цунна, цу Сартала аьтта бIарг цо баккхалца. Цу бIаргах доал цу сармакий-паччахьа са.

Ший да Села волча яхай Селий Сата, цунгара а новкъостал дийхад цо. Селас аьннад:

– Бахача наха юкъелелха гIулакх дац са, хIаьта хьо са йоI хиларах хьа га ца даькккхача а валац со. Хьай воIага Соска Солсага из Сартал говра тIара вожавайта Iа. Ший аьтта бIарг сигаленгахьа цо хьалберзабешшехьа а, аз чура са дIадохийташ Iадсаькх тохаргда цунна.

КхоалагIча дийнахьа цIакхаьчав Соска Солса. ЦIенга ер кхачалехьа, наха дIадийцад цунна Сартал вар а, цун нана цо ехаш хилар а, шийна дIа ца елча, юрт хIалакьергйолаш хилар а, Сарталах лата денал долаш саг ца хилар а – деррига дIадийцад.

Дагахьа, тамаш я-кха Сартала хетар хуле, аьнна, ший цIагIа чуваьннав Соска Солса. Маьре додача нускало дувхаш дола барзкъа тегаш ягIаш хиннай Села Сата. Ший воI Сарталга хIалаквайтачул цунга маьре дIаяха лаьрхIа хиннад цо.

– Хьо фу деш ягIа? – хаьттад цо, деррига шийна ховше.

– Хьо кхийна ваьннав, хIанз со маьре яха йоал Сартал яхача паччахьага. Хьо духьала хургвац аьнна хет сона?

– Цхьайола кхалсаг къаелча а соцаш яц, аьнна хеза вар со. Цох, цу хабарах хIанзолца тешаш а хиннавацар. ХIанз гуш да сона из бакъ хинналга,– аьнна, тIакхийтта цун карара из барзкъаш хьадаьха, эттIадаь уж Iокхайсар цо.

– Iа леладер дика ховш ва со. Хьона ма хетта со эсала а вац хьона! – оалаш, дIаараийккхар Соска Солса.

Юрта юкъе лела из бIагIара кхалсаг хьа а лаьца, цунна дошош а денна, Сартал волча дIатIаяхийтар цо из, дIаалал, аьнна, хьога из Села Сата йоагIаргйолаш а яц хьона, хье майра вале, юрта йисте фунехк даьча метте хьаотта а йоах хьога Соска Солсас, хьох лата воал из, аьнна. ДIаяха, шийга ма алла дIааьннад вокхо.

Хьекхача царгех сийгаш дувлаш говра баге йохаеш дирстах ка етташ, юртагахьа дIахьелхар Сартал. Ди сайранга а леста, сармак хьахилар цох.

Фу де воал хьо! Боккха тIом эттар цигача. Пархенцце деха товраш дIадаххалца товрашца лийтар. Товраш дIадаьлча, лаьттар озаеш попа гаьнаш вIашкайийттар. Гонахьара попаш дIаяьлча, лоаман чхараш етта баьлар. ТIеххьара ка а яьнна, йоккха чхара яьллийта, Сартал говра тIара чувахийтар Соска Солсас. Сигалара Iочухьежаш вагIаш хиннавар Села. Сартал говра тIара лаьтта аркъал дIавожжашехьа, цун бIаргаш сигала хьалхьожжашехьа, тIера Iадсаькх даллийта, цу Сартала са чудола бIарг тIабаькхар Селас. Ишта дIаваьлар сармак-паччахь Сартал.

Дукха хIамаш леладир Соска Солсас. Дукха дар цох дувцаш.

КАК СОСКА СОЛСА ПОБЕДИЛ САРТАЛА

Села Сата ходила по воду к роднику, что стекает со священной горы Цай-лоам [1]. У родника лежал большой камень. Набрав воды, временами Села Сата садилась на этот камень и отдыхала. Иногда из вод ручья появлялась Хи-нана [2] – Мать вод. Тогда они проводили время в приятной беседе. Вот как-то Села Сата задержалась у родника. Ее очень любил юноша Няртби. Но Села Сата его и близко к себе не подпускала. Как-то, посидев на том камне, Села Сата ушла. Через какое-то время туда на водопой Няртби привел своего коня. Пока он пил, Няртби сидел на том камне. А он был еще теплый. Дело же было зимою. Сидя на том камне, тело Няртби взыгралось, и от его тела брызги попали на тот кремневый камень. Няртби очень постеснялся случившегося, посчитал себя

опозоренным и ушел из тех мест в дальние края навсегда. С тех пор Села Сата более не видела его.

Продолжая ходить по воду и временами садясь на камень, Села Сата стала замечать, что он стал вспучиваться.

Она спросила Хи-нану:

– Не слышала я и не видела, чтобы камень рос и пучился. А вот этот камень пучится и становится толще. В чем дело?

– Этот камень забеременел вместо тебя. Еще через три недели из этого камня выйдет чудесный ребенок. Это твой сын. Расти его и ты не пожалеешь,– сказала Хи-нана.

Подхватила Села Сата под одну руку этот камень, а под другую кувшин, величиною в три бочки, и направилась домой. С того дня она стала на живот накладывать подушечки и притворяться беременной. А камень тем временем все толстел и пучился. По прошествии трех недель Села Сата вдруг проснулась в полночь. Дом весь озарился светом. Камень с громовым треском разлетелся на две части, а на полу оказался мальчик удивительной красоты. От него исходило сияние.

Сели нарты судить-рядить: что это за мальчик, от кого он явился, если Села Сата не замужем. Тогда Села Сата послала человека сказать этим судьям, что она тайно венчалась с мужчиной по имени Соси [3], который живет на окраине соседнего села. Соси был мужчина одинокий и в годах. Села Сата предусмотрительно подкупила его и научила, что надо говорить. Соси на этом суде подтвердил слова Села Саты, и ее оставили в покое.

За мальчиком закрепилось имя Соска Солса. Рос он день ото дня необычайно быстро. В играх не давал проходу сельской детворе. Не зная куда девать силы, он каждого встречного ровесника валил наземь. Сельчане стали роптать на Села Сату, стали попрекать ее непослушным сыном, просили угомонить его.

На окраине села в своей мастерской жил и работал кузнец Жов-Бятар [4].

Села Сата попросила его:

– Возьми этого мальчика к себе. Научи его кузнечному ремеслу. Он сильный, будет тебе раздувать мехи.

– Мне-то что! Пусть работает,– ответил Жов-Бятар.

Мальчик оказался силою равным юноше, и кузнец остался им доволен. Мальчик одною рукою раздувал меха, а другою бил молотом по наковальне. К вечеру мальчик почему-то становился красным, как железо, накалившееся в горне. После работы вечером он купался в реке, а затем шел домой. Когда же он купался в реке, вода закипала от исходившего от него жара. Жов-Бятар удивлялся этому и стал следить за мальчиком. Работая, кузнец искоса поглядывал за ним. Заметил, что лишь только он отвернется, как мальчик тут же хватал двумя пригоршнями горящие угли и отправлял их в рот... «Нет ничего удивительного в том, что тело мальчика накаляется, а когда он купается – вода в реке закипает»,– отметил про себя кузнец.

Села Сата со своим приемным сыном Соска Солсой
(с картины Х-А. Имагожева)

Встретив Села Сату, он сказал ей:

– Из твоего сына вырастет доселе невиданный нарт. Телом он у тебя булатный и потому неуязвимый [5].

– Откуда ты это знаешь? – поинтересовалась Села Сата.

Кузнец ей передал все, что видел, и сказал:

– Хотя твой сын для меня незаменимый сподручник, но Всевышний не предназначил ему быть кузнецом. Он рожден нартом – для походов и битв. Лучше забери его.

Села Сата отдала его в дружину нартских наездников. Когда кто-то из них приносил из похода одну долю добычи, Соска Солса приносил их две. Однажды Соска Солса и нарты пошли в поход в какую-то дальнюю страну. В те времена жил печально известный царь Сартал. Его еще называли царь Сармак, т. е. царь-Дракон [6]. Он носил двойное имя, потому что днем он имел человеческий облик, а ночью обретал облик дракона. Днем он вел себя как человек, а ночами вредил людям.

Как-то, когда Соска Солсы не было дома, царь Сартал явился к Села Сате и предложил ей выйти за него замуж. Поговаривали, что

у Села Саты был муж Соси, но уже и год прошел, как он умер. По обычаю вдова может повторно выйти замуж лишь по прошествии года со дня смерти мужа. Потому-то царь Сартал и явился с предложением по прошествии этого обычаем установленного срока.

– У меня сын уже взрослый, о замужестве у меня и мыслей нет. Брось эту глупую затею и иди своей дорогою,– ответила ему Села Сата.

– Твой сын вырос быстро, не по годам, а ты еще молода. Не выдумывай причин. Будет лучше для тебя и для твоего села, если ты выйдешь за меня!

– А при чем тут мое село? – удивилась Села Сата.

– А при том, что если ты не пойдешь за меня, я всех уничтожу, а село сравняю с землею,– ответил он.

Чтобы выиграть время, Села Сата попросила его:

– Дай мне сроку три дня: ведь такие дела не решаются так скоро. Мне надо посоветоваться с роднею.

– Даю тебе три дня. По их прошествии выйдешь за меня – станешь царицею, а не выйдешь – ты и все вы погибнете.

Пригрозив, царь Сартал ушел. А Села Сата стала оглашать по селу:

– Я владею несметным количеством золота. Все его я отдам тому, кто сразится с ненавистным царем.

Никто не отважился ответить на ее призывы. Завидев ее издали, жители села закрывали окна и двери.

Некая косоглазая старуха сказала ей:

– Ведь у тебя твой собственный сын является нартом. Пусть он и сразится с этим царем.

– В эти три дня он не вернется. А явившись, сможет ли он одолеть столь сильного врага? – причитала Села Сата.

– В эти три дня он и вернется. Он и сразится. Он и прижмет Сартала к земле,– стала уговаривать старуха.– Но убить его он не сможет, пока не лишит царя его правого глаза. В нем находится душа царя Сартала.

Пошла Села Сата к своему отцу – богу войны, грома и молнии Селе и попросила у него помощи.

Села ответил:

– Негоже мне впутываться в дела людские, но поскольку ты моя дочь, я должен тебе помочь. Пусть твой сын Соска Солса лишь сбросит врага наземь. Как только глаза Сартала обратятся к небу, я пущу в его правый глаз стрелу [7] и выбью его проклятую душу.

На третий день Соска Солса прискакал домой. Но не успел он еще до дома доехать, как сельская молва ему поведала о домогательствах царя Сартала, о его угрозе уничтожить всех до единого, о том, что некому с ним сразиться.

«Навряд ли будет так, как того желает злобный царь»,– подумал про себя Соска Солса и вошел в дом. Села Сата сидела и шила наряд невесты. Она все же решила, что лучше ей выйти замуж, чем подвергать сына смертельной угрозе.

– Чем ты занята? – спросил сын, хотя хорошо все приметил.

– Ты вырос, и я теперь решила выйти замуж за царя Сартала. Не думаю, что ты будешь против.

– Слышал я, что некоторые женщины и на старости лет бывают неугомонными. Но до сего дня не верил этим слухам. А теперь вижу, что это правда,– возмутился он, выхватил из ее рук шитье, разорвал его и бросил оземь.

Нашел он в селе ту косоглазую старуху, дал ей золото и послал к Сарталу сказать: «Села Сата за тебя замуж не пойдет, и если ты не трус, то тебя на окраине села в таком-то месте ждет Соска Солса, чтобы с тобою сразиться».

Старуха все в точности исполнила. Сартал возмутился настолько, что от скрежета его зубов полетели искры, а уздечку коня он дернул так, что порвал пасть коня. Поскакал он к указанному месту.

Что тут говорить! Разгорелся страшный бой. Бились саблями, пока они не разлетелись на куски. Стали они тогда дергать из земли чинары и биться ими. Не стало вокруг чинар – схватились за куски скал. Наконец повезло Соска Солсе. Ударил он Сартала обломком большой скалы и сбил его наземь.

А бог Села тем временем с небес следил за боем. Лишь только Сартал упал навзничь, а затем его глаза обратились к небу, Села стрелою поразил его в правый глаз и вышиб грязную душу Сартала. Так погиб ненавистный царь Сартал, ночами превращавшийся в дракона.

Много подвигов совершил Соска Солса. Много сложили сказаний о нем и о его мудрой матери Села Сате.

В 1993 году от 68-летнего беженца из села Яндиево Мусы Терсботовича Албакова записал И. Дахкильгов. Опубликовано: Сердало. 1999. 29 апр.; ИССП. С. 234.

В этом сказании повторяется мотив рождения Соска Солсы из камня, а Села Сата также выступает его побочной матерью. Здесь же имеется мотив, свойственный героико-эпическим песням: враг домогается любви девушки (женщины), которую первоначально никто не отваживается защитить. Борьба главного героя с Сарталом-драконом сближается со сказочным мотивом змееборства.

[1] *ЦIай-лоам* – словом «цIай» ингуши обозначают святые, божественные места, праздники; «лоам» – гора. Эта божественная гора считалась троном грозного бога войны, погоды, грома и молнии Селы. По сказаниям, он является отцом Саты.

[2] *Хи-нана* – буквально «Мать воды» – древняя и добрая богиня, образ которой восходит ко временам матриархата.

[3] *Соси* – является ингушским произнесением библейских имен Иисус, Иосиф. Как явствует из текста, Соси введен в сказание лишь затем,

чтобы как-то объяснить имя отца главного героя Соска Солсы, а заодно и уберечь честь Села Саты.

[4] *Жов-Бятар* – Бятар – имя собственное, восходящее к тюрко-монгольскому имени Батыр (Богатур). *ЖІов* – большой молот.

[5] Здесь приведен своеобразный метод закалки главного героя. Общетипичным местом является утверждение, что тело Соска Солсы было из булата (закаленным), хотя по рождению героя можно возвести к эпохе каменного века. По всем остальным признакам он ярчайший представитель века железного.

[6] *Сартал* – он же и «сармак» (дракон). Этот дракон является персонажем ингушских мифов, сказаний и сказок. Возможно, что само имя Сартал и есть искаженное сармак. Есть предположение, что слово «сармак», возможно, восходит к этнониму «сармат».

[7] *Стрела бога Селы* – имеется в виду молния.

* * *

11. СОСКА СОЛСЕИ БАТИГА ШИТКЪЕИ

Соска, яхаш, наьртий цхьа тхьамада хиннав. Паччахь санна лоархІаш хиннав из. Сесаг хиннай цун ший оамал йолаш. Цкъа мараи сесагаи юкъе цатоам ийккха болаш, Соска дог ваха хиннав. ДІаараваьнна хи йисте уллача цхьан боккхача кхерий тІа хийнав из. Дукха ха яьлале дехке а яьнна, сесаг тІехьаяхай цунна. ДІатІа а яха, баламах кулг тохаш, воле, цІагІоргда вай, аьнна хиннад. Соска хьалгІеттав. ТІаккха царна а гуш из кхера баьттІаб. Цунна юкъе уллаш кІаьнк хиннав. Бер хиннадац цар. Сесаг гІадъяхай. Кхера юкъера кІаьнк цо хьалъэццаше ши кулг доагадаьд цун. КІаьнко аьлар:

– Іо ма кхоссала со, хьай бе воаллача бесса цу ІодоагІача хи чу Іоттала.

Хи чу лувчаваьв цо из кІаьнк. ДегІ болата хинна дІаэттад цун.

Дукха ца говш цхьан лазарах Соска дІаваьлар. КІаьнк цамогаш хилар. КъайлагІадар ховш хиннав из. Аьннад цо ший наьдага:

– Иштта цу наькъах дІаяхача, ІобоагІаш хьаст гургба хьона. Цу чура хий мелча, верзаргвар со. Хьаст лорабеш вагІаш Батиг ва цигач. Хьайна моге, цунгара хий дахьаргда-кха Іа.

Яхай ер цу хьаста чура хий хьада. ДІатІакхаьчача, хьаст лорабеш вагІаш Батиг хиннав.

– КІаьнк цамогаш ва са, укх хьаста чура хий мелча, ше верзаргва йоах цо. Хий лу далара Іа сона.

– Иштта луш дац ер дарбан хий. Цхьа шу соца даккха дезаргда хьа, тІаккха хьай хий ийца, гІоргья хьо.

Циггач Батигаца шу доаккхаш, кІаьнк ваьв цу кхалсаго. Батигас аьннад:

– Ер кIаьнк чIоагIа говза а волаш, хьа воIа эшшача воша а волаш, эшшача доттагIа а волаш хургва хьона. ДIавига ер хьайца, хий а дIахьо хьайна.

Цхьан бе кIаьнк воаллаш, вокха бе хих йиза кIудал йолаш, цIагIа ер кхалсаг чуяьлча, укхун кара долча беро цу кIаларча берага анна хиннад:

– Моаршал да хьона, Соска Солса!

– Маьрша воагIалва хьо, Батига Шиткъа! –аьнна, жоп деннад.

Цу ханналца цIераш хиннаяц цу шин бера. Цар вIаший техкай шоаех уж цIераш. Цу хьаста чура дена хий дIамоллашехьа вийрза дIавахар Соска Солса. Ший да санна наьртий тхьамада хиннав цох а. Шиткъах говзал йоаллаш хиннай: цIаьхха вовш, цIаьхха хьаюха гучаэккхаш хиннав. Цу юкъа Iел ухаш юха маьлхе вувлаш а хиннав.

Цкъа цар нанна хеза хиннад орстхоша Наьсарера гIалгIай лийца хиннаб, цхьан цIагIа чу бехкаб, уж боагабе кийчабеннаб, аьнна. Едда цIагIа чуэккхашехьа а аьннад цо Соска Солсага:

– Ай, ва фу деш улл хьо! Вай Наьсарера гIалгIай орстхоша кара ма бигабий, уж боагабе кийч ма беннабий. Воле, орцагIа вала!

– Мишта вода со. Ды ба сога, гердз да сога?

– Ше валале хьа дас Iалашо яь хиннай хьона. Воле, цу дIарча вай беша аьхка йоккха ларма я. Цу чу латташ ди а ба, хьалъэхка герзаш а да.

Ваха, цхьабахьан укхо из ларма хьалъаьхкача, латташ турпала ди а хиннаб, хьалъухкаш хьашт мел-д дика герзаш а хиннад. Дын тIа хайна, герзах а оллавенна ер хьа коа эттача, нанас аьннад цунга:

– Хье дIакхаьчача, коанаIарах чу ма валалахь. Хье маводда картах тIех а кхоссалийя, ды тохаш санна цIе цIогIа хьакхалахь.

Ийккха вахав ер. Цхьан доккхача цIагIа наьсархой чу а бехка, гонахьа лакха карт а яь, наьсархой боагабе аьнна кийчбенна хиннаб орстхой.

ДIатIаотташехьа а, коанаIарах ца водаш, картах ды тIехьакхессаб укхо, беррига моастагIий цец а боахаш. ТIаккха цIе цIогIа хьекхарий хьона, сигалара ди къувкъаш санна:

– Ваха могаш вар ше вахийта. ваха ца могар эйвий аравакха!

ТIаккха ды дIаэккхабеш, хьаэккхабеш, моастагIий цеста волавенна хиннав ер. Вийнар вувш, веддар къайлаэккхаш, шахьар IоцIенъяьй, наьсархой маьрша баьхаб.

ЦIакхаьчача, наьрташа аьннад Соска Солсага: нах дукха хьаIайнаб, цонаш екъа еза вай, аьнна. Екъача хана хIараненна йоккха цон кхоачаш хиннай. ХIаьта а Батига Шиткъас аьнна хиннад: «Са ер цаI мара говра а яц, дукха цон эшац сона, укх хи йисте цхьа дакъилг оаш дича, тоъаргда сона». Из доккха хIама дац, аьнна, зIамига кес еннай цунна хи йисте. ХIаьта цу моча метте

цон геттар дика хулалга ховш ма дий. Дукха ха яьлале букътIехк хоа ца луш Батига Шиткъий говра ерста гергьенна дIаэттай. Из лоаденнадац Соска Солсага. Цхьа саг вахийта, Батига Шиткъий говран урс хьеккха, лакхара борд хьахоададейтад цо. Сайрийна говраш цIайоагIача хана, наьрташ пхьегIа тIа багIаш хиннаб. Соска Солсас, вела а венна, аьнна хиннад:

– Хьажал-хьажал, сов ше ярстарах кура а яьнна, Батига Шиткъий говра елаш ма йоагIий,– къажваха велавеннав ше а.

– Ай, ва хIана елац из шарбалаш йоаца мехкарий санна шийна хьалха йолхаш йола говраш шийна гуш хилча.

Наьрташ дIахьежача, цар массайолча говра цIог яькkха хиннай. Из мишта хиннад аьлча, Батига Шиткъана къайлагIадар ховш ма хиннадий. Ший говра борд даькkхалга шийна хьа ма хейнге, ведда вахача укхо наьртий мел йолча говрий цIог яькkха хиннай.

Из сурт бIаргадейча, бетта чура тур Соска Солсас хьаозадешшехьа, ший гIулакх во хургдолга ховш, Батига Шиткъа цу сахьте мича вахар ца ховш, вайна дIаваьлар.

СОСКА СОЛСА И БАТИГА ШИТКА

У нартов был тамада по имени Соска. Его считали чуть ли не падишахом. Жена у него была своенравная [1]. Однажды между супругами случилась размолвка, и, обидевшись, Соска ушел из дому к реке и сел на большой камень. Но прошло немного времени, как жена образумилась и пошла к нему. Подошла она сзади и, дотронувшись до плеча, предложила ему идти домой. Соска встал. И тут на виду у них камень лопнул, и посреди него появился мальчик. У этих супругов детей не было, и потому жена с радостью взялась за ребенка, но он был столь горяч, что обжег ее руки, но мальчик тут же сказал:

– Не выпускай меня из рук. Как взяла, так и положи в реку.

Выкупала она его в реке, и тело ребенка стало стальным.

Вскоре от какой-то болезни Соска скончался, а мальчик почему-то заболел.

Будучи вещим, он сказал матери:

– Пойди во-он по той дорожке, и там вдали ты увидишь родник. Если я выпью его воды, я выздоровею. Но учти, что родник охраняет некто Батиг. Постарайся у него добыть этой воды.

Пошла она к тому роднику. Батиг сидел при нем и охранял его.

Женщина обратилась к нему:

– Мальчик мой болен, просит воды из твоего родника [2], считая, что эта вода его исцелит. Дай же мне воды.

– Эта целебная вода так просто не раздается. Ты должна пробыть у меня один год, и лишь тогда ты получишь эту воду.

Прожила она с Батигом год, и у них родился мальчик.

Батиг сказал ей:

– Мальчик этот необыкновенный, владеет он разными чудесами. Он будет твоему сыну и братом, и другом. Бери воду и забирай к себе мальчика.

Пришла она домой, держа в одной руке мальчика, а в другой кувшин с водою. Лишь только мальчик с ее рук увидел другого мальчика, он тут же воскликнул:

– Приветствую тебя, Соска Солса!

– И я тебя приветствую, Батига Шитка! – ответил Соска Солса.

До того дня у этих детей имен не было. Они сами нарекли друг друга. Соска Солса выпил воды из того родника и тут же выздоровел. Выросли они. Подобно своему отцу, Соска Солса стал тамадою нартов. Ширтка имел дар внезапно исчезать, а затем внезапно же появляться вновь. Он свободно уходил в подземный мир Эл, а потом вновь являлся в этот солнечный мир.

Мать Соска Солсы прослышала, что орстхоевцы напали на назрановцев, заперли их в каком-то доме и собираются поджечь его [3].

Прибежала она к себе домой и стала укорять Соска Солсу:

– Чего ты разлегся! Ведь орстхоевцы пленили назрановцев и собираются их сжечь. Скорее езжай к ним на подмогу!

– Как я поеду, когда у меня нет ни коня, ни оружия.

– В свое время отец позаботился о тебе. Во-он на краю нашего сада имеется большое подземелье. В нем стоит твой конь, там же развешано и припасенное для тебя оружие.

Расчистил он то место и увидел в подземелье богатырского коня и много самого разного хорошего оружия. Вооружившись, сел он на коня и выехал во двор.

Мать стала напутствовать его:

– Когда доедешь до места, то не заезжай через ворота, а прямиком перескочи через ограду и ошарашь врагов громовым криком.

Поскакал он. Доехав, увидел большой дом, в котором были заключены назрановцы, а вокруг дома была высоченная ограда. Вот-вот враги собирались все это поджечь.

Не стал он искать ворота, а прямиком перескочил через высокую ограду. Изумленные враги застыли на месте.

Казалось, гром гремит, когда он прокричал:

– Кто во здравии, пусть сам выходит; кто идти не может, того на руках вынесите!

Начал он скакать по двору и рубить врагов. Кого убил, тот погиб, кто сумел – тот сбежал. Уничтожил он врагов и освободил назрановцев.

Когда Соска Солса вернулся, нарты сказали, что народ размножился и потому необходимо поделить пастбища. При дележе каждому доставалось большое поле.

Батига Шитка же сказал:

– У меня всего-навсего один конь. Мне большого пастбища не надо. Лучше дайте у реки небольшую делянку, и этого мне будет достаточно.

Нарты с радостью удовлетворили его просьбу. Но ведь известно, что у реки пастбище бывает наиболее сочным. Вскоре конь Батига Шитки так разжирел, что его хребет не прощупывался. Соска Солсу это задело. Послал он кого-то отрезать верхнюю губу коня Батига Шитки. Вечером нарты сидели на пхегате – майдане, когда стал возвращаться сельский табун.

Громко смеясь, Соска Солса воскликнул:

– Смотрите-смотрите, конь Батига Шитки настолько возгордился от своей справности, что начал смеяться!

– А чего ему не смеяться, когда он видит перед собою коней бесхвостых, словно девиц без шаровар,– ответил Батига Шитка.

Тогда только нарты обратили внимание, что все их кони не имеют хвостов. А произошло это потому, что, как только у коня Ботки Шитки отрезали губу, вещему Батига Шитке это стало известно. Он тут же пошел в табун и поотрезал хвосты нартских коней.

Увидя такой срам, Соска Солса потянул из ножен саблю. Поняв, что дело приобретает нешуточный ход, Батига Шитка тут же исчез.

В 2003 году от депортированного из сел. Базоркино Ази Куштова записал И. Дахкильгов.
Публикуется впервые.
Как видим, тут и далее имя Ботки Ширтки (Боткъий Ширткъа) иногда произносится в несколько искаженном виде.

[1] Эта женщина напоминает Села Сату.

[2] Раньше некоторые родники являлись частной собственностью, если они находились на территории собственника.

[3] По всей вероятности, в этом сказании отразился единственный и некогда случившийся конфликт между орстхоевцами и назрановцами. В те времена обычными были территориальные споры и взаимные набеги. Информатор Ази Куштов разделяет орстхойцев и назрановцев; противопоставляет их.

Мотив взаимных насмешек нартов и Боткий Ширтки был зафиксирован еще Ч. Ахриевым. Сам мотив оказался столь живучим (видимо из-за своей анекдотичности), что дошел до наших дней, причем, не только у ингушей, а и у сопредельных им терлоевцев (из общества ТIерло).

* * *

12. КХОАРДАМА ТIЕХЬА БОЛА БЕЛАМ

Сеска Солса яхаш аьла хиннав. Дукха нах хиннаб цунна тIехьа. Царца вахаш хиннав Батига Шурда яхаш хьинар долаш мехка цIихеза цхьа саг. Из иштта хиларах Сеска Солсана а цун наха а везаш хиннавац из. Батига Шурда сий доацаш, ийрчавакккхар духьа

цар цун дына цIог даькккхад томара юхе гIолла. Ремийна хьалха лелаш хиннаб из ды. Рема тIехьа а йолаш, ше хьалха а болаш ды боагIача хана, уж нах белабеннаб, Батига Шурда бегваккха.

– Хьайла, хьайла,– яьхад цар,– дIа-а кхоардамга хьажа шоашта.

Ший дог хайтадац Батига Шурдас. Таккха дIа а ваха, цу наьха говрий бордаш тIера а кIалара а дIаийцад. ШоллагIча дийнахьа юха а яьхад цу наха:

– Хьажал дIа-а бодача кхоардамга!

Батига Шурда аьннад:

– Кхоардама тIехьа боагIача беламга хьажа шо.

Иштта котваьннав из. Цунца дов лаьцад вокхар. Батига Шурда кхычахьа дIавахав.

СМЕХ, ИДУЩИЙ ЗА ПОЗОРИЩЕМ

Жил некогда князь Соска Солса. За ним стояло много людей. Жил с ними и Батига Шурда [1].Он был весьма шустрым и известным человеком, поэтому к нему питали зависть и Соска Солса, и его сподвижники. Чтобы опозорить Батига Шурду, они до основания срезали волосы хвоста его коня. А конь этот всегда ходил впереди нартского табуна. Вот вечером возвращается табун, а впереди идет лошадь, у которой вместо хвоста торчит культя.

Тут нарты стали высмеивать Батига Шурду:

– Смотрите, смотрите! – восклицали они. – Во-он, идет позорище!

Батига Шурда промолчал, словно ничего не случилось. На второй день он тайно пошел в табун и поотрезал верхние и нижние губы лошадей тех людей.

Вечером нарты вновь заголосили:

– Смотрите, во-он идет позорище!

На что Батига Шурда ответил:

– А вы посмотрите на смех, идущий вслед за позорищем.

Так он их осрамил, и они стали враждовать с ним. Тогда Батига Шурда ушел в неизвестную сторону [2].

В 1974 году от пожилого жителя села Бамут Хасана Усуповича Терлоева записал И. Дахкильгов.

[1] Тут проявились диалектные особенности, и потому вместо обычного произнесения имени героя как Боткий Ширтка, здесь он назван искаженно.

[2] Утверждение, что Боткий Ширтка ушел в другую сторону, появилось позднее. В подобных случаях традиционно утверждается, что Боткий Ширтка скрылся в подземном мире Эл *(Iел)*.

* * *

13. СЕСКА СОЛСЕИ СЕЛА ПИРIИЙИ

Сеска Солсеи Села ПирIийи ши воша хиннав.

Сеска Солса – воккхагIа вола воша – дегIаца дукха низ болаш, тенна саг хиннав.

ЗIамагIа вола ПирIий дегIа ийша, хьаькъал кIоарга долаш, говза саг хиннав. Шийна лейча Iел а, юха маьлха а ухаш хиннав из. Цкъа Iел вахачара хи тIа кхеста хьайра яхьаш ванав Села ПирIий. Цо из хьайра яле, берригача наха кара кхестош хиннай хьайра, цудухьа карахьайра яьхад цох.

Ше Iелара ена хьайра хи тIа Iойилла, ахьар а деш ваьгIав ПирIий. Берригача наха, цец а баьнна, дувцаш хиннад из дунен чу сага ца дайна доккха Iалаьмат.

Эггара тIехьа а Сеска Солсана хезад из хIама. Хьажа вахав из цу тамашийна хIаманга. Вена кхаьчача Солса ший тIоамар чуяхийта, кхимар а, хьаьр тIой а, кхеста берда а хьаийцаь, шоайцига йихьай. Солса уж еррига хIамаш хьош, Iодежа кIар-кIарг дайнад. ЦIаена хьайра хи тIа IоегIача, кIар-кIарг доацаш кхимар чура ялат тIош тIа юкъе кулгаца Iочу а ухийташ, из охьаш латташ хиннав Солса. Иштта тIера вала йиш йоацаш латтача вешийга аьннад ПирIе:

– Аз, кIар-кIар а даь, мукъа воаккхаргва хьо, хьаьр кхимара йисте латта ца везаш, Iа со цу хьаьра нийсса хьайца дакъа войте.

Раьза хиннав Солса. Из хьайра низагIа йихьаецаре а цунна нийсса дакъа хургвар Солса, хIана аьлча, буввaланза хиннача цу шин веший, буввалалехьа Iалашдаьр, моллагIчо Iалашдаь дале а, юкъа хиннад.

Цкъа ший вешийца ПирIийца буввала дагадехад Сеска Солсана. Аьннад цо вешийга:

– ХIанз був довла деза вай.

– Нах хьабийха а ца бийха а вай був доале, Iа сона фу лургда сона-м дика хов,– аьннад Села ПирIас.

– Фу лургда аз хьона? – хаьттад Солса.

– Iа сона лургда кIай бат йола сийна доахани, юртара еррига кхалаж а бIехал а IотIа а ухаш юрта кIал дада лаьтташи,– аьнна, жоп деннад ПирIе.

«Укханна ха-м даьра хов, аз шийна вогIадар мара лургдоацилга, из доахан а лаьтта а вогIа доландаь йоах укхо из»,– аьнна, хийттача Солса, цо яххар а денна, буввaьккхав ПирIий. Иштта, говзалца Iеха а ваь, даьккхад ПирIе ший воккхагIа волча вешийгара дикагIа дола дакъа. Села ПирIе Iелара хьайра ена чIоагIа паргIата даьккхад карахьайра кхестош лаьтта адам.

Цхьа говзал-м Сеска Солса а яьккхай адамашта юкъе. Цкъа аькхе ваха волаш, топпара гIаьле а яйна, гIаьле хьоарчае лорд йоацаш гIаьлена чIоагIа саготденнад Солса. ТIаккха хьеха гударгах диткъа шолх а даьккха, гIаьле хьоарчаяьй цо. МIайстоша вай хана а тIехьа гударгах даьккхача шолхах йора гIаьле.

СЕСКА СОЛСА И СЕЛИЙ ПИРЪА

Сеска Солса и Селий Пиръа были братьями. Старший брат, Сеска Солса, был могучий и сильный телом. Младший, Пиръа [1], был слабый телом, но хитрый и умный человек. При желании он отправлялся в подземный мир – Эл [2] и вновь возвращался в солнечный мир. Однажды, отправившись в Эл, Селий Пиръа возвратился с водяной мельницей. До этого у людей имелись лишь ручные мельницы, поэтому они и назывались рукомолками. Принесенную мельницу Селий Пиръа поставил на реке и начал молоть зерно. Люди рассказывали об этом удивительном, невиданном чуде.

Слух об этом дошел и до Сеска Солсы. Он решил взглянуть на чудо. Прибыл Солса к мельнице и, запустив свою ручищу, унес ковш и оба жернова к себе. По дороге, когда он нес все это, у него упал потрясок от ковша [3]. Он поставил мельницу у реки возле своего дома, но из-за потерянного потряска ему пришлось рукой пропускать зерно из ковша в отверстие бегуна. Сеска Солса из-за этого не мог отойти от мельницы. Тут пришел к нему Селий Пиръа и сказал: «Я могу сделать потрясок, чтобы не приходилось тебе стоять прикованным к мельнице, но ты за это выделишь мне половину доли». Солса согласился. Если бы Солса и не унес силой мельницу, то все равно получил бы половину общей доли, ведь они были тогда неразведенные братья.

Однажды Сеска Солса вздумал разделиться с братом и сказал ему: «Теперь мы должны разделиться». – «Будем мы разделяться при людях или без них? Я хорошо знаю, какую долю ты мне выделишь»,– сказал Пиръа. «Что же я тебе выделю?» – спросил Солса. «Ты мне дашь всех белоголовых синих коров и земли, заваленные мусором и навозом от всего села, лежащие внизу»,– ответил Селий Пиръа. «Он знает, что я ему дам только худшее из выделенного, потому и не просит другого,– подумал Сеска Солса,– видно, такие коровы и земли ни к чему не пригодны». Сеска Солса так и сделал, как просил брат. Но Селий Пиръа хитростью добился у своего брата лучшей доли.

Селий Пиръа, принесший с того света мельницу, во многом облегчил труд людей, которые раньше размалывали зерно на рукомолке. Но одно искусство дал людям и Сеска Солса. Однажды на охоте он потерял глиняную трубку. Не имея листьев кукурузного початка, чтобы свернуть закрутку, когда ему очень захотелось курить, Сеска Солса сорвал с липового пня луб. Из него он и скрутил закрутку. После этого майстинцы [4] и стали закручивать табак в липовый луб.

В 1936 году от жителя аула Пхуго Шахмарзы Пугоева записал Д. Мальсагов.

Опубликовано: ДГІ. С. 237; ГІФ67. С. 155; ГЭЧИ. С. 302; ССПЧИ. С. 234; ИССП. С. 239.

[1] *Селий Пиръа* – имя это в сказаниях встречается только в приведенном сказании. «Пиръа» – так ингуши называют фараона. Имеется миф о Пиръе, в котором он выступает богоотступником, что намекает на библейскую традицию. Однако в этом сказании Селий Пиръа предстает положительным – «культурным» – героем прометеевского типа (принес людям водяную мельницу). Не исключено, что Пиръа, в данном случае,– это искаженное (или неправильно воспринятое) Ширтка. Именно он свободно ходит в подземный мир и с ним же связана водяная мельница. Об этом повествуется в ранее приводимом сказании «Сеска Солса и Батига Шитка». Страдая от малоземелья, а значит, имея скудные урожаи, ингуши вместе с тем были большими мастерами в строительстве водяных мельниц. Так, И. Бларамберг еще в 30-х годах XIX века сообщал: «Их поселения всегда располагаются по берегам небольших речушек, на которых почти каждая семья имеет маленькую мельницу с горизонтальным колесом – это весьма простой механизм. Пожалуй, не найдешь такого другого народа, который из плохого материала и без длительных приготовлений мог бы, как ингуш, соорудить водяные мельницы вблизи жилищ, чтобы пользоваться ими, когда это необходимо». (*Бларамберг Иоганн*. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 213).

Несуразным предстает, на первый взглад, то, что оба героя приведенного сказания названы братьями, тогда как у Солсы отец назван Соской, а у Пиръи – Селой. Возможно, что когда-то эти герои мыслились как сводные братья по матери, подобно тому, как являютя братьями в предыдущем сказании.

[2] *Эл* (Іел) – потусторонний мир мертвых.

[3] *Потрясок* (кІар-кІар – *по-инг.*) – на первый взгляд, незначительная деталь мельницы, но вместе с тем является необходимым приспособлением, обеспечивающим самозасыпку зерна в мельницу.

[4] *Майстинцы* – прежде небольшое ингушское родоплеменное общество, жившее в глухих горных ущельях. Ныне большая их часть проживает в Грузии и составляет часть кистинцев-чеченцев.

* * *

14. СОСКА СОЛСЕИ ХАЬН ТІЕХКИ

МоцагІа, моцагІа Солса яхаш цхьа къонах хиннав вахаш. Нах цу хана тІох яьча лармашка бахаш хиннаб, Уж лармаш цхьацца-нахьа хІанза а йолаш я. Солса ше хьаькъал долаш, сий долаш саг хиннав. МоллагІа вола саг санна ваь хиннавац из, воагІашехьа а Даллагара хьаваьнна хиннав.

Цкъа лаьттан кІалгІолла водаш, наькъ тІа уллаш ейнай цунна адама хаьн тІехк. Сов из йоккха хиларах, цун Іургах паргІатта говраца чакхваьннав из. ТІаккха, веннача сага сатем ше боабаь хиларах дехке а ваьнна, цу тІехках ший шод теха, Даьлагара дийхад Соска Солсас, ше хьалха хиннача тайпара из тІехк йолаш

хинна саг юха хьадийнвар. Лоам миссел доккха адам хьахиннад цу тІехках. Е малх, е кхы хІама гуш хиннадац цунна, бІарза из хиларах. Шийна цу сагагара зе ца далийтар духьа Солсас дийнвейтав из бІарга са ца гуш.

– Малав со дийнваьр?

– Со, Соска Солса, ва.

– БІарг-са хІана деннадац Іа сона? – хаьттад цу лакхача саго.

– БІарг-са хьа хилча, ер дуне даа тоам бар Іа,– жоп деннад Соска Солсас.

– Фу дуне да ер? ~ Хаьттад лакхача саго,– хьалха хьу йоацар кхы хІама дацар укхаз.

– Хьона из дІадувца йиш яц,– оалаш, жоп а денна, Соска Солсас хаьттад,– хье хьалха фу-мала саг хиннав алал-хьай?

Хьайист ца хулаш, лакхача саго гоннахьа кулг хьекхад. Хьаийца боккха кхера тІаьр юкъе хьокха а баь, баа волавелар.

– Ер а, тхоашта кара мел кхаьчар а дуар оаха,– аьннад лакхача саго.

ВІаший тІом мишта бора оаш? – кхы а хаьттад Соска Солсас.

ДІакхайда, цу лакхача саго оззабаь попа хи баькккхаб. Ка хьеккха ткъовронех сихха из цІена а баь, Соска Солсагахьа лостабаьб. Лакхачо леладер цІена ца хеташ, хьалхе а дІаюстара ийккха хиннав Соска Солса. Га кхесса ше ваьлча, лакхача саго ше-шегІа аьннад:

– БІарза волаш со дийнварах аз дийна дІадаькккхар из зунгат.

– Мишта вийнав Іа, со дийна хилча? – дистбІар ийккхав Соска Солса.

Цунна жоп луш, лакхача саго аьлар:

~ Тхол тІехьагІа хьахинна нах хьаькъал долашагІа хургба; тхона эхь хетар Іоажалах кхераш хилар. Попа хенаш детташ, вІаший доадора оаха.

– Ва, тІема чІоагІа шо мишта хинад, селлара телха даар – тІойи гІуми мара шун ца хилча? – Хаьттар Соска Солсас.

– ТІох хьалъяь йола ер моартал дІа ма йодда чакхваллалца дІа а гІой, цигач Іаждакха кІала улла маькха ши бал а яхьаш, юхавел.

Аьннача дІа а ваха, уж ши маькха бал а хьалеха, Соска Солсас хьенай уж. ТІаккха хаьттад лакхачо:

– Миштай уж балаш, дика йий?

– Сона уж дика йолаш санна хет,– аьлар Соска Солсас,– царех цкъа царг аз тоххашехьа визар со.

Лакхачо аьлар:

– Цу тайпарча шин маькха балаца наькъа даьлча, биъ бетта лелар тхо. ХІаьта оаш юар фий?

– ДегІа зІамига да тхо,– аьлар Соска Солсас,– хІаьта а, сона ховчох, тхона цкъа яъал мара яц ер ши маькх.

– Зама телхачоа тара да,– аьлар лакхача саго.– Тхона биъ бетта тоъал йола маькх цкъа дIаховшшехьа оаш юаш йолча, зама телхалга бахьан да, – оалаш, лакхача саго дийхад,– со хьасома ваькккхаче, бIарг-са хьада сона, ца лой, се хиннача тайпара юха а тIехк хилийта сох.

Соска Солсас лосттаяь шод а теха, цу лакхача сагах юха а хаьн тIехк хьахилар.

СОСКА СОЛСА И ТАЗОВАЯ КОСТЬ

Давным-давно жил человек Солса. Люди жили тогда под землей в больших подвалах, выложенных камнем; эти подвалы в некоторых местах сохранились до сих пор [1]. Солса был весьма умный и честный человек; он родился не от обыкновенной женщины, а прямо произошел от Бога [2]. Однажды Солса проезжал по подземелью и ему встретилась на дороге тазовая кость человеческая, такая большая, что Солса на коне проехал сквозь нее. Потом Солса опечалился, что нарушил спокойствие мертвого человека. Солса стал просить Бога, чтобы он воскресил этого человека в таком виде, каким он был прежде, и ударил кость плетью. В то же время из кости сделался человек, такой большой, как гора, но он был слеп и не мог видеть солнца. Солса просил об этом Бога, чтобы большой человек не сделал ему вреда. Большой человек громко спросил: «Кто оживил меня?» – «Я, Соска Солса!»[3]. – «Отчего же ты не дал мне зрение?» – спросил большой человек. Соска Солса отвечал: «Если бы у тебя было зрение, ты бы съел весь свет».– «Что это за свет? – говорит большой человек.– Здесь прежде был один лес!» – «Нельзя тебе рассказать,– отвечал Соска Солса.– Скажи мне, что ты прежде ел?» Вместо ответа большой человек пошарил кругом и, взяв большой камень, растер его руками и начал есть. «Мы ели это, – сказал большой человек,– и все, что нам попадалось».– «Как же вы воевали друг с другом?» – снова спросил Соска Солса. Тогда большой человек вырвал чинару, поспешно очистил и бросил ее в Соска Солсу. Но последний, увидев приготовление большого человека, заранее отскочил в сторону.

Большой человек, бросив дерево, сказал про себя: «Я убил этого муравья за то, что он разбудил меня без зрения». – «Как же ты убил меня, когда я жив?» – возразил Соска Солса. Большой человек в ответ ему сказал: «Кто родится после нас, те будут умнее нас, мы стыдились спасать себя от смерти и убивали друг друга чинарами». – «Как же вы могли храбро воевать между собой, когда у вас была такая плохая пища, как ты показал мне,– песок, камень»,– говорит Соска Солса. Большой человек сказал ему: «Поезжай по этому своду до конца, там стоит береза, под ней лежат два хлеба, возьми и принеси сюда». Соска Солса поехал, как сказал большой человек, нашел хлебы и привез их. Тогда большой человек спросил: «Как тебе кажется, хороши эти хлебы?» – «Мне кажутся они очень хо-

рошими,– отвечает Соска Солса.– Я был сильно голоден, откусил один только кусок и теперь сыт». – «С этими двумя хлебами,– сказал большой человек,– мы могли путешествовать четыре месяца, а вы чем питаетесь?» – «Мы маленькие,– говорит Соска Солса,– а все-таки мне кажется, что этих хлебов мало и на один раз». – «Должно быть, плохо на свете,– сказал большой человек,– если вам на один раз идет столько хлеба, сколько нам шло на четыре месяца. Ты меня разбудил, дай же мне и зрение, а если не дашь, то сделай меня опять костью». Соска Солса махнул плетью – и большой человек стал опять тазовой костью.

В горной Ингушетии записал Чах Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. 1875. Вып. 8. С. 56; ГЭЧИ. С. 273; ССПЧИ. С. 228; МЛВ. С. 104; ИССП. С. 225.
Это сказание сродни текстам, повествующим о золотом веке.

[1] Тут говорится о больших подвалах, выложенных камнем. В Ингушетии такие подвалы не зафиксированы. Возможно, в оригинале повествуется о пещерах, входы в которые закладывлись каменными стенами. Вместе с тем не исключено, что Соска Солса ехал не по какому-то подвалу, а по подземному миру Эл (Іел).

[2] *Прямо произошел от бога* – такое указание, по замечанию Ч. Ахриева, роднит Соска Солсу с Иисусом, сыном Божьим.

[3] *Соска* прибавлено для обозначения имени отца» (примеч. Чаха Ахриева).

* * *

15. СОСКА СОЛСЕИ САГА КЕРТА ТИТЕИ

Цкъа эрий ара гІолла водаш хиннав Соска Солса. Боад берзаш бийса яккха моттиг леха ваьннав из. Цхьан гергача лоамах йоалла хьагІар бІаргаейнай цунна. Говра тІа вагІашехьа а паргІатта цу чу вахав из. Сатоссаш сомаваьлча, ше бийса яьккхача хьагІара чу хьачудоагІаш вІаший цхьатарра долаш, доккха герга ши Іург бІаргадейнад цунна. ХьагІара чура ваьнна, кІеззиг ер дІахо ваьлча, лоам миссел йоккха йола сага керта тите бІаргаейнай Соска Солсана. «Ма доккха адам хинна хургда ер»,– аьнна, дуІа даь Даьлагара дийхад Соска Солсас,– ер саг ше хиннача куцагІа волаш, юха хьавувалара Іа, бакъда Іохайна вагІачара меттахьара вала могаргдоацаш».

Соска Солсас Даьлагара дийхар кхоачаш хулаш хиннад. Лоам миссел, моархашка кхаччал лакха къонах хьахиннав. Багар «фуф» аьнна, гонахьара морхаш дІачовхаяьй цо. Соска Солсас деннача салама жоп луш, цу лакхачо хаьттад:

– Малав со дийнваьр? Когаш хIана лелац са?

– Аз Даьлагара дийхандаь хьадийнвеннав хьо. Хьа пIелгалла мара дац тхо. Хьо лела могаш валаре, тхо дерригаш зунгатий санна хьешадергдар Iа.

– Гу сона шо дегIа чIоагIа ийша нах долга. Са дегIах кхеташ цхьа кхера кхоссал. Ховргдар сона, шо низа миштад.

Бий миссел хургбола кхера кхессаб Соска Солсас, лакхача сага китах кхеташ. Из хоа а беннабац цунна. Гонахьа тIоамараш дIахьа хьекха, лоамах чхар а яькка, аьннад цо:

– ХIанз аз а кхоссаргба цхьа кхера.

ХIа, аьнна, цо из кхоссаше. Соска Солса сихха дIаэккхаш, цхьан чхарана тIехьашка лечкъав.

– Нах телхаб,– аьннад цу къонахчо,– денал долаш волча саго шийна хьатохар ла еза, къабенна истий санна лечкъа а ца лечкъаш,– аьнна, хьаийца цхьа кхера тIаьръюкъе хьокхабаьб цо. Цох гIум хьахиннай.

– Тха хана,– аьлар цо,– кхыметтале тIой а хиннадар даьттах йийхьденна, лоамаш хьалдаьха лелаш оакхарий дар, геттар дукха хьийкъа ялаташ хулар. БоккхагIабараш кагийчарца къахетамегIа хулар. ЗIамагIчар бокхагIабарий сий дора. Нах вIаший ийна бар, тийшаболх юкъе лелаш бацар. Наха вIаший хьагIаш лелаяцар. Сий чIоагIа деза лоархIар. Бакъда, тха хана дувцаш цхьа хIама хиннадар: цхьа ха йоагIаргья нах талхаш, эсала хулаш, дегIа теIа болаш, вIаший тийшабалхаш леладеш, эхьи сийи дайна болаш.

– Бакълув хьо! Тха замах низ болчо миска саг ваха витац, воча хIамах хьадж кхеташ а бац нах,– аьлар Соска Солсас.

– Ер са зама яц. Деррига телхад. Хьашт доацаш дийнваь хиннав Iа со. Се ма хинна тите хилийта сох. Ер дуне сона эшаш дац. Юха а дуIа деш, Даьлагара дийхар Соска Солсас лакхача цу сагах юха а керта тите хилийтар.

Ше хиннача дIаэттар керта тити.

СОСКА СОЛСА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЧЕРЕП

Как-то ехал Соска Солса по дикому полю. Начало смеркаться, и он стал присматривать, где бы остановиться на ночлег. Тут он увидел круглую гору, а в ней пещеру, в которую он свободно въехал, сидя на коне.

Утром, когда стало светло, он увидел, что в нее ведут два одинаковых входа. Выехал Соска Солса из пещеры и когда немного отъехал, он увидел, что это был огромный человеческий череп. «Каким же огромным был человек, которому он принадлежал?» – подумал Соска Солса и взмолился к Всевышнему с просьбой оживить этого человека, но только так, чтобы он не мог ходить, а только сидеть. Все, что Соска Солса просил у Бога, всегда исполнялось. Ожил великан, огромный, как гора. Дунул он вокруг себя и разогнал тучи.

Соска Солса приветствовал его, тот, ответив на приветствие, спросил:

– Кто меня оживил? Почему отнялись мои ноги и я не могу встать?

– Потому, что я так попросил у Всевышнего. Мы, люди, ростом всего с твой палец, и ты бы нас запросто перетоптал, как муравьев.

– Вижу, вы ростом весьма малы. Хочу хотя бы узнать вашу силу. Швырни-ка в меня камень,– попросил великан.

Бросил Соска Солса камень с кулак и попал великану в живот. Великан ничего не почувствовал. Он пошарил вокруг себя, оторвал кусок скалы и сказал:

– А теперь я швырну в тебя камнем.

Только он швырнул, как Соска Солса быстро спрятался за соседнюю скалу.

– Люди испортились,– сказал великан,– мужественный воин должен смело принимать удар, а не прятаться, как трусливая старуха.

Великан затем в ладонях растер камень в песок.

– В наше время даже в камнях было масло, горы были полны разной дичи, урожаи были высокие. Старшие заботились о младших, младшие чтили старших. Люди не знали коварства, зависти и подлости. Честь ценилась превыше всего. Однако уже в наши дни говорили, что наступят такие времена, когда люди измельчают, начнут подличать, потеряют честь и стыд.

– Да, ты прав! У нас сильный обижает слабого и люди не гнушаются дурных поступков.

– Это не мое время. Зря ты меня оживил. Верни мне мой прежний облик черепа. Не хочу жить в такое время.

Соска Солса вновь взмолился и попросил Всевышнего, чтобы великан вновь стал костью.

Тут же великан стал черепом.

В 1961 году от 84-летней жительницы села Джейрах Лизы Мейдильговны Льяновой записал Магомет Арскиевич Льянов.
Опубликовано: Сердало. 2004. 7 дек.

* * *

16. ІЕЛ БАХА БИЙЦА КЪОВСАМ

ЛадувгІалахь. Дукха шераш дІаихад цу хана денз, дукха хий Іоихад цу хана денз. Іодаха хий юхадерзаргдац, дІаяха ха юхайоагІаргьяц. Из маца хиннад ховш цхьаккха саг а вац.

Вахаш-текъаш цхьа зIамига саг хиннав Баьтар яхаш цIи а йолаш. Къаьна нана йоацар кхы саг хиннавац цун. Ше а ший къаенна нана а кхоабаш, вахаш хиннав Баьтар. ЙIаьха гота йоаллаеш, шера мангал хьокхаш, ший жа, доахан доажадеш, ди дIахьош хиннав из. Сарахьа, боад къовлабенначул тIехьагIа, шийи наьнеи самукъадоаккхаш, пандар локхаш а хиннав. Тийшача балхахи, зе-зуламахи оагIув озаш, хьаьна ший хьакъах вахаш хиннав. Эшача тIема говзал а гойташ, бакъда тIемаца рузкъа тIехьакхувш а воацаш. Хьаькъалах, деналах, низах, мерзача уйлах наха дикка шиш болаш а хиннав из.

Цу хана вахаш Сеска Солса яхаш цIи а йолаш саг хиннав. Шийна тIехьа бIу а болаш низах, деналах визза хиннав из. Цудухьа оалар цох наха, хьийнача болатах ваь Сеска Солса, аьле. Ший бIуца массехана довнаш, тIемаш, къоалаш деш цIи хеза хиннай цун. Баьтари Сеска Солсеи вIаши бовзаш хиннабац. Массехана ка йоалаш, духьал мел даьннар эшадеш шийх чIоагIа бIубеннача Сеска Солса цкъа ший ворхI эршал лакха болча, хIама ховш болча дынага хаьттад:

– Ванах, сол низ болашагIи, денал долашагIи саг вий-те укх дуне тIа?

ХIама ховча, харц ца лувча дыно жоп деннад:

– Сеска Солса, хьо сона вовза тоъал ха я, дукха наькъаш, гIайтакаш кхихьад вай дунен чу кхесташ; низи денали – из шиъ хоза дикка долаш а ва хьо, вешта, бехк ма баккхалахь, вахаш ва Баьтар яхаш цIи йола зIамига саг. Хьога долчул дукхагIа цун денали низи да аргдац аз, бакъда, хьачунга кхоачаш хилар бакъда хьона.

Ший ды харц луургбоацилга ховш вар Сеска Солса. ЧIоагIа хала хийтар цунна шийла тIех веце а эшашагIа воаца моллагIа вола зIамига саг хиларах. Дег чу яхь къайлар Сеска Солсас. Ший дынага охца аьлар цо:

– Къаенна къурда, биъ ког текхабу хьайба, хьона мичара хов из?

Сабарца жоп деннад дыно:

– Сона йовзаш алача я цу зIамигача сагага яр. Ший да дикка вайзача цо дийцадар сона.

– Болле хIаьта, деша тоам ца бер, сихха дIавига со из Iа вувца Баьтар волча. Iа хьавувццача бесса из ва-вац ховргда вайна.

ВорхI дийи-бийсеи доалаш дIакхаьчаб ераш Баьтар волча.

– Ассалам-Iалейкум. Хьаьша чуэций оаш?

– ВаIалейкум салам. ВоагIалва маьрша. Хьаьша ца везар Далла ца везар. Хьачувала.

Сеска Солса яхаш шийна вувцаш хеза вола саг дика эзделца тIаийцар Баьтара. Диаь, менна ераш баьнначул тIехьагIа хоза пандар а лекхаб фусам-дас хьаьша самукъадоаккхаш (цу хана пандар къонахаша локхаш хиннаб, из эхь-доастаме лоархIаш а хиннадац). Баьтара эздел зувш кхо ди даькхкхар Сеска Солса из волча. Эггара тIехьа ший дагардар дIахайтад Сеска Солса. Хьан

низи денали дукхагIа да къовса раьза хиннав Баьтар. Ишта а вешта а къийсад, нахага а хийттад. Наха тайп-тайпара оалаш хиннад: цкъа Сеска Солса кот ва оалаш, цкъа Баьтар кот ва оалаш. Цу гIулакха нийсагIа кхел мишта ергьяр-хьог! яхаш акхар дувццача хана, Баьтара къаеннача нанас, бехказа а яьнна, хьехар даьд:

– Байнача наьха синош лорадеш лаьттан кIал вахаш ва Iелда. Цунна дIатIа а даха оаш хаьттача мара бокъонца ховргдац шоана деналахи низахи толаш малав. — Дийна саг ца вахача Iеле мишта кхача йиш я, аьнна, хьийхад йоккхача саго.

Сеска Солса ший дын тIеи Баьтар ший говра тIеи болаш бахаб ераш хьийхача новкъа гIолла. ТIакхаьчаб ераш хий теркадеча Тирка. Цунна дехьа а баьнна мара баха йиш йолаш хиннабац ераш. Цу хана хIанзарчул доккхагIеи массагIеи хиннад Тирк, цул совгIа ераш дIатIакхаьчача хана догIано Iаьрждаь тIой керчадеш чу-хьийдда додаш хиннад из, цудухьа кхераме дар цунна дехьавала; шийна чунийсденнар пхо мо додадеш кадай хиннад масса хий. Баьтара аьннад:

– Ер хий тешаме дац, гечув лаха деза вай. Ший денал гойта гIертача Сеска Солса юхааьннад: ер вIалла кхераме а дац, гIоргда вай, аьнна. ДIахьалха а ваьнна, ший ды Тирка чулалла, аьнна, хьайзав ер. Шод а техай, цIогIа а техад, ды кIагора бохийташ, хIаьта а, фуннагIа дича а, пурхаш беш къехкаш хиннаб ды. Цун-га кхаьча хало бIаргагуш волча Баьтара шорттига ши го тоIабаь дIачуяхийтар ший говр. ВIалла шек йоацаш, хий тедаш дIаяхай из, цунна тIехьа мара болабеннабац Сеска Солса ды. Тирка юкъе ераш кхаьчача, хий массагIа долча, хин кIоаргал йолча хиво Iохьош хиннаб Сеска Солса ды. Хала дар селла аьрдагIча хих дегIа веза вола Сеска Солса текхаве. ТIаккха Тиркага кхайка дийхад Сеска Солса, хьай хий кIезигагIа делахь, аз сай дошо тIехкар а лу хьона совгIата. Из а аьнна, ший говзача пхьараша даь мах баь варгвоаца дошо тIехкар хила Iочукхессад. Цу совгIата раьза хиннад Тирк. Хила лувчадеш, ловзадеш, тIехкарга хьежаш ший хий лаьгIдаьд цо. Наха дувцачох, цу хана хинна Тирка чура хий цхьа бахьан лаьгIденнад. ХIанз а ишшта доккха доа Тирк цу хана мел хинна хургда? Хила дехьа а баьнна, дIахо бахаб ераш. ВорхI лоамаи ворхI фордаи дехьабаьннаб. Эггара тIехьа дунен йисте кхаьчаб. ДIахо ваха кхы мотт йоацаш лаьтта хаьда хиннад. Баьтара къаьнача нанас дийццача бесса, лаьтта кхоачалуча Iочубодаш лоами бIаргабайнаб акхарна. Шоай говраш яжа дIа а хийца, Iочуболабеннаб ераш, ший денал гойта безам болаш вола Сеска Солса хьалхеи, кхы сов тIех курал йоаца Баьтар тIехьеи.

Iочу мел болха бух гуш хиннабац, хьалгIетта шийла Iаьржа Iы йоацар кхы хIама хиннадац. Болхаш цхьа ха яьннача гIолла Iеле кхаьчаб. Iеле дIачуйодача цIаста коанаIара юххе ийс бIарг а болаш, ийс ког-кулг а долаш, хьаягIаш кIомсараш а йолаш ийрча ешап дагIаш хиннад. Доккхача дегIара, ча мо даьнна, йIаьха мосаш Iояха, дегI дизза мезий долаш, массахана шийна мIараш хьекхаш,

хиннад из адама ца доврг, гІанахьа ца кхетарг. Акхар шоаш хьош бола никъ дІабийцачул тІехьагІа, дела а денна аьннад ешапо:

– ХІанзалца дийна а волаш саг укхаза чувала безам болаш сона хьалхашка-м венавац. Дийна саг хьачуваьнна а вац укх наІарах кхелхачул тІехьагІа мара, хІаьта хьачуваьннар цхьаккха хана юха ара а ваьннавац. Укх чура саг ара ца валийта ха тІа а оттадаьд со, сай гІулакх нийса а лоаттаду. Денначул тІехьагІа хийцца дІачудаха йиш хургья шун.

– Іа тхо чу ца дуте, аз тур теха Іоъахдоаккхаргда хьо, адама сибат доаца ешап! – аьнна, тур даькккхад Сеска Солса.

Ши тІоара вІашагІ а тохаш, Сеска Солса футтар а веш, деладен-над ешап! Аьнна дош кхоачаш ца дари, дерзандаькккха тур дІатІа ца дахийтари эхь ма дий! Ший бола низ хьагул а баь, далийтад укхо ший доккха тур. ЧІоагІача кхерах кхеташ санна «зов» а даьнна, Іокагденнад тур ешапа дегІа тІара цхьа чо а хоада ца беш. Цох сакъердам хинна, кхы а чІоагІагІа деладеннад ешап.

– Иштта эсал даларе-м со укхаза Іо хоадергдацар. Баркал хьона, са кІаьнк, сона саготдеш долча мезех цаІ бийра Іа са дегІа тІара.

Баьтара уйла яьй: «Ешап ер дале а кхалсаг ма йий ер»,– аьнна. ДІатІа а вийрза аьннад укхо ешапага:

– Іа тхо дІачакхдоалийтаре, аз цигара дика дахьаргдар хьона.

БезамегІа хиннад ешап, хІаьта а ераш чубуташ хиннадац. Из шек далар хоаденнача Баьтара юха а аьннад:

– Боккъала чудутадалара Іа тхо. Оаха аьннача бесса цхьа дика дахьаргдар хьона. ДІатІахьежача чІоагІа тоам болаш хоза, беркате сибат а долаш ма дий хьо. Селлара юхь-дегІа хоза йолча саго ак аьлча а тацар.

Массане а массахана ше долчча бесса йирча да хьо яьхад ешапага. Из чІоагІа хала хеташ хиннад вож, хІана аьлча, цунга хаьттача-м шийл хозагІа хІама а дацар. Баьтара говзача дешаша даьтта хьекха маьчи санна кІаьддаьд ешап. ГІаддаха из:

– Довле, са дукха дахаргаш,– аьнна, цхьа кІеззига оагІора даьннад.

Цхьа бахьан хийра йисача наІарах сихха дІачубаьннаб ераш. ЦІаьххa ший дог кІаьда хиларах дехкедаьлар ешап, хІаьта а кхы де хІама доацаш дисад.

Іеле шийлеи баьдеи хиннай. Гоннахьа «ахІий-вахІий», яхаш, делхаш дола синош бІаргадайнад акхарна. Къабеннача истий синош делхаш хиннад дунен тІа диса шоай бераш дагаухаш. Берий синош делхаш хиннад дунен тІа дисаьча даьшка, ноаношка сатувсаш. Цецбаьнна бола Баьтари Сеска Солсеи хоза дикка хьежаб цу синошка. Царна тІадувхар мерчий доацар кхы хІама хиннадац. Дунен тІа бахача наха тара хиннадац уж. ДукхагІа дараш бокккхийча наьха синош хиннад. Къоначар синош тара хиннад е цхьа уне болча наха е тІем тІа боабаьча цхьацца сакхат долча наха. ДІахо ераш болхача хана, Сеска Солсана доккхий сардамаш доахаш, цо

боабаьчар синош хьатIадаьххкад. Уж хиннад е кулг-ког доацаш, е корта боацаш, е цхаралдаькхка дегI долаш. Цар йоккхача тоабано Сеска Солсага ца оалаш во хIама дитадац. Цунна вий а кхайкаеш, венначул тIехьагIа тха кара ма воагIаргвий хьо, оаха бергба тIаккха-м хьа болх, яхаш.

ДIахо а ераш болхаш, Баьтара хьатIадаьххкад синош доккха баркалаш а ловцаш а доахаш. Уж хиннад хьалха дийна болча хана Баьтарас новкъостал даь, е гIулакх даь, е хоза дош аьннача наьха синош.

Iела юкъе тIехкех хьалъетта лакха гIала бIаргаяйнай акхарна. Цу чу вагIаш хиннав Iелда, байнача наха нийса кхел еш, дика лийнар ялсамале вохийташ, во лийнар жожагIате вохийташ.

Дийна нах шийна духьал бахкарах цецваьннав Iелда.

– Сево сатем боабаь лел шо, фу гIулакх дахьаш даьххкад шо? Ма тамаш я шо шоай лоIамах укхаза дахкар, укх чу мел вар-м вада гIерташ ва!

Иштта-иштта да, аьнна, шоаш мел леладаьр а шоай ха безам бар а дIадийцад акхар. КIоарга уйла а яь, аьннад Iелдас:

– Маьлха дунен тIа мел доаллар со санна дика ховш саг вац. Дунен тIа лергвоацаш саг вац, венначул тIехьагIа ше мел леладаьри наха шийна мел даьри IоцIендеш саго хьадувц сона. Деналах шоах товр малав ала атта-м дац, хIаьта а сайна могар де хьожаргва со.

Аз цхьа хIама дувцаргда шоана, шоашта хеттача бесса жоп лургда оаш.

Цхьан хана вахаш ши доттагIа хиннав. Шоайла бIу болаш, доттагIал чIоагIа лорадеш цIи хезар цар. Царех цхьаннена йоI езаеннай, йоагIаргья аьнна, йоIо дош а деннад цунна. ХIаьта шоллагIча доттагIчоа а езаеннай из йоI, цунна ховш хиннадац ший доттагIчоа из езилга а, йоIо цунна дош деннилга а. Цу тIа гIолла зоахалола нах а бахийта, йиIий даьша царна жоп а денна, ха а йилла, дIаэттад из гIулакх. Иштта зоахалол хиннилга хьалхарча доттагIчоа ца а ховш, хьалха санна йоIаца мерза къамаьл де ер велча, йоIо дIахайтад ше раьза йоаццашехьа даьша вокханга дIаеннилга а, укхо шийна ха йиллача хана едда яха ше кийча йолга а. ЙоIаца цу гIулакхах цхьацца къамаьл а даь ер цIавоагIача хана эрий ара мецвенна, хьогвенна, герз дайна кIалвиса ший да вийна пхьа боалла саг кхийттав укхох.

ХIанз алал, фу дергдар оаш шоашта езаш йола йоI кхычунга иштта маьре дIалуш а хилча, йоI ше едда маьре яха кийча а хилча? Фу дергдар цу духьал нийсвеннача пхьа боаллача сага? Алал фу дергдар оаш цу зIамигача сага когаметта хилча?

Цхьан юкъа уйла яьй баьхкачар. Сеска Солса аьннад:

– Сога хаьттача, цу зIамигача сага когаметта се хилча, аз из йоI йодаяь дIаюгаргьяр, хIана аьлча, вокхал хьалхагIа из езаенна хиннав из зIамига саг. ХIаьта пхьа боаллача сага кхы дош доацаш де доаггIар-м дергдар. Мичча бесса из вале а са пхьа боалла саг веций из! Бакъда, цунга герз-молха ца хилча, аз сай долаш дар-м лургдар цунна.

Баьтара аьннад:

– Хоза хабар дувцачеи хьаьнача шуна тІа ха юачеи эшац мотт сона доттагІал. Цхьа хало-бала, е моллагІа доккха гІулакх тІакхаьчача эшаш да из сий дола гІулакх. Хала ши бала кхаьча хиннаб цу зІамигача сагага. Сона хетарах, аз-м йоІ езаеннача доттагІага дІайохийтаргьяр, йоІа сай доттагІ дика мога а веш. Оалаш иштта атта дале а, гІулакха дІатІакхаьчача селлара атта а хургдац из. Из дича бакъахьа хет сона, визза доттагІ волчо. ШоллагІдар. Пхьа боалла моастагІа дІавахийта хала-м да. ХІаьта а из иштта кІалвиса волча хана, сай дола тух-сискал денна аз из маьрша дІавохийтаргвар. Бакъда, кхыйолча хана, из могаш-маьрша хинначул тІехьагІа, сайна доагІар чудахьаргдар, цу тІа из могаш-гІаьхьа волча хана цун вала безам хург а мичаб. Цун вахар дезаденнача хана цунгара пхьа ца баькхача-м морзал а мича хул цу бекхамах. ХІаьта кІалвисача хана, дуненах къаста цунна хала хетаргдац. КІалвиса саг вер шийца дукха денал доаллаш да мотташ вац со.

Цар шинне деннача жопага ладийгІачул тІехьагІа Іелдас аьннад:

– Хьона хала ма хеталахь, Сеска Солса. Хьона хетача тайпара денал дистача-м хьол денал долашагІа саг хургвац. Шун къамаьлага ладийгІача, Баьтар «денал» яха дош нийса кхетадеш корадаьд сона. Ала доагІаш да: денал алхха цхьан майралах даллац. Дукха дешаш да цунна юкъе доагІаш. Тирках шо довлача хана Іаьржача хи чу эккха дукха денал эшацар, ешапа тур тоха а дукха денал эшацар, хьаькъалца гІулакх дарца да денал.

Денала гІулакхах ше эшашагІа волга кхетадир Сеска Солса. Іелдас дІахо аьлар:

– ХІанз хьожаргда вай шо шиннех низ болашагІа малав. Из а аьнна, ший бе йоаллаш йола Іаса айяь Іочутехай Іелдас шийна хьалхашка уллача боккхача бутув болча кхерах, аханелцца Іочуяхай Іаса. Дуне аьгад. Іелдас, из Іаса кхерара хьаяькккхар ва низ болашагІа, аьннад. Сеска Солса ши-шийца уйла яьй: «ХІанз-м сога дита Іа гІулакх, низаца мукъагІа со ца толе, эхь ма дий ер»,– аьнна. ДегІах боккха низ болаш вар Сеска Солса, тийша вар из ше котваргхиларах. Аьннад Сеска Солса:

– Аз йоаккхаргья из Іаса.

Баьтар сихлуш хиннавац.

ДІатІа а ваха, ший дегІаца мел бола низ а гІортабаь, шинна кулгаца хьаозаяьй Сеска Солса из Іаса. Сов чІоагІа кхерах когаш гІортабарах, кога кІалхара кхера жагІа хинна дІаэттаб. Циггача кІаьдваларца берригa дегІа низ беха, кхы хІама де ца могаш шин кога тІа ца лоатталуш висав Сеска Солса.

ТІаккха дІатІавахача Баьтара шортига цхьан кулгаца цу жагІара хьа а яькккха, из Іаса дІакховдаяьй. Іелдаьна хайнад Баьтар шоллагІа хІана вахав Іаса озае, хьалхагІа ца а водаш. Аьннад цо:

– Сеска Солса, дегІаца низ дукха болаш саг ва хьо, бакъда, низи хьаькъали цхьана хилча сагага низ дукхагІа хул. ХІаьта Баьтар

хьол котваьлар, Маьлха дунен тІара дийнача сагаца къамаьл даь вац со, бакъда наха-м цар дунен тІа леладаьчунга хьежжа кхел е Іема ва со. Сайна ховчча бесса аз кхел яьй. Шо даьхкадар низи денали къовса, хІанз гой шоана хьаькъал къувса дезаш хиннилга. Кхы согара эшаш хІама дий?

Баьтара аьннад:

– Баркал хьона, Іа тхоца къамаьл дарах. Хьогара дукха деха тоам хетацар тхона, хІаьта а, Іа бехк ца боаккхаре, деха цхьа гІулакх дар тха. Хоза дешаш а дийца, цхьа дика дахьаргда а аьнна, Іела ха деш дагІа ещап Іеха а даь, хьачудаьхкар тхо. ХІанз юха арадала йиш хургйолаш хьогара новкъостал дезар тхона. Іа ца дича кхы новкъостал де саг а вац тха.

– Ай, цул аттагІа хІама дац,– аьнна, Іелдас дІаеннай Баьтара шин долцца йІаьха сома царгаш йола ехк,– дукха ха я из эгІадаьр мезаша сатем боабаь дола. Оаш ер ехк цунна дІалойя, кхы дикагІа дола хІама оаш цунна дергдац.

Іелдаьна баркал а аьнна, Іадика а йийца, юхабийрзаб ераш хьабаьхккача гІолла.

Ешапа дІатІакхаьчача, ераш бІаргагушшехьа, наІарга а этта латташ хиннад вож. Дела а денна хаьттад цо акхарга:

– Мичад оаш сона дахьаргда яьха дика, са бераш? Шоана хетта-ча бесса атта чакх-м даргдац шо. Чувоалачул халагІа да укхазара аравала.

Аьннад Баьтара:

– Баркал хьона Іа тхох хьай бераш лархІарах, оаха дена дика ер да хьона,– аьнна, ехк дІакховдаяьй.

Фу де воалл хьо аьлча, тІакхийттача ешапо ехк хьа а ийца, керза ка етташ ший говра низаца мосех ехк хьекха доладеннад. ГІадъяхарах шокъ а ена яьттІа елаш:

– Маьрша гІолаш, маьрша гІолаш! Укхал дикагІа-м кхы цхьак-кха а хІама хиннадац укх шин дунен тІа. Дукха доахадолда шо, сий хилда шун! Ер дика даьча, са бераш-м хІаьта а дар шо! Долелаш!

Ша бетташ санна, цо хьекхача ехках нана пІелг санна доккхий мезий Іолегаш хиннад, «тІох-тІоххе» лаьттах а детталуш.

Дагахьа, Дала лорадолда тхо хьа бераш хиларах а, аьнна, наІарах аралийлха бахаб ераш.

Юха а укх маьлха дунен тІа хьалбодача лоамен тІагІолла Іела боадонах хьалъара а баьнна, шоай дошта тІа а хайша, цІенгахьа бийрзаб ераш.

Баьтар шийла котваьннавале а кхы Іаьржа хьагІ дега чу ца къовлаш Сеска Солса цунца доттагІал тессад. Цул тІехьагІа хозал яла йоалла ший йиша цо Баьтарга дІа а енна, гаргалол а тессай.

Хозача нускалца ваха Іохайнав Баьтар. Цар бераш хинна, цу берий юха а бераш хинна, кхы а бераш хинна хІанзалца тІехьа хьакхаьчаб цар овла.

Эзди волаш, хьаькъал, денал долаш вола саг хьайна гойя, царех хьаваьннилга халахьа.

СПОР, РАЗРЕШЕННЫЙ В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ

Послушай. Много лет прошло с тех пор, много воды утекло с тех пор. Утекшая вода вспять не течет, ушедшее время не возвращается. И никто не знает, когда это было.

Говорят, жил когда-то молодец по имени Бятар. Кроме старой матери, никого не было у него. Бятар кормил мать и себя, да так и жил. Пахота его длинной была, широко косила коса, пас он своих овец и коров – и так проходили день за днем в работе. А к ночи, чуть наступит темнота, он играл на пандыре, развлекая своей игрой себя и мать. Он сторонился коварства, подлости и мирно жил своим трудом. Если где понадобится, то мог он показать и искусство боя, но никогда в войне источника богатства не искал. За ум и мужество, за силу и добрые мысли его уважали люди.

В то время жил и человек по имени Сеска Солса [1]. Он имел дружину и крепок был силой и мужеством. Поэтому люди его называли «Сеска Солса из кованой стали». И слава та о нем пошла потому, что он вместе со своими всадниками всегда воевал и совершал набеги. Бятар и Сеска Солса не знали друг друга.

Сеска Солса всегда был победителем, любые преграды он преодолевал и, уверовав в свою силу, однажды спросил своего семиаршинного и всеведающего коня:

– Есть ли человек на свете сильнее меня, мужественнее меня?

Всеведающий и правду говорящий конь ответил ему:

– Давно тебя я знаю, Сеска Солса, немало исходили мы дорог и троп в этом мире. И силу, и мужество имеешь ты в достатке, но, не в обиду тебе сказать, есть на свете один молодец по имени Бятар. Не скажу, что у него больше, чем у тебя, силы и мужества, но не слабее он тебя.

Сеска Солса знал, что конь его никогда не говорил неправду. Крепко опечалился он, узнав о безвестном молодце, который, хотя не превзошел его, Сеска Солсу, но и ни в чем не уступал. Ях закралась в его душу, гордыня обуяла его, и он спросил коня.

– Старый подседельник, ноги волочащая скотина, откуда ты это знаешь?

Конь спокойно ответил:

– У того молодца есть знакомый мне маштачок. От него, хорошо знающего своего хозяина, я и узнал это.

– Не угождающий и словом, поехали тогда, вези меня к этому Бятару. Мы узнаем, таков ли он на самом деле, как ты говоришь.

Проделав путь за семь дней и ночей, доехали они до Бятара.

– Салам-алейкум. Принимаете гостей?

– Ва-алейкум салам. Приходи с миром. Не любящий гостя и Богом нелюбим. Входи.

Много слышавший о Сеска Солсе, Бятар с почтением принял гостя. Когда поели и попили, хозяин и на пандыре сыграл, чтобы увеселить гостя. Наблюдая за благородным поведением Бятара, Сеска Солса пробыл у него три дня. Наконец, Солса поведал о цели своего приезда.

– Кто из нас сильней и мужественней? – спросил гость.

И так и сяк спорили, спрашивали людей, и все отвечали по-разному: одни говорили, что превосходит Бятар, другие – Сеска Солса. Призадумавшись, молодцы, не знали, как разрешить спор.

И тут старая мать Бятара, извинившись, посоветовала им:

– Есть под землей, на том свете, Элда [2] – владыка [хозяин] мертвых, который охраняет их души. Он знает все, что происходит и в солнечном мире, и в подземном. Только у него вы сможете узнать, кто из вас сильней и мужественней.

Старуха научила, как добраться до Эла, в который никто из живых еще не входил. И отправились Сеска Солса на своем коне и Бятар на своей лошадке по указанной дороге. Так доехали они до Терека, несущего, перекатывающего свои бурные воды. Только перейдя реку, могли они продолжать свой путь. Терек был в те времена многоводнее и быстрее, чем сейчас. Но от дождя он стал совсем черным и, ворочая камни, стремительно мчал их в потоке. Все, что попадало в его воды, подобно пуле, уносилось быстрой водой. Опасно было переходить его.

Бятар сказал:

– Опасная эта вода, поищем лучше броду.

Но желавший показать свое мужество Сеска Солса ответил:

– Перейдем, это совсем не опасно!

При этом он хлестнул своего коня нагайкой и направил в сторону разбушевавшейся реки. Хоть и нагайкой хлестнул, и крикнул так, что конь присел, все равно конь фыркал и метался, но не шел в воду. Увидя его смятение, Бятар потихоньку сдавил колени и направил в реку своего маштачка. Принюхался конь, присмотрелся и, выбрав брод, начал спокойно и уверенно прорезать воду. За ним пошел и конь Сеска Солсы. Но в середине реки, там, где она быстрее и глубже, стало вдруг уносить тяжелого коня Сеска Солсы бурным течением.

Обратился тогда Сеска Солса к Тереку с просьбой:

– Уменьши свои воды, я свой золотой пояс подарю тебе.

Сказав это, бросил он в воду золотой пояс, изготовленный умелыми мастерами. Доволен был Терек подарком. Поясом любуясь, играя с ним и купая в волнах, усмирился Терек и приуменьшил свои воды.

Как рассказывают люди, с тех пор вода в Тереке поубавилась. И сегодня Терек многоводен, а каким же он был тогда? Перейдя реку, пошли они дальше. Перешли семь гор и семь морей. И, наконец, пришли они на край света. Земля совсем обрывалась здесь,

и некуда было идти. Как и рассказывала старая мать Бятара, увидели они лестницу, уходящую вниз от края земли. Отпустив своих коней пастись, стали они спускаться вниз. Впереди шел Сеска Солса, жаждавший проявить свое мужество, за ним Бятар, не обладавший излишней гордостью.

Сколько ни идут – конца не видно, и нет ничего, кроме идущего снизу черного пара. Так, продвигаясь, они пришли к Элу. У медных ворот, ведущих в Эл, сидело девятиглазое, девятируконогое, клыкастое, страшное Ешап. Телом огромное, обросшее, как медведь, с длинными космами, облепленное вшами, оно непрестанно чесало себя когтями. Чтоб человек его не видел и чтоб во сне оно не приснилось!

Когда они рассказали, зачем пришли сюда, то, рассмеявшись, Ешап сказало:

– До сего дня передо мной не появлялся живой человек, пожелавший войти сюда. В эти ворота не входил живой человек, он может войти лишь после своей смерти; вошедший же никогда не возвратится. Меня для этого и поставили на страже, и я исправно несу свою службу. Когда вы умрете, сможете свободно пройти сюда.

– Если ты нас не впустишь, я мечом разрублю тебя надвое, облика человеческого не имеющее Ешап!– сказав так, Сеска Солса вытащил меч.

Ударив в ладоши, передразнивая Сеска Солсу, рассмеялось Ешап. Не исполнить сказанное слово, не ударить оголенным мечом – большой стыд! [3] Собрав всю имеющуюся силу, ударил он Ешап своим большим мечом. Раздался звон, будто меч ударился о твердый камень, издав «зоу». Он переломился, не срезав на теле Ешап ни одного волоска.

Видя в этом забаву, еще больше рассмеялось Ешап.

– Если бы я было столь слабым, меня сюда бы не посадили. Спасибо тебе, мой мальчик, ты убил на моем теле одно из насекомых, не дающих мне покоя.

Бятар подумал: «Хотя это и Ешап, но оно все-таки женоподобное»,– и, повернувшись к нему, он сказал:

– Если бы ты разрешило войти нам, я бы принес тебе оттуда что-то хорошее.

Стало любезнее Ешап, но все же не пропускало. Заметив, что оно сомневается, Бятар продолжал:

– И вправду, впусти ты нас. Как обещали, мы принесем тебе что-то хорошее. Посмотришь на тебя, ты так приятна и привлекательна на вид. Не пристало ведь такому лицом и телом красивому созданию отвечать «нет».

Все и всегда говорили Ешап, что оно безобразно, как и было на самом деле. А ведь это было очень обидно, так как Ешап считало, что красивее его ничего не было на свете. Хитрые слова Бятара, как масло смягчает подошву ссохшегося чувяка, расслабили сердце Ешап.

Обрадовавшись, оно вдруг сказало:

– Да живете вы долго и проходите.

Сказало и при этом слегка отодвинулось в сторону. Они быстро вошли в приоткрытые ворота. В своем внезапном мягкосердечии Ешап тут же раскаялось, но уже было поздно.

В Эле было темно и холодно. Всюду были души усопших, причитающих «ахий-вахий». Души старых матерей плакали, вспоминая своих детей, оставшихся в солнечном мире. Души детей плакали, вспоминая своих отцов и матерей. Удивленные Бятар и Сеска Солса внимательно присматривались к этим душам. Одеты они были только в саван. Не похожи души на людей, живущих в солнечном мире. Большинство из них были души стариков и старух. Души молодых напоминали зачумленных людей, либо изувеченных и погибших воинов. Путники шли все дальше. К ним стали подходить души, проклинавшие Сеска Солсу. Все они были кто без рук, кто без ног, кто без головы, либо с изрубленными, изрешеченными телами, и все они не забыли ничего дурного, что он сделал им. Эти души угрожали ему расправой, после смерти, когда он спустится в подземный мир. А путники все шли и шли. Теперь к ним подходили другие души – тех, которым Бятар помог при их жизни и сделал добро. Все они благодарили его за это.

Посреди обители мертвых они увидели высокую башню, сложенную из человеческих костей. В ней сидел владыка подземного мира – Элда и творил справедливый суд над усопшими. Праведных он отправлял в рай, а грешных помещал в ад [4].

Увидя живых людей, очень удивился Элда.

– Что блуждаете вы в подземном мире, что привело вас сюда? Ведь никто не являлся ко мне по своей воле, и все готовы бежать отсюда!

– Мы не можем решить спор, кто из нас лучше. Ты только можешь ответить на этот вопрос.

Глубоко задумался владыка подземного мира и сказал:

– Обо всем, что происходит в солнечном мире, лучше меня никто не знает. Ведь бессмертных людей нет, после смерти все, содеянное человеком, предстает перед моим судом. Кто из вас лучше, сказать трудно, но я постараюсь ответить на это. Я расскажу вам кое-что, и каждый из вас скажет свое мнение.

В давние времена жили два друга. Все знали о них, как о верных и преданных друзьях. Один из них полюбил девушку, и девушка дала согласие связать с ним свою судьбу. Второй тоже полюбил эту девушку, не зная, что ее любит его друг, и послал к ней сватов, на что и получил согласие от родителей. Но первый не знал об этом и, как всегда, захотел провести с любимой девушкой сладкую беседу. Она поведала ему о своем горе и сказала, что готова бежать с ним. Когда этот юноша возвращался домой, он встретил в пустынном месте убийцу своего отца. Его кровник был слаб, голоден, умирал

от жажды и был безоружен. Скажите, как бы вы поступили на месте этого юноши?

Сеска Солса сказал:

– Если спросить меня, то я на месте этого человека увел бы девушку, потому что он полюбил ее раньше другого. А с кровником поступил бы так, как должно. Каким бы ни был он, все-таки это мой кровник! Но не имей он оружия, я дал бы ему свое – лишнее.

Бятар же ответил:

– Не за сытным обедом время проводить, и не ради красного словца нужна дружба. В большом деле и в несчастье проявляется она. Два тяжких горя постигли юношу. Мне кажется, что я оставил бы девушку полюбившему ее товарищу, как бы то ни было трудно, но так именно должен поступить настоящий друг. Трудно пройти мимо кровного врага. И все-таки, встретив его в таком жалком виде, я отпустил бы его; поделившись своим хлебом-солью. Да и мало чести убивать беспомощного! Но в другое время я непременно бы взял свой долг крови. Тем более что, будь он здоров, ему труднее расстаться с жизнью!

Выслушав оба ответа, Элда сказал:

– Ты не огорчайся, Сеска Солса. Если судить о мужестве по-твоему, то мужественнее тебя никого нет. По вашим ответам я понял, что слово «мужество» Бятар понимает вернее. Не из одной храбрости состоит оно и многое в себя вбирает: рассудком определяется мужество.

Понял тогда Сеска Солса, что по мужеству он уступает Бятару.

– Теперь посмотрим, кто из вас сильнее,– сказал Элда.

Сказав это, поднял он над головой свой посох, который держал в руке, размахнулся и наполовину вогнал в крепкий литой камень, лежавший перед ним.

И сказал Элда:

– Кто вытащит посох из камня, тот и сильнее.

Тут Сеска Солса и подумал про себя: «Теперь хоть покажу свою силу, иначе будет позор!»

Много силы было в теле Сеска Солсы, и он был уверен в своей победе.

– Я вытащу этот посох,– сказал он.

А Бятар не спешил. Собрал Сеска Солса всю силу своего тела и потянул посох обеими руками. Он так сильно уперся ногами в камень, что превратил его в щебень. Истратив всю свою силу, Сеска Солса не вытащил посоха и еле стоял на ногах от усталости.

Потом подошел Бятар. Он спокойно одной рукой вытащил посох из щебня и протянул владыке мертвых.

Понял Элда, почему Бятар не стал первым тянуть посох, и тут сказал:

– Сеска Солса, в твоем теле кроется большая сила, но, когда сила соединяется с умом, человек становится еще могущественнее.

Батяр победил тебя в споре. Я не говорил до сих пор с живыми людьми солнечного мира, хотя и сужу души умерших по их земным поступкам. Так я рассудил и вас. Нужно ли вам еще что-нибудь от меня?

Бятар ответил:

– Спасибо тебе за твои речи. Мы не можем просить тебя о многом, но у нас есть к тебе еще одна просьба. Мы красноречием обманули Ешап, охраняющего вход в Эл, проникли сюда, обещая сделать ему подарок. Теперь же нам нужна твоя помощь. Кроме тебя, никто не поможет нам выйти отсюда!

– Легче этого ничего нет,– сказал владыка мертвых и подал Бятару гребень размером в два локтя с толстыми зубьями.– Давно Ешап беспокоят вши, если вы подарите ему этот гребень, то большего добра и не сделаете!

Выразив Элде благодарность, они отправились в обратный путь. Увидело их Ешап и сразу же стало в воротах.

Улыбаясь, спросило путников:

– Где обещанный вами подарок, мои детки? Не удастся вам теперь так легко выйти отсюда. Это во много раз трудней, чем войти сюда!

И тогда Бятар ответил:

– Спасибо тебе, что ты называешь нас своими детьми, а вот и наш подарок,– и он отдал ему гребень.

Схватив гребень, Ешап ожесточенно изо всех сил принялось чесать свои космы. От радости оно пришло в экстаз и захлебывалось от смеха, а вши, величиной с большой палец, падали на землю, стуча, будто камни: «тох-тох».

Сказав про себя: «Упаси бог нас быть твоими детьми»,– и выбежав за ворота, они отправились в путь. И вновь взбираясь по лестнице, ведущей из тьмы Эла, вышли в этот солнечный мир и, сев на своих коней, повернули к дому.

Хотя Бятар и победил в споре, Сеска Солса, черной зависти в сердце не тая, заключил с ним дружбу. А затем свою дивно красивую сестру за Бятара выдал и тем родство скрепил с ним.

Стал Бятар поживать с красавицей женой. Родились у них дети, у этих детей тоже были дети и от них дети пошли, и до сего дня дошел их корень. Если вы увидите благородного, умного и мужественного человека, знайте, он произошел от них.

В 1964 году от 97-летней жительницы Владикавказа (Орджоникидзе) Гошмохи Дордагановны Бековой записал И. Дахкильгов. Со слов Г. Бековой, она слышала это сказание от своего отца Дордагана. Опубликовано: ГІФ67. С. 138; ГЭЧИ. С. 304; ГІОДФК. С. 8; ССПЧИ. С. 236; МЛВ. С. 124; ИССП. С. 241.

[1] *Сеска Солса* – предводитель нартской дружины.

[2] *Владыка царства мертвых* – имеется в виду бог подземного мира, имя которого зафиксировано по-разному: у Ч. Ахриева – Этер, а у Б. Далгата – Эштр. В данном же сказании это божество просто названо описательно «Элда». Имя это состоит из двух слов – «Эл» (подземный мир) и «да» (владелец).

[3] По древнему обычаю обнаженное оружие должно было быть пущено в ход, поэтому оружие, даже для устрашения, не принято было всуе вынимать из ножен.

[4] Понятия о рае и аде появились позднее. По древним же верованиям функции обоих этих миров были соединены в «Эл».

* * *

17. ДЖАЬНТЕЛГ

Бахаш хиннаб Джаьнтелги цун ши доттагIеи. Майралца, деналца цIи хеза хиннаб уж. Джаьнтелг тхьамада а волаш, мел долча дуненна го тийсаб цар. Цкъа гаьннача дуне тIа болхаш са а дайна эрий ара бийса яккха моттиг йоацаш бисаб. Мича дIатарлургдархьогI, яхаш, ераш лелача хана бIаргадайнад акхарна лаьтта чу Iочудода доккха Iург. Чухьежача баьде хиннай цу Iурга чу.

– Довле, цу Iурга Iочу а даьнна бийса якха хьожаргда вай,– аьннад Джаьнтелга.

– Ца дахача бакъахьа дар вай, кхераме да из: цу чу фуд мича хов вайна,– аьннад наьрташа.

– Ер дуне тоIадеш лела со Джаьнтелг-м гIоргва цу чу,– аьнна, Iочуволавеннав. Цунна тIехьа новкъостий а бахаб. КIезига болхаш, дукха болхаш цхьа сердало бIаргаейнай акхарна. Ераш дIатIакхаьчача, доккха ешап бIаргадайнад дижа уллаш. Ше дагIачара хьалъай а денна, бIаргаш къоарза а даь, царгаш хьокха а яь, Iохайнад из.

– Фу эш шоана? Сенна даьхкад шо? – аьннад, циска бIаргаш къоарза а даь.

– Къаденна ешап, хьа цIий мала даьхкад тхо!– майрра аьннад, дIахьалха а ваьнна Джаьнтелга.

– Низ тоъаргбац шуга са цIий мала. Со се я шо мо долча тинна лелача наьха цIий мелаш,– аьнна, ешапа хьайийллай шийна тIехьашка латта наIараш. Новкъостий дIачухьежача бIаргабайнаб акхарна кховзткъе кхоъ корта.

– Аз цIий меннача наьха кортош да шоана ераш. Шол дикаагIа къонахий а бар царна юкъе,– аьннад ешапа.

– А, мичара хьа цIий мала даьхкад тхо! Оаха-м бегаш баьбар. Жи! фуннагIа яле а цхьа яахIама кийч а йий, бийса яккха моттиг кийчъел тхона.

ДIаденнача ешапа етт а бийна, яь чу бахийта, из кхехка а баь, пхьор дуадаьд новкъосташта. Iодувша аьнна мотт а биллаб.

ДIабийшаб новкъостий. ХIаьта Джаьнтелг тхьайса волаш санна кеп а оттаяь, саькхо ладувгIаш уллаш хиннав. КIезига ха йоалаш, дукха ха йоалаш, цхьа тата хезад цунна. Шорттига ший цхьа бIарг а бийла дIахьежача, бIаргадайнад Джаьнтелга доккха урс «чIарх-чIарх» яхаш ший царгех ирдеш дагIа ешап. Шорттига мIишка яьй укхо ший новкъосташта. Из бIаргагушехь кхерабенна новкъостий бос баха, хьоа а ца луш таккхалча ихкаб. Ераш ухкача оагIорахьа хьа а хьежа, хаьттад ешапо.

– Тхьайсар малав, тхьовсанза малав?

– Тхьовсанза со Джаьнтелг ва!

– ХIана тхьовсац хьо?

– Наб ягIац сона: со цIагIа волча хана са нанас кхаьра уст а буабий вужавора со,– аьннад Джаьнтелгас.

Кхаьра уст а боалабаь, бийна из кийч а баь буабаьб цо Джаьнтелга. ХIама юаргйолаш Джаьнтелг а хиннав. Дикка дулх а диаь юха а ший метта Iовижав. Тхьовра санна «чIарх-чIарх» яхаш ший царгех урс ир а даь, хаьттад ешапо:

– Тхьайсар малав, тхьовсанза малав?

– Тхьовсанза со Джаьнтелг ва!

– Наб е хьайна, хIана тхьовсац хьо?

– Ишттa наб ца йоагIаш уллар со. ЦIагIа волча хана са нанас пхера – кхаьра уст буабаьчул тIехьагIа уст бодача яь чу шурий тIа хьоара худар дора сона,– аьннад Джаьнтелгас.

Уст бодача яь чу шура Iочу а етта, хьоар чуухташ пескаца из кегадаш, худар де эттад ешап. Кастта булкъаш де доладеннад худар. Ешап яьна IотIадийрза доаллача хана, шорттига дIатIа а ваха, Джаьнтелгас тIехьашкара мIарга теха худара яь чу дахийтад ешап. БIаргаш а дайна деррига дегI а доагадаь цIенъюкъе гIолла мухь а бетташ, хьал-Iо ада доладенлад ешап. Ший хаьнара тур а даькккха, ззар оагал даьд Джаьнтелга цу ешапа дегIах. Цох Iо мел иха цIий дIатIатехад цо наIар тIехьашка уллача кховзткъе кхаь керта. Дийнбенна царех тIемахой хинна дIаэттаб.

Ший зовза ши доттагIа эккха а ваь, уж кховзткъе кхоъ шийна тIехьа а ваькккха, цу бIуна ше хьалха а волаш, волавенна вахав Джаьнтелг.

ДЖАНТЕЛЬГ

Жили Джантельг и два его друга. Они прославились мужеством и храбростью. Ходили они по свету, предводительствуемые Джантельгом.

Однажды нарты очутились в диком краю и не знали, где переночевать. Увидели они отверстие в земле, заглянули в него – одна темнота.

– Давайте спустимся в отверстие, переночуем там,– сказал Джантельг.

– Опасно туда спускаться, мы ведь не знаем, что там,– сказали нарты.

– Что мне опасность, я спущусь,– сказал Джантельг и стал спускаться в отверстие, а за ним и его друзья.

Шли они, шли и видят сияние. Подходят – это лежит ешап.

Поднялось ешап, сверкнуло глазами, заскрипело зубами:

– Что вам надо, зачем пришли?

– Старый ешап, мы пришли пролить и выпить твою кровь!– смело выступил Джантельг.

– У вас не хватит сил пролить мою кровь. Я само пью кровь людей, подобных вам,– сказало ешап и открыло позади себя двери.

И видят друзья шестьдесят три головы.

– Это головы тех, чью кровь я выпило. Среди них были мужчины и посильнее тебя и твоих друзей,– сказало ешап.

– Да мы пошутили с тобой, где нам пролить твою кровь. Лучше приготовь нам поесть и место переночевать.

Зарезало ешап корову, сварило мясо в котле и угостило друзей ужином, а затем уложило спать.

Легли друзья. Джантельг притворился спящим, а сам чутко ко всему прислушивался. Мало ли времени прошло, много ли, слышит он какой-то шум. Приоткрыл Джантельг дверь и видит: ешап точит нож о свой зуб.

Тихонько разбудил Джантельг друзей. Увидели они, что делает ешап, и от ужаса замерли.

Смотрит в их сторону ешап и спрашивает:

– Кто спит, а кто не спит?

– Я, Джантельг, не сплю.

– Почему ты не спишь?

– Не спится что-то. Перед сном моя мать резала мне на ужин трехгодовалого быка и варила его в большом котле на чистом молоке,– сказал Джантельг.

Привело ешап трехгодовалого быка, зарезало его, сварило на чистом молоке и накормило Джантельга. А Джантельг любил поесть. Поел он мяса и снова лег.

Ешап опять стало точить большой нож о свои зубы и спрашивает:

– Кто спит, а кто не спит?

– Я, Джантельг, не сплю.

– Почему не спишь, уснул бы себе.

– Не спится что-то. Перед сном моя мать после трехгодовалого быка варила в таком же большом котле на чистом молоке кашу из муки,– сказал Джантельг.

Варит ешап в огромном котле кашу на молоке и лопаткой мешает ее. Каша сильно нагрелась и стала булькать. Ешап стояло, нагнувшись над котлом. А Джантельг потихоньку подошел сзади и толкнул его в большой котел.

Ослепло ешап от сильных ожогов, носится по комнате со страшными воплями. Выхватил Джантельг шашку и изрубил ешапа на мелкие куски.

Кровью ешапа он обрызгал шестьдесят три человека, находившихся за дверьми. Все они ожили.

Джантельг прогнал своих трусливых друзей, а этих шестьдесят трех воинов возглавил и продолжал борьбу с врагами.

В 1964 году рассказала пожилая жительница села Насыр-Корт Шишха Абдуловна Ханиева. Записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ГФ-67. С. 115; ГІОДФК. С. 191; ССПЧИ. С. 151; ИССП. С. 130.

* * *

18. БАЬТАРИ ЙОІИ

Сурхотlара лоамашкахьа хьал а волавенна, Кен яхача хих дехьа ваьнначул тІехьагІа хьо урагІа хьалхьежача, гуш цхьа боарз ба. Геттар гаьннача замах хьалбаьб из. Цох дувцаш ер хабар да.

Орстхошхара хиннав зІамсаг Баьтар. Цкъа кашмашка юхеда дІаводаш цу кашамашта юкъера адамий гІар хезай цунна. Цец а ваьнна, цкъарчоа кхеравелар из. Іо а теба ладувгІа эттав ер. Хьахозаш йиІий оаз хиннай. Сатосса ха хинай. ЙоІ кашамашкара а яьнна, наькъах дІайолаеннай. ЙоІ чІоагІа хоза хиннай, Іояьдаш сома кІажараш а йолаш. Цунга хетта волавеннав Баьтар: малий хьо, укхаз фу деш я хьо, аьнна. ЙоІ йистхулаш хиннаяц. «Хьо малий ца хайча, хьо укхаз сендухьа ений ца хайча, со тІехьара варгвац хьона»,– аьннад Баьтарас. ТІаккха йоІ йистхилар:

– Аьлан есар я со. Цун воша ва укх кашамашка дІавелла. ХІарача бус аьлас укх кашамашка йохийт со, цун кхелха воша дехьарча дунен тІа фу деш ва хьажа. Цун боарза тІа хьадай Іохов доккха оалхазар. Цо деррига а цу вешех ховш дар хьадувц сона, аз из деррига аьланга дІа а оал. Из оалхазар дийна мел-д укх кашамашка аха езаш я со. Нахах лечкъа лела езаш а я со.

ХІарача бус цу кашамашка аха ваьлар Баьтар. ЙиІийна ше фу новкъостал дергда ховш хиннавац из. ТІехкьар цу кашамашка йоІ яьлехьа вахар из. Циггач дена каша боарза тІа хайра доккха оалхазар. Тур дийтта из оалхазар а дийна, йоІа духьала эттав из. Аьла со шийна дІайига воал, яхаш, йоІ елха йолаелар. Баьтарас аьлар: «Яхий дІаала цу аьланга, Баьтар яхаш вола зІамсаг ва хьох лата воагІаргволаш. Кхы а ала, аз хьо цу оалхазара тІа яхийтанзар, аьле».

Яхача йоІо шийга аьннача бесса деррига дІадийцад аьланга. Низ болаш ва, денал долаш ва, яхаш наха Баьтар вувцаш хеза хиннавар из аьла. Сатоссашехьа а аьла волча вена хьаэттар Баьтар.

– Ер фуд, саг вац хьоца? – хаьттад аьлано.

– Со се хилча тоъам ба, тІехьаотта саг везац сона,– аьлар Баьтарас.

ДІаболабелар тІом. Аьла а цунна тІехьа мел лаьттар вийна дІаваькккхар Баьтарас.

ЙоІ шийца дІайигар цо. Цу кашамашка юхе гІолла ераш дІаболхаш, йоІа бІаргадейра дийна улаш дола оалхазар. ТІаккха аьлар цо: «Со а яла езаш ха эттай хІанз». Аьнна йоаллашехьа са даьлар цун. Еннача метте из дІа а елла, Баьтарас ше хьалъоттабир из боарз. Цу мехка ваха дего ца вуташ, кхычахьа дІавахар Баьтар. ХІаьта боарз-ма хІанза а латташ ба.

БЯТАР И ДЕВУШКА

Если выйти за село Сурхохи, перейти протекающую там речушку Кен и посмотреть вверх, то можно увидеть курган. Он давно там стоит. О нем рассказывают следующее.

Бятар, молодой человек из орстхойского племени, шел как-то ночью мимо кладбища и услышал, как посреди кладбища разговаривают люди. Он удивился и испугался. Притаившись, он стал слушать. И услышал девичий голос. Тем временем начало светать. Девушка вышла с кладбища и пошла по дороге. Бятар увидел, что она очень красива и у нее большие тугие косы. Бятар начал ее расспрашивать: кто она, что тут делает. Девушка отмалчивалась.

Тогда Бятар сказал:

– Я не отстану от тебя, пока не узнаю, кто ты и зачем сюда пришла.

Тогда девушка поведала:

– Я пленница князя. У него умер брат и похоронен на этом кладбище. Каждую ночь князь посылает меня на могилу узнать, как дела у брата на том свете. На могилу прилетает и садится большая птица [1]. Она мне все рассказывает, а я передаю вести князю. Я должна ходить на могилу до тех пор, пока будет жива эта птица. Кроме того, я не имею права никому показываться.

Каждую ночь ходил Бятар на кладбище. Он не знал, чем помочь девушке. Наконец он пошел на кладбище раньше, чем туда придет девушка. В это время прилетела большая птица и села на могильный холм. Бятар изрубил эту птицу и встретил девушку. Она заплакала и сказала, что князь хочет жениться на ней.

Бятар сказал:

– Пойди и скажи князю, что молодой человек по имени Бятар придет сразиться с ним. Еще скажи, что я не пустил тебя к птице.

Пошла девушка к князю и слово в слово все передала. Князь был наслышан о храбрости и силе Бятара. Лишь только взошло солнце, Бятар пришел к князю.

– Что, с тобою никого нет? – спросил князь.

– Достаточно, что я есть, и никто мне в помощники не нужен,– ответил Бятар.

Началось сражение. Бятар не только князя убил, но и всю его дружину уничтожил.

Взял Бятар девушку и повез ее к себе. Проезжают они мимо того кладбища.

Девушка увидела убитую птицу и сказала:

– Пришло время мне умереть.

И тут же умерла. Там же Бятар похоронил ее и своими руками воздвиг над ее могилою курган.

В 1976 году от 66-летнего жителя села Сурхохи Шамсуддина Гетагазова записала Марем Дакиева.
Опубликовано: МЛВ. С. 120.

[1] *Большая птица* – в данном случае это единственное указание на то, что якобы существовала птица-вещунья, являвшаяся связующим звеном между миром живых и миром мертвых. В силу своей мифической исключительности этот текст помещен также и в первом томе антологии.

* * *

19. МИШТА ДІАДОЛАДЕННА ХИННАД САГІА ДАККХАР

Ховш да, Боткъий Ширткъа орстхой бІуна баьчча а волаш, хІалакабувлачара дукхаза уж кІалхарабоахаш а хинналга. Мичча хана шийна лайча, Іел а водаш, юха маьлхе а вувлаш хиннав из. Цхьан орстхочун нана кхелхача, чІоагІа гІайгІа еш ваьгІав из.

– Селлара чІоагІа нана езаш хьо вале, хьайнеи цуннеи тоам хургболаш Іа фу дича бакъахьа да хой хьона?

– Фуд из? – хаьттад орстхочо.

– Хьай нанна хетаеш моллагІа йола цхьа хІама дІае, из цунна сагІийна хургйолаш,– аьннад Боткъий Ширткъас.

Цатешшашо орстхочо хаьттад:

– Бакълуй-те хьо, Боткъий Ширткъа?

– Хье сох ца теше,– аьннад вокхо,– со Іеле водаш соца хьай теш вайта Іа, хІаьта хьай нанна тоам бар духьа укхаз моллагІча цхьан хІаманна урс хьакха.

Орстхочо иштта да а даьд. БоргІали котами ювш, царца цхьана тускар диза сискалаш а йолаш, къе-мискача наха дІадийкъад цо. ХІаьта Боткъий Ширткъеи тешала цунца вахийта хинна саги цу юкъа Іеле баха хиннаб. Болхо-ош, гувнаш дайнад царна. Гув-

на кIала цу орстхочун енна нана хиннай ягIаш, хIаьта гувна тIа боргIали, котами, сискалаш чуйола тускари хиннад. Iелера шоаш хьаюхабаьхкача, Боткъий Ширткъас аьннад цу орстхочунга:

– Тхона ейра гувнашка хайна ягIаш хьа наней, лакхе ягIаш Iа йийна боргIали, котами, царна юхе латташ тускари.

– Аз сай нанна тIера цхьаккхача хIаманна урс хьекхадац! – аьннад орстхочо, шийга хьааьннар бакъда, е харца да хар духьа.

– Iа фу дувц тхона хац,– аьлар Боткъий Ширткъаси цунца хиннача тешои,– Тхона цу Iеле хьа наней, боргIали, котами ейра!

ТIаккха тийшар орстхо кхелхача наьха тIера сагIийна йийна хIама царга дIакхоачаш йолга. Дувцачох, цу ханара денна хьадоагIаш да бенначa наха тIера сагIа даккхар.

КАК ПОВЕЛСЯ ОБЫЧАЙ ДЕЛАТЬ ПОМИНКИ

Известно, что Шертуко выручал орхустойцев из всех бедствий и был главным во всех их предприятиях. Батоко Шертуко мог также во всякое время отправляться на тот свет и возвращаться оттуда. У одного из орхустойцев умерла мать. Сильно горевал он по матери. «Если ты так сильно любишь свою мать,– говорит Батоко Шертуко,– знаешь, чем ты можешь утешить себя и ее?» – «Чем же?» – спрашивает орхустоец.– «Зарежь что-нибудь из своего скота, и зарезанное будет для твоей матери». – «Правду ты говоришь, Батоко Шертуко?» – спрашивает орхустоец, как бы не веря ему. «Если не веришь, то пошли вместе со мной доверенное лицо на тот свет, а ты здесь зарежь что-нибудь в утешение своей матери».

Так орхустоец и сделал. Он зарезал петуха, курицу и вместе с корзиной чуреков раздал бедным. Между тем Батоко Шертуко вместе с доверенным лицом отправился на тот свет. Идут они и видят горы. У подножия сидит (умершая) мать орхустойца, на вершине же – петух и курица, и возле них корзина с чуреками. Возвратившись с того света, Батоко Шертуко говорит орхустойцу: «Мы видели горы, где сидела твоя мать, а на вершине сидели зарезанные петух и курица, и возле них стояла корзина». – «Нет, я ничего не резал для матери!» – начал говорить орхустоец, чтобы испытать его. «Не знаем,– говорят Батоко Шертуко и товарищ,– только мы видели на том свете твою мать, петуха и курицу!»

Орхустоец убедился в том, что зарезанные животные в память покойников доходят до них. Говорят, что с этого времени ввели обычай делать по покойникам поминки.

В горной Ингушетии записал Ч. Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. 1875. Вып. 8. С. 31; ГЭЧИ. С. 296.

Вариант этого мифологизированного сказания несколько позже Ч. Ахриева записан под названием «Батыг Шертга» Б. Далгатом (см.: ЭО. 1901. № 1. С. 36).

* * *

20. БАТЫГ ШЕРТГА

Батыг Шертга был тоже из нартов и был товарищ Соска Солсы. Он часто умирал и опять воскресал (ходил на тот свет и возвращался на этот). Однажды он умер, и ему зарезали две курицы и петуха. Когда он вернулся на этот свет, то ему сказали, что для него в садака [1] зарезали много быков, баранов и проч. Но он сказал, что ничего не видел, кроме двух кур и петуха. Тогда все стали резать скотину, зная, что все идет на пользу умерших их предков [2].

---

[1] *Садака* – арабское слово; означает «милостыня» (примеч. *Б. Далгата*).

[2] Это сказание важно как объясняющее в глазах народа необходимость делать поминки по умершим. Важно оно и для характеристики языческого мировоззрения ингушей, согласно которому люди живут на том свете жизнью земной; посвященная для них на земле пища попадает к ним в загробный мир (примеч. *Б. Далгата*).

* * *

21. СОСКА СОЛСЕИ БОТКЪИЙ ШИРТКЪЕИ

Лаьтта хьала ухаш, лаьттах дIахьулалуш, лаьтта кIала лелаш, кхычахьа гуча а вувлаш хиннав Боткъий Ширткъа. Соска Солса массе метте а кхоачаш, дала теха низ болаш, денал а долаш, къайладар гуча а долаш хиннав. Иштта низ болаш, масса, тоссабелча лоам тIара лоам тIа кхоссалуш, хиннаб цун ды. ЦIели-керта юхе цун ды баьжача метте Iада куцагIа яьнна Iаьржа буц я. ХIанз а е жа е доахан тIакхаьчача. овланга кхаччалца из дIаюъ. Кхехкадеш кIа дуадеш хиннад Соска Солсас ший дына. Лоамех а чIожех а дехьалелхаш хиннаб болатах хьийна ваьча Соска Солса ды. МцгIета яхача метте ваха а вахаш, ше гIалгIа а волаш хиннав из.

Лаьттах Iочудодача Iурга чу цкъа кхайка хиннав Соска Солса:

– Хьааравала, феса долх вай!

Хьааравьннача Боткъий Ширткъас аьннад:

– Со феса лела Iемавац. Са гIулакх да Iел-маьлха ахар, дийначарнеи бенначарнеи юкъе оттар. Хургдолчун хьисапаш ховш ва со. ХIанз хьо феса водаш, хьоца хургдар дувц аз?

– Ма дувца. Фухха Iа аларах, со феса ваханза Iергвац. Со вахача метте соца цхьа харца хIама хургда Iа аьлча, цох лоравала а гIерташ, хайра никъ хургбац са. Се водаш, «Дала аьннар хургда,

Соска Солса беседует с Ботки Ширткой-лаской (с картины Х-А. Имагожева)

Далла дикадар алда»,– аьле мара наькъа водац со, вахача ка а йоал.

– Цхьа ха йоагIаргьа, Соска Солса, Даьлага кхайка хьо вицлуш, тIаккха ираз довргда хьа,– аьнна, ший Iурга чу ийккха, къайла-ваьлар Боткъий Ширткъа.

СОСКА СОЛСА И БОТКИЙ ШИРТКА

Пронырливый Боткий Ширтка то по земле ходил, то под землей прятался и там путешествовал, а затем где-нибудь вновь появлялся. А Соска Солса был человеком бывалым, необычайно сильным и смелым. Также был силен и его конь, свободно перескакивавший с горы на гору. У горы Цели-корт, где некогда пасся его конь, есть место, похожее на лежащий огромный стрелковый лук. Растущая там «черная» трава настолько любима скотом, что он съедает ее до самого корня. Коня этого Соска Солса кормил вареной пшеницей. Сам Соска Солса был сделан из каленой стали. Соска Солса был ингушом и жил в местности Мцгета [1].

Как-то Соска Солса крикнул в дыру, уходящую в землю:

– Выходи. Поедем за добычей!

Вышел оттуда Боткий Ширтка и сказал:

– Я не добытчик. Мое дело ходить в подземный мир мертвых, возвращаться в этот мир живых и посредничать между этими

мирами. Также я могу предвидеть будущее. Хочешь, скажу, что произойдет с тобою в этом походе?

– Не хочу. Что б ты ни предсказал, я все равно поеду за добычей. Ежели ты предскажешь что-то нехорошее, я буду этого остерегаться, и путь мой наверняка будет неудачным. Идя в поход, я всегда говорю: «Будет то, что суждено богом Дялой. Пусть он даст мне удачи. И удача всегда находит меня».

– Но, Соска Солса, придет время, когда ты забудешь произнести имя Дялы, и тогда ты станешь несчастным,– сказав так, Боткий Ширтка прыгнул в нору и скрылся под землею.

В 1965 году от 77-летнего жителя села Байни Жена Мочкиевича Шовхалова записал И. Дахкильгов.

В этом сказании вторая его половина, повествующая о приглашении в поход, была опущена по велению цензуры, так как в ней она увидела религиозную пропаганду. В данной публикации текст восстановлен в прежнем виде.

Опубликовано: ГІФ-67. С. 166; ГІОДФК. С. 20.

[1] *Мцгета* – так сказитель искаженно назвал место «МІагІотІе».

* * *

22. ОРСТХОЙИ БОТКЪИЙ ШИРТКЪЕИ

Наьрт-орстхошца цхьана Соска Солсас лаьрхІа хиннад лоамара Іо ара а ваьнна, арарча лаьтташ тІа ваха Іоха. Боткъий Ширткъа шоашца воацаш баха а лела шоаш ца могаш хиларах, из а шоашца дІавийхав цар. Лоамара Іо араваьннав Боткъий Ширткъа а, бакъда орстхоша цун цаІ мара йоацача говра йоажае моттиг наькъа йистошка мара енна ханнаяц. Иштта кхаь бетта яжаш лийна цун алача ерста гергьенна хиннай, кулг хьекхача, букътІехк ца хоалуш. Йоккхача даьгІенашка яжаш йоллашехьа орстхой говраш гІийла хиннай. Боткъий Ширткъана духьала орстхой дегашка хьагІ ессай. Сов шоашта из хала хетарах, Боткъий Ширткъийна футтаройна цун алачий бордаш дІадаха лаьрхІад цар. Боткъий Ширткъий воІ каст-каста ара вахе, шоай говрага хьожаш волаш, орстхоша цун бордаш доахаш а дайна, сихха вахача ший даьга из дІадийцад.

Кхы дукха ца говш, Боткъий Ширткъа, ийккха даьгІе а ваха, циггач яжаш хиннача орстхой говрий цІогамаш хедадаьд. Шийна хІама ца ховчох кеп а оттая, сайрийна орстхощца цхьана пхьегІа тІа хайнав. Цу хана рема цІайоагІаш хиннай.

– ДІахьажал дІа-а,– Боткъий Ширткъага аьннад орстхоша,– ела а елаш ма йоагІий хьа говр.

– Елаш йоагIа,– жоп деннад Боткъий Ширткъас,– кIажараш хедаяча мехкарашта тара йола шийна хьалха йода говраш гуш. Хьалхе цар ц1огарч д1адаьхад цо.

Боткъий Ширткъас шоашца баьраш во бегаш болга кхийттар орстхой. ЭгIазбаха цунна тIабеттабелар уж, хIаьта из цусахьте лаьтта кIалха эккхаш, Iеле Iочуийккхар.

Боткъий Ширткъа воацаш дукха юкъ яьккха могаш хиннабац орстхой: шоай тийшаболх дег чу а къайла, Iелара хьавийхав цар из. Цкъа Боткъий Ширткъа ший воIаца орстхой таьзета ваха волаш, цигач дулх кхехкача яь йисте латташ хинна Боткъий Ширткъий воI орстхоша техха яь чу вахийтар. ТIаккха нахага дIакхайкадир:

– Дулх хьадалалца хьежа кхы сатем а боацаш, сов сихвенна хиларах, Боткъий Ширткъий воI кхехкача яь чу ийккхав.

Ший воI яь чу кхоссаш Боткъий Ширткъана бIаргадейна хиннад. Гунахьа доацаш санна дIа а Iийна, дагахьа дув биаб цо орстхой чIир йоацаш ше бутарг ца хиларах.

Кхы дукха ха яьлале Боткъий Ширткъа лоам чарахье ваха хилар. Тоъал лело-ош, гIарбаша цIенга нийсвелар из. ЦIагIа чуваьлча, дагIаш доккха гIарбаш хиннад. Мичаб хьа къонгаш, аьнна, хаьттар цо цунга.

– Ижонна баха хIанз бутт боал уж цIагIа боаца,– аьнна, жоп делар цо.

– Хьайла, гIарбаш,– аьнна, Боткъий Ширткъас хаьттар цунга,– аз хье йолча кхойтта саг воалавича, царех лоархIалургьярий хьо?

– Царца Соска Солса хиларах а товргьяр со,– юха жоп делар цо.

Ший воIах чIир лаха моттиг нийсаенна хиларах гIад а ваха, чарахьалара цIавенача Соска Солсага хаьттад Боткъий Ширткъас:

– Лоамашка вайна йоккха фос хургйола моттиг кораяьй сона, орстхой тIехьа а баьха, кхоана соца чарахье воагIаргвий хьо?

– Фесах со къехка моттиг хиннаяц, орстхошца цхьана лоам гIоргда вай,– аьннад Соска Солсас.

Кхоанарча ден, орстхойи Боткъий Ширткъеи шийца а болаш, Солса лоам феса вахар, Боткъий Ширткъана тIехьа этта. ХIаьта цо уж нийсса гIарбаша цIагIа бигар. ХIа, аьнна, уж хьачубоаллашехьа, ший кIажарах цхьа чо а баькхка, гIарбашас бийхка Iобехкар Солсеи цунцара орстхойи.

– Наха хьалха са сий доаде доал ер гIам! – Аьнна, цIогIа тохаш, хьалтоссавеннача Солсана из чо тIехкашка кхаччалца дегIах бахар. ХIаман шек а доацаш, ший урс ирдеш даьгIад гIарбаш. Дега тоам а хинна, бийхка ухкача ший моастагIашка хьежаш лаьттав Боткъий Ширткъа. Сайрийна цIакхаьчача гIарбаша къонгаша аьлар шоай наьнага:

– Лийхар оаха, лийхар оаха, цхьан ден яал мукъа йола хIама. Цхьаккха хIама кхы кора ца йоагIаш, даьсса доагIа тхо.

– ЭхIийт, са бераш! Иззалча дукхача хана а лийна, даьсса кулгаш Iохийца ма доагIий шо. ХIаьта со йолча-ма кхайканза хьаьший баьхкаб. Хьаирде оаш шоай урсаш, ер фос вайна бетта а тоъаргья.

Из оалаш, къонгашца дIаара а даьнна, царца дагадала деннад гIарбаш: уж хьаьший цхьацца боабу вай, е техха берригаш цхьана дIабоах вай, аьнна. Шийна хьагураш бегаш боацалга а хайна, Боткъий Ширткъага деха волавеннав Соска Солса. Цкъарчоа къинтIера валар дийхад, тIаккха шоаш мукъабаргболаш фу дича бакъахьа да, аьнна, шоашта хьехам бар а дийхад. Хьалха а хиннавар Боткъий Ширткъа кIалбисача метте орстхой кIалхарабоахаш. Солсас дехарах ца воалаш, хьалха а орстхоша шийна бохам беш дола хIамаш леладаь дале а, царна къинтIера вувлаш ше хиларах а, хIанза а ший воIах царна къинтIера ваьлар из. Бокъонца уж боаберг хилар гуш, уж кIалхарабаха лаьрхIар цо.

Хьачубаьлар гIарбаши цун къонгаши, берriга орстхой цхьатарра боабе дага болаш. Боткъий Ширткъа дIайист хилар гIарбашага:

– ЛадогIал, гIарбаш, хьо низ болаш долгеи, хье йолча нийсавенна саг дийна волаш Iа дIа ца вохийталгеи ховш ва со. Бакъда, ер хьаьший, баа аьнна кхарзалехьа, цхьан ховли-довзалена жоп лу далара Iа. Сонеи акхарнеи юкъе цу бахьанце къовсам баьнна хиннабар. Ер да из ховли-довзали:

Цхьан лоам тIа уллаш уст хиннаб. Сов боккха ше хиларах, дIакхайде дIа-а арарча даьгIенах бажаш, гаьнарча лоамашка кIалгIолла дода хий молаш, селлара боккха хиннаб из. Цкъа цунна тIакхийттача аьрзе бихьаб из уст. Из баа дага йолаш, аьрзена йоккха бодж ейнай. Цун кура тIа хайнай. Цу бежа Iоуллача можах долча Iийне хайна вагIаш Iу хиннав. Цу кура тIа ягIаш, уст буаш яьллай аьрзи. Истара пхандарг Iо а ежа, ше ма йодда Iуна бIарга чу ийккхай. Сийрийна Iул лаьлла цIавенача Iуно ший сесагага хаьтта хиннад:

– Хьажал укх бIарга чу, фуй-хьогI цу чу яхар?

БIарга чу хьежача сесаго, чура пхандарг а яьккха, аьннад:

– Ер пхандарг я хьа бIарга яхар,– тIаккха из пхандарг лаьтта Iокхессай цо.

Ийс эзар саг чувоагIаш йола бIарчча юрт хьахилар цу пхандарга тIа. Каст-каста юрт эгаеш хиннай. Лаьттан кIалхарча Iелан даьлас дуне эгаду мотташ, цу Даьланна синел кхухьаш хиннад цу юртарча наха. Ха йодош зийра цар, юрта юхе доккха цогал деча, тIаккха из шоай юрт агаш йолга. Цу пхандаргах баьлса болаш цхьа пха хиннаб. Цох ка хьокхаш хиннад цогал. Наха дийр из. Уллача цогала тIара цун ах цIока яьккха мара маганзар царна, цогал кIалтIарадаккха шоашта ца магарах. Яьккха хинна цIока юртахоша дIайийкъача, хIаранена кетар ялла дакъа кхаьча хиннад. Цу хана цу юрта цхьан кхалсаго кIаьнк ваь хиннав, тIаккха кхо ди даьнначул тIехьагIа, бе кIудал а елла, хи тIа яха хиннай из.

Хий Iодоагlаш хиннад цу цогала юхе гIолла. Из цогал бIаргадейна, кодилг хьеккха, из хьакIалтIа а даьккха, йиса хинна цIока тIера эзза хьаяькккхай. Цу цIоках ший кIаьнка кетар хьайир цо, бакъда, из хилар ши пхьош а доацаш, цу кIаьнка из цIока ца таар бахьан долаш.

– ХIанз, гIарбаш, е Iа, е хьа къонгаша алал: царех массарел йоккхагIеи низ болашагIеи фуй: е уст ба, сов боккха хиларах лоам тIара дIакхайда даьгIен тIара буц юаш цун пхандарга тIа ийс эзар саг вахаш йола юрт Iойиллал; е из уст бихьа йола аьрзи; е бодж я, цун кура тIа аьрзи хайнар; е из пхандарг бIарга чу яха Iу ва; е бIарчча юрт эгаю цогал да, цун ах цIоках ийс эзарча наха кетараш хинна; кхалсаг я, кодилгаца цогал кIалтIадаьккхар; е кIаьнк ва, цу цогала ах цIока кетар ялла шийна ца теа?

Боткъий Шарткъас шоашта денна хинна ховли-довзали дувца эттаб гIарбаши цун къонгаши. Цхьанне массарел боккхагIа уст ба оалаш хиннад. Вокхо из уст бихьа хинна аьрзи я, оалаш хиннад. КхоалагIчо массарел йоккхагIеи низ болашагIеи бодж я, яхад... Геттар боккха къовсам баьнна хиннаб наннеи цун къоагаштеи юкъе. Къовсам сов гаьна баларах, шоай кара хинна урсаш дIай-хьай Iийтта, байна дIабаьлар уж. ТIаккха Боткъий Ширткъас орстхой хьа а баьста, царца цхьана цIавахар. Ду ханна денна Боткъий Ширткъеи орстхойи вIаший машаре баха хайшар.

ОРХУСТОЙЦЫ И БОТОКО ШИРТГА

Соска Солса с прочими орхустойцами решил переселиться с гор на плоскость. Но так как орхустойцы не могли обойтись без Ботоко Ширтги, то пригласили и его переселиться вместе с ними. Ботоко Ширтга переселился, и для своей единственной лошади получил позволение орхустойцев пасти ее только около дороги. Маштачок его через три месяца разжирел до того, что нельзя было нащупать, где у него хребет. Лошади же орхустойцев, несмотря на то, что паслись на приволье, были худы. Стали орхустойцы завидовать Ботоко Ширтге. Зависть их дошла до того, что они решили назло Ботоко Ширтге обрезать губы у его лошади. Сын его, ходивший часто в поле поглядеть за лошадью, узнал, что орхустойцы обрезали ей губы, и поспешил сообщить об этом отцу. Ботоко, не долго думая, отправился в поле, где паслись лошади орхустойцев, и обрезал им хвосты. К вечеру он возвратился домой как ни в чем не бывало; сел в пхегате и смотрел на возвращающийся с поля табун.

«Смотри-ка,– говорят орхустойцы Ботоко Ширтге.– Вон впереди идет твоя лошадь и смеется чему-то». – «Да,– отвечает он,– она смеется над идущими сзади нее вашими лошадьми, похожими на девиц с обрезанными косами». Орхустойцы смекнули, что Ботоко Ширтга сыграл с ними шутку. Рассерженные, бросились они на него, но он в один миг исчез под землей. Он отправился на тот свет.

Орхустойцы не могли долго обходиться без Ботоко Ширтги. Они вызвали его с того света, затаив до поры в душе злобу. Однажды орхустойцы и Ботоко Ширтга с сыном отправились на поминки. Сын Ботоко на поминках встал около котла, в котором варилось мясо, и орхустойцы бросили мальчика в котел, сказав: «Сын Ботоко не хотел подождать, пока сварится мясо, и полез в котел». Ширтга видел, как бросили сына в котел, и как он там сварился, но не показал вида, что заметил это, и молча поклялся в душе жестоко отомстить орхустойцам за этот поступок.

Прошло несколько времени. Ботоко-Ширтга однажды отправился на охоту в горы. Долго ходил он и нечаянно наткнулся на избу Горбож [1]. Он вошел в избу и увидел рабыню огромного роста и спросил, где ее сыновья. «Они отправились искать добычи, и вот уже более месяца их нет дома»,– отвечает рабыня. «Послушай, Горбож,– говорит Ширтга,– я тебе приведу тринадцать человек. Можешь ли ты справиться с ними?» – «Пусть между ними будет и Соска Солса,– отвечает Горбож,– и тогда я с ними справлюсь!»

Ботоко-Ширтга обрадовался, что нашел случай отомстить орхустойцам за сына. Возвращаясь с охоты, он зашел к Соска Солсе и говорит ему: «Я нашел в горах хорошую добычу. Не хочешь ли завтра с прочими орхустойцами отправиться со мной на охоту?» – «Я никогда не пропускал такого случая, и завтра с орхустойцами, сам-двенадцать, отправимся в горы».

На другой день Солса в сопровождении двенадцати орхустойцев и Ботоко-Ширтги отправился в горы за добычей. Ширтга привел их в избу Горбож. Лишь только они показались на пороге, Горбож вырвала из своей косы волос и связала им Солсу с орхустойцами. «Неужели эта ведьма хочет меня обесславить перед целым светом?» – вскричал Солса и рванулся так сильно, что волос, который связывал его, врезался ему до самых костей. Между тем рабыня преспокойно натачивала свой острый нож, а Ботока-Ширтга с удовольствием смотрел на своих связанных врагов.

К вечеру возвратились с охоты сыновья Горбож и говорят: «Ну, матушка, искали, искали мы, хоть бы на одни сутки нашли что-нибудь, и возвратились с пустыми руками». – «Э, дети! Странствовали вы столько времени и пришли домой с пустыми руками, а ко мне вот сами пришли незваные гости. Поточите свои ножи, нам хватит этой добычи на целый месяц». С этими словами Горбож вышла во двор и стала советоваться с сыновьями, как зарезать гостей,– поодиночке или сразу всех вместе. Соска Солса, видя, что дело разыгрывается не на шутку, стал умолять Ботоко-Ширтгу, чтобы он спас их, дав им совет, как это он всегда делал в опасную для орхстойцев минуту, и чтобы он забыл нанесенную ему обиду. Ботоко [2] не мог устоять против мольбы Соска Солсы и, как всегда, прощал орхустойцам наносимые ему оскорбления, так простил им и смерть своего сына. Он твердо решил спасти их от неминуемой гибели.

Вот является Горбож с сыновьями и хочет зарезать всех орхустойцев. Ботоко-Ширтга обращается к ней и говорит: «Послушай, Горбож, я знаю, что ты сильна и не выпускаешь от себя гостей живыми. Но прежде чем зажарить вот этих гостей, разгадай загадку, которая была причиной моей с ними ссоры. Загадка эта следующая [3]. На одной горе лежал бык. Величина его была такова, что он, лежа на горе, щипал траву на плоскости и пил воду из реки, протекавшей у подошвы горы. Быка этого однажды схватил орел и унес. С этой добычей орел сел на рогах козла, под бородой которого сидел пастух. Сидя на рогах козла, орел пожирал свою добычу. От съеденной части он уронил кость – лопатку, которая попала в глаз пастуху, сидевшему под бородой козла. "Посмотри мой глаз,– говорит жене пастух, возвратившись со стадом с поля,– чем-то я засорил его нынче!" Жена посмотрела в его глаз и вынула оттуда лопатку быка, говоря: "Да вот эта лопатка находилась в твоем глазу",– и бросила лопатку на землю. На этой лопатке поместился аул с девятью тысячами жителей. Аул этот часто подвергался тряске, как бы от землетрясения, и жители думали, что подземный бог прогневался на них, и для умилостивления бога приносили ему различные жертвы. Со временем стали они замечать, что аул их подвергается тряске только тогда, когда подходит к нему лисица, которая ходила грызть жилу, оставшуюся на лопатке быка. Жители убили эту лисицу и содрали с нее шкуру, но только с одного бока, потому что не могли повернуть лисицу на другой бок. При разделе шкуры, каждому из жителей аула достался такой, кусок, что из него каждый мог сделать себе шубу. В то время, когда жители старались перевернуть лисицу на другой бок, в ауле том одна женщина разрешилась от бремени сыном. Спустя три дня после родов, женщина эта отправилась с кувшином по воду на речку, возле которой лежала убитая лисица. Подойдя к лисице, она корцом [4] с длинной ручкой перевернула ее на другую сторону, содрала остальную половину шкуры и сделала из нее своему сыну шубу, но шуба мальчика вышла без рукавов.

Теперь отгадай, Горбож, или пусть твои сыновья отгадают, кто больше по величине и силе: бык ли, который был такой громадный, что лежа на горе, щипал траву на равнине и на лопатке которого построили аул, состоявший из девяти тысяч жителей; орел ли, который унес этого громадного быка; козел ли, на рогах которого орел пожирал свою добычу; пастух ли, которому лопатка быка показалась пылинкой; лисица ли, подвергавшая аул тряске и из половины шкуры которой каждому жителю аула досталось на шубу; женщина ли, перевернувшая корцом лисицу на другой бок; мальчик ли, которому недостало половинной шкуры лисицы на шубу?»

Рабыня и ее сыновья стали разгадывать предложенную Ботоко-Ширтгой загадку. Один говорил, что бык больше всех; другой – орел, который унес этого быка; третий настаивал на том, что козел

больше всех по величине и силе. Между, матерью и сыновьями произошел самый горячий спор. И в конце концов они схватились за ножи и перерезали друг друга. Тогда Ботоко-Ширтга развязал орхустойцев и отправился с ними домой. С этого времени Ботоко-Ширтга и орхустойцы стали жить между собой дружно [5].

В горной Ингушетии записал Чах Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 42; ССПЧИ. С. 252; ГЭЧИ. С. 298; ИССП. С. 284.

[1] *Горбож* – по-инг. звучит «гIарбаш» (гарбаш). Слово восходит к тюркским основам «кара» – *черный* и «баш» – *голова*. «Кара-баши» – так именовали подневольных людей. У ингушей в древнее время словом «гарбаш» называли домашнюю прислужницу (полурабыню). Со временем словом «гарбаш» стали именовать и сказочную великаншу-людоедку, живущую в безлюдных местах и враждебную человеку. Она по функции сродни персонажам ингушского фольклора «гIам», «ешап».

[2] Здесь герой Батоко Ширтка ошибочно назван не по его собственному имени (Ширтка), а по имени его отца (Ботоко).

[3] Подобные этой загадке варианты имеются в фольклоре почти всех кавказских народов.

[4] *Корец* с длинной ручкой – небольшой ковш, с помощью которого кувшин наполнялся водою.

[5] Здесь Ч. Ахриевым сделано примечание о том, что, записывая этот текст, он хотел им дополнить характеристику орстхойцев, данную им в своих ранее изданных записях.

* * *

23. СОСКА СОЛСА ФУ МАХ БАЬ ХИННАБ БОТКЪИЙ ШИРТКЪАС

ХIанз вай санна пхьегIа тIа багIаш хиннаб Соска Солсеи, Боткъий Ширткъеи, кхыбола орстхойи. Соска Солса топ цIенъеш ваьллав. «Укх са топа фу мах ба?» – хаьттад цо Боткъий Ширткъага. «Хьа топа бухь чу ховшшал болча берца мах ба цун». Соска Солса, из хала хеташ, эгIазваха хиннав, иззал мара кхы дукхагIа боацаш ший топа мах цо барах. «Са говрах фу мах лургбар Iа?» – Юха а хаьттад Соска Солсас Боткъий Ширткъага. «Iатта мах лургбар аз хьа говрах!» – аьнна жоп деннад. «Укх са говрах есар луш хилча, иззал кIезига са говра мах хIана бу Iа?» – аьннад Соска Солсас. «Хьа говр Iатта маьхал хIана я аз аргда хьога: Iатта шамарах боаллача биъ тIарах виъ саг вакха йиш я. Алал, йий говр езагIа Iатто вузавеча виъ сагал?» «ХIаьта сох фу мах лургбар Iа?» – хаьттад Соска Солсас. Боткъий Ширткъа озавеннав, жоп дала тоам ца хеташ. «Ма кхера, хьаккхашта хьаала, – дийхар Соска Солсас.

«Дикача пхьара маьхала ва хьо», – аьннад Боткъий Ширткъас». Соска Солса эгIазвахав Боткъий Ширткъана, бакъда ше дош денна хиларах, хIама аьннадац.

Цхьа ха яьннача гIолла наькъа ваха араваьннав Соска Солса. Жа доажадеш боахкача Iушка нийсавенна волаш, Iулах гаьнна тIехьабиса боагIаш пхьу байнаб цунна. Из пхьу тесса хIана битаб оаш, аьнна хаьттад цо. «Къабеннаб из»,– аьннад Iуно. Iушца бийса яьккха сеца хиннав Соска Солса. Дай IаьдалагIа хьаьшана устагIа бийнаб цар. Цу къаьнача пхьарах къа а хийтта, ший пхьерах цунна дакъа даьд цо. Бийса баьде ера, дуIа хьайр, дардз хьекхар. Бийсанна жена тIакхувда яьлар бертий. Царна духьала отташ из къабенна цхьа пхьу боацар кхы цхьаккха хиннабац,

Iуйранна Iушта ейнай йийна улла кхо бордз. Iушта юкъе къовсам баьннаб, хьан малагIа жIале йоаяьй уж бертий, аьнна. Из дош дувца уж эттача, Соска Солсас йоаяь ухка бертий когашка хьалъура оттаейтай, дийна йолаш санна хетийташ. Цо аьннача бесса хьадаьд. Царна жIалеш тIахехкача, кхераденна уж дерригаш дIай-хьай дайддад. ХIаьта къаьна пхьу берташта ма бодда тIакхийттаб. Iушцара дIакъасташ, Соска Солсас аьнна хиннад царга цу къаьнача пхьара хам белаш, аьнна.

Дагаехар Соска Солсана из бирса бийса, дагадехар къаьнача пхьаро шоаш мишта лорабеш хилар, хIаьта ше, кхера а венна, ферта кIала мишта теIаш хиннав а. Пхьара хам тIаккха байзар цунна. Дагадехар Боткъий Ширткъас ше дикача пхьараца виста хилар. Цох дега тоам а хинна, сатийр цун.

ВО ЧТО БОТКИЙ ШИРТКА ОЦЕНИЛ СОСКА СОЛСУ

Сидели, как мы вот теперь, Соска Солса, Батоко Шертуко и другие орхустойцы в пхегате [1]. Соска Солса чистил ружье. «Во что ты оцениваешь мое ружье?» – спросил он Батоко Шертуко. «Я оцениваю твое ружье ценой проса [2], помещающегося в дуле твоего ружья!» Соска Солса очень обиделся и рассердился на Батоко Шертуко, что он так оценил его ружье. «Коня моего во что ты оцениваешь?» – спросил Соска Солса у Батоко Шертуко. «Твоего коня я оцениваю в корову!» – ответил Батоко Шертуко. «Как же ты так оцениваешь, когда мне за него давали пленника!»– возразил Соска Солса. «Почему я оцениваю твоего коня в корову, я объясню тебе: корова имеет вымя и четыре соска и выкармливает четырех человек. Неужели твой конь стоит больше четырех человек, выкормленных коровой?» – «Во что ты меня оцениваешь?» – спросил Соска Солса у Батоко Шертуко. Батоко Шертуко стеснялся ответить, на вопрос. «Без боязни можешь ответить!» – сказал Соска Солса. «Ты стоишь хорошей собаки»,– сказал Батоко Шертуко. Соска Солса рассредился на Батоко Шертуко, но раз дал ему слово, что не будет ничего делать, то и оставил его в покое.

Через некоторое время Соска Солсе пришлось путешествовать. Он наткнулся на пастухов, пасших овец, и увидел собаку, далеко отставшую от стада. Он спросил пастуха, почему он пренебрегает собакой. «Она стара»,– ответил пастух. Соска Солса остался ночевать у пастухов. Пастухи по обычаю зарезали барана. Соска Солсе было жаль собаку, и он поделился с ней ужином. Настала темная ночь, поднялись страшная буря и гроза. Ночью волки беспокоили стадо. Только старая собака отгоняла волков.

На другое утро пастухи нашли трех из них мертвыми. Поднялся спор между пастухами: какой собакой убиты волки? Чтобы узнать, Соска Солса велел поставить волков на ноги, как живых, и затем натравить собак. Так и сделали. Все пастушеские собаки испугались и разбежались, только одна старая собака бросилась на убитых волков. Соска Солса расстался с пастухами и сделал наказ, чтобы они ценили достоинство старой собаки.

Соска Солса вспомнил страшную ночь, вспомнил, как старая собака караулила их, а он спал под буркой и боялся показать свою голову. Он оценил достоинство собаки. Вспомнил он, как Батоко Шертуко оценил его наравне с хорошей собакой и остался доволен.

В горной Ингушетии записал Чах Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8; ГЭЧИ. С. 297
(в этой публикации текст озаглавлен «Ответы Батоко Шертуко,
или цена Соска Солсы»).

[1] По примечанию Ч. Ахриева, *пхегат* – это место сбора аульных зевак, что верно отчасти. Говоря современным языком, «пхегат» сродни «клубу» (под открытым небом), где собираются сельские жители, обмениваются новостями, заключают сделки и пр.

[2] До появления ячменя основной злаковой культурой было просо.

* * *

Это сказание перекликается с текстом (см. далее), повествующим о приключениях Хамчи Патараза в облике собаки.
Неполный вариант приведенного сказания записал и Б. Далгат:

24. СОСКА СОЛСА И БАТЫГ ШЕРТГА

Когда умирал Соска Солса, он позвал к себе Батыг Шертгу и спросил его: «Что стоит моя лошадь, которая перепрыгивает через башню, когда я рассержусь?» – «Какая цена бывает дойной корове, когда бывает засуха и голодуха среди людей, столько стоит твоя лошадь»,– ответил Батыг Шертга. «А сколько стоит моя шашка,

которой я разрубаю скалу?» – «Шашка твоя стоит столько, сколько стоит в неурожайный год ствол ружья, наполненный просом».– «Ну хорошо, я-то сам сколько стою?» – «Я тебя не сравню и с последним человеком, так как ты против Бога войну вел».– «Подобных насмешек я никогда не переносил»,– сказал Соска Солса и положил руку на рукоятку шашки. «Ну, если так, я сам не останусь на этом свете»,– сказал Батыг Шертга и скрылся на том свете.

Опубликовано в ЭО. М., 1901. № 1. С. 36.

* * *

25. СЕСКА СОЛСЕИ ВАМПАЛИ

Цхьан дийнахь Эс-чIожах урагIа водача Сеска Солсана хьастара доагIа хий санна хьийдда доагIа цIий тоатол дайнад.

– Ванах, фуд-хьогI ер? – аьнна,тамаш яьй Солса. ЦIий тоатолаца урагIа водаш, Эршан хьалмагIа ваьлча, лоам санна воккха вампал вайнав цунна. Дерзан даькккхача тура дитта тIа корта бетталуш вагIаш хиннав вампал. Цун кертах ухаш хиннад из. Хехка вампала дIатIа а ваха, хаьттад Солса.

– Фу деш вагIа хьо? ХIана бетт Iа хьай корта цу тура тIа?

– Укх наькъа тIа гIолла, Эс-чIожах урагI ва веза цхьа вампал, ше согара яькккха са сесаг а йоалаеш воагIа из. Цудухьа, ца тхьовса гIерташ вагIа со. Со набарах воддаше, керта титий диттах а кхийте, сомавоал со,– аьннад вампало.

– ПартIата тхьовса хьайна, хьа моастагI гучаваьлча, аз сомаваоаккхаргва хьо,– аьннад Сеска Солса.

– Хьога сома воаккхалургвац со, Iа тур детте а. Бакъда, укх попа хена юхе вужаргвар со, Iа из вампал гучавоаллашехьа, е поп хоада а яь сона тIатохаре,– аьннад вампало.

– Iа яхар дергда аз,– аьнна, жоп деннад Сеска Солса. ТIаккха Iовижа вампал цу сахьате тхьайсав, Солса ха тIа хайнав. Дукха ха ялале лоам санна воккха вампал гучаваьннав, говра тIехьашка иштта дегI доккха дола сесаг а йолаш. Чехка попа хи хоадабаь, тIатеха ший хьаша-вампал сомаваькккхав Солса. Iохьежа ший моастагIа бIаргавайча, аьннад вампало:

– ХIанз тхо лата долалургда. ЦIаьххха, кот со воале, са букъа тIа, пхандарашта юкъе, маьлхеи беттеи сурт оттаргда. Из фуд аьле ма хатталахь сога. Iа из хоатте, со цу сахьате лергва.

– Хоаттаргдац,– аьнна, жоп деннад Солса. ТIаккха тIом болабаьб вампалаша. БIаь шу даьнна попа хенаш увзадеш овлаш а тIехьа хьа а доахаш, карта боалла саьрг вай вIашкаоттабаьча шин пIелга юкъе гIолла хьалъозабий, гIаьнех чIормабоахаш санна, попаш гаьнех

цIендеш, уж вIашкадетташ летав ши вампал. Уж леташ боахкача хана юстара яьнна шортта ший тха хьувзаш яьгIай сесаг.

– ЦаI хIаьта а вета а вусарг ма вий сона,– яхаш. Эггар тIехьа Солса хьаьша кот а ваьннав, вож вампал вежа веннав. Цун са доал-лашехь, висача вампала пхандарашта юккъе маьлхеи беттеи сурт эттад. Из сурт бIаргадайча цец-амагIа ваьнна висав вампалашта бIарахьежаш лаьтта Сеска Солса. Метта веча, дагадехад цунна: ер виса вампал ларе, сесаг сона юсаргьяр-кх, аьнна. Из дагаденача Солса хаьттад вампалага:

– Фу сурт да хьа букъа тIа эттар?

– ХIана бир Iа сона е тийшаболх,– аьнна, вежа веннав шоллагIа вампал а. ТIаккха елха йолаеннай сесаг-вампал:

– ХIана дир Iа ер, гIийла бо хинна ма йисарий со, хIанз хьанга гIоргья со.

Говра тIа а хайна, товрах шод а теха, аьннад Солса:

– Эй, со вещий саг? Сога йоагIаргья хьо,– аьнна.

Хьо са тIехкарашка кхоачаре-м йоагIарг ма яр со хьога, –жоп деннад сесаго.

Нувра фуа тIа когабухьара а этта, даггара шода къаж хьалкхов-дабича, сесага тIехкарашка кхаьчавац Солса. Цигга хайнад цунна сесаг-вампал ший саг йоацилга. Солса ше даьчунна бIарахьежжача висав, сесаг ший воацача марах елхаш, шорттига Эс-чIожах гIолла урагIа хьалъяхай.

СЕСКА СОЛСА И ВАМПАЛ

Однажды вверх по ущелью Ассы ехал Сеска Солса. Вдруг он увидел ручей крови, текущий стремительно, как вода из родника. «Ой, что это значит?» – удивился Солса.

За Эршем [1], поднявшись по течению крови, он увидел огромного, словно гора, вампала. Мучимый сном, держа саблю перед собой, вампал, как только его клонило ко сну, ударялся головой об его острие. От этого и текла кровь.

Солса, подскакав к вампалу, спросил:

– Что ты делаешь? Зачем бьешься головой об острие сабли?

– Вверх по этой дороге должен проехать один вампал, он увел от меня жену и везет ее с собой. Если я усну, то он проедет незамеченным. Поэтому я бодрствую. Как только меня начинает клонить ко сну, я просыпаюсь, ударившись головой об острие сабли,– ответил вампал.

– Можешь спокойно уснуть. Как только покажется твой враг, я разбужу тебя,– сказал Сеска Солса.

– Ты меня не добудишься, если даже будешь бить мечом. Правда я мог бы улечься под этой чинарой, если ты при появлении вампала, подрубив чинару, свалишь ее на меня,– сказал вампал.

– Я сделаю все, как ты сказал,– ответил Сеска Солса.

Улегшись, вампал мгновенно уснул. Солса стал на страже. Через некоторое время показался вампал, большой, как гора. Позади вампала сидела такая же огромная женщина. Солса быстро подрубил чинару и разбудил вампала.

Проснувшись, вампал увидел своего врага и сказал:

– Теперь мы начнем драться. Если я его осилю, на моей спине между лопатками появятся изображения солнца и месяца. Только не спрашивай меня, что это такое. Если ты спросишь, я тут же умру.

– Не буду спрашивать,– обещал Солса.

Тогда стали вампалы биться. Вырывая с корнями столетние чинары, они, зажав их, будто прут между пальцами, очищали от листвы и ударяли друг друга. Во время драки женщина-вампал сидела в стороне и спокойно пряла шерсть. «Из них для меня кто-нибудь да останется в живых»,– думала она. Наконец, вампал, знакомый Солсе, победил, а другой пал замертво. Как только он испустил дух, у оставшегося в живых вампала между лопаток показались изображения солнца и месяца. Увидев это чудо, Солса застыл от удивления. Придя в себя, он подумал: «Если бы умер и этот вампал, женщина досталась бы мне». Сеска Солса спросил вампала:

– Что это за изображения появились на твоей спине?

– Почему ты совершил такую подлость? – воскликнул вампал и тут же умер.

Тогда стала причитать женщина-вампал:

– Как ты мог сделать это? Я осталась теперь жалкой сиротой! За кого я выйду замуж?

Солса, усевшись на коня и хлестнув его плеткой, сказал:

– Разве я не человек? Ты выйдешь за меня.

– Если бы ты ростом был хотя бы мне до пояса, я вышла бы за тебя,– ответила женщина.

Сеска Солса встал носками на луку седла и из всех сил протянул плетку кверху, но не дотянулся до ее пояса. Так он узнал, что женщина-вампал ему не пара. Солса остался на месте, а женщина, причитая о вдовьей доле, медленно направилась вверх по ущелью Ассы.

В 1928 году от Ислама Зайпаловича Богатырева записал Д. Мальсагов. Опубликовано: ДГІ. С. 242; ГІФ-67. С. 160; ГЭЧИ. С. 277; ССПЧИ. С. 231; ИССП. С. 230.

[1] *Эрш* – до 1944 года это был небольшой хутор в Ассинском ущелье. Имеющиеся там остатки каменных построек глубокой древности свидетельствуют о том, что некогда здесь было мощное заградительное укрепление.

Вариант приведенного сказания был в свое время опубликован Баширом Далгатом (ЭО. М., 1901. С. 50).

* * *

26. ГАРБАШ (ВЕЛИКАН-ЧУДОВИЩЕ)

Наши отцы говорили, что одна гарбаш имела девять тысяч голов. Были между гарбашами мужчины и женщины; они жили совершенно отдельно от обыкновенных людей и вели особый образ жизни.

Орштхоец Чопа Борган видел, как гарбаши дрались. Вот что рассказывает нам предание стариков.

Однажды Чопа Борган поехал верхом на лошади. Проехав степи, он попал в лес. В лесу он увидел кровавую реку. Чопа удивился и дал себе слово не уезжать, пока не узнает, откуда эта кровь, и поехал вверх по течению реки. Когда Чопа доехал до опушки леса, он увидел лежащего на боку человека, величиной со скалу. Оказалось, что этот человек порезал себе мизинец и кровавая река образовалась из его крови. Когда Чопа подъехал к нему, то Гарбаш спросил его: «Что ты за человек и зачем пришел сюда?» Тот отвечал: «Я Чопа Борган. Проезжая по лесу, я увидел кровь, и мне захотелось узнать, откуда кровь вытекает». – «Я слышал много о тебе,– сказал Гарбаш.– Я думал, что ты витязь, а оказывается, ты не что иное, как муха».– «Ну что ж, муха не муха, а тот самый Чопа я и есть. А ты зачем порезал свой мизинец и валяешься здесь?» – «Да, вот,– отвечает гарбаш,–другой гарбаш поехал за посватанной за меня девушкой. Я же хочу отбить ее и отомстить ему за это. Вот я и караулю его здесь, но, боясь заснуть, взял и порезал себе мизинец».

Идущее далее повествование идентично ранее приведенному сказанию «Сеска Солса и вампал».

* * *

27. БАЬТАРИ ВАМПАЛИ

Чарахье вахача цхьа газа а йийна, цун дихк-пехк дотташ вагIаш хиннав Баьтар. ЦIаьххa лаьтта оагаденнад. Фу дол-те ер, аьнна, дIай-хьай Баьтар хьежача, гаьнашта юкъера воагIаш вампал вайнав цунна. Ведача, ше кIалхара варгвоацилга а ховш, ловр хилда укхох, аьнна, вагIачара гIетта дIаэттав Баьтар. Попа га миссел тенна хиннав вампал. Салам деннад цо, Баьтарас жоп деннад, тIаккха, хьаха, пхьерах кхета, аьннад.

ДIай-хьай кхайда, гаьнаш а гулъяь, уж цIерала яхийта, газа ше ма ярра бIарчча цIерала яхийта, аьннад вампалас.

– Ер йоттача юкъа хьога цхьацца хIама хатта воаллар со. Хье нарт хиларца, Сеска Солса вовзаш хургва хьона. Наха чIоагIа дукха хIама дувц цох. Иштта чIоагIа турпал ва ер?

– Ва, даьсара, – аьннад Баьтара, – чIоагIа низ болаш, денал долаш турпал ва из.

– Волче, фу де карагIдоал цунна? – хаьттад вампало.

«Се укхо велехьа ер воавича дикагIа да-кха сона», – дагахьа хийтта, Баьтарас аьннад:

– Сигала кхаччал лакха хIана яц, аьнна, йола чхар, каг йий лоамах хьа а яьккхе, Iойиле, корта IотIабетташ, цох гIум йоаккхаш ва из.

ДIакхайда, йоккха чхар хьаяькккха лаьттах а яхта, кхувсалуш корта IотIабетташ, гIум яькккхай вампало. ТIаккха аьннад:

– Сакъердаме ловзар да ер. Кхы фу де мог цунна?

– Ший доккха турпала тур кIоаргга бага чу китага кхаччал Iочу а тоIадий, кога бухьара халхавувл из.

Хьаийца ший тур а, дIакхайда, Баьтара тур а шаккхе а кIоарга баген чу тоIадаь, халхара бIал баькккхаб вампало.

ДIахо вампало, кхы фу де мог Сеска Солсана, аьнна, хетташ, Баьтарас из лергвола ловзар оалаш, вампало из атта хьадеш, баьгIаб уж. Баьтара ховш хиннад, вампала корта баькккхача из корта юха а ший метте дIаотташ болга. ХIаьта а аьннад цо:

– ХIанз тIехьара дола Сеска Солсай ловзар аз аргдац, сагага дулургдолаш дац из.

– Даьлах валлалва хьо, хьааргдеце, – аьнна, чугIертав вампал.

– Мегад, хIаьта, – аьннад Баьтара, – ший гIовна тIара корта хьа а баькккхе, из кара Iо а биле, мукхарца цIенна баьша а баьше, юха а ший гIовнах богIа цо.

Хьовззабаь ший гIовна тIара хьабоаккхаш корта кара а била, из баша эттав вампал. Циггач Iокхайдача Баьтарас кхайокъ хьа а йица, вампала фоарта тIа хьаьрцай.

Вампалас корта ший фоарта тIа IотIатеIабарах, корта гIовнах дIалаташ хиннабац. Циггач венна дIавежав вампал, корта керча дIабодаш. Тоъалча юкъа бIаргаш къерзадеш иллар из, тIаккха бIаргаш дувшадаь, дIатийр.

Вампала герзаш дахьа веннавар Баьтар. Сов деза хилар уж. Уж а дита, махулла чахкагIа цIавахар Баьтар.

БЯТАР И ВАМПАЛ

На охоте Бятар подстрелил какую-то козу, сел отдохнуть и стал готовить жаркое. Вдруг затряслась земля. Удивленный Бятар стал озираться и увидел выходящего из лесу вампала. Хотел было Бятар убежать, но, поняв, что это бесполезно, решивши: «будь что будет», встал,[1] приветствуя вампала. Ростом вампал был величиною с хорошую чинару. Вампал поздоровался, Бятар, ответив на его приветствие, пригласил его к ужину.

Вампал нагреб в костер кучу сучьев, кинул в них целиком всю козу и завел разговор с Бятаром:

– Пока готовится ужин, поговорим кое о чем. Поскольку ты нарт, наверняка, ты знаешь Сеска Солсу. Рассказывают про него много разных чудес. Такой ли он на самом деле знаменитый герой?

– Бог свидетель, что это правда, – отвечал Бятар, – он сильный и мужественный человек.

– Ежели он таков, то в чем это проявляется? – спросил вампал.

«Пусть лучше вампал погибнет, прежде чем он убьет меня», – подумал Бятар и сказал:

– Он отламывает высоченные скалы, складывает их на земле, а затем головою разбивает их в песок.

Вампал схватил и выломал огромную скалу, бросил ее оземь и стал бить ее своей головой, пока она не рассыпалась в песок, и сказал:

– Это веселая игра. Чем он еще забавляется?

– Он глубоко, вплоть до живота, заглатывает свой богатырский меч и исполняет танец на носках.

Схватил вампал свой и меч Бятара, по рукоять загнал их себе в рот и пустился в пляс.

И далее вампал продолжал расспрашивать, и Бятар выдумывал опасные игры, способные погубить вампала, и далее вампал повторял без вреда для себя эти игры. Знал Бятар, что если вампала лишить его головы, то она имеет свойство вновь прирастать к шее. И все же он сказал:

– Последнюю его игру я не расскажу тебе, потому что она очень опасная, и никто не сможет ее повторить.

– Да лишишься ты божественного покровителя, если не расскажешь! – настаивал вампал.

– Ладно, – сказав, Бятар поведал, – он с плеч снимает свою голову, кладет ее себе на колени, тщательно бреет и затем возвращает на место.

Вампал руками крутанул свою голову и, сняв ее с плеч и положив на колени, начал ее брить. Тем временем Бятар взял из костра золу и высыпал ее на шею вампала.

Стал вампал голову прилаживать на место, а она никак не пристает. Тут и умер вампал, а его голова откатилась в сторону. Еще долго она пучила свои глаза. Наконец они закрылись.

Хотел, было, Бятар унести оружие вампала, но оно оказалось чрезмерно тяжелым. Бросил он все и припустил к дому.

В 2008 г. от 80-летнего жителя города Малгобека Юнуса Коригова записал Мегомед Яндиев.

[1] По ингушскому обычаю при входе гостя хозяин встает в знак приветствия и уважения.

* * *

28. ОРСТХОЙ

Бората Чопеи Гардий Загки цIихеза къонахий хиннаб. Царех дикагIавар хьакъоаставе хала дар. Уж шаккхе а Фарта яхача хина йисте баьхаб; цаI цхьан бердагIа вож вокха берда тIа. Цар цIеноех йиса лараш хIанза а гуш я. Чопа тIехье йоацаш хипнав. Наха дувцачох цун сесаг хиннай хьун кхалсаг – алмаз.

Боркчапо, яхаш, ноагIой цхьа аьла хиннав. Хьежача наха аьнна хиннад цунга, цу къонахех цхьанне из вувргва, аьнна. НоагIой нах пхьегIа тIа гуллуча хи уллаш хиннаб, чура хара а болаш. Аьла ве дага волаш, Чопа цу хара чу лечкъа хиннав. Вена аьла хьаэттача, ер уллаш бола хи миштаб хьажа деза вай, аьнна хьайза хиннаб ноагIой. ЭгIазвахача аьлано аьннад: «Со Iоха дага волча хенах а, кхыметтале, со кхера везаш хилча, аьлаша фу аргда сох?» НоагIой цу хенага хьажийтанзар цо. Цу хена чура хьа а ваьнна, аьла нишка ухача метте ваха, кIйленна хайнав Чопа. Кхоно-о, аьла нишка вахача, Чопас вийр из.

Алмазаца дIахо а вахаш, Чопайна ши йиIиг яь хиннай. «Хьажал, Чопа, бийсанна хьона цхьа унзара хIама тIаеча, кхералургварий хьо?» – хаьтта хиннад цу алмазо. «ФуннагIа из хиларах е кхера а лургвацар, дIадухьала а оттаргвар!» – оалаш, Чопас жоп делар. «Тахан хьо-хье цхьаь дIавут аз. Хьай денал хьокха деза Iа. Бийса юкъе яхача гIолла хьо волча хьунсаг воагIаргва!» – аьлар алмазас. Чопа ше цхьаькхагIа хьунагIа висар. Бийса юкъе яхача гIолла дуIа хьайр, дарц хьекхар, деррига унзарадаьлар. Михаца кхесташ, цIаьхха гучаийккхар цхьа унзара хIама. ЦIерца йоагаш, Чопайна тIайолаелар из. Чопас топ техар цунна. «Хьоца яхаш йолча кхалсага воша ва со! Хьаштдоацаш техар Iа сона топ!» – аьнна, цIубзаш из ейна дIаяьлар. «Са воша вийнав Iа!» – Яхаш, Чопайна чугIерта даьннад алмаз.

ХIаьта а дIахо цхьана бахаш хиннаб уж. ВоI ваьв царна. ВоI хьалкхийча, цох лоравала ваьннав Чопа, ший наьна веший духьа Чопайна, ший даьна, цу воIо пхьа хьер кхераш. Кхыметтале цу алмазах а хада вийзар цун. ХьунагIа аха а вахьацар из.

ХIанз Наьсаре уллача, цигач цхьан юкъа гIаьбартой баьхача хана, царга хьоашалгIа ваха хиннав Чопа. Эрште чIожагIа из цIавоагIача хана из тIакхаьчар цхьан унзарча хьунсага. Цо Чопайга хаьттар, хьо малав, аьнна. «Чопа ва»,– аьяна, жоп деннад укхо. Хьунсаго аьннад: «ДегIа ма зIамига саг ва хьо, Чопа. ЛадогIал сога. Тхона, хьун наха, езаенна я ноагIой аьлан йоI. Тхона вас ца яр духьа маьрела тхох цхьаккхинг ца хоржаш, цо аьлар, доле дIагIо, тIехьагIа аргда ше хьанга маьре гIоргья, аьнна. Тхо дIадолхаш, са новкъост къайлагIа тхох дIа а къаьста, из йоI йолча вахар. Цунна кIийленна хайна вагIа со. Из укх наькъах хьава везаш ва нускалцеи цун ганзацеи. Тхо вIаший латаргда, тIом беш шаккхе а дIа а

варгва. ТІаккха хьона дусаргда из нускал а, цун мел йола ганз а. Бакъда, кІаьдвенна волаш со хІанз тхьовсе, со сомаваккха хьона могаргдац, тІаккха из нускал дугаш вар паргІатта тІехьа а ваьнна дІагІоргва. Со укх гаьн кІала дІавуж хьона. Из хьавоагІаш хьайна хоалушшехьа, ер га хоадае, сона из ІотІакхетаргйолаш, тІаккха мара сомаваргвац со».

Цхьа юкъ яьннача гІолла мух баьлар, Чопайна бІаргавейра нускал а доаладеш воагІаш вола хьунсаг. Диг дийтта га хоада а яь, цун кІала уллаш волча хьунсага из ІотІакхетийташ болх баьб. «Со сома хІана ваькккхав Іа?» – хаьттар цо Чопайга. «ДІа-а, боагІаш латт хьона!» – аьлар цо. Шоайла вІаший летар уж хьун нах. Циггач бенна дІа а баьлар. Чопайна дисар нускали йоккха ганзи. «ХІанз хьо сога яь еза!» – Аьлар Чопас нускалга. «Ер ганз дІа а ийце, со дІаяхийтача дикагІа да хьона. Визза са мар хила низ тоъаргбац хьа». ХІаьта а Чопа соцаш хиннавац. «Мегад, хІаьта,– аьннад нускало,– хьо са голашка хьалкхоаче, хьога маьре гІоргья со!» Цун гонга кхача маганзар Чопайна. Нускал ший дІацІа дахийтар цо.

Эрште-чІожагІа дІахо дІаволавелар Чопа. Болтам яхача юрта дІакхоачача цунна духьала нийсавелар алмазас ваь вола цун воІ. Шоайла вІаший летар уж. Ший наьна-вешший (Чопас вийна хиннача хьунсага) пхьа лехаш, ший даьна йоккха чов а яь, из вайха а вайха, дІаваха хиннав воІ. Болтумарча наха дІаийцав Чопа. Ше леш, васкет даь хиннад цо: ше велча, ший дакъа уллача цІагІа цхьаккха саг ма хилийта, аьнна. Васкет кхоачашдир. ХІаьта а цхьа кхалсаг, фуд-малад хар духьа цу цІагІа лечкъа хиннай. Бийса юкъеяхача хана деррига цІа сийрдадаьлар – ена хьаэтта хилар алмаз, ший хозача мехкарашца цхьана. Чопайна тІера бийлха а бийлха, из лувча а ваь, дакъа кийчадаьд цар. Сатоссаш алмазас аьлар ший мехкарашка, адама хьадж йоагІа шийна. «Тха къамаьл хозаш волчун тІехье хийла цхьаккхача хІаман сатем боацаш?» – аьлар цо. Из сардам а баькккха, ший мехкарашца цхьана дайна дІадаьлар алмаз.

Цу цІагІа лечкъа хиннача кхалсагах хьабаьнна хиннаб орстхой. Ховш ма дий уж цхьаккха сатем боацаш, шоашка долчох кхоачам ца беш нах болга.

ОРШТОХОЙЦЫ (КАРАБУЛАКИ)

Чопа, сын Барата, и Загк, сын Гарда, были знаменитые мужи; трудно было дать кому-нибудь из них преимущество; оба они жили возле реки Фортона [1], один на одном берегу, другой на другом; до сих пор видны следы их жилищ. Чопа не имел наследников, говорят, что он был женат на лесной женщине [2].

В Ногайской стране жил князь Баркчапо [3]. Ему была предсказана смерть от руки или Чопы, или Загка. На том месте, где жители собирались для препровождения времени, лежало бревно с дуплом. Туда забрался Чопа с целью убить князя. «Нужно осмо-

треть бревно»,– сказали ногайцы, когда пришел князь. «Что скажут прочие князья, когда узнают, что я не могу спокойно провести день и осматриваю даже бревно, на которое должен сесть?!» – воскликнул князь и отклонил предосторожность своих подвластных. Чопа оставил бревно, перешел в отхожее место князя и стал его ждать. Князь пришел туда – и Чопа заколол его.

Чопа продолжал связь с лесной женщиной, и у них родились две дочери. «А что, Чопа, ты испугаешься, если к тебе придет ночью какое-нибудь чудовище?» – спросила однажды лесная женщина. «Нисколько не испугаюсь и буду защищаться, кто бы ни напал на меня!» – отвечал Чопа. «Сегодня я оставлю тебя одного, ты должен показать свою храбрость; в полночь придет к тебе лесной человек!» – сказала женщина. Чопа остался в лесу один. В полночь поднялись буря, гроза, и все приняло страшный вид. Вдруг с вихрем появляется чудовище; оно освещалось огнем и подошло к Чопе. Чопа выстрелил в него. «Я брат той женщины, которая живет с тобой! – сказало чудовище.– Напрасно ты выстрелил!» Раздался стон, и чудовище исчезло. «Приходил кто-нибудь к тебе?» – спросила женщина Чопу. «Да, приходило в полночь огненное чудовище; я в него выстрелил. После этого оно сказало, что оно – твой брат; застонало и исчезло!» «Ты убил моего брата!» – стала упрекать женщина Чопу.

Связь между ними продолжалась, и у них родился сын. Когда сын подрос, Чопа стал опасаться мести от него за убитого дядю. Он вынужден был прекратить продолжительную связь с лесной женщиной и даже боялся ходить в лес.

Однажды Чопа отправился на плоскость, к кабардинцам, которые жили на теперешней Назрановской плоскости. Чопа возвращался домой через ущелье Аршту. Перед входом в ущелье он наткнулся на огромное чудовище. Чудовище спросило, кто он такой. «Чопа»,– отвечает тот. «Какой ты маленький человек! – говорит чудовище.– Послушай, Чопа! Я – лесной человек. Мы, лесные мужи, полюбили ногайскую княжну. Чтобы не обидеть нас, княжна не захотела отдать предпочтения одному из нас; она велела нам удалиться и обещала сказать после, за кого выйдет замуж. С дороги мой товарищ тайком воротился к княжне; его-то я и подстерегаю. Он будет возвращаться на арбе с невестой и с деньгами. Между нами произойдет драка, и в драке мы убьем друг друга. Тогда тебе достанется невеста и огромное богатство. Но если я засну, то прозеваю товарища, и никакие твои толчки не смогут разбудить меня. Я лягу под дерево. Когда будет ехать мой товарищ, ты подруби дерево, чтобы оно упало на меня; только этим и можно меня разбудить».

Через некоторое время поднялся ветер, и Чопа увидел, что едет лесной муж с невестой. Он стал рубить дерево, и оно упало на лесного человека, спавшего под ним. «Что ты меня будишь? – спросил он Чопу. «Вон, едут!» – отвечает Чопа. Между лесными мужами произошла драка; они убили друг друга. Чопе остались невеста и

огромное богатство. «Теперь ты должна выйти за меня!» – говорит Чопа невесте. «Лучше отпусти меня. Возьми себе все богатство. Ты не можешь быть моим мужем, потому что не можешь исполнять супружеские обязанности». Чопа настаивал на своем. «Ну, если достанешь до моих колен, то я выйду за тебя!» – сказала княжна. Чопа не мог достать до ее колен. Тогда он отпустил княжну домой.

Чопа отправился дальше по ущелью Аршту. Не доезжая до аула Балтум, он встретил своего лесного сына. Между ними произошла драка. Чопа был ранен и ограблен сыном в отмщение за дядю [4]. Чопу подобрали жители аула Балтум. Умирая, он завещал, чтобы в комнате, где он будет лежать мертвый, никого не было. Так и сделали. Но одна женщина из любопытства осталась с трупом. В полночь комната вдруг осветилась, это явилась лесная женщина со своими прекрасными дочерьми оплакивать Чопу. Затем они омыли и одели его. К рассвету лесная женщина говорит дочерям, что чует человеческий запах. «Кто слышит наш разговор, да не удовлетворятся души его потомства!» – сказала она. Произнесши это заклятие, лесная женщина исчезла с дочерьми. От женщины, спрятавшейся в комнате, произошли орштохойцы (карабулаки). Известно, что они самый беспокойный народ и ничем не удовлетворяются.

В горной Ингушетии записал Ч. Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8. С. 27; ГУЧИ. С. 261.

[1] Здесь имеется в виду речка Фортанга, вдоль которой живут орстхойцы. Поскольку в языке чеченцев отсутствует фонема «ф», они на равнине эту речку называют «Мартой».

[2] Персонажи хьунсаг и алмаз сродни русскому лешему. О них подробнее в I томе «Антологии ингушского фольклора».

[3] Тут отразился период завоеваний ногайских орд на Кавказе.

[4] Почитание дяди по матери выше своего родного отца является отголоском матриархата. Еще лет сто и более назад у ингушей дядя по матери обязан был своему племяннику снарядить верхового коня под седлом по достижении племянником 15-летнего возраста. Отголоски этого обычая сохранились и у некоторых других кавказских народов.

* * *

29. СОСКА СОЛСЕИ ГІАЬРАХОЙИ

Цхьан дийнахьа Эса-чІожагІа ІокІалавоагІаш хиннав Соска Солса. Хина йисте гІолла воагІаш, Эса сов тайжа додаш хиларах набарга эзав из. Іолох а венна, хена кІала Іовижав из. Цу ханна гонахьа баьннаб гІаьрхой. «ХІа-хІа,– яьхад цар,– хІанза-ма вай

кара ва ер». Цхьанне эккхийтад: «Даьллахь, ма дика да ер тур!» ШоллагIчо аьннад: «Цун кийнах тха жIалена деш даа ма дика яй хургба». КхоалагIчо аьннад: «Цун шин иккех аз соалоз ергья».

НабарагIа воаллача Солсана дагаехай вампала сесаг. Цун юкъага ше кхоачаш волаш санна гIа гуш. НабарагIа воллашехьа а хьалсетта, дегI эза нийсса шин кога тIа ураэттав из. Цхьа турпалал долаш саг ма ва ер, аьнна, кхерабенна гIаьрхой байддаб.

СОСКА СОЛСА И РАЗБОЙНИКИ

Как-то Соска Солса ехал вниз по Ассинскому ущелью. Ехал он по берегу реки. Она же в тот момент текла столь плавно, что стала убаюкивать его. Спешившись, он прилег. Тут подоспели разбойники. «Эге-е, богатырь в нашей власти!» – решили они. «Какой у него хороший меч»,– стал говорить один из них. Другой сказал: «В его шапку я буду наливать пойло для собак». Третий произнес: «Из двух его сапог я сделаю себе салазки».

Солсе же приснилась жена вампала. Снилось ему, что он уже вот-вот достанет до ее поясницы, и еще сонный стал распрямляться телом, а потом и вовсе встал на ноги. «Это какой-то мощный богатырь»,– сказав, испуганные разбойники пустились прочь.

В 1973 году от 80-летнего жителя села Бамут Паскоша Дадиевича Махаури записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ГIОДФК. С. 14.

Этот текст является как бы продолжением ранее приведенного текста «Соска Солса и вампал». Подразумевается, что слушателю этот сюжет известен.

* * *

30. НАЬРТ СОСКА СОЛСАХ БОЛА ОАЛАМ

Хьалха хинна, хIанз йицъеннача замах лоаман ГIалгIайче вахаш хиннав наьрт Соска Солса. Хьаькъал долаш, низ болаш, майреи нийсо лелаеши из хиларах цIи а хеза, наха сий а деш хиннав. ЦIай-лоама бердах йоаллача йоккхача хьагIара чу ваьхав из. Кхийна, хоза йоI а хиннай цун.

Дукхача кагийча наьха дегаш эттIадаь яр из наьрта йоI. Из еха хьа мел ухачарна жоп луш хиннадацар: цхьа моллагIа волча сагага ший йоI дIаяла раьза вацар Соска Солса. Цу йоIаи цхьа зIамигача сагаи юкъе безам белар. Питаме хиннача цу зIамсаго йоIага, едда яь еза хьо, аьнна, цунца барт баь хилар. Уйла е эттар уж Соска Солса бIарга Iуналах шоаш мишта кIалхарабоврга, аьнна.

Цу зIамсага хьехамца йоIо ший даьна дуадир устагIан дулх, берхIах дукха шиш а тохаш. Ховш ма дий шишо нах кхетам чура боахалга. Из шиш биача, Соска Солсана а чIоагIа наб кхийтта хилар.

ЙоIо кIод хьеккха хьаяьхар ший йIаьха кIажараш. ТIаккха цу зIамигача сага доттагIашца цхьана чIоаггIа дIавийхкар тхьайса улла ший да. Из тийшаболх а баь, хIагIара наIар тIа йоккха кхерах йола Iоакъа IотIа а йилла, дош тIа а хайша, дIалийлха бахар.

Геттар дукхача хана набарах хьа ца кхеташ иллар Соска Солса. Сома ма ваьллинге хинначох кхийтар. Хайра цунна вийхкачара ше-шегIа мукъаваргвоацалга. КIезига из хьоавелча а, мосаша цун чIоагIа дегI Iувдар. ТIаккха хайра Соска Солсана моцал хьогаш ше дIаварг хилар.

Наха юкъе дукха бар наьрта доттагIий, бакъда, царна хацар из хьагIара чу къайла висалга. Адамашта юкъе хинна а ца Iеш, Соска Солсай доттагIий хиннабар оакхароштеи оалхазараштеи юкъе. Цунна дуаде дихк кхухьар лоаман лаьчас. Хьун кхокхо хьакхухьача хиво цун хьогал йоайора. Мукхдахко царг хьекхаш, кIезиг-кIезига наьрта дегIах хьоарчаяь кIажараш тедар.

ТIехкхьара хьавоаставелар Соска Солса. Ший дегI мукъа а даькккха, техха наIар тIара Iоакъа дIаяхта, хьагIара чура араваьлар. ДIа-хьа хьежача, ший йоI кора ца ярах хайра цунна из йодаяь йолга.

ЧIир лаха, аьнна, дорхвелар Соска Солса. Ший доккхача болата тураца бирсвенна из ЦIай-лоам цеста волавелар.

ТIаккха ший коачача дын тIа а хайна, моастагIашта тIехьа хьедар. ХIаьта уж, шоай гIулакх хинналга даьнна а лаьрхIа, паргIатта болхар. Цудухьа кастлуш, уж моастагIий Эса-чIоже юкъе бенача хана, царна тIехьакхийр Соска Солса. Уж моастагIий къиза хIалак а баь, ший йоI царгара хьа а яьккха, цIенгахьа вийрзар.

Цу хана денна ЦIай-лоама бухь ба ира чхараш хьалъягIаш. Наьрта Соска Солсас ший тур дийтта моттигаш я уж. Малх хьалбоалаш, е чубузаш цIий санна цIе бос болаш хул уж бовхьамаш.

СКАЗАНИЕ О НАРТЕ СОСКА СОЛСЕ

В далекие, теперь забытые, времена в горах Ингушетии жил могучий богатырь, нарт Соска Солса. Он пользовался славой и большим уважением всего народа за свой ум, силу, храбрость и справедливость. Жил Соска Солса со своей дочерью-красавицей в огромной пещере, находящейся в отвесной стене горного перевала Цейлам.

Сердца многих молодых джигитов покорила красавица – дочь нарта. Многие из них сватали ее, но безуспешно. Соска Солса не соглашался выдать ее замуж за обыкновенного, не знатного ингуша. Тогда один из молодых людей, в тайне от отца ставший ее возлюбленным, пошел на хитрость. Предварительно договорившись с

Гора Цай-лоам, в гневе порубленная Соска Солсой (по фольклорной записи Е. Крупнова)

красавицей, он решил ее похитить. Но надо было обезопасить себя от бдительности Соска Солсы.

По наущению своего возлюбленного красавица сытно накормила Соска Солсу бараниной: а баранина была приправлена особым соусом, сильно сдобренным цветами азалии. Как известно, цветы азалии одурманивают человека. Наевшись досыта, Соска Солса быстро уснул крепким сном.

Тогда красавица срезала свои длинные косы и с помощью друзей своего возлюбленного крепко связала ими сонного отца. Затем заговорщики с трудом завалили вход в пещеру громадной плитой, сели на коней и бежали...

Долго, очень долго спал Соска Солса. Проснувшись, он не сразу осознал случившееся. Попытавшись своими силами освободиться от связывавших его пут, он скоро убедился в безуспешности своих попыток. При малейшем усилии волосяные путы впивались в его крепкое тело и причиняли невероятную боль. И понял тогда Соска Солса, что он обречен на медленную и голодную смерть.

Но у нарта Соска Солсы были друзья не только среди людей, которые ничего не знали о заживо замурованном великане. Настоящими друзьями связанного богатыря оказались некоторые птицы и животные. Горный орел приносил в когтях печень и кормил его. Лесной голубь доставлял в клюве воду и утолял его жажду, а полевая мышь медленно перегрызала связывавшие его путы.

Наконец, путы пали, и Соска Солса стал свободен. Расправив свои богатырские плечи, он легко отвалил каменную глыбу, закрывавшую вход в пещеру. Выбравшись же в долину и не найдя дочери, он убедился в похищении своей любимицы.

Ярый гнев и чувство мести охватили тогда Соска Солсу. В безумной ярости принялся он рубить своим огромным стальным мечом скалистую вершину Цейлама, чуть не ставшую его могилой.

Затем он сел на своего быстроходного скакуна и бросился в погоню за похитителями. Уверенные в успехе задуманного дела, они не очень спешили, и Соска Солса скоро нагнал их в глубине Ассинского ущелья. Жестоко расправившись с похитителями, он вернул свою дочь в свое пещерное жилище.

С тех пор сама вершина Цейлама превратилась в ряды очень острых и высоких пик или утесов. Это – следы рубки нартского меча Соска Солсы. Каждый погожий день в лучах восходящего и заходящего солнца они кажутся кроваво-красными, и у всех, видевших их, живо воскрешают в памяти богатырские дела нарта Соска Солсы [1].

Записал известный кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов.
К тексту им сделано следующее примечание:
«Записано 23 июля 1929 года в селении Салги, со слов Белала Эльджаркиева (Заурова), при посредстве (в качестве переводчика) ингушского художника Хаджи-Бекира Ахриева».
Опубликовано: АЭС. Грозный, 1968. Т. 2. С. 254; ССПЧИ. С. 230; ИССП. С. 228.
Сюжет этого сказания единичен. Не исключено, что на это сказание оказало влияние предание о Калой-канте (юноше из рода Калоевых), которого враги коварно связали и бросили в пещере.

[1] С проникновением ислама в ингушскую среду вместо Соска Солсы в народе стали называть богатыря Али (родственника, зятя и сподвижника пророка Мухаммеда), который якобы и порубил вершины утесов этой некогда священной для ингушей горы Цай-лоам.

* * *

31. СЕСКА СОЛСАС ЙОІ ЙОДАЯРАХ

Хамчий Патарз, Орзми, БотІакъий Шурткъа, летарца сакъердалу Тохшакъа яхаш наьрташ хиннаб бахаш. Царна керте латташ хиннав Сеска Солса. Цун ды хиннаб из воацар кхывола саг тІа ца хойташ. МоллагІча дын тІа Сеска Солса тІахайча, цу дына букъ бувш хиннаб. Селлара онда саг хиннав из. Ше маьлхе хиннав. Нах есар кхухьаш лийннав Сеска Солса. Хоза, цІихеза йоІ йоаккхаш, дика кІант вугаш, царех маьхаш доахаш лелаш хиннав.

Цун гIаьрал кIордаяьй наха. Сеска Солса хьалаца сагота болаш лийнаб уж. ТIеххьара цхьа хIама дагадехад царна. Мехка эггара хозагIа я, аьнна, ювцаш йола саг цхьан метте Iо а хоаяь, цунна чIоаггIа го а лаьца, из йоI фунехкдаьча я, сагага дIаюгалургйолаш а яц, яхаш, хабар арахийцад цу наха. Дувцаш Сеска Солсага а кхаьчад из. ЙоI ца яьккхача ше Iелургвоацалга ховш, новкъосташка аьннад цо, из йоI дIайига вода ше, аьнна. Новкъостий болабеннаб цунга – ма гIо, вувргва хьо, лоацар хьо, яхаш, къамаьлаш де. Царга лерг ца хьокхаш, йоI яккха вахав из. Цхьан лоам босагIа хоаяь хиннай из йоI, цу лоама духьала багIача лоам тIара ды тоссабенна, чIожа тIехьаиккха йоIа юхе лохбеннаб. ЙоI цу сахьте дын букъ тIа яьккхай Сеска Солса. Юха а дын тоссабенна цу чIожа тIагIолла дIабаха, духьаларча лоам тIа сецаб. Саго эшоргволаш хиннавац Сеска Солса.

Цун ды кхувсабенна моттиг я маьлхашта юкъе йолаш. Цох оал «Сеска Солса ды тувсабенна моттиг». Ши саг чухошшал къоргаш йоахк цигача Сеска Солса дына баргаша йита.

КАК СЕСКА СОЛСА ПОХИТИЛ ДЕВУШКУ

Жили нарты Хамчи Патараз, Орзми, Ботакий Ширтка и Тахшако, удовольствие от битв получающие.

Возглавлял их Сеска Солса. Его конь никого к себе не подпускал. Если Сеска Солса садился на какого-нибудь другого коня, то у того ломался хребет. Таким огромным был Солса. Сам он был из мелхистинцев [1]. Сеска Солса полонил людей. Он брал в плен известных девушек, знатных юношей и возвращал их за выкуп.

Его насилие надоело людям. Они задумали пленить Солсу и решили это сделать так. Люди распустили слух, что есть одна красивая девушка, которую замуж ни за кого не выдают, а сами устроили вокруг нее засаду. Эти разговоры дошли до Сеска Солсы. Своим товарищам он сообщил, что решил похитить эту девушку. Товарищи стали отговаривать Солсу, но он их и слушать не стал и поехал за девушкой. Девушка была помещена на склоне высокой горы. Сеска Солса перелетел на коне через ущелье и опустился на склоне около девушки. Он усадил девушку на круп своего коня и перескочил ущелье обратно.

Это ущелье, которое Сеска Солса перескакивал на своем коне, находится между двумя селами и называется «Место, где перепрыгивал конь Сеска Солсы». Там имеются отпечатки, оставшиеся от копыт коня Сеска Солсы, в которых могут поместиться два человека.

В 1973 году от 80-летнего жителя села Бамут Паскоша Дадиевича Махаури записал И. Дахкильгов.

Опубликовано: ССПЧИ. С. 235; ГІОДФК. С. 15; ИССП. С. 240.

[1] В сказании Соска Солса не случайно назван мелхистинцем: сам информатор П. Махаури принадлежал к ингушскому племени мелхистинцев.

* * *

32. СОСКА СОЛСЕИ АСТАГІА ТЕМАРИ

ГІалгІайче вахаш хиннав турпал Соска Солса. Кавказа лоамашка хьал-Іо хохкаш, лоам тІара лоам тІа кхувсалуш, тур детташ. чхараш ахайоахаш, иштта сакъердалуш лелаш хиннав из. Чхарех доахка кІоагаш цун говра баргех хьахинна да. Лоам бердех доахка кІоарга шувнаш дІатІадийттача цун турах дисад. Лоамашка хІанза а гуш да из деррига. Кавказа лоамашкара мохк готта хеташ, хехкка ваха хиннав их дуне довза. Самарканде кхаьчача, вайзав цунна АстагІа Темар. «АстагІа», аьнна из цІи цох хІана тиллай, аьлча, бера хана цкъа гаьзарашта тІехьаудаш, ког тоссабена каг а бенна, из харцахьа хоттабаларах цхьа ког лоацагІа хиннаб. Ший денали турпалали хьокхаш, дуаш-молаш, сакъердаш хиннав цигач Соска Солса.

Бакъда, царна юкъе цкъа цатоам а ийккха, Соска Солса ийгІав Темарца. Аьннад цо, бекхам боацаш Соска Солса вутаргвац ше. Шийга из алар ца ловш, Соска Солсас Темара воІ водаваьв. Кавказе хьал а воалавав, Галашкарча Гаьнаж яхача къонахчунга вехкав цо из. Соска Солсана тІехьахохкавенна АстагІа Темар ГІалгІайче хьакхаьчар. Лоамашка лела ца вухваш, ший бІу хІалакбар кхераш, юкъаршхо а оттаваь, из Гаьнаж волча вухьаш, маьхах воІ хьава ший, аьнна. Гаьнажас лургвац ше аьлча, цу юкъархочо къайлаза аьнна хиннад Темара воІага, ведий кІалхаравала, аьнна. ХІаьта Темар ше ГІумкий ара а ваха дІаэттав. Цигахьа дІаводаш, ший бІухошка аьннад цо, Галашкара хьа ГІумкий аренга кхаччалца ор хьаахка, аьнна. Из цо хІана аххийтад, аьлча, кІалхараваьнна ведда воагІа ший воІ цу хана хиннача листача, къорача хьунашка тувлалургвоацаш, аьхкача оро цунна никъ хьокхаргболаш. Иштта бокъонца хила а хилар – цу орах водоош, ший даь бІу латтача дІакхаьчар Темара воІ.

СОСКИ СОЛСАН

Жил-был между галгайцами турпал по имени Солсан, сын Соски. На крылатом коне перескакивающий с горы на гору, разрубая своим богатырским мечом скалы, разгуливал Солсан по всем Кавказским горам. Впадины на скалах – от копыт коня Солсанова, щели в скалах – от меча его – сохранились и до сих пор. Но для Солсана были тесны Кавказские горы, и вот пустился он по белу

свету: людей повидать, себя показать. Прискакав в Самарканд, Солсан познакомился с ханом Тимур-Аксаком, который получил прозвище Аксака потому, что в молодости, гоняясь за козой, переломил себе одну ногу, и она по сращении сделалась короче другой. Солсан жил, пировал у Тимур-Аксака, да показывал свою удаль. Но как-то и из-за чего-то Солсан поссорился с Тимуром, который при этом пригрозил ему. Солсан, в отмщение за угрозу, схватив сына Тимура, ускакал на родину, на Кавказ, и продал галашевцу по имени Ганш. Тимур с огромным войском пустился преследовать Солсана и по следам его дошел до Галашевского ущелья. Но он опасался быть разбитым в горах, а потому, переговорив через лазутчика с сыном, на выкуп которого Ганш не согласился, и посоветовав сыну бежать при случае, отступил на Кумыкскую плоскость. На обратном пути Тимур приказал войску рыть канаву от Галашевского ущелья до Кумыкской плоскости, для того чтобы сын его во время своего бегства с гор не запутался бы в непроходимых и безлюдных чеченских лесах и канава указывала ему путь. И действительно, говорит предание, она довела сына до стана его отца на Кумыкской плоскости.

Записал П. И. Головинский.
Опубликовано: ССТО. Владикавказ, 1878. С. 257.

В этом сказании имеется единственное указание, что якобы Соска Солса имел какие-то взаимоотношения с Тамерланом. Есть ингушское предание о роде Баркинхоевых, предок которого якобы и увел в плен сына Тамерлана, и этот сын вернулся к отцу по оставленным им рвам. Несомненна связь названного предания с этим сказанием.

* * *

33. СЕСКА СОЛСЕИ КІИНДИЙ ШОАИ

Аьга-кхала гаьна доацаш КІинда Іимараш яхаш кашамаш да. Цига моцагІа КІинда а цун воІ Шоа а ваьхав. Да а венна. Шоа висача хана, цунга саг вайтав, йоах, Сеска Солсас: «Хьо волча хьоашалгІа воагІаргвар со, хьо раьза хуларе». «Цу денна,– аьннад,– вола. Лакхе гІолла ва мукъа витац аз хьо. Лохе гІолла, Іарамха йисте гІолла вола»,– аьннад Шоас. Сеска Солса шийца Іел-маьлха уха Боткъий Ширткъа волаш, шийна мукъ беннача гІолла КІинда Шоа вахача гІалийга кхаьчав. Хьаьший боагІаш байча, фусамадас ший нана дІайийхкай. ЧІоагІа низ болаш саг хиннай из, цун кулг дІакхийтта сага маьже ювш хиннай. Хьаьший хьакхаьчача, «ДІахеца со, хьаьшашка моаршал хаттийта сога»,– яхаш, мухь бетташ хиннаб йийхка латтача сесаго. КІинда

Шоас берста ка а бийна, шу хьалха оттадича, дийхаД Сеска Солсас: «Е шу долоргдац аз, Іа хьай нана хьахеццалца»,– аьнна. ТІаккха ца ваьнна хьахийцай ший нана КІинда Шоас. ГІадъяха йоккха саг хьаьший болча Іочу а яха, шийна хьалгІеттача Солсана ворох кулг теха: «Іоха бераш» – аьннад Солсагеи Боткъий Ширткъагеи. Фусамнаьна кулг кхийтта ворув а йийна, вежав хьаьша. «Ер дар из со кхийрар»,– яхаш, ший нана ара а яьккха, ший дийна хІама хоттийташ йола эг тІайила, верзаваьв цо Солса. Ший фусамдаьнеи, цун гІулакхаштеи, боахама а раьза хиннача Сеска Солсас аьннад: «Аз сай йоІ йойтаргья хьога». «Раьза ва со. Аз хьо гІадваха вела-валлалца бешкарташкара доахан аралоахкаргда хьона»,– аьнна, жоп деннад гІозваьннача КІинда Шоас.

Іурра, сатоссача хана, Сеска Солсеи Боткъий Ширткъеи арабаьлча, Іоара а хьаллара а бешкарташкара сов тоаденна оагІошка богаш а яьнна, кІай бата бовхьамаш дола сийна доахан шийна аралехкаш дайча, гІадваха велавеннав Сеска Солса. ТІаккха Іоюкъеийккхача Боткъий Ширткъас, Сеска Солса велавалале арадаьнна доахан хьакъоастадаьд даланза долчарех. «Эй, фу леладу Іа хІанз?» – аьнна, хаьттад цецваьннача Сеска Солсас. «Хьадараши доацараши къоастаде воал-кха, хьо гІадваха велаваллалца мара денна дий хьона доахан?» – аьнна, жоп деннад Ширткъас. Цул тІехьагІа кхы а аьннад цо: «Укх хьайна деннача доахах кхо дакъа де: цхьа дакъа хьай йоІа дита деза Іа, шоллагІа дола дакъа юрта доагІа, кхоалагІадар хьайна эца».

– Ва, нах, фуд-хьоагІ ер? – аьнна, тамаш яьй Солсас.– Іел-маьлха ухача Іа, Боткъий Ширткъас, аьннар ца дича мича воал со, – аьнна, доахан шийга аьннача бесса дийкъа, цІа а ваха йоІ КІинда Шоага, ейтай Сеска Солсас.

СЕСКА СОЛСА И КИНДИЙ ШОА

Недалеко от Эгикала находится кладбище в местности «Киндий эмараш». Раньше, говорят, на том месте жили Кинда и его сын Шоа [1]. Когда отец умер и Шоа остался один, говорят, Сеска Солса прислал к нему человека.

– Я бы пришел к тебе в гости в такой-то день, если ты будешь согласен.

– Приходи. По верху идти я тебе не разрешаю. По низу, вдоль реки Армхи, иди,– ответил Шоа [2].

Сеска Солса взял с собой по своему желанию то отправляющегося в Эл, то возвращающегося в солнечный мир Боткий Ширтку, прибыл по указанной ему дороге к башне Кинда Шоа.

Увидев приближающихся гостей, хозяин дома связал свою мать. Она была такой силачкой, что ломала у человека любую часть тела, стоило только ей прикоснуться к нему.

Когда пришли гости, мать Шоа стала просить сына:

– Отпусти ты меня, разреши поздороваться с гостями!

Хозяин зарезал барана и приготовил угощение для гостей.

Но, когда его поставили перед Сеска Солсой, тот сказал:

– Кинда Шоа, если ты не развяжешь свою мать, я не прикоснусь к еде[3].

-- Сказанное тобой не могу не выполнить»,– сказал Кинда Шоа и развязал свою мать.

Обрадованная женщина вышла к гостям, чтобы поздороваться с ними. При виде ее Солса пытался встать из уважения к хозяйке дома, но она предупредила желание гостя и слегка дотронулась рукой до его бедра, сказав при этом Солсе и Боткий Ширтке:

– Садитесь, дети!

Но бедро Солсы, которого коснулась мать Кинда Шоа, сломалось от этого, и гость упал.

– Вот этого-то я и боялся,– произнес хозяин и вывел свою мать прочь.

У Шоа был оселок, который обладал чудесным свойством: стоило его смочить водой и приложить к перелому, как кости тут же срастались. Шоа так и вылечил Сеска Солсу.

Сеска Солса остался доволен хозяином дома, его поведением и поступками и сказал ему:

– Я выдам за тебя свою дочь.

– Я согласен. Я выгоню тебе из загонов столько коров, пока ты не улыбнешься от удовольствия,– ответил Кинда Шоа.

Утром, как только рассвело, когда Сеска Солса и Боткий Ширтка вышли, Шоа начал выгонять из загонов скот для Солсы. Увидев с той и с другой стороны выходящих из загонов таких жирных, что переваливались с бока на бок, обросших, беломордых синих коров, Солса рассмеялся от удовольствия.

Как только он рассмеялся, Боткий Ширтка бросился к скоту и отделил ту часть, которая успела выйти из загонов до того, как Солса выразил свою радость.

– Что ты делаешь? – спросил у него удивленный Солса.

– Тебе обещали выгонять скот до тех пор, пока ты не засмеешься. Я хочу выделить твой скот,– ответил Ширтка. И еще добавил:

– Свой скот ты должен разделить на три части: одну часть – себе, другую – своей дочери и третью часть – аулу.

Я не могу не делать того, что говоришь ты, опускающийся в преисподнюю и возвращающийся в солнечный мир Боткий Ширтка,– сказал Солса и свой скот, как говорил Ширтка, разделил на три части.

Так женился Кинда Шоа на дочери Сеска Солсы[4].

В 1931 году от Генардки Пхугиевича Ахриева записал Д. Мальсагов. Опубликовано: ДГІ. С. 241; ГІФ-67. С. 158; ГЭЧИ. С. 318; ССПЧИ. С. 275; ИССП. С. 312.

К этому сказанию Д. Мальсагов сделал следующее примечание: «У Гана (мифический первопредок ингушей.– *И. Д.*) был сын Га, у Га был сын Галга, у Галгая был сын Кинда, у Кинды был сын Шоа. Шоа, сын Кинды, жил в селении Эмашка».

[1] *Эмараш (Iимараш)* – надмогильные стелы.

[2] Кинда Шоа запрещает Соска Солсе идти по Ассинскому ущелью, а предлагает идти по Арамхинскому ущелью. Этим самым Кинда Шоа подчеркивает свою знатность, поскольку Соска Солсе им предложено идти к нему обходным путем и через земли податного населения.

[3] В подобной ситуации хозяин вынужден бывал исполнить просьбу гостя, так как если бы гость отверг гостеприимство хозяина, не приняв предложенной гостю пищи, на хозяина падал большой позор, и он был бы ославлен в народе. Хозяин здесь поставлен в безвыходное положение.

[4] Для ингушского эпоса является характерным родство или породнение между каким-либо родовым богатырем и могучим нартом.

* * *

34. СЕСКА СОЛСИЙ ЙОI ЙОДАЯРАХ

Iарбий мехкарча Шаьмара вена саг хиннав КIиндий Шоа. Из шеи нанеи мара кхы саг хиннавац цун. КIинда Iимара яхача ваха Iохайнав из, Сеска Солса цу хана ший дезал Чим а бита, фос яь тIема ваха хиннав Малхбузехьа. ХIаьта ше цIихезача Сеска Солсах лоархIа ца вешшехьа а, шийна дукха езарах, Сеска Солса йоI йодаяьй КIиндий Шоас. Ше йоI йодайича, аьнна хиннад цо:

– Сеска Солсага ше тIема хIанз доагIача пIаьраска дийнахьа вола алалаш, хIаьта машара воагIе, вокха пIаьраска дийнахьа вола ала.

ЦIакхаьча низ бола Сеска Солса из гIулакх шийна дIахоззаше, тIема волавенна хиннав шийга аьннача хана Онгуште гIолла.

Шийца ший 63 эзде-орстхо а волаш ер Эса чу ваьлча, йоачан а хинна, хий эйденна, наькъаш дохадаьд.

Пайда бац цун, аьнна, юхавийрзав Сеска Солса. Шийга яхача шоллагIча пIаьраска дийнахьа ваха хиннав тоам бе.

Тоам баьб. ХIаьта Сеска Солсий йоIо КIинда Шоана кхо воI ваьв. Царех цаI, воккхагIавар. Аьга-кхале сецав, шоллагIавар – Хамха, кхоалагIавар ТIаргаме вахав. Уж Кхаькхалера нах царех баьннаб.

ПОХИЩЕНИЕ ДОЧЕРИ СЕСКА СОЛСЫ

Кинда Шоа происходил из Шямы [1]. Он со своей матерью поселился жить в местечке Кинда Эмарш.

Как раз в это самое время Сеска Солса, оставив свою семью в Чми [2], отправился за добычей на запад. Кинда Шоа был влюблен в его дочь. Он, хотя и боялся Сеска Солсу, похитил ее. После этого Кинда Шоа послал человека к Сеска Солее, чтобы он передал ему следующие слова:

– Если Сеска Солса хочет битвы, то пусть приедет в пятницу на этой неделе; если же Сеска Солса хочет перемирия, то пусть прибудет в следующую пятницу.

Могущественный Сеска Солса, как только ему стало известно о случившемся, в первую же пятницу с войском отправился через Ангушт [3] к Кинда Шоа. Когда он с шестьюдесятью воинами стал переходить Ассу, полил дождь, вода в реке поднялась, дороги и мосты были разрушены.

– Делать нечего,– решил тогда Сеска Солса.

Он прибыл к Кинда Шоа в пятницу следующей недели для перемирия.

Они установили мир. Дочь Сеска Солсы родила от Кинда Шоа троих сыновей. Один из них поселился в Эгикале, второй – в Хамхи, третий – в Таргиме. Люди из Кякале [4] происходят от них.

В 1966 году от 70-летнего жителя села Олгеты Ахмета Эшиевича Евкурова записал А. Мальсагов.
Опубликовано: ГФ-67. С. 138; ССПЧИ. С. 273; ИССП. С. 310

[1] *Шяма* – так называют Сирию. Возведение этноарха (или родового предка к выходцам из Сирии, Египта, Ирана...) является результатом влияния ислама, а также и родовых преданий кумыкских ханов Тарковских шамхалов, возводивших свою родословную к Шам-хану (сирийскому хану).

[2] *Чми* – ингушское селение в Дарьяльском ущелье. Название села идет от названия осоки – «ЧIим», которая растет в том месте в результате его периодического заболачивания разливами Терека. Дарьяльское ущелье контролировал ингушский род Дударовых, и они сдавали осетинам в аренду свои земли в селениях Ларс, Чми, Балта. Часть Дударовых со временем слилась с тагаурцами (осетинами).

[3] *Ангушт* – старинное ингушское селение, история которого прослеживается с XVI века. От названия его идет этноним «ингуш». Ингуши изгонялись из него в 1859, 1944 и 1992-м годах. Ныне оно вновь возрождается, но под названием Тарское (от ингушского «Тарс-аре» – Долина Тарса).

[4] Три башенные поселения *(Эгикал, Хамхи, Таргим)* называются обобщенно «Кякале (Кхаькхале)» и являются центральным и могущественным обществом древности. Возведение дочери Соска Солса к праматери этого общества является обычным примером идеализации предков.

* * *

35. КIИНДИЙ ШОАС ЙОI ЙОДАЯРАХ

Хамхана лалла вахаш хиннав КIиндий Шоа. Соска Солсай дала теха хоза йоI я, аьнна, хеза хиннад цунна. Соска Солса чIоагIа низ болаш волга шийна ховшшехьа а, цун йоI йодае дагадеха хиннад КIиндий Шоана.

Эса-чIожара ваьнна Цхьорой-чIожах ваха, аькккхий юрта кхаьчар из. Цхьан метте ший эздий дIахьула а баь, Солса цIенгахьа

вахав ер. Коа дIаэттача, цигач зирак кхийттав укхох. Мичав Соска Солса, аьнна, хаьттача, из цIагIа вац а оалаш зирако тIатехад:

– Из мичав сага хац е ха йиш а яц. Цхьан ден вахача, кIира даьлча воагIа из; кIира вахача, бутт боаккх цо; бетта вахача-м цхьа шу доалаш мара цIа а кхачац.

– Е кIира, е бетта, е шера из воагIе а цунга Iа дIаала, КIиндий Шоас йоI йигай хьа, аьле.

Цхьаккха саг духьала ца воалаш, ший бIухошца цхьана Соска Солсай йоI йигай КIиндий Шоас. Цхьорой~чIожагIа шоаш болхаш, дукха тIой Iотокхадаь, никъ къайлаб цигарча наха.

Вена цIакхаьчачул тIехьагIа, хеккка ший йоI лаха араваьннав Соска Солса. Цхьорой-чIодж тIошца къайла хиларах, цигач ший бIу а бита, Iарамха-чIожагIа КIиндий Шоа волча хьалволавеннав из, шийна тIехьа кхо эзди а волаш. ДIакхаьчача, лийтта лоацаш, дын тIара воссавеш, дика тIаийцав. ГIалий чу а ваьккха, цхьацца хаттараш деш, Солсас хаьтта хиннад:

– Е да хинна, е нана хинна захалех саг вий са?

– Захал вац, захал йолаш я,– анна, жоп деннад.

ГIалий бухьара IокIалаяннай захал. Соска Солсаца шуна хайнай из. Солсас дийхад цунга, кад текъабеш, дош алар.

– Хьо а, са захал, дукха вахалва, ер са кIаьнк а дукха вахалва,– оалаш, Солса балам тIа кулг диллад цо, дынбехк ювш.

ШоллагIа дош оалаш, шоллагIча балам тIа кулг дулаш, Солсай шоллагIа балам бийнаб цо. Сов денал долаш из хиларах, шаккхе балам лозабаь болашехьа а, гунахьа доацаш санна дIавагIаш хиннав Соска Солса.

ДIаваха, аьнна, из тохавелча, урдонна, аьнна жел чура, божал чура жа-доахая хьааралаьхкад. Сов дукха уж долаш, доазонга дIакхаччал мохк хьалбизаб. Говраца хьай-Iо волалуш, царех кхоалагIа дола дакъа хьакъоастадаь хиннад цо урдонна. Из дакъа эца а дага хиннавац из, наьха меттаех озалуш, «цхьаккха хIама ца луш дIавахийта Солса», аьнна, тIехтохам хургбоацаш.

КАК КИНДИЙ ШОА ПОХИТИЛ ДЕВУШКУ

Возле аула Хамхи жил Кинда Шоа. Он прослышал, что у Сеска Солсы очень красивая дочь. Кинда Шоа решил ее похитить, хотя и знал, что Сеска Солса обладает непомерной силой.

Из Ассинского ущелья по Цоринскому ущелью спустился он к аккинцам [1]. Своих воинов он оставил в потаенном месте, а сам направился к дому Солсы. Во дворе его дома он встретил зирака [2].

На вопрос Шоа, где Сеска Солса, зирак ответил, что его нет дома и добавил:

– Где он – этого никто не знает и знать не может. Если он поедет на день, то возвращается через неделю, поедет на неделю – возвращается через месяц, поедет на месяц – возвращается через год.

– Приедет ли он через неделю, или через месяц, или через год, передай ему, что Кинда Шоа увез его дочь.

Без всякого сопротивления Кинда Шоа со своими воинами увез дочь Сеска Солсы. Проезжая по ущелью Цори, они устроили обвал и перекрыли дорогу.

Возвратился Сеска Солса домой и бросился на поиски дочери. Дорога по Цоринскому ущелью оказалась перекрытой, и Сеска Солса, оставив свою дружину, с тремя сподвижниками направился к Кинда по Арамхинскому ущелью. Сеска Солсу обеспокоило то, что дорога по Цоринскому ущелью была перекрыта. Прибыл Сеска Солса к Кинда Шоа. Встретили люди Шоа Солсу, поддержали стремя, когда он спешивался, ввели в башню.

После обычных расспросов Солса спросил:

– Есть ли у меня сват или сваха?

– Свата нет, но есть сваха,– ответили ему. Сверху из башни спустилась сваха, и они с Сеска Солсой сели за угощение. За чашей вина Солса попросил ее сказать слово.

– Пусть мой мальчик долго живет, пусть ты, сват, долго будешь жить,– сказала мать Шоа, положила руку на плечо Солсы и сломала ему ключицу.

Произнесла она второе слово и сломала другую ключицу Солсы. Мужественный Солса и виду не подал, что у него сломаны обе ключицы.

Когда Сеска Солса уезжал, в калым ему из базов стали выгонять отары овец и стада коров. Их было так много, что они заполнили тучные поля до самых окраин границы. Тогда Сеска Солса верхом на коне отделил от этих отар и стад третью часть в калым за свою дочь. Он и третью часть не взял бы, если бы люди потом не распространили молву, что поехавшего за своей дочерью Солсу отправили ни с чем.

В 1974 году от жителя села Альтиево Мурада Костоева
записал Султан Патиев.
Опубликовало: ССПЧИ. С. 274; ИССП. С. 311.

[1] *Аккинцы* – восточное древнее ингушское племя; ныне растворились среди ингушей и чеченцев.

[2] *Зирак* – ведун, знахарь, предсказатель, мудрец.

* * *

36. СОСКА СОЛСЕИ ГОРЖАЙИ

Гаьннача замах хинна хIама да ер. Соска Солса шоашта юкъе а волаш, цкъа Iохайна багIаш хиннаб орстхой. Дийцад цар: «Вай дIа ца кхоачаш, вай гIаьр ца еш, цхьаккха кхы мохк бисабий-хьогI?»

Орстхоша деш дола къамаьл дIахеза хиннад царна юхе-да тIехйоалача цхьан жерочоа. Цар а зийнай из. «Вай деча къамаьлах, вай бIубенна лувш хиларах ца яшаш хургья из! Волел, Боткъий Ширткъа, хаттал, цунна мукъа бовзаш бий-те вай гIаьрал ца еш биса мохк?»

Вахача Боткъий Ширткъас из дош хаьтта хиннад цунга. Аьннад цо:

– Со миска жеро я. Аз аьннар шоашта ца тейча, орстхоша атта баге хьокхаргья сога. Малав тIаккха са га даккха?

– Хьаккхашта хьаала, ма кхера,– аьннад орстхоша.

– ВорхI лоамал дехьа ший жа-доахан доажадеш воал Горжай. Цунна орстхоша гIаьр яь яц.

– Цигахьа даха деза вай! – ЦхьоагIонца аьннад цар.

Болабенна баха, ворхIалагIча лоама тIехьа а баьнна, Горжай доалахьа дола доккха Iул дайнад царна.

– Тийшаболх бе вайна товш дац! – аьлар Соска Солсас,– Горжайга дIахайта деза вай цун Iул дига даьхкалга. Ший тIом кий-чаболба цо!

Из хабар ийца, цхьа баьре вахтав Горжай волча.

– Укх Iулагара Даьла духьа жа-доахан сагIийна луш хиларах ер Iул мишта дуг? Царна дагадехар Даьлана духьалара хIама да! Iа денача хабарах тешац со. Цхьа харца хIама юкъеийккха хургда царна,– оалаш, Горжайс юхаверзаваьв шийна тIавейта хинна баьре.

– Вай цох латаргхиларах из мишта тешавергвар-те, цунга оарц мишта доаккхийтаргдар-те? – яхаш, дIахо Соска Солса аьлар, – цун зIамагIа волча виIий несас шийга аьлча, тIаккха мара тещаргвац из; Горжайс хий мелача хьастага шовдана ухаш я из. Цу несас аьлча, тешаргва Горжай. Малав шох из нус ший маьрдаьна духьала яхийта могаргдолаш?

– Со ва,– аьлар, царех зIамагIа волча Тахшакъас.

Горжайс хий мелача хьастагахьа сецца вахав Тахшакъа. Цу ханна цигач хьаена хилар Горжайна дукха езаш йола нус а. Из дIаюстара токхаеш, цун тIера барзкъаш эттIадаьд Тахшакъас. ТIаккха аьннад:

– ДIаала хьай маьрдаьга, Соска Солса юкъе а волаш, орстхой баьхкаб хьа кIай Iул дига. Ховлда хьона, Горжайга Iа из дIа ца оале, се дIа мел вахача, айса хьох кулг техар, яхаргда аз.

ТIаккха несас жоп хьадарга хьийжав из.

– Тахан са сий доаде веннавар цхьа орстхо. Ер хьона гуш йола коч а йоаттIаяь, хьога дIахейта, аьлар цо, хьа кIайча Iулана гIаьрал е даьхкад тхо, тIемана хьай кийчо е еза Iа,– аьнна, дIадийцар несас.

– Кхалсаг дилла а эхь дайна хул! Эхь доацача кхалсага хьо тара хет сона. Аз Веза-воккхача Даьлани лакхарча цIувнаштеи баркалца хетадаь долча Iулана цар гIаьрал мишта ю? ХIара айса сагIа массаза доаккх, дикагIа бола ка кхобац аз царна. Шийна болча пайданна духьа са Iула гIаьрал е вухьаргволаш саг вий-те?

Горжай тешанзар несас шийга анначох. Тахшакъа вагIача хьастага юха а ена, хоам баьб:

– Маьрдаьга дIахайтар аз, орстхой цун Iулашта гIаьрал е кийч-бенналга, бакъда, из тешанзар аз шийга дIааьнначох.

Тахшакъа юхавера бIу латтача.

– Фу карагIадаьлар хьона? – хаьттар цунга.

– Горжайна дукха езаш йола нус хи тIа яьрга кIийленна хьий-жар со. Хьаеча, тIера барзкъаш а эттIадаь, маьрдаьга дIаала, цун Iул лалла тхо даьхкалга. Яха дIа а аьнна, юхаеча, цо аьлар, маьрда шийх тийшавац, аьнна

Горжай мишта оарцагIавоаккхаргвар-те, яхаш, юха дувца баьлар уж. Баха, Iушка хаьттар цар.

– Горжай гIалий тIа дагIаш да,– аьлар Iуша,– цунна дукха дезаш дола оалхазар. Из оаш дуй, оарцагIа вала мег из.

ТIаккха Соска Солсас хаьттар орстхошка:

– Iадсаькх дикагIа тохаш малав шох?

– Со ва,– аьлар Орузби яхача орстхочо.

Сатоссача хана Горжай гIалийга а ваха, Орузбес Iадсаькх техха дийр из оалхазар,

– Со маьрша вита дагабац ераш,– аьнна, дин тIа а хайна, Гор-жайс оарц даькхкар орстхошта духьала.

Сигала хьалавийрза, дуIа дир цо:

– Даьлани цо безбаьча цIувнаштеи аз синнела дикагIа дола кой кхухьаш долча са кIайча Iула гIаьрал е баьхкаб орстхой. ОарцагIа довла сона!

Селана дIахезар из лоткъам: доккха дуIа хьайр, дарц хьекхар, цига мел хинна адам орстхошта тIехьа хьедар. ДIаболхача орстхоех тIехьарабараш хиннабар массарел а дикагIа Iадсаькхаш детташ хиннараш. Соска Солсас аьлар:

– ШортагIа гIоргда вай, Села тIехьакхувргволаш. Аз дегI хьувг-да цун!

Мааллара Села тIехьа а кхийр. Соска Солсас из хьатоIаваьча, цун пIендараш а кагдир. ТIаккха кхы тIехьа ца кхувш, Селас би-тар орстхой. Дарц дIа а даьнна, сигале а къаьгар. Горжай шоашта тIехьакхийтар цар. Соска Солсас Горжай хьа а лаьца, дIа а вийхка, корт цIогангахьа болаш говра тIа а хоаваь, наха болча белама эрий ара дIахийцар.

Горжай хинна Iул а лоаллаш, цIабаьхкар орстхой.

СОСКА СОЛСА И ГОРЖАЙ

Давно это было. Сидели орхустойцы [1]; между ними находился Соска Солса [2]. Они рассуждали: «Есть ли такой край, где бы не были и не грабили?» В то время, когда они вели этот разговор, возвращалась с реки одна вдова с водой. Она невольно подслушала разговор орхустойцев. Ее заметили и орхустойцы. «Она, вероятно, смеется над нашей самоуверенностью! Пойди узнай, Батоко Шертуко: может быть, она знает страну, в которой мы не были и не грабили?» Батоко Шертуко отправился к вдове спросить ее об этом. «Я вдова-сирота. Если ответ мой не понравится, орхустойцы могут оскорбить меня. Кто заступится за меня?» – «Не бойся, скажи!» – говорят орхустойцы. «За семью горами пасется стадо Горжая, и на это стадо орхустойцы не нападали!» – «Надо отправиться!» – сказали они все вместе.

Орхустойцы отправились в путь. Вот перешли они седьмую гору и увидели громадное стадо Горжая. «Стыдно и недостойно поступать тайным образом! – говорит Соска Солса,– надо дать знать Горжаю, что орхустойцы собираются напасть на его стадо[3]. Пусть приготовится!» Они послали к Горжаю. «Как они могут напасть на стадо, из которого посвящают богу жертвы? Это будет с их стороны святотатством! Я тебе не верю. Вероятно, между ними что-нибудь произошло»,– сказал Горжай посланному и отправил его обратно. «Как же мы можем уверить его, что хотим сделать нападение, чтобы он поднял тревогу?» – сказал Соска Солса. «Его может уверить только невестка его, жена его младшего сына. Она ходит за водой того источника, из которого сам Горжай пьет воду. Если она скажет ему, то он поверит ей. Кто из вас способен завлечь женщину?» – спросил Соска Солса. «Я могу!» – сказал один из орхустойцев по имени Тахшако.

Тахшако отправился рано утром, ко времени намаза, к источнику откуда брал воду Горжай. К его приходу пришла туда любимая невестка Горжая. Он утащил ее, порвал на ней платье. Когда они возвращались, то Тахшако говорит ей: «Скажи своему свекру, что пришли орхустойцы, и в том числе Соска Солса, угнать его белое стадо». Пригрозив ей, что если она промолчит, то он разнесет слух, что он имел с ней любовное сношение, сказал, что будет ждать от нее ответа.

«Со мной сегодня сделал посрамление один из орхустойцев. Вот доказательство – разорванное мое платье. Он просил, чтобы ты приготовился к нападению на твое белое стадо»,– сказала она Горжаю. «Женщина всегда остается бесстыдной! Я смотрю на тебя, как на женщину, потерявшую стыд. Как могут напасть на мое стадо, которое я посвятил с благодарностью своему Создателю – Богу и высоким святым. Когда я приношу жертву, то не жалею лучшего барана. Неужели есть у кого-либо жадное желание?» Горжай не поверил своей невестке. Невестка возвратилась к источнику, где

ждал ее Тахшако, и сказала ему: «Я сказала своему свекру о намерении орхустойцев напасть на стадо, но он мне не поверил».

Тахшако возвратился к своим.

«Ну, что тебе удалось сделать?» – спросили орхустойцы. «Я ждал любимую невестку Горжая у источника, и когда она явилась, я схватил ее, порвал платье на ней и велел сказать свекру о наших намерениях. Она возвратилась и сказала, что Горжай не поверил ей». – «Какими средствами вызвать Горжая на тревогу?» – сказали орхустойцы. Они отправились за советом к пастухам. «Единственное средство – это убить любимую птицу Горжая, сидящую на его башне»,– сказали пастухи. Тогда Соска Солса обратился к орхустойцам с следующим вопросом: «Кто из вас лучше всех умеет стрелять?» – «Я могу!» – сказал один из орхустойцев по имени Орузби. Орузби чуть только рассвело отправился в дом Горжая и убил его любимую птицу [4]. Рано встал Горжай и увидел на дворе свою любимую птицу: «Видно, меня не хотят оставить в покое!»

Оседлав своего коня, сев на него, он поднял тревогу. Он обратился к небу со следующими словами: «Орхустойцы пришли угнать мое белое стадо, из которого я всегда приносил лучшего барана Богу и великим святым. Заступитесь за меня все святые!» Его мольба была услышана Сели [5]. Потом поднялась буря, гроза, и все жители погнались за орхустойцами. Те из орхустойцев, которые стреляли лучше, шли последними. «Надо идти потише, пусть догоняет Сели, я пожму бока этому святому!» – сказал Соска Солса. Действительно, их догнал Сели, и Соска Солса схватил святого и поломал ему ребра. Буря и гроза утихли. Святой перестал преследовать орхустойцев, и небо очистилось. Когда стало светло, орхустойцы позволили Горжаю догнать их. Соска Солса схватил Горжая, связал его и посадил на лошадь лицом к хвосту, потом пустил в поле на смех людям.

Орхустойцы возвратились со стадом Горжая домой.

В горной Ингушетии записал Чах Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. 1875. Вып. 8. С. 38; ГЭЧИ. С. 310; ССПЧИ. С. 242; ИССП. 249.
Имя пастуха Горжая из этого сказания напоминает имя свинопаса Горганыжа из адыгского эпоса.

[1] Здесь дано примеч. Ч. Ахриева: «О слове «орхустойцы» следует заметить, что в нем окончание я добавил произвольно, для более ясного понимания. Строго говоря, нужно писать «орхустхой», так как по-ингушски, если речь идет о члене какого-нибудь общества, прибавляется большей частью окончание: в единственном числе **-хо**, а во множественном **-хой**. Так, в единственном числе говорят *орхустхо*, а во множественном *орхустхой*, *оршtохо* (карабулаки) – *оршtохой*, *джейрахо – джейрахой*, *насырхо – насырхой* и т. д.»

[2] Ч. Ахриев и тут дает примеч.: «В тексте некоторых ингушских сказаний у меня различно написаны имена героев. Так, например, в одном месте значится Барким, а в другом – Баркум. То же самое следует заметить об имени Батоко Шертуко, или Шуртуко и Ширтга. Это произошло от того, что сказания мною записывались в различных местах, т. е. в горах и на плоскости: в горах говорят Баркум, а на плоскости Барким; также в первой местности – Соска, а в последней – Сеска. Вообще в горах слышится яснее «о», «у», а на плоскости эти звуки превращаются в «и», «ё». Вопрос: какое наречие чище – плоскостное или горское? Назрановцы считают свое наречие чище и деликатнее, поэтому относятся к горскому говору с насмешкой и презрением. Но, конечно, горское наречие чище, самобытнее, на него меньше имели влияние посторонние наречия. Считаю также не лишним заметить, что у ингушей произносят прежде имя отца, потом сына. Так, например, Соска Солса. Здесь первым поставлено имя Соска, а затем сына его – Солса. То же самое – Батоко Шертуко. В рассказах ингуши произносят неразрывно оба имени – отца и сына».

[3] У ингушей раньше существовало понятие «кIай фос» – «белая добыча», т. е. то, что было добыто в открытом бою, без подлости, по справедливости, которую понимал всяк по-своему.

[4] Птица, сидящая на башне, чем-то напоминает пушкинского золотого петушка на башенной спице и умеющей предвещать беду.

[5] *Сели* – бог громовержец (*примеч.* Ч. Ахриева).

* * *

37. МАЙРА ПАХЬТАТ

Чот йоацаш бIаьхий хиннаб воккха саги йоккха саги. Лоамашка хьаллаьла цар говрий рема йоажаеш цхьа Iу хиннав. ШоллагIа Iу хиннав, ара мотт билла, цар доахан доажадеш. Даар, малар, дувхар – шедар хиннад боккхийча наьха, бакъда, бер хулаш хиннабац уж. Къабеннача дийнахьа шоай бер хиларах дог диллар цар. Цкъа венав доаханга воалла бежа Iу. Цо аьннад:

– Шун доахан чIоагIа дийбад, кхы моттиг ца тоъаш, царна фу дергда ховш вац со.

Воккха саг вахав цу Iунца доахан латтача. Йолаш йола моттиг дIалаьца, кхы яа буц йоацаш, селлара дийба хиннад доахан. Цу деша сагота волаш латтача укхунна хьатIабенаб бахка безабенна цхьа етт.

– ХIайт яI-кха. ХIанз ер а бахка ма боалий, укхо даьча Iасо а дIалоацарг ма йий моттиг, – яхаш, ше-шийца укхо гIайгIа еча юкъа, цигга бахка а бахка, кIаьнк ваьв Iатто. Цу гIулакхах чIоагIа тамаш яь, мичара воагIа ца ховш, шийна кIаьнк хиларах, гIадвахача воккхача саго, сихха шийна тIера Iаьржа даьре гIовтал Iояьккха, цунна юкъе кIаьнк дIахьоарчаваьв. IШий доаханах йола сагото йиц а енна, боккха кхаъ хинна, ведда цIавахав воккха саг.

Ваьча кIаьнках сакъердам хулаш хиннаб боккхийча наха. Сихха дегIа кхувш, Iатта кIал вакхаш, сиргIилга букъ тIа ховш хиннав. ВорхI бутт баьлча, пхийттара волаш санна, дегI денад цо.

Воккхача сагаца, из вIалла а паргIата ца воалийташ, дилла леташ, цу хана зуламаш деш хиннав негIий кхо воша - вампалаш. ХIаьта царех цхьанне юртал ара ловзаш доахкача берашта юкъера водаваь вихьав из, «Iатто ваь Махьат», аьнна, цIи тилла вола кIаьнк.

Из воврах сагото еш боккхий нах багIача юкъа, вена хьачуваьннав говрий рема йоажаеш ваьлла Iу.

– Хьа ремацара говраш чIоагIа йийбай. IайгIарашта, кхалашта, бакъашта кхы моттиг тоъац. Царна фу дергда ховш вац со, – аьннад Iуно. Вахав воккха саг ший рема латтача. Кхо рема хиллал йоккха хинна дIаэтта хиннай укхун рема. Царна ше фу дергда ца ховш, ер латтача хана, яхка езъенна цхьа кхал хьатIаенай.

– Iа яьча бакъо а цхьа моттиг дIалоацаргья-кха, – аьнна, хеташ укхо уйла еча юкъа, кхало кIаьнк ваьв, хьажа юкъе малх а боаллаш, пхандарашта юкъе бутт а боаллаш. ГIадвахача воккхача саго, ший цIеча даьре гIовтала юкъе а велла, водаваь цIавихьав кIаьнк.

Кхозза накха хьекхача, ворхI шу даьнна волаш санна, цу сахьате дIаэттав кIаьнк. Шоай кIаьнках доаккхал деш бахаш хиннаб боккхий нах. ДIахо дегIа мел воагIа низ чубоссаш, юрта мел долча бера етташ, котвоалаш, берий таьлг, гIолг, моллагIа каранийсъеннар, шин тIоара юкъе хьокхайий, дом а бийя дIайохийташ хиннай цо. Пхийттара ваьнна, зIамига саг хулаш латташ хиннав укхох. «Кхало ваь Пахьтат», аьнна, цIи тиллай цох. Шоаш ца дутача бераша цкъа тIехтехад:

– Тхоца къувсачул дикагIа дар хьона хьай воша водаваьча вампалашца къийсача. Тхоца ца а хулаш, царца майра хила хьо, – аьннад цар. Из чIоагIа хала а хийтта, даьнеи наннеи дIатIа а ваха, аьннад Пахьтата:

– Хьаала, фу воша вар са хиннар? Малав из водавьр? Со леларгвац нахага тIех а деттийташ. Хьаала.

Шоай воIах бовла безам а боацаш, из вер кхераш, боккхийча наха ала тугаш хиннадац.

– Оаш хьа ца оале, тIехдеттийтачул, сайна теха лергва со.

Де хIама а доацаш, иштта вампало вихьав хьа Iатто ваь Махьтат яха воша, аьнна, дIадийцад цар. Из соцалургвоацилга дIахайнача дас хьийхад цунна фу де деза.

– Вай коа юкъе улла сийна кхера хьалбаьккхача, бIаргагургья хьона лаьттах Iочуйода ниI, из Iа хьайийлача, кхы а ниI хургья хьона. Еррига ийс ниI я, ийссе наIара чIега баьккхача гургба хьона шера цкъа мара тIа ца хов ды. Цу дына хьо тIавохалойя, хьажъюкъе пIелг теха Iа из кIагора бохийте, хьо лоархIалургва цох.

Кхало ваьча Пахьтата гIертта боккха кхера юстарбаьккхаб. ТIаккха волавеннав ер ниI-чIегаш даха. ЦаI, шиъ, кхоъ, йиъ, пхиъ, ниI-чIега баьккхаб. ЯлхлагIбар укхо боаккхаш, ду таташ

хезад, ворхIлагIбар боаккхаш, лергаш къорадеш детташ цIогIа хиннад, бархIлагIбар боаккхашехь, худар мо лаьтта лелаш хиннад, ийслагIбар боаккхашехь, хьаь тIа седкъа боаллаш, лир доагаш бIаргаш долаш, баргашта кIалхара сийгаш дIаухийташ, шера цкъа мара тIа ца хов цIокъ ды хьадухьала тоссабеннаб. Баргаш дийтта, Пахьтат вохаве дага болаш хиннаб из. Цу седкъа боаллача хьаь юкъе пIелг теха, бух лаьттах кхеташ дIакIагора бахийтаб ды. ТIаккха карара бала гIерташ дIакорзагIабаьннаб из.

– Хьо сигала ухе а, хьо лаьтта ухе а, тахан даьх бисача воIо лело безаш, воIах бисача дас лело безаш ды ба хьо. Хьай ловзаргаш йита: воча нахах, бIиж-нахах саг ва тахан хьона духьалваьннар.

Де хIама а доацаш сецаб ды. Китага кхаччалца кхалашта юкъе лаьттачара хьа маьлхе а баькккха, дика лувчабаь, бузабаь, кийч а баь, дIаоттабаьб. ВоI дIагIоргвоацаш, цхьа бахьан духьала кхосса дагадехад даьна. Ший дика хьадаь хинна ингале ков-карт чIоагIа дIа а къайла аьннад цо:

– Ер ков-карт хьона дохалойя, дын тIа ваггIал хиннав хьо, тIаккха мара ваха а йиш яц хьа.

Хьаэккхабаь, дIаэккхабаь ший ды «парх», аьнна, дохадаьд ингале ков-карт.

– Маьрша Iайла! Сагота ма хилалаш, валанза дийна вусе, воша а воалавеш со цIавоагIаргва шоана! – аьнна, даьгеи наьнагеи юха а кхайка, хаьхка вахав Пахьтат. Духьала нийсбеннача лоама тIехккхоссалуш, листа хьу тедаш, масса хий локъадеш, вугаш хиннав из дыно. Цхьа ди даьлча, духьала нийсвеннав укхунна цхьа баьри. Говра тIара Iоухача хьацарах Iам а хулаш, говра багара еттача Iанарах дохк а хулаш – селлара боккхийча дын тIа вагIаш водаш хиннав из, хьажъюкъе малх латташ вола баьри.

– Ассалам Iалейкум! – аьннад цунга кхало ваьча Пахьтата.

– Ва-Iалейкум салам! Бехк ма баккхалахь, салам юхадерзадарал совгIа кхы со ца сацарах. Сона хезад тахан кхало ваь Пахьтат ший коара ваьнналга. Цунца доттагIал тасса дага волаш, цох тиллар кхераш сиха ва со, – из а аьнна, ийккха вахав хьажъюкъе малх латта баьри.

ТIехьакхайка аьннад Пахьтата:

– ДоттагIал тасса Iа леха кхало ваь Пахьтат со ва хьона. Хьоца доттагIал тасса раьза ва со.

Ды юха а хьовзабаь хьатIавенав хьажъюкъе малх латта баьри.

– Со Малх-КIант ва. ХIанзачул тIехьагIа дув а биа доттагIий а да вай, накха биа энчикаш а да вай. Мича ваха ваьннав хьо?

– Са даьца къувсача вампало са воша вихьав. Цар из бежага воаллаву, аьнна, хеза, из негIе ве а воша ваккха а вода со.

– Хьай воша хьога воаккхалургвац. Из негIе эшаве могаш саг вац. Ма гIовалара хьо.

– Из-м вайна гургда цкъа со цунна дIатIакхаьчача. Сай воша ваккханза Iергвац со.

– Мегад, хIаьта, – аьннад Малх-КIанто, – хьона новкъостал эшача хана мишта ховргда сона?

Кхало ваьча Пахьтата дIакховдабаьб цхьа пхо. Укх пхонах цIера кIедж техача, цIий Iодоладелча, дIаховлда хьона сона новкъостал эшилга. Iадика а йийца, пхо хьа а ийца, вахав Малх-КIант.

ШоллагIча дийнахьа водаш, Пахьтата духьала воагIаш вайнав, хьажъюкъе бетта сурт доаллаш вола баьри. Бетта-кIант хиннав из. ВIаший доттагIал тессад цар. Пахьтатагара пхо а ийца, ийккха дIавахав Бетта-кIант. КхоалагIча дийнахьа духьала воагIаш кхийттав Седкъий-кIант. ДоттагIал а тесса, цунга а пхо кховдабаьб. Иштта тешаме кхо доттагIа хьахиннав Пахьтата.

Водаш, водаш, ийс никъ къасттача кхаьчав кхало ваь Пахьтат. Ийс никъ къасттача Iохайна вагIаш хиннав, цхьа бийи доли хиллал мара воаца Бийдолг-баьри. Цунна гонахьа ухкаш каьхаташ хиннад. Бийдолг-баьри хиннав кхалбараши, маIабараши кхеллача хана денз цар шинне йоазув вIашкахьежош. Каьхаташка хьежаш вагIаш хиннав Бийдолг-баьри.

– Фу деш вагIа хьо, Бийдолг-баьри? – аьнна, дIатIавахав Пахьтат.

– ЙоIи зIамига саги кхеллача хана деҥз дIа цар йоазув вIашкахьежадеш вагIа со, – аьннад вокхо.

– Хьай даьх валва хьо, Бийдолг-баьри, укх ийс наькъах эггара лирагIбар Iа сона хьа ца хьехе.

– Эй-й-яхь, ма во аьлар Iа из! Ма хьаштдоацар да Iа леладер! Сай даьх вала са-м йиш яц! Ер ба хьона эггара лирагIбар, – аьнна, цу ийс наькъах цаI дIахьекхаб, – ваханзавар водаш а, вахар воагIаш а вац цу наькъах – из негIе волча бода никъ ба. Котваргвац хьо цунца къувсарах. ДIахьажал, дIа гаьнна латта Iаьржа кхо холл гой хьона? Уж кхо холл хиннаб, негIечо ший доазон тIа баьнна, боабаьча наьха дулхах. Лаьтта тIада саг вахийтац цо, сигала да хьазилг дахийтац цо ший лаьтта тIа гIолла. Хьа воша вихьача негIечун воша ва из.

Ваханзавар водаш доацаш, вахар воагIаш доацаш вампала доазон тIа бодача наькъ тIа гIолла ваха дIаэттав Пахьтат. Кховзткъе кхо бIаь пунтал йолаш йола берза жIонкар белаж тIа а йолаш, ший доазон тIа ваьнна баьри ве дага волаш, сийнача сигала ухаш, лаьтта бухе ухаш, воагIаш хиннав негIе. Дуне оагадеш цIогIа хьийкхад цо.

– Сигала гIолла дода хьазилг, лаьтта гIолла йода борз аз сай доазон тIа ца дутача, хьо мишта венав? Дунен тIа лела кIордадаь хургда хьона?

– Дог бирса хургва хьо вампал, хьазилг ца доалача, со хьай лаьтта тIа валарах. Iадсаькх тох вай, е бий-тIоара тох вай?

– Со бий-тIоара тохаш мара латаш вац, – аьннад. Цигга дегIалбаха вIашагIлетаб ераш.

– Со толе ба Даьла дошо малх, – аьннад негIечо.

– Хьо толе бац Даьла дошо малх, со толе ба из, – аьннача кхало ваьча Пахьтата айваь тIехкарашка кхаччалца лаьттах Iочувахийтав. Халла лаьттах ваьннав негIе.

Юха а лата тIакхоссавеннав из.

– Со толе ба Даьла дошо малх, – аьннад цо.

– Хьо толе бац Даьла дошо малх, со толе ба Даьла дошо малх, – аьнна, кхало ваьча Пахьтата сигала кхаччалца айваь кертага кхаччалца лаьттах чухоаваьв. Кхы ког-кулг хьоаде ца могаш, хьал ца воалалуш висав вож. Тур теха цун корта хьа а баькккха, цох ши холл а баь, лаьттах оззадаь хьадаькккхача дегIах цхьа холл а баь, Iаьржа кхо холл дIаоттабаьб кхало ваьча Пахьтата. НегIечо бегIа хинна кхо холи, цун дегIа-кертах хинна кхо холли-берригаш ялх холл дIаэттаб доазон тIа. Кхы кхерам боацаш паргIатта дIавахав Пахьтат. БIаргаяйнай укхунна негIечун гIала, цун гIирс. Цу гIала чу хиннай, кхо шу хьалха цо йодаяь, са чу делла мел йолчул хозагIа йола Тани Гуг яхаш цIи йола йоI. Из барта йоалае гIерташ, цох сесаг е гIерташ, кхаь шера ваьллав негIе. Из йоI мукъаяккха дага болаш ихача наьха дулхах хьабаьбар цу кхаь шера уж кхо Iаьржа холл. ГIалий коре ягIа Тани Гуг бIаргаяйнай кхало ваьча Пахьтата. Из йоIа а вайнав. Пахьтата ший пхандарашта юкъе боалла бутт бIаргабайтаб, тIера кий а яькккха, хьажа тIа боалла малх а байтаб. БIаргагушшехь везавелар Тани Гуга хоза зIамига саг.

– Даьле даха хьа къа, ма хьаштдоацаш а венав хьо! Сихха вадалахь: хIанз цIаста яй санна, боккха корта бола негIе воагIаргва. Ший лаьтта ваьнна саг вувш Iаьдал да цун.

– Ма кхера хьо, малхал хозагIъяр. Хье ягIачара дIахьажал доазонга, фу гу хьона?

– Хьалха кхоъ хиннача, хIанз ялх холл ба. Со бахьан кхы а кхо холл тIакхийттаб-кха цига, сайна тIа гIолла нах боабайта йиш йолаш яц со, сайна а теха елча дикагIа да ер бала буачул, – из а аьнна, гIалий корах чукхоссаяла тохаеннай Тани Гуг.

– Сихалийя, хьай ираз ма доаделахь! Из тIехьа тIахинна Iаьржа кхо холл аз бегIаб бала кхихьача негIечун дегIах, – аьннад Пахьтата. ГIадъяха Тани Гуг IокIал а ийккха, кхало ваь Пахьтат говра тIера Iо а ваькккха, хоза къамаьл даь, хьаьна даар дуадаь, гIулакх даьд. ЙоIаца эздел леладеш, хьакхашта ца воалаш хиннав Пахьтат. Iа дIаюгаре, хьа сесаг хургьяр сох, – аьннад Тани Гуга. Цигга мари сесаги хинна, дошох, дотох, жовхьарех лепа негIечун гIирсах шоай боахам а баь, баха дIахайшаб.

Пахьтат саготалла шийна чарахье ухаш хиннав, Хьалха аьнна долаш дар, негIой кхо воша вар, аьнна. ЗIамагIвар ве ма вийрий, хIаьта воккхагIвар а воацаш, шоллагIвар хиннав Iатто ваь Махьтат водаваьр. Тоъал ха хиннай из шоллагIа воша-негIе ший зIамагIволча вошас йодаяь Тани Гуг хьаяькккха гIерташ лела. Лергашка кхаьчад цунна, иштта зIамагIвар ве а вийнав, Тани Гуг Пахьтата сесаг хинна яхаш а я, аьнна. Ший воша эшаваьча сагал

низаца ше котваргвоацилга а ховш, гІамсилг оттаяьй цо. Аьннад цо гІамсилгага:

– Дунен тІа хьо мел яха дика хьал хургда хьа. Боамбеш тІа, даьреш тІа ягІар хургда хьа, мерздар, хьаьнадар даар хургда хьа, Іа ер гІулакх дойя. ФуннагІа даь а, Пахьтата ве а веза Іа, Тани Гуг сона хьайоалае а еза Іа.

Тийшаболх бе раьза хиннад гІамсилг. Чарахье ваха Пахьтат цІагІа воацача хана, дена Тани Гуг йолча хьаэттад гІамсилг. Тиша барзкъаш а дийха, цхьа миска йоккха саг ше йолаш санна, кеп оттаяьй цо. Йоккхача сагах къахеташ, из чу а ийца, юза а яь, дуа а даь Іохоаяьй беркате йолча Тани Гугас.

– ЙоІ йоаца кхалсаг, – бо да, нана йоаца йоІ – хІаьта а бо ма дий. Нанеи йоІи санна, цхьана дахаргда вай, хьо ца яь хьа нана яларг. Ше ца вовзача мехка чарахье ма аха ала Пахьтатага – атта вуьргва из. Хьа мар цІагІа ваьгІача цох доккхал деш Іергда вай, – аьннад гІамсилго.

Бийна сай а бахьаш, чарахьера цІавенав Пахьтат. Шийна хьийххача тайпара дІааьннад Тани Гуга марага:

– Во мохк ба ер. Хьо укх мехка вовзанза, мохк хьона бовзанза долча чарахье ма уха валар хьо, атта вуьргва хьо.

– А, со ве атта дац, хІана аьлча, са са дІегІаца даллац.

– Мича доалла, хІаьта, хьа са? – ДІарча отара бІоагІах доалл, – аьннад Пахьтата, ший сесаго фу ду хьажа. Из а аьнна, юха а чарахье вахав. ДІадийцад Тани Гугас гІамсилга марас шийга аьннар. Цу бІоагІах цун са ца доаллилга шийна ховшшехь, сихха дІаденнача гІамсилго из отар чура бІоагІа цІенбаь, даьтта хьекха, сийрдабаькхка дІаоттабаьб. Чарахье вахачара цІавеча, Пахьтата бІаргадайнад из гІулакх. Сесаго фу ду хьажа, вела а венна, аьннад, са са цу бІогІах даллац, из доалл дІарча гІанда когах. Бийса а яькхка, юха а чарахье вахав Пахьтат. ГІамсилго леладечох тешаш, дІадийцад Тани Гугас керда шийна хезар. Тхьовра санна цІенбаь, сийрдабаькхка дІаоттабаьб гІамсилго гІанда ког. Чарахье вахачара цІавенача Пахьтата юха а бІаргадайнад ловзабаькхка ког болаш дола гІанд. Ший сесага раьза волаш, цунга хало ца кхачийтар духьа, ма дарра дІадийцад укхо ший са мича доалл.

– Са керта тите кІал хьаь юккъе кІингалг боалл, цун юкъе кхо чІагарга кІориг ягІа. Уж кхоъ йийча мара дІагІогдац са са.

Из а хазийтад Тани Гугас гІамсилга. Цун керта тити лорае еза вай цу моттигах доаккхалде деза вай, аьннад гІамсилго. Бийсанна наб е дІавижача, фуннагІа дой а, ди даьлча мара, сомаваллаш хиннавац из. Бийса юкъе яхача, гІамсилг из вижа уллача дІачу а даха, керта тити а йийла, цу чура кІингилг хьа а ийца, ший чІагарга кІоригаш а тІехьа, форда чу бахийтаб. Цигга венна дІаваьннав Пахьтат. Кхы де хІама доацача Тани Гугас цун дегІа кІал дика мотт биллаб, тІа ферта тессай, пІелгах ший дошо чІуг еллай. ГІамсилго, лаьш хьа а боалабаь, низагІа дІайигай Тани Гуг шоллагІ волча негІечун коа.

Кхало ваь Пахьтат лешшехьа, цун дув биача доттагIий, накха биача энчикий кхаь пхонах цIера кIедж техай, цIий Iодоладеннад. ОарцагIбаьннаб Малх-КIанти, Бетта-КIанти, Седкъа-КIанти. Ши шу ах шу даькккхад цар Пахьтат лехаш. Эггара тIехьа, халла кораваьв царна шоай новкъост. ТIа ферта а кхелла, пIелгах дошо чIуг а йоаллаш, уллаш хиннав из. Шоай кара мел долча хIаманца оарцагIбаьннаб ераш. Малх-КIанто малх тIахьежаш мел долча хIамангара дарба лехад. Бетта-КIант бутт тIахьежаш мел долча хIамангара дарба лехаш чакхваьннав.

Шоай новкъост дийнвергвола дарба корадоагIаш хиннадац акхарна. ТIаккха Седкъа-КIанто седкъашцеи, хицеи, чкъаьрашцеи дарба лийхад. Седкъашка доаллаш хиннадац дарба, хица доаллаш хиннадац дарба. Чкъаьрашка а лохаеннаяц новкъост дийнвергвола молхаш. Эггар тIехьа Седкъа-КIанта бIаргаяйнай, пхоара йолаш санна, хи йисте цхьа чкъаьран кIориг. Даиман лечкъаш хьулалуш хиннай из. Ший мел дола седкъийи чкъаьрийи оарцагIа даьха, тIехьаваьннача Седкъа-КIанто халла форда бухера из хьалаьцаб. БоаттIабаь Iобиллача, цу чкъаьран юкъе корабаьб кIингилг. Из хьабийлача, шиъ еннеи цаI дийнеи чIагарга кIоригаш хиннай. Яйнараш дIа а яьха, кIинг дIа а къайла, ше лаьттача Пахьтата титен кIал, хьаь юккъе дIаоттаяьй. Доккха са а даькккха:

– Оффой-кха, ма дукха иллар со, – аьнна, ше хиннача бесса дийнвенна Пахьтат нийсса урахайра.

– Даьра, вIалла сомаваргвоацача набаро дIалаьца ма уллар хьо укх кхаь шера.

– Фуд хиннар, хьадувцал, – аьнна, дIахаьттад Пахьтата.

Хиннар IоцIендеш дIадийцад новкъосташа. ГIамсилго баь тийшаболх а, дIайига укхун сесаг хIанз негIе волча хилар а дийцад.

– Иштта да из?

– Иштта да. ХIанз хургдолча пIаьраска дийнахьа вампало дIа а кхайкадаь, хоам баьб, доккха той – хьоалчагIа хул, аьнна. Хьа сесаг Тани Гуг йодаяьчул тIехьагIа, цох ший сесаг е дага хиннав негIе. Хьа сесага аьннад: «Тха наьртий Iаьдалагla сайна дукхавезача марах Iаьрж доаладайта сога кхаь шера, тIаккха Iа яхар дергда из». ХIанз доагIача пIаьраска дийнахьа кхо шу дуз, йилла ха тIех а йоалл.

– Новкъостий, вай цига даха деза. Из негIе са шозза моастагIа ва: са Iатто ваь воша Махьтат вихьав цо, тийшача балхаца сесаг йигай. Аз бергба цун болх!

Баха наькъа баьнна ераш болхаш, бIаргавайнав акхарна пхи бIаь жега воалла кIаьнк. Биркъе, бос баха, маьлхара леста, хиннав из. Акхар зийнад цо леладаьр. КIаьнк ший жега водача хана велхаш хиннав, ший тIормена тIаводаш – велаш хиннав.

ДIатIа а баха хаьттад акхар:

– Хьо малав, фу яхаш ва хьо? Жега водача хана хIана велх хьо? ТIормига тIаводача хана хIана вел хьо?

– Со, Іатто ваь Махьтат, сай даь воІ ва. БІехача негІечо вода а ваь, жега оттаваьв со. Сай бІаргавовнза вола, лерга вувцаш хеза вола воша Пахьтат ве а вийна, цун сесагах ший сесаг е негІе гІерталга дагадехача, кхоана кховзткъеи кхоъ яй кхехка а баь, дулха тІера сайна чоп тохаргболга дагадехача – велх со. ТІормига тІаводача хана, кхоана мукъагІа жега водаш, укх тІорме чу виззалца даа дулх хила мег, аьнна, дагадехача, велаш ва со.

– Миска-яІ, са вошилг, ма хала лийннав хьо. Сагота ма хила, хьа чІир лохаргья вай. Со, кхало ваь Пахьтат, хьа воша ва.

Цигга мархІа а лийлхаб хаттараш а даьд. Хаьттад Пахьтата кхы фу да негІе волча, аьнна.

– Даьра, воша, вай шиъ сихвала везаш гІулакх ма да.

– Фу хиннад?

– НегІечо енна ха кхоана чакхйоал. Кхоана хьоалчагІа нах гулбелча, цун сесаг ца хила, шийна теха лергья, яхаш я, Тани Гуг а.

– Из хилийта йиш йолаш гІулакх дац, – ший сесаго бита гІоз дІа а бенна, Пахьтата аьннад:

– Ер гІоз къайлагІа дІалургба Іа цунга, кхы хІама ала а дезац. ХІаьта, из йолча хьо дІачуводача хана хьайна къовзткъе кхаь яь тІара чоп тохе, из а ла деза Іа, юха ца декхаш вай хІама дутаргдац.

Вахав Іатто ваь Махьтат шийна тІадиллар кхоачашде. НегІечун коа юкъегІолла ер чакхвоалаш, лаьшеи Іушеи кховткъе кхаь яь тІара бІеха чоп укхунна техаб. Царга кхы хІама ца оалаш, дІатІа а ваха, Тане Гугага вошас дІале аьнна гІоз, сага ца гойташ, дІабеннаб. Ший гІоз гушшехь байза а байза, мар дийнвенналга кхетадаьд. Кхесса тІера Іаьрж дІа а дахийта, хьалхаяьннай. ЦІа лепаш ловзадаьннад. Из дош хезад вампалаи гІамсилгаи. Боккха кхаъ хиннаб царна, хІана аьлча, кхаь шера фухха дича а, Іаьрж Іодоаккхаш, дош оалаш Тани Гуг ца хиннадаь. Ший гІулакх даьлча, кІаьнк юхавенав ший вошеи цун доттагІийи болча. Цигга ара бийса а яькккха, шоллагІча дийнахьа хулача хьоалчагІа бахаб ераш. Дукха нах гулбенна дуаш, молаш, ловзаш хиннаб.

Аьннад кхало ваьча Пахьтата:

– ХІа-а, са вошилг, хьахьокхал сона, мичаб хьайи сайи лира моастагІий; цар кхел вай хІанз хоадаергья.

– ДІа багІа хьона уж, – аьнна, корага хьалхьежав Іатто ваь Махьтат. ДІахьежача новкъосташта бІаргавайнав гІалий коре Іо а хайна вагІа бІеха негІе. Цунна юххе дагІаш хиннад боамбешта, даьрешта ІотІахайна, дошоца, дотоца ший бІеха дегІ кхаьла гІамсилг. Из деза леладеш, цунна Іунал деш хиннав во хьаж йоагІа негІе.

– Цу шиннех малагІа хьалха малагІа тІехьагІа вув вай? – хаьттад кхало ваьча Пахьтата.

– ХьалхагІа из гІамсилг дийча бакъахьа да, – аьннад Іатто ваьча Махьтата.

Къовзткъанега озалургдоаца Іадсаькх озадаьча цо Іоъахдоаккхаш, хьазилг мо чудайтад гІамсилг. ТІаккха шозлагІа

техача, керта чура хьоа дIабохийташ гар мо негIе чувайтав. Нах байддаб, ловзар дехад.

Шаккхе негIечун гIирс-боахам, жа-доахан хьа а ийца, ший воша а ваьккха, Тани Гуг тIехьа а йолаш, цIаболабеннаб Пахьтати цун новкъостийи. ХIара юрта хьоалчагIа деш, цIакхаьчаб.

Ший даь цIенна дIатIавахав Пахьтат. Йоккхача даь гIалашка бIенаш даь хьазилгаш хиннад, коа юкъе яьнна йоккха буц хиннай, лелаш акхадаьнна эраш хиннад. Котамий бун чура цхьа белхача наха тара болаш, гIийла узам боагIаш хезаб цунна. НиI йийла Пахьтат чухьежача, дайнад гоннахьа доахкаш мазаш, котамий аргIаш тIа хайна багIа, циски жIалии санна даьнна даи нанеи. Дукха бийлха, бIаргаш дайна хиннаб уж.

– Фу деш дагIа шо? Къонгаш Пахьтати Махьтати могаш-маьрша болаш цIабаьхкаб, хьаарадовла!

– ГIой дIавала, тха дог эттIа ца деш, хьай даьх-наьнах ма валва хьо, тха бераш негIечо доадаьд, воккхагIча вампало тха боахам бохабаьб. Дуне доккха да, дIагIо, дита тхо.

Юрт-мохк тIехьабаьккхаб, шоаш дIабовзийта гIерташ. Ши негIе вийналга дIахайтад. Дас аьннад: «ВоккхагIавола негIе вийча мара тешаргвац со Махьтати Пахьтати маьрша баьхкалга».

Малх-КIанти, Бетта-КIанти, Седкъа-КIанти шийца болаш, Пахьтата вохаваь хIалакваьв воккхагIвола негIе. Цун корта ялх уст бежача ворда тIа а билла цIабенаб. Цу кертах кулг дIакхетташехь даи нанеи цхьа чо миссел меттахьа ца боалаш, шоаш хиннараш хинна дIаэттаб. Iотеха юрта мехка хьоалчагIа даьд. Пахьтата новкъостий сигала цIабахаб. Из ше Тани Гугаца ваха Iохайнав.

ХРАБРЫЙ ПАХТАТ

Жили богатые старик и старуха. В горах их табуны лошадей пас один пастух. Второй пастух пас на равнине стада коров. Всего у них было в достатке, но не было у них детей. На старости лет они и мечтать перестали о ребенке.

Однажды пришел пастух, который пас коров, и говорит:

– Стада коров сильно расплодились, и нет места их пасти. Не знаю, что делать.

Старик вместе с пастухом отправился к стадам.

В это время к нему подошла стельная корова.

«Вот теперь и эта отелится, и ее теленку нужно будет место», – думал старик про себя.

А корова принесла не теленка, а мальчика. Старик, удивленный и обрадованный, разорвал свою шелковую черкеску, завернул в нее мальчика и, забыв о пастбищах для коров, бегом бросился домой.

Старики обрадовались ребенку и назвали его Махтата, рожденный коровой. Мальчик сосал вымя коров, садился верхом на

жеребят и быстро подрастал. Через семь месяцев он стал как пятнадцатилетний юноша.

Старику не давали покоя три брата-вампала[1]. Один из них украл мальчика, игравшего в поле. Опечаленные сидели старик и старуха. В это время пришел с гор пастух, который пас табуны лошадей.

– Сильно расплодились твои лошади, им не хватает пастбищ. Я не знаю, что с ними делать, – сказал пастух.

Отправился старик вместе с пастухом в горы. Табуны его увеличились в три раза. Он не знал, что с ними делать. В это время к нему подошла жеребая кобыла.

«И жеребенку, принесенному тобой, понадобится место», – подумал старик.

В это время кобыла родила мальчика с солнцем во лбу и месяцем между ребрами.

Обрадованный старик завернул мальчика в красную шелковую черкеску и прибежал с ним домой. Его покормили три раза, и он стал как семилетний мальчик. Старики гордились сыном. С каждым днем он становился сильнее, донимал сельских детей, растирал их альчики [2] в порошок. Исполнилось ему пятнадцать лет, и называли его Пахтат, рожденный кобылой.

Ребята, которым он не давал покоя, сказали ему однажды:

– Чем спорить с нами, лучше бы ты отомстил вампалу, который украл твоего брата. Покажи свое мужество перед вампалом, а не перед нами.

Разгневанный Пахтат спросил у матери и отца:

– Скажите, что за брат был у меня? Кто его украл? Я не позволю людям смеяться над собой!

Старики боялись, что лишатся сына, и поэтому ничего не говорили ему.

– Лучше скажите! Я не позволю оскорблять себя.

Делать нечего, и старики рассказали, что рожденного коровой Махтата украл вампал – неге.

И посоветовал отец, как нужно поступить:

– Если ты поднимешь во дворе нашего дома большой синий камень, то заметишь дверь в подземелье, открой ее и увидишь другую дверь. Всего их – девять. Откроешь замки всех дверей – увидишь коня, на которого садятся лишь раз в год. Если щелчком по лбу ты осадишь коня, то сможешь оседлать его и повелевать им.

Рожденный кобылой Пахтат отодвинул большой камень и начал срывать замки с дверей. Сорвал один, два, три, четыре, пять. Стал срывать шестой и услышал шум. Сорвал седьмой – услышал громкие крики. Сорвал восьмой – земля ходуном ходила. Сорвал девятый – на него бросился подобный тигру жеребец, у которого во лбу звезда, из глаз исходит сияние, из ноздрей вылетают искры. Он хотел растоптать Пахтата.

Дал Пахтат щелчок в лоб по звездочке и осадил коня на задние ноги. А когда конь захотел вырваться, Пахтат проговорил:

Ингуш (кистин) в средневековом воинском снаряжении
Фото конца XIX в.

– Поднимайся хоть в небо и опускайся хоть на землю. Теперь тобой будет повелевать сын, не имеющий отца.

Конь перестал сопротивляться. Вывел Пахтат коня, стоявшего по пояс в навозе, на солнечный свет, искупал, накормил и оседлал.

Отец снова не хотел отпускать сына. Он плотно закрыл двери своего фарфорового двора [3] и сказал:

– Если ты разрушишь стены и ворота двора, ты сможешь повелевать этим конем. Тогда отправляйся в путь-дорогу.

Пустил сын коня вскачь и вдребезги разбил фарфоровые стены и ворота.

– С миром оставайтесь, не переживайте. Останусь жив, вернусь с братом, – попрощался Пахтат с матерью и отцом и ускакал.

Его конь встречные горы перескакивал, густые леса проходил, текущие реки вспять обращал.

Через день Пахтат встретил одного всадника. От пота, стекавшего с его коня, разливались озера, от пара, бьющего из ноздрей, стлался туман. Таким страшным был встречный всадник, во лбу которого сияло солнце.

– Ассалам-алейкум! – обратился к нему Пахтат, рожденный кобылой.

– Ва-Іалейкум-салам! Извини, что не могу останавливаться больше, чем на приветствие. Я прослышал, что со своего двора сегодня выехал Пахтат, рожденный кобылой. Хочу завязать с ним дружбу и боюсь разминуться с ним, – сказал всадник с солнцем во лбу и пустил коня вскачь.

– Рожденный кобылой Пахтат – это я! И мне хочется дружить с тобой.

Повернул коня всадник с солнцем во лбу.

– Я Сын Солнца. С этой минуты мы – верные друзья. Куда путь держишь?

– Враг моего отца, вампал, украл моего брата. Я слышал, что он в пастухах у него. Я хочу убить этого вампала и вернуть брата.

– Ты не сможешь вернуть брата. Одолеть этого вампала никто не может. Не ездил бы ты.

– Лишь бы мне добраться до него, а там будь что будет. Я не оставлю брата в беде.

– Ну, тогда поезжай – сказал Сын Солнца. – А если тебе понадобится моя помощь, как об этом узнаю?

Рожденный кобылой Пахтат протянул ему пулю.

– Когда из этой пули ударит струя крови и пены, знай, что мне нужна твоя помощь, – сказал он Сыну Солнца.

Попрощались они, Сын Солнца взял пулю и уехал.

На второй день Пахтат встретил всадника с луною во лбу. Он и Пахтат стали друзьями. Сын Луны взял пулю и поскакал далее. На третий день Пахтат подружился с Сыном Звезд и вручил ему пулю. Так Пахтат заимел трех надежных друзей.

Ехал-ехал Пахтат, рожденный кобылой, и очутился на развилке девяти дорог. В этом месте сидел Бийдолг Бяре [4] величиной с локоть. Вокруг него лежали листочки. Бийдолг-Бяре предсказывал всем судьбы со дня их рождения.

– Что ты сидишь, Бийдолг-Бяре? – подъехал к нему Пахтат.

– Я предсказываю судьбу женщинам и мужчинам со дня их рождения, – ответил он.

– Да лишишься ты отца своего, Бийдолг-Бяре, если не укажешь мне самую опасную из этих девяти дорог.

– Ненужное дело ты затеял. Я не могу лишиться своего отца. Вот тебе самая опасная дорога, – указал Бийдолг-Бяре на одну из девяти дорог. – Никто туда не отправлялся, а кто и направился, не возвращался. Не одолеешь ты этого вампала. Видишь – вдали три холма. Их возвел вампал из человеческих тел. По его земле человек не проходил, и по небу птица не пролетала. Это – брат вампала, который украл Махтата.

Отправился Пахтат по дороге, по которой никто не ходил, а кто отправлялся по ней, никогда не возвращался.

Навстречу ему шел вампал, на плечах он держал булаву весом в шестьдесят три пуда. Он поднимался в небо и опускался на землю, горя желанием убить всадника, ступившего на его землю.

От его крика земля дрожала:

– Как ты очутился в моем краю? Здесь даже птица не пролетала и волк не пробегал! Или тебе жить надоело?

– У тебя, вампал, в сердце злоба кипит, что я ступил на твою землю, где птица не пролетает и зверь не пробегает. Сразимся врукопашную или будем биться саблями?

– Я дерусь только врукопашную, – ответил вампал.

Сошлись они и стали драться врукопашную.

– Если победителем стану я, то божье золотое солнце – на моей стороне, – сказал вампал.

– Ты не окажешься им, грязный вампал! Если я одержу, победу, то божье золотое солнце – на моей стороне, – сказал Пахтат, рожденный кобылой, схватил вампала и по пояс всадил его в землю.

С трудом вылез из земли вампал и снова бросился драться.

– Если победителем стану я, то божье золотое солнце – на моей стороне, – сказал вапмал.

– Ты не окажешься им, грязный вампал! Если я одержу победу, божье золотое солнце [5] – на моей стороне, – сказал Пахтат, рожденный кобылой, и, подбросив его до небес, по горло всадил в землю.

Вампал не мог шевельнуть ни рукой ни ногой и остался торчать в земле.

Ударом шашки Пахтат снес вапмалу голову и сделал из нее холм. Вытащил тело из земли, разрубил его пополам и сделал еще два холма. Три черных холма установил Пахтат, рожденный кобылой. И на этой земле стало шесть холмов [6]. Беспрепятственно поехал он по земле вампала.

Видит он башню вампала и его хозяйство. В этой башне жила привезенная три года назад самая красивая девушка на свете по имени Тани Гук. Три года уговаривал ее вампал стать его женой. Эти три холма вампал сделал из тел тех, кто хотел освободить ее. Пахтат, рожденный кобылой, увидел Тани Гук, сидевшую у окна. И девушка его увидела. Пахтат помахал плеткой и попросил ее спуститься вниз.

Тани Гук с первого взгляда полюбила молодого человека.

– Да поможет тебе Бог в твоих несчастьях! Напрасно ты сюда приехал. Убегай быстрее: сейчас явится вампал, голова у него величиной с медный котел. Он убивает всех, кто приходит сюда.

– Ты не бойся, девушка, что краше солнца. Посмотри на землю вампала. Что ты видишь?

– Я вижу шесть холмов вместо трех. Еще три холма появилось. Я не могу больше терпеть, чтобы из-за меня убивали людей. Лучше умереть. – И она хотела броситься с башни.

– Не губи своей жизни, не спеши. Эти три холма я воздвиг из тела вампала, – сказал Пахтат.

Обрадованная Тани Гуг сбежала с башни и угостила Пахтата, рожденного кобылой, ласковыми речами и обильной едой.

– Если ты хочешь, я стану твоей женой, – сказала Тани Гук.

Стали они мужем и женой. И жили в башне вампала из золота, серебра и жемчуга. Пахтат каждый день ходил на охоту.

Вампалов было три брата. Младшего убил Пахтат. Второй – тот, кто украл Махтата. Средний брат хотел отобрать у младшего Тани Гук. Дошел до него слух, что младший брат убит, а Тани Гук живет с Пахтатом. Он знал, что ему не одолеть того, кто победил брата-вампала, и он обратился к гамсельг [7].

Второй брат вампал – неге сказал гамсельг:

– Ты будешь обеспечена на всю жизнь, на пуховых постелях будешь спать, в шелках ходить, есть будешь только сладкое и жирное, если исполнишь мою просьбу. Ты должна убить Пахтата и привести Тани Гук.

Гамсельг согласилась. Когда Пахтат ушел на охоту, она в нищенских одеждах под видом дряхлой старушки пришла к Тани Гук. Из жалости Тани Гук приняла ее, напоила и накормила.

– Женщина без дочери – сирота. Мать без дочери – тем более сирота. Мы будем жить, как мать и дочь. Пусть Пахтат не ходит на охоту в незнакомые места. Его могут убить. Пусть все время будет дома, – уговаривала старуха Тани Гук.

С убитым оленем возвратился домой Пахтат. В этот день, как ей советовала старуха, Тани Гук сказала мужу:

– Плох этот край, тебя в нем не знают, и тебе эти места незнакомы, не ходил бы ты на охоту. Тебя могут убить.

– Меня не так-то легко убить, потому что душа моя живет не в моем теле.

– Где же живет твоя душа?

– Моя душа в том столбе, что стоит во дворе, – нарочно сказал Пахтат жене и снова отправился на охоту.

Обо всем рассказала Тани Гук гамсельг.

Гамсельг, зная, что в столбе нет души Пахтата, почистила его и так смазала маслом, что он стал блестеть.

Когда Пахтат возвратился, он все это увидел. Улыбнулся и нарочно сказал, что его душа в ножке стула.

На следующий день Пахтат снова отправился на охоту.

Доверчивая Тани Гук рассказала все гамсельг. Как и столб, почистила гамсельг ножку стула и так смазала маслом, что ножка стула заблестела.

Возвратился Пахтат, увидел сверкающую ножку стула, поверил жене и, чтобы больше не беспокоить ее, рассказал всю правду:

– Под моей черепной коробкой находится коробочка. В этой коробочке три птенчика. Только убив их, можно лишить меня жизни.

И об этом рассказала Тани Гук гамсельг.

– Ты должна охранять его, дорожить им, – сказала гамсельг.

Обычно Пахтат уснувши просыпался лишь на вторые сутки. В середине ночи гамсельг вошла к нему в комнату, приподняла

черепную коробку, вынула оттуда коробочку с тремя птенчиками и бросила ее в море.

Тут и скончался Пахтат.

Делать было нечего. Тани Гук постелила под него мягкую постель, накрыла буркой и надела на его палец кольцо. Гамсельг позвала слуг и насильно отправила Тани Гук ко второму вампалу.

Как только рожденный кобылой Пахтат умер, у его друзей, связанных с ним клятвой, из трех пуль ударили струи крови и пены. Бросились на помощь другу Сын Солнца, Сын Луны и Сын Звезды.

Два с половиной года искали они Пахтата и наконец нашли. Он был накрыт буркой. Стали искать лекарство, но ничего не помогло. Сын Солнца искал его везде, где светит солнце, Сын Луны – где светит месяц, Сын Звезды – между звезд и среди рыб в воде. Среди звезд не было снадобья и в воде его не было. И рыбы не могли найти снадобья для оживления Пахтата. Наконец Сын Звезды увидел на берегу моря пузатую рыбешку, которая все время пряталась. Всех звезд и рыб призвал он на помощь и на дне моря поймал эту рыбешку. Разрезали ее и внутри нашли коробочку. Вскрыли коробочку и увидели двух мертвых птенчиков и одного живого. Выбросили они мертвых и, закрыв коробочку с живым птенчиком, вложили ее снова в черепную коробку Пахтата.

Глубоко вздохнул Пахтат:

– Уфф, как долго я спал, – сказал он и приподнялся.

– Да, ты спал все три года и никогда не проснулся бы.

– Что случилось? Расскажите, – попросил Пахтат.

Обо всем рассказали ему друзья: о подлости гамсельг и о том, что его жена находится у вампала.

– Так ли это?

– Да, так. В пятницу будет свадьба и обильное угощение. Когда вампал увел Тани Гук, он хотел сделать ее своей женой. Но твоя жена сказала: «По нашему нартскому обычаю я могу стать твоей женой лишь после трех лет траура по любимому мужу». В эту пятницу истекает три года ее траура.

– Друзья, мы должны туда поехать. Этот вампал дважды мой враг. Он украл моего брата Махтата, рожденного коровой, и мою жену. Я отомщу ему за все!

Поехали они и по дороге встретили человека пасшего пятьсот овец. Он был бледен и худ. Приближаясь к овцам, он плакал, а подходя к суме, смеялся.

Подозвали они его и спрашивают:

– Кто ты? Почему плачешь, приближаясь к овцам? И почему смеешься, подходя к суме?

– Я – Махтат, рожденный коровой, достойный сын своего отца. Меня украл вампал, и я пасу его овец. Моего брата Пахтата, которого я не видел, убил вампал, забрал его жену и хочет на ней жениться. Завтра будут варить мясо в шестидесяти трех котлах,

а пену бульона будут брызгать в меня. Помня об этом, я плачу. Но завтра же с полной сумой мяса я пойду пасти овец. Вспомнив об этом, я смеюсь.

– Бедный мой братишка, как трудно тебе приходилось! Не беспокойся, мы отомстим за тебя. Я – Пахтат, рожденный кобылой, – твой брат.

Бросились братья в объятия, поговорили обо всем.

– Брат, надо торопиться, – сказал Махтат.

– Что случилось?

– Срок, назначенный вампалом, истекает завтра. Чтобы не стать женой вампала, Тани Гук покончит с собой.

– Этого нельзя допустить! – и Пахтат отдал кольцо, оставленное женой. – Незаметно отдай ей это кольцо, и не надо ничего говорить. Если тебя обрызгают пеной бульона, ты должен стерпеть. За все отомстим сполна.

Отправился Махтат выполнять поручение брата.

Идет он по двору, пастухи и слуги брызгают в него пеною бульона из шестидесяти трех котлов.

Ничего не сказал им Махтат и незаметно отдал кольцо Тани Гук. Она сразу поняла, что ее муж жив. Сбросила с себя траур и пустилась в пляс. Все вокруг засверкало от ее красоты.

Об этом узнали вампал и гамсельг. Они обрадовались, ведь три года не могли заставить Тани Гук снять траур и произнести хоть одно слово.

Выполнив поручение, Махтат вернулся к брату и его друзьям. Они переночевали в поле и на второй день отправились на свадьбу, где множество людей пили, ели и веселились.

Говорит Пахтат, рожденный кобылой:

– Покажи, братец, где твои и мои враги.

– Вот они, – указал Махтат, рожденный коровой, на окно.

Взглянули друзья и видят: сидит у окна грязный вампал, а рядом с ним восседает на мягких шелковых постелях вся в золоте и серебре гамсельг.

– Кого убьем из них первым, кого вторым? – спросил Пахтат.

Лучше сначала убить гамсельг, – сказал Махтат.

Натянул Пахтат лук, который не смогли бы натянуть и шестьдесят человек, пустил стрелу и сбил с места гамсельг, словно птичку. Затем пустил стрелу в вампала и вышиб ему мозги. Люди разбежались, свадьба не состоялась.

Пахтат забрал всех коров, отары овец, богатство двух вампалов и со своей женой, братом и верными друзьями отправился домой. В каждом селе они устраивали веселье.

Приехал он к дому отца. В высоких башнях отца птицы свили гнезда, весь двор зарос бурьяном, по двору ходили дикие собаки. Из курятника доносились жалобные стоны.

Заглянул Пахтат в курятник и увидел мать и отца, ослепших от пролитых слез.

– Что вы сидите? Выходите, ваши сыновья Пахтат и Махтат вернулись домой.

– Убирайся, не терзай наши души. Наших детей убили грязные вампалы, а старший вампал разрушил наше хозяйство. Мир велик, уходи, оставь нас!

Жители села подтвердили, что перед ними их сыновья. А те рассказали, что убили двух вампалов неге.

– Я поверю вам, если будет убит старший вампал, – сказал отец.

Убили и старшего вампала и привезли его голову на арбе, запряженной шестью быками. Только прикоснулись мать с отцом к голове убитого вампала – тут же прозрели.

Устроили они пир для всего села. Друзья Пахтата возвратились на небо, а сам он остался с Тани Гук.

В 1964 г. от жительницы гор. Грозного Фатимы Ханиевой записал И. Дахкильгов.

Опубликовано: ГІФ – 67. С. 237; ССПЧИ. С. 49. ГІОДФК. С. 165. ИССП. С. 95; Аиф. Т. 2. С. 48.

Это сказание своими глубочайшими корнями уходит в местную мифологию и одновременно имеет тенденцию сближения с богатырской сказкой.

[1] Среди нартских врагов фигурируют персонажи вампал, Черный Неге и др. В данном сказании эти имена идентифицированы, причем только в этом сказании. Здесь наглядно видна тенденция к замещению древнейшего «вампала» персонажем Черным Ногаем, в чем можно усмотреть позднейшее влияние монголо-татарких завоеваний.

[2] *Альчики* – игральные овечьи коленные косточки. Сродни русским «бабкам».

[3] *Фарфоровый двор* – по-ингушски «Ингале ков-карт». Словом «ингале» ингуши обозначают понятия «фарфор», «фаянс», «стекло». В данном случае имеет значение «особо прочный, укрепленный двор».

[4] *Бийдолг-баьре* – гномообразный персонаж, имя которого состоит из слов «бий» (кулак), «дол» (локоть), «баьре» (молодец, всадник). Это единственное место в ингушском фольклоре, где этот герой является положительным персонажем. Обычно с ним связываются вредоносные поступки.

[5] Здесь ингушский фразеологизм «даьла дошо малх» переведен как «божье золотое солнце», но может быть передано и в следующем значении «бог золотое солнце». В любом из этих двух значений в тяжелый для него момент персонаж обращается за помощью к своему главному божеству – Солнцу.

[6] По средневековым хроникам (Рашид ад Дина, «Сокровенному сказанию» и др.) в XIII веке между татаро-монголами произошло крупное междоусобное сражение хулагидов и золотоордынцев, в котором участвовал и исторический Ногай. Из тел, погибших в этом сражении воинов, были сложены огромных три холма. Якобы при этом Ногай высказал мысль:

если бы монголы воевали не между собою, а свои силы в единстве направили на завоевания, то они покорили бы весь мир. Вполне можно предположить, что весьма впечатляющее это зрелище (холмы из тел убитых воинов и сам Ногай) каким-то образом запечатлелось в памяти местных кавказских народов.

[7] *Гам* (*гIам*, – по-ингушски) – вредоносное существо в образе старой женщины. В чем-то напоминает ведьму, колдунью, бабу-ягу.

* * *

38. НАЬРТА ВОI

Цхьан хана яхаш аьлан йоI хиннай. ЧIоагIа хоза а хьаькъале а я яхаш цIихеза хиннай из. Цхьан аьлан безам эттаб из йоI йоалае. ДIа а ваха, аьннад цо йоIага, хьо сога я еза, аьнна.

– Со чIоагIо яь я майра волаш, денал долаш волча сагага мара гIоргьяц, аьнна, – жоп деннад йоIо.

– Из Iа вувца къонах со волга аз дIахойтаргда-кх хьона, фу де деза аз сай майрал а денал а хьона хьалхашка гучадаккхара?

Цу аьлан йоIа гаьна боацаш бахаш бар цхьа йоккха саги цун кIаьнки. Цу кIаьнка да хьалха цIихеза наьрт хиннав. Из цкъа ваха хиннавар форда чура говрий рема яькkха. Цу реман доал деш ворхI негIе хиннав. ВоккхагIа ме ва корта совгIа болаш. ЗIамагIчун цаI, шоллагIчун – шиъ, кхоалагIчун – кхоъ, ворхIлагIчун ворхI корта болаш. Цу ворхI вешийца дов даь дукха човнаш йолаш, хала цIакхаьча хиннав из.

ЦIавеча, ийс кIоаг а баькkха, цу ийс кIоага ийс ниI а егIа, ший турпала ды дIаоттабаьб. ТIаккха сесагага аьннад цо:

– Вай кIаьнкага сох лаьца хIама ма алалахь, са турпала ды мича латта а ма алалахь из пхийттара валлалца.

Из васкет а даь, наьрт дIаваьннав.

Из мел дар ховш хиннай аьлан йоI. Из санна волча даьна ваь кIаьнк а хила веза-кха ший даьга хьежжа, аьнна керта чу уйла а есса, аьннад цо ше еха ухача аьланга:

– Хьа майрал-денал ховргда сона, Iа из кIаьнк вехка а вехка, цох деннар сона хьалойя.

– Мегаьд, – аьнна, вахав аьла из кIаьнк волча, аьннад цо кIаьнкага:

– Со фордагахьа феса ваха воал. Хьо воагIий соца? Циггача хьа да вийнар малав ховргдар. Хьай даь чIир лаха йиш хургьяр хьа.

Со кIаьнк мара а ма вац со вигарах фу пайда ба-хьогI укхунна, аьнна уйла эттай хьаькъалца болча кIаьнка керта чу. ХIаьта а се зовза ва аргдоацаш, гIоргва-кха со, аьнна, дег чу эттад укхунна.

– Аьла, со хьайца вигарах доккха баркал да хьона, раьза волаш со воагIарг а ва, цхьабакъда, тIаха ды бац са.

– Из хала болх бац, кхоана хьо хьавеча, са реман юкъе эггара толашагIа бола ды хоржаргба Iа хьайна, – аьннад аьлас.

ШоллагIча дийнахь вахав кIаьнк аьла волча. Цхьан говра тIахайнав ер – букъ бийнаб говра, шоллагIчунна а кхоалагIчунна а иштта хиннад.

– А, укхох хIама хургдац, цIа а ваха, сай наьнага хоаттаргда аз: сай да вийнар малав, са даь ды мичаб. Из ды кора ца бой, гIаш вена а воагIаргва со, – аьннад.

Цу хана кIаьнк шийтта-кхотта шу даьнна мара хиннавац. Хьаала, яхаш, ший нана йитаяц цо. Вож ала тугаш хиннаяц, да вийнар малав а, даь ды мичаб а. Валалехьа мара аьннар диц ца луш хиннай из. Фухха дича хIама хулаш хиннадац. Говзалца ха безам эттаб кIаьнка. «Нани, мукх кхарзал вайна», – аьннад цо. Дукха ваха хьо, аьнна вокхо мукх кхерза а кхерза хьадухьала оттабича, аьннад кIаьнко:

– Нани, хьа бера мара эцарг ма бац ез ер мукх.

ХIанза кхерза бола из мукх коанаца дIакховдабаьб вокхо. Цо из хьакховдабешшехьа кIаьнка цун бий лаьцаб, цIи санна бIайха мукх коан йизза чу а болаш. Цу мукхо ка доагадеш, цIогIа даьннад наьнага:

– ДIахеца бий! Йоагаю со!

– Са да вийнар малав? Мичаб са даь ды? – хаьттад юха а.

– Хьа да фордала вагIача ворхI корта болча негIечо вийнав! ДIа-а, вай коа юкъе Iа лаьтта аьхкача, ийс кIоаг гургба хьона. Ийс ниI а гургья хьона. Из ийссе ниI йохаяьчул тIехьагIа, хьажа юкъе цIаза пIелг а теха, из ды кIагора хьога бохийталой, цунна тIахалла ва хьо. ДIахеца са кулг.

Кулг дIа а хийца, ваха бел а ена, лаьтта аьхкад. Лаьттан кIала ийс ниI а йолаш болча ийс кIоага тIакхаьчав ер. Цхьа ниI а йохаяьй, шоллагIаяр, кхоалагIаяр йохаеш, ворхI ниI йохаячул тIехьагIа бIархIалагIаяр йохаешшехьа ийслагIаяр ехха ше дIаяхай. Дика хьожабаь, цIаза пIелг техаб кIьнка цу говра хьажа юкъе, кIагора бахаб турпала ды. Из кIагора боддаше нувр а тилла, дирст а елла, тIахайнав ер. Шийна тIахайнар турпал волга а хайна, говра ладувгIаш хиннай укхунга. Ды баьллача даь турпала гIагI а, тур а, гебагIа а, Iад а – беррига кечам хиннаб. Уж герзаш хьа а ийца, говра цIогах кхо мерз а баькхка, наьнага дIабеннаб.

– Нани, са дас фу дора дына тIахайча?

– КоанаIара тIагIолла тIехкхоссар.

Ды хьовззабаь, коанаIара тIагIолла, цIен тIагIолла а тIехкхессаб.

– Нани, со сай даь чIир лаха вода, могаш юха а воагIаргва. Цаховш хIама хуле, ер ды цIабоагIаргба хьона. Аз хьона дIабеннача кхаь мерзах бовзаргба хьона из. Iадика хийла хьа!

КІаьнк турпала волга сакхийна хиннав аьла. Дика герзах кийчбенна, бахаб ераш феса. Болхаш, болхаш, дуккха доахан долча тІакхаьчаб ераш.

– Ер доахан дига вай? – аьннад аьлас.

– А, са даьна хин когаметта шура мелаяь нах ба укх доахана дай. Дикача наха тийшаболх бергбац вай.

ДІахо дІаболхаш, говрий йоккхача рема тІанийсабеннаб ераш.

– ДІалала вай ер рема? – хаьттад аьлас.

– Са даьна ды эшача хана ды лора укх реман даьша. Вай лаьца никъ чакхбаькккхача толашагІа да вайна.

Юха доккхача жа Іулашта тІакхаьчаб.

– Ер жа дугаргдий вай? – аьннад аьлас юха а.

– Жа а дугаргдац вай. Укх жена даьша са да кІаьдвенна наькъа воагІаш, цунна фусам а хулийтар, толашагІа бола устагІ а бувра. ЧІир лахар да сона дагадоагІар!

Болхаш, болхаш, эггара тІехьагІа сийнача фордага кхаьчаб ераш.

– ХІанз фу де вай? – хаьттад аьлас.

– Хьо укх хи йисте паргІатвала. Са ды а хьога бусаргба, хІаьта со цу фордан бухе вагІача негІечоа тІом бе гІоргва, сай даь пхьа леха. Ерача дийнахьа хига хьажалахь: аз жа а лоахкаш, цу негІошца тІом бойя, хий корзагІдаьнна хьувзаргда хьона, цІийи чопи тІадоагІаргда, догІа а хургда, эгІазбахача негІоша хьекхача цергех тІоа сегаргба. Из сурт хьайна бІаргадейча, са ды дІахецалахь; из сона новкъостала боагІаргба.

– Мегад, хьо гІо паргІатта, – аьннад хІиллал дега чу латтача аьлас.

Хи чу Іочувахав кІаьнк. Аьла берда тІа висав. Ерача дийнахьа хьежав ер фордага. БІаргадайнад цунна кхехкаш латта хий, хьатІадена цІийи чопи, доагІаш сегаш тІоаи.

– Сона хьагуш дола къемат тІакхаьча долаш, кІалхара-м варгвац хьо, хьай да ваххача дІа ца воде, – аьннад бІеха дог долаш волча аьлас. Из валарах са а тийша, кІаьнка турпала ды а ийца, юхавийрзав ер.

ХІаьта кІаьнк форда чу ваьнначул тІехьагІа, негІой гІалийна тІа а ваха, цІогІа техад:

– Сай даь пхьа леха венав со, хьаарадовла!

Араваьннав цхьа корта бола негІе. Тур техха корта дІабахийтаб. Шиъ, кхоъ, биъ, пхиъ корта бола негІой а боабаьб. Тоъал тІом а баь, ялх корта болча негІечун а деррига кортош дІадахийтад. Арахьийддав эггар воккхагІавола ворхІ корта бола негІе. Кхаь денни кхаь бийсанни лийттаб ераш. КІаьнка тур дІахьокхаделча, ворхІ корта болча негІечоа, кхерах кхеташ санна мара хІама дацар, сийгаш дІаахийтар мара. ХІаьта негІечо массаза тох, цхьацца чов еш хиннай. Леташ, леташ, форда чура ара а баьнна, дов деш ераш боахкаш, хайнад кІаьнка тураца ший ка яргйоацалга. Тур Іо а

кхесса дуІа даьд цо: «Ва, чубуза дошо малх, новкъостал делахь сона!» – аьнна, хаьна юкъера лаьца, Іотехав укхо ворхІ корта бола негІе. Іотехачул тІехьагІа аьннад негІечо:

– Дув биа ва со, Іотехача сагага се вуйтаргва аьнна. Са кисара урси аьлхи хьаэца. Цу аьлхах а хьокхаш, урс хьийкхача мара дІадоахалургдац хьога са корташ. Со венначул тІехьагІа са букъах боалла пха хьай дегІах хьоарчабелахь: шозза дукхагІа низ хургба хьа.

Цу аьлхах из урс а хьокхаш, корта боаккхаш, ворххІе а корта дІабаькхаб. ТІаккха букъах бола пха хьа а баькхка, уйла яьй хІама ховча кІаьнко: тийшаболх боалий – хьогІ укхох. ДІатІакхессаб цо из пха йоккхача гаьн тІа. Чил хинна дІаяхай из. ТІаккха из пха хьа а ийца, юкъах укхо хьоарчабича тоъал низ тІакхийттаб.

Дукха човнаш йолаш хинна из кІаьнк циггара ваьнна хала дІакхаьчав жа долча наьхацига. Цар новкъостал а даь, човнаш ерза а яь, кога оттаваьв ер. ДІахо водаш, говрий рема йолча наха тІакхаьчав. Цар ды беннаб укхунна. Юха а наькъа тІа ваьнна водаш, доахан долча наха тІакхаьчача, цар хьогвеннача укхунна шура а молаяьй. Хий доацаш мохк хиннаб из.

Иштта водаш, ше ваьхача моттиге кхаьчав наьрта воІ. ДІахьажача бІаргадайннад укхунна йоархІаша даьккха латта ший ков. ЦІагІа дІачуваьлча, цІа даьсса хиннад, юха коа ваьннав ер. ДІаэтта латташ, хезад цунна котамий буна чура гІийло узам беш:

– Нана яларг, са воІ, мича вахав са воІ! Кхийна валалехьа венна дІаваьнна, къаенна со хьаста ца кхувш, дІа ма вахарий хьо, со йита а йита. Ва нана яларг!

Бун чу ер дІачуваьлча, миІинге зарзъяьнна коч тІа а ювхаш, котамаша бІех а яь, сов дукха елхарах ши бІарг а байна ягІаш йола ший къаьна нана бІаргаейнай.

– Ма елха, нани, ера-м со ма вий – хьа воІ, могаш-маьрша а волаш хьона хьалхашка латташ.

– ВоІ воацаш йисача наьнах дог ма кхордаде. Са воІ негІечо вийнав, цун говр а цІаенай.

– Ай нани, хьа воІ, дийна ва хьона! Хье ца теше кулг тохал сох.

Кулг дІахьокхалушшехьа, хайнад нанна ший воІ дийна висалга. Нана лувча а яь, цІена барзкъаш тІа а дийха, цунна ше мел леладаьр дІадийцад. Ший даь, наьрта, пхьа лийха венав ше укхо оаллашехьа, нана гІадъяха къонъенна когабухьара халхаяьннай, бІарг сийрдабаьннаб.

НегІой боабеш кІаьнк воаллаш хиннача хана, аьлас даьр дувцаргда вай. Аьлан йоІ йолча хьа а вена, аьннад цо:

– Аз вехкар Іа вийца наьрта воІ, цох ер турпала говр а елар сона. Хьо сога яь еза. Хьай дош кхоачашде!

Кхо дийи кхо бийсеи даькккхад йоІо, жоп ца луш, кІаьнк цІенах кхетаргвий-хьогІ, аьнна сатувсаш. Кхы хІама хургдоацалга а хайна. Дош деннад. Доладеннад доккха ловзар.

ХІаьта кІаьнк, ше наьрт хиларца, ханна цхьа кхойтта шу мара долаш веце а ткъаьх сов да аргдолаш, гІов-сибат долаш, сихха хьалкхийна вар. Ший нана къонъенна, гІадъяха бІаргаейча, тІаккха вахав ер ловзар латтача аьлан йиІий коа тІа. Ер дІакхаьчача, корага маьлхара ягІаш хиннача йоІа бІаргавейнав ер. Сихха ІокІаляьннача йоІо хаьттад:

– Ай, хьо вехкавеций?!

– Из фу дош да! Со-м даьсара, вац иштта атта се вохкийтаргволаш а. Хьона мичара денад из хабар?

– Хьоца вахача аьлас дийцар-кх.

Из хезача кІаьнка, цу аьланна дІа тІа а ваха, аьннад:

– Хьо са моастагІа ва. Цкъадале, цхьана вай гІулакха дахачул тІехьагІа, со вита а вита веддав хьо; шозлагІадале, са говра йигай Іа; кхозлагІадале со вехкав яхаш, са сий доаде а гІийртав хьо. Ваьхача мегаргвоацаш ва хьо, тийшаболх боалларг! Аьла аьлча, нецаша йиаьча кетарах доахка кхакхан мезех бола меза!

ЙоІа хьалхашка бІубеннача аьлас аьннад:

– Аьъ, Іа-м фу дергда сона?

– Аз ер дергда, – аьнна, дІакхайда укхо къамарг хьа а лаьца, катехха хьа а яькккха, жІалешта дІакхессай.

– Сай жІалеш иштта сийдоацаш хетац сона, ер мо волча бІехача сага къамарг яал, – аьнна, йоІо кхесса дІаяхийтай къамарг нувхаш йолча.

Из хІама дайна саг йодача баьхка нах цец а баьнна, ловзар а диц денна бисаб.

ЙоІо аьннад:

– Ва нах! Ловзар ма сацийта. Со маьре йода укх шоана гуча зІамигача сагага.

Доккха ловзар а оттадаь, мехка хьоалчагІа а даь, мари сесаги хинна, дика мел дар шоашта долаш, баха-текъа хайшаб наьрта воІи аьлан йоІи.

СЫН НАРТА

Жила княжеская дочь. Один князь надумал на ней жениться. Пришел он к ней и говорит, чтобы она вышла за него замуж.

– Я решила выйти замуж за мужественного и храброго человека, – ответила девушка.

– Мужчина, о котором ты говоришь, – я. Что нужно сделать, чтобы доказать свое мужество и храбрость?

Чтобы вам пожелать всего лучшего, недалеко от этой девушки жила старушка-мать с сыном. Отец мальчика был всем известный нарт. Однажды он отправился пригнать табун коней. В бою семиголовый вапмал [1] нанес ему тяжелые раны, и отец возвратился

домой. Во дворе он вырыл девять ям, поставил в каждой яме по двери, а за ними укрыл своего турпал-коня.

А жене сказал:

– Ничего не рассказывай обо мне и о моем турпал-коне нашему мальчику, пока ему не исполнится пятнадцать лет.

После этого он умер.

Княжеская дочь решила, что и сын должен быть таким же, как отец, и сказала сватавшемуся к ней князю:

– Твое мужество и храбрость я узнаю, если ты продашь этого юношу и вырученные деньги привезешь мне.

– Хорошо, – согласился князь и отправился к юноше.

– Пойдешь ли ты, юноша, со мной за море? Если пойдешь, узнаешь имя убийцы твоего отца и отомстишь за него.

«Я же молод, какая от меня польза князю?» – подумал юноша.

Но, чтобы князь не заподозрил его в трусости, сказал:

– Князь, спасибо тебе, что предлагаешь мне пойти с тобой, но у меня нет коня для поездки.

– Это не беда, зайди ко мне и выбери себе из моего табуна лучшего скакуна, – сказал князь.

На второй день юноша пришел к князю. Сел на одного коня – у того спина сломалась, сел на второго – спина тоже переломилась, сел на третьего и четвертого – то же самое.

– Нет, из этого ничего не получится. Лучше я пойду домой и спрошу у матери, кто убийца моего отца и где его конь. Если я не найду коня, то пойду с тобой пешком.

В то время юноше было двенадцать лет.

– Кто убийца моего отца и где его конь? – не давал покоя сын матери.

Мать не отвечала, так как боялась, что сына ее могут легко убить.

«Надо действовать хитростью», – решил юноша и попросил мать:

– Нани, поджарь ячмень.

Мать быстро поджарила ячмень и поставила перед ним.

– Нани, я возьму его только из твоих рук, – сказал он.

– Живи долго, мой сыночек, – сказала она и подала на ладони горячий ячмень.

Сын сжал руку матери, в которой был ячмень, так, что она вскрикнула:

– Отпусти мою руку, жжет!

– Кто убийца отца и где его конь?

– Твоего отца убил семиголовый вампал, сидящий в море. Если ты вскопаешь во дворе землю, то увидишь девять ям с девятью дверями; если взломаешь все двери, увидишь коня. Если ударом мизинца осадишь коня – значит, можешь ездить на нем.

Сын отпустил руку матери, взял лопату и вскопал землю. Одну за другой взломал он восемь дверей, а девятая сама распахнулась.

Мизинцем юноша ударил коня, и тот осел на задние ноги. Тут же юноша оседлал его, надел уздечку и сел на него. Конь почувствовал, что наездник – турпал, и во всем ему повиновался. Очистил юноша коня от навоза, взял со стены шашку, лук и другое снаряжение и выехал во двор. Оторвал от конского хвоста три волоска и передал их матери.

– Нани, что в первую очередь делал отец, когда садился на коня?

– Перескакивал на нем через ворота.

Разогнал юноша коня и перескочил через ворота.

– Нани, я отомщу за отца и вернусь обратно. Если же со мной что-нибудь случится, то возвратится конь, которого ты узнаешь по трем волоскам. С добром тебе оставаться, нани!

Хорошо вооруженные, они с князем отправились к морю за добычей.

По дороге им повстречалось стадо коров.

– Давай угоним этих коров, – сказал князь.

– Нет, хозяева этих коров вместо воды давали моему отцу молоко. Не будем делать плохого хорошим людям!

Далее повстречали они табун коней.

– Давай, угоним этот табун, – предложил князь.

– Нет. В нужную минуту хозяева табуна давали моему отцу лучшего скакуна. Лучше продолжим путь.

Затем им повстречались отары овец.

– Давай угоним эти отары, – снова предложил князь.

– Нет. И отары мы не тронем. Хозяева отар для уставшего отца резали барана и гостеприимно принимали его. Лучше совершим задуманное.

Наконец они доехали до синего моря.

– Что же мы будем делать теперь? – спросил князь.

– Ты оставайся с моим конем у моря. А я пойду на дно морское сражаться с убийцей отца. В четверг взглянешь на море. Я буду сражаться с морскими вампалами, море разыграется и будет все в крови и пене, польет сильный дождь. От скрежета зубов вампала засверкают молнии. Тогда отпустишь моего коня, и он придет мне на помощь.

– Хорошо, иди спокойно, – сказал лукавый князь.

Опустился юноша в море. В четверг взглянул князь на море – оно бурлило все в крови и пене. Лил дождь и сверкали молнии.

«После такого светопреставления не вернуться юноше, а пойдет лишь туда, куда его отец», – подумал злобный князь.

Забрал князь турпал-коня, думая, что юноша погиб, и отправился домой.

А было все вот как.

На дне морском юноша подошел к башням вампалов и крикнул:

– Я пришел мстить за кровь отца, выходите, собаки! Вы думали, что убийство моего отца пройдет вам даром!

Вышел одноголовый вампал. Одним ударом юноша снес ему голову. Вышел двухголовый вампал, и обе его головы слетели. Такая же участь постигла трехголового, четырехголового, пятиголового вампалов. Затем вышел шестиголовый вампал. Юноша снес ему шесть голов. От его грязной крови все море почернело. Выбежал тогда семиголовый вампал величиной с гору – три дня и три ночи бился с ним юноша. Удары шашки высекали от него только искры, а тело его было твердым как камень. От ударов семиголового вампала на теле юноши оставались раны. Вышли они из моря, и юноша понял, что не одолеть ему шашкой семиголового вампала.

Отбросил он шашку и взмолился:

– Ва, заходящее золотое солнце, помоги мне! [2] – и, схватив семиголового вампала за пояс, бросил его наземь, затем вынул из его кармана нож и брусок, т. к. знал, только они отрежут его голову.

Отрежет голову – и поточит нож о брусок. Отрежет – и поточит. Так он отрезал все семь голов. Из вен вампала текла не кровь, а выползали змеи, пауки и всякая мразь. С тех пор на свете существуют насекомые и разная нечисть.

Много ран осталось на теле юноши. С трудом добрался он до пастухов, пасущих овец, и с их помощью встал на ноги. Потом остановился у хозяев коней, которые дали ему лучшего скакуна, а затем – у пастухов коров. Они утолили его жажду молоком.

Живым и здоровым возвратился он домой и увидел, что двор его зарос бурьяном.

В доме никого не было, а из курятника доносился голос:

– Да умри твоя мать[3], куда делся мой сын?! Разве он вырос до того, чтобы вершить геройские дела? Не успел он и подрасти, как ему пришлось покинуть белый свет и оставить меня, старуху. Куда же он делся?

Юноша зашел в курятник, увидел мать в лохмотьях, ослепшую от пролитых слез.

– Не плачь, нани! Это я, твой сын, живой и здоровый стою перед тобой.

– Не береди сердце матери, оставшейся без сына. Моего сына убил черный вампал.

– Я жив нани. Если не веришь, дотронься до меня.

Дотронулась мать и поняла, что сын ее жив. Он вывел мать из курятника, переодел ее и рассказал о том, как отомстил убийце отца. Услышав это, его мать прозрела и на кончиках пальцев пустилась в пляс.

В это время возвратился князь и сказал девушке:

– Я продал юношу, и за него мне дали вот этого турпал-коня. Ты должна теперь выйти за меня замуж.

Три дня девушка ждала возвращения юноши. И наконец дала согласие князю. Разгорелось тут свадебное торжество.

Хотя юноше исполнилось всего четырнадцать лет, выглядел он тридцатилетним. Так повзрослел он за это время. Пошел юноша

во двор девушки на веселье. Грустная сидела она у окна и вдруг заметила его.

Она быстро подошла к нему и спросила:

– Разве ты не продан?

– Что это за враки! Я не дам себя так легко продать или купить. Откуда эти слухи?

– Мне рассказал об этом князь.

Юноша тут же сказал князю:

– Ты мой враг. Ты бросил меня, своего товарища, в беде и увел моего коня. Хвастался, что продал меня и хотел меня опозорить. Ты не князь, а жалкая вошь!

И сказал чванливый князь:

– Что ты можешь мне сделать, жалкая шубенка, объеденная молью?

– Я вот что сделаю, – сказал юноша, вырвал у него горло и бросил собакам.

– Я своих собак не считаю такими жалкими, чтобы они могли сожрать горло столь грязного человека, – сказала девушка и бросила его горло в мусорную яму.

Вокруг стояли удивленные люди.

– Продолжайте свадьбу, – сказала девушка, – я выхожу замуж за этого юношу-героя.

В 1973 г. от пожилой жительницы г. Грозного С. Гандалоевой записал И. Дахкильгов
Опубликовано: ИФ – 67. С. 147; ССПЧИ. С. 92; Г1ОДФК, ИССИ. С. 270; Аиф. Т. 2. С. 172.

[1] В оригинале назван персонаж «**негIе**», но по указанию редакции (и Лито) при первой публикации (в 1986 г.) он был заменен на «**вампала**». Уже писалось, что место древнейшего **вампала** позднее занял **неге**.

[2] Для ингушского фольклора обычно обращение героев в тяжелую для них минуту за помощью к светилам.

[3] «Да умри твоя мать» – в полном варианте означает: «Да умру вместо тебя я, твоя мать».

* * *

39. АЧАМАЗА-БОАРЗ (ЛОАМАН ХАНА ВОI)

Тхьоврa вай дай лоам чухь шоай лоIамах баьхача хана ер арахье черсий а, гIаьбартий а, негIий а аьлий кара хиннай.

БIу баь бIуца шоайла вIаший яькkхарал совгIа, шоай кьонгаш бале а, оздой бале а хьалха а баьхе, гIаьраш еш, гIаьрашца феса ухийташ хиннаб хьалха цу аьлаша нах.

Лоаман наха кIезига лайнаяц аьлий къизал.

Уж юхатохара гIулакха арахьа цIихеза болча лоаман дикача кьонахаша посташ ехкаш хиннай укх арахьа лоаман йовхьашка. Иштта посташка лоаман пост хиннай цхьан хана хIанз йолча Эккажкъонгий-Юрта тIехьашка уллаш бола Ачамаза- боарз.

ГIалгIай Лоаман Хаи, Наьрта Наьсари, Наьрта Орстхои – уж кхоъ хиннав цу хана шоайла вIаший барт а баь, лаоман наьха сатем бахьан цига ха деш. Цу кхаьнне баьб, яхаш, хабар да из боарз. Хоаенна гIаьр йовхаш, кога-акха ваьннар ца вохийташ, хехкаш шоаш йоаккхаш, бахаш хиннаб уж цига. Гаьнна дIахезай цар цIи.

Феса ваха лелаш негIий аьла хиннав. Наькъах тинна, ший гIаьраца бус из аргIа тIа ваьлча, Ачамаза-боарзагара цIи бIаргаейнай цунна.

– Дала нийсадаьд ер, цигара фос вайна новкъа хургьяц, цига гIоргда вай,– аьннад тIаккха цу аьлано.

– Уж нах сона хезаб бувцаш,– аьннад цунга цун цхьан эздечо,– ма гIо далара вай цига,– хала нах а ба йоах уж. ГIалгIай Хаи, Наьрта Наьсари, Наьрта Орстхои ба цига бахараш; царха цаI кховзткъанена духьал отташ, кховзткъа вовхаш ва, йоах наха,– аьнна.

Иштта ба уж бале, вай хьоашал тоха мегаргда царца, аьнна, Ачамаза-боарзагахьа волавеннав из аьла.

ГIалгIай Лоаман Хано хIетта яькхха йоалаяь фос хиннай – бIарчча рема. Цу реманна доагIаш оарц да мотташ, ший дынаца, герзаца духьала ваьннав цунна ГIалгIай Лоаман Ха.

– МоастагIалла ваьнна моастагIал дац аз дахьар, со наькъах тинна лелаш саг ва, Iа тIаэце, хьа хьаьша ва со,– аьннад аьлано.

– Са хьоашалгIе маьрша я хьона,– аьнна, тIаийцав цо негIий аьла. Дуадаьд, моладаьд.

– Сога фос кара йолаш хьо кхаьча вIалла хала а дац, совгIат доацаш хьаьша вохийташ вац со,– аьнна, ший фесах нийсса ах рема дIакъоастаяьй цо, цунна тIехьарча кховзткъа гIаьрахочоа, вож ах аьлана шийна хьожаяьй цо шийх техача хьоашалла.

Дуаш-молаш Ачамаза-боарзага уж багIаш, негIий аьланна йоI яьй, аьнна, хабар денад цIагIара. Лоам чура Iо а денад хабар, Лоаман Хана воI ваьв, аьнна.

Цигга йиша-вошал даьд цар, уж ши бер вIашка а хьожадаь, йийкъа рема урдонна лоархIаш. Из зоахалол а даь, ваьнна цIавахав негIий аьла.

НегIий аьланна хезад ший найц во кхийнав, аьнна. ТIаккха цо Соаллой аьланга еннай ший йоI.

Хана виIий нанна хезад из хIама. Сагота хьайзай из, хIаьта а ший воIага дIахойташ хиннадац цо из. Хайча, цо шийца оарц даькхха а, наха юкъе цун яхь йохар кхийрай из.

– Юхь тIара даьна тара ма вар хьо, са воI, хьинарах цунна тара воаца мара. Хьа даьна ца довзаш къам дацар, хьа да ца водаш мохк бацар, нахацарча яхьа ваьле а, аравала, нах бовза, хьай уццIаьшка гIо,– яхаш, дIахьовзаваьв нанас воI.

– Сол саготох-ма хьо ма хиннайий,– аьнна, хьаэза ший даьх бисача дына нувр а тилла, цхьан талса дошув а делла, шоллагIча талса дотув а делла, хьазилг хинна, говра букъа тIа а кхоссавенна, дыно яьр фусам я са, аьнна, волавеннав Лоаман Хана воI. Лоамара Iоъараваьнна из IовоагIаш, Ачамаза-боарзага кхаьчача сецаб цун ды.

– Да ваьха моттиг я-кха хьо а,– аьнна, цига ший дынага са а лаIийта, цигара ваьнна Соаллой аьла вахача шахьар тIа кхаьчав из. Юрта юкъе гIолда из чакхваьлча, эгIа йисте сецаб цун ды, цхьан гIийла, миска вахаш волча сага наIарга.

Цу йоккхача шахьар тIа нийсса ах юрта баха нах, доккха ловзар а даьккха, белаш, ловзаш боахкаш хиннаб, нийсса ах юртара бараш гIайгIане болаш, сагота хиннаб.

Цу гIайгIане болаш болча сецай говр.

– Ер фу болх ба,– аьннад ший фусам-наьнага, жерочунга,– укх йоккхача юртах со чакхвоалаш, нийсса ах юрт доккха ловзар деш йоалл, укх шун ахане чухь сона мел гур гIайгIане волаш, кортош Iочудаха ва, – аьнна.

– Хьай, дукхавахарг, хьона хац тхона тIабена балеи, е тхона хинна эхьи,– аьннад жерочо.– ГIалгIай Лоаман Ха дийна волаш цунна хетаяь яр тха юрт, цо тха га хьалкхоабар. Соаллой аьлан низ Iаткъацар тхона, из кхелхача гIоне Соаллой аьла укхаза вера ваха, ший нахаца тхо даа; из ловзар деш, сакъердаш йоалла ах юрт цунца тIабаьхкача наьха юрт я.

– ХIета эхь сендухьа хул шоана? Лоаман Ха-м венна дIа ма ваьннавий? – аьнна хаьттад хьаьшо.

– Эхь мишта дац тхона, тха хетамча Хана цунна йийха яьгIа ший йоI Соаллой аьланга еннай. Из ловзар деций е тахан цу ах юрта латтар?!

Дайзад Хана воIа гIулакх. Вехавац.

– Нускалга фу барзкъаш дувх хой хьона? – аьнна,хаьттад.

– Хац,– аьннад фусам-нанас.

– Хьежа йоагIаялара хьо,– аьнна, дийхад хьаьшо.

– Эй, со мо биркъе саг чу мишта ютаргьяр цар аьлан нускал долча, цига-ма ха латт,– аьннад жерочо.

Цхьан коча пхьоша чу дошув а делла, шоллагIча дотув а делла, яхийтай саг. «Хьайна ха духьала доале, цу пхьошаш чура дошув-дотув Iо а доаржадийя, лехьадеш боахкаше, яха дIачуэккхалахь»,– аьнна.

Цо ма хьеххара яха, нускала барзкъаш а дайза, уж тIа а дийха, юха яхийтай жеро нускал долча.

– Хьайга нускало хIама оале, Лоаман Хана воIа мара хьанна могаргдар ераш дайта, из гучавоагIаргва хьона, тховсара хьо раьза яле, алалахь,– аьнна. Жерочо шийна тIадиллар чакхдаьккхад. «Со кийча я», аьнна, хабар юха а даьд.

Малх чубиза боад къовлалуш латташ ваха, Соаллой аьлан коа чуийккхав Лоаман Хана воI.

Аьрдехьа а аьттехьа а хецаш шод а тохаш, ды хьовзабаьб. Ды хьовзабаь из ваьлча, тІаболабеннаб оздой хьаша воссаве, аьнна.

ДІатІехьакхоссаш, юха тІехккхоссаш, ды ловзабеш, шевар шоаш мича гІоргба ца ховш, хьаьрбаьхача цо геттара дІакоаха баьхаб уж, метта-бІара бахкале дІакхайда ший нускал а ийца, хьалха нийсавеннар говро вожавеш, лалла нийсвеннар тураца вожош, ийккха бода сигала седкъа хинна, царна юкъара дІаийккхав гІалгІай кІаьнк.

Цхьан юккъа, фу хилар ца ховш бисаб соаллой. ДІа а хьилхаб, юха а хьилхаб. ХІама хиннадац. Эггар тІехьа дегабуам баьб.

Дохк довкъашка даьлча, довкъашка вувлаш, дохк раьгІе даьлча, раьгІе вувлаш, ший нускал ловзадеш из вена цІакхаьчача, доккхача гийна чу дІайха худар а детта, цу тІа гІолла ког байбенна, халхаяьннай цун нана.

Ловзар деш латтача кхоалагІча дийнахьа хабар денад Хана воІага цун дас леладаьча лаьтта готаш а яхийта, из лаьтта оахаш воалл Сеска Солса. аьнна.

Ваханза варг мичав цига, ший дына нувр а тилла, араваьннав Хана воІ. Йоахкаш готаш хиннай.

– ДІайоахаялара Іа, Солса, укх са даь лаьттан тІара е готаш,– аьннад Хана воІо,– воккха саг а ва хьо, хьога хІама ала а лацар сона, во йоахкаю Іа ераш,– аьнна.

– Фу готаш ювц Іа, фу ювц Іа! Хьона а хьа даьна а мичара денадар ер лаьтта! – аьнна, хичолаш яьй Солса, ше харца волга ховше.

Шод теха-теха, шейола гота цхьан моттиге хьагул а яь, шерч дІахийцад. Уж хьалха а лаьхка. волавеннав Хана воІ. Солса ше, ший гота тІа хьалъараваьнна, герза кхоачам боацаш хиннав. ТІехьабаьннараш, говра тІайийтта дІа-юха а лелхабаь, ший шерч а доаладеш, цІавенав из.

Массаба а уст, Іотеха бийна, ловзар хадача дийнахьа юртага хьоалчагІа а дайта, дІаваьнна Іовижав из, хІанзаха са ма лоІаргдий аз, аьнна. Набарах гІа дайнад цунна цу бус: маьлха денах кхаьленаш еш, шоай юрта гонахьа хьувзаш лелаш, цхьан оагІорахьа гІиргІий бІу байнаб цунна, шоллагІча оагІорахьа аьрзей бІу байнаб цунна, кхоалагІча оагІорахьа хьаргІий бІу байнаб цунна.

Ше сомаваьлча, дІадийцад цо из гІа ший наьнага.

– Нана яла хьа. воха ма вохалахь, хьона байна гІиргІий бІу, Сеска Солса орстхой бІу ба хьона, хьона байна аьрзей бІу негІой аьлан ба хьона, хьона байна хьаргІий бІу соаллой бІу ба хьона. уж-боагІаш латт хьох лата,– аьннад цунга нанас.

– Дика да-кха селла со лоархІаш уж болаш а,– аьнна, юхавижав из шийна набарах виза.

Іурра из сомаваьлча, цу кхоккха тайпара бІу юрта го баь латташ байнаб цунна.

ТоІІая ший говра нувр а тилла, даьх диса терсмейл хаьн а элла, духьалавахав из цу бІуна. ДІатІахоахкаш, цаІаш бохабеш, юха тІахоахкаш, вожаш нийлхбеш, хьалхарабараш говро боабеш, лоаларабараш товраца боабеш, уж кхоккхе а бІу лаьгІбаь вала из во-

аллача хана, мичара воагIа ца ховш, юкъе а ийккха, ше ма яххара шийна новкъостал деш цхьа баьре вайнав цунна. ДIазийча, берца тIа ший цIагIа латташ йола цIокъ-цIе IайгIар ейзай цунна.

– Са хьаьша ва-кха хьо, моллагIа вале а, дикагIа ма лат хьо,– аьле, цунца шоакъ яхе, хийла бIарахьеже, соцалуш хиннав из ше беча тIема. Водар ведда, вувр вийна, из юрта гонахье цIенъяь шоаш баьлча, вIашагIкхийттаб уж. ВIашка йистхилча, цигга байзаб уж вIаший. Уж хиннад мари сесаги. Царга лакхе а яьнна. хьежаш лаьтта нана духьала енай царна. Шоай чураш тIехкара лувцаш, говрий чураш бохкара лувцаш, кхы гIоарал доацаш уж биссача, тIакхаьчай царна нана. Цигга садаьннад цар шинне а

Нанас тIадам бIаргех ца божабеш, дIаделлад уж шаккхе а.

АЧАМЗА-КУРГАН (СЫН ЛОАМАН ХА)

Раньше, когда наши отцы жили в горах, эта равнина была в руках черкесских, кабардинских и ногайских князей. Князья не только отбирали друг у друга добычу, но, по их приказанию, собирались отряды, которые возглавляли сыновья князей и их сподвижники. В те далекие времена они чинили разбой, производя всюду опустошение. Немало горя вынесли от плоскостных князей и горные люди. Чтобы отбивать их нападение, лучшие мужчины ставили у подножия гор свои посты. Одним из таких постов в те времена был Ачамза-курган, который расположен близ села Экажево.

Ингушский Лоаман Ха, Нарт Нясар и Нарт Орстхо [1] – все трое, сговорившись между собой, в то время несли там караул, охраняя покой горных людей. Говорят, что этот курган они и возвели. Обнаружив шайку, они отбивали награбленное ею, бродячему не давали прохода, сами брали набегами добычу, так и жили. Далеко славились их имена [2].

Один ногайский князь часто ходил за добычей [3]. Когда однажды, заблудившись со своими наездниками, он ночью въехал на хребет, то увидел огонь на Ачамза-кургане.

– Сам Бог дал нам это! Добыча оттуда не будет лишней. Мы поедем туда,– сказал князь.

– Я слышал об этих людях,– сказал князю один из его сподвижников.– Говорят, они очень отважные люди, лучше бы нам не ходить туда. Ингушский Ха, Нарт Нясар и Нарт Орстхо там живут; один из них выходит против шестидесяти и побеждает их, говорят люди.

– Если они такие люди, то нам не мешает с ними завести дружбу,– сказал князь и направился к Ачамза-кургану.

Ингушский Лоаман Ха только что вернулся с добычей и привел целый табун скакунов. Подумав, что за ним идет погоня из-за уведенного табуна, он вскочил на коня и выехал навстречу князю.

– На вражду выйдя, к тебе не иду как враг. Я заблудившийся путник и, если ты примешь, буду твоим гостем,– сказал князь.

– Мой дом для тебя открыт,– сказал Лоаман Ха и принял ногайского князя; напоил его и накормил.

– Я рад твоему приезду и смогу одарить тебя из моей добычи,– сказал он; половину табуна отделил шестидесяти участникам его похода, а другую половину, ради новой дружбы, преподнес самому князю.

Когда они сидели за трапезой на Ачамза-кургане, ногайскому князю сообщили, что у него родилась дочь. И из гор пришло известие, что у Лоаман Ха родился сын. Здесь они нарекли дочь и сына и породнились, а половину табуна скакунов посчитали за калым [4]. После этого сватовства ногайский князь уехал домой.

Дети еще не успели подрасти, когда Лоаман Ха скончался. Ногайский князь прослышал, что его зять вырос плохим человеком. Тогда он решил выдать свою дочь за князя из Саллоевых. Об этом узнала мать сына Ха. Ей было тяжело, и все-таки она ничего не говорила сыну. Она боялась, что, узнав об этом, он поднимет тревогу, нашумит и уронит свое достоинство среди людей.

– Лицом ты похож на отца, делами своими только непохож. Не было такого народа, которого не знал бы твой отец; не было страны, где не слышали бы о нем. Хоть из уважения к нему будь его достойным. Узнай, как живут люди, поезжай к родственникам своей невесты,– стала говорить мать своему сыну.

– Ты больше меня беспокоишься,– ответил сын, вывел коня своего отца, оседлал его, положил в одну переметную суму золото, в другую – серебро, птицей взвился на коня и тронулся в путь.

«Отдохну там, где остановится мой конь» – решил он. Миновав горы, его конь остановился возле Ачамза-кургана.

– Это место, где жил мой отец,– сказал он и дал отдохнуть коню.

От Ачамза-кургана он доехал до страны, где проживал князь из Саллоевых [5]. Конь остановился у ворот полуразрушенного дома на самом краю села. В этом большом селении одна половина населения веселилась, устроив пир, другая пребывала в горе и печали. Конь остановился там, где люди были в печали.

– Что это? – спросил он у своей хозяйки-вдовы.– Проезжая через это большое село, я видел, что половина села веселится, а в вашей половине все печальны, ходят понурив головы?

– Эх, да живи ты долго! Тебе неизвестны свалившиеся на нас горе и стыд,– сказала вдова.– Когда ингушский Лоаман Ха был жив, наше село было посвящено ему [6]. Он поддерживал нас, мы не испытывали гнета князя Саллой. После смерти твоего отца в нашем селе стал жить со своими людьми князь Саллой. Он-то со своими пришельцами и устроил это пиршество.

– По какой же причине пал на вас позор? Ведь Лоаман Ха умер,– вновь обратился к хозяйке-вдове гость.

– Как же не позориться нам? Сын нашего дорогого Ха плохим вырос. И невесту сына Ха ногайский князь выдает за князя Саллой. По этому случаю в одной половине села и состоится праздник.

Сын Ха понял, как обстоят дела, но не растерялся.

– Ты не знаешь, в какие одежды наряжена невеста? – спросил сын Ха у хозяйки-вдовы.

– Не знаю,– ответила хозяйка-вдова.

– Сходи, пожалуйста, посмотри на ее одежду,– попросил гость.

– Да разве в моем жалком отрепье меня впустят к невесте князя? Там ведь охрана стоит,– сказала вдова-хозяйка.

Сын Ха положил ей в один рукав золото, в другой – серебро и сказал:

– Если тебя встретит охрана, выброс ь из рукавов золото и серебро, и пока охрана будет его собирать, ты незаметно проскочишь к невесте.

Как он сказал, так вдова и сделала. Узнала, во что одета невеста, и вернулась. В ту же минуту он послал ее к мастерицам, они сшили ей одежды точно такие же, в какие была облачена невеста князя. В этих одеждах он направил ее к невесте.

– Если тебе невеста будет говорить что-нибудь об одежде, то скажи: «Кто бы смог сделать такую одежду, кроме сына Лоаман Ха? Если ты согласна, сегодня ночью он появится».

Вдова выполнила поручение и принесла ответ невесты: «Я готова». Когда зашло солнце и сгустились сумерки, сын Лоаман Ха ворвался во двор князя Саллой. Он пустил коня. Нанося удары коню с правой и левой стороны и гарцуя, носился он по двору. К нему подошли люди, чтобы ввести его в дом, но он привел их всех в смятение, и они не знали, куда деться.

– Откуда, кто он, как его имя? – спрашивали растерявшиеся люди, а ингушский молодец, конем сшибая передних, из ружья убивая других, схватил свою невесту и скрылся, подобно падающей небесной звезде. Саллойцы остолбенели, не поняв, что произошло. Бросились туда-сюда, но никого уже не было. Тогда заподозрили во всем сына Ха.

Ингушский молодец, взбираясь на гребни гор, когда туман окутывал горы, и спускаясь в долины, когда туман застилал их, лаская по дороге свою невесту, прибыл, наконец, домой. От радости его мать, налив в гий [7] горячую кашу, легко протанцевала на ней.

На третий день свадьбы сыну Ха сообщили, что на его родовой земле Сеска Солса начал вспахивать землю своими плугами.

«Нельзя же туда не поехать»,– решил сын Ха; оседлал коня и поехал. Приехал и видит – пашут его землю Сеска Солса и его люди [8].

– Перестал бы ты, Сеска Солса, пахать землю моего отца,– сказал сын Ха.– Ты старый человек, и мне не к лицу говорить тебе что-нибудь плохое. Нехорошо ты делаешь!

– О какой пахоте ты говоришь, что ты разболталась? [9]. Ты и твой отец откуда взяли эту землю? – злобно говорил Солса, хотя и знал, что был неправ.

Сын Ха собрал все, что было приготовлено для пахоты в одно место, распряг быков и погнал их перед собой. Солса и его люди, выехав на пахоту, были без оружия. Давя погнавшихся за ним людей копытами коня, нанося удары плеткой по их головам, сын Ха всех разогнал и вернулся с быками домой. На третий день свадебного пиршества он зарезал этих быков, угостил всех людей селения, а затем прилег, думая, что хоть теперь отдохнет. Уснув, он увидел сон: солнечный день превращая в пасмурный, вокруг села кружило соколиное войско, с другой стороны было орлиное войско, а на третьей стороне – войско воронов. Проснувшись, сын Ха рассказал этот сон своей матери.

– Да умрет твоя мать![10] Не падай духом! Увиденное тобой соколиное войско – это дружина Сеска Солсы, орлиное войско – дружины ногайского князя, воронье войско – дружина саллойцев. Они идут, чтобы сражаться с тобой.

– Хорошо, что они высоко считаются со мной,– ответил сын Ха и вновь улегся спать, чтобы выспаться.

На утро он увидел, что его селение окружено войсками трех видов. Оседлав коня и взяв отцовскую терсмаймальскую саблю, он вышел навстречу врагам. Вперед поскачет – одних разобьет, назад поскачет – других уничтожит. Конем топтал передних, соседних саблею рубил. Три рода войск стали редеть. Тут он заметил воина, который кинулся в гущу сражения и стал уничтожать врагов. Приглядевшись, он узнал своего красного барсу подобного жеребца, который был оставлен дома и стоял на просяном корму.

«Кто бы ты ни был, ты – мой гость,– подумал сын Ха,– а дерешься ты замечательно».

И довольный этим, забыв о битве, он пришел в восторг. Когда нападавшие убежали, убитые остались лежать и вся окрестность освободилась от врагов, они встретились и, заговорив, узнали друг друга. Это была жена сына Ха. Мать, следившая за ходом боя издалека, с возвышенности, спустилась к ним. Когда она приблизилась, то увидела, что они еле-еле стоят на ногах. Из распоротых животов виднелись внутренности, придерживаемые поясом, а вспоротые кишки коней удерживались подпругами. Тут они оба и умерли. Мать, не проронив ни одной слезы, похоронила их вместе.

В 20-х годах XIX века со слов известного в Ингушетии исламского деятеля Батал-хаджи Белхароева записал Тембот Беков.

Опубликовано: «Красные искры» (на инг. языке): Литературный сборник. Орджоникидзе, 1931. С. 45; ГЭЧИ. С. 378; ССПЧИ. С. 450; ИССП. С. 423.

В этом сказании обнаруживаются черты разных жанров: нартских сказаний, преданий, сказок, героико-эпических песен. Хронологически сказание, видимо, восходит к XV–XVI векам, после походов Тимура, когда начался процесс освоения горными ингушами своих прадедовских равнинных земель.

[1] Названные в начале сказания трое героев олицетворяют собою три крупные ветви ингушей: ингушей горных *(Лоаман Ха)*, ингушей плоскостных (Нярт Нясар) и ингушей-орстхойцев (Нярт Орстхо). В те крайне беспокойные времена ингуши, продвигаясь на равнинные земли, первоначально ставили вперед сторожевые посты. Одним из таковых и предстает упоминаемый здесь пост на кургане Ачамза-боарз, который сегодня возвышается близ селения Экажево. На том месте в средние века было городище.

[2] Здесь оправдывается наездничество (походы за добычей – военные грабежи), что вполне согласуется с духом того времени.

[3] В далекие времена взаимоотношения местных народов с ногайцами были довольно сложными. Как видно из сказания, имели место и дружеские связи.

[4] Они нарекли дочь и сына и породнились – обычай «обручения» детей не является исконно ингушским. Он некогда проник было в среду аристократизирующейся верхушки (под влиянием соседних феодалов), но не был обязательным; такой брак уже во взрослом возрасте мог быть официально расторгнут по желанию одной из сторон. В данном же сказании официального расторжения брака не было, что и повлекло за собой все дальнейшие события. Похищение чужой невесты являлось тяжелейшим оскорблением ее жениха.

[5] Одно из кумыкских сословий называлось «сала-уздень», что означает независимые дворяне (см.: *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 241).

[6] *Село было посвящено ему* – в прежние времена у некоторых сел бывали «покровители» – известные мужчины, имевшие под своим началом дружины и оберегавшие село от внешней опасности. Такие мужчины назывались «хетамча».

[7] *Гий* – большое блюдо.

[8] Это место перекликается с последующим сказанием «Лорса и Солса».

[9] *Что ты разболталась* – обращение к мужчине в женском роде, естественно, являлось большим оскорблением.

[10] *Да умрет твоя мать* – этот фразеологизм имеет смысл: *«Да умру вместо тебя я, твоя мать»*.

* * *

40. ЛОРСЕИ СОЛСЕИ

Орстхой хиннаб Солсеи Лорсеи яхаш даьна ваь ши воша. Цкъа Лорса аькхера кIаьд а венна цIавеча, Лорса нанас аьнннад цун сесагага:

– ГIо, хьал чу а яхе, цунна фу эш а хьажа, из волча цIагIа Iо а йижа, кIаьдвенна хургва из.

Сесаг хьалчуяхча Лорса аьннад цунга:

– Са нана йолча Iочу а гIойя, цунца Iойижа, цхьаь ма йий из.

Из мар-нана йолча юха Iочуяха елча маьр-нана тхьайса а хинна, из сома ца яккхар духьа юха Лорса волча еча, из а тхьайса а хинна, уж сома ца бахар духьа Лорса сесаг уйча Iойижай. Из ишта уллаш, есараш кхухьача наха тIа а кхаьча йигай из. Ше югаш бийша бадараш сома ца бахар духьа, оарц ца доаккхаш Iийнай Лорса сесаг.

Iуйрийна Ларса сомаваьлча, сесаг йоацаш хиннай. Цунна хайнад из есараш кхухьача наха йигалга.

Ший дын нувр а тилла, вахав Лорса сесаг лаха. КIаьд а венна, мец а венна из водаш, бIаргабайнаб цунна гаьнна цхьа гув.

«Цига дIакхаьчача салоIаргда-кх аз»,– аьнна, кхы юха а ца соцаш, гув болчахьа вахав из.

Гув тIа хьалтIа а ваьнна, бажа ший ды дIа а хийца, нувр гIовга а йилла из Iовижав салаIа.

Цу ханна Лорса вижа уллача гувна йисте гIолла тIехвоалаш хиннав цхьа аьла, шийца кховзткъе кхоъ эзде а волаш. Аьлана бIаргавайнав гув тIа вижа улла Лорса. Аьлано вахийтав ший ши эзде.

– Из малав а хьажа. Цу сагага гув мукъа а бите дIавала а ала. Из дIавала раьза веце, цунна дIа а хайта вай кховзткъе кхоъ эздеи цхьа аьлеи волга а из цаI мара воацилга а,– аьнна.

Аьлано бахийтача эздеша дIадийцад шоашка дIаала аьннар.

Лорса аьлан эздешта жоп деннад:

– Хьаьший хинна шо тIадоагIе, хьаьший даь тIаэцаргда аз, довнаца шо доагIе, дов да шоана,– аьнна.

Эздеша дена хабар дIахезача, аьла хьаша а хинна тIавахав Лорса.

Лорса Iотеха ший цаI мара боаца ды а бийна, кхаэлла дулх кхехка а кхехкийта из дулх а даийта, Iобувшабаьб хьаьший. Ше аьлан говра тIа а хайна эздий кховзткъе кхоъ говр хьалха а лаьлла, уж лоам йисте йоажае вахав Лорса. Iуйрийна шийна тIаха говр а йоалаеш, аьлан говра улув дын бакъ а тесса, кховзткъе кхаь эзде говра улув кхы а кховзткъе кхоъ говр а тесса, юхавенав Лорса ший хьаьший болча. Юхе йиса ах говр кха а элла, хьаьшашка из яа а яийта, говрашта нувраш а техка, Лорса вахав уж накъабаха. Шоаш къасташ Лорса хаьттад:

– Фу дагадеха, хIана даьхкадар шо?

– Тхо арадаьннад, Лорса яхаш саг ва орстхой. Из фу саг ва хьажа а, цун къонахчал довза а, цох кхетар ловш да тхо.

ТIаккха аьннад Лорса:

– ХIаьта Лорса вайза а цун къонахчал дайза а долх шо.

Лорса вайзача аьлано аьннад:

– Бераш дий хьа?

– Ши кIаьнк ва са.

– ХIаьта сона кIаьнк вой хьа воIи са воIи доттагIий ба, сона йиIиг йой, уж мари сесаги ба,– аьнна, аьлано ший печать дIаеннай Лорсага.

Хьаьший дIа а къаьста Лорса цIавахча, цун воккхагIа вола воI вига хиннав есараш кхухьача наха. Шийна сесаг кора ца ярах а, воI вига хиларах а цар гIайгIана Лорса дог а даьттIа веннав. Ше валалехьа, цо шийга аьлано хьаенна хинна печать дIаеннай зIамагIа волча воIага, шийга аьлано аьннар цунга дIа а аьнна.

Лорса венначул тIехьагIа цун даьна ваь воша Солса кховзткъе кхоъ гота а йоалаяь, кховзткъе кхаь ахархочунца Лорса лаьтта аха эттав.

ПхьегIа тIа латтача наха дувцаш хезад Лорса воIа:

– Солса Лорса дакъа оахаш воал, Лорса дийна валаре, цо оахийтаргдацар из.

Чу а ваха кIаьнкас дIадийцад ший даь-наьнага шийна пхьегIа тIа дувцаш хезар.

ТIаккха вахав из, аз оахийтаргдац сай даь дакъа, аьнна. Лорса воI дIакхаьчача, Солса воаллаш хиннав лаьтта оахаш. Цар къовсам баьннаб, лаьтта оахаргда, оахаргдац, аьнна.

– Говрашта тIадагIаш латаргда вай, тIера Iодаьнна латаргда вай? – аьннад Лорса воIа.

– Говрашта тIадагIаш латаргда,– аьнна, уж летача, Солса бера тур дIадахийтад Лорса воIа.

ТIаккха говрашта тIера Iо а баьнна уж летача, царна юкъе лийлхача наха маганзар уж къоастабе. Цар аьлар:

– Акхар ноаношта мара могаргдац ераш къоастабе.

Уж къаьстача царга Лорсаи Солсаи ноаноша аьлар:

– Шо хIана лет шоайла, шо нахах латача хана цхьаннена вож тIаотта везаш ма дарий.

Цкъа Лорса воIа аьлар ший даь-наьнага, ший наней, вошеи лаха вода, аьнна.

Иштта из водаш цунна бIаргавайра Iаьсашка воаллаш цхьа кIаьнк. Из лелар эгIахьа уллача кхалнаьха керта тIа техкача машаи магIахьа IоегIача гIажаи юкъе гIолла хьал-Iой ухаш. Из лелар маша йолчахьа водача хана вела а велаш, гIадж ягIача оагIорахьа водача хана велха а велхаш.

Цунга моаршал а хаьтта, аьлар Лорса воIа, ше цецваьннав хьо тхьовра хьал-Iой ахарах. Маша уллачахьа водаш велалора хьо, гIадж ягIача оагIорахьа водаш велхар хьо. МаIан де сона цу хIаман.

– ГIадж ягIача оагIорахьа водаш велхар со сай цхьоал дагаеха, маша уллачахьа водаш велар со сайна тховсара тIехк кхаьча а церг хьакха хIама нийсъялар догдоахаш.

– Хьо са воккхагIа вола ваша ва,– аьлар, Лорса воIо.– Iа сона хьехар де деза хьо а вай нана а кIалхарадовргдолаш.

ТIаккха аьлар Лорса воккхагIа волча воIо:

– Ер Іаьсий аьлан да, тховсара вай нана цо шийна дІаерзаеш доадергдолаш да.

– Сона тІадувха барзкъаш Іа тІадувхаргда, со хьа барзкъаш а дийха, хьа говра тІа а хайна, аьлан коа наІарашта йисте гІолла тІехваргва. Со бІаргавайча аьлано аргда:

– ТІех ма валийта, хьаьша чувеха.

Хьо саррахьа Іаьсий а доаладеш цІавеча, хьа дегІа тІа дахча даккха аргда. Со воалаваьча хана денз хьа са дегІа тІа а даьхад. ТІаккха аз аргда аьланга:

– Іа сагІа лу бийса ма йий ер, ма даккха цун дегІа тІа дахча. Аьлано аргда:

– Хьаьшо йоах, ма даккха, ма даккха дахча цун дегІа тІа.

ТІаккха со чуваьллача горинга чу хьо чуволла гІортаргба хьона, аз аргда аьланга:

– Іа сагІа ду бийса ма йий ер, ма волла тховсара чу.

Аьлано аргда:

– Хьаьшо йоах, тховсара чу ма волла, мукъа вита тховсара.

ЦІагІара Іадсаькх арадаккха гІортаргба уж тІаккха, цхьаннена а из могаргдац. Іа а алалахь сога даккхийта Іадсаькх ара. Іа шозлагІа аьлча, аз аргда, хьога арадаккхийта.

Іайха Іадсаькх арадаьккхача Іа алалахь:

– Сигленах техе сигле йохае аз, лаьттах техе лаьтта дохаде аз, ворхІ лоам тІехьашкарча саьна техе сай божабе аз? Аьлано аргда хьога:

– Сигалеи, лаьттеи вайна эшаш ма дай, ворхІ лоам тІехьашкарча саьна техе сай божабе.– ТІаккха хьайна ховргда хьона Іадсаькх хьанна тоха деза.

Лорса зІамагІа волча воІо шийга воккхагІа волча вошас аьннар даьд. Аьлано шийга ворхІ лоам тІехьашкара сай божабе аьлча, Лорса зІамагІа волча воІас Іадсаькх теха вожаваьв аьла.

Иштта цІабаьхкаб Лорса ши воІи сесаги, аьлан боахам а бахьаш.

Уж цІакхаьчача, Лорса нанас аьннад:

– Кхозза саг венав вайга саг цІайига, аьнна.

ТІаккха ший дын тІа хайнав Лорса воІ, хьо чуяхача коа соцаргвакха со бийса яккха, ший говрага а аьнна.

Говр цхьан къеча жерочун коа сецай. Лорса воІ воагІаш бІаргавайча меттад:– Ва-м воагІа хьаьша, веча дика а ма вар, дІаяла сискал яц-кх.

Ше цІагІа дІачуваьлча, Лорса воІа из къе йолга ха а хайна дІаденнад жерочунга дошо ахча, яа хІама я тика тІара, аьнна.

Ахча дІа а ийца, аьннад цо:

– Кхоана гаьна воаццаш вахача аьлан йоІ я-кх маьре йодаш. Наха йийха ягІаш яр из. Кхозза саг а вахийтавар из йийхачарга, шоай саг цІайига, аьнна. Цар кхы цІа а ца йига, кхычунга маьре йода из.

– Цкъа вайна тика тIара яа хIама я Iа чехкагIа,– аьннад Лорса воIа.

Из тика тIара юхачуеча, аьннад Лорса воIа:

– Аз дошо сом а лургдар хьона, сона гIулакх а дора Iа, ер печать Iа цу кхоана маьре йодача аьлан йоIага дIалоре.

Печать ийца яха жеро нах тIабетталушехьа а чуийккхай маьре яха кийчъяь латта йоI йолча. Печать дIаийцача, йоIо аьннад:

– Кхоана хьал а вайя, укх ковна найц ва со аьле гIулакх де дIаотта, ала Iа цунга.

Iурра аьлан коа гIулакх де волавеннав Лорса воI, чокхе ши Iерж юкъагIа хьал а ехка. Коа де мел дезар деш хиннад Лорса воIа.

TIаккха эздеша аьннад аьлага:

– Ше укх ковна найц ва яхаш, цхьа хьаша ва коа де мел дезар деш.

– Са цаI мара йоI а яц, из малав сона хац, йоIага хатта деза из малав.

Аьлано йоIага хаьттача, цо аьннад:

– Сона хац из малав, сога сийсара хьа печать хьакхаьчай.

TIаккха аьлано саг вахийтав йоI йига боагIача замешта духьала:

– ЙоI шун а яц, са а яц, йиIий да хьагуча ваьннав. Из йига шоаш доагIе, хьа ма дувла,– аьнна.

Иштта аьлан йоI а йоалаеш, цун ах боахам а бахьаш цIа а вена, ваха хайнав Лорса воI.

ЛОРСА И СОЛСА

Лорса и Солса, родные братья по отцу, были орстхойцами. Однажды, когда Лорса усталый пришел с охоты, мать Лорсы сказала его жене:

– Иди к Лорсе. Он наверное устал. И ложись спать в его комнате, возможно, ему что-нибудь понадобится.

Когда жена вошла, Лорса сказал ей:

– Иди к моей матери и ложись у нее – ведь она одна.

Жена пошла к свекрови, но мать Лорсы уже спала. Она, чтобы не будить ее, вернулась к Лорсе, но и он уже спал. Чтобы не будить их, жена легла на веранде. Тут на нее наткнулись похитители людей и увели ее. Когда ее уводили, жена Лорсы не стала звать на помощь, чтобы не разбудить спящих. Утром Лорса проснулся и увидел, что жены нет. Он понял, что ее увели похитители людей [1].

Оседлав своего коня, Лорса поехал искать жену. Уставший, голодный ехал он, когда увидел вдали курган.

«Отдохну-ка я на нем»,– подумал Лорса и поехал к кургану, больше не останавливаясь.

Взойдя на курган, он пустил коня пастись, а сам, подложив под голову седло, прилег отдохнуть. В то время, когда Лорса спал, мимо проезжал один князь с шестьюдесятью тремя всадниками.

Князь увидел лежащего на кургане Лорсу и послал к нему своих всадников, сказав:

– Посмотрите, кто он. Передайте этому человеку, чтобы он уходил прочь. Если он не согласится, дайте ему знать, что нас шестьдесят три всадника и один князь, а он только один.

Посланные князем всадники передали все, что им было велено.

Лорса же дал такой ответ княжеским всадникам:

– Если вы гостьми приедете – я приму вас как гостей, если придете с враждой – буду с вами биться.

Услышав от всадников ответ Лорсы, князь гостем пришел к Лорсе. Лорса зарезал своего единственного коня, поставил котел, сварил мясо и, накормив им гостей, уложил всех спать. Сам, сев на княжеского коня, прихватил шестьдесят три коня всадников, погнал их к отрогам гор, чтобы там пасти. Утром, приведя себе коня, он пристегнул к княжескому коню еще одного жеребца, а к шестидесяти трем коням пристегнул еще шестьдесят три коня. Со всем этим Лорса вернулся к гостям. Поставив вариться оставшуюся половину конины и накормив ею гостей, Лорса оседлал всех их коней и пошел провожать.

Когда они расставались, Лорса спросил:

– С какими намерениями, для чего приезжали вы?

– Есть такой человек Лорса, из орстхойцев. Мы выехали узнать, что он за человек и каково его мужество. Мы желаем с ним встретиться.

Тогда Лорса сказал:

– В таком случае вы уже узнали Лорсу и познали его мужество.

Тогда князь спросил:

– У тебя дети есть?

– У меня два мальчика.

– В таком случае, если у меня родится сын, наши сыновья будут названными братьями. Если родится дочь, то наши дети будут мужем и женой,– сказал князь и передал Лорсе свою печать.

Когда, простившись с гостями, Лорса вернулся домой, он узнал, что его старшего сына увели похитители людей. Оттого, что не нашел он жену и сына, Лорса так сильно опечалился, что умер от разрыва сердца. Перед смертью он отдал младшему сыну печать, данную ему князем, передав ему при этом и свой уговор с ним.

После смерти Лорсы его брат по отцу Солса, принеся шестьдесят три плуга и приведя шестьдесят три пахаря, начал распахивать земельную долю Лорсы. Сын Лорсы прослышал об этом на пхегате. Мальчик пришел домой и рассказал об этом своей бабушке по отцу. Затем он отправился туда, где шла пахота, решив не допускать Солсу распахивать землю своего отца.

Когда сын Лорсы пришел, то увидел, как Солса обрабатывал землю. Между ними произошел спор. Они говорили: «Буду пахать!» – «Не будешь пахать!» Потом из-за этой земли началась ссора.

– Будем драться верхами,– договорились они и начали бой.

Когда сын Лорсы выбил из рук Солсы меч, они сошли с коней и стали драться врукопашную.

Люди, видевшие это, сказали:

– Только матери могут разнять их.

Когда мать Лорсы и мать Солсы их разняли, то сказали внуку и сыну:

– Почему вы деретесь между собой? Даже когда кто-то из вас воюет с недругом, другой обязан приходить ему на помощь.

Однажды сын Лорсы сказал своей бабушке по отцу, что он идет на поиски матери и брата (которых похитили). По дороге он увидел мальчика, пасшего телят.

Мальчик-пастух шел то в одну сторону, где лежал женский головной платок из домотканой шерсти, то в другую, где была поставлена палка. Когда он шел в сторону, где лежал платок, то смеялся, когда шел в сторону, где стояла палка, плакал. Поздоровавшись с ним, сын Лорсы сказал, что он удивлен тем, что он ходит туда-сюда и то плачет, то смеется.

– Истолкуй мне причину этого,– сказал он.

– Идя в сторону, где стоит палка, я плачу, вспоминая свое одиночество. Идя в сторону, где лежит платок, я смеюсь, надеясь, что сегодня вечером мне достанется хотя бы кость или что другое погрызть зубами.

– Ты – мой старший брат,– сказал сын Лорсы. – Ты должен мне посоветовать, как спасти тебя и нашу мать.

Тогда старший сын сказал:

– Эти телята князя. Они все будут забиты сегодня ночью по случаю его женитьбы на нашей матери. В мою одежду переоденешься ты, а твою одежду надену я. Сев на твоего коня, я поеду мимо ворот князя. Увидев меня, князь скажет: «Не дайте гостю проехать мимо, зазовите его!» Когда вечером ты придешь с телятами, он скажет, чтобы на твоем теле накололи дров. С тех пор как меня привели к нему в рабы, на моем теле всегда колют дрова. Тогда я скажу князю: «Ведь это ночь, когда ты делаешь сага [2], не коли на его теле дрова». Князь скажет: «Гость говорит: не колите. Не колите на его теле дрова!» После этого они захотят запереть тебя туда, где содержат меня. Я скажу князю: «Ведь это ночь, когда ты даешь сага, не запирайте его в эту ночь». Князь скажет: «Гость просит не запирать его в сегодняшний вечер. Оставьте его на свободе». Потом они захотят вытащить из дому лук, но никто этого не осилит. Тогда ты предложи им вытащить лук наружу. В первый раз тебе не ответят. Ты попроси об этом еще раз, а я тоже скажу им, чтобы разрешили. Когда ты вытащишь лук наружу, спроси: «Ударить ли мне стрелой в небо и разнести его, ударить ли в землю и разбить ее, или пустить стрелу в оленя, находящегося за семью горами, и свалить его? Князь скажет тебе: «Ведь небо и земля нужны нам. За семью горами находящегося оленя ударь и свали его». Тогда сам поймешь, в кого надо пустить стрелу.

Младший сын Лорсы сделал все так, как сказал старший брат. Когда князь сказал: «Свали оленя за семью горами»,– младший сын Лорсы, выстрелив из лука, убил князя. Так, забрав с собой княжеское добро, пришли домой два сына и жена Лорсы.

Когда они вернулись домой, мать Лорсы сказала:

– Три раза приходил к нам вестовой и говорил: «Невесту забирайте».

Тогда сын Лорсы сел на коня и поехал, проговорив:

– Я остановлюсь в том дворе, где ты остановишься, мой конь, и проведу там ночь.

Лошадь остановилась во дворе одной бедной вдовы. Увидев едущего сына Лорсы, вдова подумала: «Ко мне гость едет, хорошо, что едет, да плохо, что угостить его нечем».

Войдя в дом, сын Лорсы увидел, что она бедна, и дал ей золотых денег, сказав, чтобы она купила чего-нибудь поесть.

Беря деньги, вдова сказала:

– Завтра дочь недалеко живущего отсюда князя выходит замуж. Она была посватана за другого. Три раза человека посылали к ее сватам с тем, чтобы они забрали невесту. Но они так и не забрали, а теперь она выходит за другого.

– Сначала ты побыстрее принеси что-нибудь нам поесть,– сказал сын Лорсы.

Когда она вернулась, сын Лорсы сказал:

– Я бы тебе и золотой рубль дал, и услугу бы ты мне оказала, если бы отдала эту печать дочери князя, которая завтра выходит замуж.

Взяв печать, вдова пошла к княжескому двору и, несмотря на то, что ее не пропускали, прорвалась туда, где стояла наряженная к свадьбе девушка.

Взяв печать, девушка сказала:

– Скажи ему, чтобы он пришел завтра и, объяснив, что он зять этого дома, принялся помогать как родственник.

Утром сын Лорсы так и сделал. Он прислуживал во дворе князя, подоткнув полы черкески за пояс. Все, что нужно было сделать, сделал сын Лорсы во дворе.

Тогда всадники передали князю:

– Во дворе есть некий гость, уверяет, что он зять дома. Он делает все, что нужно делать родственнику.

– У меня только одна дочь. Я не знаю, кто он. Надо у девушки спросить, кто он.

Когда князь спросил об этом у дочери, она ответила:

– Я не знаю, кто он. Вчера я получила твою печать.

Тогда князь послал человека навстречу свадебному поезду, чтобы сказали им:

– Девушка не ваша и не моя, хозяин девушки уже появился. Не приезжайте за ней.

Так приехал сын Лорсы, привезя с собой дочь князя и половину его добра.

В 1962 году от 30-летнего жителя села Сурхохи Османа Ювсиевича Аушева записал Магомед-Гирей Аушев.
Опубликовано: ГІФ-67. С. 131; ГЭЧИ. С. 382; ССПЧИ. С. 262; ИССП. С. 296.

[1] Влоть до XIX века похищение людей, всячески поощрявшееся Турцией и Крымом, было истинным бичом для народов Кавказа. По Ч. Ахриеву, в этом деле преуспевали и орстхойцы.

[2] *Сага (сагІа)* – различные формы пожертвований в исламе.

* * *

41. СОСКА СОЛСЕИ БОРЗИ

Ший даь жа доажадеш воаллаш хиннав Соска Солса. Цкъа бордз енай из волча:

– УстагІа ба сона, къаеннай со,– аьннад берзо,– со кІалйиса ецаре, аз дехарг а дацар. Іа устагІа белча, аз дика кхо хІама дергда хьона.

– Даьга ца хаьттача хьона устагІа бала йиш яц са,– аьннад Соска Солсас.

– ДІа а ваха хьо юхавалца аз ха дергда шун жена,– аьннад берзо.

– Берзах тийша аз жа мишта дутаргда?

– Даь юхь ергйоаца дезала да хийла сох, барт ийгІача дезала да хийла сох, аз шун жа тедаргдале,– аьнна, дув биаьб берзо. Сардам цо баккхалехьа.

ЦІа а ваха, берзо ишта а ишта а йоах, ишта дув а биар, аьнна, дІадийцад Соска Солса ший даьга. ТІаккха дас аьннад:

– Жи, юха а вахе, теххе деррига жа дІалелахь цу берза.

Бакъда, берзо цаІ мара ийцабац.

СОСКА СОЛСА И ВОЛК

Как-то юный Соска Солса пас семейную отару [1]. Тут подошел к нему волк и сказал:

– Дай овечку, состарился я, а не то и просить бы не стал. За одну овечку сделаю для тебя три хороших дела.

– Без отцовского позволения я не могу тебе дать овечку,– ответил Соска Солса.

– Пойди к отцу и попроси у него, я тем временем постерегу ваших овец,– предложил волк.

– Как я могу волку доверить овец?

– Да быть мне отцом семейства, которое не чтит своих родителей; да буду я главою семьи, в которой царит разлад, если я трону ваших овец! – поклялся волк.

Пошел домой Соска Солса и сказал отцу, что так-то и так-то пришел волк и просит овечку, что волк произнес такую-то клятву.

И тут отец воскликнул:

– Вернись, и всех овец отдай волку, пока он свою клятву не превратил в проклятие! [2]

Но волк взял всего одну овечку.

В 1964 году от 57-летней жительницы гор. Грозного
Фатимы Абдуловны Ханиевой записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ГІФ-67. С. 145; ГЭЧИ. С. 359; ГІОДФК. С. 20.

[1] Пасти чужих овец у ингушей считалось крайне зазорным. Потомки наемного пастуха до седьмого колена считались принадлежащими к самому низшему сословию.

[2] Ингушские благопожелания и проклятия часто предстают взаимной антитезой. Приведенная здесь волчья клятва могла бы быть легко переиначена в проклятие: «Чтоб тебе быть отцом семейства, которое не чтит своих родителей; да быть тебе главою семейства, в котором царит разлад!»

* * *

42. СО ТОЛАШАГІА Я

Герзах оллавенна, лакхача дин тІа вагІаш, воагІаш хиннав Соска Солса. ЦІаьххa борз кхийттай цунах.

– Салам-Іалейкум, сийдола Соска Солса! – аьнна, салам деннад цо.

– ВаІалейкум-салам, сийдола йоара борз! – аьнна, салам юхадерзадаьд Соска Солсас.

– Фу ду Іа, Соска Солса, зе долаш вий хьо? – хаьттад берзо.

– Е зе а дац, е зулам а дац, феса ваха араваьнна вода со,– аьнна, жоп деннад Соска Солсас.

– Со а я феса араяьнна йодаш,– аьнна, йистхиннай борз.

– ТІаккха, вІаший тара да-кха вай шиъ,– аьннад Солсас.

– ВІаший тара дале а цхьатара-м дац хьона вай,– жоп деннад берзо.

– Из фуд? Мишта кхетаде доагІа: вІаший тара а да, цхьатарра а дац, яхилга?

ТІаккха берзо аьннад:

– Хьажал, Соска Солса, хьо тІавагІаш лакха, масса ди ба, хьа ада ца везаш, аьннача хьо дІавуг цо; хьа дегІа тІа дийхка гІагІа

Древнее воинское снаряжение (из археологических раскопок в горной Ингушетии): мисюрка, шлем, налокотник, кольчуга, секира

да, хьатеха хІама хьалатаргйоацаш; тур-шалта да хьога, дегІала вахача лата; йІаьха топ я хьога, гаьнна дІатоха йиш йолаш; къега турмал я хьа, гаьннара хІама хьагойташ. Иштта гІирс болча сага феса аха хала дац. ХІаьта са фуй? Далла хьаденна денал доацар кхы цхьаккха новкъост вац са.

Кхийттар Соска Солса берзо яхачох. ТІаккха аьлар цо:

– Йоле, борз, цхьана ухаргда вай феса.

– Хьо санна волча къонахчунца цхьана феса ахар чІоагІа сий долаш хІама да. ХІаьта а се цхьаькха леларгья со.

– ХІана ях Іа из иштта? – хаьттад Соска Солсас.

– Даьра ях, Соска Солса, цу хьа гонахьа лелача жІалей бІеха хьадж ла сайна могаргдоацандаь.

– Хье ма ярра борз я-кха хьо! – аьнна, Соска Солсас борз а хоастаяь, дІай-хьай къаьстаб уж.

Я ПРЕВОСХОЖУ ТЕБЯ

Полностью вооруженный, на высоком коне, едет как-то Соска Солса. Повстречался ему волк.

– Салам-алейкум, высокочтимый Соска Солса! – приветствовал его волк.

– Ваалейкум-салам, чтимый и быстроногий волк,– ответил нарт.

– Куда путь держишь, Соска Солса? Не по тревоге ли едешь?

– Нет у меня никаких тревог и забот. А еду я за добычей.

– И я вышел в путь в ее поисках,– сообщил волк.

– Значит, мы с тобою похожи друг на друга,– сказал Соска Солса.

– Похожи-то похожи, но неодинаковы,– ответил волк.

– Вот те на! Как же это надо понимать: взаимно мы похожи, но не одинаковы?

И тогда волк сказал:

– Смотри, Соска Солса. Ты сидишь на большом коне, который быстро доставит тебя туда, куда тебе нужно; на теле твоем кольчуга, которая защищает тебя; для ближнего боя у тебя имеются сабля и кинжал; у тебя есть длинное ружье, которым ты можешь поразить далекую цель; твоя сверкающая подзорная труба позволяет тебе далеко видеть. Столь хорошо вооруженному, как ты, человеку легко приобретать добычу. А что имеется у меня? Нет у меня ничего в помощь, кроме мужества, дарованного мне Всевышним.

Понял Соска Солса смысл этих слов. И тогда он предложил волку:

– Волк, присоединяйся ко мне. Вместе будем добытчиками.

– Большая честь для меня быть твоим напарником, и все же я буду сам по себе.

– Почему так? – удивился нарт.

– Да потому, Соска Солса, что я не смогу вынести вони, исходящей от твоих собак.

– Волк! Ты и есть воистину Волк! – воскликнул Соска Солса, и они распрощались.

В 1938 году от от 78-летнего жителя села Джайрах
Шутура Газмагометовича Льянова записал Магомет Арскиевич Льянов.
Опубликовано: Сердало. 2004. 7 дек.

Наездники, рыскавшие в поисках добычи, ассоциировали себя с волком, также занимающимся этим промыслом. Поэтому в этой среде он был восхваляем. Совсем другое отношение к волку было у простых скотоводов.

* * *

43. СИСКА СОЛСЕИ КЪАЬНА ПХЬУИ

Цхьан дийнахьа ший жех бIаргтоха жа долча вахав Сиска [1] Солса. Жега хьожаш а Iушца къамаьл деш а из лелаш, садайнад. Сарахьа дуне доха доаллий-хьогI, аьнна, хеташ чIогIа мух а баьнна, морхаш тIа а яьхка, догIа доладеннад. Гаьна йоаццаш уллача

хьуна юкъера хьаара а яьнна, жена тІагІертай бертий. Бертий хьатІаеча, жІалеш, цІогамаш чу а дехкаш, жена юкъе чугІерташ хиннад. ХІаманна пайдана бац из дІабенна пхьу, оалаш, Іуша дукха теркал ца беш бита бола къаьна цхьа пхьу ше болчча уллаш хиннаб. «Пхьу, Даьлахи хьохи тийша да-кха ер жа тховсара!»,– аьнна, урс хьекха цун цхьа Іаьхар а бенна, Іушка аьннад: «Жи, шоай тарлучча бесса хьажалаш жега». Из аьнна, кара Іема шийна тІехьалелаш бола ка тІехьа а болаш, догІах ведда из чуводаш, берташа катехха думи баькккхаб цунна тІехьа удаш бодача кома. Сиска Солса цІа ма вахха, Іуй кхы цу догІана кІала Іе ца а мега, бун чу бахаб. Іуй бун чу бахача, Іуша лелха а деш, жена юкъера арадоахаш хинна жІалеш бертех кхера а денна юха а жена юкъе чу а даха Іодийшад.

Бертий жена тІагІертай, Іаьхар а биа бижа улла пхьу духьалабаьннаб берташта. «Був-був-був!» – аьннад берташа. «Хьаф-хьаф-хьаф!» – аьннад пхьаро. «ДІабала, пхьу ма дувца хьаштдоацар, хьона а тхоашта а шортта дулх доаккхаргда оаха»,– аьннад берташа. «Сона Іаьхар беннаб са дас, сона эхь дар акхарех цхьа Іаьхар а шуга бодабайтача, шоаш сога лоза ца а яйташ, дІайовла укхазара!» – аьннад пхьаро. Бертий чухьилхай, пхьу хьатІабеддаб. Хьалоацаш фоарт ювш, Іотохаш, ийс борз е а йийна, жена юхе Іобижаб пхьу.

Хьежаш сийрда малх а болаш, къаьга денад шоллагІа ди. Іурра жа долча Сиска Солса юхавахача, йоаяь ядача берташта юхе дІа а этта латташ хиннаб Іуй. Сиска Солса дІатІакхаьчача, аьннад цар:

– Хьал, гой хьона сийсара жІалеша йийна ийс борз,– аьнна.

– Тамаш я-кх ераш цу жІалеша йоаяьяле, сона хетаргахьа, пхьаро йоаяьй ераш,– аьннад Сиска Солса.

– ДІавала, фу дувц Іа! Бага царг а йоацаш болча пхьаро мича йоаяьй ераш, йоаяьй даьра ераш-м къонача жІалеша! – аьннад Іуша.

– Дика да, укх сахьате ховргда вайна ераш пхьаро йоаяьй е къонача жІалеша йоаяьй,– аьнна, массе а жІали кхий чу дІачу а доллийта, хьокхий кІала а догІаш, ийс борз ураоттаяйтай.

– ЖІалеш хьаарахеца,– аьннад Сиска Солса.

ЖІалеш хьаара а даьха, «фушт-фушт», аьнна, берташта хьатІахехкад Іуша. «Хьаф, хьаф»,– аьнна, цкъарчоа хьалтІа а дайдда, цІогамаш чу а дехка, юхадайддад жІалеш.

– Хьаарахеца пхьу! – аьннад Сиска Солса.

Хьаара а хийца, «фушт», аьнна, берташта хьалтІахехкаб цар из. Хьалхьежаб пхьу, мугІара латта ийс борз бІарга а яйна хьалхьедаб из. Ше хьалтІакхоаччашехьа фоарт хьалоацаш кІалтІакхоссаш, ийс борз кІалтІакхесса, шортта юхабенаб пхьу.

– Фу ях оаш хІанз, хайрий шоана бертий йоаяьр пхьу болга, хІанзарчул тІехьа цунна дийнахьа оаш цхьацца Іаьхар ца лойя, аз могийтаргдац шоана,– аьнна, ше урс а хьекха, цунна цхьа Іаьхар Іо а билла, цІавахав Сиска Солса.

СИСКА СОЛСА И СТАРЫЙ ПЕС

Как-то Сиска Солса пошел проведать свою отару. Пока осматривал овец и беседовал с пастухами, стемнело. Вечером, словно мир содрогнулся, подул сильнейший ветер, налетели тучи, и полил дождь. Из соседнего леса вышли волки и направились к овцам. Завидев волков, овчарки, поджав хвосты, стали прятаться посередине отары. Из этих овчарок один старый пес был настолько дряхлым, что его считали ни на что не годным, и потому он лежал далее, в стороне. Сиска Солса зарезал для него ягненка и сказал: «Под Божьей и под твоей защитой, пес, находятся эти овцы!» И пастухам он велел стеречь овец. У Сиска Солсы был ручной баран. От разбушевавшейся непогоды нарт побежал в укрытие. У ручного барана, который бежал за ним, волки успели отхватить курдюк. Как только Сиска Солса кинулся в укрытие, пастухи, не вынеся более ужасную непогоду, также сбежались в шалаш. Собаки же, которых до этого пастухи повыгоняли из отары, вновь кинулись в нее и спрятались среди овец.

Волки двинулись на отару. Старый пес, ранее съевший ягненка, выступил против них. Волки завыли: «Був-був-був!» Пес же загавкал на них: «Хаф-хаф-хаф!» Тем самым волки сказали: «Пес, не мешай, нам. Здесь и тебе, и нам мяса вдоволь». Пес же ответил: «Хозяин мой дал мне ягненка. Стыд на мою голову, если позволю унести из отары хотя бы одну овечку. Лучше уйдите, пока я вас всех не перегрыз!» И все же волки бросились к отаре. Пес накинулся на них. Схватит он одного волка за шею, переломит и бросит его, поймает другого и также убьет. Так пес передавил девать волков, а затем, как и прежде, лег возле отары.

Назавтра засияло солнце, и день стал погожим. Сиска Солса вернулся к отаре и увидел мертвых волков и стоящих над ними пастухов.

Начали они хвастаться перед Сиска Солсой:

– Видишь волков, которых вечером загрызли собаки?

– Вряд ли ваши собаки годятся на это! Наверное, волков убил этот пес,– сказал Сиска Солса.

– Да брось ты,– стали говорить пастухи,– куда там сладить с волками старому беззубому псу. Это сделали наши молодые собаки!

– Ладно же. Сейчас узнаем, кто это сделал,– сказав так, Сиска Солса велел собак запереть в сарае, а волков поставить на ноги и подпереть кольями.

– Выпускайте собак,– приказал Сиска Солса.

Пастухи выпустили собак и, говоря «фушт-фушт», стали натравливать их на волков. С лаем «хаф-хаф» собаки кинулись было, но увидев волков, тут же, поджав хвосты, побежали назад.

– А теперь выпустите старого пса! – вновь приказал Сиска Солса.

Выпустили его и, говоря «фуш-фушт», натравили на волков. Увидел пес стоящих девять волков и устремился на них. Стал он хватать их за шеи и бить оземь. Так всех побив, отошел и лег в сторонке.

– Что вы теперь скажете? – спросил Сиска Солса.– Убедились, что волков уничтожил вот этот пес? Я с вас строго спрошу, если с сего дня вы не будете ему резать в день по одному барашку,– сказал Сиска Солса и, дав псу ягненка, ушел.

В 1967 году от своего отца Абзо Тангиева записал его сын Туган.
Опубликовано: ГІФ-91. С. 7.

Это сказание перекликается с приводимым далее рассказом Хамчи Патараза о своих приключениях в облике собаки.

* * *

44. ХІАНА ОАЛ ГОВРАБАЬРИ

Сеска Солсага хиннабар ГІолг, яхаш, цІи а йолаш, цхьа ди. Фу дар цун тамашийна? Цкъа шийна лайча, бодж миссел мара кхы лакхагІа боацаш хулар из. ТІаккха, шийна лайча, нажа миссел лакха хиле дІаоттар. Иштта хІана дар цун из? Сеска Солса салоІаш волча хана бажа дІахеца аттагІа хулар из бодж миссел мара ца хилча. Феса е довна ваха везача хана Сеска Солсас шийл а лакхагІа бий, дІаоттабора из ГІолг. Цкъа, иштта Іохайна вагІаш хиннав Сеска Солса, ший топ цІенъеш. Цу хана бодж миссел мара боаца ГІолг хиннаб чуийнна бажаш боаллаш. Дена цунна юхе лаьча Іохайна хиннад.

– Болх ираз долаш хилба хьа, Сеска Солса,– аьннад лаьчас

– Даьла раьза хилва хьона, ткъам сиха сийна лаьча,– аьнна, жоп деннад Сеска Солсас.

– Алал, ва Сеска Солса, хьа ГІолг хІанз ший дар миссел мара кхы дегІ а доацаш Іа хехкача, сона тІехьакхуьргбарий из,– аьнна, йист хиннад лаьча.

– Из цун болх ба. Цунга хатта дезаш хІама да из,– аьнна, жоп деннад Сеска Солсас.

Цигга мичара йоагІа а ца ховш, ена хьаэттай хьона нана-борз. Салам а денна, фуд-малад а хайна, аьлар цо: «Иштталча дегІа з1амига бола из, сол хьалха-м даьсара баргбацар. Цунга шийга хоатте а ца хоатте а ях аз-м.

– ГІолго ший чоабол ийцача мара ховргдац из.

– Сога хатта хІана хаттац оаш,– тІачайха аьннад ГІолго.

– Хетт оаха хьога а. Іа фу оал? Бий хьо тхоца къовсалургболаш?

– Цхьа массехка го баккхийта сога акхарца, — аьнна, ГІолго дийхача, Сеска Солсас пурам деннад цунна.

Лаьтта гІолла кхозза дІа-хьа карчашшехьа нажа хи миссел лакхабенна дІаэтта ше баьлча, оарцагІа ше бедда бодаш санна дІаметтахьара ийккхаб ГІолг. Босешка, аренашка, лоамашка, аьлешка гІолла бодаш, наггахьа Іам чу эккхаш, кхолха кхо го а баькккха, Сеска Солса волча ГІолг бена хьаэттача, тхьовре шоай из кхо го а баькккха, Сеска Солсана юхе дагІаш хиннад из лаьча а, из нана-борз а. Эхь хийтта, корта Іочубаха, юха бодж миссел мара боацаш дІаэттаб ГІолг. Тоам ца хеташ, дехкебаьннаб из, гІулакх иштта хиларах.

– Оаш фу дий,– аьнна хиннад Сеска Солсас,– хІанз из кІаьдбеннаб, кхоана, укх хана, юха хьаотталаш шо укхаза. ТІаккха бокъонца ховргда вайна ер дош.

ШоллагІча дийнахьа даьхкка хьаэттад нана-борзи сийдола лаьчеи.

– ХІа-ХІа, хІанз вай фу дергдий,– аьннад Сеска Солсас царга,– селхан ер ди, ГІолг, нажа хи миссел лакха бар, тІавагІаш со а вацар укхунна, хІаьта хІанз ер ше бодж миссел мара кхы боацаш, селлара дегІа зІамига болаш дІабутаргба аз, цу тІа, кхы а со ІотІахов укханна. Иштача гІулакха раьза дий шо?

– Ай, да. Мишта дац! Ерам атта болх ма бий,– оалаш, геттар раьза хиннад из лаьча а, из меца нана-борз а.

ДІаэккхийтаб, тІаккха, Сеска Солсас ше тІавагІа бодж миссел мара боаца ди, ГІолг. ТІехьаеддай царна борз, тІехьахьийддад из лаьча а, хьалха хиннар дицдеш, иттаза сихагІа беддаб из бодж миссел мара боаца ГІолг. Йилача метте дІа а кхаьча, ГІолг бажа дІа а хийца, дІаоагІора ваьнна, гІаьле а лотаяь, Сеска Солса воаллаш мара хьакхаьчадац лаьчеи нана-борзи.

– Ер фуд? Селлара боккха а болаш, тІавагІаш саг а воацаш, ер ди болча хана, тхо котдаьлар. ХІаьта хІанз селлара иштача дегІара мара боацаш, селлара ги доаллаш дозал долаш, из ГІолг котбаьлар? Ийшад тхо, Сеска Солса. МаІан дел цу хІаманна,– дийхад цар.

– ТІехьа баьри воацаш, къаьста лелаш бола ди, ди бац. Динца воацар баьре вац. Уж шаккъе а вІаший тайнача метте мара хьахилац бокъоца вола говрабаьри,– аьннад Сеска Солсас.

Циггач дукха оакхарий а доадаь, нана-берзаи лаьчанеи дизза хьоашал даь хиннад Сеска Солсас. Цар денали майрали лаьрхІа даьд цо из.

ПОЧЕМУ ГОВОРЯТ «ГОВРАБАЬРИ» – ВСАДНИК

У Сеска Солсы был конь по имени Гольг. Удивительного в нем было то, что при желании он мог становиться маленьким, величиною с козла, а мог превратиться и в столь большого коня,

словно дуб высотою [1]. А почему так? А потому, когда Сеска Солса отдыхал, ему легче было пасти коня, когда тот величиной бывал не больше козла. А вот когда надо было идти в поход, вот тут-то и нужно было, чтобы конь стал большим. Тогда Гольг становился выше самого Сеска Солсы.

Как-то отдыхал Сеска Солса и чистил свое ружье, а Гольг величиною с козла шустро пасся на склоне.

Подлетел к нарту сокол и пожелал:

– Да будет благословенным твой труд.

– Да будешь ты любим богом Дялой, сокол быстрокрылый,– ответил Сеска Солса.

– Скажи, Сеска Солса, если пустить вскачь твоего Гольга, когда он бывает всего величиною с козла, смог бы он обогнать меня?

– Это дело касается его, его и спросить надо,– ответил нарт.

Неведомо откуда вдруг появилась волчица. Поприветствовав их и узнав, о чем идет речь, гордо сказала:

– Когда этот конь бывает величиною с козла, ему ни за что меня не обогнать. Об этом его и спрашивать не надо.

– Об этом можно говорить лишь тогда, когда Гольг припустится вскачь,– сказал Сеска Солса.

– А почему вы меня не спросите? – рассердился Гольг.

– Спрашиваем тебя. Скажи, можешь ты с нами состязаться?

– Позволь мне проскакать с ними несколько кругов,– попросил Гольг.

Сеска Солса разрешил ему.

Трижды по земле перекатился Гольг и стал величиною с дуб. Припустил он, словно за ним была вражеская погоня. По склонам и оврагам, по горам и ущельям, по дну озера скача, сделал он три круга и прискакал к Сеска Солее. А вблизи него уже сидят и сокол, и волчица. Давно пробежали они и пролетели эти три круга

Устыдился Гольг. Понурил он голову, вновь стал величиною с козла и отошел в сторонку.

– Вот что мы сделаем,– сказал Сеска Солса.– Сейчас Гольг устал. Приходите завтра в это время. Вот тогда-то мы и узнаем все как есть.

Волчица и сокол явились в назначенное время.

– Та-ак, вот что мы сделаем,– начал говорить Сеска Солса,– вчера Гольг был величиною с дуб и никто на нем не сидел. Сейчас он величиною с козла. Таким я и оставлю его. К тому же я сяду на него. На такой спор вы согласны?

– А как же! Конечно, согласны. Это то, что нам надо,– обрадовались и та волчица, и тот сокол.

Сеска Солса припустил своего коня. Побежала следом волчица. Полетел вслед за ними и сокол. Что тут и говорить! Хотя Гольг был всего с козла, но несся он в десять раз быстрее, чем вчера. Прискакал Сеска Солса к условленному месту, пустил пастись Гольга, а сам сел и раскурил трубку [2]. Когда он успел ее всю выкурить, лишь тогда прибежала волчица и прилетел сокол.

– Что за чудеса! Когда конь был огромный и был он без всадника, мы оказались быстрее него. А сейчас, когда конь настолько мал, а на нем сидит такой огромный и тяжелый всадник, Гольг оказался намного быстрее нас. Хотя мы и проиграли этот спор, все же поведай нам, Сеска Солса, в чем тут причина? – попросили волчица и сокол.

Сеска Солса им ответил:

– Конь без всадника не конь. Всадник без коня не всадник. Но вот, когда между ними установится согласие и взаимное понимание, вот тогда-то полностью и проявляются их качества, тогда-то и называют их словами «говра баьри» – конь и всадник.

Уважая мужество и силу волчицы и сокола, Сеска Солса настрелял разных зверей и устроил для них угощение, как для самых дорогих гостей.

В 1978 году от 69-летней жительницы Назрани Дибихан Генадкиевны Бузуртановой записал Магомет Арскиевич Льянов.
Публикуется впервые.

[1] Конь Сеска Солсы мог быть и большим, но и маленьким, величиною с козла. Такое представление, возможно, восходит к мифологии. Так, древнее божество Ткъамаж-ерда имело такого же коня, способного увеличивать или уменьшать свой рост.

[2] Сеска Солса раскурил трубку – горный тюльпан называется «трубка Сеска Солсы» – «Сеска Солса гIаьле».

* * *

45. ЦIЕТ ДIАДАККХАРАХ

Хьалхарча замах вийнача моастагIчох цIет доаккхаш хиннад. Вийнача моастагIчун аьтта пхьарс гонга кхаччалца шалтаца хьа а баькккхе, коанаIарах дале а гIалий пенах дале а хьастамашца из пхьарс дIатохаш хиннаб, водачоа – воагIачоа гургболаш.

ЧIоагIа баьре хиннав Петарза. Кадай болаш гош Iаьржа сира ды хиннаб цун. Сов дика из хиларах берригача мехка цIи хеза хиннаб из ды. Охло яхача Iаьржача наьрто бийсанна чурабаькккха бигаб из ды. Петарзий сий довш хIама хиннад из. Из ды бигар малав ховш хиннадац. Мелла цо нахага дIакхайкадарах, мел боккха мах биллярах оакхала саг воагIаш хиннавац. Юххера а, кхы ший де хIама а доацаш, цхьан зиракага из дош хаьттад Петарзас. Кхоана юхавола, аьнна, Петарза дIа а вахийта, бус лоама бухье а ваьнна, седкъашка хьежа эттав зирак. Седкъашца къамаьл де ховш хиннав из. Седкъаша жоп луш хиннадац. ТIехьара гучабаьннача Сахула седкъага укхо хаьттача, цо хьавийцав из къу. Iуйрийна юхавена-

ча Петарзага зиракас аьннад: «Гаьнна, форда йисте, вахаш волча Охлочо чурабаькккха бигаб хьа ды».

Ди-бийса къоаста ца деш, бетта никъ а баь, Охло волча дIакхаьчав Петарза. Охлой гIалий чу дIачу а кхайка, цIогIа техад цо:

– Хьаарадала, зуд! Са ды биггал къонах ма хиннавий хьо, хIанз Iа фу ду хьожаргда вай!

ГIалий корах Охло аракхайкав:

– Хьа ды а юхалу аз, кхыъ кховзткъа кхали кховзткъа IайгIари лу аз хьона, вита со.

– Феса вахача, цхьан бус йоалаю аз уж Iа ювца кхалаши IайгIараши. Наха хьалхашка Iа са Iаьржаяь юхь кIайяллалца дIагIоргвац со. Араяла, зовза пхьагал! Ца воале, хьа еррига моттиг, чилла яькккха, хIалакъергья аз.

Из оаллашехьа, Iадсаькх теха, гIалий саьнга баьлла боккха кхера дIабахтаб цо, гIала оагIора йоаккхаш.

Хайнад Охлойна гIулакх аьрдагIа долга, ший бIунага кхайкав из. Ер хьалха а волаш, Петарза тIаболабеннаб бIу. Ше кхеравеннав аьнна кеп а оттаеш, IотIехьашкахьа лаьллай Петарзас. ТIехьбаьнна боагIаш бола бIу, йIаьхача зIанарах этта, боагIаш хиннаб. ТIаккха ды юхаберзабаь дIадухьала хехка, цхьацца вувш, беррига бIу хIалакхбаьб. Эккхаваь лаьца Охло шин IайгIарах вийхка, воаттIаваьв. Охлой аьтта пхьарс а баькккхаб цо, бIаьзза бIаь хургйола цун ремаш а лаьхкай.

ЦIакхаьчача, наьрт-орстхошта юкъе, къаьстта къе-миска болчарна дукхагIа а кхоачаш, ремаш дIайийкъай. Ший тхьамада хулаш волча Сеска Солсай коа кховзткъа кхойтта ды чухийцаб, совгIата. Доккхал деш, Петарзас Охлой аьтта пхьарс дIахьекхача, Сеска Солсас аьннад, йоах: «Баркал, доккха совгIат да Iа деннар. Бакъда, хIанзчул тIехьагIа совдаьнна хургдар хьа сий, Iа дакъан тIера из пхьарс баькккха бецаре. Бекхам бар а нийса да, сий лорадар а къонахчун декхар да, хIаьта а, визза къонах волча къонахчоа доагIаш дац дакъанца тIом бар. Эсалча баьреша деш дола хIама хьо мо волча къонахчоа товш дац».

– Наха а ма дой, аьнна, даьдар аз-м ер. Хьо бахьан долаш аз дут е цIет даккхар дола гIулакх.

Цу хана денз наха юкъера дIадаьннад цIет даккхар. «Къонахчо дакъанца тIом бергбац» яха кица а цу хана денз хьадоагIа.

КАК ИЗЖИЛИ ОБЫЧАЙ «ЦЕТ»

В прежние времена с убитого врага брали «цет». К примеру, по локоть отрезали у него правую руку, а затем прибивали ее или к воротам, или к стене башни, так, чтобы все проходящие видели этот воинский трофей.

Славным героем был Петарза. На всю страну был знаменит и его серый конь, голени которого были черными. Черный нарт по

имени Охло ночью выкрал этого коня. Тем самым Петарза был опозорен. Он не знал ни имени, ни места жительства похитителя коня. Не раз он при большом стечении народа объявлял большую награду тому, кто назовет похитителя, но все было бесполезно. И тогда Петарза решил обратиться к зираку – ведуну и мудрецу. Зирак предложил ему явиться на следующий день, а сам ночью взобрался на высокую гору и стал следить за звездами. Он умел с ними разговаривать. Но звезды на сей раз молчали. Наконец взошла Утренняя звезда (Венера). Когда зирак обратился к ней, она ему ответила, что похитителя зовут Охло и что живет он у моря. Утром зирак все это поведал Петарзе.

Не различая дня и ночи, Петарза скакал месяц. Подскакав к башне Охло, он крикнул:

– Выходи, собака! Хватило у тебя мужества увести моего коня, теперь узнаем, какой ты мужчина.

Из окна башни Охло прокричал:

– Возвращаю тебе твоего коня, сверх того даю шестьдесят кобылиц и шестьдесят жеребцов, только оставь меня в покое.

– Я из тех, кто за одну ночь угоняет такой табун лошадей. Ты прилюдно сделал мое лицо черным (опозорил), и я не отступлюсь, пока оно не побелеет. Выходи, трусливый заяц, иначе я все твое гнездо разнесу в прах!

С этими словами Петарза пустил стрелу и вышиб огромный камень из основания его башни. Башня накренилась.

Понял Охло, что боя не избежать, стал скликать свое войско. Возглавив его, он напал на Петарзу. Петарза, как бы испугавшись, притворно бросился в отступление. Погоня растянулась длинной цепью. Тогда Петарза развернул коня и на всем ходу стал по одному убивать преследователей. Так он перебил их всех. Струсивший Охло попытался ускакать, но Петарза его пленил и привязал к двум жеребцам, которые разорвали его на две части. Петарза по локоть отрезал его правую руку и погнал к себе его табуны коней, исчисляемых сотнями.

Прискакав домой, он раздал коней нарт-орстхойцам. При этом беднякам он дал большую долю. А нартскому тамаде Сеска Солсе пригнал во двор семьдесят три коня. Петарза стал похваляться, показывая Сеска Солсе отрезанную руку Охло.

Сеска Солса сказал:

– Ты преподнес мне большой подарок, спасибо. Пусть всегда тебе сопутствует удача. Но слава твоя была бы намного выше, если бы ты не отрезал руки у трупов. Правильно, что отомстил, что сберег свою честь. Так и должен поступать настоящий мужчина. Но не годится издеваться над трупами. Негоже такому мужчине как ты поступать так. Убери эту руку, не позорь себя недостойным поступком.

Тогда Петарза сказал:

– Я так поступил потому, что «цет» у нас в обычае. Но из уважения к тебе, Сеска Солса, с этого дня я бросаю этот обычай.

С тех пор настоящие мужчины бросили позорный обычай «цет». Тогда-то и появилась наша поговорка: «Настоящий мужчина не будет воевать с трупом».

В Малгобеке в 2008 г. от Тамары Барахоевой записал М. Матиев.

* * *

46. КХОКХА ХИННА ДIАЯХАР

Сеска Солса виIийна саг йоалаяь хиннаяр. Цхьанахьа лийна, цIавена хиннав Сеска Солса. Коа маьчеш тегаш ягIача несийга говра дирст дIакховдайир цо, ше цIагIа чувахар. Балхах чуIийнна йоаллача несас, шийна а ца ховш, говра дирст дIахийца хиннаяр. Сага ца гуш, говра коара яьнна, мича яхар да ховш, дIаяхар. Маьчеш тийга яьлча, дIай-хьай хьожаш говра лехай несас, говра йоацаш хиннай. Цхьаннахьа а кораяьяц цунна из. Шийгара гIалат даьнна чIоагIа эхь хийтта, Сеска Солсана духьала яха юхь йоацаш, Даьлагара дийхад цу несас, хьун кхокха шайх хилийта. Из дехар Далла кхоачашдаьд цун.

Коа ваьннача Сеска Солсана е говр а е нус а ейнаяц, дIабодаш бола кхокха мара. Несех хьун кхокха хинналга хайнад цунна.

ХIарача бIаьсте хьуна йисте кIа дIадувш хиннав Сеска Солса, кхокхарчашта лаьрхIа. Сеска Солса кхелхача, хьуна йовхьашка а даьнна, дийкад кхокхарч:

Ку-у, ку-ку, Сеска Солса,
Ку-у, ку-у, Сеска Солса...

ПРЕВРАТИЛАСЬ В ГОЛУБКУ

Сын Сеска Солсы женился. Как-то Сеска Солса приехал домой. Невестка сидела во дворе и подшивала чувяки. Сеска Солса протянул ей повод коня и ушел в саклю. Невестка увлеклась работой, выпустила повод коня, который она держала, и конь незаметно ушел со двора. Закончив подшивать чувяки, невестка кинулась, но коня нигде найти не смогла. Боясь, как бы Сеска Солса не вышел и не стал ее стыдить, она попросила Бога поскорее превратить ее в лесную голубку.

Бог внял ее просьбе. Стала она голубкой и улетела в лес. Сеска Солса, выйдя во двор, не нашел ни невестки, ни коня, только увидел улетающую голубку. Понял Сеска Солса, что невестка обернулась голубкой.

Каждую весну Сеска Солса сеял пшеницу на опушке леса для голубей. Когда же Сеска Солса умер, голуби вышли на опушку леса и пели песню:

Ку-у, ку-у, Сеска Солса,
Ку-у, ку-у, Сеска Солса.

В 1985 году от 50-летней жительницы гор. Назрани М. Р. Эгиевой записала Зарема Чемурзиева.
Опубликовано: МЛВ. С. 256.
Сюжет этого текста довольно широко распространен на Кавказе.

* * *

47. СЕСКА СОЛСЕИ ХЬУН КХОКХЕИ

Цхьан хана вахаш хиннав Сеска Солса яхаш цIи йола къонах. Цкъа Iохайча бIарчча устагI ше буаш, цкъа дIавижача кIира уллаш, наб ца еш дIавахача, бетта лелаш хиннав из. Цхьа бIарг болаш а хиннав. Соцаш фусам йоацаш, массехана ара, лоамашка, хьунашка лелаш хиннав Сеска Солса.

Цкъа хьунагIа гIолла лелаш бIаргабайнаб укханна ткъам бийна кхокха, цох къахийта из кхокха хьа а ийца, бетта лелабаьб цо ткъам хоттабаллалца кхоабаш, хоза хьоасташ. Ткъам бийрзачул тIехьагIа Сеска Солса везавенна, дIакара Iема из кхокха а дIа ца бодаш, даиман Сеска Солсаца лелаш хиннаб.

Дуне тIа саг хиннавац Сеска Солса эшаве могаш. Цкъа из вижа уллача хана тийшача балхаца цун цаI мара боаца бIарг баькккхар цун моастагIаша. Из бахьан долаш цул тIехьагIа кхы дукха дIайхьай ца вохалуш веннав Сеска Солса.

Цу хьун кхокха цу хана денна Сеска Солса кулг мел техача дошо бедаргаш хьатIайийнай. ХIанз а тIехьа Iа ладийгIача цу хьунагIа бекаш хул из кхокха. Цо оал:

– Iел кхо-о-нг Сеска Солса.

СЕСКА СОЛСА И ЛЕСНОЙ ГОЛУБЬ

В давние времена когда-то жил-был один мужчина по имени Сеска Солса. За один присест съедал он целого барана. Как заснет – неделю спал, а как бодрствует, так целый месяц ходил. А был он одноглазым [1]. Сеска Солса не имел своего дома, потому и странствовал все время по долинам, горам и лесам.

Однажды, бродя по лесу, он увидел голубя с перебитым крылом. Пожалев его, он взял этого голубя и ухаживал за ним целый месяц, нежно ласкал, кормил и поил до тех пор, пока у него не по-

правилось крыло. Но после того, как крыло голубя поправилось, он, полюбив Сеска Солсу, приручился к нему и не улетал, а все время странствовал вместе с Сеска Солсой.

На свете не было человека, кто мог бы одолеть Сеска Солсу. Однажды, когда он спал, его враги предательски выкололи его единственный глаз. Из-за этого Сеска Солса никуда не мог больше пойти и умер. У лесного голубя с тех пор, говорят, и появились золотые перышки в тех местах, которых касалась ласкающая рука Сеска Солсы. Даже и сейчас, если ты прислушаешься, то услышишь, как воркует этот голубь в лесу. Он кричит: «Іэл кхо-о-нг Сеска Солса» («Для Эла жаль тебя, Сеска Солса»).

В 1963 году от 67-летней жительницы села Насыр-Корт Шишхи Абдуловны Ханиевой записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ГІФ-67. С. 146; ГЭЧИ. С. 336; ССПЧИ. С. 300; ГІОДФК. С. 21; ИССП. С. 322.

[1] Это единственное указание в ингушском эпосе, что Сеска Солса был изначально одноглазым. Вероятнее всего, тут сказалось позднейшее сближение Сеска Солсы с мифическими одноглазами.

* * *

48. ХІАНАВ СЕСКА СОЛСА ЦХЬА БІАРГ БОЛАШ

Сеска Солсас ший новкъост волча воагІаргва, аьнна, хабар даь хиннад. Бакъда, багара кхала сов чІоагІа лазаяьнна хиларах дІа а ца водаш, цІагІа ваьгІав. Новкъост наІарга вахав Сеска Солсана. ВоагІаш вола из корах бІаргавайнав Сеска Солсана. Кхала лазаш я ший, аьлча, шишха валар а кхераш, ший бІарг баькккха Іовижав из.

– Деша да вац хьо, хІана ванзар хьо,– яхаш, бехкаш даха волавеннав чуваьнна новкъост.

– БІарг баькккха улл со, цудухьа дІава ца могаш висав,– аьннад Сеска Солса.

– БІарг баккхар-ма боккха болх бацар, кхала лазаяьннаяларе ше дар,– аьннад новкъоста.

ТІаккха дари деш, ший кхала лазаш хинналга а цох бахьан ца хеташ, ше бІарг баккхар а дІадийцар Сеска Солсас.

ПОЧЕМУ СЕСКА СОЛСА СТАЛ ОДНОГЛАЗЫМ

Сеска Солса как-то известил своего друга, что к такому-то сроку приедет к нему погостить. Да вдруг накануне у него разболелся зуб, и потому он остался дома. Друг, не дождавшись Сеска Солсы,

сам поехал к нему. Еще издали заметив приближающегося друга, Сеска Солса, посчитав, что болезнь зуба другом будет воспринята как пустая отговорка, выколол себе глаз и лег в постель.

Войдя в дом, друг упрекнул Сеска Солсу:

– Ты не хозяин своему слову. Почему не приехал, как было тобою обещано?

– Я случайно укололся и потерял глаз, потому и не смог к тебе приехать,– стал оправдываться Сеска Солса.

– Невелика важность, что глаз потерял, вот если бы у тебя разболелся зуб, это была бы большая причина,– сказал друг.

И тут Сеска Солса начистоту поведал ему, что зубную боль он посчитал пустяком и потому лишил себя глаза, чтоб тем самым оправдаться перед ним.

В 1974 году от 80-летнего жителя села Джейрах Инала Керимовича Цурова записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ГІФ-91. С. 10; ГІОДФК. С. 21.

* * *

49. БАЬТАРАС ЭСА-ЧІОЖ ДАККХАР

Гонахьа лоамашца къайла хиннай ГІалгІай Коашке. Цу чу гІолла ІодоагІаш доккха хий хиннадац, цхьаццанахьа духдувлаш хьасташ мара. Наьрт-орстхошта юкъе къаьстта белгала хиннав Баьтар, тІехваьнна майреи денал долаши ше хиларах. Цу ГІалгІай Коашке лалла долча чІоже бахаш хиннаб дови яха нах. ГІалгІашца мохк къувсаш хиннаб уж. Доккхий дегІамаш долаш шоаш бале а, хаькъала ийша хиннаб уж, цудухьа кайоалаш а хиннабац. ХІаьта гІалгІашта а могаш хиннадац уж эшабе, довий тхьамада доккхача хьаькъала да хиларах. Из дІаваккха лаьрхІад Баьтарас, довех наха хулаш хинна зе кІорда а даь.

– Хьавола, вІаший латаргда вай, – аьннад Баьтара цу довий тхьамадага.

– Бий-тІоара тохаш лат вай е герз детташ лат вай? – хаьттад довечо.

– Хьона бакъахьа фу хет?

– Бий-тІоара хет.

– Хьатоха, хІаьта, – аьнна, вІаший дегІалбахаб ераш.

ДегІа дови толашагІа хиннав, хІаьта Баьтар, кхыбола наьрт-орстхой санна, дегІ болата долаш хиннав. МІаргаш бийтта, довечун шаккхе ност кагьяй Баьтарас, гора из вохийташ. ТІаккха тІакхийтта довечун лакаш лаьцад. Болата кулгашца уж вІашка а тоІадаь, чура са дІадахийтад. «Кхоп» аьнна довий тхьамада вежача,

цу латарга хьежаш баьгIа довий Iобеттабенна Баьтара хьалхашка гораэттаб, боккъала, маьрша бита шоаш, аьнна. Баьтара аьннад:

– Маьрша да шо, нагахьа санна хIанзчул тIехьагIа герз а оаш лела ца дой, бахача наха зенаш а ца дой. Шерра-шера тхона йоал а теле.

Бокъо еннай довеша цу деша. «Вай ваIад оаш йохайой, аз фу хоададергда шун!» – аьнна, довеш маьрша дIабахийтаб.

Ший хьашта цкъа ГуржегIа хьалводаш, IодоагIаш дола цхьа доккха хий бIаргадайнад цунна. Эса хиннад из. Дагадехад Баьтара: «Даьллахьий, ма доккха беркат да хьо, ма тоам бар хьо тха ГIалгIай Коашке гIолла IодоагIаш хилар!». Цу юкъа хий тхьайса хиннад. Хи чура гучаяьннай Iаьлаьмате хоза кхалсаг. Хи-нана хиннай из. Хий тхьайсача хана шийна тIакхаьчача саго шийгара дийхар луш хул, яхаш, дувцаш да-кх вайна.

– Баьтар, ер Эса шун Коашке гIолла Iодохийтаргда аз, укхунна оаш никъ боаккхаре.

– Мишта, мича гIолла баккха беза из? – хаьттад укхо.

– Хьадайта гIала миссел лакха нух, дIатасса цох ши-кхо бIаь гамажа оаса. ДIабожа нух озаде уж довий, дIахахака уж ЦIелий-Лоамах пхорагIа, хьадаккхийта царга чIож миссел дола доккха харш. ТIаккха цу доккхача чIожагIа аз Эса дIахецаргда, – аьннад Хи-нанас.

Ший никъ бита, ГуржегIа ца а водаш, цIенгахьа вийрзав Баьтар. ЦIакхаьчача, аьннад укхунга, хьар тIа яха хиннача Коашкарча кхалсагах довеша кулгаша дийттад, аьнна.. Дагахьа, хIанз-м аз бергба шун болх, аьнна, дукха пхьараш дIаоттабаьб цо. ГIалгIай дукха хиннаб говза пхьараш, моллагIа вола саг цIералла хьувкхаш, тIаккха хила лувчавеш, болата дегI долаш дIаоттавеш хиннав цар. ГIала миссел хинна а ца Iеш, кхыъ доккхагIа дола нух даьд цар. Нохарах йийхкай гамажа оасаш. Хьадел, жIалеш, дIаозадел ер нух, аьнна, оасаш царна ги а тайса, ЦIелий-Лоамагахьа лаьккаб Баьтарас довеш. Довеша, чIоагIа кхерабенна а болаш ма хулла дIаозадаьд из нух. Цар даьккхача харшах доккха чIож хьахиннад. ТIаккха Хи-нанас ГуржегIара Iохийцад Эса. Нийсса ГIалгIай Коашке гIолла цу чIожах доладенна дIадахад из. ХIаьта довеш, фордагахьа лаьхка, хи чу бахийтаб Баьтарас.

ХIара шера Баьтарас, бIаьстен юхье, Хи-нанна, аьнна, устагIа бий, Эсала бохташ хиннаб. Баьтар дIаваьнначул тIехьагIа, Эсана из совгIат луш ца хиларах, эгIаз а ухаш , цIогIа детташ хул из. Цудухьа, наха дувцачох, шерра-шера цхьацца саг вихьий хIалакву цо, тIаккха ца Iехаш соц.

КАК БЯТАР ПРОЛОЖИЛ УЩЕЛЬЕ АССЫ

Галгай Коашке, что означает «Ингушский Двор»[1], находилось посередине гор. Здесь в разных местах были родники, но не было в том месте реки. Бятар был знаменитым нарт-орстхойцем.

Нарт Бятар запряг зловредных дови в огромный плуг и прорыл ущелье для реки Ассы

Славился он своим мужеством и храбростью. Рядом с Галгай Коашке жил народ дови [2], который постоянно посягал на наши земли. Но их всегда постигала неудача, потому что, хотя они были велики ростом, но ума у них было мало. Однако одолеть их было трудно, потому что тамада у них был умный. Для начала Бятар решил избавиться от него, потому что дови постоянно вредили людям.

Бятар предложил их тамаде:

– Выходи на поединок!

– Как будем драться – с оружием или без? – спросил тамада.

– Как тебе сподручнее, так и будем, – ответил Бятар.

– Мне сподручнее драться без оружия.

– Хорошо, бей первым.

Завязалась драка. Дови был огромным и сильным, но Бятар, как и все другие нарт-орстхойцы, имел стальное тело. Сначала Бятар пинком разбил обе голени врага. Дови упал на колени. Бятар изловчился и стальными руками сдавил его горло. Дови испустил дух. Присутствовавшие при этом все остальные дови, от страха перед Бятаром, попадали на колени и стали просить о пощаде.

Бятар сказал:

– Я пощажу вас при условиях: не вредить людям, не иметь при себе оружие и ежегодно уплачивать мне дань.

Радуясь, что остались в живых, дови согласились.

Бятар сказал:

– Если нарушите уговор, не ждите пощады.

Как-то Бятар по своим делам поехал в Грузию и увидел реку. Она была столь прекрасна, что он воскликнул:

– Что за чудо! Как было б хорошо, если бы река эта протекала по Галгай Коашке!

Это был момент, когда река «уснула» и из реки выглянула Хи-нана – Мать вод. Говорят, она исполняет все желания, высказанные в то время, когда вода «уснет».

Она сказала:

– Бятар, я бы пустила эту реку по вашему краю, если бы вы для нее проложили путь.

– Где и как можно проложить этот путь?

– Пусть изготовят плуг величиною с башню. Запряги дови. Пусть они протащат через гору Целий-Лоам этот плуг и проложат канаву величиной с ущелье. И по нему я пущу Ассу, – сказала Хи-нана.

Бятар повернул коня обратно и вернулся домой. Тут ему сказали, что дови надругались над нашей женщиной на мельнице. Поклявшись им отомстить, он попросил кузнецов сделать огромный плуг. В то время в Ингушском Дворе было много кузнецов. Были они столь умелыми, что могли закалить любого человека в стальное тело, накалив его в огне, а затем выкупав в воде. Кузнецы изготовили плуг выше башни и пристегнули к нему ремни из буйволиной кожи.

– Что же вы, собаки, насильничаете над нашими женщинами? А ну, впрягайтесь в ремни и тащите этот плуг, – приказал Бятар.

Перепуганные дови потянули этот плуг через гору Целий-Лоам. Образовалась большая канава прямо по центру Галгай Коашке, по нему Хи-нана пустила реку Ассу. Затем Бятар погнал дови к морю, и они скрылись в его водах.

Ежегодно, ранней весной, Бятар резал одного барана и бросал его в Ассу, в подарок Хи-нане. Прошло время, Бятара не стало, в подарок богине никто уже барана не резал. Река стала злиться и реветь. Говорят, она успокаивается лишь тогда, когда в год унесет одного человека.

В 2008 г. от 76-летнего жителя г. Малгобека Муссы Шовхаловича Матиева записал М. А. Матиев.

[1] *Галгай Коашке* – Ингушский Двор, так называется небольшая долина в верховьях Ассы.

[2] *Дови* – мифический народ, который по преданиям жил в горной Ингушетии и с которым воевал предок Баркинхоевых за территорию проживания. Возможно, ингушские дови сродни персидским и грузинским дэвам – злым, враждебным человеку великанам.

* * *

50. НИЗ БОЛА СЕЛА

Низ бола Села Іеш ва ЦІай-лоама тІа. Из лоам морхаша къайла-баккханза болча хана Села салоІаш ва. Цу хана е йоачан а хилац, е догІа делхац. Селийга да доккха тур. ЦІай-лоама тІагІерташ хул Селийна зе де дага долаш дола цІолаши шайтІаши. Из тур царна детт цо, ше сомаваккхарах. Йоачан йолча хана шоаш гургдоацаш тІагІерташ хул уж гоавара моастагІий. Селас цІогІа а детташ, тур деттача хана наха хьахоз ди къувкъаш, наха гу тІоа сегаш. Селас аьннар деш я Миха-наней Хи-наней. Цар мух а хьокх, догІа а делхийт.

Шийна везавеннача сага ди тох Селас. Цудухьа Села веза лоархІаш хиннача наха из ди теха саг къаьсттача маьлхара каша Іовуллар. Сона дагадоагІаш, догІа ца делхаш дика ха яьлча, цу тайпара каша ухкача наьха тІехкаш хьаарйоахар. ТІаккха из саг догІанца лувчавар духьа Селас догІа делхийтар.

Цун я йоІ Села Сата. Из чІоагІа хьаькъал долаш а кулга говза йолаш а хиннай. Цхьан бийсагІа ше маша хьа а бий, цох къовзткъа сага чокхеш де могаш хиннай из. Дувцачох, цо нахана деннад тІора, маха, тай, кІод. ХІаьта Селас деннад йоах топ, тур, шалта.

Хьалха ЦІай-лоам болча лелаш аьрзи бІаргаейча, нах цунна текъаш хиннабар, хІана аьлча, царна хетачох, из аьрзи а йоацаш, Села ше вар сигала гІолла лелаш.

МОГУЧИЙ СЕЛА [1]

Могучий Села обитает на горе Цай-лам. Если эта гора не закрыта тучами, значит Села отдыхает и не будет непогоды и дождей. У Селы был огромный меч, которым он рубил цолаш [2] и шайтанов, которые подкрадывались к горе Цай-лам, чтобы навредить ему. Проснувшись, он в гневе кричит и рубит их саблей. Поэтому в грозу гремит гром и сверкает молния. По воле Селы Миха-нана гоняет ветры, а Хи-нана льет дождь.

Если Селе понравится какой-нибудь человек, он поражает его молнией. Узнав об этом, люди клали таких людей в склепы.

Когда долго не бывало дождей, люди выносили, еще на моей памяти, тела этих людей из склепа, и Села посылал дождь, чтобы им омыть тело этого покойника.

Его дочь, которую зовут Села Сата, была большой искусницей. Она могла за одну ночь соткать и сшить одежду на шестьдесят человек. Говорят, она дала женщинам нитки, иголку, наперсток и ножницы. Села же, говорят, дал людям саблю, кинжал и ружье.

Если у Цай-лама кто-нибудь видел летающего орла, он возносил ему молитву, так как считалось, что Села иногда летает по небу в облике орла.

---

[1] В 1975 году от 76-летнего жителя сел. Мужичи Удина Балаева записал И. Дахкильгов.

Опубликовано: МЛВ. С. 167; Аиф. Т. 1. С. 121.

[2] *Цолаш (цIолаш)* – вредоносные духи языческой поры; с принятием ислама их место заняли шайтаны.

* * *

51. СЕЛА САТА

«Млечный путь» яхача седкъий гулламах гIалгIаша оал «Ча токхадаь мотт». Дувцачох, Села Сатас сигала Iобила безаш хиннаб «нускала мотт». Из била аьнна, чана паркх ийца, сигала гIолла яха хиннай. ДIайодаш, из ча Iохерцаш хиннад цун. Хийрцача цу кагех хьа а хиннаб из седкъий гулам. Цу наькъах яха ше араяьлалехьа, товнала датта аьнна дила хиннад цо кхаь саьнагIа дола олг. Хиннар даьнна из цIаеча олга ши са баьга хиннаб, кхоллагIбар баганза бисаб. ХIанз вайна гуш ба кхо седкъа. Царех цаI сийрда ба, шиъ низткъала мара гуш бац. Кхаьннех а «Сатий божолг» оалаш хиннад. ХIаьта арахьа бахачар цхьалхха «Кхо ког» оал цу седкъех.

СЕЛА САТА [1]

Млечный путь, называемый «Ча токхадаь мотт», то есть «Место, по которому пронесена солома», образовался, по преданию, в том месте, где Села Сата [2] пронесла солому для брачной постели. Уходя из дому за соломой, она приготовила из теста треугольный хлеб и положила его в горячую золу с угольками. Пока она возвратилась, два угла хлеба сгорели, а один уцелел. На небе теперь видны три звезды, образующие треугольник: одна – светлая, а две – темные; они называются Сата-боджал (или треугольный хлеб Саты). Ингуши, проживающие на равнине, называют их проще: «Кхо ког» («Три ноги», в смысле: треугольник).

В 1891 году в горной Ингушетии записал Башир Далгат.
Опубликовано: *Балгат Б.* ЭО. М., 1901. № 1. С. 35–85; ГЭЧИ. С. 227; МЛВ. С. 166. ГIалгIай меттала таржам даьд.

[1] Села Сата в ингушском языческом пантеоне и сказаниях является дочерью бога грома, молнии и погоды Селы. Она почиталась как покровительница рукоделия (искусства) и новобрачных: перед замужеством девушки обращались к ней, ища помощи и защиты. Села Сата выступает то соперницей, то наперсницей дочери солнца Мялха Азы.

* * *

52. СЕЛА САТАХ БОЛА ОАЛАМ

Дуне тІа мел долча хІамал хозагІа йолаш Дала наьртий цхьа йоІ кхелла хиннай. Из йига моллагІча наьртана дагадеха хиннадаларе юхе бисача наьрташца довне ваха цун везандаь, саго ца ехаш ягІай из. Сигаларча Селийна а хиннаяр из йоІ дагайоаллаш. Бакъда, Сеска Солсах кхераш, озалуш вар из. Дунен тІара дІаяла ха эттар цу йиІий. Ше леш, васкет дир цо:

– Кхаь бийсах са каша тІа ха делаш, тІаккха Села сона дегІала воагІаргвац. Кхо ди даьлча, дегІ хьаж а енна, Села аьттехьа воагІаргвац.

Из аьнна йоалаше, кхелхар из. Кхаь денна ха де каша йисте Іохайра Сеска Солса. Бакъда, кхоалагІа бийса чакхйоалаш, тхьагІара ваха хилар из. Цу юкъа ка яьлар Селий каша хьа а даьста, еннача йиІийна дегІала ваха. Цусахьте йиІиг йир цу еннача йоІо. Цигара ваьнна Села ведда дІаводаш, Сеска Солса набарах хьа а кхийтта, Селийна тІехьа Іадсаькх техар. Китах кхийтта хиннача цу човнах Селий чураш араухаш Іехандаь хьа а хул ды деттарах тара дола ІувгІараш. Сеска Солсас цІайихьар Селана яь из йиІиг. Наьрташа Села Сата, аьнна, цІи тиллар цох. Ший наьнал шозза хозагІа йолаш хьал а кхийна, Селийца цхьана волча сигаларча даьлага маьре яхар из.

Маьре яхача хьалхарча бийсах несас Іобуллача метта, аьнна, ча а ийца. Села Сата сигала гІолла дІайодаш, ча Іолийгад. Иштта хьа а хилар «Ча токхадаь моттиг» яха седкъий гуллам. ЦІагІара яьнна, ча ийца ше дІаяхалехьа, кхо са бола божолг кхуврчала дила хиинад цо. Из юхаяьлехьа, цу божолга ши са баьга хиннаб, цхьа са баганза бисаб. ХІанз дІахьежача, сигала гуш ба кхо седкъа, цаІ сийрда шиъ баьдегІа болаш. Цу седкъех оал «Сатий божолг». ХІаьта шаьрача арахьа бахача гІалгІаша цхьалхха «Кхо ког» оал цох.

СКАЗАНИЕ О СЕЛА САТЕ

У орстхойцев была одна девушка, которую Бог создал такой красавицей, какою только мог. Никто из нарт-орстхойцев не мог жениться на ней, потому что ни один не хотел уступить ее другому. Села небесный тоже хотел обладать ею, но боялся Сеска Солсу [1]. Пришел, наконец, смертный час этой девушки. Умирая, она сказала окружающим: «Караульте мою могилу три ночи. Если будете караулить, Села не доберется до меня, а после трех ночей от трупа моего будет исходить запах мертвеца, и Села не подойдет к нему. Если же вы не будете караулить, то Села придет и осквернит мою могилу».

После этих слов она умерла. Ее похоронили, и Сеска Солса три ночи подряд сам караулил ее могилу, но на третью ночь, под самое

утро, задремал. Села воспользовался этой минутой, пришел, открыл могилу и осквернил труп девушки. Она тотчас же родила от него дочь. Когда Села собирался уже уходить, Сеска Солса проснулся, схватил свой лук и ранил убегавшего Селу. Из этой раны у Селы выходят внутренности, и урчание их производит гром. Сеска Солса взял дочь Селы и принес ее домой. Нарт-орстхойцы назвали ее Села Сатой. Она стала вдвое красивее своей матери и вышла замуж за человека [2], жившего на небе вместе с Селой.

Млечный путь, называемый «Ча токхадаь мотт», то есть «Место, по которому пронесена солома», образовался, по преданию, в том месте, где Села Сата пронесла солому для брачной постели. Уходя из дому за соломой, она приготовила из теста треугольный хлеб и положила его в горячую золу с угольками; пока она возвратилась, два угла хлеба сгорели, а один уцелел. На небе теперь видны три звезды, образующие треугольник: одна – светлая, а две – темные; они называются Сата-боджал (Треугольный хлеб Саты). Ингуши, проживающие на равнине, называют их проще: «Кхо ког» (Три ноги, в смысле: треугольник).

Записал Б. Далгат в горной Ингушетии.
Опубликовано: ТС. 1893. Вып. 3. Кн. 2.; ССПЧИ. С. 227; ИССП. С. 251.

[1] *Боялся Сеска Солсу* – в этом сказании и в ранее приведенном «Сеска Солса и Горжай» между нартом Сеска Солсой и богом Селой существует вражда, в результате которой Сеска Солса ранит бога Селу. Не зря Сеска Солса был возведен в языческий пантеон ингушей. Тут, возможно, имеет место соперничество нового бога с состарившимся богом, Селой.

[2] *За человека, жившего на небе вместе с Селой*, и при том с богом Селой человек никак жить не мог, поскольку Села обитает на своей тронной горе – *ЦIай-лоам*, а не на небе. На самом деле, согласно народной памяти, богом неба был *ХIало*, к которому и ходила Села Сата.

* * *

53. СЕЛА САТИЙ ГОВЗАЛАШ

Е кIа, е мукх, е борц хинна хIама йоацаш, хала бахаш хиннаб наьрташ. Наьртий нана я яхаш хиннай Села Сата. Цун цIагIа лелаш хиннад ширткъа. Из хьоастача хана. Села Сатас оалаш хиннад цох:

– Боткъий Ширткъа дика да, мукха дахка мо ба.

Из хоза хеташ халхадувлаш хиннад ширткъа. Халхадаьлча, саг хьахулаш хиннав цу Боткъий Ширткъах. Геза вординг хиннай цунга. Цу вордингаца лаьтта кIалха а вахе, юха маьлхе а вувлаш

хиннав из. Цудухьа наха цIи тилла хиннаяр цох «Лаьтта Iочууха Боткъий Ширткъа».

Цкъа иштта лаьтта кIалха ваха волчара Боткъий Ширткъас дийцар Села Сатийна лаьтта кIалха яхача ешапах:

– Дуне тIа доаца хIама дукха да цунга. ХIанз воагIаш ва со цо худар а дуадаь.

– Худар, яхар, фий из? – хаьттад Села Сатас.

Боткъий Ширткъас худар дIадувцарах цох кхеташ хиннаяц Села Сата. Кхы из ца кхийтта, аьннад цунга Боткъий Ширткъас:

– ХьатIаха соца укх вордингa тIа.

Юхе дIахайнай Села Сата. Лаьттан цхьан Iургах гIолла хохкаенна яха лаьтта кIала яха дIаэттар из вординг

– ДIа-а ягIа тенна кхалсаг гой хьона? – хаьттад Боткъий Ширткъас.

– Гу,– аьннад.

– Укхаз хье кхетам чура яьлча санна дIаюжаргья хьо. Ешап тIадоагIаргда хьона. Фу деш улли, фу де ховш йийя, кхыдари хеттаргда цо хьога. Аргда Iа цунга, кхетам чура яьнна укхаз нийсаеннай со, ноанал дика де ховш а я со. Шийна чуоттаде гIарбаш доацаш хала лел из ешап. Цо чуоттаергья хьо. ДIаходар хьайна ховргда-кха хьона.

Кхетам чура яьнна саг санна наькъ юккъе дIайижай Села Сата. Ешапа дIатIавахав Боткъий Ширткъа. Цхьацца дувцо-ош, аьннад цо ешапага:

– Из фу кхалсаг я хьа дIахо дIа уллаш яр?

– Мича,– аьнна, Села Сатийна дIатIадахар ешап, оагаяь из метта а йоалаяь, хаьттад цо,– фу саг я хьо, укхаз мишта кхаьчай хьо?

– Сай цIагIа ноанал деш со йоаллашехьа а цIаьххa кхетам чура яьлар со. Хьакхийттача, хIанз укхаза а я со.

– Ноанал де ховш я хьо? – хаьттар ешапо.

– Я со,– аьнна жоп делар Села Сатас.

– Адам ца кхоачача метте кхаьчай хьо. ХIанз яха моттиг яц хьа. Аз сайца дIаюг хьо.

Ешапа цIагIа ноанал де хьайзай Села Сата. Кулга чIоагIа ше говза йолаш хиларах, духхьал лепаш хиннад ешапа цIа. Цу гIулакха чIоагIа гIаддаха хьувзаш ешап а хиннад. Адамага боаца мукх а хиннабар ешапага. Села Сатийна цу ханналца дайза а хиннадацар ешапага бIаргадайна мара тIореи,махеи, кIоди.

Боткъй Ширткъа, со цу хана юхавоагIаргва хьона, оалаш, маьлхагахьа хьалвахар, Села Сатий цIа лораде.

Ешапага мел йола хIама зувш лелаш яр Села Сата. Аьннача хана гучаваьлар Боткъий Ширткъа, ешапа ше ца гойташ. КъайлагIа аьлар цо Села Сатийга:

– Боккхача яь чу мукха худар хьадий, къаьстта, ешапа гургдоацача из дIаоттаде, цхьан йIайхача метте. Цох дIатоха модзи хои. Из хо фунехк даьча кIопалга чу боаллабу цо. Ешап тхьайсача бийсанна из худар, дуккха хий IотIа а детта, бIарччача бийсах кхехкадергда Iа, тIаккха цхьанахьа йIайхача дIаоттадергда Iа из

коача худар. Цхьан кIира латтийта, тIаккхале со дIавоагIаргва хьона.– Из аьнна воаллашехьа, ший вордингa тIа хайна, дIаийккхар Боткъий Ширткъа.

Цо аьннача тайпара кхехка а деш, хо а модз а тохаш, боккхача яь чу коача худар даьд цо. Цхьа кIира дIадаьннад. Юха а вена хьаэттав Боткъий Ширткъа:

– Ешапага аргда Iа, хьо езъеш, хьона тоам бе гIерташ, ер мерза худар даьд аз, тхой IаьдалагIа коачо а долаш. Дикка из хьайна мел мог дIа а хоастадий, из даийта Iа цунга. Диаь яьлча, чIоагIача набарах южаргья из. ТIаккха хьайна эшаш мел йола хIама а ийца, укх метте хьаоттаргья хьо.

Ешапаца хьалха хинначул кхы а безамегIа а хинна, хестадеш, тхогахьа саг къонвеш, цунна низ луш да ер худар, оалаш Iехаеш, ешапага из боккха ей баийтаб Села Сатас. ДегI ловзадаьннад ешапа. Боккъала чIоагIа дика худар хиннад из шун хиннар, хIанзарчул тIехьагIа хIарача денна из дергда Iа вайна, аьнна, халхадувла доладеннад ешап. ТIаккха, набаро дIаоз ше, аьнна, ешап дIадижад. Цу ешапо диар коача худар а доацаш, них хиннадар. Из кийчаде Села Сата Iомаяр Боткъий Ширткъа хиннав.

Села Сатас хьаийцар шийна дIаде хьажкIа, мукха, борц, кIа, кхыдола фу. Кхы а хьаийцар тIореи, махеи, кIоди. Сихха вордингa тIа а хайна, сихха маьлхе хьалабаьлар уж. Цу ханара денна наьртий вахар аттачахьа дийрзар. ДIае дукха хIамаш а йолаш, Села Сатас цу ешапа маьхацеи, тIорацеи, кIодацеи царна хIамаш а тегаш, дегIа гIирсах дика кийчбенна хилар наьрташ.

Кхо-оно ше лаьтта кIалха вессача, Боткъий Ширткъас хаьттад ешапага:

– Из хьа цIагIа лелаш хинна гIарбаш гуш мичад сона. Эккхадаьд Iа из?

– Говза хиннадар из гIарбаш. Ше дIадодаш согара дукха хIамаш йихьар цо. Из цо сайна дуадаь хинна худар хIанза а дагадоал сона.

СНОРОВИСТАЯ СЕЛА САТА

У нартов не было ни пшеницы, ни ячменя, ни проса. Села Сата считалась матерью нартов. В ее доме обитала ширтка-ласочка. Иногда Села Сата хвалила ее, приговаривая:

– Ласка хорошая, а мышь плохая. Ласка хорошая, а мышь плохая...

Ласке эта похвала настолько нравилась, что она начинала кружиться в танце. А когда она начинала танцевать, то тут же превращалась в волшебника Боткия Ширтку. У него была чудесная коляска из латуни. На ней он отправлялся то в тот подземный мир мертвых, то возвращался вновь в этот солнечный мир. Поэтому-то в народе его и прозвали: «В подземный мир уходящий Боткий Ширтка, в солнечный мир возвращающийся Боткий Ширтка».

Однажды, вернувшись из-под земли, Боткий Ширтка поведал Села Сате про ешап, живущую под землей:

– В мире мертвых обитает страшное существо ешап. У нее есть много такого, чего нет в солнечном мире. Я иду от нее, наевшись каши.

– Каша? А что это такое? – поинтересовалась Села Сата.

Боткий Ширтка начал объяснять, «что такое каша», но Села Сата стала притворяться, что ничего не понимает.

Тогда Боткий Ширтка сказал:

– Садись в мою коляску.

Села она рядом с ним. Весело покатилась коляска куда-то к уходящей в землю пещере и сквозь нее привезла их в подземный мир.

– Видишь, во-он сидит могучая женщина? – спросил Боткий Ширтка.

– Вижу, – ответила она.

– Ложись здесь и притворись, словно с тобою случился припадок. Ешап подойдет к тебе и станет расспрашивать: почему ты здесь лежишь, что умеешь ты делать и о разном другом. А ты ей ответь: «Потеряла сознание и очутилась здесь, а сама по себе я хорошая хозяйка». Эта ешап не имеет служанки, и поэтому ей туго приходится. Она возьмет тебя в услужение. А как быть дальше и что делать, ты сама поймешь.

Словно человек, лишившийся чувств, лежит Села Сата посередь дороги.

Боткий Ширтка подошел к ешап. Поговорив с нею о разном, он спросил ее:

– Кто эта женщина, что лежит там, на дороге?

– Где? – спросив и увидев Села Сату, ешап подошла к ней, подергав и похлопав, привела ее в чувство и спросила:

– Кто ты и как сюда попала?

– Хозяйничала я у себя в доме и внезапно потеряла сознание. А очнувшись, я почему-то оказалась здесь.

– Так ты умеешь хозяйничать по дому? – поинтересовалась ешап.

– Да, меня считают умелой хозяйкой,– ответила Села Сата.

– Ты попала в те места, куда обычный человек не попадает. И теперь деваться тебе некуда. Я оставляю тебя при себе, будешь помогать мне по хозяйству.

Стала Села Сата хозяйничать в жилище ешап. А поскольку в этом деле с нею никто не мог сравниться, жилище ешап просто сверкало от наведенных чистоты и порядка. Всему этому ешап была несказанно рада. А у ешап был ячмень, которого у людей еще не было. Села Сата до тех пор ничего не знала и про наперсток, иглу и ножницы, которыми владела ешап.

Тем временем Боткий Ширтка уже ушел в солнечный мир, пообещав Села Сате вернуться к такому-то времени.

Все что было у ешап, и все что она умела, не ускользнуло от Села Саты.

В назначенное время в подземном мире незаметно появился Боткий Ширтка.

Он посоветовал Села Сате:

– Втайне от ешап изготовь ячменную кашу и спрячь ее где-нибудь в теплом месте. Во-он в той коробке она держит хмель. Когда ешап ляжет спать, всю ночь вари эту кашу, добавив в нее воду, мед и хмель. Затем опять поставь эту кашу на недельку [1]. А тем временем я вернусь и скажу, что делать дальше.

Посоветовав все это, Боткий Ширтка сел в свою коляску и укатил в солнечный мир.

Села Сата сделала все так, как он посоветовал: и варила, и мед с водою добавляла, и сыпала туда хмель. Изготовила она большой котел жидкой каши.

Прошла неделя, и вернулся Боткий Ширтка.

– Скажи ешап,– посоветовал он,– что, чтя ее и желая ей угодить, ты приготовила эту сладкую кашу. Скажи: не обессудь, что она жидка, потому что, дескать, так ее готовят у нас. Похвали кашу, как можешь, и заставь ешап побольше съесть ее. Если так все и случится, она заснет крепким сном. Тогда бери у нее все, что тебе надо, и явись на это место.

Стала Села Сата еще обходительнее с ешап... Говоря, что приготовила особую кашу, которая в солнечном мире молодит людей, делает их бодрыми, она добилась того, что ешап съела всю кашу из котла.

Захмелела ешап и разыгралась. Похвалила она Села Сату и наказала ежедневно варить подобную кашу. Стала она танцевать и петь песни. Затем, сказав, что ее тянет ко сну, она легла и уснула мертвецким сном. А ведь это была не жидкая каша, а непроцеженное пиво. И надо знать, что готовить его Села Сату научил Боткий Ширтка.

Села Сата взяла семена пшеницы, ячменя, проса, кукурузы. Также взяла наперсток, иглу и ножницы. Вскочила она в коляску Боткий Ширтки, и они вскоре вернулись в солнечный мир.

С тех пор жизнь нартов облегчилась, потому что появились урожаи злаков; к тому же с помощью наперстка, иглы и ножниц Села Сата стала шить им красивую и прочную одежду. Принарядились и повеселели нарты.

Когда-то потом Боткий Ширтка спросил у ешап:

– А где та служанка, что была у тебя в доме? Ты ее прогнала?

– Эта служанка оказалась хитрой женщиной. Уходя, она много чего хорошего унесла у меня. А вкус каши, которой она меня накормила, до сих пор стоит у меня во рту.

В 1994 году от 68-летнего беженца из села Яндиево Мусы Терсботовича Албакова записал И. Дахкильгов. Опубликовано: Сердало. 29 апр. 1999; ИССП. С. 252.

[1] По всей видимости, некогда в этом сказании был запечатлен процесс изготовления пива, но с принятием ислама, когда пиво уже перестали изготавливать, в этом сказании место пивного солода заняла жидкая каша.

* * *

54. СЕЛА САТЕИ МАЬЛХА АЗЕИ ВІАШИЙ КЪОВСАБАЛАРАХ

Сигаленна доал деш хиннав даьла ХІало. Кховзткъа кхоъ баьре хиннав цунна тІехьаваьнна лелаш. Саг йоалае еза ха хиннай цун. Халача хиннав из, малагІа йоалаергья ца ховш. Массарел а цІихеза мехкарий хиннабар Села Сатеи Маьлха Азеи. Царех малагІаяр йоалайича бакъахьа я ца ховш хиннав ХІало.

Сов дукха сигала лийнна хинна цун кховзткъа кхо баьри барзкъа тишвенна хиннав. Цу шин йоІага аьннад ХІалос:

– ХьатІайоагІача укх бусса укх са кховзткъе кхаь баьречоа дегІа гІаьхьа долаш барзкъаш тийгар югаргья аз сайна.

Бийсанна, малх боацача хана, сигала лела бокъо йолаш хиннаяц Маьлха Аза. Села Сатий хиннай из бокъо. ХІалой кховзткъа кхо баьри дІавижача цІагІа чуяьнна хиннай Села Сата бІарга ногІар тохача юкъа. Из юкъ теай цунна хІарача баьречунна дегІах ло баккха.

Сайрийна дІаболабаь болх Іуйранна чакхабаькккхаб Села Сатаси Маьлха Азаси. Цар тийга хинна барзкъаш дІаденнад цу кховзткъе кхаь баьречоа. Маьлха Азас дІаденна хиннад деррига барзкъаш, ше-шийна дикагІа товр тІадувхаргда оаш, аьнна. ХІаьта Села Сатас хІарача баьречоа ши-ший дегІага хьежжа тийга хинна барзкъа дІаделар.

Маьлха Азас тийга барзкъаш цхьаннена дегІа гІаьххьа хиннад, вокханна доккха хиннад, кхоалагІчоа зІамига хиннад. Села Сатас тийга барзкъа хІаранеча баьречоа дегІага хьежжа а долаш, гІаьххьа а долаш хиннад, Села Сата котъяьнна хиннай.

ХІалос Села Сата дІайигай шийна, Маьлха Аза йигаяц.

Нагахьа санна бийсанна лела Маьлха Азай бокъо хиннаяларе, цу баьрешка из хьежа яларе, тІаккха мара бокъонца ховргдацар царех говзагІа малагІа я.

СПОР МЕЖДУ СЕЛА САТОЙ И МЯЛХА АЗОЙ

Бог Хало [1] владел небом. В его дружине находилось шестьдесят три воина. Наступил срок ему жениться. Он находился в сомнении, не зная на ком жениться, потому что в мире были две прославленные девушки – Села Сата и Мялха Аза [2]. Кого из них выбрать, он никак не мог решить.

Его шестьдесят три нарта столь долго ходили в походы по бескрайнему небу, что одежда их основательно пообносилась. Необходимо было одеть воинов во все новое.

И тут Хало сказал тем прославленным двум девушкам:

– Я женюсь на той из вас, которая в одну ночь сошьет для моих шестидесяти трех нартов одежду, которая каждому из них была бы впору.

Ночью, когда нет солнца, Мялха Аза не имела права никуда выходить, поскольку ее жизнь была связана с солнцем. Но этот запрет не касался Села Саты, поэтому она в полночь вошла в палаты, в которых спали те шестьдесят три нарта, и в одно мгновение на глаз сняла с каждого из них мерку.

Утром засели и к вечеру закончили шить Села Сата и Мялха Аза. Сшитые одежды отдали тем шестидесяти трем всадникам.

Мялха Аза, отдавая сшитую ею одежду, сказала:

– Пусть каждый наденет то, что ему впору.

Села Сата же каждому всаднику отдала именно для него сшитую одежду.

Сшитое Мялха Азой кому-то оказалось впору, а кому-то великовато, а другому маловато. А вот сшитое Села Сатой каждому нарту оказалось как раз по нему. Села Сата победила в этом деле. Хало женился на ней, а не на Мялха Азе.

Но вот если бы Мялха Аза имела право ходить по миру и в ночное время, и если бы она хотя бы краем глаза сумела глянуть на тех нартов, вот тогда только и можно было бы точно узнать, которая из двух девушек более искусна.

В 1994 году от 68-летнего беженца из села Яндиево Мусы Терсботовича Албакова записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: Сердало. 1999. 29 апр.; ИССП. С. 255.

[1] *Хало (ХIало – по-инг.)* – бог неба. В горной Ингушетии имеются развалины храма *ХIал-ерда*. В обрядовой песне вызывания дождя также обращаются к богу Хало. По имени и функции этот бог напоминает урартского бога Халди (см. МЛВ. С. 11).

[2] *Маьлха Аза* – дочь Солнца Аза.

* * *

55. СОЛСЕИ ПАТАРЗИ

Гаьнарча мехкара цIабоагIар Солсеи Патарзеи. Цхьан йоккхача шахьара гIолла болхар уж, кхы а ялх орстхо а шоашца волаш. Жербабий цIагIа бийса яккха сайцаб уж. БIаьхача наькъах чIоагIа мецбенна а хиннаб. ХIаьта жербабас кха хьалъэллар бIарчча уст чубода ей. Цу чу хий а детта, тIаккха дулха кхо пIенда билаб. Цул

тIехьагIа кхаь пIелгаца хьоар хьа а ийца, из цацах чакхдаькккхад. ТIаккха маькх хье эттай. «ЭгIаяьй ер! Моцал хьогаш дола вай дулха цу кхаь пIендацеи кхаь пIелгаца хьаэццал мара кхы доацача хьоарацеи вай дузаде йоал ер?» – Аьнна, цецбаьннаб наьрташ.

ЦIаьххха хьалсайсача цу хьоаро бIарчча гий хьалдизад. ХIаьта цу кхаъ пIендарах ей хьалбизза дулх а хилар.

– Ер ма томаш я! – оалаш, цецбувла баьннаб уж,– кхаь пIендарах ей хьалбузаш дулх хьа ма хиларий, хьаэццал доацача хьоарах гий хьалдузаш бод ма хиларий. Фу бахьан да цу мел долчун? Оаха йоккха тамаш ю иззал кIезигача хIамах селлара доккха хIама хьахиларах, – аьннад цар.

– Дуне тIа хьалха иззамо беркат хиннад, Хамчий Патарза нанас валехьа хиннача замах. Цу хана бийнача истара кхо пIенда ба ер, хьоар а да Хамчий Патарза укх дунен тIа валалехьа хинначох диса. ХIаьта Хамчий Патарза укх дунен тIа ваьлча гIоне деррига беркат дайна дIадаьннад.

Хамчий Патарзас тIаккха хаьттар жербабийга:

– Бакъдий, Хамчий Патарза укх дунен тIа валарах дунен беркат дIадалар?

– Бакъда,– аьлар жербабас. Хамчий Патарза вовзаш хиннавац цунна.

– ХIаьта хIанз Хамчий Патарзана лейча, из хьалха хинна беркат юха а хьаметта отталургдарий? – аьнна, юха а хаьттар цо жербабийга.

– Из хац сона,– аьлар цо.

Цигара баьнна, цIабахар уж. Адамга хинна беркат шийна тIагIолла укх дунен тIара дIадаларах чIоагIа халахийтта хиннад Хамчий IIатарза. Шийна тIагIолла адама бала ца хилийтар духьа, дунен тIара дIавала лаьрхIад цо. Цудухьа,ше цIакхоаччашехьа а, гонахьа бахаш мел хинна нах оарцагIабаьхар цо хьунагIара дахча тIакхахьа, аьнна. ТIаккха деррига дахча доага а даь, цох тов а яькккха, гоннахьа лайсеш а оттадаь, ийккха цу товнашта юкъе этта, массанега лайсеш тайсийтад цо.

ЧIоагIача йIовхалах цIийденна болат санна хьахилар Хамчий Патарза дегI, хIаьта а Iоажало дIаэцаш хиннавац из. ТIаккха дог даттIаш санна аьлар цо: «Хи чу кхосса со, цигач чура са дIадала а мег са!» Хи чу кхессача, хьалха хинначул кхы а чIоагIагIа хинна дIаэттар из.

Ховш ма дий, Боткъий Ширткъа Iел а маьлха а ухаш хинналга. Iеле вига ше, аьнна, Боткъий Ширткъага дийха хиннад Хамчий Патарзас. Циггач ешап духьала дера цунна.

– Ханал хьалха венав хьо укхаз, цудухьа аз хьатIаэцац хьо,– аьннад ешапас.

– Ца эцаче, со дунен тIа валар бахьанце наха тIаэтта хинна къел дIаяькккха, ца йоаккхе, со укхаз соцаргва! – аьлар Хамчий Патарзас.

– Еррига къел дIайоаккхалургьяц сога. Цу къела цхьа дакъа лоаман бовхьамашта дуларгда аз, вож цхьа дакъа аз дутаргда кхалаш тIеи кхалнаха тIеи, ши дакъа дутаргда дерригача адама тIа. ХIаьта хьо, малх чубизалехьа ваьнна дIаваха веза укхазара!

Лоаман зIоаголаш кхы а малхо сийрдадаьха долаш юхаверза кхийр цун. Сайрийна, малх чубуззача хана йолча цу сердалонах оалаш да «Хамчий Патарза сердал», аьнна.

СОЛСА И ПАТАРАЗ

Солса и Патараз возвращались из дальней дороги. Они проходили через один большой город. Вместе с ними было еще шесть [1] орхустойцев. Все они остановились у одной престарелой вдовы [2]. С дороги они сильно проголодались. Между тем вдова налила воду в котел, вмещавший в себя быка, и бросила туда для варки три ребра. Затем она взяла из мешка щепотку муки, начала ее сеять и приготовлять чурек. «Что она за сумасшедшая! Неужели она думает накормить нас, голодных, тремя ребрами мяса и щепоткой муки?»

Вдруг щепотка муки наполнила целое корыто, а от трех ребер наполнился весь котел мясом. «Какое чудо! – удивились орхустойцы.– Из трех ребер наполнился котел мясом, а из щепотки – корыто мукой. Объясни нам причину этого! Нас очень удивляет превращение малого в большое».– «Такая благодать была до рождения Патараза Хамчи. Это ребра быка, зарезанного до рождения Патараза, и мука, смолотая тоже до рождения Патараза. Но когда появился на свет Патараз Хамча, вся эта благодать пропала».– «Неужели виновник скудности Патараз Хамча?» – спросил Патараз Хамча вдову. Она не знала его в глаза и отвечала: «Да!» – «Как же восстановить прежнюю благодать, и зависит ли это от Патараза Хамчи?» – спросил он вдову. «Не знаю!» – отвечала вдова.

Орхустойцы возвратились домой. Патараз Хамча был сильно опечален тем, что его появление на свете есть причина потери благодати для всего человечества. Он решил погибнуть, чтобы не носить на себе больше человеческих грехов. Поэтому по возвращении домой он позвал всех жителей, чтобы они привезли дров. Затем он нажег из этих дров углей и велел вокруг углей поставить меха. Он встал посреди углей и велел жечь их и поддувать мехами. Несмотря на ужасный жар, Патараз Хамча, хотя раскалился, но не умирал. Тогда он говорит с досадой: «Бросьте меня в реку. Может быть, вода отнимет душу мою!» Его бросили в реку и тогда он совсем окреп.

Известно, что Батоко Шертуко был посредником между этим светом и тем. Патараз Хамча попросил Батоко Шертуко, чтобы он взял его с собой на тот свет. Их встретил Ешпор [3] (бог жертв). «Ты прежде времени пришел сюда,– сказал Ешпор Патаразу Хамче,– поэтому я не принимаю тебя».– «Если не принимаешь, то уничтожь скудость, порожденную среди людей из-за моего появления на

свет,– сказал Патараз Хамча,– иначе я останусь здесь!» – «Я сниму тольке часть скудости. Одну часть я оставлю на вершинах гор, другую – на кобылицах и на женщинах [4] и две части – на всем человечестве. Ты же должен возвратиться назад и прийти обратно до захода солнца!» Патараз Хамча успел возвратиться, когда еще на вершинах гор светило солнце,– и этот свет называется «свет Патараза Хамчи».

В горной Ингушетии записал Чах Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. 1875. Вып 8. С. 35; ГЭЧИ. С. 301; ССПЧИ. С. 300; ИССП. С. 324.

[1] *Шесть орхустойцев* – обычно в сказаниях нартская дружина состоит из шестидесяти или шестидесяти трех воинов. В фольклоре ингушей число 63 является эпическим.

[2] *Престарелая вдова – по инг. «жер-баба»*. Образ этой старой, мудрой матери и хозяйки дома по функции сближается с образом Села Саты.

[3] *Ешпор* – здесь имеет место единственный случай, когда сказочно-мифологическое существо ингушского фольклора «ешап» пишется как имя собственное и имеет окончание на «ор». Во всех остальных случаях произносят нарицательное «ешап» (см. ранее приведенный текст «Спор, разрешенный в царстве мертвых»).

[4] К этому месту Ч. Ахриев дает примечание, что по понятиям некоторых фанатиков, женщина никогда не удовлетворяется, а кобылица никогда не наедается.

Вариант этого сказания через четверть века после Ч. Ахриева был записан Б. Далгатом (опубликован: ЭО. М., 1901. № 1. С. 39).

* * *

56. ХАМЧИ ПАТАРЗ

Наха балийна кхелла хиннав Хамчи Патарз. Из укх дунен тIа валалехьа, кулгашца хьа а ийца, лаьтта тоIадича, цох даьтта Iододар. Селлара дика хьал хиннадар, ер дунен тIа валалехьа. ХIаьта ше укх дунен тIа валарца, цо дерригача адама боккха бала бена хиннаб.

Шийца дукха кхыъ-кхе нах а болаш, цхьа кхалсаг яхаш йолча цIагIа хьоашалгIа нийсавенна хиннав. Фусам-нанас шин коанах долча хьоарах яьча маькхо итт саг вузавир. Цох цецбаьннача хьаьшаша, ер мишта хинна хIама да хьа, аьнна хаьттача, цо жоп денна хиннад, из хьоар Хамчи Патарз укх дунен чу валалехьа хиннача хьоарах да, аьнна. Из хезача, дега сов бала Iеткъа, Патарз шийна теха вала велча, фусам-нанас, из соцавеш, аьлар: «Даьла кхелах хинна хIама да ер, Iа хьайна тохарах цхьаккха хIама хувцалургдац».

ХАМЧИ ПАТРИЖ

Хамчи Патриж [1] родился на несчастье человечества. Пока он не родился на свет, если брали землю в руки и давили ее, из нее текло масло. До того было хорошо жить до него! Он же, родившись, принес с собой несчастье всему человечеству.

Однажды Хамчи Патриж был в гостях у одной женщины, с ним было еще много других гостей. Хозяйка из двух пригоршней муки испекла хлеб, которого хватило на десять человек. Когда гости, удивившись тому, спросили ее, как она это сделала, то она сказала, что эта мука с того времени, пока еще не было на свете Патрижа. Тогда Патриж с горя хотел убить себя [2], но хозяйка удержала его, сказав: «Все равно теперь не изменишь этого, хотя бы ты и умер,– это воля Божья».

К этому тексту Б. Далгат сделал следующие примечания:

[1] У осетин *Хамыц* – отец Батрадза – нарта Хамчи – имя отца; *Патриж* – имя самого героя сказания.

[2] Замечательный альтруизм в воззрениях ингушей: человек, приносящий несчастье ближнему, не считает себя вправе жить.

К этому прибавлю то, что сообщил мне о *Хамчи Патриже* другой старик, Ганыж. По его словам, Хамчи Патриж жил еще во времена пророков. С его рождением пропал на земле баракят, т. е. благодать. Когда ему сказали, что баракят не восстановится и по смерти его, то он умер от досады.

* * *

57. ХАМЧИЙ ПАТАРЗИ МАЬЛХА АЗЕИ

Дуне тохкаш лелаш хиннав Хамчий Патарз. ЦIаьххa дуне баьддийрзад. Из иштта хиннад сармако малх дIалацарах. Малх дIа а кхаьлла, цхьанахьа кIоаргача чIоже хий IодоагIача паргIатбаьнна дIабижа хиннаб из. Фуд-малд ховш хиннавац Патарз. Цхьанахьара елхача кхалсага оаз хезай цунна. Малав-хьоагI укх акхача мехка велхаш-кадаш вагIаш, аьнна, оаз хьайоагIачахьа дIавахача, Патарза ейнай елхаш ягIаш йола Iалаьмате хоза йоI. ДегI мел гучара лир детташ хиннад цунах.

– Елхаш хIана ягIа хьо? Фуд хиннар? Со хьажа фуд? – хаьттад Хамчий Патарзас.

– ХIанз укх дуненна ираз дайра, сармако малх дIакхаьллар. Из хьамукъа ца боаккхе, йIовхал а хургьяц, е сердал а хургьяц. Деррига а хIалак хургда. АхIий, ахIий,– яхаш, йийлхай из йоI.

– Хьо мо тамашийна йоI хIанзолца сона ейнаяц. Малий хьо я? – хаьттад цо.

– Со я Маьлха Аза. Малхаца цхьана кхелла а йолаш, малх дIабаьлча яла а езаш. Сай духьа яхацар аз-ма, гунахьа доаца миска нах бала безалга дагадехача, дог этI са, бIаргаш хиха кхохкалу. Цхьаккха мегаргволаш турпал вий-те укх дунен тIа, цу сармаках латаргволаш, малх мукъабоаккхаргболаш? – хетта йолаелар Маьлха Аза.

– Со ва Iа вувца къонах. Хаьн улла тур мукхдуаш латт са, тIавагIа ди мекълуш ба са. Се Патарза яхаш а ва со,– аьннад укхо.

– ЦIихеза къонАх ва хьо. Аз дийшача жейнашка яздаь да сармак хьога боацар сагага эшалургболаш бац, аьнна.

Маьлха Азас аьннад мича уллаш ба из сармак. Никъ хьийхача дIавахав Патарз. Дукха водаш, кIезига водаш, дIакхаьчав из сармак уллача.

Деррига чIож хьалдизза уллаш хиннаб сармак. Цу чIожах IодоагIаш хинна хий цу сармака бага ухаш хиннад, цу сармака цIогах арадаьнна, дIахо дIадодаш а хиннад. Сармака кер чу боалла малх шелбеш хиннаб цу хиво. Иштта шелбеш ца хилча, малхо берригa кер боагабергбар цу сармака.

Воддашехьа а сармака букъ юкъе вессар Патарз.Тураца сармак цеста волавелар из. КорзагIабаьнна сармак хьайзза кхоссабенна, сигала хьалбахар, тIаккха цигара ма боаггIа Патарза IотIакхийттар. Бакъда, Патарза кхийра дIаоагIора эккха. Iам хиллал лаьттах къорг яккхар сармака. Патарза дIакхалла аьнна, тIахьийддар из. Ше ма водда цу сармака бага чу ийккхар Патарза. Маводда кер чу кхаьчар. Цу чу болча малхага букъ берзабаь, ше воагавейтаргвоацаш, сармака чура тур детта волавеннав Патарз. Малхо аьннад цунга:

– Со арабаллал дола доккха Iург доаккхалургдац хьога. Укхаз сона юхе, детталуш да сармака дог. Из дохадича мара лергбац ер сармак.

Хьал-Iо тур дийтта, сармака дог «паркх» аьнна хIалакадир Патарзас. Циггач чура са дIадахар сармака. Патарза еттаяла яьлар кхорзденнача дулха хьадж. Малх хиннабар из ший болх беш. Сармака букъ боагабеш тIа а баьнна, нийсса урагIа хьалбахар малх.

Деррига дуне сийрдадаларах хайра Маьлха Азайна Хамчий Патарзас малх мукъабаьккхалга.

Дукха ца говш вIашагIа уж кхийттача, Маьлха Азас аьлар:

– Фу даь, хьона баркал аргда аз?

– Со хьайна тоам болаш хете, сога яь еза хьо,– аьннад Патарзас.

– Со-м раьза яр, маьлхагара пурам деха езаш йола мара,– аьннад Маьлха Азас.

Яха малхага дIаааьннад цо, Хамчий Патарзас шийга йола а йоах, фу дича бакъахьа да ше ховш а яц, аьнна. Малхо аьннад:

– Катеххе дIагIолахь цунга. Сармака кер чу са йIовхалах согахьа цо букъ берзабаь хиннабале а, из визза къонах волга хайра сона.

Хамчий Патарзага маьре яхар Маьлха Аза.

ХАМЧИ ПАТАРАЗ И МЯЛХА АЗА

Нарт Хамчи Патараз проводил жизнь в походах. Как-то ехал он, и вдруг все вокруг покрылось тьмою. Оказывается, сармак-дракон проглотил Солнце, а затем прыгнул в глубокое ущелье, по которому протекала река. Хамчи Патараз не мог понять, что же случилось. Неподалеку ему послышался женский плач. «Кто это может причитать в столь дальней и безлюдной стороне»,– подумал про себя Хамчи Патараз и пошел на голос. Он увидел девушку необычайной красоты. От ее лица и рук исходило сияние.

– Почему плачешь? Кто тебя обидел и чем тебе помочь? – спросил он.

– Этот мир стал несчастным: ведь сармак проглотил Солнце. Если его не освободить, то не будет ни света, ни тепла. Все пропадет,– стала причитать девушка.

– Я до сих пор не видел такой удивительной девушки. Кто ты? – поинтересовался Хамчи Патараз.

– Я Мялха – Солнечная Аза. Родилась я вместе с Солнцем и жизнь моя закончится, когда Солнца не станет. Но плачу я не о себе, а о безвинных людях, которые ни за что ни про что погибнут без Солнца. Есть ли на свете нарт, способный сразиться с сармаком и освободить Солнце?! – воскликнула Мялха Аза.

– Я из таких нартов. Давно не была в бою моя сабля, и она стала ржаветь, конь мой также разленился. Зовут же меня Хамчи Патараз.

– Ты известный мужчина. Из волшебных книг знаю, что лишь только ты можешь убить сармака,– сказала Мялха Аза и указала ущелье, в котором лежит сармак.

Недолго шел Хамчи Патараз и дошел до сармака. Нутро у сармака горело от Солнца. Потому-то сармак лежал с открытым ртом. В него устремлялась горная река и где-то около хвоста вытекала и шла себе далее. Эта вода студила Солнце и не давала ему прожечь сармака и освободиться [1].

Разбежался и с обрыва прыгнул Хамчи Патараз прямо на спину сармака. Начал он саблею рубить его. От боли взвился сармак в самое небо, а оттуда ринулся прямо на Хамчи Патараза. Но он успел отскочить в сторону. Упав, сармак продавил землю настолько, что образовалось озеро. Раззявил он пасть, чтобы проглотить нарта. А Патаразу это и надо было. Он сам прыгнул прямо в пасть сармака и тут же очутился у него внутри, рядом с Солнцем. Чтобы оно меньше его жгло, Хамчи Патараз повернулся к нему спиною и стал изнутри рубить сармака.

Солнце сказало ему:

– Ты не сможешь прорубить столь большую дыру, сквозь которую я смогло бы выйти. Тут, рядом со мною, бьется сердце сармака. Руби его, и сармаку придет конец.

Нарт Петарза убивает сармака (дракона), проглотившего солнце
Рисунок М. Горлова

Хамчи Патараз так и поступил. Со всех сторон рубил он сердце и наконец уничтожил его. Тут же сармак дух и испустил. Хамчи Патараз почувствовал запах горящего мяса. Это Солнце прожгло спину сармака и взвилось прямо в небо на свое место.

Весь мир озарился, и тут Мялха Аза поняла, что Хамчи Патараз освободил Солнце и уничтожил сармака.

Вскоре они встретились, и Мялха Аза сказала:

– Как мне тебя отблагодарить?

– Если я по нраву тебе, выходи за меня замуж,– сказал нарт.

– Я-то согласна, но надо получить согласие Солнца,– ответила Мялха Аза.

Пошли они к Солнцу. Мялха Аза рассказала ему о сватовстве Хамчи Патараза.

Солнце ответило:

– Выходи за него не раздумывая. Хотя он от жары в чреве сармака и повернулся ко мне спиною [2], я все же не сержусь, потому что он настоящий нарт.

Мялха Аза вышла замуж за Хамчи Патараза.

В 1994 году от 68-летнего беженца из села Яндиево Мусы Терсботовича Албакова записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: Сердало. 1999. 29 апр.; ИССП. С. 265.

Подобно ингушскому Патаразу в кабардинском эпосе Батараз убивает дракона, перегородившего реку и выпившего всю воду.

[1] Ингушский миф «Сармак и солнце» иносказательно так повествует о борьбе между светом и тьмою, между добром и злом:

«Иногда мы видим, как «солнце схватили». Это огромный сармак – дракон – преследует солнце с того дня, как Бог пустил его по небу. Сармак любит темноту и потому ненавидит солнце, наберет в себя сармак морской холодной воды и проглатывает солнце. Но недолго солнце находится в его чреве. Оно раскаляет нутро сармака, прожигает его брюхо и вновь уходит на небо, а сармак лежит в море и ждет, пока заживет его брюхо.

Иногда люди начинают пугать сармака: стреляют вверх, бьют по медной посуде, кричат. Все это пугает сармака, и он отступает. Однако говорят, что когда-нибудь придет время и солнце не справится с сармаком. Тогда Бог убьет его». (Опубликовано: МЛВ. С. 101).

По всей вероятности, сказание о Хамчи Патаразе и Мялха Азе в прежние времена рассказывалось с учетом того, что слушателю хорошо известен вышеприведенный миф.

[2] Солнце здесь дает понять, что повернуться к человеку спиною является признаком невоспитанности и проявлением неприязни.

* * *

58. УРУЗМАНИ, ОРЗМИИ, СОЛСЕИ, ХАМЧИЙ ПАТАРЗИ

Цкъа чарахье баха хилар Урузмани, Орзмеи, Солсеи, Хамчи Патарзи. Цхьаккха хIама ца ювш, бIарчча ди доадир цар. Фос йоацаш ераш цIабоагIаш, цIаьхха наькъа тIа гучаийккхар пхьагал. Урузманас йийр из. «Ма хьашт доацаш йийр аз ер пхьагал! Ма бала ба ер! ХIанза вайна юкъе из пхьагал мишта екъаргья? Аз дIакхессача бакъахьа я ер!» аьлар Урузманас. «Аз цхьа хIама хьехаргда хьона, Iа из тIаэце»,– аьлар Солсас. «Iа ер пхьагал дIакхосса оале а, цу гIулакха а раьза хургва со»,– аьлар Урузманас. «МоллагIа цхьа тIехьдаьнна тамашийна хIама хьадаьчоа дIале из пхьагал». «Цу деша со раьза ва»,– аьлар Урузманас.

Кисара ши пхо хьа а ийца, Солсас ший тIаьр юкъе тоIабича, нийсвенна зIамсаги хоза йоIи хьахилар царех. Пхьагал кийчъе болабелар уж. Болх баь уж баьлча, Солсас юха а тIаьръюкъе вIашкатоIабича, юха а пхорч хилар царех.

«ХIаьта хIанз Iа а, Хамчи Патарз, тамашийна хIама е хьаде, е хьадувца!» «Фу дувцаргда шоана? Гаьнарча мехка вахачара цкъа цIавоагIаш аз,– дувца волавелар Хамчи Патарз,– чIоагIо йир: са ди дIаэттача, бийса яьккха соцарг ма-в со, аьнна. Цхьа къаьнача жерочун коага ди дIаэттар.

– Миска со бо дагадехача хьона баркал хилда,– оалаш, жерочо геттар дика тIаийцар со.

Пхьор диачул тIехьагIа цхьан цIагIа къаьст-къаьста дIадийшар тхо. Бийса юкъе яха йолаш, цун меттага вахар со. Жерочо аьлар:

– Йита со! Сай мар кхелхачул тIехьагIа хьона дагадоаллар дицденнад сона.

Цкъарчоа юхаваьлар со, тIаккха шозлагIа а гIетта, цунна тIакховда велар со. ХьалгIеттача цо, гIайба кIалхара шод хьа а ийца, аьлар:

– НаIар тIехьашка улла зуд хийла хьох!

Сох жIали хьахилар. Массанахьа цIи дIаяхар са. МоллагIа цхьа жIали хоастаде дага волчо оалаш хулар:

– Хамчий Патарзах хьахинна зуд санна дика да ер жIали.

Лоамашка дажаш хиннача жа Iулашта бертий чIоагIа тIакхувдаш хиннаяр. ТIаккха Iуй леткъа болабелар же даьшка:

– Хамчий Патарзах хьахинна зуд жерочо тхона хьа ца лой, берташа ер деррига жа тийда хIалакдергда.

Жерочо со царна дIавелар. Лоам со дIавигача хьалхарча бийсах хьатIаяхка хиннача берташка цIогIа техар аз:

– Хамчий Патарзах хьахинна зуд да со! Хьадухьала яла!

Берташа согахьа лерг хьокханзар. ТIаккха царна тIакхийттача аз, йийна ялх бордз Iойилар. ВорхIалагIча къаьнача берза, со цунна тIакхийттача, аьлар цо:

– Кхо дош алийта сога. Къаенна со борз ерах хьона фу пайда ба. Аз цхьа дика хьехам бергба хьона.

– Фуд хьа сона хьеха? – хаьттар аз.

– Ер йийна уллаш ялх борз я. Кхоана Іушта юкъе къовсам барг-ба, сайи, сайи жІале йоаяьй ер бертий, яхаш. Іа ер йийна ухкараш когашта хьалъурагІа оттайича, деррига жІалеш дІадовдаргда.

Дийна шоаш йолаш санна аз уж йоаяь бертий хьалъура оттайир. Деррига жІалеш дІай-хьай дайдар, со берташта тІакхийттар.

– Бокъонца укх жІале йоаяьй уж бертий,– аьлар сох Іуша.

Сона шура увттае баьлар уж, хІаьта аз цхьанна хІамах мотт тохацар.

– Жерочоа чІоагІа боча да ер жІали. Цунна юха дІадала деза из,– аьлар Іуша.

Жеро йолча дІадигар со. Цигач а хІама яаяланзар сога.

– Фуд аз хьона де? Фусамда воацаш яхаш я со, хьо доацаш а йоахалургья со! – аьнна, ког техха со дІа а дахта, дІайижар из.

ТІаккха шорттига гІайба кІалара шод хьаэза, сайна из хьатІатохаш, болх бича, ма варра Хамчий Патарз хилар сох. ТІаккха шод жерочоа а тохаш, аьлар аз:

– Шолох яхача говрий фух йола кхал хийла хьох!

Кхал хьа а хилар цох.

– Иштта да-кха соца хинна хІамаш,– аьлар Хамчий Патарзас,– хІанз, Орзми, Іа дувцал вайна моллагІа цхьа тамашийна хІама.

– Сои цхьа кхалсаги вІаший чІоагІа дезаш хиннадар,– дувца волавелар Орзми.– Оаха дув биабар цІаккха вІаший къастаргдац, аьнна. Цхьан цамогарах из елар. ЧІоагІача гІайгІане ваха хилар со. Езаеннача кхалсага бахьан веннав ер, аьнна, наьха йоахарех сона эхь хийттадецаре, сайна теха лергволаш хиннавар со. Кхал, маІа, гаргара мел вар хьавІашагІакхийттар цу таьзета. Цхьан же-рочун кхалнаьха барзкъаш а дийха, истий тоабанца цу таьзета вахар со. Енначун дакъа коа юкъе уллар. Истий цІагІа чубийхар, со коа висар. Езачун дакъа гуш, сайна дага хиннар кхоачашде лаьрхІар аз: сай езаргах цІаккха къастаргвац-кха со, аьнна, цун мерчена дІаюкъе хьулавенна, дІавижар со. Юхахьакоа баьннача фусамдаьшта хийттар: дакъа дийстад, сихагІа дІадолла деза, аь-нна. Езача кхалсагаца цхьана каша се волаш раьза вар со. Циггач цхьа текхарг каша чу баьлар. Бий бийтта, бийна дІабаькхар аз из. Цхьа ха йоалаш кхы а цхьа текхарг гучабаьлар. Бийна улла текхарг бІаргабейна юха а баха, цхьа юкъ йоалаш хьаюхабера из ший бага цхьа буц а яхьаш. Бийна уллача текхарга тІагІолла цо из буц Іохьекхача, из дийнбелар. Текхаргашта етта волавелар со. Уж каша чура дІадахар. «Укх баьцо текхарг дийнбаь болаш, са езар дийнъергьеций-те укхо»,– аьнна, уйла ессача, дакъанна тІагІолла буц Іохьекхар аз. Дийн а енна, цо аьлар:

– ОагІув лозабаьннаб са, дукха иллачоа тара да.

Цу кхалсагаца мел хиннар дувцаш, кашара даьнна дІадахар тхо. ХІанз са йолаш йола сесаг сона езаш хинна из саг я.

Ялалехьа цун хиннача маро, хьацIаейта ший сесаг, аьлча, аз цунга хаьдде дIаоалар:

– Хьай сесаг каша ма еллайий Iа!

Из да-кха соца хиннар. Саг дийнвенна моттиг хIанзолца хиннаяц.

Берригаш а раьза а хинна, пхьагал Орзмена дIаелар.

УРУЗМАН, ОРЗМИ, СОЛСА И ПАТАРАЗ, СЫН ХАМЧИ

Урузман, Орзми, Солса и Патараз, сын Хамчи , отправились на охоту. Целый день они напрасно прогуляли и ничего не убили. Когда они шли с неудачной охоты, Урузман на дороге убил зайца.

– Напрасно я убил этого зайца! О горе, что я убил его! Как я разделю его между нами? Лучше бросить его на дороге! [1] – сказал Урузман.

– Я тебе дам совет, но не знаю, как ты его примешь,– сказал Солса.

– Если ты посоветуешь бросить его на дороге, то этим я буду доволен,– сказал Урузман.

– Ты отдашь зайца тому, кто сделал что-нибудь удивительное.

– Я на это согласен,– сказал Урузман.

Тогда Солса вынул из кармана две пули, пожал их в руке – и у него очутились на ладони красавица и юноша[2] и стали чистить внутренность зайца. Когда они закончили работу, Солса пожал их в руке – и они опять превратились в пули.

– Ну, теперь, Патараз Хамча, сделай ты что-нибудь удивительное, или расскажи что-нибудь удивительное!

– Что же вам рассказать? Однажды возвращался я усталый с дальней дороги и дал слово, что остановлюсь у того, к кому конь меня поведет. Конь мой остановился у двора вдовы. «Спасибо, меня сироту, вспомнил!» – сказала вдова и угостила меня самым лучшим образом.

После ужина мы легли спать в одной сакле на двух постелях. В полночь я встал и подошел к ее постели, но вдова сказала: «Оставь меня! Я уже забыла заниматься тем, чего ты хочешь, после смерти своего хозяина». И я должен был оставить ее в покое. Во второй раз я встал и опять пристал к ней. Тогда и она встала, взяла из-под подушки плеть и сказала: «Да превратишься в суку, лежащую возле двери!» И я превратился в собаку [3]. Я прославился в целом крае, и народ говорил о какой-нибудь собаке: «Хороша, как сука, превратившаяся из Патараза Хамчи!».

В горах паслось несколько стад, и волки их страшно истребляли. Пастухи должны были обратиться к хозяину: «Если нам,– говорили они,– вдова не даст суку, превратившуюся из Патараза Хамчи, то все стада будут уничтожены!» Вдова дала меня. В ту ночь, когда я пришел в горы, волки подступили, и я закричал:

«Я сука, сделавшаяся из Патараза Хамчи! Подходите к стадам». Волки подступили, я бросился на них, задушил шесть штук и набросился на седьмого, старого волка. «Дай мне сказать три слова! Какая польза, если ты убьешь меня – старого волка? Я тебе дам полезный совет» – «Какой совет ты дашь мне?» – «Здесь убито шесть волков, и завтра пастухи будут спорить о том, чья собака убила волков. Ты поставь тогда всех волков на ноги – и собаки разбегутся в разные стороны». На другое утро, правда, был спор: чьи собаки убили волков. Спор кончился тем, что пастухи поставили волков на ноги, как живых. Собаки разбежались, а я бросился на волков. «Правда,– говорят пастухи,–эта сука убила этих волков!» Они стали давать мне молоко, но я ничего не ел. «Любимую собаку вдовы надо отправить домой»,–сказали пастухи. Меня отдали вдове. У хозяйки я тоже ничего не мог есть. «Что я буду делать? Я живу без хозяина, могу жить и без тебя!» Она толкнула меня ногой и легла спать. Тогда я потихоньку взял плеть, ударил ею себя и превратился опять в Патараза, сына Хамчи; потом я ударил вдову и сказал: «Превратись в кобылицу шалуха!»[4] – и она превратилась. Вот, что со мной случилось! – сказал Патараз, сын Хамчи.– Теперь тебе, Орзми, пора рассказать что-нибудь удивительное.

– Был я раз влюблен в женщину, и она тоже любила меня. Мы поклялись не расставаться никогда. Она умерла от болезни; я ужасно был поражен горем. Только один стыд – умереть из-за смерти любовницы – удерживал меня от самоубийства. Все родственники и знакомые, как мужчины так и женщины, собрались ее хоронить. Я попросил у одной вдовы одежду и, одевшись в женское платье, отправился вместе с другими женщинами на похороны. Труп ее лежал посреди двора. Всех пригласили войти в саклю, но меня нет. Я остался на дворе. Увидев труп своей любовницы, я решился исполнить клятву – не расставаться друг с другом. Я лег с ней и укрылся ее похоронным саваном. Вышедшим на двор хозяевам показалось, что труп ее распух, и они решили скорей похоронить ее. Лежа в могиле,[5] я был доволен, что исполнил свою клятву. Вдруг приползла в могилу змея. Я стал бить ее кулаком и убил. Через некоторое время приползла другая змея. Увидев, что первая лежит, она поползла обратно, но, спустя немного, возвратилась в могилу с травой и провела по телу убитой змеи. Змея ожила. Тогда я опять стал бить их, и они выползли из могилы. «Если эта трава оживила змею, то отчего ей не подействовать на мою возлюбленную?» – подумал я и провел травой по трупу. Возлюбленная ожила и сказала: «У меня бок болит, должно быть, я долго лежала».

Разговаривая о том, что с ней случилось, мы вышли из могилы. Теперешняя моя жена – та самая любовница. Прежний муж требовал ее обратно. Я только одно говорил: «Ты ведь похоронил свою жену!» Вот что случилось со мной! Не было еще примера, чтобы мертвый ожил!

По общему решению, зайца отдали Орзми.

В горной Ингушетии записал Ч. Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. 1875. Вып. 8. С. 33; ГЭЧИ. С. 290; ССПЧИ. С. 244; ИССП. С. 275.

Имена Урузман и Орзми представлены в местном фольклоре лишь в этом единичном случае, хотя Ч. Ахриев и пишет, что это имена известнейших героев ингушского нартского эпоса.

Из четырех героев этого сказания трое творят чудеса (или они происходят с ними). Роль же Урузмана ограничена лишь тем, что он убил зайца.

[1] Горестные восклицания Урузмана по поводу того, что он не сможет поделить зайца между четырьмя охотниками, объяснимы тем, что в прежние времена у ингушей существовали строго регламентированные правила деления охотничьей добычи. Нарушивший эти правила навлекал на себя всеобщее осуждение.

[2] Солса из двух пуль сотворил девушку и юношу, затем их вновь обратил в две пули. Способность творить разные чудеса присуща Соска Солсе.

[3] Собака как верный друг охотника и скотовода в прежние времена пользовалась уважительным к себе отношением. Лишь с принятием ислама появилось пренебрежительное к ней отношение, как к нечистому животному.

[4] *Шалуха* – название лучшей породы лошадей (*примеч.* Ч. Ахриева). Эта порода коней была выведена кабардинскими князьями Шолоховыми.

[5] В древности ингуши клали тела покойников в склепы. Здесь, по всей видимости, имеется в виду такое захоронение, о чем свидетельствует свобода действий, проявляемая героем сказания.

* * *

59. ОРШАМАРА АЬРШ

Вахаш хиннав кхо доттагIа: Сеска Солсеи, Батар Ширткъеи, Оршамара Аьрши. Дика доттагIий хиннаб уж.

Оршамара Аьрша ший сил дукхагIа езаеннай цхьа хозал яла йоала йоI. ФуннагIа дича а укхунна из йоI хьалуш хиннаяц. Из йоI йоацар, кхы саг йоалаергьяц ше, аьнна, чIоагIо яь хиннав из.

ЦIаьхха йоI еннай. Цу йиIий цIагIа чулаьттача гIарбашага, дика хIама а енна, аьннад Оршамара Аьрша:

– Цу йоIа мерчи хьоарчадеча хана, сага ца хойташ со а цунца цхьан мерче юкъе хьоарчавелахь.

Оршамара Аьрша аьннача бесса гIарбаша да а даьд. Цу йоIаца каша виллав ер. Каша къайлачул тIехьагIа ший алмаза шалтаца мерчи дохадаь хьа а ваьнна, йоIа юххе Iохайнав из. Сагота уйлане ер вагIача хана, дакъа даа аьнна дагаболаш моакхаза текхарг бенаб. Оршамара Аьршас алмаза шалта йийтта масейтта дакъа даьд цох. Цхьа кIеззига ха яьннача гIолла хьабенаб кхы а цхьа моакхаза текхарг. Вийна улла ший новкъост бIарг а вайна, юха-

бийрза бахаб из моакхаза текхарг. Цхьа ха яьннача гIолла бага дошо бурилг а йоаллаш юхабенаб. Ший новкъоста бийна уллача текхарга мел дола дакъа хетт-хетта Iо а дилла, шалта мел кхийттача из дошо бурилг хьокхаш дийнбаьб. Из бIаргадайнача Оршамара Аьрша шаккхе текхарг бийна дIабаькхха, дошо бурилг хьа а яькхха из бурилг хьекхай йоIа. Бордех хьекхача садаха йолаеннай йоI, бIаргех хьекхача бIаргаш хьалекхад, кулгех, когех хьекхача дийнъенна дIаяхай.

Каша аьхка хьалъара а баьнна, мари сесаги долаш баха хайшаб уж.

ОРШАМАР АРШ

Жили некогда три друга: Сеска Солса, Батар Ширтка и Оршамара Арш. Они были хорошими друзьями.

Больше, чем свою душу, полюбил Оршамар Арш одну «от красоты умирающую» девушку. Что бы он ни делал, эту девушку не отдавали за него. Он поклялся, что не женится ни на ком, кроме нее.

Внезапно девушка умерла. Оршамар Арш сказал гарбаш [1] этой девушки: «Когда будешь девушку одевать в саван, не давай никому знать об этом, и меня с ней завернешь в саван». Сказав так, он хорошо ее одарил.

Гарбаш сделала, как сказал Оршамар Арш. Вместе с девушкой его положили в могилу. Когда могильник закрыли, он разрезал саван своим алмазным кинжалом и сел возле любимой девушки. Он сидел горестный и задумчивый. В это время приползла кремневая змея [3]. Оршамар Арш разрубил ее на несколько частей. Немного погодя показалась еще одна кремневая змея [2]. Увидев убитого друга (змею), она уползла обратно. Через некоторое время она вновь приползла, держа во рту золотой шарик. Положив все части убитой змеи одну к одной, она потерла золотым шариком все места, которых коснулся кинжал, и оживила ее.

Увидев это, Оршамара Арш убил обеих змей, забрал золотой шарик и прикоснулся им к девушке. Провел по губам – дышать стала, провел по глазам – глаза открыла, провел по рукам и ногам – ожила и встала. Они вышли из склепа. Потом они поженились.

В 1964 г. от 57-летней жительницы гор. Грозного Фатимы Ханиевой записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: Утро гор: Альманах. 1965. №1. С. 56; ГЭЧИ. С. 295.

[1] *Гарбаш* – здесь служанка, рабыня.
[2] *Кремневая змея* – имеется в виду ее цвет.
[3] Сказительница и ее сестра Шишха утверждали, что приведена лишь часть более развернутого сказания, в котором рассказывалось о деяниях упомянутых героев – Батар Ширтки и Сеска Солсы.

* * *

60. НАЬРТ ХАМЧЕИ ЦУН ВОІ ПЕТАРЗИ

Фаьрг яхача наьрта воІ хиннав Хамча. ДегІа сов тенна волаш, моллагІча говро ловш хиннавац из. Цудухьа цун ший хиннаб Іарбий мехкара боалабаь инкал миссел бола ди. Наьха говраш, нек а деш, Тиркал дехьа ювлача хана, цун ди, латтачара кхоссабеле, вокха берда тІа кхоачаш хиннаб, тІаккха юхакхоссабеле, ше хьалха лаьттача Іоотташ хиннаб. Боккха лоам бедда боагІаш санна хеташ хиннад Хамча говра хехкка воагІача хана. Наькъ тІа духьала мел нийсавеннар, Хамча воагІаш гаьннара бІаргавейча, ийккхе наькъ тІара дІаводаш хиннав, сов унзара ваьле. Шийла тІеха къонах вац, аьнна, тийша хиннав Фаьргий Хамча. Цкъа хехка водаш, бІаргабейнаб цунна гаьнна багІа цхьа лоам. Теркаш хиннаб из. Ер фуд, аьнна, цецваьнна вола Хамча дІатІавахача, из хинай хи йисте Іохайна ягІа цхьа вампала сесаг. Тха хьувзаш ягІай из. ЙоачІинг хиннад цун вордингa меттел хьаьркхера боаллаш.

Гаьнна бажа ший ди дІа а хийца, тебба тІехьашкара тІавахав из цу вампала сесага. Когабухьара а этта, халла тІакхаьчав из цун наькха. Сихха из бага а белла, вакхаш санна цхьа къург баьб Хамчас, тІаккха дІаюстараийккхав. Ший саготдер моза ба мотташ, хьалостадаь йоачІинг техад цо ший букъах, хьаьркхера а болаш. Хамча юстараийккхавецаре, цицха хинна хургдар цох.

– Хьай воІ ве йоаллар хьо, со ма варий хьа наькхах векхар, хьа энчик ма вий со хІанз,– аьннад Хамчас.

– Волче де хІама дац. Дика дар вецаре, тІаьръюкъе хьокхаваь, дом баь дІавоаккхаргвар аз хьо,– аьннад.

Цхьацца дувцаш багІаш, Хамчас хаьттад:

– Сона де дика дий хьа?

– Даьра да,– аьннад вампала сесаго,– сай энчика саг йоалаяр да. Вампалий аьла хулаш ва са воша, хьа дегІара хургйолаш, лоха йоІ я цун кхийна. Цул хозагІа хІама дац е сигала а, е лаьтта а. Из мегаргйий хьона?

– Мегаргья, Іа яхар из яле, катеххе хьайоалаел из сона,– аьннад Хамчас.

– Цхьа хІама да цига,– аьннад вампала сесаго,– ший из йоІ цаІ мара ца хиларах, цун дас кхеяьй из къонах кхевеш санна: латар, тохар Іомадеш, кІалкхетаргах летаеш. Кхокха я цун цІи. Дош денна я из: кІалтохаргах шийх латаш, шийла котваьнначунга мара, кхычунга маьрел дергдац ше, аьнна.

– Из вайга товш хІама да,– аьннад Хамчас.– Цкъа хьадухьала яькхка Іа из, тІаккха ховргда вайна.

Да чІоагІа раьза хиннав цу гІулакха. Ший йоІ дукха цІагІа ягІаш хиларах, цох лата вухьаш цхьаккха саг хиннавац.

Хьадухьала йоалаяьй Хамчийна из йоІ. Сов из хоза йолаш, цкъарчоа лоацвеннача висав Хамча. Ше майодда тІакхийттача

Кхокхас, айваь, кхоставаь, хьалъурагIа вихьав Хамча. Цигара Iочувоагlашехьа а ший дегIа дозалца йиIийна IотIавежав из. Цун дозал лоа ца луш, йоI цхьан кога тIа яхай. Бокъонца дIалетаб ераш тIаккха. Хамча атта котваргволаш хиннавац. Бакъда, цкъа Хамчий ка а яьнна, йоI лаьтта яхай. Хамча котваьннав. Хиннар фуд, аьлча, Хамча сов куст долаш хиларах Кхокхийна везавенна хиннав из. TIаккха ше латарах эшаш санна кеп оттаяьй йоIо. Вешта цо из эшаергьяцар. КIира, бетта аьлий коа ловзар лаьттад. Берriга мохк вIашагIатеха, берriга наьрташ гулбаь, доккха хьоалчагIа даьд Хамчас а. Саг цIа а йоалаяь, баха-текъа Iохайшаб Хамчеи Кхокхеи.

Цхьан метте дукха сатуврех хиннавац Хамча. Аькхе вода, аьнна, гаьнна лоамашка дIавахав из. ХIаьта ха деза, Кхокха дукхача хана денза дагайоаллаш хиннавар Накъий лоха Бошголг. Из ше мишта хиннав, аьлча, дегIа бер миссел мара кхы лакхагIа воацаш, жIалеи вireи батамаш хозагIа хетаргйолаш, иштта ийрча а волаш. Белгалдаккха деза цаI, ший дегIала пхезза йIаьхагIа йолаш, дIаягIаш модж цун хилар. Латарцеи тохарцеи цхьаь цхьанне эша ма волва ер, аьнна, жожагIатара вайтача санна вар.

Хамчах кхераш хиннав Накъий лоха Бошголг. ХIана аьлча, яздаь хиннадар Хамчийна тIагIолла, мичча хана цкъа из хIалакахургхилар. Цудухьа Хамчех чIоагIа лоралуш хиннав из. ХIаьта Хамчий цIен юхе кIийленна хайна вагIаш, из чарахье вахалга ха а хайна, корах модж чу а яхийта, цунца Кхокха лаьца а лаьца, хьаара а эза, дIаийккха вахав из, Кхокха а ийца. Лаьттах кIоаргга Iочуйодача хьагIара чу вахаш хиннав из Накъий лоха Бошголг. Кховзткъа саг гIертача а меттахьара йоаккхалургйоацача кхеран Iаькъаца дIакъувлаш хиннай цо из ший хьагIар. Цхьа говзал яь хиннай Кхокхо: Бошголго ше йодаеш, шийна тIахьерчаш хиннача цун моджах къайлагIа цхьацца чо хоада а беш, Iоккхоссаш хиннаб цо. Дийнахьа ца а гуш, бийсанна сийрда къегаш хиннад уж чеш.

Шиъ тIаьнкIалеи цаI ги беллаи, кхо сай а бахьаш, цIакхаьчача, Хамчана цIагIа кораяьяц Кхокха. ДIаудаш, хьаудаш, из лехаш ер лелашехьа баьдйийрзай. TIаккха цхьанахьа лир лепаш дайнад укхунна. ДIатIаваха эйбича, из Бошголга чо болга хайнад Хамчана. Цунна хьалхе а хеза хиннадар Бошголга мосаш лепаш я, аьнна. ДIахо дIагаьнваьлча, кхы а лепаш бола чо байнаб укхунна. Иштта ер водаш, бийса дIаяхай. Юххера лоама цу бердаца латтача кхеран Iоакъа тIанийсвеннав Хамча.

МIарг техха, кулла мо сигала урагIаяхийтай цо из Iоакъа. Хьаара а ийккха,Хамчана хьадегIала а вена, летав Бошголг. ДIаболабелар лира тIом. Бошголга лестадеча турал новкъагIа хиннай Хамчана цо хьатIаетташ хинна модж. БIаргашта тIаетташ, Хамчий бIаргаш кхоалладора цо. Циггач хьараийккхача Кхокхас, тIехьашкара тIакхийтта, аркъала вожавир Бошголг. TIаккха, Iа модж дIалацалахь, оалаш, Хамчас тур а, диг а, иштта кхы а ший мел дола гердз IотIадийттад цунна. Цхьаккха дарах, хIама хулаш

хиннадац, цхьаккха гердз латаш хиннадац Бошtолгах. Циггач фу даьд цар? Лаккха урагIа баха багIа цхьа попа хи, Кхокхас дIатIаяха кхоссаенна, тIера ткъоврош а лоацаш, хьакатеха, дIоахлуш, овланга кхаччалца из хи боаттIабаьб. Хамчас из Бошtолг цу баьттIача хена дIатIа а токхаваь, чIенгага кхаччалца цун модж баьттIача цу хена юкъе еллай. Кхокхас гаьнаш дIахийцача, хи вIашкабенаб. Бошtолга тамашийна йола модж тоIIаяь дIалаьца хиннай.

Пхьид мо ветталуш воалла из Накъий лоха Бошtолг, ловр хилда хьох, аьнна, цигач вита а вита, хьагIара чу цун мел хинна дошудотув хьа а ийца, болабенна цIабийрзаб Хамчеи Кхокхеи.

Накъий лохача Бошtолга наьна йиша гIам хиннад. Из йоацар кхы кхоаччар хIама диса хиннадац цу Бошtолга. Из ваа гIерташ, цох царг ца латаш,гонахьа хьувзаш дукха оакхарийи оалхазараши хиннад. Ший мерий тIа хайна ягIача къайгага цо аьннад: «Со ваа цхьаннена а могаргдац. Йолле, са наьна-йиша оарцагIа яькккха сона. Аз бIарчча говр ювргья хьона».

Яхача къайго оарцагIадаьккхад из гIам. Цхьа бIарг болаш, Iовда яхаш мар хиннав цун. Лоаман чхараш урагIа кхувсаш, чуеча, лаьттах уж чутеIаеш, селлара низ болаш хиннав из. ДIагIертача цу Iовдас из хи хьавIашагIа баькккхаб, Бошtолг мукъа а воаккхаш.

ТIаккха гIам даха Хамчана чуэттад, Хамчаней Кхокханеи чIоагIа таIазар де дага а долаш. Хамчий цхьа во оамал хиннай: шийга дIакхайкача, цу оагIорахьа дIаверзаш, ше цу юкъа латаштохаш вар-вацар аьнна, бе-башха доацаш. Из оамал зийнача гIамас Бошtолгага аьннад:

– Цу Хамчах дIалата шо, латаш доахкаш, со кхайкаргья цунга, из согахьа хьаверзаргва, циггач Iа цунна фоартах тур теххе из дIаваккха.

Чарахье вахачара цIавоагIача Хамчана ма водда тIакхийттав Накъий лоха Бошtолг. Ги баьллари тIаьнкIала даьхкараши, уж кхо сай дIабахийта, дIалетав Хамча а. Юха Бошtолгас Хамчий бIаргашта модж духьала етташ, новкъарло еш, кайоалаш хиннаяц цун. Цигача, кIийленна дагIачара, гIам кхайкад:

– Ва-а Хамча, со оарцагIа яла хьона?

– Хьа оарц эшаш хIама дац укхаза,– юхаверзаш аьлар Хамчас.

Циггач Бошtолга хьалхашка гучаяьлар Хамчий фоарт. Цох тур техха, Хамчий корта дIабахийтаб Бошtолгас. Шоай котало яьнна, халхабувлаш цIи а йийза, Хамчас чарахьара цIавоагIаш дена саьрч дуаш, сакъердаш уж болаш, Кхокхий цIен карта къайг ена Iохайнай. Бошtолго Iехаяь ена хиннай из къайг. Иштта а вешта да хьона, оалаш, из шийла кхаъ бенаб Кхокхийна цу къайго. Цу Бошtолгахи, гIамахи, Iовдехи ше лоархIалургйоацалга ха а ховш, дын тIа а хайна, дIаийккхар из лоамашкахьа, ший вампалаш бахача. ХIаьта, цар мехка баха бухьаш хиннабац е из гIам а, е из Бошtолг а.

БерагIа хиннай Кхокха. КIаьнк ваьв цо. Ший наьна керара воаллашехьа, керчча цIен юкъе боагача кхуврча юккъе Iохайнав из, дIай-хьай кхувдаш, шийна товнаш хьатIа а хьекхаш. Iай хиннад из. Кхокхо хьакатехе кхуврчала хьа а ваькккхе, лайла гIолла керчаваьв из кIаьнк. ХIаьта из ийккхе юха а кхуврчала ховш хиннав. ТIаккха нанас юха из хьа а ваькккхе, лайла гIолла керчаваьв. Цун дегI болат санна чIоагIденнад.

КIаьнках Петарза, аьнна, цIи тиллай цар. Цхьан ден кIира хьалкхувш, кIира бетта кхувш, кхийна дIаэттав Петарз. ДегI болата долаш хиларца, хIамах ца кхераш, ший нийсархой буташ хиннабац цо, царна етташи тохаши. ТIаккха цхьан бера нанас тIехтехад:

– Наха вийнача хьай даь пхьа лийхача толар хьона, тха берашта качъухачул.

Кхокхо дилла яхаш хиннадар Петарзийга, хьа да гаьннарча мехка дIавахачара вайна дIаваьннав.

– Хьо харца лийнай, са да вайнав, яхаш. Хьаала, малав из вийнар,– оалаш, тIагIертав Петарз.

Ала тугаш хиннадац нанас. ТIаккха аьннад Петарзас:

– Сайна теха лергва со, Iа хьа ца оале!

Де хIама доацаш, нанас деррига ма дарра дIадийцад. Долче, аьнна, ший кхоаччарчарга Петарзас аьннад: «Хьаба сона дикагIа бола ди, хьада дикагIа дола герзаш». Хьаденнад укхунна цо мел дийхар. ТIаккха вахача укхо Селий Сатийга хаьттад: «Мичахьа лохаргва аз Накъий лоха Бошолг?»

ХIама ховш, поал хехкаш хиннай из Села Сата. Ший бозбуачал а даь, фунехкадаьча метте ва хьа моастагIа, аьннад. Цигга дIакхаьча Iочукхайкав Петарз Бошолг вахача Iурга чу:

– Хьаараяьла можилг, хьа са эца дена малейк да хьона укхаза!

Цу Петарзий гIарах цусахьте хайнад Бошолга хьачукхайкар малав. ХьагIара чура дIацIогIа дахийта, кхайкав из гIамагеи Iовдагеи. ХьатIабайддаб уж, дIадегIала ухаш летаб. Хьалхашкара Бошолг хьалеташ, тIехьашкара Iовдас чхьонкар етташ, михаца дIай-хьай кхесташ, цкъа сехьара тохаш, тIаккха дехьара тохаш, гIам а хиннад маркъилг мо цига кхесташ. Петарзас гIам а дийнад, Iовда а вийнав. Бошолг верах хIама хулаш хиннадац, цхьаккха герз цох ца латандаь. Гамажа нахьарах даь цхьа доккха лаьжг хиннад Петарзага. Из Бошолг IовIашка а тоIаваь, цун ший можаца из хьоарча а ваь, вийхка цу лаьжга чу а велла, цIа а вена, кхийнах боаллача оарцах из лаьжг хьалъэллад цо. Иштта из уллаш, ший мар дага массаза воха, тIакхийтте Кхокхас гIадж хьокхаш хиннай цу лаьжгах, «Iиппали, са къина» оалаш, Бошолгага мухь хьокхийташ.

Пхьа лехалга мичад пхьа боаллар вийна дIа ца ваькккхача. Ваха, юха а Селий Сатаца дагаваьннав Петарза. Кхаь ден, кхаь бус поал хехкаш а яьгIа, Села Сатас аьннад:

– ДIай-хьай ца верзаш, иштта цу оагIора хьо дIавахача, цхьан беттаи ах беттаи Iа никъ бича, Тамаш-боарза тIакхоачаргва хьо. Керда бутт хьахулаш йола бийса лораергья Iа. Цу бус, цу гувна тIа яргья хьона цхьа унзара нана-борз. Яхка йоагIаргья из. Цо Iоергйолча берза кIаьза дега юккъе доал хьона Бошолга са. Из кIаза е еза Iа, наьнах якха ца якхийташ. Ца юй, Iа леладечох дош хургдац хьона.

Ийккха вахача Петарзас цхьан беттаи ах беттаи никъ баьб. Лаккха урагIа хьалбагIача Тамаш-боарзага кхаьчав из. Керда бутт хьахула бийса лораяьй укхо, кIийленна а хайна. Бийса юкъе яхача хана, ди детта а тIоа сега а даьннад. Ча миссел йоккха йолаш нана-борз цу боарза тIа яьннай. Яхка йолаеннай из. Наьна керара кIаьза Iойожашехьа, тIахьийддача Петарзас тур дийтта, дийтта нана-борз йийна Iойиллай. Цох якха берза кIазана мегадац. Из кIаза гале чу а елла, хехкка юха цIавахав ер. Циггач Накъий лоха Бошолг лаьжга чура хьа а ваькхка, хьахьажал, оалаш, цунна хьалхашка Патарзас из берза кIаза йийнай. Чура дог хьадаькхкад.

Велхеи кадеи волавеннав из бIеха Бошолг. Доккхача рузкъан да вергва аз хьох, яхаш хиннав. Петарза хьалхашка хьесталуш, из Iехаве гIерташ хиннав.

– Сай даь пхьа лех аз, ер да хьа бIеха са, Накъий лоха Бошолг! Хьахьажал укхох фу хул,– оалаш, лосттадаь, из берза кIаьзан дог Петарзас лаьттах техад, цицхаш хинна из дIадохийташ. Бошолг венна дIаваьннав.

НАРТ ХАМЧА И ЕГО СЫН ПЕТАРАЗ

Жил нарт Фярг и был у него сын Хамча [1], который был телом столь могуч, что не каждый конь выдерживал его. Поэтому у него был свой, особой арабской породы конь, величиною с верблюда. В то время как чужие кони только могли переплывать Терек, его конь с места перепрыгивал через Терек, а затем вновь прыгал на этот берег. Когда скакал Хамча, то его с конем издали можно было принять за гору. Все встречные, лишь только завидев Хамчу, со страха кидались в сторону. Уверился Хамча, что нет никого, кто бы его превосходил.

Как-то ехал он и вдали увидел слегка покачивающуюся гору. Удивился он этому и когда подскакал ближе, то узнал, что это у реки сидит великанша-вампал. Она пряла шерсть, к веретену у нее вместо пряслица был приделан огромный жернов. Чтоб не мешали работать, она груди свои перебросила через плечи, и они свисали у нее сзади до поясницы. В сторонке отпустил Хамча своего коня, а сам подобрался к великанше-вампал. Встав на цыпочки, он еле дотянулся до соска ее груди и быстренько пососал его, но тут же отскочил в сторону, ибо в этот момент великанша, думая, что ей досаждает муха, с размаху ударила себя по спине веретеном вместе с жерновом. Не отскочи Хамча вовремя, он был бы убит вдрызг.

– Ты что же, хотела убить своего сына? Ведь это я пососал твою грудь, и теперь я твой энчик [2] – молочный сын,– сказал Хамча.

– Теперь делать нечего, а не то я между ладонями тебя в пыль растерла бы,– сказала она.

Стали они мирно беседовать, и Хамча спросил:

– Могла бы ты для меня сделать что-нибудь хорошее?

– Конечно, могу,– ответила она,– могу женить своего молочного сынка. Мой брат является князем над вампалами. У него выросла ростом неказистая дочь, ну точь-в-точь ростом с тебя. Но красивее ее нет девушки ни на земле, ни на небесах. Хотел бы ты на ней жениться?

– Я не прочь. Сватай, если она такова, как ты говоришь,– ответил он.

– Но есть одно,– сказала великанша,– поскольку она у князя одна-единственная, он воспитал ее, как готовят сына к воинскому искусству. К тому же она дала слово, что выйдет замуж только за того, кто одолеет ее в борьбе [3].

– Это то, что нам надо,– сказал Хамча,– дайте-ка с ней побороться, и тогда увидим, как дела обернутся.

Отец девушки очень был рад этому случаю, поскольку дочь его уже засиделась в девушках. Ведь не было никого, кто осмелился бы с ней бороться.

Привели девушку. От ее красоты Хамча оцепенел, но девушка тут же стремительно бросилась на него. Кока – голубка – было ее имя. Схватила она Хамчу, крутанула и взметнула вверх. Тут только Хамча пришел в себя и всем своим могучим телом свалился на девушку. Она упала на одно колено. Сцепились они по-настоящему. Понял Хамча, что может проиграть этот поединок. Но вдруг он удачно свалил девушку наземь и стал победителем. А дело было вот как. Видным красавцем был Хамча, и Кока в него сразу же влюбилась. Поэтому она и поддалась. А так никогда бы Хамча ее не одолел.

Неделю, месяц длилась свадьба. Сначала на княжеском дворе, а затем, уже вернувшись домой, и на дворе Хамчи. На свадьбу собрались все нарты.

Стали они жить. Хамча был большим непоседой. Вскоре он отправился на охоту в дальние горы.

А надо вспомнить, что маленький человечек по имени Накий Лоха Бештольг (Накиев низенький Бештольг) [4] давно мечтал жениться на Коке. Сам он был не выше ребенка, а страшным был настолько, что морды собак и ослов были краше него. Была у него одна особенность: имел он бороду, которая была в пять раз длиннее его роста. Был он таким, словно его выпустили из ада, при этом сказав: «Да будет он вовек неодолим!» Но вот Хамчу он боялся, поскольку знал определенно, что придет время и он погибнет из-за Хамчи. Поэтому Бештольг остерегался его.

Засел Бошто́льг в засаде у дома Хамчи, и лишь только он отправился на охоту, Бошто́льг просунул в окно свою бороду, схватил ею Коку, вытащил наружу и припустил что есть мочи. Но Кока схитрила: когда ее Бошто́льг, перекрутив своею бородою, увозил в свои края, она незаметно отщипывала волоски его бороды и роняла их на земле. Жил этот Накий Лоха Бошто́льг в пещере, глубоко под землю уходящей. Вход в нее он прикрывал каменной плитой, сдвинуть которую было не под силу и шестидесяти силачам.

С охоты вернулся Хамча, няся трех оленей: двух под мышками и одного на плечах, а Коки дома не оказалось. Стал он ее искать вокруг, но не нашел. А тем временем стало смеркаться. Тут на земле он заметил какое-то слабое свечение. Подойдя, он увидел что свет идет от волоска. Подняв его, он узнал, что это волосок Бошто́льга. Когда-то Хамча слышал, что его волосы в темноте светятся. Далее он увидел еще один светящийся волосок, потом – следующий. И так, идя от волоска к волоску, он, наконец, дошел до пещеры. Увидя каменную плиту, Хамча пнул ее так, что она улетела в небеса. Выскочил Бошто́льг из пещеры и вцепился в Хамчу. Начался тут страшный бой. Не столько оружием, сколько бородою он избивал Хамчу, застилал ею ему глаза. Временами Хамча ничего не мог видеть. Но тут из пещеры выскочила Кока, схватила она Бошто́льга со спины и повалила его навзничь. Сказав Коке, чтобы она держала врага за бороду, Хамча стал бить его и саблей, и топором – ничто того не брало. Тогда вот что они сделали: схватила Кока рядом растущую чинару за вершину, дернула и расщепила ее ствол надвое до самого корня. Хамча подтащил Бошто́льга к чинаре и сунул в нее бороду Бошто́льга под самый подбородок. Отпустила Кока две половины чинары, и они накрепко зажали бороду Бошто́льга.

Сказав: «Да пропади ты пропадом!»,– они оставили там Бошто́льга, который бился, как пойманная лягушка. Пошли они в пещеру, забрали все золото и серебро, а затем отправились восвояси. Сестра матери Бошто́льга была гам-ведьма. Это была его единственная родня. Зажатого стволом чинары Бошто́льга кусали и клевали звери и птицы, да ничего поделать не могли. На нос Бошто́льга села ворона. Он сказал ей: «Никто не сможет съесть меня, слетай к моей тете-гам и позови ее. За это я прирежу для тебя целую лошадь». Полетела ворона и подняла тревогу. У этой гам-ведьмы мужем был одноглазый Овда. Силен он был настолько, что отламывал скалы, швырял их высоко в небо, а когда они падали, он втаптывал их в землю. Подошли они к Бошто́льгу. Овда раздвинул чинару и освободил его.

Хитрая гам-ведьма пошла и нанялась в прислуги к Хамче. Она была настолько любезна, что вошла в сердце и его, и Коки. У Хамчи была нехорошая привычка: если кто его окликал, он обязательно должен был повернуться на окрик, даже если в это время он сражался. Эту привычку заприметила гам.

Она сказала Бошто́льгу:

– Пойди и сразись с Хамчой. В разгар боя я его окликну. Он повернется назад, ко мне. Тут ты и ударь его саблею по шее.

Шел Хамча с охоты, как тут кинулся на него Накий Лоха Бошгольг. Хамча сбросил три оленьи туши с себя и вступил в бой. Вновь стал Бошгольг своей бородою бить Химчу по глазам. И все же Хамча его одолевал.

Но тут гам, подойдя к нему сзади, спросила:

– Эй, Хамча, тебе нужна моя помощь?

Обернулся к ней Хамча и только успел сказать:

– Здесь твоя помощь не нужна.

Тут перед Бошгольгом появилась шея Хамчи. Взмахнул Бошгольг саблей и снес его голову. Бошгольг и гам стали праздновать свою победу: испекли оленей, пели песни и танцевали.

А к окну Коки подлетела ворона и все ей рассказала. Оказывается, Бошгольг обманул ее, пообещав лошадь, но как только освободился – прогнал прочь.

Зная, что ей не одолеть Бошгольга, гам и Овду, Кока поскакала к своей родне великанов. А в их страну ни Бошгольг и никто другой сунуться не смел.

Кока была в положении. Лишь только она родила мальчика, как он кубарем залетел в очаг, стал посередь него и начал нагребать на себя горящие угли. Было это зимой. Кока выхватила мальчика из очага и стала катать его по снегу. А он, вновь изловчившись, опять вбегал в дом и садился посреди пылающего очага. Вновь мать катала его по снегу. Так продолжалось несколько раз. Тело мальчика закалилось и стало булатным. Назвали его Петаразом.

За день он вырастал как за неделю, за неделю вырастал в месяц, а в месяц – за год. Будучи телом булатным, он никого не боялся и притеснял своих сверстников.

Мать одного из них попрекнула его:

– Чем издеваться над нашими детьми, ты бы лучше отомстил за смерть своего отца!

Кока же постоянно говорила своему сыну, что его отец без вести пропал в чужедальней, неведомой стране.

Но тут Петараз сказал:

– Ты обманывала меня, говоря, что отец без вести пропал на чужбине. Скажи, кто его убийца!

Кока отказалась ответить.

Тогда Петараз сказал:

– Если не скажешь, я убью себя!

Пришлось матери все как есть ему рассказать.

Пошел Петараз к братьям своей матери и потребовал [5]:

– Дайте мне лучшего коня и лучшее оружие.

Дали ему все это. Затем сходил он к Села Сате и спросил ее, как найти этого Накий Лоха Бошгольга. Села Сата была ведуньей и гадалкой. Узнала она, где этот враг находится, и рассказала Петаразу.

Доехал Петараз до пещеры Бошгольга и крикнул в нее:

– Выходи, борода, ангел смерти явился к тебе!

По богатырскому окрику понял Бошто́льг, кто к нему явился, и, не выходя из пещеры, прокричал о помощи гам и Овде. Прибежали они. Начался страшный бой. С Петаразом спереди бился Бошто́льг, сзади – Овда, а гам, словно ветер, налетала то справа, то слева. Словно кубарь, вертелся среди них Петараз. Убил он и эту гам и этого Овду. Но вот убить Бошто́льга он никак не мог, потому что ничто его не брало.

У Петараза был огромный мешок, сделанный из целой буйволиной кожи. Петараз скрутил Бошто́льга его же бородою, сунул его в этот мешок, привез домой и подвязал в сарае за матицу. Так и висел он.

Из-за убитого им своего мужа Хамчи палкою его избивала Кока. Вспомнит она мужа, возьмет палку и начнет бить по кожаному мешку, в котором находился Бошто́льг. Била она так сильно, что из мешка доносились вопли Бошто́льга:

– Ой-ей-ей, душа моя бедная!

Кровная месть ведь не считается завершенною, если враг жив. Опять пошел Петараз к Села Сате.

Три дня и три ночи гадала она и наконец сказала:

– Езжай прямо, куда я показываю, не сворачивай ни вправо, ни влево. Будешь ехать целый месяц и еще полмесяца. Наконец доедешь до кургана Тамаш-боарз. Схоронись вблизи и жди новолуния. В полночь на курган взойдет страшная волчица. Начнет она щениться. В сердце рожденного ею щенка находится душа Бошто́льга. Если волчонок успеет приложиться к соску волчицы, то душа Бошто́льга улетит неизвестно куда.

Поскакал Петараз. Проделал путь в полтора месяца и доехал до высокого кургана Тамаш-боарз. Сел в засаду и дождался новолуния. В полночь прогремел гром и засверкали молнии. На курган взобралась волчица, огромная, как медведица. Начала она щениться. Лишь только на свет появился волчонок, как Петараз выскочил из засады и убил волчицу, а волчонка сунул в мешок и поскакал к дому.

Вытащил он Бошто́лга из мешка и кинул его оземь. На его глазах прирезал волчонка и вытащил его сердце. Увидя это, понял Бошто́льг, что наступает его смертный час и, взмолившись о пощаде, стал сулить большие сокровища.

– За отца своего Хамчу свершаю я кровную месть! Смотри, Накий Лоха Бошто́льг,– сказав, показал он сердце волчонка,– в нем была твоя душа, а теперь вот что с ней стало!

С этими словами он ударил сердце волчонка оземь с такой силой, что оно разлетелось вдрызг.

Тут и околел этот Накий Лоха Бошто́льг.

В 1965 году от жителя поселка Новый Редант Гинеза Магометовича Льянова записал Магомет Арскиевич Льянов.

Опубликовано: Сердало. 2004.

[1] *Фярг и его сын Хамча* – это единственное упоминание имени отца Хамчи. Слово «фаьра» *по-инг.* означает «благодатный» (восходит к наречиям Ирана). Также это сказание единственное, в котором Хамча выступает действующим лицом.

[2] *Энчик* – молочный сын или брат (от тюркизма «емчек»).

[3] По народной памяти, некогда якобы имел место обычай, по которому девушка выходила замуж лишь за того мужчину, который мог бы одолеть ее в единоборстве. Таким же путем выходит замуж Артемида (по древнегреческому мифу), Гунда Прекрасная (по абхазскому нартскому эпосу).

[4] *Наким Лоха Боштольг* – напоминает пушкинского Черномора. Слово «лоха» означает «низкий», а слово «боштольг» – годовалый козленок.

[5] Ранее уже было сказано, что родственники по матери (дядя, в первую очередь) должны были обеспечить своего племянника конем и всем другим необходимым снаряжением.

* * *

61. ХАМЧИЙ ПАТАРЗИ АСТАГІА ТЕМАРИ

Укх дунен тІа наха юкъе тІемаш доладаларах, вІаший боабеш нах хиларах,– из беррига бехк шийна хьатІа а ийца, Хамчий Патарза нахах хаьда, акхаваьнна хиннав. ЦІелий-лоамах хьалъурагІа а ваха, Говза яхача цхьан хьагІара чу къовлавеннав из. Іурден сарралца Даьлагара дехаш хиннад цо, шийна тІера къинош дІадахар. Хамчий Патарзас кара Іомаяь хиннай из Говза хьагІар лораеш хинна йоккха къаьна хьаргІа. Дукха хІама ховш хиннай из.

ХІаьта, кхыбола наьрташ, дика шоай хьал а долаш, ГІалгІай Коашке бахаш хиннаб.

Цу замах Кавказе массайолча метте ораш оахаши тІемаш деши хьавоагІаш хиннав Темар-паччахь. Ораш оахко-о-ош, вай Эса-чІоже этта хиннав из, хІанз Оалкам йолча метте. Цецваьннав паччахь:

– Ер фу мохк ба? Хьийдда доагІаш хий да, гонахьа лакха лоамаш да. Кхыметтел, ор ахкал а бердаш дац.

Темара бІица лелавеш хиннавар геттар къавенна вола бІухо. Нуврах вийхка лелавора из, чувожаргвоацаш. Темарас из лелавора шийца цунна деррига мехкаши, цига бахаш бола нахи дика бовзаш хинна хиларах. Темарас цунга дІахаьттача, цо аьлар:

– Цу мехка ца дахача бакъахьа да вай. Цигач бахараш наьрташ ба, цкъаь-цкъа тІемах ийша уж юхабаьнна моттиг хиннаяц.

– Сона хезачох-ма, наьрташ духхьал гІаьраш а еш, наьха ремаши доахани дІакхувлачарех нах ба,– аьлар Темарас.

– Ераш,– аьннад тІаккха а воккхача саго,– моллагІа бола наьрташ бац: дегІамаш болата да цар, царна оарцагІа ухаш сигалара даьлий ба. Дуккха а дикагІа да вайна, уж бита а бита, вай дІахо дІадахача.

– Из фу къамаьл да! Ах дуне а даькккха хьавоагIаш вола со цу наьрташ ба яхачарех кхеравенна дIагIоргволчарех вац! Ор аххкал моттиг йоацаче, лоамах Iург ахка, со царна тIакхоачаргволаш,– аьнна амар дир цо.

Беррига бIухой Темара гора баха хиннаб, оалаш, цу наьртех вай де хIама а дац, цIий Iувдар совнагIа. ХIаьта а аьнначоа тIера валанзар Темар.

ХIаьта, цу хана вай наьрташ ГIалгIай Коашкара баьнна, цхьанахьа фордагахьа феса баха хиннабар.

Дукха хIама ховш йола хьаргIа кхайка яьлар. ХьагIарах е зIок тохаш, е ткъам тохаш, Хамчий Патарзага аравала, яхаш.

– Ва, къаьнашк, фу ях Iа? – оалаш, араваьлар Хамчий Патарза.

– «Седкъий жейна» тIа яздаь да: цхьа ди доагIаргда ГIалгIай Коашке лорае саг воацаш, хьо цаI воацар. Iа из лора а ергья, тIаккха хьа мел дола къинош тIера дIа а даргда хьа, аьнна.

– Из хала хIама дац, аз тIом ца бу дукха ха я. Малаш-б уж вай моастагIий, мичаб уж?

ХьаргIас дIадийцар: Темар лоам оахкаш а воал, вай мехка тIакхача гIерташ а ва. ТIаккха аьлар цунга Хамчий Патарзас:

– Йоле, Темар волча дIа а яхе, дIаала: тха наьртий цхьа Iаьдал да, хьалхагIа шиннахьара бола бIуна баьччий вIаший латаш. Нагахьа санна сох, Хамчий Патарзах, кхеравенна цун хIама деце, кхоанарча ден укх хана со дIаоттаргва, ала, нийсо хьанга я хьожаргда вай.

Из хоам а ийца, хьаргIа дIаяхар. Ше аьнначох Темар-паччахьас жоп лург хиларах шек а воацаш, кийчо е волавелар Хамчий Патарза. ДIай-хьай кховдаш, шоай овлаш а тIехьа лаьттар оззаяь цхьа иттех попа га а яькккха, царех йоккха цIи а йийза, цу цIерала ваха дIавижар из. Хенаш даьга а даьнна, товнаш йисача, царна юкъе хоалуш вацар Хамчий Патарза, селлара дегI цIийденна цун хиларах. ТIаккха цу товнала хьа а ваьнна, ше ма водда Эса чу ийккхар из. Деррига лоамаш къайладоахаш, доккха дохк эттар.

Хамчий Патарза-ма ше Iоваьча ханара денза дегI болата долаш хиннавар, хIаьта а юкъ-юкъе, лира тIом бе безача хана, цо ший дегIа болатал иштта кхы а чIоагIдеш хиннадар.

Сабелгало тоссаш, хьаргIийна тIа а хайна, дохк тедаш, дIавахар Хамчий Патарза. Темар-паччахьа хьалхашка из вессача, паччахьана хийттадар Хамчий Патарза ше-шегIа атта феца лелачарех ва, цIаьхха иштта шийна духьала из этта хиларах.

ДIай-хьай салам а денна, ваIад йир цар: котваьнначоа ГIалгIай Коашке хургйолаш, ийшар гаьнна кхычахьа дIагIоргволаш.

ДIаболабелар тIом. Ший цхьа тийшаболх болаш хиннавар Темар: моастагIчох лата тIаводдашехьа, лосттадий ший гIал цунна техе, из чоал а ваькккхе, тIаккха меттахьа Iотташ. Техар Темар-паччахьас ший гIал. Патарзий болата дегIах из кхетташе а, гаргаш хинна дIадахар цун гIал. Темарас тур мел деттарах Хамчий Патар-

зий болата дегIа цхьаккха чов хулаш хиннаяц. ХIаьта, Хамчий Патарзас, цу Темара паччахьал лоархIаш, ший тур цунна дуттара детташ хиннад.

ХIаьта а цаI котвала везаш ма хиннавий!

Хамчий Патарзас лаьрхIар: «Вуврггвац аз ер селлара наха юкъе цIи дIаяха саг, бакъда, кхы дIахо укхунга тIом булургбоацача-м ер ваккха». ДIакхайда, Темара ворув ший болата кулгашца хьа а лаьца, «къарс» оалаш, из йийр цо. Кхы уралатта ца могаш, баь тIа Iохайнача висар Темар.

Ийшав ше, аьнна, дари а даь, Темар гаьнна дIавахар. Цхьаболчар дувц, Темар зIамига волча хана дас цун ворув йийна хиннай. Бакъдац из. Фу дог долаш хила веза ший виIий ворув ювш вола да? Темар-паччахь астагIа ваьккхар вай Хамчий Патарза ва. Цу ханара денна «АстагIа Темар» аьнна, цIи дIаяха хиннай цу паччахьа.

ГIалгIай Коашке Хамчий Патарза юхавийрзача, наьрташ а цIабаьхка хиннаб. Паччахь Темарца латаш Хамчий Патарзий денал гучадаларах, цар массане а ваIад йир: «Вай наьначе Iа вай моастагIех кIалхараяькккхарах, деррига къинош тIера а даьннад хьона, юха а тхох хьакхийтте дIалела хьайна».

Иштта хила а хилар.

ХАМЧИ ПАТАРАЗ И ХРОМОЙ ТИМУР

Считая себя виновным в том, что в мире появились кровопролитные войны и люди стали убивать друг друга, Хамчи Патараз ушел высоко в горы. Там на вершине Цели-лоама он заперся в пещере Говза. У Хамчи Патараза был ручной огромный черный ворон. Он был вещим. Хотя пещера и была заперта, все же перед нею нес охрану этот ворон. Нарты же привольно жили себе в прекрасной долине Галгай Коашке [1]. Хамчи Патараз, добровольно заточившись в пещере, замаливал свой грех.

В это время, копая рвы [2] по всему Кавказу, падчах [3] Тимур со своим войском подошел к нашему Ассинскому ущелью, там, где сейчас находится село Алкун.

Удивился он:

– Это что за страна такая? Течет стремительная река, а вместо берегов у нее горы, по которым никак не прорыть канавы?

Среди воинов Тимура был один столь старый воин, что его возили, привязав к седлу. Тимур возил его всегда с собою, потому что многоопытный старик знал все местности и все народы.

Когда Тимур задал ему этот вопрос, старик ответил, что в это ущелье лучше не соваться, так как там живут галгаевские нарты, которые поражений не знают.

– Я слышал,– сказал Тимур,– что нарты – это обыкновенные разбойники, любящие угонять чужие стада и табуны.

– Это особые нарты,– ответил старик,– тела у них стальные, и им покровительствуют небесные боги. Не ходи к ним, лучше проедем мимо них далее.

– Как это так, я, Тимур, завоевавший полмира, уйду, испугавшись каких-то нартов! Раз нет места, где можно прорыть канаву, начинайте рыть дыру сквозь горы, чтобы я смог добраться до них,– приказал он воинам.

Все военачальники бросились в ноги Тимуру, прося оставить в покое этих нартов, в бою с которыми никто и никогда живым не уходил. Но Тимур был непреклонен.

А тем временем наших нартов долго не было дома. Уехали они за добычей куда-то к морю. Вещий ворон закаркал, стал стучаться в пещеру, вызывая Хамчи Патараза.

– Чего, старый, покоя не даешь? – недовольно сказал Хамчи Патараз.

– В «звездной книге»[4] записано,– сказал ворон,– что над Галгай Коашке наступит день, когда некому будет ее защитить, и в этот день ее заступником должен выступить ты. Тогда-то тебе окончательно простятся все твои грехи.

– Что ж, давно я не воевал. Кто эти враги? Где они?

Ворон рассказал все о Тимуре и о том, что он роет гору, чтобы добраться сюда.

Тогда Хамчи Патараз наказал ворону:

– Лети к этому Тимуру и скажи ему, что у нас, нартов, есть обычай: сперва в поединке сражаются военачальники, и если он не боится встретиться со мною в единоборстве, пусть завтра к этому времени ждет меня, и мы сразимся в справедливом поединке.

Ворон улетел. Зная, что отказа от поединка не будет, Хамчи Патараз с корнями надергал штук десять чинар и разжег из них огромный костер. Затем прыгнул в него и лег. Хамчи Патараз настолько раскалился, что его трудно было отличить от горящих углей. Тогда он прыгнул в реку Ассу. Поднялся невиданный до тех пор туман, покрывший все горы.

Хамчи Патараз и так был рожден стальным и закаленным, и все же он иногда перед важным боем вновь подкреплял себя закалкой.

Рано на рассвете сел Хамчи Патараз на своего ворона и полетел сквозь туман. Когда он предстал перед Тимуром, то завоевателю почудилось, словно Хамчи Патараз умеет летать и появляться там, где захочет. Поздоровались они и сговорились: тот, кто из них станет победителем в единоборстве, тот и станет владельцем Галгай Коашке, а побежденный обязан будет немедленно уйти в другие дальние страны.

Начался бой. У Тимура был коварный прием: сходу ударяя щитом, он приводил врага в замешательство и тут же наносил ему смертельный удар. Ударил он Хамчи Патараза щитом. От стального тела нарта щит разлетелся на мелкие куски. Ни один удар Тимура и на волосок не поражал Хамчи Патараза. Он же бил Тимура саблей плашмя, как бы в насмешку, потому что не хотел он убивать столь прославленного воина.

Но победу все равно необходимо было одержать. Тогда Хамчи Патараз решил его ранить так, чтобы Тимур не смог бы далее продолжать бой. Схватил он Тимура за бедро и переломил его своими стальными руками. Теперь уже Тимур сидел на земле и далее не мог воевать.

Тимур признал себя побежденным и со своим войском ушел далеко.

А то, что некоторые говорят будто Тимуру в детстве бедро умышленно повредил его отец, так это неправда. Какое должно быть сердце у отца, который станет калечить своего сына? Именно после поединка с Хамчи Патаразом Тимур и стал хромым.

Прибыл Хамчи Патараз в Галгай Коашке. В это же время вернулись из похода и нарты.

Узнав про героический подвиг Хамчи Патараза в бою с самим Тимуром, нарты дружно сказали:

– Ты своим подвигом защитил родину. Все грехи твои с тебя сняты. Бросай затворничество и возвращайся в нашу нартскую дружину.

Так он и поступил.

В 1997 году от 60-летней жительницы села Мужичи Гошмох Арцельговой записала Асият Далиева. Публикуется впервые.

[1] *Галгай Коашке* – обширная горная долина, прежде густонаселенная. Она являлась центром древней горной Ингушетии.

[2] Почти у всех народов Кавказа есть предания о том, якобы завоеватель Тамерлан копал рвы по всему Кавказу. Известно, что при длительной стоянке Тимур заставлял рыть рвы вокруг лагеря. Остатки этих рвов и послужили основой фольклорному сообщению, что якобы Тимур рыл рвы в поисках своего сына.

[3] *Падчах* – от иранского «падишах». Так ингуши называют царя, государственного правителя.

[4] *Звездная книга* – речь идет о гороскопе.

* * *

62. МИШТА ЭШАВИР ВАМПАЛ ІАЬРЖА НЕГІЕ

Говрах нувр лета, нуврах ше лета, багара ала бетташ, лелаш Іаьржа НегІе хиннав. Цхьан юртах лета ала бетташ из еррига йоага а яь, тур дийтта юрта мел вар вийнав цо. ХьунагІа кхораш гулбе яхачара берагІа йола кхалсаг йисай. Цу хьунагІа кІаьнк а ваь, еннай из. КІаьнк хиннав тІаьн кІала малх боаллаш, цхьан пІелгах хий ухаш, шоллагІчох – шура, кхоалагІчох – даьтта, биъЛагІчох – модз ухаш. Цу пІелгех вакхаш хьунагІа уллаш хиннав из. ТІаенай

цунна цхьа меца борз. КІаьнк ваа аьнна, из тІакхетташехьа а, вокхо, берза бага кулг а дахийта, еррига царгаш кагьяьй. Де хІама доацаш йисай борз. Кхоссавенна берза букъ юкъе а хайна, ши лерг лаьцад. «Со хьа да ва, хьо са ды ба»,– аьннад цо. «Сай да волча аз дІавугаргва хьо»,– аьнна, дІаийккха еддай борз.

Борзи кІаьнки хьуна юкъе ягІача цхьан бунгага кхаьчаб. Цунна юхе сай ботташ вагІаш цхьа воккха саг хиннав.

– Берза кІаза, мичара дахьа Іа из пхьу кІаьза? – аьнна, хаьттад цо берзага.

Иштта а иштта а, юрт-мохк хІалакбаьб Іаьржача НегІечо, хьунагІа яхачара цхьа кхалсаг йисаяр, цо ваьв из кІаьнк, цо сона из а из а дир, аьнна, деррига дІадийцад берзо.

КІаьнк кхеве эттав из воккха саг. ЦІокъа лома шура мелаеш, саь дулх дуадеш, хьун бІараш а дуадеш хьалкхеваьв из. ХІама ховча нахах хиннав из воккха саг. Шийна лайча, моллагІча хІаман сибат эца ховш вар из. Цкъа чан сибат а ийца, летав из зІамигача сагах. Вокхо дегІал а ваха хьатоІаяьй ча, ши пІенда бийнаб, лаьттах яхтай цунга узамаш а дайташ. «АхІ,– аьнна, урахайнав воккха саг,– хьо хІанз дикка низ болаш, хьай мохк мукъабаккхал ва. Из Іаьржача НегІечо берригаш а хІалакбаьб. Цох латаргдола герз, цун динах латаргбола ди беза хьона. Цу дІарча метте вахаш ва хьона сол воккхагІа вола са воша,– аьнна, моттиг дІахьийхай,– цунна луврга Іа ер кІай цІена сай,– аьнна, сай а беннаб.– Цо ца дойя, кхы Іаьржача НегІечох латаргдола тур дац. Воккха пхьар ва из,– аьннад,– аз Берза Дог аьнна цІи тул хьох».

КІай цІена сай а ийца, вахав Берза Дог. Цхьан хьагІар чура кІур ухаш хиннаб, «зІанг-зІанг» яхаш таташ хозаш хиннад. Хьагарга а этта, аьннад Берза Дего: «Фусам-дас маьрша буалба ер кІай цІена сай» – аьнна, Іотеха сай бийнаб. Хьадухьал веддав, лата аьнна, аьшка пхьар; шийна сай бийналга а хайна, ца латаш сецав. Пхьар вар дегІ дизза, модж-мекх мерца, керта тІа, баламаш тІа йокъ а, кІурз а уллаш.

– Маьрша воагІалва хьо, маьрша воагІе,– аьннад цо.

– Со маьрша а ва хьа вошас а вайтав со,– аьнна, дІадийцад, Іаьржача вампала НегІечох латаргдола тур а дийхад шийна.

– Мегад хІаьта,– аьннад,– меттахьа яккхал из латта нажарг,– аьнна, пхьоален юкъе улла цхьа боккха кхера дІахьекхаб пхьаро.

Ший даьла хур дича а мегадац Берза Дега из меттахьара хьоае. КІоаргга лаьттах йоаллаш хиннай из. Хьокхал шийга, аьнна, пхьаро атта лаьттах а яькккха, юха а ІоегІай нажарг.

– Шера соца болх беш, сона новкъостал деш болх бе беза Іа,– аьннад пхьаро.

Цхьан шера ше болх беш, хІара денна цу нажаргах гІорташ, ший низ мелла тІакхийттаб хьожаш ваьллав. Шу даьлча, пхьаро ше санна нажарг лаьттах йоаккхаш а чутохаш а хиннав. ТІаккха пхьарои цои тур де лаьрхІад. ВорхІ ди-бийса доаккхаш кІора баь-

ккхаб, ворхI денна-бусса болат кха лоаттадаьд. Пхьара кхуврч хиннаб жожагIатара сийг бежа. Бод санна болат кулгашца хьувш, из ворхI ден, ворхI бийсан тувсаш, тур хьадаьд цар. Из лоамах, бердах дIадийттад,– ябакхах санна латаш хиннад тур. ДIатехача дIаьхлуш, юхатехача лоацлуш хиннад из.

Тур а ийца, хьунагIа ше кхеваь саг волча юхавахав. Воккхача саго Берза Дегага аьннад: «ХIанза хьо ваха веза са эггара воккхагIа вола воша волча. Цунгара шовзткъа гамаж йоалае»,– аьнна, кIай сай беннаб.

Цу кхаь веший воккхагIавар волча дIа а кхаьча, аьннад Берза Дего: «Ер кIай цIена сай маьрша буалба фусам-дас!»

Жа-доахан доажадеш ваьлла воккха саг хьадухьала веддав, укхох лата дага волаш. Шийна бийна сай бIаргабайча, дIатийнав из. Iохайна сай а биа, гIулакх дийцад цар. Шийна тIера нахьара маьчи дIаяхийтай цу Iуно, тIаккха из хьаял аьннад Берза Дегага. Лаьттах халла текхаеш из хьаяь мара мегадац Берза Дега.

– Шера соца балха валла веза хьо,– аьннад цу саго.

Жена, доаханна, гамажашта тIехьа лийнав. Цхьа шу дIадаьлча, цхьа уст фоартан тIа, шиъ тIаьн кIала белле, ведда йоккха урхе йоаккхаш хиннав. Шовзткъа гамаж а енна, Берза Дог дIавахтав цу Iуно.

Из хьалкхеваьча саго шовзткъе а гамажа цIока кийчъяьй, тIаккха аьннад:

– ХIанза гIоргда вампалах лата. Сох хьона тIаха ды хургба, НегIечох хьо латача хана, со цун говрах летаргва. Цо хьатоха барг, царг сох латаргдоацаш, из шовзткъеи цIока са дегIах хьоарчае еза Iа.

Из а аьнна, цу сахьате дика ди хинна дIаэттав. Цхьаннена шоллагIаяр тIаюллаш, шовзткъа цIока тIалотаяьй. Тур бе а дел-ла, хьекхача михаца сигала ухаш, делхача догIанха лаьтта ухаш, дIакхаьчаб ераш кIаьнк хьаваьннача юрта.

Берза Дега даь дакъа гIовге дилла, вежарий декъий ший бIехача дегIа кIала дилла, вIаьхвенна уллаш хиннав из Iаьржа НегIе. БоагIаш боа ераш бIаргабайча, вампала ды Iаьхаб. Ура а хайна, ше сомаваккхарах эгIаз а ваха, дорхвеннача НегIечун багара ала баьннаб, лергашкара кIур техаб. Ший дын тIа а хайна, Берза Дега тIахаьхкай НегIечо. Уж шиъ вIаший летав, цар дой а вIаший летад. ЦIи етташ, тур детташ, хьалетав НегIе. Цо хьатохар тувлайолийташ хиннав Берза Дог. Ше дIа массаза тох, НегIечун цхьацца маьже йоаккхаш хиннав из. НегIечун дино царг е барг массаза тох, Берза Дега дын тIара цхьацца гамажа цIока йоаккхаш хиннай. Берза Дега дыно ка массаза хьокха, вампала дын тIара цхьацца оаса боаккхаш хиннаб.

Цу довнах яьннача гIарах, татах, цIогIах сигалара оалхазараш чулийгад, лаьтта лела оакхарий лаьттах теIад. ТIаьн кIала боалла малх гучабаьккхаб Берза Дего. Хьа а ца хьожалуш, бIарга са а дайна

висав вампал. Тураца цесташ, парх аьнна из хIалакваьв, ший ды а тIехьа. Сецца дIаболабенна тIом садовлцца бIаьхбенна хиннаб.

Вампал дIавоаллашехьа а, юрта вийна мел хиннар дийнвеннав. Доккха хьоалчагIа хиннад цу юрта.

ХьунагIа вахаш вар а, пхьоал деш хиннар а, жа-доаханга ваьллар а – кхоккхе а воша хьавийхав. Царна а хьоалчагIа даьд. Берригаш цхьана баха Iохайшар уж. Царна а вайна а дика мел дар хилда.

КАК ПОБЕДИЛИ ЧЕРНОГО ВАМПАЛА НЕГЕ

Седло приросло к коню, сам прирос к седлу, изо рта пламя бьет – так ездил черный вампал Неге.

Однажды напал он на одно село, сжег его, шашкой изрубил всех людей [1], осталась лишь одна беременная женщина, которая собирала в лесу груши. Она родила мальчика и умерла. У мальчика под мышкой было солнце, из одного пальца текла вода, из другого – молоко, из третьего – масло, из четвертого – мед.

В лесу он сосал свои пальцы и так кормился. Подошел к нему волк и решил съесть мальчика. Только волк кинулся на него, мальчик просунул волку в пасть руку и сломал ему все клыки. Нечего было делать волку. А мальчик вспрыгнул на спину волка и схватил его за уши.

– Я твой всадник, а ты – мой конь,– сказал мальчик.

– Я привезу тебя к моему хозяину,– сказал волк и пустился рысью.

Мальчик верхом на волке подъехал в лесу к шалашу, у которого сидел старик и поджаривал оленя.

– Волчий щенок, откуда ты везешь этого сучьего щенка? – спросил старик волка.

– Один вампал Неге разгромил село, изрубил людей, осталась лишь одна женщина в лесу. Она родила этого мальчика, а он сломал мне клыки, оседлал и приехал сюда верхом на мне,– рассказал волк.

Старик стал воспитывать мальчика. Поил его барсовым молоком, кормил оленьим мясом и лесными орехами. Этот старик был вещим и мог принять облик любого зверя. Однажды старик принял облик медведя и стал бороться с мальчиком. Мальчик схватил медведя, притянул его к себе, сломал ему два ребра и с размаху ударил оземь.

– Ну, теперь у тебя достаточно сил,– сказал старик,– чтобы освободить свой край, на который нападает черный вампал. Тебе нужно оружие, которое снесет ему голову, и конь, который одолеет его коня. Вон там живет мой старший брат. Для него зарежешь этого белого оленя. Он большой мастер. Никто, кроме него, не сможет сделать шашку, которая одолеет черного Неге. Тебе я даю имя Берза Дог.

Берза Дог взял белого оленя и отправился туда, куда указал старик. Из одной пещеры курился дым и раздавались звуки «занг-зинг-занг».

Подошел Берза Дог к пещере и говорит:

– Пусть хозяину будет впрок мясо этого белого оленя!

Выбежал из пещеры железных дел мастер с намерением драться. Увидел, что для него зарезали оленя, и драться не стал [2]. Он был дороден, его борода и усы были опалены, на голове и плечах – сажа.

– Пусть будет твой приход добрым, если у тебя добрые намерения,– сказал кузнец.

– У меня добрые намерения, а прислал меня к тебе твой младший брат.

И рассказал Берза Дог, что ему нужен меч, который мог бы разрубить черного Неге.

– Хорошо,– сказал кузнец.– Только сдвинь-ка с места эту наковальню.

И он показал на большой камень, лежавший посреди кузни.

Напряг Берза Дог все силы, но не смог сдвинуть наковальню с места. Она сидела глубоко в земле.

– Дай-ка я попробую,– сказал кузнец и без труда вырвал валун из земли, а затем вновь всадил его в землю.

– Будешь помогать мне в работе год,– сказал кузнец.

Целый год проработал Берза Дог у кузнеца и каждый день пытался вырвать наковальню, проверить, сколько сил у него прибавилось. Через год он, как и кузнец, легко вырывал наковальню из земли, а затем, обратно ее всаживал. И теперь он вместе с кузнецом начал делать шашку. Семь дней и семь ночей они готовили уголь, мяли сталь, словно тесто, руками. Семь дней и семь ночей ковали шашку, а потом стали бить ею по валунам и скалам.

Шашка рассекала валуны и скалы, словно тыквы. При ударе шашка удлинялась, а когда ее отводили – укорачивалась.

С шашкой Берза Дог вернулся к старику, который его воспитывал, а тот говорит:

– Теперь ты должен пойти к моему самому старшему брату. Приведешь от него сорок буйволиц.

И старик дал ему белого оленя.

Берза Дог приходит к самому старшему брату старика и говорит:

– Пусть хозяину будет впрок мясо этого белого оленя!

И прирезал его.

Самый старший брат, пасший овец, выбежал навстречу Берза Догу. Увидел он прирезанного для него оленя и успокоился, поел мясо оленя, и они стали говорить о делах. Пастух швырнул со своей ноги чувяк и попросил Берза Дога принести его. С трудом приволок Берза Дог тот чувяк.

– Ты должен проработать со мной ровно год, – сказал пастух.

Берза Дог ходил за овцами, коровами, буйволицами. Через год он взбегал на гору с одним быком на шее и двумя под мышками.

Старик, воспитатель юноши, прирезал сорок буйволиц и выделал сорок шкур.

– Теперь мы пойдем драться против черного Неге. Я превращусь в коня. Когда ты будешь драться с Неге, я буду драться с его конем. Чтобы удар копыта или укус коня мне не повредил, обернешь меня этими буйволиными шкурами.

И старик превратился в доброго коня. Сорока буйволиными шкурами обернул его Берза Дог. С ветром споря, поднимались они в поднебесье, приникали к земле, словно проливной дождь. Так прибыли они в село, где жил Берза Дог.

Черный Неге положил тело отца Берза Дога к изголовью, а тела его братьев – под себя и крепко спал.

Конь черного Неге, как увидел Берза Дога, заржал. Черный Неге проснулся и встал. Изо рта его ударило пламя, из ушей повалил дым. Вскочил он на своего коня и пустил его на Берза Дога.

Стали они драться. Дерутся и их кони. Огнем и мечом бился вампал. Берза Дог уклонялся от ударов, а каждый его удар попадал в цель. Каждый укус коня Неге срывал с коня Берза Дога по одной буйволиной шкуре. А каждый укус коня Берза Дога вырывал у коня Неге по одной жиле. От грохота этой битвы птицы с небес попадали, звери к земле приникли. Берза Дог направил солнце из-под мышки на вампала и тот ослеп от его сияния. Шашкой искромсал Берза Дог Неге и его коня. Бой, начатый утром, продолжался до вечера. Как только Неге испустил дух, все покойники аула ожили. Трех братьев – старика-воспитателя, кузнеца и пастуха – пригласили в аул и устроили большое веселье.

Они стали вместе жить. Пусть им и нам во всем будет удача!

В 1966 году от 78-летнего жителя села Байни Жена Мочкиевича Шовхалова записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ССПЧИ. С. 142; ГІФ-91. С. 122; ГІОДФК. С. 180; ИССП. С. 139.

Рассказавший сказание Жена Шовхалов называл вражеского героя именем *«Іаьржа вампал НегІе»* (Черный вампал-великан Неге). При первой публикации этого сказания в ССПЧИ в 1966 году по указанию *Лито* (цензуры) из-за ошибочного отождествления имени мифического Неге с представителем ногайцев имя Неге было опущено. В последующем в вышеуказанных публикациях этот герой уже упрощенно стал называться «Іаьржа НегІе». Герой ингушских сказок и сказаний, мифологизированный Неге, является типичным представителем фольклорных враждебных великаноподобных (вампалов) существ, и ничего общего он в сказаниях не имеет с этническим наименованием. В данной публикации восстановлено подлинное имя этого героя в форме «Іаьржа вампал НегІе» («Черный вампал Неге»).

[1] Данное сказание является каким-то смутным, предельно фольклоризированным отражением трагических исторических событий времен завоевания Кавказа ордами пришлых кочевых народов.

[2] Согласно древним ингушским обычаям человек, желающий подружиться или породниться с кем-то, устраивал для него пир. При этом обычно резали быка.

* * *

63. ВОРХІ ВЕШИЙ ЦХЬА ЙИША

Шоай йоккхача гІалий чу бахаш-Іеш хиннаб ворхІ вошеи цар цхьа йишеи. Вежарий феса ухаш, чарахьий хиннаб, йиша цІагІа хьожаш хиннай. Цу хана низ болаш, нахаца къиза болаш негІой аьлий хиннаб. Цар цхьацца вувш, дукха ха ялалехьа ворххІе а воша вийна дІаваькккхав. Цар пхьа леха кхы маІа саг виса хиннавац. БІаргех хи тІадам баьннабац цар йиший. Цу ворхІ вешех эггара хьамсарагІа волчун барзкъаш шийна тІа а дийха, ший бІаьха корта хьоарччабаь кийна кІал а белла, дын тІа а хайна, яхай ер черсий мехка. Юхь тІа чо баланза, кхувш воагІача зІамигача сага тара хиннай из. Яха черсашка дІакхаьчача, хаьттад цо:

– Хьаьша денна пхьера уст бе йиш йолаш малав шун мехка?

– ДІарча юрта вахаш ва хьона Ахло яхаш саг. Из ва хьона денна пхьера хьаьшанна устагІ бе йиш йолаш вола саг.

Яха дІакхаьчай йоІ из волча. Ассалам-Іалейкум а аьннад, ваІалейкум-салам, аьнна, салам юха а дерзадаьд, хьаьша ваь из йоІ чу а ийцай, пхьера устагІ а бийнаб. Иштта цхьа массехк ди даьннад. Ахлос хоатташ хиннадац хьо фу саг ва, мичара ва, цІи фуй а.

Цкъа дош тІа а хайша, фега баьнна юрта гІолла болхаш хиннаб из йоІи Ахлои, вІашка уллув баьнна. Юрта йисте яжаш цу юрта рема хиннай, цох хьа а къаьста кхалаж тІара буц лакхагІ йоландаь, яжаш йоаллаш хиннай цхьа говрг. Цу йоІо аьннад:

– Хьажал, Ахло, из говрг моллагІа йола говрг яц хьона, из турпала ды ба. Іа хьай ды цох белча, цу говра дас из хьалургйий вайна? – аьнна, хаьттад.

– Са дынах мишта лац! Лургья даьра, – аьннад Ахлос.

Воле хІаьта, аьнна, йоІо човхаяьй из говрг. Човхайича, ший даь коа яхай из. Цунна тІеххьа коа а этта, араваьннача фусамдаьга хаьттад Ахлос: «Укх са дынах из хьай говр лургйий Іа? Раьза вале, хувцаргья вай». Фусамда геттара раьза а хинна, Ахлос ший ды цунна дІа а бенна, цу говра тІа а хайна, изи из йоІи баха Ахлой коа бахаб, тІаккха йоІо аьннад Ахлойга:

– Кхаь шера бийхка лоаттабе беза Іа ер ды, маьлха зІи чу ца йоагІача кхий чу.

Цул тIехьагIа дIахьийхад говра мишта Iунал де деза, фуъ мишта кийчбе беза, малагIча хьастара хий меладе деза. Ала мел дезар дIа а аьнна, кхо шу даьлча со юхавоагIаргва хьона, аьнна, Iадика а йийца, йоI цIаяхай. Ший хьаьшо яьххача бесса Ахлос кхаь шера лела а баьб из турпала ба яха ды, бакъда кхийна тховна тIа тессача чах маха миссел цхьа Iург хиннад Ахлойна ца ховш. Малх делкъе баьлча, цу Iургах IочуйоагIаш хиннай маьлха зIы, дына шерача гаа тIа отташ хиннай из. Кхо шу даьлча, хьогга санна веший барзкъаш а дийха, корта лочкъабеш кий а тилла, юха яхай йоI Ахло волча. Салам-Iалам, дахар-денар дийца даьлча, Ахлос аьннад Iа хьийххача бесса аз укх кхаь шера лоаттабир из ды, аьнна. Воле, хьожаргда вай, аьнна, кхий чу бахаб. Ше чуйоаллашехьа а говра дIатIа а яха, маьлха зIы Iувтталуш хиннача цу гаа тIа пIелг а оттабаь, аьннад:

– Укх метте маьлха зIы отташ хиннай. Кхы а кхаь шера лоаттабе беза ер.

Ахло тховнага дикка хьежача, из маха миссел дола Iург хоаденнад цунна. Кхолха ча тIадиллад цо. ЙоI цIаяхай. Кхы а кхо шу даьлча юхаенай. Дынага хьежача аьннад, ше хила ма беззара хиннаб ер, аьнна. ТIаккха Ахлойга аьннад, воле гIоргда вай, аьнна. Мича гIоргда йоIо а аьннадац, Ахлос а хаьттадац. Баха Тирках а баьнна, гIомарал да-а, тIошта да-а иха, IодоагIача цхьан хина тIакхаьчаб ераш. Дехьарча бердагара дIаболалуш хиннаб негIой мохк.

– Iа фу дий, – аьннад йоIо,– укх берда тIа вагIалахь, со дехьа а ваьнна воагIа хьона. Ши дийи бийсеи даьлча укх хига хьожаргва хьо. ЦIийи чопи цох IодоагIаш хуле, хьайна ма могга водаргва хьо, юха ца хьожаш.

Мегаьд, аьнна, из Iийнав, йоI дехьа а яьнна яхай.

НегIой аренашка лелача говрий ремаех кхоъ вIашагI а теха лаьллай уж йоIо. Йоккха рема цхьан сага лалла могаргдац, эгIа а, магIа а, юкъе а цу ремашта тIехьа ваьнна кхо говра-баьри хила везар. Ды турпала хиларца IоэгIа йоалаш – лоахкаш, хьалмагIа йоалаш – лоахкаш, ше цхьаькъа из еррига рема лаьлла йоагIаш хиннай йоI. ТIехьабаьннаб цунна негIой. ХIара говра тIа кхоккха вагIаш тIехьакхувш хиннаб. Рема гергьяь дIа а оттаяь, юха духьал ший ды тIалаьллаб йоIо. Цкъа техача Iадсаькхо кхоъ вожош хиннав, цкъа техача туро ялх вожош хиннав. Из деррига оарц доха а даь, дIахо лаьллай укхо рема.

Цу хана берда йисте вагIа Ахло хига хьежав. ЦIийи чопи дахьаш доагIаш хиннад хий. Из дIахьежача, гаьнна айбенна боагIаш дом хиннаб. Из юхе ме гIорта, хоаденнад Ахлойна уж негIой ремаш йолга, уж лехкаш воагIа ший новкъост а волга. ДIаваха дего витавац Ахло. Рема хи чу кхоаччашехьа а, гаьннара гучадаьннад негIой шоллагIа доагIа оарц. Ший хьаьша новкъостал де, аьнна, Ахло хи чу вала гIортташехьа: «Меттахьа ма валалахь,– аьннад йоIо, Iадсаькх тIа а хьожадаь,– хьо воале, аз Iадсаькх деттаргда хьона». Ахло юхаваьннав. Рема ах хи чу яьнна, ах дехьарча берда

тIа йолаш хиннай. Юха а ремах къаьста, цу негIошта духьал хехкай йоIо; Iадсаькх детташ, тур детташ берригаш хIалакбаьб. Кхы Iе ца венна, хи чу а ваьнна, из еррига рема сехьаяькккхай Ахлос. Циггача деррига оарц дохадаь, хIара веший пхьена кховзткъа негIе а вийна, йоI хьадехьаяьннай хих.

Цхьан оагIора Ахлос, шоллагIча оагIора йоIо лехкаш, из негIой рема йоалаяь дIаоттаяьй Ахлой коа тIа.

– Ер еррига рема хьа я, Iа сона даь новкъостал хиларах. Ер дой иштта а да, вешта а да хьона,– аьнна, цар еррига дикал дIайийцай. ХIанз йолча черсий говрий еррига белгалонаш я уж цо йийцараш. Уж дой цу негIой ремах хьахинна а да.

– ХIанз со вода, Iадика хийла хьа,– аьннад йоIо.

Турпала ды дIа а оттабаь, ший дын тIа а хайна, яхай из цIенгахьа. Ший ремашца гIадваха Ахло висав. ЦIаьхха дагадехад цунна: «Из малав, фу саг ва, цун цIи фуй мича хаьттар аз-м! ТIехьа а кхийна ца хаьттача ма Iе»,– аьнна, цу турпала дын тIа а хайна, тIехьа вахав говра ларах. ШоллагIча ден делкъел тIехьагIа гаьнна вода ший хьаша вайнав. Ахло тIехьакхелехьа, из йоI ший гIалий чу яхай. ЗIамига саг дIачуводаш бIаргавайнав Ахлойна. Шоай коа яьлча, ковна гIув а теха, ды дIа а оттабаь, веший барзкъаш дIа а даьха, шийдараш тIадийхад йоIо. ГIалий керте а яьнна, кийна кIал ботабенна хинна ший корта Iо а хийца, геза ахкарца из къажбе йолаеннай. Михо гаьнна дIакхухьаш хиннаб цун бIаьха корта. ГIалийга эттача, гIалий буххье латташ йоI яйнай Ахлойна. «Ма хоза я хьо!» – аьннад цо дагахьа. ТIаккха дIа а кхайка аьннад: «Укх коа ваьнна зIамига саг хьавехал». «Ахло,– аьлар йоIо,– из зIамига саг вацар, из со яр. Со малий а, цIи фуй а, кхыдар а хатта кхетам хиланзар хьа, негIой ремаш бIаргаяйча, эздел дехар хьа. Иштта из хиннадецаре, сох хьа сесаг а хургьяр. ХIанз гIой дIавала».

– А, из-вож,– яха ваьннав Ахло.

– ХIама хургдац, воле дIавала,– аьннад йоIо.

Де хIама доацаш вахав Ахло. КIезига-дукха гаьна ваьлча, хIета а дего ца вуташ юха а вена: «Йола сога маьре»,– аьннад.

– Ахло, дIавала. Тол хьона. Аз лозавергва хьо,– аьннад вокхо.

Низа ше котваргвоацилга ховш вар Ахло, де хIама доацаш из дIавахар. ЙоI ший гIалий чу Iийра. Из гIала Эса чIожах латташ я. «ЙиIий гIала» оал цох. Иштта кура дегаш долаш хиннаб наьрташ.

СЕСТРА СЕМЕРЫХ БРАТЬЕВ

В большой крепкой башне жили семь братьев [1] и сестра. Нарты уходили за добычей или ходили на охоту, а сестра присматривала по дому. В одно время с ними жили сильные и жестокие ногайские князья. Немного прошло времени, как они перебили по одному всех семерых братьев. Не осталось мужчины, кто бы мог отомстить за

их кровь. Ни одной слезинки не проронила сестра. Взяв одежду одного из любимых братьев, надев ее на себя, свернула она свои длинные волосы под папахой, села на коня [2] и отправилась в страну черкесов. Она была похожа на отрока, у которого на лице еще не появились борода и усы.

Приехав к черкесам, девушка спросила:

– Кто в вашей стране может ежедневно давать мне на ужин по одному барану?

– В том селе [3] живет человек по имени Ахло. Он может ежедневно закалывать по одному барану.

Девушка поехала к нему, сказала «ассалам-алейкум», тот ответил «ва алейкум-салам» и, забив одного барана, встретил гостя. Так прошло несколько дней. Ахло не спрашивал, кто она и откуда, и как ее зовут [4].

Однажды, сев на коней, девушка и Ахло вместе выехали в поле. На краю села пасся сельский табун. Они увидели, что одна невзрачная худая лошаденка, отделившись от табуна, паслась на том месте, куда все село сбрасывало навоз. В том месте трава была выше и сочнее.

Девушка сказала:

– Посмотри, Ахло! Это не обычная лошадь, это турпалов [богатырский] конь. Если ты отдашь своего коня за эту клячу, даст ли ее нам хозяин?

– Как же нет! Конечно, отдаст,– сказал Ахло.

Девушка погнала эту лошаденку, та забежала во двор своего хозяина. Прискакав вслед за ней, всадники остановились у дома и, когда вышел хозяин, Ахло спросил:

– Отдашь ли ты за моего коня свою лошадь? Если согласен, мы поменяемся.

Хозяин был весьма доволен. Ахло отдал ему своего коня, а сам сел на лошаденку и вместе с девушкой поехал домой.

И тогда девушка сказала:

– Три года держи этого коня на привязи в конюшне, куда не проникает ни один солнечный луч [5].

Она научила Ахло, как нужно ухаживать за ним, какой корм задавать, из какого родника поить. Сказав все, что нужно, и пообещав через три года приехать, девушка уехала восвояси.

Три года ухаживал Ахло за богатырским конем так, как советовал гость, но сквозь соломенную кровлю конюшни, через отверстие величиной с иголку, которое Ахло не заметил, в полдень проникал солнечный луч. Он постоянно падал на широкий круп лошади. Через три года, надев на себя одежду брата и скрыв волосы под папахой, девушка вновь поехала к Ахло. После приветствий и расспросов Ахло сказал, что, соблюдая совет, три года ухаживал за конем. Пошли они в конюшню. Только вошли, девушка подошла к коню и поставила палец на то место крупа, куда падал солнечный луч.

Затем сказала:

– На это место падал солнечный луч. Надо еще три года содержать этого коня.

Когда Ахло внимательно осмотрел кровлю, он обнаружил щель величиной с иголку. Он утроил кровлю, и девушка уехала. Через три года она вернулась. Посмотрев на коня, она признала, что теперь он в полной силе. Затем она сказала Ахло, что пора собираться в путь. Девушка не сказала куда, а Ахло не стал спрашивать. Перейдя через Терек, проехав через песчаные и каменистые земли, доехали они до одной реки. С другого берега начиналась ногайская земля.

– Вот что. Ты останешься на этом берегу, а я, побывав на том берегу, вернусь обратно. Через два дня и две ночи ты посмотри на реку. Если по ней будут течь кровь и пена [6], ты во всю мочь, без оглядки уходи отсюда,– сказала девушка.

– Хорошо,– сказал Ахло и остался, а девушка перешла реку.

Из табунов, которые блуждали по ногайским степям, она согнала три табуна в один и погнала его. Одному человеку не под силу управлять даже одним табуном, его должны гнать трое-двое по бокам и один посередине. Но богатырский конь позволял ей скакать от одной стороны табуна к другой. Таким способом она одна справилась с табуном и гнала его быстрее ветра. За ней в погоню ринулись ногайцы. Сидя по трое на одном коне, они уже почти догоняли ее. Согнав весь табун, она поскакала им навстречу. От одной ее стрелы падало трое, от одного удара меча – шестеро. Разбив слуг ногайского князя, она погнала табун далее в свою сторону.

В это время Ахло с берега посмотрел на реку. Вода несла и кровь, и пену. Когда же он посмотрел вдаль, то увидел, что движется пылевая буря. По мере ее приближения он стал различать, что это мчится табун лошадей и что гонит табун его друг и гость. Сердце не позволило ему уйти. Когда табун приблизился к реке, вдали показалась вторая погоня.

Желая помочь своему гостю, Ахло только собрался перейти реку, как девушка сказала:

– Ни с места! Иначе я пущу в тебя свои стрелы.

Ахло остался на месте. Полтабуна перешло реку, а другая половина только еще переходила. Оставив табун, девушка опять поскакала навстречу погоне. Стрелами и мечом она уничтожила всех врагов. Не вытерпев более, Ахло пошел в реку и перегнал оставшихся коней угнанного табуна. Так, за кровь каждого брата девушка уложила по шестьдесят врагов и перешла на этот берег реки. Погоняя табун с двух сторон, привели они коней во двор Ахло.

– Весь этот табун остается тебе за твое товарищество. Эти кони имеют такие-то, такие-то качества,– сказала девушка и поведала ему обо всех их достоинствах [7]. А теперь я ухожу. Прощай и будь здоров.

Оставив богатырского коня и сев на свою лошадь, она поехала домой. Радостный Ахло остался с табунами. Но вдруг он вспом-

нил: «Ведь я так и не спросил, что он за человек, откуда он и как его зовут. Не успокоюсь, пока не догоню и не расспрошу». Сев на богатырского коня, Ахло поехал по следу, оставленному лошадью девушки. На второй день после полудня увидел он вдали своего гостя. Не успел Ахло догнать его, как девушка въехала во двор. Ахло видел, как молодой человек вошел в дом. Девушка сняла одежду брата и оделась в женское платье. Взойдя на самый верхний этаж, она распустила по ветру свои спутавшиеся волосы и стала расчесывать их латунным гребнем. Ветер далеко относил длинные пряди ее волос. Когда Ахло подъехал к башне, он увидел наверху девушку. «Какая же ты красавица!» – подумал он про себя.

Затем крикнул ей:

– Позови мне того молодца, который въехал в этот двор.

– Ахло, то был не молодец, это была я. У тебя не достало сообразительности спросить меня, кто я, откуда и как меня зовут. Твое благородство покинуло тебя, когда ты увидел пригнанных коней. Не случись этого, я могла бы стать твоей женой. А теперь езжай обратно.

– Нет, как же! – стал говорить Ахло.

– Ничего не выйдет, уезжай,– твердо сказала девушка.

Скрепя сердце поехал Ахло обратно, но, немного проехав, он вернулся обратно и сказал:

– Выходи за меня – прошу тебя!

– Ахло, уезжай! Лучше будет, иначе я могу применить силу.

Зная, что силой ему девушку не одолеть, он уехал к себе.

Девушка осталась жить в своей башне, которая находится в Ассинском ущелье и называется Девичьей башней [8]. Такими гордыми были нарты.

В 1967 году от жителя села Верхние Ачалуки Исмаила Бириханова записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ГЭЧИ. С. 374; ГІФ-91. С. 83; ГІОДФК. С. 115; ИССП. С. 417.

[1] Среди эпических чисел ингушей (3, 9, 12, 63) видное место занимает число 7.

[2] Часто переодевание девушек в мужскую одежду происходит, когда в семье не остается наследников (кровомстителей) по мужской линии.

[3] И сегодня это место *по-инг.* назвыается Ахло-Юрт (Эльхотово).

[4] Хозяин не имел права расспрашивать гостя о цели его путешествия, особенно в первые три дня, но должен был поинтересоваться при расставании.

[5] Обычным для сказаний и богатырской сказки почему-то является содержание коня в темноте.

[6] Герои некоторых сказаний по неизвестной причине идут за добычей в море. Часто там же находятся и враги героя. Появление же на поверхности воды крови и пены как бы является свидетельством кровавого боя героя с подводными врагами.

[7] Рассказавший сказание Д. Бириханов отметил, что современная знаменитая порода кабардинских коней идет от ногайской породы.

[8] В Ингушетии, в Ассинской котловине, на вершине ЦIе-лоама находится так называемая Девичья башня. Находится она в труднодоступном месте.

Как бы в продолжение приведенного сказания в народе бытует следующее предание:

«Девушка одичала. Если кто приходил к башне, она в ней запиралась. Если в лесу на охоте кто-либо встречался с нею, то она убегала. Внизу, под скалой, на которой стоит башня девушки, жили люди. Они сеяли просо. Но, говорят, девушка сверху так мочилась, что урожай погибал. Тогда люди решили: если не лишить ее девственности, то житья не будет. Никто не отваживался пойти к этой богатырше. Наконец один мужчина согласился. Он взял с собой сушеного мяса и пошел к ней. Увидев его, девушка побежала назад. Мужчина же тоже побежал, но в другую сторону. Девушку этот поступок заинтерисовал, и она догнала этого мужчину. Тут они сели и мужчина накормил ее этим вяленым мясом. Оно было соленым. У девушки появилась большая жажда. Мужчина вместе с ней спустился к реке и там лишил ее девственности. С тех пор девушка уже не могла портить урожаи. Этот мужчина женился на ней».

Этот текст имеет в народе широкое хождение.

* * *

64. ОРШМЕ ВОI

Сеска Солса паччахь санна саг хиннав. Цун гаргара волаш хиннав Орзме Оршми. Лелалуш саг хиннав из. Цхьанахьа гIолла из водаш, кхийттав цох макха миссел йоккха модж а йолаш, бий-дол миссел мара дегI а доацаш цхьа баьре. Орзме Оршми ваьшавац цох, фуй ер, аьнна, хийтад цунна. Шийх из ца вашар хайнад цу бий-дол миссел волчоа. Ды эккхабаь Орзме Оршмена юхеваха, кулг дIакховдадаь, дын букъ тIара дIаийцав из. Шийна дIатIехьашка а тоссаш, нуврах вийхкав цо Орзме Оршми. Ды лаьлла волавенна гаьнна цхьанахьа Iургах чувахав. Хьаваьста Iо а хоаваь, цхьа саг а йоалаеш хьавенав из бий-дол миссел вар. ТIаккха аьннад цо:

– Ер са йиша я. ДIайига из хьайна. Укхун бIарг ма баккха, ностког каг ма де, хьайна цох гIалат гучадоале, укх Iурга тIайоалайийя дIа а хеца.

Цу сагаца ваха хайнав Орзме Оршми. Вахаш, цун гIулакх тоаденнад. Сеска Солса когаметта паччахь а хиннав цох. Наха дукха везаш хиннав Орзме Оршми. Ший карара даьнна паччахьа доал дагадоаллаш хиннав Сеска Солса. Цхьа гIам-сесаг тIайийхай цо. Фу дича, фу хургдар, аьнна, цунца дагаваьннав из.

– Сона хов фу де деза,– аьннад гIам-сесаго.– Цхьацца бIарг мара боацаш вола виъ саг Iохоаве паччахьалкхе болча боккхача биъ наькъа тIа. ДIа-хьа болхача наха паччахь малав шун хаьттача,

Орзме Оршми ва, алийта. Из фу саг ва, аьнна, хаьттача, цар ала деза: «Дала теха дика саг ва, къахетаме ва, нах безаш ва, бакъда, сесаг нахаца лелаш я цун». Цу виъане иштта дийцача, Орзме Оршми ше дIагIоргва, аьнна, хьехар даьд гIам-сесаго.

Боккхача биъ наькъа тIа сагIа деха Iохоаваьв цхьацца бIарг бола виъ саг. ГIам-сесага хьехарца аьннар оалаш хиннаб уж, шоашка хаттар даьчунга. Цох дика кхоабаш воагIаваьв из виъ саг. Орзме Оршми цкъа араваьннав, ший паччахьалкхе фуд-малад ха, аьнна. Лелаш, цу виънех цхьаннена тIакхаьчав. Хаьттад цунга:

– Малав шун паччахь, фу саг ва ер?

– ЧIоагIа дика саг ва, къахетаме ва, камаьрша ва,– аьннад,– бакъда, сесаг нахаца лелаш я цун.

СагIа а денна, дIахо вахав Орзме Оршми. Цу бIарг боацачарна вовзаш хиннавац из.

ШоллагIчоа, кхоалагIчоа, виълагIчоа тIавахача, иштта жоп деннад цунна. ТIаккха шекваьннав Орзме Оршми. Сов хIама ца оалаш, из сесаг дIайигай цо цу Iургага.

– Къонах, со дIакхаьчай,– аьннад сесага,– хьай урс дал сона,– аьннад.

ДIакховдадаь урс дIа а йица, ший китах хьекхад сесаго. Цу чура кIаьнк хьаваькхка дIакховдаваьв.

– ТIехк йоаца думии, чкъорг йоаца маькхи, шура-даьттеи мара хIама ма лелахь укхунна,– аьнна, Iургах яйна дIаяьннай сесаг.

Из кIаьнк чокхе Iержа чу вилла дIаволавеннав Орзме Оршми, Iерж яьгай цу кIаьнках. Ферта ткъама чу веллача, из а боагабаьб. Ший дегIа че велла дIавигав цо из кIанк. Ший наннеи даьнеи из кIаьнк дIавеннав цо, иштта-вешта лелаве веза ер аьннад. Шийна бохам хиларах, паччахьал а дита, акхаваьннав из. Нигат даьд цо: «Аькха эккхадаь, сай кулгаца хьалаьцача мара са хург ма дац из»,– аьнна.

Сеска Солса паччахь а хинна Iохайнав. КIаьнк кхувш воагIаш хиннав. Орзме даи-нанеи дика а ший ханнахьа а хьожаш хиннаб кIаьнкага. Цун даь-да Орзми а дIаваккха дага хиннад Сеска Солсана. Ше хьоалчагIа деш ва, аьнна, нах чубийхаб цо. Орзми а вийхав цо, дохьаж моладаь, цIаста моладаь из ве дага хиннад цунна. Орзмена а ховш хиннад из. Ца ваха дего а витавац из. Вийхача шун тIа вахав Орзми. Цу гIулакха сов сагота хьайзача, йоккхача саго ханал тIехьа яахIама еннай кIаьнка.

– Ханнахьа сона яахIама хIана яланзар Iа, фу хиннад? – хаьттад кIаьнко.

– Хьа даь-да Орзми вийхав Сеска Солса деча шун тIа, кад а молабаь из ве воал из,– аьннад даь-нанас.

Барзкъа а дийха, Сеска Солса волча шун тIа ваха, Орзмена тIехьашка дIэттав из. Сеска Солса лоаладаь цIаста чудолаш кад байтаб Орзмена, из дIамала беза Iа аьннад. Кад бахьаш воагIачо кад дIакховдабича, тIехьашкара кIаьнко кулг дIа а кховдадаь, кад дIаийцаб.

– Со ер кад мала воал сай даь-даьна хьалхара,– аьнна, из кад дIа а менна, аьннад:

– Сеска Солса, аз-м дIамелар хьона ер кад, хIанз доагIача кIирандийнахь тхо долча шун тIа дахка деза шо. Хьай саг кийчвергва Iа оаха оттабу кад мала.

Из де мегадац Сеска Солсана, цун паччахьал дежад. Боккхача нахага а хаьтта, ший да лаха араваьннав из кIаьнк. Лелаш, лелаш, бIаргавайнав цунна саьна тIехьведда вода цхьа саг. Сов йIаьха модж хиннай цун. Сай босагIа урагIа бедача, модж кога кIала ухаш, тIехьакхувш хиннавац из, сай босагIа Iобедача – кхувш хиннав. Воккхача сагах къа а хийта, кIаьнко техха сай бийнаб.

– ХIана бийр Iа из, сай кулгаца лаьцар мара хIама дуаргдац, аьнна, нигат даь ма вий со! – аьннад воккхача саго. Из Оршми хиннав.

– Хьо са да ва, со хьа воI ва,– аьнна, дIадийцад кIаьнко.

Берригаш вIашагIа а кхийтта, баха хайшаб уж.

СЫН ОРШМЫ

Сеска Сосла был подобен владыке. Его родственником был Оршма, сын Орзми. Он был вездесущ. Едет он как-то и встречает всадника величиной с локоть и бородой с копну [1]. Оршма, сын Орзми, не посчитался с ним, считая его за ничтожество. Карлик величиной с локоть проведал об этом. Подскакал он к Оршме, выхватил его с крупа коня и приторочил к своему седлу. А затем на коне въехал в отверстие в земле [2].

Развязал он Оршму, через некоторое время привел к нему девушку и сказал:

– Это моя сестра. Бери ее замуж за себя. Не лишай ее зрения, не калечь. Если же она в чем-либо провинится, то приведи ее к этому отверстию и отпусти.

Стал Оршма с ней жить. Дела его улучшились. Он во всем превосходил Сеска Солсу. Люди относились к нему с уважением. Сеска Солса всем этим был сильно обеспокоен. Призвал он женщину-гам и стал с ней советоваться.

– Я знаю, что предпринять,– сказала гам.– Посади на четырех дорогах четырех одноглазых попрошаек. Пусть они подтвердят, что их владыкой является Оршма. Если же станут о нем расспрашивать, то пусть скажут, что он хороший человек, справедлив, добр, но жена все-таки ему изменяет. Если все четверо так скажут, то Оршма покинет эти края.

На четырех больших дорогах усадил Сеска Солса четырех одноглазых попрошаек. Они говорили всем, обращавшимся к ним, как им посоветовала гам.

Однажды пошел осматривать свои владения Оршма, сын Орзми. Ходил он, ходил и наткнулся на одну из попрошаек.

– Кто ваш владыка? Что он за человек? – спросил Оршма.

– Он хороший человек, справедлив, добр, но жена изменяет ему,– ответила попрошайка.

Дал ей Оршма милостыню и отправился дальше. Одноглазые попрошайки не знали Оршму в лицо.

Встретил он вторую, третью, четвертую, и все они говорили ему одно и то же.

Тогда Оршма усомнился в верности жены и отвел ее к отверстию в земле.

– Дай мне свой нож,– обратилась она к мужу.

Он дал ей нож. Этим ножом она вспорола себе живот, вытащила мальчика и передала его мужу со словами:

– Корми его только курдюком без костей, хлебом без корки, маслом и молоком.

И она исчезла в отверстии.

Оршма, сын Орзми, положил мальчика в полу черкески, но она тут же сгорела. Положил он мальчика в полу бурки – и она сгорела [3]. Тогда он взял его на руки, принес домой, передал своим отцу и матери и рассказал им, как за ним следует ухаживать.

После этого Оршма бросил свои владения и одичал. Он дал клятву: «Только пойманные моими руками зверь или птица будут принадлежать мне».

Владыкой края стал опять Сеска Солса.

А мальчик рос. Орзми и бабушка хорошо за ним смотрели, вовремя кормили.

Сеска Солса задумал лишить жизни и Орзми. Однажды устроил он пир и пригласил гостей. Позвал он и Орзми, желая напоить его ядом или расплавленной медью и убить.

Орзми догадался об этом, но гордость не позволила ему отказаться. И он отправился к Сеска Солсе. Обеспокоенная этим, бабушка довольно поздно накормила своего внука.

– Почему ты не вовремя меня накормила, что случилось? – спросил внук.

– Твоего дедушку пригласил на пир Сеска Солса, хочет его напоить и убить,– сказала бабушка.

– Дай мне одеться,– сказал мальчик. Оделся он, пришел на пир к Сеска Солсе и стал позади Орзми.

Сеска Солса прислал Орзми полную чашу расплавленной меди, чтобы он выпил ее. Стали подавать чашу.

Мальчик первым протянул руку, взял ее и сказал:

– Я хочу выпить эту чашу вместо своего деда.

Он выпил ее и обратился к Сеска Солсе:

– Я выпил эту чашу. В следующее воскресенье приглашаю тебя на пир к нам.

Прибыл к ним Сеска Солса и не смог выпить предложенной чаши. Тогда владычество его в крае кончилось.

Мальчик расспросил у стариков про отца и отправился на его поиски. Ходил он, ходил и увидел длиннобородого человека, бе-

жавшего за оленем. Когда длиннобородый бросался за оленем в гору, то борода цеплялась за его ноги, и он не мог настигнуть оленя. Когда же олень бросался с горы вниз, длиннобородый мог догнать оленя.

Мальчик из жалости к нему уложил бежавшего в гору оленя.

– Почему ты убил оленя? Я же дал клятву питаться лишь тем, что добуду своими руками,– сказал длиннобородый.

– Ты мой отец, а я твой сын,– и мальчик обо всем рассказал ему.

Все они встретились – отец, мать, Орзми, бабушка – и стали счастливо жить.

В 1973 году от 73-летнего жителя села Бамут Мурцаала Мусиевича Мержоева записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ГІФ-91. С. 11; ССПЧИ. С. 246; ГІОДФК. С. 17; ИССП. С. 278.

[1] *Величиной с локоть* – речь идет о персонаже «Бийдолг-бяре» (Всадник с локоть и кулак), который в сказаниях и сказках предстает врагом, крадущим чужих жен и т. д. Одолеть его можно лишь с помощью какой-либо хитрости. Иногда он совершает положительные поступки.

[2] Это единственное указание, что Бийдолг-бяре обитает под землей, что позволяет видеть в этом герое хтонические признаки. Своим ростом, местом обитания этот герой напоминает гномов, троллей. Также этот персонаж напоминает ранее приведенного в комментариях Накий Лоха Бошгольга.

[3] Имеющееся здесь сообщение, что ребенок родился раскаленным, сближает его со «стальными» Соска Солсой и Хамчи Патаразом.

* * *

65. НАЬРТАШ МАЙРЕИ БОЛАТИ

Ховш ма дий, Мелхиста гаьнна лоамашка уллаш йолга. МоастагІ атта гІоргвац цигахьа. ХІаьта а цкъа ГуржегІара ена хиннай аьрзи, морх миссел йоккха а йолаш. Кхай тІа болх беш ши къонах хиннав. ТІаккхийттача аьрзе шаккхе хьа а лаьца, сигала а яьнна, ГуржегІа дІаяхар.

ВІашагІа а кхийтта, кхеле хайшар Мелхистара дикагІа бола къонахий.

– Геттар къабеннача боккхача наха а дагаягІац иззамо йола унзара аьрзи. Вайх ши саг вихьа волаш, адама дулхах хьадж а кхийтта, хІанз соцаргьяц из вай дерригаш доадалца. Ма хулла сихагІа из йийна дІаяькккха еза вай, гІулакх гаьна ца доаккхаш.

Мелхашта юкъе геттар цІихеза волаш ши наьрт хиннав, Майреи Болати, яхаш, цІераш йолаш. Уж а, кхыбола наьрташ санна,

цIагIа багIара тIера хиннабацар. Цар бIуна баьчча хиннавар воккха а дуне дайза а наьрт Сеска Солса. Кхело лаьрхIар махулла сихагIа Майреи Болати цIавоалавар, царна из бекхам IотIабилар духьа. Цу хана уж цхьанахьа ГIалгIайче лелаш хиннабар. Баха, цигач уж хьа а леха, боккхача наха цIадувла йоах шуга, аьлар. ЦIакхаьчача, арахьа дукха йорт етташ лел шо, аьнна, бехк а боаккхаш, из унзара аьрзи йий дIаяьккха еза оаш, аьлар боккхача наха.

Майреси Болатаси нахага аьлар, гIулакх доацаш дийнахьа ара ма лела. ХIаьта шоаш-ма бIарччача денна массанахьа лела баьлар. ШоллагIча дийнахьа Мелхиста ера из унзара аьрзи. Сигала лелаш, бIаргавейра цунна дегIа онда волаш, вIаший уллув ваьнна вола ши къонах.

– ХIа-а, ер ба хьона са кхача,– оалаш, сигалара царна IотIаежар из аьрзи.

ХIаьта цу шин наьрто хьалхе а вIаший барт баь хиннабар: «Юхь-духьала отталуш летача, вай цу аьрзах котдаргдац. Хьал-Iо етталургья из, ший доккхий ткъамаш хьатIадеттаргда. АттагIа да вайна цкъа цунна кара а даха, тIаккха цох летача».

МIарашца уж наьрташ хьа а лаьца, ший б1и болча дIаяхар аьрзи. Сигала гIолла шоаш дIабугаш, Майрас аьлар Болатага:

– Ший бIенага аьрзи дIакхаьчача, цкъарчоа вай шиъ Iо а хийца, тIаккха ший шин кога тIа оттаргья из. Цул тIехьагIа мара вайх лата торо яц цун. Из лоацца юкъ вай шинне я. Из зехьа дIаяхийта а йиш яц вай. ХIа, аьнна, цо вай шиъ Iохеццашехьа, шиннахьара тIадеттаденна, товраш Iетташ, из е еза вай.

ЧIоагIа низ болаш хиннаяр аьрзи. МIараши зIоки аьшках яь хиннаяр цун. Аьрзе боккха бIи боаллаш хиннабар Iалаьмат ала лакха йолча чхара бухье. Ший бIена тIа отташехьа, аьрзес, цкъарчоа, Iохийцар уж наьрташ, тIаккха когаш тIа эттар. Цу лоацца юкъа наьртий кхийр товрашца цун еррига че йохае. Ше леш, етталуш йолашехьа, ераш баа дагахьа зIок дIаеттар аьрзес. Лораваланзар Болат,– цун пхьукIоагах кхийтта хилар аьрзе зIок. Цигга яла а елар из аьрзи. ЦIет доаккхаш, наьрташа хоаддаеш хьаяьхар цун аьшка зIоки, мIараши.

Йоккхача халонца IокIалабаьлар уж цу чхара тIара. ЦIаьхха хьатIабайдар царна дукха нах. Гуржий хиннабар уж, цу аьрзех лечкъаш лийна. Майреи Болати везвеш, йоккха че йир цар. ТIаккха доккхий совгIаташ а денна, Мелхистенгахьа накъа баьхар.

Цу аьрзес техача зIокара бахьанце Болата корта лозабувла баьлар, тIаккха велар из. Мелхисте дикагIа йолча босен тIа, лакхе, цу аьрзе зIоки мIараши лаьттах ехкар Майрас. ТIаккха царна тIа хьалдайтар маьлхара каша. Цу чу Iодилар цо Болата дегI. Цу босенах Майрас цIи тиллар «ЦIай-пхьеда», аьнна. Ший хана Майри кхелхача цун дегI а Iодилар Болата юхе.

НАРТЫ МАЙРА И БОЛАТ

Общество Мелхиста, как известно, лежит глубоко в горах, и не каждый враг туда доберется. Но как-то однажды из Грузии прилетел орел, огромный, как туча. Схватил он работавших в поле двух мужчин и полетел назад, в Грузию.

Собрались мелхистинские старейшины и стали думать.

«Такого страшного орла не помнят даже наши глубокие старики. Утащил он двоих из нас и теперь, отведав человеческого мяса, не успокоится, пока всех нас не сожрет. Нам обязательно надо его убить, иначе житья нам не будет».

У мелхистинцев особенно прославленными были два нарта. Одного звали Майра, а второго – Болат. Они, как и другие нарты, дома почти не бывали. И в это время во главе с Сеска Солсой они были где-то в Галгайче. Их там нашли и по велению стариков призвали домой. Старики потребовали, чтобы они избавили народ от этого чудовищного орла, а не слонялись непонятно где.

Майра и Болат сказали всем людям, чтобы без особого дела они днем не выходили никуда, а сами вдвоем стали разгуливать по разным местам. Не прошло и двух дней, как над Мелхистами вновь появился орел. Стал он кружить и заприметил рядом идущих двух рослых мужчин.

«Вот это и есть моя добыча!» – решил орел и с высоты устремился на них.

А нарты заранее договорились между собою: «В открытом бою мы орла не одолеем, ибо он будет то взлетать, то падать, то напускать на нас свои перья. Лучше позволим ему нас схватить, а уж сцепившись, бой вести гораздо легче».

Схватил орел их своими когтями и полетел восвояси. Летят они, и Майра говорит Болату: «Когда орел подлетит к своему гнезду, он сначала выпустит нас, чтобы самому стать на свои лапы и потом приняться за нас. Мы должны не упустить то небольшое время, когда он выпустит нас, а затем станет на лапы. В этот короткий момент мы должны с двух сторон исколоть его саблями».

А орел был очень силен. Его когти и клюв были железными.

Большое гнездо орла находилось на огромной высокой скале. Орел сбросил нартов в гнездо, а затем и сам сел в него. Но за столь короткое время нарты уже успели его распотрошить своими саблями. Умирает орел и все же тянется клюнуть свою добычу. Не сумел уберечься Болат, и орел успел клюнуть его в затылок. Тут орел и дух испустил. Нарты же в качестве трофея отрезали его железные когти и клюв.

С большим трудом они спустились с той скалы, как вдруг откуда ни возьмись, набежало много людей. Это были грузины. Они, оказывается, прятались от орла. Они для нартов устроили большой пир, а потом с почестями и подарками проводили их.

От того удара орлиным клювом у Болата стала болеть голова и вскоре он умер. Майра выбрал в Мелхистах самый хороший склон горы, на вершине склона он зарыл орлиные когти и клюв. Затем он велел над ними воздвигнуть солнечный могильник-склеп, в который он положил Болата. Склон этот Майра назвал Цай-пхеда [1] – Обитель святых. Когда Майра умер, его положили в этот солнечный могильник рядом с телом Болата.

В 1973 году от пожилого мелхистинца Дауда Хаяури записал Борис Садулаев.
Публикуется впервые.

[1] *Цай-пхеда (по-инг.: ЦIай-пхьеда.)* – огромный «город» мертвых в Мелхистах. Слово *«ЦIай»* многозначно: оно может означать *«божественное»*, *«праздник»*, *«святое»*. Встречается в топонимии; например, *Цай-лоам* – божественная гора, облюбованная богом грома и молнии Селой; также и Цайское ущелье и др. названия.

* * *

66. ТАМАШИЙНА ГIОЗ

Сата кхийна дIаэттача хана цун дас Селас, совгIата тамашийна гIоз бенна хиннаб цунна. «Аьннар хулийта гIоз» оалаш хиннад цох. Цу гIозара тIагIолла кулг а хьекха, моллагIа дола цхьа хIама хаьттача, гIозаро жоп луш хиннад укх дунен тIа долаш мел долча хIамах. Нагахьа санна Сатас хаьттача: «Мича ва са Сеска Солса, фу деш ва из?» ГIозаро жоп луш хиннад: «Из ва Вампала-чIоже а ваха, вампалашкара йоал ийеш лелаш». Е кхыдола хIама а дувцар.

Форда бухе вахаш хиннавар Саьса яхаш вампал. Из гIоз чIоагIа безабенна хиннабар цунна. Фу дича хьабоаккхаргбар-те из, яхаш, уйла еш хиннавар из. Хайр цунна, шинарча дийнахьа Селий Сата форда тIа хIамаш йитта ухаш йолга. Пхоаринг, яхаш цIи йолаш цхьа чкъаьрилг хиннабар Саьсас карагIомабаь. «Боле, – аьлар цунга, – Села Сатий пIелг тIара баькккхе, гIоз хьаба!»

Баха кIийленна хайр Пхоаринг. Дукха ца говш, ена хIамаш йитта берда тIа хайр Села Сата. Говза хиннабар Пхоаринг: Села Сатийна ца ховш, цун пIелга тIара а баькккха, гIоз бихьар. ЦIакхаьчача мара ханзар Села Сатина из ший бихьалга. Наьрташта доккха зе хилар цох. Села Сатийга гIоз болча хана, царна атта хиннадар ха моллагIча мехка фу доал, фос яькккха мича ваха мегаргва, сигала а лаьттан кIалха а фу доал.

Елха-када Iохайр Села Сата. Хайр цунна, форда паччахьас ший гIоз бихьалга. «Фу хиннад, фу даьд?» – яхаш хетта баьлар наьрташ. Села Сатас царга аьлар:

– Вай хоама гІоз форда паччахьас бихьаб. ХІанз къайлагІадар шоана хьагучадаккха торо яц са. Малав-те шоах из гІоз хьабаккха могаргдолаш?

Цхьацца бахьанаш а доахаш, наьрташ дІаюстара бувла баьлар. ЛоархІабацар уж берригача форда доал деш хиннача паччахьа дегІалабаха. Юкъага кхаччалца адама дегІ а долаш, юкъагара Іо сармака дегІ долаш, кадаш миссел доккхий бІаргаш долаш урсаш санна мІараш йолаш хиннавар из форда паччахьа. Цо доал деш хинна чкъаьрий чІоагІа тамашийна дар. Говраш хийла шох, цо аьлча, говраш а хиле, фордала ара а яьле, яжа дІаоттар уж. Нагахьа санна Саьсас бІухой хийла шох, аьлча, мел йола тІема кийчо шоай кара дегІа тІа а йолаш дІаоттар. Паччахьа ше а хиннавар хи чу а ара а паргІатта лела могаш. Бакъда хих гаьнавала йиш йолаш вацар. Цудухьа наьртий коашка из а вагІацар, цох лоралуш, дІаюстара бувлаш наьрташ а хиннабар.

Сеска Солса цу хана ший бІица Эдал дехьа ваха лелаш вар. Бисача наьртех шийна пайда ца гуш, Селий Сата кхы а чІоагІагІа када йолаелар, Даьлага кхайкаш. Петарза цу хана лаккха лоамашка хьал а ваха, Башлоам тІа хьагІараш йоаеш лелаш вар. Хезар цунна цхьан елхача кхалсага узамаш. Іохайна ладийгІача, хайр цунна оарц дехар Села Сата йолга. Меттахьара хьайр Петарза. Цхьан лоам тІара вокха лоам тІа кхувсалуш, ІокІала а ийккха, Села Сатийна хьалхашка дІаэттар из.

– Ва-а, тха нани, фу хиннад, фу бала къувл хьа? – аьнна хаьттар цо.

Шоай нана из йоацашехьа а, цунна сий деш, наьрташа «тха нани» оалар цох.

Хиннар фуд хайча, аз бергба цунна боагІаш бола болх, оалаш, Петарза дІаэккха велча, из соцавир Села Сатас.

– Хьо майра а ва, денал долаш а ва, бакъда Саьса иштта атта лергвац. Ийс са да цун дегІах доаллаш. Наькха юкъе дегІах йоаллаш я цун кІопилг, цу чу доал ийс хьазилг. Уж доадича мара Саьса лергвац. Хьо цох лата вахача, чкъаьрех бІухой а баь, уж тІалоахкаргба цо. Аз тамашийна цхарал лургба хьона, царна духьала кхосса. ТІаккха цу чкъаьрех дой а даь, уж тІалоахкаргда цо. Царех латаргйола ЦІокъ цІе ІайгІар лургья аз хьона. ТІема Іема я из. Цо из еррига ІайгІарий рема йохаергья хьона. ТІаккха дегІалла ваха, лата везаргва хьо цу паччахьах. Хьа тур цох латаргдац. Аз лургда хьона тІема ше чухьадаш дола цІи тувса тур. ХІанз хьаволе соца, – аьнна, баха дІаэттар ераш цхьан лакхача лоамага.

Аьлар тІаккха Села Сатас: «Гой хьона укх лоам тІа йила улла ер йоккха Іоакъа. Кховзткъанега а меттахьа йоаккхалац из. ДІахо цу лоамах дІайодаш хьагІар я. Еррамо кхы а бархІ Іоакъа я яьккха езаш. ТІаккха гургья хьона фоартага кхаччал пхьажагІа йоалла ІайгІар, гургда хьона пенах элла дола цІи тувса тур.

ТІакхийттача Патарза из Іоакъа хьа а яьккха, кара коарча а яь, гаьнна дІаяхийтар, фордала йохийташ. Иштта йоаккхаш

яхийтар кхы а ялх Іоакъа. ХІаьта ворхІалагІа, бархІалагІа Іоакъаш цІокъ цІе ІайгІаро деттача цІогІах лийлха дІаяхар. Ер ве, аьнна, тІакхоссаелар цІокъ цІе ІайгІар. Цун хьаь юкъе ший болата бий балийта, дІа-а кІагора бахийтар цо из ди. Кхоссавенна цунна тІа а хайна, Села Сатас сона хьамсара баьб хьо, Патарзас оалашехьа, ІайгІар сецар, кхы корзагІа ца ювлаш. Аьлар ІайгІаро:

– ДІа-а улла цІи тувса тур хьаэца виц ма лела!

Тур хаьн а элла, араволавелар Петарза. Села Сатас, кисара хьа а даькккха, йовлакх дІакховдадир цунна. Аьлар:

Саьсас хьайна бІухой тІалаьхкача, ер йовлакх хьалкхоссаргда Іа, боккха цхарал хьахургба цох. Паччахьана дегІала вахача, цІи тувсача укх тураца цун накъа боаттІабе беза Іа.

– Баркал, нани, Іадика хийла хьа, – оалаш Патарза дІаийккхар.

Бетта бе безаш бола никъ бІарг тохача юкъа баь, фордага эттар Петарза. КорзагІа баьнна бар форд, Петарзас цу чу йийттача Іоакъоех бахьан. Ший пурам доацаш, форд корзагІа баларах эгІаз а ваха вагІаш хиннавар Саьса, царгаш а хьекхаеш. ГІозарага хьежача, бІаргавейра цунна берда тІа этта латта Патарза. Цхьан хана, хІама ховча наха аьнна хиннадар паччахьага, цІеча ІайгІара тІа вагІача баьречох лоралелахь, аьнна. ЦІокъ цІеча ІайгІара тІа вагІа Патарза вайра цунна.

Іочукхайкар Патарза:

– Яь-яьй, хи чура пхьид, аз маьрша ют хьо, тха наьна Села Сатий гІоз Іа хьабелча!

ХІама ца хозаш санна хи бухе ваьгІав Саьса. ШозлагІа а кхозлагІа а Петарза маьрша кхайкача, гаьннара форда чура ший унзара йоккха бат хьаара хьийкха Саьсас аьннад.

– Мозан кІориг, хинжилг, яхийта укхазара! – гІоз хІанз ший да волаш ба!

– Хи чура бІеха пхьид со эгІаз вигар Іа! Ховргда-кх хьона, хІанз фу хул! – оалаш, Патарза фордала ийккхар.

– ДІатоха цунна, – оалаш, – Петарзана тІаляллар цо ший мел хинна чкъаьра.

Цусахьате бІухой хилар царех. ЦІодз миссел тІаболабелар уж Петарзийна. Кисара даькккха, Села Сатий йовлакх дІадухьала кхессар Петарзас. Хьахилар боккха цхарал. БІухой тІехьашкахьа теІар.

– Дой хилда шох! – оалаш, шод а лоастаяь, бІухоех хьахинна сийна дой фордара аралаьхкар Саьсас. ТІахьедар уж цІокъ цІе ІайгІара. ТІема Іомаяь хинна из кхоссаенна сигала йодаш, тІаккха чухьеде дой хІалакдеш хьайзар. Форда чура араийккхар Саьса. ЦІи тувса тур а даькккха, цох летар Петарза. Йоагаш йолча цІерах чІоагІа кхераш хиннавар Саьса, цІеро дилла хий докъадеш хиларах. Петарзас цІи тувсача тураца техха хьа мел яькккха маьже Саьсий дегІах юха хотталуш хиннай. Кхыметтале тураца корта дІабахийтача а. из а бахе, ший метта дІаотташ хиннаб. ХІаьта

Саьсас, товраши гебагIаши деттар совнагIа, багара детташ хиннад дохьаш доалла тугаши шодаши.

Петарза тIаккха юха а лостадир Села Сатас шийна денна хинна йовлакх. Хьахиннача боккхача цхарало тоIIаваь хьоарчавеш паччахьа Iовилар. ЦIи тувсача тураца цун накха боаттIабеш, Петарзас гучаяьккхар хьазилгаш чудола кIопилг. Цхьацца хьазилг чурадоаккхаш, оалаш хиннад Петарзас:

– Хьажал, хи чура пхьид, тха нанна Iа бохам барах ер ба хьона хулаш бола бекхам!

Хьовззабий хьазилга корта дIабохийташ хиннаб. TIехьара хьазилг Петарзас чурадаьккхача, велхеи кадеи волавенна хиннав Саьса, форда чу мел дола рузкъа лургда ше, яхаш.

– Бекхам ца беш, хIама дитац аз, – аьнна, хьазилг дувшехьа, пхьид хинна цхаралах ара а ийккха, фордагахьа Саьса кхоссалушехьа, циггач сигалара чуенача цIокъ цIе IайгIаро барг IотIатохаш из пхьид дIаяьккхар.

Петарзас из тамашийна чIуг хьаийцар. TIаккха Села Сатий йовлакх лоастадаь хьахинна цхарал форда бухе гIолла хьокхаш, Саьсе мел дола рузкъа хьалъийцар.

– ХIахьий, нани, – оалаш из тамашийна чIуг а форда чура рузкъа а Села Сатийна дIаделар Петарзас.

Сеска Солса феса вахачара дукха говш хиларах, сихха чIуг хьокха а яь, цунга хьежар Села Сата. БIаргавайра цунна ноагIошца тIом беш воалла Сеска Солса, халача этта из волаш.

– Жи оарцанна гIолахь! – аьлар цо Петарзага.

Вахар из. Сеска Солсаси цои бохабеш хIалакабир ноагIой бIу. Йоккха фос а яьккха, цIакхаьчар уж.

Села Сатас мехка хьоалчагIа дир.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

Когда Сата повзрослела, ее отец Села подарил ей волшебное кольцо. «Кольцо, исполняющее желания» – так его называли. Если спросить у этого кольца что-нибудь, проведя по нему рукой, кольцо отвечало на вопрос. Когда Сата спрашивала: «Где Сеска Солса?», кольцо отвечало: «Он в ущелье вампалов, собирает с них дань». Или что-то другое отвечало. На дне моря жил вампал Сяса. Ему очень захотелось приобрести это кольцо. И он думал: как бы его достать. Он узнал, что Села Сата по вторникам устраивает стирку на берегу моря. У Сясы была ручная рыбка Пхаринг. «Иди, достань с руки Саты кольцо», – сказал он рыбке. В среду Пхаринг поплыла к берегу сторожить Сату. Не заставляя долго ждать себя, Сата появилась на берегу моря и затеяла стирку в очередной раз. Пхаринг оказалась хитрой, Сата даже не заметила, как с ее руки рыбка сняла кольцо. Та узнала, что потеряла кольцо только когда очутилась дома. Это была большая потеря для нартов, так как с

помощью кольца они могли узнать, в какой стране что происходит, где больше поживы, что происходит на том и этом свете.

Села Сата начала причитать. Она поняла, что морской царь украл у нее кольцо. Нарты стали спрашивать: «Что случилось? В чем дело?» Сата сказала: «Наше кольцо-вестник украл морской царь. Теперь я не могу вам ничего предсказывать. Кто сможет вернуть кольцо?»

Понемножку нарты стали отходить в сторону. Они боялись морского царя. У него было человеческое тело до пояса, а ниже – тело дракона, огромные глаза и когти как ножи. Рыбы в его владении были очень странными. Когда он повелевал им стать конями, они превращались в коней и, переплыв море, начинали пастись на берегу. Если он повелевал им стать воинами, они становились воинами со всеми необходимыми доспехами. Он сам мог находиться и в воде, и на суше. Однако отходить от воды далеко он не мог. Потому он не ходил к нартам, и нарты тоже его сторонились.

В это время Сеска Солса был за рекой Волгой вместе со всем войском. Видя, что ждать от нартов помощи не стоит, Сата начала еще сильнее плакать, причитать, молиться Богу. В это время Патарза был в горах, охотился на туров. Он услышал плач женщины. Прислушался и понял, что это Села Сата просит помощи. Патарза поспешил на помощь. И перескакивая с одной горы на другую, он оказался внизу и предстал перед Сатой.

«О наша мать, что случилось? Что за горе у тебя?» – спросил он.

Хотя она и не была их матерью, но нарты ее так называли.

Узнав, в чем дело, Патарза хотел пуститься к морю, но Сата остановила его: «Ты – смелый отважный, однако, Сясу так просто не убить. У него девять душ. В груди у него находится коробок, в котором девять воробьев. Он умрет после того, как умрут они. Когда ты пойдешь против него, он превратит рыб в воинов и нагонит их на тебя. Я дам тебе волшебную сеть, чтобы ты набросил ее на этих рыб. Когда он превратит их в воинов, я дам тебе прекрасного жеребца, он их всех разобьет. Твой меч не годится, чтобы сражаться с ним, я дам тебе огненный меч, которой сам бросается на врага. Теперь пошли со мной», – сказала она и повела его к высокой горе. Взойдя на нее, она сказала: «Видишь на горе плиту. Шестьдесят человек не могут ее сдвинуть с места. Внутри горы пещера. Таких плит там еще восемь. Сдвинув все эти восемь плит, ты увидишь жеребца, а на стене ты увидишь тот самый меч».

Патарза тут же схватил эту плиту и бросил ее далеко в море. То же самое он сделал еще с шестью плитами. А седьмая и восьмая плиты разлетелись вдребезги от крика того самого жеребца. И накинулся он на Патарзу, чтобы убить его. Тот ударил жеребца по лбу так сильно, что он отлетел в сторону. Затем Патарза вскочил на него и сказал: «Сата для меня благословила тебя!» И тот перестал брыкаться и сказал: «Не забудь взять тот меч!» Патарза взял меч

и вышел из пещеры. Сата достала из кармана платок и протянула ему, сказав: «Когда Сяса нагонит на тебя войско, кинь этот платок, он превратится в огромную сеть. Когда ты подойдешь к морскому царю, вонзи ему в грудь этот меч».

«Спасибо, мать, до свидания», – сказал Патарза и ускакал.

Патарза оказался у моря за короткий миг. Море было взволнованным из-за плит, которые Патарза бросал в него. Сяса был не в духе, потому что море без его ведома взволновалось. Посмотрев в кольцо, он увидел Патарзу, который стоял на берегу. Когда-то ясновидящие предсказали морскому царю, что ему надо остерегаться всадника на прекрасном жеребце. И он увидел Патарзу на прекрасном жеребце.

Патарза крикнул: «Эй, морская лягушка, я оставлю тебя в живых, если ты отдашь кольцо нашей матери Саты!» Сяса сидел на дне моря и делал вид, что ничего не слышит. Когда Патарза второй и третий раз крикнул, Сяса выглянул из моря и сказал: «Уйди отсюда, муха! У кольца сейчас другой хозяин!» – «Грязная морская лягушка, ты разозлила меня! Сейчас ты увидишь, что я сделаю!» – сказал Патарза и бросился в море. «Бейте его!» – велел Сяса своим рыбам.

Они тут же превратились в воинов, и все накинулись на него. Патарза достал из кармана платок и кинул так, как велела ему Сата. Платок превратился в большую сеть. Воины царя отошли назад.

«Превращайтесь в коней!» – велел им Сяса. И тогда они кинулись на прекрасного жеребца. А тот поднялся высоко в небо и затем бросился оттуда на коней царя, растаптывая их. Сяса вынырнул из моря. Патарза достал меч, который выпускал огонь, и начал драться с царем. А тот боялся огня. Каждый член тела царя, которые отрубал Патарза, снова срастался с его телом. Даже когда Патарза отрубал ему голову, она снова срастался с телом. А Сяса, кроме мечей и пик, использовал против Патарзы ядовитую слюну. Патарза опять кинул платок Саты, который, превратился в большую сеть и обезоружил царя. Тогда мечом, который выпускает огонь Патарза разорвал ему грудь и достал оттуда коробку с воробьями. Он доставал из коробки по одному воробью и говорил: «Смотри, морская лягушка, это тебе за то, что ты обидел нашу мать». И отрывал голову воробью, когда на очереди был последний воробей, Сяса начал причитать и обещать, что отдаст ему все золото моря.

«Ничего не оставляю без возмездия!» – сказал Патарза. Сяса превратился в лягушку и кинулся к морю. И в этот момент с неба спустился прекрасный жеребец и копытом раздавил ее.

Патарза взял волшебное кольцо и огромной сетью Саты достал со дня моря все золото.

«Вот, мать», – сказал он и вернул Сате волшебное кольцо и отдал ей морское золото.

Так как Сеска Солса задерживался Сата посмотрела в кольцо и увидела сражающегося Сеска Солсу.

«Скорее, скачи ему на помощь», – сказала она Патарзе.

Вмиг он прискакал туда. Вместе с Сеска Солсой они разбили ногайское войско. Вернулись они с богатой добычей. Села Сата устроила большой нартский пир.

В 2011 году от 81-летнего жителя села Ассиновского Салмана Габисова записал А. Борисов.

* * *

67. СЕСКА СОЛСЕИ БЕТТА ЛИРИ

Цхьайолча бийсагIа беттага хьежача, гуш хул хьона беттана боккха го баь доагаш дола лир? Из мишта хьахиннад хьай ха безам бале, ладогIалахь.

Наьрташ хиннаб доккхача дегIара нах, попа хенаш миссел хиннаб уж. Шайхал доаллаш хиннай Села Сата. Шийна лайча, сигал а йодаш, лайча лаьтта а йоссаш, хьашт дале Iеле а ухаш хиннай. Цкъа сигалара дошо зIы Iоесса хиннай. ЗIанарах волавенна лаьтта вессав Сеска Солса. Нийсса Села Сатийна хьалха вессав. ХIама ховш йолча Сатийна хайнад из Далла воссаваь волга.

– Нана йоацаш кхелла ва со. Нана йоацаш дола вахар, вахар мичад. Дагавала саг мичав. Са нана хилча бакъахьа яр-кха хьо, – аьннад.

– Йолче я хьона со хьа нана, – цо а аьннад.

– ХIанзарчул тIехьагIа хьа воI ва-кха со а, – Сеска Солсас оалаш, нанеи воIи санна мерза бахаш хиннаб.

Села Сатий ший бер хиннадац, цудухьа дий а хац, бераш дукха дезаш хиннай из. Наггахьа нийслуш хулар цо арар бераш чукхувлаш. Дика цIена а дий, мерза хIамаш а еле, уж хьаста а хьаьсте, тIаккха дIахецар цо уж.

– МIадаша диза, шодаш Iояха уж бераш хьеста дага а доагIа хьона, – цкъа аьлар Сеска Солсас.

– Фу ду аз, – аьлар Села Сатас, – хьаста а кхеде а вай цхьаккха бер ца хилча. Саг йоалаяь, дезал дIаболабергболаш хьо а мичав.

– Даьра, ер ма йий, аьнна, тоам болаш саг гац сона.

– Хьона тоаме хургьяр малий сона хов. Из я Бетта йоI, Лир, яхаш, ший цIи а йолаш. Цун хозали дикали ювца вай эттача, Далла ше кхы кхелладац хозагIеи дикагIеи дола хIама. Цо хий молача хана, цун къамарга чу гуш хул из хий мишта керч; цун кулг дIа мел кхийтта хIама тоаделе хозделе дIаотт.

– Вайна тоам бола хIама да Iа дувцар, – оалаш, цу къамаьла раьза а хинна, хаьттад цо, – мича ях из, мишта йоалаю из?

– Дунен йисте кхаччалца дІавахача, цигач йоаллаш я цхьа йоккха Іоакъа. Цу тІа латташ я бухь сигала баха, бух лаьттах теха цхьа йоккха гІала. Цу чу йоагаш я йоккха цІи, цІера ала гаьнна сигала дІабохийташ. Цу гІалий чу яхаш я Бетта Лир. Шийна лайча цу аланца сигала хьала а яхе, цигач кхийста а кхийсте, юха ший метте Іоховш Іаьдал да цун. Цу гІалий чу вахаш ва цун да хулаш вола Бутт а. Сайрийна цу гІалий чура дІаболалу из, Іуйрийна цу гІалий чу бай, салаІа а буж из. Боткъий Ширткъийгара гІо лаха хьайна, тІаккха мара торо хургьяц хьа из йоІ йига.

Боткъий Ширткъий цхьа Іаьдал хиннад. МоллагІчо цун цІи яькккхача, мичара ваьлар ца ховш цусахьате хьагучаэккхаш.

– Малав сога кхайкар? – аьнна, гучаийккхар из.

ДІа а дийца, юха а дийца даьлча, Боткъий Ширткъас аьннад:

– Из атта болх бац, хІаьта а, лайча дулургдоацаш хІама а дац. Ер дича бакъахьа да вай.

Бетта Лир, мелла ха дІаяхар, аьнна, къалуш еце а, цун да чІоагІа ловш ва из маьре яхийтар. ХІаьта Бетта Лиро, ше маьре яха дага ца хиларах, цхьа говзал яьй. Беттага аьннад цо, са пІелга тІара гІоз баккха мегачунга мара гІоргьяц ше. Цо фу ду аьлча, гІалий кере Іо а хай, кулг дІаарахьокх цо, деррига дуне сийрдадоал цох хьадетталуча лирах. Цун кулгага кхача моллагІа баьре дынаца кхоссавелча, хІама хилац цун, хІана аьлча, сигала кхаччал из гІала йолашехьа а дынаца кхоссавенна баьре хІанз-хІанз цун кулга тІакхоач, аьнна, хетача хана, йоІо из гІала кхы а лакхагІа хьалйохийт. Из хІама дац хьона, дуне йисте йоккхача Іоакъа тІа яхаш йола из йоІ лораеш сармак улл, ийс корта болаш. МоллагІа цун цхьа корта дІабахийтача, кхоссабеле юха а бай, ший метте дІаотташ а ба цун корта. Вай хІанза фу дича бакъахьа да.

Сармаках латаргдола тур деза хьона. Эшаш ба сигала гІолла леларгбола ды. Іеле дІабелла боаллаш ба Наьртабе хиннаб яхаш бола тІема гІирс. Аз хьабахьаргба хьона из. Цунца да цІокъболата тур а. ХІаьта турпала ды Іайха лохаргба Іа.

Села Сатас хьийха хиннад из турпала ды мича ба. Аьннад цо:

– ВорхІ лоам тІехьашкахьа дилла вІашагІабетталуш ши лоам ба. ТІаккха гургба хьона боккха боарз. Бутт иже эттача хана, мичара ера ца ховш цхьа кхал боарза бухье дІа а этте, яхка йолалургья хьона. Цунна кІийленна ягІаш йоккха нана-бордз хургья хьона. ХІа, аьнна, из бакъ Іоешшехьа, из яа, аьнна, нана-бордз тІакхет. Из бакъ карара яькккха хьона моге, цох дика ды хургба хьона.

Наьртий ворхІаза-ворхІий да хиннав воккха турпал Наьртби. Вампалий бІица леташ из кхелхача, шийца мел хиннача герзаца дІавелла хиннав из. Цун хиннад ЦІокъболат оалаш дола тур. Тамашийна хиннад из. Из дІадетта цу туран да кІаьдвелча, карара а ийккхе, ше-шегІа моастагІех латаш хиннад из. Іеле ухкаш долча ший герзашта юхе дагІаш хиннад Наьртбе са. Цунна дІатІа а ваха, дийхад Боткъий Ширткъас из тур. Наьрта Сеска Солсана вампа-

лех лата из эшаш долга хайча, тур дIаэца бокъо еннай Наьртбе. Бакъда, аьнна хиннад цо: «ГIулакх даьлча, тур юха ший метте Iодиллалаш».

Из тур дихьа, Сеска Солсана дIаденна хиннад Боткъий Ширткъас.

Села Сатас хьийхача наькъах дIаволавенна, Сеска Солса гаьнна дIаводаш хиннав. БIаргабайнаб цунна цхьан лоаман чхара бухье боаллаш аьрзе бIы. Цу чура мадаггара Iехаш аьрзе кIоригаш хиннай. ХIана Iех-те уж, аьнна, ер дIахьежача, хи миссел сома бола бIехал байнаб цунна хьайзза урагIа хьалбодаш. Хьожжадаь Iадсаькх даллийтад Сеска Солсас, нийсса бIехала хьаьюкъе кхеташ. Бийнаб цо из. Цу ханна сигала гIолла кхестай йоккха нана-аьрзи. Аьннад цо:

– Са фу ца хулийташ, дилла са кIоригаш йоаеш хинна бола бIехал Iа берах, мичча хана согара новкъостал хьона эшача хана ер са бедарг Iа цIерала кхессача, со духьала йоагIаргья хьона, – из а аьнна, цхьа бедарг тIера Iочукхессай. Сеска Солсас тоIIаяь из киса еллай.

ДIахо дIаводаш, хезай цунна циск мо Iехаш йола цхьа кIориг. ДIагарга ер вахача, лоам тIара керча Iочубенача боккхача кхеро тоIIадаь тIод дIалаьца Iехаш цIокъа-лома кIориг ейнай. Фу дергда ше ца ховш, бIаргех хиш лешаш, юхе ягIаш цIокъалома-нана хиннай. Балам техха из боккха кхера дIа-а дIабахийтар Сеска Солсас, кIориг мукъайоалийташ.

– Мичча хана со накъаяргья хьона, ер чо Iа цIерала кхоссашехьа, – аьнна, чо дIакховдабаьб цIокъалома-нанас.

КIира водаш, бетта водаш, хьанна хов мел ха йоаккхаш, никъ баь ваьлча, Сеска Солсана бIаргабайнаб сигала кхаччал лакха хIана бац, аьнна, боккха ши лоам. Цкъа вIашагIа къаьсте дIагаьна ухаши, тIаккха чухьалхе вIаший бетталуши хиннаб уж. Царна юкъегIолла ше чакхваргвоацилга гуш, Сеска Солсана аьрзе дагаехай. ЦIи хьал а сега, аьрзе бедарг укхо йоагаешшехьа, сигала Iочуессай аьрзи. Сеска Солсана фу новкъостал эш а хайна, аьннад цо:

– Iоха са букъ тIа, теIIа вагIалахь.

Ши лоам дIа-са аха болалушшехьа царна юкъегIолла чухьедай аьрзи. Чаккхийккха яьлча, цIогах цхьа бедарг дIалаьца хиннай цун цу шин лоамо. ДIахо водо-ош, хьанна хов из мелла ихав, бIаргабайнаб цунна лаккха герга боарз. Цунна юхе лечкъав Соска Солса. ХьатIаоттача бийсах, бутт иже оттаргболча хана, цIокъалома чо кха тессаб цо. Дена хьаэттад цIокъалом.

– Хьона эшар фуд хов сона, – аьнна, боарза бухье даха, цхьан теIача метте дижад цIокъалом.

Бийса юкъеяхача хана, боккха мух баьлар, дарц хьекхар, тIо сегеи ди къувкъеи даьлар. КIоаргача чIожара яьнна, инкал миссел тенна кхал цу боарза тIа яьлар. Яхка эттар. Цу хана хьунагIара едда бордз яьлар боарза тIа, бакъ яа дагайолаш. Циггач берза тIакхийттача цIокъаломо йийна хьавIашагIаяькхар из бордз,

хьаэца хIама ца дуташ. Бакъ яь яьлча, ийккха ший чIоже дIаяхар из кхал. Хьалхе ше кийчъя хиннача дирстацеи новрацеи цу бакъилга, ГIулинг хиннай из, кхоссавенна тIахайр Сеска Солса. Iаьхай ГIулинг:

– ДIаяла, мозан-кIориг, аз хье хIалакаелехьа!

– Со яц хьона мозан-кIориг, хIанзарчул тIехьагIа хьа да ва хьона со! – аьннад.

Хьалла сигала кхоссаеннай ГIулинг, Iочуена, фордала кхоссаеннай, малхбоалехьа-бузехьа хийхкай, Сеска Солса шийна тIера Iокхосса дага йолаш.

Мича, хIанз! Мерцилг мо тIалета хиннав Сеска Солса, болота кулгашцеи когашцеи ды вIашкатоIабеш. ГIулинга тIера форд мо Iоухаш чоп хиннаб.

– Хьо фу саг ва, сона доал далла хьо къонах вий, ха еннаяр со. ХIанз гу сона вай шиъ вIаший товш долга.

– Йоле, хIаьта, курал яла йоалла Бетта Лир йига долх вай, – аьнна, дунен йисте дIалаьллар ГIулинг.

Дуне доккха ма дий, шера вахача а кхоачалургдоацаш. ХIаьта ГIулинг, шийна лайча, ши ткъам болаш хиннай. Ткъамала яхай из. Дукха иха, кIезига иха цу Iоакъа тIа эттаб.

Бетта Лирий гIалийна боккха го баь уллаш сармак хиннаб. Ший ийссе корта эйбеш, хьайзза дIадухьала эттаб из: «Малав укх доазон тIа вала вихьар? Малав вала дог эттар?» – оалаш, мухь бетташ.

– Вала духьала эттавац, хьо бIеха сармак бе, аьнна, этта со Сеска Солса ва! – оалаш, цIогIа техад.

Наьртбе цIокъболат хаьнара доаккхаш, дов дIадоладаьд Сеска Солсас. ГIовна тIара даьха кортош юхаметта отташ хиннача сармака, хIанз кортош хотталуш хиннадац, хIана аьлча, цIокъболато яь чов ерзаш ца хиларах.

Цар беча тIемагIа гIалий чура хьежаш яьгIай Бетта Лир. Сеска Солса куц долаш, майра, дегIа онда волаш къонах волга хоаденнад цунна. Сармак бийна баьлча, урагIа Сеска Солсас цIогIа техад: «Хьахьокха хьай гIоз! ХIанз со дIавоагIа хьона!»

ГIалий корах кулг дIаараэллад Бетта Лиро. Деррига дуне сийрдадаьннад. «ГIулинг, оарцагIа яьлалахь!», – оалаш, хьалъурагIа кхоссабеннаб ераш, цу хана гIала, ший меттара яьнна, урагIа хьалйолаеннай. ЙоIа ховш хиннадац ГIулинг ткъамала ухаш йолга. ЙоIо гIала урагIа лоаллаш, ткъамаш детташ гIулинг тIехьакхувш. ТIехкхьар тIакхийна, пIелга тIара оззабаь гIоз баькккхаб.

ГIала ше лаьттача юха дIаэттар, Бетта фусам ше хиларах. «Хьо сона даькъала йойла», – аьнна, Бетта Лир шийна хьалхашка а хоаяь, цIенгахьа лаьллар Сеска Солсас.

Сармак бувш дола тур Боткъий Ширткъас дихьа Iеле Наьртбега дIаделар.

Ший йоI санна Села Сатас Бетта Лир тIаийцар. Цох Сеска Солсана дика фусамнана а хилар.

Мохк вIашагIатохаш, доккха хьоалчагIа хилар.

Цхьа йоккха ха яьнна, кхоно-о Сеска Солсеи Бетта Лири дIабаьлча, дегIах а къаьста, урагIа хьал а даха, Беттага эттар из лир. Цхьайолча хана, Бутт иже бенача хана, гаьнна цунна го а бий, лепаш хул из лир.

СЕСКА СОЛСА И БЕТТА ЛИР

Иногда, в лунные ночи, можно увидеть вокруг луны светлый круг. Если вам интересно узнать как это бывает, послушайте!

Нарты были огромными людьми. Села Сата – ясновидящей. Она могла подняться в небо, если захочет, опуститься на землю и даже попасть на тот свет. Однажды с небес спустилась золотая цепь. По этой цепи спустился Сеска Солса и встал прямо перед Сатой. Сата – ясновидящая сразу поняла, что Бог послал ей его.

– Я появился на свет без матери. А без матери и жизнь не жизнь. Никто не думает и не заботится обо мне. Может, ты станешь мне матерью? – спросил он.

– Хорошо, я буду тебе матерью, – сказала она.

– Отныне я – твой сын, – сказал Сеска Солса.

И стали они жить-поживать.

У Села Саты не было своих детей. Наверное, поэтому она любила их. Иногда она приводила детей с улицы. Умывала их, давала им сладостей и, приласкав, отпускала обратно.

– И охота тебе ласкать этих оборванных, грязных детей, – сказал Сеска Солса однажды.

– А что мне делать, – ответила Сата, – если у нас нет своих детей, чтобы заботиться о них и воспитывать. Ведь и ты не хочешь никак жениться.

– А я не вижу подходящую девушку, на которой мог бы жениться.

– Я знаю, кто тебе понравится – это Бетта Лир – Лунное сияние. Если говорить о ее красоте, то Бог не сотворил ничего прекраснее ее. Когда она пьет воду, видно как по ее горлу проходит вода, чего не коснется ее рука, все преображается.

– Это то, что нужно, – сказал Сеска Солса довольный, затем спросил: – Где она живет? Как мне ее добиться?

– На краю земли стоит плита. На ней стоит огромная башня, уткнувшись вершиной в небо, низом – в землю. В этой башне горит огонь, языки пламени этого огня уходят далеко в небо. Бетта Лир живет в этой башне. Когда ей вздумается, она уходит в небо с языками пламени и, покружившись там, возвращается обратно. Там же в башне живет и отец ее – Месяц. Вечером он выходит из башни, утром приходит обратно и ложится спать. Ищи поддержку у Ботки Ширтки, только он тебе поможет заполучить ее.

Ботки Ширтка имел одну особенность. Если произнести вслух его имя, он вдруг появлялся из ниоткуда.

– Кто меня звал? – сказал он, появившись из ниоткуда и на этот раз.

Они рассказали ему обо всем, тогда Ботки Ширтка сказал:

– Это нелегко сделать, однако, при желании нет ничего невозможного. Мы вот что сделаем. Несмотря на то что Бетта Лир не стареет, ее отец давно хочет выдать ее замуж. Так как девушка сама этого не хочет, то она пошла на хитрость. Она сказала Месяцу, что выйдет замуж только за того, кто сумеет снять с ее пальца кольцо. И вот как это нужно сделать: обычно она садится у окна и вытягивает руку, а от руки ее исходит свет, который освещает всю землю. Ни у одного всадника, прыгавшего вверх, чтобы достать кольцо, не получалось это сделать, потому что каждый раз, когда кто-нибудь приближается к вершине башни, по велению ее хозяйки башня начинает уходить еще выше в небо. Это еще ничего. Эту девушку, которая живет на краю света, охраняет девятиглавый дракон. Если снести ему голову, она сразу становится на свое место и срастается с шеей.

Вот что мы должны сейчас сделать. Тебе нужен меч, который убьет дракона. Нужен летающий конь. На том свете есть доспехи Нyртаби. Я достану тебе их. Вместе с ними и волшебный меч. А вот героического коня ищи сам.

Села Сата указала, где этого коня найти:

– За семью горами постоянно сталкиваются две горы. За ними ты увидишь большой холм. Когда взойдет луна, вдруг из ниоткуда на его вершине появится кобылица. Она родит жеребенка. Старая волчица будет сидеть в засаде, но как только родится жеребенок, она кинется на него, чтобы съесть. Если ты сумеешь опередить волчицу, то из жеребца получится хороший конь.

Седьмым предком нартов был Нyртби. Когда он погиб в битве с вампалами, вместе с ним похоронили и доспехи. Его меч был очень необычным. Когда его хозяин уставал биться, меч вырывался из его рук и начинал сам избивать врагов. Душа Нyртби всегда была рядом с его доспехами. Ботки Ширтка подошел к ней и попросил у него этот меч. Когда Ботки Ширтка сказал Нyртби, что меч нужен Сеска Солсе, чтобы сражаться с вампалами, он позволил тому взять меч. Но он сказал: «Как только закончите свои дела, положите меч обратно».

Ботки Ширтка отнес меч Сеска Солсе. Сеска Солса вышел в путь, как его учила Сата. На вершине одной горы он увидел орлиное гнездо. Там были птенцы, которые громко пищали. Он осмотрелся, подумав, почему они так пищат, и увидел змею, которая поднималась по скале к гнезду. Солса пустил стрелу в змею и попал ей прямо в лоб. Змея тут же сдохла.

В это время появилась орлица и, увидев то, что сделал Солса, сказала:

– За то, что ты убил змею, которая всегда съедала моих детенышей, я даю тебе мое перо. Когда тебе нужна будет моя помощь,

сожги его, и я приду тебе на помощь, – сказав, орлица кинула ему перо.

Сеска Солса поднял его, положил в карман и поехал дальше. Шел-шел и вдруг слышит, как мяукает котенок. Подошел поближе и увидел львенка, лапу которого придавило огромным камнем, скатившимся с горы. Рядом он увидел львицу, которая не знала, что ей делать. Ударом плеча Сеска Солса откинул камень и освободил львенка.

– Когда я тебе понадоблюсь, сожги этот волос, – сказала львица и дала Сеска Солсе своей волос.

Шел он дальше неделю, месяц, никто не знает сколько, и Сеска Солса увидел две горы, которые достигали вершинами небо. Они отходили друг от друга и с силой сталкивались. Понимая, что сам он через эти горы не пройдет, Сеска Солса вспомнил орлицу. Достал из кармана и сжег перо. Орлица появилась вдруг из ниоткуда.

Узнав, что от нее нужно, она сказала:

– Садись на мою спину и держись крепко.

Как только горы начали расходиться, орлица пролетела туда.

Они успели проскочить, только вот кончик хвоста птицы застрял между горами.

Шел он дальше, никто не знает сколько, увидел он высокий круглый холм. Рядом с ним Сеска Солса и спрятался. Ночью, ближе к полуночи, он сжег волос львицы, та появилась из ниоткуда.

– Я знаю, что тебе нужно, – сказала львица, поднялась на вершину холма и прилегла там, чтобы ее не было видно.

В полночь поднялся ветер. Пошел дождь, началась гроза. Из глубокого ущелья поднялась кобылица, огромная, как верблюд. В это время из леса выскочила волчица и поднялась на холм с намерением съесть жеребенка, которого родит кобылица. Львица, прятавшаяся там же, набросилась на волчицу и разорвала ее на части. Кобыла родила жеребенка и ускакала обратно в ущелье. Сеска Солса оседлал этого жеребца и сел на него.

Жеребец закричал:

– Сойди, муха, пока я тебя не убил!

– Я не муха, отныне я – твой хозяин! – сказал Сеска Солса.

И поднялся жеребец в небо, и кинулся он в море, и поскакал он на запад и на восток. Пытался он сбросить Сеска Солсу.

Куда там! Сеска Солса прилип к нему, сжимая его железными руками и ногами. С коня градом катился пот.

– Я хотела узнать, достоин ли ты быть моим хозяином. Теперь вижу, что мы с тобой поладим, – сказал жеребец.

– Поехали тогда за гордой девицей Бетта Лир, – сказал он и погнал коня на край света.

Земля-то огромная, хоть целый год скачи. Однако конь Сеска Солсы имел крылья, и они полетели. Мало ли, много ли летели, прилетели к плите на краю света. Увидели они дракона, окружившего башню Бетта Лир.

Подняв все свои девять голов, дракон повернулся и спросил:

– Кто посмел явиться сюда? Кто желает смерти?

– Никто не желает смерти, я, Сеска Солса, желаю убить тебя, – был ответ.

Достав меч Нъртби, Сеска Солса начал сражаться с драконом. Головы дракона, которые обычно возвращались к туловищу, когда их срубали, теперь этого не делали, потому что волшебный меч имел такую особенность: рана, нанесенная им, не заживала.

За сражением следила Бетта Лир. Она узнала, что Сеска Солса – красивый и отважный мужчина. Убив дракона, Сеска Солса крикнул вверх:

– Покажи свое кольцо! Я иду!

Бетта Лир выставила руку из окна – и вся земля осветилась.

– Давай, помоги! – сказал Сеска Солса коню, и они взлетели вверх, и тогда башня начала подниматься еще выше. Девушка не знала, что конь этот еще и летает.

Девушка поднимала башню выше, конь догонял ее. В конце концов настигли они башню, сорвали с пальца девушки кольцо. И башня вернулась на прежнее место.

– Будь благословенна для меня! – сказал Сеска Солса, посадил девушку на коня своего и поскакал домой.

Ботки Ширтка вернул меч Нъртби. Села Сата приняла в свой дом Бетта Лир как родную дочь. Стала она хорошей женой для Сеска Солсы. Тут сыграли большую свадьбу на всю страну.

Через много лет Сеска Солсы и Бетта Лир не стало, от тела девушки отделился свет и поднялся в небо, к луне. Иногда, в полночь, его можно увидеть в окружении луны.

В 2011 году от 81-летнего жителя села Ассиновского Салмана Габисова записал А. Борисов.

* * *

68. НАЬРТ ТIОХ, МАЬЛХА АЗА, ЦАР ВОI МОАКХАЗ

Говза чарахь хиннав дегIа тенна наьрт ТIох. Саг йоалаянза зIамига саг хиннав из. Наьртий гIалаш ягIача йисте вахаш а вар, лоам дале а хьунагIа дале а шийна дIаваха аттагIа доландаь. Наха дукха везаш, хIарача денна хIана дац, аьнна, чарахьала вахачара тIаьн кIала ши сай а бахьаш воагIар из. Ше ена ижо мискача бошта дIаекъар цо. Цхьаькха вахаш из воландаь, цунна малагIа дика болх бергбар-те, аьнна, дага а деха, наха лаьрхIа хилар цунна саг йоалаяр. Цхьа къонах цунна дIатIа а вахийта, алийтад:

– Наха йоах, саг йоалае еза Iа.

– А, мичара, сихо яц, мичча хана кхуврггдар из-м,– оалаш хиннав ТIоха.

– Наха йоах, Iа саг ца йоалайой, чарахьала енача хьа фосах мотт тохаргбац шоаш,– аьлар юкъе вахтача къонахчо.

– Из вIалла а хилийта йиш йолаш мичад! – аьлар ТIохас,– гIулакх цу тIа этта дале, де хIама дац.

ТIаккха лаьрхIарий хьона наха ТIохана цхьа моллагIа а йоацаш, цIихеза саг йоалае. Из леха баьлар уж. Лийнна, дийца, тIеххьара лаьрхIар цунна Маьлха Аза йоалае. ЦIелий лоам тIа ший гIалашка яхаш а, ала а дувца а доацаш, тIехъяьнна хоза йолаш а хиннаяр из. Хеталора хьаь юкъе цун малх боагаш санна, пхандарашта юкъе бутт къегаш санна. Дерригача дегIах сийрда сий дIаухар цунах.

Наха ТIохага йоагIаялара хьо, аьнна, дийхар цунга. ХIаьта Маьлха Азийна, ший лакхача гIалагара дIахьежаш, массехказа вайна хиннавар лоам а хьунагIа а аькхе ухаш хинна ТIох. Дог цунгахьа хиллар цун, бакъда, ше тIехбаьнна эздийча овлара яьнна хиларах, наьха тIехтохамах а кхерар из, цхьа малав ца ховча чарахьага маьре яхай, аьнна, цар аргдоацаш. Цхьацца бахьанаш доахаш, цу маьрелах къехкаш хиннай из. Цо жоп ца даларах раьза а боацаш, юртхошта хацар шоаш фу дергда. Жер-баба йолча баха, цунгара гIо дийхар цар. ХIама ховш саг яр из. Шийга баьхкача нахага ла а дийгIа, цхьа кIира даьннача гIолла юхадувла, аьлар цо царга.

КъайлагIа Маьлха Аза йолча яхар из Жер-баба. Гаьна йоацача цхьанахьа хьула а енна из йоI зе йолаелар из. Циггач хайра цунна Маьлха Азийга тамашийна кизга долга. Из кизга дийнахьа малх тIахьежача Iодулар цо, хIаьта бийсагIа ше цу кизга чу хьежар. Хайра Жер-бабийна Маьлха Азас цу кизга тIара шийна лир хьаэцаш долга. Дийнахьа корах арадила уллаш хинна из кизга лочкъадаь дихьар йоккхача саго. КIира даьннача гIолла шийгахьа баьхкача нахага цо аьлар:

– Укх кизгаца Маьлха Азас дийнахьа маьлха лир хьалувц, хIаьта бийсанна из лир ший дегI-юхьах хьадеттийт. Кизга доацаш йоахалургьяц из. ДIаэца ер, хIаьта Маьлха Азага ала: «ТIохана цхьанахьа йоархIашта юкъе корадаьд ер хьога дIале а аьннад, бакъда, оаха хьона ер кизга дIалургдац, хьо цунга маьре ца йоагIе».

Цу кизга чура Маьлха Азас лир эцар совнагIа кхы а дегIа низ эцаш а хиннаб. Цу кизга чу ца хьежаш дукха юкъ яькккача, яла тоам болаш а хиннай из. Уйла е эттай йоI: «ТIох чIоагIа эздий саг хиннав: ер кизга сога хьале аьннад цо нахага. Из ше бехке а вац наьрташ хала оамал йолаш хиларах. Шоаш аьннари лаьрхIари мара хьадеш мичаб уж. ЗIамсаг ше-ма ва хоза а дегI-кеп диза долаш а». Наьрташка аьлар цо:

– Цо дIаюге, ТIохага гIоргья со.

Беррига наьрташ вIашгIа а кхийтта, доккха ловзар оттадир. Дог-безамца дика баха хайшар уж. Ше массе хана санна ТIох ча-

рахье ухар, мискаштеи боштеи напагIа а лора. ХIаьта Маьлха Аза ший ноанал деш, цIагIа-да лелар. Уж наьрташ бар дог цIена а кура а нах. ХIаьта царел гаьнагIа бахаш хиннабар кхыбола наьрташ. Цхьаккхача воча хIамах хьадж кхеташ нах хиннабацар уж. Цудухьа оалар царех «Iаьржа наьрташ» ба аьле. Цар аьла хиннав Инкар яхаш. Из а вар чарахье ухаш. Цкъа иштта ший эздешца чарахье ваха волаш, гаьннара дайра царна ТIоха цIа. Цу цIенгара тамашийна лир детталуш хиннад. Из фу тамаш я хьажа лаьрхIа, цу цIенна дIаюхе вахав из. Коа гIолла лелача тамашийна хозача кхалсагах из лир хьадетталулга хоаделар царна. Циггач байрий хьона Инкара сатем. Фухха даь а, из саг шийна дIайига лаьрхIар цо, маьре яханза йоI из я мотташ. Ший эздешка аьлар цо:

– ЦIихезача чарахьа ТIоха коа гIолла лелаш ейнай сона тамашийна хоза йоI. Из хила еза е цун йиша, е цун гаргара саг. Ер дуне дезац сона из йоацаш.

– ДIавала, дита из,– аьннад цхьан эздечо,– Маьлха Аза ма йий из, ТIоха сесаг.

– ХьанагIчун-моллагIчун из сесаг яр аьнна, из сайна хьайиггалца сатуврггдац са. ХIаьта шо, са эздий шоаш дале, сона гIо де декхарийла да,– дош хаддаш аьлар Инкарас.

– Тхо-м массе хана хиннад хьона тIехьа долаш, хIанза а Iа аьннар хьаде кийча а да,– аьлар эздеша.

– Боткъий Ширткъаца дагаваргва со. Доккхача хьаькъала да ва из. Фу дича бакъахьа да, аьнна, хоаттаргда аз,– аьлар Инкарас.

ГIайгIане ваха вагIаш хиннав Боткъий Ширткъа.

– ХIанав хьо селлара вIашкаваха? – хаьттар Инкара. Боткъий Ширткъа хIама ховчарех хиннав. МоллагIа вола саг бIаргавайча, ховш хиннад цунна из фу саг ва, фу бала ба цун къувлар. Инкар гушшехьа хайра цунна, фу тийшаболх ба цун дег чу.

– Хьай дош диц ма делахь. Цкъарчоа дувцаргда аз хьона сайна дайна тамашийна гIа. ДIайхача дийнахьа сай бIица водар со. Воча метте кхаьчар тхо: массанахьа ораши ушалаши яр, цу тIа мецденна а дар. Юхадийрзача бакъахьа да, аьнна, дагадолча хана боккхача Iамага кхаьчар тхо. ХьеIа, цIена хий, чIIаьра болаш бар из. СалаIа, аьнна, тхо паргIата доалаш, тIабоагIаш гаьннара боккха сармак байра тхона. Цох дайдда тхо дIадолхаш, тхона тIа а кхийна, аьлар цо: «Сох кхера дезац шо. Аз дех шуга Инкарага дIаала: во тийшаболх ба цунна дагабехар. Цо из бой, доккха зулам хургда цунна. Саца ала».

Соцаш хиннавац Инкар, Боткъий Ширтагара шийна гIо дехаш.

Боткъий Ширткъас аьлар:

– Лоаралелахь, бегаш бац уж, наьха истий удабар, цIихезача наьртагара хIета-вета а. Хьона дагадехар бIеха хIама да алар совнагIа кхы хьога ала хIама дац са.

– Iа фу дий, Боткъий Ширткъа,– оалаш, соцаш хиннавац Инкар,– Сона никъ хьеха дага вац хьо. Аз хьабоаккхаргба цу багара

хьа мотт! – аьнна шалта йоаккхаш, бIеха наьрт Инкар, бирс а венна, Боткъий Ширткъана тIаволавелар, бакъда из, цусахьте Iам чу а ийккха, къайлаваьлар.

Ше сихваларах дехке ваьлар Инкар. Iам чура хьавала, яхаш, цунга дехар де волавелар из, бакъда, вокханна эшаш дацар бIеха гIулакхаш.

ТIаккха ший ээдий тIехьа а баьха, дорхвеннача Инкара ТIохагахьа дIалаьллар. ДIакхаьчача, ТIох чарахье а ваха, Маьлха Аза ше цхьаькха цIагIа хиннай. Фусамда цIагIа воацача хьоашалгIа ухаш хилац. ХIаьта Инкараи цун тIемахоштеи фу башха дар из. Хьаьший да шоаш, оалаш, тетта коа чу баьлар уж. Цар из дергда, аьнна, дага ца хинна Маьлха Аза ше фу дергда ца ховш йисар. ХIаьта а, тIера новраш дIа а яьха, говраш дIаоттайир, уж шоаш хьаьшацIагIа баьхар, тIаккха шу кийчде а эттар. Инкарас хойташ хиннадац, шоаш малагIча гIулакха баьхка хиннаб. Iоттараш еш, фусам-наьнага цхьацца хIамаш хетта волавеннав из: хьа мар фу саг ва, мел низ болаш, тIема мел говза ва. Дега ше цIена саг хиларах, гунахьа хIама доацаш, ше мадарра дIадувцаш хиннай Маьлха Аза.

Цхьан юкъа из араяьлча, Инкари цун гIози вIаший дагабувла баьлар: сесаго маяххара из ТIох вале, тийшаболх ца бича, цох шоаш котдовргдоацалга кхийттар уж. ХIаьта Маьлха Азас царна дийца хиннадар: чарахьалара ше воагIаш, тIаьн кIала белле, ши сай бахьаш ва из, оззабийяь лаьттара попа хи боаккхаш ва, цкъа тоххашехьа а саг лаьттах Iочутохаш а ва.

Инкара бIеца цхьа саг хиннавар бозбуачал ховш. ТIох чувеча, из тхьовсавергва ше, аьлар цо. ГIадбахар Инкари цун ординги, юхе мел дисар-ма оахош хьадергдар оаха, оалаш.

Кастлуш ТIох а цIакхаьчар. Шинна тIаьнкIала шишша сай болаш вера из. Маьлха Азас аьлар шоашка хьаьший ба баьхка. Из хоззашехьа ийккха хьунагIа ваха, оззаяь лаьттах хьайоаккхаш, ши попа га ера цо. Коа юкъе уж Iокхайса, сесагага дикка пхьор кийчделахь, оалаш, хьаьшашта духьала вахар, моаршал а хаьттар. Ше фусамда хиларца хьаьшашка хетташ хиланзар уж фу нах ба а, малагIа гIулакх дахьаш баьхкаб а. ХIаьта Инкар хабара паьшкаш хехкаш вагIар. Цхьан юкъа къамаьл сецача, бозбуачал доаллача цу наьрто, цхьа-ши дош ала мегаргдарий ше, аьнна, пурам а даькккха, дIаволавелар ший бозбуачал де. ВагIачара тхьагIара водаш, тIаккха тхьайса дIавахар ТIох. ТIабеттабеннача, оасашца вийхкар цар из. ХIаьта из-м меттахьа хьовш а хиннавац, кIоаргача набарах ваха волаш.

ГIадбаха хьайзар Инкари цун гIаьри. Кхы датта даланза дола саьрч коара хьачу а дена, тIакхийтта уж даа болабелар. Маьлха Азага аьлар: «Кийчле дIадолх вай, укх цIагIара рузкъа кхоачаденнад хьа. Таханарча ден дIа аьла Инкара сесаг я хьо».

– Шо коташагIа хилар,– оалаш, говзалца аьлар Маьлха Азас,– шуца дIайоагIа со. Тхьайса из вале а, цунца Iадика ювца сона пурам дала деза оаш.

– Да хьона пурам,– аьлар Инкара, ший гIулакх селлара атта дIадерзаш хиларах гIад а ваха.

Дуаш-молаш уж багIача юкъа, Маьлха Азас ший тамашийна кизга ТIоха бордаш тIа дилар, тIаккха из хьекхар цо цун бIаргехи, дегIах хьерчача оасаехи. Уж цусахьте мелъелар. ТIох кхетам чу вера. Тоссавенна тIера оасаш дIаяхийтар.

– Бозбуачалца тхьовса а ваь, хьо ве кийчбеннабар уж, со дIайига а беннабар,– оалаш, дIадийцар Маьлха Азас.

Сихбенна герзага кхувда баьлар моастагIий. Пенах хьалъэлла уллачара хьаэцаш, маьрагахьа дIакхессар Маьлха Азас цIокъболата тур.

– Со волча а даьхка, хьаьший да аьнна, са тух-сискалах а кхийтта, тийшаболх бе дагахиннадоад шоана! Шо да бокъонца дола Везаволккхачун а наьха а моастагIий! – цIогIа техар ТIоха.– Цхьанна саго аргдац ТIохас ший цIагIа, моастагIий уж бале а, хьаьший боабаьб аьнна.– ХIанзарчоа дIагIо маьрша. Шо маIа дале, фунехк даьча дийнахьа, Iурра, хьуна йисте шуга хьежаш хургва со. ТIаккха аз бергба шун болх!

Селлара атта шоаш кIалхарабаларах доккхал а деш,цIагIара ада болабелар уж. Инкар хьалха а водаш. Сов сихбенна бетталуш, наIара санагIа кагдир цар.

Герзах олла а венна, ше аьннача хана цу метте вена дIаэттар ТIох. Хьалха хинначул кхозза дукхагIа шийна тIехьа гIаьрахой а баьха, хьаэттар Инкар а. Iалаьмат, аллал, унзара тIом эттар. ХIаьта ха деза, Маьлха Азас бIарччача бийсагIа Везволккхачунга дехаш хиннадар ТIоха дегI болата хургдолаш, цхьаккха гердз цох латаргдоадаш. Цудухьа, цу эттача тIем тIа ТIохана хьа мел техар цун дегIах латаш хиннаяц. ХIаьта ТIохас тех мел техар метте кхеташ хиннай. ТIеххьара ТIохи Инкари мара саг висавац. ВIаший дIахохкабеларий хьона уж! Хала ма дарий Инкар эшаве, из а ма варий тIема чIоагIа говза Iема. Циггач Маьлха Азас хьажаюкъ хьагуча а яькккха, Инкарагахьа дIахьожайир маьлха зIанараш. Инкара ши бIарг кхаьлар, сердалах хIама ца гуш. Ший тур Iохийцарий хьона ТIохаса тIаккха. Аьлар цо:

– ХIай, гоавара ничIас! ХIанза а маьрша дIавохийт аз хьо! Кхалсаг юха а юкъеенай ший доацача гIулакха. Нахага оалийтаргдац аз: «Сесаг юкъе енаецаре, цо гIо даьдецаре, ТIох Инкарах котваргвацар»,– аьнна.

Чухьа кхы са доацаш, ведда дIаийккхар Инкар. ТIохас сесагага аьлар:

– Йоле, дIацIагIо хьайна. Вай шинне цхьана хинна рузкъа кхоачаденнад. Къонахий тIема юкъе хьа отта гIулакх дацар. Са сий доадир Iа.

Маьлха Азас фухха аларах, хIама хиланзар. ТIаккха аьлар цо ТIохага:

– Дукха хана денна дар сога аьнна, адамаца цхьаккха гIулакх ма леладе. Аьннар ца дича, иштта хул-кха. Яхалехьа цхьа хIама аргда

аз хьога. Инкар моллагIа вола саг санна вац, из вийна дIавакхха а атта дац. Техха Iа из вийна Iовилача, хIанза са даьлар-кха укхун, аьнна, хьона хийттача хана, из юха хьадийнлургва. Из иштта хIанад, аьлча, цун керта чу доал зIамига кIинг, цу чу доал хьазилг, цу хьазилгах доал Инкара са. Из хьазилг дийча мара лергвац из.

Яьнна, шийгахьа дIаяхар из. ХIаьта Инкараси цун гIозарои лаьрхIар: Инкара дукха оздой ше боабаь бале а, Инкар велцца ТIох соцаргвац. ГIулакх кхы гаьна ца доаккхаш, хIа, аьнна, аьттув боаллашехьа ТIох вийна дIавакхха веза.

Цкъа гаьна лоамашка чарахье ТIох ваха волаш, циггач тийшача балхах тIабеттабелар цунна Инкари цун мел вола Iаьржа наьрти. Бакъда, хIама хиланзар цох. ДегIала мел воагIар ТIохас тураца вувр, гаьннарчоа Iадсаькх деттар. Юха а цхьа Инкар мара висан-зар царех. ДIадегIала бахар уж. Iуйранна болабенна тIом сайранга кхаьчар. ТIохас тIеххьара техар Инкарана меттахьа кхийттар. Венна улл из, бакъда ТIоха гуш юха а хьадийнлуш воагIа. ТIаккха дагадехар Маьлха Азас шийга дийцар. Техха Инкара корта боаттIа а баь, кIинга чура хьазилг даькхха, цун кортилг дIабахийтар ТIохас. Кхы хьакхетаргвоацаш, Инкар цигга венна дIа а ваьлар.

Сов сиха мух ена Маьлха Аза ше дIаяхийта хиларах дехке ваьлар ТIох. Юха хьацIайоагIаялара хьо, аьнна, нах бахийта хиннаб цо из йолча. Баха уж, дIаотташехьа а, уж хьайист хилалехьа Маьлха Азас царга аьлар:

– Шо хIана даьхкад хов сона. Адамага маьре яха езаш яцар со. ХьатIайоагIаш гуйре а я, сай даьга, Малхага, дIаяха ха а я са, хIаьта а шо укхаза хьадарга хьийжаяр со. ДIаалалаш ТIохага, айса даьча хIамаех со дехкеяьнналга, хIаьта а тхо цхьана кхы доахалургдоацалга.

Урс хьаийца, циггач ший че хьахоадайир цо. Чура ваькхкхарий хьона малх мо хоза кIаьнк. Ший че юха вIашка а йоалаяь, нахага дIакховдавир цо ший воI. Укхун даьга, ТIохага, ер дIалелаш, аьлар. Кхы а тIатехар: «Ший даьла а тIехьаваргволаш цIихеза наьрт хургва укхох. Укх тха воIал тIех волаш цхьаккха наьрт хургвац. Хьалкхийча, наьртий тхьамада а хургва укхох».

Циггач сигалара Iооллабелар дошо лоаме. Цунна тIагIолла Маьлха Аза урагIа дIаяхар. Дукха ца говш из а лоаме а сигала байна дIабаьлар. ТIохага из кIаьнк дIалуш, Маьлха Азас аьннар наха дIадийцар.

Моакхаз ва ер, аьнна, цIи тиллар кIаьнках. Бераш ноакхоех докхадеш мел болча истий ноакхоех вокхавеш хилар Моакхаз. БIарга гуш кхувш хьавоагIар из. Пхийттара воалаш, хьаькъалцеи гIулакхацеи мел волча наьртал тIехваьлар из. Даьлас кхелла йолча Маьлха Азай воI ше хиларга хьежжа, Даьлас пурам денна хиннад Моакхаза шера цкъа ший нана йолча сигала хьалвала. Цкъа иштта из ваха волаш, Маьлха Азас аьлар цунга:

– ДегI-кеп долаш къонах хинна дIаэттав хьо. Шун наьрташта доал деш ва Наьртби. Къавенна, тишвенна, хьаькъал чура ваьнна

ва из. Цун доал хьа карадаха дезаш да, аьнна, я Даьла кхел. ДIа а гIой, хьай доал хьаэца.

– ВIаший дегIал даха, тхо шиъ латача отте, котало согахьа хургйий-те? – хаьттар Моакхаза. Цо из хIана хаьтта хиннад аьлча, наьртий цхьа Iаьдал хиннад: тхьамадал къайсача, котваьначох тхьамада хулаш. Из шийна ховш долаш, Моакхаза дIахо а аьлар,– ха яха къонах из ше вале а, хIанза а ва из моллагIа наьрт хьокхавергволаш.

– Воддашехьа, цунна кач гIо мича ях аз хьога,– оалаш, Маьлха Азас хьийхар.– Лоамашка лелача цIокъашкара пед биззе шура яькккхе, кховзткъа попа га кха яхийта. Царех хьахиннача товнех хьаьрче, ди-бийса даккха, тIаккха хье ма водда цу шурийла а вахе, цу педа чу кхо дий кхо бийсеи яькккха.

Лаьтта вессар Моакхаз. Кховзткъа попа лотаеш, сигала хьалкхаччал цIи йийзар. Из йоагача юкъа лоамашка гIолла дIа-хьа хьийдда, цIокъа ломий шурах бIарчча пед хьалбизар. ЦIи яьга хьахиннача товнала ди-бийса даькккхар. ЦIаста мо дегI цIийделар. ТIаккха ваха, цу шурий педа чу ийккхар. Циггач а даькккхар кхо дийи кхо бийсеи. Тамашийна боккха низ хоабелар цунна ший маьженашка. ДегI болата хилар цун, е тур, е шалта латаргйоацаш. Юха а нана йолча хьалвахар из. Маьлха Азас аьлар: «ХIанз хьа дегIах цхьаккха хIама латаргьяц, болата из хиларах. ХIаьта, бIаргаш лорадела. Товнала уллаш, ши бIарг бувшабаь бар хьа, моллагIа теха хIама латаргйолаш.

Юха лаьтта Iо а весса, наьртий тхьамада волча а ваха, аьлар:

– Хьааравала, Наьртби! Наьрта ТIоха воI ва со, Моакхаз! Хьогара тхьамадал даккха венав со!

Юрта майдана тIа хьаараийккхарий хьона из Наьртби. ДIавIашагIа кач бахарий хьона уж. Моакхазас лаьца хьалъурагIа а вихьа, лаьттах Iочухоавирий, хьабагIаш корта мара боацаш. БIарччача ден цу майдана юкъера ши бIарг къерзабеш, хьалбаьгIар из. Сайрийна Моакхазас лерг оззадаь хьалваькккхар. Ваькккхача, аьлар: «Укх майдан тIарча пхьегIий тIа вагIаргва хьо, кхы хIаманна хьо пайданна а вац». Кхы зулам ца деш, Наьртби маьрша дIавахийтар цо. Кхетаче а яь, наьрташа Моакхазах шоай тхьамада кхайкавир.

Дукха ха дIаяхар. Цкъа наьрташа тIом беча хана, ший бIаргаш лораданзар Моакхазас. Цун бIарга чу Iадсаькх а кхийтта, дунен тIара рузкъа дIадаьлар цун.

НАРТ ТОХ, МЯЛХА АЗА И ИХ СЫН МОКАЗ

Телом могучий нарт Тох был искусным охотником. Был он молод и еще не женат. Жил он на окраине большого нартского села. Поэтому ему было сподручно ходить в горы и леса. Сельчане его очень уважали. Чуть ли не ежедневно он возвращался с охоты с двумя оленями под мышками. Всегда он свою добычу делил с

сельскими сиротами. Жил он сам один. Сельчане думали, гадали, что бы такое хорошее для него сделать. Они порешили его женить. Послали они к нему какого-то мужчину, который ему сказал:

– Сельчане говорят, что тебе пора жениться.

– Нет, рано еще, успеется, некуда спешить,– отговаривался Тох.

– Люди говорят, что если ты не женишься, то они более не будут принимать от тебя твоей охотничьей добычи [1],– пригрозил этот посланец.

– Этого допустить никак нельзя,– ответил Тох,– если уж дело приобрело такой оборот, поступайте как знаете.

Люди решили, что для Тоха надо выбрать не обыкновенную, а во всех отношениях примечательную девушку. Стали они искать такую невесту. Наконец они порешили его женить на Мялха – Солнечной Азе. Она жила на горе Целий [2] в высокой башне. Была она невиданной красоты: на лбу у нее – словно солнце сияло, а между лопаток – словно месяц светился. От всего ее тела исходило сияние.

Пошли к ней люди и попросили ее выйти замуж за Тоха. Мялха Аза со своей высокой башни несколько раз видела Тоха, идущего в горы или в леса. Ей он нравился, но поскольку она была самых благородных кровей, боялась людской молвы: дескать, вышла замуж за какого-то одинокого охотника. Выдумывая разные причины, она стала отказываться. Сельчане были очень раздосадованы. Не знали они, как теперь им поступить. Решили они обратиться за советом к вещей Жер-бабе. Выслушала она их и попросила прийти через неделю.

Жер-баба тайно пошла к башне Мялха Азы. Притаившись невдалеке, старуха стала следить за нею. Узнала она, что у Мялха Азы есть волшебное зеркало. Днем она это зеркало держала на солнце, а ночью смотрелась в него [3]. Поняла Жер-баба, откуда Мялха Аза приобретает свое сияние. Изловчилась Жер-баба и незаметно с подоконника унесла это зеркало.

Когда через неделю вновь явились к ней люди, Жер-баба сказала им:

– С помощью этого зеркала Мялха Аза днем ловит солнечное сияние, а ночами приобщает его к своему телу. Она не сможет жить без этого зеркала. Возьмите его. А ей скажите, что это зеркало Тох нашел где-то в бурьяне и попросил вернуть его хозяйке, но что вы этого не сделаете, если она не пойдет за него замуж.

Мялха Аза приобретала от зеркала не только сияние. Она начинала болеть, если не смотрелась в него. А если долго не смотрелась, то могла и умереть. Она стала думать: «Тох оказался благородным юношей и без всяких условий повелел людям вернуть мое зеркало, и он не виноват, что нарты себя так ведут: ведь нарты всегда поступают только так, как им вздумается; к тому же юноша пригож и имеет добрую славу».

Девушка ответила нартам:

– Я выйду замуж за Тоха, если он возьмет меня.

Всем селом справили свадьбу. Жили они в любви и согласии. Как и прежде Тох ходил на охоту, подкармливая сельских сирот; Мялха Аза тем временем хозяйничала по дому. Нарты этого села были чистосердечными и гордыми людьми. Но в отдалении находилось селение других нартов. Это были люди, готовые на всякие неблаговидные дела [4]. Поэтому их называли «черными нартами». Во главе них стоял князь Инкар. Он тоже любил охотиться. Как-то раз, будучи со своими сподвижниками на охоте, Инкар приблизился к селению Тоха и увидел, что из дома на окраине исходит чудное сияние. Решил Инкар выяснить, что это за чудо такое. Подошел он ближе к дому. Тут он узнал, что сияние идет от женщины невиданной красоты. Сразу Инкар потерял покой. Он решил во что бы то ни стало взять эту красавицу себе в жены. Инкар полагал, что она незамужняя девушка.

Своим сподвижникам он сказал:

– Во дворе известного охотника Тоха я увидел девушку чудной красоты. Она или его сестра или его родственница. Мне этот мир не мил, если я не женюсь на ней.

– Брось эту затею,– сказал кто-то из воинов,– ведь эта женщина является женою Тоха и зовут ее Мялха Аза.

– Чья бы жена она ни была, я не успокоюсь, пока не завладею ею. Если вы мои дружинники, вы обязаны помочь мне в этом деле,– отрезал Инкар.

– Мы всегда были тебе послушны и на этот раз готовы сделать все, что ты прикажешь,– ответили они.

– Я посоветуюсь с Боткий Ширткой. Он большой мудрец и скажет нам, как тут быть,– решил Инкар.

Пошел он к Боткий Ширтке, который жил у Синих озер [5]. Подойдя к его дому, он увидел Боткий Ширтку, сидящего во дворе. Был он в печали.

– Что с тобой случилось? О чем ты так печалишься? – спросил Инкар после обычных расспросов.

Боткий Ширтка был ясновидцем. Достаточно было ему взглянуть на человека, как он тут же узнавал все его тайные помыслы. Глянул он на Инкара и прочитал все его мысли и о Мялха Азе, и о том, что он пришел к нему за советом. Потому-то Боткий Ширтка и казался весьма озабоченным и горестным.

Он опередил Инкара, сказав:

– Не забудь то, что ты хотел сказать мне. Сначала послушай меня. Я увидел удивительный сон: будто я в пути со своими воинами. Был летний жаркий день. Местность вся была пересечена оврагами, ямами и канавами. Поэтому вскоре устали наши кони и мы сами. К тому же кончились наши припасы, и мы испытывали голод. Поняли мы, что сбились с дороги, что если пойдем далее, то помрем от голода. Все были за то, чтобы вернуться назад. На обратном пути мы наткнулись на благодатное озеро. Вода была чи-

стой; в ней водилась хорошая рыба; на его берегах отдыхали люди. Мы тоже решили остановиться и отдохнуть. Но желание наше не могло исполниться, потому что огромный сармак – дракон – взял озеро в кольцо. Понимая, что нам его не одолеть, мы незаметно повернули назад. Уже когда мы решили, что спаслись от сармака, мы услышали сзади какой-то большой шум. Оглянувшись, увидели приближающегося сармака. Не успели мы разобраться в чем дело, как он обратился к нам на человеческом языке: «Я для вас не опасен, остановитесь, я должен вам что-то сказать». Мы застыли на месте от удивления, что сармак настроен мирно и говорит с нами на нашем языке. Подполз сармак, поприветствовал нас, мы также ответили приветствием. Затем сармак сказал: «Хорошенько меня послушайте и своему товарищу Инкару передайте, что дело, которое он затевает, у него не пройдет. От него у него будут неприятности. Скажите: пусть он бросит свои затеи. Ежели не бросит, то он погибнет».

Выслушав сон Боткий Ширтки, Инкар сказал:

– Боткий Ширтка, я страстно полюбил Мялха Азу, а она оказалась женою нарта Тоха. Я пришел за советом, как мне забрать ее себе, как мне сразиться и одолеть нарта Тоха.

– Эх-хе-хе,– вздохнул Боткий Ширтка,– негодное дело ты затеял. Сам того не осознавая, я уже ответил тебе, рассказав, что сармак посоветовал тебе в моем сне. Хотя это и сон, но сон этот вещий, и тебе надо поберечься. Это не шутки – пытаться забрать чужую жену, тем более знаменитого нарта. Грязное дело ты задумал. Более мне нечего сказать.

– Боткий Ширтка,– возразил Инкар,– то, что ты видел,– всего лишь сон. Ты не хочешь дать мне совета. Я вырву твой язык!

Сказав так, взяв в руки кинжал, негодный нарт Инкар грозно двинулся на Боткий Ширтку, а тот тут же нырнул в Синее озеро и скрылся в его водах.

Пожалел Инкар, что погорячился. Стал он умолять Боткий Ширтку выйти из озера, но тот и не думал участвовать в недостойных делах. Тогда разгоряченный Инкар вместе со своими воинами поскакал к дому Тоха. Доехав, они узнали, что Тох ушел на охоту, а дома находится одна Мялха Аза. Обычно при отсутствии в доме мужчины в гости не заходят. Но князю Инкару и его воинам все было нипочем. Заехали они во двор, представившись гостями. Растерялась Мялха Аза, не ожидавшая, что они ввалятся в дом. И все же она расседлала их коней, провела их в кунацкую и рассадила, а сама принялась готовить. Инкар же ничем не дал знать, зачем они приехали. Стал он хозяйке задавать всякие злоумышленные вопросы: кто твой муж, насколько он силен и умел в бою? Мялха Аза не обладала притворством и хитростью и чистосердечно отвечала на все его вопросы.

Когда она по делу вышла, Инкар и его шайка стали советоваться и порешили: если Тох таков, как о нем говорит его жена, то в честном бою им не одолеть его. А Мялха Аза про Тоха им

Солнечная Мялха Аза (с картины Х-А. Имагожева)

рассказала, что он с охоты возвращается, держа под мышками двух убитых на охоте оленей, что он с корнем вырывает чинары, что он одним ударом вбивает человека в землю. В шайке Инкара был один воин, обладавший способностью заклинателя. Он сказал, что как явится Тох, он его усыпит. Инкар и другие обрадовались, заявив, что остальное они сами довершат.

Вскоре Тох вернулся с охоты. Обхватив двумя руками, он принес двух оленей. Мялха Аза сказала ему, что в доме у них сидят гости. Он тут же бросился в лес, вырвал с корнем две чинары, принес и бросил их посреди двора, наказав жене приготовить обильный ужин для гостей. Затем он вошел к ним и поприветствовал их. Те ответили на приветствие. Тох, как и положено хозяину, не расспрашивал, кто они такие, по какому делу приехали. Инкар же плел пустой разговор о том о сем. Как только в разговоре возникла заминка, обратился к ним черный нарт-заклинатель, спросив, может ли он сказать несколько слов. Ему разрешили, и он начал произносить заклинания. От них Тох начал сидя дремать, а потом и вовсе уснул. Тут его накрепко связали ремнями. А он и не шевельнется: так крепко уснул.

Инкар и его шайка возликовали. Со двора они внесли еще полусырых оленей и стали их жадно поедать, а Мялха Азе они сказали:

– Готовься в путь, в этом доме твое счастье кончилось, с сего дня ты уже являешься женою князя Инкара.

– Вы победили,– сказала Мялха Аза, пускаясь на хитрость,– я ухожу с вами. Хотя он и спит, но я с ним должна попрощаться. Вы должны мне разрешить это.

– Разрешаем,– сказал Инкар, радуясь, что его дела так легко сами собой оканчиваются.

Пока те ели и веселились, Мялха Аза приложила чудесное зеркало к губам мужа, затем провела им по его глазам, по ремням. Они тут же ослабли. Тох пришел в себя, дернулся, и ремни разлетелись.

– Они заговорами усыпили тебя и приготовились убить, а меня хотели забрать,– поведала ему Мялха Аза.

Враги в спешке начали хвататься за оружие. Мялха Аза сорвала со стены и бросила мужу его саблю из особо прочного булата.

– Вы, придя в мой дом и прикинувшись гостями, отведав мои хлеб-соль, все же пытались свершить подлое дело. Вы враги Всевышнего и людей! – крикнул Тох.– Никто не посмеет сказать, что Тох в своем доме убил гостей. Отпускаю вас с миром. Если вы мужчины, то я жду вас в такой-то день утром вблизи такого-то леса. Там я поквитаюсь с вами.

Довольные, что так легко отделались, Инкар и его шайка, тесня друг друга, бросились к выходу. В сутолоке они даже повредили дверной косяк.

Вооружившись с головы до ног, в назначенное время Тох явился на указанное место. Явился и Инкар, ведя за собой свою шайку, в три раза большую, чем прежде. Завязался страшный бой. А перед боем всю ночь напролет Мялха Аза просила у Всевышнего, чтоб тело Тоха стало булатным и чтоб никакое оружие его не брало. Потому-то в бою все удары, наносимые Тоху, не достигали цели. Но зато удары Тоха поражали наверняка. И наконец, в живых остался один Инкар. Сразились они вдвоем. Ведь и Инкар был умелый боец и потому никак не поддавался. Тогда Мялха Аза оголила свой лоб и направила на врага лучи солнца. Они ослепили Инкара. Тох стал для него невидимым.

И тут Тох опустил свою саблю и сказал:

– И сейчас я отпускаю тебя с миром, поскольку в наши дела вмешалась женщина. Не позволю, чтобы люди сказали: «Не вмешайся жена, погиб бы Тох, ведь она помогла ему победить врага Инкара».

Инкар трусливо убежал.

Тох сказал своей жене:

– Возвращайся к себе домой, наше совместное счастье кончилось. Зря ты встряла в наш мужской бой. Опозорила ты меня.

Никакие отговорки не помогли Мялха Азе, и она сказала:

– Было еще давно мне наказано с людьми не иметь никаких дел. Так случается, когда бываешь непослушной. Ухожу я, но прежде

хочу тебе поведать: Инкар – необычный человек и так просто не умрет. Когда ты его поразишь и будешь уверен, что он уже мертв, он вновь оживет, потому что у него в голове имеется коробочка, а в ней находится птичка, а в птичке находится душа Инкара. Его убить можно, только убив эту птичку.

Она ушла к себе. А Инкар и его шайка решили: Тох убил многих из них известных воинов; он не успокоится, пока не убьет Инкара; не дожидаясь всего этого, надо улучить момент и наконец-то поразить Тоха.

...Как-то Тох был на охоте высоко в горах. Внезапно и подло напали на него Инкар и все его черные нарты. Но враги просчитались. Тох ближних поражал саблею, дальних поражал стрелами. И вновь Инкар остался один. Схватились они. Утром начатый бой продолжался до вечера. Изловчился Тох и насмерть поразил Инкара. Лежит он мертвый, бездыханный. Но вот идет время, и Тох видит, как постепенно начинает оживать его враг. И тут он вспомнил совет Мялха Азы. Рассек он голову Инкара, вытащил из коробочки птичку и скрутил ей головку. Тут Инкару и конец пришел.

Пожалел Тох, что сгоряча расстался с Мялха Азой, и послал к ней людей с просьбой вернуться домой. Пошли к ней люди, но она опередила их, сказав:

– Я не знаю зачем вы пришли. Я не должна была выходить замуж за человека. Наступает осень, и мне пора уходить к своему отцу Солнцу, и все же я дождалась вас. Передайте Тоху, что я сожалею о своем поступке, но совместной жизни у нас не получится.

Тут она взяла нож и рассекла им свой живот. Из него она вынула, словно солнце, красивого мальчика. Она сомкнула свой живот, мальчика протянула посланцам и попросила:

– Отдайте мальчика его отцу, Тоху. Говорю вам, а вы ему передайте: из этого мальчика вырастет нарт, который во всем превзойдет своего отца. Ни один нарт не сравняется с нашим сыном. А когда он вырастет, он станет нартским предводителем.

Тут с неба опустилась золотая лестница, по ней вверх ушла Мялха Аза. Вскоре и лестница [6], и она пропали из вида. Принесли люди мальчика к его отцу и передали ему слова Мялха Азы.

Мальчика назвали Моказ – Кремень. Он питался молоком всех тех нартских женщин, которые кормили грудных детей. Рос он на глазах. В пятнадцать лет он силою и умом превосходил всех прочих нартов.

Поскольку он был сыном божественной Мялха Азы, Всевышний дал ему право и возможность в год раз взбираться на небо и навещать свою мать. Как-то раз, при очередном посещении, Мялха Аза сказала сыну:

– Ты возмужал и окреп. Нартским селом и всеми нартами правит у вас Нярtби. Он постарел. Теперь у него нет ни прежнего ума, ни прежних сил. Его власть должна перейти к тебе. Так предначертано судьбою. Иди и возьми свою власть.

– Вдруг случится нам сразиться: смогу ли я его одолеть? – спросил Моказ.

А спросил он потому, что у нартов был обычай: кто посягал на власть вождя, должен был с ним побороться и одолеть его [7].

Моказ добавил.

– Хотя он и в годах, но способен намять кости.

– А я тебе и не советую сходу идти в бой,– предостерегла Мялха Аза.– Вот что ты сделай: надои большую бочку молока горных барсов, разожги костер из шестидесяти чинар, ложись на горящие угли, проведи в них день и ночь. Затем прямиком из углей садись в ту бочку с барсовым молоком и просиди в ней три дня и три ночи.

Вернулся Моказ на землю. Разжег он костер до самого неба из шестидесяти чинар. Пока он горел, Моказ промчался по горам и от барсовых маток надоил целую бочку их молока. Пролежал он день и ночь на горячих углях. Тело его раскраснелось, словно медь. Затем он из углей прямиком сел в бочку с барсовым молоком. В нем он провел три дня и три ночи, затем почувствовал в своем теле необычайную силу. Оно стало булатным. Теперь его ничто не брало: ни сабля, ни кинжал. Затем он вновь посетил свою мать.

Она ему посоветовала:

– Ничто не возьмет твое тело, потому что оно булатное. Но береги свои глаза. Ведь в углях ты лежал с закрытыми глазами, потому они у тебя такие же, как у любого человека, и они легко уязвимы.

Вернувшись от матери, он пошел к дому вождя:

– Выходи, Нyртби! Я, Моказ, сын нарта Тоха, пришел, чтобы вместо тебя стать тамадою нартов! – крикнул он у ворот тамады.

Выскочил Нyртби со двора на сельскую площадь. Сцепились они врукопашную. Сходу Моказ поднял его высоко вверх и со всего размаха всадил в землю по самую шею. Весь день, с утра до вечера, посереди майдана из земли торчала голова Нyртби.

Вечером Моказ за ухо вытащил его из земли и сказал:

– Здесь, на майдане, сиди со стариками, и ни на что более ты уже не годен.

Затем он отпустил Нyртби с миром. Нарты тут же провозгласили Моказа своим тамадою.

Прошли многие годы. Однажды нарты вступили в бой с врагами. В бою Моказ не уберег своих глаз. Вражья стрела попала Моказу в глаз, и от этой раны он скончался [8].

В 1997 году от 60-летней жительницы села Мужичи Гошмох Арцельговой записала Асият Далиева.
Опубликовано: ИССП. С. 256.

[1] Жители села грозят нарту Тоху тем, что не возьмут долю с его охотничьей добычи. Такое положение дел на первый взгляд предстает странным. Однако, учитывая мировоззрение людей тех далеких времен, когда осно-

вой общества являлся коллективизм, такая угроза вполне понятна: ведь человек, не делящийся своим достатком с другими, не поддерживающий сирот и обездоленных, осуждался всем миром.

[2] По народным представлениям, многие языческие боги обитали именно на вершинах гор, поскольку там местность чище и к тому же ближе к небу (к богам). Поэтому сообщение о том, что Мялха Аза жила на горе «ЦIелий лоам» подчеркивает ее божественность.

[3] Удивительное зеркало, вбирающее днем свет, тепло и силу солнца, а ночью все это отдающее тому, кто в него смотрится, подчеркивает особую, самую тесную связь Мялха Азы с Солнцем. Так, героиня даже ночью не может обойтись без солнечной поддержки. Данный мотив «волшебного зеркала» несколько перекликается с пушкинской «Сказкой о мертвой царевне».

[4] Разделение нартов на положительных и отрицательных (черных) имеется и в сказании (мифе) «Семь сыновей вьюги», помещенном в 1-м томе антологии.

[5] *«Боткий Ширтка, который жил у Синих озер»* – высоко в горах Ингушетии расположены небольшие озера, называемые Синими *(Сийна Iамарч» – по-инг.)*. Из этих озер берет свое начало река Арамхи (в переводе – вода из озера). Некогда эти озера были обожествляемы: там стоит храм Амага (Озерный)-ерда; в водах озера прячется золотой баран (обо всем этом см. в 1-м томе антологии). Обычно Боткий Ширтка во время опасности прячется под землю. Это единственный случай, когда он прячется в водах озера.

[6] Здесь названа золотая лестница, спущенная с неба. По всей видимости, некогда вместо этой лестницы с неба спускалась золотая цепь. Мотив этой цепи, помимо ингушей, имеется и в хевсурском фольклоре. В древнем Риме считали, что божественный император Август спустился с небес на землю по золотой цепи. Под подобной цепью ингуши подразумевают солнечный луч, который они называют «цепью солнца» (*«маьлха зIы» – по-инг.*).

[7] Здесь приводится древнейший обычай, детально описанный у Фрезера в его работе «Золотая ветвь», по которому претендент на власть должен был одолеть (убить...) прежнего владыку (вождя).

[8] У Моказа глаза не были закалены, и потому герой гибнет, когда ему в глаз попадает стрела. Мотив «ахиллесовой пяты» интерпретируется на Кавказе по-разному. В кабардинском и осетинском нартском эпосах незакаленными остаются колени нартов Сосруко и Сослана, что и послужило причиной их гибели. У ингушей же вместо пяты или колен названы глаза героя. В предании о роде Баркинхоевых его родоначальник также гибнет от раны, полученной им в глаз.

* * *

69. САЬТАЛИ ХЬУНАГIАРА НАЛИ

Геттар уйлаех вIашкаваха хиннав наьрт Саьтал. ХIама ховш йолча Жер-бабас хаьттад цунга:

– Фу гIайгIа-бала кхаьчаб хьога? Хьаала, хьона гIо де хьожаргья со.

– Ханна кхы воккха се веце а, дукха турпала хIамаш карагIадаьннад сона. ХIаьта а наха юкъе гIорвоалаш цхьаккха

доккха хIама карагIадаьннадац. Фу дича бакъахьа дар-те яхаш, дIавагI-кха,– оалаш, леткъар Саьтал.

– Iа гIайгIа ялла хIама дац из. Наьрташта юкъе хеза дIаяхай хьа цIи,– оалаш, из теве йолаеннай Жер-баба, кхы из довна-шовна юкъевахийта ца ловш.

– Аз мел даь хIама моллагIча наьрто дергдолаш да. ХIаьта сона эшар да цхьа доккха, хIанзолца ца хинна хIама карагIадалар. «Наьрт Саьтала даь хIама да из?» яхаш, наха юкъе цIи дIагIоргйолаш,– аьлар Саьтала.

Наьрташ сатем байна нах болга дика ховш яр Жер-баба. Цкъа шоашта дагадеха хIама чакхдаккхалца, цар сатувргдоацалга ховш, наьртана хьехам баьб цо:

– Хьало-орча ворхI лоамал дехьагIа йолаш я геттар унзара йола акха нала, ХIанзолца цхьанна сага мегадац из эшае. Хьай карагIдоале, вахе дIае из.

ЭгIазвахар Саьтал:

– Иззамо кIезига хIама сона хIана хьех Iа? Боккха болх ба из нала ерах? Чарахье вахачара Саьтала цхьа хьакха йийнай, яхаш, наха со вувцар совнагIа кхы хIама хург мичад цох. МоллагIча чарахьа карагIадаргдола хIама ма дий Iа дувцар

– Цхьаь-цхьан наьрта е чарахьа карагIадаьннадац из нала йийна дIаяьккха. МоллагIа йола нала хинна Iац из, цхьа унзара хIама ше йоландаь,– оалаш, дувца эттар Жер-баба.– Лоам миссел йоккха я из нала. МуцIарах хьаягIаш итт къоахк я цун. ХIара къоахк попа хи санна йоккха я. Йий кхехко яьш санна йоккха я цун мерIургаш. Сангала сийна цIи хьаетталу царех. Ира гебагIаш санна хьаяьгIаш я цун мосаш. МуцIар хьеккхе, лоам бердах яькккхе, бIарчча юрт ахка йохийт цо. ТIа кхаьч-кхаьчар дIаюъ цо. Кховзткъа кхо лоам IоцIенбаьб цо, са дола хIама ца дуташ, гIабаьцалг ца юташ. ХIанзарчул тIехьа кхы а биса бола ворхI лоам а биа, вай лоамага кхоачаргья из. Ший цIагIа бала хьачубалцца вагIа везаш вац саг, хьалхе а цунна духьала отта веза из. БIеха, унзара из нала Iа йийна дIайоаккхе, кхы цул доккхагIа а сий долашагIа а хIама хургдац!

Саьтала дегIах зулам бедар. Мел доккха моастагIал доаллаш я из нала кхетадаь, цох лата дог эттар цун. Жер-бабас никъ а хьийха, ды кийч а баь, наькъа вахар из. Дурс, аьнна, цIи йолаш бар цун турпала ды. Саьтал ше дегIа поп миссел вар, хIаьта цун ды бар кхозза боккхагIа. Дурс бедда бодаш, лаьтта эгар, цун бIаргех сийгаш дIаухар, мерех доккха дохк дувлар.

Кхы Iа яха, хIаманна дукха уйла е Iема бацар наьрташ. Хеккка бахар уж, Саьтали Дурси. Массехка лоамах тIехбаьлча, къонача наьртий йоккха тоаба ейра царна. Дуаш-молаш, сакъердаш бар уж. ХIа, аьнна, шоашта Саьтал тIакхоаччашехьа, цунна го бир цар, Iовосса, хьаха тхоца, яха баьлар.

– Ха яц, сиха ва, доккхача хIаманна вода. Из гIулакх даькккхача, паргIата вала а салаIа а мегаргда,– аьлар Саьтала царга.

– Тхо а дига хьайца. Дезал-хІама яц тха, сагота я тхона, тІема хьадж ца кхета дукха ха яьннай,– яхаш, деха болабеннаб къона наьрташ.

– Из тІом е аз айса бе безаш ба, е оаш оашош бе безаш ба, из вай цхьана бергба, аьнна, са ма тувсалаш. Аьнна дале, бакъдолча дуненах кхийтта а вІашагІакхетаргда вай,– оалаш, дІахо дІалаьллар Саьтала.

Кхы а массехка лоамах ваьлча, цхьа мехкарий тоаба ейра цунна. ФурІалаш санна хоза бар уж. Дуаш модз долаш, локхаш хоза пандар болаш, иллеш доахаш, халхабувлаш, сакъердар цар. ХьатІавенача Саьтала го а баь, деха эттар уж:

– СалаІа тхоца, хьай кулг-юхь дила, хьа ды лувчабергба оаха, кера мерза-хьаьна кхача оттабергба оаха, керта масса чхьагІар а доттаргда, иллешца ялсамалара оазаш йохийтаргья. Хьанна хов, тхох цаІ езаенна Іа хьайна дІаюге а.

Цкъарчоа шекваьлар Саьтал, лийта чура ког баькккхар. ЭгІазбаха Іаьхар турпала Дурс. Ког юха а лийта чу а белла, Саьтала мехкарашка аьлар:

– Валанза дийна вусе, шо ерригаш а сайна йоалаергья аз!

Сигалара ди тохаш мо бедар Дурс. ВорхІлагІча лоамага кхаьчар уж. Цигач бІаргадейра царна цхьа тамашийна хІама: хьу тІаяьнна цхьа боккха Іаьржа лоам, дийна хІама ше йолаш санна, вокха лоама дІатІабоалаш.

– ЦІаккха дайнадац сона лоамаш дийна хилар! – оалаш, цецваьлар Саьтал.

– Из хьона гуш бар лоам бац, из унзара нала я хьона,– аьлар Дурсас. ТІаккха Саьтала хьеха болабелар из нала мишта эшае еза.– Нала дилла бухь билла дІахьалха йодаш хул. Геттар кхераме я цун уж къоахкаш. Цудухьа налана тоха мел тохар цун оагІонашка, чоажашка етта еза. Циггач деттаргда аз цунна сай баргаш, хІаьта Іа, цу юкъа, цун къоахкашта тур детта.

Цу налан чоажашта, цкъа аьттехьара, тІаккха аьрдехьара, иттаза тІабеттабелар уж. Иттаза Саьтала, цхьацца йоаккхаш, итте къоахк, тур дийтта, дийтта, «парх» аьнна дІаяхийтар. ХІаьта Дурсо, иттаза ше тІабетталуш, ланаш дийттача ший баргашца налан еррига чоажаш Іохийцар. Низ беха ежар нала. Циггач дег юкъе тур Іотташ, нартас из йийна дІаяькккхар. Цу нала че йоаттІаяьчара чураш Іояхар. ЦІогІа хьекхар Дурсас:

– Ка хьеккхе хьаийце вала налас мел Іоаяь ганз. ХІанз цун чура бІеха дохьаж долалургда, дохьажо Іи еттаргья!

Дошохи, дотохи, жІовхарехи бизза итт ей хиннабар цу нало Іоабаь. Деррига уж яьш хьалъийцар Саьталас. ТІаккха, ийккха дІабахар уж цигара.

Мехкарий тоаба йолча кхаьчар. Дуаш-молаш, сакъийрдар. Цу мехкарех массарел хозагІа йола кхо йоІ шийна сечол йоалайир Саьталас. Ужи кхыбола мехкарийи Дурса тІа ховшабир цо, шийна хьалхеи тІехьеи. Ийккха болхаш, тІаккха дІакхаьчар цу денал

долча кагийча наьртий тоабанга. Юха а дуаш, молаш, сакъийрдар. Шийна йигачарел совнагIа мел бола мехкарий цу кагийча нахага маьре бахийтар Саьталас. Керда хьахиннача дезалашта дошо, дото чудола кхо ей дIабелар.

Кхаь денни, кхаь бусси, керда дезалаш безбеш, хьоалчагIа дIадихьар.

ХIаьта Саьтал ший кхаь нускалца, йоккхача ганзаца цигара ваьнна ваха, ший цIенгахьа кхаьчар. Беррига наьрташ хьавIашагIа а теха, доккха хьоалчагIа дир цо.

Цу ханара денна Саьтала цIи дIаяхар «Унзара хьуна нала йийна Саьтал» аьнна.

ХIаьта, хIама ховш йолча Жер-бабийна а совгIата бIарчча дошо ей белар цо.

СЯТАЛ И ЛЕСНОЙ ВЕПРЬ

Горько призадумавшись, сидел нарт Сятал.

Мудрая старая Жер-баба спросила его:

– О чем задумался, Сятал? Расскажи, может, помогу чем.

– Молод я, а уже успел совершить немало подвигов. Но не знаю, как совершить такой, чтоб слава обо мне прозвенела по всей стране,– пожаловался Сятал.

– Зря кручинишься. Твое имя стало знаменитым среди нартов,– стала утешать его мудрая женщина, не желая, чтобы он подвергал себя большой опасности.

– Все, что я сделал, может сделать любой нарт. Мне же хотелось бы совершить такой подвиг, о котором все и всегда говорили бы: «Это подвиг, который совершил прославленный нарт Сятал!» – ответил он.

Жер-баба знала, что нарты – люди беспокойные, и если что задумали, то уж не отступятся никогда. Стала она ему советовать:

– Во-он за теми семью горами находится невиданно страшный вепрь [1]. Никто до сих пор с ним не справился. Пойди и убей его, если сможешь.

– Да как ты можешь советовать мне такое! – возмутился Сятал.– Что из того, что я убью какого-то вепря? Люди просто скажут: «Пошел Сятал на охоту и убил свинью». Ты предлагаешь мне подвиг, достойный простого охотника.

– Ни один охотник, ни один нарт до сего дня не смог справиться с тем вепрем. Это не просто вепрь. Это страшное чудовище,– стала рассказывать Жер-баба,– оно само величиною с гору. На голове у вепря десять клыков, а каждый из них величиною с чинару. Ноздри у него, что пивные котлы, вмещающие целого быка. Из ноздрей его пышет огнем и серою. Каждая щетинка на нем – что копье заостренное. Поддев рылом, он сбрасывает с гор целые аулы. Пожирает он все без разбора. В год он оголяет целую гору. Так, он уже пожрал все живое и растущее на шестидесяти трех горах и

Нарт Сятал поражает вепря-людоеда (с картины Х-А. Имагожева)

через семь лет, сожрав семь гор, доберется до нашей горы. Человек не должен ждать, пока беда придет в его дом, он заранее должен противостоять ей. Если убьешь это чудовище – это величайший подвиг, больше которого никогда не совершишь!

Загорелся нарт Сятал, поняв, с каким страшным противником он может сразиться. Узнав у Жер-бабы дорогу, он тут же собрался в путь. Его богатырского коня звали Дурс. Сятал был ростом с чинару, конь же его – в три чинары. Под Дурсом земля дрожала, из глаз его сыпались искры, из ноздрей – туман клубился.

Нарты долго размышлять не привыкли. Поскакали они в путь, и одолев несколько гор, наткнулись на большую дружину других молодых, сильных и красивых нартов. Они проводили время в веселых пирах. Лишь только доскакал до них Сятал, как они тут же окружили его, попросили спешиться и стать их сотрапезником.

– Нет времени у меня: спешу я на большое дело. Если совершу его, тогда и повеселиться можно будет,– ответил Сятал.

– Возьми и нас с собою. Нет у нас семей, жить скучно, давно не участвовали в походах,– стали просить юноши.

– Или этот подвиг совершу я, или... придет время, встретимся на том свете! – крикнув, далее поскакал Сятал.

Еще через несколько гор увидел он собравшихся в круг девушек. Они были красивы, как райские фуралы [2]. Ели они медовую пищу, пели чудные песни и благородно танцевали. Дружно окружили они подъехавшего Сятала и стали просить его:

– Отдохни вместе с нами. Мы омоем тебя и коня твоего, угостим невиданно вкусной пищей, нальем чудные вина, споем райские песни. Может, какая-нибудь из нас тебе понравится, и ты женишься на ней.

Дрогнул было Сятал и только высунул ногу из одного стремени, как грозно заржал богатырский Дурс.

Всунул ногу в стремя нарт Сятал и сказал девицам:

– Жив буду, вернусь и на всех вас женюсь! Молнией понес его Дурс. Доскакали они до седьмой горы. Видят они, что на эту гору взбирается какая-то огромная черная гора, вся лесом обросшая.

– Никогда не видел живых гор! – воскликнул Сятал.

– Это тебе не гора, то движется чудовищный вепрь,– сказал ему Дурс и стал учить, как надо сразить это чудовище.– Вепрь всегда лезет напролом. Самое опасное – это его смертоносные клыки. Поэтому вепря бить надо сбоку. Я наскоками буду копытами рассекать его бока, а ты тем временем секи его клыки.

Десять раз они наскакивали на бока вепря. Все десять раз, один за другим, Сятал отсекал его страшные клыки. Дурс своими кованными копытами рассек все его бока, теперь вепрь уже не воин. Тут в самое сердце поразил его могучий нарт, а вскоре и внутренности поползли из его боков.

Дурс воскликнул:

– Скорее хватай награбленные вепрем сокровища! Сейчас из вепря пойдет страшная и ядовитая вонь.

Схватил Сятал все десять котлов, полных золота, серебра и жемчуга, и они полетели назад.

Прискакали к тем девицам. Отдохнули и попировали. Отобрал Сятал из них себе в жены трех самых красивых девиц. Их и всех остальных девиц посадил он на коня спереди и сзади. Приехали они к тем прекрасным нартам. Вновь закатили пир. Выдал Сятал за юношей всех остальных красавиц. Подарил им всем три котла богатств.

Попировав на общей свадьбе три дня и три ночи, Сятал со своими женами и котлами драгоценностей вернулся домой. Закатил он пир на весь нартский народ. С тех пор Сятала стали называть «Страшного лесного вепря убивший нарт Сятал».

А мудрой Жер-бабе он дал в подарок целый котел золота.

В 1997 году от 60-летней жительницы села Мужичи Гошмох Арцельговой записала Асият Далиева.
Опубликовано: Сердало. 1999. 29 апр.; ИССП. С. 267.

О борьбе героя с диким вепрем повествуется в эпосе древних греков (один из подвигов Геракла), в нартском эпосе кабардинцев (в сказании о Химише).

[1] В доисламское время ингуши сильного человека сравнивали с вепрем (кабаном, свиньей). Имеется фразеологизм «Он силен, как свинья» (Хьакхага санна низ боал цунга). В ингушской ономастике в прошлом были мужские имена «Хьакха» (Свинья), «Нал» (Кабан), «Хурск» (Поросенок), «Налг» (Кабанчик).

[2] *Фуралы* – имеются в виду райские девы. Одна из высших похвал девушке: «Она прекрасна, словно фурал» («ФурIал санна хоза я из»).

* * *

70. БОТКЪИЙНА ХИННАР

Геттар кураваьнна лелаш хиннав наьрт Боткъа. «Соморг мичав!» – оалаш,– «Сол толашагIа кхы вий!» – хетташ, геттар чуравувлаш хиннав. Дилла феса ухаш а хиннав из. Шийна духьала мел кхийттача къонахчунга оалаш хиннад цо:

– Хьалата сох, хье къонах вале!

– ДIавала! Хьох латтал къонах вац со,– оалаш хиннад вокхар.

Воацаче, аьле, юхе ягIа га, дIакхайде Iо а соттайий, цох из къонах дIа а вийхке, га дIахецаш хиннай цо. Веттавале, веттавале, кхо-оно мукъа а ваьле, дIаводаш хиннав из саг. Ший сесагага а бала бахьаш хиннаб цо:

– Хьаала, хьол толашагIа къонах вац укх дунен тIа!

– Вац хьол толашагIа цхьаь-цаI,– оалаш хиннад сесаго.

– Долче, дIахалхаяьла! – аьле, багах йиш локхаш, тIоараш вIашкадетташ, из халха йоахаш хиннай цо.

Садийттад сесаго, тIеххьара аьннад:

– Хьо куравувлал хIама дац, хьол толашагIа а дукха кororгба. Са даь-веший воI волча гIол, тIаккха ховргда хьона: ва хьол толашагIа къонах е вац.

– Iа иштта чIоагIа аларах гIоргва со, бакъда, хьо харца хуле, Даьлага ба хьа болх.

Ийккха хехкай укхо уццIаьшкахьа. Сов дорхвенна хиларах, духьала мел кхийтта саг, цхаккха хаьтта хIама доацаш, гаьнех цхьа иттех дIавехкаш болх баьб цо.

ТIеххьара дIакхаьчав ер ший уццIаьй болча мехка. Боткъас йоалаяь саг наьртех а йоацаш, вампалех хиннай, дегIа ше лоха хиннаяле а. Из ховш хиннавац наьрт Боткъа, дегIа из лакха ца хиларах.

Вампалий мехка ер кхаьчача, хи йисте вагIаш вайнав цунна вампалий цхьа саг. Попа хенах зIак а элла, чкъаьрий лувцаш ваьгIав из. Iохайна вагIашехьа а лакхагIа хиннав говра тIа вагIача Боткъийла. Цу хана хи чура чкъаьра баьккха, зIак хьалостадеш, из чкъаьра кхийтта, ший говра а тIехьа Боткъа дIагаьнна кхессав. ВIаший къамаьл хиннад цар. Къамаьлах хайнад вампала из шоай

нейц волга. Цо ший даь-веший йоІага, из халхайоахаш, бала бахьаш хиларах, бекхам бе лаьрхІад цо. Цигач вагІачара дІакхайда, оззаяь цхьа га хьа а яьккха, цу тІа чкъаьра ІотІа а била, аьннад:

– Ер га говрах дІа а тессе, дІатокхабе ер чкъаьра нийсса дІабодача наькъах. ЦІенга кхаьчача, са сесагага ер кхарза, аргда Іа. ХІаьта со се кастлуш дІавоагІаргва.

Говро халла текхаеш хиннай из га, ший чкъаьра а тІехьа. ДІакхаьчача, иштта а иштта а да, аьнна, укхо дІадийцача, кхалсаго аьннад:

– Хьо укхазара хІанз катехха дІа ца воде, Іалаьмат ала во хьал хургда хьога. Дукха ха я хьо цунна дагавоалла. Цунна дагадоаллар да, шалта а Іетташ, сахаьдда венна Іовожжалца хьо халхаваха.

– ХІанз кхийттар со сайл толашагІа нах болга. Со кІалхара варгвола болх бел – хьай,– аьнна, дийхад цо.

– Деррига фуд, аьлча, шо, наьрташ, сов кура нах хилар да,– оалаш, бехк баькккхаб цо.

Къайгаш а хиннай цу мехка говраш миссел йоккхий. ДІакхайдача сесаго цхьа къайг хьа а лаьца, цу тІа ІотІавийхкав Боткъа, ший говра а тІехьа.

– Укх къайго укхазара дІагаьнавоаккхаргва, дІахо дар хьайна ховргда хьона,– аьнна, сесаго уж дІахийцаб.

Дуккха дІагаьнабаьннаб уж. Хьу йолча кхаьчача, къайгана ейнай дІакхайса ухка чураш. Царна тІа Іохайнай из. Ший говраца тІера Іо а ваьнна, Боткъа дІай-хьай хьежача, дуне миссел тенна саг вайнав цунна. Чкъаьрий лувцаш ваьгІа вампал цунна хьалхашка бер миссел мара кхы лакхагІа хиннавац. Геттар букара ваха, оакхарошта ше гургвоацаш, Іотеба воагІар из. Мелла из ІотеІа хиннавале а, эггар лакхагІа йолча гаьнашта нийсса хиннав из. Хьалнийсавелча-ма, цхьа лоам миссел лакха хургвар.

Циггач вІаший хаттараш даь даьлча, хьа хьаьша ва со, аьннад Боткъас. Шийна из хьоашал тІаэцаш, вокхо кхо сай кха биллаб. ТІаккха дика хьегаш багІаш, Боткъас ше мел леладаьр дІадийцача, цу чарахьо аьннад:

– Дика болх ба хьо хІанза мукъа кхийтта волаш хьайла толашагІа адамаш долга. Хьол толашагІа хиларий из вампал? Хилар! ХІаьта цул толашагІа со ва, аьнна, хетий хьона?

– Ай, хет, даьра, мишта хетац, хьол толашагІ-ма адам кхы хила йиш а яц,– дог тийшша аьннад Боткъас.

– ДІаховлда хьона, сол толашагІа а адамаш да укх дунен тІа. Аз цхьа хІама дувцаргда хьона. Аз дувцар бакъдале, со дийца ваьлча, ер латта корсам ше-шегІа лотаенна, цІерах хьалйоагаргья хьона,– аьнна, дувца волаленнав из.

– Со а хиннавар цхьан хана сайл толашагІа адам укх дунен тІа дац, аьнна хеташ. Цкъа иштача куралах виза, со гаьннарча цхьан мехка чарахье вахача, эрий ара уллаш ейра сона сага керта тите, гІала миссел хІана яц, аьнна, йоккха а йолаш, хьаь юкъе шиъ хила езача бІарг баьлла цхьа къорг мара йоацаш. Сов дукха ха дІаяха

йолаш, цу тите тІа хьалтІаяьнна кагий гаьнаш а царца оалхазарий бІенаш а дар. Цу хана аьннар хулийташ йола шод яр сога. Кхы дукха хІаманна уйла ца еш, цу титена из тохаш, аьлар аз:

– Хье хьалха ма хиннар саг хиле дІаоттийла, латтачара дІаметтахьа а ма валва хьо.

Іа фу де ях! Из тите сигала хьала а йодаш, хьахиларий хьона лоам миссел лакха цхьа адам. Хьаь юкъе боалла боккха бІарг лир детташ боагар цун. ДегІ хьувш, дІа-хьа вала дага волаш, латтача хье ваьлар из саг, бакъда, ши ког, лаьттах ІочубегІача санна, мет-тахьа балацар. Сигале екаеш, хьакхайкарий хьона из:

– Ер фуд? Со дийн а веннав, дІавохалуш а вац!

– Аз иштта дийнваьвар хьо? Фу адам да хьо, дукха ха ма йий хьо укхаза улла. Хьаювцал хьай ха.

– Са ха яхий Іа? Беркате ха яр. Цу ханара хьу са дегІара яр, хІаьта дІара сона гуш яр, тха хана хиннача баьцал лакхагІа яц, хІаьта хьо а дегІа ма чІоагІа эсала ва. ХІама кІезига дуаш хургва хьо?

– Цкъа дІахайча, устагІа тоъ сона.

– ХІа-а, телхад хьона деррига а. Тха замах дуаш дола хІама Іалаьмате овсара хулар: устагІан цхьа пІенда биача, вузар тхох саг. ХІаьта хьо фу саг ва, фу лехаш лел хьо?

– Со иштта наьртех саг ва. Сайла толашагІа вола саг лаха ара-ваьнна лелар со, хІанза аз лийхар хьо волга хайнад сона. Хьол толашагІа укх дунен тІа саг хинна а вац.

– Из нийса дац хьа. Сол толашагІа а ба нах. Аз дувцаргда хьона. Къона со волаш, цкъа укх аре гІолла дІаводаш, цон хьокхаш воал-ла саг вайра сона. Сов лакха волаш, малхо корта боагабергбоацаш аьл-токхор санна кхакха кий яр цунна тІатуллаш. ДІай-хьай тха къамаьл хинначул тІехьагІа, цо аьлар:

– ХІанз хьо са хьаьша ва. Хьалорча лоам тІехьашка ва со ва-хаш. Вахе, дІаала сесагага, дахчеи ейи кийчбе йоах, кастлуш со дІа воагІа,аьле.

ТІаккха дІаваха из цун сесаг йолча а этта, пхьор кийчдергдолаш ей а дахча а кийчде йоах хьога, аз аьлча, цо аьлар:

– Пхьерийна из фу кийчъе воал хой хьона?

– Хац.

– Хьоморг бола тувлабенна нах буаш Іаьдал да цун. Пхьерийна хьо ваа дага ва, укхсахьате вена хьа а оттаргва. Къа долаш саг ва хьо.

– Хьай Даьла духьа, со цох карара валийталахьа,– оалаш, чІоагІа дийхар аз цунга.

Ма хьашт доацаш Даьлага кхайкар хьо! ХІанз Іа дийхар ца дича ялац со. Аз хьо миччахьа лочкъаварах, хьажах хьо цунна коравергва. ЧІоагІа хьадж кхеташ саг ва из.

Уйла еш лаьттар вампала из сесаг. Цу хана гаьннара хьахезар воагІача цу вампала когий таташ, лаьтта эгадеш.

– Аз хьо укх чу лочкъавергва,– аьнна, Іокховдаш со урагІа хьал а вихьа, ший коча духь а эйдаь, ший цІонка чу веллар цо со.

– Мичад из аз дІадайта адам яха зунгат? – аьнна хьа мухь техарий цо, хьатІакхоаччашехьа а.

– Фу адам да Іа дувцар, укх вай акхача метте хьагучадаьнна цхьаккха адам хиннадац.

Сесагах ца тешаш, массанахьа хьадж яха волавелар из. Ший сесагах хьадж яьккха хьаькъал кхачанзар цун. Кхы со кора а ца ваь, дІасецар. КІаьдвенна набара из дІавижача, сесаго, цхьа боргІал хьа а лаьца, со цунна тІаьн кІала а велла, из боргІал дІаэккхайир. Из сесаг шайхал доаллаш хиларах, боргІал ше майодда яха са цІенга эттар. Иштта кІалхара ваьлар со. ХІаьта из боргІал тха боккхача дезало бІарччача бетта йиар. Лоалахошта а дакъа кхаьчар. Цу сесага цІонка чу со воаллача хана цун Іехаш хиннача чурий бахьан цхьан бетта къора волаш лийлар со.

Ховлда хьона, къонах, сол толашагІа саг вац ала мегаргдоацалга. Хьол а сол а толашагІа дукха нах ба хьона укх дуне тІа. ХІаьта, зама яькха йийрзай, со укханца тарлургвац. Юха се ма хинна тите хилийта сох.

«Юха а хье хинна тите хийла хьо»,– оалаш, аз цун когах шод а теха, ше маярра тите хьахилар цох.

Циггач царна юхе латташ хинна корсам цІерах лотаелар.

Ше цІакхаьчача, наьрта Боткъас аьлар ший сесагага:

– ХІанза хайра сона сайла дуккха а толашагІа нах дунен тІа болаш болга. ДІатоха тІоараш, дІалакха йиш! – оалаш, когабухьара вувлаш, дІахалхаваьлар наьрт Боткъа.

СТРАНСТВИЯ БОТКИ

Было время, когда нарт Ботка очень возгордился. Приговаривал он:

– Кто сравнится со мною? Кто меня превосходит?

Часто он ходил в походы за добычею. Встретит, бывало, на пути какого-либо мужчину и обязательно скажет ему:

– Борись со мной, если ты мужчина!

– Оставь меня в покое, мне с тобою не сладить,– отвечал проезжий.

– Раз так! – сказав, он, с седла протянув руку, нагибал к земле вблизи стоящее дерево, привязывал к нему встречного и отпускал это дерево.

Тот висит на нем, извивается, а затем кое-как освобождается и убегает от страха.

И своей жене он не давал покоя, говоря:

– А ну-ка скажи, что никто в этом мире меня не превосходит!

– Нет никого, кто тебя превзошел бы,– отвечала жена.

– А раз так, начинай танцевать,– говорил он, начинал напевать и хлопать в ладоши, заставляя жену танцевать.

Долго терпела все это жена, но, наконец, ее прорвало:

– Нечему гордиться, немало тех, кто тебя превосходит. Сходи к моему двоюродному брату и тогда узнаешь: есть или нет тебя превосходящие.

– Раз уж так крепко твое слово, то я пойду, но не дай тебе бог ошибиться!

Поскакал он к родственникам жены. Был он рассержен настолько, что без всяких разговоров всех встречных привязывал к деревьям. Таким образом, он подвесил в тот раз человек десять.

Наконец-то прискакал он в страну родственников своей жены. А она не была из нартского рода, а была из рода великанов-вампалов. Но так как рост у нее был обыкновенный, то нарт Ботка об этом не знал.

Приехав в страну вампалов, он увидел молодого человека, рыбачившего на берегу реки. Удилище его было из оголенного ствола чинары. Сидя, юноша был выше сидящего на коне Ботки. В это время вампал выудил рыбу, и она случайно ударилась об Ботку и его коня. Была она столь большая, что его вместе с конем далеко отбросило. Разговорились они, и тут великан смекнул, что к нему явился его зять. Из-за того, что он измывается над его сестрою, заставляя ее танцевать, он решил с ним поквитаться.

Сидя, он протянул руку к лесу, вытащил из земли дерево, положил на него рыбу и сказал:

– Прицепи это дерево к хвосту коня и волоки эту рыбу во-он по той дороге. Там наш дом. Скажи жене, чтобы она ее поджарила, а тем временем и я подойду.

С трудом лошадь поволокла дерево с рыбой. Жене великана он передал его просьбу.

И вдруг она сказала:

– Если ты не убежишь отсюда как можно быстрее, то тебе не поздоровится. Он давно хочет с тобою поквитаться. Мечтает он тыкать в тебя кинжалом и заставлять танцевать, пока ты замертво не свалишься.

– Теперь я понял, что есть люди, которые меня превосходят. Спаси меня, прошу тебя,– взмолился он.

– А все из-за того, что вы, нарты, очень кичливые и гордые,– сказала она с укоризною.

А в тех местах и вороны были огромными – ростом с коня. Схватила женщина пролетающую ворону и привязала к ее спине Ботку вместе с конем.

– Эта ворона унесет тебя далеко, а затем поступай, как знаешь,– сказав так, женщина отпустила ворону.

Далеко-о они улетели. Пролетая над лесом, ворона увидела брошенную кем-то требуху и села на нее. Вместе с конем Ботка сошел с вороны и стал озираться. Увидел он огромного-преогромного человека, такого, что рыбак перед ним был не больше ребенка. Этот великан шел согнувшись почти вдвое, чтоб не быть выше леса и

чтоб звери его не увидели. Ну а если бы он выпрямился, то был бы уж точно с гору.

Поговорили они, и Ботка объявил себя его гостем. Тот принял его и стал на ужин поджаривать трех оленей. Вкусно и сытно поужинав, начали они говорить о разном, и Ботка рассказал великану-охотнику о своих похождениях.

Тогда охотник сказал:

– Хорошо, что ты хотя бы теперь понял, что есть люди, превосходящие тебя. Превзошел тебя тот рыбак? Превзошел. А я превзошел того рыбака? Тоже превзошел.

– Да уж точно. Вот тебя-то вряд ли кто когда превзойдет,– уверенно сказал Ботка.

– Знай же, есть на этом свете люди, которые и меня превосходят. Расскажу тебе об одном случае. Если то, что поведаю, будет правдой, то вот эта вблизи от нас стоящая сосна сама собою загорится.

И начал он рассказывать:

И я был в свое время очень самоуверенным и считал, что никто не сможет меня превзойти. Однажды, полный таких мыслей, я был на охоте. Вдруг в поле я увидел огромный, величиною с башню, человеческий череп. Вместо двух у него посереди лба была одна глазница. Видать было, что череп лежит давно, потому что на нем рос кустарник, в котором гнездились птицы. В то время у меня была волшебная плеть, с помощью которой я мог исполнить любое свое желание. Недолго думая, я ударил плеткой по черепу и произнес: «Воскресни ты тем, кем ты ранее был, но так, чтобы с места сойти не мог».

И что же ты скажешь! Стал череп возноситься к небесам и возник великан ростом с высоченную гору. Начал он вертеть телом, пытаясь сдвинуться с места, но ноги его, словно к земле приросли. Заговорил он – словно гром с небес: «Что это? Я ожил, а сдвинуться с места не могу?» – «Это я тебя так оживил. Долго ты тут лежал? Что ты за человек? Расскажи о своем времени». – «Ты спрашиваешь про мое время? Оно было весьма благодатным. Леса в то время были в мой рост, а теперь я вижу во-он тот лес, который не выше травы моего времени. А ты что такой маленький? Ешь, наверное, мало». – «Зараз мне хватает одного барана». – «Эхе-е... все испортилось. В наше время еда была очень сытной: мы насыщались одним бараньим ребром. Что ты за человек? Что ищешь?» – «Я из нартского племени. Пошел я по свету искать того, кто бы меня превосходил. И вот я нашел, кого искал,– это ты. Вряд ли кто тебя превзойдет!» – «Это ты неверно сказал. Есть и такие, которые меня превосходят. Расскажу тебе об этом... Был я молод, когда шел вот по этой равнине. Увидел я косаря за работой. Был он столь высок, что на голове у него была папаха величиною со скирду, чтобы солнце голову не напекло. Разговорились мы, и он сказал: «Теперь ты

мой гость. Живу я во-он за той горою. Пойди и скажи жене – пусть приготовит котел и дрова, скоро и я подоспею».

Пришел я к его жене и передал, что, дескать, косарь просит приготовить котел и дрова, чтобы сготовить ужин.

«А знаешь, что он хочет сварить на ужин?» – «Нет, не знаю». – «Он поедает таких, как ты, заплутавшихся людей. Вот-вот он явится и тебе не сдобровать. Как мне тебя жаль!» – «Богом твоим заклинаю, спаси меня от него!» – взмолился я. – «Угораздило же тебя заклясть меня моим богом! Деваться некуда, надо будет тебе помочь, да вот как это сделать – не знаю. У него очень острый нюх, он тебя наверняка найдет».

Стала думать эта невообразимого роста великанша. В это время стала содрогаться земля: это косарь шел домой.

«Я тебя вот сюда спрячу»,– сказала великанша, задрала свой подол и тиснула меня в свой пуп.

«Где этот муравей-человечек, которого я послал сюда?» – проревел он. «Не ведаю, о ком ты говоришь. В наших диких местах разве найдешь человека?»

Не веря ей, он начал везде все обнюхивать, но не догадался понюхать свою жену. Не уловив запаха, он успокоился. Поужинав, он от усталости быстро уснул.

Его жена схватила петуха, сунула меня ему под крыло и отпустила его. Она обладала волшебством и наказала петуху бежать прямиком к моему дому. Так я и спасся. Потом наша большая семья целый месяц ела этого петуха и соседям от него досталось немало.

Когда я находился в пупе той женщины, то от урчания ее живота, я оглох настолько, что с месяц ничего толком не слышал.

Знай же, мужчина, никогда нельзя говорить, что нет человека, который бы тебя не превосходил. На свете этом немало людей, которые превосходят и тебя, и меня.

Времена наступили скудные, и я в них не уживу. Пусть я опять стану черепом.

«Вновь стань черепом, как и был ранее»,– сказал я, ударил плетью по его ноге, и великан вновь стал черепом.

Тут сосна, стоявшая рядом, сама собою загорелась.

Вернувшись домой, нарт Ботка сказал своей жене:

– Уверился я теперь, что есть на свете люди, намного меня превосходящие. Запевай и хлопай в ладоши,– с этими словами нарт Ботка пустился в бурный пляс.

В 1991 году от 97-летнего жителя Джейраха Али Изновриевича Льянова записал Магомет Арскиевич Льянов.
Публикуется впервые.

В горнорачинском (Грузия) фольклоре есть герой Майр-Батого. Причем, исследователь Ш. Дзидзигури пишет, что элемент «Майр» в этом имени для него не ясен. Однако слово «майра» хорошо известно в ингушском языке, в котором оно четко и ясно имеет смысл «храбрый». А само имя героя Батого весьма созвучно ингушскому Ботка, который в ингушском эпосе представлен отцом Ширтки (*Дзидзигури Шота*. Грузинские варианты нартского эпоса. Тбилиси, 1971. С. 17).

О великанах имеется и следующий ингушский миф «Прежние великаны»:

Прежде чем сотворить человека, Бог создал великанов-вампалов. Они были настолько велики ростом, что, проходя под солнцем, нагибались, чтобы не сшибло с них папахи и не обожгло головы. Скот у них был такой величины, что он поедал леса, как траву.

Их огромные тела не удовлетворялись обыкновенной пищей, и они при случае поедали друг друга. И все же Бог их терпел, надеясь, что со временем они образумятся.

Но Земля начала жаловаться Богу: «Со дня появления на свет этих великанов я не знаю покоя ни днем ни ночью. Они всю меня перетоптали».

Бог послал на великанов заразную болезнь, и они все вымерли. Потом Бог создал человека. И тогда земля успокоилась (МЛВ. С. 105).

«Странствия Ботки» опубликованы: Сердало. 2004. 28 дек.

* * *

Вариант вышеприведенного сказания «Странствия Ботки» широко представлен в нартском эпосе и у других народов. У ингушей он был опубликован лет сто назад Б. Далгатом. Приводим этот текст:

71. СКАЗАНИЯ О ВЕЛИКАНАХ-ВАМПОЛОЖ

Было это давно, но старики передают так. Был в одном селении человек, который в присутствии своей жены поднимал корову за хвост, переносил через забор, опускал на землю, опять поднимал и переносил назад. После этого он всегда бил жену и спрашивал: «Скажи, кто сильнее меня на свете?» Жена не могла указать никого. Об этом узнала жена Пез-Амиева. Она пришла к жене силача и сказала ей: «Что же ты не знаешь, когда я, последняя женщина в селении, и то знаю это? Пусть он переправится через гору. На той стороне горы люди удят рыбу, пусть он с ними померится силой – они сильнее его».

Вечером силач приходит домой и, подняв корову за хвост, опять спрашивает жену: «Скажи, кто сильнее меня на свете?» Жена ответила: «Переправься через гору, там ты найдешь людей, удящих рыбу, те сильнее тебя».

Силач перешел через гору и увидел трех человек, удивших рыбу. Он сказал им: «Давайте силу пробовать!» – «Зачем нам силу

пробовать? Мы не знаем, зачем ты пришел, иди лучше сюда, а там мы и силу попробуем». Он подошел к ним. Тогда один из братьев сказал: «На, держи удочку, пока я схожу на двор». Тот взял удочку, тотчас же зацепилась за нее рыба и стала его тянуть в воду. Тогда тот, который сидел поблизости от него, сидя, схватил силача одной рукой и привлек его к себе с рыбой. «А, ты пришел этакую силу пробовать с нами?» Сказав это, он подул на него и отбросил его к среднему брату, тот дунул и отбросил его к третьему брату, и так он стал летать от одного брата к другому. «Вот бог послал нам забаву, есть чем позабавиться»,– говорили они. Возвращаясь домой, они также поддували на него, и он летел впереди них по дороге. Остановившись отдыхать, они пообедали и легли спать, намереваясь опять поиграть с ним, когда проснутся. Он, однако, убежал, когда они заснули.

На дороге он встретил одного человека-вампала [1] огромного роста, без одной руки и без одного глаза [2], одной рукой он вез тринадцать арб сена. Он обратился к вампалу со словами «Ни дела hашус»[3] – «Я твой и Божий гость». После этих слов вампал не мог его не принять, и он предложил ему влезть на арбу и укрыться рогожкой [4]. «Нет, ты мне дай более безопасное место».– «Куда же поместить тебя? Ну, полезай в штаны». И силач весь скрылся в его штанах. Вампал пошел себе дальше. Навстречу ему бегут три брата-рыбака. «Не видал ли ты нашей игрушки?» – «Какой игрушки? Ничего я не видал».– «Нет, ты, должно быть, видел, лучше скажи».– «Уходите прочь от меня, а то я побью вас».– «Нелегко нас побить и мало найдется таких»,– отвечали те. Тогда он размахнулся и ударил рукой одного из них по щеке, и все трое повалились от одного удара. Вампал обратился к своему гостю: «Вырви-ка один волос сзади у меня». Тот уперся обеими ногами (о зад) и, надрываясь, насилу вырвал один волос и передал вампалу. Он взял волос, перевязал всех троих братьев и сказал: «Ну теперь расскажите, что такое у вас произошло?» Братья рассказали, как тот человек пришел померяться силой, когда они удили рыбу, как они возвращались домой и как он, когда они легли спать, убежал.

Тогда одноглазый вампал говорит братьям-вампалам: «Вот послушайте меня. Нас было семеро братьев. Мы тоже вышли померяться силой, считая себя сильнее всех на свете. Идем мы и встречаем пастуха, огромного роста, одноглазого, погоняющего громадное стадо баранов. При одном виде его мы перепугались и запрятались в череп лошади, лежавший тут же недалеко (и лошади в те времена были большие). Подбежала к нам огромная собака пастуха, потащила череп со всеми нами и положила у ног его. “Спасибо тебе, моя собака, за гостинец”,– сказал пастух, продел палку в дыру черепа и, положив ее на плечо, пошел себе дальше, как ни в чем не бывало.

Придя домой, он изжарил шестерых моих братьев на вертеле, съел их и лег спать, оставив меня на утро для закуски. Когда

он заснул, я взял шампур, накалил его в камине и одним ударом пронзил ему глаз. “А! Ты лишил меня глаза! Погоди же, все-равно ты не уйдешь от меня”,– сказал пастух и утром стал выпускать баранту по одной штуке. Он водил рукой по спине каждого барана, ища меня. Видя неизбежность гибели, я зарезал козла и, надев на себя его шкуру, прошел мимо пастуха, обманув его таким образом. Выйдя из пещеры, я погнал стадо и, отойдя далеко, крикнул ему: “Ты съел моих шестерых братьев, но я спасся и лишил тебя глаза, отомстив тебе хоть сколько-нибудь, и теперь угоняю твое стадо”. Как только я сказал это, пастух бросил огромную скалу в направлении, откуда слышался мой голос, и этой скалой оторвал у меня одну руку и лишил одного глаза. Так вот вам мой совет: не считайте себя сильнее всех на свете, а живите каждый для себя».

Сказав это, он отпустил их, и все они разошлись восвояси.

В 1892 году в горной Ингушетии со слов сказителя Ганыжа записал Б. Далгат.
Опубликовано: ЭО. М., 1901. № 1. С. 43; ГЭЧИ. С. 280.

[1] Здесь Б. Далгат делает примечание, что «вампал» *по-инг.* означает «великан».

[2] Б. Далгат отмечает, что этот великан не принадлежит к так называемым одноглазам, а просто ослеп на один глаз.

[3] Согласно современной ингушской орфографии, это звучит так: «Хьаи Даьлеи хьаьша ва со».

[4] По примеч. Б. Далгата, обычай гостеприимства настолько крепок, что ему подчиняется и великан-людоед.

* * *

72. ГАРСКОГ

Боккхача кхерий тIа хайна вагIача Боткъий Ширткъана бIаргавайра наькъах воагIа цхьа саг. АстагIа, Iаса тIа теIаш вар из. Цу тIа цхьа бIарг боацаш а хиннавар. ВIаший хаттараш даь баьлча, Боткъий Ширткъас хаьтта хиннад:

– Фу тIом хиннаб из хьо селлара сакхат воаккхаш? – аьнна.

– ТIем тIа ер хинна даларе-ма хIама дацар. Фу, мишта хиннад хьа ха безам бале, аз дIадувц хьона.

Наьрташта юкъе цIихеза ворхI новкъост вар тха. Нах хьогар тха деналах. Дагадехача, феса ухаш, дагадехача, чарахье ухаш, иштта дIалелар тхо. Цкъа хезар тхона фунехкдаьча метте дукха жа долаш цхьа вампал ва бакъда, чIоагIа низ болаш а ва, аьнна. «Низа-м цунга шийга ма та-а хиннабалара, ховргда-кха шийна, тхо тIакхаьчача!» – аьнна, из оахош эшорг хиларах цхьаккха шеко

а йоацаш, ворхIе а даха наькъа даьлар тхо. Ухо-ош, хетто-ош, гаьнарча мехка кхаьчар тхо. Циггач, цу вампала хьагIарга эттача, тIаккха мара кхетадинзар оаха, тхош цунах лоархIалургдоацалга. Бийсах дIавужаш, цо хьагIар къувлаш дIаувттабеш бола кхера тхо ворххIе а гIортарах меттахьара баккхаланзар. ГIулакх цIена доацалга а хайна, тха тхьамадас аьлар, махулла укхазара кIалхарадовла деза вай, аьнна. Ког сихбеш тхо дIадоладелча, баьдъерзаш цхьа морх тIаера. Из морх хиннаяцар – маьлха духьала волаш ший хьагIаргахьа воагIаш вола вампал хиннавар. Сигала ды къувкъаш санна тхога йист хилар из: «Са хьоашалагIа къехка шо дIа хIана долх! Хьаюхадерза!» Тхьамадас аьлар: «Жи, дIай-хьай довдалаш!» ДIадовдарах хIама хиларий? Гаьннара ший Iаса хьахьеккха, тхо ший коана дехкар цо. «Дукха ха яр шо мо йоа пхьагалаш са кара ца кхоача»,– оалаш, хьагIара чу а дихьа, тIагIолла бартала берзабаьча яь кIала дехкар тхо. ТIаккха жа хьачу а лаьхка, тхона тIера ей дIа а баькккха, тхох цхьацца лоацаш, букъах пIелг Iохьокхаш а ваьгIа, аьлар:

– Ма гIийла хIамаш хиннай шо, хIаьта а жа даа кIордадаь волаш, адама дулх ца дуа дукха ха яьларах, шо ворххIе а таа мег сона пхьерийна.

Йоккха цIи йийзар. Доккха ов хьа а ийца, цхьацца цох вехка волавелар из. Ялх вегIачул тIехьагIа: «Хьох, пIаькъарах-м, фу дергдар, мичча хана хьо а вуаргва-кха»,– аьнна, дIаюстара кхесса со витар.

Цхьа бахьан цIерала а боагабаь, бийдо-о уж болашехьа, цхьацца кхоаллаш, са ялхе а новкъост дIаккхаьлла, цигач чIоагIача набарах дIавижар из.

ХIанз ираз дайра са, аьнна, дIавIашкавахарий хьона со. Фумала дича бакъахьа дар-те, аьнна, уйла еш вагIаш, дагадехар сона цун цаI мара боаца бIарг баккха. Кхы а йоагаш йолча товнала цу овна бухь беллар аз. Кастлуш из цIийбелар. Халла эйбаь дIабихьа, сай Даьла мел беннача низаца цун бIарга чу Iеттар аз, тIаккха ма хулла гаьнагIа дIаийккхар.

ЦIе цIогIа тохаш, хьалъура ийккхарий хьона из вампал. Iоведарий хьона, хьалведарий хьона, хьагIара пенех ветталуш. ТIеххьара сеца, сога кхайкар:

– ХIана дир Iа ер? Аз дийна хье витарах даьд Iа сона? ХIай?

Со шийга йист а хилийта, сона тIакхача из дага волга кхетадеш, хIама ца оалаш дIахьулавенна Iийр со.

Сатессача, жа Iеха а доладенна, дIатIаваха, наIарга улла кхера дIакорчабаь, тIагIолла кулг хьекхаш, жа арахеца волавелар из. БугIа миссел хIана яц, аьнна, цхьа йоккха бодж яр кхы а араяьланза. Кита тIара цун Iоулла мос лаьца, дIагуча ца воалаш, араваьнна ваха, дIагаьна ийккхар со. Кхера дIакъовлаш, вампала аьлар:

– ХIанз укх чу ма вусий хьо, сайрийна со чукхаьчача, аз бергба хьа болх!

– Фуд хьа де, воккха Іовдал! БІарза ма вирий аз хьо! – аьнна, гаьннара цІогІа техар аз.

Мукъаваьнна гІадвахарах техар аз из, тохарах дехке а ваьлар. Ший бе боалла из кхера согахьа кхессарий хьона цо. ДІаюстара эккха са кхийна мара, хьалъэца гола йоацаш дІаваргвар со. Бердах кхийттача цу кхерах дІаяхача гаргаша цхьанне са бІарг баькккхар, вокхо ност йийр.

Мелла сайна лазар ухаш хиларах кхы «чикъ» ца доаккхаш, дІаІийр со таккхалча. Цул тІехьагІа халла ваьнна цІавахар.

Цу ханара денна Гарског, аьнна, цІи дІаяха ва со...

Боткъий Ширткъана къахийттар цох. ЦІаьхха къайла а ийккха, тІаккха юха хьагучаийккхар, бе тамашийна аьлх а йоаллаш. Цу Гарскога кулгех, когех, бІаргех из аьлх дІахьекхача, гІаь-метта хинна дІаэттар из къонах.

ГАРСКОГ-ХРОМОНОЖКА

Сидел как-то на большом камне Боткий Ширтка и увидел человека, идущего по дороге. Он опирался на посох, и походка его была неровной. К тому же был он одноглазым. После взаимных приветствий и расспросов у них повелась беседа и Боткий Ширтка спросил:

– На какой это войне тебя так изувечило?

– Хорошо бы на войне. Если у тебя есть желание узнать про все, я тебе расскажу.

Было нас семеро товарищей, славившихся среди нартов. Все завидовали нашему мужеству. Жили мы так: когда вздумается – скачем за добычей, а как захотим развлечься – ходим на охоту. Как-то мы прослышали, что в неком месте обитает необыкновенно сильный вампал, который владеет огромной отарой овец. «Каким бы сильным он ни был, чего он стоит, узнаем, когда мы до него доберемся»,– гордо сказали мы, не сомневаясь в своей победе над ним, и отправились в дорогу. Расспрашивая встречных, проделали большой путь и, наконец, в дальней стороне дошли до пещеры вампала. Лишь увидев огромный камень, которым заваливался вход в пещеру, мы поняли, что нам не под силу тягаться с тем вампалом. Камень, которым он на ночь заваливал вход в пещеру, мы всемером не могли сдвинуть с места. Оценив все это, наш тамада сказал, что самое лучшее – поскорее убраться отсюда. Заспешили мы прочь. И тут вдруг потемнело, словно туча нашла на небо. А это, оказывается, вампал шел к своей пещере и загораживал солнце. Заговорил он с нами, словно гром прогремел: «Почему это вы чураетесь моего гостеприимства? Поворачивайте назад!» Тамада сказал, чтобы мы дали ходу врассыпную. Но что толку! Издали полукругом провел он посохом по земле и всех нас сгрудил в свою горсть. «Давно мне

не попадались такие, как вы, зайчата!» – сказал он, отнес нас в пещеру и накрыл огромнм котлом. Затем он загнал овец и камнем плотно прикрыл пещеру. Брал он нас из-под котла и по одному стал ощупывать, проводя пальцем по спине.

«Какие же вы худые твари,– сказал он и добавил,– но мне надоела баранина, и я давно не ел человечины. Думаю, вас семерых мне на ужин будет достаточно».

Разжег он очаг. Достал огромный вертел и стал нас по одному насаживать на него. Насадив шестерых, он сказал: «Что толку от тебя, худышки, когда-нибудь и тебя слопаю». С этими словами отбросил он меня в сторону.

Слегка повертел он вертел над огнем и полусырыми по одному стал поедать моих товарищей. Наевшись, он уснул крепким сном.

Решив, что пропал совсем, я, было, совершенно отчаялся. Все же стал думать, что бы такое предпринять. Надумал его лишить одного единственного глаза. Очаг еще тлел, и я в его угли сунул острие того вертела. Вскоре оно накалилось докрасна. С трудом я поволок вертел и изо всех своих сил прямиком ткнул его в глаз вампала. Тут же отскочил далеко в сторону. Со страшным криком вскочил он. Стал метаться по пещере, биться по ее стенам. Наконец угомонился и обратился ко мне: «Зачем ты так поступил? Неужели же за то, что я оставил тебя в живых? Так ли это?»

Поняв, что он хочет услышать мой голос, чтобы изловить меня, я промолчал.

На рассвете овцы стали громко блеять. Вампал откатил входной камень, загородил вход в пещеру и стал выпускать овец по одной. При этом он ощупывал их со спины. Огромный козел, величиной с бугая, еще не успел выйти. Я ухватился за его шерсть под брюхом и так, незамеченным, выбрался из пещеры и остановился в отдалении. Закрывая пещеру, вампал сказал: «Остаешься ты теперь в пещере, но вечером я разделаюсь с тобою». – «Да что ты мне сделаешь, дуралей огромный, ведь ты же совершенно слеп?» – издали крикнул я.

Я настолько обрадовался своей свободе, что забыл об опасности, о чем сразу же и пожалел. Вампал тут же метнул в меня тот огромный камень, что был у него в руках. Хорошо, я успел отпрыгнуть, иначе от меня ничего не осталось бы. Ударился камень об соседнюю скалу и от него отлетели куски, один из которых выбил мне глаз, а другой – перебил голень. Мне было очень больно, и все же я не издал ни единого звука. Потом с большими трудами я добрался до дома. С тех пор меня и прозвали Гарскогом-Хромоножкой.

Пожалел его Боткий Ширтка. Тут же он пропал под землю. Вскоре вновь появился. Принес он волшебный точильный брусок. Провел он им по глазам, рукам и ногам Гарскога, как он тут же прозрел на оба глаза и совершенно перестал хромать.

В 1962 году от 85-летнего жителя села Джейрах Гапура Эльбазковича Льянова записал Магомет Арскиевич Льянов.
Публикуется впервые.

Сюжет этого сказания является общемировым и восходит еще ко временам «Одиссеи» Гомера. Имеется он и в «Тысяче и одной ночи» (Путешествие Синдбада). Также этот сюжет представлен в кавказской Нартиаде, в том числе и в ингушском фольклоре.

Вот одна из его ингушских записей, включенная составителем А. В. Багрием в книгу «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран» (Баку, 1930. Т. 2. С. 183):

* * *

73. ЗАРВАШ [1], ИЛИ СЕМИГОЛОВЫЙ МИНОТАВР

Жил-был когда-то в одной пещере зарваш. И было у него огромное стадо быков и баранов. За этим стадом смотрел вместо пастуха белый козел. Как-то раз попал в эту пещеру человек. Зарваш поручил ему варить обед, а сам завалился спать. Варит тот, варит и слышит: где-то мяукает кошка. Стал он ее искать, нашел, а та и говорит ему: «Слушай, человек, проснется зарваш и убьет тебя, но я тебя спасу». – «Как же ты можешь спасти меня?» – спрашивает человек. «А вот как,– отвечает та,– нагрей-ка шампур и выколи сонному зарвашу его единственный глаз. Когда он проснется, то будет предлагать тебе кольцо, но ты его не бери. Иначе от кольца образуются цепи, и тогда ты уже не уйдешь». Человек так и сделал. Проснулся от боли зарваш, заревел и стал искать виновника своих несчастий, но не нашел. «Послушай,– крикнул он ему,– я прощаю тебя. Так как все равно я скоро умру, то возьми от меня на память мое кольцо». Но человек не согласился на это. Стало уже рассветать. Зарваш и спрашивает своего козла: «Ну что, рассвело или нет?» – «Да,– отвечает тот,– пора уже выводить стадо на пастбище». А кошка и шепчет человеку: «Убей скорее козла и нарядись в его шкуру». Тот так и сделал и стал у дверей, которые завалил зарваш большим камнем. Стал тот выпускать по одному свое стадо и первым выпустил козла. Человек, таким образом, вышел и отправился восвояси.

[1] Название к тексту дано неудачно: вместо «зарваш», по всей видимости, должно было быть «гарбаш»; греческое «минотавр» тут совершенно не к месту.

* * *

74. АЬШКИ СЕСКА СОЛСЕИ

Аьга-Кхале вахаш хиннав Аьшк. Дика къонах а хиннав из. Аьга-Кхала гаьна йоацаш вахаш хиннав Сеска Солса. ДоттагIий хиннаб Аьшки Сеска Солсеи.

Кхоана феса гIорда вай, аьнна, дийцад цар шинне. Iурра Сеска Солса волча, шоаш йийцача ханага хьежжа, ваха дIаэттав Аьшк. ДIачукхайкав из Сеска Солса хьааравехаш. Араяьннай Сеска Солса йоI. Цо аьннад:

– Сецца, феса вода ше, аьнна, дIавахав из.

– Йолел, мала хий дал сона,– аьннад Аьшка.

Чу а яха яраяьннай йоI. Дошо када чу мала хий денад цо Аьшка. Кад хьа а ийца, хий дIа а менна, катехха йоI дын букъ тIа яькккхай, кад талса чу бахийтаб.

– Сеска Солсана фос хургья, сона хоза йоI хургья,– аьнна, ше волча дIацIайигай из йоI.

Ший хьашта лийнна Сеска Солса цIавеча, хиннар дайзад цунна. Аьшк вахача коанаIар тIа венав из. Араваьннав Аьшк. Чураваьнна гIерта волавеннав Сеска Солса. Ара къамаьл дергдац вай, чувала веза, аьнна, Сеска Солса дIачувигав.

Аьшкои Сеска Солсеи шоайла деча къамаьлага ладувгIаш лаьттай Аьшка нана. Хьа изи, хьа вожи, дала техар дергда, яхаш, йоI юхаяла еза яха волавеннав Сеска Солса.

– ДIавала, ма дувца из, йоI йита еза,– аьнна, Сеска Солса цхьан баламах кулг техад йоккхача саго – балам бийнаб.

Юха а сецавац Сеска Солса.

– Йита еза йоI, хургдоацар ма дувца,– аьнна, шоллагIча баламах хьокхаеннай, – из а бийнаб.

– Шо чIоагIа нах да, сона могардац шуца къувса. ЙоI шун я,– аьннад Сеска Солса.

Сеска Солса йоIаца ваха Iохайнав Аьшк.

ЭШК И СЕСКА СОЛСА

Эшк [1] жил в Эгикале. Он был известный человек. Недалеко от Эгикала жил Сеска Солса. Они были хорошими друзьями. Однажды товарищи договорились, что завтра пойдут за добычей. Утром, в условленное время, Эшк подъехал к дому Сеска Солсы и начал звать его. На зов вышла дочь Сеска Солсы и сказала Эшку:

– Он ушел еще на заре, сказав, что идет за добычей.

– Принеси мне напиться,– попросил Эшк.

Девушка вошла в дом и вынесла воду в золотой чаше. Выпив воды, Эшк подхватил девушку, посадил ее впереди себя, а чашу опустил в переметную суму [2].

– Сеска Солсе будет добыча, а мне красивая девушка,– сказал он и поскакал домой.

Когда Сеска Солса вернулся домой и узнал о случившемся, он поехал к Эшку и стал у его ворот. Сеска Солса настойчиво и запальчиво вызывал хозяина.

– Мы не будем разговаривать вне дома, ты должен войти,– сказал Эшк и пригласил Сеска Солсу в дом. Мать Эшка стояла и слушала разговор, происходивший между ее сыном и Сеска Солсой. Сеска Солса стал угрожать и требовать, чтобы вернули его дочь.

Тогда мать Эшка сказала Солсе:

– Перестань и много не говори, девушку мы не вернем.

При этом старуха дотронулась до плеча Сеска Солсы. От ее прикосновения у него сломалась плечевая кость. Сеска Солса же все продолжал возмущаться и требовать.

– Девушка останется у нас. Не говори того, чего все равно не будет,–произнесла она и дотронулась до другого плеча. Сломалась тут и вторая кость.

– Вы люди сильные, я не могу с вами тягаться. Пусть дочь остается у вас,– сказал Сеска Солса.

Эшк женился на дочери Сеска Солсы, и они стали жить и поживать.

В 1966 году от 28-летнего жителя села Али-Юрт Магомета Султановича Евлоева записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ГЭЧИ. С. 320; ССПЧИ. С. 276; ГІФ-91. С. 10; ГІОДФК. С. 16; ИССП. С. 313.

[1] «Эшк» (Аьшк – *по-инг.*) – собственное имя, в переводе – «Железо». Эшк (Аьшк) считается первопредком большого рода из Эгикала Богатыревых (Бохтар-наькъан). По преданиям, Эшк имел свою дружину, с которой он ходил в походы. Причем при дележе добычи Эшк получал две доли: одну на себя, а вторую на своего коня. По преданиям же, он мог рвать цепи и сгибать подковы.

[2] Сеска Солса нарушил уговор, чем, как бы не посчитавшись с Эшком, нанес ему обиду, граничащую с позором. Поступок, совершенный Эшком в этом сказании, является отмщением за оскорбительное к себе отношение.

* * *

75. КОЛОЙ-КІАНТИ СЕСКА СОЛСЕИ

Берригача мехка цІи яха саг хиннав Колой-кІант. Колой лоам тІа жа доажадеш лийннав из. Бийсана хьагІарча доахкадеш хиннад цо ший жа. ХьагІар чу жа а лаьхке, эзар саго меттахьа йоаккхаргйоаца чхар духьала а оттайийя, паргІата Іовужаш хиннав из.

Аьннар ховш бодж хиннай Колой-кIанта жена хьалха лелаш. Цкъа кIеззига жа ийца даьгIе а яха, ворхI шу даьлча цIаенай из, дийбаь, чот йоацаш дукха жа а доаладеш.

Наха вувца Колой-кIант фу саг ва хьажа Сеска Солса венав, йоах, шийца Iел-маьлха уха Боткъа Ширткъа а волаш. Хьаькъал къайсача эзделах-гIулакхах, низ къайсача низах ийшав Сеска Солса.

Эшар ца ловш, саготденнача Солсага аьннад Боткъий Ширткъас: «ХIилла лелаяь, хIилланца мара эшалургвац Колой-кIант».

ТIаккха цIа а баха, сарахьа Колой-кIант жена тIехьаваьнна цIавоагIача новкъа духьал ялийтай цар цунна Солса йиша. Мехка йоаца йоI бIаргаяйча, цецваьннав Колой-кIант. Ший хьагIарча чуйийха эздий хьоашал даьд цо йоIа. Кхаь ден кхаь бус цу йоIага хьо мичара я, хьо малай аьннадац Колой кIанта.

ЙиълагIча бус хаьттад цо ший хьаьшага: «Хьо фу саг я, хьо малий, фу гIулакх эш хьона, сенна енай хьо укх мехка?» ТIаккха аьннад йоIо: «Со сай вошас, Сеска Солса, хьона сечал яйтай, со кхы гIулакх эшаш енаяц, е цIа яха а енаяц». ЙиIий сабар а, гIулакх а, хьаькъал а дайза вола Колой-кIант раьза хиннав цу деша. Колой-кIанта эздел-гIулакх, хьаькъал дайзача йоIа а везавеннав из.

Цхьан бус, Колой кIант набарах чIоагIвеннача хана, ший 60 орстхочунца венача Солса тIаьдача оасашца вийхкав Колой-кIант. Колой-кIанта мотт ховш йола бодж а йийна, кхехкаяь из йиа а йиаь, жа а Солса йиша а ийца, болабеннаб наьрт-орстхой.

Даггара тохавеннав Колой-кIант ше вийхка оасаш теда. Гамажа тIаьда оасаш маьженаш тийдаь тIехкаш тIа эттай, хаьдаяц. ТIаккха аьннад цо шийх белаш, ше футтарвеш дIаболхача орстхошка: «Оашош йийнача са бежа ност тасса сона, церг хьакха», – аьнна.

– Ер я хьона, хьай мотт ховш хиннача бежа ностарах церг хьакхе визалахь,– аьнна, тессай цунна наьрт-орстхоша ност.

ПIелг теха цу ностара юхьиг дIа а яьккха, пIелг тоIабаь цунах Iургаш а даьха, фув аьнна чура тIум ара а кхесса, зурма яьй цох Колой-кIанта. ТIаккха лекхай цо геттара гIийла, гIайгIане йиш. Iоа, гаьнарча юрта Iурра божа бетта араяьннача Колой-кIанта вешший сесага хезай из йиш.

Цу гIийлача ашарга ладувгIаш тIакхилгал ара бийттаб сесаго етт. ТIаккха чу а едда, ший марагеи маьр-вежарашкеи аьннад цо:

– ГIой, хьажал шоай вай кIаьнка фу хиннад, са хилале чIоагIа гIайгIане йиш ма лекх цо.

– ДIаяла, цунна хьан фу дергда,– аьннад вокхар.

Сесаг юха а яха, божа бетта йолаеннай, тIаккха а цу гIийла лекхача ашарга ладувгIаш, харцахьа бийттаб цо етт. Чу а яха, юха а оарцагI довла аьннад марагеи маьра вежарашкеи. ХIаьта а теркалъяьяц из цар. КхозлагIа араяьннача сесаго етт хьалха санна тIакхилга арахьа бийттаб, Колой-кIанта лекхача гIайгIанеча ашарга ладувгIаш. ТIаккха чуедда аьннад цо:

– Айя, ер са корталий тІада шоана! Дийша хІана ухк шо? Шо ца долхе, со-м гІоргья вай кІаьнка оарцагІа!

Сесага дешах эхь хийтта, баха дІакхаьчача, оасаш тийдаь мукъ-аваькккхав цар шоай воша. Мукъаваьнна Колой-кІант, нахага юха ца хьожаш, хьийдда жан ларах тІехьавахав. Ах жаи ший орстхошца Солсеи Тиркал дехьа а баьнна, ах жаи Солса йишеи Тиркал сехьа долча ханна тІакхийнав Колой-кІант. КІалвусаш латта Сеска Солса кхайкав: «КІал ма вуса валара со Колой-кІанта!» – аьнна. ТІаккха цу хана гІийла тоатол мо доагІаш хинна Тирк, из беррига берд бузаш Іаьржа денад, саг дехьа-сехьа вала йиш йоацаш. Цу хана денз доагІа Тирк хІанз мо доккха.

ХІаьта кхайкав йоах ше кІалхьара валара гІадваха Сеска Солса: «Дов ма де, Колой кІант! Дехьара жаи са йишеи хьа да, сехьа даьнна жа сона урдона дита». Цу кхела раьза хиннача Колой-кІанта хьа-ийца йоккха чхар Тиркал дехьа яхийтай: «Ер дергдар аз шоана, со тІакхаьчаваларе»,– аьнна. Сеска Солса а яйтай Тиркал сехьа цхьа чхар. «Аз а ер дергдар» – ала. Уж шаккха чхар хІанз улл, йоах, Тирка йисте Балтел магІахьа. Солса кхессар ши дакъа зІамагІа я Колой-кІанта кхессачул.

КОЛОЙ-КАНТ И СЕСКА СОЛСА

Жили три брата, и самый младший из них был Колой-кант [1]. С малых лет он не работал и только укреплял свои телесные силы. Семь лет прожил он за счет старших двух братьев. Когда он почувствовал в себе значительные силы, тогда взялся за работу. Он имел особенную страсть к овцам – и потому сделался пастухом. В это время у всех братьев было всего двадцать овец, и между ними был один козел, говоривший по-человечески [2] и прозывавшийся по имени своего хозяина, то есть Колой-кант.

Когда Колой-кант в первый раз отправился пасти своих овец, то заблудился и перешел через несколько гор. Двенадцать лет не было о нем ни слуха ни духа. За это время стадо у Колой- канта увеличилось настолько, что овец нельзя было сосчитать, и если обозревать пространство, которое они занимали во время пастьбы, то невозможно было видеть конца стада. Всех овец Колой-кант загонял в огромную пещеру, имевшую вход наподобие ворот. Вместо дверей он приставлял плоский камень, который могли передвинуть только шестьдесят человек; он же сам одной рукой ставил его [3].

Соска Солса с шестьюдесятью орхустойцами решил отправиться за добычей; но прежде он заехал, как делал это всегда, к Ботоко Ширтге посоветоваться, куда ему отправиться. «Поезжай к Колой-канту. Он имеет баранту без счета, но я вперед предупреждаю, что ты не сладишь с ним. Он чересчур силен»,– сказал Ботоко Ширтга. «Что ты говоришь, Ширтга[1], зачем ты стыдишь меня пред орхустойцами? Неужели я, Солса, который по силе, отваге, хитрости не находил до сих пор себе соперника, не могу победить пастуха?»

Гора и руины башен Калой-канта

Он отправился со своими товарищами к Колой-канту с намерением угнать у него баранту.

Подойдя к пещере, где находился Колой-кант, орхустойцы сообща отодвинули камень, стоящий при входе в нее. Как только они вошли, к ним направился козел, говоривший по-человечески, и стал драться с ними. «Что ты делаешь, Колой, разве ты не видишь, что это гости?»[5] – сказал Колой-кант, который только что проснулся. Он стал отгонять козла, но в это время шестьдесят орхустойцев кинулись на него со всех сторон, и сам Соска Солса бросился на него. Колой-кант размахнул свои плечи и ударил всех орхустойцев о стену пещеры, а Солсе дал такую пощечину, что тот закружился, как кубарь. Они ушли от Колой-канта чуть живыми.

Солса пошел к Ботоко Ширтге и сознался, что существует в мире человек сильнее его – это Колой-кант. «Но он или я должен умереть,– добавил Солса,– нам нельзя жить вместе в одно и то же время!» Солса попросил Ботоко Ширтгу, чтобы тот нашел средство как-нибудь уменьшить силу Колой-канта или научил бы, как победить его. «Я знаю одно средство,– сказал Ботоко Ширтга,– надо вовлечь Колой-канта в любовную связь с какой-нибудь женщиной. Если он проведет недели две с женщиной, то потеряет свою прежнюю телесную силу [6]. Если хочешь победить своего соперника – Колой-канта, подошли к нему свою сестру. Пусть она постарается завлечь его. Через две недели ты отправишься с прочими орхустойцами к Колой-канту, и вы смело можете связать его и угнать всю его баранту».

Солса так и сделал. Он подослал свою сестру к Колой-канту. Колой-кант принял ее и ночью для незнакомой гостьи зарезал барана. Поужинав, они легли спать отдельно, но спустя некоторое время сестра Солсы встала, подошла к тому месту, где лежал Колой-кант, и хотела лечь с ним, сказав, что сама судьба назначила ей быть его женой. «Поди прочь,– сказал Колой-кант,– знай, что я дал слово никогда не жениться, не иметь дела ни с одной женщиной. Уходи от меня завтра же, если ты захочешь попросить что-нибудь, то я охотно отдам тебе половину своей баранты, отвяжись только от меня!» Но она осталась и на другую ночь опять явилась к постели Колой-канта. Он опять прогнал ее. На третью ночь, когда она подошла к нему, он уже не мог пересилить страсть и позволил ей лечь с собой. С этого времени Колой-кант предался своей страсти – все время проводил с сестрой Соска Солсы. Он уже перестал пасти баранов; вместо него смотрел за ними и загонял их в пещеру козел, говоривший по-человечески. Чем больше Колой проводил времени с сестрой Солсы, тем больше он терял силу. Он уже не мог плотно ставить камень при входе в пещеру. День ото дня вход расширялся. Через десять дней можно было свободно войти в пещеру.

Между тем Солса не забыл совета Ботоко Ширтги. Спустя две недели он отправился с Ботоко Ширтгой и своими товарищами-орхустойцами к Колой-канту. Так как вход в пещеру был свободен, они вошли туда без препятствия и застали Колой-канта спящим на коленях у сестры Солсы. Орхустойцы немедленно связали его веревкой, сделанной из конского волоса.

Колой-кант тогда только проснулся, когда уже был связан. Проснувшись, он стал биться так, что веревка, которая связывала его, врезалась до самых костей. Орхустойцы зарезали его любимца козла для шашлыка. Колой-кант просил у них, чтобы они дали ему какую-нибудь кость его козла. Орхустойцы отказали ему в этой просьбе. «Я ему дам, что он просит»,– сказала сестра Солсы и подала ему бедренную кость. Взяв из рук виновницы своего бессилия кость, Колой-кант сделал из нее зурну и заиграл на ней жалобно [7]. Звук этот был услышан женой старшего брата Колой-канта, когда вечером она на дворе доила коров. Она сказала: «Это играет не кто иной, как младший брат моего мужа. С ним какое-нибудь несчастье случилось». Она пошла сообщить об этом мужу и деверю. Те немедленно помчались в ту сторону, где жили орхустойцы, предчувствуя, что брата их, вместе с его барантой, угнали орхустойцы.

Они уже догоняли орхустойцев между Джераховским и Дарьяльским ущельями, но Бог, предвидя, что если братья Колой-канта догонят орхустойцев, то прольется человеческая кровь,– провел для устранения кровопролития реку Терек так, что на правом берегу остался Колой-кант с братьями и сестрой Солсы и с половиной баранты, а на левом – орхустойцы с остальной половиной баранты Колой-канта, как бы в калым за сестру Солсы. Колой-кант, видя, что его отделяет Терек от орхустойцев, и желая показать им свою

силу и ненависть к ним, схватил длинный плоский камень, ударил его о землю, говоря, что он швырнул бы их тоже о землю, если бы они попали ему в руки. Орхустойцы тоже, как бы в ответ ему, ударили такой же камень о землю [8]. Погрозив и показав свою силу, они разошлись: орхустойцы отправились в Санаби [9], Колой-кант с братьями и сестрой Солсы, которую он взял в жены, отправился домой. Прибыв в свой родной аул, Колой-кант пожелал испытать, сколько у него осталось силы после женитьбы. С этой целью он влез на вершину горы и поставил один на другой три камня громадной величины [10]. С тех пор его никто не трогал и не покушался угнать его баранту.

Ингушский текст в 1928 году от 70-летнего жителя аула Барах Хадиса Барахоева записал Д. Мальсагов. Русский текст записал Ч. Ахриев. Опубликовано: ДГІ. С. 239; ГІФ-67, С. 157; ССКГ. 1870. Вып. 4; ГЭЧИ. С. 311; ССПЧИ. С. 278; ИССП. С. 316.

[1] Здесь Ч. Ахриев дает примечание, что Колой – это название аула, который в настоящее время находится в Галгаевском ущелье, а также, что «кант» *по-инг.* означает молодец, юноша.

«Колой-кант» (Куолой-кІант – *по-инг.*) дословно обозначает «колоевский молодец», т. е. юноша из рода Калоевых. Это нарицательное имя нередко воспринимается как имя собственное.

[2] Козел, говоривший по-человечески. Козлы-вожаки овечьих стад являются помощниками пастухов. Такие козлы «понимают» отдаваемые пастухом основные команды (остановить стадо, тронуться в путь...). Вожаков диких козлов (так называемых кавказских туров) некогда обожествляли. Их называли «ХьагІар-ерда», «Воачаби».

[3] Сообщение о том, что камень, закрывающий вход в пещеру, могли передвинуть лишь 60 человек, по нашему наблюдению, является значительным преувеличением. Но и одному человеку справиться с этой плитой довольно трудно.

[4] Относительно имени Ширтга Ч. Ахриев пишет, что тут имеет место «каламбур» (омонимия). Имеется в виду, что в зависимости от контекста слово «ширтга» можно понимать как зверек (ласка) или имя мифического (нартского) героя Боткий Ширтка,– имени, восходящего ко временам тотемизма.

[5] По народным представлениям, идеальный герой, даже перед тем как вступить в поединок, предлагает супостату мир и свое гостеприимство. Тем самым осуждается агрессивность.

[6] Мотив потери своих телесных сил в результате чрезмерной сексуальности, употребленный здесь относительно Колой-канта, по мнению профессора Л. Семенова, имеет параллели с эпосом о Гилгамеше, с библейским Самсоном, а также и с романом «Тристан и Изольда».

[7] По примеч. Ч. Ахриева этот песенный мотив широко известен у пастухов и носит имя Колой-канта. Нам приходилось слышать эту песню.

[8] В Дарьяльском ущелье две скалы, между которыми проходит Военно-Грузинская дорога; они, по сказанию, считаются скалами, расколовши-

мися надвое от камня, брошенного Колой-кантом с одного из отрогов горы Мят-лоама (Столовой горы).

[9] *«Отправились в Санаби»*. Одна из местностей древней горной Ингушетии, отторгнутая от нее в давние времена. В этом месте некогда было ингушское святилище Саниба-ерда. Там же находится древний некрополь – каменные склепы. По Ч. Ахриеву, нарты ушли в Санибанское ущелье. Почему-то в нем Ч. Ахриев помещает орстхойцев, тогда как на самом деле по горной территории западнее Ассинского ущелья орстхойцы не проживали. По-грузински «Саниба» означает «троица». Местность Саниба Ч. Ахриев не причисляет к инородной этнической среде. Хотя по малопонятным причинам это позволяет себе Б. Далгат, а за ним – и некоторые последующие исследователи.

[10] По Ч. Ахриеву, «эти камни вместе составляют нечто вроде довольно высокой башни. Между вторым и третьим камнем находятся маленькие камни, вроде подпорок. Эти-то камни, служащие, по-видимому, подпорками, приводят горцев к убеждению, что они положены человеческой рукой». Вряд ли Ч. Ахриев сам видел эти камни. Их высота составляет порядка пяти метров. Эти камни разительно похожи на фалос. На это же намекает и факт бессилия, случившегося с Колой-кантом. Надо полагать, что эти камни как-то были связаны с представлениями о плодородии и размножении и являлись объектом поклонения.

* * *

76. КАК ПОГИБЛИ НАРТЫ ЭРХСТУА

Там, на закате солнца, где дальний Мингитау поднимает к небу свои белые груди, близко к тому морю, что вечно бьет прибрежные скалы своими черными, как ночь, волнами, жили в старину нарты – Эрхстуа.

Злые то были богатыри, завистливые на чужой достаток; нападали они на мирных людей, не пославши им вперед вести о войне; отнимали у бедняков их последнее достояние.

Не почитали нарты Эрхстуа и Сердцеведа, за это не дал он женам их плодородия. Было нартов только шестьдесят. Не благословил он их стада: от овец их рождались серые волчата, бурьяном дарили их поля, и мясо в их нартовском котле о сорока ручках обращалось в вонючую падаль.

– Куда поедем мы в набег за добычей? На три раза семь дней в пути кругом наших жилищ земля стала серой пылью от копыт наших нартовских коней: четыре раза десять и один день надо нам ехать по пеплу сожженных нами селений; два раза округлит луна свое лицо, пока доведется нам услышать человеческий голос, – так говорил товарищам-нартам разведчик их, хитрый Батако Ширтях, хитрый проныра, сумевший построить себе повозку из меди и спуститься на ней до седьмого адского дна.

И так продолжал он свою речь:

– Есть в восточной стороне среди лесистых гор и зеленых долин пещера. В нее загоняет Колой-Кант на ночь свои овечьи стада. Несметны его богатства. Но и силой с ним никто из живущих не может сравниться. Я не хотел бы видеть поднятую над нашими головами его вражескую руку.

Ему с гневом отвечал гремящим, как гром, голосом сильный Солса, князь нартов Эрхстуа. Слова о несметном богатстве Колой-Канта разожгли его жадное сердце.

– Молчи, Ботако Ширтяхо, сын раба чужестранца, – сказал он. – Мы приняли тебя как товарища, но презираем как труса. Знай: мы, нарты, никого не боимся, и нет никого из живущих под солнцем, кто был бы сильнее меня. Веди нас немедля к пещере Колоя, коль знаешь дорогу.

Молодым ушел Колой-Кант из тех мест, где жил его род – тухум; безбородым мальчиком ушел он в неведомые леса и погнал с собою только семь овец, но впереди овец шел старый козел, вожак стада, сильный смелый козел, одаренный разумом человека, а на тучных пастбищах, под охраной козла-вожака, овцы плодились несметно.

Пищей Колою служило лишь мясо годовалых овец, питьем молоко; соли, волнующей кровь, и перебродившего питья, туманящего ум, никогда не вкушал он. Не видал женской прелести, ослабляющей тело... Могучий, кроткий, спокойный – был любимым слугой Сердцеведа.

– Враги идут на тебя, господин мой. Готовься защищать себя, богатство свое от злых, жадных нартов Эрхстуа, – сказал Колой-Канту его вещий козел, страж его стада.

Отвечал козлу Колой-Кант:

– Кто может напасть на мое белое стадо? Кто б не пришел ко мне, я приму его как гостя и как для гостя ничего не пожалею для него.

Темной ночью тихо подъехали нарты Эрхстуа к пещере Колоя; шли кони их волчьей поступью по траве, пробирались лисьей пробежкой меж ветвями кустов. У скалы, закрывающей вход в пещеру, сошли нарты с коней, и все шестьдесят стали отодвигать скалу с места, упираясь в нее могучими плечами; до колен ушли ноги в землю; но скала не сдвинулась и на ноготь.

– Вот приехали враги твои, господин, и хотят силою ворваться к тебе, – сказал Колой-Канту его вещий козел, вожак его стад по тучным лугам.

Отвечал Колой-Кант:

– Не верю я, чтобы то были враги: я зла людям не сделал. Я впущу их сам в мою пещеру; приму их как гостей и свято соблюду обычай: ни в чем не отказывать гостю.

С этими словами встал Колой-Кант и тихо толкнув скалу рукой, легко отодвинул ее от входа...

Ужаснулись могучие нарты, в страхе отступили к своим коням.

– Войдите, путники, – молвил им ласково хозяин стад, да будет приезд ваш на пользу вам и мне на счастье!

Но не захотели свирепые нарты войти гостями в жилище Колоя. Молча сели они на коней и уехали, не ответив ни слова.

– Дадите ли, нарты, мне десятую долю богатств Колоя, если я научу, как захватить их, – спросил хитрый разведчик Батоко Ширтяха, хитрый проныра Ширтяха, сумевший спознаться с алмас, зеленоокой великаншей, лесной красавицей, одетой лишь своими золотыми волосами, злой страшной ведьмой, пожирающей грудных младенцев.

Крепкое нартское слово, нарушая клятву, дали нарты Батоко Ширтяхе, что ему отделят они десятину всех богатств Колой-Канта.

Тогда молвил им хитрый знахарь-разведчик:

– В лесах у быстрой Аргуни живут великанши алмасы. Красивейшую из них я пошлю к Колой-Канту, чтоб она очаровала его женской прелестью и лишенного силы отдала в ваши руки. Через три луны, три недели и три дня приезжайте в пещеру Колоя, там буду я вас ожидать.

У входа в пещеру, отпустив стада свои на пастбище, сидит Колой-Кант. И слышит он плач женщины в глубине леса; рыдания женские тревожат его кроткое сердце. И идет он на голос. Перед ним – красавица. К скале прислонясь, стоит она, и слезы горными ручьями льются меж пальцами ее белых рук.

– Кто обидел тебя, женщина?

– Нарты, злодейское племя Эрхстуа – мои враги. Отец мой и мать и все родные мои убиты ими, только я одна спасла свою жизнь но, заблудившись в этом лесу, гибну теперь голодной смертью.

В пещеру свою ввел богатырь Колой предательницу, отогрел у огня ее тело, подкрепил ее пищей и сладким молочным питьем. Веселым огнем загорелись тогда зеленые, словно глубокие озерные воды, очи алмас, жарким пламенем пахнуло на богатыря от ее золотых волос.

– Кого положил ты, господин мой? Кого обнимаешь ты, целуя и прижимая к сердцу? То – не женщина из рода людского, то – злая, коварная алмас, отродье бесов, – сказал Колой-Канту его вещий козел, возвратившийся со стадами в пещеру; но не внял Колой-Кант его слову: не внял и убил своего верного слугу, ударив о камень.

Месяц прошел с неделей и днем.

– Что сделал бы ты, господин мой, с врагами моими, злыми нартами Эрхстуа, если б пришли они сюда, чтобы убить меня? – спросила алмас Колой-Канта, нежно ласкаясь к нему.

Вспыхнуло гневом сердце богатыря, не ведавшего раньше злобы, схватил он рукою скалу, что служила ему вместо двери, и далеко

швырнул ее на чащу лесную: застонала, дрогнула земля от удара, с треском и гулом рухнули наземь столетие сосны.

– Я раздавил бы их так, как этот камень давит жалких червей.

Еще месяц прошел, прошли еще неделя и день. Опять спросила злая алмас Колой-Канта.

– Как бы ты казнил наших врагов нартов, если бы они пришли к нам?

Упершись плечами, с трудом пододвинул Колой скалу к ущелью и завалил его вход.

– Сюда они к нам не вошли бы, – молвил он тихо.

Три месяца минуло и три недели прошло с тремя днями.

– Ты очень силен, мой Кант! Но не оборвать тебе и тонкого шнурка, сплетенного из моих волос... Дай я свяжу тебе руки, – молвила злая алмас богатырю и с теми словами, будто шутя, опутала его могучие руки сзади, золотыми волосами.

Раз богатырь свою силу напряг – шнурок впился в его кожу, от второго усилия – брызнула кровь из разрезанных мышц. Когда же рванул он со всей силы в третий раз, и шнурок, не поддавшись впился в тело до белых костей, то радостно крикнула злая алмас. Дикой медведицей ревет она в чаще лесной, воет хищной волчицей. И на зов ее словно коршуны, что слетаются со всех сторон небосклона на труп, мчатся к пещере Колоя жадные нарты...

И молвил им связанный богатырь – бессильный защитить своих белых овец. Так сказал он окружившим его нартам:

– Да будет вам, чужеземцы, приезд ваш на пользу, а мне на счастье! Принимаю вас в моем жилище за дорогих гостей. Все, что есть у меня – ваше; я – ваш слуга, вы же будете здесь господами.

Злобно засмеявшись, отвечал ему Солса, старший над нартами, голосом, подобным грохоту катящегося с горы обвала, так загремел он в ответ:

– Приезд наш будет нам на пользу, мы берем все твои богатства. Мы будем твоими господами, а ты – нашим рабом. Будешь ты, скованный по рукам и ногам, молоть ячмень для наших жен, сидя в глубокой яме... Не хотим быть твоими гостями!

И ворвались алчные нарты в пещеру Колоя; кровожадные, стали рубить они овец, пробудя остроту своих мечей и силу руки. И с насмешками били ногами беззащитного и плевали в лицо связанного богатыря.

– Господа мои! – молвил им Колой-Кант. – Вы вольны над вашим слугой. Но во имя бога, прошу вас: убивая овец из моих белых стад, отделите десятую в жертву Сердцеведу и сыновьям его Елта и Этеру и богу грома, грозному Сэлли, чтобы не прогневались на вас они, привыкшие вкушать дым сжигаемой здесь жертвы.

С насмешкой отвечал ему свирепый Солса, князь нартов:

– Пусть боги твои будут сыты прежними жертвами. Мы же не дадим и дохлого ягненка.

Тогда вступился за Колоя Сердцеведец. Грозного владыку громов Сэлли послал он к нартам, пировавшим в пещере. И смутил Сэлли их разум и пищу в котле их обратил в расплавленную красную медь.

Все нарты вкусили той меди, и умерло из них тотчас пятьдесят девять. Лишь шестидесятый – князь их, могучий Солса – долго боролся со смертью. Сгорая от палящей жажды, лежал он без сил у пещеры.

Ворон кружился над ним.

– Принеси мне воды, черный ворон! Я вдосталь поил тебя кровью людской...

– Не затем прилетел я. Жду твоей смерти, чтобы выклевать очи твои!

– Ты, волк, что глядишь на меня из чащи? Дай воды мне... Я был тебе другом кормил тебя досыта мясом людским...

– Скорей умирай! Я хочу сожрать твое сердце!

– Будьте вы прокляты вечно! Напои меня, голубь! Я изнемог... Помоги мне смерти отдаться без стона, глядя ей прямо в глаза.

И добрый голубь принес ему воды в красном сафьяновом чувяке и освежил уста умирающего...

Не было уже слов у князя нартов; рукой, которой он брал из котла жидкую медь, он погладил шейку воркующей птицы и оттого виден теперь на шее голубя отблеск меди.

Так погибло все племя злых нартов Эрстхуа, и князь их, могучий Солса, стыдившийся жалости, так встретил конец свой. Со смертью Солсы развязался шнурок, спутывавший руки Колой-Канта.

В литературно обработанной форме изложил Владимир Левченко.
Текст опубликовал А. Газдиев в газете «Сердало» (22 сентября 2011 г.)
Информатор и место записи не указаны.

В основе этого сказания лежит сюжет об лишении могучего пастуха – нарта Колой-канта своей телесной силы врагом (Сеска Солсой или князем) с целью угона его огромного овечьего стада. Однако приводимый сюжет во многих деталях отличается от традиционного. Например, искуситель-ницей нарта является не сестра Соска Солсы, а алмас – персонаж низшей мифологии; в действие сказания введены боги ингушского языческого пантеона Села, Елта, Этир; сам Колой-кант представлен пассивным героем, поскольку не вступает в сражение с разбойниками, которых губит бог Села.

Перекликается это сказание с другим – «Соска Солса и Горжай». В обоих сказаниях мирные пастухи, предупреждаемые об опасности, не оказывают никакого сопротивления, уповая на защиту бога, которому они возносят жертвы, что не спасает их от нападения разбойников.

Традиционным является здесь мотив: умирающий Соска Солса просит принести воды у разных птиц и животных, и лишь один голубь помогает ему.

Отдельные детали, имена, мотивы этого произведения могут натолкнуть на мысль: не есть ли это компиляция из ингушских сказаний, записанных Ч. Ахриевым и Б. Далгатом.

77. НАЬРТ СОСКА СОЛСАХИ ОХКАР-КІАНТАХИ ДОЛА ОАЛАМ

Оахкаре вахаш хиннав Охкар-кІант. Из волча ваха хиннав Соска Солса. Охкар-кІантагара цун сесаг хьаяькккха дага хиннав из. Цу хана Охкар-кІант цІагІа хиннавац. Соска Солса шоашка веналга хайча, Охкар-кІанта сесаго ший наькхах яькккхача шурийца худар а даь, цох цхьацца чам хулийташ йола хІамаш а теха, ший наьнага аьннад, из худар Соска Солсана хьалха оттаде, аьнна. Фу тохаш даь хиннад из худар ца ховш, из даа волавеннав Соска Солса. Сов чам болаш из хиларах, хаьттад цо, фу тохаш даьд ер худар, аьнна. Нанас аьннад, ший йиІий наькхах яькккхача шурийла даьд из, аьнна. Ше Іехаваьлга хайнад Соска Солсана. Цу шурах чам кхийтта хиларах хІанзарчул тІехьагІа Охкар-кІанта сесага энчик (накха биа хинна воІ) хилар укхох.

ТІаккха ваьнна дІавахар из цигара.

СКАЗАНИЕ О НАРТЕ СОСКА СОЛСЕ И ОХКЫР-КАНТЕ

Соска Солса поехал в селение Охкыр [1], где жил Охкыр-кант [2], с целью отбить у него жену. В то время Охкыр-канта не было дома. Жена его, узнав, что Соска Солса приехал, чтобы увезти ее, выдавила свое молоко, приготовила на нем молочную кашу, прибавила сластей разных и послала эту кашу со своей матерью гостю. Соска Солса, не зная, на чем она приготовлена, начал есть и хвалить кашу, спрашивая, из чего она приготовлена. Мать ответила, что эта каша приготовлена на молоке ее дочери. Тогда Соска Солса увидел, что он обманут ею, потому что сделался с этого времени молочным братом жены Охкыр-канта и молочным сыном ее матери [3]. Затем он уехал прочь.

В 1892 году со слов Газбыка записал во Владикавказе Башир Далгат. Опубликовано: ЭО. 1901. № 1; ГЭЧИ. С. 320.

[1] Южнее Джейраховского общества раньше находилось ингушское общество Оахкаре. *По-инг.* словом «ахк» (от слова «ахка» – рыть) называют ущелье, прорытое рекой. Местность Оахкаре изрезана ущельями. В отдаленные времена Оахкаре входило в ингушскую Дзурдзукетию. Часть общества Оахкаре была аннексирована князем Казбеги (Чопикашвили из рода Тумгоевых). По Оахкаре протекает речка Оахкархи. По-русски ее называют Кистинкой. Она впадает в Терек. Документы русских посольств

XVI века донесли до нас сведения, что владельцем (старшиною) общества Оахкаре был Хавса (ХьовцIа).

[2] *Охкар-кант* – предстает как имя собственное. На самом деле имя является нарицательным и обозначает «молодец из местности Оахкаре».

[3] По древнему широко распространенному обычаю человек, сосавший грудное молоко женщины, становился ее сыном. С помощью этого обычая раньше производили примирение кровников. В этом сказании Соска Солса, приняв грудное молоко жены Охкар-канта, как бы стал ее молочным сыном. Вследствие этого он уже не имел права домогаться ее (матери).

* * *

78. ХЬАМСАРА АЬЛБИКА

Сеска Солса хиннав, сов вар сов а волаш, сирача дына кховзткъа баьри шийна тIехьа волаш оарстхо (архасто). Цун говр хиннай кхо дол мара лакха йоацаш, бакъилг бар мо барг а болаш, лоамагIа а йодаш, шоллагIча дийнахь делкъа хана гуржегI а кхоачаш. Сеска Солса мо цIи йолаш доттагIа хиннав цун Охкархой КIант яхаш. Цу Охкархой КIанта хиннад Хьамсара Аьлбика яхаш хоза нускал. Сеска Солса дог эттад Охкархой КIанта нускал даккха. ТIаккха ший сирача дына тIахайна кховзткъа баьрий ийца, Охкаре вахав из. Из ший нускал даккха гIерталга ховш хиннадац Охкархой КIанта. Хьамсарча Аьлбикас аьннад хьоашалгIа венача Сеска Солсага:

– Сеска Солса! ГIалгIай мехка да хьо ва, Гуржий мехка да Охкархой КIант ва. Аз хьога хойт, тахан низагIа со яьккхача, Гуржий мехках хьо варгва, ГIалгIай мехках Охкархой КIант варгва. Из дергдац вай. Со тоаенна саг я, тIахьежача ерста а йолаш юхьа тIара хоза а йолаш, баламаш тIа юхатайса тIараш долаш. Се Охкархой КIантагара дIаяьнна, хьога йоагIаргья со.

Иштта къамаьл даь Сеска Солса цIа а верзийта, ший дегI лорадеш хиннад Аьлбика, ший къайле марага а ца хойташ. Сагота волаш ворхI бутт баькккхаб Сеска Солса, Аьлбикас ший дош кхоачашдар догдоахаш. Эггар тIехьа а Аьлбикас ше Iехаваьлга хайна хIилла е дагадехад Сеска Солса. Вала воаллаш санна Iо а вижа, аьннад цо:

– Со хIанз вала воал. Со велча, Охкархой КIанта сесагага саг вахийте, со венналга дIахайталаш. Са дакъа кхаь ден кхаь бус дIа ма доллаш.

Сеска Солса яхар даьд наха. Таьзет уллача кхоалагIча дийнахь кодаме кхаьчай Аьлбика. Таьзета дакъан йисте ягIача Аьлбикас шорттига, наха ца гойташ юв Iеттай Сеска Солсана, цIаьххха дийна хургвий-теш ер, аьнна. Тоха а веннавац Сеска Солса, чухьа истий боландаь, Аьлбикана тIа а кхийттавац. ТIаккха венна ма вий ер, аьнна елха йолаеннай Аьлбика:

– Iел кховар-кха хьо, Сеска Солса. ГIалгIай мехка да вар хьо!

ТІаккха нах ара а баьнна Аьлбика шийна йисте цхьаь йисача, цунна тІакхета айвеннав Солса.

– Сабарделахь, аз къамаьл дергда хьога, – аьнна из соца а ваь, аьннад Аьлбикас. – Мехка да санна къонах ва хьо. ХІанзолца хьай хинна сий тахан Іодожаде воалл хьо? Ший хьаьшан низ баьча Сеска Солса дар мо сий довлда хьа, яхаш, бераша тІехьа вувцаргва хьо. Сай дегІ бахьан долаш сий доаде лац сона. ХІанз аз хьайга яха дош Іа дІаэце, хІанзолца хьа хинначул тІех сий хургда хьа. Со укх сахьате кхайкаргья нахага. Сеска Солса валанза ва, са доах цо, аьнна. Іа наха хабар дувцалахь, Іелара хабар да ер, яхаш. ТІаккха аз нахага дІакхайкоргда, Сеска Солса Іел а ваха малха венав, аьнна. Хьо Іелургвоацилга хов сона са дегІа чам ца хайча. Охкархой КІант вода хІанз доагІача кІирандийнахь Гуржий мехка. Хьо Охкаре вола, хьай къовзткъа баьри а тІехьа. ТІаккха са дегІа чам ховргба хьона.

Шийга яхар дир Сеска Солса. Цигга денз Іел-малха уха Сеска Солса, аьнна цІи дІаяхар цун.

Йиллача хана Охкаре вахав Сеска Солса. ЦІагІа вацар хІаьта Охкархой КІант, хьаьшашта духьал ера Аьлбика.

– Хьайца шуна ха виъ новкъост а тІехьа хьо гІалий чу вола, хьай кховзткъа оарстхо гІалий гонахьа сацийта, – аьннад цо Сеска Солсага.

Кховзткъа баьречунна уст а бийна, Сеска Солсанна даар кечдаьд Аьлбикас, тайп-тайпара бос а болаш, чам цаІ болаш. Цул тІехьагІа худар а дир цо цунна ший тІарах яькккха шура а теха. Сеска Солса диад шийца багІача шунахошца из бос тайп-тайпара, чам цаІ бола даар. Цул тІехьагІа хьаенача Аьлбикас Сеска Солсага, цунна хьалхашка дото оаркхалг чу худар а оттадаь, дошо Іаг бенна, аьннад:

– Ер худар аз хьона даьд, Іайха даа деза Іа из. Укхул мерзагІа хІама дуаргдац Іа.

Диад Сеска Солса худар.

– Сеска Солса, – аьннад Аьлбикас, – аз мехка дов ца хулийташ, хьай доттагІчун воша ваьв хьох, ГІалгІай мехках Охкархой КІанта а ада ца везаш, Гуржий мехках хьо, Сеска Солса а, ада ца везаш. Хьа новкъосташта уст а бийна, истара дулх дуадаьд аз, хьонеи хьоца шуна багІараштеи ши-ший бос бола, чам цаІ бола даар дуадаьд аз. Хьона хьехама кийчбаьб из кхача. Цо фу йоах аьлча, дунен чухь мел йола кхалсаг бос ши-ший болаш хургья хьона. Дика яр а во яр а хьона яйзача, чам цаІ хургба, хьона. Аз даь худар диар Іа. Из худар даьдар аз сай тІарах яькккхача шурах. Сеска Солса, са шура йиай Іа, хІанз са воІ ва хьо. ХІанз карагІдаргдий хьона соца айхьаза вала, хье са воІ хилча?

ХІаьта хайр Сеска Солсана, дукха кхетам болаш кхалсаг Аьлбика йолга. ТІаккха Сеска Солсана Аьлбиках эхьхийтар. Цу хана денз Черсий мехкара дошув а Гуржий мехкара дотув а из йолча фусам кхухьаш дехкад цо.

Иштта кІант хиннав Сеска Солса. ГІалгІашха хиннав из. МагІате яхача мехка ваха а вахаш.

ЛЮБИМАЯ АЛЬБИКА

Сеска Солса был могучим из могучих мужей. Он ездил на сером коне. За ним всегда стояло 60 всадников, орстхойцев (архустойцев). Конь его был высотой всего в три локтя, а копыто у коня не больше, чем у жеребенка. Он мог идти высоко в горы, а на следующий день к обеду доскакать в Грузию.

У Сеска Солсы был друг Охкархой Кант. Он был не менее известным человеком. У Охкархой Канта была красивая жена, которую звали любимая Альбика. Сеска Солса задумал отбить ее у Охкархой Канта. Сев на серого коня, Сеска Солса вместе с 60 всадниками поехал в Охкаре[1]. Охкархой Кант и не подозревал о том, что задумал Сеска Солса.

Любимая Альбика сказала прибывшему в Охкаре Сеска Солсе:

– Сеска Солса! Ты – глава страны галгаев, как Охкархой Кант – глава страны грузин [2]. Предупреждаю тебя: если ты вздумаешь насильно увезти меня, то не сможешь тогда посещать страну грузин, а Охкархой Кант лишится возможности бывать в стране галгаев. Мы не должны этого допустить. Я женщина в теле, упитанная и лицом красивая: мои груди лежат (укладываются) у меня на плечах. Я сама уйду от Охкархой Канта и выйду замуж за тебя, – сказав это, она выпроводила Солсу, сама стала остерегаться его, но мужу не сказала о случившемся.

Семь месяцев провел Солса в беспокойном ожидании. Он все надеялся, что Альбика исполнит свое обещание. Наконец он понял, что Альбика обманула его, и тогда Солса задумал хитрость.

Притворившись умирающим, он сказал:

– Я умираю. Когда умру, пошлите вестника к жене Охкархой Канта с известием о моей смерти. Тело мое не хороните три дня и три ночи.

Сказанное Солсой люди исполнили. На третий день прибыла Альбика. Сев рядом с телом Сеска Солсы, Альбика тайно от всех уколола его шилом. Она хотела узнать, не жив ли он. В доме были еще и другие женщины, поэтому Солса не бросился к Альбике, он даже не шевельнулся.

Альбика, убедившись, что он мертв, принялась причитать, произнося такие слова:

– Эл недостоин тебя брать, Сеска Солса! [3] Ты был главой страны галгаев!

Когда все вышли и Альбика осталась одна у изголовья Солсы, тот вскочил и бросился к ней. Альбика же попросила его сначала выслушать ее.

– Ты мужчина, ты глава страны. Тебе честь и уважение, но сегодня ты хочешь уронить их. Даже дети будут говорить друг другу: «Пусть твоя честь упадет, как у Сеска Солсы, который хотел насильничать над своей гостьей!» Я не хочу, чтобы ты лишился

чести из-за моего тела. Если же ты послушаешься меня, то станешь еще достойнее, чем был до сих пор. Сейчас я позову людей и скажу им, что Сеска Солса не умер и дышит. А ты в это время пробудись и начни рассказывать людям что-либо, говоря, что все это – вести из Эла. Тогда я разнесу повсюду, что Сеска Солса спускался в Эл и вновь возвратился в солнечный мир. Я знаю, что ты не успокоишься, пока не познаешь вкус моего тела. В первое воскресенье Охкархой Кант отправляется в страну грузин. Ты приезжай в Охкаре со своими 60 всадниками. Тогда ты и сможешь познать вкус моего тела.

Солса послушался ее совета. С того времени и пошла о нем слава, что он может уходить в Эл и возвращаться в солнечный мир. В назначенное время Солса прибыл в Охкаре.

Охкархой Канта не было дома, и Альбика сама вышла встречать гостей. Она сказала Солсе:

– Возьми с собой четырех товарищей, чтобы сидели с тобой за столом, и заходи в башню, а твои 60 ортхустойцев пусть расположатся вокруг башни.

Для 60 наездников она зарезала быка, а Солсе приготовила всякие кушанья; они были разного цвета (вида), но все одинакового вкуса. После всего этого она еще сварила кашу на своем грудном молоке.

Когда Солса вместе с сотрапезниками отведал ее кушанья, которые были разного цвета, но одного вкуса, Альбика поставила перед Солсой кашу в серебряной чаше, сказав, при этом:

– Кашу сделала только для тебя, и ты сам должен ее съесть. Вкуснее этой каши ты ничего не ел.

Солса поел кашу, и тогда Альбика сказала следующее:

– Сеска Солса, я предотвратила вражду, которая могла бы захватить всю страну, я сделала твоего друга Охкархой Канта твоим братом. Теперь он не должен будет чуждаться страны галгаев, как и тебе, Сеска Солса, не придется избегать страны грузин. Твоим товарищам я приготовила быка, тебя же и твоих сотрапезников угостила кушаньями разного цвета, но одного вкуса. Эта пища тоже приготовлена тебе в назидание, чтобы ты знал: все женщины на свете имеют разный вид и облик. Но, когда вкушаешь их, все они на один вкус! А еще, Солса, ты съел кашу, которую я приготовила на молоке из своих грудей. Сеска Солса, раз ты питался моим молоком, значит теперь ты мне сын. А сыну не дозволено делать то, что ты задумал.

Тогда Солса признал и оценил мудрость Альбики. Ему стало перед ней стыдно. С тех пор он привозил к ней в дом серебро из страны черкесов, золото из страны грузин и дарил ей. Таким молодцом стал Сеска Солса. Сам он был галгаем и родом из Магате [4].

В 1938 году со слов жителя села Ангушт Умара Гатиева записал Хамзат Осмиев.
Опубликовано: ГIалгIай фольклор. Грозный, 1940; «Дега гIоз». Сб., Фрунзе, 1957. С. 246; ГIалгIай фольклор. Грозный, 1959; ГЭЧИ. С. 321.

[1] «Оахкаре» – местность на границе с Грузией. Название идет от слова «ахк» (пропасть, изрытая местность). По этой местности в XVI–XIX вв. приходили русские посольства через Ингушетию в Грузию. В XIX веке эту местность забрал в свои владения князь Казбеги.

[2] Тут владения героев определены по близости мест их проживания.

[3] Имеется в виду смысл: ты настолько хорош, что подземный мир недостоин иметь тебя.

[4] «Маготе» (*по-инг.* – МIагIоте) – одноименные башни и храм «МагIи-Ерда» в чулхоевском обществе горной Ингушетии, где, по фольклорным сведениям, жили и были похоронены «волшебник» МIагIо и бог-герой Сеска Солса (в посвященном ему храме Сеска Солса-Ерда).

* * *

79. БIАРАХОЙ-КIАНТ

ГIалгIай мехка гIорваьнна саг хиннав БIарахой-кIант. БIарахой-кIант БIарах вахаш хиннав.

ЕркIал паччахь вахав ГIалгIай чу ТкъобIаьердега. БIарахой-кIант ЕркIал паччахь а шоаштга тIехьа латташ дукха нах а болаш хиннаб.

– Г'IалгIай мехка вахаш хьо гурже а ва, сай мехка вахаш со гIалгIа а ва. Шаккхе а са мехка тарлац вай,– аьннад ЕркIал-паччахьага БIарахой-кIанта, шийна цунах лата а ца мегаь.– Хьо раьза вале, тоамаца къастарг а да вай.

ЕркIал паччахьана мегадац БIарахой-кIантах лата.

– БIарахой-кIант,– аьннад цо,– хьона йийха ягIаш я ГIалгIай мехка корта болча сага йоI, из санна йоI кхы хинна а яц ГIалгIай мехка. Из саг Iа сайна лойя, со дIагIоргва.

ГIалгIачо шийна йийха ягIа йоI атта лургйоацандаь аьннад цо из.

– Доккха хIама дийхар Iа согара,– аьннад БIарахой-кIанта.–Из ма еха согара. Кховзткъа дошув лургда аз хьона цу йоIа меттел.

ЕркIал-паччахьо аьннад:– «Дошув дезац сона, эзар дале а, хIаьта гуржечунга гIалгIа атта йоагIаргйоацилга а хов сона. Цудухьа еха а ех аз хьогара хьона йийха ягIа саг. Сона кхы а халагIа да БIарахой-кIант, ши-эзар цIа доха а даь, укх мехкара дIаваха, хIаьта хьо еха вахалехьа из саг еха а ихавар со. Хьогара из ехара сайна гIо лохаш, хьа мехка ши эзар ерда а даьдар аз, хьона хозахетийта, Гуржий мехкара тIо а кхухьаш».

– Бакълув хьо, ЕркIал-паччахь,– аьннад БIарахой-кIанта.– Цхьа ди ха ялахь сона, цIагIа воацаш цхьа воша ва са, цунца дагавала веза са.

– БIарахой-кIант,– аьннад укхунга вошас, ер шийца дагаваьлча,– гIалгIай да мо саг ва хьо. ГIалгIай кIезига а ба, гуржий дукха а ба. Гуржий паччахьана Iа саг елча, ГIалгIай мохк, гуржий дIа а баьнна, мукъабоале, яла мегаргья хьона.

ТIаккха шийна йийха ягIача йоIаца дагаваьннав БIарахой-кIант.

– Мехка юкъе сийдола йоI, аз хьога хайт сайна тIадена цхьа дош. Сона доккха да из, хьона мишта хургда хац сона. Хьо ех согара шийна ЕркIал-паччахьо. Аз хьо шийна дIаелча, укх мехкара дIавода из тIом боацаш. Хьо раьза яле се а сайна тIехьа мел вола саг а венна дIаваллалца латарг а ва со, хьо раьза яле, хьо цунга дIаяха а еза. Хьа хабарга хьежжаь цунна юха тIаваха везаш а ва со.

ЙоIо аьннад:– БIарахой-кIант, хьо со йийха ва, со хьона йийха а ягIа, хьои изи шаккхе а цаI вац. Хьо гIалгIа ва. Из – гурже ва. Со тахан цунга дIайоде а, тховсарара бийса дIаялалехьа хьо волча юхатIая хьаькъал долаш я хьона. Сох цунна сесаг а хургьяц хьона. Iайха аьнна хIама кхоачашделахь Со бахьан долаш гIалгIай мохк мукъа ца боаккхаш а ма биталахь...

ЕркIал-паччахь волча юха тIа а ваха, аьннад БIарахой-кIанта:

– ЕркIал-паччахь, Iа а аз а леладеш да гуржий йоазув. Цу йоазонца чIоагIам бергба вай шинне. Со юха тIавенав хьона вай даьча къамаьла жоп дахьаш. Хьо дIаваха кийчле.

Каьхат а яздаь, чIоагIам баьб цар. ЧIоагIам баь шоаш йисте а баьлча, цу чIоагIама кIал шоаш кулгаш яздаь а баьлча, аьннад ЕркIал-паччахьа:

– БIарахой-кIант, Iа сона кхо дии кхо бийсеи ха я дIаваха.

ТIаккха ЕркIал паччахьа шийга дIадохьалургдоацаш хинна ахчеи цIастеи цу кхаь ден кхаь бус дIаделлад. 107 мирка дошои дотои дIаеллай цо. Цул совгI цIаста а деллад. ТIаккха – со ваха воал,– аьнна БIарахой-кIантага саг вахийтав ЕркIала паччахьа.

– Хьай хьакимашха саги цхьа кхалсаги хьадайта, аз сай нускал Iодоайт хьона,– аьнна юха хабар даьд БIарахой-кIанта. ЕркIала паччахь уж баха а бахийтаб.

БIарахой-кIанто ший нускал дIаденнад.

Из хиннай Iан зама. Пхий мехка гIолла улла никъ готта а хинна, Эса чIожах Онгашта араваьннав из.

ТIаккха БIарахой-кIанта нускало аьннад ше лораеш хиннача цхьан хьакимга:– Гуржий кIант, е ЕркIал паччахь – паччахьа-м вар ер, хIаьта а кхалсага ийрча хетаргволаш саг ва ер. Хьона со йига карагIдоаларе, аз хьона бехк боацаш паччахь дIа а воаккхаргвар, со хьога а йоагIаргьяр, тIахьежача тоам болаш саг ва хьо.

Цу къамаьлаца тIавоалаваьв цо гуржий хьаким.

– Фу дергда аз? – хаьттад гуржий хьакимо. – Іа хьеха сона аз дича бакъахьдар.

БІарахой-кІанта нускало аьннад тІаккха:

– Кхоана Іуйран заман чухь, тховсарара бийса дІаяьлча, аз ЕркІал паччахьага аргда хьона (со дукха езаш хинна нах бахарах бохабаьб цо):– ЕркІал паччахь, хьа нускал ма дий со, наькъа даха а ма даьннадий вай, хьайна тІатуллаш йола кий урагІа хьал а яхийте, из чуялцца паччахьал сога да. Со ший гІанда тІа цо Іо а хойтаргья, хІаьта со ягІача гІанда тІа из ше Іо а ховргва хьона. ТІаккха, се паччахьа гІанда тІа Іохайча, аз аргда хьона: ЕркІал паччахь, хьай кий хьал а яхийта юха чуялцца паччахьал сога деннадий Іа укх наьха тешалах? – аьнна. Цо – деннад — аьлча,– хьалкхосса хІаьта хьай кий, аргда хьона аз. Цо кий хьалкхоссаргья, из ший кийнагахьа урагІа хьожаргва хьона.– ДІатоха тур! – аргда хьона аз. Дика хьай тур диттах тоа а дийя, тур техе къамарг дІабахийталахь цун.

ТІаккха тІа а бийрза хьога аргда хьона «паччахьа хІана вийра Іа?» — аьнна.

ТІаккха аз аргда: паччахь вийнар из вац, со я из вийнар, хІана вийтар, аьнна шоана хете, со йигар духьа бахаш болча наьха ши эзар цІа доха а даь, водаш вола паччахь ве хьакъ доландаь вийнав. Нах шидухьа баргба хьона. Цхьабараш паччахь хІана вийнав, яхаш, латаргба, шоллагІбараш – тхо дахарах хІана дохадаьд, яхаш, латаргба.

ХІаьта вайна тІаха хІама дикагІъяр къоастаелахь, шийца хаьхо а волаш. Вай тІаккха Гуржий мехка гІоргда хьона, хьа цІагІа.

Гуржий хьакимо къоабалдаь дІаийцар из дош.

ТІаккха сахилча аьннад БІарахой – кІанта нускало ЕркІал паччахьага нах хьагул а баь:

– ЕркІал паччахь, лаьца есар мо со йигар тоам мичаб хьона, Гуржий мехка вай дІакхаьчача, «есар доаладеш мо хІана йоалаяьй Іа ер», яхаш, тІехдеттарг ма дий хьона гуржий аьлаша.– Йоалаяьяц аз есар мо,– ала дош а хургда хьона,– айса санна приказ а телийташ сай гІанда тІа йоагІае йоалаяьй,– аргда Іа хье шуна вагІача аьлашка. Хьай гІанда тІа со Іо а хайте, укх со ягІача меттиге хье ха. Хьай кий хьал а кхосса, хІаьта из Іочукхаччалца паччахьал а да сога.

– Мегаргда, хІаьта,– аьнна, раьза хиннав паччахь. Ший гІанда тІа из Іо а хайтай цо.

– Хьалкхоссал хІаьта хьай кий, ЕркІал паччахь,– аьннад тІаккха БІарахой кІанта нускало. Тхьовра цо къамаьл даь хьаким юхе хиннав БІарахой-кІанта нускала.

Хьалкхессай паччахьа кий. ТІаккха кийна тІехьа хьал а хьежав из.

– ДІатоха тур! – аьннад нускало ше барт баьча хьакимга. Кхесса корта дІабахийтаб цо паччахьа гІовна тІера. ТІаккха цар дов доладеннад.

– Сабарде, дов ма де, аз бокъо ювцаргья шоана,– аьннад БIарахой кIанта нускало.

– ХIа-хIа, гуржий! Со цхьа кхалсаг бахьан долаш, со йигара духьа, 50 шера шоаш даьхача ТкъобIаьердагара шийлача Iай шоаш доха а даь дIадахийттал вола паччахь мишта мег наха тIа?! Оаш дов ма де! – аьлар цо.

ТIаккха а дов дижанзар цар. Бийса тIаелар царна. Дуккха нах ба а байра.

– Укх тIемца вайна хьашт мичад, вай гIо,– аьлар БIарахой-кIанта нускало гуржий хьакимга.

– Сона никъ мича хов, мича гIолла гIо вай?

– Сона хов никъ. ДIакийчъе вай хIама.

Чехка ши бIарз а кийчъяь, царна тIа а хайша, болабелар уж Гир-чIоажах урагIа.

Царна духьал кхийтар Сиска Солса ший бIуца. БIарахой-кIанта нускало аьлар:

– Iуйра дика хийла хьа, Сиска Солса.

– Маршалца яхийла, маьрша доагIалда, БIарахой-кIанта нускал. Ер фу саг ва хьа, ер тIехьара вар? – хаьттад цо.

– Ер ва ТкъобIаьерде ваьха пхе – Онгашта кхаьчача, гуржашта юкъе дов а хинна, БIарахой-кIант волча цIайода со. БIарахой кIантах дIатохалахь со, Сиска Солса.

– Мегаргда,– аьнна, бIу гонахьа баькхха, уж юкъе а баьха, волавеннав из. Эггара тIехьа а БIарахой-кIант волча кхаьчаб уж. БIарахой кIант вар Коашке яхача моттиге (Эса чIожах) ха тесса, гуржий чу ца боахкийташ. Гуржий дIа а къаьстар, БIарахой-кIант юха а къаьстар.

– ЦIавола, БIарахой-кIант, нускал цIаденад хьа,– аьнна, хабар даьд цунга Сиска Солса. БIарахой-кIант цIавера. Юртарча кагийча нахага хаьттар цо. «Вай юртара бар фу бIу ба?» – аьнна.

– Сиска Солса ва из, хьа нускал а доаладеш цIавена,– аьннад юртарча кагийча наха.

БIарахой-кIанта, хьагулде вай юртара шерч а аьнна, 60 цIечIама уст гулбир юртарча кагийча наха. Беррига ГIалгIай мохк а гулбаь, хьолчагIа дир БIарахой-кIанта.

Духьал а даха нускало аьлар БIарахой-кIантага:– Кхо бийса якхкхацар аз гуржашца, есараш доаладе гIийрта мара. Кхо есар доаладе дага хиннаяр со, бакъда, цаI мара доаладеннадац сога.

Иштта ший маьра юхь кIайяьй БIарахой-кIанта нускало.

БАРАХОЙ-КАНТ

Барахой-кант был в стране ингушей известным человеком. Барахой-кант жил в Барахе [1].

Царь Еркал [2] пошел в Ингушетию к Ткобя-ерде. Барахой-кант и царь Еркал имели за собой много воинов.

– Ты грузин, а живешь в стране ингушей, я ингуш и живу в своем краю. Обоим жить нам тесно,– сказал Барахой-кант царю Еркалу.

Не имея войска, чтобы одолеть Еркала, Барахой-кант сказал царю:

– Если хочешь – померимся силами, и побежденный уйдет. Если согласен, можем расстаться миром.

Царь Еркал, тоже не имевший столько войска, чтобы одержать победу над Барахой-кантом, сказал:

– Тобой засватана дочь почитаемого в стране ингушей человека, такой девушки еще нигде не было. Если ты мне отдашь ее, я уйду отсюда [3].

Он сказал это, зная, что ингуш никому не отдаст свою невесту.

– Ты просишь у меня невозможного,– ответил Барахой-кант.– Не проси ее у меня. Вместо этой девушки я дам тебе шестьдесят мер золота [4].

Царь Еркал тогда ответил:

– Золото мне твое не нужно, хотя бы и тысячи мер. Я знаю, что ингушка за грузина легко не пойдет, потому я прошу ее у тебя. Знай, Барахой-кант, мне еще трудней разрушить две тысячи домов и уйти отсюда. Да я ведь и раньше сам не раз сватал эту девушку и тогда еще искал твоей поддержки. Я построил в твоей стране Ткобя-ерду, для чего возил камни из Грузии, чтобы ты остался доволен.

– Ты правду говоришь, царь Еркал,– сказал Барахой-кант,– дай мне один день сроку, чтобы посоветоваться с моим братом, которого сейчас нет дома.

Когда Барахой-кант посоветовался с братом, тот сказал:

– Барахой-кант, тебя ингуши почитают. Ингушей мало, грузин много. Если грузинский царь уйдет из нашей страны, получив твою невесту, то наша земля освободится. Если так, то отдай ее!

Тогда Барахой-кант обратился к своей невесте:

– Почитаемая девушка, я хочу посвятить тебя в одно дело, для меня оно очень важное. Не знаю, что ты скажешь на это. Тебя просит в жены царь Еркал. Если я отдам тебя, то он уйдет из этой страны без кровопролития. Если же ты не согласна, мы все будем биться с ним насмерть. Решай сама, все зависит от твоего желания.

Тогда девушка ответила:

– Барахой-кант, ты меня засватал, и я твоя невеста. Ты и он – не одно и то же, ты ингуш, он – грузин. Если я уйду к нему сегодня, не пройдет и ночи, как я вернусь к тебе, не став его женой. На это у меня хватит ума. А ты выполни свой долг, не оставляй из-за меня нашу страну неосвобожденной.

Пришел Барахой-кант к царю и сказал ему:

– Царь Еркал, ты и я пользуемся грузинским письмом [5]. Я согласен на твои условия, но наш уговор мы закрепим письменно.

Застава и таможенный пост при входе в нартскую обитель «Галгай коашке»
Рисунок XIX в.

Составив бумагу, они подписали ее в знак взаимного согласия, но царь Еркал попросил у Барахой-канта три дня и три ночи, чтобы собраться в дорогу. За эти три дня и три ночи царь Еркал закопал сто семь мер золота и серебра и еще много меди и тогда послал человека сказать Барахой-канту, что он уходит.

– Пусть царь Еркал пришлет за девушкой кого-нибудь из хакимов [6] и одну женщину, тогда я отправлю свою невесту,– сказал Барахой-кант посланному.

Люди пришли и взяли девушку, после чего грузины отправились в путь.

А было это зимой, и ближняя дорога в Грузию, пролегавшая через страну пхий [7], оказалась слишком трудной. Еркал пошел по ущелью реки Ассы в направлении к Ангушту.

Но в пути невеста Барахой-канта вдруг обратилась к охраняв-шему ее хакиму:

– Грузинский молодец, хотя Еркал и ваш царь, но женщине он кажется таким уродливым. Если бы ты смог жениться на мне, я бы сама без твоей помощи убрала царя с нашей дороги и вышла бы за тебя замуж. Ты ведь очень достойный человек!

Эти слова подкупили молодого хакима.

– Что должен я для этого сделать? – спросил он девушку.

– Как только пройдет сегодняшняя ночь, завтра утром я скажу царю Еркалу, что теперь я его невеста. Раз он так любит меня, что

из-за меня разорил людей, так пусть даст поцарствовать на время, пока подброшенная им вверх шапка не упадет на землю. Он посадит меня на свой трон, а сам сядет на мое место. Когда я сяду на царский трон, то спрошу царя при всем народе: «Царь Еркал, дал ли ты мне право царствовать, пока шапка не упадет на землю?» Когда он ответит согласием, бросит вверх шапку и поднимет голову, ты снеси ее мечом. Смотри только, чтобы меч был хорошо наточен. Если все нападут на тебя со словами: «Почему ты убил царя?» Я скажу народу: «Царя он убил по моему приказу. Если вы спросите, за что – отвечу: из-за того только, чтобы жениться на мне, он разорил и поднял с насиженных мест две тысячи людей, вот почему он и заслужил казнь». Пока люди будут спорить, ты приготовишь лучших коней, и мы с охраной отправимся к тебе в Грузию.

Грузинский хаким полностью согласился с этим. Когда рассвело, невеста Барахой-канта, собрав людей, сказала царю Еркалу:

– Не к лицу тебе, царь, везти меня как пленницу. Когда мы прибудем в твою страну, спросят тебя грузинские князья, почему ты привез царицу как пленницу. Ты же сможешь тогда ответить своим князьям, что я не пленница, а царица. Но для этого дай мне сесть на царский трон и поцарствовать на время, пока шапка, брошенная тобой вверх, не упадет на землю.

– Хорошо,– согласился царь и усадил девушку на свой трон.

– Теперь подбрасывай свою шапку, царь Еркал,– сказала невеста Барахой-канта.

Тот хаким, с которым она договорилась, находился рядом. Как только царь Еркал бросил вверх свою шапку и поднял голову, по приказу этой невесты хаким ударил мечом и отрубил голову.

Тогда начался разлад между царскими воинами.

– Подождите! – крикнула невеста Барахой-канта,– я поведаю вам всю правду. Люди! Из-за меня, одной женщины, царь разорил все, поднял вас в зимнюю стужу с насиженных у Ткобя-ерды мест, где вы прожили пятьдесят лет. Разве может властвовать над людьми такой человек?! Вам не стоит из-за него затевать кровопролитие.

Но битва все же разгорелась, и погибло много людей.

Когда опустилась ночь, невеста Барахой-канта сказала грузинскому хакиму:

– Нам ведь нет дела до всего этого, давай скорей отправимся в путь.

– Я ведь не знаю дороги, как нам ехать?

– Я знаю. Приготовь все, что нужно в пути.

Они быстро оседлали двух мулов и отправились по ущелью Гир. Там им повстречался Сиска Солса со своим отрядом.

– Да будет добрым для тебя это утро, Сиска Солса,– произнесла невеста Барахой-канта.

– Да будешь ты с миром! С добрым приходом, невеста Барахой-канта! – ответил Солса.

– А что за человек, едущий позади тебя? – спросил он.

– Это один пхе, живший в Ткобя-ерде. Когда мы доехали до Ангушта и среди грузин началась битва, я повернула домой к Барахой-канту. Доставь меня, Сиска Солса к нему.

– Хорошо,– сказал он и, окружив их своими всадниками, тронулся в путь. Наконец они доехали до Барахой-канта. Барахой-кант в это время стоял в Коашке [8] на заставе, не пропуская грузин. Грузины и Барахой-кант уже отделились друг от друга.

– Возвращайся домой, Барахой-кант, твоя невеста прибыла домой,– известил его Сиска Солса.

Когда грузины совсем ушли в свою страну, Барахой-кант вернулся домой.

– Что за дружина в нашем селе? – спросил он молодых сельчан.

– Это Сиска Солса, доставивший твою невесту,– ответили ему молодые люди.

Тогда Барахой-кант велел молодцам согнать шестьдесят красно-рябых быков и устроил пир на всю страну.

Представ перед Барахой-кантом, его невеста сказала:

– Я бы не провела и трех ночей с грузинами, если бы не стремилась привезти пленников. Хотела я захватить трех пленников, но удалось взять только одного.

Так невеста Барахой-канта не посрамила чести своего избранника.

В 1938 году от 58-летнего жителя села Ангушт Умара Ахтиевича Гатиева записал Хамзат Осмиев.
Опубликовано: ГІФ-59. С. 9; ГЭЧИ. С. 365; ССПЧИ. С. 270; ИССП. С. 306.

[1] *Барах* – горный аул, родина рода Барахоевых, входит в состав галгаевского общества. Главный герой сказания назван нарицательным именем «Барахоевский молодец» (БІарахой кІант).

[2] *Еркал* – восходит к имени грузинского царя Ираклия. Отношение к нему в ингушском фольклоре двойственное. Здесь он представлен как завоеватель. Но также имеются и предания дружественного характера.

[3] Храм Ткобя-ерды считается ингушско-грузинским творением. По архитектуре восходит к византийской культуре. Этот храм, помимо культового, имел значение и в административных, военно-политических вопросах.

[4] Народная молва упорно утверждает, что в регионе храма Ткобя-ерды имеются золотоносные залежи.

[5] До единения с Россией ингуши длительное время были тесно связаны с Грузией. Грузинский язык и письменность имели хождение среди ингушей.

[6] *Хаким* – начальствующее лицо.

[7] *Пхий* – так ингуши называют пшавов и хевсур. Название это восходит к древнегрузинскому «пховы».

[8] *Коашке* – эта местность в сказании о Хамчи Патаразе и Тамерлане отмечена и как центр древней Ингушетии, и как место пребывания нартов.

* * *

80. СИКСОЛСЕИ ГУЙИ

Лаьлах яхача юрта вахаш хиннав Сиксолса. ТIумагIа ваьхав Гуй. ЦIи яха къонахий хиннаб уж, вIаший яхь хиннай цар. Каьзи яхача юрта дIаваха жерочунца мерза къамал деш ваьгIав Сиксолса. Цо доажош хинна доахан, тIехьа да воацаш, тIумгIой лаьтта тIа даьннад. ТIумгIой Гуй уж доахан лаьххка ший коа дIаоттадаьд. Из хайнача Сиксолсас Гуй аравийхав, лата деза вай аьннад. Бий-тIоара деш вIаший лийта, лийта тIеххьара Гуй кIала вахав. Цун наькха тIа гола а оттаяь, из ве дагахьа хиннав Сиксолса. «Ма ве ше,– аьннад Гуйс,– цхьан сахьата идда Iа чудерзадаь сай лаьтта аз дIалургда хьона!»

Раьза а хинна, Гуй дIахийцав Сиксолсас. ТIаккха дIаведдав. Ах сахьат далале Салги кхачаллца удаш, лаьтта чудерзадаьча гIолла, Салгарча наха, шоашкара лаьтта даккхар кхераш, цIогIа теха аьннад: «Воа-а, Сиксолса, хьо укхаза уддашехьа, хьа цIагIа тхов чу а бена, кIалбаха боаллаш хьа дезал ба!»

Из бакъ а хийта, кхы дIахо ца водаш юхаведдав Сиксолса. Иштача говзалца шоай лаьтта дIа ца доаккхийташ болх баьб салгхоша.

Гуй дегIа, Iалаьлов, аьнна, тенна хиннавале а, Сиксолса маькарагIа хиннав цул.

СИКСОЛСА И ГУЙ

Сиксолса жил в башенном ауле Лялах. Гуй [1] же – в башенном ауле Тумаг. Оба они были известными мужчинами и между ними постоянно имелось скрытое соперничество. Как-то Сиксолса [2] находился в соседнем башенном ауле Кязи и приятно проводил время за беседой с некой вдовой. А оставленное им без присмотра стадо зашло на земли тумгоевцев. Тумгоевец Гуй весь этот чужой скот загнал к себе во двор. Узнав это, Сиксолса явился ко двору Гуя и вызвал его на поединок. Между ними был уговор: биться без оружия, кулаками и пощечинами. Сиксолса одолел Гуя, поверг его наземь, уперся коленом в его грудь и уже изготовился было его убить, но Гуй попросил: «Не убивай. Я отдаю тебе от своей земли такую долю, какую ты сможешь отхватить бегом в течение одного часа».

Согласился Сиксолса и отпустил Гуя. Побежал Сиксолса и уже через полчаса добежал до башен Салги. Их жители, боясь заодно потерять и свои земли, крикнули ему: «Эй-й, Сиксолса, пока ты тут бегаешь, дома у тебя обрушилась крыша и придавила твою семью!»

Сиксолса поверил этому и побежал назад. Так ловко жители Салги уберегли свои земли.

Гуй телом был огромный мужчина. Сиксолса все же оказался проворнее.

В 1974 году от 45-летнего жителя аула Хяни Абдулы Алиевича Ханиева записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ГІОДФК. С. 18.

В горной Ингушетии прежде имелось родоплеменное общество Чулхой. В него входили жители башенных аулов Маготе, Салги, Хяни, Лялах. Кязи, Бишт, Тумаг, Хули, Гув и др. В сказании нашли отражение давние типичные для горных обществ территориальные междоусобицы.

[1] *Гуй* – один из предков рода Тумгоевых, славился непомерным ростом, силою и аппетитом. Чах Ахриев в работе «Ингуши: Их предания, верования и поверия» (См.: ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8.) о Гуе пишет следующее: «Из уважения к силе и храбрости Гуя сыновья его сделали ему памятник: столб, вышиною в две сажени, шириною в два аршина; памятник этот своею величиною представляет будто бы настоящую величину роста Гуя».

[2] *Сиксолса* – видоизмененное имя Соска Солсы. Заметим, что этот герой часто посягает на чужие земли («Ачамза-курган», «Лорса и Солса»).

* * *

81. ПХЬАГАЛ-БАЬРИЙИ СЕСКА СОЛСЕИ

Цкъа Пхьагал-баьри вахав Сеска Солса волча. Из чукхайкав:
– Ва, Сеска Солса! – аьнна.
Араяьннай Солсай сесаг.
– Мичав Сеска Солса? – аьнна, хаьттад Пхьагал-баьрес.
– Из-м цІагІа вац. Сенна веза хьона из?
– Цун къонахчал а, цун денал а довза венав со, из фу къонах ва хьажа а.
Сеска Солса сесага аьннад:
– Цо ду Іа дергдоацар, хьона дулургдоацар.
– Фу деш ва из? – хаьттад Пхьагал-баьрес.
– Бух шийгахьа а болаш, тур сигала а дохийт цо. Бухь хьалха сигалара из юха ІочудоагІаш, хьа а лоац цо. Шалта бага а елле, маьха бухьилга тІа халха а воал из.

Пхьагал-баьрес а дир Сеска Солсас мел деш хиннар. ТІаккха аьлар цо:

– Ше иштта къонах вале, шин лоама юкъе соца лата хьавола ала Іа цунга, аз белгадаьча дийнахьа.

Пхьагал-баьри дІавахача, Сеска Солса сесаг яхар, ворда чу устагІ а билла, Пхьагал-баьре сесагага. Аьлар:

– Вай шинне моарой лата кийчлуш ба. Уж лате, царех цаІ лергва. Царех венначун сесаг жеро хургья. Вайх наьшаш хуле, уж латаргбац.

Пхьагал-баьре сесаг раьза а хинна, царех наьшаш хилар. ТІаккха Іотеха устагІа а бийна, Солса сесаг цІаяхар.

Пхьагал-баьре цІавеча, цунга аьннад сесаго:

– Хьои Сеска Солсеи лата йиш яц, хІана аьлча, сои Сеска Солса сесаги наьшаш да.

Иштта висар Пхьагал-баьрии Сеска Солсеи ца латаш.

ПХАГАЛ-БЯРИ И СЕСКА СОЛСА

Однажды Пхагал-бяри [1] пошел к Сеска Солсе и крикнул ему:

– Эй, Сеска Солса!

Вышла жена Солсы.

– Где Сеска Солса? – спросил Пхагал-бяри.

– Его дома нет. А для чего он тебе нужен?

– Я пришел проверить его мужество и смелость. Посмотреть, что он за мужчина.

Жена Сеска Солсы сказала:

– Он может делать то, на что ты не способен.

– А что он может? – спросил Пхагал-бяри.

– Острым концом к себе он бросает в небо меч и, когда меч возвращается острым концом вниз, он ловит его; взяв кинжал в зубы, танцует на кончике иглы.

Пхагал-бяри тоже сделал все, что мог делать Сеска Солса.

Затем он сказал:

– Если он такой мужчина, то пусть придет в место между двумя вершинами в назначенный мною день, чтобы драться со мной.

Когда Пхагал-бяри ушел, жена Сеска Солсы, положив на арбу барана, поехала к жене Пхагал-бяри.

Жена Сеска Солсы сказала жене Пхагал-бяри:

– Наши мужья готовятся к бою. Если они сразятся, один из них умрет, жена умершего останется вдовой. Если мы породнимся, станем названными сестрами, то они не будут биться между собой!

Жена Пхагал-бяри согласилась, и они стали названными сестрами. Зарезав в честь этого события барана, они съели его, и жена Сеска Солсы отправилась домой.

Когда Пхагал-бяри приехал домой, то жена его сказала:

– Ты не должен теперь драться с Сеской Солсой, потому что жена Сеска Солсы и я стали названными сестрами [няшами].

Так Пхагал-бяри и Сеска Солса избежали поединка между собой [2].

В 1962 году от 60-летнего жителя села Олгеты Юсупа Буружева записал А. Мальсагов.
Опубликовало: ГІФ-67. С. 131; ГЭЧИ. С. 324; ССПЧИ. С. 252; ИССП. С. 282.

[1] В этом сказании иносказательно Пхагал-баьри (Заячий всадник) как бы соревнуется с Сеска Солсой. В Нартиаде народов Северного Кавказа такого типа соревнование героя сказаний с мифическим существом (великаном, здесь – карликом) является типичным сюжетно-тематическим комплексом.

[2] Жены двух героев стали клятвенными сестрами («наьшаш» – *по-инг.*), и таким образом их мужья тоже стали как бы близкими родственниками (свояками), между которыми всякая вражда исключается. Обычай «посестрия» весьма древний и сохранился в народной памяти лишь как воспоминание о далеком прошлом. Согласно народной памяти, «наьшами» (названными сестрами) могли быть лишь девушки. Причем при выходе одной из них замуж обряд посестрия терял свою силу. Данное сказание с этим указанием не согласуется. Этот обычай здесь использован с единственной целью: предотвратить сражение между двумя воинами, в чем звучит призыв к мирному решению конфликтов.

* * *

82. ПХЬАГАЛ-БАЬРЕ СЕСАГИ НАЬРТ-ОРСТХОИ

Цхьан дукхача ширача хана Пхьагал-баьрии, Колой-кІанти, Сеска Солсеи лохера тІабоагІача моастагІех ГІалгай Коашке лораеш хиннаб. Цар чІоагІош (ков) Эса-чІоже, Гаьге-наькъан гІалашта юхе, ГІалгІай Коашке яхача хиннай.

Гаьге-наькъан гІалаш, вІовнаш Эса аьтта оагІорахьа лакхача берда тІа латт. Эса аьрда оагІорахьа, Гаьге-наькъан гІалашта нийса тІа Пхьагал-баьре гІала йоал. Чухьнаха хий долаш чІоагІа яь я из гІала. Цу метте Эса-чІодж сов готта хиларах Гаьге-наькъани Пхьагал-баре гІалани юкъе гІолла саг тІехвала йиш яц, цу гІалашка барашта ца лейча. Пхьагал-баьри ше тайпах Боархано хиннав. Цхьан дийнахьа Пхьагал-баьре цІагІа воацалга а хайна, цун гІалийга венав цхьа наьрт-орстхо.

– Пхьагала-баьре цІагІа вий? – аьнна, кхайкав из.

– Вац. Малав хьо? Маьрша воагІалва хьо,– юха йист хиннай сесаг.

– Со ва хьаьша, Іобайта лоамий, чувайта со,– дийхад наьрт-орстхочо.

– Эй, мишта вутаргва аз хьо чу? ЦIенда цIагIа мичав са. ГIо Iо Гаьге-наькъан гIалашка; цига де хьайна хьоашал,– аьннад сесаго.

ТIаккха гIалий йистера дIа а волавенна, юхакхайкав наьрт-орстхо:

– Хьаьша ца везар Далла ма везалва,– яхад вай даьша. Пхьагала-баьри хьаьша везаш воацалга дIакхайкадергда аз се дIа мел кхаьчача.

Цу воча цIерах кхераенначa сесаго, юха а вийха, чувитав наьрт-орстхо. Бийса йоаккхаш волча хьаьшас тийшаболх баьб ший фу-самнанна. Iурра Iехаяь сесаг говра тIехьашка а хоаяь, цIавийрзав наьрт-орстхо. Эса-чIожах, хIанз Эрш уллачара Iоха баьнна шоаш болхаш, аьннад сесаго:

– ХIанза дайра хьа ираз: Пхьагал-баьре цIакхаьча тIехьаваьннав вайна. Цун говра баргий хьадж кхийттар сох.

Дукха ха яьлале тIехьакхийнача Пхьагала-баьре, наьрт-орстхочун корта а баькхка, ший сесаг а ийца, цIавахав,

Дийнахьа масейттаза Эсах воалаш хинна Пхьагал-баьре наьрт-орстхочунна тIехьакхер тамаш а яц.

ЖЕНА ПХАГАЛ-БЯРЕ И НАРТ-ОРСТХОЕЦ

Пхагал-бяри был из рода Барханоевых [1].

В Галгаевском ущелье, на левом берегу Ассы, находится пеще-ра Пхагал-бяри, а перед ней была его башня с родником во дворе. Под этой башней внизу на правом берегу Ассы находятся башни Гагиевых. Только с позволения владельцев башен Барханоевых и Гагиевых люди могли ездить по Ассинскому ущелью [2].

Во времена Пхагал-бяри не было ни одного аула в Галгае (в Эги-кальской котловине), даже аула Эгикал [3]. Пхагал-бяри жил до того, как галгаевцы поселились в Галгае. Пхагал-бяри, Колоевский молодец и Солса, сын Сески, были побратимы. Раз, когда Солса, сын Сески, был захвачен, побратимы отбили его [4].

У Пхагал-бяри была такая красивая жена, что молва о ее красоте прошла по всей стране. Раз один орстхоец, узнав, что Пхагал-бяри нет дома, прибыл к нему.

– Дома ли Пхагал-бяри? – спросил он.

– Нет, уехал из дому,– ответила жена Пхагал-бяри.

Тогда орстхоец спросил:

– Принимаете ли гостей?

– Пхагал-бяри дома нет, и гостя нельзя принять,– ответила женщина.

– Люди говорят: кто гостя не любит, того да не любит Бог! Прими меня,– просил орстхоец.

– Гостя любить-то мы любим, но Пхагал-бяри нет дома,– оправдывалась женщина, не желая принимать орстхойца.

– Тогда я ославлю Пхагал-бяри и расскажу всем, что он не принимает гостей [5],– сказав так, он направился со двора.

Испугавшись этих слов, женщина приняла орстхойца. Таким образом, орстхоец и увез жену Пхагал-бяри.

Приехавший домой Пхагал-бяри, не найдя своей жены, пустился в погоню за ними.

Женщина почувствовала запах коня Пхагал-бяри, скачущего в погоню за беглецами, и, радуясь, сказала:

– Мой муж едет за нами, я слышу запах его коня,– сказала она.

Прежде чем беглецы достигли Эрша, Пхагал-бяри догнал их. Там, убив орстхойца, он положил его голову в хуржин и вместе с женой поехал домой.

В 1927 году от жителя села Галашки Мусы Барханоева на ингушском языке записал Д. Мальсагов. Им же был осуществлен перевод текста на русский язык. В этот перевод он внес некоторые не столь значительные изменения. Здесь приводятся обе записи (на ингушском и русском языках) в изложении Д. Мальсагова.

Опубликовано: ДГІ. С. 238 (под названием «Жена Пхагал-бяри и нарт-орстхоец»); ГЭЧИ. С. 322; ССПЧИ. С. 251; ИССП. С. 283.

[1] *Пхагал-бяри.* В этом сказания герой охарактеризован более полно, нежели в предыдущем. Указана его конкретная принадлежность к роду Барханоевых. Таким образом, перед нами не мифологизированное гномообразное существо – «заячий всадник» (такой персонаж имеется и в кабардинском фольклоре), а как бы реальное историческое лицо. Кстати, имеется и народная этимология слова «пхагал», возводимая к словам «видящий поселение», что намекает на стражнические функции этого героя. Эта этимология согласуется с тем, что Барханоевы несли охрану в самом узком месте Ассинского ущелья. Также Барханоевы славились и как искусные строители башен.

[2] *Могли ездить по Ассинскому ущелью.* По этому ущелью пролегала караванная дорога, связывавшая Закавказье с Северным Кавказом.

[3] *Даже аула Эгикала не было тогда.* Поскольку самое важное в горной Ингушетии башенное поселение Эгикала является и самым древним, сказитель, утверждая, что Пхагал-бяри был еще до основания Эгикала, тем самым стремится значительно удревнить события.

[4] *Побратимы отбили его.* То, что Сеска Солса был кем-то захвачен, а побратимы Пхагал-бяри и Калоевский молодец освободили его из плена, намекает на то, что эти два героя якобы были более могущественными, чем прославленный герой, нарт Сеска Солса. К тому же пребывание, даже какое-то небольшое время, в плену, по прежним понятиям, роняло честь мужчины.

[5] *Он не принимает гостя.* У ингушей такой упрек является большим позором. По обычаю орстхоец не имел права навязываться в гости, зная, что хозяин дома отсутствует, и в доме нет никого из мужчин.

* * *

83. БИЙДОЛГ-БАЬРЕИ СЕСКА СОЛСЕИ

Цкъа, сайрийна, хьаста керте латташ хиннав Сеска Солса. ЦIаьхха мичара воагIа ца ховш, дол миссел мара кхы лакхагIа воацаш, цхьа баьре тIавенав. Из хиннав Бийдолг-баьре. Дахарденар дийца баьлча, Бийдолг-баьре Солсага хаьттад:

– Сеска Солса вовзий хьона?

– Вовз,– аьннад, ше малав дIа ца хойташ.

Из фу саг ва, аьнна, Бийдолг-баьре хаьттача, Сеска Солсас аьннад:

– ДегI чIоагIа да цун. МоллагIа цхьа низ болча къонахчо ший ма хулла лостадаь цун кертах тур техача а, кхыметтала сек даккха а магац.

Корт кIала а оттабаь, тур хьатоха шийна, аьнна, дийхад Бийдолг-баьре. Тур даллийтад Сеска Солсас. ХIаьта Бийдолг-баьри-ма меттахьа а хьанзар. ЧIоагIа цецваьннача висар Сеска Солса.

– Кхы фу де мог цунна? – хаьттар Бийдолг-баьрес.

Сеска Солсас жоп делар:

– ДIа-а хьалъяьгIаш мо йола лоаман чхар теххе босах дIа а корчайий, тIаккха дIахьалха а ийккхе, теххий юха а лоамах чухоаю цо.

Кховзткъа саг гIортарах меттахьара йоаккхалургйолаш хиннаяц из чхар. ХIаьта Бийдолг-баьрес атта дIатетта Iокорча а яь, дIахьалха а ийккха, цкъа кулг тохаш, лаьттах тоIаяьй. ТIаккха Сеска Солсага аьннад Бийдолг-баьрес:

– Ший бIуца кхоана укх метте хьавола ала Сеска Солсага. Нагахьа санна хьатIа ца воагIе, еррига юрт шийна тIехьа а йоаккхаш, юрта чу ший дезал а буташ, укхазара дIагIо, йоах, хьога, ала цунга.

Йиллача метте ше дIатIавахача, ше эшаргволга кхетадеш хиннав Сеска Солса. Бийдолг-баьречунга бола низ шийга боацалга ховш а хиннав из. ЧIоагIа гIайгIане волаш цIакхаьчав. Цхьаь цхьаннега цхьаккха хIама ца оалаш, ший дезал юрта буташ, юртара нах шийна тIехьа а баьха, хеккка дIавахав из цигара. ГIайгIане ваха Iохайна вагIача Сеска Солсана дIатIавахача цхьан баьречо хаьттад:

– Фуд хьона тIакхаьчар? Селлара гIайгIане хIанав хьо?

Тоъалча юкъа йист ца хулаш а ваьгIа, тIаккха ше долчча бесса деррига дIадийцад.

– Аз доагIар дергда цунна,– оалаш, баьре дIавахав.

Йиллача метте из баьре дIакхаьчача, цигач дIаэтта латташ вайнав цунна Бийдолг-баьре. Хьа из-вож доацаш, баьречо лостадаь тIоара даллийтад Бийдолг-баьрена. Кхерабенна къехка цун ди дIаийккхаб. Ког тоссабенна ди Iобожаш, Бийдолг-баьре цунна кIалавахав. ТIаккха аьннад цо хьатIавенача баьречунга:

– Таханарча ден дIа маьрша ва хьо, хIана аьлча, дув биаь ва со: нагахьа санна со Iо а теха, сона цаI IотIавоже, укх дунен тIара дIавала, аьнна. Хьа тур сох латаргдац. ХIахьий, ер са тур дIа а ийце, корта дIабаккха са.

Из тур хьа а ийца, Бийдолг-баьречун корта а баькккха, из малав ца хов баьре хехкка юхавенав Сеска Солса волча. Геттар чIоагIа гIадваха хиннав Сеска Солса. Ший нах тIехьа а болаш, юрта юхавенав Сеска Солса. Цу баьречох ший доттагIа ваьв цо.

БИЙДОЛГ-БЯРИ И СЕСКА СОЛСА

Однажды вечером у истока родника стоял Сеска Солса. Неожиданно к Сеска Солсе подъехал человек, величиной с локоть, верхом на коне. Это был Бийдолг-бяри [1].

После приветствий и расспросов о здоровье Бийдолг-бяри спросил у Солсы:

– Знаком ли ты с Сеска Солсой?

– Знаком,– ответил Сеска Солса, не выдавая себя.

Когда Бийдолг-бяри спросил:

– Что он за человек?

Сеска Солса ответил:

– Он очень крепкий человек. Если сильный мужчина изо всей силы нанесет ему удар мечом по голове, царапины даже не сделает.

Бийдолг-бяри подставил голову и попросил мечом нанести ему удар. Ударил Сеска Солса, а Бийдолг-бяри и не шелохнулся. Удивился этому Сеска Солса.

– Что он еще может делать? – спросил Бийдолг-бяри.

Сеска Солса ответил:

– Вон такую огромную скалу, столкнув вниз и забежав наперед, он вновь всаживает в землю.

Эту скалу не смогли сдвинуть с места 60 человек. Бийдолг-бяри запросто столкнул ее, а затем, забежав вперед, одной рукой всадил ее в землю.

Тогда Бийдолг-бяри сказал Сеска Солсе:

– Передай Сеска Солее, чтобы он завтра прибыл сюда со своими всадниками. Если же он не явится, пусть уходит совсем со своими сельчанами, но оставив свою семью в селе.

Сеска Солса знал: явись он в назначенное место, то окажется побежденным. Ведь той силы, какая была у Бийдолг-бяри, не было у Сеска Солсы. В глубокой печали Сеска Солса возвратился домой. Никому ничего не говоря, он собрал свой народ, семью оставил в селе и ускакал.

К опечаленному и горестно сидящему Сеска Солсе подошел один из его всадников и спросил:

– Что тебя так гнетет? Почему ты в таком горе?

Долго молчал Солса и, наконец, все рассказал.

– Я ему дам по заслугам,– сказал всадник и ушел.

Когда он прибыл к месту встречи, там уже стоял Бийдолг-бяри. Всадник неожиданно со всего размаха нанес пощечину Бийдолг-бяри. Конь Бийдолг-бяри, испугавшись, пустился вскачь. Споткнувшись, конь упал, подмяв под себя и Бийдолг-бяри .

Тогда сказал Бийдолг-бяри всаднику:

– С сегодняшнего дня ты можешь здравствовать, ибо я дал клятву, если кто или что-либо меня подомнет, мне более не жить на этом свете. На, возьми мой меч и отруби мне голову, ведь твой меч мне ничего не сделает.

Взял всадник его меч, отрубил голову Бийдолг-бяри и возвратился к Сеске Солсе. Очень обрадовался Сеска Солса, вместе с людьми он вернулся в свое село и сделал всадника своим другом.

В 1962 году житель села Яндаре Ахмет Султыгов записал
со слов своего отца.
Опубликовано: Альманах «Утро гор». Грозный, 1965. № 1. С. 61; ГЭЧИ. С. 324; ИССП. С. 314.

В сказании общеэпическими являются мотивы состязаний героев, нерушимости клятвенного слова, убийства врага его же собственным оружием.

[1] *Бийдолгг-баьре.* В переводе, как сказано, означает «Всадник, величиною с локоть и кулак». Часто этот гномоподобный всадник неизвестно где обитает и появляется ниоткуда. Несмотря на свою неказистость, он необорим. В сказаниях этот карлик, в отличие от соперничающего с ним героя, лишен хитрости и коварства и действует напрямую. Это существо враждебно человеку. Любимое занятие этого карлика – уводить чужих жен. Генезис этого и других гномоподобных существ в фольклоре ингушей не изучен, но отчетливо видны в них мифологические корни.

* * *

84. БАРХАНЕРА ПХЬАГАЛ-БАЬРИ

Доккхача дегIара, кадай, майра хиннав къонах Тур. Ийс сесаги, йоккха тIехьеи, дукха Iуйи хиннаб цун. Ший ийс сесага ийс гIала яйта хиннай цо ЦIелий-лоама юхе. Чарахьал дукха дезаш, чарч йоаеш хиннав из, бакъда, ча-нана ювш хиннавац.

Чарахьала лакхача лоамашка ухаш цигара дилла аькха кхухьаш хиннав. Цкъа чарахьала вахача дукха гайна хиннав из. ЦIенгахьа кхаьчача, ийрча сурт дайра: дуне агарах юрт хIалакахилар, дукха нах боабир, царца цун ши сесаг а ювш. Бакъда, ший Наьначе йитанзар цо. Йохаяьча юртал кIезига-дукха хьалмагIахьа ворхI гIала хьалъяйтар. ХIанз а латташ я уж. ГIалаш яйтарал совгIа хьадир элгац, маьлхара кашамаш.

Барханошка хиннавар шоай цIайсаги, беза лоархIаш хинна кхо усти.

Тура тIехьенах массарел а чIоагIагIа цIи дIахезачарех хилар Баьри; Пхьагал-баьри оалар цох. Из шоллагIа цIи хIана йоаккхар, аьлча, тамашийна Iаьржа ди цунга хилар бахьан долаш. ДегI эзза долаш, кадай, низ чIоагIа болаш хиннавар из Баьри.

Оамал сиха йолаш хиларах, нахаца довнаши пхьенаши хулар цун. Дукха пхьенаш цох доаккаш хиларах цун цIи йоаккхаш хиннаяр «Пхьа боалла баьре».

Цо хьахьерчадеча пхьенех барханоша тоама дукха дIатела дезаш хиннадар доахан а лаьтта а. ТIехкхьара наха аьлар, Баьри мехках ваккха. Барханой а раьза бар цу гIулакха, шоай тайпа хIалакахулаш латтандаь. Кхы тоха са доацаш хилар уж, Баьречо ший барханочунгара йоал йийхача, чIожах из чакхвала велча. Цу бахьанах из ве, аьнна, да тIакхоссалушехьа, кIалхараваьнна ведар Баьри. ТIаккха дас Iаьдсаькх техар. Ворох из кхийтта, цу хана денна астагIа лелхаш хилар Баьри. Тайпан боккхача наха ваIад йир, из мехках ваккха, аьнна. Баьречо аьлар царга:

– Шоах къаьста со дIагIоргва, бакъда, сайна хьамсара йола ер лоамче ютаргьяц аз. Лаккха хьалваха, адам доацача метте ваха ховргва со.

Вайна дIаваьлар Баьри, хаза хIама доацаш.

ЦIаьхха наха бIаргаяйра лакхача лоаман чхара тIа егIа гIала. Цумоча метте гIала йогIа сага могаргдац, аьнна, хеташ, жиний болх ба из, оалаш, хилар нах. Хиннабацар из жиний болх – гIала еттар Баьри хиннавар. Ший хьинарца хьагIарга никъ билар цо. Хьокхий бовхьамаш цIерала доага а деш, чхараш ийттIача метте уж чудетташ, саьргашца уж дувзадеш, хьабир цо из никъ. Пхьагал чакхяьргйоацача метте ший динца дIакхоачар из. Наькъах дIа-хьай ухача нахагара йоал а ийеш, чарахье а ухаш вахар из. Цун дина дика ховр кхерам мичахьара ба – кадай кхычахьа дIаэккхар из. Нагахьа цхьанне Iадсаькх техача из ди е цу сахьате Iотабар, е пхьагал санна дIадехьакхоссалора. Цигара хьа а йоагIа цун шоллагIа йола цIи «Пхьагал баьри», аьнна.

Цкъа чарахье ваха волаш цунна ейра даьра ча-нана. Цунна юхе лелаш чайтонг а яр.

Из чайтонг кхоабаш, дика оамалаш цунна хьехаш, хьакараIомайир цо. Нийсъенна дIаэттар, йоккха ча хулаш, даьна мутIахьа йолаш.

Йоккхача цу чанах кхераш, наха оагIув увзар баьречох. Цох доаккаш дола пхьенаш лехаш хиннараш дилла цунна тIакхача гIерташ бар. КараIомаяь из ча а йийна, цун цIока шийна хьатIа а кхелла, ча санна цу баьрена дIатIавахар цхьа довхо. Ший доттагIа ча йоагIа мотташ, Баьри паргIата хиннавар. ЦIаьхха тIакхийттача довхочо шалта Iетта вийр из баьри.

Цу хана денз яьсса латт из гIала. Iаьржа ди а мича бахар ца ховш, байна дIабаьлар. Баьречо хьокхий детташ хьабаь хинна никъ ха-замах бежар. ХIаьта гIалий гIовнаш хIанз а гуш да.

БАРХАНОЕВСКИЙ ПХАГАЛ-БЯРИ

Тур был громадного роста, ловкий, храбрый. У него было девять жен, множество потомков и слуг. В ущелье под горой ЦIей-Лоам он построил девять башен, по одной каждой жене. Тур был охотником, и в основном он охотился на медведей, но он никогда не убивал медведиц.

Охотился он высоко в горах и не возвращался без добычи. Однажды Тур долго охотился и при возвращении увидел страшную картину. Землетрясение уничтожило село, многие погибли, в том числе и его две жены. Но Тур не ушел из родных мест. Он поднялся повыше и снова заложил семь башен, которые сохранились и поныне. Кроме башен, были заложены святилище, склепы и другие постройки.

Был у них свой жрец и три священных быка, которые почитались ингушами.

Наибольшую известность получил потомок Тура – Бяри или, как его еще называли, Пхьагал-Баьрий.

Такое прозвище он получил из-за необыкновенного вороного коня. Был он сам сухощав, обладал недюжинной силой и ловкостью.

Горячий по характеру Бярий часто ссорился с соседями, что иногда приводило к убийству. Имел он немало кровников. Поэтому его еще и называли «Пхьа боалла Баьрий», что в переводе означает: «всадник, имеющий много кровников».

Из-за его частых стычек и убийств бархаиоевцам приходилось расплачиваться землей и скотом. Кровники, наконец, потребовали, чтобы Бярий удалился из Ингушетии. Родственники не стали возражать, ибо род приходил в упадок. Терпение кончилось, когда Бярий потребовал у близкого родственника дань за проход по ущелью. Отец в ярости бросился на сына, но он успел ускользнуть. Тогда отец вдогонку пустил стрелу. Стрела попала в бедро сына, и он на всю жизнь остался хромым, но с родных гор не ушел. Когда старейшины рода объявили ему свое решение о его изгнании, Бярий горячо заявил: «Я уйду от вас навсегда. Но я люблю эти горы и без них жить не смогу. Я поселюсь высоко в горах, где не ступала нога человека».

Бярий исчез, и долго о нем ничего не было слышно.

И вдруг люди заметили, что на отвесной скале появилась небольшая башня. Построить на таком месте башню человеку было немыслимо, и тогда люди сказали, что это работа джиннов. Но, однако, построил ее все-таки человек – Бярий. Он сделал к пещере рукотворную тропинку. Обожженные колья он забивал в скалу и переплетал прутьями. Выезжал на лихом коне, куда заяц не доберется, и жил тем, что добывал у дороги по ущелью и охотой. Конь его всегда чувствовал опасность, угрожающую хозяину, и уносил его с этого места. Конь мог внезапно присесть, и стрела пролетала

над его головой, мог прыгнуть в сторону, как заяц, и отсюда его второе название «Пхьагал-Баьрий» – «всадник-заяц»[1].

Однажды на охоте он увидел раненую медведицу и рядом крохотного медвежонка.

Бярий взял медвежонка, вырастил его, и он превратился в крупного медведя, преданного своему спасителю.

Люди боялись медведя и с опаской обходили башню Бярия. И тогда кровники, тщетно пытавшиеся расправиться с Пхьагал-Баьрий, решили убить медведя. Один из кровников накинул на себя шкуру убитого медведя и ползком подобрался к пещере, где Баьрий, ничего не подозревая, ждал своего друга-медведя. И незаметно пробравшись, кровник кинжалом убил Бярия [2].

С тех пор в башне никто не жил, черная лошадь бесследно исчезла, и ее больше никто не видел. К башне невозможно подойти, тропинка, сделанная Пхьагал-Баьрий, постепенно исчезла. Башня полуразрушена, но стоит.

От жителя сел. Барсуки Яхьи Зязикова записал и в 2003 году опубликовал в газете «Сердало» (20 сент., 2003 г.) журналист Магомет-Башир Цицкиев.
От того же информатора в несколько сокращенном варианте это предание записал и опубликовал лицеист Идрис Зязиков (см.: Сердало, 2005. 27 дек.).

[1] Полное имя героя Пхьагал-Баьри в предании этимологизируется и как «Баьри, имеющий кровников» и как «Верткий, словно заяц» (по его коню). Имеется и такая этимология: «Всадник, видящий поселения», т. е. «стражник на посту». Действительно, с Барханоевыми и, в частности, с Пхьагл-Баьри, увязывается несение охраны в Ассинском ущелье у ворот в «ГIалгIай коашке» (Галгаевское общество).

Однако перевод имени Пхьагал-Баьри как «Заячий всадник», может намекать и на мифологическое происхождение этого образа. Например, в фольклоре абхазо-адыгов имеется персонаж «Заячий всадник», который использует зайца вместо коня.

[2] Коварные враги, накинув на себя медвежьи шкуры, пробираются в неприступные владения героя и убивают его – широко известный мировой фольклорный мотив.

* * *

85. НАЬСАРИ, САЙИ, АЧАМИ

ПаргIата болча ший боккхача мехка доал а деш, вахаш хиннав наьрт Наьсар. Дукха Iулаш, ремаш хиннай цун. Ачама-боарз оалача метте вахаш хиннав наьрт Ачам. Ше хьалбайта хиннаб цо из боарз. Шолжал дехьеи сехьеи бола мохк къувсаш вIаший

яхье баьнна хиннаб Наьсари Ачами. Наьсара Сай яхаш, ший бIу а болаш воI хиннав. Ачама хозал яла йоала йоI Зайзо хиннай. Нагахьа боарза юхе а вай, хьал-Iо хохкаш хиннаб Саьс ший турпала ды. Боарзагара Iохьежаш, сакъердалуш хиннай Зайзо. ДIай-хьай даь къамаьл хиннадеце а, вIаший безабенна хиннаб уж.

Цкъа Ачамаз къайлагIа ший гIаьрахой а бахийта, Наьсара рема йодаяь хиннай. Наьсаре ший воI Сай оарцагIаваьккхав. Ший бIуца Ачама-боарзага а этта, Ачам волча саг вахта хиннав йодаяьри кхы а цаI, эхь дарах, еррига шиъ рема хьаяла еза, аьнна. Шун рема а йодаяьяц, оаш фу дувца а хац, яхаш, Ачам къарвелар. Ачама боахам гонахьа йоккха тIокарт яь, чIоагIбаь хиннаб.

Сань бIеца лелаеш йоккха топ хиннай. Из молхах хьал а юзаш, дукха гермеш Iочу а ехка, пхона когаметта цу топа чу хайнав Сай, тIаккха «дIатоха ер» аьннад. Техача, Ачама коа юкъе вессав. Топа тата хеза хьакоа ийккха хиннай Зайзо. Саь дика Iомабаь турпала ды хиннаб. Укхо шок тоххашехьа – тIокартах тIехьа кхоссабенна коа юкъе эттаб. «Зайзо сона даькъала йойла, урдонна тха рема Ачама даькъала йойла!» – аьнна, дын букъ тIа Зайзо а яькккха, картал хьасехьа кхоссавеннав. Ше ваьгIача гIалий чура аравала ца вухьаш, са гошка даха вагIаш хиннав Ачам.

Наьсар цу гIулакха раьза воацилга а ховш, из волча гучавоалаш хиннавац Сай.

Ачам леткъав наьртий тхьамадага Соска Солсага, аз Наьсара говраш а йигаяц, са бокъо йоацаш са йоI йодаяьй цун воIо, яхаш. Ше е езача кхелах Соска Солса дагаваьннав ший наьнаца Села Сатийца. Тхьамада хиларца наьртий довнаш дужаде декхарийла хиннав Соска Солса. Из хала болх бац, ховргда вайна, аьнна, Iо ца южаш, седкъашка хьежаш, поал хехкаш, ягIай Села Сата. Iуйрана аьннад:

– Говрий рема лаьллар Ачам ва. Наьсара говрий аьттига ворон тIа доахкаш да цун тхьамагIаш. Ачамазас басарашца къайладихьад уж.

Соска Солсас аьннад Ачамга:

– Хьай Iушка цIенна лувча а йий, хьаоттаейта говраш, цар аьтта ворошка хьажа воал со.

Ший тийшаболх гучабаьнналга а ховш, дарий деш, Ачамзас аьннад, ший Iуша даь хIама да из.

Йига говраш урдонна а лаьрхIа, Соска Солсас тоам баьб царна юкъе.

ХIаьта а ший тийшаболх биц ца беш, цхьа пхи-ялх шу даьнначул тIехьагIа, Сай лоам чу чарахье вахача хана, тIехьа ший Iуй а бахийта, Ачамас вийнав сай. Вай лоамашка хIанза а ювцаш я «Сай вийна дукъ» яха моттиг.

ТIеххьар, Наьсарас дов деш, Ачам вийна дIаваьккхав, цун боахамах цIи теха, баьсса хIанз латташ бола боарз мара хIама ца дусаш, хIалакадаьд.

Кхо воIи цхьа йоIи долаш яхаш хиннай Зайзо, къавенна Нясар дIаваьнначул тIехьагIа.

НЯСАР, ЕГО СЫН САЙ И АЧАМ

Нарт Нясар владел большой землею и жил на ней вольготно. Его огромные табуны и стада пасли многие пастухи. На месте, где сегодня стоит курган Ачама, жил нарт Ачам. Этот курган он сам и воздвиг. Эти двое нартов спорили между собою за земли, простиравшиеся по берегам реки Сунжи. Сын Нясара по имени Сай имел свою дружину. А у Ачама была дочь невиданной красоты. Звали ее Зайза. Сай на богатырском коне частенько джигитовал у кургана Ачама. Зайза же любила с кургана глядеть на красавца Сая и его резвого коня. Не общаясь, парень и девушка прониклись друг к другу взаимной симпатией.

Как-то по приказу Ачама его разбойники воровски увели табун коней Нясара. Ему это стало известно, и он поручил Саю заняться этим делом.

Со своими воинами Сай подступил к кургану Ачама и послал вестника сказать ему:

– Верни два табуна коней: один, это тот, который был тобою уведен, а второй, – за нанесенное оскорбление!

Ачам же ответил:

– Ничего я у вас не крал и не ведаю, о каких табунах вы говорите.

Владения Ачама были огорожены высокой каменной стеной. В войске Сая была огромная пушка. По его приказу ее зарядили порохом и тряпьем. Вместо ядра в нее сел Сай и приказал выстрелить во двор Ачама [1]. Раздался взрыв и Сай приземлился прямо во дворе. Услышав небывалый взрыв, Зайза выбежала из башни. Конь Сая был хорошо обучен. Свистнул Сай и конь стрелою перелетел стену и остановился у ног своего хозяина.

Крикнул Сай:

– Да будет Зайза благословенна для меня! Да пусть Ачаму останутся кони, вместо калыма!

Подхватил он Зайзу на коня, и он мигом перенес их через крепостную стену. У Ачама от страха душа ушла в колени; он даже побоялся выглянуть во двор.

Знал Сай, что Нясару не понравится его самоуправство и потому сторонился отца.

Нартским тамадою был Соска Солса. Ачам пожаловался ему, говоря, что Нясар и его сын позорят его, украв его дочь и ложно утверждая, что им украдены их кони. Чтобы разобраться в этом споре, Соска Солса за помощью обратился к своей матери Села Сате, поскольку тамада нартов обязан был справедливо разрешать все возникающие споры.

Села Сата была ворожеей и звездочетом. Всю ночь она ворожила, следила за звездами. Утром она сказала:

– Табун коней Нясара угнал Ачам. На правом бедре коней Нясара имеется его тавро. Ачам закрасил его.

Соска Солса сказал Ачаму:

– Прикажи своим слугам выкупать коней. Я хочу осмотреть их правые бедра.

Понял Ачам, что его подлый поступок стал известным и обвинил в нем своих слуг. Соска Солса примирил Нясара и Ачама, посчитав угнанный табун, как приданое за увезенную Зайзу.

Лет пять-шесть Ачам таил свою злобу и все ждал удобного случая. Как-то Сай пошел в горы поохотиться. Узнав об этим, Ачам подослал своих слуг, и они убили Сая. С тех пор это место называется «Хребет, где был убит Сай».

Нясар в отместку убил Ачама, разорил и сжег все его гнездо. От него остался лишь голый курган. Пришло время, и Нясар ушел в мир иной.

После смерти Сая остались от него трое сыновей и одна дочь. От них идут наши предки.

В 1964 году в селе Насыр-Корт записал З. Гелисханов.

[1] «Сай выстрелом из пушки был переброшен через крепостную стену» – мотив, по всей видимости восходящий к исламской традиции, по которой приемный сын и зять Мухxамеда Али с помощью катапульты был запущен в осажденную крепость Хайбара.

* * *

86. НАЬСАРИ КЪОЗАШИ

МоцагIа-моцагIа, тхьоврача хана Къозашка ваьхав наьрт Къозаш. ЧIоагIа низ болаш кура саг хиннав из. Цун ферта хиннай дикача къонахий можамех-мекхех яь. ХьоашалгIа водаш а тIем тIа водаш а из ферта кхоллаш хиннай Къозаша. Тирка йисте денна хьа Шолжага кхаччалца еррига Гарман аре цун хиннай. Ачамаза-боарзага наьрт Ачамаз ваьхав, Гарман боарзага Герминча ваьхав. Низ болаш-м уж шиъ хиннав, хIаьта а Къозашка кхача аьттехьа а хиннабац уж.

Лоаман нах Iоъарабалийта а, цига готаш йоахкаяйта а тугаш хиннадац цар. Цкъа лоаман нах шийна тIехьа а болаш, тоабеннача дын тIа Гарман аре ловзаеш, аькхий Iадсаькхаца чувхадеш, шийцарча наха мохк бекъаш, йисте ков-карт даь чIоагIвеннав Наьсар яха къонах.

Къозаша хезад Наьсаро шийгара мохк баькккха, цу мехка лоаман нах ховшабаьб, аьнна. Наьсар духдувлача цо шийна чIоагIо а яьй, аьнна. Дорхвенна, бирсвенна Къозаш берriга ший бIу вIашагIтеха-вахав Наьсар вийна дIаваккха, лоаман нах хIалакбаь, Гарман аре юхаяккха, аьнна.

Наьсар духдувлача из кхаьчача духьала араваьннав цун беркатерча мехка чIоагIале яь Наьсар.

– Маьрша доагIалда, деза хьаьший! Шо ла дий, шо маьрша дий? Iодосса говраш тIара. Сайна могача бесса хьаьший дергда аз шух. Даа хьаьна даар да, мала масса малар да, дувша базбарий метташ да. Сакъердам эше – бе сакъердам ба.

– Со даар даа мецвенна, малар мала хьогвенна, сакъердам ийша сакъердам бе венавац. Со венав хьа корта баькккха, хьо вийна, Iа лоаман наха бийкъа сай мохк юхабаккха,– аьннад Къозаша.

– Iодосса говраш тIара. Вай даарах дизача, маларах вайна кхоачам хилча, салаIа паргIата даьлча, дувцаргда вай мехка гIулакх из дувца дезаш хуле,– аьнна, безаме йист хиннав Наьсар.

– Хьа корта баа меца ва со, хьа цIий мала хьога ва со, тIом болабе,– мухь техаб Къозаша.

– Тха лоаман наьха оалаш да: аттагIдар дите, халагIдар де, аьнна. Цудухьа тIом бе аттагIа, мегаргболча хьаьшашта хьоашал де халагIа доландаь, цIаькха а дех аз шуга: Iодосса говраш тIара, чудовла вай цIагIа,– безаме йист хиннав Наьсар.

– Хабар лоаца дика да. ТIемах хье кхере, герз Iо а дилле хьакаравола, са лаьшта юкъе ийслагIа воа лай хургва хьох. Лай хилар ца дезе тIом болабе,– аьнна цIимхара йист хиннав Къозаш.

– Хьо ва са корта безар, со ва хьогара мохк баькккхар, хьайна, тIом безе, тIом болабе,– жоп деннад Наьсара.

ТIаккха болабаьб Къозаша тIом. Ка яьннаяц цун тIема. Мехьа теха вийнав из Наьсара.

Шоай баьчча вийна вайна кхерабенна беддаб цунна тIехьара бIу.

Царна тIехьаваьнна, тохача гердз тохаш, дукха гаьна баьхаб уж Наьсара.

Къозашка хиннар хезача, кхерабенна Ачамаз а Герминча а «Низ болча Къозашка ца дуденнар вайга мича дулургда», аьнна, дIабахаб Гарман арера.

Берда йисте ваьха Наьсар ший лоаман нахаца маьрша ваха висав Гарман аре.

НЯСАРГ И КОЗАШ

Давным-давно жил в Козашке нарт Козаш. Он был очень гордый и сильный человек. Его бурка была сделана из бород и усов известных мужчин [1]. Отправляясь в гости или на войну, Козаш накидывал на себя эту бурку. От берегов Терека до Сунжи вся долина Гарма принадлежала ему.

На Ачамза-кургане жил нарт Ачамаз, на Гарма-кургане – Германч. Они были тоже сильны, но им было далеко до Козаша. Они не давали людям, живущим в горах, ни спуститься с гор, ни распахивать поля.

Однажды, ведя за собой людей гор, гарцуя на вскормленном коне по просторам долины Гарма, зверей пугая луком и деля между своими людьми земли этого края, Нясарг дошел до истоков реки Нясарг [2]. Там, на берегу, он устроил укрепление.

Козаш прослышал, что Нясарг отобрал у него край, в том крае поселил людей гор, а у истоков Нясарг возвел укрепление.

Грозный, рассвирепевший Козаш, собрав свое войско, выехал, чтобы убить Нясарга, уничтожить людей гор и вновь отобрать долину Гарма. Когда он прибыл к истокам реки Нясарг, к нему вышел Нясарг, соорудивший в его благодатном крае укрепление.

– С добрым приходом, дорогие гости! Вы не с горем ли, вы здоровы ли? Сходите с коней. Я приму вас, как смогу. Обильной пищей угощу, хмельным напитком напою, в мягкие постели уложу. Веселье потребуете – будет и веселье,– приветствовал Нясарг гостей.

– Я не голоден, чтобы в пище нуждаться, и жажда меня не мучает, и в веселье я не нуждаюсь – не за этим прибыл я к тебе. А пришел я, чтобы убить тебя, отобрать у тебя край, разделенный тобой между людьми гор,– ответил Козаш.

– Сходите с коней. Когда мы пищей насытимся, когда мы напитком утолим жажду, отдыхом удовлетворенные поговорим, если понадобится, о делах края,– любезно произнес Нясарг.

– Я так голоден, что голову готов съесть твою, я так мучим жаждой, что кровь твою готов испить! Начинай бой! – взревел Козаш.

– У нас, у людей гор, говорят: «Оставь легкое, делай трудное». С такими гостями как вы, легче воевать, ибо принять – труднее. Поэтому еще раз прошу: сходите с коней и входите в дом,– любезно предложил Нясарг.

– Короткий разговор лучше. Боишься меня – сложи оружие и сдавайся в плен, среди моих пленников ты будешь девятым. Не хочешь быть пленником – начинай бой! – злобно крикнул Козаш.

– Тебе надобна моя голова! Да, это я отобрал у тебя край, если хочешь боя, так начинай [3], – ответил Нясарг.

Тогда Козаш начал бой. Но не было ему удачи. Верным ударом сразил его Нясарг. Воины Козаша, увидев, что предводитель их убит, бежали в страхе. Нясарг гнал их, нанося удары, все дальше и дальше.

Прослышав о том, что произошло с Козашом, испуганные Ачмаз и Германч подумали: «Что не смог сделать могущественный Козаш, нам и подавно не под силу». И они ушли с долины Гарма.

Нясарг со своими людьми остался жить в долине Гарма.

В 1963 году от 60-летнего жителя села Насыр-Корт Кураза Астамирова записал Д. Мальсагов.

Опубликовано: ГІФ-67. С. 136; ГЭЧИ. С. 389; ССПЧИ. С. 259; ИССП. С. 292.

[1] Бурка нарта Козаша «была сделана из бород и усов известных мужчин». В осетинском эпосе Сослан также делает шубу из бород побежденных им воинов. Подобный варварский обычай «скальпирования», по записям Геродота, имел место у скифов. На это сходство нартского сказания и воинского обычая скифов указывал еще В. Миллер.

[2] «Нясар дошел до истоков реки Нясар», здесь эпоним «Нясар» увязывается с гидронимом «Нясар» (речка под таким именем).

[3] «Да, это я отобрал у тебя край, если хочешь боя, так начинай» – здесь имеет место проявление воинского этикета: «виновный» предоставляет право нанесения первого удара своему противнику. Соблюдение этого правила, а также предыдущие призывы Нясара к мирному решению спора служат идеализации местного героя.

* * *

87. КЪОЗАША ВИIИЙ ВОIИ ГЕРМАНЧИ

Долакх-Юрти ТIо-Юрти йолча оагIора хIанза а ба ши боарз. Къозаша-боарзи Германча-боарзи оал царех.

Наха дувц, Къозаша-боарз болча Къозаш ваьхав, Германча-боарз болча Германч ваьхав. Шоайла товш хиннабац уж.

Цкъа Германча тийшача балхаца, тIехьа бIу а баьккха, летав Къозашах. Къозаш ше а цун дезалца мел вола маIа саг а, воккха вар, аьнна, бер дар, аьнна, доацаш, боабаьб, кхыметтел пхоара истий а боабеш. Къозаша деррига фу хоададе, аьнна, лаьрхIа хиннавар Германча. Цо цIи техар Къозаша боахама. Беха, фу дергда ца ховш биса кхалнах хиннаб. Ше дергдар даь ваьнналга лаьрхIа, ший бIица ваьнна Германча дIавахав ший цIенгахьа.

Бакъда, Къозаша фу хаданзар. Цун цхьа нус лоамашка даьцIа яха хиннаяр цу хана. Пхоара хиннаяр из. Циггач кIаьнк а ваь хиннавар. Из кхийначул тIехьагIа, деррига нанас дIадийцад цунга. ТIаккха ваха хилар Къозаша виIий воI черсашкахьа. Цхьа аьла волча венав из. Шийна гIулакхе вола яхаш, дийхад цунга аьлано. Фу гIулакх да из, хаьттача, аьла аьннад: «ЦаI – са дукхача Iулашка, ремашка латташ нах, Iуй ба, царга хьажар да; шоллагIа – чувоагIача хьаьшага, цIагIа долчунга хьажар да».

ШоллагIдар хержад Къозаша виIий воIо. ГIулакх, эздел зувш шийгара доагIа гIулакх деш лийнав из. Аьла коа юкъе багIаш хинабар цхьа боккха хи. Ший мукъа ха йолча хана, цу хена кIала Iо а хайяь, мукх хьокхар Къозаша виIий воIо, шийгара доал дагадохаш, гIайгIа еш. Иштта массейта шу даьннад, ший мукъа ха мел хул мукх хьокхаш хиннав из. Эггар тIехьа хи бежаб. Бежача, аьлано хаьттад: «Дукха ха я аз хьо зув, фу сагото я хьога, дувца.»

Деррига дIадийцад зIамигача саго: Германча ший даь-да а да а, даь вежарий а боабар, ше мишта висар а, шийна дагабоала пхьа а, ца лийхача, ше Iергвоацалга а, ше фу дергда ца ховш висалга а.

– Хьо сай воI санна везавеннав сона,– аьннад аьлано,– аз бIу лургба хьона.

Наькъа пхорагIа из бежа хинна хи Iобиллаб.

– Ер хи чил хинна дIабаххалца аз говраш лоахкаргья,– аьннад аьлано.

Аьла доалахьа мел бола ды хехкача а ах мара чил хинна дIабахабац из хи. Ший гаргара болчаргара, доттагIашкара, лоалахошкара говраш йийхай аьлано – берригa чил хинна дIабахийтаб хи. Мел йолча говра тIа кийчваь баьре хоаваьв. Из бIу беннаб аьлано Къозаша виIий воIа. Къозаши Германчи баьхачара гаьна боацаш ба цхьа бер. «ГIалий доадаь бер» яхаш, циггача ший бIу дIаоттабаьб, ше вахав даьцIа, Къозаша берригa дезал баьхача метте. Циггача бунгаш а егIа зIамигача кхашка болх беш миска бахаш истий хиннаб. Шо малаш-д, хаьттад укхо. Ма-дарра хьадийцад цар. Ше малав дIахайтадац зIамигача саго.

– ДIа-а, гаьнна, Германча вахача оагIора бийсах ши дакъа даьннача хана дIахьажалаш, цхьацца белгалонаш гургья шоана,– аьнна, дIавахав.

Ше аьннача бесса бийсах ши дакъа даьннача хана лета, Германча мел хинна бIу хIалакбаьб. Дийна цхьа маIа саг витавац. Боахама цIи техай. ХIаьта Германч ше хьакаравоалаваьв. Вийхка вола из хьа а вена, Къозаша боарза тIа бахаш хиннача исташта дIавеннав. Цар гIоргIа маьхий Iетташ, вийнав из. БIу аьла волча дIабига дIабеннаб, доккха хьоалчагIа даьд. ТIаккха аьла а цун нах а хьалбига, ше волча а хьолчагIа даьд зIамигача саго.

Дика-во юкъ долаш, дика доттагIий болаш баьхаб зIамига саги черсийи.

Ший даь дакъа хьа а лаьца, из зIамига саг ваха хайнав цу Къозаша боарза тIа.

ВНУК КОЗАША И ГЕРМАНЧА

Вблизи ингушских селений Долаково и Кантышево находятся два кургана. Их называют курганами Козаша и Германча. Люди говорят, что на кургане Козаша жил Козаш, а на кургане Германча – Германч. Эти нарты враждовали между собой.

Однажды Германч со своей дружиной коварно напал на Козаша. Он перебил всех: и Козаша, и всех мужчин его дома, детей и стариков, и даже беременных женщин. Германч тем самым хотел уничтожить до основания весь род Козаша. Он поджег все его хозяйство. Решив, что с Козашем покончено, Германч вернулся к себе.

Но род Козаша не пресекся. Одна из его снох, находившаяся в это время в горах у своих родственников, была в положении и там родила мальчика. Когда он вырос, мать рассказала ему обо всем случившемся. Тогда внук Козаша отправился к черкесам [1]. Он пришел к одному князю; тот предложил ему быть пастухом его бесчисленных стад или принимать в доме гостей [2]. Внук Козаша согласился на второе. Он постоянно присматривался к обычаям и нравам черкесов и отлично исполнял свои обязанности.

Во дворе князя росло огромное дерево. В свободное время внук Козаша обычно садился под этим деревом и, думая о своей горькой доле, оставлял на дереве зарубки. Прошло несколько лет, он все продолжал это делать. Наконец дерево рухнуло.

Тогда князь сказал:

– Давно я заметил, что тебя что-то гнетет. Расскажи мне о своем горе.

Молодой человек тогда поведал ему обо всем: как Германч убил его деда, отца, двоюродных братьев, о том, как остался в живых; рассказал и о долге крови, который необходимо исполнить.

– Я полюбил тебя, как родного сына,– сказал князь. Он положил дерево поперек дороги и добавил: – Я дам тебе большое войско. Я дам тебе столько коней, сколько нужно для того, чтобы разнести в прах это дерево.

Когда всех княжеских коней погнали по дороге через дерево, оно только наполовину истерлось. Тогда князь попросил коней у своих соседей, родственников и друзей. Только тогда дерево было разнесено в прах. На всех коней князь посадил воинов в полном вооружении и отдал войско молодому человеку.

У курганов Козаша и Германча находится «Лощина, где стреляют ланей». У этого места остановил внук Козаша свое войско, а сам отправился к кургану, где раньше жил Козаш. Там он нашел несколько землянок, в которых проживали одни женщины. Они поведали ему о том, кто они и что с ними произошло.

Молодой же человек не сказал, кто он.

– Когда наступит полночь, взгляните в сторону кургана Германча, и вы увидите кое-что,– сказал внук Козаша.

В полночь он разгромил войско Германча; ни одного мужчины не оставил в живых, все хозяйство Германча предал огню, а самого Германча полонил, связал и передал женщинам, проживавшим на кургане Козаша. Женщины иглами перекололи его насмерть.

Внук Козаша возвратил князю войско; пригласил князя и его людей на свою землю и устроил большой пир.

В мире и дружбе жили внук Козаша и черкесы.

В 1966 году от 35-летнего жителя села Долаково М. Л. Балхаева записал И. Дахкильгов.

Опубликовано; ГЭЧИ. С. 390; ГІФ-91. С. 81; ССІЧИ. С. 260; ГІОДФК. С. 114; ИССП. С. 294.

В предыдущем сказании «Нясар и Козаш» нарт Козаш является отрицательным персонажем. В этом же сказании его внук уже предстает героем, несправедливо пострадавшим и свершающим должное возмездие.

[1] *Герой отправляется к черкесам.* Ингуши не делают различия между собственно черкесами и кабардинцами. Кабардинцев называют то «гІаьбарте» (кабардинец), то «черсе» (черкес). Чаще всего в ингушских

сказаниях под этнонимом «черкес» выступает кабардинец. Довольно часто герои ингушских сказаний и преданий идут на службу (но не в услужение) именно к черкесам (кабардинцам), которые затем оказывают помощь этому герою в решении возникших перед ним трудных задач. По всей видимости, здесь отразился тот исторический период, когда кабардинцы (черкесы) занимали предгорье, а некоторые представители из ингушских горных обществ пополняли ряды их княжеских дружин. Известно, что среди ингушей в прошлом практиковалось военное наемничество.

[2] У черкесов (кабардинцев) ингушскому герою предложили на выбор или быть пастухом, или «принимать в доме гостей». Герой выбирает второе, как более почетное занятие. Быть пастухом по найму или прислужником у ингушей означало потерять всяческое уважение среди своих соплеменников.

* * *

88. НАЬРТ ЦIОКЪИЙ НАЬСАРИ, МЕХКА-НАНЕИ, ХИ-НАНЕИ

Цхьан гаьннарча замах вахаш хиннавар цIихеза наьрт ЦIокъа. Из цIи цох хIана тиллаяр, аьлча, шийна лайча, цо нана~цIокъа хьа а лаьце, цун шурах вакхаш хиннавар. Цудухьа цIи а яр цун «ЦIокъа шура мела ЦIокъа», яхаш. ХIанз вай Дошалкъ-Юрт йолча боккха боахам хиннабар цун. Цунца цхьана бахаш кхы а дукха наьрташ а бар. ЦIокъа хиннавар цар тхьамада.

Цкъа мичара баьлар а ца ховш, Iаджуджи-маджуджи миссел дукха а болаш, тIом бахьаш негIой баьхкар цигач. ГIал-баьцал дукхагIа шоаш болаш, Iалаьмат ала чIоагIа къиза латаш. Уж дIабахача метте цIодз дIадахад, аьнна, хеталора. ЦIокъои цун бIувои Шолжеи Наьсари хьалдизар цар декъаех. ХIаьта а цу декъаш тIагIолла, вIалла а кхоача ца луш хьатIаухар моастагIий. ТIехкьар берригаш а, ЦIокъа ше а тIехьа, боабаь дIабаьха хилар. Дукха шоаш хиларах котало моастагIашка йисар.

ЦIокъий цхьа дийтта шу даьнна воI вар цу хана гаьнна гIаьбартой цхьан аьланга кхеве, аьнна, дIавенна волаш. Наьсар яхача цIенача хина сий деш, цу кIаьнках а Наьсар, аьнна, цIи тилла хиннаяр. Цунна пхийтта шу даьннача хана, доккха совгIат луши наьрташ тIехьабоахаши, аьлано дIацIаверзаваь хилар из Наьсар. Баьхка ераш хьаэттача, михо кегаеш йола йокъ мара кхы хIама хиннадац. ТIом хинна цхьа шу даьннадале а, моастагIий бIухоша Iобийттача когаех хьахинна шерра, бIаьхха никъ бар хьагуш. Цу наькъах волавенна вахар Наьсар. Ший бIу шийна тIехьабалийтанзар цо. Наькъах ваьнна водаш, моастагIий бахача пана аре кхаьчар. Маводда царна тIаведда, негIой аьла хьа а леха, техха цун корта дIабахийтар, даьна пхьена хилва хьо, аьнна. Шоай аьла дIаваьлча, кхы денал хиннадац цу негIой. Барт боаца жа хилар царех. Наьрт Наьсаро тур массаза лестаду пхиппа негIе цхьатарра Iовулаш, цу

юкъа дино кхоъ вувш, кхаь ден, кхаь бус уж боабеш, берригаш а боабаь Іобехкар.

Цу негІой аьлан дала теха чІоагІа хоза йоІ хиннай хьалкхийна. «Хьо сона даькъала йойла, со хьона даькъала волва»,– оалаш, из дІайигай Наьсарас. БІаь говраца даххьал дошо-дото а цигара дихьар цо.

«Да ваьха мохк, хетарах, сона даькъала хиннабац. ТІехххьар сай ди а лувчабаь, дІагІоргва-кха со укхазара»,– аьнна, Шолжеи Наьсари вІашагІакхетача ший ди лувчабе эттар из. Циггач мичара яьлар ца ховш цунна хьатІаера чІоагІа тоам болаш йола кхалсаг. Йистаро дІа а этта, аьлар: «Хьааракъада Хи-нана, хье тхьайса еце!» Юкъага кхаччал хи чура хьагучаяьлар хоза кхалсаг. ХьатІаена хиннача кхалсаго аьлар наьрт Наьсарга:

– Со Мехка-нана я дІараяр я Хи-нана. Хьа да ЦІокъ дилла тхо деза лоархІаш хиннавар, текъам беш, дилла тхогара шийна гІоновкъостал эшача хана, хьайистхулаш а хулар. Оаха аьннар цхьа хІама де деза Іа.

– Дас лаьрхІаче, аз а деза лоархІ шо. Сай низ дІа мел кхоач оаш яхар хьа-м, даьсара, дергда. Хьаалал, фуд из?

– Дай-даь мохк бита хьо дІаводаш чІоагІа хала хет тхона,– аьлар Хи-нанас.

– ДІа ца вахар дех оаха хьога,– тІатехар Мехка-нанас.

– Оаха шинне дув ма буъ хьона,– аьлар Хи-нанас,– укх хьа мехка тІа цхьаь-цаІ, цхьаккхача хана, моастагІа тІаварг ца хилар.

– Маьрша, хьайна ма та-а дІаІе мара везац хьа. ХІанзарчул тІехьагІа маьрша ба хьа ер мохк,– аьнна, тІатехар Мехка-нанас.

– Оаш яхар ца дича валац со. Сай да ваьхача керда боахам Іобулларгба аз. Кхы хІама дий? – оалаш, жоп делар.

– Да кхы а цхьаькха. Цу негІой аьлан йоІах хьона фусам-нана хургьяц. Іа вийна ший да хьона вицвергвац цо. ХІанзале а хьона кІийленна хайна ягІа из. СихагІа из дІаяхийтача тол хьона.

– Шо бакълувш санна хетт сона а. Оаш яхаче, дІайохийт аз из а.

– Хьа моттиг, маьрша йолаш, даьтта хийла! – оалаш, ловца баькккха, байна дІабаьлар уж ноаной

ЦІакхаьчача, аьлар цо негІой аьлан йоІага:

– Хьо маьрша цІайохийт аз, кхы а дошо-дото а луш.

Геттар деха яьннай из, ма яхийта ше, яхаш. Цох кхы хІама ца хиннача, цусахьате сармакал а йийрза, тІакхийттий Наьсара из къамарг лаца дага йолаш. Наьсара чІингах катоха кхийр цун. Тур техха Іоъахабоаккхаш, из сармак бийна дІабаькккхар цо. Цу хана денна ший ийрчаяькккха чІинг сага гургйоацаш, йІаьха модж лелае ваьлар Наьсар

Мехка-нанаси Хи-нанаси зоахалол а дувцаш, Соска Солсай йоІ йоалайир наьрт Наьсара.

НАРТЫ ЦОК И ЕГО СЫН НЯСАР, МЕХКА-НАНА И ХИ-НАНА

В давние времена жил нарт Цок. Так называют горного барса (цIокъ). А имя такое ему дали потому, что он, как только того захочет, ловил матку барса и тут же высасывал ее молоко. Поэтому его называли «Цока, пьющий молоко барсов». Жил же он там, где сегодня расположено село Гамурзиево. С ним вместе там жило много нартов. Цок же был их вождем.

Но однажды неведомо откуда явились люди негой [1]. Было их так много, как аджуджей и маджуджей [2], как листьев и травы. И были они очень жестокими. Места, по которым они проходили, оголялись, словно там саранча прошла. Впритык к нартскому селу текли, они и сегодня текут, речки Сунжа и Назрановка [3]. Нарты убили столько наседающих врагов, что их трупы запрудили эти речки. А враги нескончаемым потоком все шли и шли по этим трупам. Наконец эти многочисленные враги убили Цока и всех других нартов.

А в это время четырнадцатилетний сын Цока, по имени Нясар, находился на воспитании далеко, у кабардинского князя. Мальчика назвали Нясаром в честь прекрасной речки Нясар. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, князь с большими подарками и войском отправил его домой.

Прибыли они, а на месте их села лишь ветер кружит пепел. Хотя уже и год прошел с тех печальных дней, но все еще хорошо была видна широкая дорога, протоптанная вражьим войском. Нясар запретил своим воинам идти с ним, а сам поскакал по этой дороге. Наконец, нашел он врагов в чужедальней стороне. Нясар изловчился, проник в стан врагов и убил их вождя, тем самым свершив кровную месть за своего отца. Оказывается, враги, потеряв вождя, ни на что уже не были годными и стали разбегаться, как бараны. Нарт же Нясар одним ударом сабли рубил пятерых, а конь его тем временем затаптывал троих. Три дня и три ночи длился бой, и все враги были уничтожены.

У этого вражеского предводителя была красавица дочь. «Да будешь ты суждена мне, и да буду я суженым тебе»,– сказав, Нясар увез ее с собою. Заодно он прихватил на ста конях вражье золото и серебро.

Вернувшись на отцовское пепелище, нарт Нясар сказал:

– Видимо, мне не суждено проживать в отчем краю. Искупаюка напоследок своего коня у слияния Назрановки и Сунжи.

В том месте он и начал купать коня. И вдруг, откуда ни возьмись, перед ним предстала весьма дородная женщина. Стоя поодаль, она крикнула:

– Появись, Хи-нана, если ты не спишь!

Из речки по пояс выглянула красивая женщина.

Ранее подошедшая женщина сказала:

– Я Мехка-нана (Мать страны), а во-он та, которая в воде,– Хи-нана (Мать вод) [4]. Твой отец Цок был дружен с нами, всегда упоминал нас в своих молитвах и советовался с нами. Просим исполнить одну нашу просьбу.

– Раз чтил вас отец, то и я вас почитаю. В меру своих сил я готов исполнить ваше желание. Каково оно?

– Мы очень огорчены, что ты собираешься покинуть отцовскую землю,– сказала Мехка-нана.

– Просим тебя, не покидай ее,– добавила Хи-нана и еще сказала:– Мы обе клянемся тебе, что во веки веков ни один враг больше не нападет на эту землю [5].

Также и Мехка-нана добавила:

– С сего дня край твой вовеки будет мирным.

– Не могу я вам перечить,– стал их заверять нарт Нясар,– пусть вновь оживет отцовское селение, и я буду жить здесь. Есть ли у вас еще какая просьба?

– Есть еще одна. Из этой, привезенной тобою княжеской дочери, тебе жена не будет: не забудет она тебе своего отца. Уже она изготовилась тебя убить. Скорее отправь ты ее восвояси.

– Разумно то, что вы говорите. Отправлю ее домой,– сказал он.

Мехка-нана и Хи-нана, произнеся благопожелание: «Да будет мирным твое поселение, да будет благодать на нем»,– исчезли.

Нясар сказал княжеской дочери:

– Отпускаю тебя с миром, да еще в придачу даю золото и серебро.

Усердно стала она умолять взять ее в жены и не отпускать. Когда же уговоры не помогли, она внезапно обернулась сармаком (драконом) и накинулась на него, с намерением сожрать. Но успела она только укусить его за подбородок, как он тут же разрубил сармака надвое и покончил с ним. С тех пор Нясар, чтобы прикрыть свой обезображенный подбородок, стал носить большую бороду [6].

Мехка-нана и Хи-нана сосватали нарту Нясару дочь Соска Солсы [7], и Нясар мирно и счастливо зажил на земле своих предков.

В 1969 году от 76-летней жительницы села Базоркино Райхант Генардковны Тангиевой записал Магомет Арскиевич Льянов. Публикуется впервые.

[1] *Народ негой (негIой).* Видимо, речь идет о временах монголо-татарских завоеваний, которые у ингушей ассоциировались прежде всего с ногайцами. Не случайно их именем ингушские женщины пугали детей.

[2] *Аджуджи-маджуджи* – мифический зловредный народец, обитающий или под землею, или за пределами ойкумены. То же самое, что «Гог и Магог».

[3] Между этими двумя речками находится высокое плато, в стратегическом плане весьма выгодное для основания поселения и защиты его от врагов. Место это было издревле облюбовано человеком.

[1] *Мехка-нана и Хи-нана* – древнейшие ингушские богини, восходящие ко временам матриархата. Первая богиня – богиня страны (местности, земли, края), вторая – богиня воды (рек, родников...).

[5] В народе имеется поверие, что местность, на которой сегодня находится город Назрань, никогда и никем завоевана не будет.

[6] В ряде сказаний Нясар отличается от других нартов большой бородой и усами. Этим признаком он напоминает кабардинского Насрена Длиннобородого.

[7] Многие знатные богатыри Бохтар, Киндий Шоа (здесь – Нясар) женятся на дочери знаменитого Соска Солсы. Этим самым родовой (или общенародный) герой идеализируется, как зять прославленного нартского вождя.

* * *

89. МАЛА ХИННАВ ЭГГАРА ХЬАЛХА НАЬСАР-КЕРТЕ ВАХА ХАЙНАР

Эггара хьалха лоамара Іоара а ваьнна хІанз йолча Наьсар-Керте Малхбузехьарча оагІонгахьа цхьан гувна тІа цІенош а даь, ваха хайнав Наьсарг яхаш цІи а йолаш цхьа гІалгІа. Из хиннав дІаьха мекхаш долаш. ПхьукІоагах юха а дийхка лол бича, тІехкарашта кІал доалаш хиннад цун мекхаш. Цунна тІехьа хиннаб ший б1у.

Цу Наьсаргал аьрдагІа волаш, шийна тІехьа гІаьр а йолаш хиннав хІанз йола Экажкъонгий-Юрта ваьха Ачамаз. Цун нана-цІа хиннад Ачамаз-боарза тІа, хьаша-цІа хиннад ЙиІий-боарза тІа.

Ачамаз хиннав дуккха наха низаш деш, гІаьра ухаш нах кхухьаш, уж боабеш, зуламаш деш хиннад цо. Цкъа дагадехад цунна наьха можамех шийна тІаювха кетара бекх бе аьнна. Ше тІакхаьчача сага цІока а тІехьа можамаш а яьха, шийна тІабувха бекх байтаб цо. Из бекх ше байта ваьлча, ший кара мел вола саг гул а ваь, хаьттад цо:

– ХІа-хІа, фу эшаш ба са кетара бекх? – аьнна.

Цу гулбеннача наха юкъе хиннаб Ачамаза можамаш йоахаш боабаьча наьха вежарий а, йижарий а, даьй а хулаш нах. Бакъда, уж лоархІабаьбац цу бекха хІама эш, аьнна, ала. ТІаккха хаьттад. Ачамаза; – «Фу эш укх бекха? Цхьанна а сага укхох ала хІама дале, аз тІабувхаргбац ер»,– аьнна.

Ачамаза мож яькха воша а вийна цхьа кхалсаг хиннай цу юкъе. Цо аьннад:

– Сона-ма ховра цу бекха фу эш, хІаьта аз цхьанне аларах фу хургда?

– Алал, цхьанне аьлча а тоъаргда,– аьннад Ачамаза.

– Цу бекха Наьсарга мекхах кач биллар эшар,– аьннад кхалсаго.

– Малав Наьсарга мекхаш даха гІоргвар? – хаьттад гулбеннача нахага Ачамаза.

Саг йистхиннавац. ЦIаькха хаьттача а саг юха йист хиннавац. КхозлагIа хаьттад: «Малав Наьсарга мекхаш даха гIоргвар?». Саг йистхила лоархIаваьвац.

ТIаккха Ачамаз ше вахав, ший Iадсаькх а долаш, Наьсарга коа.

Наьсарга хьалха чувоалача цIенна яьгIа ниI хиннай аьрга хьалъаййийя дIачу а воалаш, чуваьлча IотIа а хецаш. ШоллагIча цIен ниI йоацаш хиннай.

Цу ниI йоацача цIагIа даьккха, пенсаьнага хьалъоттадаь тур а латташ, Iо а хайна кулгаш дулаш вагIаш Наьсарг хиннав, цунна хий IотIакхорзаш, цхьан бе кIерам а боаллаш, вокха бе гIумагIа а йоаллаш латташ Наьсарга йиша хиннай.

Тата дича санна хийтта, Наьсарга йиша дIахьежача, цунна бIаргавайнав Наьсарга Iадсаькх тоха кийчлуш воалла Ачамаз. Ше фу дергда ца ховш йисай из, Няьсаргага дIааьлча, уж шиъ вIашагIа валар а кхераш. ЦIаьхха дагадехача йишас кIерам боабаьб. «Хьал-лотабе кIерам»,– Наьсарга аьлча, кIерам лотабаьб йишас. ТIаккха а дIаваханза, ший Iадсаькх Наьсарга тоха воаллаш бIаргавайнав Наьсарга йишийна Ачамаз.

ШозлагIа а боабаьб йишас кIерам.

ТIаккха аьннад йишийга Наьсаргас.

– Кхы из кIерам Iа боабича, аз тураца йоардаргья хьо! – аьнна.

Наьсарг вагIаш хиннав шийна Ачамаз Iадсаькх тоха воаллилга ховшехьа, сов ший курала цунгахьа дIахьажа дего ца вуташ.

КхозлагIа йишас кIерам лотабаьчул тIехьагIа техад Ачамаза Iадсаькх. Наьсарга наькха тIа теха букъах аьшка бухь арабаьннаб, дахчан бухь, хьалхашкахьа ара хиннаб. Из ше теха воаллаше-хьа а дIаведдар Ачамаз. Чехка катеха Iадсаькха хьалхашкареи тIехьашкареи ши бухь каг а баь, ший даьккха цIенсаьн чу латта тур бе а делла, тIехьа веддача Наьсаргас ший коара аравалалехьа тур дийтта вийнав Ачамаз.

КТО ПЕРВЫМ ПОСЕЛИЛСЯ В НЯСАР-КОРТЕ

Там, где ныне расположено селение Нясар-Корт, на одном из холмов с западной стороны первым поселился спустившийся с гор ингуш по имени Нясарг [1].

Он имел длинные усы. Если их связать узлом на затылке, то концы их спускались до самого пояса [2]. Вместе с Нясаргом были его сподвижники.

Опасен и жесток был Ачамаз [3] со своими сподвижниками, жившими вблизи кургана Ачамаза и на кургане Дочери [4].

Ачамаз чинил над людьми насилие, совершал разбойничьи набеги, угонял людей, многих убивал, принося всем большое горе.

Однажды он задумал сделать себе шубу из людских бород. У каждого встречного он сдирал бороду вместе с кожей.

Однажды собрал он всех подвластных ему людей и спросил:

– Чего не хватает моей шубе?

Среди собравшихся были братья, сестры и отцы тех, у кого он вырывал бороды, чинил насилия и убивал. От страха никто из них не посмел сказать, чего не хватает его шубе.

Второй раз спросил Ачамаз:

– Чего недостает моей шубе? Если кто-нибудь отметит хотя бы один недостаток в ней, я не надену ее.

Там была женщина, у брата которой Ачамаз вырвал бороду, а затем убил. Она сказала:

– Мне известно, чего недостает твоей шубе, но что значат слова одинокой женщины?

– Скажи, мне достаточно и слова одного человека,– сказал Ачамаз.

– Этой шубе недостает воротника из усов Нясарга,– сказала женщина.

– Кто пойдет оторвать усы у Нясарга? – спросил у собравшихся Ачамаз.

Толпа безмолвствовала. Ачамаз повторил вопрос, но никто не ответил.

Спросил он в третий раз:

– Кто пойдет за усами Нясарга?

Все боялись ответить. Тогда Ачамаз взял лук и сам направился во двор Нясарга. Вход в дом Нясарга в первой комнате в прихожей был завешен циновкой, которую приподнимали при входе, а войдя опускали. Вход во вторую комнату был свободен.

В этой комнате, где не было двери, в углу стояла шашка. Присев на кровати, Нясарг мыл руки, ему из кумгана поливала сестра, в другой руке она держала горящую свечу.

Услышав шум, сестра Нясарга обернулась и увидела, что Ачамаз натягивает лук, чтобы пустить стрелу в Нясарга.

Она растерялась. Сказать брату не решалась, зная, что они уничтожат друг друга. Внезапно ее осенила мысль – она задула свечу.

Нясарг сказал:

– Зажги свечу.

Она зажгла свечу и вновь увидела Ачамаза с натянутым луком. И снова потушила свечу.

Тогда Нясарг сказал сестре:

– Если ты еще раз потушишь свечу, то я изрублю тебя шашкой.

Оказывается, Нясарг знал, что Ачамаз хочет пустить в него стрелу, но из гордости не хотел даже взглянуть в его сторону [5].

Когда в третий раз сестра зажгла свечу, пустил стрелу Ачамаз. Стрела попала в грудь Нясарга и пронзила его насквозь: железный наконечник вышел через спину, а деревянный конец его торчал спереди.

Пустив стрелу, Ачамаз бросился бежать. Нясарг быстро обломал спереди и сзади концы стрелы, схватил стоявшую в углу комнаты шашку и, догнав Ачамаза, изрубил его прямо во дворе.

Оправившись от раны, Нясарг отправился со своими сподвижниками в поход на Грузию. Они привели оттуда много пленников. Среди них был и сын грузинского князя. Сына грузинского князя Нясарг оставил себе, а других пленников отдал своим сподвижникам.

В течение трех лет он хорошо поил и кормил сына князя, не заставляя работать.

– В течение трех лет ты без всякой пользы для себя поил меня и кормил. Отпустил бы ты меня домой. Я бы тебя отблагодарил в будущем, – стал просить сын грузинского князя.

Нясарг удовлетворил просьбу сына князя. Дал ему коня, оружие и отправил домой.

Через некоторое время Нясарг со своими сподвижниками направился в гости к сыну грузинского князя.

Сын князя с почестями принял Нясарга, устроил ему большой пир. В то время он княжил сам.

Три дня он веселил Нясарга, а затем сказал:

– Я с твоими и своими сподвижниками поеду за добычей. До моего приезда ты побудь у меня дома. Вот тебе ключи. Можешь открыть замки всех дверей, но самую крайнюю не открывай. Если ты откроешь ее, то мы поссоримся.

Оставшись один, Нясарг открыл двери почти всех комнат. Наконец, он подошел к двери крайней комнаты и услышал оттуда стоны. Удивился Нясарг, не стерпел и открыл и эту дверь. Войдя в комнату, он увидел женщину, лежавшую на поднаре, с привязанным на ней мертвецом.

– Лучше бы ты не входил в эту комнату, – стала говорить женщина, – если не хочешь испортить дружбу с сыном князя.

– Что это? Кто ты? Почему сын князя подвергает тебя таким пыткам? – удивился Нясарг.

– Я шла замуж за сына князя. Как только я стала его женой, его взял в плен человек по имени Нясарг. Три года Нясарг одевал и кормил моего мужа. Мой муж, находясь в плену, увидел, что жена храброго Нясарга изменяет ему с пастухом. Теперь он думает, что, если жена храброго Нясарга изменяет ему в его присутствии, то и я изменила ему в его отсутствие с пастухом. Он убил пастуха и привязал его ко мне. Чтобы я не умерла с голоду, мне дают кушать. Вот в каком положении я нахожусь, – рассказала женщина, находившаяся в комнате.

Вышел Нясарг из комнаты и закрыл дверь на замок.

Через три дня ночи вернулся сын князя и привез добычу для Нясарга.

Он поставил перед Нясаргом хороший стол.

Тогда Нясарг сказал:

– Если ты не удовлетворишь мою просьбу, я не начну трапезу.

– Кроме одной, я удовлетворю любую твою просьбу, – ответил сын князя, заподозрив Нясарга в том, что он побывал в запретной комнате.

– Если ты не удовлетворишь мою просьбу, я не начну трапезу, – настаивал Нясарг.

– Начинай трапезу, твоя просьба будет удовлетворена, – дал согласие сын князя.

– Свою жену ты должен любить как раньше и не подвергать ее таким жестоким пыткам, – сказал Нясарг.

Сын князя удовлетворил просьбу Нясарга.

Когда Нясарг собрался домой, сын князя дал ему такое напутствие:

– В обратной дороге ты скажешь своим сподвижникам: «Я не могу ехать дальше, так как сильно занемог. Вы не задерживайтесь и продолжайте свой путь. В дороге может случиться нападение на нас». Они скажут тебе: «Мы не оставим тебя одного». Но ты их обязательно отправь. Тогда они скажут тебе: «Забрать твоего коня и оружие?» Ты им ответь: «Я дал зарок: живым не расставаться с конем и оружием».

Сподвижники отправились домой и рассказали жене Нясарга о случившемся.

А Нясарг к полуночи прибыл домой, шашкой сдернул крючок с двери и заглянул в комнату. Увидя жену, лежащую с пастухом, он потихоньку вышел, закрыл дверь на крючок, а затем громко постучал. Пастух и жена Нясарга быстро вскочили и встретили его так, будто между ними ничего и не было.

Через два-три дня Нясарг созвал людей и сказал:

– Мы трое должны разделиться: жена будет с моим пастухом, а я – один. Наше хозяйство нужно разделить на три части.

– Что это значит? Не с ума ли ты сошел?! – стали возмущаться люди.

Тогда Нясарг сказал:

– Поступайте по моему велению.

После такого раздела на седьмой день от разрыва сердца пастух умер, а на четырнадцатый от разрыва сердца умерла жена.

В 1964 году в селе Насыр-Корт записал З. Гелисханов.
Опубликовано: ГІФ-67. С. 50; ГЭЧИ. С. 385; ССПЧИ. С. 255; ИССП. С. 288.

[1] *Нясарг* – уменьшительно-ласкательная форма от Нясар.

[2] По древним воззрениям, густые и длинные борода и усы являлись одним из признаков силы и мужества.

[3] По Л. Штедеру в 1781 г. уже существовал Ахки-Юртовский хутор, позднее превратившийся в село Экажево, близ кургана Ачамаза.

[4] *Курган девушки (по-инг. «ЙиIий-боарз»)* находится на окраине села Сурхохи.

[5] Презрение к смерти служит идеализации местных героев. Одновременно этим самым выражается и презрение к врагу.

Далее приводится фрагмент варианта приведенного сказания:

* * *

90. НАЬСАР

Дуккха зама хьалха, гIалгIай лоамара арабалалехьа, цар шаьра аренаш дIалаьца бахаш хиннаб черсий. Черсашта юкъе дукха аьлий хиннаб. Аьлаша шоай чаьтараш Iодетташ хиннад гувнаш тIа, гоннахьа чIоагIаленаш а еш. Царна чулатташ дукха есараш хиннад, тайп-тайпарча къамашта юкъера удабеш хьакхийла. Царна юкъе хиннав геттара вIаьхий а волаш, дуккха рузкъа а долаш, сов цу рузкъо курваькkха, нахах дош ца хеташ, шийха бIубенна Ачам-аьла. Цо ше къавенначул тIехьагIа хозала дала доаллаш хоза нускал доаладаьд, шийга рузкъа хиларах. Доаладаьча нускала везаш хиннавац воккха саг, дукха рузкъа долаш из вале а. Нускала дагадоаллаш хиннад, цунцара ше мишта къастаргья ца ховш. Ачам валар догдоахаш хиннад цо. Шераш дIаухаш хиннад, Ачама нускала дагадар кхоачашхулаш хиннадац. Цхьан бус ший нускал маьлхара бIаргадайча хаьттад цо:

– ХIаний хьо селла маьлхара? – аьнна.

Цо шийга хаьттачоа нускало жоп деннад:

– Аз ю хьа гIайгIа, хье аьла воллашехьа а хьона тIакхулла ферта, есарий яр мо хиларах, хIана аьлча, хьо аьла хилча хьона тIакхолла ферта, хьа есарий йолчул дикагIа хила еза. Аз хьона дика ферта ергьяр Iа сона хьайоахаш наьха можамаш кхухьаре. Цу можамех дика ферта хургьяр аьнна хетт сона.

Цу замах къонахаша массане а можамаш лелаеш хинний. Модж йоацаш вола саг доастама, бер мо лоархIаш хиннав. Цудухьа массавар а можамаш йолаш хиннав. Ачама сесага дагадехад ший мар вийта аьнна, из модж яккха аьнна волавелча. Цо лаьрхIад, ший мар низ болаш саг вале а, ше ферта хьаяь ялалехьа цхьа къонах коравоагIаргва-кх, из шийна Ачама деш дола эхь ловргдоацаш, из вувргволаш, аьнна. Денош а дIаухаш хиннад. Ачама хьайоахаш можамаш кхухьаш хиннай. Ферта яь яьнна яла йоаллаш хиннай, кач мара бе ца безаш. Ше лаьрхIа хIама кхоачаш ца хулаш, цу гIулакха чIоагIа гIайгIане даха лелаш хиннад Ачама нускал.

Цхьан Iурра, сомий беша Iохайна дагIаш, Ачама нускала говра тIа вагIаш дегIа кепа тоавенна, кIор мо Iаьржа модж йолаш, цхьа саг вайнав. Цо ший марага саг вахийтав тахан вай наIарга гIолла Iовахача баьречун Iа модж яхьаре, аз хьа ферта дика кач бергбар, аьнна. Нускала дага хиннад, цу саго вуввалара Ачам аьнна, из ший

модж яккха аьнна наIарга веча. Из чIоагIа гIадйодаш хиннай цунна илла йIаьха шалта дагаехача. Ачама сесага цу Iурра бIаргавайнар хиннав Наьсар. Наьсар хиннав лоамара араваьнна гIалгIа, хIанз Наьсаре яха юрт йолча вахаш хиннав из. «Наьсаре» цун цIерах я йоах боккхийча наха. Дукха жа долаш хиннав из. Ший новкъост ваь, веший волаш мо лелавеш цхьа гурже хиннав цун, ше есар да вахача вига воалаваь. Цо из Iомаваьв хьаьшашта гIулакх де, кхы хIама дайташ хиннадац цо цунга. Цунна из везаш хиннав ший воша мо. Иштта саг хиннав сесаго модж яккха аьнна Ачам вахийтар. Ачам наIарга венав Наьсара.

Наьсара хьаараваьнна чувийхав Ачам новкъостий а тIехьа. Ачама салам а денна аьннад.

– Со венав, Наьсар, хьа модж яхьа,– аьнна. Наьсарс Ачама яхачунга ладийгIа аьннад:

– ДIавала, Ачам, бегаш ца беш, Iа дувцар-м къонаха вовхарал а вогIа ма дий, Iа бераш бегаш ба, вайна дикагIа да Iохайша хьа новкъостий а тIехьа чудаха воашта дика хьийгача. Шо са хьаьший да, шун гIулакх де дезаш со ва. Шун гIулакха Iотехха устагIа бийта, шо дахкара гIадваха, шоана духьала венав со, Ачам.

Ачам, цо дувцачох дош ца хеташ, Наьсара модж яккха аьнна тIакхайдав. Шийца Ачама леладеш дола гIулакх бегашта доацилга хайча, хьаяькхка шалта теха вийнав цо Ачам.

Ачам ала аллийта, кхерабенна байддаб цун новкъостий. Наьсар ше цхьаь хиларах чIоагIа гIайгIа еш хиннав. Цунна ховш хиннад ше вийнар вIаьхий саг хилар, шийна из вутаргвоацилга. Цудухьа чIоагIа гIайгIа еш хиннай цо. Наьсар гIайгIане волаш, хIама ца дуаш, лелаш шийна бIаргавайча, гуржечо аьннад:

– Наьсар, Iа со сай даьх-наьнаха ваькхка хьавоалавеча хана сона моттар, Iа со Iу ваь чулоаттаве воалавеш санна, Iа сох Iу вин-зар, Iа сох саг вир. Iомадир Iа сона наьха эхь-эздел, хьаьшашта гIулакх де Iомавир Iа, цул совгIа хьай воша вир Iа сох. Ер ха, ер гIулакх тIадалцца, сай да-нана долча цIаваха безам боллашехьа а хьо сайна везарах Iийнавар со хьоца. ХIанз вай шиъ са да-нана, вежарий болча дIадаха деза. Са къама дика хов ший моастагIа вар е моастагIа воацар вовза. Хьо тха моастагIа вац, хьо са воша ва, хьона гIулакх дергда са дас нанас.

НЯСАР

Жил некогда весьма горделивый князь Ачам. Он был богат, обладал большими сокровищами и потому возгордился так, что перестал считаться с людьми. Богатство помогло ему, старику, жениться на молодой красавице. Как он ни был богат, она все же старика не любила и все прикидывала, как от него избавиться. На то, что он вскоре помрет, она перестала надеяться. Так проходили года. Как-то она сидела задумавшись. Ачам спросил ее:

– Отчего ты печалишься?

Она ему ответила:

– Я печалюсь из-за тебя. Ты князь, а одет, как раб. Будучи князем, тебе и положено обрядиться лучше, чем рабу. Я бы скатала для тебя хорошую бурку, если бы ты приносил мне бороды, снятые с мужчин. Из этих бород, думаю, получилась бы хорошая бурка.

В те времена все мужчины носили бороды. Безбородый считался ничтожным и женоподобным, поэтому все мужчины и были бородатыми. Жена Ачама надеялась, что при срезании бород кто-либо из мужчин сумеет постоять за себя и убьет Ачама. Как бы ни был силен ее муж, жена полагала, что найдется более сильный, который не потерпит позора и убьет Ачама. Дни шли за днями. Ачам срезал и приносил мужские бороды. Вот уж скоро и бурка будет готова. Осталось приладить ей ворот. Мечта ее не сбывалась, и она продолжала горевать.

Однажды, сидя в саду, жена Ачама увидела мощного всадника, у которого была окладистая густая черная борода. Послала она слугу к мужу передать ему, что если он принесет бороду этого мужчины, то из нее получится хороший воротник для бурки. Она и тут надеялась, что уж этот мужчина наверняка убьет Ачама, когда тот явится к нему за бородою. С радостью вспомнила она и большой кинжал того незнакомца. А им был, оказывается, Нясар. Он был галгаевцем, спустившимся с гор и основавшим поселение Назрань. И названо оно, как утверждают, по его имени. Были у него большие отары овец. Таков был Нясар, на которого жена натравила Ачама. Пришел Ачам к воротам Нясара. Вышел он и пригласил Ачама и его сподвижников в гости.

Ачам же, ответив на приветствие, сказал:

– Нясар, я пришел снять с тебя бороду.

Услышав эти слова, Нясар сказал:

– Да ладно, Ачам, брось эти шутки! Ведь то, что ты говоришь, хуже позора. Хватит вести пустые разговоры, лучше войдите в мой дом, и мы, весело пируя, проведем время. Вы мои гости, и я обязан проявить к вам достойное внимание. Увидя вас, идущими ко двору, я, радуясь, указал прирезать овцу и лишь затем вышел вам навстречу.

Не удостоив его ответом, Ачам прямиком потянулся к его бороде. Поняв, что Ачам далеко не шутит, Нясар выхватил кинжал и насмерть поразил Ачама. Оставив лежать убитого Ачама, его сподвижники тут же разбежались...

(Вторая часть этого текста опущена, поскольку она никакого отношения к сказанию не имеет).

В 1964 году от 68-летнего жителя аула Ольгетты Ахмета Эшиевича Евкурова записал А. Мальсагов.
Опубликовано: ГІФ-67. С. 120.

* * *

91. ХАМЧИЙ ПАТАРЗИ, СЕСКА СОЛСЕИ, БАТКЪА ШИРТКЪЕИ

Хамчий Патарзи, Сеска Солсеи, Баткъа Ширткъеи дотта1ий хиннаб. Дилла цхьана лелаш хиннаб уж наьрташ.

Цкъа новкъа болхаш ч1оаг1а мецбеннаб. Болхаш, цхьа йоккха саг йолча хьоашал нийсбеннаб. Йоккхача саго хьаьшашта даа х1ама кийчде, аьнна, боккха яй кхаэллаб. Т1ормига чура хьаийца цхьа коана хьоарах хьалт1амаш яьй цо, дулхах цхьа п1енда чукхессаб яь чу.

«Даьллахьий, ма ц1аьрмата саг я ер, фуд укхо леладер!» – аьлча санна, в1аший б1арахьежаб новкъостий. Даа х1ама хьадаьлча, берригаш биззал яа х1ама хиннай цох. Хьаьшаша хаьттад:

– Ай, ма тамашийна х1ама да ер, иштта к1езигача дулхахи хьалт1амехи тхо дерригаш диззалца яа х1ама хилар?

– Беркат хиннача хана леладаьча рузкъах диса хьоари дулхи да ер,– аьннад йоккхача саго.– Цудухьа да ер иишта беркате даар.

ХАМЧИЙ ПАТАРЗ, СЕСКА СОЛСА И БОТКИЙ ШИРТКА

Нарты Хамчи Патараз, Сеска Солса и Боткий Ширтка были друзьями и постоянно странствовали вместе.

Как-то в походе они крепко проголодались. Стало темнеть, и на ночь они остановились у некой старухи. Чтобы приготовить ужин для гостей, хозяйка повесила над очагом большой котел. Достав из торбочки горсть муки, она из нее наделала гору галушек, а в котел бросила всего одно ребро мяса.

Как бы говоря: «Боже, какая она скупая. Что она делает?» – нарты недоуменно поглядывали друг на друга.

Когда же ужин был готов, то еды с избытком хватило на всех. Гости поинтересовались: «Все это достойно удивления: ведь мы все насытились от столь малого мяса и муки!» – «Эти мясо и мука остались от прошлых благодатных времен. Потому-то еда и оказалась столь сытной и обильной», – ответила старуха.

В 1972 году от 87-летнего жителя Назрани Абдул-Мажита Соит-Алиевича Таутиева записал А. Танкиев. Опубликовано: ГІФ-91. С. 14.

Эта современная запись отличается от многих других вариантов сказаний о самоубийстве нартов тем, что здесь отсутствует указание на то, что виною исчезновения благодати были именно сами нарты.

* * *

92. ФАЬРА ХЬАЗИЛГ

Мецхалой шахьар тІа цхьан хана фаьра хьазилг бІи баьллаб. Цудухьа цІаккха ялат ца довш, доахан дика отташ, беркате хиннад Іарамхина дехьара а сехьара а лаьтташ. Цкъа воча хІамах хьаж ца йоагІача наха бІи бохабаь эккхадаьд фаьра хьазилг. ХІаьта дахад из цу мехкара. Мехкара додача фаьра хьазилга ткъам кхийттаб Лаьчахой лаьттеи Балте гІала латтачеи. Уж моттигаш хІанза а беркате я. Бийса Лаьрса якккхай хьазилга, бІи ГуржегІа беллаб.

БЛАГОДАТНАЯ ПТИЧКА [1]

В Мецхальском шахаре [2] однажды свила гнездо благодатная птичка [3]. Поэтому там всегда бывали высокие урожаи. Земли по обе стороны реки Арамхи были плодородные, и на них пасли скот.

Однажды ничем плохим не брезгающие люди разрушили гнездо и изгнали благодатную птичку. Она улетела из той страны. Улетая с тех мест, благодатная птичка коснулась крылом земли лячхойцев и места, где стоят башни в Балте [4].

Эти места до сих пор благодатны. Заночевала птичка в Ларсе, а гнездо свила в Грузии.

---

[1] В 1920 году от 75-летнего жителя аула Фуртоуг Генардуко Ахриева записал Дошлуко Мальсагов.

Опубликовано: Дега гІоз: Литературный сборник ингушских писателей. Фрунзе: Киргизское гос. изд-во, 1957. С. 244; ГЭЧИ. С. 331; МЛВ. С. 182.

[2] *Мецхальский шахар* – горное общество.

[3] *Благодатная птичка* – архаизм «фяра», иранизм, некогда обозначал благодать, обилие, счастье. Позднее слово «фяра» было вытеснено словом «беркат» (благодать, благополучие). Текст примыкает к сказаниям об исчезнувшей благодати.

Благодатное место в этом мифе связано с башенным комплексом Мецхал. Вероятнее всего, этот аул ранее назывался Мерцхал, через «р». Птицу стриж ингуши и грузины называли «мерцхал» и считали ее благодатной, приносящей счастье и обилие земных благ.

[4] *Балта* – ингушское село на Военно-Грузинской дороге.

93. ТКЪОБІАЬ-ЕРДЕ ЛАЬТТА БОККХИЙ НАХ-КХЕЛАХОЙ

Вай лоам чу да латташ ТкъобІаь-ерда яха элгац. «ТкъобІаь» яхар «ши эзар» яхалга да. Цу элгацах из цІи тилара бахьан хиннад цигач тІекъа ши эзар цІен тІара нах хиларах, йиъ шахьар тІара: ГІалгІай, Чулхой, Цхьорой, Фаппий. ТкъобІаь-ерде вІашагІкхеташ хиннай «мехка-кхел».

Элгаца юхе дилла бахаш хиннабар халкъо хержа бола, хьаькъал дола, дуне дайза бола боккхий нах. Мехко кхоабар уж. Мишта кхобар, аьлча, молагІа метте саг йигар-йоалаяр дІадоаллашехьа керда хьахиннача дезало кхаь денна кхаба безаш хиннабар уж. ТкъобІаь – ердана дІаулача бай тІа била ши го хиннабар – цхьа го шоллагІча гона чу болаш. Боккхачеи зІамагІчеи шин гона юкъе готтига оаса мара хиннабацар. Боккхача наха зе а зувш, цу оасан тІа халхабала декхарийла хиннабар керда хьахинна найци нуси. Халхабувлача хана цар бокъо хиннаяцар ког хьокхабалийта е чурча е арарча гонах. Ког хьокхабенна моттиг хоалушшехьа, боккхача наха-кхелахоша оалаш хиннад: «Э-э, нарто!» Из яхалга хиннадар халхабувлачарех цхьанне го бохабаьлга. Из гІалат даьлча, найц декхарийла хулар, юха а хьатІадоагІача шера боккхача наха кхаь денна шу лоаттаде а, юха а цу шин гона юкъе халхавала а. Иззаморг шу-шерга дала а мегар, халхар нийса далцца.

СТАРИКИ-СУДЬИ У ХРАМА ТКОБЯ-ЕРДЫ

В горах есть храм Ткобя-Ерды. Ткобя – это значит «двадцать сотен», то есть, как говорят сегодня, две тысячи. Так этот храм назвали потому, что в нем молились представители двух тысяч семейств [1] из четырех обществ: Галгай, Чулхой, Цхьорой, Фяппий. У Ткобя-Ерды находился мехка-кхел – суд страны.

При этом храме постоянно проживали избранные народом умудренные жизненным опытом старики. Стариков-судей содержал народ. А делалось это так: каждый жених после свадьбы обязан был обеспечить содержанием стариков на три дня. Кроме того, близ храма Ткобя-Ерды были начерчены два круга: поменьше в центре, побольше с внешней стороны. Молодожены обязаны были в присутствии судей станцевать в той полоске, что находилась между двумя кругами. Если кто из танцующих хотя бы и слегла задел ногою линию одного из кругов, внутреннего или внешнего, то старики восклицали: «Э-э, нарто! [2]». Такой возглас обозначал, что кто-то из танцующих нарушил линию. А жених тогда обязан был по прошествии года вновь дать содержание старикам на три дня и вновь станцевать с женою по этому кругу. Такое могло повторяться ежегодно, пока пара не станцует безупречно [3].

В 1981 году по памяти записал житель сел. Яндиево, Мусса Терсботович Албаков.
Опубликовано: ССПЧИ. С. 355.

[1] Это народная и здесь неправильная этимология названия храма. Древнейшее его название – Храм глаза бога Ткъа.

[2] Представляется, что подобное танцевание есть отголосок нартской игры «Танца по краю котла». «Нарто» означает «неполный нарт».

[3] Вряд ли этот процесс мог длиться годами, но предание отразило какие-то ритуальные действия и какую-то материальную поддержку маломощных старцев-судей, постоянно находившихся при храме и решавших некоторые мирские тяжбы. Эти старцы не являлись членами мехка-кхела.

94. ГІАЛГІАЙ ЛЕГЕНДА

Шийна тІехьа кховзткъа кхоъ эзди а волаш, цхьан хана къона аьла чарахье ваха хиннав. Чарахьалах сов чам бенна, гаьнна, хьуна юкъе кхаьчар из. Сайрийна цІабаха ераш тохабелча, шоаш тувлабенналга хайра царна. Цу къорача хьунагІа дІай-хьай леларах, хьунагІара арабал мегадац царна. КІаьд а венна, цхьан метте дІаэттар аьла. Гонахьа хьежа ваьлар: моллагІа цхьа адам дахаш йола фусам шийна бІаргагар догдоахаш. ЦІаьхха байра цунна гаьнна хьунагІа хенашта юкъе гІолла хьувзаш урагІабода биткъо сийна кІур. Из бІаргабайна гІад а ваха, аьлас цигахьа дІалаьллар.

ДІагарга кхаьчача, аьлана бІаргадейра цхьалха цхьаь латта цІалг. Дын тІара а весса, цІагІа чу ваьлар из. Цу цІеношка хьалхара цІа даьсса дар, цу магІахье ийнаш тІа дІаэтта латташ бола кхокха боацар кхы хІама дацар. Аьла шийна бІаргавейча, наІара санагІа дехьакхоссабенна, лоалахарча цІагІа къайлабаьлар кхокха. Аьла а дІачуваьлар цу дехьарча цІагІа. Циггач аьлана бІаргадайра кхокхо шийна тІера бедараш Іокхувсаш, тІаккха кхокхах хьахилар дала теха хоза йоІ. Аьла цецваькхар цун хозало. Аьлас лаьрхІар, ший хозалга хьежжа хьинар долаш из йоІ хуле, из шийна дІайига. ВІаший хаттараш де уж баьлча, аьлас аьлар йоІага:

– Хоза йоІ, соца ва кховзткъа кхоъ эзди. Таханарча Іуйрангара дІайолаенна малх чубиззалца йолча юкъа царна массанена когагара кертага кхаччалца дегІа эшаш мел бола гІирс кийчбаь хьо йоале. Аз маьре югаргья хьо.

Эйхье йист хулаш, шийга аьнначоа раьза хилар йоІ. Дукха ца говш болх бе дІайолаелар из. Малх чубизалехьа аьлан мел волча эздечоа цо тийгар кийнаш, чокхеш, гІовталаш, пезг-маьчеш. Малх чубузаш, цхьа маьчи яр цун теганза йиса. ХІаьта малх-м цхьаккхача хІаманга хьежаш бац, ший наькъагІа сихбенна Іолохлуш боагІа. ТІаккха Даллана текъам бир йоІо, лоацача цхьан юкъа малх соцабе, из маьче ше тийга яьллалца, аьнна. Даллас жоп а денна,

малх цхьан метте дIаэттар. Ший декхар кхоачашдаь яьлар йоI, аьлан мел волча эздечоа ше хьабаь бола бизза дегIа гIирс дIабелар цо аьланга.

Шийга тайна нускал шийна корадаь, дег тIара раьза хилар аьла. ШоллагIча дийнахьа цIа а баха, доккха хьоалчагIа оттадир. Кхаь денна гаьндаьлар из.

ХьоалчагIа дIадаьлча, ший нускал долча цIагIа чу вахар аьла. Саьнга наIара йисте дIаэтта латташ дар нускал, цIен юкъе кхо ког болча шуна тIа даахIама латтар. Цу тIа дар ховха устагIан дулх, кортеи накхеи тIехьа. Шу тIа латтар малара шуша а. ХIама кхалла дагахьа аьла шунага хайра. ХIа, аьнна, шунах цун кулг кхетташехьа, корах цхьанне хIама техар. Цу сахьате вагIачара дIаарийккхар аьла, бIарччача бийсах цхьанахьа лийлар аьла. Сатоссаш мара цIаванзар. Чуваьлча, шийга хьежаш латтача нускалга дIа ца хьожаш, е цунга дош ца оалаш, тIера хIама Iо ца йоаккхаш, воддашехьа маьнге тIа дIавижар. БIарччача денна, боад берзалца наб йир цо.

Хьасома а ваьнна, кулг-юхь а дила, юха шунага хайра из. Дуачунга кулг цо дIакховдадешшехьа, дIаяхача бийсанна санна юха а корагIа лаьгIо хIама техар. ДIаара а ийккха, бIарччача бийсанна къайлаваьлар аьла. Iуйранна, сатоссаш, юхавера. Сагага йист ца хулаш, наб е дIавижар. Цун нускали цо кийчадаь шуи хьогга санна латташ дар. Цунга аьла кховдашехьа, хьалхарча шин бийсах санна хилар.

Мичча бесса хайнаделе а, аьлий даьнеи наннеи дIахайра шоай воI бийсаш цIагIа йоахаш воацилга. Шоай несийга хаьттар цар цу дешах цунна ховш фуд. Ше долча бесса хьадийцар цо. ТIаккха даси нанаси кIийле е лаьрхIар. ЙиълагIча бийсанна наIара тIехьашка дIаэттар уж. Хьалха санна корах хIама техар, из хеза, шоай воI араэккхашехьа, цар хьалаьцар из. Къона аьла, даьгеи наьнагеи хIама ца оалаш, тата даьча оагIонгахьа карараваля гIертар. Бакъда, даси нанаси из чIоагIа лаьца хиннавар. ТIаккха шозлагIа а тата дир корах. Кхы а чIоагIагIа тоссавенна, воI карараваьлар. Цигач даьнеи наннеи бIаргавайра кора кIала латташ вола лакхарча дегIара воккха саг, йIаьха кIай модж а йолаш, дегIа тIа кIай дувхар а долаш. ВоIах каетташ боахка цун даи нанеи бIаргабейнача воккхача саго аьлар царга:

– ДIахеца. Из сона тIехьа а волаш, дIадаха дезаш да тхо. Ер бIаргаго шоай безам бале, кхоана укх хана, шоашца нускал а доаладеш, хьадувла юртал арахьа латтача боарза тIа. – Из аьнна воаллашехьа, изи, цо аьннар деш, цунна тIехьаваьнна къона аьлеи дIабаха къайлабаьлар.

ШоллагIча дийнахьа, шоашта йиллача хана, даи нанеи, царна тIехьа нуси юртал арахьа латтача боарзага бахар. Цун бухье ераш баьлча, акхарна бIаргаейра цу тIа йоагаш йола йоккха цIи. Цу цIера ала нийсса урагIа бодаш, сигала дIакхоачар. ЦIера юхе лат-

тар из воккха саги аьлеи. ХьатIавенача аьлий даьга хьа а вийрза, воккхача саго аьлар:

– Со Маьлха да ва. Ер дуне кхеллача хана денна хIарача дийна-хьа ший ханнахьа цIаухар са воI. ХIаьта цкъа нийсаделар из ший ханнахьа чу ца воагIаш. Хьа виIий бехках хилар из: цун нускало, малх чубизалехьа ший болх чакхбаккха дага йолча, Даьлагара дийха хиннадар чу ца бужийташ, малх цхьан юкъа соцабайтар. Ер дуне кхеллачоа хезар цо дийхар, Даллас жоп а денна, са воI Малх ханаза цIакхаьчар. Цу бахьанца хьа виIийна бекхам бу аз. ХIарача бийсах хьалйоагача цIерах йолча сай паччалькхе дIакхувларгва аз... Сатоссаш мара юха дIацIа а вохийтаргвац. Юхавойташ, матара ухаш а хургва из. Хьайна хьай воI везе, цу Iазапах из кIалхараваккха хье дага вале, укх йоагача цIера юкъе дIачувала.

Дас дукха дийцар воI шийна мел дукха веза, бакъда, цу йоагача цIера юкъе вала тиганзар. ТIаккха воккха саг дIавийрзар аьлий наьнагахьа. Цо а дукха дийцар наьна ший виIица болча безамах, воIах болча къахетамах, бакъда, цIера юкъе яха-м тиганзар. Цул тIехьагIа несийга кхаьчар дош. Цунга йист хилар Маьлха да:

– Хьай мар хьона дукха везе, цунна тIаэттача Iазапах из кIалхараваккха хьай безам бале, кхы юха ца гIерташ, укх цIера юкъе дIачуяла, – аьлар цо.

Корта Iочуберзабаь, эхь хеташ, ший маьр-даьнеи маьр-наннеи хьалхашка бехказа а яьнна, кхы совнагIа хIама ца оалаш, керта тIара киси юхьа IотIа а эза, шорттига цIерала юкъе яьлар. Цо гIа боаккхашехьа а, хьалйоагача йоккхача цIера ала дIа-са бекъабелар. ХIаьта нус, цIерах цхьаккха зе шийна ца хулаш, кIай бIалгIа санна латтар цу боарза бухье.

– Хьа безам цIерал низ болашагIеи цIенагIеи ба. ДIавига хьай мар. Хьайна из воагIаш волга хайтад Iа. Укх дунен беркатора духьа хьох дIадолалургдоа кхалнаьха фу белггала хилда ший дог цIеналцеи-эздельцеи, – уж дешаш ше аьнна ваьлча, Маьлха да, цу цIерала дIаюкъе а ваьнна, цун аьланца воддашехьа дIавахар ший цIерах хьалъяьча паччахьалкхенгахьа.

ГАЛГАЙСКАЯ (ИНГУШСКАЯ) ЛЕГЕНДА[1]

Однажды охотился молодой князь со своей дружиной из 63 человек. Увлекшись охотой, он далеко забрался в лес, а когда к вечеру хотел вернуться домой, увидел, что заблудился. Долго старался он выбраться из леса, но никак этого не мог сделать. Тогда он, усталый, остановился и стал озираться кругом в надежде увидеть хоть какое-нибудь человеческое жилище. Вдруг он заметил вдали тонкую струйку синего дыма, медленно поднимавшуюся вверх между деревьями. Князь обрадовался этой находке и направился туда. Когда он подъехал близко, он увидел среди леса одинокую саклю. Князь слез с коня и вошел в нее. Сакля была пуста, только в углу на полу сидел голубь. Последний, увидев вошедшего князя,

перепрыгнул через порог и перескочил в другую, соседнюю комнату. Князь последовал за ним и увидел, как голубь, скидывая с себя перья, стал превращаться в девушку необыкновенной красоты. Князь, пораженный невиданной красотой, решил про себя, что женится на ней, если у нее окажется энергия, соответствующая ее красоте.

И он сказал ей так:

– Красавица, со мною 63 моих дружинника, если ты успеешь с ног до головы одеть их, сшив им до заката солнца полное одеяние, то я женюсь на тебе.

Красавица застенчиво ответила согласием и принялась за работу. До заката солнца она сшила для дружинников князя всем папахи, черкески, бешметы, ноговицы и чувяки, за исключением только одного чувяка, один чувяк остался у нее не сшитым. А солнце не ждет, оно опускается все ниже и ниже. И вот она просит Бога остановить ход солнца на одно мгновение пока она не дошьет последний чувяк. Бог внял ее молитвам, и солнце стало на месте. Девушка исполнила свою задачу и передала князю полное одеяние для всей дружины. Князь считал себя счастливым, что нашел себе достойную невесту. На другой день он уехал домой и сыграл богатую свадьбу. Трое суток продолжался свадебный пир.

По окончании свадьбы князь направился в комнату невесты. Когда он вошел, то увидел: в углу, около двери, стояла его невеста, посредине комнаты на низком трехножном столе стояло полное блюдо из молодого барашка с грудинкой и головой и бутылка напитка. Князь подсел к столу, чтобы закусить. Но как только он дотронулся до блюда, вдруг в окно раздался стук. Князь выскочил из комнаты и исчез на всю ночь. Вернулся он домой только на рассвете. Когда он вошел в комнату, он не посмотрел на невесту, которая продолжала стоять на своем месте, и, не сказав ей ни слова, добрался до кровати и, не раздеваясь, завалился спать. Проспал он мертвым сном весь день до самой ночи. Проснувшись, он привел себя в порядок и опять подсел к столу, чтобы закусить. Но не успел он дотронуться до еды, как снова, как и в прошлую ночь, раздался таинственный стук в окно. Князь вскочил и исчез опять на всю ночь. Вернулся он только утром и безмолвно, не произнеся ни слова, завалился спать. Его невеста и блюда по-прежнему продолжали стоять на своих местах. В третью ночь повторилась опять та же история.

Проведав о таинственных стуках в окно и исчезновениях сына по ночам, родители князя, отец с матерью, явились к невесте и расспросили ее обо всем. Невеста рассказала, как же все происходит. Тогда отец с матерью решили подкараулить. На четвертую ночь они спрятались за дверью, и когда в урочный час раздался таинственный стук в окно и когда на стук выскочил их сын, они схватили его. Молодой князь молча, не произнеся ни одного слова, рвался к месту стука. Но родители держали его крепко. Тогда раздался еще раз стук. Сын рванулся сильнее, вырвался из рук родителей

и молча выскочил во двор. За ним выскочили и его родители. Тут они на крыльце под окном увидели высокого старца во всем белом одеянии с длинной белой бородой.

Увидев родителей, не пускающих сына, старец сказал им:

– Отпустите его, он должен следовать за мной. Если захотите его видеть, завтра в эту пору приходите с его невестой на курган, который стоит за аулом.

С этими словами старец исчез вместе с молодым князем, который безмолвно последовал за ним.

На другую ночь к назначенному времени отец с матерью и невестой направились к кургану за аулом. Когда они поднялись на вершину кургана, они увидели огненный столб пламени, который своей верхушкой упирался в небо.

У огня стояли старец с молодым князем. Старец обратился к отцу и сказал ему:

– Я отец Солнца. С сотворения мира мой сын Солнце всегда возвращался ко мне аккуратно в свое время. Но случилось однажды, что он не пришел ко мне в свое время. Случилось это по вине твоего сына: его невеста, чтобы докончить свою работу до заката солнца, обратилась к Богу с просьбой на время приостановить закат солнца. Молитва ее была услышана творцом мира, и мой сын вернулся ко мне с запозданием. За это я решил мстить ему. Каждую ночь я буду забирать его в мое огненное царство. Домой я буду отпускать его лишь на рассвете и то в безмолвном сонном состоянии. Если любишь его и хочешь его спасти, иди в этот огонь.

Отец молодого князя много наговорил о своих чувствах и любви к сыну, но в огонь не пошел. Тогда старец обратился к матери. Она также много говорила о своей материнской любви, о своих чувствах к сыну, но идти в огонь также отказалась. Наконец настала очередь невесты.

Отец Солнца обратился к ней:

– Если ты любишь и хочешь спасти своего жениха, иди в огонь, – сказал он ей.

Невеста ничего не сказала, скромно извинилась перед родителями жениха, молча закрыла глаза своей фатой, спокойно, тихо вошла в пламя. Пламя сразу расступилось, и невеста невредимая, как белый призрак, стояла одна на верхушке кургана.

– Твоя любовь чище и сильнее огня, бери своего жениха, ты заслужила его. Пусть для счастья земли от тебя пойдет особый сорт стыдливых, чистых женщин, – сказал отец Солнца и исчез в свое огненное царство.

---

[1] Текст записан Магометом Ижиевичем Джабагиевым в конце XIX века.

Стилистически текст подвергся некоторой литературной обработке, но сохранена его мифологическая основа. Это единственный текст в ингушских сказаниях, в котором утверждается, что у Солнца имелся отец-

бог. Его внешний облик сродни ингушским представлениям о языческих богах и патронах, которые представлялись в облике белобородых старцев, одетых во все белое. Текст примыкает к солярным культам, имеющимся в местном эпосе.

Текст взят из личного архива Магомета Джабагиева (г. Париж).

Опубликовано: МЛВ. С. 249. Текст гIалгIай меттала яьккха я.

* * *

95. ЛЯЛ-СУЛТА

Лял-Султа был белее снега.

Жил некогда великий царь, у него была только одна единственная дочь, уже взрослая. С самого дня рождения он держал ее в запертой комнате, никому не позволял видеть ее и входить в ее комнату; только одна рабыня имела к ней доступ. Так царская дочь выросла, не видав ни разу ни людей, ни света; ее ежедневная жизнь была однообразна; даже пища, состоявшая из мяса без костей и хлеба без корки, все была одна и та же. Раз царь позволил рабыне отнести дочери мясо с костью и хлеб с коркою, царская дочь была удивлена.

Она не могла скрыть своего удивления от рабыни и сказала:

– Я не знала до сих пор, что мясо бывает с костью и хлеб с коркою.

Очистив кость, царская дочь ударила ею о стену своей комнаты и пробила окно, через которое в первый раз проник в ее комнату солнечный свет. Она еще больше удивилась солнечным лучам. Она посмотрела на двор через окно и увидела молодых людей; одни из них играли в снежки (было зимнее время), другие делали снежные горки, чтобы перепрыгивать через них. Царская дочь отметила особенно двух молодых людей, говоривших горячо о чем-то. Она приложила ухо к окну, чтобы подслушать их разговор. Ее уху послышалось только, как один из них предлагал другому найти что-нибудь белее снега; на это другой ответил, что белее снега – только один человек в мире. «Кто он этот человек?» – спросил первый. «Это Лял-Султа», – сказал второй. При имени Лял-Султа в голове царской дочери начал рисоваться самый красивый образ Лял-Султа. Она поклялась непременно выйти за него замуж. С этого времени она сидела в своей комнате задумчива и угрюма.

– Что говорит наша дочь? – обратился царь к рабыне его дочери.

– Дочь ваша, – сказала она, – была чрезвычайно удивлена, что мясо бывает с костью и хлеб с коркою.

Затем она рассказала царю, как дочь его пробила окно костью, как она посмотрела через окно на двор и увидела молодежь, игравшую в снежки, как она подслушала разговор двух молодых человек и услышала от них имя Лял-Султа, при этом служанка не упустила

случая сказать царю, как дочь его обещала выйти непременно за этого Лял-Султа...

Царь побагровел.

– Как?! – вскричал он. – Дочь моя помышляет выйти замуж без моего позволения? Еще за какого-то Лял-Султа? Она хочет меня осрамить в горах перед ханами, на плоскости перед князьями! Я ее погублю!

Он велел принести бочку с железными обручами, посадил в нее свою дочь и пустил бочку по реке. Бочка была выброшена рекой около мельницы. Хозяин мельницы нашел эту бочку и, когда вскрыл ее, к удивлению увидел в ней девушку. Лицо ее и все тело блестели белизной.

Мельник отправил ее в свой дом. Жена мельника приняла свою гостью холодно. В ее голове сейчас родилась мысль, что муж ее сделает эту девушку своей женой, а ее бросит. Она стала ревновать своего мужа и решилась спровадить куда-нибудь свою соперницу. Но жена мельника сочла благоразумным прежде узнать прошедшую жизнь своей гостьи. Она обратилась к девушке с вопросами: «Есть ли у нее отец? Кто он? Как она попала в бочку?»

– Отец мой, – сказала девушка, – великий царь. Он воспитывал меня соответственно моему положению, то есть я сидела в своей комнате, не видела ничего, кроме четырех стен комнаты и своей прислужницы. Однажды подала мне рабыня в первый раз мясо с костью; очистив эту кость, я ударила ею о стену своей комнаты и пробила окно. Я имела любопытство посмотреть на свет через это окно и подслушать разговор двух молодых людей о Лял-Султа. Я имела неосторожность произнести при рабыне клятву выйти замуж непременно за Лял-Султа. Рабыня передала это моему отцу. Он прогневался на меня, что я осмелилась выбрать сама жениха, да еще неизвестного; он посадил меня в бочку и пустил по реке.

Произнеся эти слова, царевна горько заплакала. Жена мельника увидела в царевне, после ее рассказа о своей жизни, вовсе не опасную соперницу, а слабую девушку, с которой можно сделать все, что угодно. Поэтому она решилась соединить эту девушку с Лял-Султа. Она утешала царевну, говоря ей, что желание ее выйти замуж за Лял-Султа сбудется, так как Лял-Султа доводится ей двоюродным братом, и он часто ездит к ней.

– Подожди, – добавила она, – завтра или послезавтра он приедет навестить нас, тогда уладим твое дело.

Лял-Султа приехал на другой день к мельнику. Жена мельника приняла его холодно, делая вид, что она из-за чего недовольна им.

– Ты из-за чего-то недовольна мною? – спросил ее Лял-Султа.

Она сказала ему, что недовольна им и будет выказывать свое неудовольствие до тех пор, пока он не возьмет за себя замуж эту девушку (указывая на царевну), которая потерпела столько бедствий.

– И все это через тебя, – добавила она.

Лял-Султа сказал ей, что он никогда не женится, что он имеет на это свои причины.

– Если ты не женишься на царевне, то я прерываю всякие родственные отношения с тобой, – прибавила она.

Лял-Султа тотчас уехал от мельника и обещал не приезжать никогда.

На дороге ему встретился ногайский князь, Батерха. После обычного саляма Батерха спросил Лял-Султа, откуда он едет. Тот сказал, что едет от мельника, что он поссорился с его женой за то, что та требовала от него жениться на царевне; что он отказался жениться, так как не верит в любовь женщин, в их привязанность и всех их считает лицемерными созданиями.

– С какого времени ожесточилось твое сердце против женщин и за что именно? Могу ли я знать? – спросил Батерха.

– Была у меня жена, – сказал Лял-Султа. – Любил, берег я ее пуще глаз. Она тоже, думалось мне, любила меня. Проведенная с нею неделя казалось мне сутками, а месяц – неделей. Таким образом, я прожил с нею два года, и это время было самое счастливое для меня. Но я замечал, что лошадь моя постепенно худела, и находил ее в конюшне каждое утро вспотевшей. Я искал причину этого, и скоро открылась вся тайна для меня. Когда однажды я долго не мог заснуть и думал о своей лошади, жена моя, спавшая вместе со мною, встала, потихоньку оделась в мое платье, села на мою лошадь и отправилась куда-то. Я хотел знать, куда моя жена отправилась ночью путешествовать, и потому поехал вслед за нею. Я ехал так, что не мог быть замечен ею и не терял ее из виду. Она наехала на колючие кустарники, через которые не было возможности проехать. Тут она ударила железною лопаткою о землю, сказав: «Пусть по воле лесного мужа и его жены кустарники расчистятся и будет большая дорога!» Как только произнесла она эти слова, кустарники расчистились, и сделалась большая дорога. Проехав свободно через кустарники, она наехала на кристаловые горы. Она ударила железною лопаткою о горы, произнеся: «Пусть по воле горных духов сделается дорога». Дорога сделалась. Наконец она приехала к пещере. Она вошла туда. Я тоже вошел за нею. Пещера была убрана хорошо; кругом стен было повешено оружие. Я, как вошел в пещеру, спрятался за дверь. В пещере сидел молодой человек. Я догадался, что этот мужчина – любовник моей жены и что к нему-то она совершает ночные путешествия. «Сколько времени я ждал тебя? Почему ты так поздно приехала?» – обратился он грубо к моей жене. Он встал, взял плеть и начал бить мою жену до тех пор, пока не показались на ее теле синие пятна. Жена моя на каждый удар своего любовника отвечала только улыбкой. Она уверяла его в своей любви и сказала, что если сегодня она и явилась так поздно, то в этом виноват ее дьявол-муж, который так долго не засыпал... Все это я слышал. В моей груди кипело бешенство.

Я готов был разорвать мою жену и ее любовника; но я решился не делать ничего им, пока они не расстанутся. Любовники скоро примирились между собой, как и все любовники: он потребовал для себя и для нее ужин. Увлеченные страстью, они не могли заметить, как я украл у них ложку со стола и спрятал в карман. Уже перед рассветом жена моя простилась со своим любовником и уехала домой. Лишь только она оставила его, я вышел из-за двери, подошел к нему, ничего не говоря, схватил его за волосы, отрезал ему голову и спрятал ее в мешок. После этого я сейчас же поехал домой, не по тому пути, по которому поехала жена, а по другому, и раньше нее успел приехать домой, разделся и лег спать. После меня и жена моя приехала. Она разделась, положила мои одежды так, как я их положил вечером; потом легла спать подле меня. Я притворился спящим и как будто ничего не знающим о ее ночных похождениях. «Что же ты? Поворотись, обними меня, мне холодно», – обратилась она ко мне. Меня рассердило ее лицемерие, я уже не мог удержаться и сказал ей: «Пусть тебя обнимет твой любовник, с которым ты недавно рассталась». Она стала укорять меня, будто я ревную ее. «А эта ложка чья? Узнаешь?» – спросил я, показывая ей ту ложку, которую украл. «А эту голову узнаешь?» – сказал я, покативши голову ее любовника перед ее глазами. Она побледнела, потом задрожала. Было у меня два табуна. Один из них пасся в горах, другой – на плоскости. Я велел привести двух неуков, одного из гор, другого с плоскости. Когда привели их, я привязал к их хвостам ноги моей жены и пустил коней по полю, – ее разорвали пополам. После этого я дал клятву никогда не жениться и не верю ни в любовь, ни в искренность, ни в привязанность женщин.

– Ты, вероятно, судишь теперь всех женщин по своей бывшей жене, – сказал Батерха Лял-Султа. – Послушай, я тебе расскажу из своей жизни кое-что, и ты увидишь, что женщины бывают не одинакового нрава, не одинакового ума.

Было нас шесть братьев. Мы никого не боялись. Все чужое мы считали за свое. Однажды мы все шесть братьев отправились на добычу. Мы встретили на дороге целую отару овец. За отарою шел пастух со своею собакою. Он был ростом великан: его шаг был похож на шаг слона, его шуба была сделана из 60 овчин, его шапка была сшита из 8 овчинок. Собака его была величиною с корову. Она, как увидела нас издали, направилась к нам с лаем. Мы чувствовали, что не в состоянии будем отбиться от нее, потому начали искать защиту. Мы нашли человеческий череп величиною с двойной котел и укрылись под ним, все шесть братьев, верхами. Но собака не хотела отстать от нас. Она кинулась на человеческий череп; пастух не обратил никакого внимания на лай своей собаки; он прошел мимо нас. Тогда собака схватила человеческий череп и понесла его за пастухом. Догнав его, она поставила череп перед ним, как будто говоря: «Что же ты нас так пропускаешь?» Тогда, как будто очнувшись от сна, он толкнул череп своею пастушеской

палкою, и мы, все шесть братьев, вышли оттуда. «Зачем вы, муравьи, спрятались в человеческом черепе?» – обратился он к нам. Мы униженно сознались, что, заблудившись, укрылись от его собаки. Он пригласил нас на ночь к себе. «Что же мы приготовим на ужин?» – спросил он нас, когда пришли к нему. «Ты хозяин, ты должен знать, что приготовить на ужин, а мы гости твои», – ответили мы ему. «Кто же воды и дров принесет нам?» – «Ты хозяин, ты должен знать, где вода и дрова, а мы гости», – опять мы ответили ему. Тогда он схватил пивной котел одним пальцем и этим пальцем принес полный котел воды. Потом он отправился в лес. Одной рукой он вытащил чинаровое дерево с корнями и принес четыре бревна: два под мышкой, два на спине. На ужин он зарезал шестьдесят баранов. Почти не сварившн, он поел всех их, а нам не дал ничего. На другое утро он зарезал всех наших лошадей. Сожрав наших лошадей, он отправился пасти овец, а нам приказал не выходить никуда. Вечером он приготовил острый шест, воткнул нас всех шестерых братьев на этот шест и приготовил из нас шашлык. Пять моих братьев он пожрал сразу, а меня оставил на утро поесть натощак; потом он лег спать и заснул непробудным сном. Зная, что не миную своей участи, если только останусь вместе с ним до утра, я решился в эту ночь доползти до соседнего оврага. Привлеченный моим стоном, один охотник взял меня к себе домой. Я лежал у него до тех пор, пока не вылечились мои поджаренные бока.

Потом я отправился, куда глаза глядят, и дал клятву убивать всех встречных на дороге, как бы мстя за братьев. Первым мне встретился молодой красивый человек. Он сидел на красивой лошади. Я прицелил пулю, но мне жаль было ударить ею в красивый стан; потом я прицелил пулю в его грудь, но мне жаль было его красивой наружности. В то время, пока я вертелся около него, он пригласил меня быть его товарищем и ехать с ним. Я согласился быть его товарищем и поехал с ним. Ехали мы двое суток и на третий день доехали до одной башни. Мы остановились около нее; товарищ мой вошел внутрь, а мне велел остаться около лестницы, ведущей к башне, и сказал при этом, что если только я осмелюсь переступить хоть через одну ступеньку лестницы, то он мне перережет горло кинжалом. Я стоял довольно долго. Мне был слышен шум, происходивший внутри башни. Мне захотелось узнать, отчего происходит этот шум, и я со страхом полез по лестнице и стал около двери башни. Лишь только я стал около двери, товарищ мой вышел навстречу ко мне с окровавленным кинжалом и пригласил войти внутрь башни. Я повиновался. Я увидел там сорок человек, только что перерезанных. Я спросил у моего товарища, кто их перерезал? Он ответил, что он их перерезал в отмщение за брата, что они – орхустойцы, те самые, которые убили его брата, и добавил, что если он не позволил мне войти вместе с ним в башню, то это потому, что боялся, как бы ему не помешал я перерезать орхустойцев. Он пригласил меня к себе, и на третий день мы

въехали в его огромный двор. Он сам сперва вошел в дом, а мне велел подождать, пока не приготовится в кунацкой, чтобы принять меня как гостя. Я ждал долго; наконец у меня не хватило терпения, и я сам вошел в кунацкую. И что же? Я увидел в кунацкой труп, уже разлагавшийся, и около него товарища, лежавшего с воткнутым кинжалом в брюхо. Я хотел поднять его и снял шапку с его головы и к своему удивлению увидел на голове его длинную косу. Я узнал, что товарищ мой – женщина, а труп, уже разложившийся, – ее брат, убитый орхустойцами. Вот женщина так женщина! Что же, похожа она, Лял-Султа, на твою бывшую жену? По одной женщине нельзя судить о всех женщинах. Женщины бывают хорошие и дурные: почему ты знаешь, что царская дочь, которую предлагает тебе в жены жена мельника, похожа на ту, о которой сейчас ты говорил? Так женись на ней, не прекращай свой род.

Таким образом Батерха убедил Лял-Султа, что женщины бывают неодинакового характера и ума. Лял-Султа женился на царевне.

В 1875 году в горной Ингушетии в своем родовом ауле Фуртовг записал Ч. Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. 1870. Вып. 4.

* * *

96. НАЬРТАШ КХАЛХАРАХ

Наьрташа ялат дIадийча, цар кхай тIа цIенна оасар тIадоалар. Ялат шоай хьа ца хиларах, оакхарой доаде болабенна хиннабар уж. ХIаьта цар дулх яь чу кхехкадешшехьа а, дохкаденна хулар. ТIаккха деналца байна дIабала лаьрхIад цар. ЦIе цIаста лоала а даь, из дIамела болабеннаб. Иштта дIабаьлар наьрташ, царех Сеска Солса тIехьара а леш.

Ше леш уллача хана Солса геттар хьогвенна хиннав. Іоажала Іазап озаш волаш, шийна тIехъяьнна йодаш къайг ейнай цунна. Цунга дийхад цо, шийна хий да, аьнна.

– Хьо веннав, аьнна, лаьрхIа, хьа мерза бIарг баа ма йоагIий со,– аьннад къайго.

Цунна вий а кхайкаяь, из йийначоа салама кад хьожабаьб Солсас. ТIехйоалаш борз хиннай. Къайгагара санна укхунгара а хий дийхад Солсас. Хьона гIо де енаяц ше, веннав, аьнна, хеташ, хьа дихк-пехк даа енай, аьннад берзо а. Цунна а вий кхайкаеш, из йийначоа Солсас кхо салама кад хьожабаьб. ТIаккха тIехбаьнна кхокха бодаш хиннаб. Цунгара а дийхад Солсас. Ший цIеча маьчеш чу детташ, кхокхо хий кхихьад цунна. Хий менна, хьогал

йоайича, кхокхана баркал оалаш, цун къамаргах кулг а хьекха, Солса кхелхар.

ГІалгІаша дувцачох, цу бахьанце кхокхан къамарга тІара бедаргаш я дошох лепаш. ХІаьта кхокха цу ханара денна кхайкаш хул: «Кхокха, Солсан кхокха».

СМЕРТЬ НАРТОВ

Если бывало, что орхустойцы посеют хлеб, то на пашне их вырастала чистая трава; если орхустойцы варили себе дичь [1], то мясо в самом котле превращалось в вонючий труп. Тогда они, видя, что борьба их бессмысленна, решились на отчаянную смерть: они расплавили красную медь и выпили ее. Так отравились орхустойцы, из которых последним испустил дух Соска Солса.

Народная легенда говорит, что у Солсы перед смертью появилась страшная жажда, и когда в предсмертной агонии он увидел ворону, летевшую мимо него, то он обратился к ней с просьбою принести ему воды.

«А я думала,– говорит ему ворона,– что ты уже умер и прилетела поклевать твой вкусный глаз».

Солса проклинает ворону и обещает дать бокал напитка тому, кто убьет ее [2].

Проходит мимо него волк; он обращается и к нему с такою же просьбою. Волк говорит ему, что он пришел не помогать, а съесть его внутренности, думая, что он испустил дух. Солса и его тоже проклинает и обещает дать три бокала напитка тому, кто убьет его.

Пролетает мимо него голубь; он обращается и к нему со своею просьбою. Голубь приносит ему в красных чувяках воды – и Солса, утолив жажду, умирает, поблагодарив голубя и погладив его по шейке. Оттого-то будто, как говорят ингуши, у голубя шея золотистая и кричит он так: «Кок, солсан кок», то есть «голубь, солсана голубь» [3].

В горной Ингушетии записал Чах Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. 1870. Вып. 4. С. 2; ССПЧИ. С. 302; ИССП. С. 325.

Ч. Ахриев поясняет, что в данном сказании повествуется о гибели именно орстхойцев, а нарты же продолжали жить и далее. Здесь же Ч. Ахриев сообщает, что орхустойцы были наказаны за богоотступничество.

Надо отметить, что Ч. Ахриев иногда смешивает нартов и орстхойцев.

[1] Тут Ч. Ахриев дает следующее примечание: «Они старались питаться одним мясом после неудач в посеве хлеба».

[2] Здесь Ч. Ахриев дает примечание: «Давать бокал какого-либо напитка – у горцев значит благодарить».

[3] К этому месту Ч. Ахриев дает примечание: «Если послушать, когда кричит лесной голубь, то кажется, что он произносит по-ингушски свое собственное имя и слово «солсана».

* * *

97. ГИБЕЛЬ ОРШТХОЕВ

У нартов был неурожай в течение семи лет. Они отнимали хлеб у других людей и кое-как перебивались. Но в конце концов им волей-неволей надо было умереть голодной смертью. Поэтому они начали пить расплавленную медь, чтобы поскорее избавиться от мучений. Все они от этого умерли, не умер только один Соска Солса. Ему сильно захотелось пить, но он не имел сил встать и, лежа, стал просить воды у птиц, пролетавших над ними. Ни одна птица не исполнила его мольбы. Один лишь голубь сжалился над умирающим и принес ему воды. За это Соска Солса оторвал волос от своего уса и привязал к шее голубя, велев ему произносить имя свое до светопреставления. У этого голубя и теперь на шее видна полоса от волоса Соска Солсы, и он постоянно выкрикивает: «Калиг Соск-Солса, Калиг Соска Солса».

Вариант этого сказания «Гибель орштхоев» был записан Б. Далгатом (ЭО. М. С. 40; Сказание было записано со слов Ганыжа):
Текст приведенного сказания в более полном варианте записан позднее Д. Мальсаговым (см. далее приводимый текст «Как погиб род нарт-орстхойцев»).

* * *

98. ДАЬЛАС ОРСТХОЙ ХІАЛАК ХІАНА БАЬБ

Шийна тІехьа массехка баьре а волаш, Соска Солса цкъа чарахье ваха хиннав. Пхьагал йийнай цар. Из кийчъе, аьннад Хамчий Патрижага. Пхьагал кхехка а яь, из цхьан кІотІарга тІа йиллай Хамче Патрижас. Пхьагал дийнъенна дІаийккхай. Ший цхьа гІулакх дьа а ваьнна, Соска Солса юхавеча, пхьагал йоацаш хиннай. Из фуд, аьнна, Хамчи Патрижана тІатеІав Соска Солса. Хамчи Патрижас аьннад, кхехка а яь, из пхьагал кІотІарга тІа йилача, дийнъенна дІаийккхай. Цу хабарах ца тийшача Соска Солсас аьннад: «Пхьагал хьаелча тол хьона. Кхехкаяь пхьагал дийнъяла йиш яц. Со бегваккха воал хьо». «Бокъонца иштта хиннад, фу бахьан долаш хиннад сона ха а хац»,– яьхад вокхо. Хамчи Патрижас дувцачох шо теший, аьнна, ший баьрешка хаьттад Соска Солсас. Из хила йиш йолаш хІама дац, аьннад цар. ТІаккха Соска Солсас тур техха Хамчи Патрижа корта дІабахтаб. ХІаьта из ше верах дехке ваьннав. Циггач царех цхьаннена дагадеха хиннад Хамчи Патрижа йийцача кІотІарга тІа, фу хул аьнна, цун дакъа ІотІадилача бакъахьа дар-кха, аьнна. Хьадийнвеннав Хамчи Патриж. Цу ханара денна

шоай вийна новкъост цу кIотIарга тIа IотIавулаш, дийнвеш хиннаб наьрташ. Из бахьан долаш геттар йоккха моцал а ейта, Даьлас хIалакабаьб уж.

ОТЧЕГО БОГ ИСТРЕБИЛ ОРШТХОЕВ

Соска Солса однажды поехал на охоту с несколькими всадниками. Они убили зайца, передали его нарту Хамчи Патрижу и велели ему сварить его для кушанья. Сварив этого зайца, Хамчи Патриж вынул его из котла и положил на куст. Заяц ожил и убежал, и когда Соска Солса возвратился и хотел закусить, зайца не оказалось. Тогда Соска Солса стал требовать отчета от Хамчи. Тот сказал, что заяц убежал, когда он его сварил и положил на куст. Соска Солса не поверил ему и говорит: «Лучше отдай зайца, не может быть, чтобы сваренный заяц убежал. Это ты насмехаешься надо мной». Тот стал его уверять, что это действительно так и было, хотя сам не знает, отчего. Соска Солса спросил всадников, верят ли они словам Хамчи Патрижа или нет. Те ответили, что это неправдоподобно. Тогда Соска Солса отсек голову Хамчи Патрижу. Но потом они стали раскаиваться, что убили его, и один из них догадался предложить положить и Хамчи Патрижа на тот куст, о котором он говорил. Хамчи Патриж ожил. С тех пор убитого товарища нарты всегда клали на этот куст и оживляли. За это Бог истребил нартов, послав им страшный голод.

В 1892 году в горной Ингушетии со слов Газбыка записал Б. Далгат. Опубликовано: ЭО. 1901. № 1. С. 40; ГЭЧИ. С. 335; ССПЧИ. С. 302.

Б. Далгат к этому тексту дает следующее примечание: «Смысл сказания таков, что нарты были истреблены Богом за то, что они пошли против закона природы, против Бога и не хотели умирать».

* * *

99. НАЬРТ-ОРСТХОЙ ФУ ХАДАР

Воча хIамах кIъехкаш хиннабац наьрт-орстхой. Де мел ца дезар де эхь хийттадац царна. ГIаьр еш, нахах леташ низ беш, есараш кхухьаш лийннаб уж. Цудухьа хIалакабаьб уж Далеи Селеи. ГIаьр е наха зуламана бахача, кIалхара лаьтта хаьда чубаха, хьалбала йиш йоацаш бисаб уж.

Даар-малар кхоачаделча, шоай говраш йиаьй цар. ТIаккха аьннад йоах, Сеска Солсас:

– Наьрташ моцалах когаш-кортош дийста байнаб оалийтачул, лоаладаь цIаста менна далар тол вайна, аьнна. Цу деша раьза

хиннача наьрташа лоаладаьча цIаста цхьацца кад меннаб. Сеска Солсас кхо кад меннаб. ЦIаста менна нарташ цусахьате беннаб. Кхо кад менна Солса кер боагаш, чIоагIа Iазапе волаш, вагIаш хиннав. ТIехьяьнна йода борз бIаргаейча, аьннад, йоах, цо цунга:

– Айса яькккхача фесах дакъа дора аз хьона, хIанз Iа де сона гIо,– хи къург ба сона, лотабенна кер боагаш вагIа со,– аьнна.

– Аз мишта бахьаргба хьона хи къург? Хьо велча, хьа дог-пехк даа, хьо валарга хьежаш ма лелий со.

ТIехьяьнна йодача хьаргIага кхайкав Солса:

– Аз яькккхача фесах дакъа кхоачар хьога. Хи къург ба сона.

– Хьо велча, хьа бIаргаш дуаргдар со ма йий. Мишта дахьаргда аз хьона хий? – аьннад хьаргIо.

ТIаккха байнаб Солсана сигала гIолла бода хьун кхокха.

– Аз даь дика дацар хьона, хьун кхокха! Са боагача кера салоIам бе, хи къург ба сона,– кхайкав Сеска Солса.

Солсах къахийтта, чехкка баха, хи къург бенаб кхоккхо. Хи къург мелча, салоIам хиннаб леш воаллача турпала. Кхокхана дошо хьоаса а хьоарчабаь, аьннад цо: «ХIанз ден наха «Солса кхокха» яхалда хьох, ер хьоаса мел хьерчача дошо бедаргаш хийла хьа»,– аьнна, венна дIаваьннав Сеска Солса. Цу хана денз наха Солса кхокха оал хьун кхоккхах. Цун фоартан гонахьа дошо бедаргаш йоахк. Шийх цIи тилла турпал дагавоаллаш, цунах къахетача кхоккхо цу хана денна ше бекаш оал:

Iел кхо Сеска Солса,
Iел кхо Сеска Солса.

КАК ПОГИБ РОД НАРТ-ОРСТХОЙЦЕВ

Нарт-орстхойцы не гнушались плохих поступков. Свои неблаговидные дела они не считали позором. Собирая шайки, они нападали на людей, насильничали, пленяли в рабство. Вот так они и вели себя. Поэтому Дяла и Села уничтожили их так.

Однажды, когда нарты, собравшись в шайку, пошли на свои злые дела, под ними разверзлась земля, и они там так и остались, не сумев выбраться на поверхность. Когда кончились у нартов еда и питье, они съели своих лошадей. Тогда, говорят, Сеска Солса сказал: «Чтобы люди не говорили, что у нартов опухли ноги и головы, и они умерли от голода, умрем достойно, выпив расплавленную медь». Согласились с этими словами нарты и выпили каждый по чаше расплавленной меди. Сеска Солса выпил сразу три чаши. Нарты, выпившие медь, сразу же умерли. У Сеска Солсы, выпившего сразу три чаши, все горело внутри, но он еще сидел, страшно страдая.

Увидев волка, пробегавшего мимо, Сеска Солса, говорят, сказал ему:

– Из своей добычи я всегда часть уделял и тебе, теперь ты окажи мне помощь. В моей груди все пылает – принеси мне воды глоток.

– Как это я принесу тебе воды глоток? Я ведь жду твоей смерти, чтобы потом съесть твое сердце и легкие.

Солса обратился к пролетающему ворону:

– Из моей добычи и тебе доставалась доля. Принеси мне воды глоток.

– После смерти твоей я ведь выклюю твои очи, как же я тебе воды принесу? – ответил ворон.

Тогда Солса увидел летящего в небе лесного голубя.

– Ничего доброго я не сделал тебе, лесной голубь! Успокой мое горящее нутро, принеси мне воды глоток,– крикнул Сеска Солса.

Пожалев Солсу, быстро полетел голубь и принес ему воды глоток. Выпив глоток воды, умирающий Солса успокоился.

Повязав голубю золотистую нить, он сказал:

– Пусть с этого дня люди называют тебя «голубь Солсы». А там, где повязана эта нить, пусть вырастут у тебя перышки цвета золота.

Сказав это, Сеска Солса умер. С тех пор люди называют лесного голубя «голубем Солсы». Вокруг его шейки имеются перышки цвета золота.

Голубь, носящий имя героя, помнит о нем и, воркуя, говорит:

– Іел кхо Сеска Солса, Іел кхо Сеска Солса [1].

В 1920 году от 75-летнего жителя села Фуртауг Генардуко Пхугиевича Ахриева записал Д. Мальсагов.
Опубликовано: ДГІ. С. 236; ГІФ-67. С. 154; ГЭЧИ. С. 335; ССПЧИ. С. 306.

[1] *Іел кхо Сеска Солса.* Смысловой перевод следующий: «Сеска Солса, ты столь хорош, что загробный мир Эл (Іел) недостоин тебя». Вместе с тем словосочетание «*Іел кхо*» несколько созвучно воркованию голубя.

Д. Мальсагов записал вариант этого же сказания в 1964 году от жителя села Гамурзиево И. Х. Мальсагова (опубликовано: ССПЧИ. С. 305). Он отличается от приведенного «Как погиб род нарт-орстхойцев» тем, что дается более развернутое описание и благодатного времени, и злодеяний нарт-орстхойцев. Приводим этот вариант:

* * *

100. КАК НАРТ-ОРСТХОЙЦЫ СГИНУЛИ СО СВЕТА

В то старое время весь мир был благодатным. Во Вселенной не знали, что такое дуновение ветра. С неба спадала нитка, на конце которой висели лоскутки. Они никогда не шевелились. Да и могли ли они без ветра колыхаться? Всего было в изобилии: и посевов, и запасов, и всего, что добыто.

В то время в нашем крае появились нарт-орстхойцы во главе с Сеска Солсой. С шестьюдесятью нарт-орстхойцами он нападал на села, разорял их и насильничал над людьми. С появлением нарт-орстхойцев во Вселенной появилось зло и стали дуть злые ветры.

Они уносили уложенное на горных холмах зерно, разносили скошенное сено. Посевы зерна стали малоурожайными; овцы и скот хирели. Все, что создавалось трудом человека, становилось неблагодатным.

В один из дней в большое село прибыл Сеска Солса со своими всадниками, чтобы ограбить людей, унести их богатства, а оказавших сопротивление – убить.

Следовавшие за Сеска Солсой люди сказали ему:

– Это село слишком большое, много людей живет в нем. Если они окажут нам сопротивление, то мы можем пострадать. Нам бы лучше разделиться на группы и назваться их гостями, явиться к ним в гости, сделав вид, что мы ищем пристанища. После этого мы выкрадем из их жилищ оружие и тогда возьмем село без ущерба для себя.

Сеска Солса согласился. Разделившись на группы, нарт-орстхойцы направились в село.

Сеска Солса с тридцатью нарт-орстхойцами оказался в гостях у жера-бабы. Жера-баба пригласила гостей в комнату и принялась готовить еду. Она взяла медный наперсток муки, отломила кусочек от бараньего ребрышка и стала готовить пищу.

– Эй, что ты делаешь? – спросил удивленный Сеска Солса.– Кто насытится пищей, приготовленной тобой?

– Э, мальчик, после того, как вы все насытитесь вдоволь, кое-что останется и мне. Я готовлю пищу из той муки и из того мяса, которые были на земле до появления на свет Сеска Солсы и его нарт-орстхойцев. Тогда на земле еще не было ветра и была одна благодать [1]. Кто не видел Сеска Солсу – да не увидит его, кто однажды видел – пусть не увидит больше! Появившись со своими нарт-орстхойцами, он унес благодать с нашей земли. Страна обнищала и люди разорились.

Опечаленный услышанным, Сеска Солса будто прирос к своему месту.

– Эй, что стало с тобой? – спросила удивленная жера-баба.– Ты потерял цвет лица и стал, как воск. Не ты ли Сеска Солса? Кто не видел – да не увидит, кто видел – пусть больше не увидит его!

– Я и есть тот самый Сеска Солса,– сказал Сеска Солса жера-бабе и ушел со своими нарт-орстхойцами не только из села, но и из того края.

С тех пор никто их больше не видел.

В 1964 году от 44-летнего жителя сел. Гамурзиево И. Х. Мальсагова записал Д. Мальсагов.

Опубликовано: Мальсагов А. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970. С. 143.

Тема некогда имевшейся в природе благодати (времена «золотого века») довольно широко представлена в ингушском фольклоре. Прежде благодать у ингушей называли словом «фарал». Позднее вместо него стали употреблять слово «беркат». В исчезновении благодати народная молва винит нартов. Видимо, потому, что они были не производящей, а присваивающей силой. Скорее всего, интенсивная эксплуатация довольно скудных горных ресурсов приводила к их истощению, что и послужило активному бытованию мотива исчезновения благодати. Вот как об этом повествует народная молва:

* * *

101. ЦІАСТА МАЛАРАХ

Наьрташ укх дуне тІа балалехьа шераш беркате иха хиннад. Уж баьлча – беркат дІадаьннад.

Цхьа йоккха саг йолча бийса яккха сецача нарташта цу фусамнанас ноанал дІадоладаьд, пхьор кийчде дагахьа. Яь чу устагІан ши пІенда биллаб цо, кхаь пІелгаца ийцача хьоаракІигах хьалтІамаш яьй. Наьрташта дага хиннад иззал кІезига хІама йоккхача саго шийна ду, аьнна. Кийчдаьча пхьерах берригa наьрташ бизаб. Цец-амагІа а баьнна, тхона дуадаьр фуд хьа, аьнна хаьттад цар фусамнаьнага.

– Фу ма долда цар! Наьрташ укх дунен тІа балалехьа хиннача ялатахи баьжача устагІахи дар аз шоана кийчадаь пхьор. Шоана гуш дола беркат хиннад цу хана.

Вай укх дунен тІа даьхача мегаргдолаш нах дац, аьнна, лоаладаь цІаста а менна, дІабаьннаб уж наьрташ.

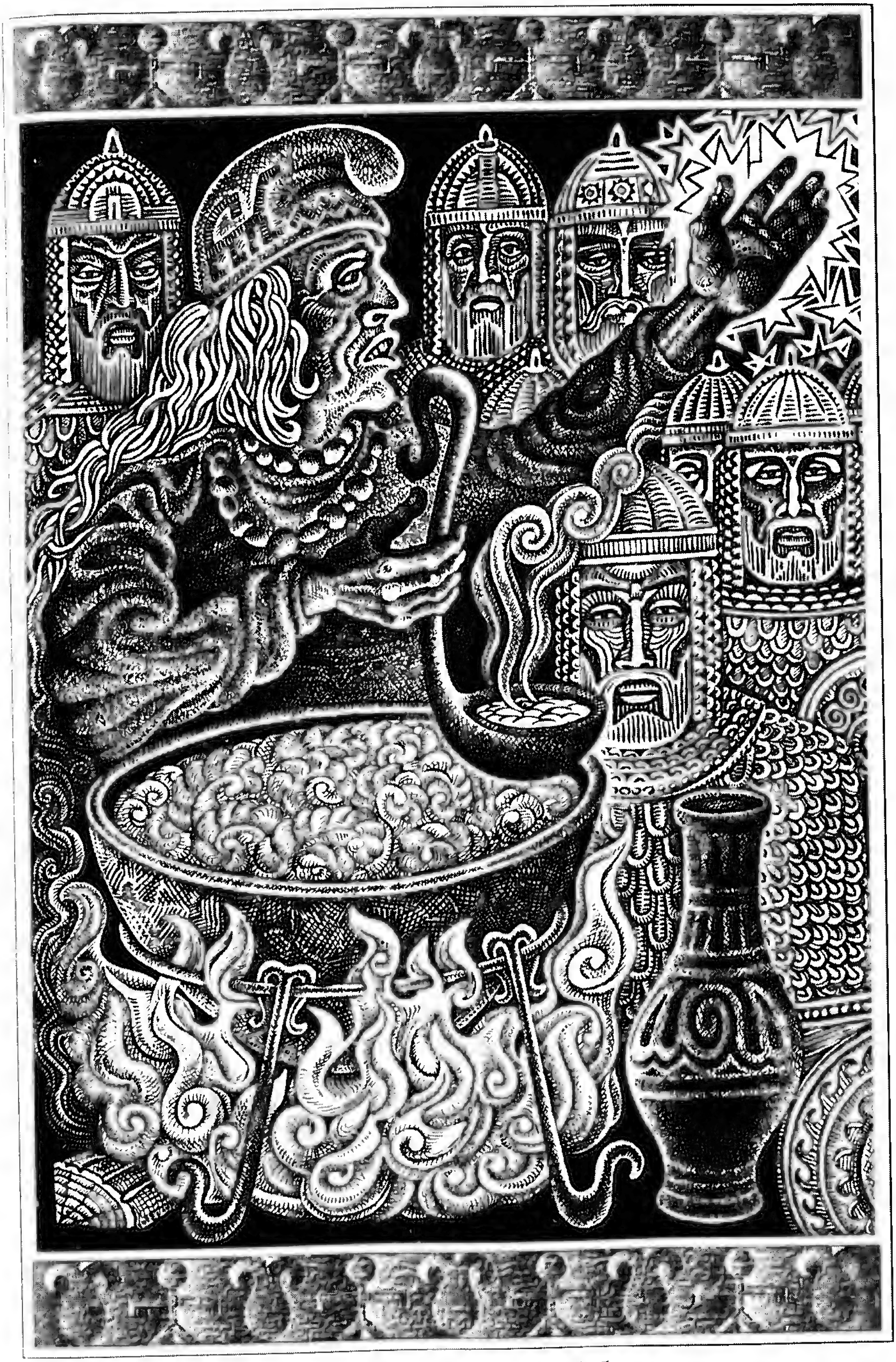
ВЫПИЛИ МЕДЬ

Пока не появились в этом мире нарты, времена были благодатными. Но как только появились они – благодать исчезла.

Раз нарты остановились переночевать у некой старухи. Она начала готовить им ужин. В котел старуха положила два бараньих ребра, замесила щепотку муки и наделала галушек. Нарты, видя все это, решили, что старуха готовит столь мало еды для себя. Но от приготовленного ужина все нарты насытились. Поразились они и стали хозяйку расспрашивать, что это за пища такая.

«Пусть род их не множится! Мясо и мука, из которых был приготовлен ужин, остались от тех овец и того урожая, которые у меня сохранились с тех времен, когда нарты еще не появились на свете. Вот видите, какая благодать была в прежние времена!»

Меж собой нарты порешили, что им не место на этом свете, выпили расплавленную медь и скончались.



Нарты в гостях у Жербаб
Рисунок М. Горлова

В 1973 году от пожилого жителя села Бамут Мурцала Мусиевича Мержоева записал И. Дахкильгов.
Опубликовано: ГІФ-91. С. 15.

* * *

102. НАЬРТАША ЦІАСТА МАЛАР

Лелаш хиннав кховзткъеи кхоъ наьрт. Цар дув биаь хиннаб:

– Де водар лехаргда вай, дикадар дергдац вай,– аьннад.

Цар нах боабора, кхалнах дІакхувлар, нах баха битацар. Цкъа бийсанна сайцаб уж къаенна жеро йолча.

– Меца да тхо, пхьор дал,– аьннад цар.

– ПаргІата хила шоашта,– аьннад цу йоккхача саго.

Ноанал де эттай из: мухь а даьтта а тохаш кхо чІаьпилг даьд цо. Е дуачох бузаш а е менначох Іабаш а хиннабац уж наьрташ. Цу йоккхача саго кийчдечох башаш хиннабац. ВІаший голаш теІаеш, бордагІа белаш баьгІаб. ЧІаьпилгех доакъош а даь, хьалха дихьад царна. Уж дуаденнадац царга, цхьа бахьан кхоаллашехьа а бизаб.

– Ер фуд, Іа буабер фу кхача ба?– хаьттад цар.

– Дала фу хоададолда наьртий, уж малаш ба хац сона. Укх дунен тІа уж балалехьа хиннача ялатах даь чІаьпалгаш да аз шоана кийчадаьр. ХІанз наьрташа дІадихьад укх дунен тІара имми беркати.

Кхы дош ца оалаш, кховзткъеи кхоъ наьрт цхьанахьа лоамах йоаллача хьагІара чу а баха, цІаста а менна, дІабаьннаб.

НАРТЫ ВЫПИЛИ МЕДЬ

Странствовали шестьдесят три нарта. Они поклялись: «Будем совершать дурные поступки и не будем делать добрых дел!» Они убивали мужчин, пленили женщин – никому житья не давали.

Как-то на ночь они остановились у некой старухи.

– Проголодались мы, приготовь нам ужин,– попросили они.

– Располагайтесь поудобнее,– предложила старуха.

Стала она стряпать: на сале и масле приготовила три лепешки. По природе своей нарты никогда не насыщались съеденным и вдоволь не могли пресытиться выпитым. Они с пренебрежением смотрели на пищу, которую готовила старуха. С усмешками они перестукивались коленями. Хозяйка разрезала лепешки на куски и преподнесла нартам. Лишь только они их чуточку поели, как тут же и насытились.

– Странно! Что это за столь сытная пища, которую ты нам приготовила? – удивились они.

– Не ведаю, кто это такие нарты, но пусть искоренится их род! Лепешки, которые я вам приготовила, сделаны из муки того урожая, который вырос до появления нартов на этом свете. Они виновны в исчезновении благодати и божественности.

Ничего не сказали нарты. Они ушли в какую-то далекую горную пещеру, выпили расплавленную медь и все погибли.

В 1974 году от пожилого жителя села Бамут Хасана Усаповича Терлоева записал И. Дахкильгов.

* * *

103. ФУ БАХЬАН ДОЛАШ У ДАЙТАД

Сеска Солсага хиннаб карагІомабаь хьун кхокха. Ялатаца цо кхоабаш хиннаб из. ХІаьта кхоккхо хьокхаш хиннаб цунна Іам мичаб, хьаст мичаб, хий долаш мел йола моттиг.

Цкъа эрий ара ераш болхаш, Сеска Солса чІоагІа хьогвенна хиннав. Хаьттад цо кхокхага:

– Хий долаш моттиг йий, хьона ховш.

«Варкъ-варкъ» оалаш лаьтта тІа кхо го а баь, воле сона тІехьа, яхаш санна гІетта бахаб кхокха. Цхьан чхара кІала хайр из. ЦІаьххацу чхара тІера Іомехкар хина кІедж. Хий мала, аьнна, Сеска Солсас баге гІоттаешшехьа, кхоккхо ший ткъамаш дийтта, хий дІай-хьай дахийтар. Кулгаца кхокха човха а баь, юха а хий мала веннавар из. Юха а кхоккхо из молийтанзар. ЭгІазвахача Сеска Солсас, ший тІоамар лостаяь, кхокха лаьттах бахийтар. Турпала тІоамарах белар кхокха. Сихвенна ше даьча хІамах, дикагІа вола ший новкъост верах, дехке воалаш, урагІа хьалхьежар Сеска Солса. БІаргабайра цунна чхара тІа багІа сармак. Шерра гІоттаяча цун багара Іоухаш хиннадар дохьаж. Хайр Сеска Солсана кхоккхо ше вувчара ваькккхалга. Хьогбенна нах иштта боабеш хиннаб цу сармако. Ший цІокъболата тур техха, сармака корт баькккхар цо. Ше леча хана унзара цІогІа техар сармако.

Бенна кхокха бе а бела, цхьан гаьн кІала Іийне Іохайр Сеска Солса. ЙоархІашта юкъара цхьа шарх хезар цунна. Текхаш боагІаш сармак хиннабар из. Бийна уллача сармака корта бага а лаьца, лоамашкахьа дІатекхар из. Цхьа тамаш я хьона укхо лелаер, аьнна, тІехьа вахар Сеска Солса. Бай болча метте уллаш хиннабар боккха сийна кхера. Сармако цу тІа билар ше хьабена корта. Бокъонца йола тамаш хилар: сармака кертах хьакхеташ цун дегІ а хилар, тІаккха сармак ше а дийнбелар.

Хайр Сеска Солсана из фу кхера ба.

Гаьна бала кхензар сармакаш. ЦІокъболат дийтта, шаккхе а хІалакбир цо уж. ТІаккха цу кхерий тІа кхокха билар. Дийнбенна, ший иллеш доахаш, го тувсаш кхеста болабелар из.

ДIахо хехка дIавода Сеска Солса. Кхокха ба ткъамала баха лелаш. ЦIаьххa хезар цхьа кхалсаг кадаш. Венна ший кIаьнк кара а волаш, йоагIаш яр из. Кхалсаго аьлар, кIаьнкаца хьунагIа яхаяр ше пицхаш гулъе. БIехало царг а теха, кIаьнк велар ший. Ший хур дир Сеска Солсас из кхалсаг тееш, тIаккха цох къа а хийтта, саг дийнвеш болча кхерий тIа йигар цо из кхалсаг. Кхерий тIа вуллашехьа, кIаьнк дийнвелар.

Сеска Солса, Далла дакъа даь, хIама ховчарех вар. Ховр цунна кхелха нах дийнбе бокъо йоацилга. Цу тамашийнача кхерах сагага хIама аргдац, аьнна, кхалсагагара дош а даькккха, дIахо ший наькъах дIавахар Сеска Солса.

Кхалсаг воча нахах хиннаяр. Ший дешан да хиланзар из. Цо фу даьд, аьлча, кашамашта юхе бу а егIа, дIадолла, аьнна, хьадахьаш хинна дакъа маьхах дийндеш хиннад. Бокъо йоацаш дола хIама да ер, аьнна, Мулкалмовта Даьлага кхайкад. ТIаккха Даьлас у дайта, боабаь дIабаьхаб из кхалсаг а уж берригa наьрташ а.

ПОЧЕМУ БЫЛА НАСЛАНА ЗАРАЗА

У Сеска Солсы был ручной лесной голубь. Сеска Солса подкармливал его зерном. Голубь в свою очередь указывал ему местонахождение водных источников: ручьев, озер, родников.

Раз шли они по безводной местности, и Сеска Солса испытывал жажду.

Он спросил голубя: «Имеется ли где-либо поблизости вода?»

В ответ голубь, воркуя, сделал несколько кругов по земле и, как бы говоря, пошли за мной, полетел в сторону. Сеска Солса поскакал за ним. Голубь присел под одной из скал. Сеска Солса вдруг увидел, что со скалы течет ручеек воды. Только он было раскрыл рот, чтобы напиться, как голубь закружил над ним и своими крыльями разметал воду по сторонам. Сеска Солса рукою отогнал голубя, вновь было попытался напиться, как голубь опять преградил воду и расплескал ее. Это разозлило Сеска Солсу, и он наотмашь ударил голубя. От богатырского удара голубь замертво упал на землю. Пожалел Сеска Солса, что погорячился и убил своего верного друга. Глянул он вверх скалы и увидел на ее вершине лежащего сармака. Из его раскрытой пасти текли ядовитые слюни. Понял Сеска Солса в чем дело, что голубь спасал его от смерти. Оказывается сармак, так обманывал и уничтожал проходящих путников. Выхватив свою барсовую [1] шашку, Сеска Солса кинулся на сармака и одним ударом отсек ему голову. Но перед гибелью сармак успел издать ужасный крик. Покончив с сармаком, Сеска Солса взял на руки мертвого голубя и горестно сел в тени невдалеке от растущего дерева. Вдруг он услышал шум в кустах. Это, оказывается, полз другой сармак. Схватил он зубами голову убитого сармака и пополз в горы. Это заинтересовало Сеска Солсу, и он тайно пошел за ним.

Приполз сармак на поляну, посреди которой лежал большой синий камень. Сармак положил на него голову убитого дракона. И тут случилось чудо: от головы стало вырастать тело убитого сармака, и затем он ожил. Понял Сеска Солса, что камень этот чудесный. Стали драконы уползать, но Сеска Солса тут же их обоих изрубил.

Взял Сеска Солса голубя и положил его на камень. Голубь ожил и, воркуя, стал кружить по земле.

Едет Сеска Солса далее, кружит над ним его голубь. Вдруг услышали они женский плач, а вскоре показалась и сама женщина, с мертвым мальчиком на руках. Стал Сеска Солса ее успокаивать. Женщина рассказала, что пошла она в лес с сыном за хворостом; змея укусила мальчика, и он умер. Пожалел Сеска Солсу эту женщину, повел ее к тому камню и оживил ребенка.

Сеска Солса был вещий. Он знал, что мертвых оживлять нельзя, и потому наказал женщине, никому ничего про тот камень не сообщать. Она пообещала, и Сеска Солса уехал своей дорогой.

Женщина оказалась хитрой. Она поселилась в шалаше у кладбища и за плату стала оживлять мертвецов. Ангел смерти Мулкалмовта пожаловался Всевышнему на это нарушение, и тогда Бог наслал заразу и уничтожил ее и всех нартов.

В 2008 году от 80-летнего жителя гор. Малгобека записал Магомет Яндиев.

[1] «Барсовая шашка» («ЦIокъболат» – по-ингушски) – раньше на Кавказе славились шашки с изображением звериной морды на лезвии; считалось, что это изображение барса.

* * *

104. ХЬАГIАРА ЧУ БАЙНАРАШ

Миччахьа дунен тIа гIолла кхийста баьлча, шоай йоккха хьагIар йолча соцаш хиннаб наьрташ. Цар из хьагIар ЗIогал-дукъах йоаллаш хиннай. Цкъа иштта хьагIара чу а баьхка, дуаш-молаш уж багIаш, цIаьххачIоагIа ды техар, дуне аьгар. Лоам ах а баьнна, цу хьагIара IотIатекхар. Хьало-о лакхе бий миссел мара доаца кхы Iург ца дусаш, чIоагIа къовлаенна хиннай из хьагIар. Дувцачох, фу бахьан долаш а хац, Даьла эгIазал яха хиннай цу наьртех.

Мелла гIертарах, хьагIара чура дIаарабала мегадац царна. Еррига шоай говраш йиаь баьнначул тIехьагIа, бокъонца хайр наьрташта моцал хьогаш шоаш дIабоврг хилар. Наьртий тхьамада хулаш хиннача Сеска Солсас аьлар:

– Иштта доастама дала йиш яц вай. Кхелхачул тIехьагIа а наха вай сий дергдолаш, цIи еза йоаккхаргйолаш дIадовла деза вай.

Боккхача яь чу цIаста лоаладаьд, зIамигача яь чу дошо лоаладаьд. Массанена кадашка цIаста деттар. Сеска Солсай сий деш, цунна дошо деттар. Кад текъабеш, Сеска Солса аьлар: «Вай дайна дIадаьннадар аьнна, вай цIи ма йожийла ер дуне мел латта!»

ЦIаста дIа а менна, берригаш а байна дIабаьлар. ХIаьта Сеска Солса, сов чIоагIа низ болаш ше хиларах, цусахьте валанзар. Беррига кер боагаш, Iазап озаш уллар. Мухь баьлар цунгара:

– Ва-а, Везавоккха! Хи къург мукъа балара!

Цу хьагIара лакхахьа хиннача Iурга юхе цу хана нийсбенна хиннаб хьун кхокха. Сеска Солсас аьннар хезача цо, баха, ший зIокара чу дахьаш, хий денад. Из дIа а менна, Сеска Солсас дошо чудолча ший када чу пIелгаш а Iетта, из дошо хьекхад кхокхан бокхаргах. ТIаккха аьннад: «Сеска Солса кхокха, аьнна, цIи йоаккхаш хилба хьо!» Аьнна воаллашехьа а венна дIа а ваьлар.

ПОГИБЛИ В ПЕЩЕРЕ

В горе Зогал-дук у нартов имелась своя большая пещера, в которой они отдыхали, вернувшись из походов. Как-то они пришли в нее после длительного отсутствия и сели пировать. Вдруг грянул страшный гром, затряслась земля. Внезапно гора треснула, произошел обвал, который наглухо закрыл вход в пещеру. Это Бог почему-то рассердился на нартов и обрек их на гибель. Лишь высоко вверху остался просвет величиною с кулак.

Как нарты ни старались, но освободиться не могли. Когда съели всех коней, нарты поняли, что их ожидает голодная смерть.

«Мы должны умереть так,– сказал их предводитель Сеска Солса,– чтобы люди и по смерти прославляли нас, высоко чтя наши имена».

В большом котле расплавили нарты медь, а в котле поменьше – золото. Всем нартам в кубки налили медь, а Сеска Солсе налили золото, тем самым проявляя к нему свое уважение.

Сеска Солса произнес тост: «Пусть мы умрем, но слава о нас пусть будет бессмертной!»

Дружно все выпили медь и золото. Лежит, умирает Сеска Солса. Он настолько силен, что сразу умереть не может. Мучает его жажда.

И он воскликнул: «Великий Боже, хотя бы выпить глоток воды!»

Над отверстием в пещере пролетал голубь. Он услышал мольбу Сеска Солсы и в своем клюве принес ему воды. Выпил ее Сеска Солса, обмакнул в свой кубок пальцы и золотом провел по шее и груди голубя, сказав при этом: «Пусть люди с сего дня величают тебя Голубем Сеска Солсы».

Тут он и умер.

В 1998 году от 78-летнего жителя гор. Малгобека Идриса Магометовича Ханиева записал И. Дахкильгов.
Публикуется впервые.

* * *

105. СЕСКА СОЛСАС ДАЬ ЛАМАЗ

Ший Іоажала ди ховш хиннав Сеска Солса. Из ди тІакхоачаш, вай мехкаца Іадика ювца дага волаш, цІенгахьа вийрзав из. ЭсачІожагІа, Гаьл-корта болча ер кхаьчача, боад бийрзаб. Дина баргал теха, из бажа дІа а хийца, цхьан кхеран юхе набара дІавижав из. ГІанахьа Даллас аьнна хиннад цунга: «Сеска Солса, кхоана лергва хьо. Кхоана малх хьакхийттача, хье вижа улача укх кхерий тІа а ваьле, хьай къамах дуІа де».

Сеска Солса сомаваьлча, малх эйлуш хиннаб. Цу кхерий тІа хьалхара ламаз даьд цо. БІарчача денна, молаш хий доацаш, юаш хІама йоацаш, чІоагІа тийкъав из. ПхьераламазданчултІехьагІа кхелхав из. Ламаз деча хана цо корт бийттачеи, кулгаш гІертадечеи къоргаш йиса хиннай.

МОЛИТВА СЕСКА СОЛСЫ

Когда Сеска Солса почувствовал приближение смерти, поехал он проститься с родной страной. Ночь застала его в земле Галгай, в ущелье Ассы, у подножия Гяль-корта. Он слез с коня, стреножил его и уснул под камнем. Ночью к нему явился Аллах и сказал: «Сеска Солса, ты завтра умрешь. Когда взойдет солнце, влезь на камень, под которым ты спишь, и помолись за свой народ...» Проснулся Сеска Солса. Солнце всходило, и сотворил он первый намаз. Долго и крепко молился он, весь день не пил, не ел ничего и, когда кончил последний вечерний намаз – испустил дух. Теперь на камне остались выемки от ударов его лба и место, где упирались руки.

Опубликовано: Бывалый. Молитва Сеска Солсы // Терские ведомости. 1911. № 127.

* * *

106. МАЦА ДИЙНЛУРГБА НАЬРТАШ

Дунен тІа йокъал этта хиннай. ЧІоагІа халача ден тІа этта хиннаб наьрташ. Соска Солса нанас аьнна хиннад цунга, хье хьаваьннача кхерийгара кхача беха хьайна, аьнна. ДІавахача Соска

Солсас аьнна хиннад, иштта йокъалах цхьаккха ялат доацаш леча эттад тхо, хьай тарлой, гІо де тхона, аьнна. Цусахьте кхерий тІа даа-мала мел дезар эттад, наьрташа из мел дуъ, кхоача ца луш.

Цхьа-ши шу даьлча, кхерий тІара беркат а кхоачаденна хиннад. Цу хана Соска Солсага хабар кхаьча хиннад цун энчик хулаш вола Батига Шиткъа цхьанахьа, дика хьал долча, вахаш – Іеш ва, дегІа дика верста а ва, аьнна. Из вахаш-Іеш волча метте никъ баккха, аьнна, дІай-хьай нах бахийта хиннаб Соска Солсас. ТІехххьар цар хоам бена хиннаб Батига Шиткъа Іеле ва, хин хьайра а я цунга, дика хьогаш а ва, аьнна.

Іеле вахав Соска Солса. Шийна хьайра а Іохьаш, виза-верста вагІаш Батига Шиткъа вайра цунна. Соска Солса хьагучаваьлча, Батига Шиткъа, мича вахар ца ховш, къайлаийккха дІавахар, хин хьайра а юташ. Из хьайра хиннай Іочукхохкадеш ялат доацашехьа болх а беш, хьоар хьа а ухаш. Цу хьайро а тоъалча юкъа кхаьбар Соска Солсеи цун наьрташи. Цхьа-ши шу доалаш хьайра беркат а кхоачаделар. Бакъда, цу ханара денна нахага хьамаьлхе яьнна хилар хин хьайраш, нах аттача боахаш.

ТІехххьар а моцало геттар дІавІашкабигача, кхы де цхьаккха хІама долаш хиннабац уж. ТІаккха Соска Солсас аьнна хиннад наьрташка, доле сона тІехьа, аьнна. Гаьнна вай лоамашка цхьан хьагІара чу бига, аьннад цо царга:

– Декъий ара а дусаш, моцалах байра ераш, яхаш, наха вайх йоахараш а дувцаш, вай сий довчул, укх хьагІара чу дІадовргда вай, лоаладаь цІаста а молаш.

Цхьацца кад лоаладаь цІаста молаш, наьрташ берригаш а байна дІабийшар. ТІехххьар кхо кад мелар Соска Солсас. Ца леш, берriга кер боагаш, уллаш хиннав из. Циггач мичара ера ца ховш, къоарза къайг ессай

– Іа фу ду? Мишта енай хьо? – Соска Солсас хаьттад цунга.

– Хьо веннав, аьнна, хеза, хьа бІаргаш даа енай со,– аьннад къайго.

Соска Солсас Іадсаькх теха йийнай из. Ена хьаэттай меца борз. Цунга а хаьтта хиннад, фу бахьан долаш енай, аьнна.

– Соска Солса веннав, аьнна, хеза, хьа дихк-пехк даа дага йолаш енай со,– цо аьлча, из а йийнай, Іадсаькх теха.

Бена бессаб хьун кхокха. Цунга а хаьтта хиннад, хьо сенна бенаб, аьнна.

– Соска Солса леш улл, халла сакъасташ ва, аьнна, хеза, сайгара фу гІо дулургдар-те, аьнна, дага болаш бенаб со. Хьаала, фуд са хьа гІулакхага хьажа.

– Хий да сона,– аьннад Соска Солсас.

– Ва, хий мишта доалургда сога, кхокха мара мичаб со?

– Хьа зІокар чу хувшшал бола хи тІадам а тоаргба сона,– аьннад.

Бахача кхоккхо хьабена из хи тІадам Соска Солсас бага мохкабича, кхы кер ца боагаш, вала аттагІа хилар цунна. Циггач цу

къайга а цу берза а тIехьенна хьожабеш, сардам баькккхаб цо, адамо дилла а моастагIал лоаттадолда шуца, аьнна. ХIаьта кхокха ловца баькккхаб, наха деза лоархIалда шун кхокхий фу, аьнна.

Циггач йийна улла борз хьал а ийца, цу хьагIара чу урагIа хьалъэллай цо, тIаккха аьннад:

– Ер хьагIар а дIакъовлалойла, укх берзах кит хиллалца тхо укх хьагIара чу а ухкалда. Укхох кит хинна яьлча, тхо дийн а лолда.

Из хьагIар мичай ховш саг вац. Цу берзах кит хьахилча, оал наха, уж наьрташ хьадийн а лургба, цу хьагIара чура хьаара а баьнна, вай диканна а оттаргба.

КОГДА ОЖИВУТ НАРТЫ

Как-то установилась долгая засуха. Тяжело пришлось нартам. Мать посоветовала Соска Солсе попросить пропитание у камня [1], из которого он вышел. Пошел Соска Солса к тому камню, пожаловался на горькую долю нартов и попросил им пропитания. Тут на камне появились и еда, и питье. Сколько бы нарты ни ели и ни пили, на камне все не иссякала пища.

Но прошло два года, камень перестал кормить нартов. Кончилась его благодать. До Соска Солсы дошло, что его молочный брат Батига Шитка где-то хорошо устроился: разжирел. Послал Соска Солса нартов проведать, где это Батига Шитка так сытно устроился. Наконец, Соска Солсе донесли, что Батига Шитка находится в подземном мире Эл, сидит у водяной мельницы и голода не знает.

Спустился Соска Солса в тот мир и увидел справного телом Батига Шитку, сидящего у водяной мельницы. Лишь завидел он Соска Солсу, как тут же исчез. Мельница была чудесной. Она без зерна давала помол, и какое-то время кормила Соска Солсу и его нартов. Но прошло время, и мельница без зерна перестала давать муку. Правда, с тех пор у людей появилась водяная мельница и им легче стало молоть зерно [2].

Наконец, голод окончательно одолел нартов. Все их старания были напрасны. Тогда Соска Солса повел нартов в глубь наших гор. Пришли они к некой большой пещере.

Тут Соска Солса сказал нартам:

– Чем будут наши трупы валяться по земле, чем будут о нас злословить, говоря, что скончались мы от голода, выпьем расплавленную медь и все помрем в этой пещере.

Стали нарты пить по одной чаше расплавленной меди и замертво ложиться в пещере.

Соска Солса последним выпил целых три чаши меди, и все же смерть не брала его. Горит и болит у него все нутро. Лежит он в муках. Вдруг откуда-то прилетела пестрая ворона.

– Зачем прилетела? Чего тебе тут надо? – спросил Соска Солса.

– Прослышала я, что ты умер и прилетела поклевать твои глаза,– ответила ворона.

Соска Солса стрельнул из лука и убил ее.

Тут неожиданно появился волк. И его Соска Солса спросил, чего ему тут понадобилось.

– Сказали мне, что ты умер, вот я и пришел погрызть твои внутренности,– ответил волк.

И его Соска Солса убил.

Вдруг опустился рядом лесной голубь. И ему Соска Солса задал тот же вопрос.

На что голубь ответил:

– Прослышал я, что тебя одолевают смертельные муки и решил узнать, чем могу помочь тебе. Скажи, что я могу для тебя сделать?

– Принеси мне воды,– попросил Соска Солса.

– Да как же я принесу, ведь я всего-навсего голубь?

– Мне хватит и той капли воды, что поместится в твоем клюве,– ответил Соска Солса.

Улетел голубь и вернулся с водою в клюве. Выпил эту каплю Соска Солса, и ему несколько полегчало.

Тут он проклял и ворону, и волка, сказав:

– Пусть люди вечно преследуют ваше потомство!

А голубю он пожелал, чтобы люди высоко чтили его породу.

Поднял Соска Солса мертвого волка и подвесил его в пещере, затем произнес заклинание:

– Пусть закроется вход в эту пещеру, и пусть мы, нарты, будем лежать в ней, пока волк не превратится в «кит» (опадут с него все волосы). Как только это случится, пусть все мы оживем, и пещера раскроется.

...Никто не знает, где эта пещера находится, но люди говорят, когда этот волк полностью облезет, нарты оживут, выйдут из пещеры и станут нашими защитниками [3].

В 2003 году от 71-летнего жителя гор. Малгобека Ази Ахметовича Куштова записал И. Дахкильгов.

В сказании полностью отсутствует мотив гибели нартов по их собственной вине.

[1] По совету приемной матери Соска Солсы нарты в голодное время кормятся с камня, из которого «родился» Соска Солса. Камень – своеобразная «скатерть-самобранка». По всей вероятности, в прежние времена вместо безымянной матери в сказании присутствовала Села Сата.

[2] Здесь имеет место второе упоминание в эпосе того факта, что водяная мельница была принесена в мир живых из мира мертвых (первое упоминание – в ранее приведенном тексте «Сеска Солса и Селий Пиръа»).

[3] *Нарты станут нашими защитниками* – подобное утверждение нигде более не встречается и скорее всего является выражением народной мечты о лучшем будущем.

* * *

107. 60 ОРХУСТОЙЦЕВ И ЦАЗИК [1]

Это было давно. Жили в одном ауле 60 орхустойцев. Все они происходили от 60 матерей; каждый из них имел по одному быку. В соседстве с орхустойцами жил человек по имени Цазик, имевший также одного быка. Как только наступила весна, орхустойцы отправились в поле для пахоты и захватили с собой быка Цазика без его ведома. Когда они возвратились с поля, то вместо того, чтобы поблагодарить Цазика, стали его бить, зачем-де он не явился к ним в поле на помощь. «Меня сколько угодно бейте, – сказал Цазик орхустойцам, – только, ради бога, не бейте моего быка». – «А! Так для него тяжелее перенести побои на быке, чем на себе. Давайте же, – вскричали они, – назло ему убьем быка». И орхустойцы убили быка.

Цазик, собрав кости быка в мешок, отправился в аул, где люди гребли золото лопатами. Вечером подошел он к одному дому. Хозяин пригласил его зайти в дом и оставить свою ношу в передней. «Нет, – говорит Цазик, – благодарю тебя, но я не могу оставить мешок с золотом в передней твоего дома. Потому что судьба постоянно преследует меня, и я боюсь потерять его». – «Если он пропадет, я дам тебе столько золота, сколько его у тебя в этом мешке». Тогда Цазик оставил свою ношу в передней и вошел в комнату.

На другой день рано утром вышел Цазик посмотреть на свой мешок. «Какой я несчасный, как я глуп! Зачем я оставил в передней мешок, зная, что судьба меня оставляет!?» С такими словами вбежал он в комнату. «Что случилось с твоим мешком?» – спрашивает его хозяин. «Похищено золото, находившееся в мешке, и похититель на смех положил в мешок кости быка или коровы!» Хозяин насыпал ему в мешок золота и отпустил его домой.

Орхустойцы, узнав, что Цазик возвратился домой с огромным богатством, пришли к нему узнать, как это он приобрел столько золота. «Был я, – говорит Цазик, – в таком ауле, где кости, особенно бычьи, ценятся дороже золота, и там променял я кости своего быка, убитого вами, на чистое золото». – «А что, дадут нам золото, если мы отвезем туда кости своих быков?» – спрашивают орхустойцы. «Отчего не дадут! Дадут, отвезите только». Орхустойцы порезали всех своих быков и отвезли их кости в тот аул. Стали они ходить по аулу с костями и кричать: «Кто хочет променять золото на кости?» Жители со смехом выгнали их из аула. «А! Так Цазик вздумал пошутить над нами», – сказали орхустойцы со злобой, – мы сотрем его с земли!»

Как только возвратились они домой, тотчас же напали на Цазика и стали колотить его. «Меня бейте сколько угодно, – говорит Цазик, – только мать мою не бейте». Назло ему орхустойцы тут же убили его мать.

Цазик, одев покойницу, как невесту, и положив ее себе на плечи, отправился в один аул. Подошедши к нему ночью, он остановился у реки, которая текла подле аула, и поставил мать свою на ноги, подперши ее двумя палками, а сам пошел в аул, во двор одной вдовы, которая имела трех дочерей. Вдова попросила его зайти в ее кунацкую. «Не могу, – говорит Цазик, – зайти к тебе, потому что около реки оставил я свою невесту, а я так несчастлив в жизни, что боюсь, как бы не лишиться ее». – «Я, – говорит вдова, – пошлю сейчас своих дочерей за ней». – «Не могу послать твоих дочерей за моей невестой, потому что боюсь, как бы не случилось с ней какое-нибудь несчастье». – «Если случится, – говорит вдова, – с твоей невестой что-нибудь, то я отдам тогда за тебя свою старшую дочь». Цазик согласился и остался на ночь у вдовы.

Вдова же послала своих дочерей за невестой Цазика. Девушки нашли около реки женщину, одетую, как невеста, но едва дотронулись до нее руками, как она свалилась в реку, и река понесла ее. Девушки возвратились домой и рассказали матери и Цазику, какое несчастье случилось с ними. Нечего было делать, вдова отдала свою старшую дочь за Цазика. Таким образом Цазик возвратился домой с невестой.

Услыхав об этом, орхустойцы пришли спросить у Цазика, как он приобрел себе невесту. «Был я, – говорит он им, – в таком ауле, где за мертвых, в особенности за мертвых старух, охотно наделяют невестами».

Орхустойцам, хотя и имевшим уже жен, показался очень заманчивым такой способ приобретения невест, и они спрашивают у Цазика: «А что, нам могут променять невест на тела наших старух?» – «Могут, отчего нет», – отвечает им Цазик. Орхустойцы убили своих матерей и понесли тела их в тот аул, который указал им Цазик. Пришедши туда, они стали кричать: «Кто меняет невест на мертвые тела?» Жители со смехом прогнали их. «А, – говорят тогда орхустойцы, – опять Цазик вздумал над нами подшутить! Постой же, мы его сотрем с земли!»

Возвратившись домой, стали они его колотить. «Бейте меня сколько хотите, – говорит им Цазик, – только не бросайте, положив на доску, в реку». Они положили Цазика на доску и кинули его в реку. Цазик поплыл по реке. Долго ли, коротко ли плыл он, не знаем. Но вот стал он плыть мимо пастуха, стадо которого расположилось на берегу. Пастух говорит ему: «Спасти ли тебя?» – «Спасай, – отвечает Цазик, – если только тебе хочется отдать мне корову из своего стада». – «Вот еще что выдумал! Спасай тебя да еще отдай тебе корову! Тони, если тебе хочется!»

Проплывает Цазик мимо табуна лошадей. Табунщик тоже предлагает ему свои услуги. «Спасай, – говорит ему Цазик, – если тебе хочется отдать мне потом лошадь из своего табуна!» – «Вот еще! Спасай тебя да еще отдай тебе лошадь! Погибай, если тебе хочется!»

Проплывает он мимо стада овец. «Вытащить тебя из реки?» – спрашивает его пастух. «Вытаскивай, если тебе хочется отдать мне потом барана из своего стада». – «Отчего же нет? Можно отдать. Ведь не погибать же человеку из-за одного барана!» И пастух вытащил Цазика из реки.

Когда же получил он барана, то стал было прощаться с пастухом, но тот упрашивал его остаться с ним на ночлег. «Нет, не могу остаться, – говорит Цазик. – Я так несчастлив, что боюсь, как бы ночью не случилось что-нибудь с моим бараном». Пастух обещал ему, если только случится какое-нибудь несчастье с бараном, отдать ему 60 овец. Цазик согласился и остался ночевать. В полночь, когда пастух заснул, он встал потихоньку и, поймав своего барана, зарезал его, а потом стал мазать его мясом по губам всех овец, а кожу его разорвал на мелкие куски. Затем он опять лег спать, как ни в чем не бывало. Наутро Цазик пожелал видеть своего барана и вместе с пастухом пошел посмотреть стадо. Видят они, что у всех овец губы в крови, а барана Цазика совсем нет. Тогда Цазик стал громко роптать на свою судьбу, жалуясь, что ему ни в чем удачи нет и что он потому именно и не хотел оставаться на ночь у пастуха, что предчувствовал несчастье. Пастух отдал ему 60 овец и отпустил его.

Узнали орхустойцы, что Цазик возвратился домой с барантой, пошли к нему и начали спрашивать его, как он приобрел баранту. «Да вот как, – говорит Цазик. – Когда вы бросили меня в реку, и я доплыл уже до моря Мать вод [2] позвала меня на дно морское и дала мне 60 овец в благодарность за то, что я посетил ее море». – «А что, если мы посетим Мать вод, то она и нам даст?» – «Отчего же нет? Только доплывите до моря каждый отдельно. А когда старший прибудет туда, то он должен броситься с доски прямо в море, и если он попадет да дно морское, значит Мать вод призывает его к себе. Тогда и остальные тоже нырните в воду». Орхустойцы сели на доски, каждый отдельно, и поплыли по реке к морю. Когда они доплыли до моря, то старший из них бросился в море и стал бить руками, как всякий утопающий. Орхустойцы же, думая, что старший брат зовет и их за собой, бросились все в воду. Таким образом все они и потонули.

Между тем орхустойские жены ждали возвращения своих мужей. Видя, наконец, что их ожидания напрасны, кинулись они к Цазику как виновнику из несчастья. Цазик стал бежать от них, а они за ним. На дороге Цазику встретился еврей, который вез на лошади товар. «Ты куда так бежишь?» – спросил его еврей. «Влюбились в меня, – говорит Цазик, – 60 женщин, и каждая из них хочет, чтобы я жил с ней. Но я ни с кем из них не желаю жить, так вот они гонятся за мной». – «Дай, я заменю тебя», – говорит ему еврей. «С радостью, если ты хочешь этого». Еврей передал свою лошадь с товаром Цазику и поменялся с ним одеждой. Когда жены орхустойцев встретились с Цазиком, то приняли его за

торгующего еврея и пропустили мимо себя. Догнав же еврея, они убили его, приняв его за Цазика. Потом они разбрелись в разные стороны. Цазик же возвратился домой и стал жить с этого времени без всяких тревог [3].

В 1871 году от жителя Назрани записал Ч. Ахриев.
Опубликовано: ССКГ. 1871. Вып. 5. С. 42; ГЭЧИ. С. 356.

[1] Примечание Ч. Ахриева: «Цазик – собственное имя, но в обыденном разговоре словом этим называют маленькую чашку, служащую для соли или рассола, которыми приправляют баранину; для бедных же рассол этот служит единственной приправой сухого чурека (хлеба)».

Слово «цIаза» применяется у ингушей и к названию мизинца («цIаза пIелг»).

[2] *Мать вод* – персонаж мифов и сказаний («Хи-нана» – *по-инг.*).

[3] Это произведение не является сказанием. Тут скорее всего виден пример разложения эпоса и применения сказочно-анекдотического сюжета, известного многим народам. Неизвестны другие сюжеты, в которых орстхойцы были бы представлены глупцами. Традиция противопоставления Цазика и орстхойцев, возможно, восходит к противопоставлению Боткъий Ширткъи и нарт-орстхойцев. У. Далгат справедливо считает этот текст свидетельством времени разложения ингушского нартского эпоса.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Предлагаю вниманию читателей некоторые сделанные мною исследования по ингушскому нартскому эпосу. Эти фрагментарные статьи были опубликованы в разное время и в разных источниках. В результате чего они не избежали некоторых малозначительных повторов. Надеюсь, читатель отнесется к этому с пониманием.

Надеюсь, что в своей совокупности эти исследования дадут цельное представление о специфических особенностях своеобразного и древнейшего эпоса.

Приведенные статьи не претендует на исчерпывающее исследование этого оригинального и самобытного эпоса, но автор попытался как-то прояснить некоторые спорные вопросы. Эти ответы на них, надеюсь, заинтересуют внимательных исследователей кавказской Нартиады и будут интересны для любопытных читателей.

ОБ ИНГУШСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Вершиной развития народного словесного искусства признается эпос. У каждого народа он имеет свою историю, свою морфологию и свою поэтику. У русских – это былины, «Манас» – у среднеазиатских тюрок, калмыки свой эпос называют «Джангар»; «Олонхо» называется он у якутов; финны и эстонцы называют его «Калевала», у скандинавских народов имеется «Эдда», у германских – «Нибелунги»; «Амирани» называют свой эпос грузины, и таких примеров множество. У народов Центрального и Западного регионов Северного Кавказа имеется своя величественная Нартиада, или, проще говоря, нартский эпос. Удивительной его особенностью является то, что он имеется у самых разных народов многонационального края: у абхазов и абазинцев, у адыгских народов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов), у балкарцев, ингушей, карачаевцев, осетин, чеченцев. Фрагментарно эпические сказания о нартах бытуют как у некоторых народов Дагестана, так и у горцев Грузии. Кавказовед П. К. Услар, отмечая ареал бытования нартского эпоса, писал, что он распространен по Северному Кавказу, однако, в Дагестане этот эпос затухает, и нарты здесь превращаются уже в обычных сказочных великанов, иногда добрых, но, чаще, злых [202, *29*].

У некоторых из ранее перечисленных народов нартский эпос изучен довольно основательно, у других – еще явно недостаточно, что порождает научные споры о том: где зародились основы кавказской Нартиады; у кого из народов, его носителей, он наиболее архаичен и т. д. Возникают вопросы о генезисе разных мотивов, заимствованиях, типологических схождениях и пр. До сих пор никто даже толком не выявил этимологию самого термина «нарт», и все дело тут ограничивается разными предположениями.

В туманную даль уводят споры, связанные с попытками локализации основного ядра (правда, и в самом понятии «ядра» здесь не все еще ясно) нартского эпоса в каком-то конкретном эпосе. С разных сторон выдвигаются как представляющие определенный научный интерес, так и весьма поверхностные «доказательства» в пользу того или иного этноса. Однако вопрос о первоистоках этого эпоса продолжает оставаться открытым. Возможно, он во многом прояснится, когда будут детально изучены все национальные версии, а уже затем появятся основательные обобщающие научные исследования по проблематике всей Нартиады в целом. Но на дан-

Чах Эльмурзиевич Ахриев. В 70-х годах XIX века записал и опубликовал ингушские фольклорные и этнографические материалы

ном периоде ее изученности, если спросить ученых, например, от какого из кавказских народов идут нарты, то представитель адыгов тут называет своих предков, абхаз называет абхазцев, осетин – осетин. Ингуши же в свою очередь также называют своих ингушей. Все эти представители разных национальностей, вопреки всему, в итоге правы в том, что у каждого из них есть своя национальная версия нартского эпоса. Всеми признано, что общность кавказской Нартиады определяется неким сюжетным единством и наличием единых для всех главных героев. Одновременно признано, что в процессе многих и многих веков своего развития каждая национальная версия Нартиады приобрела сугубо свои национальные признаки, которые, кстати, исследованы с меньшим вниманием.

Кавказская Нартиада начала привлекать к себе внимание со второй половины XIX века, но более пристально ученые стали обращаться к ней начиная с 30-х годов XX века. Особенно интенсивно разработкой своих национальных версий нартского эпоса со второй половины 40-х годов занялись осетинские и адыгские ученые. К этой работе несколько позже подключились абхазские и абазинские исследователи. Все эти ученые, каждый, приводя свои аргументы, в генетическом плане на первое место в Нартиаде ставит сугубо свою собственную национальную версию, что вполне объяснимо.

В вопросах изучения нартского эпоса, да и всего фольклора, иная картина сложилась у балкарцев, ингушей, карачаевцев, чеченцев

в результате сталинско-бериевской депортации 1944–1957 годов; следом шли тяжелые годы национального возрождения. Поэтому наука этих народов несколько отстала в вопросах изучения своего родного фольклора и, в частности, нартского эпоса. Это отставание позволило отдельным кавказским нартоведам проявлять скептическое отношение, например, к ингушскому нартскому эпосу, который они стремились зачислить в периферию общекавказской Нартиады, объявить его в отдельных фрагментах подражательным или заимствованным и т. д. Конечно же все это являлось результатом как недостаточной публикации местных текстов, так и слабостью местной фольклористики 50-х – начала 60-х годов, не говоря уже об этике. Возьмем, к примеру, такое несуразное утверждение некоторых исследователей, что якобы ингушский нартский эпос заимствован у осетин. На их взгляд, доказательством этому служит указание Ч. Ахриева, что местом проживания ингушских нартов является Санибанское ущелье, ныне находящееся в горной Осетии. Но эти исследователи явно не знакомы ни со своими собственными осетинскими преданиями, ни с трудами некоторых серьезных ученых (Е. Кушева, Н. Волкова и др.), иначе они знали бы, что Санибанское ущелье несколько веков назад было населено исключительно ингушами, которых оттуда вытеснили, а часть – ассимилировали. Конечно же ингушские нарты шли в Санибанское ущелье к себе, домой, в Ингушетию. Не зря в том ущелье есть склепы, в которых якобы похоронены нарты. Проживающие там осетины утверждают, что эти склепы принадлежат не им, а ранее них жившим ингушам.

Чтобы не возникло подозрений в пристрастности автора этих строк по этому вопросу, приведем высказывание Л. П. Семенова, написанное им со слов осетин: «Существует осетинское предание о том, что ингуши некогда жили в Куртатинском и Даргавском ущельях. Под натиском осетин, сражавшихся под предводительством легендарных героев Тага и Курта, и кабардинцев, надвигавшихся на ингушей с плоскости, последние отступили на восток – сначала в Санибанское ущелье, затем, через Чми, на правый берег Терека» [179, *27*].

Несомненно, что ингушские нартские сказания донесли до нас то время, когда они бытовали в ингушской среде в Санибанском, Куртатианском, Даргавском, Цейском ущельях.

Ч. Ахриев отмечает, что разные действия ингушских нартов большей частью локализуются в ущелье реки Ассы, в древнейшем и могущественном обществе Галгайче. Это вполне понятно, учитывая то обстоятельство, что названная местность являлась центром древней Ингушетии. Об этой местности все тот же Л. Семенов пишет: «В Ассинской котловине, несомненно, было средоточие многовековой хозяйственной и культурной жизни ингушского народа» [179, *137*].

Не зря именно там на вершине Зlогал-дукъ вблизи башенного укрепления МIагIотIе и храма МIагIий-ерды находится небольшой храм, называемый Соска Солса-ерда, где, по преданию, и похоронен предводитель нартской дружины и центральный герой ингушского эпоса Соска Солса. При толковании имени этого любимого и культово почитаемого героя приверженцы теории заимствований ингушским эпосом достижений других народов доходят до смехотворных утверждений: они объявляют имя Соска Солса заимствованным ингушами, причем сразу у двух народов: «Соска» – от кабардинского Сосруко, а «Солса» – от осетинского Сослана. Трудно придумать более абсурдное предположине, из которого вытекает, что ингуши только и способны перенимать чужое, а на самостоятельное творчество они не способны. А между тем образ этого главного героя в ингушском эпосе довольно развит. Причем его образ у ингушей предстает более положительным, чем в других национальных версиях нартского эпоса, в которых этого главного нартского героя губят сами же нарты, чего представить в ингушском эпосе просто невозможно. Образ ингушского нарта Соска Солса настолько примечателен, что требует специального, посвященного ему, исследования, ибо этот герой объединяет в себе черты эпического героя, солнечного божества и некоторые признаки, свойственные христианской религии.

Существенным шагом в развитии ингушского нартоведения явились издания научных трудов А. О. Мальсагова [136] и У. Б. Далгат [69]. Однако авторитет самого В. И. Абаева и его исследований был (в целом заслуженно) столь велик, что и указанные исследователи, думается, невольно подпали под влияние предвзятых, на наш взгляд, концепций этого крупного ученого. И все же, благодаря исследованиям А. Мальсагова и У. Далгат, ингушская версия нартского эпоса заявила о себе значительным образом и стала выходить на общекавказский уровень изученности эпоса. Однако после названных этих двух научных исследований ингушского эпоса прошло уже сорок лет. В течение этого времени внимание к изучению ингушского нартского эпоса значительно ослабло. В немалой степени здесь сказалась обстановка смуты 90-х годов XX века.

А между тем время, новые записи текстов и развитие общекавказской и местной фольклористики требуют дальнейшего и более углубленного изучения большого круга проблематики как всей кавказской Нартиады, так и конкретно самого ингушского нартского эпоса. Вполне резонной будет постановка вопроса: а почему в данном случае выделяется именно ингушский эпос? Ведь и А. Мальсагов, и У. Далгат называли эпос то «вайнахским», то «чеченским и ингушским». Отвечая, необходимо отметить, что с 1934 года насильственно культивируемая идея нивелировки как чеченского, так и ингушского народов заданно требовала от исследователей рассматривать культуру (в частности, фольклор) этих обоих народов как нечто совершенно единое и целое. Несомненно,

имеется много общих черт в культурах этих народов, так же как и немало черт, сближающих их с культурой других кавазских народов. И все же... У каждого народа есть своя история, есть свое национальное лицо, свои специфические культурные традиции. Если посмотреть на все это с позиций нартского эпоса, то разночтения тут между ингушским и чеченским эпосом довольно существенны, что позволяет говорить о самостоятельных двух национальных версиях нартского эпоса. Поэтому нами внимание уделено именно ингушской версии общекавказской Нартиады. Несомненно, что о чеченских нартах еще появятся самостоятельные и глубоко научные труды, и они послужат на благо всей кавказской Нартиады.

Те, кто знаком с ингушским фольклором, наверно, заметили, что в этой антологии ингушский эпос просто назван «нартским», а не «нарт-орстхойским», как обычно было принято до сих пор. Термин «нарт-орстхойцы» в корне неверен. Ведь «нарт» – это эпический герой, а «орстхо» – этническое название; эти понятия совершенно разные, тем не менее местные фольклористы (а с ними и автор этих строк) продолжали употреблять столь несуразный термин. От этой ошибки еще лет 140 назад предостерегал Ч. Ахриев, который в своей работе «Несколько слов о героях в ингушских сказаниях» писал: «Во всех ингушских сказках и песнях героями являются **нярты** и орхустойцы с противоположными характерами. Первых изображают как людей в высшей степени добрых и нравственных, а потому не удивительно, что слово «нярт» сделалось между ингушами нарицательным именем. Ингуш, желая выразить посильнее похвалу кому-либо, говорит так: «Нярт вох санна ва из», т. е.: «Он молодец, как нярт, он добр, как нярт».

В памяти народа нярты являются рыцарями, защитниками слабых, вот почему они и ведут беспрерывную борьбу с орхустойцами, являющимися в народных сказаниях как люди злые, коварные, завистливые» [20].

Конечно, здесь Ч. Ахриев, говоря об орстхойцах, сгустил краски. Ингуши-орстхойцы такие же самые обыкновенные люди, как и представители других ингушских племен. Тяжелая историческая судьба орстхойцев еще детально не изучена. Но в данном случае, следуя Ч. Ахриеву, эпос должен просто и ясно именоваться «нартским».

Запись ингушских нартских сказаний восходит к началу 70-х годов XIX века, когда впервые их опубликовал Ч. Ахриев [20]. К 90-м годам того же века эту работу в Ингушетии продолжил большой друг ингушского народа даргинец Башир Далгат [67]. Уже в советское время работа по записи ингушских нартских сказаний была в довоенный период (до 1941 г.) продолжена Х. Осмиевым и Х-Б. Муталиевым [101], Д. Мальсаговым [135], Л. Семеновым [180], Е. Крупновым [122], Л. Ахриевым, А-В. Аушевым и др. В 60–70-х годах к этой работе подключились А. Мальсагов, А. Танкиев, И. Дахкильгов и др. Представленные тексты ингушских

На переднем плане слева направо: Е. Крупнов и Л. Семенов совершают экспедицию по горной Ингушетии

нартских сказаний дают о них наиболее цельное представление, сравнительно с предыдущими сводными публикациями.

Северный Кавказ представлен народами, говорящими на кавказских языках (адыги, абазины, абхазцы, ингуши, чеченцы, дагестанские народы), тюркских языках (балкарцы, карачаевцы, кумыки), на языке иранской языковой группы (осетины). Но при всем языковом разнообразии культура этих народов как материальная, так и духовная, во многом родственна. Особенно это относится к словесному искусству – фольклору и прежде всего – к нартскому эпосу.

Великий кавказовед Е. Крупнов, научная деятельность которого начиналась именно в Ингушетии, не в пример некоторым другим нартоведам, не впадая в голословные утверждения, на основе неопровержимых фактов развенчивает порочную идею о привнесении к народам Кавказа основного ядра нартского эпоса какими-то степными народами, ведшими кочевой образ жизни. Тут самое время обратиться к выводам самого Е. Крупнова из его статьи «О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа» [122]: «И сейчас я вновь со всей категоричностью хотел бы подчеркнуть свой главный тезис о том, что героический нартский эпос – это результат самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо местных кавказских племен, носителей

родственных языков, развившихся на основе древнего и единого кавказского субстрата. Поэтому не случайно нартский эпос возник и развивался в таких районах Северного и Западного Кавказа, на территории которых на рубеже бронзового и железного веков бытовали морфологически близкие между собой так называемые археологические культуры: кобанская, прикубанская и колхидская. Они развились и развивались также на базе более древних родственных культур эпохи бронзы. Ныне же на этой территории проживают чеченцы, ингуши, кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абазины и абхазы, т. е. народы, принадлежащие к особой, так называемой кавказской языковой семье, отличной от всех языковых систем мира. Здесь я сознательно не упоминаю ираноязычных осетин, проживающих на северном склоне Центрального Кавказа, и тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, также представляющих один и тот же единый так называемый кавкасионский антропологический тип, как и все адыги и вайнахи. И наличие у них, в особенности у осетин, развитых циклов нартского эпоса, для меня служит одним из доказательств их сугубо местного, а не пришлого происхождения. Только на протяжении столетий они сменили свой язык: одни племена, как осетины – на иранский, другие – балкарцы и карачаевцы – на тюркский языки».

Е. Крупнов вывел кавказское нартоведение на подлинно научный путь. Упомянутое его исследование, как он сам подчеркнул в нем, напрямую касается и ингушского нартского эпоса – эпоса аборигенного кавказского народа, являющегося равноправным членом общекавказской Нартиады.

В Средние века общность нартского эпоса кавказских народов, несомненно, поддерживалась и развивалась в условиях их совместного проживания в полиэтничной Алании, а затем и при золотоордынцах, к которым кавказские народы сумели довольно быстро адаптироваться.

Единство национальных версий кавказской Нартиады наиболее ярко представлено в образах двух его главных героев: Соска Солса – Сосруко – Сослан и Села Сата – Сатаней – Сатана. Оба эти – мужской и женский – образы, в несколько измененной форме сохраняя свои имена, предстают выразителями идеальных человеческих черт отдаленного и недавнего прошлого.

Нартский эпос весьма древен. В рудиментарной форме в нем отразились матриархат и каменный век. В праосновe эпоса лежит древняя мифология, по которой герои божественные и герои земные мало чем отличаются друг от друга. Герой эпоса на равных общается с мифическими героями и существами, также он довольно свободно путешествует из этого солнечного мира в потусторонний мир – мир мертвых. В эпосе много злых и коварных существ, с которыми герой чаще всего вступает в бой и побеждает их. Все это

типично также и для волшебной героической сказки, некоторыми чертами приближающейся к эпосу.

Такие значительные творения, как эпос, при своем возникновении конечно же вбирали в себя ранее накопленный мировоззренческий и художественный опыт. Немалую роль тут сыграла мифология. Одна из ее примечательных черт – активные контакты эпических героев с праязыческим божественным пантеоном. В ингушском нартском эпосе его герои как со своими близкими друзьями и помощниками общаются с такими древнейшими богинями (Великими Матерями), как Хи-нана (Мать воды), Мехка-нана (Мать страны, земли) и др. Среди древнейших ингушских богов наиболее воинственным предстает бог грома и молнии Села, потому-то он свободно действует в эпических сказаниях и вступает во всевозможные контакты с нартскими героями. Эпическими и вместе с тем полубожественными предстают и некоторые главные герои эпоса, например, Соска Солса и Села Сата, в образах которых отразились солярные и космогонические черты. Одной из исстари почитаемых местностей ингушей является Нясаре – это большой возвышающийся мыс, обтекаемый двумя реками – Сунжей и Назранкой. Находки каменного века свидетельствуют, что эта местность исстари была облюбована человеком. В Средние века там ставились сторожевые посты, а в начале XIX века там была воздвигнута царская крепость. И потому совершенно не случайно, что один из мужественных и добропорядочных нартов назван Нясаром (по имени указанной местности), а с самим мысом и названными реками связаны Хи-нана, Мехка-нана. Эти две могущественные божественные Матери являются хранительницами этого урочища, и они делают все, чтобы нарт Нясар не покинул эту местность. В сказании совпадают интересы этих Великих Матерей и нарта Нясара. Через этих героев проносится народная патриотическая идея: «Умри, но с родной земли не сходи!»

Героиня нартского эпоса Села Сата предстает женщиной как бы «сама по себе» – то она чья-то мать (чаще – приемная), то была замужем (фиктивно). Отсутствие четкой идентификации Села Саты опять же возводит нас ко временам матриархата, когда женщина была более свободна и не была скована брачными узами. И все же имеется смутное упоминание, что она являлась женою бога неба Хало (ХIало). По сказанию, на брачное ложе к нему с охапкою соломы идет Села Сата (отсюда и легенда об образовании Млечного Пути). И своим рождением она связана с другим небесным божеством – Селой. Связь Села Саты по отцу (Селой) и по мужу (Халой) с небесными божествами и с названным созвездием позволяет и ее саму считать имеющей черты небесного божества. Не исключено, что и само имя героини восходит к ингушскому слову «са» – *свет*. Будучи дочерью и женою небесных божеств и в какой-то мере связанной со звездами, она вполне могла являться некогда божеством света. Не исключено, что и первый слог в имени бога Села, также

Фольклористы А. Мальсагов и У. Далгат у развалин святилища Соска-Солса-Ерда
Фотография И. Дахкильгова

восходит к слову «са» – *свет*. Ведь это он же «зажигает» молнии и гремит громом.

Второй после космогонического мир, довольно часто встречающийся в ингушском эпосе – это мир хтонический, представляемый в образе сниженной копии с мира живых, называемого «солнечным миром» («маьлха дуне» – *инг.*). Тот, подземный, мир называется Эл (Iел). Слово это, как ни странно, по своему произношению весьма сближается с германским «hel», тоже обозначающим потусторонний мир мертвых. Ингушские нарты относительно свободно посещают этот подземный мир. Споры, неразрешимые в солнечном мире, нарты решают в Эле. Оттуда же герои черпают мудрость, недостающую в мире солнечном. Из Эла Села Сата «добыла» (украла – мотив трикстера) семена злаков, инструменты рукоделия, способ приготовления хмельного напитка. Через посещение Эла нарт Хамчий Патараз убедил людей делать пожертвования в угоду умершим. Из Эла нарты Селий Пиръа и Боткий Ширтка добывают водяную мельницу. С образом Хамчи Патараза связано поверие о «солнце мертвых» – утренние и вечерние зори. Хамчи Патараз, как ни странно, подобно Соска Солсе предстает и солярным героем. Так, он освобождает Солнце от злого дракона-сармака. И он же является

героем хтоническим: не раз посещает подземный мир Эл. Видимо, древними мыслилась связь этих двух миров через Солнце, которое ежедневно проходит через эти два мира. Тут обнаруживается много параллелей с египетскими, шумеро-аккадскими, греко-римскими верованиями. Двуединость мира в те отдаленные времена понималась конкретно, осязаемо, естественно переходящее из одного состояния в другое.

Соска Солса и Села Сата являются теми героями, которые позволяют говорить о каком-то генетическом единстве нартских сказаний разных кавказских народов. Соска Солса – персонаж многосторонний и во многом загадочный. Он и предводитель нартской дружины, он и божество, которому поклонялись. В отличие от нартского эпоса других народов в ингушском эпосе этот герой положительный, хотя за ним иногда и числятся не совсем достойные поступки (в нашем понимании).

Не являясь нартом, Боткий Ширтка вместе с тем является активным персонажем эпоса. Но в нем всегда подчеркнуто, что этот персонаж не от мира солнечного, что его мир – это мир Эла. Одно из его преимуществ – свободный, по его желанию в любое время, переход из одного мира в другой. Боткий Ширтка – персонаж мифический хотя бы в силу того, что земные обычаи для него как бы не существуют: ему не знакомо чувство злобы, мести; он покровительствует нартам, даже если они враждебны по отношению к нему. То есть этот образ совершенно не вкладывается в образ земного героя.

Исследуя мифические основы абхазо-адыгского, осетинского, балкаро-карачаевского эпосов и сопоставляя их с эпосом ингушским, приходишь к выводу, что древнейшие мифологические основы ингушского нартского эпоса наиболее древние и изначальные.

В мифологических основах национальных версий кавказской Нартиады нет единства, хотя, подходя с прагенетической ностры, единство мифологических корней должно было бы быть более осязаемым. Конечно же можно сказать, что за многие века разобщенности народов их мифология могла значительно обособляться, иногда до неузнаваемости.

Дискутируя о первоначальном ядре нартского эпоса народов Кавказа, ученые не всегда обращают внимание на прамифологическую основу местного эпоса. Именно она и может пролить более яркий свет на праосновы нартского эпоса.

Эпос нашими предками не воспринимался как досужий и лукавствующий сказочный вымысел. В сознании народа нарты были реальными героями, которых в Ингушетии нередко причисляли к общенародным или родовым предкам.

Наиболее древними из сюжетов нартского эпоса являются сказания о рождении героев. Весьма архаичным тут предстает мотив чудесного рождения героев Соска Солса и Хамчи Патараза из камня. Последующая закалка героев в огне прямо указывает на период

появления металла. Уже в детстве герой начинает проявлять свои необыкновенные богатырские способности. Ряд сказаний повествует и о женитьбе нарта. Часто его женою становится не обыкновенная, а наделенная чудесными свойствами героиня. Большая часть сказаний конечно же посвящена подвигам нартов. Они борются с многочисленными врагами: драконами, великанами-вампалами или же, наоборот, с карликами (Бийдолг-бяре, Пхагал-бяре, Нохчий лоха Бошголг; также врагами их выступают и ужасный лесной вепрь, и злая ведьма–гам). Есть сказания и о «грабительских» набегах нартов, но грабителями они являются лишь с точки зрения нашего современника, однако в далеком прошлом силою оружия приобрести добычу считалось за подвиг: таковы были воззрения периода «варварства». В те далекие времена, как свидетельствует народная память, различали обыкновенное воровство, которое осуждалось, и набег – поход за добычей, которая в таких случаях называлась «кIай фос» – *белая добыча*, т. е. приобретенная в честном и открытом поединке.

Нартов сближает с обыкновенными людьми то, что и у них случаются межличностные столкновения, которые, впрочем, чаще всего мирно разрешаются. Нарты выступают и основателями поселений, и воинами, стоящими на страже общенародных границ. Простой народ не любит, когда кто-то превозносит себя сам, кичится своею силою, и потому-то в эпосе есть сказания, в которых утверждается мысль: не надо быть кичливым, потому что на сильного всегда найдется более сильный. Немало сказаний, в которых действуют богатырские кони, разные чудесные звери и птицы. Встречаются и мотивы оборотничества. О том, что эпос восходит ко временам матриархата, наглядно свидетельствует предельно уважительное отношение к женщине. Тут отдельно надо отметить древнейший из образов – образ вещей Жер-бабы, хранительницы благодати и мирной жизни. Особенно примечательны наделенные необычными свойствами мифические женщины – это Села Сата и Мялха Аза.

Формирование эпоса происходило в период разложения матриархата и прихода на смену ему патриархата, в результате которого возвысилась роль скотовода и воина-защитника. Но тем не менее эпос вобрал в себя стадиально предшествовавшую ему мифологию и социальные черты, свойственные матрилокальному обществу. Имеются в эпосе отзвуки каменного века (рождение героя из камня) и отзвуки значительно позднейшего железного века (закалка стальных героев). Длительное бытование эпоса было обусловлено и весьма затяжной на Кавказе эпохой «военной демократии». К периоду своего разложения (в позднем Средневековье) в нартский эпос адыгов и осетин стали проникать и некоторые феодальные черты. У ингушей же и абхазов они не получили особого развития.

Эпосу свойственна циклизация. В ингушском нартском эпосе можно выделить такие основные циклы: Соска Солсы; Села Саты и

Мялха Азы; Хамчи Патараза; Наьсара; Боткий Ширтки. На стадии деформации предстают отдельные сказания о Бятаре, Кинда Шоа, Оршамар (его сын Арш) и другие.

Если в богатырской сказке герой трафаретно задан, удачлив, а действие развивается в рамках устоявшихся сюжетно-тематических комплексов, то эпический герой бывает во многом индивидуализированным. Например, вышеперечисленные нартские герои какими-то своими особенными чертами характера и поведения, какими-то только с ними связанными сюжетами во многом разнятся между собою. Общим же для нартских героев является их беззаветный героизм и этичное поведение. В ингушском эпосе невозможно найти случая, когда кто-либо из нартов показал себя трусом. Нартов также объединяет их благородный характер, правда, понятие благородства подвержено историческим изменениям кодекса этических правил. Еще одна типичная черта – гордость. Особенного апогея она достигает, когда повествуется о самоубийстве нартов. Такой поступок в быту подвергается всяческому осуждению. Но случай с нартами здесь особенный: они очутились у черты неминуемой и позорной гибели. Гордые нарты не хотят, чтобы по смерти о них говорили, как о жалких людях, не сумевших сохранить себя и умерших от голода. Не хотят они, чтобы люди насмехались над их голодом обезображенными, опухшими телами. Им претит дурная посмертная слава. Они хотят, чтобы после их смерти люди с восхищением говорили о них: «Нарты, пившие расплавленный металл!» (ЦIийдаь чаIа мийна наьрташ!). Кстати, в описаниях гибели нартов нет единства у кавказских народов. В ингушском же эпосе они гибнут, выпив расплавленную медь. На наш взляд, этот мотив каким-то образом проник в местный фольклор из Корана. В нем утверждается, что в желудках грешников, словно медь, кипит какое-то дерево «зуккум». Тут уместно вспомнить, что в нартских сказаниях ряда народов утверждается, что нарты настолько возгордились, что пошли против Всевышнего. Таким образом, они стали осознаваться и как грешники, которых и постигает кораническое возмездие.

Вряд ли будет правильным утверждать, что в эпосе образ жизни нартов – это исключительно цепь походов (за добычей), пиров и вновь походов. Ведь чтобы нарты могли вести такой образ жизни, кто-то должен создавать материальные блага! И тут на фоне нартского эпоса мы видим, например, скотовода Горжая, прилежного и богобоязненного труженика, посредством жертв сроднившегося с богами. Таким образом, выступление нартов против Горжая – выступление против самого Бога. Правда, грабят нарты Горжая, непременно вызвав его на открытый бой. Но мало того, что нарты начисто ограбили его, они после этого не оставили Горжая в покое и насмехались над ним, посадив его на коня, лицом к хвосту, и пустив в поле. В сказании отразилось презрение набеговиков к мирному труду. Само же бытование подобных сказаний было

возможно лишь именно в той среде, в которой всячески восхваляемыми были воинские доблести, даже если они и проявлялись в обыкновенном грабеже.

На фоне нартских подвигов также видны и такие представители мирных профессий, как три брата из сказания «Как победили черного вампала Неге». Эти трое по своей профессии представляют охотников, скотоводов и ремесленников. В сказании они не совершают каких-то походов, завоеваний и других героических поступков. И все же, не в пример законам эпоса, они намного сильнее и могущественнее нартов. Но их сила направлена не на воинские дела. Они – герои производительного труда. В данном случае мы наблюдаем скрытое сопоставление людей труда и людей войны – нартов, которое не всегда оказывается в пользу последних. Среди ремесел на первое место выведено кузнечное дело, что вполне понятно, исходя из того, что нартский эпос оформлялся в наступивший век железа и являлся прежде всего апологией войны, а значит, и оружия. Под стать ему предстают и «булатнотелые» герои эпоса Соска Солса и Хамчи Патараз. Герои, закованные в броню с головы до ног, конечно же могли быть осознаваемыми как имеющие стальное (булатное) тело.

Хотя нарты осознавались как общенародные предки и даже имелись случаи возведения к ним того или иного рода (явная дань родовой идеализации), на самом же деле они не предстают каким-то отдельным родом, тем более народом. Нарты – это типичная военная дружина, которую объединяют не кровно-родственные связи; их единство держится на основе военного союза и братства по оружию. Эпос предстает доклассовым (или внеклассовым). В нем несколько более идеализирован Соска Солса, да и то потому, что он является предводителем этой воинской дружины, а не представителем какой-то аристократической верхушки. Даже силы небесные – и те над нартами не властны. Гордость, независимость и предельное свободолюбие нартов, сопряженные с беззаветным героизмом и всяческим презрением к смерти, а также и проявления рыцарства в бою и быту – все вместе порождает к ним симпатию, которая, начиная со времен человеческой юности (ранней бронзы), длится сквозь века и тысячелетия, вплоть до наших дней.

В период так называемой военной демократии, типичными представителями которой и являлись нарты, они щедро идеализировались. С развитием же общества идеалы «военной демократии» (а с нею и ее носители – нарты) уже начинали не вписываться в появившиеся рамки новых общественных отношений. Некогда поэтизированный герой-добытчик и герой-защитник нарт стал со временем ассоциироваться уже с насильником и даже обычным грабителем. Старый тип героя начинал изживать себя, и нартам ничего не оставалось, как сходить с эпической арены. К тому же идеология нартов – ярых язычников и богоборцев – начала вступать в противоречие с моралью единобожной (монотеистической)

религии. Все это обусловило появление мотивов гибели нартов. Однако эпическая традиция оказалась настолько сильной, что даже сама смерть нартов была поэтически героизирована. Многие исследователи отмечали: специфические условия проживания кавказских горцев (относительная изолированность от внешнего мира, натуральный и устойчивый хозяйственный уклад жизни, а отсюда – и стагнация общественных отношений) способствовали длительному сохранению в их среде реалий давно прошедших времен, в их числе и нартского эпоса. Но как только горцы Кавказа стали осваивать сопредельные территории, входить в более тесные экономические и культурные взаимоотношения с другими народами, вместе с уходящим прошлым стал уходить и нартский эпос. Его место теперь стали занимать новые эпические формы (героические предания, героико-эпические песни и др.), более соответствующие новым историческим условиям.

Исследователь Д. Мальсагов, записавший в 30-х годах XX века целый ряд нартских сказаний, отмечал: «С XVIII – XIX веков нартские сказания у чеченцев и ингушей стали забываться. С тех пор народ не пел этих сказаний, а рассказывал» [138, *22*].

В свое время Ч. Ахриев писал, что ингушские сказания раньше и рассказывались, и пелись. А о распространенности нартских сказаний он же еще в 1875 году, опубликовав текст об Урузмане, Орзми, Солсе и Патаразе, сыне Хамчи, в примечании к сказанию писал: «Все эти лица – одни из главнейших героев в сказаниях» [22]. Но беда в том, что о первых двух упомянутых тут «главнейших героях» (Урузман и Орзми) Ч. Ахриев не приводит ни одного текста, хотя они, по его же собственному заявлению, ему были известны. Из всего этого вполне определенно явствует, что во времена Ч. Ахриева нартский эпос ингушей бытовал в значительно большем объеме, чем его опубликовал Ч. Ахриев.

На наш взгляд, в исследованиях по ингушскому нартскому эпосу неправильно употреблен термин «местные герои». Автор этих строк в свое время также употреблял это словосочетание. Под этим термином подразумевались разные родовые богатыри, которые функционируют в некоторых нартских сказаниях и вступают в разного рода отношения с нартами (дружат, спорят, заключают родство). Некоторые родовые богатыри поименованы: Аьшк, Кинда Шоа и др. Чаще называется родовая принадлежность героя: Колой-кант (молодец из рода Калоевых), Барахой-кант (молодец из рода Барахоевых), Баркинхой-кант (молодец из рода Баркинхоевых). Случается, что в имени героя значится местность его проживания – Охкарой-кант (молодец из местности Охкаре). Характерно, что имена всех этих молодцев воспринимаются как имена собственные. В приобщении родовых героев к нартам наверняка надо видеть стремление возвеличить тот или иной род через его сопоставление с прославленными нартами и прежде всего с Соска Солсой. Естественно, что родовые богатыри идеализируются

весьма высоко. Часто они оказываются в этом плане выше нартов. Родовые богатыри стали в сознании народа теми же нартами, со всеми присущими им чертами.

Среди фольклористов существуют разногласия относительно формы передачи эпических произведений. Одни настаивают на его исконном песенном исполнении, другие считают, что эпос мог не только петься, но и излагаться в прозаической форме. Здесь интерес представляет сообщение исследовательницы адыгского фольклора С. Ш. Аутлевой: «Специфической особенностью адыгских историко-героических песен является то, что их нельзя понять без прозаических текстов, созданных на те же темы и служащих своего рода комментариями к ним. Адыгские певцы и сказители, как правило, должны рассказать всю «историю» песни, либо ее содержание, а затем только спеть» [239].

Видимо, нечто подобное когда-то было и у ингушей. Тут, к примеру, исследователь адыгского нартского эпоса А. М. Гутов отмечал: «Вайнахские сказания исполняются прозой и, судя по публикациям, формой изложения близки к архаическому мифу и мифологической сказке древнейшего типа» [64, *7*].

На основе текстологического анализа особенностей ингушских нартских сказаний А. О. Мальсагов пришел к выводу: «Видимо, раньше эти сказания пелись, а затем стали рассказываться» [136, *160*].

Не забудем, что и Ч. Ахриев в свое время отмечал, что ингушские нарты являются и героями песен. По крайней мере, один из фрагментов некогда песенного нартского эпоса исполнялся еще на памяти сегодняшнего старшего поколения. К примеру, автор этих строк сам слышал в исполнении знаменитого ингушского народного певца Идриса Цицкиева песню-жалобу врагами связанного героя Колой-канта (*Куолой-кIанта йиш* – Песня Колой-канта). У ингушей имеется прекрасная песенная традиция. В ней многоголосое хоровое исполнение сочетается с сольным исполнением. Лет около двухсот назад активно распространявшийся в ингушской среде ислам значительно преуспел в насаждении религиозных песнопений вместо традиционной песенной культуры.

Большие внутренние и внешние изменения в истории Ингушетии (рост населения, освоение равнинных земель, активизация взаимоотношений с соседними народами, углубление социально-экономического расслоения внутри ингушского общества...) [72], не преминули сказаться и на фольклоре. Теперь стали восхваляться вплоть до общенародной степени родовые богатыри, стал зарождаться новый песенный эпос – *илли*. Новые идеалы требовали новых форм эстетического выражения. Идеалы полумифического нартского эпоса уже не могли удовлетворить изменившиеся и возросшие требования народа к эпическому творчеству, природа которого стала значительно меняться. И все же нартские сказания, затухая,

еще продолжали существовать, но уже все более и более отходя на второй план после преданий и героико-эпических песен.

Все труднее становится сегодня записать нартское сказание. И все же случается, что и в наше время приходит удача. Так, в 1995 году от депортированного из Пригородного района Мусы Албакова удалось записать некоторые сказания. Исследователи А. Далиева, Б. Садулаев, М. Матиев представили некоторые свои записи. Весьма ценные записи нартских сказаний произвел старейший педагог и поэт Ингушетии Магомет Льянов. Совсем недавно редкостные сказания рассказал нам житель гор. Малгобека, депортированный из Базоркино Ази Куштов. Эти примеры дают надежду на то, что могут еще в глубинах народной памяти обнаружиться тексты доселе неизвестных нартских сказаний. А сам ингушский нартский эпос конечно же нуждается в обстоятельном научном исследовании, что и является очередной задачей ингушской фольклористики.

(Опубликовано: Антология ингушского фольклора. 2006. Т. 4).

НАРТЫ, ОРСТХОЙЦЫ

Нартский эпос народов Кавказа привлек к себе внимание со второй половины XIX века. Разрозненные его публикации еще не именовались как эпос, чаще писали рассказы, песни, предания, сказания. В XX веке нартский фольклорный цикл начал характеризоваться как эпос. Этот термин наиболее весомо прозвучал в работе В. Абаева «Нартовский эпос», изданной в Грозном в 1945 году в самом конце Отечественной войны. Причем тут не определялась его национальная принадлежность, поскольку автор работы прежде всего был уверен в его именно осетинской принадлежности. И почему-то эпос был назван «нартовским». На этом названии до сих пор настаивают осетинские нартоведы, тогда как у всех других северокавказских народов эпос называется единым словом «нартский». На родных языках у них, включая и осетин, термин «эпос» не употреблялся.

Перед самой Великой Отечественной войной, в 1941 г., тогдашний Чечено-Ингушский НИИ вынес решение о необходимости проведения широкоохватных полевых записей эпического творчества чеченцев и ингушей. Война в самом зародыше прервала эту работу. Но тогдашний директор этого НИИ Д. Мальсагов все же успел записать в горной Ингушетии нартские сказания. Опубликовать их он сумел лишь после окончания войны и завершения депортации народов в 1957 году во Фрунзе, на ингушском языке, в литературном сборнике «Дега гIоз» («Радость сердца»). Опубликовал он эти сказания под общим названием *наьрт-орстхой дувцараш* – нарт-орстхоевские сказания. С тех пор в ингушской фольклористике утвердился этот термин. При этом ученые считали необходимым подчеркивать, что в отличие от других народов Кавказа в местной среде эпос называется именно «нарт-орстхойским», и из этого наименования даже начали делаться далеко в дебри уходящие выводы. В свое время этого ошибочного термина придерживался и автор этих строк.

Нами уже вскользь упоминалась несуразность этого термина: ведь «нарт» – это имя эпическое, а «орстхо» – этническое, – имена ничего общего не имеющие. Однако в народе существовало имя «нярт-орстхо». Но, и это важно отметить, существовало в этническом, но никак не в эпическом значении.

Была опубликована монография «Нарт-орстхойский эпос вайнахов» [137], в которой ее автор утверждал: «В процессе исследования мы стремились доказать, что термин «нарт-орстхойцы» выражает одно нерасторжимое понятие, и допускающееся до сих пор противопоставление «нартов» «орстхойцам» приводило не только к путанице, но и искажало идейное содержание эпоса» [137, *174*]. Однако это мнение автора ничем не подтвердилось. Еще за 100 лет до него первый публикатор ингушского эпоса и прекрасный знаток в вопросах ингушеведения Ч. Ахриев (приходится

напомнить) прямо и недвусмысленно, со знанием дела написал: «Во всех ингушских сказках и песнях героями являются **нарты** и орхустойцы с противоположными характерами. Первых изображают как людей в высшей степени добрых и нравственных, а потому не удивительно, что слово **нярт** сделалось между ингушами нарицательным именем» [20].

Лет через двадцать после Ч. Ахриева, в 1892 г., Б. Далгат, записывавший обычаи и нартские сказания от сказителей Газбыка и Ганыжа, сделал такое примечание: «Рассказчик Газбык смешивает нартов и орстхойцев, но, как мы увидим ниже, другой рассказчик, Ганыж, проводит между теми и другими большую грань».

Ч. Ахриев, который находился в нартской фольклорной среде, также отмечал, что этих сказаний у ингушей много, и все это было отмечено им еще в 70-х годах XIX века. Вследствие всего этого он, наверняка, лучше разбирался в понятиях «нярт» и «орстхо». Вывод Ч. Ахриева является основополагающим.

Тем не менее и в наше время находятся авторы, утверждающие единство этих терминов. Особенно в этом плане высветился археолог М. Мужухоев, издавший брошюру «Нарты, аланы, вайнахи» [150]. С помощью чрезмерно обильного цитирования он всячески стремится доказать, что «нярты» и «орстхойцы» – это одно нерасторжимое понятие, причем «орстхой» иногда выходят на первое место. В доказательство сказанного автор делает следующие выводы:

1. Орстхойцы – потомки раннесредневековых неких «аргов»;
2. Орстхойцы и осетинский мифический нартский род Ахсартаггата генетически едины;
3. Орстхо первоначально означает «арен саг» («человек равнины или плоскости»);
4. Орстхой – исконные и древнейшие жители равнины (в то время, когда предки чеченцев и ингушей прозябали в горных трущобах).

Все эти четыре постулата не выдерживают критики. Рассмотрим их поочередно.

1. Еще в доаланские и аланские времена на Кавказе был отмечен некий этнос, носивший имя **арги**. Одно время считалось, что они проживали в Закавказье. Затем по названию Эльхотовских ворот (нынешняя Северная Осетия) «арджи нараг» была выдвинута идея о северокавказской принадлежности **аргов**. Историк В. Кузнецов предположил, что **арги** являются «одним из древних вайнахских племен» (*Кузнецов В.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 148, 149). Это предположение М. Мужухоевым поддерживается в следующей цитате: «...Можно считать, что северокавказские агры в этноязыковом отношении ... одно из древних вайнахских племен» [150, *88*].

Предположение В. Кузнецова о вайнахоязычности аргов оспаривается исследователем Ю. Дзиццойти, который, отмечая, что

«к числу исчезнувших народов, оставивших след в топонимии Осетии, а также в осетинском фольклоре, относится племя «арги», далее пишет: «Нельзя не соглашаться с В. А. Кузнецовым, когда он пишет, что, «судя по топонимике, племя аргов занимало довольно значительную территорию предгорий Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии – от Аргуна до Аргудана... Но нельзя признать его догадки о вайнахоязычности аргов и о связи этнонима «арг» с этнонимом «гаргареи». Скорее всего этноним «арг» связан с племенным названием «агры», встречающимся у Страбона» [81, *43*]. Также Ю. Дзиццойти, считает аргов индоевропейцами, в чем слышен намек на их осетиноязычность.

Все вышеприведенные авторы ничего толком не сказали об аргах: нет никаких лингвистических и других данных, позволяющих идентифицировать аргов. Все приведенные наукообразные высказывания построены лишь на догадках и предположениях. Тем не менее автору брошюры М. Мужухоеву достаточно, что В. Кузнецовым арги причисляются к жителям равнин (плоскостники!), к которым, практически бездоказательно, им причисляются орстхойцы, якобы бывшие ровесниками кобанской культуры. Звукосочетание **ар** в этнониме «арги» стало для автора названной брошюры столь занимательным и интригующим, что мифические арги стали соотноситься с ингушским племенем «ор(ар)стхой». Если делать важные выводы из таких простых созвучий («ар – ор»), то почему бы не посчитать аргов за древних армян, – ведь имеются же предположения об аргах – жителях Закавказья?

2. Осетинское сказание «Рождение Ахсара и Ахсартага» начинается с того, что у предка осетинских нартов Уархага родились близнецы, которым кузнец Курдалагон дал имена... далее по тексту:

«А почему названы они были Ахсар и Ахсартага?

Про отважного говорят *ахсар*. Таким был первый брат. И так его назвали. Но еще отважнее был второй брат и назвали его Ахсартаг, что значит «отважнейший» [185, *13*].

Эти мифические имена являются *определениями*, якобы данные небесным кузнецом Курдалагоном.

Справедливости ради необходимо отметить, что исследователи У. Далгат и Ю. Гаглойти не поддержали идею, вытекающую из манящей созвучности «ахсартаг» и «орстхо». При этом У. Далгат руководствовалась определяющими выводами Ч. Ахриева и частично Б. Далгата. Второй же из этих исследователей руководствовался совсем иным – полным отрицанием нартского эпоса у ингушей («отрыжкой» осетиноцентризма в кавказском эпосе).

Бывшее ингушское родоплеменное объединение в позднем Средневековье, отпочковавшееся от горных аккинцев, по имени «орстхой» (орштхой, эрштхой и др.), пережило тяжелую историческую судьбу во второй половине XIX века, растворившись среди народов Ближнего Востока, частично среди чеченцев и по большей

части среди единоплеменных ингушей. То, как этническое имя «орстхой» попало в названия некоторых ингушских нартских сказаний – вопрос, на который необходимо ответить.

Род, пошедший от двух мифических осетинских нартов, стал называться «Ахсартаггата». Его название на слух как бы сближается с этнонимом «орстхой». Этого легкого и поверхностного созвучия оказалось достаточным В. Абаеву, чтобы сделать вывод об единстве этих двух этнических наименований. По его мысли, строилась последовательность – от ахсартаггата к орстхой. Причем, не было сделано никакого лингвистического анализа. Получалось по идее: зачем он нужен, когда и так все ясно. Это наспех выдвинутое В. Абаевым тождество двух, совершенно разных, терминов получило поддержку со стороны Ж. Дюмезиля, Д. Мальсагова, Х. Ошаева, ряда осетинских ученых. Однако, как уже отмечено, исследовательница местного героического эпоса Уздиат Далгат усомнилась в этом натянутом тождестве, из-за чего получила упрек от осетинского нартоведа Ю. Гаглойти [45, *156*].

А следом за ними и М. Мужухоев написал: «Следовательно, между понятиями «орстхойцы» вайнахских сказаний и Ахсартаггата осетинских, вопреки мнению У. Б. Далгат, существует именно семантическая связь, причем практически абсолютная» [150, *76*].

Этот же исследователь в другом месте прямо пишет: «...именно нахоязычная кавказская субстратная среда является причиной созвучия слов нарт-орстхойцы и Ахсартаггаты – самого могущественного, ведущего из числа трех родов осетинского эпоса» [150, *4*].

О наличии в осетинском языке какого-то кавказоязычного субстрата отмечал еще В. Абаев. Это мнение стало расхожим, но осталось на уровне предположения, подкрепляемого лишь некоторыми лексическими схождениями, без всякого глубинного исследования. Но автор приведенной цитаты не только уверен в наличии гипотетического субстрата (некоторые осетинские ученые его отрицают, например, Ю. Гаглойти), но считает его вайнахоязычным, а сверх того еще и орстхойским, при этом опять же исходя из простого и далекого созвучия осетинского эпитета «ахсартаг» и этнонима «орстхо».

В доказательство выдуманной идеи, что со времен кобанской культуры орстхойцы были жителями равнины от Аргуна до Малки, им приводится кем-то придуманная этимология, что слово «орстхой» идет от «арара саг» («житель равнины»). Эта легковесная идея была даже подвергнута следующему обоснованию (в стиле народной этимологии):

«По всей вероятности, «орстхой – арштхой – аьрштхой» происходит от «аре» («равнина, плоскость»), *-ш* – показатель множественности, «тIа» – послелог, «хо» – словообразовательный суффикс» [136, *275*].

Древний башенный комплекс Эгикала – центр «ГIалгIай коашке», местопребывание нартов
Фото И. Дахкильгова

Эта наукообразная длиннющая этимология стала расхожей, но совершенно не обоснованной, как это увидим в последующем.

Факты истории и народная память свидетельствуют, что «орстхой – аьрштхой» – имя довольно позднейшее (образовалось где-то на рубеже XVII–XVIII вв., предположительно).

Ссылаясь на Н. Головинского [57], А. Генко писал:

«Некий аккинец по имени Арштхоо, выселившись из своего общества (Акки) и спустясь со своим родом в Бумутское ущелье, основался у истоков, называемых Черными ключами (*покумыкски* – карабулах) и образующих речку, впадающую в Мартангу (Фартангу. – *И. Д.*) и названную, по имени Арштхоо, Арштинкой. От населения, основанного здесь Арштхоо, образовалось особое общество, называвшее себя и доселе: Арштхой. Кумыки же называли его по источникам, у которых оно жило, Карабулах» [55].

Сами орстхойцы эту речку, кстати, текущую из гор по ущелью Эрште-чож, называют Эрште. Это имя превратилось в название поселившихся на ней выходцев из Аккинского горного общества «эршт-хой». Постепенно термин стал, по прихоти соседних племен, называться то «орштхой», то «орстхой» и др. Так образовалось новое и молодое родоплеменное общество, которое совместно с единоплеменными галгаевцами стало вновь осваивать равнину и основывать совместными силами села Эхки-Юрт, Экажево, Ах-

Боарзе, Кури-Юрт, Махьмад-хитIе, ГIажар-Юрт, Илдарха-гIала, Эбарг-Юрт и др.

Речку Эрште первопоселенцы на ней кумыки справедливо называли Карабулак – Черная речка. Вода в ней при черном каменистом дне и в тени нависших над ней деревьев действительно кажется черной. Кстати, на Кавказе еще немало подобных речек, именуемых черными.

По замечанию П. Буткова, затем карабулаки расселились по р. Ассе, зависели от разных владельцев (эндерийских, брагунских, кабардинских). Затем карабулаки числом в 300 дворов в 1763 году обратились к российской администрации с просьбой разрешить им поселиться на равнине. Генерал-майор Медем, исполняя их просьбу, позволил им в 1772 г. поселиться вверх по Ассе и Сунже, с выдачей аманатов [237, *260–303*].

Именно с тех пор (есть даже дата – 1772 г.) орстхойцев и можно называть жителями равнины, вплоть до проложения Сунженской казачьей линии к середине XIX в. (когда было произведено массовое разрушение их сел) и обоснования на их месте станиц.

Имя предводителя, выводившего людей из гор, – Арштхоо скорее всего является вымышленным: фольклору свойственно значимые события приписывать какой-либо личности. Но сам факт того, что орстхойцы выселились из горного общества Акка вряд ли подлежит сомнению. Подтверждение чему мы находим в фольклорной записи Магомета Дзейтова, произведенной им в 30-х годах XX в. в селении Сагопши от 80–120-летних Саадал-хаджи Бокова, Исмаила Мержоева и Ислама Мержоева, которые помнили массовое переселение орстхойцев в Турцию.

По рассказам этих стариков:

«Орстхой Яндарера, Арарча Аьккхара, Кераста Аьккхара, ГIачалкха Аьккхара, цу шахьарашкара хьабаьнна ба» [14, VII, *135*].

Перевод: «Орстхойцы вышли из мест Яндаре, Арара Акка, Кераста Акка, Гачалка Акка».

Вышедшие из этих мест (кроме Яндаре) орстхойцы первоначально поселились на предгорных хребтах т. н. Черных (лесистых) гор в местностях Мераж, Мужахи, Дятах, Гандал-бос, Цеча-Ахка и др. В Яндаре поселиться в 1772 г. разрешил им, как было отмечено, генерал Медем. А утверждение о топониме «Кераста-акка» находим подтверждение в статье «Заметки о Чечне и чеченцах» некоего автора под псевдонимом «П.», который отмечал, что в горах жили «*лам-кристы*», которые стали выселяться к восходу солнца, руководствуясь тем, что у них (далее цитата) «было предание, что на восход солнца есть море и что там богатырь Сослан (здесь вместо Солса ошибочно сказано «Сослан». – *И. Д.*) родился от морской девы; вот туда-то и влекло выходцев» [88, 267].

Из всего вышесказанного явствует, что бывшее орстхойское общество – выходцы из Акков – является исторически довольно

поздним образованием. Тут совершенно неуместны утверждения о порядка двухтысячелетнем существовании якобы многочисленных и занимавших почти все предкавказье орстхойцах – аргах – «арар нах» (плоскостников) и т. д.

Возникает вопрос: как могли соединиться в один термин *нарты* и *орстхойцы*? Ответ на этот вопрос мы находим в исторических сведениях.

Еще в 1823 г. С. Броневский писал об орстхойцах:

«Они были богаты скотом и от произведений земли достаточное получали пропитание. Оставалось им наслаждаться изобилием и покоем. Но возгордясь сими преимуществами, карабулаки пустились на обиды и насильства, возжигали повсюду вражду и, наконец, обратили против себя всех соседей, которые, ополчась на них, соединенными силами истребили сей буйственный народ до основания» [35, *168*].

И. Бларамберг в 1834 г. писал: «Но карабулаки, не взирая на эти преимущества (в полеводстве и скотоводстве. – *И.Д.*), начинают притеснять и угнетать своих соседей» [32, *221*].

Уже в 70-х годах XIX в. Ч. Ахриев также отмечал: «Карабулаки были довольно воинственным народом и пользовались между соседями своими славою разбойников», и далее, «известно, что они самый беспокойный народ и ничем не удовлетворяются» [22].

М. Иванову в 1904 г. лесной объездчик, сопровождая его по Датыху, Мереджи и другим остаткам предгорных орстхойских поселений, сообщил:

«Здесь жили карабулаки. "Буйный, беспокойный и очень храбрый народ", – говорят о них и западные соседи – ингуши, как известно, еще и в наше время не могущие назваться спокойным элементом. Имея большое родство по коренному языку с ингушами, с одной стороны, и с чеченцами, с другой, карабулаки постоянно беспокоили своих соседей набегами, угоняли скот и уводили пленных, за которых и брали после выкупы» [91, *47*].

Г. Дзагуров уже в новейшее время отмечал, что карабулаки не восприимчивы ни к какой власти и являются буйным народом, а их главные места пребывания Аршты и Бомут были уничтожены в 1865 г. (*Дзагуров Г.А.* Переселение горцев в Турцию. Ростов-н/Д, 1925. С. 47–53, 110).

Орстхойцы, будучи этнически ближе к ингушам, не брезговали грабительскими нападениями на них. Это подтверждают и многие сохранившиеся предания.

В одном из них, в кратком изложении, некоего ингуша в плен (на продажу) якобы взял орстхоевец, который к тому же, кичась, сказал: «Это я, по имени МуцIар, беру тебя в плен!» Позднее этот ингуш каким-то образом освободился и вернулся к себе. Но тут вновь на него напал орстхоевец и по своему обыкновению воскликнул: «Это я, МуцIар, беру тебя в плен!» На что ингуш удивленно спро-

сил: «Это ты, тот самый МуцIар, или вы все орстхойцы зоветесь этим именем?»

Предание анекдотично, но рассказывалось не зря. Конечно же и со стороны ингушей имеются шуточные предания в противовес приведенному. Например, о том, как ингуши якобы пленили 12 грабителей орстхойцев и поили их свиным бульоном.

Все это не что иное, как шуточные рассказы друг о друге, но в них имеется намек на имевшие место локальные столкновения между единокровными ингушами-галгайцами и ингушами-орстхойцами. Между ними в одно время имелись частичные неурядицы, происходившие на религиозной почве. Дело в том, что орстхойцы приняли ислам ранее галгаевцев лет на сто. Понуждаемые к исламу ингуши, естественно, на первых порах сопротивлялись. Все эти столкновения носили временный и спорадический характер, но тем не менее в какой-то мере отразились в фольклоре. Тут уместно будет привести два сказания. Одно из них, записанное Ч. Ахриевым в своем родовом селе Фуртауг, называется «Лял-Султа» и повествует о характере женщин. Некий герой по имени Батерха (возможно, это нарт Бятар) познакомился с неким молодым человеком красивой наружности. Затем Батерха и этот молодой человек доехали до некой башни. Молодой человек не разрешил Батерхе входить в нее и вошел сам. Батерха слышал большой шум, происходивший в башне. Затем молодой человек пригласил Батерху в башню и там он увидел прирезанных сорок человек. Далее Батерха поведал: «Я спросил у товарища моего, кто их перерезал? Он ответил, что он их перерезал в отмщение за брата, что они – орхустойцы, те самые, которые убили его брата». Далее повествуется, что этот молодой человек на самом деле оказался девушкой.

По другому сказанию «Соска Солса и Батига Ширтка»:

«Мать Соска Солсы прослышала, что орсхоевцы напали на назрановцев, заперли их в каком-то доме и собираются поджечь его. Прибежала она к себе домой и стала укорять Соска Солсу:

– Чего ты разлегся! Ведь орстхоевцы пленили назрановцев и собираются их сжечь. Скорее езжай к ним на подмогу!» [14, IV, *34*].

Далее сказание повествует, что нарт Соска Солса «Начал скакать по двору и рубить врагов. Кого убил, тот погиб, кто сумел – тот сбежал. Уничтожил он врагов и освободил назрановцев» [14].

Ряд приведенных исторических сведений (С. Броневский, М. Иванов, С. Грабовский, Ч. Ахриев и др.) свидетельствует, что якобы орстхойцы некогда были все уничтожены за их разбои. Таким образом, наращение к имени «орстхо» слова «нарт» мыслилось в значении разбойник и грабитель.

Как было сказано, орстхойцы являются выходцами из горных аккинцев, которые, по Н. Семенову, после выхода из гор (уже став орстхойцами) первоначально поселились на месте нынешней Назрани, но затем оттуда ушли на восток» [183, *7*].

Эти аккинцы (орстхойцы), вопреки разным преданиям, являлись первой волной выходцев из гор и, на наш взгляд, еще в XVI веке покинули территорию, сопредельную с единокровными ингушами, и далеко ушли к русским в город Терки, построенный у места впадения Сунжи в Терек. Прозывались они аккинцами, первыми из ингушей они пытались войти в состав России, чему помешала образовавшаяся в ней большая смута. После того, как под давлением внешних сил Россия вынуждена была снести г. Терки, аккинцы со временем перешли жить на обширную и малонаселенную Кумыкскую плоскость, на которой в то же время образовалась равнинная Чечня.

Таким образом, по всей вероятности, первые выселенцы аккинцы (позднее осознанные как орстхойцы) не были уничтожены, а удалившись далеко от гор, позднее стали именоваться «аккинцами-чеченцами», которых ингуши именуют «ара-аьккхий» (равнинные аккинцы), в отличие от еще оставшихся в горах «лоам-аьккхий» (горные аккинцы).

Исторически общим проявлением для всех горных теснин являлась перенаселенность и волнообразные выходы из ущелий в предгорье, а затем и далее на равнину.

Из многих вышеприведенных исторических сведений может сложиться отрицательное отношение ко всем орстхойцам-карабулакам. Подобные отрицательные высказывания касались лишь некоторых «шаливших» тогда по предкавказью воинственных шаек. Их наличие никак не может характеризовать весь орстхойский этнос. Кстати, о нем не раз звучали характеристики как о народе мирном, живущем своим скотоводством и полеводством. А насчет «шаловства», надо сказать, кто только этим на Кавказе не занимался. Были даже случаи, когда романтически настроенные некоторые русские офицеры той поры принимали непосредственное участие в шайках лихих молодцев.

Нынешних орстхойцев надо считать уже второй и исторически сравнительно недавно вышедшей из разных мест горного аккинского общества волной, осваивавшей предгорье, затем вышедшей на равнину с 1772 г., а уже в 40-х годах XIX века разоренных царской властью. Ведь еще декабристы, в частности Павел Пестель, в своих планах реорганизации России, в частности – Кавказа, предполагали выселить с Кавказа т. н. немирных горцев в разные места России, а на их места привести русских поселенцев (*Гордин Я.* Что увлекло Россию на Кавказ? // Звезда. 1997. № 10. С. 96). Планы декабристов рухнули, но некоторые их идеи в последующем были осуществлены. Очень печально сложилась судьба крепкого и большого племени орстхойцев: часть обманом выпроводили в восточные страны, часть оставшихся на родине (и тайно вернувшихся с Востока), как известно, растворилась в Ингушетии и Чечне. Исследователь диалектов Ингушетии и Чечни в 30-х годах XX в. Д. Мальсагов отметил: «Плоскостные орштхоевцы в 1865 г. царским

правительством были почти целиком насильственно выселены в Турцию. Оставшиеся или вернувшиеся из Турции орштхоевцы в значительной мере ассимилировались в зависимости от места жительства с ингушами или чеченцами плоскостной Чечни» (*Мальсагов Д.* Избранное. Нальчик, 1998. С. 136).

В горах вплоть до XIX века еще сохранялись принципы «военной демократии», когда приобретение добычи со стороны считалось нормальным и даже почетным. Эту стадию прошли все народы мира. И к обвинению орстхойцев в грабительстве надо подходить с исторических позиций, а не причислять их, как это сделал Ч. Ахриев, к людям злым, коварным и завистливым [20].

Нарты, которых Ч. Ахриев назвал рыцарями и защитниками слабых [20], уже в новейшее время, на стадии затухания нартского эпоса, стали характеризоваться двояко: как их только что охарактеризовал Ч. Ахриев, но и как разбойников-грабителей и безбожников. Таким образом, слово «нарт» приобрело двоякое значение.

Некоторые озорные шайки ассоциировались именно с нартами-грабителями. Отсюда и произошло приращение слова *нарт* к слову *орстхойцы*.

Этот наш вывод еще ранее был сделан Уздиат Далгат, которая в связи со сращением двух терминов писала:

«Возможно, что синхронные рассказы о набегах и грабежах сильного воинственного племени карабулаков в ретроспективном восприятии народа смешались с древними эпическими образами (читай: нартами. – *И.Д.*). Тогда-то в процессе эпизации орстхойцы могли внедриться в эпические сказания, превратившись в героическое богатырское племя» [70, *144*].

Однако подтасовочными являются несуразные выводы из статьи «Нарт-орстхойский эпос» (газета «Орстхо». 1992. № 1). Перечислим их:

1. Нарт-орстхойцам в героическом эпосе всегда противостоят местные герои, которые в эпосе идеализируются;

2. Не будем забывать, что нарты являются пришельцами, и горы для них иная, чужая среда обитания;

3. Представляется бесспорным, что орстхойцы являются пришельцами в горы Чечни и Ингушетии.

Приведенные постулаты легко опровержимы, так как не соответствуют действительности. Рассмотрим их поочередно:

1. Так называемые местные герои являются теми же нартами, но позднейшей формации, и нет ни одного случая противопоставления этих двух типов героев. Наоборот, в эпосе имеется немало случаев заключения между ними родства и даже оказание воинской помощи.

2. Как можно говорить, что местные нарты являются пришельцами в горы? Ведь Ч. Ахриев и др. пишут, что местами обитания их являются горные места: Ассинская долина, селение Саниба!

3. Как могут орстхойцы быть пришельцами в горы Чечни и Ингушетии, т. е. в те места, откуда они сами, по всем данным, являются выходцами?..

С опорой на такие несуразные выводы уверенно делается еще более надуманный вывод:

«И здесь мы приходим к неизбежному выводу о том, что в эпических нартах мы можем и должны видеть нахский плоскостной орстхойский этнос».

Чудеса, да и только! Сплошные подтасовки и стремление желаемое выдавать за действительное. Тут уместно этим авторам задать и такой вопрос: почему из всех имеющихся у нас записей местного нартского эпоса нет ни одного сказания, записанного от ингуша-орстхойца, но почти все записи сделаны от ингушей-галгаевцев?

С легкой руки ученых (Д. Мальсагов, Х. Ошаев, А. Мальсагов, И. Дахкильгов...) наш эпос неверно поименовали «нарт-орстхойским». Наверное, уместен вопрос: употреблялся ли термин «нарт» без приращения к нему второго слова? Несомненно. Приведем лишь некоторые примеры.

Так, Т. Беков в своей фольклорной записи раздельно упоминает героев «нарт-орстхо» и «нарт-нясархо». Тут слово «нарт» в обоих случаях употреблено лишь в качестве эпитетов. До появления в нашем языке тюркизма «турпал» (герой) его значение обозначалось словом «нарт».

В народной песне, опубликованной М. Джабагиевым в Париже в 1935 году на ингушском и французском языках, приводятся слова: «нарта Наьсаре», т. е. *героическая Назрань*. Без приращения «орстхо».

Еще Ч. Ахриев отмечал, что о примечательном юноше говорили: «Наьрта воI санна ва» – *«Он молодец, как нярт, он добр, как нярт»* [23]. Но при этом не употребляли приращение «орстхо».

Нам приходилось слышать, как резвому юноше говорили: «Хьо ма чIоагIа наьртала ваьннав» – *«Ты ведешь себя резво, как нярт»*. А про хорошую пищу восклицали: «Нярт-яI, хьо кхача!» – *«Эх, няртская ты пища!»* В обоих случаях слово «нярт» употреблено самостоятельно.

Если же кто допускал ошибку в «нартском» танце, присутствующие укоризненно восклицали: «Нарт-о-о», по-русски условно можно передать словом «нартовато-о», т. е. действие совершено не полноценно. «Орстхо» при этом не употреблялось.

В записи В. Светлова «Семь сыновей вьюги: Ингушское предание» везде приводится только термин «нарт».

Рассеявшиеся потомки орстхойцев в Ингушетии и Чечне сегодня по этнической принадлежности являются ингушами или

чеченцами. Но у них еще свежа этническая память. Имела место даже безуспешная антиисторическая попытка какой-то реанимации уже исчезнувшего этноса. При всем при этом ученых и обывателей временами интересует вопрос: «К кому ближе относились некогда самостоятельные орстхойцы? К ингушам или к чеченцам?» Речь пойдет о горных аккинцах-орстхойцах.

Поскольку речь идет о прошедших временах, логичнее будет привести ответы на этот вопрос из прежних, часто давнишних источников.

Л. Штедер в 1781 г. написал: «Я следовал берегом Сунжи через равнины и поля ингушей почти вплоть до гор. По ту сторону Сунжи, на 4 версты восточнее, лежали под лесистым отрогам 3 или 4 деревни ахкиюртовцев, представляющих собою смесь ингушей и карабулаков» (*Мартиросиан Г.* История Ингушии: Материалы. Орджоникидзе, 1933. С. 34). Также Л. Штедер в том же году отмечал, что в Казах-кечу (нынешний Серноводск) проживали ингуши и карабулаки. Характерно, что еще в XVIII веке ингуши-галгаевцы и ингуши-орстхойцы, не видя между собою никакой разницы, совместными силами основывали поселения. Да и сегодня при заключении родства они абсолютно не видят разницы, в то время как она ярко видна при других ситуациях.

А. Генко про плоскостных аккинцев (ара-аьккхий) в 1930 году писал: «Они проявляют известные ингушские особенности, причем предания объясняют эти особенности сравнительно недалеким ингушским происхождением жителей» [55, *458*].

Платон Зубов, говоря об этнической принадлежности карабулаков, пришел к заключению, что они во всем сходны с ингушами (Картина Кавказского края... Ч. 3, СПб., 1835).

В 1823 г. С. Броневский писал: «Карабулаки сами себя, равно как и ингуши называют себя Арште» [35, *167*].

Еще в 1794 г. П-С. Паллас отмечал: «Ингуши замечательные земледельцы. Они живут на истоках Кумбелея и Сунжи, до высоких гор на восточном берегу Терека, где они граничат с осетинами. Карабулаки происходят именно от них» (*Паллас П-С.* Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793 и 1794 годах. Т. 1)

В 1868 г. А. Ипполитов писал следующее: «Аккинское общество, близкое к обществу галгаевскому и кистинам (горным ингушам. – *И.Д.*) как по положению, так равно и по единому происхождению» [105].

В 1875 г. Чах Ахриев об ингушских обществах отозвался так: «Ингуши разделяются на несколько обществ. Общества эти следующие: Кистинское, Джераховское, Назрановское, Карабулакское, Галгаевское, Галашевское и Цоринское» [22]. Автор причислил орстхойцев к ингушам, хотя о самих орстхойцах отзывался довольно нелестно.

В монографической работе Е. Крупнова «Средневековая Ингушетия», написанной в 30-х годах XX века и изданной в 1971 году, знаток Ингушетии и известный кавказовед писал следующее: «В научных кругах и в настоящее время больше склонны относить карабулаков к чеченцам, не отрицая их близости и к ингушам. По мнению же Н. Г. Ахриева, карабулаки, или арштхойцы, занимают в языковом отношении промежуточное положение между чеченцами и ингушами, но они ближе к последним. Не случайно остатки карабулаков, не считающих себя чеченцами, до сих пор проживают именно в Ингушетии в селениях Верхний и Нижний Аршты, Бамут, Датых, Сагопши. Это же подтвердил в письме ко мне от 20.04. 1963 г. знаток ингушского языка и культуры профессор Д. Д. Мальсагов» [123, *36*].

В другой своей работе (Исторические известия об ингушских племенах до XIX века // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977. С. 160, 161) Е. Крупнов вновь отметил, что до недавнего времени ингуши подразделялись на галгаев, кистов, фяппинцев, цоринцев, арштхойцев.

В 1991 г. Н. Омельченко пришел к выводу: «Происхождение казаков-горцев, вошедших в состав Терско-Кизлярского войска, неразрывно связано с историей возникновения и заселения города Терки, основанного в 1588 году. Одними из первых здесь поселились ингуши из племен Акко, известные в русских документах под названием «окочен», основавших так называемую «Окоченскую слободу». Их владелец Шихмурза Окуцкий еще при жизни Ивана Грозного поддерживал постоянную связь с царскими воеводами, терскими и гребенскими казаками и участвовал в походах против горских владельцев – союзников Крыма, Турции и Ирана» [160, *69*].

По ряду исторических документов другой аккинец по имени Салтан-мурза в XVI веке был «владельцем» ингушского селения Ларс в Дарьяльском ущелье.

Многочисленные родоплеменные общества (племена), включая и горных аккинцев, проживавшие к востоку от собственно ингушской зоны, по выводам крупнейших лингвистов Н. Яковлева и А. Генко, были ингушеязычными. Все они уже в XX веке слились с ингушами и чеченцами. У их потомков сохранились лишь ставшие уже смутными воспоминания о своей дальней узкоэтнической принадлежности.

Давно установлено, что в социальном плане человечество проделывало следующий путь: первобытная орда – род – племя – народ – нация. На сегодняшний день ингуши и чеченцы оформились в самостоятельные две нации.

Пахнут трибализмом попытки некоторых ученых (и присных с ними) реанимировать канувшее в Лету родоплеменное деление.

По нынешней национальной принадлежности каждый прежде всего является тем, кем он себя идентифицирует.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНГУШСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА

Сам термин «нарт» окутан тайной. Имеется множество его толкований, но ни одно из них терминологически не закрепилось.

В работе «Кто такие нарты» М. Туганов пытался термин «нарт» объяснить средствами осетинского языка, якобы означающим понятия «наш огонь» или «наша присяга» [198]. Эта натянутая этимология не была принята даже самими осетинскими исследователями. Также никакой поддержки не получило предположение А. Грена, что объяснение содержания слова «нарт» надо искать в казикумыхском языке. (СМОМПК. Т. 22, Тифлис,1897. С. 26). Исследователя не смущал тот факт, что у носителей этого языка нет ничего нартского.

Термин «нарт» некоторые исследователи склонны считать восходящим к названию некоего племени **анартов**, жившего на Балкане в долине Дуная в I веке н. э.

Исследователь Ш. Д. Инал-ипа склонен объяснить **анарт** из абхазского языка, в котором «ан» – это мать, «р» – краткая форма от «хэр» – показателя множественного числа и «т» – суффикс, обозначающий «материнская семья, семья матери» [93]. Эта этимология также представляется натянутой, тем более, что даже наукой не установлена этническая природа «анартов», относимых то ли к кельтам, то ли к фракийцам. Исследователь В. Кобычев склонен видеть в нартах древних **антов**, о которых наука имеет самое смутное представление, иногда считая их славянами.

Исследователь адыгского эпоса А. Гадагатль отмечал: «... термин «нарт» которым именуется весь эпос и каждый его персонаж в отдельности, означает, «глаз дарящий» [49, *316*]. И эта этимология неубедительна. Немалую путаницу в этимологизирование термина **«нарт»** внесли В. Абаев, а вслед за ним и Т. Гуриев. Для их в целом серьезных и научно значимых изысканий по нартскому эпосу характерно чрезмерное увлечение монгольской культурной традицией. Несомненно, двухсотлетнее их (вместе с тюрками) владычество на Северном Кавказе не могло пройти бесследно, и данный вопрос требует своего дальнейшего изучения. Однако монголизация этими учеными термина **«нарт»** (и некоторых нартских героев) вызывает большие сомнения, что отмечено многими учеными. Напомним, что термин **«нарт»** В. Абаев считает исходным из монгольского слова **«нар(т)»**, означающего и солнце и его луч.

К примеру, Т. Гуриев, считая, что вывод В. Абаева о монгольском происхождении термина **«нарт»** является величайшим открытием, пишет:

«Средневековые монголы, подобно осетинам, сами поклонялись Солнцу, а род Чингисхана приписывал себе небесное происхождение от луча «Нирун» или «Нурин»... правители Монголии считали себя «Детьми солнца» [62, *82*]. Далее развивая эту тему, исследователь ссылается на монгольское предание о проникнове-

нии луча Нирун-Наран к прародительнице Чингисхана Алан-гоа, которая и зачала от этого луча. Идентичным к этому монгольскому преданию автор считает осетинское сказание о рождении Дзерассы. Приведенные выводы весьма спорны. Надо согласиться со многими исследователями, что мотив непорочного (или божественного) зачатия издревле имеет место в мифолого-религиозных представлениях многих народов. Относительно же слова «нирун-нурин» приходятся отметить, что В. Абаев и Т. Гуриев почти не делают различия между понятиями «луч» и «солнце». Все же, надо думать, речь идет о «луче». Сравнительно с соседними народами Северного Кавказа у осетин слабее представлены исламские традиции, иначе их ученые знали бы, что во всех странах, исповедующих ислам, имеется слово, «**нур**», которое четко и ясно означает «**сияние**». Не исключено, что это слово проникло и к монголам. К тому же монголам совершенно неизвестен нартский эпос, что признается ими самими. Теория о монгольском происхождении термина «**нарт**» не получила поддержки у нартоведов, включая и некоторых осетинских их представителей.

На сегодняшний день наибольшую поддержку в научных кругах получила теория об иранском (персидском) происхождении термина «**нарт**» К тому же эта идея была высказана в печати еще в 1897 году, намного ранее вышеназванных нартоведов, Л. Лопатинским, который о слове «нарт» отметил: «Это слово распространенное по всему Северному Кавказу, по моему мнению, иранского происхождения. В персидском языке... (также и в армянском) оно означает «человека», в том же значении это слово, по-видимому, употреблялось и в древнеосетинском» [131, *26*]. Л. П. Семенов отмечает, что Лопатинский соотносил иранское «нарт» с армянским «мард» и сванским «мар» [180, *4*]. Таким образом, имеем сходную по смыслу и по звучанию группу слов «**нарт**», «**мард**», «**мар**». Лингвистами отмечено, что т. н. сонорные звуки **м, н, р, л** имеют свойство взаимозаменяться в речи, поэтому замена «**м**» на «**н**» и наоборот вполне согласуется с фонетическими законами. Слово «**мар**» и сегодня имеется в иранском языке в значении «мужчина». А в отдаленные времена каждый мужчина, например у ингушей, непременно был воином. Почему-то от внимания исследователей ускользнуло, что и у ингушей имеется слово «**мар**» в значении «мужчина» – «муж». О выходящей замуж девушке ингуши говорят «мяре яхай» – «вышла за **мара**». К слову «мар» восходит и другое ингушское слово «**майра**» – храбрый. Тут вполне уместно отметить, что слово «мар», из всех народов – носителей нартского эпоса, имеется только в ингушском языке. Как же в него мог проникнуть этот иранизм? Известно, что персидская империя времен Сасанидов включала в себя все Закавказье и северная граница этой империи проходила по Кавказскому хребту, включая в себя и некоторые его северные предгорья. По Кавказскому хребту, в наиболее его уязвимых местах, сасаниды ставили

заставы и воздвигали оборонительные сооружения. Одно из таких мест находилось в горной Ингушетии вдоль верховьев Ассинского ущелья. Это было отмечено еще исследователем А. Н. Генко [55]. Вплоть до недавнего времени это ущелье близ замка Таргим было перегорожено каменной оборонительной стеной, примыкавшей к сторожевой башне. В целом ряде исследований есть упоминание об этом фортификационном сооружении, но еще нет развернутого исследования об Ассинском проходе, хотя он описывался еще арабскими авторами IX–X вв. [113, *78*]. Из целого ряда источников явствует, что в истории Ассинского ущелья и его долин оставили свои следы персы, грузины, монголы, крымцы. Не зря в ингушском языке запечатлелись разные иранизмы и даже их фонетические особенности (например, наличие в ингушском языке фонемы «ф») что было отмечено в уже упомянутом труде А. Н. Генко. Б. Алборов, опираясь на то, что, по ингушским преданиям, в месте Галгайче некогда жили «дэвы» и «мида» приходил к заключению, что на том месте имелось иранское поселение [8, *29*]. На северном выходе из узкой части Ассинского ущелья, близ местечка Эрш, автору этих строк в 60-х годах XX века удалось обнаружить следы некогда бывшего здесь второго сторожевого сооружения, каменная кладка которого имела явные следы не местной архитектуры, а скорее всего – иранской.

Пока мы не располагаем другими, кроме приведенных, возможными свидетельствами о проникновении в ингушскую среду иранизма «**мар**», напрямую связанного с «**нар(т)**». И тут речь может идти только о возможном заимствовании «**мар-нар**», легшего в основу термина «нарт», но никак не о заимствовании самого нартского эпоса, который, по мнению ряда серьезных исследований, является местным, северокавказским и никак не персидским (иранским). В ингушском языке слово «**нарт**» обрело смысл «героя, наделанного рыцарскими чертами.

Даже сами современные осетинские исследователи отошли от абаевского предположения обоснования этимологии термина «нарт» из монгольского языка и склонны видеть в основе термина «**нар**» иранское «мужчина». Например, авторы В. Кузнецов [124] и Ю. Дзиццойты [81].

В свете изысканий современных нартоведов, признающих многонациональность изучаемого ими эпоса, уходящего своими корнями в общесеверокавказскую культуру, уже наивными представляются потуги некоторых фольклористов, пытающихся нартский эпос представить сугубо узконациональным творением.

Первую заявку об этом сделал В. Миллер, который был склонен считать, что нартский эпос является осетинским, а ингуши лишь переняли от осетин разные мотивы (*Миллер В.* Кавказо-русские параллели // ЭО. 1891. № 3. С. 167.)

Французский исследователь Ж. Дюмезиль, вторя ему, также заявил, что ингуши позаимствовали нартов у осетин, создали свой

оригинальный цикл, в котором нарты уже не являются лучшими народными представителями [17].

Осетиноцентризмом проникнуты многие работы В. Абаева. В своей монографии об осетинском нартском эпосе он прямо заявил «...в наибольшей полноте и богатстве нартовский эпос сохранился у осетин, в меньшей степени – у кабардинцев и черкесов и, наконец, в самом фрагментарном виде у балкарцев и карачаевцев, абхазцов, ингушей и чеченцев» [2].

В. Абаеву в этом вопросе вторят все осетинские исследователи эпоса. Ю. Гаглойти посвятил этому вопросу даже специальное исследование, которое у него начинается словами: «В наибольшей полноте и богатстве нартовский эпос сохранился у осетин» [46, 3]. Другой исследователь, Ю. Дзиццойты, упоительно отмечает: «Нигде так отчетливо не виден механизм адаптации заимствованного эпоса, как на примере вайнахских сказаний» [81, *93*]. Он же вслед за В. Абаевым пишет: «...основу нартовского эпоса принесли на Кавказ скифы и сарматы» [81, *250*).

В. Абаев, под давлением адыгских и абхазских исследований позднее стал отходить от идеи осетиноцетризма и стал склоняться к идее, что помимо осетинского имеются еще адыгский и абхазский центры этого эпоса.

В последнее время стала всплывать и тюркская версия нартского эпоса. Исследователь У. Байрамуков заявил: «На наш взгляд, эпос «Нарты» первоначально зародился в среде гуннского (хуннского) племени Со, жившего на Алтае, начал формироваться в эпос во времена Великой Гуннской державы Атиллы, оформился во времена Великого Тюркютского каганата и был завершен окончательно во время Хазарского каганата... Адыги и Иронцы получили свои версии после развала Золотой Орды (1502) от ассимилировавшихся среди них тюрков» [27, *16*].

Особое рвение в адыгоцентризме проявил А. Гадагатль, который безаппеляционно заявил:

«Таким образом очевидно: **личные имена центральных героев архаического народного эпоса «Нартхэр, Сэтэнай, Саусырыко, Щебатыныкъо, Іашэмэз, Пэтэрез и термин «нарт» являются адыгскими (черкесскими) самобытными именами»** (Выделено А. Гадагатлем) [49, *318*]. Например, этот же автор разбивает имена Саусыроко, Пэтэрез на части (слоги), затем ищет этимологию каждой из частей (типа «оружие», «правильный», «нос», «глаз» и пр.), следом соединяет эти части, не давая при этом общего эквивалента, как бы говоря: выводите общую семантику из этих частей сами. Впрочем, для имени «Пэтэрез» им сделано исключение, и оно им осмыслено в значении «правильноносый» или «симметричноносый». Употребляя метод дробления слов на части, а затем, выводя из этого конгломерата какой-то смысл, можно объяснить все что угодно.

В своей рецензии на семитомный труд А. Гадагатля («Нарты. Адыгский эпос») М. Меретуков и А. О. Шагиров отмечают, что его адыгоцентризм эпоса не выдерживает критики, а его этимологии не убедительны, произвольны и беспомощны с филологической точки зрения [144]. Ко всему прочему, нартоведу А. Гадагатлю оказалось недостаточным проявить свою национальную приоритетность, он при этом еще решил пренебрежительно отозваться об эпических достижениях других народов-соседей. Например, он бездоказательно заявляет, что «ингушские сказания... складывались под воздействием западноадыгских (адыгейских) этнических групп» [49].

До подобных заявлений А. Гадагатля ряд осетинских исследователей с завидным упорством, как уже было отмечено, муссировали идею: «ингуши заимствовали свои сказания у осетин». Как видим, что адыгские, что осетинские исследователи соревнуются в перетягивании ингушей, каждый на свою сторону, при этом лишая их эпической самобытности. Так ингушам, видимо, и надо, поскольку они сами еще как следует не разобрались в своих эпических традициях.

Еще ранее приведенных «осетиноведов» к проблеме культурной близости ингушей и осетин более объективно в 20-х годах прошлого века обратился осетинский ученый Б. Албаров, который писал:

«Осетино-ингушские культурные взаимоотношения в прошлом несомненны. Об этом говорят остатки материальной культуры – башни, склепы, галуны; об этом же говорят пережитки духовной культуры – словарный материал, общность сюжетов народных сказаний, одинаковые черты в быте, нравах и обычаях, а еще больше – в древних народных религиозных представлениях» [8, *3*].

Среди нартского круга северокавказских народов действительно имеется немало общих черт именно ингушского и осетинского эпоса, но это родство, как увидим далее, не является результатом эпического засилья по отношению к ингушам.

Монография В. Абаева «Нартовский эпос», при всех имеющихся в ней недостатках, несомненно, имела большое значение в пробуждении научного интереса к нартам у северокавказских народов. Осетинское нартоведение шагнуло вперед. Вместе с тем в рецензии на эту монографию В. Абаева в 1947г. Б. Гарданов отметил: «...следует иметь в виду, что у большинства народов Кавказа сказания о нартах до сих пор еще недостаточно выявлены и изучены; возможно, что представление об исключительном богатстве нартовских сказаний у осетин основано главным образом на лучшей изученности осетинского фольклора» [53].

С этим выводом Б. Гарданова перекликается мнение исследовательницы А. А. Петросян:

«Разумеется, исследовательская работа по изучению этого памятника («нартовский эпос» В. Абаева. – *И. Д.*) сначала опиралась главным образом на осетинский материал. И, может быть, этим

объясняется, что вплоть до 50-х годов генезис нартовского эпоса связывался по преимуществу с историей осетин. Считалось, что он «проник» на Кавказ вместе с приходом туда аланских предков осетин. Появление доказательств о широком бытовании нартского эпоса также и у других народов Кавказа (многочисленные записи на адыгских и абхазском языках, на языке карачаевцев и балкарцев, чеченцев и ингушей) воспринималось как факт культурного заимствования и не более» (*Петросян А. О.* Решенные и нерешенные вопросы нартоведения // СНЭНК. М., 1969. С. 6).

Исследовательница У. Далгат также отмечала:

«Известная неизученность нартского эпоса у отдельных народов Кавказа, отсутствие своевременной записи и публикации текстов и многие другие причины привели в свое время к ошибочной тенденции в кавказоведении рассматривать нартский эпос как национальную, исключительную принадлежность его только некоторым кавказским народом» [69, *19*].

Представляет определенный интерес вопрос негативного отношения к ингушскому нартскому эпосу, стремление представить его подражательным, заимствованным и т. д., в чем, как ни странно, преуспели и сами исследователи ингушского героического эпоса.

Совершенно необъективное мнение о том, что ингушские нартские сказания заимствованы ингушами у осетин, восходит к Б. К. Далгату. Этот исследователь – большой друг ингушского народа – немало сил отдал сбору и публикации ингушских фольклорных, этнографических материалов и материалов по обычному праву. Однако при оценке ингушских нартских сказаний он допустил большую ошибку, заявив, что ингушские нарты не являются принадлежами к ингушской этнической среде. Основанием для него послужило указание Ч. Ахриева, что ингушские нарты уходили в Санибу – в ущелье-поселение в нынешней Северной Осетии. Именно этот факт и послужил Б. Далгату для утверждения: ингушские нарты являются осетинскими по их этнической принадлежности. В частности, в примечании к тексту «Сказание о нарте Соска Солсе и Охкыр Канте» он пишет: «Соска Солса жил, как и прочие нарт-орстхои, в осетинском горном ущелье, где находится сел. Саниба» [69, *37*]. Тут же он отмечает и другое: «Подразумевается левый берег Терека, так как Соска Солса угонял добычу к себе в Осетию из Галгая». Следом за Б. Далгатом В. Миллер выдвинул тезис о том, что ингушские нарты испытали влияние осетинских нартов, исходя из того, что постоянное местожительство ингушских нартов есть все та же Саниба (*Миллер В.* Кавказо-русские параллели // ЭО. 1891. № 3. С. 167, 177). Исследователей Б. Далгата и В. Миллера «подвел» Ч. Ахриев, задолго до них написавший, что нарты, герои ингушских сказаний, уходят в Санибу, но Ч. Ахриев при этом не характеризовал ее как осетинскую территорию. Конечно же Ч. Ахриев знал, что в его время Саниба географически уже принадлежит

Осетии, но, наверняка, он так же знал, что в не столь отдаленные от него времена Саниба была исконной ингушской территорией, что подтверждается осетинскими и русскими учеными.

Далгатовское и миллеровское утверждение, что ингушские нарты, по сути, осетинские, т. к. живут в Санибе, дружно подхватили, как уже сказано, осетинские исследователи В. Абаев, М. Туганов, Ю. Галгойти, Ю. Дзиццоев и др.

Зная, что эпос «нарты» весьма древний, наверное, необходимо места их локализации искать в более отдаленных временах. Тогда выясняется, что несколько столетий назад этническая карта по обеим сторонам реки Терек, в его верховьях и на территории, окружающей гору Казбек, была совсем другой. Обратимся к фактам, приводимым неингушскими учеными, чтобы избежать подозрений в национальной пристрастности.

Представитель осетинских исследователей М. Туганов, когда горемычные ингуши находились в депортации, позволил себе в их адрес оскорбительное заявление: «Предание говорит, что до прихода осетин в указанных ущельях (Санибское, Даргавское, Кобани) жили ингуши. Но после почти столетней войны осетины отбросили их (ингушей. – *И. Д.*) за Терек по правую сторону Военно-Грузинской дороги» (*Туганов М.* Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977. С. 54, 55). Здесь хорошо прослеживается весьма «этичное» отношение к постоянно изгоняемому аборигенному народу-соседу. Тут вполне уместно вновь привести вывод профессора Л. П. Семенова: «Существует осетинское предание о том, что ингуши некогда жили в Куртатинском и Даргавском ущельях. Под натиском осетин, сражавшихся под предводительством легендарных героев Тага и Курта, и кабардинцев, надвигавшихся на ингушей с плоскости, последние отступили на восток – сначала в Санибанское ущелье, затем через Чми, на правый берег Терека» [180, *21*].

Другой исследователь В. Кабычев также отмечал:

«Время завершения иранизации (осетинизации. – *И. Д.*) ущелий восточной части Северной Осетии определяется упоминанием в предании о Тага и Курта кабардинцев, которые действовали с ними заодно против ингушей. Но это могло иметь место не ранее XIV в. (времени освоения кабардинцами предгорной равнины) и не позже начала XVIII в., когда ингуши... еще продолжали удерживать в своих руках земли в Дарьяльском ущелье» (*Кобычев В.* Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 176).

Тот же В. Кобычев отмечал (впрочем, не только он один), что села по Дарьяльскому ущелью Ларс, Чми и Балта были ингушскими и принадлежавшие им земли арендовывали осетины, пока они «не усилились настолько, что не только изгнали последних (ингушей. – *И. Д.*) за Терек, но и завладели нижним течением реки Арамхи» (Там же. С. 121).

Тут достаточно вспомнить хотя бы ингушского «владельца» аула Ларс Салтана-Мурзу, который еще в XVI веке помогал русским посольствам при их следовании по Дарьяльскому ущелью в Грузию [44, *25*].

В древнем ингушском эпосе, как видим, сохранилась исконная топонимическая номенклатура, по которой ингуши некогда жили и далеко по правому берегу реки Терек. В тех местах немыми свидетелями до сих пор стоят древнеингушские башни и склепы – каменные усыпальницы, в которых, по сведениям местных осетинских жителей, лежат костяки ингушей-нартов.

М. Туганов и, более этично, Л. Семенов в разное время и от разных информаторов слышали идентичное: в Санибе и в других прилегающих местностях жили ингуши. Это по преданиям. Это же подтверждают и исследователи.

Помимо отторгнутых у ингушей территорий ущелий Цейского, Куртатинского, Кобанского, Даргавского (да и всей позднейшей (Курт-Тагаурии) осетинами (совместно с кабардинскими феодалами) были также захвачены высокогорные территории проживания ингушского племени двалов, которые еще во времена Вахушти Багратиони уже пережиточно сохраняли свой родной ингушский язык. Тут еще достаточно обратиться к исследованиям грузинских ученых Гамрекели и Очиаури. А осетинский ученый В. Тменов писал, что Двалетия осваивались осетинами во весь золотоордынский период путем завоевания и двалы были ассимилированы осетинами [197, *133*].

По ряду преданий, местом проживания ингушских нартов называется также знаменитое Ассинское ущелье. Перед нами оно и Санибанское ущелья, которые признаны в народе местами, где проживали ингушские нарты.

Коренное ингушское население захваченных Санибанского и других ущелий частично вынуждено было бежать к своим братьям в Дарьяльское и Джераховское ущелья. Беженцев нередко называли осетинами (раз из «Осетии» – значит осетины – такова упрощенная логика). Оставшаяся в Санибе и других местах значительная часть ингушского населения подвергалась осетинской ассимиляции. Называлось это коренное население «фарсагами» (от ингушских слов «фар» – *благодатный, свободный* и «саг» – *человек*). Захватчики к этому ингушскому этническому названию присоединили осетинское «лаг» – *человек*, и еще до сих пор в тагаурской Осетии живут фарсаглаги – потомки коренного ингушского населения. Многие из них еще до сего дня помнят свои этнические корни. **Ассимилированные фарсаглаги и двалы, что можно вполне естественно предположить, не забыли свои староингушские нартские сказания, но рассказывать их стали уже по-осетински. Скорее всего тут и кроется «родство» ингушских и осетинских нартских сказаний, что отмечено учеными.**

Ряд ученых склонен видеть истоки нартского эпоса в кобанской культуре. Тут необходимо помнить, что в древности Кобан (ГIобан) являлся ингушским до того, как заявил М. Туганов, осетины «отбросили» ингушей за Терек.

Антинаучная идея: ингушесанибанские нарты являются осетинами, к сожалению, была подхвачена и исследователями ингушского эпоса. В противовес им известный крупный ученый В. Чичеров прямо отметил:

«Среди ученых, допустивших при исследовании эпоса существенные ошибки, должен быть назван и В. И. Абаев. Значение ошибок В. И. Абаева усугубляется тем, что его работа явилась основой для всех других исследователей нартского эпоса, которые вслед за Абаевым встали на путь ошибочной методологии» [215, *394*].

Напрямую этот вывод можно отнести к зарождавшемуся, после завершения общенародной депортации 1944–1957 гг., местному нартоведению. Даже двое таких корифеев ингушской и чеченской науки, как Д. Мальсагов и Х. Ошаев, касательно местных нартских сказаний сделали абаевский вывод:

«При изучении этих сказаний кажется, что они отражают смутные воспоминания о некоем сильном народе, проживавшем в глубокой древности в центральной части Кавказа или занявшем его. Можно предполагать, что сказания о нартах есть отголосок реальных отношений этого народа к этническим группам аборигенов Кавказа» [138, *32*].

Нельзя винить авторов этой цитаты, поскольку к 60-м годам XX века ингушское нартоведение практически не развивалось. Но к 70-м годам оно привлекло к себе внимание таких ученых, как У. Далгат и А. Мальсагов, издавших монографические исследования по героическому эпосу ингушей и чеченцев. Труды этих ученых вывели в широкую науку местные эпические сказания. Их монографии получили положительную оценку; они стали значительным явлением в местной и общекавказской фольклористике. Всецело местному нартскому эпосу была посвящена монография А. О. Мальсагова «Нарт-орстхойский эпос вайнахов». У. Б. Далгат в своем монографическом исследовании «Героический эпос чеченцев и ингушей» помимо нартских сказаний привлекла и мифологию и местную историзованную народную прозу. Воздавая должное уважение этим двум работам, приходится отметить, что они не лишены некоторых недостатков, обычно неизбежных в крупных монографических исследованиях. К ним прежде всего необходимо отнести индеферентный подход к вопросу этнической идентификации местного эпоса. В 5–6 местах своей монографии У. Далгат утверждает, что в местную среду нартский эпос был привнесен извне. Вот некоторые выдержки:

«Нарты – это дыхание бескрайних степей Скифии и Алании». [69, *197*]. Попутно отмечу, что «научным редактором ее монографии был записан я, без моего согласия.

Тут налицо прямое воздействие на автора положений, выработанных В. Миллером, Ж. Дюмезилем и В. Абаевым. Насколько эти положения отрицательно сказались на нартоведение указывали Б. Гарданов, В. Чичеров (приведенная выше цитата из его труда).

Тут же утверждается: «В вайнахских сказаниях заметно ощущается отраженность, рецессивность нарт-орстхойских героев, будто они спроецированы сюда и перемещены из другой эпической системы». Говоря проще, автор вновь прозрачно намекает на иноэтническое влияние на местный эпос. За подобным утверждением вновь стоит абаевская скифо-сармато-алано-осетинская концепция. Не зря приведенная выше цитата из книги У. Далгат была приведена Ю. Галгойти в своем труде [46, *188*].

Вот еще ряд постулатов на тему иноэтнического привнесения эпоса в местную среду, принадлежащих У. Далгат:

«Вполне возможно предположить, что вайнахи, «получив» нартов от других северокавказских народов, спаяли их со своими древними преданиями и сказаниями. Тогда пришлые герои, воссоединившись с воинственными этническими орстхойцами, и создали нарт-орстхойцев, т. е. образы героического склада, но отрицательного действия» [69, *115*]. Абсурдный вывод!

В следующей цитате У. Далгат повествуется о нарт-орстхойцах «как о пришельцах, явившихся в благодатный край и разоривших его своими опустошительными набегами» [69, *124*]. Этому выводу вторит и такое ее утверждение: «Для нас же совершенно очевидно, что сам процесс локализации привнесенных из другой эпической системы образов осуществлялся не только путем количественного (сюжетного) их дополнения, но и качественного переосмысления...» [69, *202*]. Оказывается, мы его обогощаем?!

К сожалению, У. Далгат не останавливается на проабаевском утверждении, что ингуши якобы заимствовали нартский эпос «из другой эпической системы». Идя далее, она пишет: «Образы нарт-орстхойцев лишены той яркости эпических красок, которая наблюдается в нартском эпосе» [69, *199*]. Вот до чего можно додуматься, не зная объект исследования!

В приведенных словах, проще говоря, утверждается, что «заимствованные» сказания в местной среде стали маловыразительными и бледными. Так же тут подспудно утверждается, что нартский эпос, как таковой, является достоянием другой (читай – аланской) этнической среды, а «заимствованные» из нее в местную среду сказания – это жалкие копии, и они не могут составлять самостоятельный эпос аборигенного населения.

Аланомании, к сожалению, оказался подверженным и А. О. Мальсагов, который прямо заявил: «В эпосе вайнахов нарт-орстхойцы всегда характеризуются как пришельцы» [137, 7].

В корне неправильное утверждение, о чем речь пойдет в последующем изложении.

В оправдание антиингушских положений по вопросам местного нартского эпоса, высказанных его исследователями У. Далгат и А. Мальсаговым, можно иногда слышать, что подобные утверждения якобы идут от того, что в активе у них к тому времени имелось недостаточное количество текстов местного эпоса, чем у других соседних народов. Не обязательно съесть бочку меда, чтобы узнать его вкус. Есть народы, у которых имеется один-два сюжета, скажем – «Калевала», «Нибелунги», «Амираниани» и др., но, тем не менее, каждый из них признан самостоятельным эпосом. Ингушских самобытных текстов было не так уж и мало (к 70-м годам XX века), чтобы невозможно было более глубоко исследовать самобытные корни ингушского эпоса, дать характеристику его основных героев. Названным авторам следовало бы более углубленно исследовать местную мифологию и историю, чтобы глубже вникнуть в специфические особенности местного эпоса, древнейшую часть которого невозможно достаточно детально проанализировать без выявления его мифических и исторических корней.

Названные выше исследователи, как уже было отмечено, оказались в плену абаевских (и др.) концепций, утверждавших, что нартский эпос – это чисто скифо-сармато-алано-осетинское явление. Правда, сам В. Абаев, под влиянием исследований адыгских и абхазских ученых, позднее стал больше уделять внимания т. н. субстратным корням эпоса, а также выдвигать идею о трех центрах образования и бытования нартского эпоса – осетинском, адыгском, а позднее еще и абхазском. Но идея о скифо-сармато-аланских корнях, которые осетинскими учеными, вслед за В. Абаевым, продолжают утверждаться в качестве основного ядра общесеверокавказского нартского эпоса, в нартоведении подверглась жесткой критике. Показательно, что никто из приверженцев этой идеи до сих пор не выявил хотя бы какие-то рудименты нартского эпоса у кочевых степняков, этническая сама основа которых находится под большим сомнением.

На разных форумах и в печати известный кавказовед Е. И. Крупнов на почве глубокого изучения древней истории Кавказа не раз отмечал, что корни Нартиады являются сугубо северокавказскими, связанными с кобанской и другими культурами, с местными мифическими традициями. Еще в 1953 году, когда ингуши и некоторые другие северокавказские народы находились в ссылке, он отмечал, что выработанные осетинской наукой положения «по вопросам истории, культуры и языка осетин апробировались в Северной Осетии, некритически повторялись в той или иной форме во всех работах, изданных в Дзауджикау, и популяризировались среди широкой читательской массы» (*Крупнов Е. И.* Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа // Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953. С. 149). Позднее уже на всесоюзном форуме по нартскому эпосу, состоявшемуся в городе

Сухули, Е. Крупнов более четко и определенно выразил свое мнение по вопросу генезиса нартского эпоса:

«И сейчас я вновь со всей категоричностью хотел бы подчеркнуть свой главный тезис о том, что героический нартский эпос – это результат самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо местных кавказских племен, носителей родственных языков, развившихся на основе древнего и единого кавказского субстрата. Поэтому не случайно нартский эпос возник и развивался в таких районах Северного и Западного Кавказа, на территории которых на рубеже бронзового и железного веков бытовали морфологически близкие между собой так называемые археологические культуры: кобанская, прикубанская и колхидская. Они развились и развивались также на базе более древних родственных культур эпохи бронзы. Ныне же на этой территории проживают чеченцы, ингуши, кабардинцы, черкесы адыгейцы, абазины и абхазы, т. е. народы, принадлежащие к особой, так называемой кавказской языковой семье, отличной от всех языковых систем мира. Здесь я сознательно не упоминаю ираноязычных осетин, проживающих на северном склоне Центрального Кавказа, и тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, также представляющих один и тот же единый так называемый кавкасионский антропологический тип, как и все адыги и вайнахи. И наличие у них, в особенности у осетин, развитых циклов нартского эпоса, для меня служит одним из доказательств их сугубо местного, а не пришлого происхождения. Только на протяжении столетий они сменили свой язык: одни племена, как осетины – на иранский, другие – балкарцы и карачаевцы – на тюркский языки».

Е. Крупнов вывел кавказское нартоведение на подлинно научный путь. Упомянутое его исследование, как он сам подчеркнул в нем, напрямую касается и ингушского нартского эпоса – эпоса аборигенного кавказского народа, являющегося равноправным членом общекавказской Нартиады.

В Средние века общность нартского эпоса кавказских народов, несомненно, поддерживалась и развивалась в условиях их совместного проживания в полиэтничной Алании, а затем и при золотоордынцах» [21; 19; 20].

В своем заключительном слове на сессии по этногенезу осетин, в пику абаевской концепции привнесенности на Кавказ степной эпической культуры, Е. Крупнов определенно заявил:

«И сейчас я снова доказываю и призываю осетин не отказываться от богатого наследия прославленной кобанской культуры. Не ищите основных своих предков за пределами Кавказа! Корень вашего этногенеза здесь, на Кавказе» (Там же).

Следуя авторитетному мнению Е. Крупнова, следует теперь напрочь отвергнуть абаевское признание трех центров этого эпоса (осетинский, адыгский, абхазский) и подключить сюда, согласно мнению Е. Крупнова, еще и центры балкаро-карачаевский, ин-

гушский и чеченский. Однако не будет ли вернее отбросить игру в разные центры и опять же, по Е. Крупнову, утверждать о едином северокавказском центре, позднее разложившемуся на ряд национальных нартских версий. Лучше искать автохтонные корни.

Концепция «нарты–осетины», как это отмечают многие исследователи, совершенно не состоятельна и по следующим причинам:

а) если нартский эпос является достоянием ираноязычных осетин, почему же он никакими признаками не обнаружен у родственных осетинам других иранских народов?

б) если термин «нарт» является монголизмом (хотя и тут путаница в его значении – то «солнце», то «луч»), почему ничего подобного кавказскому нартскому эпосу нет у самих монголов?

в) почему не обнаруживаются хотя бы какие-либо рудименты скифо-сармато-аланских реалий? А выдвигаемое, якобы у них существовавшее деление на три касты учеными отвергнуто, как безосновательное и недоказуемо натянутое. Например, и у ингушей имело место деление на высших *(эзди)* средних *(юкъара нах)* и низших *(лай)*, но это давно изжитое деление не имеет никакого отношения к ингушскому нартскому эпосу. Нарты – это военная дружина. Такой она предстает издревле.

Вместе с тем усиленное стремление придать эпосу исключительно осетинскую исконность и исключительность возымело и положительное значение: ученые некоторых других национальных версий нартского эпоса более дружно взялись за изучение своих эпических корней и выявление своих специфических национальных традиций, что послужило развитию кавказского нартоведения.

В последние десятилетия несколько увеличилась номенклатура ингушских нартских сказаний. Их уже насчитывается более семидесяти, причем среди них имеются тексты, весьма оригинальные. Наиболее полный свод ингушских нартских сказаний опубликован в 4-м томе «Антологии ингушского фольклора» (Нальчик, 2006). Хотя нартский эпос, как живое фольклорное явление, можно считать ушедшим в прошлое, однако нет-нет, да и обнаруживаются рудиментарно сохранившиеся некоторые нартские сказания.

Заслуживает внимания и т. н. «аланская проблема». Во всех энциклопедиях, справочниках слово «осетины» начинается с утверждения «аланы–предки осетин». Согласно этому постулату, протягивается цепь и к нартскому эпосу, который также якобы является аланским. Некоторые осетинские ученые даже стали вводить в свои труды словосочетание «алано-осетинский язык». Например, это имеет место в трудах Т. Гуриева.

Скифо-сармато-аланская концепция подверглась критике со стороны Е. Крупнова, В. Чичерова, А. Петросян, М. Мелетинского, Ш. Д. Инал-ипа и мн. др. В связи с выдвинутым В. Абаевым постулатом «осетины–аланы» Б. Гарданов отозвался следующей цитатой:

«В. Абаев в данной работе («Нартовский эпос». – *И. Д.*) рассматривает северокавказских алан как **единый народ** иранского происхождения, в то время, как большинство советских ученых, изучающих эту проблему, считает, что под именем северокавказских алан в Средние века был известен конгломерат различных племен Северного Кавказа и Причерноморья, различных как по языку, так и по культуре. Теория В. Абаева: аланы–осетины должна быть отброшена, как явно не состоятельная» [53, *246*].

Особого внимания заслуживают труды современных исследователей, в частности балкарцев и карачаевцев, которые признают полиэтничность алан, при этом определенная роль ими отводится их тюркоязычности. Совершенно ее не исключая, необходимо тут добавить и первооснову кавказоязычность.

Большому сомнению в ученом мире подвергнута идея о том, что в основе кавказской Нартиады находится т. н. ядро эпоса, восходящее к аланам. Отсюда и постулируется идея «аланы – предки осетин». Делается все это вопреки Е. И. Крупнову, призывавшему осетинских ученых не отказываться от своих кавказских корней, вопреки целому ряду исследований на эту тему, произведенных адыгскими, балкаро-карачаевскими учеными.

В конце XVIII века с легкой руки Ю. Клапрота, без особых на то доказательств, осетины им впервые были названы потомками алан. Лет через сто это его предположение осторожно было поддержано В. Миллером. А затем, уже в советское время и вплоть до сего дня, стали раздуваться пары – «осетины – потомки алан». Далее стала протягиваться в глубь столетий генетическая нить к ассам, роксоланам, сарматам, скифам, арийцам и т. д., чуть ли не до библейских пророков. Основой для такой длиннющей генеалогии послужило то, что осетинский язык чуть более половины содержит в себе иранскую (согдийскую) лексику. Но при этом в расчет не брались автохтонные кавказские признаки (не свойственные иранцам) антропологии, менталитета, особенностей местной культуры и пр. Единственная уступка в пользу кавказской автохтонности была туманно сделана В. Абаевым, написавшим, что в осетинском языке имеется «кавказский субстрат», хотя ни он сам, и никто другой толком до сего дня так и не обосновал его суть.

В основе национальной принадлежности прежде всего лежат генетические признаки (антропология). Современная наука, изучив их, пришла к выводу, что осетины такие же кавказоиды, как и их давние соседи, только (по замечанию Е. Крупнова и мн. др.) подвергшиеся когда-то и как-то ираноязычному воздействию. Этот факт в науке неоспорим. Но аланизация стала настолько привлекательной, что даже нартское эпическое творчество ряд осетинских ученых возводят к аланам – до сих пор непонятному «этническому» образованию. Эти ученые ядро (основу) нартского эпоса представляют как сугубо осетинское (аланское) эпическое первотворчество,

которым были облагодетельствованы другие кавказские народы, в порядке культуртрегерства. Такие аланствующие «нартоведы» лишь иногда позволяют себе сделать экивок в сторону кавказской автохтонности, кстати, как явствует из исследований и текстов, не в малой степени присутствующей и в самой осетинской версии нартского эпоса.

Легковесное и совершенно неубедительное давнее высказывание Ю. Клапрота «осетины–потомки алан» продолжает катиться и по сей день словно лавина, набирая массу и обороты, сметая с пути автохтонность, которой следовало бы гордиться, вместо того, чтобы пытаться опираться на придуманную аланскую сказку. Названная лавина наконец растопилась в воду, словно лопнувший мыльный пузырь, особенно благодаря глубоко научно обоснованному труду крупного и добросовестного ученого В. И. Шнирельмана – «Быть аланами». Надо отдать должное не только научной добросовестности этого ученого, но и его мужеству, – ведь не так легко и просто выступить против, годами насаждавшейся ложной идеограмме, за спиною которой стоит большой отряд ее апологетов.

Так называемая «аланизация» подвергалась и национал-политическим задачам. Первоначально доказывалось «арийство» осетин и делались попытки их приобщения к германцам. Но с началом Великой Отечественной войны и депортацией с Кавказа некоторых народов появилась угроза оказаться и осетинам в их числе. При самом активном участии тогдашнего 1-го секретаря Обкома Осетии срочно стало предаваться анафеме германофильство и насаждение на ее место идеи: осетины–яфетиды, т. е. – кавказские автохтоны. Но минула пора военного лихолетия, и стала вновь раздуваться аланомания, главными пестунами которой выступили Б. Скитский, В. Абаев, позднее подвизавшийся к ним В. Кузнецов и часть ученых – т. н. алановедов и нартоведов. Все эти маломощные в научном плане потуги возымели свое действие, и в науке последних лет советской власти стали почти аксиомными понятия: «осетины – потомки алан», «нартский эпос – их культурное достижение», повлиявшие на духовный мир других кавказцев, недозрелых в культурном отношении.

Теперь, вроде бы, начинается откат в сторону кавказской автохтонности, но как отнесутся ученые-кавказоведы к идее «заблудшей овечки»?

В 90-х годах XX в., после военных действий в Грузии, на территории Югоосетии грузинизированные термины «Осетия», «осетины» стали неудобными, начались поиски нового и «сугубо своего» этнонима. И тут вновь зазвучал термин «алан» – как якобы свое исконное творение, на которое «покушались» и другие северокавказцы, а в Ингушетии даже возродили древнюю аланскую столицу Магас. Новая волна «аланизации» требовала не только сменить термин «осетин» на другой – «алан», но одновременно с этим зазвучали претензии территориальные и даже эпические.

Так, этнолог А. Чочиев доказывал, что начиная от Крыма по всему Кавказу «всегда присутствовал скифо-нарто-асский этнос» (см. у В. Шнилермана. С. 180). Теперь оказалось, что эпоним «нарт» равен этническому пониманию, и при желании можно было просто термин «осетин» заменить на имя «нарт», поскольку А. Чочиев не видит здесь особой разницы.

В. Шнирельман зорко разглядел геополитическую подоснову, раздуваемой мифической аланизации осетин. Проанализировав подобные изыскания, он справедливо пришел к заключению:

«Итак, в 1990-е годы (на пороге ингушского геноцида из Пригородного района. – *И. Д.*) стало очевидно, что едва ли не главной причиной популярности аланского мифа является больной территориальный вопрос, подспудно присутствующий во многих из упомянутых выше этногенетических версий» [219, *180*].

Тщательным образом и беспристрастно рассмотрев нынешнюю политизацию аланизма, В. Шнирельман пришел к убедительному выводу, говоря его словами: «многие мифы и символы являются книжными и часто изобретаются националистами у нас на глазах. Ярчайший пример – это аланская идентичность, узаконенная властями Северной Осетии–Алании в образе аланского барса» [219, *557*].

Трудно удержаться и не сказать о ряде «значимых» научных изысканиях аланствующих ученых. Например: сарматы – это предки как русских, так и осетин; аланы–осетины якобы были элитной основой всех европейских народов; король бриттов – легендарный Артур – осетин; им же является и император Барбаросса (рыжебородый, превращенный в варвара осетина); Шота Руставели – осетин; аланы-асса – расса господ средневекового Египта; осетинский нартский эпос оформился на берегах Нила, кстати и цивилизация туда была занесена осетинами; в осетинском нартском эпосе сохранилась память о строительстве пирамиды Хеопса; осетины сыграли какую-то роль в этногенезе центральноафриканских племен; греческие мифические гипербореи – предки осетин; осетины сыграли основную роль в этногенезе венгров; далекие предки осетин когда-то достигли доколумбовой Америки и дали начало ацтекам; якобы какой-то убийца Дзауг Бугулов основал Владикавказ; сам Иисус Христос и его апостолы (извините, кроме Иуды) несомненно были осетинами; а сам великий вождь и учитель Сталин был то грузином, то осетином, то евреем, а то и побочным сыном грузинского князя (впрочем, такие нелюди не имеют права иметь свою национальность) и пр. и пр. галиматья.

Мегаломания в осетинской науке не знает предела. Их нартский эпос, оказывается, значительно древнее и значимее гомеровских творений. Узнав об этом, «великий слепец» – эпигон, неверное бы прозрел от удивления. Непонятно почему такие лжеученые, распинаясь в любви к своему народу, сами же дурачат его, стремятся противопоставить его другим кавказским собратьям, изолируют

его и т. д. Конечно же в Осетии есть здоровые «правильные» научные силы. Тут вполне достаточно назвать одного В. И. Абаева, который при частичных заблуждениях (неизбежных у любого ученого) в целом обладал чувствами справедливости, интернационализма, научной педантичности. Очень многого стоит, к примеру, его поистине великий труд, посвященный этимологии осетинской лексики.

Осетинский нартский эпос, как и другие кавказские его версии весь пронизан духом Кавказских гор (обычное место пребывания осетинского Батрадза – снежные вершины гор), духом его жителей. Пытаться этот эпос клещами тянуть в степи и к ее безродным «бродягам» является просто абсурдным. Хорошо и смело это показано в недавно опубликованных исследованиях Т. Дзокаевой «Осетины в плену у аланов», «Осетины – потомки осетин», «Нарты. Неразгаданная символика». Автор этих монографий является истинной патриоткой своего народа, в противовес лжеученым, пытающимся лишить свой народ истинной самоидентичности, ведущей к безродности.

Все исследователи национальных версий народов Северного Кавказа единодушны в утверждении, что корни этого эпоса уходят в мифологию. Правда, одни считают – в мифологию кавказских народов, а представители осетинской школы – в скифо-сармато-аланскую. Вторая точка зрения, как уже отмечалось, отвергнута многими кавказоведами, включая нартоведов, и нет смысла на ней останавливаться. Наиболее популярна теория о кавказских мифологических корнях нартского эпоса. Этого вопроса касаются абхазо-адыгские ученые. Однако произвести по этой теме развернутый анализ довольно проблематично, поскольку внедрившиеся в северокавказскую среду уже тысячу и более лет назад монотеистические религии довольно активно преуспели в изживании мифологических корней у народов региона. Несколько особняком в этом плане стоят ингуши, поскольку в Средние века у них христианство не успело пустить свои глубинные корни, а ислам ингушами был принят позже всех других кавказских народов, лишь в XIX веке. Ингушскому мифотворчеству посвятили свои исследования Ч. Ахриев, Б. Далгат. Некоторые, уже рудименты, местной мифологии были зафиксированы и в не столь отдаленное время.

Для начала нашего исследования мифологических корней ингушского нартского эпоса представляется необходимым хотя бы вкратце остановиться на пантеоне древних богов.

Одним из них является **Ткъа**. Он олицетворял собою солнце. Слово **«ткъа»** сохранилось в ингушском языке в древнем названии молитвы – **«текъам»**. Обычно все ингушские сказки начинаются со словосочетания **«вахаш-текъаш** хиннав цхьа саг» – «жил-молился некий человек»; по смыслу сближается с русским сказочным зачином «жил-был некто». Верховного ингушского бога далеких

Ингушский христианский храм Ткобя-Ерды VIII–XII вв., построенный на месте древнеингушского капища солнечного бога Ткъа, находящийся в центре проживания нартов – «ГIалгIай коашке»

времен **Ткъа** мы обнаруживаем в записи В. Светлова «Семь сыновей вьюги. Ингушское предание» [176, *214*]. Здесь он поименован как **Тга**. У него имеются блага, которыми он не хочет делиться с людьми. Так же он греется у солнца, находящего в его власти. Имя божества **Ткъа** мы обнаруживаем и в мифической записи Ч. Ахриева «Борц и Тамыж-ерда». В ней Тамаж-ерда наставляет горцев поклоняться себе, указав на одну из пещер на вершине горы, словами: «Вот здесь будет мое местопребывание. Сюда вы должны приходить поклоняться мне и оставаться здесь до восхода солнца, чтобы лучи его не застали вас в этой пещере, иначе все вы попадаете на землю без памяти» (*Ахриев Ч.* Ингушевские праздники // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5, 7, 8). В этом мифе Ч. Ахриев вместо «**Ткъамаж**» написал «**Тамыж**», поскольку ингушский звук «**къ**» по-русски не передается.

Именно богу **Ткъа** посвящена древняя и в отдаленные времена главная святыня ингушского народа – храм «**Ткъаба-ерды**».

Автору этих строк в 1960 году довелось видеть над этим храмом круг ясного солнечного неба, в то время когда вся горная окрестность вокруг храма была покрыта темными густыми тучами. Такое необычное атмосферное явление, вполне естественно, должно было вызвать у горцев божественное поклонение, а именно богу **Ткъа**, имя которого и носит сам храм.

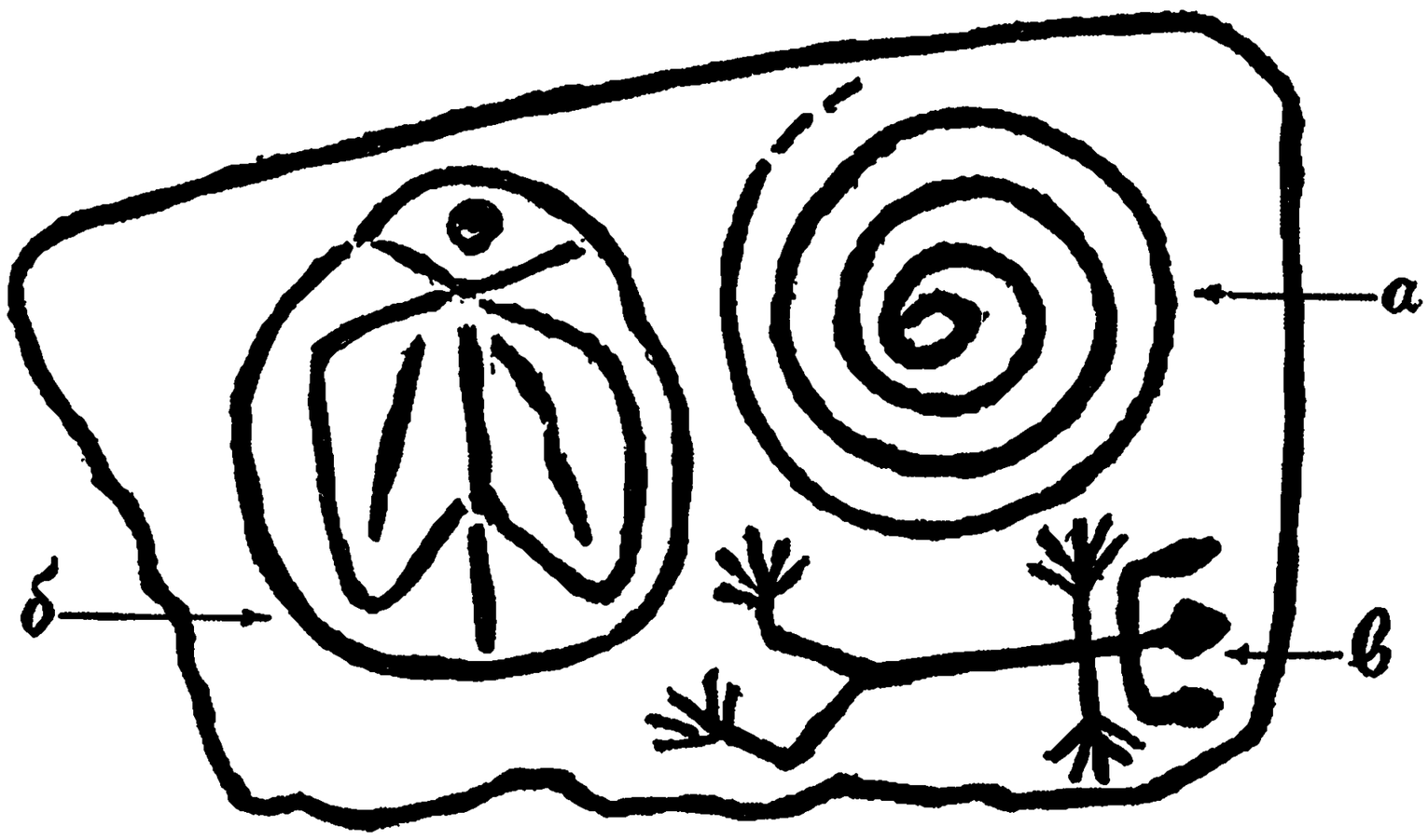
Название храма по-русски приводится в форме Тхаба-ерды, как это принято в научной литературе. Однако и по сей день ингуши на родном языке называют храм **«ТкъобIаь-ерды»**. Заметим, в середине слова «ТкъобIаь» находится также ингушский звук «къ», который, как сказано, никак невозможно передать средствами русской орфографии. Поэтому звук **«къ»** В. Светловым передан через **«г»** («Тга»). Ч. Ахриевым он вообще опущен («Тамаж»), а название храма по-русски передается через **«х»** («Тхаба»). Гортанный звук **«къ»** имеется в языках кавказской семьи, но отсутствует в, скажем, славянских, тюркских, ряде индо-европейских языках. Нередко ученые допускают ошибку, пытаясь этимологизировать слово **«Тха»**, исходя из его искаженной записи средствами русского языка. Здесь уместно вспомнить правило: прежде чем подвергнуть этимологическому разбору какое-либо слово, для начала непременно необходимо восстановить его исходную форму. Такой формой здесь является **«Ткъа»**. Некоторые древние ближневосточные солнечные божества изображались в форме солнечного диска, несомого двумя крыльями. В записи В. Светлова верховное божество Ткъа названо «Великим Нартом».

На Бехистунской скале древнеиранский бог Ахурамазда также изображен в форме крылатого солнечного диска.

В связи с изложенным обращает на себя внимание ингушское слово **«ткъам»** – *крыло*, несомненно, восходящее к имени крылатого солнечного бога **«Ткъа»**.

В горной Ингушетии, в ее старинной столице Эгикале, нами найдена идеограмма следующего вида.

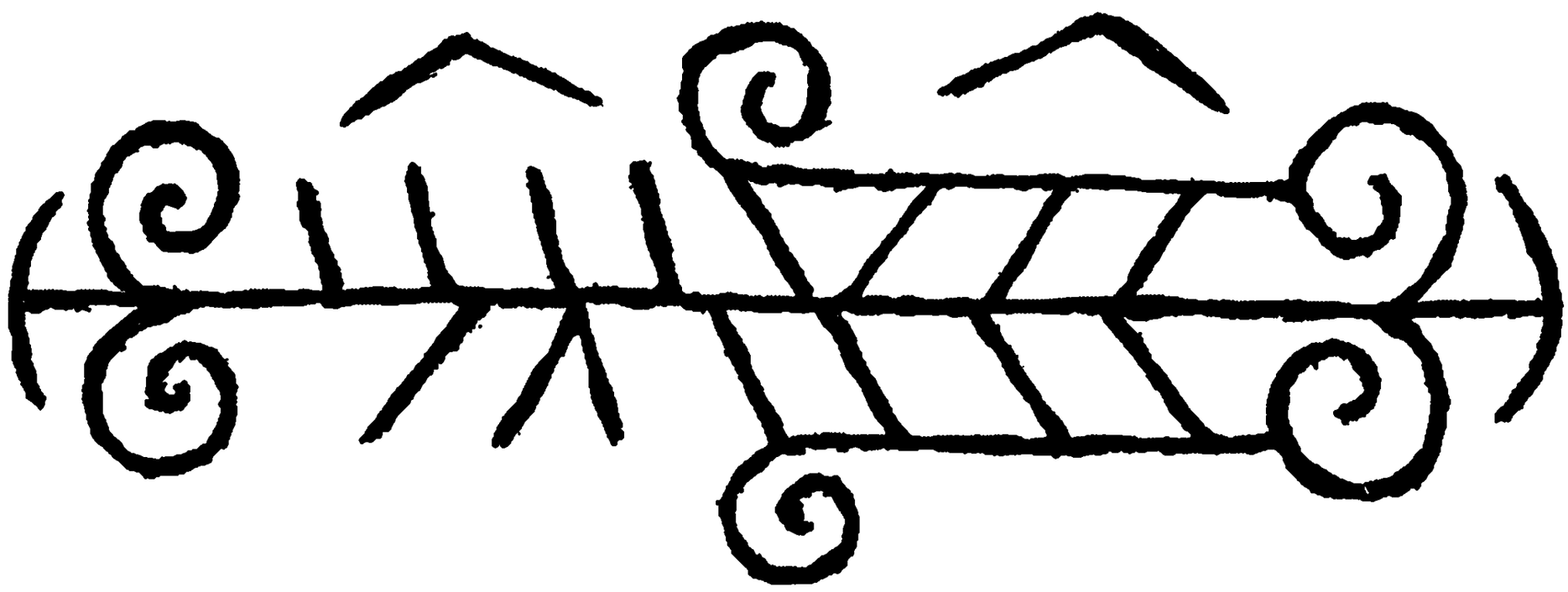
Плита с этой идеограммой вделана в угол башни. На этой же башне имеются вделанные в ее стену и другие камни с начертанными



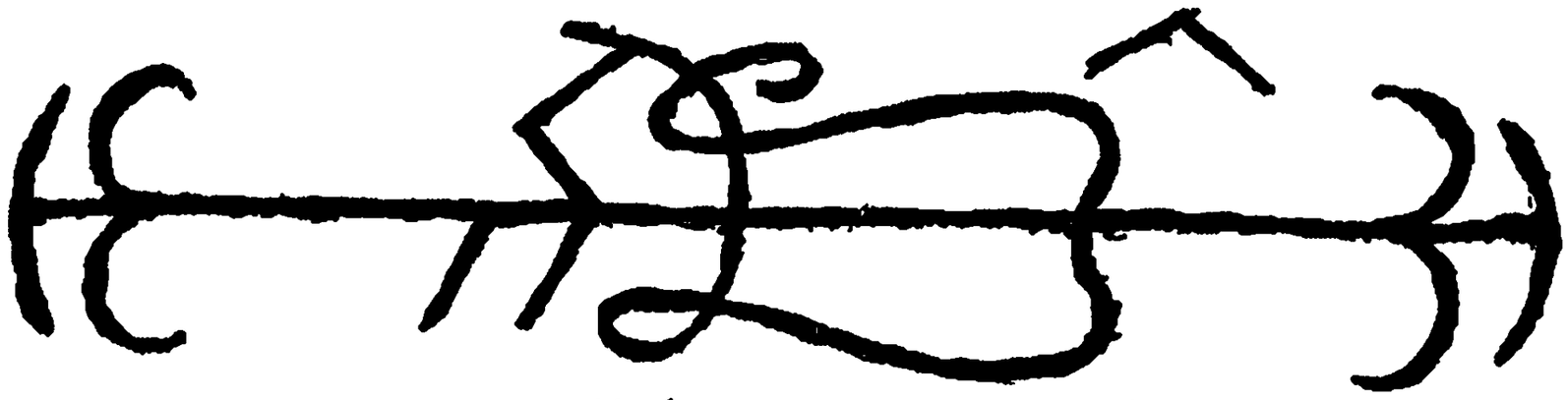
Плита из Эгикала. На пиктографе схематично изображены скарабей, солярная спираль, двадцатипалый (ткъо) и крылатый солнечный бог Ткъа, считавшийся Великим Нартом

на них разными изображениями, которые трудно объяснить. Характерно то, что все эти вделанные в стену башни камни-пиктографы явно не являются камнями местной породы. Тут вспоминается камень, обнаруженный Ф. Горепекиным в 30-х годах XX века в храме Маги-ерды, порода которого также имеет не местное происхождение [191]. Есть подозрение, что эти «магические» пиктогрифы были предками ингушей когда-то завезены из далекой, возможно, закавказской, далекой прародины. По крайней мере, один из пиктографов разительно похож на т. н. древнеармянские (скорее – урартские) хромовые знаки. Для иллюстрации приводим пиктограмму из Эгикала похожую на древнеармянскую (урартскую?) пиктограмму. Некоторые пиктографы похожи на знаки, изображавшиеся на спинах египетских скарабеев.

Родство этих древнеармянских и ингушских знаков, которые разделяет большая древность, далекое географическое расположение и т. д. несомненны. Остается предположить, что наши далекие



древнеингушский знак из Эгикала



древнеармянский (урартский – ?) знак

древнеегипетский знак на скарабее

Эволюция древних солярных символов

предки когда-то вывезли к нам священные для них камни из далекой своей урартской прародины. И эти пиктографы донесли солярные символы.

Эгикальская башня, в которую вделаны названные древнейшие пиктографы, сравнительно молодая. Возможно, эти сакральные камни являлись принадлежностью какого-то древнего капища позднее разрушившегося, а затем эти камни уже были вделаны во вновь построенную башню.

Теперь вернемся к ранее изображенному рисунку. Вполне логично предположить, что вся эта идеограмма предстает солярным изображением. Во-первых, изображенная тут спираль учеными давно признана солярным изображением. Вторая графема изображает круг и, условно говоря, муху. Науке известно, что в древнем Египте скарабеи (навозные жуки) пользовались особым уважением: египтяне полагали, что по небу солнце (шар) катит скарабей, подобно тому как на земле жучок катит навозный катыш. Возможно, эта идея и воплощена в рисунке «круга и мухи». Вполне вероятно, что древний каменотес спутал двух насекомых: жучка и муху. Для нас особый интерес представляет третья идеограмма. Здесь мы видим до предела абстрагированную фигуру человека. В его изображении загадочными являются три детали: прорисованные все 20 пальцев рук и ног; скоба на шее, края которой устремлены вверх и заостренная кверху головка человечка. Схематизм в этой фигуре доведен до крайних пределов, поэтому остается полагаться на догадки и предположения, которые в общем виде можно обозначать следующим образом: двадцатипалый человечек является одновременно и птицей, поскольку острие головы можно принять за клюв; «скобу» можно принять за крылья, устремленные вверх; в двадцати пальцах зашифрована цифра «20». Почему же она выбита так тщательно? У ингушей т. н. вигезималная, проще говоря, двадцатеричная (по числу пальцев рук и ног) система счета. Двадцать по-ингушски произносится **«ткъо»**, а название древнего солнечного божества также **«Ткъа»**. Кажется вполне вероятным, что выбивая на камне 20 пальцев, причем уделив им особое внимание, древний каменотес тем самым «написал» имя бога **«Ткъа»**. Изображен этот бог внизу, а два солнечных символа, о которых уже шла речь, изображены над ним – не является ли это намеком на то, что солнечный бог **Ткъа** несет на себе по небу светило? Вполне возможно. Ведь имя бога Ткъа и ингушское название крыла **«ткъам»** и древнее ингушское слово **«текъам»** («моление») – слова однокоренные и семантически тесно взаимосвязанные. Тут Ткъа – верный Нарт.

Видимо, от бога **Ткъа** – крылатого солнечного диска, повелась ингушская традиция с языческими богами увязывать какую-либо птицу, возможно, в качестве ипостаси самого бога. Для наглядности приведем следующую схему с именами богов и посвященными им птицами, помня, что в этом есть нартское наследие.

Имя бога или нартского героя	Ингушское название птицы	Русское название птицы
Дяла	ираза кер	сокол счастья
Тушоли	тушол-котам	удод
Села	аьрзи	орел
Села Сата	селасат	иволга
Сеска Солса	кхокха	голубь
Хамчий Петарза	ХьаргIа	ворон

Может возникнуть вопрос: почему в сонме ингушских языческих богов оказались нартские герои Села Сата и Сеска Солса? Да потому, что они, как бы по совместительству, принадлежат к пантеону языческих богов (богов Солнца и Света), о чем подробно будет сказано в разделе, посвященном героям ингушских нартских сказаний.

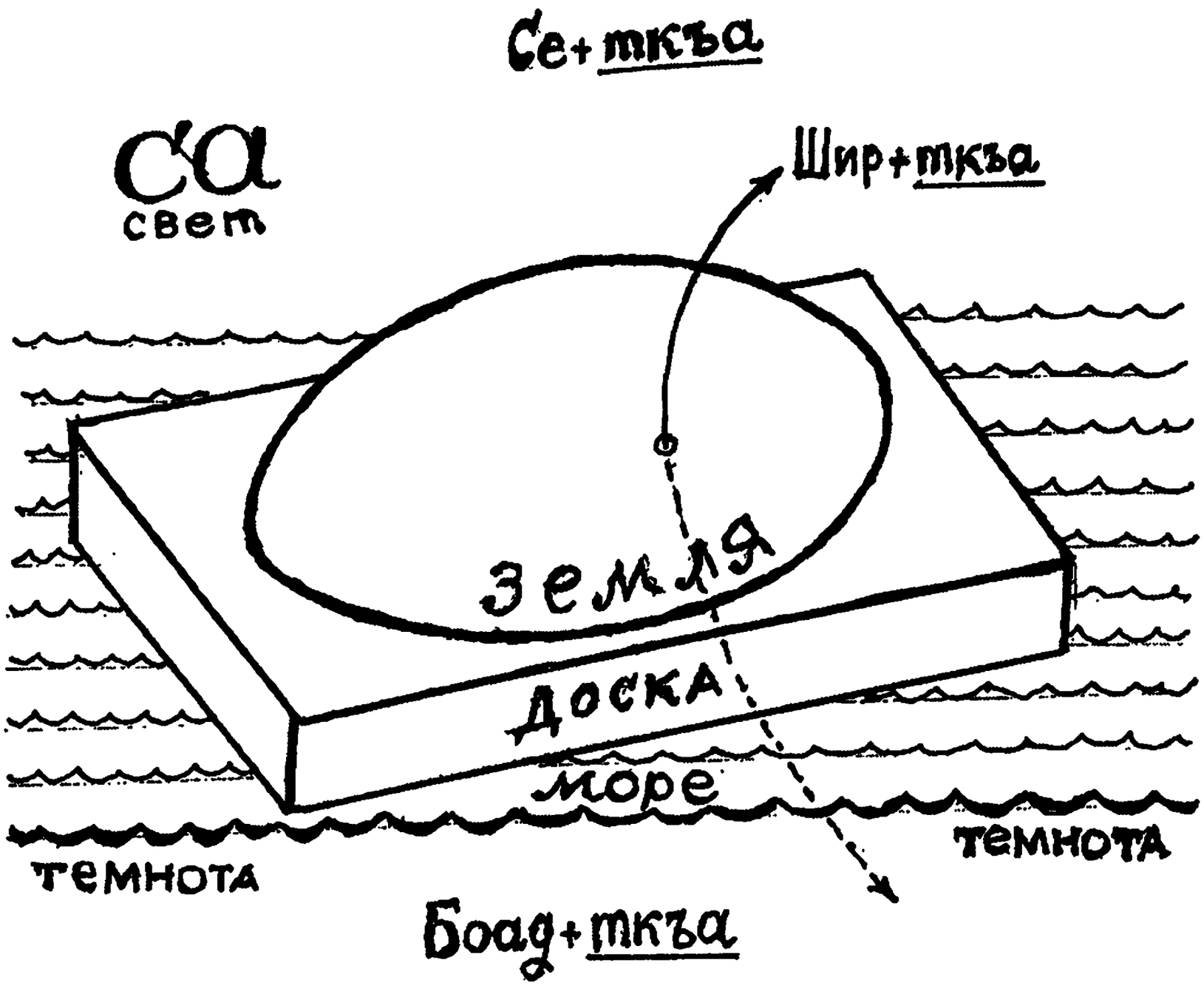
К далеким общекавказским корням, видимо, относятся адыгский бог **Тхьа** и ингушский бог **Ткъа**, являющиеся функциональными двойниками. Можно предположить, что тут речь идет об одном и том же боге, название которого в течение ряда тысячелетий видоизменилось на один звук – ингушское **къ** и адыгское **хь**. Эти звуки являются заднегорловыми и сближаются по месту образования.

«У адыгов, – пишет А. Шортанов, – существовало представление, что творцом всего сущего был бог – Тха, нередко характеризуемый как Великий бог – Тхьэшхуэ. Он сотворил мир и людей» (*Шортанов А.* Адыгская мифология. Нальчик, 1982. С. 21). Далее автор сообщает: «Вообще Тха весьма редко фигурирует среди других языческих богов...» (С. 21). В ингушском пантеоне языческих богов **Ткъа** тоже почти перестал значиться. **Тхьа-Ткъа** – бог (боги) настолько древние, что со временем их имена были оттеснены другими богами. У ингушей таким богом, существующим и поныне, стал бог Дяла, в котором, по нашим наблюдениям, присутствуют индо-европейские корни [70, *26*].

Однако, ингушское имя **Ткъа** обнаруживается в названиях светил, нартских героев, имеющих полубожественные функции. Для начала обратимся к ингушскому мифу о мироустроении, зафиксированному Ч. Ахриевым:

«Земля образовалась прежде бога; она имеет вид яйца и стоит на доске, доска – на море, а море – на какой-то темноте» [22, *8*].

Над землею находится небо, которое ингуши называют **«сигале»**. Иногда им клянутся **«Цу дIарча сигалора»**. В первой основе слова «си+гале» небо видна основа «са» – *свет*.



Реконструкция Вселенной по мифу, записанному Ч. Ахриевым и объясняющим имена Боткъа, Ширткъа и звезды (седкъа), имеющим наращение «ткъа» по имени ингушского древнего бога Ткъа (у адыгов – Тхьа)

Над землею днем разливается свет (по-инг: «са»). В первой книге Моисея «Бытие» (из Библии) сказано: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один». Лишь на четвертый день Бог создает светила и звезды. Мы далеки от мысли считать, что такое мироустройство ингуши заимствовали непосредственно из Библии. Но в ней мы видим иллюстрацию того, что и ингуши, как и многие другие народы, первичным творением считали «свет». Это вполне разумно: ведь над землею утром первоначально разливается именно свет и лишь позже восходит солнце.

Ингуши «утреннюю звезду» – Венеру считали олицетворением небесной богини Саты (от слова «са» – *свет*) и называют эту звезду словом «са хула седкъа» – *«звезда, приводящая свет* («са»)». Не зря ингушское слово «са» полисемантично, помимо **света** оно означает **душу**, собственное местоимение **мое**, угол башни (дома) считался ее душою и потому также назывался **са**. Свет **са** находится над землею. Его противоположностью, как выше отмечено у Ч. Ахриева, является «темнота», которая по-ингушски называется **«боадо»**. С темнотою у ингушей в прошлом ассоциировался подземный мир мертвых – мир мрака. По всем ингушским мифам и нартским сказаниям, посредником между мирами света и тьмы выступает **Боткъий Ширткъа**. Теперь составим конструкцию, по-

ложив в ее основу ахриевское устройство, с привлечением слов **са** (свет), **боадо** (тьма) и **ткъа** (здесь в значении нарицательного «бог») и в результате получим вышеприведенную схему.

Как видно из нее, мифические существа света *(се+ткъа)* тьмы *(боад+ткъа= бодкъа)* посредника между ними *(шир+ткъа)* имеют наращение **ткъа** в значении «божества».

Имя нартского героя **Боткъий Ширткъа** вполне объяснимо в значении **Ширткъа**, сын **Боткъи**. В ингушской ономастике отчество всегда ставится впереди собственного имени. **Боткъа** назван отцом **Ширткъи**, но скорее всего древнейший смысл был – **Ширткъа**, порождение тьмы, божество, которое **Боткъа**, мы встречаем в нартских сказаниях адыгов, абхазов, осетин в разной огласовке (Батаг, Бадыного и др.). Причем этот герой – крайне пассивен, инертен. Другим он и не мог быть, поскольку олицетворял собою хаотическую безликую тьму. Таким образом, из ингушской мифологии объясняются имена **Бод(т)къа и Ширткъа**.

Светоносной предстает богиня (и героиня нартского эпоса) **Сата**. Об этом наглядно свидетельствует ряд признаков: **«Са-та»** разложило на **«свет»** и суффикс **«та»**, во-первых; во-вторых, она дочь **небесного** бога **Селы** (кстати, и в имени этого бога проглядывает основа **«са»**); в-третьих, она жена **бога неба ХІало**; в-четвертых, с ее именем связаны два небесных светила. И, наконец, у ингушей существовало поверие, что Сата перед рассветом появляется в виде «Са хула седкъа» (Венера – «Утренняя звезда») и является провозвестницей явления в мир света. По всем признакам в этой героине слились признаки и света, и неба, убедительным свидетельством чему являются приведенные выше признаки, характеризующие эту богиню и героиню нартского эпоса.

Светоносная и небесная богиня Сата, дочь небесного бога Селы, под именем Села Сата спустилась с небес и стала героиней нартского эпоса, заняв в нем особое место.

Со светом и с небом связаны и нартские герои (божества) Соска Солса и Патарза, поскольку первый из них, вслед за Ж. Дюмезилем, учеными увязывается с солярными божествами, а с именем второго у ингушей связана вечерняя заря. Объяснение функций и поступков этих главных героев нартского эпоса (божеств) заслуживают отдельного и более подробного изучения, прежде всего с опорой на мифологию. К изучению в дальнейшем также должны быть привлечены Великие матери и другие божественные персонажи.

ОЧЕРК ИНГУШСКОЙ МИФОЛОГИИ И ЭПОС

Общепризнано, что мифология является базисной основой нартского эпоса. Особенно это касается ингушей. Не ставя себе задачу подвергнуть изучению всю местную мифологию, сосредоточим свое внимание лишь на той ее части, которая непосредственно касается местного эпоса, хотя иногда ограничиваемся не только им.

За длительный исторический период религиозная картина Ингушетии подверглась значительным изменениям. В ней выявляются отголоски религиозных верований древних народов Передней Азии, зороастризма, пришедшего ему на смену христианства, и за весь период выработанные в самой народной среде верования. Разобраться во всем этом конгломерате довольно сложно. Попытки в этом направлении имеют место, однако они остаются на уровне констатации единичных фактов.

Где-то с середины XVIII века к ингушам стал проникать ислам с западной, а затем и с восточной стороны. Массовая исламизация ингушей, по ряду данных, завершилась где-то в 20-е годы XIX века, хотя пережитки старых верований и связанные с ними обряды еще частично сохранились, особенно в горной зоне, к моменту их начала фиксации учеными Ч. Ахриевым, Б. Далгатом и др. В результате кое-что из древней мифологии у ингушей сохранилось настолько, что о ней можно судить и делать выводы, в частности, о ее связи с местным фольклором.

Об ингушской мифологии нами была написана монография «Мифы и легенды вайнахов». Предварительно с нею ознакомился А. О. Мальсагов, который многое из нее использовал в своей брошюре «Маьлха дуне» (Грозный, 1971). Обращаясь к своей монографии и используя материалы Ч. Ахриева, Б. Далгата и др., приведем небольшой очерк ингушской мифологии.

Едва ли первые описания оставил И. Гюльденштедт, который совершил свои экспедиции по Кавказу в 70-х годах XVIII века. Будучи в составе царской комиссии, уполномоченной принять присягу ингушей об их добровольном единении с Россией, И. Гюльденштедт занимался и исследованиями. О кистинах (горных ингушах) он пишет, что они христиане более других кавказских народов (имея в виду Северный Кавказ); они празднуют воскресенье, держат зимний (долгий) и летний (короткий) посты; их «цани стаг» – *жрец*, не женат и живет у старой церкви; в ней имеются рукописи и статуи; кистины едят свинину [66].

Несколько позже другой исследователь – Шерген отмечал: «Мулла свободно кричит при колокольном звоне, кистинский кумир Гальерд покойно стоит в старой, оставленной церкви царицы Тамары». А ведь еще в 1810 году, за 36 лет до сообщения Шегрена, в одном из договоров о единении с Россией ингуши приносили присягу именем Гальерды. Значит, его культ исчез на глазах Шегрена, а мусульманство и христианство стремились перекричать и перезвонить друг друга. Как видим, еще два столетия назад в религиозном отношении ингушский этнос не был единым.

Естественно, что с незапамятных времен среди нахских племен складывались свои религиозные верования, но непреложно и то, что они испытывали религиозное влияние своих ближних и дальних соседей. Если в период возникновения древнейших переднеазиатских цивилизаций предки (в составе хуритских, урартских,

протохетских и других племен) проживали непосредственно в их орбите, то это должно было отразиться и на их религиозной природе. Языческий период длился не одно тысячелетие. Как это вообще свойственно язычеству, некоторые боги, культы, обряды других языческих религий безболезненно проникали в местную среду, где подвергались ассимиляции. Этот процесс был и обратным, но он совершенно не изучен. Не утверждая полную идентичность, но учитывая несомненное звуковое соответствие названий языческих богов нахов и других народов, попытаемся сделать некоторые сопоставления. В песнях для вызывания дождя ингуши обращались к богам Ра(ло), Хал(о). С этими именами созвучны египетский Ра, урарстский Халди (основа – Хал). Бог подземного мира Эштр созвучен с именем вавилонской богини Иштар, которая также увязывалась с подземным миром, а переход богов из женской ипостаси в мужскую и наоборот не был редкостью. Урартские (и других народов) Ал и Бел соотносимы с ингушскими богами Алла и Белла. Созвучие видно и в именах местной Тушоли и урартского Тешуба. Родство Тушоли с подобными ей богинями Ближнего Востока отмечал еще А. Захаров [264]. Но имеется еще пока не объяснимое подобие, – например, подземный мир мертвых у ингушей называется «Iел» (эл) и у германских народов «heI».

Поскольку области цивилизаций находились южнее проживания нахских племен, естественным было находиться в контакте прежде всего с ними. Особую интимность имели связи ингушей и их непосредственных соседей грузин. Поскольку государственные религии первоначально складывались в Грузии (зороастризм, затем христианство) под влиянием Ирана и позднее Византии, они транзитом переходили и к другим горским народам. Наравне с Грузией могуществом обладало и государство Албания, граничившее с грузинами, нахами и другими народами Кавказа Н. Марр сделал вывод, что «первые христианские миссии к кавказским горским народам» шли из кавказской Албании [255, *1382*]. А. Меликишвили пишет, что еще в VI веке правители Картлии (Грузии) усиленно распространяли христианство среди горцев Кавказа с целью ассимиляции их, внедрения грузинского языка как государственного, чтобы в итоге лишить горцев их полунезависимого положения, превратив их в верных стражей северных границ Грузии. Горцы же, понимая, что это грозит потерей независимости, сопротивлялись христианизации [256, *129*]. Тем не менее христианство в определенный исторический период пустило корни. Неопровержимо об этом свидетельствует, например, указание М. Ковалевского, что ингуши клялись тремя великими лицами, но при этом характер их им не ясен [257, *152*]. Это явное христианское представление о боге в трех ипостасях.

Большая часть домусульманской религиозной терминологии ингушей восходит к грузинской, храмовые постройки во многом копируют грузинские образцы, а храм Ткобя-ерды едва ли не весь

(если не считать каких-то деталей) создан по подобию грузинских древних храмов, в нем находили древние книги на грузинском языке. Так, Г. Вертепов в 1896 году купил пергаментный псалтырь, который находился в названном храме [258, *118*].

В свое время С. Броневский также отмечал, что ингуши были подданными Грузии, исповедовали христианство, но с ослаблением Грузии отделились от нее и вернулись к своей исконной религии.

Древнейшая охотничья мифология, на наш взгляд, имеет немало общего у ингушей и грузин. Все языческие молитвы ингушей завершались восклицаниями «очо-о, аминь!» Понятно, что «аминь» внедрилось с христианством (позднее – с исламом), но «очо», вероятно, восходит к охотничьей мифологии. Так, «вожака» стада оленей и туров ингуши когда-то называли «вочаби» (основа – *оча*). Нечто подобное мы слышим в грузинском языке «очокочи» (человек-козел) и «очопинтре» (лесной человек). Еще И. Джавахишвили отмечал: «Название его Очокочи или Очопинтре... связано с культом мужского божества плодородия, покровителя животных Бочи» [77, *252*]. Кстати, это имя похоже на ингушское «бодж», адыгское «бжан», осетинское «бодзо» – названия козла.

Л. Семенов, проводивший археологические и этнографические экспедиции в горах, пришел к такому выводу: «В ингушских памятниках отражена смена трех религий, последовательно сменявших одна другую: 1) языческой (наиболее древней); 2) христианской (начавшей проникать сюда около XII в.); 3) мусульманской (проникшей около XVIII в.)» [179].

К мифам, отражающим древнейшие религиозные воззрения, относятся произведения, повествующие о временах, когда огонь почитался богом. В одном тексте говорится о двух братьях, поклонявшихся огню, который они подкармливали долею от своей пищи, но один из братьев усомнился в божественности огня, так как он ожег его руку. Огнепоклонство было широко развито в древнейшие времена у многих народов, классическое же оформление этот культ получил в Иране. Вместе с поклонением огню стало развиваться возвеличивание света, солнца (небесного огня). На то, что слово *«огонь»* («цIи») принадлежит к исконной лексике, с очевидностью указывает то, что оно едино для всех носителей нахско-дагестанских языков. С огнем, домашним очагом было связано немало различных культов. От божественного огня – «цIи» потянулась вереница других священных слов: «цIена» (чистый), «цIай» (священный праздник), «ЦIув» (родовой патрон, посвященное ему святилище), «цIай-саг» (жрец); от названия огня идут и другие слова: красный, кровь, медь, дом, имя...

По мифам (и некоторым сказкам), видно, что большой антропоморфизации подвергались ранее различные светила и некоторые звезды. Как известно, нередко прамифическая основа со временем имеет тенденцию переходить в сказку и становиться элементом

чудесного, волшебного. В некоторых сказках повествуется о Молодце Солнце (Маьлха-кІант), Молодце Луне (Бетта-кІант), Молодце Звезде (Седкъий-кІант). Эти молодцы бывают женаты на представительницах человеческого рода. Сами герои – сильные и могучие. Хотя они и избегают человеческого общения, да и живут где-то на краю света, но они надежные и бескорыстные помощники положительного героя. В некоторых сказках само Солнце и молодец предстают идентичными, а в других, видимо, более поздних, происходит разделение. Тут сказитель уже говорит, что Молодец Солнце на закате вернулся домой и поставил Солнце в угол. В некоторых сказках, когда героя начинает одолевать невиданной силы волшебное враждебное существо, герой восклицает: «Бог Золотое Солнце (или: Божье золотое Солнце) помогает мне в победе!». Такое же восклицание издает и враг, но Солнце, естественно, оказывается на стороне героя. Солнце считали исцеляющим («дарбан»), способствующим плодородию («даьттан» – масляное).

В ряде мифов Солнце и Луна предстают братом и сестрою. Типично пастушеским является представление о Луне как о пастухе, приглядывающим за своими овцами (звездами). В записанном нами мифе «Как произошли Солнце, Луна и звезды» говорится, что Солнце произошло от раскаленной золотой головешки, искры, сыпавшиеся от нее, стали звездами, прекрасное сияние, исходившее от девушки, обернулось Луною. В этом мифе также представлены брат и сестра, причем об этом родстве брат не знает, а сестра знает, но почему-то не имеет права об этом говорить. Скорее всего в мифе отразилось стародавнее время, когда родство велось по материнской линии. Несомненно, в этом «божественном» произведении ярко видны человеческие страдания. Миф был создан уже в период исчезновения эндогамных и появления на их месте экзогамных отношений. Живучесть этого весьма древнего мифа объяснима тем, что центральной в нем стала любовь, одинаково волнующая людей разных эпох.

Хорошо были известны все фазы Солнца, на их основе развили солнечный календарь, мало чем отличающийся от современного. Это было продиктовано хозяйственной необходимостью. В этом плане меньший интерес представляли Луна и звезды. По сообщениям Б. Далгата, у Солнца и Луны были матери: мать Солнца звали Азой, а мать Луны – Кинча. Из мифологии Кинча, видимо, ушла навсегда, а вот мать Солнца Аза превратилась едва ли не в дочь Солнца и стала называться Солнечная Аза. Возможно, нартская Аза связана с названием широкого солнечного луча «азар». Как и должно было быть, богиня Аза, увязанная с Солнцем, предстает в мифологии девушкой невиданной красоты. Вообще же повествования о Солнце в мифах бывают нередко противоречивыми, разными. Несомненно, такое происходило в результате наложения позднейших представлений на древнейшие. То Солнце представляют в виде огромного, величиною с город, огня, носимого ангелом по небу, то

Солнце – живое существо (у него есть мать и пр.), то оно вечером опускается в море и из него же утром восходит. Причем на закате и восходе Солнце остывает, и от него сегментами отходит свет. Горцы, хотя и проводили большую часть жизни в своих ущельях, неплохо знали и внешний мир. Кавказ, обрамленный Каспийским и Черным морями, представлялся завершенной землей обетованной, над которой восходит из моря и заходит в море Солнце. Обычно доброе божество имеет своего антагониста, врага, подобно тому, как существуют свет и тьма, тепло и холод и т. д. По древнейшим мифам, врагом Солнца является злая Мож, стремящаяся проглотить Солнце. Позднее вместо Мож в мифах появляется дракон, которому приписаны те же функции. Борьба света и тьмы, Солнца и Мож – дракона происходит постоянно. Появление таких мифов, несомненно, было результатом солнечных затмений.

С культом Солнца связано имевшее место в прошлом поклонение небесной цепи. В роду Ханиевых хранилась цепь, которую якобы родовой предок отрубил от свисавшей небесной цепи, на что было дано разрешение самим Дялой. По одному из мифов, в святилище хранилась весьма почитаемая золотая цепь, которую в год раз выносили и под растянутой буркой «купали» в молоке кобылиц. Некоего горца бог ослепил за то, что тот пытался украсть эту цепь, а с нею вместе и приписываемое ей благополучие. Подобные легенды о священных предметах не только содействовали укреплению религиозной веры, но имели и нравственную функцию. В данном случае горец наказан за то, что хотел похитить благодать, которая принадлежала всем, кто ходил на моление в это святилище.

Представления о цепи, свисающей с неба, имелись у хевсур. В их легенде цепь может кричать, превращаться в птицу [260, *100*]. Поверия о свисающей с неба цепи зафиксированы и у осетин М. Ковалевским, который обожествление свисающей с неба цепи увязывал с широко бытовавшим у горцев Кавказа освящением очага и связанных с ним предметов, особенно надочажной цепи. Но дело в том, что поверия о небесной божественной цепи были привилегией не только кавказских горцев и существовали в стародавние времена. Пример тому – книга Гая Светония Транквилла, римского историка и писателя начала II века «Жизнь двенадцати цезарей». В ней, повествуя о божественной предопределенности появления римского императора Августа, писатель ссылается на сон Марка Цицерона, который «рассказывал друзьям свой сон минувшей ночи: будто отрок с благородным лицом спустился с неба на золотой цепи, встал на пороге Капитолийского храма и из рук Юпитера принял бич; когда же он вдруг увидел Августа, никому еще не знакомого, который сопровождал своего дядю Цезаря к жертвоприношению, он воскликнул, что это тот самый, чей образ являлся ему во сне».

Тут уместно отметить, что солнечный луч у ингушей называется «маьлха зIи» – солнечная цепь. А золотою цепь признавалась потому, что и само Солнце, по поверию, было золотым.

Если сделать смелое предположение, то можно признать родственными нахского бога Хал(о) – halo, древнеурартского Хал(ди) – haldi, древнегреческого Гели (ос) – halios. Известно, что этот греческий бог являлся доолимпийским божеством. Если признать такое родство (над доказательством которого еще надо потрудиться), то не вызывает удивления, что солнечная золотая цепь была известна и в наше время среди горцев Кавказа. Такие факты могут вновь говорить о каком-то прародстве мифологии разных (и родственных) народов средиземноморского и черноморского бассейнов.

О звездах в местной мифологии первым более подробно написал Б. Далгат. Он отмечает, что звезды и созвездия чтутся и одухотворяются. Приводит он и названия некоторых созвездий: *Астхи-саг* (хромой человек), *Джи-карта* (хлев), *Кку-ког* (треугольник), *Окри-сетха* (утренняя звезда), *Солса-гебаге* (копье бога Селы. – *И. Д.*) и др. О падающей звезде говорили, что она идет замуж, а хрусталь считали осколками упавших звезд.

Происхождение Вселенной в мифах заключает в себе процесс самозарождения. В одном из мифов имеется мотив «мирового дерева», широко распространенный среди многих народов. По исконным мифам, Земля имела форму яйца, покоилась на доске, которая плавала по морю, а само море лежало на какой-то темноте. В ней заключается какое-то понятие о хаосе. Утверждение, что Земля имела форму яйца, вероятно, идет от древнейших представлений о первородном яйце или птице-демиурге (творце). Вместо понятия, что Земля покоится в итоге на какой-то непонятной хаотической пустоте, появилось представление, вероятно, не без влияния ислама, что Земля покоится на рогах оленя. Широкая крона его рогов, наверное, представлялась вначале более удобным местом для надежного закрепления Земли. К тому же в местной мифологии олень высоко чтился: изображения оленей являются центральными в наскальных рисунках, охотничий бог Елта часто выступает в мифах в облике оленя. Место оленя позднее сменил бык.

В записи Б. Далгата, являющейся полумифической, полулегендарно-исламской, Бог создает Землю и небо несоразмерными друг другу. Поскольку Земля оказалась в три раза больше, Творцу приходится ее сжать, от этого и образовались земляные горы. Земля была неустойчивой, и тогда Бог, помимо земляных, воздвиг еще и каменные (снеговые) горы. Несомненно, что такие представления о создании Земли не могли быть у жителей пустынь и равнин, и вполне понятно их появление у горцев.

В ингушской (как и у других народов) версии нартского эпоса местом действия героев часто выступает снеговая гряда гор. Даже имя одного из нартов – *Шо* (Лед) – «КIиндий Шоа».

Акт творения человека предстает двойственным: первое творение оказывается неудачным. Он или чрезмерно велик для этой

Земли, или сотворен глупым и чрезмерно волосатым. Это неудачное творение обречено на исчезновение. Из его тела выходит небольшое существо, величиною с муравья, которое со временем становится человеком. Причем он выходит не просто из тела первого творения, а из его спинного мозга, в котором (как это видно в разных нартских сказаниях горских народов) заключена особая и необоримая сила. Привнесенные исламом легенды о сотворении Адама и Хавы вошли в фольклор без особых изменений, если не считать деталей: у Адама Творец вырезает самое низшее и мягкое ребро, видимо, чтобы причинить ему меньше вреда; Бог смешал глину трех цветов и потому на свете люди разных рас – современное влияние.

Можно предположить, что в местной мифологии функции божественного антипода некогда были увязаны с филином или совою. Ночной образ жизни этой птицы, несомненно, определил, по народным воззрениям, ее связь с темнотою, тогда как божество – олицетворение света. Первую запись о Божьем антагонисте – филине сделал Б. Далгат. В этой записи еще не оформились мусульманские и христианские представления о создании Адама из глины, а Хавы из его ребра. Бог сказал: «По небу-то я буду ходить, а кто же будет ходить по Земле?» После этих слов Бог сжал Землю в одной руке и образовалась женщина, сжал в другой – и образовался мужчина. Мужчина образовался на востоке, а женщина – на западе. Филин проигрывает в споре с Богом, так как стремился пойти против воли Бога, записанной в книге судеб. Филин наказан Богом в этой жизни тем, что он не видит днем и потерял почет между птицами. Созданные порознь мужчина и женщина преодолевают злую, темную силу филина с помощью своих прирожденных качеств – ума, смекалки, силы и смелости.

В этой мифолегенде отразился и древнеэпический мотив «троянского коня», представленного в фольклоре народов Кавказа. В данном тексте мужчина проникает к женщине на неприступную скалу, спрятавшись внутри убитой им лошади, которую по просьбе девушки филин и доставляет к ней.

Привлекает внимание в этом тексте то обстоятельство, что Бог как бы простер руки над землею и, сжав ее на западе и на востоке, тем самым сотворил мужчину и женщину. Факт сотворения человека из земного праха этот текст сближает с монотеистическими мировыми религиями. Ведь они сами восприняли эту традицию от народов древней Месопотамии, в которой даже книги делались из глины.

Обожествление светил и неба влекло за собою и поклонение птицам, которые как бы осуществляли связь земли и неба, нередко представлялись душами умерших, возносящимися к небу. Не исключено, что некоторые божества представлялись в облике различных птиц. Косвенным подтверждением сказанного может служить то, что многие боги и герои имели своими атрибутами ту

или иную птицу: удод (Тушоли), иволга (Села Сата), орел (Села), голубь (Сеска Солса), ворон (Петарза), коршун (Дяла).

Редко в мифах и часто в сказках действует хтонический персонаж «ешап». Об этом персонаже писали Н. Марр, Я. Смирнова и Б. Пиотровский [141]. Ингушский ешап, несомненно, родствен грузинскому «вешапи» // «гвилешапи» – дракон, змей. В Закавказье в незапамятные времена у озер ставили стелы в виде рыбы. Стелы эти назывались «ешапи». Характерно отметить, что на этих стелах изображали быков. Таким образом, намечается связь быка и озера. Связь озера с быком (бараном) была у многих народов в их мифологии. «По верованию древних армян, наряду с другими баснословными чудовищами существовал цовацуль – морской телец, который выходил из моря по ночам и бросался на стада коров». Такими эротическими функциями у ингушей наделен мифический баран, который обитал в Синих озерах у святилища Амага-ерда. У древних скотоводческих и земледельческих народов бык был в особом почете, обожествлялся, воплощал в себе потенцию плодородия. Не зря в Библии и Коране звучит осуждение тех, кто отходил от нового вероучения и возвращался к поклонению тельцу. Ешапы же, которые увязывались в древности с озерами, стали у ингушей подземными враждебными существами, предстают стражами у врат подземного мира (функции Цербера).

Время приручения животных сохранилось в воспоминаниях о приручении собаки. Как ни странным кажется, но человек своего первого друга иносказательно осуждает за его холуйство и приниженность перед человеком. В этих мифах о животных антиподом собаки выступает волк, олицетворяющий свободу, непокорность и самостоятельность. «Самый поэтический зверь в понятиях горцев», по словам П. К. Услара [202], в эпосе считается богатырским животным, самым могущественным на Земле, но об этом своем качестве он узнает лишь когда наступит конец света. Но как только этот «самый поэтический зверь» становится персонажем сказки, так его природа совершенно преображается, и он становится самим собой – жестоким, глупым, вредным для человека. Воинские дружины, часто устремлявшиеся в поход за добычей, несомненно, сравнивали свое ремесло с мужественным и бесстрашным волком. Однако труженик видел в нем вредного разбойника, обуреваемого бессмысленной жестокостью и жадностью, так как волк, унося из стада лишь одну овцу, стремится при этом уничтожить их как можно больше. Сопоставление волка и собаки, несомненно, имеет своей целью осуждение рабства и прославление свободного человека.

Особо яркое выражение культ козла получил в боге Тамаж-ерда. «Тамаш» – значит «удивительное, волшебное». В мифах об этом божке на самом деле происходят удивительные вещи. О них повествуется в записях Ч. Ахриева, Е. Шиллинга. Божок Тамаж-ерда является горцу Борцу (или его малолетнему сыну) в облике

козла, он владеет человеческой речью, его сопровождает «лир» – сияние. Козел объявляет, что он является богом Тамаж-ерды и учит, где ему поклоняться, когда и какие проводить ритуалы и пр. Жители аула Гули ежегодно исправно молились этому богу у его святилища, которое находилось на высокой горе Жер-Лам, откуда, по рассказам жителей аула, в ясную погоду видно, как из Каспия поднимается бог Золотое солнце, который остыл в морской пучине настолько, что человек может спокойно на него смотреть и даже мог бы дотронуться до него рукой, не боясь обжечься. Тут вновь мы сталкиваемся с тем, что из-за невозможности в русской транскрипции передать имя древнего ингушского бога **Ткъа**(маж) Ч. Ахриев написал это имя как Та(маж), что повлекло за собою изменение смысла. Имеется нартское сказание, в котором нарт Соска Солса по функции сближается с богом Ткъа. Одновременно слово «дяла», как нарицательное «бог», тоже было в употреблении (например, названия локально-общинных богов Мятар-дяла, Дикдаьла, Болам-дяла и др.). Остальных богов разделяют: на имеющих собственное имя; на локально-общинных и имеющих приращение к своему имени одного из слов – «ерда», «села» или «дяла». По функции Дяла, как сказано, – верховный бог. Причем он един в своем лице. Все остальные боги стоят ниже него, даже некоторые считались его детьми, например, о Тушоли и Елте в мифах прямо говорится, что они являются дочерью и сыном Дялы. А этих двоих богов вместе с Селой представляли по иерархии идущими непосредственно после Дялы. Сам Дяла иногда предстает абстрактным, иногда соотносится с Солнцем, так, владение Дялы – наземный, «солнечный» мир. Над подземным миром мертвых он уже не властен. Там господствует другой могучий бог. Более подробно о функциях Дялы сообщает Б. Далгат. Он представляет его богом богов, живущим на небе, присматривающим за тем, что делается на земле, нуждающимся в жертвоприношениях и имеющим человеческие слабости [67].

Приведем именной ряд ингушских богов: Тушоли, Хало, Села, Рало. Во всех этих именах, как и в имени Дяла, конечным является «ла» («ло», «ли»). Суффикс «ло» – один из продуктивных и может обозначать профессию (болхло – *работник*) или новое понятие (гІалатло – *случайная ошибочность*). Если рассматривать имя Дяла без этого суффикса, то предполагаемая основа «да» может переводиться в зависимости от контекста двояко: «отец», «дай». Раздельно или вместе оба эти понятия как нельзя более соответствуют имени бога. Ведь он и отец всем, он и дающий, по понятиям молящихся. Имя Дяла весьма схоже с именами верховных богов ряда индоевропейских народов.

Приведем примеры:

«Дьяус» – древнеиндийский бог неба;

«Зевс (Дий)» – древнегреческий верховный бог, по имени восходящий к вышеприведенному древнеиндийскому богу;

«Деус» – бог на латинском языке;

«Диевас», «Диевс», «Дейвс» – главные божества в древней мифологии литовцев, латышей и пруссов.

Из сопоставления с ингушским «Дяла» напрашивается тождество и в функции бога и в его имени. Не беря на себя смелость выводить имя из индоевропейского корня, ограничимся предположением, что имя этого бога появилось в праностратические времена. По-древнеиндийски «дьяус» обозначает не только бога и «сияющее дневное небо», а и «день», но ведь у ингушей «день» тоже называется «ди».

Дяла, хотя и предстает безраздельно верховным, довольно доступный бог. Простой крестьянский мальчик («Елта») идет к нему, беседует с ним, просит хорошего урожая; герой Ханой Хинг по воле Дялы взбирается по золотой цепи на небо, садится рядом с верховным и ведет с ним беседы...

В понимании народа бог Дяла является воплощением справедливости, добра, источником плодородия, помощником слабых и беззащитных, суровым судьей творящих зло. Любовь к Дяле и сила веры в него оказались настолько сильными, что даже с приходом ислама функции Дялы соединились с функциями Аллаха, причем само имя Дяла сохранилось и бытует по-прежнему активно.

Дуальность мира представала в понятиях «солнечный мир» (маьлха дуне) и «подземный мир мертвых» (Іел). По поверьям язычника, земная твердь разъединяет эти два мира. Загробный мир мертвых представлялся как сниженная копия мира солнечного – мира живых людей. Такое деление мира было присуще многим древним народам (шумерийцам, египтянам, грекам, римлянам, германцам и др.).

В «солнечном мире» люди живут в радости, им тепло и светло. Но не так в подземном мире «эл». Поскольку считалось, что Солнце днем идет по «солнечному миру», обратившись к земле лицом, а в мире «эл» движется ночью, но повернувшись затылком, поэтому света и тепла в потустороннем мире в девять раз меньше. В подземном мире люди также живут своими родами и семьями, как и на Земле, мало того, они продолжают там свою жизнь, начатую в солнечном мире. Рай и ад в современном понимании были объединены в одном мире. По нартским сказаниям, в нем одни подвергались разным наказаниям, тогда как их добродетельные соседи пребывали в довольствии. Иллюстрацией этому, например, является мифологическое сообщение, сделанное информаторами Б. Далгату: некий лекарь Кой при жизни брал за лечение чрезмерную плату, за это в «эле» он сидит под скалою и варит одну воду, потому что ничего другого у него нет; давший ложную присягу на этом свете на том сидит по пояс в грязи. По остаточным мифологическим сведениям и сегодня сообщают, что на том свете будут особые ножницы, которыми будут отрезать языки сплетникам и

Профессор Д. Д. Мальсагов – лингвист и фольклорист, записал ряд нартских сказаний

доносчикам, жадные люди будут постоянно носить в подоле камни... По повериям, убитый человек на этом свете на том свете становился рабом своего убийцы до тех пор, пока в солнечном мире не отомстят за него. Представления о загробном мире, как мире, последующим за солнечным, наглядно иллюстрирует следующее сообщение, зафиксированное Потоцким: к горцу, у которого умер сын, пришел человек, у которого ранее умерла дочь, и предложил ее умершему. Отказать в таких случаях было нельзя, и потому пришлось заключить брачный союз, а в его подкрепление дать небольшой калым. Считалось, что после этого юноша и девушка на том свете станут мужем и женою [261, *118*].

В сказании «Сеска Солса и Бятар» можно проследить значительное влияние культа мертвых. Хотя этот текст и признан принадлежащим к нартским сказаниям, его древнейшая основа предстает мифическим повествованием о посещении потустороннего мира и возвращении на свет. В эту повествовательную основу со временем внедрились элементы эпоса. Уже в более позднее время сюда же проникли и сказочные элементы. Однако при всем синкретизме сказания его базовой основой является мифологическая праоснова. Из нее мы «узнаем» про дорогу в «эл», про его стража – ешап, проникновение в «эл» и возвращение из него с помощью хитрости, описания самого обиталища мертвых. Характерным признаком мира «эл» становится наличие в нем, по мифу, высшей справедли-

вости и истинного знания: в «эл» спустились два героя – мирный труженик Бятар и воин-насильник Сеска Солса; души умерших относятся к ним по-разному – первого они благодарят за все хорошее, что он им некогда сделал, а второго проклинают за его грабежи и убийства. Таким образом, описания справедливого потустороннего мира по своей идейной направленности прямо спроецировано в реальный мир и должно было послужить своего рода назиданием для живых. Прометеевскими мотивами пронизано сказание о Села Сате, с помощью Боткия Ширтки проникшей в «Эл» и вынесшей (укравшей) оттуда семена злаков, «рецепт» изготовления браги и предметы рукоделия.

Имя бога подземного мира мертвых – Этир (по Ч. Ахриеву) или Эштр (по Б. Далгату). Это имя бога, наиболее вероятное – Эштр, надо считать исконным. В осетинской мифологии (по эпосу нартов) повелителем загробного мира является «Астир». Тут В. Абаев сближает его с ингушским Эштр, а через него с вавилонской Иштар – владычицей загробного мира [1, *236*]. В подкрепление к сказанному – слово **«астр»** в ингушском языке обозначает свежую могильную землю. Существует и такой фразеологизм «Лишь **астар** насытит глаз человека» («Астаро мара бузоргбац сага бIарг»). В позднейшей записи бог подземного мира мертвых назван уже Элда (Iелда), это имя состоит из двух основ: «эл» и «да» – отец Эла. То есть мы видим описательное имя. Как и положено владыке мертвых, он восседает в башне, воздвигнутой из костей. Бог суров, но справедлив и является самым лучшим судьей в мире: ведь ему мертвые исповедываются во всем, что они творили в этом мире. С помощью сложных вопросов и, опираясь на ответы героев и их поступки, бог справедливо судит их. В образе этого бога народ в нартских сказаниях воплотил свою извечную мечту о справедливости, которая, хотя бы в загробном мире, должна восторжествовать.

Погребальный обряд ингушей, имевший в прошлом очень много своеобразных черт, заключал в себе и обряд «хетам» – посвящение, имеется в виду посвящение мертвому коня (позднее – его уха), косы его жены, оружия, пищи и пр. Интересная молитва, совершавшаяся при этом обряде, зафиксирована Б. Далгатом:

«Дай бог, чтобы благочестивые умершие тоже хорошо окончили свою работу, как окончили свою мы – живые; дай бог, чтобы и урожай у них был хороший. От того, что мы передаем, пусть будет им такая польза, какая только желательна им. Дай бог, чтобы присяжные и молочные братья и родственники, найденные через скот (то есть «калым – брачное родство». – *Примеч. Б. Далгата*), дай бог, чтобы все эти люди и им подобные, которых покойники пожелают иметь на своем пиру, так скоро являлись к ним, как скоро является караул на тревогу. И пусть они пируют с нашими покойниками до тех пор, пока головы их не опьянит от питья и животы не насытятся от пищи на пиру наших покойников. Кому они (покойники) желают дать, пусть для тех руки их протянутся дальше, а если у них кто будет отнимать, тогда пусть у них хватит

сил отстоять свое. Пусть зимой не замерзает пища у них, а летом не портится. Чего я сам не мог передать и чего не мог приготовить, то при свидетельстве Луны и Солнца мы поручаем богу и божьему Эштру: пусть они дополнят им это» [67, *60*].

Большое внимание в старину уделялось принесению жертв умершему. Даже имелось отдельное сказание, в котором Ботки Ширтка убедил людей жертвовать пищу покойникам. Прежде чем сесть за общую трапезу, ингуши, по записи Ч. Ахриева («Поминки у ингушей»), проводили небольшой обряд: «старшая женщина в семействе (вспомним Жербабу. – *И. Д.*) брала щипцы в руки и дотрагивалась ими до каждого кушанья, говоря: "Да будешь пищей такому-то покойнику"».

Затем она выливала брагу у очага, и семья приступала к трапезе.

Представление о загробном мире «Эл» у ингушей является весьма древним, потому что оно во многом совпадает с аналогичными представлениями многих народов ойкумены. Эти совпадения дают возможность говорить о каком-то давнем, едином представлении о подземном мире.

После мифов о владыках двух миров Дяле (солнечного мира) и Эштре (подземного мира) наибольшей популярностью пользовались боги, имевшие большое воздействие на хозяйственную жизнь человека. Это Тушоли (богиня плодородия и размножения), Елта (бог охоты и земледелия), Села (бог небесных явлений, погоды).

Несмотря на то что Тушоли являлась божеством и во многих местах имелись посвященные ей святилища, ее культ имел и племенные деления, например, была галгайская Тушоли и была фяппинская (западная ветвь ингушей). Имя богини произносилось двояко: Тушоли, Тушол, причем второе, вероятно, более исконное имя. В пользу этого говорит название удода «тушол-котам», то есть «курочка тушол». Птичка эта являлась вестницей весны и прихода к людям самой богини. Поскольку фаллические и эротические представления у всех народов увязывались с плодородием и деторождением, они также увязывались с культом Тушоли, на что указывает ряд фактов. Близ аула Ког стоял фаллический камень, которому молились и при котором совершали различные обряды и жертвоприношения богине женщины, страдавшие бесплодием; жрецы, когда необходимо было вызвать дождь, который представлялся семенем, оплодотворяющим землю. В ночь перед празднованием в честь богини в святилище отправляли юношу и девушку. Там они должны были провести ночь, лежа рядом, и утром рассказать пришедшим на моление свои сны, которые затем толковались жрецом. В мифе, повествующем о мальчике, имевшем солнечное сияние, сообщается, что некогда после так проведенной ночи у девушки чудесным образом утром родился богоизбранный мальчик, который погиб при первом же прикосновении к нему солнечного луча. Довольно прозрачно здесь видно наследие «храмового эротического

культа» – принесение в жертву детей, появившихся в результате него. Но со временем, надо полагать, был наложен запрет на близкое взаимоотношение юноши и девушки. Конечно, проведенная в таких условиях ночь, причем еще в холодную весеннюю пору, давала большую пищу для сновидений и их толкований.

Представления об умирающей и воскресающей природе обычно связаны с культом бога плодородия, и посвященные ему празднества проводятся весною, ведь, по представлениям, богиня плодородия, умершая осенью, воскресла и природа ожила. Именно в результате таких представлений празднество Тушоли проводилось в дни весеннего равноденствия, как говорили в народе – «после прилета удода». После этого люди выходили на пахоту, предварительно исполнив празднество в честь богини.

Приведем небольшую молитву, посвященную ей:

«Худое мы будем откармливать для себя, а откормивши, будем резать тебе (в жертву), божье лицо Тушоли, дай нам благодать свою. Мы, почитая твой день, являемся к тебе, дай нам благополучие, чтобы мы могли постоянно приходить к тебе. Сделай так, чтобы неродившие родили детей, а родившихся оставь в живых. Пошли нам обильный урожай, пошли дождь масляный и солнце лекарственное» [262].

Исследователи, в частности Е. Шиллинг, справедливо отмечали совпадение празднества Тушоли с христианской Пасхой. Но подробные обряды оживающей природы проводились у многих народов еще до возникновения христианства, и потому нельзя утверждать, что празднество этой богини проводилось именно под влиянием христианства, как нельзя утверждать и обратное. Несомненно, что влияние христианства проявилось в том, что богиню Тушоли стали отождествлять с христианской Девой Марией, иконы которой привозили из Грузии или изготавливали на месте.

По архивным записям Албаста Тутаева, в ныне разрушившемся храме Альби-ерды была настенная роспись, изображавшая Деву Марию. Видимо, при проникновении христианства поклонение ей без особых затруднений налагалось на празднование древней богини Тушоли. Не от Девы ли Марии идет существовавшее представление ингушей о Тушоли как о «матери людей»?

В мифах о богине Тушоли воплотилось почтение к женщине-матери, уважение к ней. В представлениях народа богиня всего рождающегося прямо соотносилась с женщиной, также являющейся «матерью людей». Вполне понятно, почему с укоренением ислама и исчезновением старой религии самым последним ушел из народа культ Тушоли. Многие функции богини Тушоли обнаруживаются в нартских героинях – Села Сата и Мялха Аза.

Божество Села было почитаемо, и в то же время оно было из тех божеств, которые внушали страх. Грозные непознанные силы природы, особенно гроза, гром и молния, внушали суеверному

человеку представление, что все это является проявлением силы какого-то чрезмерно сильного, могучего и опасного для человека божества. Как у ряда языческих богов, у Селы тоже была своя тронная гора, которая называется Цай-лам, что в переводе означает Божественная гора. У горных жителей была примета, что при наступлении непогоды тучи в первую очередь кучкуются у вершины этой горы, а при наступлении хорошей погоды первой очищается от туч эта гора. Естественно, что с богом Селой были связаны поверия и приметы, увязанные с погодой, ведь он божество грома и молнии, подобно Зевсу, Индре, Тору и Перуну. Орел, как птица, высоко взмывающая в небо, связывался с Селой: считалось, что бог иногда принимает облик орла. Именем бога назван был один из летних месяцев Сели-бутт. Радуга – это лук бога Селы (СелаIад); молния, ударившая в землю, – это головешка бога Селы (Села-хаьшк), которую он метнул в землю. Среда – божественный день (ибо по языческим представлениям на него приходится творение мира) – была посвящена этому богу и называлась Сели-ди. А так как огонь как-то увязывался с этим богом, то в среду огня нельзя было просить на растопку у кого-либо (просивший как бы покушался на благополучие хозяина). Место, куда ударяла молния (если это место было достаточно близко от поселения), считалось отмеченным Селой. На том месте воздвигали столпообразное небольшое каменное строение, которое по имени бога называлось «селинг». Были и святилища, в названиях которых второй основой являлось имя бога (Байни-Села, Оуш-сел, Дик-сел). Человек, убитый Селой – молнией, считался отмеченным этим богом, его тело, по поверию, обращенное к небу, могло вызывать дождь. Отношение к убитому молнией было неоднозначным: это могла быть и кара за дурной поступок и богоизбранность, как это отразилось в приводимом тексте:

«Некто Ауш убил по незнанию переодетую в мужской костюм девушку. Убить девушку считается большим позором для мужчины, и Сели никогда не оставит безнаказанным такого поступка. Ауш вскоре после того был убит молнией. Родные привезли его тело домой, построили ему «элгыц», поставили скамейку и посадили на нее покойника в полном вооружении, в панцире и латах. Перед ним на столике поставили блюдо со сваренным целым бараном, и бутылку араки, а у левой руки положили для него балалайку. Этот «элгац» находится в Хамхинском обществе, и теперь еще в нем сидит Ауш» [67].

Такой покойник считался как «цув» – родовой божок, и при случае к нему могли даже обратиться с просьбой, чтобы он походатайствовал о чем-то пред Селой.

Села, которого называли «золотой силой», лук которого простирался над землею (радуга) – настолько он был могуч, оказывается, был слабее нартского богатыря-бога Соска Солсы, который наломал ему бока и поразил стрелою грозного громовержца. Села совершает

неблаговидный поступок. За некрофильство его и поразил Соска Солса. Но этот проступок Селы по своим последствиям оказался весьма благоприятным, ибо на свет появилась невиданной красоты и доброты богиня Села Сата, ставшая главной героиней Нартиады. В архивных записях Магомеда Джабагиева сохранились заметки, в которых он называет Села Сату богиней искусств. В то же самое время ему вторил Б. Далгат: «Сата считается покровительницей девушек. Ингушские невесты говорят: «Если в день моего замужества провозгласит мое здоровье и пожелает мне благополучия Сата, то у меня ножницы будут золотые, а игла серебряная; если же провозгласит здоровье джинн, то я погибла» [67].

О Села Сате, как большой искуснице, поют в песнях («Если мы не будем петь песни, то и Села Сата не станет шить египетской иглою»). За одну ночь эта дочь смертной женщины и бога могла полностью обшить шестьдесят всадников. Сама Села Сата примыкала к сонму богов. Ей была посвящена иволга, которая называется именем богини «селасат». Как и ее отец, богиня была связана с небом.

Наибольшее распространение имели различные ерды. Некоторые из них поднимались до общенародного значения, другие принадлежали племенам, третьи были общинными богами и даже божествами отдельных родов. Термин «ерда» имел два значения: божество и культовое сооружение для него. Чаще эти значения сливались, но случалось, что они имели и раздельное обозначение. Некоторые исследователи упрощенно считают, что «ерд» – это что-то вроде языческого святилища. Однако представляется, что термин «ерд» когда-то употреблялся в значении божества (например, в древнем Урарту Ард был богом). Ведь в названиях второразрядных богов наряду с употреблением во второй части их имен слова «ерд» употребляются и другие имена: «даьла», «сел». А эти названия происходят уже от названий богов Дяла, Села. Нарицательное имя «ерд» – божество было перенесено на названия святилищ (храмов). В прошлом имелся даже термин социального содержания «ерд тхьамада» – глава общины. Родовые ерды так и назывались по имени самого рода. Например, ТIумагIа-ерда (рода Тумгоевых), Хоаной-ерда (рода Ханиевых), Кхоартой-ерда (рода Кортоевых)...

Какая-то связь ердов с небом сближает имя «ерд» с древнеперсидским названием божества неба «йерд». Не делая сопоставлений, отметим, что у древних скандинавов тоже было божество Ерд, но в противоположность небу оно обозначало землю, то есть было названием земли и ее божеством. Однако тут уместно вспомнить, что языческие божества могут приобретать противоположные значения (дэвы – добрые божества у индусов и злые существа у иранцев, к примеру). У сегодняшних огнепоклонников парсов еще со времен зороастризма бог называется **ерд**. Видимо, в то же время это «ерд» прочно обосновалось в ингушской среде. Позднее его значение

было забыто, хотя по инерции имя продолжало сохраняться во второй части названия храмов (например, ТкъобIаь – Ерда и др.). Словом «ердо» грузины называли отверстие в крыше для выхода дыма [1, *412*], что также намекает на огнепоклонение.

Ердам поклонялись в дни солнцестояний (зимнего и летнего) и во время равноденствия (весеннего и осеннего), поклонялись перед началом или окончанием различных хозяйственных работ: пахоты, покоса, жатвы, стрижки овец и пр. Хотя у ряда ердов и была своя «специализация», но у любого ерда и по любому поводу люди просили, что им нужно, при этом могли называть имена и других богов. Например, молясь у Мятцели, люди обращались и к Солнцу, и к Тушоли, и к Дяле; просили и здоровья, и приплода и многое другое.

Одна из молитв, посвящавшаяся ерде (заметим, не строению, а самому божку), записана и опубликована:

«О Ерды, зайдя вперед, окажи помощь. Идя рядом, окажи нам помощь. Вложи нам в руку необходимое для удара. Военный меч сделай для нас победным, великий Деалы. Исправь наше место, сотворивший нашего тэрыма (невидимого двойника человека. – *И. Д.*), окажи нам, Деалы, помощь. Из слов сделай победным наше слово. Грубой пищи не дай нам, о золотой Ерды. Без времени иней не посылай нам, посеянное взрасти, откармливаемое умножь, день начала работы сделай успешным. Великий Деалы, у тебя наше дело, великий Деалы, о золотой Ерды! Доведи до конца нашу рабочую страду. Извлекаемое нами из листьев и травы сделай жирным. Быстрому вихрю не дай дуть» [218, *37*].

Молитва, по всей видимости, произнесена весною, при начале полевых работ. В ней сплелись просьбы труженика и воина. Молясь Ерду, обращаются и к Дяле. Ерду называют «золотым». Это определение сближает его с осетинским «аларды», который тоже назывался «золотым» и считалось, что он по золотой лестнице (вспомним небесную золотую цепь) спускается с неба. Но, в отличие от ингушского ерды, осетинский аларды ограничивается одной функцией (бог оспы) [8] и предстает далеко не добрым божеством. Но при этой разнице сами понятия «ерд» и «алард» восходят к одному пранаименованию.

Хотя «ерды» и привлекали к себе молящихся по разным поводам, тем не менее многие «ерды» имели и свои конкретные функции. Мелар-ерда, как и многие ему подобные, покровительствовал плодородию, но в отличие от других он являлся покровителем хмельных напитков, которые изготавливались из зерна. Им горцы не были избалованы, и потому эти напитки в быту мало употреблялись; они были обязательны при молениях и при поминках и похоронах.

Ган-ерда покровительствовал деторождению. «Весною галгаевцы сгоняют скот на гору, называемую ими Ган-Эрд, в честь этого божка, которому приносят там разные жертвы».

Молдыз-ерда, по замечанию Е. Шиллинга, – «военный патрон, который шел на войну впереди ингушей, нес им победу и делал их неуязвимыми» [218].

Сусан-ерда из всех ерд предстает единственным женским божеством. Лет сто сорок назад наблюдавший моление по древнему обряду на Столовой горе Асланбек Базоркин отмечал, что у храма Мятцеле было проведено основное моление, на котором присутствовали мужчины и женщины, но затем женщины отделились, прихватили провизию и направились к находившемуся вблизи святилищу Сусан-ерда. О чем они молились, он не знал, так как ни один мужчина не имел права туда подходить. Естественно предположить, что там были специфически женские просьбы. На это указывает и сведение, что женщины проводили к этому святилищу «барашка сына» (Iаьхара воI) и бесплодные женщины просили себе детей. Но это именно те функции, которыми была наделена богиня Тушоли. Скорее всего у Сусан-ерда отправлялись еще какие-то моления и ритуалы, имевшие особое значение в жизни женщин и не дошедшие до нас.

Несколько обособленное положение среди других ердов занимают Мятцеле (Мят-Села), Маги-ерды, Гал-ерды, Альби-ерды и Ткобя-ерды. Храмы, воздвигнутые в их честь, отличаются монументальностью, но главным признаком их было то, что при этих храмах, которые назывались «элгацами» (от греческого и затем грузинского слова «эглиси»), проводились общеплеменные и общенародные праздники и даже приглашались представители других народов. Видимо, не было особых религиозных различий между горными грузинскими племенами и ингушами, потому что по целому ряду источников явствует, что представители этих двух народов проводили совместные моления то при грузинских, то при ингушских культовых сооружениях.

Из перечисленных пяти наиболее главных святынь первые три сочетают в себе языческие и христианские черты в их архитектуре. Последующие две святыни предстают почти христианскими, и языческих элементов в них представлено меньше. К тому же в этих двух храмах особенно четко проявились черты грузинской храмовой архитектуры.

Исследователи возводят эти храмы к VIII–XII векам. Наличие в ассинской котловине столь древних и монументальных сооружений является свидетельством наличия в прошлом здесь высокой культуры. И не зря эту местность в народе обозначают как один из центров пребывания нартского общества.

Предводитель нартских героев, наверное, только у ингушей был обожествлен настолько, что имел свое собственное святилище. Ему поклонялись. Это святилище Сеска-Солса-ерда входит в ансамбль Маготе и наверняка было как-то связано с культом Маго.

Большое место в сонме языческих богов в стародавние времена отводилось различным божественным Матерям. «Нана(лг)»

(«Мать+лг» – уменьшительно-ласкательный суффикс). С развитием язычества, выросшего до монотеизма, почитание Матерей уходило на второй план, и, наконец, эти богини перешли в разряд «низших» богов.

Из божественных Матерей известны Уна-нана (Мать заразных болезней), Хи-нана (Мать вод), Миха-нана (Мать ветров), Мехка-нана (Мать страны), Дардза-наналг (Матушка вьюг). Этот перечень, надо полагать, был в далеком прошлом значительно большим и довольно ясно говорит нам о том, что эти богини восходят к эпохе материнского рода. Все эти богини конкретно функциональны, в то время как поименованные богини Тушоли, Села Сата, возможно, и Сувса были многофункциональными и причислялись к верховным богам, в их честь воздвигались культовые сооружения. Некоторые Матери, возможно, тоже имели тенденцию к персонификации. В подтверждение можно привести единичный пример. Наряду с Матерями вод, ветра появилась одна Мать, которую звали Фурки (Химиха-нана Фурки). В записи В. Светлова «Семь сыновей вьюги», вместо богини Дардза-нанилг фигурирует богиня «Химихнинен», без имени Фурки. Возможно, имя Фурки является производным от слова «фу» – воздух, ведь в нем, по поверию, содержится вода, а его движение приводит к ветру («мух»).

Матери являются хозяйками таких стихий, от которых непосредственно зависит благополучие человека, а следовательно, с ними было связано немало магических обрядов, поверий и различных мифов, нередко позднее приближающихся к быличкам.

Одно из страшных божеств среди Матерей – это Уна-нана – богиня всех болезней и конкретно – богиня заразных болезней. Записей о ней ранее не было никаких. Удалось в наше время записать три мифа об этой богине. По одному из них, Уна-нана зла на весь свет, она ни разу в жизни не улыбнулась, очень мстительная. Рассердившись как-то на всю Ингушетию, она решила ее уничтожить, наслала заразы и в живых оставила только мальчика и девочку, от которых вновь возродился народ. Наверное, здесь отразились воспоминания о страшных эпидемиях начала XIX века, когда вымирали целые роды и аулы. Различные эпидемические болезни являлись сущим бедствием в Средние века. При появлении эпидемии люди разбегались по горам и лесам. В аулах оставались лишь старцы, чтобы подкармливать домашнюю живность. Ввиду неминуемой смерти (по преданиям, заразившийся человек разговаривал и тут же падал и умирал) люди целыми семьями уходили в солнечные могильники – склепы, боясь умереть в ауле и в сумятице остаться незахороненными, что признавалось хуже смерти.

Представления о богине в образе женщины, которая может свободно появляться на людях и принимать участие в их делах, были зафиксированы и в районе села Ахмети и города Телави в Грузии. В этих местностях проживают тушинцы, кистины, родственные вайнахам племена. От них ли или от других старых женщин гор-

ных грузин Р. Эристов записал, что на дороге, ведущей из Ахмети в Телави, некий Мартироз видел двух дерущихся старушек: духа саранчи и духа холеры, и с тех пор в Ахметах появилась холера [263, *64*]. Приведенный факт еще раз подтверждает, что в мифологии и верованиях горцев Кавказа немало общего.

Мехка-нана (Мать-страны) описывается в газете «Кавказ» (1895) в статье «Под Казбеком» как горная фея или дух, обитающий на вершине горы Казбек; Мехка-нана стережет ущелье, дает силы старательным, а ленивым – болезни и зло. По месту обитания и частично по функции Мехка-нана является тождественной Дардза-нанилг (Матери вьюг). Дардза-нана обитает на горе Казбек, снежными заносами и петушиным криком она пугает или сносит в пропасть смельчаков, стремящихся взобраться на гору. Семь звезд созвездия Большая Медведица считались образовавшимися от ее сыновей. Частое приращение к имени богини уменьшительно-ласкательного суффикса «лг» призвано было, очевидно, задобрить грозную богиню.

Мифы о Дардза-нанилг были зафиксированы на рубеже веков.

В настоящее время эта богиня в народе почти забыта. Лишь случайно удалось записать текст, который имеет информативный характер: семеро сыновей богини выпили расплавленную медь и вознеслись на небо, чтобы искать своего ранее ушедшего восьмого брата. Все семеро превратились в звезды, а мать их, Дяржа-нанилг, в знак горя бросила на вершину Казбека свои шаровары. На том месте снег более не лежит, и место то называется «Место, где лежали шаровары Дяржа-нанилг».

Как это свойственно многим мифам, здесь тоже основное значение приобретает этиология: происхождение созвездия «Звезды семерых братьев»; объяснение, почему на одном месте Казбека не лежит снег. Трудно объяснить поступок Дяржа-нанилг, но несомненно, что этим подчеркивалось большое человеческое горе матери по исчезнувшим сыновьям.

Миф подвергся воздействию времени: Дардза-нанилг называется уже Дяржа-нанилг. В миф проник мотив из нартского эпоса о героической гибели героев, выпивших расплавленную медь.

Мехка-нана в местном нартском эпосе позднее стала хранительницей местности Назрани. По функции эта ингушская богиня сродни грузинской покровительнице Адгилис Деда [149, I, *44*].

Едва ли не самой большой популярностью пользовалась Хи-нана. Она «пережила» почти всех Матерей, ее имя и сегодня можно услышать в народе.

Хи-нана – доброе божество – обладает даром прорицания, запросто является в человеческом обществе. Последняя черта довольно обычна для языческих богов и духов, а поскольку Хи-нана – хозяйка воды, она и должна была быть хорошим божеством.

В одном из современных текстов обрисован внешний облик богини и подробнее сказано о ее занятии. Совсем в духе русалок, Хи-нана имеет до пояса облик женщины, ниже пояса она похожа на рыбу. Зооморфные (более древние – рыба) и антропоморфные (поздние) черты слились в этой богине, тогда как другие Матери своею внешностью похожи на обычных женщин. В одном из старых мифов Хи-нана виделась и в облике лягушки. Видимо, специфическая среда обитания Хи-наны обусловила рудиментарное сохранение в ее облике черт водяных животных.

В мифах Хи-нана представлена как неутомимая труженица: она постоянно заставляет течь воду. Лишь где-то за полчаса до рассвета та богиня засыпает на короткое мгновение. Действиями Хи-наны стремились люди объяснить непонятное для них течение воды.

В сказании «Нарты Цок и его сын Нясар, Мехка-нана и Хи-нана» богини эти выступают хранительницами края.

Затем:

«Вернувшись на отцовское пепелище, нарт Нясар сказал:

– Видимо, мне не суждено проживать в отчем краю. Искупаюка напоследок своего коня у слияния Назрановки и Сунжи. В том месте он и начал купать коня. И вдруг, откуда ни возьмись, перед ним предстала весьма дородная женщина. Стоя поодаль, она крикнула:

– Появись, Хи-нана, если ты не спишь!

Из речки по пояс выглянула красивая женщина.

Ранее подошедшая женщина сказала:

– Я Мехка-нана (Мать страны), а во-он та, которая в воде, – Хи-нана (Мать вод). Твой отец Цок был дружен с нами, всегда упоминал нас в своих молитвах и советовался с нами. Просим исполнить одну нашу просьбу.

– Раз чтил вас отец, то и я вас почитаю. В меру своих сил я готов исполнить ваше желание. Каково оно?

– Мы очень огорчены, что ты собираешься покинуть отцовскую землю, – сказала Мехка-нана.

– Просим тебя, не покидай ее, – добавила Хи-нана и еще сказала: – Мы обе клянемся тебе, что во веки веков ни один враг больше не нападет на эту землю.

Также и Мехка-нана добавила:

– С сего дня край твой вовеки будет мирным.

– Не могу я вам перечить, – стал их заверять нарт Нясар, – пусть вновь оживет отцовское селение, и я буду жить здесь» [14, IV, *241*].

Матери были божествами еще до появления персонифицированных богов (Дяла, Тушоли, Села), в мифологии сосуществовали вместе с ними в ранге второстепенных божков, имели тенденцию перехода в разряд демонических существ (Уна-нана, Дардза-нана). Подобно ингушской Матери-воды, как отмечает Т. Хаджиева, «в эпосе балкарцев и карачаевцев нашел отражение и культ Суу Анасы – Матери воды» [206, *34*]. Окончательная вера в этих Мате-

рей была подорвана исламом. Лишь Мать вод, как наиболее добрая из богинь, еще продолжала фигурировать в народных текстах, которые скорее всего уже являлись быличками.

Большой интерес среди мифов представляют те, которые повествуют о столкновениях человека и языческого божества. В этих мифах если сам человек и не выходит победителем, но он все же успевает что-то взять у божества и этим облагодетельствовать своих соплеменников. В этих мифах действуют герои типа греческого Прометея. С древнейших времен такие герои у всех народов вызывали большое уважение. Повествования об их подвигах переживали века. Мифы прометеевского характера на определенной стадии существовали почти у всех народов. Подобные мифы могли быть только в языческую эпоху, поскольку тогда человек считал бога почти равным себе. От человека он отличался, по тем понятиям, лишь большим могуществом и тем, что он имел многое из того, чего не было у человека и в чем он очень нуждался. В таких мифах владельцы благ – языческие боги выступают их хранителями и не хотят уступать их человеку. Он вынужден действовать хитростью и обманом (ибо силою ему не одолеть), взять (унести, украсть) у бога то, что людям крайне необходимо. Таких героев в фольклоре принято называть «трикстерами». Подобных мотивов и героев уже не может быть в монотеистических религиях, где власть верховного безгранична и он сам наделяет людей всем тем, что посчитает нужным для них.

Сами греки считали, что прометеевский миф пришел к ним с Кавказа, да и сам Прометей был прикован там. На Кавказ же подобные мотивы могли проникать, как это предполагал Д. Бакрадзе, из древней Персии (Ирана). Все сказанное может с долею спорности относиться к прометеевскому мотиву типа греческого, грузинского. В мифологии древнего Ирана злой бог Ахриман закован цепями и постоянно стремится выйти на волю. Этот «антибог» – страдалец, еще до Христа приобретал его функции – принятие мук ради счастья людей. От Ахримана прямой путь к Амирану, Имрану. Помимо них подобные герои были у абхазов (Абрскил), адыгов (Насрен-жаке).

Прометеевские мотивы у ингушей можно видеть в ряде текстов. Например, помимо воли верховного бога Дялы его сын Елта наделяет людей благодатью. Это равносильно тому, как если бы он ее забрал (утаил, украл) у бога. Другой «пометеевский» герой поплатился за то, что хотел выкрасть у бога «сокола счастья». Мифический герой, имеющий странное имя Селий Пиръа (бог-громовержец Села + египетский фараон), из загробного мира приносит людям водяную мельницу, что было признано большим обретением.

В 1910 году В. Светлов опубликовал весьма любопытный текст «Семь сыновей вьюги (ингушское предание)». В этом тексте человеческое общество поделено на добрых и злых нартов. Такая дуальность характерна для мифов. На древнее языческое происхождение

текста записи В. Светлова указывает то, что в нем все персонажи не имеют никакого отношения к последующим монотеистическим религиям. Да и сама богоборческая идея этого произведения, по установкам этих религий, предстает весьма кощунственной.

Произведение не ограничивается одними объяснениями о происхождени чего-то (этиологией). Здесь заключен большой гуманистический смысл жертвенности человека собою ради счастья людей, потому и симпатии народа в мифе всецело на стороне человека-альтруиста.

Культуртрегерская тема далее подробно представлена в местной мифологии (и эпосе). В нартском сказании «Сеска Солса и Селий Пиръа» взаимно противопоставляются эти герои, хотя почему-то и названы братьями. Первый из них предстает обычным воином, далеким от житейских дел, а второй, Селий Пиръа, стоит ближе к житейским проблемам. В сказании о нем сообщается: «Был слабый телом, но хитрый и умный человек. При желании он отправлялся в подземный мир «Эл» и вновь возвращался в солнечный мир. Однажды, отправившись в Эл, Селий Пиръа возвратился с водяной мельницей. До этого у людей имелись лишь ручные мельницы...» [14, IV, *38*].

Надо полагать, что в этом сказании культурный герой ошибочно назван Селий Пиръа вместо Боткий Ширтки: как могут быть братьями Солса и Пиръа, когда отцы у них разные (Соска и Села); вообще имя Пиръа идет из исламской традиции (фараон); именно Ширтку в других сказаниях связывают с подземным миром, из которого почему-то исходит благодать. С чудесной мельницей связан именно Ширтка в сказании «Когда оживут нарты» [14, IV, *261*].

Повествования о волшебных мельницах – популярная тема в мировом фольклоре, в ингушском эпосе она звучит дважды. Культурное деяние Селий Пиръа заключается лишь в том, что он из потустороннего мира принес водяную мельницу, но сама она никакими чудесами не обладала, но зато за счет воды значительно облегчила труд человека.

У горных ингушей земледелие было малопродуктивным, поскольку пригодные угодья были малы. Но тем не менее, как это не покажется странным, повсеместно использовались водяные, часто небольшие мельницы.

Еще И. Бларамберг в 30-х годах XIX века об ингушах писал:

«Их поселения всегда располагаются по берегам небольших речушек, на которых почти каждая семья имеет маленькую мельницу с горизонтальным колесом – это весьма простой механизм. Пожалуй, не найдешь такого другого народа, который из плохого материала и без длительных приготовлений мог бы, как ингуш, соорудить водяные мельницы вблизи жилищ, чтобы пользоваться ими, когда это необходимо» [32, *213*].

Наряду с богиней Тушоли когда-то весьма почитаемым был бог **Елта**. Он считался охотничьим божеством (охраняет свое ди-

кое стадо, наказывает жадных охотников). Но когда вместо мяса главным продуктом стало зерно (по замечанию Н. Марра), Елта, сохранив свое имя, стал богом зерна. Сам урожай зерна по-ингушски и сегодня называется «**ялат**». Тут напрашивается аналогия названного ингушского бога Елта с рудиментарно сохранившимся осетинским героем **Елта**ган.

Так, в их сказании «Созырыко» этот герой сказал:

«Ну так и мне выройте яму, посадите меня в нее, пустите надо мною воду из Терека и оставьте меня в яме на неделю» [156, II, *108*].

Ясно, что в этой просьбе **Елта**гана запечатлен процесс посева зерна и ухода за ним. Здесь наглядно видна адаптация и переработка древнего ингушского земледельческого мифа. Тут уместно вспомнить абаевский субстрат, легший в основу осетинского языка. Отсюда и ингушский земледельческий Елта превратился в осетинского Елтагана.

Примечательный миф о Елте, приближающийся к легенде, записан Ч. Ахриевым. В этом тексте Елта предстает чисто аграрным божеством, сыном бога Дяла. Елта помогает бедному мальчику, сыну вдовы, получить высокий урожай пшеницы. Ранее этот мальчик даже не был допущен к Дяла, поэтому верховный разозлился за то, что у мальчика без его позволения вырос большой урожай. Дяла с помощью Матери гроз пытается повалять пшеницу, но Елта советует поскорее скосить ее. Тогда Дяла насылает Мать ветров, чтобы она разметала снопы, но, по совету Елты, снопы были прижаты камнями. И третья попытка верховного окончилась неудачей. Дяла расценил поступок Елты как посягательство на его могущество и со зла лишил Елту одного глаза.

Произведение любопытно во многих отношениях. Оно приближается к легенде, потому что оно похоже на христианскую легенду, в которой святые Михаил и Николай спорят между собою за урожай обыкновенного мужика. Один из них пытается наделить его хорошим урожаем, другой же противодействует, но ничего из этого не получается. Видимо, сохранив имена Дялы, Елты, божественных Матерей, христианская легенда была увязана с ингушским охотничье-аграрным божеством Елта.

Гуманистическая ориентировка этой мифо-легенды очевидна: сын бога идет против воли своего отца, который, несмотря на свое верховенство, здесь предстает не самым добрым существом. Поэтому произведение обретает социальный смысл. Одновременно этот текст предстает и поучением земледельцу: скоси хлеба до осенних дождей, от ветров обложи снопы камнями, при молотьбе старайся молотить небольшими порциями – и будет хороший выход зерна.

В сказании «Как повелся обычай делать поминки» [14, IV, *62*], Боткий Ширтка, персонаж солнечного и подземного миров, тоже по своему совершает «культурный подвиг», уча людей делать по

умершим поминки. Чтобы людей убедить в этом, Ширтка берет с собою кого-то из живых, спускается в мир мертвых и показывает все то, что живыми было пожертвовано мертвым. Записавший это произведение Ч. Ахриев заканчивает его словами: «Говорят, что с этого времени ввели обычай делать по покойникам поминки» [22, *31*]. Раньше этой мифологемы народ придерживался свято, но, как отметил тот же Ч. Ахриев, эти поминки доводили людей до нищеты («Поминки у ингушей»).

Наряду с «прометеевскими», «культурными» мифами об истории приобретения человеком чего-то от природы (богов) существовали и утопические мотивы об утерях человеком каких-то благ. Мифы об этом обычно проецированы в прошлое. Миф о чародее Маго, как сказано, повествует о том, что людей покинуло благополучие потому, что от них (от Маго) ушла благодатная змея, которая способствовала размножению стад, и освободилась «звезда ветров», которая напустила на землю ветра. Если в дом пробиралась змея, даже ядовитая, ее ни в коем случае нельзя было убивать. В таких случаях делали все, чтобы она уползла сама. В башнях при входе на камнях высекали изображения змей, которые, надо полагать, выполняли функцию оберегов. Если люди выходили в путь по какому-то важному делу и в начале пути им дорогу переползала «красная змея» – медянка, это считалось хорошим предзнаменованием и по этому случаю могли устроить небольшой праздничный ужин. То же самое наблюдалось и в поверьях абхазов. Встреча с ядовитой змеей, по поверию, добра не приносила. Но в народных приметах, по всем данным, белая змея (типа принадлежавшей Маго) неизвестна. По аналогии с белым оленем или белым туром можно предположить, что и змеи-альбиносы внушали суеверные чувства. Белый цвет, сияние, свет были высокопочитаемы у ингушей.

В мифах утопического характера благодатные времена прошлого, как правило, соотносятся с отсутствием ветра. По мифам, якобы раньше с неба свисла нитка, к ней были привязаны лоскутки, которые не колебались, потому что не было ветра. В те времена трава была такая высокая, что дети в поисках овец взбирались на травинку, как на дерево. Здесь имеет место фольклорный прием: через единичный факт (вот такая-то была трава) дать представление о целом.

Благодатное прошлое время показывается и через рассказ оживленного человека прошлого: люди все тогда были великанами; земля была столь плодородной, что если ее сжимали, то из нее капало масло; хлеба, который современный человек съедал за раз, великану хватало на три дня; и люди были другие – мужественные, бесхитростные, дорожащие честью и словом.

Древний человек наличие благодати связывал и с различными животными. Это уже названная «красная змея». Сохранились упоминания «о благодатной птичке» *(фаьра хьазилг)*.

Она гнездилась в Мецхальском обществе, где и была благодать до тех пор, пока какие-то плохие люди не разрушили ее гнездо. Из-за

этого она улетела в Грузию. Здесь отразились обычные в прошлом у горцев взгляды на Грузию как на богатую и благодатную страну. Какие-то блага связывались и с «соколом счастья» *(ираза кер)*, который принадлежал Дяле и не был доступен людям. Раньше у горцев-скотоводов были в стадах особые почитаемые животные. Ими становились те, которые имели какие-то особые внешние признаки. Например, в преданиях рода Медовых из аула Кей говорилось о том, что в их отарах был «барашек счастья» *(ираза Іаьхар)*, враги попытались прежде всего убить его, и потому род вынужден был разделиться. Такими барашками признавали тех, которые имели четыре рога: два крупных, основных, и около них еще два небольших рожка. В одном из преданий рода Мержоевых упоминается четырехухий жеребец – вожак табуна и его хранитель. И тут враги покушаются прежде всего на него с очевидной целью: лишить противников их благополучия.

Такие домашние «хранители» стад удостаивались особого ухода, они доживали до естественной смерти. Домашние животные, освященные как приносящие стадам счастье и благодать, возможно, ассоциировались с мифическими вожаками-божками диких животных – Вочаби, Хагар-ерда.

Образ женщины – хранительницы семейного очага и семейного благополучия восходит к весьма отдаленным временам. Этот образ из мифологии, с постепенным ее исчезновением, стал переходить в героический эпос, в котором его функции приобрели более широкий характер. Женщина из обыкновенной хранительницы благодати стала антиподом героев, воинственная жизнь которых лишь способствовала всеобщему оскудению, ибо воин не выращивает, а грабит выращенное другим. И вот эти-то герои и останавливаются на ночлег у Жера-бабы. На шестьдесят три гостя-воина старуха сделала пищу из бараньего ребра и горсти муки, и от этой пищи все насытились, и даже еще осталось. И вот тут через столкновение героев и через недоумение нартов при виде столь ничтожно малого количества пищи выявляется главная идея: мирный труд – основа благодати и счастья. Приготовленная Жер-бабой пища оказалась оставшейся от благословенных времен, когда на свете еще не было воинов-насильников, грабителей. В произведении не только мифическое воспоминание о «золотом веке», но и утверждение морали труженика: труд – основа всего благополучия.

Мотив, по которому ингушская Жер-баба кормит нартов пищей, оставшейся от благодатных времен, сродни осетинскому (Сатаней кормит нартов), русскому (восставшие в гостях у пугачевской бабки) и др.

Мифические произведения утопического характера в своей основе заключали мечту труженика о счастливой жизни. Вместе с тем не исключено, что мотив исчезновения благодати мог в какой-то мере быть навеянным и реальной действительностью: вырубка лесов, опережавшая их восстановление; оскудение наличия диких

животных, которых, несмотря на охотничьи запреты, становилось все меньше и меньше; оскудение плодородия почвы, которая не знала севооборота и мало удобрялась, да ветра еще выдували ее плодородный слой; вытаптывание острыми копытцами мелкого рогатого скота пастбищ на горных склона. Все это, при постоянной тенденции к увеличению численности населения, приводило к тому, что труда затрачивать приходилось все больше, а его результаты становились все меньшими. Хозяйственная деятельность человека и тогда не лучшим образом сказывалась на окружающей природе.

Мифология не едина по своему составу. В ней есть произведения довольно примитивные, с высоты нашего сегодняшнего взгляда, есть произведения более усложненные, приближающиеся к легендам и в какой-то мере созвучные нашим идеалам и представлениям. С развитием общества, с уменьшением зависимости человека от природы и расширением его знаний о ней, разумеется, более развитыми становились фольклор, религия, этика, мораль и общие воззрения на природу и человеческое общество. Если в древнейших произведениях человек, животные, древнейшие религиозные персонажи иногда трудноразъединимы, имеют тенденцию к взаимопереходу, то со временем грани между ними становятся все более явственными: человек начинает отделяться от животных и становится выше, но в свою очередь боги (разные религиозные персонажи) в сознании человека тоже начинают отделяться от него и возносятся выше. Из мифологии видно, как человек все больше и больше освобождается от конкретно-эмпирической зависимости, от божков. Одновременно усиливалась глобальная, вселенская духовная зависимость от во многом абстрагировавшихся богов, функции которых стали многограннее.

С историческим развитием под влиянием религий, приблизившихся к единобожию (митраизм и пр.), а затем и христианства, ингуши почти пришли к понятию единобожия во время активной исламизации. Вера в единого Аллаха и подчиненных ему ангелов и пророков по своей структуре во многом соответствовала понятиям о верховном боге Дяла и приближенных к нему второстепенных богах. Именно это способствовало прежде всего весьма быстрому укоренению ислама.

Принятие ислама, тем не менее, проходило не так-то уж и гладко, что вполне естественно: трудно менять свои убеждения, свои представления об окружающем мире, трудно отказываться от прежних ритуалов и празднеств и приобщаться к новым. Все это ломало сознание, ломало уклад жизни. Тут возникло немало драматических, а порою и комических ситуаций. В условиях, когда ингуши находились в буферном состоянии, когда с одной стороны к ним шло мусульманство, а с другой – христианство, вопрос принятия той или иной религии приобретал и политический характер. Произведения, повествующие об этом периоде, во

многом примыкают к преданиям, поскольку в них нашли отражение какие-то действительные исторические события, например, первоначальное расслоение народа на принявших или не принявших ислам. В этих произведениях действуют некоторые религиозные авторитеты. Однако стремление возвеличить чудесную силу разных проповедников привносило в тексты этих произведений немало легендарного. Активное бытование ингушского нартского эпоса стало затухать в доисламский период, чем и объяснима слабость исламского влияния на местный эпос.

Эпические герои, по законам жанра, должны иметь антигероев – различного рода врагов. В столкновениях обоих типов этих героев оттеняется героизм нартов, их нравственное превосходство. Врагов не так уж и много в местном эпосе. Одни из них предстают довольно злобными, есть и малоактивные. Но есть и такие мифические существа, которых трудно назвать врагами – это инертные герои другого мира.

Наиболее враждебными предстают сармаки (драконы), гарбаши-людоедки, вепрь величиною с гору, большеголовый Ногай, Накий Бошtол. Порою вредными, а порою и дружественными предстают вампалы, гномообразные герои (Бийдолг-баьре, Пхьагал-баьре).

Эти антигерои, или просто не нартские герои, олицетворяют мифический мир, мир, который с высоты нашего просвещенного времени характеризуется как фантастический. Однако мы должны не забывать, что во времена активного бытования эпоса эти герои и их мир сказителями и их слушателями осознавался вполне реальным.

Змееборство (драконоборство, что одно и то же) является древнейшей темой. Особенно ярко она представлена в героико-волшебных сказках, но спорадически присутствует и в эпосе. В ингушском фольклоре воплощением злых сил предстает **сармак**. Нет никаких попыток подвергнуть этимологии это слово. Лишь нами была сделана попытка возвести ингушского сармака к древнему могущественному народу **сарматы**, кочевавшему по предкавказью более двух тысяч лет назад [70]. Делать сопоставление **сармака** и **сармата**, основываясь лишь на звуковом сближении этих слов, малопродуктивно. Но, на наш взгляд, сближает их змееподобность. Ингушский сармак имеет все черты дракона (ползает, ложится кольцом вокруг озера и пр.). Сарматы же считали своей прародительницей женщину, у которой тело ниже пояса было змеиным. Изображалась она со змеиными ногами; на шестах сарматы носили нечто вроде чучел, которые при ветре развевались подобно змееподобным существам и издавали свист. .

В ингушской мифологии, когда-то, присутствовало злое существо по имени Мож, ранее или позже его функцию стремится приобрести сармак. То, что нарт Петарза, по просьбе дочери солнца Мялха Азы, освобождает проглоченное сармаком солнце и убивает

Целебный священный родник в горах, по сказанию, выбитый из горы копытом коня, по указанию своего хозяина Соска Солсы

этого дракона, является выражением борьбы света и тьмы (добра и зла), а Петарза предстает героем, имеющим солярные черты.

В одном из ингушских сказаний сармаку приписаны черты оборотничества: ночью он – дракон, а днем – нартский враг, по имени Сартал (слегка видоизмененное имя сармака) [14, IV, *24*]. Имеется это имя и в чеченской сказке в форме Сарган – нартского врага [69, *285*]. По функции с ингушским пожирателем солнца сближается и кабардинский Еминеж [155, *8*]. Имя абазинского вражеского героя Сосранпа [152, *236*] по форме и функции в чем-то сближается с ингушским сармаком. Змееподобные вражеские существа у кавказских народов (наверное, не только у них) имеют схожую типологию.

Великаны. Описание их начнем с первого абзаца статьи А. Кузнецовой «Образы великанов в ингушском Нартском эпосе»:

«Великаны ингушского Нартского эпоса входят в число самых интересных персонажей мирового фольклора. Не каждый эпос и не каждая мифология знает настолько развернутые и красочные образы великанов. Сказания о них убедительно доказывают, что ингушская Нартиада – это не череда разрозненных текстов, а эпос, вполне возможно, достигший когда-то стадии эпической поэмы, часть которой была со временем утрачена. По образам великанов прослеживаются стадиально и хронологически отличные друг от друга пласты ингушского эпоса, различные стадии общественного развития населения древней и средневековой Ингушетии.

Так же ясно различаются разные виды великанов – «эпические» великаны-вампалы и «мифологические» циклопы, мертвые великаны и великаны, идентичные греческим гекатонхейрам. Все это характеризует ингушский Нартский эпос как сложное произведение фольклорного искусства, имеющее глубокие корни в древности и позволяющее проследить сложный исторический путь создавшего его народа» [268, *636*].

Далее автор рассматривает разные типы великанов на основе анализа текстов.

Ингушские **вампалы** – образы многогранные. Наиболее отличительные из них сродни обыкновенным людям, но имеют огромный рост, соразмерную ему физическую силу, простодушны. Они представляются близкими людям по месту проживания, словно соседствующий великанообразный народ. Они и люди иногда помогают друг другу. Случается, что нарт женится на вампальше, имеющей средний рост, но тем не менее принадлежащей к породе великанов. Создается впечатление, что вампалы – соседи нартов, как бы из другого ущелья. В горной Ингушетии, в наиболее некогда заселенной его части, есть ущелье «Аьхки вампала чIодж» – «Летнее ущелье вампалы» [55], что позволяет предполагать: у вампалов имелось и зимнее местожительство. Словно где-то живущий народ, летом приходящий в одно из ингушских ущелий.

Приведенная трактовка этих образов, возможно, является более древней и не исключено, что это был какой-то народ, позднее окрещенный вампалами и приобретший со временем черты враждебных существ, которые могут отрывать куски скал и втаптывать их в землю. Иногда они предстают двуротыми – передним ртом принимается пища, а через задний рот выкидываются кости. Двуротость вампалов иногда объяснялась якобы тем, что воинский шлем принимался за второй рот или наличие зоба могло восприниматься за двуротость. Такие предположения представляются курьезными. Надо полагать, что позднейшим является то, что вампалов стали наделять чертами злых и враждебных великанов, олицетворяющих грубую, стихийную, враждебную человеку силу.

Пока никто всерьез не вдавался в этимологию слова «вампал». Позволим себе сделать здесь некоторые предположения.

Во-первых, обратим внимание на сообщение М. Джанашвили: «В Грузии мампалами назывались как принцы царской крови, так и архиепископы» [77, *29*].

Известно, что в древности, особенно до монголо-татарского и тимуритского нашествия, Грузинское царство в своих политических видах стремилось, где мечом, а где и крестом, покорить горцев. Не зря на храме Ткобя-Ерды, в горах Ингушетии, имеется барельеф мужчины, держащего в одной руке (левой) крест, а в другой – меч. Многие ученые склоняются к тому, что нынешние грузинские горные племена (мохевцы, пшавы, хевсуры, тушины и др.) – это суть огрузиненные нахи. Таких взглядов придерживался еще и

Н. Марр. Естественно, мощным было давление и на древнюю Ингушетию, которая все же сохранила свою самостоятельность. Есть сведения, что горная Ингушетия входила в одну из грузинских епархий. В ингушских храмах находили грузинскую (духовную) литературу. В преданиях слышны отголоски того, что при храме Ткобя-Ерды некогда проживала какая-то часть грузин. А при самом храме имелись кельи грузинских христианских миссионеров. Обозревая все вышесказанное, почему бы не предположить, что грузинские военно-миссионерские контингенты, руководимые мампалами, особенно в летние месяцы, когда открывались горные перевалы, не могли проникать в Ингушетию, а конкретно – в вышеназванное «Летнее ущелье вампалов».

Если имели место таковые нашествия внешних сил, то тут недалеко и до дружеских, а порою и до враждебных взаимоотношений между аборигенным населением и нежеланными пришельцами. Представляется довольно несложным процесс превращения **мампала в вампала.**

Но это всего лишь одно из предположений. Есть и другие. Так, у тюркских народов (казахов, киргизов и др.) имеется сказочное существо **кемпир** (полное имя – «жалмауыз кемпир»). Оно является в образе демонической старухи-людоедки, похитительницы детей и пр. [109]. Тут наше внимание может привлечь то, что имеется некое созвучие между словами «вампал» и «кемпил» и то, что эти существа являются существами не из мира людей. Но по своим функциям они во многом разнятся: «вампал» по отношению к человеку более интимен и менее агрессивен, «кемпил» же злобная и агрессивная беспредельно. Функционально эти герои во многом разнятся, но зная, что тюркская (плюс – монгольская) мифология и фольклор имели немалое влияние на культуру кавказских народов, открещиваться тут от тюркского влияния надо с осторожностью. К тому же надо помнить, что заимствованный образ (его имя) не обязательно влечет за собою всю его семантику: она во многом может переиначиваться. Вопрос о тюркском влиянии на образ ингушского вампала остается открытым.

Ингушское «вампал» весьма созвучно широко известному слову «вампир». О вампирах (вурдалаках) Лев Гумилев сообщает:

«Вера в то, что сам труп (а не дух покойника) опасен для живых людей и особенно родственников, очевидно, возникла у древних угорских народов и была занесена в Европу венграми. Не случайно, что легенды и рассказы об упырях, которых на Балканах называли вурдалаками, а в Венгрии вампирами, распространены только в странах, граничивших с Венгерским королевством» [269, *160, 161*].

Эти верования, отмечает далее Л. Гумилев, от угров-венгров проникали к тюркам-гузам, верования которых были сродни верованиям хазар. После «переселения народов» угры-венгры (булгары), двигаясь с предуралья на территорию современной Венгрии,

какое-то время провели невдалеке от Северного Кавказа и входили в тесное общение с хазарами. Таким образом, был открыт путь для различных проникновений и на Кавказ. С другой стороны, в науке давно поднимаются вопросы о разных древних связях народов Кавказа и Балкан. Тут, надо думать, уместно будет сравнение балканских «вампир» и «вурдолак» (вспомним одноименное стихотворение А. Пушкина) с ингушскими словами «вампал» и «бурдольг». Созвучие тут явное, но в терминологическом плане, а не в плане функциональном. Так, ингушский **вампал** в отличие от **вампира** никогда не предстает кровососом. Этой деятельностью у ингушей занимается ешап. Но вот «бурдольг» у ингушей означает «летучую мышь». Но в мировой практике иногда ее представляют кровососущим существом. У ингушей есть и другое название летучей мыши – «эмишк». Возможно, тут мы имеем какое-то наследие табуизации, когда наличествует два названия (бурдольг и эмишк) для одного и того же существа. Надо признать, что сравнение ингушских и угро-фино-балканских реалий можно тут считать лишь намеченным и проблемным.

В мифологии Индии, Ирана, а следом и Грузии имеются великаноподобные существа по имени **дэвы**. Характеристика этих персонажей в Индии имеет положительный и божественный вид. Но в древних Персии и Грузии дэвы являются существами злыми, враждебными, высокорослыми. К такой характеристике приближается и ингушская их трактовка, возможно, чуть-чуть смягченная. Повествование о них встречается в ингушских сказаниях и преданиях. Этот народ, в чем-то родственный великанам, трактуется автохтонным насельником ингушской ассинской долины. Об этих дэвах первым оставил описание Б. Алборов [9].

Л. Семенов отозвался о них следующей цитатой:

«В Ассинской котловине, где расположены селения Дошхакле и смежные древние поселки, нами были обнаружены остатки т. н. циклопической кладки, сложенные из очень крупных камней. Местное население приписывает эту постройку дэвам, которые будто бы жили там до появления нартов» [182].

Великорослые автохтоны дэвы, у ингушей, при своей большой физической силе страдают недостаточной сообразительностью. Предок рода Хамчиевых по имени Барким, где умом, а где и силой, уничтожает мужское население дэвов и обосновывается жить. Использование этим предком при этом коварного поступка не остается неотомщенным: оставшиеся в живых женщины дэви, уйдя в скалы, мажут их маслом и просят отомстить Баркиму; в результате чего отлетевший от скалы камень насмерть ранит его в глаз... Не исключено, что в такой легендарной форме отразились некогда имевшие место этнические столкновения.

Древний ингушский центр Ассинская котловина (горная долина) имеет одну особенность: имеющая сносные, исходя из горных мерок, условия и простор долина почти изолирована от северной

равнины. Ее и долину соединяет лишь узкое и труднопроходимое ущелье – русло яростной горной реки Ассы. Эта географическая особенность отразилась в местном эпосе. Так, нарт Бятар, поручив изготовить огромный плуг, заставляет в наказание за насилия, впрячься в него дэвов и прорыть для реки это ущелье. Затем Бятар загоняет их в море.

Географической особенностью этого Ассинского ущелья навеян и сюжет сказания о поединке нарта Петарза с Тамерланом.

Среди великаноподобных и весьма злобных нартских врагов числится и черный, большеголовый Ногай. Он присутствует и в ингушских сказках, и в нартских сказаниях. Персонажу этому нами было уделено внимание в монографии «Исторический фольклор чеченцев и ингушей» [72].

Имя ногайской орды восходит к имени чингисида Ногая, жестокого и коварного временщика. Ногайцы (золотоордынцы) оставили немалый след и на Кавказе. По историческим источникам, одно из жесточайших междоусобных сражений монголов произошло в 1261–1262 гг. на Тереке. Когда по приказу Ногая сложили тела убитых, то из них образовалось целых три холма, видимых издалека. Это впечатляющее, сложное и явно поставленное для устрашения, «сооружение настолько глубоко врезалось в память аборигенного населения, что и по прошествии семиста лет запечатлелось в местном фольклоре, который называет именно три холма из сложенных мертвецов [14, II, *57*].

Конечно же в фольклоре никак не могли не отразиться величайшие трагические события монголо-татарского нашествия. Сохранились и некоторые детали: Ногай прирос к седлу, а седло – к коню (наследие кочевого образа жизни); Ногай издает страшные оглушительные звуки (вспоминаются свистящие стрелы монголов); изо рта и ноздрей Ногая пышут огонь и дым; из людских тел он устраивает свое ложе. Этот свирепый герой уничтожает всех людей. Мстителем остается чудесным образом выживший нартский потомок, который с помощью волшебных друзей, наконец, и свершает кровную месть [14, IV, *161*].

Двойником ингушского Неге является осетинский Мукара (Нукара), который не пускает нартов на свою равнину – сказание «Батраз и Мукара, сын Тара» [156, *245*]. Не исключено, что имя «Тара» восходит к этнониму «татар». Однако в балкарском сказании «О том, как Ерюзмек помогал Ногаю» (Сокровище нартов. Нальчик, 1970) Ногай трактуется как положительный персонаж. Думается, тут возникает вопрос для историков, а именно почему этот ярчайший представитель монголо-татар у ингушей и осетин является крайне враждебным, а у балкаро-карачаевцев положительным. Тут один из примеров того, как и фольклор может в чем-то помочь истории.

Наряду с великаноподобными существами в кавказской Нартиаде имеют место и гномоподобные существа, как и в эпосе других

народов. У русских это «мужичок с ноготок, борода с локоток» [203, *102*]. У калмыков – «старик сам в четверть, а борода в три четверти» [110, *43–47*]. У адыгов и абхазов этих персонажей именуют **испы, сипуны маракуа, ацаны.** Осетины именуют их **быцента.** Часто эти карлики ездят на зайцах, иногда заставляют строить дольмены. Случаются их браки с нартами. При всей своей физической неказистости они чрезмерно сильны, и обыкновенный человек не может их одолеть. Тут можно было бы еще вспомнить европейских **гномов и эльфов**, некие **сихиртя** северных народов. Мировой фольклор настолько пронизан этими низкорослыми, сильными и умелыми существами, что могут возникнуть подозрения о существовании когда-то такой особой расы людей или человекоподобных существ.

Целых три персонажа подобных существ имеется и в ингушском фольклоре: «пхьагал-баьре» («заячий всадник»), «бийдолг-баьре» («с кулачок и локоток») и «Накъий (нохчий) лоха Бошtолг» («Накиев (нохчиев) низкий Бошtолг»).

«Заячий всадник» – персонаж в северокавказском фольклоре довольно распространенный. Везде понимают его в самом прямом смысле: ездит на зайце, как на коне. Предстает и дружественным и мстительным, если чем-то его обидят. На стенах ингушских башен сохранились пиктографы, изображающие ушастого лучника, что надо признать оберегом: этот всадник отстреливает всяческое зло от башни.

В имени «Накиев низенький бошtолг» слово «бошtолг» означает «годовалый козленок». Хотя в мифологии с козлом связываются плодовитость и связь с грозовым божеством, в данном случае все это начисто отсутствует. Существо это предельно злобное. Этим и своей длинной бородой он, с одной стороны, напоминает пушкинского Черномора, а с другой – Кащея-бессмертного, душа которого находится где-то там, далеко. Существо это любит красть чужих жен, но герой сказания, которому помогает ведунья Села Сата, находит душу злодея и уничтожает его. Существо это имеет помощников – Гам (старуха, типа ведьмы) и Овду (великана-колосса), действует весьма активно и настойчиво, но добро и правда, как и положено по законам фольклора, оказываются сильнее него. Это сказание некоторыми своими чертами перекликается с богатырской сказкой. Ингушский «Накиев низенький бошtолг» в чем-то напоминает адыгского «Пако, козлиная борода» [270, *215*].

Переход к следующему персонажу предварим цитатой Айзека Азимова:

«Древние греки питали твердую уверенность, что такие крошечные люди жили в Африке, где-то южнее Египта. Они звали их **пигмеями**, от греческого слова «кулак». Это должно было значить, что рост этих людей равнялся расстоянию от локтя до косточек сжатых в кулак пальцев» [271, *164*].

В данном случае мы находим поразительное сходство древнегреческого названия низкорослых людей с ингушским их названием «Всадник с локоть и кулак». Значит этот образ мифических малорослых людей, исходя из греческой реалии, предстает весьма древним и типологически очень устойчивым. Выше уже было упомянуто, что этот образ имеет широкое распространение.

Ингушский всадник «локоток-кулачок» имеет, иногда, бороду в пятнадцать локтей. Этот «гном» настолько силен, что может одним своим волосом накрепко связать сильного героя. Силою его одолеть невозможно, но тут на помощь герою приходят разные чудеса, и он побеждает. Иногда эти столкновения завершаются миром (заключением родства). В единичном случае Бийдолг-бяре представлен в образе ведуна-болшебника, вершителя людских судеб.

Боткий Ширтка (Боткъий Ширткъа – *по-инг.*) – самый загадочный персонаж. Еще У. Далгат отмечал: «Боткий Ширтка – это сложный в идейно-художественном отношении мифологический образ» [69, *153*]. С равным правом он может быть отнесен к двум мирам: подземному и солнечному. Первым об этом герое поведал Ч. Ахриев, сказав, что он является вожаком и советником нартов, «Батоко Ширтга – мифическое лицо, обладающее особенным сверхъестественным свойством – отправляться на тот свет и возвращаться обратно, когда ему вздумается» [23, *1*].

У нартов к нему двойственное отношение. То они при случае вредят ему и относятся пренебрежительно, так как он им чужд, поскольку не является воином, да и присутствует то в солнечном, то в подземном мирах.

В исламе ангел Джабраил (Гавриил) исполняет функции связующего звена между Всевышним и людьми. Именно подобные функции выполняет персонаж Ширтка, по всей видимости восходящий еще ко временам тотемизма. Именно этот герой водит в подземный мир героев мира живых. Тут вполне достаточно сослаться хотя бы на сказание, в котором Ширтка на своей волшебной медной (бронзовой) коляске доставляет Селу Сату в потусторонний мир и дает ей весьма полезные советы. Он же из этого мира приносит людям водяную мельницу (правда, в одном из сказаний Ширтку заменил какой-то Селий Пиръа). Он же водит в мир «Эл» Хамчи Патараза. Когда же Соска Солсе понадобился особо прочный волшебный меч, то Ширтка в сказании «Соска Солса и Бетта Лир» идет в «Эл» к духу седьмого предка нартов Нартбию, который по его просьбе на время одалживает этот меч.

Весьма юркий зверек ласка, из семейства куньих, почитался у ингушей за то, что он уничтожал вредных грызунов. В своих движениях этот зверек столь резвый, что в мгновение ока прыгает в свою норку, под землю, и тут же резко выпрыгивает на свет. Эта его способность и послужила тому, что ингуши стали его называть «Ширтка, уходящий в мир «эл» и возвращающийся в мир «солнеч-

ный» («Іел, маьлха уха Ширткъа»). Наткнувшись на норку ласки (ширткъи), дети над нею произносили скороговорку: «Ширтка – хорошая, а мышь – плохая» («Ширткъа – дика, дахка – во»). Говорят, эти слова доставляют ей удовольствие, и она, выскочив из норы, как бы в танце начинает кружить вокруг нее.

Интересный и показательный случай, связанный с лаской, был зафиксирован писателем Абасом Матиевым:

«Однажды люди увидели, как орел, в вышине покружив над одним местом, спикировал прямо вниз, клювом подхватил какого-то небольшого зверька, проглотил его и взмыл вверх. Затем в воздухе орел вскоре стал беспорядочно метаться из стороны в сторону, а затем кувырком упал на землю. Наблюдавший за всем этим пастух подбежал к орлу и увидел, что он сдох. На груди орла была видна кровавая дыра. Невдалеке от орла лежала издыхающая ласка (ширтка). Понял пастух, что проглоченная орлом ласка, своими острыми зубами вскоре перегрызла желудок орла и успела выпасть наружу» (Ялсмален карт. Назрань, 1997. С. 71.).

Возможно, что ласка обладает способностью на какое-то время задерживать дыхание – такая способность у нее могла выработаться в тесной и глубоко в землю уходящей норе. Но возможно и другое: перед нами отголосок какого-то древнего мифа, повествующего об антагонизме светлого солнечного мира живых, представителем которого является высоко в небе парящий орел, с подземным темным миром мертвых, представителем которого является глубоко в земле скрывающаяся ласка. Две крайности, две противоположности – противостояние света и тьмы, живых и мертвых. Думается, Б. Далгат [68] и Л. Семенов [178] ошибочно полагали, что Ширтка «часто умирал и опять воскресал». Тут недалеко до ошибки – принять Ширтку за божество умирающей и воскресающей природы. У ингушей эта функция отводилась богине Тушоли. Скорее всего тут прав Ч. Ахриев, еще ранее названных двух авторов отметивший сверхъестественное свойство Ширтки «отправляться на тот свет и возвращаться обратно, когда ему вздумается» [23, *1*]. Действительно, во всех ингушских сказаниях Ширтка в минуту нависшей над ним опасности не умирает, а моментально исчезает, уйдя в землю.

У древних греков подземный мир Гадес мыслился как мир, наполненный сокровищами и мудростью.

Загробный мир посещали Геракл, Тезей, Орфей, Одиссей и др. греческие герои. Побывали в этом мире Гильгамеш, Вайняменен и Кухулин. Таких примеров много. Загробный мир рисовался особенным. В чем-то таковым мыслился и ингушский «Эл». Из него приносят оружие предков, оттуда же и водяная мельница. А Села Сата уносит оттуда семена злаков и орудия рукоделия. Спор, который герои не могут решить в этом мире, разрешается после схождения их в подземный мир. А конкретно о Ширтке Ч. Ахриев писал:

«Говорят, что когда Батоко-Шертуко умирал, то сказал: «Я сожалею, что забыл показать народу благое дело для всего человечества: научить косить с такою же скоростью, с какою сгребается сено, и научить пахать с такою же скоростью, какою после взбороняется» [22].

Как видно из сказаний, Ширтке присущи и культурные деяния. Особый интерес вызывает полное имя героя Боткъий Ширткъа, в котором первое имя по законам ингушской ономастики означает отца, тут – Бодкъа. Конечное «къа» в этом имени может навести на мысль, что тут мы имеем адыгский формант, приращиваемый к мужскому имени. В данном случае вряд ли это так. Для начала вспомним ахриевское мироустройство: земля в форме яйца лежит на доске, плавающей по морю, которое опирается на какую-то темноту (*по-инг.* – **боад**). Она обозначает какое-то хаотичное состояние. Ранее нами также назывался древнейший бог «ткъа», в собственном и нарицательном значениях. Приращение к **боад** слова «**ткъа**», во втором его значении, дает имя **Боадкъа**, т. е. в смысле «божество тьмы (хаоса)». То есть отчество Ширткъи не что иное, как значение – «порождение хаоса (тьмы)».

С равным основанием можно видеть родство ингушского Ботки с осетинским Гатагом. Оба они владеют водою. Оба уступают ее при условии интимной связи женщины с ними. В результате этой связи рождаются у ингушей Ширткъа, а у осетин Сырдон. Открытым остается вопрос: из этих имен какое является первичным?

Нарицательное ткъа (божество) присутствует не только в имени Бодкъа, а и в самом имени его «сына» Ширткъа. А если расширить ареал распространения нарицательного «ткъа», то сюда же можно отнести и название звезды «седкъа – от «са (свет) + ткъа (божество)».

То есть если предположить, что имя Шир+ткъа является сложным словом, в котором второе слово обозначает «божество», то появляется вопрос: что же означает слово «**шир**»? Единственное объяснение тут, располагая средствами ингушского языка, может восходить к ингушизму «шира» – древний. Сложение двух основ «шир» и «ткъа» в сумме дает слово «Ширткъа» в значении, сегодня уже не осознаваемом, – «древний бог».

Такое, сложное на первый взгляд, полное имя героя эпоса Боткъий Ширткъа, надо полагать, восходит к следующему описанию: «древнее (старое) божество, являющееся порождением божества, являющееся порождением божества тьмы (хаоса)».

Такая, как вышеприведенная и довольно усложненная конструкция, видимо, нуждается в дальнейшей проработке.

Интересное сведение было со слов сказительницы (К. Мальсаговой) приведено А. О. Мальсаговым:

«Ширтка принадлежал некоему Боткию, но ни тот, ни другой людьми не являлись» [136, *73*]. Это высказывание можно понимать и в значении – не были нартами. Сродни ингушскому герою

осетинский Сырдон, сын Батагъа [69, *27*], абхазский Батакуа [78, *356*], адыгские Бодыноко и Шертан [266], балкарский Шырдан [206, *637*] и др. Герои эти в эпосе во многом пассивные, часто являются приблизившимися к нартам, но не уравнявшимися с ними, чему, видимо, мешает их мифическое прошлое – принадлежность к другому, не нартскому, миру.

Ингушский Ботки Ширтка в нартских походах не участвует, нарты не считают его ровней, они позволяют себе насмехаться над ним и даже губят его сына, столкнув в кипящий котел. Ширтка как бы пытается им отомстить, но только нарты, попав в трудную ситуацию, обратятся к нему с просьбой о помощи, как он тут же принимает сторону нартов. Этому мифическому герою как бы чужды человеческие чувства, и он держится обособленно. Однако нарты без него обойтись не могут и часто прибегают к его совету.

Весьма редко случается, что Ширтка совершает нехороший (с нашей сегодняшней точки зрения) поступок; к примеру, учит нартов как ограбить героев Калой-канта или Горжая. В целом отношение к Ширтке в ингушском эпосе положительное.

Учеными замечено некое типологическое тождество ингушского Ширтки и осетинского Сырдона, но трактовка этих образов во многом разная.

В осетинском эпосе Сырдона зовут «хитростью земли и коварством неба». В. Абаев писал:

«Неистребимая вражда между Сырдоном и Сосланом проходит через весь эпос и приводит к гибели Сослана» [266, *98*].

В другой своей работе этот же автор, дополняя сказанное, пишет, что Сырдон виноват и в гибели Батраза [1, *207*].

В ингушском эпосе места пребывания Ширтки четко и ясно определены – этот и потусторонний миры. Данное сведение в осетинском эпосе лишено конкретики: Сырдон живет то под мостом, то в каком-то лабиринте, то на краю села. Да и вообще, он родился от речного бога и детство провел в водном царстве и только затем стал приобщаться к нартам, на правах их племянника, рожденного Дзерасой. Имеющая место некая индеферентность в его образе, наверное, свидетельствует о том, что ему пришлось проделать немалый путь в своем эпическом развитии. Со временем конкретная функция этого героя – его свободное перемещение между двумя мирами, как это имеет место у ингушей, в осетинском эпосе упростилась: «Сырдон исчезал под землей, и нарты никак не могли его изловить» [185, *186*].

Разница между этими двумя ингушским и осетинским героями видна и в следующем: когда Хамыщ, в отместку за свою украденную Сырдоном корову, погубил его сыновей, бросив их в кипящий котел. Сырдон из их костей и жил соорудил «фандыр», за что нарты и приняли его [185]. Этот мотив совершенно не связан с ингушским Ширткой, да и о его семье нет ни слова. Тут мифический герой

сохраняет свою древнейшую функцию отчужденности от мира нартов, представителей иного мира.

Мифические двойники – ингушский Ширтка и осетинский Сырдон, в чем-то близкие и разные, наводят на мысль об их генетическом родстве. Подобный им персонаж отсутствует в других версиях нартского эпоса, как это было отмечено Ю. Лебединским [185, *8*].

Французский известный кавказовед Ж. Дюмезиль в ряде своих работ обращался и к языку, и к эпосу народов Кавказа. Две его отдельные работы были посвящены и ингушской проблематике. Основываясь на работе Ж. Дюмезиля, посвященной древнеисламскому (германскому) мифическому персонажу Локки, У. Далгат резюмирует:

«Находя в образах Сырдона и Ширтки многие общие черты, Ж. Дюмезиль, однако, указывает и на их различие. Во-первых, по его мнению, оно состоит в том, что у Ширтки сверхъестественный характер обозначен более четко, чем у Сырдона, как более регулярно и его общение с другим миром; во-вторых, хотя в образе Боткия Ширтки вредное и смешное сочетается так же, как и в образе Сырдона, Ширтка более искренен и справедлив и менее злобен в отношении к орстхойцам (имеются в виду нарты. – *И.Д.*), нежели Сырдон в отношении к нартам» [69, *153*].

Немалый научный интерес вызывает выявление истоков столь своеобразного образа Ширтка-Сырдон, как его охарактеризовал еще Ж. Дюмезиль. Все исследователи, касавшиеся этого вопроса, единодушны во мнении, что тут имеется наследие тотемизма, конкретно – обожествление какого-то зверя. Относительно ингушского Ширтки нет двух мнений, имя нартского персонажа и имя зверька ласка обозначаются одним и тем же словом. Сложнее обстоит дело, когда начинаешь вникать в генетические основы образа Сырдона. По замечанию В. Абаева, «еще Шифнер (1868) производил имя Сырдон от сирд – зверь» [1, *207*]. Но какой зверь тут конкретно не указано. В осетинском сказании «Рождение Сырдона и его женитьба» Дзерасса, жена Уархага, за воду должна была отдаться донбеттиру Гете и результатом их связи стал тайнорожденный Сырдон. Он «смотрел, не моргая, обликом был похож на дикого зверя, а потому и назвали его Сырдоном» [156, II, *189*]. На какого зверя он был похож и тут не указано. В другом, противоречащем приведенному, сказании Сатана от повелителя бесов Батага, нарушив супружескую верность, рождает Сырдона. Тут он уже становится бесовским порождением [156, *190*], и ни слова нет о его звериных чертах. Образ Сырдона становится разнопланового, что может позволить предположить наличие разных генетических истоков.

В. Миллер приводит текст «Урузмаг, Хамыц и Созырко».

Начинается он так:

«Бораевы задумали пойти воровать – Урызмаг, Хамыц и Созрыко. Когда они спустились к нартскому мосту, им встретился

Сыфыттар. Они поймали Сыфыттара: “Напророчь нам добро”, – сказали они. Сыфыттар сказал им: “Отпустите меня и с той стороны я благословлю вас” [148]. Затем идет малосвязное «пророчество» этого существа, сродни проклятиям и пожеланиям.

В примечаниях В. Миллер пишет: «Что за существо Сыфыттар рассказчик не мог объяснить». В весьма обстоятельном словаре В. Абаева это имя отсутствует.

Приходится гадать, что это полузооморфное и полуантропоморфное существо, живущее у реки и у ее моста, к тому же наделенное каким-то божественным даром и не входящее в нартский круг в чем-то сродни Сырдону и не является ли его прообразом; не есть ли это какой-то водяной зверек (нутрия, ондатра, бобер...). Также, может быть, тут произошла взаимозаменяемость этого зверька и ласки (ширткъи).

И все же напрашивается вывод, что ласка первична и осетинский Сырдон, как и ингушский Ширткъа, восходят именно к ней. Данный вывод у ингушей не вызывает сомнения. А тому, что и Сырдон восходит к ласке, есть неопровержимое свидетельство, которое приводится В. Абаевым:

«Созруко с обнаженным мечом погнался за Сырдоном. Пока Сырдон мог бежать впереди него, он бежал, потом обратился в ласку и юркнул в нору» [1, II, *143*].

Тут В. Абаев дает ссылку на текст, изданный на осетинском языке.

Значит, в минуту опасности осетинский Сырдон возвращается в свое первобытное состояние – в ласку. Все-таки найдена единая основа для ингушского и осетинского героев.

Ласку осетины называют «мистулаг» (см.: *В. Абаева*), но это имя не является именем Сырдона. Попробуем произвести небольшой анализ имени Сырдон. Ясно, что мы имеем дело со сложным словом, вторая часть которого «дон» – это название воды (Сырдон – сын водного божества, да и живет он у воды, в ней же прошли и его юношеские годы).

Остается объяснить первую основу «Сыр». Тут обратим внимание на то, что звуки «с» и «ш» в осетинским языке имеют свойство иногда взаимозаменяться. Достаточно привести один пример: главную свою нартскую героиню Сатану осетины произносят и в форме *Ш*атана. Например, так это имя запечатлено в посвященном осетинском нартам исследовании Т. Дзокаевой [242]. Немало и других примеров. С полным правом и в осетинском эпосе Сырдон может звучать Ширдон. И в ингушском, и в осетинском языках имеется одинаковая основа «шир», восходящая к ингушскому названию ласки «ширткъа». И напрасно некоторые ученые опускаются до неверных и непродуманных утверждений: «представляется необоснованным отождествление имени Ширтга с ингушским названием ласки» [45, *143*].

Прежде чем приступить к этой мифологеме, позволим себе изложить мнения двух осетинских ученых.

В. И. Абаев: «Позволительно думать, что в **аллон** мы имеем одно из самоназваний осетин в прошлом. Что касается **биллон**, то он представляет, всего вернее, искусственный ассонирующий вариант к **аллон**». «Термин **аллон** представляет безупречное с фонетической стороны осетинское оформление древнеиранского **аруана** «арийский» [1, I, *47*].

Т. К. Дзокаева (ее высказывание по этому вопросу достойно того, чтобы привести его полностью):

«Аллон-биллон» – «лингвистический артефакт» В. И. Абаева.

Как ни забавно о нем говорить, но нас приучили угадывать в этой присказке следы как бы нашей аланской истории. И ввел ее в оборот, как тоже известно, Абаев. Даже в слишком активный оборот. «Аллон-биллон» возведен в ранг доказательного аргумента. Ему посвящено подробное описание в «этимологическом словаре». Гораздо более подробное, чем вскользь сказанное об этимологии слова «Ир». И, как ни удивительно, парадоксально и странно, это смешное словосочетание выдается за свидетельство аланского происхождения осетин.

Потому я вцепилась в него, увидев в Сказаниях, где такое словосочетание встретилось однажды. Но каким образом? Оно обнаруживается в жилище уаига, и означает запах чужого. Уаигу почудился некий аллон-биллон, якобы кто-то чужой находится у него в доме! Как бы померещился ему любовник в спальне жены. У уаига нюх острый, а нрав вспыльчивый, и он готов тут же убить издававшего такой запах!

Вот и все упоминание. Плохой запах и вкус, иначе говоря, можно открыть форточки, и запах исчезнет.

Вот, собственно, весь аланский инструментарий, искусственно вложенный в эпос. То есть никакой! Тем не менее официально эпос рассматривается как «алано-осетинский». Что, как видим, совершенно не оправдано.

Тем более, если при этом есть еще и ссылка на хронологию, что наш эпос, мол, существует за тысячи лет до н. э. Аланы же кочевали в приближении к С. К. (Северному Кавказу. – *И. Д.*) с IV–VI веков н. э. То есть тысячу и более лет спустя. Так стоит поверить хотя бы хронологии и считаться с ней! Ведь кажется, в науке Истории хронология играет не последнюю роль в обозначении последовательности процессов и событий?» [242, *84, 85*].

Действительно, благодаря В. Абаеву слово «аллон» им, и его последователями осетинского нартоведения, возведено к этническому устаревшему термину «алан», почему-то всеми ими воспринимаемому в значении «предков осетин». Эта идея настолько пущена в отечественную науку, что вряд ли можно в разных энциклопедиях

и справочниках, в которых речь идет об осетинах, не услышать ее. Вызывающая смех идея «аллон-алан» экстраполируется из фольклора в сегодняшний день в этническое понятие «осетин», а вглубь в историю от алан цепь протягивается далее к ассам, сарматам, скифам, арийцам... и чуть ли не к самому Адаму. Таким образом недобросовестные ученые выстраивают псевдонаучную генеалогию.

Пора бы этим лукаво мудрствующим ученым прислушаться к давно Е. Крупновым сказанным словам, что осетинам не надо отказываться от своих кавказских корней. К тому же сегодня призывает и Т. Дзокаева своей монографией «Осетины – потомки осетин» (М., 2010).

Еще в 1996 году я тоже обращался к проблеме «алла-белла» (была статья, опубликованная в газете «Сердало»). В связи с дискуссионностью затронутой проблемы считаю не лишним вновь обратиться к этой работе:

Шумеро-аккадское Ала(д), Бел(у) и ингушское Алла, Белла.

Далекие предки ингушей, несомненно, находились в орбите древних цивилизаций народов Передней Азии. Об этом свидетельствуют данные языка, наличие в ингушском языческом пантеоне богов древнеегипетского Ра, урартского Халди, индоевропейского Дяла и др. Генезис ингушской богини Тушоли, также, к примеру, исследователь А. Захаров возводил к религиозным традициям, идущим из Передней Азии [264]. Желанием внести какой-то посильный вклад в прояснение некоторых реалий древнейшей истории ингушей продиктовало нижеследующее исследование одного частного вопроса: выяснение параллелей (соответствий) шумеро-аккадских богов Ала(д) и Бел(у) с некоторыми рудиментами древнейших ингушских религиозных представлений. В 1962 году, со слов 95-летней Г. Д. Бековой, мною была записана детская считалка-скороговорка следующего содержания [103, 318]:

Цхьа, цхьа цхьайтталга (Один, один, одиннадцатому).
Цхьаккха воацача шийтталга (Ничтожному двенадцатому).
Ши етт бетта кIудилга (Двух коров доящему кувшинчику).
ГIалий кера вагIарга, (На верхнем этаже башни сидящему).
Топа хьаьса увзарга (Вышитый ремень ружья потягивающему)
Хьаьса тIIиргаца тедарга (Тот ремень веровочкой режущему).
Алла-билла даьлий (Алла-билла боги).
Хабар харца сели (Неправду говорящий сели).

Известно, что в подобного рода детских песнях встречается т. н. тарабарщина. Однако, если кое-что из нее суметь расшифровать, то можно обнаружить рудименты древности, напри-

мер, полузабытые и почти потерявшие смысл разные архаизмы и историзмы, забытые имена разных духов, богов, топонимов и т. д. В приводимой считалке привлекают к себе внимание ее последние два стиха:

Алла-билла даьлий
Алла-билла боги,

Хабар харца сели.
Неправду говорящий сели.

*В ингушском языке есть словосочетание «алла-билла», в смысл которого никто не вникал, считалось: так себе, набор ничего не значащих слов. Когда человек о чем-то просит, но ему отказывают, говоря, ничего из этого не получится, а он, тем не менее, настаивает и говорит. «Если скажут «алла-билла» и тогда не получится? (алла-билла аьлча а хIама хургдац?). На этот вопрос отказывающий отвечает: «Даже если скажут «алла-билла» и тогда ничего не получится» (алла-билла аьлча а хIама хургдац). В этих фразеологизмах слова «алла-билла» в народе воспринимаются в смысле «если очень попросить». Последний стих считалки (Хабар харца сели) сказительницей осмысливался так: «Неправду говорящий селе (дагестанец)». Недоумение вызывают, во-первых, как бы не к месту после слов «алла-билла» употребление слова «даьлий» – боги, и второе, почему вдруг дагестанец оказался обманщиком. В результате анализа и догадок напрашивается предположение, что смысл этих приведенных двух последних стихов считалки: «Алла-билла даьлий» и «Хабар харца сели» надо понимать в следующем значении: «Алла, Билла» – боги, а бог Села – обманщик», **что Алла, Билла не какие-то бессмысленные слова, а имена каких-то богов и что «сели» (из песен) – слово, означающее не дагестанца, а грозного языческого бога Селу – бога неба, погоды, грозы и молнии.** То, что одной из функций бога Селы являлась погода, которая в горах крайне неустойчивая и нередко вместо ожидаемой ясной погоды грядет гроза и наоборот, могло послужить тому, что Селу иногда называли обманщиком и ничего странного в этом нет, поскольку с языческими богами были довольно панибратские отношения. Напротив, **Алла и Белла осмысливаются как боги, которые верны своему слову, что сказанное ими обязательно должно исполниться.** Вышеотмеченное впервые нашло отражение в моей монографии «Устное творчество вайнахов» [76]. Однако ждут своего прояснения следующие вопросы: поскольку Алла-Билла произносится как одно наименование, но названы они богами – мы имеем в наличии одного или двух богов; каковы функции этих богов (или бога). Насколько широк ареал распространения этих имен (имени) в народной среде; каков генезис этих богов (бога). В ингушском горном ауле Гарак Ч. Ахриев*

записал ингушскую сказку «Черкес-Иса и Чеченец-Иса». Сказка прославляет мужскую дружбу.

С названными двумя побратимами случаются разные приключения вокруг сказочного мотива обретения невесты. Все их дела и поступки совершаются по наущению двух горных духов: один – Алла-белла, а второй, – Бельбас. В своих странствиях герои останавливаются в пещере, «хозяином» которой является невидимый дух Алла-Белла, ему принадлежит роль покровителя тех, кто останавливается на ночь в его пещере, Бельбас же живет где-то невдалеке и предстает вещуном. По просьбе Аллы-Беллы он в первую ночь вещает о том, как женится один из двух названных героев. В другую ночь он предсказывает, почему и как окаменеет один из верных друзей. В третью ночь Бельбас вещает, как можно будет оживить окаменевшего друга.

Это произведение является типичной ингушской сказкой. Ее варианты представлены и в современном ингушском фольклоре. Для нас интерес представляет то, что в сказке действуют ингушские добрые демонические божества, одно из которых, Алла-Белла, выступает в роли охранителя и покровителя своих гостей, другое, Бельбас, выступает в роли провидца и доброго предсказателя. Не исключено, что Ч. Ахриев при записи этих непонятных ему имен невольно допустил путаницу. Возможно, что переговаривались Алла и Белла, что второй (в эргативном падеже) – Белла мог превратиться в Бельбас. Во всяком случае бесспорно, что имена Алла-Белла в сказке присутствуют, хотя они и являются героями мифов, а не сказок. В моей записи «О чем говорили вочаби» (в 1974 году рассказал Джабраил Цуров, 84 лет, житель Джераха, [70] вместо Алла, Белла действуют покровители диких животных «воачаби». Содержание текста сводится к следующему:

Охотник Итар подстрелил тура и услышал перекличку двух невидимых существ **воачаби** *– хозяев туров, которые, как и люди, использовали своих туров для молотьбы зерна. Оказывается, когда один из воачаби, бравших взаймы туров-молотильщиков, после молотьбы отогнал их обратно к их хозяину – другому воачаби, то одного тура хозяин не досчитался, потому что Итар его подстрелил, за что воачаби его и проклял. Подобный текст о перекличке хозяев зверей по такой же причине имеется и у грузин в записи Е. Вирсаладзе.*

Мифического характера предание «В пещере» (записано Рамазаном Цуровым от жителя аула Джерах М. А. Цурова; находится в архиве ИнгНИИ). В нем повествуется о том, что некие охотники вынуждены были заночевать в одной из горных пещер. Прежде чем войти в пещеру, старший из охотников произнес, что они доверяются Всевышнему, а также и духу этой пещеры. Ночью сквозь сон охотники слышат перекличку духа пещеры с каким-то другим отдаленным духом, зовущим на какую-то свадьбу. Однако

*дух пещеры отказывается идти, сославшись на то, что у него в пещере находятся гости, которые доверились Богу и ему – духу пещеры. Охотники утром покинули пещеру, решив, что это переговаривались добрые джинны. В этом древнем мифическом тексте видно исламское влияние. Исследователь Е. Шиллинг в статье «Ингуши и чеченцы» [218, 14] приводит другой ингушский текст, во многом идентичный ранее приведенным. В нем вместо Алла, Белла, воачаби, джиннов добрыми духами-покровителями выступают «**терымы**» – невидимые двойники человека (от слова «тара» – схожий).*

*В ингушских колыбельных песнях первый стих непременно звучит так: «Оли-ии, боли-и-и, долала-а...» («Оли-и-и, Боли-и-и, приходите»). Заканчивается песня таким стихом: «Оли-и, Боли-и, да-а...». Совершенно не исключена возможность того, что в приведенном первом стихе мать приглашает духов-покровителей «Оли», «Боли», в которых легко узнать уже известных Алла и Белла, прийти и охранять ребенка, уложенного спать. Известно, что в далекие времена была высока детская смертность и потому с детьми было связано множество различных магических действий, обрядов, заговоров, которые были призваны оберегать детей от всевозможных напастей. Обычно духи-персонажи низшей демонологии (вне зависимости от того, положительные они или отрицательные) стоят в классе «д». Например, «тарам да», «цIол да», «гIам да», «гIарбаш да», «шайтIа да» и т. д. То, что духи (или божества) Оли (Алла) и Боли (Белла) в колыбельной песне стоят в классе «д» (говорим «долала-а»), вновь позволяет нам предполагать, что речь идет о представителях демонической мифологии, призванных, по всей видимости, выполнять оберегового функции. Исследователи мифологии народов Кавказа часто и справедливо приходят к выводу, что у этих народов в прошлом была во многом религиозная единая основа. Восходит она и к генетическим истокам, также является и результатом контактов, при этом не обязательно принадлежать к кавказской языковой группе – достаточно быть древнейшим насельником Кавказа. По нашей теме, к примеру, можно привести соответствия с ингушским Алла и Белла данные из народной обрядовой поэзии кавказских народов: балкарцев, карачаевцев и осетин. Так, у балкарцев и карачаевцев в прежние времена «... священник брал правой рукой левую ладонь жениха, а левой рукой – правую ладонь невесты и предрекал им в будущем счастливую, долгую жизнь. Затем исполнял песню, смысл которой из-за наличия в ней архаизмов нам не очень понятен. Возможно, она дошла до нас не в полном объеме: **Ал Халасы, Бал Халасы**... [245, 107].*

Первые два стиха из приведенной песни настолько древние, что как отмечает сам автор исследования, их смысл «не очень понятен». Мы же осмелимся, исходя из наших ингушских реалий, предположить, что в данном случае названный священник взывал

к божествам Ал и Бел, которым вручал молодоженов и просил им покровительства, подобно тому, как ингушки это делают при исполнении колыбельной песни. Нечто подобное мы находим и у осетин. Например, К. Хетагуров свое стихотворение-колыбельную озаглавил «А-лол-лай», несомненно, взяв эти слова-припевы из народной колыбельной песни. В этом припеве также проглядывает божество-покровитель «Алла». Остается открытым вопрос: почему божество «Ал» у некоторых народов приобретает и совершенно противоположные функции – становится вредоносным. Например, «Али» – грузинское, «Алы» – армянское, «Ал паб» – лезгинское. «Аларды» и «алон-билон» – осетинское и т. д. Одним из объяснений может служить то, что под влиянием различных причин некоторые языческие боги в определенный момент могут принимать совершенно противоположные функции. К примеру, у генетически близкородственных индусов и иранцев одни и те же «дэвы» имеют противоположную характеристику: у первых они являются положительными божествами, у вторых – вредоносными мифическими существами. То же самое могло произойти и с божеством «Алла». Под влиянием монотеистических религий древнейшие мифические божества нередко переходят в разряд вредных существ. Из приведенной ингушской считалки, фольклорной записи Ч. Ахриева, явствует, что «Ал» с прилагательным «Бел», вместе или раздельно, предстают духами (божествами низшей мифологии) – покровителями, оберегают путников, детей и др. Так же они предстают предсказателями человеческой судьбы. Вероятнее всего, повторяем, «Алла» восходит к шумерскому «Алад» (позднее вошедшему в аккадский религиозный пантеон), который у них являлся добрым гением-хранителем человека, отдающего себя под их покровительство: «Бел» («Бел», «Бол»), вероятнее всего, восходит так же к аккадскому названию бога от понятий «владыка», «господин». «Бел» выступал у аккадцев и как самостоятельный бог, и как самостоятельный эпитет к добрым божествам. Полнейшая идентичность и в названии, и в функции древних шумеро-аккадских божеств Алад и Бели и духов покровителей некоторых кавказских народов, и прежде всего ингушей, позволяет прийти к выводу: религиозная традиция народов древних цивилизаций Передней Азии была родственной (если не единой) предкам кавказских народов и имеет весьма почтенную историю, по письменным источникам восходящую, по меньшей мере, ко второму-третьему тысячелетию до н. э. К тысячелетним традициям Ближнего Востока, по всей видимости, восходят и такие ингушские понятия, как «дяла», «малх», «ерд», «магIа», «фар» и другие, изучение которых заслуживает отдельных исследований.

Надо полагать, что столь знаменитый ученый, как В. Абаев, настолько поддался идее «аланы – предки осетин», что даже про-

стой фразеологизм «аллон-биллон» принял за древнейший этноним, не разглядев здесь древнейшую общекавказскую (возможно, и передневосточную) мифологему. «Аллонистами» в пылу упоения не была даже замечена тысячелетняя асинхронность зарождения эпоса и явление на арену истории малоизученных алан.

Не логичнее ли предположить, что «уаиг» в «аллоне-беллоне» почувствовал кавказского автохтона?

* * *

В осетинском эпосе, и только в нем, главные герои, когда возникает в этом необходимость, прибегают к употреблению **хатиагского языка**. О нем имеются исследования (догадки), но они совершенно не проясняют этимологию этого языка.

В ингушском эпосе этот язык не упоминается, но в их преданиях присутствует некий «хьаргIий мотт» – «язык ворона» (в дословном его переводе). Коротко остановимся на сюжете предания.

Дударовы умыкнули некого юношу и содержали его в темнице. Они надеялись увезти и выгодно продать его. Тем временем некая старуха проходила мимо той темницы. Заключенный обратился к ней с просьбой передать невдалеке живущим родственникам Матиевым: «Завтра меня повезут по такой-то дороге. Пусть Матиевы устроят засаду. Я дам о себе знать языком ворона». Старуха, надеясь на вознаграждение, все это дословно передала. Была устроена засада. В темноте зазвучал «язык ворона». Разбойничья шайка была обнаружена: сыновья Дудара были уничтожены и обезглавлены. Дудар же вынужден был уйти жить за реку Терек.

Нет даже попыток объяснить этот «язык ворона» (хьаргIий мотт). Это какой-то язык «арго». Был у ингушей когда-то охотничий язык, но он мало чем отличался от разговорного: в нем лишь табуизировались слова «охота», «ружье», «название объекта охоты» и т. д. Но этот язык не был «языком ворона». У некоторых «изолированных» народов этнографами было замечено, что существовали у них т. н. языки криков или свистов... Но эти «языки», способные передавать звуки на дальние расстояния (например, с горы на гору через ущелья), были общеизвестными и не являлись таинственными.

Слышится какое-то созвучие между словами «хатиагский», осетинским, и, «хьаргIий», ингушским. Известно, что как в эпосе ингушей, так и в эпосе осетин, немало общих мотивов.

Возможно, права Т. Дзокаева, видящая в осетинах (и в их эпосе) автохтонные корни, когда об «хатиагском языке» пишет:

«Это была некогда территория (северокавказская. – *И. Д.*) народов, связанных каким-то общим (хатиагским) языком. В те отдаленные времена, возможно, он был самым настоящим разговорным языком. Но в мифах он стал символическим» [242, *198*].

СОСКА СОЛСА

Еще Ч. Ахриев отмечал, что имена местных нартских героев чаще всего состоят из двух слов. Первое из них является именем отца героя, а второе имя означает его самого. В пример он приводит имя «Соска Солса» и поясняет, что «Соска» – имя отца (отчество), а «Солса» – имя его сына. Согласно русским языковым нормам имя этого нартского героя должно было звучать «Солса Соскович». В отличие от русского языка в ингушском отчество ставится на первое место. Именно по такой конструкции звучат имена и других ингушских нартских героев, например: Села Сата, Хамчий Патар-за, Оршамара Арш, Боткъий Ширткъа и др., в которых отчество стоит на первом месте.

Нартоведы разных национальных версий эпоса не раз пытались этимологизировать имя героя, звучащее – Сосруква (у адыгов и абхазов), Сослан или Созруко (у осетин), Соска Солса (у ингушей). В результате – имеется много догадок, но нет ни одного более или менее убедительного мнения. Остановимся на некоторых наших предположениях.

По сравнению с этими догадками наши дальнейшие изыскания имеют совершенно другие выводы.

Известнейший нартовед В. Абаев отмечал: «Но абсолютно исключено, чтобы термин «нарт» или собственные имена Сатана, Урызмаг, Сослан, Созрыко, Батрадз, Сырдон и др. появились независимо в разных местах. Каждое из них, вне всякого сомнения, возникло в одном определенном месте, у одного определенного народа и отсюда уже распространилось среди других народов!» [224, *35*].

Приведенный тезис неоспорим. Но вслед за ним, естественным образом, возникает вопрос: где это место? В. Абаев видит его в осетинской среде. Нартоведы других северокавказцев оспаривают это мнение. В связи с этим вопросом на ингушские реалии никто и не обращал внимания.

Далее Абаев, касаясь этимологии имен Сосруко и Сослан, пишет: «...тот, кто разъяснил бы элемент Соср в слове Сосрыко, оказал бы немалую услугу нартским исследованиям» [224, *27*]. Тут Абаев к этим героям не причисляет ингушского Соска Солсу. Видимо, чутье ему, наверное, подсказало, что при внешней схожести этих разных имен, ингушское имя не должно стоять в их общем ряду, поскольку оно во многом своеобразно и обособленно, о чем речь пойдет ниже. Но тут, возможно, и простое игнорирование имени Соска Солса, поскольку и Абаев, и Дюмезиль единогласно утверждали, что ингуши заимствовали имя Соска у адыгов (от Сосруко), а имя его сына Солса у осетин (от дигорского Сослан) [224, *85*]. Эта антинаучная идея была подхвачена другими осетинскими исследователями Т. Гуриевым [60], Ю. Галгойти [46] и др.

И Абаев, и Дюмезиль являлись крупными учеными с мировым именем, вместе с тем просто поразителен их совершенно бездоказательный подход к объяснению ингушского имени Соска Солса: делать столь значимый вывод на одном лишь далеком и туманном созвучии некоторых звуков (например, «ко» и «къа») крайне непрофессионально. Несуразность таких предположений очевидна хотя бы потому, что, во-первых, не объясняется, почему ингуши вынуждены были заимствовать эти имена, якобы дружно соединившись вошедшие в состав имени своего главного героя и, во-вторых, если бы вдруг и заимствовали, то почему по частям и к тому же от разных народов? Имя Соска Солса является специфически ингушским, хотя его генетические корни могут быть возведены и во внеингушскую среду, но не в адыгскую или осетинскую.

В нартских исследованиях народов Кавказа присутствует проблема: кто же является отцом Солсы (Сосруко, Сослана...) и почему чаще всего Сата является его побочной матерью. Вторая проблема нашла отражение в разделе, посвященном Сате, т. е. ее такая роль продиктована двойственностью героини: она и богиня, она же и нартская героиня. Отцом же Солсы чаще всего выступает некий анонимный юноша (часто пастух). В кабардинском эпосе он назван Сосом, в абхазском – Зартыжем, Соси – в ингушском, Нартби – в балкаро-карачаевском эпосе и т. д.

Тема незаконнорождённости героя особенно остро стоит в абхазо-адыгских версиях эпоса и тут этого героя часто называют «коровьим сыном», т. е. сыном пастуха, что намекает на безродность или на его неблагородное происхождение.

В абхазо-адыгских и осетинских версиях нартиады наблюдаются парадоксальные явления: Сосруко, по единодушному утверждению их исследователей, является главным среди нартских героев и в то же время нарты ненавидят его и предательски убивают. Нарушается всякая логика: восхваляется как положительный герой – средоточие высших идеалов, и в то же время он враждебен и уничтожается как нартский враг. Создается впечатление, что в их среду герой попал извне. Даже внешне он отличается от других нартов: смуглый, рыжеусый, два зрачка в одном глазу, колченогий. Это у адыгов. А вот как описывается его портрет в осетинском эпосе: ступни ног ставит вкось; глаза, как обода сита, в одном глазу два зрачка, борода торчит в стороны, словно иглы ежа [185, *60*]. Он является представителем другой эпической среды, и это настойчиво подчеркивается.

Такое нелогично двойственное отношение к главному нартскому герою у ингушей отсутствует. У них идеализация Солсы выдерживается вплоть до всеобщей гибели нартов.

Ингушский Солса, как его двойники в других национальных версиях, предстает главою нартской дружины. Он идеал времен «военной демократи». Сегодня кажущиеся не совсем идеальными некоторые его поступки оправдываются именно идеологией того

времени. С этой поправкой образ героя безупречно идеализирован в местной среде и потому в ней идеализация Солсы выдерживается до конца. Другое дело во внеингушских версиях. В них видны конфронтация между нартами и этим героем. Постоянно слышны упреки в адрес его происхождения. Все вышесказанное позволяет предположить, что герой изначально принадлежал другой среде и потому отношение к нему оппозиционное, завершающееся враждебностью и в итоге – убийством героя. Конечно, главный герой эпоса может погибнуть ради какой-то великой цели, это только усиливает его героизацию, но совершенно «антиэпично», что главного героя губят его же собратья по ремеслу, а также иногда и по крови. Отторжение Сосрыквы имеет место во всех адыгских (включая и абазинскую) версиях. До крайних пределов отторжение доведено в абхазской версии. Осетинский Сослан менее враждебен нартам, хотя и тут они его губят. Вообще, в осетинском эпосе образ Сослана несколько снижается за счет более щедрой идеализации Батрадза.

Трудно ответить на вопрос: почему в ингушском эпосе Солса идеален без всяких упреков, почему в версиях Нартиады других народов идеализация этого героя не выдерживается до конца и нарты его губят практически ни за что. Мотивация гибели героя крайне слаба.

Особенностью осетинского эпоса является то, что имя одного из их основных героев звучит по-разному: **в иронской среде *Созруко*, а в дигорской среде – *Сослан*.** Можно ли при этом считать их эпос единым?

В. Абаев, а вслед за ним и Т. Гуриев, пытаются это объяснить весьма оригинальным способом, а именно: якобы первоначально у всех осетин был герой Сослан; затем имя это проникло в адыгскую среду и получило (по Абаеву) наращение «къуэ»; затем уже в форме Сосруко это имя вернулось к осетинам [2, *60*].

Получается, что эпос – это какая-то вещь, которую можно на время одолжить соседу, а затем вернуть назад, но уже в другом виде. Хорошо еще, что Абаев считает само имя Сослан не осетинского корня. Исследователь А. Аншба по этому поводу замечает: «Словом, во всех дореволюционных публикациях нартского эпоса осетин имя **Сосрыко** занимает основное место. Исключение составляют только записи в Дигории, где встречается только имя Сослан» [16, *116*]. Нартоведами замечено, что с публикациями осетинских текстов и исследований происходила следующая метаморфоза: в первичных публикациях преобладающим было имя Созрыко, а вот в последующих все чаще стало звучать имя Сослан. В этом видно стремление дистанцироваться от адыгского эпоса и приобрести свою национальную особенность; иначе как можно говорить о едином этносе, если у него нет единого (объединяющего) эпоса.

А. Аншба по-своему пытается объяснить эту разноголосицу осетинского эпоса. К вышеприведенной цитате он добавляет: «Уди-

вительно то, что с кабардинцами граничат дигорцы, а последние тоже не живут изолированно от иронцев, где главным героем, или одним из главных героев эпоса выступает скорее **Созрыко**, чем **Сослан.** Возможно, что соседством дигорцев и кабардинцев как раз и объясняется отсутствие у дигорцев имени **Созрыко.** Ведь именно между ними чаще возникали враждебные столкновения из-за земли, пастбищ и скота» [16, *116*].

Натянутое и неубедительное «доказательство» – оказывается виною всему являются какие-то частные межэтнические споры, царившие по всему Кавказу.

Получается, что взаимная неприязнь толкала дигорцев на обособление себя от кабардинизированной формы имени главного героя эпоса. Но ведь подобные межэтничные споры возникали у кабардинцев не только с дигорцами, а и с иронцами, но последние все же предпочли имя Созрыко.

Довольно странно, но, тем не менее, в осетинском эпосе имеет место случай осмысления героев Созрыко и Сослан, как самостоятельных героев-сподвижников с разными именами. Так, в осетинском сказании «Как собрались убить старого Урузмага» сказано:

«Нарты Созрыко, Сослан и Батараз отправились в дальние страны» [156, *237*].

Тут эти названные герои равны между собою и действуют каждый сам по себе. Осетинский Сослан предстает загадочным персонажем. И, по-видимому, прав был В. Абаев, когда писал, что имя Сослан «по происхождению своему оно вряд ли осетинское» [2, *28*]. Исследователь также предполагал, что это имя «по всей видимости, тюркского (ногайского) происхождения» (*Абаев В. И.* Избранные труды. Владикавказ, 1990. С. 210]. Ему же принадлежат предположения, что с ногайского основа «**Сос**» приближенно обозначает или «желчь» или «суровый вид».

Возможно, к объединению имени Сослан ближе подошел Ж. Дюмезиль. По его предположению, имя Сослан «связано с осетинским названием жаркого времени года – (дигорское. – *И. Д.*) SOS – æ (ирон. svs æ h – и сочетается с названием месяца, соответствующего июлю» [85; 86].

Тут наблюдается перекличка ингушской и осетинской календарной обрядности. Так Асланбек Базоркин еще в 1875 г. в своем произведении «Горское паломничество» [24] описывает моление ингушей на Столовой горе у трех святилищ Мятцяли, Мятар-даьла и Сусан-ерда. В последнем из них молились почему-то исключительно женщины. Само моление происходило в конце июня. Это моление и осетинское «жаркое время года» происходили в период летнего солнцестояния. Святилище Сусан-Ерда было взорвано в 1944 г. сразу же после ингушского геноцида. Сохранилась лишь одна его стена. В этнографической литературе есть указания, что предки ингушей некоторые свои значимые праздники справляли совместно то с горными грузинами, то с осетинами. Это все наме-

кает на какие-то древние этнические связи. Вполне вероятно, что осетинское сос – сус, название месяца солнцестояния и ингушское Сус + *ан - дяла* родственные имена и были тесно увязаны с «макушкой» солнца и с самим этим светилом. Видимо Дюмезиль был прав, считая Сослана солярным божеством, в основе имени которого находится Сос. Этот тезис Дюмезиля является общепризнанным. Лишь только один А. Шортанов отрицал солярную природу этого героя [220, *19*], но тогда чем же объяснить, что у адыгского Сосруко имелся солнечный талисман и верх шапки у него являлся солнечным, – явное указание на солярную природу героя.

Имеются этимологии, возводящие основу имени героя к слову «камень». Вроде бы и логично, поскольку герой зародился в камне. Но тут будет к месту привести замечание Т. Гуриева: «В разных языках было обнаружено слово «сос» с одним и тем же значением «камень». По-осетински «сосдур» – *пемза*. Но эта народная этимология не выдерживает лингвистической проверки: корнем рассматриваемого имени следует считать *Сосл – (Соср), – Созр*, но никак не *Сос*» [60, *112*]. Словом «сос» адыги называют какой-то горный камень мягкой породы (поташ – ?), а осетины пемзу. В обоих случаях такие мягкие породы не могут характеризовать этого стального героя, иногда питающегося кремнием, но тут уже, особо прочным камнем.

С другой стороны, заслуживает внимания замечание по поводу балкаро-карачаевского эпоса: «В сказаниях на этот сюжет («Сатана и Созрук». – *И. Д.*) всегда указывается, что камень, из которого родился Сосурук, был «состар» (балк.), «сослан» (карач.). «Состар-Солсан» в карачаево-балкарском языке имеет два значения: 1 – гранит, 2 – большой речной валун» [154, *632*]. Звучит довольно убедительно соотношение имени героя с названием камня. Скорее всего тут мы имеем совпадение разных имен и, по-видимому, все же верно приведенное выше суждение Гуриева, что «эта народная этимология не выдерживает лингвистической проверки» [60, *112*].

Об имени главного героя Нартиады имеются и некоторые другие любопытные предположения. Например, С. Рагуленко в своем исследовании, посвященном мотиву рождения героя из камня, присутствующем не только в кавказской Нартиаде, акцентирует особое внимание на камень, который, по его мысли, является связующим звеном между небом и землей и заключающем в себе огненную силу и зарождение жизни [240, *101*]. Автор приводит целый ряд предположений, но при этом часто голословных и неубедительных.

Ссылаясь на исследователей Л. Люлье и Л. Лаврова, Х. Кармоков сравнивает Сосруко с древнеадыгским умирающим и воскрешающимся богом Созырешем, которого затем он возводит к египетскому Осирису [115, *161*]. С Х. Кармоковым перекликается исследователь абазинского эпоса В. Меремкулов, который, кроме Осириса, называет еще Ра [143, *40*]. Этот вывод, при кажущейся

его эксцентричности, довольно любопытен, но малоубедителен. Вообще-то в абхазо-адыговедческой научной литературе иногда встречается обращение к древнеегипетским реалиям, но обычно они часто остаются на уровне предположений.

В. Абаев пришел к выводу, что в имени главного адыгского и осетинского нартского героя лежит основа **Соср**, которая еще никем не объяснена. В ингушском имени этого героя такая основа отсутствует, что позволяет говорить о разных основах адыгского и осетинского Сосруко и ингушского Сеска Солсы. Мало того, в процессе дальнейшего анализа мы склонны считать имя этого ингушского героя, как бы состоящее из имени отца (Соска) и имени его сына (Солса); но на самом деле оно **составляет симбиоз имен двух героев, имеющих разные корни,** но не таких (согласно дюмезиле-абаевской концепции), как адыгский Сосруко и дигорский Сослан, о чем уже было сказано.

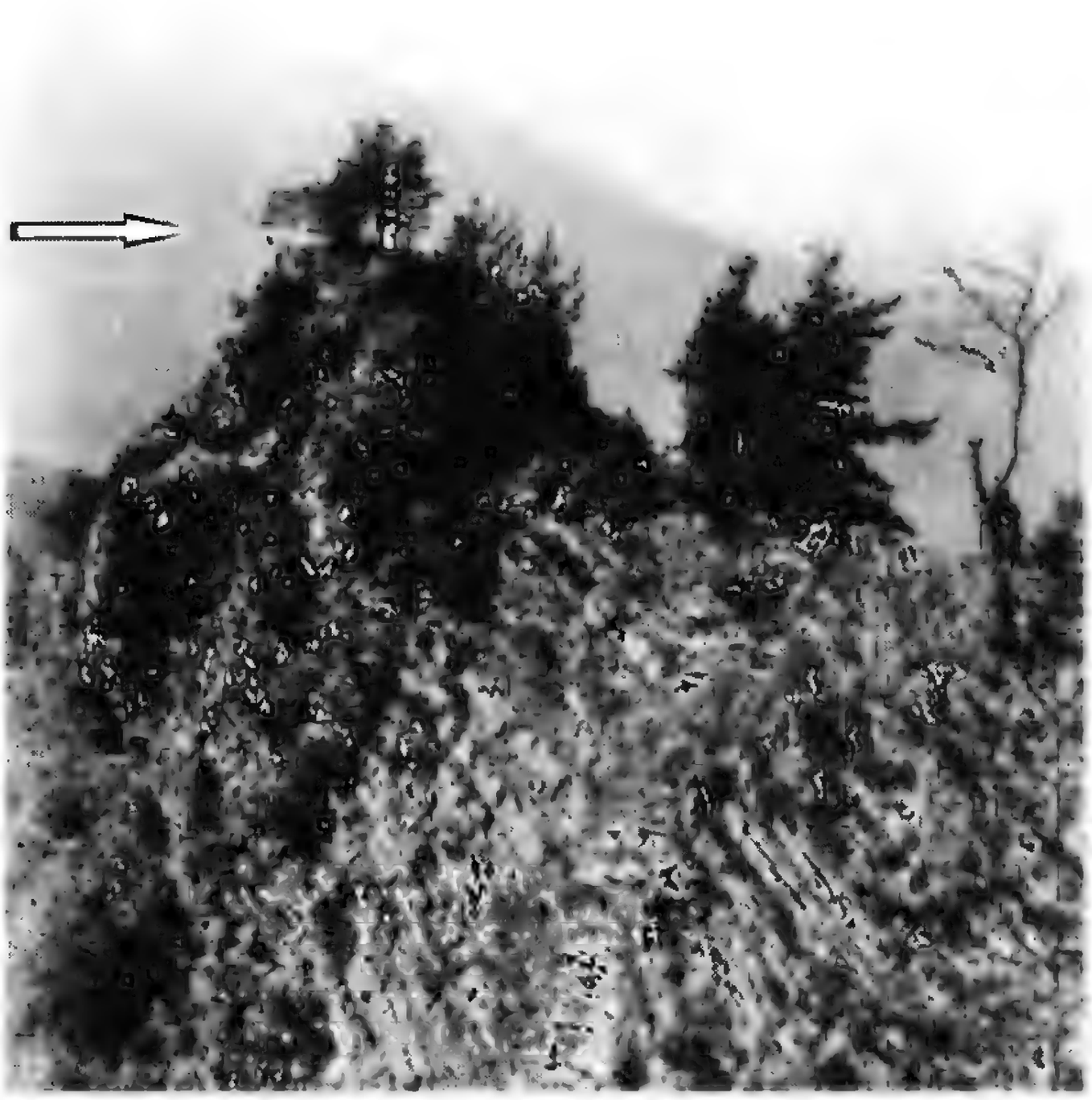
Чтобы проникнуть в генезис какого-либо слова, надо сначала проникнуть в его основу, восстановить его первородное звучание. Сегодня ингуши говорят и пишут **Сеска**, через **е**. Однако здесь мы имеем дело с позднейшим звучанием. Здесь самое время обратиться к авторитетному заключению Ч. Ахриева, сделанному им в 1875 г.:

«В тексте некоторых ингушских сказаний у меня различно написаны имена героев. Так, например, в одном месте значится Баркум, а в другом – Баркум. То же самое следует заметить об имени Батоко Шертуко и Ширтга. Это произошло от того, что сказания мною записывались в различных местах, т. е. в горах и на плоскости: в горах говорят Баркум, а на плоскости Барким; также в первой местности – Соска, а в последней – Сеска... Вопрос: какое наречие чище – плоскостное или горское? Назрановцы считают свое наречие чище и деликатнее, поэтому относятся к горскому говору с насмешкой и презрением. Но, конечно, горское наречие чище, самобытнее, на него меньше имели влияние посторонние наречия» [22].

Естественно, что в исследованиях ингушского эпоса необходимо придерживаться формы **Соска**, в текстах же необходимо сохранять те формы, которые звучали при их записи. Кстати, во всех записях Б. Далгата звучит именно горская (по Ч. Ахриеву) форма Соска.

Заранее заявив, что Соска Солса не является одним именем, а состоит их двух разных соединившихся в симбиоз имен, целесообразнее будет имя Соска и имя Солса рассмотреть раздельно. Упреждая дальнейшие рассуждения, сразу же привожу путь этого исследования; генетическая цепь имени Соска Солсы выглядит в следующем виде: поклонение огню и солнцу (зороастризм), затем – поклонение Михре (Митре), следом уже идет христианство. Надеюсь ниже обосновать эту цепь построения.

В силу исторически сложных и длительных условий проживания по Кавказскому хребту, по его южным и северным предгорьям,



На самой вершине горы Зогал-дук видна задняя часть святилища Соска-Солса-Ерда
Фото конца XIX в., до разрушения святилища землетрясением

когда-то занимая территории Пшав-Хевсуретии (Марр), Двалетии – Южной Осетии (Вахушти Багратиони, Гамрекели), Горной СО–Алании (Туганов, Семенов) и оставшуюся часть сегодняшней территории предки ингушей, входя в бывшее государственное образование Дзурдзукетия, имели длительные довольно тесные связи с многонациональным Кавказом и даже за его южными пределами (Дьяконов, Дешериев и др.). Поэтому материальную и духовную культуру ингушей невозможно представить без их связи с регионом, начиная от Иранского нагорья и доходя до стеной зоны Северного Кавказа. Также нельзя обойтись и без христианского влияния Византии.

Отец ингушского героя по имени *Соска* сближается с адыгским *Сос*рыквой и осетинским *Сос*ланом. Здесь видится родство этих героев, поскольку в основе их имен лежит один и тот же формант *сос*. Адыгское *Соср* и осетинское *Сосл* можно признать родственными, поскольку их конечные сонорные звуки «р» и «л» имеют тенденцию к взаимозамене. А в ингушском **сос** конечное **р** или **л** было вытеснено суффиксом принадлежности «**ка**». Но само имя главного ингушского героя **Солса** видимо не имеет отношения к ранее приведенным именам. Сходство их первых двух звуков («со») ни о чем еще не говорит.

Судьба эпических героев часто проделывает немалый путь. Прежде чем вплотную обратиться к этимологии имени **Солса** окунемся в далекую глубь веков.

Во всей Нартиаде Солса и его собратья Сосруко, Сосруква, Сослан... рождаются из камня. Тысячелетиями камень служил главным орудием для человечества. Освоив огонь, научившись плавке металла, который на первых порах был слабее камня, человек, ударив металлическим предметом по камню, замечал, что из него высекаются искры. Так было освоено огниво. По понятиям древних, в камне обитало какое-то живое огненное существо. Тут легко было по первобытной логике прийти к суждению, подобно тому как из руды (камня) выплавляется металл, так и из камня же мог быть извлечен металлический и огненный человек, – ведь не зря нартские главные герои рождаются раскаленными и затем их обычно или окунают в воду (по их же просьбе), или катают по снегу. Известно, что кремень, при ударе по нему, выделяет много искр. Поэтому в местных сказаниях не зря подчеркивается, что герой был изъят именно из кремния.

Л. Семенов в своей работе «Фригийские мотивы в древней ингушской культуре» [182] подробно остановился на связи Солсы с камнем. Он писал:

«Нарт Соска Солса тоже родился из камня. Если мы проследим жизнь этого нарта от его рождения и до самой смерти, то убедимся, что камни и скалы в его судьбе имели огромное значение. В самом деле он родился из камня, став богатырем, он жил в горной обстановке – среди утесов и гор, совершал подвиги, испытывая свою силу. Он разрубал своим мечом камни и скалы, а когда почувствовал приближение смерти, то, став на колени на большой камень, молился за грехи своего народа; он молился так долго и усердно, что на этом камне сохранились выемки – следы от прикосновения его лба и рук; весь день он ничего не ел и не пил, а когда завершил вечерний намаз, то умер. Народ чтит этот мшистый камень; по преданию, когда следы нарта на камне сотрутся полностью, народ избавится от всех своих недостатков. Таким образом, вся жизнь названного нарта, от начала до конца, неразрывно связана с камнем – явное доказательство культа камней у ингушей».

Еще Псевдо-Плутарх [225, *157*] и Павсаний [226, *575, 576*] зафиксировали фригийский миф о рождении Диорфоса из скалы. О чудесном рождении потомка Мифры писал В. Ф. Миллер [227, *89*], опираясь на труд Н. С. Трубецкого [228, *346–349*].

Исследователь В. Г. Арзинба мотив рождения героя из камня приблизил к Кавказу, считая его восходящим к хурритам и урартам [229, *157–158*].

Впервые в местной историографии на этот древний сюжет обратил внимание М. М. Базоркин. Опираясь на сюжет о рождении Соска Солсы, он писал:

«Данный сюжет «рождения от скалы» из приводимых ниже кавказских вариантов имеет очевидные параллели со сведениями древних авторов об иранском Митре. Но прежде всего надо упомянуть Псевдо-Плутарха (I–II вв.) с его мифом о Мифрасе (Митре) и его

сыне Диорфе, который, несомненно, послужил первоисточником для создания кавказских вариантов. Вот что у него говорится:

«Мифра (Митра. – *М. Б.*) хотел иметь сына, но так как он ненавидел женский пол, то пустил свое семя на скалу, которая стала беременной и после определенного времени родила ему сына по имени Диорфа...» Это один из древних догматов «непорочного зачатия» (божества земли Диорфа)» [25, *44*].

Кто же этот Митра-Михра? Это древний бог индо-иранцев, наибольшее развитие получивший в древней Персии (у мидийцев и магов). Его функции были многообразны. Одним из ведущих было – божество солнца, один глаз этого бога считался солнцем; также это божество считалось и богом победы.

Это божество по-персидски приблизительно звучит Михр-Мифр. В середине имени присутствует специфический древнеперсидский звук, который близок к сочетанию звуков «**ф**» и «**х**». Этот звук римляне и греки передали через «т» и в результате имя этого бога в научной литературе зазвучало в европеизированной форме – Митра. Но в данном случае мы будем использовать звучание Михр, как наиболее близкое по звучанию к первоисточнику и как под таким звучанием внедрившееся в прошлом на кавказскую почву, но в несколько измененном звучании – марх. Так стали называть солнце, ведь божество Михр является прежде всего божеством солнечным. Например, грузины и вайнахи (ингуши и чеченцы) еще до христианских времен весенние посты, связанные с солнцем, и сегодня одинаково именуют словом «марх». Ингуши и сегодня пост (правда уже исламизированный) называют «марх кхаба» (что дословно обозначает –«кормить солнце». Словом «марх» аккинцы (бывший диалект ингушского языка) вплоть до недавнего времени называли солнце. Из-за свойственной вайнахским языкам имеющей место взаимозаменяемости сонорных звуков «**р**» и «**л**» это слово в ингушском и чеченском языках теперь звучит «малх», хотя словосочетание «марх кхаба» в этих языках сохранилось в его первичном звучании.

Культ Михры (Митры) в начале нашей эры получил широкое распространение по всей тогдашней ойкумене, в том числе и на предков местного края. Но ранее этого у ингушей был свой солнечный бог по имени **Ткъа**. У некоторых народов (например, египтян, персов и др.) солнце виделось в форме диска, несомого крыльями. Наверное, мыслилось, что по воздуху двигаться без них невозможно. Так же и ингуши мыслили своего бога. Называли его «**Ткъамаж-ерда**». Ткъам – по-ингушски «**крыло**», «ткъамаж» – его множественное число. По-русски имя этого бога можно приближенно назвать «Крылатый бог». Это его описательное название, а подлинное звучит в форме «**Ткъа**». К его имени относится и архаизм «**текъа**» – молиться. Подобно тому, как русские сказки начинаются со слов «жил-был» ингуши сказочный зачин начинают словами «вахаш-текъаш», в переводе – «жил-молился». И крыло ингуши

называют **«ткъам»**. Древнейший бог Ткъа изображен на камне в ауле Эгикал: двадцатипалый человек с крыльями.

В этом до крайности абстрагированном пиктографе имеющаяся «скоба» на «шее» стилизует крылья. Имя самого бога зашифровано в двадцати пальцах – число двадцать по-ингушски звучит **«ткъо»**, также звучит и имя бога **«Ткъа»**. Перед нами идеограмма, которая прочитывается как имя древнейшего ингушского бога, предшествовавшего Михре-Малху.

Культ Михры особенное развитие получил у мидийцев – древнеперсидского племени, в этнических корнях которого находят протокавказские реалии. У мидийцев была хорошо известная религиозная община «магов». О совершении ритуалов огнепоклонничества магов В. В. Струве, ссылаясь на Страбона, сообщал: «... стоит алтарь, на котором много золы, и огонь поддерживают маги». Далее сообщается, что огонь неугасимый и перед ним ежедневно в час маги поют молитвы. На голове у магов войлочные тиары, с которых с двух сторон свисают покрывала. При молении маги в руках держат ветки [191, *27*].

А теперь обратимся к реалиям горной Ингушетии. Там, в Чулхоевском обществе на самой вершине горы «ЗIогалдукъ» (Острый хребет) стоит храм неплохой сохранности «Маги-Ерды». Посреди храма возвышается четырехугольный каменный куб – алтарь. В Ингушетии из многих сохранилось мало древних культовых сооружений, в которых имелся бы такой алтарь. В названии храма имеется два слова **маги** и **ерда.** Второе слово у древнеперсидских зороастрийцев означало «божество» и давно довольно прочно вошло в название многих ингушских культовых сооружений (ТкъобIаь-ерда, Iалби-ерда, ХIал-ерда, ТIумгIой-ерда, Хоаной-ерда, Кхоартой-ерда и др.). А вот первое слово **«маги»**, прозрачно намекает нам на термин «маг». Однако это самое **маги** по-ингушски звучит труднопроизносимо (даже для ингуша) – **«мIагIо»**. Не исключено, что именно так звучало название древнеперсидских магов, ведь звукосочетание «мI» очень редко звучит даже в самом ингушском языке.

Вблизи этого храма имеются руины башен **Маготе** (взорваны в 1944 году). В основе этого слова также лежит «Маго», а приращенный к нему суффикс «те» означает местоположение. Между башнями **Маготе** и храмом **Маги-ерды** находилось святилище **Соска-Солса-ерда.** Само оно разрушено, но сохранились фотографии.

Начиная с дореволюционных записей (Ч. Ахриев) и по сегодняшний день в Ингушетии произведена масса записей о Маго. Во всех записях он непременно предстает волшебником или чародеем, явившимся издалека (откуда – адреса даются разные). Он повелевает приносящей благодать белой змеею. Он держит взаперти вредоносную «звезду ветров». Последние два мотива можно признать международными. Например, в мифологии хевсур также присутствовала вредоносная «звезда ветров». А волшебная благодатная белая змея, совсем как у ингушей, была почитаема

у далеких сербов и также считалась покровительницей скота, урожаев и прочей благодати [90]. А сообщение о том, что у Маго имелась волшебная книга – не что иное, как позднее обнаруженный христианский псалтырь на грузинском языке, хранившийся в храме Маги-ерды. Все сказанное ничем особо не примечательно. Но вот само празднование этого «божества» и само его имя представляют интерес.

По замечанию Г. Вертепова, как и во всех ингушских праздниках, жрец бывал одет во все белое и держал при себе белое знамя с колокольчиками; а в ритуальной пище обязательно должны были присутствовать треугольные лепешки (божолгаш) [39].

По описаниям Ф. Горепекина [58] и Л. Семенова [179], празднество у Маги-ерды проводилось два раза – периоды зимнего и летнего солнцестояний. Зимою совершались обряды «пугания зимы», летом проводился обряд метания дротиков, назначение которого не совсем понятно. Все эти магические действия, приуроченные к двум периодам солнцестояния, и непрерывное поддерживание огня на алтаре храма напрямую указывает на поклонение взаимоувязываемых огня и солнца. На вершине, где стоит храм, беспрерывное поддерживание огня не создает проблем, поскольку вся местность окружена густым сосновым бором. Тут вновь уместно вспомнить указание В. Струве [191], что маги при алтарном костре находились в войлочных колпаках со свисающими покрывалами, видимо защищавшими их от огненного жара.

От столетиями непрерывно горевшего огня внутренность храма Маги-Ерды и сегодня еще покрыта густой сажей.

Напрашивается вывод, что древнеперсидское «**маг**», вошедшее во многие языки, и ингушское «**mIarIo**» (в русской транскрипции – «**маго**») являют собою один именной порядок. И здесь мы имеем место проникновения религии мидийцев в горы Ингушетии. Ведь **MIarIo** у ингушей является пришельцем, что постоянно подчеркивается. Влияние на местный край зороастризма в форме «магизма» указывает и слово Yerd (ерд) прочно вошедшее некогда в ингушскую среду. Это слово в значении бога сегодня сохранилось лишь у секты огнепоклонников парсов, живущих в Индии. Наследием зороастризма у ингушей являлось и то, что вплоть до недавнего времени у них тела умерших не предавали земле, а укладывали в специально построенные каменные усыпальницы. На эту нашу зороастрийскую особенность указывал еще этнограф С. Токарев [230, *333*].

Наследием мидийцев можно считать и фольклорное свидетельство о том, что в Ингушетии некогда жил народ **мида** и что у ингушей в ономастике имеется мужское имя **Мед** (есть целый род Медовых).

Известно, что мидийские маги в древней Персии в одно время проявляли тенденцию к посягательствам на шахскую власть, настолько сильно было их влияние. Вплоть до VI в. н. э. границы

Руины святилища Соска-Ерда, в котором молились полубогу и предводителю нартов. Согласно сказаниям, Соска Солса похоронен там же вместе с чародеем Маго (МIагIо).
Фото И. Дахкильгова, 1965 г.

Персидской империи, в ее северной части, проходили по северному предгорью Кавказского хребта. Анализируя древние источники, А. Генко пришел к выводу:

«... в середине VI в н. э., где-то на территории современной Ингушетии существовало сооруженное сасанидским царем значительное укрепление, снабженное, разумеется, соответствующей охраной, поддерживавшей, возможно, регулярные сношения с административным центром сасанидской империи» [55]. А. Генко предполагает, что такое укрепление находилось в Ассинском ущелье. Действительно, такие «ворота», замыкавшие это ущелье в районе Ассинской котловины, были обнаружены еще М. Энгельгардтом, который отмечал:

«К долине (Ассинской. – *И. Д.*), в одном из самых узких мест, примыкает каменная стена, спускающаяся с западной отвесной скалы вплоть до самой Ассаи (р. Ассы. – *И. Д.*), которая поворачивала между ней и крупным правым склоном. Только узкие ворота, защищенные башней, касались пешеходной тропинки и обеспечивали вход в расширение за стеной, от которой начинался округ Галга» [232, *105*]. Далее М. Энгельгардт сообщает, что через эти ворота люди могут проходить лишь по одному.

Подобные же заграждения обнаружены у аула Датых на Фортанге и на месте бывшего аула Эрш, на той же Ассе. Кладка этих укреплений отличается от местной архитектурной техники, что

согласуется с вышеприведенным выводом А. Генко о том, что еще в VI в. н. э. Ингушетия находилась в орбите древнеперсидского государства, что также подтверждает проникновение зороастризма в Ингушетию. Проникал он в форме религии магов. Как же быть с тем, что между Персией и Ингушетией находилась Грузия? Никаких противоречий тут нет. Зороастризм в форме религии магов в дохристианский период был зафиксирован и в Грузии, и, очевидно в форме магизма, поскольку его центр у грузин назывался **Могвта**, что вполне сопоставимо с ингушским аулом **Маготе** и находившемся при нем храме **Маги-ерды**.

Влияние древней Персии и, вообще, индоевропейских языков на далеких предков ингушей видимо было столь ощутимым, что известный лингвист А. Генко пришел к выводу: «Мы стоим перед фактом вероятного влияния на северокавказские языки, в том числе и на ингушский, каких-то иных индоевропейских и отличных от современного осетинского иранских наречий» [55]. Так, именно к ним ученый уводил древнеингушский архаизм «**фар**» – благодать, счастье, изобилие. Это слово присутствует во всех иранских языках и их диалектах. В древности ингуши среди пожеланий невесте произносили и такое: «Да будет у тебя **фар** (благодать) на рождение семи сыновей!». Птицу стриж (*по-инг.: мерцхал*) считали птицей, приносящей благодать, и она имела второе название – **фьра хьазилг** (благодатная птичка). По исследованию Н. Кислякова: «фравахары (духи. – *И. Д.*) при рождении человека входят в его тело, наставляют его на жизненном пути, а после смерти человека снова возвращаются в вечный мир» [233, *80*].

Исследователь Б. Алборов, справедливо сопоставляя иранских магов и ингушского Маго, далее в своем исследовании предполагал, что легендарные народы **дови** (деви) и **мида**, фигурирующие в автохтонных ингушских преданиях, являются иранцами [9, *22*]. С этими выводами В. Алборова согласуется и предположение А. Генко, что «... в середине VI в. н. э. где-то на территории современной Ингушетии существовало сооружённое сасанидским царем значительное укрепление» [55].

Предположения Б. Алборова и А. Генко, на наш взгляд, не лишены основания, чему мы находим косвенное подтверждение в ингушских преданиях и нартских сказаниях, а также в массе иранизмов в ингушском языке, явно проникшим в него из древней Персии.

В народе о мифических автохтонах **мида** имеется лишь констатация о якобы давнишнем их пребывании в нашем крае. Народ **дови-деви** представлен в нашем фольклоре. В сказаниях герои Барким и Бятар первоначально как бы мирно сосуществуют и живут с ними по соседству. Народ дови предстаёт враждебным. Он ростом высокий, но умственно ущербный. Ингушские нарты выступают против них или за обладание территорией проживания, или из-за того, что дови чинят беспредел, насилия и т. д. Не исключено,

Храм Маги-Ерды, в котором поклонялись божественному магу МIагIо – присяжному брату Соска Солсы. Оба похоронены при этом храме
Фото И. Дахкильгова

что ингушские дови это те же иранские и грузинские мифические злые великаны дэвы. Но не исключено и другое – ингуши каких-то своих давних врагов окрестили этим именем. Ингушский краевед Албаст Тутаев сообщал более столетия назад, что в доисламский период в среде ингушских священнослужителей имелись представители народа дови, и даже одного из них он назвал личным именем – Гаспи.

В предыдущих описаниях митраизма, зороастризма (магизма) прослеживается огромное влияние на ингушей религии могучей Иранской империи. Она оказала огромное влияние и на древнеримскую империю.

В III в. н. э. ее теснили алеманы (германцы) с запада, персидская Пальмира – с востока, египетская царица Зенобия – с юга. Император Аврелиан победил врагов Рима, но, кроме военной победы, необходима была и победа «идеологическая». Аврелиан с целью восстановить единство раздираемой язычеством Римской империи, в целях монотеизма, ввел культ персидского бога Митры. В империи в его честь повсеместно строились храмы. Митра был признан «солдатским богом» и по-латински величался «Соль ин виктус» – «Непобедимое солнце». Аврелиан также от митраизма заимствовал дату рождения Митры – 25 декабря, что позднее было переосмыслено в рождество Христово. То ли это идет от митраизма, то ли эта дата была исконно ингушской, но у них она называлась «Малх наьна керара боагIа» – «Солнце идет из материнского чрева». Чем не божественное рождество!

В результате анализа ряда фактов напрашивается вывод: **ингушское имя Солса имеет индоевропейские корни.** Приведем некоторый ряд имен солнца. **Сурья** – индийское, **Солнце** – славянское, **Саулес** – балтское, и, наконец, **Соли** (Соль) – латинское. Кстати, ингушское имя бога-героя пишем и произносим **Солса**. Мы уже отмечали, что при этимологии любого слова, прежде всего необходимо восстановить его звуковую первооснову. Почему-то от внимания исследователей ускользало замечание Ч. Ахриева, сделанное им к имени Солса в примечании к тексту о Колой-Канте: «Когда Солса произносится в родительном падеже, то между «л» и «с» слышится «ь» [23]. Таким образом, звук «л» смягчается, и имя героя звучало **Сольса**. Мы видим тут прямое указание на латинское **Соль**. Это важно особо отметить. Мы склонны считать это имя сложным – состоящим из «**Соль**» и «са», т. е. означающее: солнце и свет («са»). Сама ингушская основа «**соль**» хотя и ближе к латинскому «**соль**» – солнце, но не исключено тут и влияние славянского «**солнце**».

Вполне естественно возникает вопрос: как такие латинские или славянские влияния могли проникнуть на Кавказ? Первое, что необходимо отметить, Кавказ был как бы «проходным коридором». Многие народы шли через него и с юга и с севера, немалое число их находило здесь убежище и ассимилировалось среди местных этносов. По этому вопросу имеются мнения компетентных ученых. Например, В. Абаев отмечал: «Есть в горских языках общие слова с русским, свидетельствующие о каких-то давних связях между ними» [235, *20*]. Д. Мальсагов так же отмечал: «Взаимодействие между русскими и северокавказскими народами и их языками было чрезвычайно интенсивным с древнейших времен» [234]. Также исследователь В. Кобычев приводит сведение: «Арабский писатель Беладзори (Белазури) упоминает о славянах где-то в районе Северного Кавказа, они, по его словам, были захвачены арабским полководцем Мерваном в количестве 20 тыс. человек (по другой версии – 20 тыс. семей) и поселены в Кахите (Кахетии)» [116, *9*]. Л. Гумилев же склонен был считать их погибшими ругами (русскими) и норманами. Исчезнувших в многонациональной среде Кавказа людей вполне можно считать погибшими. Сообщение арабского писателя, ссылающегося на арабского же полководца, видимо, заслуживает больше внимания. Хождение в походы русичей совместно с норманами в древние времена было обычным явлением.

Римляне (латиняне) также не оставили Кавказ без внимания. Их полководец известный Помпей ходил походом по Кавказу, бывал в Кавказской Албании, в которой некогда проживали и вайнахи (гаргареи) [236].

Генуэзцы из своих причерноморских колоний проникали в глубины Кавказа. В горах общества Нашах вблизи озера Галай-ам имеются развалины крупного культового сооружения. По пре-

данию, его воздвигли ференги (европейцы) и не исключено, что это были генуэзцы. Далее предание сообщает, что пришельцы стали чинить произвол, в результате чего были изгнаны. Но вот в XVIII веке католики пытались проникнуть к этим развалинам. Так, П. Бутков сообщает: «В 1765 году в Киштинии (Ингушетии. – *И. Д.*) находились два католических патера. Комиссия иностранных дел велела их захватить, узнать откуда туда заехали (верно из Грузии), и не допускать впредь подобных патеров к проповеди в том народе» [237, *270, 437–438*]» Из дальнейших пояснений следует, что этих патеров интересовала какая-то их давнишняя церковь.

Известно, что и Помпей потерпел поражение от войск Октавиана и многие воины Помпея рассеялись; наиболее надежным убежищем для них мог быть Кавказ.

На Кавказ проникали и религии народов Междуречья, и из Персии (Мидии) и других мест. В этнических котлах вместе с автохтонами сплавливались и разного рода мигранты, приносившие с собой свою культуру. На местные культы насаждались и «пришлые» культы. Так, на древний ингушский храм, посвященный богу **Ткъа,** наложился митраизм: поскольку у Митры был один глаз – солнце, к имени Ткъа добавилось слово «глаз» – **бIа** и отсюда пошло ингушское наименование бога **Ткъа+бIа.**

Ранее мы останавливались на том, что на древние ингушские солярные культы наслоилась зороастрийская религия магов (Маги-ерда и т. д.). Но на этом процесс религиозных наслоений, как видно, не остановился – к чародею Маго с явлением христианства «присоединили» божество Соска Солса. Ф. Горепекин, многие годы занимавшийся ингушским краеведением, зафиксировал: «При жизни своей Маго был в большой дружбе с Соска-Солсой, который тоже похоронен рядом с Маго. После Маго остался сын Цикма, у него был сын Андре» [58]. Более подробные сведения оставил Л. Семенов:

«В Маготе имеется небольшая полуразрушенная часовня Соска Солса. Она начала разрушаться на памяти Б. Эльджаркиева (информатор Л. Семенова. – *И. Д.*), после землетрясения. По поверью, праведные люди, проспавшие ночь в этой часовне, видели вещие сны, благодаря которым местное население узнавало о предстоящем урожае, голоде и т. п. Святилища Маги-Ерды и Соска-Солса построены сыновьями чародея Маго... От святилища Соска-Солса, по преданию, излучалось сияние; ночью возле него бывало так светло, что можно было шить» [179, *74*].

Конечно же Соска-Солса представал божеством: он «сдружился» с более древним божеством Маго, специально для него было возведено святилище, в нем не только поклонялись ему, а и проводили разные гадания.

Весьма интересным и проливающим свет на этимологию имени Солса является приведенное сообщение о том, что от святилища Соска-Солса-Ерда «излучалось сияние». По-ингушски свет или

сияние, как известно, называется «са». Таким образом имя Солса в основе своей разложимо на Сол(ь) и са. По-русски приближенно звучит «солнечное сияние». В древности у ингушей было еще одно святилище, излучавшее свет; называется оно Саниба-Ерда и считалось одним из излюбленных мест проживания ингушских нартов. Там же находятся осетинами приписываемые им, ингушским нартам, склепы.

Б. Далгат, занимавшийся ингушским краеведением более ста лет назад, отмечал, что Соска Солса у ингушей считался «святым» [67].

В ингушском нартском сказании «Храбрый Пахтат» нарт Пахтат сражается с великаном. Первоначально бой идет у них на равных, но затем каждый из них поочередно восклицает: «Со толе ба даьла дошо Малх!» – «Бог золотое солнце за мою победу!». Как это напоминает девиз римских легионеров при Аврелиане: «Соль ин виктус!», «Победное солнце!». Наверное, не является случайным столь разительное совпадение в признании божеством победы Солнце и у римских легионеров и у ингушей.

Не с этими ли понятиями связано то, что божество Соска Солса, вернее (Соль+са) стало предводителем боевой нартской дружины? Скорее всего именно так.

По всей вероятности, к древнейшему Маго в процессе христианизации был причислен сначала Сос, а затем уже к нему – Сольса; в результате к Сос добавился суффикс «ка», означающий принадлежность; в данном случае: принадлежность Сольсы к Сос+ку; и тем самым последний со временем стал осмысливаться отцом Сольсы.

Соска Солса, как положительный герой в эпосе участвует и в божественных усобицах, – он дважды ранит бога грома, молнии, войны и погоды Селу. Громовержцы, такие как он, обычно являются древнейшими божествами. Можно предположить, что противостояние Селы и Соска Солсы есть проявление антагонизма между старыми богами и приходящими им на смену новыми богами.

Хотя, по моему мнению, ингушское имя Солса этимологически и отличается от имени Сосруко (ква), типологически же это один и тот же герой. Исследователи адыгского и абхазского эпосов поддерживают идею Дюмезиля и Абаева о солярной природе, прежде всего осетинского Сослана. Исследуя абхазский эпос, Ш. Инал-Ипа отметил: «В образе Сосрыквы мы имеем яркое отображение солнечного мифа», но тут же добавляет, что одновременно имеются и специфические особенности (сбивание звезды, добыча огня...) [96, *57*]. Исследуя адыгский эпос, А. Гутов, отмечая наличие в образе Сосруко эпитетов «свет» и «солнце», пишет: «Сказанное позволяет говорить о влиянии солярного культа на формирование образа Сосруко, что еще раз указывает на древность этого персонажа» [64, *138*]. Отмеченное А. Гутовым наличие у адыгского Сосруко

в его поэтической природе слов и «солнца», и «света» сближает его с ингушским Соль+са (солнце + свет).

Во всей Нартиаде солярная природа этого главного героя не представлена «напрямую», а чаще всего эта природа выявляется посредством ряда деталей, но вот в ингушском эпосе солярная природа героя представлена конкретнее. Так, некий автор под псевдонимом «П» (возможно, Ш. Попов. – *И. Д.*) отмечал, что у аккинцев (ингушское племя. – *И. Д.*) «было предание, что на восход солнца есть море и что там богатырь Сослан родился от морской девы; вот туда-то и влекло выходцев» [163, *267*]. Под выходцами здесь автор называет аккинцев, первыми из гор еще в XVI веке вышедших на равнину. Автор этой заметки ингушского Солсу ошибочно поименовал Сосланом, что свидетельствует об авторском произволе и отсутствии должной научной критичности: имя Сослан абсолютно отсутствует в номенклатуре имен ингушских нартов. Рождение героя морской девой напоминает рождение Афродиты из морской пены. Но вряд ли тут имеется какая-то связь. Главное, что в этом пересказанном сказании подчеркивается, это то, что имелось высокое почитание Солсы, что именно к нему и в сторону восхода (где рождается) герой-солнце, устремились люди. Как видим, здесь «Солса» и «солнце» – одно и то же.

С некоторых вершин Ингушетии (например, гора Жер-лоам) в ясную погоду видно Каспийское море и «восходящее из него» солнце – Солсу. Еще Б. Далгат отмечал, что по мифологии ингушей: «Солнце утром выходит из моря, а вечером вновь в него погружается. Когда оно поднимается на горизонт, то от него отделяется что-то черное – это, говорят, морская пена стекает с Солнца» [67, *119, 120*].

Вполне естественно допустить, что солнце – Солса, поднимающийся из далекого марева вполне мог быть воспринимаемым рождающимся из пены или освобождающимся от нее.

Ингуши, живя в центре Кавказа, видя с гор, что солнце «выходит» из Каспия, и, зная, что оно «погружается» в Черное море, естественно представляли себе, что сама земля окружена морем и плавает по нему, подпираемая доскою (по записи Ч. Ахриева). Поскольку солнце, по понятиям древних ингушей, тесно увязывалось с океан-морем, то и солнечный герой (Соль+са) естественным образом увязывался с ним. И потому по понятиям древних горцев увязывались в единое целое и **солнце**, и богатырь **Солса**.

В абхазо-адыгском эпосе имеется мотив по которому Сосруко стрелою с небес сбивает звезду, чтобы ею согреть прозябших в походе нартов. Этот эпизод предстает как бы вставным, поскольку нужного тепла от этого нарты не получают. Благодаря современным астрономическим данным в недавнем прошлом люди узнали, что звезда – это «горящее солнце», но в отдаленные времена такого понятия не было. Человек замечал, чем выше он поднимается в гору (к небу) тем становится холоднее и, наконец, человек дохо-

дит до вечных льдов. Поэтому-то в ингушской мифологии звезды ассоциировались со льдом и космическим холодом. Этим и объясняется отсутствие в ингушском эпосе мотива сбивания героем звезды с неба.

Довольно любопытное и, пожалуй, единственное во всей Нартиаде имеется указание в карачаево-балкарском фольклоре на внешность вынутого из камня Сосруко: Сатанай извлекла «ребенка с хохлом на голове наподобие гребня и ногами тонкими, как вертел» [114, *83*]. Тут напрашивается вывод, что извлечен петух, который у многих народов увязывается с солнцем. Наверное, здесь мы имеем место с каким-то рудиментарным проявлением солярных «признаков» героя.

Ингушский Солса и внешне значительно отличается от своих двойников в нартских версиях других народов, в которых даются какие-то его внешние неприглядные черты. Например, в осетинском эпосе, когда Сослан состязается в силе с великаном Мукарой, великан, уже поздно увидев его сзади, по колченогости узнал в нем Сослана. Его колченогость в осетинской и адыгской версиях объясняется тем, что его колени не были закалены. И в адыгском эпосе великан иныж заклинаниями Сосрукой замороженный в море, говорит: «Не посмотрел я на тебя раньше, говорят что Саусырыко чернявый, с кривыми ногами...» [153, *209*]. В одном из адыгских сказаний поется:

О Сосруко смуглый,
Муж черный с железным взглядом...

Эти слова произносит некий Тотреш, враждующий с Сосруко [153, *199*]. А. Шортанов извлек из адыгского эпоса внешние признаки главного героя, обобщая их, он сообщает:

«Сосруко небольшого роста, иногда даже прихрамывает, он смуглый, с усами цвета соломы, у него «железный глаз» [153, *18*].

«Усы цвета соломы» – рыжий цвет волос у горцев считался плохим признаком. Такие же признаки Сосруко слышны и в карачаево-балкарском эпосе. Данные из осетинского были уже приведены.

Почему в облике этого положительного героя обозначены столь неприглядные черты, которые внешне отделяют его от черт кавказской антропологии. Наглядно видны и высокая героизация и неприглядная портретная характеристика, да к тому же, в итоге, этого героя нарты же и убивают.

Приведенные внешние признаки героя, такие как смуглость, хромота и эпитет «железный» вполне могут намекать на Тамерлана – «железного хромца», который на Северном Кавказе особенно тяжкие бои вел с адыгскими племенами. Да и в имени осетинского (дигорского) Сос*лан* слышен иранизм «лан» – хромой. Кстати говоря, В. Миллеру показанный скелет со следами переломанной ноги соотносить с эпическим Сосланом, как это пытаются утверж-

дать современные ученые, представляется слишком упрощенным. Исторически и эпически слишком уж не совместимы Давид Сослан, нузальский костяк, и эпический Сослан.

Приведенные А. Шортановым внешние черты Сосруко могут намекать и на степняков, вторгавшихся на Кавказ (скифов, сарматов, тюрков, монголов...). На что указывают и смуглость героя, и его «кавалерийская» походка.

Почему же у ингушей нет никаких отрицательных указаний на черты внешности Солсы. Ну, например, он не мог быть уничижительно назван хотя бы потому, что он, как и Села Сата, соотносился с божественным светом («са»). Тут надо вспомнить, что от святилища Соска-Солса-Ерды даже ночью исходил свет – было так светло, что можно было заниматься шитьем. Поскольку Солса (как и Села Сата) принадлежали к божескому пантеону, их внешние черты четко не определены, ведь боги обычно не наделяются человеческими чертами.

Однако в древней религии ингушей есть одна особенность: ее служители, называемые **цайсаг** – «чистый священный человек», обязательно одевались во все белое – папаха, бешмет, черкеска, бурка, обувь – все должно было быть белого цвета. Это была имманация света (са) и чистоты (цIена), причем чистота понималась в широком смысле – вплоть до чистоты мыслей. Тут будет не лишним опять вспомнить, что термин «са» (свет, душа) вошел неразрывно в имена богоподобных ингушских нартских героев Сата и Солса.

Богам не свойственна приземленность им более свойственны разные чудеса, волшебство и др. проявления.

Соска. Хотя имя главного героя ингушского эпоса состоит их двух слов, осмысливаемых, как сказано еще Ч. Ахриевым, – первое слово – отчеством, а второе слово – собственным именем, на самом деле, по моему мнению, здесь мы в имени главного героя, как уже было отмечено, видим сращение двух разных имен: Солса и Соска.

Об имени Солса мы ранее утверждали, что оно состоит из слов *соль* (солнце) и *са* (свет). Имя же Соска состоит из основы **Сос** и суффикса принадлежности «ка», т. о. по-русски **Соска** можно перевести как *Соскин*, т. е. *Соска Солса* обозначает не отца и сына а значение: *Солса принадлежащий Соске*.

Солса, хотя его имя считают одним из вариантов Сосруко (ква), Сослан, Соусурк, на самом деле, как ранее было отмечено, ингушское Солса выпадает из этого ряда. Но с этим рядом имен хорошо согласуется ингушское имя **Соска**, поскольку во всех этих языках, включая и ингушский, присутствует основа **Сос**. Бывают отклонения, но без учета, что отцом ряда этих героев зачастую выступает некий полуанонимный герой по имени Сос (и).

Анализируя имя Соска, необходимо вновь обратиться к христианским реалиям. Трудными, долгими путями христианство

греческого толка проникало и в горные теснины Кавказа. Особенно активной христианизации во времена расцвета Грузинского царства (VIII–XII вв.) подвергалась горная Ингушетия. До сего дня в ней сохранились храмы-элгацы (от греческого «эглиси» – *храм*) ТкъобIаь-Ерда, Iалби-Ерда, ТIаргам-Ерда и др. М. Джанашвили, изучая древние грузинские источники, не зря констатировал; «Первоначально, говорит Теймураз (грузинский царь. – *И. Д.*), кистины, глигвы и дзурдзуки (ингушские племена. – *И. Д.*) говорили по-грузински и были христианами» [77, *51*]. В этом ряду автором могли бы быть названы тушины, пшавы и хевсуры, мохевцы, сваны и др., наверняка впоследствии огрузиненные, в чем был уверен еще Н. Марр. В нартский эпос осетин вошли христианские архангелы Георгий (Уастырджи), Илья (Уацилла). Колесом Балсага или Ойнона, погубившим Сослана, В. Абаев считал солнечного Иоанна [2, *53*].

А. П. Берже, отличавшийся точностью в своих описаниях, в 1859 году от аккинцев Галанчожа записал, что «лет четыреста или более тому назад, из галгаевских обществ пришли вооруженные люди, европейцы (ференги), и поселились близ галанчожского озера. На горе, лежащей на южном берегу его, они выстроили церковь» [30, *72*]. В ней молились окрестные народы, но вскоре произошел бой между ференгами и местными жителями, «европейцы были побеждены и удалились опять тою же дорогою через Галгай» [30].

А. Берже в итоге делает предположение, что этими ференгами скорее всего были генуэзцы. Как видим ференги шли из Галгая и в него же вернулись, поскольку в христианском тогда Галгае католикам нечего было делать, они со своей миссией направились в Галачож. В целом на Кавказе победу одерживало христианство (из Византии), а враждебный ему католицизм успеха не имел.

Академик И. Гюльденштет еще в 1770 году, посетив тогдашнюю столицу Ингушетии село Ангушт в составе российской делегации, заключавшей с ингушами акт об их единении с Россией, одновременно проводил и изыскательскую работу. Так, в частности, он отметил, что ингуши являются христианами более других кавказцев [66, *81*]. По сведениям Вахушти, известно, что в XVIII веке какая-то прослойка ангуштинцев уже исповедовала ислам, но до массовой исламизации (до 1822 г.) было еще далеко, и основная масса ингушей исповедовала православие, смешанное с древними местными верованиями. Под влиянием древней Грузии христианство проникало в Ингушетию, как уже было отмечено. Первоначально, как это обычно бывало, новая религия пыталась «паразитировать» на предшествовавшей религии, особенно на ее святынях. К примеру, на месте древнеингушского капища ТкъобIаь-Ерды был построен христианский храм, который, однако, сохранил свое древнейшее название; у селения Эгикала стояло древнее капище, посвященное мифическому предку села Эльберду (Iалби), на его месте был

воздвигнут христианский храм Іалби-Ерда, который также сохранил свое прежнее название; к зороастррийскому (магическому) храму Маги-Ерды рядом воздвигли святилище Соска-Солса-Ерда, имеющее смешанные черты солярных верований с христианскими. Насаждение христианства на древнюю религию можно видеть и в том, что по местной родовой (часто в древних основах сочиняемой) генеалогии внук «чародея» Маго был назван Андро – именем совершенно неизвестным в местной ономастике. Известно, что равноапостольный Андрей Первозванный считался распространителем христианства в Византии, на Кавказе и на Руси.

Иисус (*Сос+и* по-ингушски) считался Сыном Божьим. Таковым же считался и Соска Солса, чему подтверждение мы находим в записях Ч. Ахриева и Б. Далгата, произведенных ими сто с лишним лет назад. В сказании «Соска Солса и тазовая кость» Ч. Ахриев прямо пишет:

«Солса был весьма умный и честный человек; он родился не от обыкновенной женщины, а прямо произошел от бога» [22].

Это сведение автор интерпретирует по-своему: «...рождение Соска-Солса от Бога и его способность делать чудеса можно принять за извращенное понятие о Христе, занесенное в горы переселенцами джелтами»[22].

Ч. Ахриев идею «Сына Божьего» Соса превратно принял за «извращенное понятие», поскольку ко времени второй половины XIX века в Ингушетии укоренился ислам. Также считаю, что Ч. Ахриев **«джелтов»** посчитал не верно эллинами-греками. Скорее всего это слово было заимствованно из тюркского языка, в котором «джалча» означает «наемный работник». Ч. Ахриев пишет, что башни в горах были построены джелтами-греками, но вернее всего, ингушских мастеров, строивших башни по найму, называли заимствованным словом, которое из «джалча» у ингушей превратилось в «джелта».

То, что Иисус у ингушей превратился в **Соска** Солсу, независимо от Ч. Ахриева подтверждает и Б. Далгат, который пишет о нем, что его Бог наделил наземными качествами. Он, по преданию, был Сыном Божьим и непосредственно от него и произошел и «у ингушей он считается святым» [68].

В плане божественного происхождения Соска Солса не одинок. Например, отцом осетинского Сослана также является небожитель Уасттырджи [46, *176*].

Для ингушского языка совершенно не свойственно стечение двух гласных в начале слова, поэтому греческое *Ии*сус было для ингушей, речь которых вообще отличается стремлением к лаконичности, неестественным. К тому же это имя прошло до ингушей сначала через грузинскую номенклатуру имен христианских божественных личностей. Поэтому имя Сына Божьего в ингушском языке упростилось до **Сос**, вполне приемлемое для ингушского слуха.

«Сос» сохранилось у ингушей не только в имени Соска, а и в названии другого храма по имени «Сосан-Ерда», а название храма и имя посвященного ему божества мыслились одинаково. Но со временем Сосан-Ерда превратился в женское божество (по заключению А. Базоркина) [24], – по неизвестной пока причине.

Относительно наличия «сос» в именах главных героев нартских версий других народов ничего определенного сказать не могу, кроме того, что эта основа («сос») едина для всех, и, видимо, не случайно.

То, что от ингушского святилища Соска-Солса исходило сияние, является отличительной чертой Христа. Так, к примеру, он сам говорил о себе: «Я есмь... звезда светлая и утренняя». А в «Деяниях апостолов», например, свое появление Христос предваряет появлением света, так, по словам апостола Павла: «Среди дня на дороге я увидел, государь (Агриппа. – *И. Д.*) с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною». Затем перед ними появился Христос» [158, *141–164*].

В Евангелии от Иоанна сказано:

«Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге сделаны» [158, *103*].

Обожествление света (в образе Саты и т. д.), как ранее уже отмечено, у ингушей было древнейшим с незапамятных времен. Потому им стала близка и христианская божественность света (даже ангелы все были светоносными), и потому от святилища Соска-Солса-Ерда даже ночью, якобы исходит свет, а в имени Соска-Со*лса* мы видим ингушское обозначение света – «**са**».

Одной из существенных черт Иисуса Христа также является его способность творить чудеса. Например, в Евангелии от Матфея про творимые Иисусом чудеса сообщается:

«Слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют» [158, *12*].

Во всех четырех Евангелиях сообщается о многих творимых Христом чудесах. Но какое они имеют отношение к Соска Солсе? Думается – прямое. Только Соска Солса и его эпические собратья из разных версий Нартиады, в отличие от многих других нартских героев, обладает свойством творить чудеса.

Например, в ингушском эпосе Соска Солса, увидев небывалой величины тазовую кость, одним обращением к Богу, иногда с помощью волшебной плетки, оживляет великана – наследника далеких благодатных времен. Причем тут же сообщается, что просьбы героя, обращенные к Богу, всегда исполнялись. Известно, что Иисус вошел в ряд мусульманских пророков под именем Иса, причем он считался одним из любимых пророков Мухаммеда. Мотив оживления великана пророком Исой (Иисусом) был замечен

еще Вс. Миллером, который отметил мусульманскую легенду, по которой пророк по просьбе своих учеников, при хождении их вокруг Мертвого моря, оживил найденный ими череп великана, который рассказал и о своей смерти, и о делах загробного мира. Этот мотив в ислам проник из христианских легенд. Из них же он проник и на Кавказ, бывший приверженным в те времена к христианству [241].

Мотив оживления великана именно по просьбе Соска Солсы имеется и в других версиях нартского эпоса, где этот герой, видимо, также ассоциируется с Иисусом.

Соска Солса обладает даром оживлять из двух пуль юношу и девушку, которые становятся прислужниками, затем по воле Соска Солы они вновь превращаются в пули. По его просьбе конь Дуль-Дуль, словно библейский Моисей посохом, ударом копыта выбивает водный источник. По просьбе Соска Солсы Терек, то становится мелководным, то – чрезмерно многоводным. Это тоже одно из его чудес.

Соска Солса, как новый тип героя, что было уже отмечено, на равных вступает в борьбу с древнейшим грозовым божеством Селой и одолевает его.

Подобно ингушскому герою у абазин про Сосруко сказано: «Его слово исполнялось» [152, *195*]. И в абхазском эпосе про него сказано «Чудесным образом появился он на свет и обладал даром предвидения» [78, *188*].

Таким образом, фигурально говоря, Сос+ка «насел» на более древнего Соль+са и стал затем мыслиться в значении его отца, как уже было отмечено.

Соска Солса в ингушских сказаниях особенно интимно связан с голубем. В этом тоже надо видеть связь этого героя с христианством.

Во всех четырех текстах Нового Завета от Матфея, Марка, Луки и Иоанна есть общее место: Иоан Креститель крестит Иисуса – и, например, у Матфея сказано:

«И крестившись Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: сей есть Сын Мой Возлюбленный, в котором Мое благоволение» [158, *3*].

Бог-отец, Бог-сын и Бог-Святой Дух считаются троицей. Ее изображали и христиане, и католики. К примеру, «Троица новозаветная» в Византии изображалась: «Отца в виде старца, Христа как отрока на его лоне... или взрослого мужа, сидящего по правую руку от него, и Духа – над ними обоими в виде голубя, как он явился, согласно евангелиям, в момент крещения Иисуса Христа» [149, II, *527, 528*].

В глазах приобщающегося к христианству древнего ингуша вполне закономерно сливались как образ Иисуса (Соса), так и голубя (Духа Святого).

В ингушских сказаниях именно о Соска Солсе сказано, что он дружил с голубем, часто подкармливал голубей. В результате этой дружбы, когда умер Соска Солса, выпив расплавленную медь, голуби слетелись на опушку леса и стали причитать:

Іел кхо-о Соска Солса,
Іел кхо-о, Соска Солса...

Это трудноперводимое сочетание, свойственное ингушскому краткословию, в описательном виде можно передать в значении: «Соска Солса, ты настолько хорош, что жаль тебе пребывать в Іеле (подземном мире мертвых)».

Это место из ингушского эпоса глухо перекликается с осетинским эпосом. Когда Сослан был погублен нартами, умирая, он попросил ласточку стать вестницей его гибели. На что она ответила: «Слишком хорош ты, чтобы умереть тебе здесь одному, и чтобы никто не закрыл тебе глаза» [185, *60*]. Но вот ингушское повествование о предстоящем сошествии героя в подземный мир тут выпало. В прошлом у ингушей был довольно развит жанр плачей и причитаний. Поэтому в сказании голуби по-своему причитают о своем любимце. По давним воззрениям, это голубиное причитание «слышалось» в воркovании голубя. Иногда это причитание могло быть воспринято и в хвалебном значении. В одной из записанных Б. Далгатом величальных песен имеется зачин: «Как лесной голубь воспевает Соска-Солсу (нарта), так хочу я поговорить о тебе» [238].

Долгие годы занимавшийся ингушеведением Л. Семенов отмечал:

«Голубь упоминается в мифах о популярном эпическом ингушском герое Соска-Солса. Когда умирающий богатырь, томимый жаждой, стал просить воды у пролетавших птиц, то ни одна из них не исполнила его просьбы. Только голубь сжалился и принес ему воды. Соска-Солса привязал к шее птицы свой волос и велел ей произносить его имя до светопреставления. С тех пор голубь постоянно выкрикивает «Калиг Соска-Солса, Калиг Соска-Солса!» [179, *121*].

Причитания голубя по смерти Соска-Солсы в разных вариантах передаются по-разному. Например, Гр. Потанин в Сибири от сосланных ингушей записал, что голубь просто произносит лишь одно имя: «Солса». Конечно же, применив долю фантазии, в воркovании голубя можно «услышать» все что угодно. Для нас тут главное не это, а то, что видна особая интимная связанность нартского героя-бога с этой птицей.

Каких-либо особых деяний за голубем в эпосе не видно. Его заслуга лишь в том, что он принес от жажды умирающему своему любимому герою толику воды и пропел поминальную песню. Однако в ингушской этнографической литературе голубь предстает в быту и религиозных культах весьма почитаемой птицей.

Тот же Л. Семенов об этом писал:

«Одно из виднейших мест в фольклоре ингушей занимает голубь – священная птица, символ чистоты. Тот, кто держит в доме много голубей, может навлечь на себя несчастье, так как, по поверью, невозможно как-нибудь не согрешить против голубей, имея их около себя в большом количестве; убить голубя – грех. Изображение голубя употреблялось жрецами при совершении празднества перед храмом Мятцил (на Столовой горе. – *И. Д.*).

В одном из сказаний говорится, что на том месте, где потомки легендарного основателя селения Верхний Джейрах – Левана собирались на религиозное празднество, находилась часовня. В ней хранилось чучело голубя. Впоследствии один из Боровых, желая пошутить, взял это чучело, голубь ожил и улетел, а Боровы с тех пор стали бедствовать...

...Выше мы упоминали о деревянном изображении птицы, вероятно, голубя, – найденном нами в 1930 году в надземном склепе селения Хамхи» [179, *121*].

Совершавший экспедиционные полевые исследования в Ингушетии Е. И. Крупнов также сообщал:

«Значительное место в ингушском фольклоре отведено голубю. Убивать голубей – грех, ибо голубь – птица священная. Деревянные фигурки голубей иногда входили в состав склепового могильного инвентаря. Изображения голубя применялись жрецами при совершении молебствий у святилища Мятцели и др.» [123, *193*].

Таким образом, из всего вышеизложенного мы видим особое в народе уважение к голубю, вплоть до его религиозного почитания, а также и весьма частое подчеркивание его близости к Соска-Солсе. Тут самое время вспомнить, что именно в момент крещения Иисуса разверзлись небеса и показался Дух Божий в образе голубя. Именно эту идею восприняли древние ингуши, но с адаптацией: Иисус стал просто *Сос* + кой, а явившийся в облике голубя Дух Святой (один из божественной троицы) стал любимой птицей богогероя.

И в абхазском эпосе в смертный час Сосрыкву также, по замечанию Ш. Салакая [174, *219*] и Ш. Инал-Ипа [96, *27*] посещает голубь. При этом ноги его, коснувшись крови героя, стали красными и будут такими, пока на земле не воцарится мир.

В осетинском эпосе, согласно исследованию Т. Гуриева, на помощь нартами загубленному Сослану также приходит голубь [60, *110*]. Но в осетинском эпосе роль голубя исполняет и ласточка, которая «летит к Сослану вестницей об опасности, угрожающей

его матери, а также приносит нартам весть о смерти Сослана» [2, *103*].

Ласточка и в ингушской мифологии высокочтимая птица. В адыгском эпосе случается, что роль голубя в какой-то мере исполняет и перепелка. Наверное, и ласточка, и перепелка появились в эпосе позднее голубя – ипостаси Духа Святого, обозначавшего Богом Отцом с его помощью Бога Сына Ии*суса* (*Сос*ку, *Сос*руко, *Сос*лана).

Христианство на Кавказ в основном шло из Византии через Армению, Грузию, Албанию и колоний Черного моря в четвертом и последующих веках. В те времена героический эпос более близких в то время кавказских народов во многом был еще мифологическим, и его солярные культы были определяющими. Таким образом, приходишь к выводу, что на место главного солярного бога определился Сос (Иисус). Кстати, здесь кавказцы не оригинальны. Раннее христианство, как известно, многое впитало в себя из мифологии солнечного божества Митры (рождение Митры стало рождеством Христовым и т. д.). Еще ранние христиане назареи свои молитвы Христу совершали, обращаясь утром к восходящему солнцу – имманации Иисуса.

Внедрение Иисуса (Соса) в кавказскую среду, видимо, происходило по-разному. У ингушей его сделали отцом (в форме Сос+ка) более древнего солярного божества Соль+са. Почитаемым Сос (Сосруко, Сослан) стал у абхазо-адыгов и осетин, однако, при всем к нему уважении, он у них продолжал оставаться пришельцем, не своим, что и послужило его печальной кончине.

В ингушском эпосе Соска Солса тоже погибает, но не от рук нартов и не по вине Сырдона или Барымбух, а гибнет вместе со своей дружиной.

Описание гибели нартов в ингушском эпосе значительно отличается от их смерти (или гибели) в абхазо-адыгских и осетинских версиях эпоса. Однако причина гибели нартов во всей Нартиаде одна – они стали богоотступниками.

Во времена варварства мифологические боги и их деяния стали экстраполироваться в зарождающийся эпос поэтизировавший героику. Некоторые боги и божественные герои (полубоги), сохраняя свои некоторые божественные черты, стали спускаться с неба на землю, часто подвергаясь антропоморфизации – к примеру, появление героев Молодец-Солнце, Молодец-Луна, Молодец-Звезда и др. Мифолого-героический эпос тех времен вполне соответствовал духу своего времени и воспринимался идеальным – нарты вполне выражали свое языческое время. Но вся ойкумена, включая и Кавказ, со временем двигалась к монотеизму, что было обусловлено большими экономическими, социальными и политическими изменениями. Христианство постепенно проникало в духовную сферу горцев центрального и западного Кавказа, чему уже были приведены примеры. Несколько позднее стал проникать и ислам.

Монотеистические религии, как известно, всегда воевали против предшествовавшей им языческой религии, и обычно эта борьба была успешной. В новое время идеологическая основа нартского эпоса стала отмирать.

Апология меча, грабежа и силы уже стали восприниматься отрицательно. В народ внедрялась более современная и прогрессивная нравственность, диктуемая монотеизмом. Нарты в сознании народа стали восприниматься уже злодеями, грабителями, носителями ставшей уже чужой и устаревшей морали.

Такая мысль была еще ранее высказана исследователем А. Аншба:

«На наш взгляд, причина такого (враждебного. – *И. Д.*) отношения народа к Сосрыко заключается в том, что он выражает интересы того общества, которое ушло в прошлое». Тут А. Аншба попутно замечает метаморфозу, произошедшую в осетинском эпосе: в дореволюционных осетинских записях имя главного нарта чаще звучало в форме Сосрыко (как у адыгов), а в советское время в записях все чаще начало звучать Сослан [16, *117, 118*]. Возможно, в этом проявилось стремление, как-то отрешиться от несомненного адыгского влияния.

В адыгском, абхазском, осетинском эпосе нарты все дружно ненавидят этого главного героя, однако злоба их имеет затаенный характер, и они полны решимости избавиться от него. В адыгском сказании «Сосруко не давал нартам покоя...», нарты, посовещавшись между собою, приходят к выводу: «Ни одного нарта Саусуроко не оставит в живых, все от него погибнем. Лучше мы сами погубим его, – решили нарты». Парадоксальное заключение, оно противоречит тому, что в минуты серьезнейшей опасности для нартов именно этот герой приходит к ним на помощь и спасает их от смерти. В абхазском, адыгском, осетинском повествовании об убийстве этого героя общим местом является коварное скатывание огромного камня (или колеса) на незащищенную ногу героя (ахиллесова пята, зигфридово пятно). Мало того, еще полуживого героя они закапывают.

По этому поводу З. Джапуа, исследуя абхазский эпос, приходит к выводу:

«Гибель от камня» – самое традиционное, собственно эпическое и завершенное сказание из всех сюжетных версий и мотивов, связанных с темой эпической судьбы Сасрыкуа в абхазском нартском эпосе» [78, *81*]. Замечание это заслуживает внимания – по идее: из камня родился, от него и погиб. Со стороны мифологии такой подход можно считать оправданным. Но вместе с тем так ли это, взглянуть со стороны эпосоведения, ведь по эпическим законам главный (или какой-либо другой из положительных) герой практически идеален до безупречности и подвержен особому восхвалению, особенно в момент гибели.

Эпическая природа этого главного героя особенно затуманена в абазинских сказаниях, в которых утверждается, что его губят не

просто сами одни нарты, как в других версиях, а нарты совместно с айныжами [152, *317*]. Получается, что ненависть к Сосрыкве дошла до того, что нарты пригласили к себе в союзники своих злейших врагов – великанов айныжей.

Такое уничижительное отношение к главному герою не осталось незамеченным у адыгов и абхазцев. Так, А. Шортанов отмечал: «Представляется странным, что Сосруко погибает не в борьбе с великанами или другими носителями зла, а от руки нартов» [220, *23*]. Ему вторит Ш. Инал-Ипа: «Одним из центральных вопросов в изучении абхазских сказаний о нартах является вопрос о причине непримиримой вражды между Сасрыквой и остальными нартами» [96, *56*].

В этом исследовании ранее затрагивалась эта проблема, но теперь с большей определенностью можно сказать, что герои Сосруко, Сосрыква и Сослан появились в эпосе адыгов, абхазов и осетин из какой-то другой эпической среды.

В ингушском эпосе начисто отсутствует антагонизм между Соска Солсой и другими нартами. Он не присутствует в эпосе отдельно от них. Он является их предводителем. В адыгском и абхазском фольклоре Сосруко-Сосрыква как бы отрешен от общих нартских дел, но он появляется именно в тот момент, когда нартам приходится особенно трудно, но затем часто вновь исчезает.

Ярых язычников нартов конечно же со временем стали изображать как богоотступников. В итоге они подвергаются Божьему наказанию за все свои чинимые насилия. Прежде (когда-то) любимые нарты стали уже враждебными и потому заслужили уничтожения.

Гибель нартов у ингушских соседей проходит по-разному. У осетин они добровольно ложатся в могилы, божественные силы губят нартов у адыгов. У карачаево-балкарцев Сосурук превращается в камень, а все прочие нарты уходят в небо [206].

В описании гибели нартов ингуши оригинальнее всех. У них они кончают жизнь самоубийством. Этот акт осуждается и в христианстве, и в исламе: таких покойников даже не хоронят на общем кладбище. Однако все не так просто. Нартов оправдывает то, что они добровольно ушли из жизни, так как они очутились перед лицом неминуемой голодной смерти. И тут они проявляют свойственную им гордость и мужество.

К примеру, в местном сказании «Как погиб род нартов» сказано:

Когда кончились у нартов еда и питье, они съели своих лошадей. Тогда, говорят, Соска Солса сказал: «Чтобы люди не говорили, что у нартов опухли ноги и головы и они умерли с голода, умрем достойно, выпив расплавленную медь». Согласились с этими словами нарты и выпили каждый по чаше меди. Соска Солса выпил сразу три чаши» [135].

Несколько развернуто предстает эта же картина в сказании «Погибли в пещере»:

«Когда нарты съели всех коней, они поняли, что их ожидает голодная смерть. “Мы должны умереть так, – сказал их предводитель Соска Солса, – чтобы люди и по смерти прославляли нас, высоко чтя наши имена”. В большом котле расплавили нарты медь, а в котле поменьше – золото. Всем нартам в кубки налили медь, а Соска Солсе налили золото, тем самым проявляя к нему свое уважение. Соска Солса произнес тост: “Пусть мы умрем, но слава о нас пусть будет бессмертной!”» [14, IV].

Действительно слава о них дошла и до наших дней. И сегодня ингуши с гордостью говорят о них: «ЦIийдаь чаIа мийна наьрташ!» – «Нарты пившие расплавленную «чаIа» – металл!»

Откуда, как и почему, именно в ингушском эпосе, появилась медь – ответа нет. Можно предположить, что здесь в рудиментарной форме сохранилась эпоха металла (медно-бронзового), в которую и зародился местный героический эпос, позднее названный нартским.

В порядке гипотезы хочу предложить следующий путь проникновения в местную среду этого «мотива меди». В Коране есть строка: «Ведь дерево зуккум словно медь кипит оно в животах грешников». Не исключено, что этот кораническое мотив каким-то образом проник в местную эпическую среду и был увязан именно с нартами, которые пошли против Бога и тем самым являлись грешниками. Но тут одно смущает – ислам проник к ингушам позже адыгов, но в их эпосе нет кораического мотива «кипящей меди в животах грешников».

Эпический образ героя не всегда может являться прямолинейно однозначным, ведь этот образ проходит через века разные стадии общественного развития. Происходящие исторические (социально-психологические) изменения преимущественно опережают трактовку эпического героя и то, что в нем было когда-то положительным, со временем уже может оцениваться отрицательно. Поэтому при рассмотрении образа главного эпического героя также должен быть подход исторический.

В целом необходимо отметить, что образ Солсы – Сосруко в Нартиаде является главенствующим, в этом плане лишь у осетин пальму первенства у Сосруко оспаривает Батрадз, который по волшебному мановению некоторых нартоведов вдруг превратился в «Богатыря (Батыра) асского».

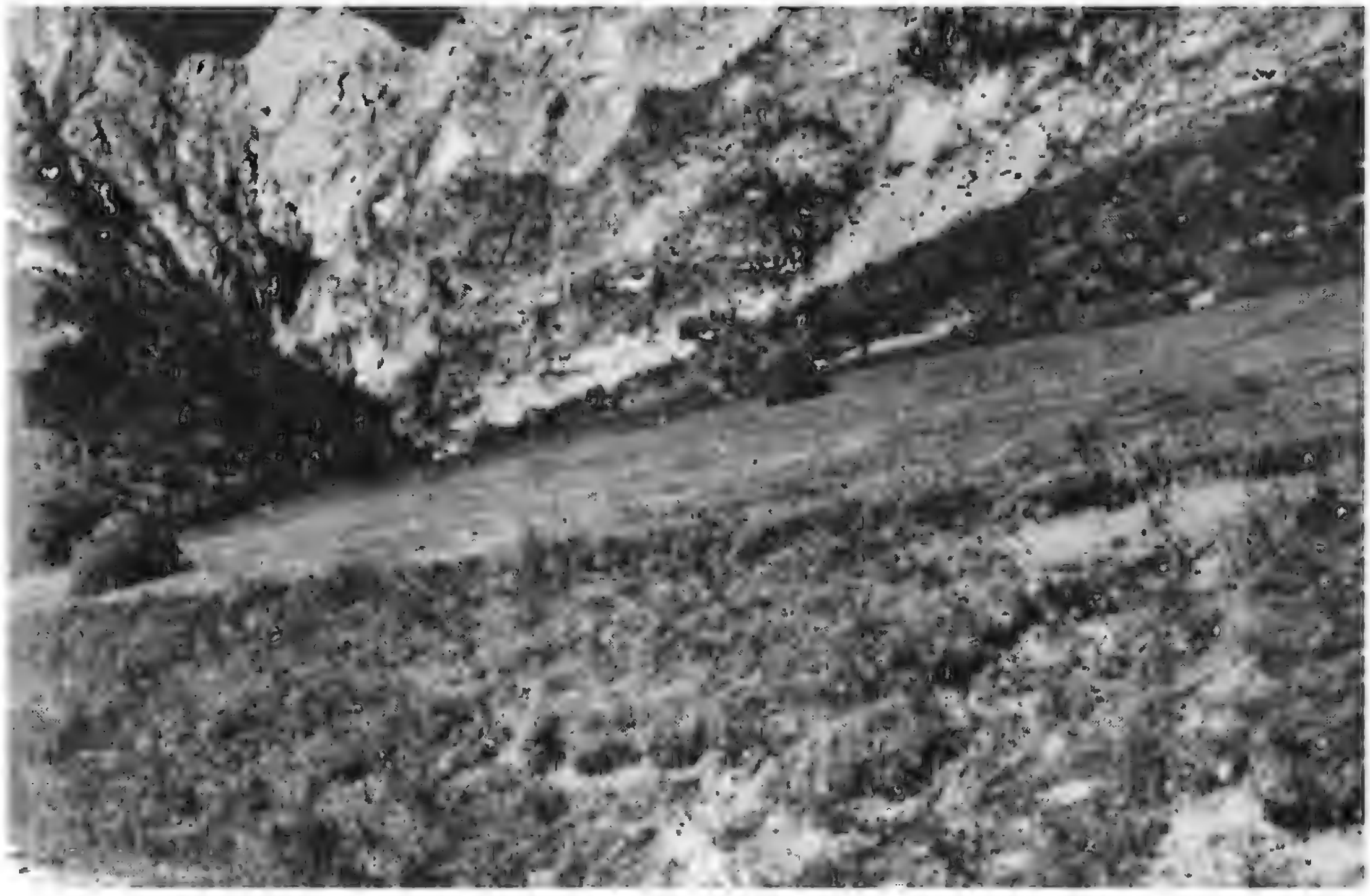
Ж. Дюмезиль отозвался об этом (Сослан и др.) герое, назвав его самым значительным и популярнейшим на Северном Кавказе [86, *72*].

У абхазских исследователей отношение к своему Сосрыкве идеально положительное.

Так, Ш. Инал-Ипа утверждал:

«Цикл сказаний о Сасрыкве – важнейший и наиболее законченный в абхазском эпосе» [94, *47*].

Также и З. Джапуа, всесторонне исследовавший образы Сасрыкуа и Абрискила, пишет, что образ первого из этих героев является центральным персонажем абхазо-адыгского эпоса [78, *3*].



По сказаниям, поляна, на которой любил пастись конь Соска Солсы по имени Дуль-Дуль
Фото И. Дахкильгова

В балкаро-карачаевском эпосе Сосрук настолько возвеличен, что назван «нартбием» [206], т. е. «баем» (князем, главою) нартов. Исследователи адыгского эпоса (в частности – кабардинского) отмечают, что в их эпосе важнейшим является цикл о Сосруко [155, 23]. Из приведенного ряда хвалебных в адрес главного нартского героя отзывов несколько особняком стоит осетинский Сослан (Сосруко). Например, Ю. Лебединский так отозвался о нем:

«При всех чертах сходства, Сослан и Батрадз очень различны. Сослан подвержен многим человеческим слабостям. Он и хвастлив, и хитер, и коварен, и жесток по отношению к слабым» [185, 7].

Жестокость Сослана к нелюбимым им нартам отразилась, к примеру, в приводимом В. Абаевым сказании «Шуба Сослана». Оно начинается словами: «Сослану пришла блажь сшить себе шубу из скальпов и бород нелюбимых им нартов» [2, *47*]. Тут Сослан предстает в образе скифского врага (любителя скальпировать бороды) противопоставленного нелюбимым им осетинским нартам. И в то же время Сослан уничтожает их врагов уаигов, злых великанов. Происходит какое-то раздвоение эпического героя.

Приведем некоторые положительные отклики о Соска Солсе в местном фольклоре.

В сказании «Соска Солса и тазовая кость» ему дано такое определение: «Солса был весьма умный и честный человек; он родился не от обыкновенной женщины, прямо произошел от Бога».

В сказании «Соска Солса и Батыга Ширтка» отцу героя дается такая характеристика: «У нартов был тамада по имени Соска. Его считали чуть ли не падишахом».

В сказании «Соска Солса и человеческий череп» утверждается: «Все, что Соска Солса просил у бога, всегда исполнялось».

В сказании «Спор, разрешенный в царстве мертвых» отмечено, что тело Соска Солсы было не из обычной стали, а из особо прочного долго кованного булата.

«А Соска Солса, – повествует сказание "Соска Солса и Боткий Ширткъа", – был человеком бывалым, необычайно сильным и смелым. Также был силен и его конь, свободно перескакивавший с горы на гору. У горы Цели-корт, где некогда пасся его конь, есть место, похожее на лежащий огромный стрелковый лук. Растущая там «черная» трава настолько любима скотом, что он съедает ее до самого корня».

В записанном Е. Крупновым «Сказании о нарте Соска Солса» дана следующая развернутая характеристика героя: «В далекие, теперь забытые, времена в горах Ингушетии жил могучий богатырь, нарт Соска Солса. Он пользовался славой и большим уважением всего народа за свой ум, силу, храбрость и справедливость. Жил Соска Солса со своей дочерью-красавицей в огромной пещере, находящейся в отвесной стене горного перевала Цейлам».

В сказании же «Когда оживут нарты» Соска Солса и его дружина, чтобы избежать позорной смерти, добровольно заточили себя в пещере, при этом Соска Солса произнес заклинание: «Пусть закроется вход в эту пещеру, и пусть мы, нарты, будем лежать в ней, пока волк (убитый Соска Солсой и подвешенный в пещере. – *И. Д.*) не превратится в «кит» (опадут с него все волосы). Как только это случится, пусть все мы оживем, и пещера раскроется».

Сказание завершается следующими словами:

«...Никто не знает, где эта пещера находится, но люди говорят, когда этот волк полностью облезет, нарты оживут, выйдут из пещеры и станут нашими защитниками». Несомненно, Соска Солса был обожествлен. И был он первоначально по совместительству причислен в предводители небесных путешествующих нартов (одно из созвездий, кажется, Стрелец, называется «Копье Соска Солсы»), пока, наконец, окончательно не приобрел статус вожака эпической, уже земной, нартской дружины. Во все это время он был высоко идеализирован. Но времена меняются. Нарты вошли в противоречие с новой эпохой.

Приведем тут два сказания, одно из старых времен, а затем, второе, из времени не столь от нас отдаленного: «Соска Солса и Горжай», «Калой-кант и Соска Солса».

«Соска Солса и Горжай». Первоначально нарты сидят на своем совете и прикидывают: кого они еще не ограбили. Тут случайно они узнают, что где-то живет некий богатый барантовод Горжай и спешат к нему. Кажется, далее дела должны обстоять просто –

напасть и ограбить. Но все не так. Своей готовой к бою дружине Соска Солса заявляет: «Стыдно и недостойно поступать тайным образом». Он считает, что Горжай должен быть непременно извещен о нападении на него, и потому он обязан приготовится к бою.

В порядке небольшого отступления. Вспомним, что и киевский князь Святослав Игоревич, дружина которого почти ничем не отличалась от эпической нартской дружины, прежде чем на кого-то напасть посылал предупредить: «Иду на вы!». Да и в ингушском фольклоре герой предупреждает супостата: «Хьай гердз кийчаде» – «Приготовь свое оружие», и даже предлагает ему первым нанести удар. В далеком Средневековье таковыми были боевые этические нормы поединщиков.

Таким образом, поведение в данном случае Соска Солсы вполне можно признать соответствующим моральным нормам своего времени. Когда весть о нападении дошла до Горжая, вызывает недоумение его отношение к происходящему. Он удивлен: «Как они могут напасть на стадо, из которого посвящают богу жертвы? Это будет с их стороны святотатством!» – заявил Горжай.

Тут в сказании делается поворот несколько в другую сторону – нарты не просто пытаются совершить грабеж, они тем самым как бы пытаются пойти против бога.

Не верит Горжай этой вести. Тогда по поручению Соска Солсы совершается имитация насилия над невесткой Горжая. Безрезультатно. Кто-то советует убить любимую птицу Горжая, сидящую на его башне (чем не пушкинский петушок, сидящий на спице). Кстати, уже отмечалось, что ингушским языческим богам обычно свойственно иметь (в виде ипостаси) какую-либо птицу. Наличие ее у Горжая и столь трепетное его отношение к ней, как-то вновь сближают его с божественными силами. К ним он и обращается за помощью. На его призыв спешит громовержец Села. Происходит поединок между ним и Соска Солсой. В результате были поломаны ребра Селы.

Но завершается сказание совсем не в пользу нартского предводителя: «Соска Солса схватил Горжая, связал его и посадил на лошадь лицом к хвосту, потом пустил в поле на смех людям». В глазах народа совершен негуманный поступок по отношению, по сути, к безвинному побежденному.

В целом сказание полумифическое. В нем видно противостояние нового божества в лице Соска Солсы над древнеязыческим божеством Селой, в паре с Горжаем, для которых были обычны жертвоприношения. Все это подано в виде обычного нартского похода.

В сказании с целью возвеличения Соска Солсы чрезмерно большое внимание уделено его стремлениям вызова супостата на бой. Тут можно ограничиться лишь констатацией того, что с помощью

отживших старинных воинских моральных принципов сделана попытка как-то обелить народом осуждаемый поступок.

Весьма популярно в народе сказание о Калой-канте. Его образ – это образ типичного горца-труженика. У него имеется своя оборудованная пещера (горцы и сегодня ее показывают), в которой он содержит своих овец, верный помощник у него – козел, понимающий человеческую речь. Щедро и согласно обычаям он принимает гостей. В свободное время забавляет себя музыкой. На ночь вход в пещеру он закрывает каменной плитой, сдвинуть которую под силу лишь шестидесяти мужчинам.

Вот его-то и решает ограбить Соска Солса. При этом он, зная, что в честном бою ему его не одолеть, по совету Ботки Ширтки подсылает к нему свою сестру-красавицу. Лишь исполнив в течение положенных трех дней свои обязанности хозяина уже по настоянию красавицы, он сближается с нею. День ото дня телесные силы Калой-канта тают. Наступает день, когда он уже не может плотно задвинуть камень у входа. Соска Солса и его дружина врываются в пещеру, намертво связывают Калой-канта, забрав свою девицу и всех овец, уходят. Перебирая в пальцах костяную свирель, Калой-кант с помощью жалобной мелодии (известной и сегодня) подает весть. Прибывшая помощь освобождает его, и он устремляется в погоню. По просьбе Соска Солсы разлившийся Терек разделяет его и дружину вместе с половиной отары на одном берегу, а на другом оказались Калой-кант, девица и другая половина овец. Поскольку боевое столкновение не произошло, оба героя, демонстрируя свою силу, перекидываются через Терек огромными скалами.

Прочитав это записанное Ч. Ахриевым сказание, Лев Толстой на полях книги сделал заметку: «Сказка прекрасная». Пришлось здесь кратко изложить это сказание, чтобы можно было произвести некоторый анализ.

Сразу же возникает вопрос: почему столь разительно противоположна трактовка образа Соска Солсы от общепринятой, идеальной? Тут он и трусоват, боится идти на единоборство, также прибегает к омерзительному пути – отдает на поругание свою сестру, чтобы завладеть овцами, постоянно сидит в засаде и ждет пока у героя ослабнут телесные силы... Еще и Л. Семенов отмечал, что и в мировом фольклоре есть мотивы утери героями своих сил в результате необузданных утех и в пример приводил поэму о Гильгамеше шумеров, библейского Самсона [178].

Такая неожиданно и сверхуничтожающая характеристика Соска Солсы в угоду образа Калой-канта, по нашему предположению, здесь кроется в подмене одного героя другим. Так, в течение XVI–начала XIX веков в центре и на западе Северного Кавказа буйствовали феодальные дружины адыгских князей. Было у них даже введено в правило в год раз собираться в большой отряд и идти за добычей к соседним народам. Особо ценной считалась добыча пленников, которых потом или выгодно продавали в Анапе, или

в качестве дани, наложенной на князей крымскими гиреями (по указанию из Порты) отдавали им. На востоке Северного Кавказа дела обстояли не лучше – бойкая торговля пленниками (ясырами) шла и в селе Эндери. Горцы-ингуши немало страдали от этих набегов, что отразилось во многих преданиях. Вспомним, что и юг Украины и Руси весьма страдал от крымчаков, где они хищением, а где силой уводили в плен людей (особенно детей).

Смутные были времена.

Из всех опубликованных сказаний о Колой-канте одно стоит особняком. Оно просто названо «Колой-кант» и записано Х. Осмиевым [101, *102*]. В нем имеется тот же самый сюжет, но совершенно отсутствует Соска Солса. Вместо него супостатом Калой-канта выступает некий черкесский князь (ингуши словом «черкес» обозначали часто кабардинцев и, вообще, всех адыгов).

Запись Х. Осмиева донесла до нас праоснову этого предания и имена героев, первоначально в нем действовавших: Колой-канта и черкесского князя. Последний, действительно, олицетворял собою насильника-грабителя, готового идти на все ради достижения своей грабительской цели. Естественно, что также отношение к нему никак нельзя соотносить с самими кабардинцами-черкесами, пользующимися у ингушей доброй славой.

Но и Соска Солса, хотя и нежданно, попал в это сказание, и был запечатлен в нем Ч. Ахриевым, наверно все же не случайно получил уничтожающую (чужую) характеристику.

Перед нами один их примеров деформации местного эпоса: давно уже отживший свое время полумифический и полуэпический Соска Солса, как нартский предводитель, постепенно стал осознаваться принадлежащим к числу грабителей и потому в одном из вариантов сказания по произволу сказителя подменил собою первоначального и истинного героя – князя-грабителя.

Нарты давно сошли с эпической арены и были осуждены как безбожники, творящие неблаговидные дела, но в памяти народа они все же оставили о себе добрую память, как люди воинственные, удалые, гордые и независимые, мужественные и презирающие смерть... – качества, которые и сегодня вызывают к себе уважение.

ПЕТАРЗА – БЕЗВОЛОСЫЙ

Исследовательница нартского эпоса адыгов А. И. Алиева отмечала, что имя Батареза «знают почти все национальные версии нартского эпоса: в адыгской его зовут Патарез (Пэтэрэз), в осетинской Батрадз, а в абхазской – Патараз (функции его в абхазском эпосе частично выполняет и другой нарт – Цвицв)» [12, *89*]. Далее автор исследования сообщает, что у адыгов сказания о Патарезе были записаны лишь в 30-е годы XX века. Однако в перечне кавказ-

ских народов, у которых отмечен этот герой, не названы ингуши, хотя у них этот герой был в их эпосе отмечен в кавказоведческой литературе еще в 70-х годах XIX века Ч. Ахриевым и несколько позднее него Б. Далгатом. У ингушей это имя звучит Петарза.

У осетин образ Батрадза изучен более детально, чем в других версиях Нартиады. В. Абаев отмечал, что этот герой в осетинском эпосе более героизирован, нежели Сослан-Сосруко, что имя этого героя состоит из двух слов – «богатырь асский» и затем отметил: «То, что виднейший герой эпоса выступает под именем «богатыря асского», указывает на то, что этот цикл возник в асской среде» [2, *27*]. Тут под «ассами» исследователь видит мифических предков осетин. Насколько автор заблуждался в этом этимологизировании отметим позже. К вопросу о сопоставлении Батрадза и Сослана обратился и Ю. Лебединский, отметив: «При всех чертах сходства Сослан и Батрадз очень различны. Сослан подвержен многим человеческим слабостям. Он и хвастлив, и хитер, и коварен, и жесток по отношению к слабым. Батрадз же – рыцарь без страха и упрека. Авторы сказаний, словно нарочно ставят этих своих героев в одинаковые условия, и там, где Сослан побеждает только в результате хитрости и коварства, там Батрадз разит, как молния» [185, *7*].

Герою дана довольно высокая оценка. Он побеждает великанов-уаигов, многоголовых драконов. Место его пребывания находится на вершинах снежных гор, откуда он зорко следит понизу. Сам герой находится как бы вне нартского общества: его вырезают из опухоли спины его отца Хамица, закаляют его на небесах (Ж. Дюмезиль назвал его грозовым божеством), рос он у речных божеств-донбеттиров, словно ингушский Солса враждует с Селой, он враждует с Уацилой (Ильем) и т. д. Отмечая все это, В. Абаев почему-то считает: «Имена Батараза и Хамица монгольского происхождения» [1, I, *240*]. Тогда причем же тут ассы?

В результате последних исследований о Батрадзе в осетинском нартоведении он вознесен высоко, даже, как было сказано, выше Сослана, и к тому же он предстает принадлежащим нартскому роду Ахсартага и защитником нартов. Однако не все тут так гладко и прямолинейно. Почему-то от внимания современных исследований ускользают сведения о Батрадзе, отмеченные еще в 70-х годах XIX века. В них он – сама противоположность, конкретнее – он предстает врагом нартов. Так, Г. Шанаев в 1876 г. касательно кончины нартов отметил, что «часть нартов», избежавшая меча Батраза, погибла от голода, наведенного на них самим же Батразом» [206, *46*]. А. В. Пфафф в 1871 г. отмечал, что в осетинских сказаниях Батраз, превратившись в черную лисицу, убивает маленьких детей нартов, высасывая их кровь [206, *47*].

По этим двум почтенной давности сообщениям, базирующимся на осетинском эпосе, Батрадз предстает коварным губителем

нартов, но никак не их спасителем. Получается, что Батрадз – герой антинартский, т. е. враг нартов.

Получается, что за сто с небольшим лет в оценке этого нартского героя произошли диаметрально противоположные оценки.

В эпосе адыгов герой назван Петерезом. То же самое и в эпосе балкаро-карачаевцов и ингушей. Исследователи абхазского эпоса Ш. Салакая и А. Шортанов считают, что в их фольклоре Батарадз заимствован из осетинского эпоса [221, *219*]. И в абазинском сказании «Сатанея и Батраз», совсем как в осетинском эпосе Сатанея домогается любви Батраза, являющегося ее двоюродным братом и результатом их брака является Сосруко [152, *258*]. Основной подвиг, совершаемый адыгским Пэтэрезом, это месть за своего убитого отца [220, *25*]. Другой его героический подвиг напоминает подвиг греческого Геракла, освободившего Прометея от мучений, – кабардинский Батараз освобождает Насрена, прикованного злым богом Пако к вершине Ошхомахо (Эльбруса) [155, *30*].

В адыгском эпосе, как отмечают исследователи, Пэтэрез во многом перекликается с Сосруко: почему-то лицом он черен, тело его подвержено закалке и стало стальным – колдунья Ваква говорит о нем: «Будто из железа выкован наездник» [155, *231*]. Также нарты не любят Пэтэреза и желают его гибели [153, *274*]. Но одновременно исследователи отмечают, что этот персонаж весьма героизирован [153, *386*]. Закалке этого героя у адыгов уделено большое внимание: уже с детства его пищей становятся горящие угли [153, *279*].

Видимо исламским влиянием у абхазов навеян сюжет о героическом участии Патараза при взятии крепости Гумбыв [96, *67*]; так якобы праведный Али проник в крепость Хайбара, осажденную Мухаммедом и его сподвижниками.

Ингушский Петарза впервые появился в печати в сказании «Солса и Патараз», опубликованным Ч. Ахриевым в 1875 г. [22], затем уже в 1901 г. о нем сказание опубликовал Б. Далгат [68]. Также и в новейшее время записаны некоторые новые тексты – «Хамчи Патараз и Мялха Аза», «Нарт Хамча и его сын Патарз», «Хамчий Патараз и Хромой Тимур».

По записи Ч. Ахриева, нарты остановились гостить у старухи (Жер-бабы, видимо), которая из ничтожного количества мяса и муки приготовила им весьма обильный ужин. Удивились нарты и спросили, как такое могло случиться. На что старая хозяйка, не зная в лицо никого из нартов, ответила, что эта пища является остатком тех времен, пока на свете не появился Петарза.

Далее по тексту:

«...Патараз Хамча был сильно опечален тем, что его появление на свет есть причина потери благодати для всего человечества. Он решил погибнуть, чтобы не носить на себе больше человеческих грехов. Поэтому по возвращении домой он призвал всех жителей, чтобы они привезли дров. Затем он нажег из этих дров углей и велел

жечь их и поддувать мехами. Несмотря на ужасный жар, Патараз Хамча, хотя раскалялся, но не умирал. Тогда он говорит с досадой: «Бросьте меня в реку. Может быть, вода отнимет душу мою!» Его бросили в реку, и тогда он совсем окреп» [22, 35].

В ингушском эпосе ни в одном сказании не сказано, что же такое совершил Петарза, что в мире иссякла благодать. Тут мы из-за этого можем только уйти в область догадок. Или же этот герой, подобно осетинскому раненому Батрадзу был врагом нартов, которых он уничтожил. Или же губил нартских детей, превратившись в лисицу и высасывая их кровь. Вторая догадка, возможно, более основательная, это та, что после превращения бывших героев-нартов в обыкновенных грабителей и богоотступников, их вина была, в данном случае, перенесена на одного Петарзу.

Образ этого героя можно признать одним из древнейших, поскольку в нем видны черты и хтонического героя и, видимо, уже позднее черты героя солярного типа. В обоих этих ипостасях он предстает в целом положительным героем.

В сказании «Солса и Патараз», во второй его части, герой Петараз (здесь употребляем его подлинное ингушское имя) вместе с Боткий Ширткой – посредником солнечного и подземного миров – сумел проникнуть «на тот свет», но стражник подземного мира Ешап (в тексте ошибочно написано Ешпор) – аналог греческого Цербера – советует Петарзу скорее покинуть подземный мир, говоря: «ты прежде времени пришел сюда», на что Петарза отвечает: «Если не принимаешь (в мир мертвых. – *И.Д.*), то уничтожь скудость, порожденную среди людей из-за моего появления на свет, – сказал Патараз Хамча, – иначе я останусь здесь!» (на что Ешап ответила. – *И.Д.*) «Я сниму только часть скудости. Одну часть я оставлю на вершинах гор, другую на кобылицах и на женщинах и две части – на всем человечестве. Ты же должен возвратиться назад и прийти обратно до захода солнца!»

Патараз Хамча успел возвратиться, когда еще на вершинах гор светило солнце, и этот свет называется «свет Патараза Хамчи» [22].

Угрожая Ешапу, что он, если не будут приняты его условия, может остаться в мире мертвых, что означает – лишить себя земной жизни – он требует снять скудость со всего человечества, образовавшуюся по его вине, и добивается своего, хотя и частично. Становится ясно, что и тут герой готов ради счастья людей лишить себя земной жизни.

У древних народов ойкумены (Египта, Грузии, Малой Азии и др.) существовало поверие о «солнце мертвых». Такое же поверие было и у ингушей: зашедшее солнце как бы продолжало свой путь в течение ночи по подземному миру мертвых, но уже повернувшись к нему затылком; отчего в этом нижнем мире было пасмурнее и холоднее. Получается, что Петарза очутился на грани двух миров и

ему было посвящено одно из солнечных сияний. Угрозой утери своей жизни Петарза как бы совершает «искупительную жертву».

По представлениям древних, дневной свет, по всей видимости, представлялся в трех цветах: белый, красный, черный. Так, в ингушских сказках (например «Овдилг») присутствуют мифические три коня, имеющие масти трех названных цветов, со всей очевидностью, они символизировали дневной свет (белый), вечернюю и утреннюю зори (красный) и ночь (черный). Вечерняя заря, как в случае с Петарзом, разливаясь красным цветом, уже ослабшим светом как бы предвещая уход солнца в мир мертвых [22, *11, 12*]. Представление о трех цветах солнца, в виде их ипостасей, отразилось, например, и в грузинском фольклоре, в котором действуют и трехцветные голуби и трехцветные драконы [47, *69, 79, 80*]. Трехцветием солнца, видимо, объясняется и посвященный ему солярный знак в виде круга с тремя отходящими от него лучами, помещенный в центре знамени Ингушетии и выбитый на стенах древних башен Ингушетии. Солнечный круг ингуши иногда называли словом «къаьга чарх» («сверкающее колесо»), а то, что лучи изображены в виде изогнутых линий, во всей видимости, должно было показать, что солнце-колесо катится по небу. Но также не исключено, что они символизировали названные три цвета, один из которых и обозначал «свет Хамчи Петарза».

По записи Б. Далгата, герой, узнав, что он принес людям несчастье, то хотел погубить себя, то «он умер от досады» [68].

Все тексты о Петарзе как бы дают понять, что за ним не числится какого-то проступка, что тут во всем как бы виноват сам рок судьбы. Не зная за собой вины, герой, тем не менее, тяготится ею и надеется своей гибелью осчастливить человечество.

Тут весьма уместно привести замечание Б. Далгата по этому поводу: «Замечательный альтруизм в воззрениях ингушей: человек, приносящий несчастье ближнему, не считает себя вправе жить» [68]. И Ж. Дюмезиль якобы отмечал, что «характер ингушского персонажа, сравнительно с прославленным осетинским героем, отличается «большей симпатией» [69, *156*].

Сказание «Нарт Хамча и его сын Патарз» начинается с широко в Нартиаде распространенного сюжета: женитьбе Хамча на девушке не нартского происхождения – из рода великанов-вампалов, которую звали Кока (Голубка). Длиннобородый карлик Накиев Низенький Бошталг (годовалый козлик) крадет эту чужую жену. Хамча освобождает ее, но убить Боштольга не может, т. к. его душа находится не при его теле. Злая старуха Гам, родственница карлика, способствует подлому убийству Хамча. Кока была в положении.

Далее по тексту:

«Лишь только она родила мальчика, как он кубарем залетел в очаг, стал посередь него и начал нагребать на себя горящие угли. Было это зимой. Кока выхватила мальчика из очага и стала катать его по снегу. Так продолжалось несколько раз. Тело мальчика

закалилось и стало булатным. Назвали его Патаразом» [14, IV, *152*].

Согласно этому сказанию, Петарза, как и Солса, как бы сам себя закаляет с детских лет. Хотя, по другим сказаниям, он закалился случайно при попытке самоубийства. Тут, как это имеет место и в нартских версиях других народов, как бы спутаны мотивы, связанные и с Солсой, и с Петарзом – стальнотелыми героями. В данном случае Петарза, как и в других нартских версиях, совершает кровную месть за подло убитого своего отца.

Кровная месть в эпосе, да и во всем фольклоре, предстает как долг, обязывающий живых свершить справедливое возмездие, что вполне согласовывалось с нравами той далекой эпохи. Даже женщина может выступить в роли кровомстительницы, если пресекся род по мужской линии. Например, в сказании «Сестра семи братьев».

Конечно, мы сегодня справедливо осуждаем кровную месть. Вместе с тем мы знаем, что к любому явлению необходимо подходить исторически. Так и к кровной мести, которая была у всех народов в доклассовый (догосударственный) период их развития. Она продиктовывалась жесточайшей необходимостью. Именно такой исторический этап в развитии общества и отразился в нартском эпосе, в котором герои действуют по принципу «Кровь – за кровь, глаз – за глаз». Вместе с тем в фольклоре всегда осуждается убийство безвинного человека, которое естественно и влечет за собою справедливое возмездие.

Солярная природа Петарза особенно наглядно проступает в сказании «Хамчи Патараз и Мялха Аза». Сюжет этого сказания можно считать восходящим к древнему мифу, связанному с солнечными затмениями. По ингушской мифологии, сармак-дракон пытается проглотить солнце [70, *101*]. В начале затмения люди начинают «пугать» дракона выстрелами, криками, шумом. Естественно, затмение проходит и люди считают, что они отпугнули чудовище от солнца – сюжет и разные действия, с ним связанные, имеют весьма широкое хождение среди многих народов. Вошел он и в нартское сказание, в котором, кроме Петарза, действуют еще само Солнце и его дочь Мялха Аза. По сказанию, злое существо сармак, назло людям, проглатывает Солнце. Его дочь в смятении – ибо без него и ей грозит гибель. Тут появляется тема любви, и Петарза смело бросается в бой со злым сармаком и побеждает его. Герой совершил большой подвиг – спас Солнце и его дочь, чем облагодетельствовал людской род. Активную позицию в сказании занимает и Солнце, давая герою мудрые советы и прожигая брюхо злого дракона. В сказании проскальзывает и этическая норма, по которой нельзя к человеку оборачиваться спиною, что и сделал Петарза в чреве дракона, повернувшись спиною к Солнцу. Но сказание как бы этим героическим поступком оправдывает Петарза, совершившего

смелый и нужный всем подвиг. В связи с чем Солнце дает согласие на брак своей дочери с нартским героем.

В эпосе других кавказских народов этот же герой смело вступает в бой со всякой античеловеческой нечистью – драконами, великанами и пр.

Приведенное сказание тесно смыкается с мифологией. Но вот другой пример, показывающий связь сказаний уже с позднейшими преданиями, – это сказание «Хамчи Патараз и Хромой Тимур».

Железный Хромец (Тамерлан) злобствовал на Кавказе против золотоордынцев, и заодно с ними с аборигенными насельниками, на рубеже XIV–XV веков, оставив о себе память в местных преданиях. Они повествуют о его неслыханной жестокости и в то же время – прозорливости и чадолюбии. Останавливаются предания и на его хромоте: якобы отец еще в детские годы Тимура, обнаружив у него чрезмерную резвость, которая могла бы быть им использована во вред людям, переломил его бедро и сделал его физически ущербным. Широко в кавказских преданиях представлен и такой мотив – якобы Тамерлан прокладывал на Кавказе рвы, чтобы по ним к нему мог бы вернуться его сын, уведенный местным, ему враждебным, населением в плен, подтверждение чему в истории не обнаружено. Но, как удалось установить, в дальних походах, делая временами стоянки, завоеватель обносил их рвами, которые затем оставались не засыпанными и давали повод для всяческой фантазии [72].

Все эти приведенные мотивы в своеобразной форме отразились в названном нартском сказании. Начинается оно со следующего абзаца:

«Считая себя виновным в том, что в мире появились кровопролитные войны и люди стали убивать друг друга, Хамчи Патараз ушел высоко в горы. Там на вершине Цели-лоама он заперся в пещере Говза. У Хамчи Патараза был ручной огромный черный ворон. Он был вещим и перед пещерою нес охрану. Нарты же привольно жили себе в прекрасной долине Галгай Коашке. Хамчи Патараз, добровольно заточившись в пещере, замаливал свой грех» [14, IV, *156*]».

Религиозный мотив отшельничества, малотипичный для местного фольклора, щедро представлен в этом сказании. В какой-то мере этот нартский герой одной деталью сближается с древне-ингушскими богами, обычно связанными с какой-либо птицей. В данном случае фигурирует ворон. Отношение к этой птице у ингушей было двойственное. Она могла быть предвестницей каких-либо неприятных событий (как и сова), но одновременно могла представать и вещуньей. И, видимо, некогда у ингушей существовавший потайной язык, известный лишь посвященным (или охотничий язык), назывался «хьаргIий мотт» (язык ворона). Попутно хочется отметить, что какой-то потаенный язык осетинского эпоса, т. н. «хатиагский язык», возможно, в чем-то перекликается с ингушским «харгий язык».

Ворон в этом сказании предстает знатоком «звездной книги» (гороскопа – ?), оказывает помощь герою – в чем видно наследие времен тотемизма. Кстати, ворон в мифологии многих народов занимает видное место.

В этом сказании вновь поднят вопрос о закалке героя. Как отмечено в сказании: «Хамчи Патараз и так был рожден стальным и закаленным, и все же он иногда перед важным боем вновь подкреплял себя закалкой».

Поединок между местным нартским героем и завоевателем Тамерланом завершается полной победой Хамчи Патараза, представленного в сказании единственным защитником горной Ингушетии («ГIалгIай коашке») – родины местных нартов. Сам поединок дает яркую и миролюбивую характеристику нарту. Не смотря на то, что завоеватель ведет себя предельно агрессивно, и нарту его удары не страшны, и закаленному нарту весьма легко его одолеть, Хамчи Патараз «бил Тимура саблей плашмя, как бы в насмешку, потому, что не хотел он убивать столь прославленного воина».

В этом поступке есть что-то от воинского этикета далеких времен – рыцарски благородное отношение к поверженному врагу. Тут Соска Солса, в воинских этикетных нормах, уступает Петарзу, завершая свой поединок с Горжаем оскорбительным к нему отношением. То есть Петарза в сказании «Хамчи Патараз и Хромой Тимур» в устах сказителей предстает уже не губителем благодати, а человеком, принявшим затворничество и отмаливающим свои грехи (какие, так и остается неизвестным), человеком, защитившим свое отечество и, к тому же, проявляющим милость к поверженному врагу, тут – к Тамерлану.

В кавказской фольклористике, например, у армян и у ингушей есть фольклорное объяснение хромоты Тамерлана. В ингушском тексте «Хромой Тимур», записанном Х. Осмиевым, отец Тимура переломил бедро своего сына, который оказался слишком проворным (запросто ловил зайцев, словно ягнят), при этом отец сказал: «Ты уничтожишь страну, если останешься невредимым» [102, *16*]. Анализируемое новое сказание о поединке Петарза и Тамерлана оспаривает приведенный мотив о хромоте Тамерлана следующими словами:

«А то, что некоторые говорят, будто Тимуру в детстве бедро умышленно повредил его отец, так это неправда. Какое должно быть сердце у отца, который станет калечить своего сына? Именно после поединка с Хамчи Патаразом Тимур и стал хромым» [14, IV, *158*].

Обозревая все сказания, связанные с Петарзом, надо отметить, что за ним хотя и числилась какая-то неизвестная вина, которая, кстати, приписывается и всему нартскому племени, а в итоге он предстает альтруистом, борцом со злыми силами, защитником отечества и благородным воином.

По некоторым записям это имя пишется Патарз или Петарза. Это имя имеет вполне логичное и грамматическое объяснение. Приведем его.

По разным записям герой, как бы идя на искупительную жертву, желает сгореть в огне, а затем – утонуть в реке. Тут ясно видна закалка железа, перенесенная на нартского героя. Но в этой закалке проглядывает и имя героя – по-ингушски нательный волос человека (и вообще – пух) называется **петар.** Формант **«за»**, у ингушей приращиваемый к окончанию слова, обозначает отрицание. Таким образом **«петар-за»** обозначает **безволосый.** Вполне логично, поскольку герой, лежа в раскаленных углях, телом и закалился, но от жара на его теле выгорели все волосы, и он стал «петарза» – безволосый. Конечно же тут можно сказать, что это всего лишь логическое упражнение. Однако, обратившись к эпосу других народов, в частности к осетинскому, мы находим явное подтверждение безволосости героя, после проведенной им процедуры закалки. Так, в осетинском сказании «Как родился нарт Батраз» раскаленного в углях героя Курдалагон бросает в море. Далее по тексту: «Море вмиг настолько высохло, что у Батараза остались незакаленными три волоска на темени» [156, II, *227, 228*]. То есть подтекст тут такой, что закалка завершилась настолько скоро, что три волоска все же уцелели, когда все остальные волосы непременно выгорели. Вообще, безволосость лица мужчины в стародавние времена считалась дурным признаком.

В других версиях нартского эпоса этот герой преимущественно потому-то и назван Патараз-Петерез и т. д. Лишь в осетинском эпосе «П» озвончилось в «Б» и герой стал именоваться Батаразом, который волею некоторых ученых уже превратился в тюркского богатыря (Батыр), и к тому же окончание «аз» также превратилось в «асс», которое стало ассоциироваться с некими ассами. Слишком вольные этимологии.

Как все-таки легко подгоняются древне-фольклорные данные на потребу разных этнических надуманных концепций!

О ДРУГИХ НАРТСКИХ ГЕРОЯХ

Нясар

Имя этого героя встречается во всей Нартиаде. Это весьма уважаемый персонаж, но, кроме как в ингушском эпосе, он предстает менее активным, чем персонажи Солса и Петарза.

Согласно исследованиям А. Шортанова, тамадой адыгских нартов иногда выступает Уазырмес, но чаще всего, Насрен. Нартовед пишет, что его «мы встречаем и во время похода, и на поле битвы, и при разборе споров между нартами» [153, *27*]. В кабардинском эпосе звучат и такие слова:

Был Насрен разумным, доблестным тамадой,
Был в беде оградой, на пиру–душой,
Нарт неукротимый и непобедимый... [155, *234*].

Адыги к имени Насрен добавляют слово «жаке» («жаче»), что означает «борода», которая иногда называется золотою. У героя завидная портретная характеристика. Не каждый нарт ее удостаивается.

В эпосе адыгов основной подвиг, совершенный этим героем, заключается в том, что он является тамадой нартов, что осмелился выступить против злого божества Пако (по другой версии – против Тха), за что и был прикован к горе Ошхамахо (Эльбрусу) [153, *273*]. Сомнение вызывает то, что сюжет о прикованном Насрене-жаке тут всецело напоминает сюжет о грузинском Амиране: та же птичка, что садится на столб цепей; тот же пес, грызший цепи; те же кузнецы, бьющие молотками по наковальне... Такие прямые совпадения побуждают к разного рода размышлениям.

В эпосе абазин Нарсан (или Насран) лишь упомянут и никаких действий за ним не числится [152, 42, *267*].

В осетинских сказаниях «Насиран-алдар» и «О нартовском князе Насран-алдаре (и Ацамазе, сыне Аца)» Насрен-алдар предстает владельцем большого народа. Он богат и влиятелен. Этими чертами он сближается с кабардинским Насреном, но нет даже намека на его бороду. В этих сказаниях действующими героями являются не сам Насран, а его присяжный брат Аца, а затем и сын Ацы по имени Ацамаз. Действие сказаний чрезмерно растянуто и малоубедительно. По сути, тут сам Насран-алдар предельно пассивен. Но примечательным фактом является то, что в какой-то мере сближены герои Насран и Аца (и его сын Ацамаз). Со взаимоотношениями этих героев мы еще встретимся в балкаро-карачаевском и ингушском эпосе.

В исследованиях по балкаро-карачаевскому эпосу [154; 114; 10; 253] имеется сюжет о Насыране, его брате Ачи и его сыне по имени Ачимез. «Живут герои на реке Терек, в местности, называемой Насыран» [10]. Представляется довольно важным отметить локализацию этого места проживания названных героев. **Герой Нясар (по-ингушски), названный во всех национальных версиях, имеет конкретную привязанность только к ингушскому топониму Нясаре.** Так называется высокий мыс (дефиле) между речками Сунжей и Назранкой, что протекают по равнинной части Ингушетии. Археологические данные свидетельствуют, что эта местность была издревле облюбована человеком; об этом свидетельствуют и орудия каменного века, и остатки многих городиш позднейших времен, и многие древние курганы. Плодородные равнины, включая и Ингушетию, в прошлом подвергались частым и разноплеменным этническим перемещениям. Когда сталкивались оседлые народы с численно превосходящими кочевыми ордами, первые вынуж-

дены были искать для себя более безопасные места. На Кавказе таким естественным местом были горы. Именно они спасли местные этносы от физического уничтожения. Пришлые орды часто продолжали свой кочевой (и разбойный) путь и уходили далее. Остатки ранее вытесненных этносов вновь устремлялись на свои прадедовские места. Такие перемещения могли быть частыми, и эти процессы неплохо отмечены многими археологами и историками. Аборигены края, в частности ингуши, по всей видимости, не раз были вынуждены спасаться в малодоступных ущельях и в крепких каменных башнях. В известный исторический период гунны, хазары, золотоордынцы и, наконец, Тамерлан с огнем и мечом проносились по местному краю. Забегали сюда и крымские ханы: свидетельство тому и брагунский мавзолей Борга-каш, сохранившийся невдалеке от места Нясаре.

Сама эта местность весьма привлекательна своими черноземами, водными источниками, лесами, травостоем, стратегически важным расположением. Не зря брагуны (крымчаки) именно здесь соорудили названный знаменитый мавзолей.

Вполне естественно, что и предки ингушей при первом удобном случае вновь устремлялись на свои бывшие равнинные места. Но были вновь изгоняемы. Когда Тамерлан опустошил предкавказье, то оно, лет через сто, стало заселяться кочующими адыгскими и ногайскими племенами.

Во взаимоотношения ингушей, вернувшихся в предкавказье, с кабардинцами и ногайцами, по русским летописям, вмешался Иван IV, снарядивший своего тестя Темрюка Идаровича вместе с воеводой Плещеевым во главе ногайских и казацких дружин произвести погром многих ингушских поселений.

Приведенный факт отразился в «Ингушской песне Мехкинан» (газ. «Кавказ». Тифлис, 1895. № 98], которая повествует:

«Когда это было – никто не упомнит... должно быть лет триста назад. Народ наш в то время богатый, живучи в долине Доксольджи (река Сунжа) размножился быстро до гор Ачалукских, и жил бы доселе, если бы не дьявол, которому стало досадно, что людям привольно живется... И вот потому-то, однажды, ночною порою ногайские орды с толпой кабардинских князей напали на наши селенья, жители коих все спали спокойно. Резня началась повсюду, и кровь обагрила долину... пожары везде запылали... Прадеды наши, вскочивши спросонья, оружия в руках не имели, дабы отразить нападение и гибли все в яростной битве. Женщины же и дети горько рыдали, в плен попадая ногайцам.

Скоро управился враг беспощадный с нашим несчастным народом... Кто уцелел, так бежал прямо в горы спасаться в скалистых пещерах...»

По всей видимости, в этом нападении особое усердие проявили ногайские мурзы. Наверное, этим и можно объяснить, что в ингушских нартских сказаниях и сказках злейшим врагом предстает

большеголовый черный Ногай (Ноагlо). И не зря наш просветитель Тембот Беков в 20-х годах XX в. писал, что раньше ингушские матери пугали детей словами: «Черный Ногай идет!» («Iаьржа Ноагlо воагlа шоана!»).

В народной памяти еще достаточно свежи события второй половины XVIII века, когда внушительная группа ингушских колонистов под руководством Орцха Карцхала двинулась на освоение дефиле рек Сунжи и Назранки (отсюда и топоним Доксольджи из вышеприведенной песни). Но вместе с этим событием в народе продолжают, что именно нарт Нясар со своими сподвижниками вывел людей из гор и основал назрановские поселения. Сказание далее повествует:

«Ведя за собой людей гор, гарцуя на вскормленном коне по просторам Гарма, зверей пугая луком и деля между своими людьми земли этого края, Нясар дошел до истоков реки Нясархи. Там, на берегу, он устроил укрепление».

На равнине Ингушетии, близ нынешних сел Экажево и далее от него Долаково, имеются курганы Ачамза-боарз и Къозаша-боарз. По одному из сказаний, Ачамза, а по другому Къозаш, выступают в сказаниях врагами Нясара, посягнувшего на «их» земли. Происходят сражения, в которых, естественно, побеждает народный герой Нясар. Отмеченный еще В. Миллером мотив скифского обычая скальпирования бород нашел тут свое отражение и в ингушском эпосе. Портретной особенностью ингушского Нясара является наличие у него большой бороды и длинных усов, это сближает его с Насрен-бородой адыгского фольклора, что можно считать закономерным, поскольку кабардинцы, кочуя по равнине, какое-то время проживали и на опустевшем месте Назрани, которая не раз переходила из рук в руки.

Постоянное оттеснение в горы и последующее возвращение на плодородную равнину не могло не отразиться в фольклоре, но, разумеется, в своеобразной форме. Во все времена и во всех этих актах ведущими были народные героические личности. Такой абстрагированной личностью предстает в ингушском эпосе нарт Нясар, собственное имя которого и сам топоним в сознании народа стали едины и взаимообусловлены.

Супротивниками Нясара (любовно называемого Нясарг) выступают названные Козаш и Ачамза. Так, Козаш, по сказанию, «прослышал, что Нясар «отобрал» у него край и там поселил людей гор, а у истоков реки возвел укрепление, рассвирепевший Козаш, собрав свое войско, выехал, чтобы убить Нясара...» [14, IV]. В ответ Нясар предлагает ему свое гостеприимство, утверждая: «С такими гостями, как вы, легче воевать, ибо принять – труднее».

Характерная черта ингушского фольклора – это предложение героем мирного решения конфликта, а уже затем, в силу необходимости, вступать в сражение. Естественно, что народный герой – Нясар – побеждает. Он идеализируется, начиная с внешности и

кончая соблюдением этикетных норм. В сказании оттеняется идея гражданственности, присущая Нясару. Он тут не выступает борцом с темными силами природы или вожаком набеговой дружины. Он является не просто мужественным человеком, а прежде всего предстает народным защитником и благодетелем.

Ачи, в балкаро-карачаевских сказаниях, предстает младшим братом Насырана. Враг убивает Ачи. Теперь мстителем становится Ачимез, сын Ачи, который и свершает кровную месть [10, *130*].

Действие первой части этого сказания, по всей видимости, локализуется на территории проживания ингушей («На реке Терек, в местности, называемой Насыран...»). Вторая же часть локализуется уже на Кубани. Терек тут предстает местностью ориентировочной (в смысле – где-то там), а затем уже названа местность конкретная – Насыран. Между нею и Кубанью пролегает приличное расстояние. Не является ли тут упоминание Терека и особенно Назрани отголоском каких-то этнических перемещений в далеком прошлом, вполне возможно, в Ингушетии: сегодняшние Назрань и Курган Ачамаза разделяет лишь речка Сунжа, а расстояние между этими двумя пунктами где-то всего километров пятнадцать, по прямой линии. Ачамза у ингушей, в отличие от других версий эпоса, локализуется на своей собственной территории. Только у ингушей имеется топоформант, связанный с Ачамзой – это «Курган Ачамаза», с прилегающими к нему остатками городища, на окраине ингушского села Экажево. Однако у ингушей Ачамза и Нясар трактуются в противоположном значении, чем в других нартских версиях, они тут враги. По ингушскому сказанию, Ачамза позарился на пышные бороду и усы Нясара.

«Ачамаз взял лук и сам направился во двор Нясара. Вход в дом Нясара в первой комнате, в прихожей, был завешен циновкой, которую приподнимали при входе, а войдя, опускали. Вход во вторую комнату был свободен.

В этой комнате, где не было двери, в углу стоял меч. Присев на тахту, Нясар мыл руки, ему из кумгана поливала сестра, в другой руке она держала горящую свечу.

Услышав шум, сестра Нясара обернулась и увидела, что Ачамза натягивает лук, чтобы пустить стрелу в Нясара.

Она растерялась. Сказать брату не решалась, зная, что они уничтожат друг друга. Внезапно ее осенила мысль – она задула свечу.

Нясар сказал:

– Зажги свечу.

Она зажгла свечу и вновь увидела Ачамаза с натянутым луком. И снова потушила свечу.

Тогда Нясар сказал сестре:

– Если ты еще раз потушишь свечу, то я изрублю тебя мечом.

Оказывается, Нясар знал, то Ачамаз стоит в комнате и хочет пустить в него стрелу, но из гордости не хотел даже взглянуть в его сторону.

Когда в третий раз сестра зажгла свечу, пустил стрелу Ачамаз. Стрела попала в грудь Нясара и пронзила его насквозь: железный наконечник вышел из спины, а деревянный конец его торчал спереди.

Пустив стрелу, Ачамаз стал уходить. Нясар быстро обломал спереди и сзади концы стрелы, схватил стоявший в углу комнаты меч и, догнав Ачамаза, изрубил его прямо во дворе» [187, *255*].

Одним из главных достоинств мужчины, по ингушским понятиям, было презрение к смерти. Также мужчина не имел права проявлять нерешительность, а тем более испуг. Как видим, Нясар свято чтит народные нормы поведения. При этом он явно демонстрирует свое гордое пренебрежение к врагу. В противовес Нясару, его супостат является презренным человеком, т. к. совершает подлое нападение на безоружного человека.

То, что в сказаниях большое внимание уделяется окладистой бороде и длинным усам Нясарга, также имеет значение. Этим самым герой характеризуется как мужественный и всеми уважаемый человек. В прежние времена к безбородым мужчинам относились с пренебрежением, и они являлись объектами насмешек. Отсюда следует и другое – лишение мужчины бороды и усов являлось явным посягательством на его мужское достоинство.

Еще скифы, в доказательство того, что они являются известными воинами, любили демонстрировать бороды убитых ими мужчин. В не столь отдаленные времена у кавказских народов продолжал еще сохраняться обычай взятия с тела убитого врага какого-либо трофея, скажем, отделение от тела правой руки и выставление ее на всеобщее обозрение. Таким «трофеем» могла быть и скальпированная борода. Такой обычай взятия телесного «трофея» существовал, как и у других горцев Кавказа, у ингушей и даже обозначался специальным термином «цIет». Затем, по одному из нартских сказаний, этот обычай нартом Соска Солсой был осужден и предан забвению.

Этот обычай, по Геродоту, восходит к скифам, появившимся на Северном Кавказе до нашей эры. Как видим, этот обычай более чем двухтысячелетней истории отразился в ингушском фольклоре. Такие сведения просто так, сами собою не появляются.

Обычаи имеют какую-то историческую основу: допустим, один из наших древних героев воспротивился врагу, посягнувшему на бороду (на мужскую честь) гордого горца.

Пожалуй, наиболее древним и интересным из сказаний назрановского цикла предстает сказание «Нарты Цок и его сын Нясар, Мехка-нана и Хи-нана». Впервые и единственный раз в этом сказании мы обнаруживаем, что отцом нарта Нясара был Цок (*по-инг.* «цIокъ» означает «снежный барс»). Примечательно, что он и его нартская дружина, по сказанию, жили на местности «Нясаре». Отразился в сказании и некогда существовавший у ингушей (затем преданный забвению) обычай аталычества: так нарт Цок отдает своего

сына Нясара на воспитание к какому-то князю. Попутно отметим, что, по воспоминаниям старожилов, ингуши забросили обычай аталычества потому, что они заметили: у аталыка, выросшего до 15 лет в другой, ему не кровнородственной среде, значительно слабели родные ему кровнородственные связи, что вполне естественно. Но приводимое сказание отражает весьма древние события, и они свидетельствуют, что у ингушей в среде аристократизирующейся верхушки обычай аталычества когда-то имел место.

В приводимом сказании бывший аталыком Нясар по исполнении ему 15 лет возвращается домой и застает печальную картину: его отец Цок и другие нарты погублены врагами (здесь имеется намек на монголо-татарское нашествие), поселение сожжено. Естественно, что по законам фольклора Нясар преследует и уничтожает своих врагов.

Далее сказание нам повествует:

Вернувшись на отчее пепелище, нарт Нясар сказал:

– Видимо, мне не суждено проживать в отчем краю. Искупаюка напоследок своего коня у слияния рек Нясархи (Назрановка) и Шолдж (Сунжа).

В том месте он и начал купать коня. И вдруг, откуда ни возьмись, перед ним предстала весьма дородная женщина. Стоя поодаль, она крикнула:

– Появись, Хи-нана, если ты не спишь!

Из речки по пояс показалась красивая женщина.

Ранее подошедшая женщина сказала:

– Я – Мехка-нана (Мать страны), вон та, которая в воде, – Хи-нана (мать вод). Твой отец Цок был дружен с нами, всегда упоминал нас в своих молитвах и советовался с нами. Просим исполнить одну нашу просьбу.

– Раз чтил вас отец, то и я вас почитаю. В меру своих сил я готов исполнить ваше желание. Каково оно?» [14, IV, *177*].

Богини отвечают, что эта местность весьма благоприятна для проживания и потому они просят Нясара не покидать ее и возродить поселение. Нясар удовлетворяет их просьбу.

На почтенную древность этого сказания, как и событий, происходящих в нем, указывает участие в прошлом самых любимых богинь Мехка-нана и Хи-нана, которых ученые вполне справедливо возводят к эпохе матриархата. Показательно, что по народным представлениям эта местность опекаема могучими богинями. Ингуши до сего дня верят в предсказание богинь, что Назрань вовеки будет мирной и никогда в ней не будет войны.

Краевед Албаст Тутаев в своих записях в 20–30-х гг. XX в. зафиксировал интересные фольклорно-этнографические материалы. Среди них – предание о Бексултане Борогане, который якобы у проживавших по Назранке и Сунже ингушей спросил, чья эта земля. Ему ответили, что земля эта ингушская, и потому

они собрались здесь, чтобы отражать пришлые кочевые народы и прочих. Трудно установить историчность этого факта, поскольку в записях А. Тутаева наряду с реальными событиями отразились и данные, порожденные народной фантазией. Если верить надписи на мавзолее «Борга-каш», в котором якобы покоится Бексултан из брагунских татар, то он скончался ориентировочно по прошествии лет десяти после опустошительного похода Тамерлана по Северному Кавказу, когда были уничтожены все городища, бывшие на территории современной Ингушетии. Вряд ли Бексултан Бороган и сам мог быть на этой территории и застать кого-либо живым на ней, поскольку на Северном Кавказе Тамерлан придерживался тактики «выжженной земли», чтобы экономически и демографически причинить наибольший вред проживавшим здесь народам, поддержавшим Золотую Орду. Но, с другой стороны, народ здесь не зря усиленно утверждал об исконной принадлежности себе этих земель.

Топонимика прямо локализует героев Нясара и Ачамза непосредственно на современной ингушской территории. Осетинские герои Нашрен (Насран) и Ацамаз [185, *279*], кабардинские герои Насрен и Аша (Ашамаз) [155, *143*] никакой топонимической привязанности не имеют. Но, как уже было отмечено, эта привязанность видна в балкаро-карачаевском эпосе, хотя сегодня кабардинцы и осетины более близкие к ингушам соседи, нежели балкарцы и карачаевцы. В данном случае, вероятно, отразились какие-то давние этнические перемещения на Северном Кавказе некоторых его насельников с востока на запад.

По ингушским сказаниям, Нясара и Ачамзу разъединяет река Сунжа. Обычно по рекам ранее определялись рубежи соседей. А такие соседи, в далекие годы Средневековья, в определенные времена имели то добрые взаимоотношения, то междоусобицу. Среди названных ингушских героев в сказаниях отразились именно антагонистические взаимоотношения (из-за земли, коней, красавиц и др.).

Как в кабардинском, так и в осетинском эпосах Ачамаз после своих героических деяний превращается во влюбленного юношу и музыканта. Подобные превращения отсутствуют в ингушском и балкаро-карачаевском эпосах, в которых отразилась лишь древнейшая и эпически значимая тема героизма.

В версиях нартского эпоса имя героя, отомстившего за смерть своего отца, произносится по-разному: Ачимез, Ашимаз, Ацамаз и даже Щамаз. По-ингушски же это имя произносится Ачамза. На наш взгляд, оно разложимо на две части: **Ачам-за**. Подобно тому, как было разложимо имя Петар + за (безволосый). По-ингушски **ача (оача, аьча)** означает **«растолочь» (разбить, размять)**, а частица **«за»** является у ингушей отрицательной. В сумме получается **не разбиваемая (не уничтожимая...)**. Название вполне соответствующее укреплению (городищу) с последующим перенесением этого названия на героическую личность Ачамза.

КIиндий Шоа

Имя этого героя встречается почти во всей Нартиаде: Шауей, сын Канжа (у адыгов), Шауай, сын Татара (у абазин), Шауай – Шевай – Карашауай (у балкарцев и карачаевцев), Сауай (у осетин). У ингушей это имя произносят – КIиндий Шоа.

Если условно свести сюжеты с этим персонажем из разных нартских версий, кроме ингушской, то в обобщенном виде в сказании имеется такой сюжет.

Преклонных лет бездетный герой женится на злой великанше из племени великанов, в котором женщины съедают своих первенцев. Когда этой великанше пришло время рожать, ей подсовывают щенка, а родившегося мальчика тайно уводят далеко. Выросши, этот герой совершает разные героические подвиги, чтобы доказать свою принадлежность к нартам и т. д.

У ингушей такой сюжет отсутствует, но присутствуют некоторые мотивы: молочное родство с великаншей; женитьба на представительнице их племени; присутствие в сказаниях сильной женщины, которая простым прикосновением ломает кости нартов.

Исследованию образа Шауея, сына Канжа, в адыгском эпосе пристальное внимание уделено в работах А. Шортанова. Исследователь отмечает, что нарты не всегда признают его своим соплеменником, хотя он активно участвует в их делах [153, *26, 27*], что «Шауей добивается признания его принадлежности к роду нартов. Чтобы достигнуть своей цели, ему приходится постоянно состязаться с именитыми нартами (на скачках, на охоте, во время дальних походов и т. д.)» [221, *221*]. Также Шортанов отмечает, что некоторые авторы склонны считать сюжет, связанный с этим героем, сказочным [221, *220*]. Такого же вывода придерживаются и исследователи абазинского эпоса [152, *298*]. В адыгейском «Сказании о Шауее, сыне Кянша» героя противопоставляют нартам и даже такие именитые нарты, как Насрен и Сосруко, пытаются «извести его хитростью» [153, *319*].

С наибольшей симпатией Кара Шауай предстает в эпосе балкаро-карачаевском. В нем этот сюжет имеет много вариантов. Первый из них был опубликован еще в 1881 г. С. Урузбиевым (СМОМПК, 1881, вып. 1, отд. 2]. В этом тексте некий Алауган спас от своей жены великанши (эмегенши) своего ребенка. Затем он увез его к Эльбрусу и положил в трещину ледника. В ней ребенок вместо материнской груди сосет ледяные сосулки. Далее развивается полунартский-полусказочный сюжет о подвигах быстро выросшего героя, главным среди этих подвигов является кровная месть за своего убитого отца.

Весьма оригинальным предстает мотив вскармливания героя горным льдом. В адыгском и осетинском эпосах мотив этот находит глухое отражение, но в эпосе балкаро-карачаевцев он представлен довольно щедро. В тексте «Шауай» Алауган, спасая своего

ребенка от людоедки-эмегении, «привез ребенка к горе Эльбрус и положил его в трещину ледника со словами: «Пусть эта трещина будет люлькой, а жизнь ребенка я поручаю охранять вам, тысячи салымщиков Мингитау (Эльбруса)!» [114, *64–77*]. А в тексте «Сын Алаугана Карашауй» («Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев») некая женщина, по имени Батчалыу, относит ребенка

К подножию одной скалы Мингитау, говорят,
Из льда сделала люльку, говорят,
Из льда сделала соску, дала (ребенку)
И ушла, оставив (его) там, говорят [154, *413*].

Исследовательница балкаро-карачаевского эпоса Т. Хаджиева отмечает, что Карашауай, истребив врагов, покинул нартов и поселился на Эльбрусе, который был для него материнской грудью. В связи с этим она приходит к выводу: «Нам кажется, что согласно именно этому представлению балкарцев и карачаевцев, их нартские герои (причем герои, связанные только с архаическим слоем эпики) возвращаются туда, откуда пришли: Дебет, Сатанай и Ерузмек – в небо, Сосурук – в камень, а Карашауай – на Эльбрус» [206, *32*]. Это замечание интересно тем, что, в отличие от других версий нартского эпоса, в которых нарты кончают жизнь самоубийством, в балкаро-карачаевском эпосе они как бы вечны: свершив свои земные дела, они возвращаются «на круги своя».

В ингушском фольклоре имеется герой, по имени КIиндий Шоа. Он присутствует и в нартском эпосе и в этнических преданиях.

В одном из ингушских преданий сказитель, возвеличивая народного пращура (здесь: *Кинда Шоа*, предание «О прошлом Назрани»), начинает со следующих слов:

«Шоа, сын Кинды, женили на дочери Сеска Солсы. Затем, по прошествии от Кинды Шоа шести поколений, родились три брата: Эги, Хамхи и Таргим. Они поселили на своих землях людей и заставили их платить дань» [100, *355*]. В горной Ингушетии существует местность под названием «Киндий эмараш» (Надмогильные памятники Кинды), что находится близ древней ингушской столицы Эгикала [14, IV, *87*]. По другому сказанию Кинда Шоа жил невдалеке от нее в местности Хамхи [14, IV, *92*]. В сказаниях «Сеска Солса и Кинда Шоа», «Как Кинда Шоа похитил девушку» повествуется о женитьбе Кинди Шоа на дочери нартского предводителя Сеска Солсы. Причем в этих сказаниях, когда сталкиваются интересы двух знаменитых героев, первенство отдается Кинди Шоа: он позволяет Сеска Солсе ехать к нему не по своей территории, а по земле податного (или малоблагородного) населения. Здесь матерью ингушского Кинды Шоа является не балкаро-карачаевская эмегенша (великанша-людоедка), а обыкновенная женщина, но обладающая большой силой: от ее простого дружеского прикос-

новения у Сеска Солсы ломаются то бедро, то ключица. Данный мотив имеется и в других версиях нартского эпоса. В ингушском же эпосе этот мотив служит идеализации Кинды Шоа, по идее – если его мать является такой силачкой, то что тут говорить о чрезмерной физической силе самого Кинди Шоа. В результате Сеска Солса, приехавший сразиться с Кинди Шоа из-за похищенной им своей дочери, вынужден заявить, что он не может тягаться со столь сильными людьми и идет на мировую. А Кинди Шоа, зная о чрезмерной силе своей матери, и, чтобы она не свершила, пусть нечаянно, членовредительство гостям, держит ее изолированно (и даже связанной).

Т. Хаджиева отметила эту деталь у адыгского Шауея (сыне Канжа), осетинского Сууая и ингушского Кинди Шоа [206, *17*].

Балкаро-карачаевский сюжет о Карашуае предстает в Нартиаде более развитым и во многих вариантах. Особый интерес представляет мотив вскармливания героя льдом и нахождение его в высокогорье. Такие мотивы могли появиться у тех, кто сам живет близко к горным вершинам. В эпосе балкарцев и карачаевцев это Эльбрус (Мингитау), у ингушей – гора Казбек (Башлоам – Тающая гора). Еще в 1865 году в периодическом издании «Русский вестник» было опубликовано сказание, записанное А. Висковатовым от горца Цогола (в переводе с ингушского – Лиса), жителя аула Гвилети, находившегося прямо под горою Казбек. Его жители прославились тем, что они эту гору считали как бы частью своего хозяйства: возвели, не доходя до вершины, временный приют для альпинистов, служили их проводниками, у подошвы горы возвели святилище в честь богов, обитающих на Казбеке.

Это сказание начинается с своеобразного, по-горски переработанного библейского сказания о потопе:

Добродетельный старец, по совету Всевышнего спасшийся от потопа на вершине Казбека, вынужден был возроптать.

«Ты избавил меня от потопления, не дай же мне умереть голодною смертью». Но Господь велел ему употреблять в пищу священный лед с вершины Бешлама (Казбека. – *И. Д.*). Много протекло времени, пока спадала вода, а старик с семейством жил на дивном острове, и лед был его единственною пищей. И родились у жены его от этой пищи семь сыновей, белых, как снег Бешлама, и ясных как божий день» [235].

В данном случае внимание к себе привлекает мотив использования льда вместо еды, имеющийся и в сказании об Ачамезе у балкаро-карачаевцев и в вышеприведенном ингушском сказании о рождении семи снегоподобных сыновей, ставших созвездием Большой Медведицы.

Мотив использования льда вместо еды мог появиться именно среди тех насельников гор, которые жили вплоть до их вечных снегов: у Минги-Тау (Эльбруса) у балкаро-карачаевцев и у Башлама (Казбека) у ингушей. Вполне вероятно, что такая возможность

могла отразиться и на имени героя, вскормленного льдом. В имени Карашауай балкаро-карачаевцев первая часть напоминает слово «**кара**» – черный, или «обездоленный» по-тюркски. Загадочной предстает вторая часть – «**шауай**». В ингушском сложном имени Кинди Шоа первая часть («Кинди») пока необъяснима, но зато вторая часть («Шоа») вполне объяснима: *лед* по-ингушски называется «шо» или «ша».

«Шо» («Ша») – Ледовый – вполне подходящее имя для героя, вскормленного льдом. Но как такое имя сохранилось у ингушского героя Кинди Шоа, признаваемого более могущественным, чем нарты, а также и общенародным предком. Возможно, тут отразились воспоминания о жизни в высокогорьях, куда бывали вытесняемы жители горных долин. И затем имя этнического героя могло перейти в нартский эпос. Тут вполне уместно вспомнить высказывание Л. Лопатинского: «Балкарский Шауай совершает свои подвиги в обществе нартов, и скрывая от них свое происхождение» [131].

И все же интригующе звучит перекличка ингушского «шо, ша» (лед) и собственное имя героя «Шоа», к которому, возможно, восходят и имена «Шауей», Шевай, Сауай. Пока этот вопрос остается на уровне предположения. Но пока есть основание предполагать, что имя Шоа (Шауей...) напрямую восходит к ингушскому **ша** – *лед*. Вполне вероятно, что здесь видна первооснова этого героя.

Курка

Имя этого нарта (*Куркъа* – по-ингушски) не встречается в кавказском нартском эпосе, да и в ингушском он является единственным персонажем сказания «Семь сыновей вьюги. Ингушское предание», опубликованного в 1910 г. В. Светловым. Жанровая природа этого произведения определена им как «предание», что не согласуется с жанровой систематизацией современного фольклора. Хотя здесь мы определили жанр этого произведения как «сказание», оно с достаточным основанием может быть охарактеризовано как миф «прометеевского» типа. Здесь воочию видна мифология на ее позднейшей стадии, когда из нее стал зарождаться эпос, уже в эпоху металла ставший оформляться в нартский.

В. Светловым четко определена национальная принадлежность записанного им текста. Да и само содержание текста четко и ясно подтверждает это. В. Светлов не сообщает конкретно, в каком месте и от кого им было записано это произведение. Его содержание наводит нас на мысль, что записано оно было в ингушском ауле Гвилети, из всех населенных пунктов наиболее близко примыкающего к горе Казбек и одновременно находящегося на самом высшем подъеме Военно-Грузинской дороги. В этом ауле путешественники прежних лет обычно делали привал, меняли лошадей, нанимали проводников, закупали продукты и пр. Заодно

некоторые из путешественников интересовались фольклором и этнографией высокогорных жителей. Еще М. Лермонтов в своей поэме «Измаил-бей» отмечал:

Темны преданья их. Старик-чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.

Известно, что авторам тех времен весьма трудно было разобраться в сложной этнической обстановке Кавказа и могли огульно называть их татарами, лезгинами, черкесами и др. Да и в поэме «Измаил-бей» ее автор постоянно путает этнические названия, чечен, лезгин, черкес, – все на одно лицо.

Иногда случалось, что ингушей в то время кое-кто называл чеченцами. Не избежал этой ошибки и великий русский поэт. От жителей Гвилети записывали материалы и некий А. Висковатов и разные анонимные авторы. В их числе был и В. Светлов. От ингушей, и только от них, он мог записать имена древних ингушских богов.

Да и само действие локализовано горою Казбек, к которому гвилетцы относились как к своей священной вершине.

По историческим данным, вокруг Казбека в древности жили ингуши, называвшиеся дзудзуками и двалами. Столь величавая гора не могла не отложиться в фольклоре и верованиях ингушей.

В произведении действуют простой нарт, полулюди-полубоги и сами боги, подразделяемые на низших и на верховного. Его имя **Тга** (по записи В. Светлова). Это древнейший бог ингушей по имени **Ткъа**. Фонема **къ** из этого имени отсутствует в русском языке. Поэтому В. Светлов передал этот звук через «г». Ч. Ахриев вообще опустил этот звук в имени бога Ткъа, написав просто **тамаж**. Разные исследователи по-русски писали и пишут **Тха**.

К сожалению, некоторые современные исследователи строят свои этимологические построения, исходя из написания слова на другом языке (здесь: – *Тха*). Тут имеется антинаучный подход. Ибо непреложным является факт, что любое слово, которое подвергается этимологии, должно быть сначала восстановлено в своем первоначальном звучании (здесь: – *Ткъа*) и лишь затем возможно производить его этимологию.

Двойником ингушского древнего верховного ингушского бога **Ткъа** является адыгский древний бог **Тхьа**, главнейшей функцией которого являлось земледелие. Ингушский **Ткъа** и адыгский «**Тхьа**», по всей видимости, являются столь древними, что восходят к многотысячелетней давности общности кавказских народов. В древнем культурном центре горной Ингушетии, в Ассинской котловине, находится древнейший и величественный храм **ТкъобIаь-Ерды**. По всем признакам это христианский храм. Однако название его

является древнеингушским. По всей видимости, византийско-грузинское христианство, в Средние века проникнув в Ингушетию, «паразитировало» на древней местной религии и на месте капища, посвященного богу **Ткъа**, и совместно с ингушскими мастерами воздвигло величественный христианский храм. Однако традиция оказалась столь сильной, что древнее имя Ткъа христианство не смогло подвергнуть забвению. Вероятно, древнейший кавказский **Ткъа** являлся солнечным божеством. Подтверждением чему является указание в тексте «Семь сыновей вьюги. Ингушское предание» на то, что Ткъа, проживая на вершине Казбека, держит при себе Солнце, греется в его лучах.

Божество Ткъа столь древнее, что со временем возвеличение его стало слабеть. Так, в анализируемом сказании оно предстает злым и враждебным человеку, хотя Ткъа и назван Великим Нартом, сотворившим земных нартов и все прочее во Вселенной. Однако, в интересах обострения конфликтной ситуации, в этом сказании бог Ткъа доведен до враждебного нартам состояния, чтобы тем самым возвеличить нарта Курюко, смелого и находчивого альтруиста, не побоявшегося грозного Великого Нярта и пожертвовавшего собою ради счастья людей.

С именем греческого Прометея обычно связывают добывание огня, забывая, что он создал людей и затем наделил их многими нужными им вещами. Указание Эсхила и других авторов на то, что Прометей был прикован к горам Кавказа, в современной фольклористике (в ее записях) породило целую лавину текстов о богоборцах – похитителях огня. Но в ингушском фольклоре этого мотива нет. Известно, что огонь в жизни далеких предков человека играл весьма существенную роль и, несомненно, он отразился в древней мифологии как добытое великое благо, что пережиточно еще сохранилось вплоть до греческой литературы эллинского периода. Однако человек десятки тысяч лет назад сам, без особого труда, научился добывать огонь. Сквозь большую глубину веков процесс его добывания давно стал обыденным и перестал восприниматься как чудо. Вызывает недоразумение фиксация уже в новейшее время фольклорных произведений о чуде добывания огня, когда само чудо давным-давно забыто.

Нарт Курюко из «Семи сыновей вьюги...» добывает для людей овец и тростник, что также вызывает некоторое недоумение. Ведь скотоводство появилось ряд тысячелетий назад, причем освоение этого ремесла произошло не одномоментно, а постепенно, как результат охотничьего промысла. Это тоже не могло восприниматься как чудо. Чудесным также не могло быть и добывание тростника, хотя бы уже потому, что в жизни ингушей он практически не имел никакого значения, – ни в качестве строительного материала, ни топлива. Да в горах и не было таких заводей, в которых обильно рос бы камыш. Другое дело на равнине. Например, он, наверняка, имел значение для равнинных скотоводов, ведших полукочевой

образ жизни и довольно часто вынужденных строить временные жилища.

Откуда же в ингушском сказании взялся камыш? В. Светлов, помимо ингушского, интересовался и кабардинским фольклором. Вот в нем-то и есть произведения «Прикованный старик» и «Месть Тха», в которых фигурируют и камыш, и имя кабардинского нартского героя Созруко, имя которого совершенно неизвестно ингушскому фольклору.

Попутно заметим, что «писатели», подобные В. Светлову, по-своему относились к фольклору, иногда обращаясь с ним крайне вольно. Но одно надо отметить, что ингушская мифология, связанная с горою Казбек, В. Светловым была исследована довольно тщательно и достоверно, о чем свидетельствует целый ряд фактов. Помимо могучего Ткъа нашли в этом тексте отражение и древние ингушские Великие Матери стихий Воды, Ветра, Земли, Вьюги; по-ингушски соответственно называемые Хи-нана, Миха-нана, Мехка-нана и Дардза-нана. Ингушские имена этих богинь и ингушское название созвездия Большой Медведицы, которое В. Светлов зафиксировал довольно точно по-ингушски «Дардза-Куангидж (Вьюгины сыновья)», являются неоспоримым свидетельством того, что они В. Светловым были непосредственно услышаны из уст ингушских информаторов. Правда, имена и функции этих богинь им иногда путаются. К примеру, богини Хи-нана (Мать-воды) и Миха-нана (Мать-ветра) им объединены в одно имя – «Химиханинен», причем этим именем он называет Мать-вьюг, которую в других местах он уже по-русски называет ее подлинным именем «Мать вьюг» (пример из Светлого: «Мать вьюг вздохнула, и Курюко был унесен вихрем в пещеру»).

Вряд ли будет справедливо упрекать В. Светлова в смешивании имен Великих Матерей. Необходимо учитывать, что это сказание было опубликовано в 1910 г. в то время, когда среди ингушей уже прочно укоренился ислам, а прежние религиозные верования в рудиментарной форме сохранялись лишь в сознании некоторых представителей старшего поколения той поры. Только от них и мог В. Светлов почерпнуть столь верные сведения из древней религии ингушей. Еще А. Висковатов жаловался, что очень трудно записывать разные сведения от горцев, очень слабо владевших русским языком.

Вместе с тем В. Светлов, сохраняя древнюю местную фольклорно-мифологическую основу, как уже сказано, допустил и некую литературную обработку, которая отразилась лишь на стиле, но не на содержании.

Довольно значительный интерес представляет отразившаяся в сказании народная оценка нартов у ингушей в прошлом. Сегодня у них, как и у других северокавказских народов, нарты – единое воинское сообщество героических личностей, как правило, не связанных с производительным трудом и проводящее время в

набегах, на охоте и за обильным столом; постоянно враждующих с мифическими, а позднее, частично, и историческими врагами.

Прежняя картина нартской общности у ингушей, судя по этому сказанию, была намного сложнее и разнообразнее. Оказывается, сам верховный бог Тга (Ткъа) являлся Великим Нартом, а земное сообщество нартов было дуальным, т. е. состояло из положительных (условно-человечных) и отрицательных (доведенных до людоедства). Эти два типа нартов резко противопоставлены и находятся в постоянной и непримиримой войне. Дуальность героев – это типичная черта фольклора, восходящая к мифологическому времени. Со временем эти черные нарты-людоеды исчезли из ингушского нартского эпоса. Но любовное отношение к положительным нартам не только сохранялось, а и приумножалось. В записи В. Светлова, нарты характеризуется народом следующим образом:

«Нарты были могущественные и сильные люди-великаны, которых Тга поселил у подножия горы... Великаны-богатыри славились неслыханным мужеством, храбростью и гордостью... они были беспощадны к нартам-людоедам и вели с ними никогда не прекращавшуюся войну». [14, I, *94*].

Эта оценка нартов, почерпнутая В. Светловым от ингушей и независимо от Чаха Ахриева, согласуется с его трактовкой нартов, сделанной им лет за сорок до В. Светлова.

Ч. Ахриев писал:

«Во всех ингушских сказках и песнях героями являются **нярты** и орхустойцы с противоположными характерами. Первых изображают как людей в высшей степени добрых и нравственных, а потому не удивительно, что слово **нярт** сделалось между ингушами нарицательным именем. Ингуш, желая выразить посильнее похвалу кому-либо, говорит так: «Нярт вох санна ва из», т. е. «Он молодец, как нярт, он добр, как нярт». В памяти народа нярты являются рыцарями, защитниками слабых, вот почему они и ведут беспрерывную борьбу с орхустойцами...» [20].

Тут будет уместно привести два замечания, сделанные В. Светловым относительно оценки нартов:

«Нарты из поколения в поколение делались мельче и слабее, пока не выродились в обыкновенных людей. “Вот какие люди, – говорят старики-ингуши, – жили когда-то на свете, и вот почему нартских людей все любят!”»

Оценка нартов у ингушей, сделанная сто и сто сорок лет (округленно) назад, едина и высоко положительна у двух авторов, обратившихся к ингушскому фольклору в разное время и независимо друг от друга. Почему-то это тождество взглядов почтенной давности ускользает из внимания современных исследователей, когда они начинают давать характеристику ингушским нартам. Также ими почти не замечается противопоставление двух типов героев, отразившееся в ингушском эпосе.

Вызывает некоторые недоумения имя главного нартского героя Курюко. В ингушском фольклоре оно звучит только в запи-

си В. Светлова, но в ингушской среде это имя бытовало довольно активно. Свидетельством тому может служить хотя бы то, что в ингушской ономастике имеется целых три рода Куркиевых, абсолютно между собою не родственных и восходящих каждый к имени пращура по имени Курка (*Куркъа* – инг.)

Имя Куркъа разложимо на части: **«кур»** и **«къа»**. Первая часть, в зависимости от контекста, может восприниматься и как «гордый» и как, описательно, «высшая часть чего-то». Так, в древности ингуши носили высокие, спереди слегка загнутые, шапки (колпаки), которые назывались «курхарс» (кур+хьарс). «Хьарс» (харс) имеет приближенное значение «обсыпать». Этот колпак инкрустировался разными украшениями. Но вряд ли имя нартского героя имеет отношение к нему. Учитывая характер непокорного героя, видимо, ему более соответствующим является значение «гордый». Вторая частица «къа» может восприниматься как адыгское «къуа», часто прикрепляемое к имени мужчины в значении сын. Немало адыгских имен, оканчивающихся на «къо» (ко), вошло в ингушскую ономастику (например, Темарко, Эльжарко, Жосарко, Сосарко и др.). Но в данном случае «ко» в имени ингушского Курюко не является из этого ряда. Дело в том, что и в ингушском языке сохранились свои слова на «къо» (ко) в значении «мужчина» или «сын». К примеру: «*къ*онгаш» (сыновья), «*къ*она» (молодой), «*къ*аьна» (старый), «*къ*ай» (почтенный старец), «*къ*онах» (мужчина), «*къ*у» (вор) и др.

Суммируя значения двух основ «кур» и «ко (ка)», мы можем вывести общее значение имени: «Сын гордости» или проще – «Гордый». Имя с таким значением весьма соответствует несгибаемому нарту Курюко, не пожелавшему позволить принести себя в жертву Ткъа, смело выступившему против него и ценой своей жизни облагодетельствовавшему людей.

Попутно необходимо заметить и другое. В дохристианский период у армян имелось какое-то божество, по имени Курка, возможно, как наследие ассимилированных урартов. Если тут обнаружится связь этого божества с ингушским героем, то можно было бы предположить наличие каких-то весьма древних истоков.

В образе Курюко народ воплотил высокие гуманистические идеи, прославляющие жертвенность человека собою ради общечеловеческого благополучия. Не зря еще более ста лет назад Башир Далгат, занимаясь фольклорно-этнографической работой среди ингушей, отмечал наличие у них развитых идей альтруизма.

Герои прометеевского типа, в действиях которых имеет место выступление божественного или обыкновенного героя против верховного божества, обычно становятся прославляемыми в период какой-либо религиозной ломки в сознании народа. Старые боги как бы перестают помогать людям, и люди ударяются в поиски новых богов, способных облагодетельствовать людей. Приводимое сказание, возможно, утвердилось в народе, когда вера в Ткъа, Великих

Матерей пошатнулась. Но одновременно нельзя упускать из виду и то, что народ осуждал антибожественные выступления и потому подвергал богоборцев наказанию. Потому-то Курюко прикован к скале в горных глубинах и «до сих пор ежедневно прилетает к нему горный орел и терзает его великодушное, храброе сердце» и т. д. Танталовы муки ингушского богоборца во многом сродни мукам двойников ингушского героя, будь то греческий Прометей, или грузинский Амиран, или адыгский Насрен-жаке... Но ко всем выпавшем им невзгодам ингуши к своему герою приплюсовали еще едва ли не самое тяжелое наказание – это то, что могучий Ткъа посадил навечно у ног страдающего героя свою жену Дардза-Нану (Мать вьюг). «Старуха, озлобленная на него за наказание, которое ей приходится нести из-за него, и за потерю своих сыновей, кормит его сухими кореньями... Иногда она выходит из себя, неистовствует, бранится и бьет беспомощного нарта. И тогда сыплются на людей завалы, грозно воет в долине буря, огромными густыми хлопьями падает снег».

Наверное, проклятия озлобленной старухи, лишившейся своих семи сыновей «Дардза къонгаш» (созвездие «Большая Медведица»), становятся для богоотступника наибольшим наказанием. И все же народная любовь к своему защитнику оказалась торжествующей – не зря, повторим, сказание завершается словами: «Вот какие люди, – говорят старики-ингуши, – жили когда-то на свете, и вот почему нартских людей все любят».

В ранее приведенном исследовании о нартском герое Кинда Шоа (Карашауай и др.), в имени которого звучит «шо (а)» – *лед*, мы приводили запись XIX века А. Висковатого «С Казбека». Вновь вернемся к ней.

По этому тексту, как уже упоминалось, некий добродетельный старец (прообраз Ноя), очутившись после потопа на горе Казбек (прообраз Арарата), возроптал, что он и его жена обречены на голодную смерть среди ледовой пустыни гор. Тогда Всевышний определил ему и его потомству в пищу священный лед горы. Далее: «и родились у жены его от этой пищи семь сыновей, белых, как снег Бешлама (Казбека. – *И. Д.*), и ясных, как божий день» [235]. Кстати, по замечанию Шортановой, и адыги созвездие Большая Медведица называют «Семь братьев-звезд» [220, *75*].

Эти семь сыновей по имени их матери Дардза-наны названы «Дардза-къонгаш», т. е. как их и записал В. Светлов («Дардза-Куангидж»). Некий исследователь Гр. Потанин, путешествовавшей по всей России в дореволюционное время, это созвездие записал в словах: «Созвездие Большой Медведицы. У ингушей на Кавказе Уор-воше вяджери, «семь родных братьев» – по показанию некого ингуша, сосланного в Иркутск». По другой записи Гр. Потанина: «Ингуши: Уор-вож «семь братьев» (записано мною от ингуша-милиционера в Тифлисе)» [166].

В тексте В. Светлова эти семеро братьев – сыновья Ткъа и Дардзаханы – обрисованы как огромные тени-великаны, вскормленные снегом и боящиеся огня и солнца. Обрисовка этих братьев идентична у А. Висковатого и В. Светлова. Вместе с тем в их записях присутствует мотив вскармливания героев льдом или снегом, который, как было отмечено, присутствует и в балкаро-карачаевском сказании о Шауэе, также вскормленном льдом. Уместно напомнить, что это имя тождественно ингушскому Шоа, но, напомним, в переводе с ингушского «шо(а)» означает именно лед. Ингушские названия ледников, сползающих с Казбека, также имеют в своем названии этот ингушизм «шо(а)» – *лед*.

Высокогорные жители часто страдали от неустойчивой, человеку враждебной природы (ливни, лавины, градобой, снежные бураны и пр.). Вполне резонно, что богиня вьюг Дардза-нана в глазах горцев осмысливалась как грозное и враждебное существо. В этом сказании, впрочем, как и в ряде других, она противится тем, кто пытается подняться на вершину горы, засыпая их снежной бурей и к тому же издавая петушиные крики. На наш взгляд, эти так называемые крики имеют под собою биологическое объяснение, а именно: у человека, поднявшегося в гору, нарушается давление в ушах – падает внешнее и за счет этого увеличивается внутреннее, что отражается на барабанную перепонку, начинающую имитировать разные шумы, в данном случае принимаемые восходителями за петушиные крики. Такое явление, надо полагать, особенно явственно заявляет о себе при восхождении на гору Казбек и вполне резонно вызывало у горцев суеверный страх. Потому-то существовал запрет на восхождение на эту гору; и потому-то в сознании народа герой-страдалец считался заключенным именно в такой враждебной человеку среде. Впрочем, невзирая на эти запреты, жители аула Гвилети со временем многократно покоряли Казбек и нанимались проводниками для опытных альпинистов. Одним из них и был «добродушный Цогал» в записи А. Висковатого.

Удивляет появление в Нартиаде мотива «звезда – горящая субстанция», которую можно сбить и затем у нее обогреться. Такое понятие о звездах появилось лишь в последние один-два века, благодаря открытиям современной астрофизики. Но в отдаленные времена звезды представлялись холодными, словно лед, лежащий на самом высокогорье. Наблюдая вечные снега на нем, и, что чем выше восходишь к небу, тем холоднее, горцу и звезды представлялись ледяными. Такими были в сказании ставшие звездами семеро братьев, вскормленные снегами и льдом горы и боящиеся огня и солнца, – своих врагов.

О горе Казбек, которая издревле находилась в окружении ингушских племен, А. Висковатов справедливо отозвался следующим замечанием:

«Все это сообщает Бешлам-Корту (Казбеку. – *И. Д.*) какую-то святость, которая, без сомнения, вместе с суеверным страхом,

внушаемым злою Мягкинен (так называется добрая богиня страны Мехка-нана, которую А. Висковатов спутал со злой богиней вьюг Дардза-наной. – *И. Д.*), делает во мнении народов эту гору недоступною для людей» [235].

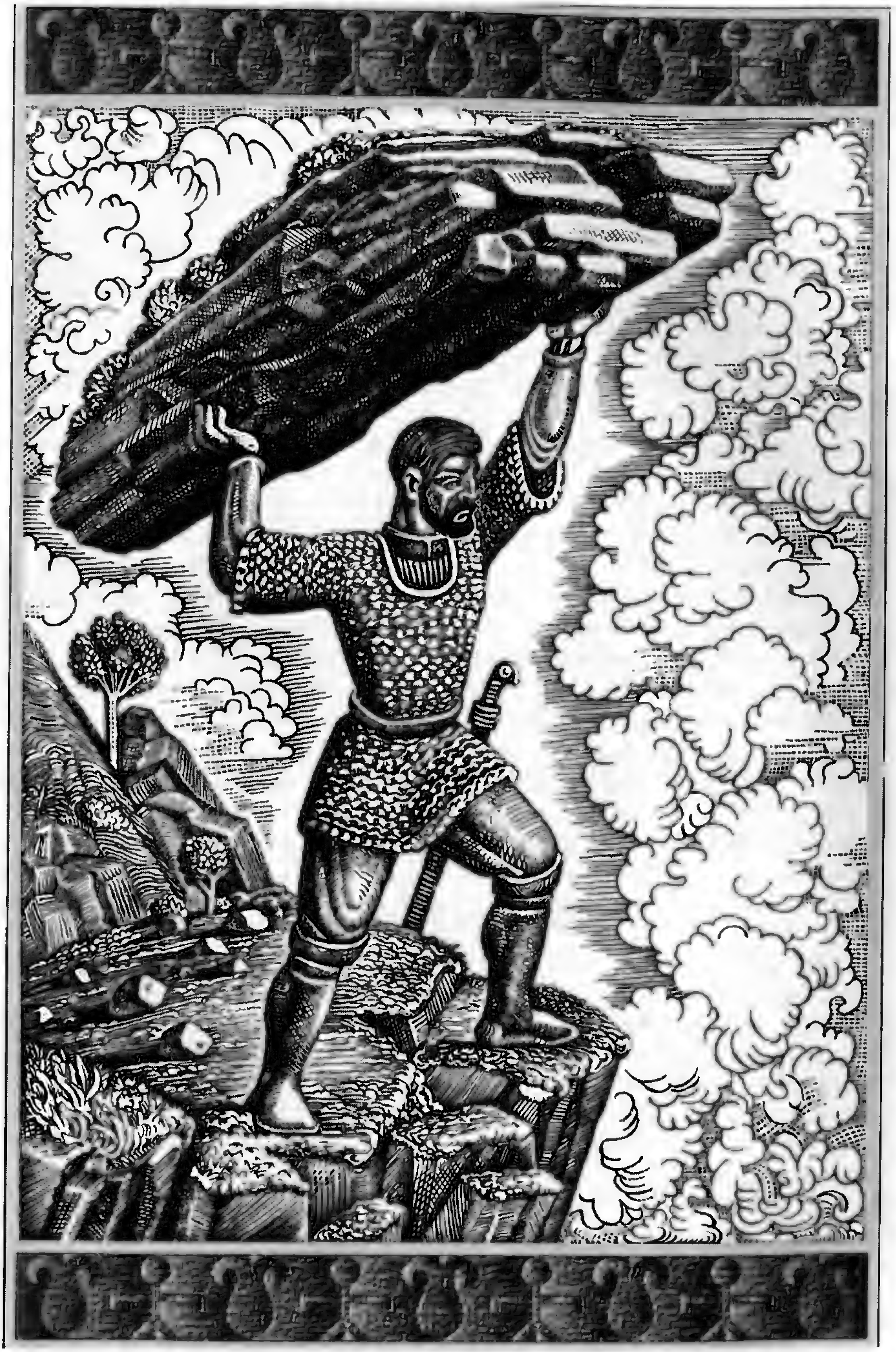
По мотивам сказания «Семь сыновей вьюги. Ингушское предание» была написана драматическая поэма писателем С. Чахкиевым «Чаша слез» в подражание древнегреческой драме. Вместо бога Ткъа писателем был введен бог Села (бог грома, молнии, погоды, войны). Вслед за С. Чахкиевым литератором А. Сулеймановым, в подражание ему, было создано произведение «Пхармат», по имени его одноименного героя, нарочито созвучного имени Прометей. Также А. Сулейманов жестокосердным вывел бога Селу, якобы обитающего на горе Казбек. Оба автора неправы, громовержец Села никогда в местной мифологии не связывался с горою Казбек, поскольку у него имелась своя тронная гора Цай-лоам (Святая гора). Такая вольность в перемещении имен героев и местностей обитания богов позволительна для писателей и поэтов, но совершенно нежелательна для фольклористов; тем более выдавать собственные сочинения за фольклорные произведения. Такая мистификация вредна.

Как-то наш известный фольклорист А. Мальсагов, приняв мистификацию о Пхармате за истинное фольклорное произведение, написал о нем брошюру «Маьлха дуне» (Грозный, 1971), в чем позднее раскаивался, т. к. подражение С. Чахкиеву принял за фольклорное произведение. Позднее им были обнаружены ранее незамеченные несуразицы, отмечать которые в данном контексте не имеет смысла.

Драматическая поэма С. Чахкиева «Чаша слез» была переработана в пьесу. Спектакль по ней вызвал большой интерес у зрителей. Как и в далеком прошлом, так и сегодня люди с большим интересом и уважением относятся к личностям, которые, не взирая на трудности, отдают себя и все свои силы на благо людей.

* * *

В местной фольклористике 60–70 гг. XX века довольно прочно утвердился т. н. тип героев, участвующих в эпосе, под надуманным названием «местные герои». Отсюда пошла круговерть: в ингушском эпосе есть как бы подлинный и широко у других народав представленный нартский эпос, ингушами фрагментарно воспринятый у соседей, и есть у ингушей второй эпос, находящийся с ним в симбиозе – тип героев историко-героического плана. Получались ножницы: если одних из героев эпоса назвали местными, то по прямой аналогии явствует, что есть и другой «неместный» тип героев, т. е. тип героев не местных, а откуда-то воспринятых. Ясно, что тут подразумеваются нартские версии других народов. Что означает: у ингушей своего нартского эпоса нет.



Нарт Колой-кант в гневе поражает скалою своих супостатов
Рисунок И. Дажильгова

Несомненно, что мы имеем разные типы ингушских нартских героев. Один тип олицетворяет старых героев, теснее связанных с небесами, природными стихиями. Эти исполины иногда противоборствуют между собою и с богами или некоторыми злыми силами. Случается, что вступают они и во взаимоотношения с человеком. Во всем видны необузданные, стихийные силы, словно природа ожила и временами неистовствует, временами замирает.

С этой первобытной силой вступает в бой нартская дружина. Ее представители великаноподобны, хорошо вооружены, придерживаются высоких принципов мужества, чести, взаимовыручки и всех других норм дружинной этики, но вместе с тем, когда можно покуситься на чужое добро, становятся алчными, корыстолюбивыми и готовыми на некоторые неблаговидные поступки ради достижения своей цели. Они являются подлинными сынами своеобразных идеалов ранней поры человечества.

Нарты первоначально, как бы сродни богам, и даже нередко являются ими. Но постепенно приобретая человеческие черты, они начинают сходить с небес на землю. В народном представлении нартов было много и разных, начиная от великого бога Ткъа, могучих богатырей-великанов, людоедов и одноглазов. Нарты эти полубожественны, полухтоничны и в результате получеловечны, сохраняя свои титанические черты. В течение длительного исторического времени в нартском обществе должны были происходить изменения. Нарты становились все более человечными.

Именно такими нартами представляли себе ингуши своих первопредков (этноархов). Правильнее будет этих пращуров именовать нартами следующего, второго, и последнего нартского поколения. И в данном случае речь ни в коем случае не идет о каком-то затухании эпоса, перед нами один из примеров дальнейшего развития эпоса, попытка его более идейно-тематического сближения с изменяющимися условиями всего нартского многовекового потока эпоса.

Номенклатуру т. н. ингушских «местных героев» У. Далгат видит в следующем перечне: Колой-кант, Охкыр-кант, Баьтар, Горжай, Пхагал Баьри, Бийдолг Баьри, Киндий Шоа [69, *173*]. Далгатовский перечень представляется составленным без критического учета типологических особенностей каждого из приведенных персонажей. Тут в одной увязке находятся и нартские богатыри, присущие другим северокавказским версиям; и мифологические персонажи и несколько личностей т. н. местных богатырей. Во-первых, как в этот перечень попали нартские (именно) богатыри Баьтар и Киндий Шоа? Кажется, ни у кого нет сомнений, что Бятар восходит к тюрко-монгольской традиции, и его даже считают одним из главных героев, например, осетинского эпоса (Батар-асский-осетинский?), этот же герой имеется и в других версиях (Батыр – от Багатур). Ингушского КIиндий Шоа мы видим в адыгском Шауее, в балкаро-карачаевском Кара Шух и в осетин-

ском Саэе. Затем возьмем двух персонажей: Пхагал-бяре (Заячий всадник) и Бийдолг-бяре (Мужичек с кулачок и локоток) – это же типичные мифические персонажи (кавказские **испы, быценаты...**), они имеются и в русском фольклоре.

А вот в позднейший и новый тип нартских героев, вступающих в различные связи со старшим типом нартских героев, в приведенной цитате приведены лишь двое героев: Колой-кант и Охкар-кант. Почему-то в их перечень не попали Барахой-кант и Эшка Бохтар. Итого четверо героев. Но надо к этим героям присмотреться внимательнее.

Первые трое героев с наращением к имени слова «кант» совершенно не являются именами собственными. Слово «кант» имеет смысл «молодец», «парень», «потомок». Но для удобства ограничимся словом «молодец». Тогда имена этих троих героев в переводе зазвучат в следующем виде: Калоевский молодец, Охкаройский молодец, Барахойский молодец. Как видим, при «ингушском» написании эти имена звучат в роли собственных, но на самом деле не так – перед нами имена нарицательные и обезличенные, определяется только их родоплеменная принадлежность. Отдельно от этих «молодцев» стоит имя Эшка Бохтар (перевод: «Железный Богатырь»), признаваемый этноархом знаменитого ингушского рода Богатыревых. Барахоевского молодца и Эшка Бохтара У. Далгат переносит к т. н. разделу «исторического эпоса». Типологически одинаковые герои оказываются то в названном «эпосе», то причисленными к нартам.

Роль этих т. н. «местных» героев в ингушском нартском эпосе явно незначительна и эпизодична. Иногда эти «местные герои» вступают с именитыми нартами в малозначительные конфликты, которые не перерастают во враждебные отношения, а завершаются заключением родства. Часто дочь знаменитого Соска Солсы становится женою одного из т. н. «местных героев», и тем самым, заключением родства, все возможные конфликты снимаются, поскольку они уже неуместны среди людей, спаянных родственными отношениями.

Более усложненный конфликт возник было между Соска Солсой и Калой-кантом, но даже тут не пролилась кровь и все разрешилось родством. Видимо, великому Льву Толстому настолько импонировало это мирное разрешение, что на полях книги он приписал: «Сказка прекрасная».

Определенный интерес с точки зрения истории представляет сказание о Барахой-канте. В нем использованы некоторые традиционные сказочные сюжеты, главный из которых – уступка героем своей жены (невесты) за землю. Подобный сюжет есть и у кабардинцев – уступка Кабардой Тамбиевым жены за землю. Подобных примеров немало в мировом фольклоре. Но в приводимом ингушском тексте есть одна историческая особенность, заключающаяся в следующем.

В VIII–XII вв., когда Грузинское царство достигло своего рассвета и проводило широкую захватническую политику с целью усиления своего влияния на приграничные горские народы, одним из главных их орудий стало распространение христианства. В результате в одной лишь Ингушетии, конкретнее – в одной лишь Ассинской котловине местными и грузинскими мастерами были возведены храмы Ткобя-Ерды, Альби-Ерды, ТІаргам-Ерды. При этом в Ингушетии наверняка находились и представители грузинского духовенства и воинства, видимо, захватив определенную территорию. В сказании Барахой-канту удается освободить занятую территорию своей страны. И характерно то, что в данном случае его помощником выступает сам глава нартской дружины Соска Солса, являющийся другом Барахой-канта.

В некоторых исследованиях иногда слышится, что-де нарты являются прищельцами-завоевателями и между ними и «добрыми местными героями» существует непримиримый антагонизм и пр. Все обстоит как раз наоборот: и те и другие герои дружат, скрепляются брачными узами, помогают друг другу.

Представить нартов в роли чужеземцев и насильников, а т. н. «местных героев», в противовес им, представить защитниками отечества – глубоко ошибочное заблуждение (а, может быть, и намеренная попытка извращения ингушского нартского эпоса).

Эти герои не являются полярными и между ними лишь иногда возникают некоторые недоразумения на бытовой почве.

Вот один из примеров:

Соска Солса и Эшка Бохтар договорились в такой-то день вместе отправиться в какой-то поход. В назначенное время Бохтар явился к дому Соска Солсы, но оказалось, что он не стал ждать своего напарника Бохтара и сам уехал куда-то, без всяких объяснений. Бохтар увидел в этом не только нарушение мужского слова, а и пренебрежительное к себе отношение. Этого простить он не смог и как бы в отместку похитил дочь Соска Солсы... В конце концов все закончилось свадьбой Бохтара и дочери Соска Солсы.

Тут видно лишь ущемленье гордости одного из друзей, но нет никаких враждебных выпадов и войны. Просто произошла бытовая ссора, закончившаяся мирно. И в других сказаниях «столкновения» происходят между героями из-за ущемленного самолюбия или из-за спора за пару овечек, или за клочок земли – все причины малозначительны и не служат поводом не только к какой-то войне, а даже к родовым распрям. Обыкновенная бытовщина.

Дополнительным свидетельством к сказанному приведем нартское «Сказание о нарте Соска Солсе и Охкар-канте». Тут нет ничего героического, в его основе лежит также бытовой сюжет.

Соска Солса живет в Галгайче (на реке Ассе), а Охкар-кант в местности Охкаре, примыкающей к горе Казбек и граничащей с Грузией. Они друзья и часто навещают друг друга. Жена Охкар-канта, по имени Альбика, была красавицей, и Соска Солса задумал нехорошее дело: отбить жену своего друга. С этой целью он поехал

По сказаниям, камни, высотою более пяти метров, сложены Калой-кантом
Фото И. Дахкильгова

к ним в гости, когда самого Охкар-канта не было дома. Красавица сразу догадалась о намерении Соска Солсы. Он же предложил ей собираться в путь. Альбика упросила его сначала отведать кашу, которую она готовит особым способом.

Она приготовила кашу на своем грудном молоке, добавила разных специй и подала ее Соска Солсе. Каша ему понравилась, и когда он похвалил ее, жена Охкар-канта сказала:

– Соска Солса, ты теперь мой сын. Эта каша была приготовлена на моем молоке. Теперь ты мой «энчик» – молочный сын. Все это я сделала, чтобы вы не стали воевать из-за меня и остались бы друзьями, верными, как и прежде.

Соска Солсе стало стыдно, и он тут же уехал. Долго он не приезжал к ним. Со временем он и Охкар-кант продолжили свою дружбу и во всем помогали друг другу [102].

Тут мы не видим героических поступков двух нартов. Главная героиня тут мудрая женщина, которая, использовав древний обычай, сохранила мир и дружбу двух мужчин. Само имя Охкаркант также не является именем собственным. Тут герой назван по имени местности Охкаре: по-ингушски означает «Обрывистая местность». На этой местности когда-то находилось мощное царство Дзурдзукетия. В XVIII веке «владельцем» этой местности был Хавса (ХьовцIа), который оказывал русским посольствам помощь в переходах через Кавказский хребет в Грузию.

Пожалуй лишь избыток воображения может тут видеть войну разных народов, положительных или отрицательных героев и разные несуразицы. В прежние времена, как уже отмечалось, каждый ингушский мужчина был прежде всего воином. В этом духе он воспитывался с детских лет. Прежде всего уделялось внимание воспитанию в духе воинской этики. К примеру, всегда иметь при себе какое-нибудь оружие, не делать «женскую» работу и вообще заниматься «пустяшными» делами; разными способами отражать возможные неблаговидные намеки по вопросам чести и достоинства, никогда не выражать свое эмоциональное состояние (ни плача, ни смеха); строжайше оберегать жизнь, честь и достоинство женщины; не глумиться над трупом, оказывать помощь слабому и беззащитному, заботиться о сельских сиротах, быть милосердным, даже к поверженному врагу: не сквернословить и мн. др., вплоть до того, что, как это было среди алан, почетным считалось принять смерть в бою, а не в постели. По этому случаю даже до сих пор в ходу пословица: «Гордый пес не умер на своем дворе» («Яхь йола пхьу ший коа беннабац»). Как и у всех народов, трусость считалась величайшим пороком и позором, достойным изгоя. Еще Ю. Клапрот отмечал: «Они считают презрение к жизни достоинством, а малейшее проявление страха – самым большим недостатком».

Горцы любили шутку, но при этом у них в ходу была поговорка: «Шутки – корешки вражды» («Бегаш – довна юхьигаш»). Такое понятие родилось в результате того, как это было отмечено многими этнографами, что ингуши большое значение придавали слову, словесное оскорбление считалось у них самым злостным, а в шутке иногда могло проскользнуть какое-либо двусмысленное слово, а то и саму шутку могли принять за какой-то намек. Но и тут народ ввел за правило осуждать человека мнительного, обижающегося по пустякам. Этнографы также отмечали, что ингуши быстро отходчивы.

Перечисляя некоторые этикетные нормы ингушского мужчины-воина, мы далеки от мысли их исключительности, только возможны какие-нибудь частичные местные особенности.

Такими нормами в ингушском эпосе обладают как общеэпические нарты старшего поколения, так и нарты, условно говоря, нового поколения. Помимо вышеперечисленных к ним относятся такие нарты, как Сятал, Моказ, Тох, Джантелг, Майра, Болат и др., образы которых, возможно, в дальнейшем будут подвергнуты специальному изучению.

СЕЛА САТА И ДРУГИЕ ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ

В кавказской Нартиаде образ Села Саты (Сатаны, Сатаней...) занимает исключительное место. Женскими образами Нартиада не так богата, поскольку сам эпос прежде всего восхваляет мужскую

героику. Но вместе с тем перед нами предстает живой и весьма действенный образ, без которого невозможно себе представить нартский эпос.

С каждым из эпических образов связано много вопросов, над которыми исследователям приходится ломать голову. Сата не является тут исключением и прежде чем исследовать ее образ, необходимо привести увязанные с нею сказания и некоторые другие сведения.

Первая встреча с ней происходит в сказании о рождении Соска Солсы. Она одной рукой подхватывает огромный камень с зародышем этого героя, а другой рукой – кувшин с водой, величиной в три бочки. В сказании подчеркивается ее физическая мощь. Также она на равных сближается с богами: именно богиня Хи-нана (Мать вод) беседует с нею и сообщает, что камень забеременел вместо нее. Таким образом, Сата как бы причастна к рождению Соска Солсы и ей в эпосе вменяются материнские обязанности. Поэтому Сата растит и далее опекает Соска Солсу.

Вообще, Сата предстает женщиной очень самостоятельной. В ингушском эпосе лишь есть упоминания, что она вышла замуж за верховного бога неба ХІало, а по другому сообщению – за человека, живущего на небе, но ведь там, кроме бога, никто другой жить не мог. Вместе с тем Сата на равных вращается и среди нартов. Однако, вчитываясь в местные сказания, обнаруживаешь, что нарты живут не только на земле, а они часто витают на небесах, а иногда совершают путешествия в подземный мир. Небесная, земная и подземная – все три сферы – предстают местами действия ингушских нартов. Так поступает и Сата. Поэтому, видимо, ее личная жизнь предстает во многом индеферентной: то она активно действует на небе, то ее деятельность тесно увязана с обыденной жизнью нартского общества, то она спускается под землю и там хозяйничает.

Необычайным предстает само рождение Саты. По записи Б. Далгата, некогда жила одна красавица. Бог Села, как и многие другие нарты, желал жениться на ней, но боялся Соска Солсы. Умирая, красавица завещала:

– Караульте мою могилу три ночи. Если будете караулить, Села не доберется до меня, а после трех ночей от трупа моего будет исходить запах мертвеца, и Села не подойдет к нему. Если же вы не будете караулить, то Села придет и осквернит мою могилу.

Три ночи Соска Солса караулил ее могилу, но в третью ночь вздремнул. Этим моментом воспользовался Села и осквернил труп девушки, которая тут же и родила дочь.

Когда Села собирался уже уходить, Соска Солса проснулся, схватил свой лук и ранил убегающего Селу.

От этой раны у Селы выходят внутренности, и урчание их производит гром. Соска Солса взял дочь Селы и принес ее домой. Нарты назвали ее Села Сатой. Она стала вдвое красивее своей

матери и вышла замуж, как сказано, за человека, жившего на небе вместе с Селой.

Млечный Путь, называемый «Ча токхадаь мотт», то есть «Место, по которому пронесена солома», образовался, по преданию, в том месте, где Села Сата пронесла солому для брачной постели. Уходя из дому за соломой, она приготовила из теста треугольный хлеб и положила его в горячую золу с угольками; пока она возвратилась, два угла хлеба погорели, а один уцелел. На небе теперь видны три звезды, образующие треугольник: одна – светлая, а две – темные; они называются Сата-боджал (Треугольный хлеб Саты). Ингуши, проживающие на равнине, называют их проще: «Кхо ког» (Три ноги, в смысле: треугольник) [67].

Трудно разобраться: приведенный текст является мифом или нартским сказанием. Действующие лица тут: мифическая красавица, бог грома, молнии, войны и погоды Села, нарт (или бог) Соска Солса, являющаяся дочерью Селы родившаяся Сата. Действие происходит на небесах: тут и неизвестный муж Села Саты, тут и происхождение двух созвездий.

Сата – дочь бога-громовика Селы. В осетинском эпосе его заменил позднейший христианский Уастырджи (Георгий – по-гречески – Земледелец). Боги-громовики, как известно (Перун, Тор, Индра, Зевс и др.), являются наиболее древними и грозными: на первобытного человека наводили суеверный страх громы и молнии с небес.

Также первобытный человек удивлялся дневному свету, который утром появлялся и вечером угасал. Лишь намного позднее человек смог увязать явление света с Солнцем. До этого они мыслились раздельно. Даже в Библии Творец в первый день создает свет, как первичную и важнейшую субстанцию. Лишь на четвертый день им создаются светила, в их числе и Солнце. Древний человек «видел», что свет и Солнце существуют раздельно: лишь после явления света появлялось Солнце, и оно же исчезало ранее чем погаснет свет. Ученые-этнографы пришли к выводу, что человек первично, будучи значительно приземленным, обожествлял (одушевлял) предметы и явления, крайне значимые для его существования, скажем: воду, огонь, зверей и т. д. Среди них не последнее место занимали свет и тьма – ипостаси добра и зла.

С первыми проблесками своего сознания человек стал видеть окружающий мир в виде двух взаимоменяющихся субстанций – света и тьмы. Они начинали ассоциироваться с понятиями добра и зла. Также зарождалось понятие о дуальности мира: углубляясь в глубины пещер, где царили тьма, сырость и прохлада, невольно можно было прийти к мыслям о существовании подземного мира тьмы и холода. Появлялось понятие о трех мирах: небесном, земном и подземном. Такие понятия о мире являются обычными в мифологических воззрениях многих народов, в их числе и ингушей.

Дрожа от холода и страха перед ночными плотоядными животными, дикарь из своего ночного убежища с надежной ждал явление света. Украдкой он ночью наблюдал, как с востока двигалась по небу вверх очень яркая (значит, родня свету) звезда. Где-то на середине неба из-за горизонта, как бы ведомый этой звездой, начинал появляться, а затем расстилаться над землею свет. И лишь в апогее, когда над землею всецело воцарялся свет, в ее зените, выполнив свое дело – вывод света на землю, эта звезда исчезала.

Приведенная беллетризованная картина призвана помочь яснее понять ингушские реалии – свет, звезда (планета Венера), богиня и эпическая героиня **Сата,** – все во взаимной связи.

Са (со) в ингушском языке является древнейшим и многозначным словом. Примеры:

Са – *свет*
Са – *душа*
Са – *мое*
Со – *я*

} генетически родственные понятия.

Эта группа слов, восходящая к исконной лексике, составляет одно гнездо, в основе которого скорее всего лежит понятие **са – свет.** На наш взгляд **са,** условно говоря, слово праностратическое, поскольку нашло отражение в разных языковых семьях. К примеру: русское «свет»; римское **соль** (солнце) и **Сомнус** (бог сна); **сидус** (звезда) – латинское; египетское взаимосвязанное **Соти** и **Сириус** (богиня и звезда); греческие **Селена** (богиня Луны) и **Эос** (бог рассвета); осетинское **стаалы** (звезда). У греков **психе** – душа. С ним созвучно адыгское «**пса**», тоже в значении души. Словом «**сед**» осетины называют ангелов своих предков. Подобно ингушскому «**са**» (душа) находили и в английском **соул** (дух, душа).

Исходными от **са** предстают ингушизмы, связанные со светом:

Сатосс – *светает*
Сайре – *вечер*
Сийрда – *светлый*
Седкъа – *звезда*
Сега – *жечь*
Сигале – *небо...*

К слову **са** (свет, душа) восходят ингушизмы, обозначающие состояние человека. Вот некоторые из многих:

садаха – *дышать*
сакхув – *догадываюсь*
салоI – *отдыхаю*
сатем – *спокойствие*
саIехам – *утешение*
садетта – *терпеть*
сакъерд – *веселюсь*
самукъа – *просторно*
сатувс – *надеется.*
.....

И к слову **са** (свет, душа), по всей видимости, восходят слова **саг** (человек), бог Села (родственное ему слово сега – жечь).

Таким образом, слово **са** в ингушском языке исконно и весьма значимо, что подтверждается вышеприведенной его полисемией. В основе имени **Сата** несомненно лежит слово **са**. Имя это разложимо на **са** + **та**. Здесь **та** является древнейшим суффиксом, известным почти во всех кавказских языках. К тому же у ингушей имеются и сегодня женские имена, оканчивающиеся на т (Касират, Напсат, Жохират, Совдат, Фаржет и др.).

Трудно усомниться в том, что **Сата** – это имя древнейшей богини света, а затем, по совместительству, – и души. Но уже в период бронзы и железа, когда начал зарождаться героический эпос, она «спустилась» и на землю. Видимо, этим объясняется ее некоторая отрешенность от мира людей, хотя она и стала главной героиней Кавказского богатырского эпоса. В местном фольклоре она дочь бога, замужем за богом и сама багиня, поэтому в ингушском эпосе она нигде не является ни женою, ни матерью.

Божественность небесной и светоносной богини подтверждается целым рядом фактов.

Во-первых, сама она у ингушей олицетворялась в образе Венеры, как уже сказано. Называется эта «звезда» «Са хула седкъа», – ее приблизительный перевод – «Звезда, создающая свет». Сегодня нам известно, что Венера является не звездой, а планетой. Но древние об этом не ведали. Зато они видели ее среди звезд, причем и в ярчайшем сиянии и как путеводительницу и творца дневного света. Особенное почитание Венеры было характерно для многих древних народов. Например, в западно-семитской мифологии богиня **Астарта** олицетворяла планету Венера; у вавилонян и ассирийцев богиню эту именовали **Иштар**; а еще ранее у шумеров она называлась **Инанна**, что вполне созвучно ингушскому (и ряду других народов) слову «нана». Как тут не вспомнить ингушских богинь – «ноаной» (ед. число – нана)? Русские называли эту примечательную звезду-планету **Денницей**, и тут, подобно ингушской **Сате**, она творит день (т. е. свет).

Ингушскую богиню (героиню) Сату связывают с планетарной системой и другими созвездиями. Так, Млечный Путь считается ее творением. Еще в 1893 году в горной Ингушетии Б. Далгат зафиксировал ранее приведенное народное сказание-миф, по которому богиней света Сатой были сотворены два созвездия: Млечный Путь и «Кхо ког» – Треножник.

С данными, приведенными Б. Далгатом, перекликаются три сообщения некого Потанина, также зафиксированные более ста лет назад. Находясь в Восточной Сибири, он у сосланных в Сибирь ингушей лаконично записал эти сведения в своей книжке в следующем виде (приводим все три его пометки):

1. *Ингуши: Силасатас чатэгк демыт, «солома, рассыпанная Силасатой». «Силасата несла солому».*

2. *Ингуши: Сатибоджильки; боджильки – треугольный чурек (хлеб).*

3. *Вероятно, к Ориону же относится и ингушское название* ***Богски****; так называются какие-то три звезды, расположенные треугольником: это чурек (хлеб) треугольного очертания, который испекла женщина Сата; одна звезда темнее; это пригорелый край чурека» [166].*

Эти сведения вновь повествуют о творении Села Сатой двух созвездий. Небесная богиня ведет себя как обыкновенная хозяйка: она и хлеб печет, и постель стелит. Только действия ее происходят именно на небе, в родной ей среде обитания.

Названия сотворенных Села Сатой созвездий Далгатом и Потаниным, при всем незнании ими ингушского языка, зафиксированы довольно близко к оригиналу и легко с ним соотносимы.

Первое созвездие легко узнаваемо – «Место, по которому Сата пронесла солому». Но вот второе созвездие нуждается в некотором пояснении. И Далгат, и Потанин пишут, что Сата положила в очаг хлеб треугольной формы. Это не совсем правильный перевод: по-ингушски хлеб называется «маькх», а лепешка – «ольг» или «чІаьпилг». Но в названии треугольного созвездия это хлебное изделие по-ингушски у Далгата называется «боджал», а у Потанина – «боджильг». Оба слова близки и означают «боджолг» – так в старину называли лепешки типа лавашей, название которых состоит из двух слов: «бодж» – козел и «олг» – лаваш.

Известно, что в старину на Руси, при справлении христианских праздников, пекли так называемые «козелки» – треугольные хлебцы, как бы изображающие морду козла. Понятно, что ингуши, некогда воспринимая христианство из Грузии (шедшее в нее и в Россию из Византии), восприняли выпечку этих ритуальных хлебцев, нарекя их своим именем, калькированным, по всей вероятности, с грузинского или русского языков, которые в свою очередь позаимствовали их из общего греческого источника. Таким образом, ингушские «бодж олги» соответствуют русским «козелкам».

О каких же трех звездах идет речь. Ими оказываются Вега (самая яркая), Денеб и Альтаир.

Вновь обратим внимание на запись Потанина;

*«**Силасатес чатэгк демыт**, «солома, рассыпанная Силасатой. Силасата несла солому»*. Имеющееся здесь слово «демыт» позволяет в нем видеть ингушское «дом» – пыль. Не имеется ли здесь смысл – проносимая богиней солома поднимала пыль (звезды)? По крайней мере, слово «дом(ыт)» встречается только в Потанинской записи. Не исключено, что по одному варианту у ингушей Млечный Путь мыслился не только в виде осыпавшейся из рук Саты соломой, но и в виде поднятой ею пылью.

Давно отмечено, что ингушская Сата идентична одноименной (с некоторыми вариациями имени) нартской главной героини у всех кавказских народов, имеющих свои вариации Нартиады. Небесная, конкретно–светоносная, природа ярко и зримо представлена в ингушском эпосе. Но рудиментарно некоторые идентичные ей признаки обнаруживаются и у абазинцев, балкарцев, карачаевцев и др. К примеру, исследовательница балкарского и карачаевского эпоса Т. Хаджиева отметила:

«В нартских сказаниях и песнях балкарцев и карачаевцев постоянно подчеркивается лучезарная, ослепляющая красота Сатанай («Прекрасная Сатанай», «Нарты-сибилы»). Светящееся тело Сатанай – не просто эпическая условность. Образ связан с солярным происхождением героини» [154, 22]. Она же (Т. Хаджиева), добавляет, что Сатанай является дочерью Солнца и Луны.

На светоносность героини в этой цитате напрямую указывает эпитет «лучезарная». Попутно можно предположить, что переход богини света в разряд солярных божеств – явление позднее.

Интересное сообщение, связанное с именем главной нартской героини, обнаруживается в абазинском сказании «Саганея и Батараз»:

Ту, которую называют Саганея-Гуашей – имя ее Саганея. Сана – имя ее. А Саганея говорят по этому случаю: «Вот этому (цветку) даю я имя Саганея», – сказала она, указав на цветок нартсана. Сана – это ее имя.

Оказывается, исконное имя нартской героини у абазин было **Сана.** Не из одного ли корня идут имена ингушское **Сата** и абазинское **Сана?** В основе этих древнейших двух имен, восходящих к кавказскому субстрату, лежит **са,** которое в ингушском языке сохранилось в значении света, души, местоимения первого лица и др.

Связь богини Са (та) у ингушей с небом несомненна; и в эпических версиях других народов эта героиня часто увязывается с небом, светилами. К примеру, в фольклоре балкарцев и карачаевцев в сказании «Прекрасная Сатанай» сказано:

Солнце – отец Сатанай,
Луна – родившая ее ласковая мать.

В некоторых случаях жизнь нартов на земле у балкарцев и карачаевцев завершается тем, что они уходят в небо, и последней туда устремляется Сатанай. Она обращается к богам неба, земли и воды, говоря: «Теперь на земле нет никакого насилия и нужды, возьмите меня из этого мира, где нет нартов». В ответ ей с неба спускается аркан с орлиным гнездом. Сев в него и поднявшись в небо, она там продолжает помогать летающим в небе нартам (балкарское сказание «Как нарты и Сатанай переселились на небо»). В этом сказании слышен намек на то, что небесная (световая) богиня, завершив свои земные дела, вернулась на свое родное место.

Самая чтимая и положительная героиня кавказской нартиады в воззрениях народа непременно должна была войти в состав самых высокочтимых в народе «культурных героев», т. е. героев, одаривающих смертных разными благами. Иногда герои просто берут (воруют) их у божеств и таких героев в науке принято называть «трикстерами». В связи с культурными деяниями Саты уместно будет привести текст «Сноровистая Села Сата»:

У нартов не было ни пшеницы, ни ячменя, ни проса. Села Сата считалась матерью нартов. В ее доме обитала ширтка-ласочка. Иногда Села Сата хвалила ее, приговаривая:

– Ласка хорошая, а мышь плохая. Ласка хорошая, а мышь плохая...

Ласке эта похвала настолько нравилась, что она начинала танцевать, но тут же превращалась в волшебника Боткия Ширтку. У него была чудесная коляска из латуни. На ней он отправлялся то в тот подземный мир мертвых, то возвращался вновь в этот солнечный мир. Поэтому-то в народе его и прозвали: «В подземный мир уходящий Боткий Ширтка, в солнечный мир возвращающийся Боткий Ширтка».

Однажды, вернувшись из-под земли, Боткий Ширтка поведал Села Сате про ешап, живущую под землей:

– В мире мертвых обитает страшное существо ешап. У нее есть много такого, чего нет в солнечном мире. Я иду от нее, наевшись каши.

– Каша? А что это такое? – поинтересовалась Села Сата.

Боткий Ширтка начал объяснять, «что такое каша», но Села Сата стала притворяться, что ничего не понимает.

Тогда Боткий Ширтка сказал:

– Садись в мою коляску.

Села она рядом с ним. Весело покатилась коляска куда-то к уходящей в землю пещере и сквозь нее привезла их в подземный мир.

– Видишь, во-он сидит могучая женщина? – спросил Боткий Ширтка.

– Вижу, – ответила она.

– Ложись здесь и притворись, словно с тобою случился припадок. Ешап подойдет к тебе и станет расспрашивать: почему ты здесь лежишь, что умеешь ты делать и о разном другом. А ты ей ответь: «Потеряла сознание и очутилась здесь, а сама по себе я хорошая хозяйка». Эта ешап не имеет служанки, и поэтому ей туго приходится. Она возьмет тебя в услужение. А как быть дальше и что делать, ты сама поймешь.

Словно человек, лишившийся чувств, лежит Села Сата посередь дороги.

Боткий Ширтка подошел к ешап. Поговорив с нею о разном, он спросил ее:

– Кто эта женщина, что лежит на дороге?

– Где? – спросив и увидев Села Сату, ешап подошла к ней, подергав и похлопав, привела ее в чувство и спросила: – Кто ты и как сюда попала?

– Хозяйничала я у себя в доме и внезапно потеряла сознание. А очнувшись, я почему-то оказалась здесь.

– Так ты умеешь хозяйничать по дому? – поинтересовалась ешап.

– Да, меня считают умелой хозяйкой, – ответила Села Сата.

– Ты попала в те места, куда обычный человек не попадает. И теперь деваться тебе некуда. Я оставлю тебя при себе, будешь помогать мне по хозяйству.

Стала Села Сата хозяйничать в жилище ешап. А поскольку в этом деле с нею никто не мог сравниться, жилище ешап просто сверкало от наведенных чистоты и порядка. Всему этому ешап была несказанно рада. А у ешап был ячмень, которого у людей еще не было. Села Сата до тех пор ничего не знала и про наперсток, иглу и ножницы, которыми владела ешап.

Тем временем Боткий Ширтка уже ушел в солнечный мир, пообещав Села Сате вернуться к такому-то времени.

Все, что было у ешап, и все, что она умела, не ускользнуло от Села Саты. В назначенное время в подземном мире незаметно появился Боткий Ширтка.

Он посоветовал Села Сате:

– Втайне от ешап изготовь ячменную кашу и спрячь ее где-нибудь в теплом месте. Во-он в той коробке она держит хмель. Когда ешап ляжет спать, во всю ночь вари эту кашу, добавив в нее воду и хмель. Затем опять поставь эту кашу на недельку. А тем временем я вернусь и скажу, что делать дальше.

Посоветовав все это, Боткий Ширтка сел в свою коляску и уехал в солнечный мир.

Села Сата сделала все так, как он посоветовал: и варила, и мед с водою добавляла, сыпала туда и хмель. Изготовила она большой котел жидкой каши.

Прошла неделя, и вернулся Боткий Ширтка.

– Скажи ешап, – посоветовал он, – что, чтя ее и желая ей угодить, ты приготовила эту сладкую кашу. Скажи: не обессудь, что она жидка, потому что, дескать, так ее готовят у нас. Если так все и случится, она заснет крепким сном. Тогда бери у нее все, что тебе надо, и явись на это место.

Стала Села Сата еще обходительнее с ешап... Говоря, что приготовила особую кашу, которая в солнечном мире молодит людей, делает их бодрыми, она добилась того, что ешап съела всю кашу из котла.

Захмелела ешап и разыгралась. Похвалила она Села Сату и наказала ежедневно варить подобную кашу. Стала она танцевать и петь песни. Затем, сказав, что ее тянет ко сну, она легла и уснула мертвецким сном.

А ведь это была не жидкая каша, а непроцеженное пиво. И надо знать, что готовить его Села Сату научил Боткий Ширтка.

Села Сата взяла семена пшеницы, ячменя, проса, кукурузы. Также взяла наперсток, иглу и ножницы. Вскочила она в коляску Боткий Ширтки, и они вскоре вернулись в солнечный мир.

С тех пор жизнь нартов облегчилась, потому что появились урожаи злаков; к тому же с помощью наперстка, иглы и ножниц Села Сата стала шить им красивую и прочную одежду. Принарядились и повеселели нарты.

Когда-то потом Боткий Ширтка спросил у ешап:

– А где та служанка, что была у тебя в доме? Ты ее прогнала?

– Эта служанка оказалась хитрой женщиной. Уходя, она много чего хорошего унесла у меня. А вкус каши, которой она меня накормила, до сих пор стоит у меня во рту. (Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2006. Т. 4. С. 128–130].

Помимо Села Саты в сказании активными героями являются **Ешап** – страж подземного мира; Боткий Ширтка – посредник между мирами мертвых и живых и одновременно помощник нартов.

Про Села Сату сказано, что она «**считалась матерью нартов**», т. е. она опять является несколько отчужденной от нартов. Эта черта постоянно осознается в ингушском эпосе, видимо, ее божественная сущность не позволяла сказителям окончательно заземлить Села Сату. Поэтому она для Соска Солсы и для всех нартов является побочной матерью. Вместе с тем в эпосе других народов она до интимности близко входит в круг нартской дружины: то она родная мать всех нартов, то она является женою нарта и т. д.

Отличие ингушской Села Саты от своих подруг из эпических сказаний других народов прежде всего видно в том, что она окончательно не порвала со своей небесной ипостасью, но и окончательно не вошла в нартский круг. Вместе с тем, не имея кровного родства с нартами, она настолько близка им, что без нее, по меткому замечанию В. Абаева, невозможно представить сам нартский эпос народов Северного Кавказа. У всех у них имеется тесная связь нартов с небом. Не исключено, что древние видели связь между дневным светом и сверкающими ночью звездами.

По-ингушски звезда – это «**седкъа**». На наш взгляд, слово это сложное: из двух основ «**са**» – свет и «**ткъа**» – это имя древнего ингушского божества в его нарицательном значении. Исходя из ингушских реалий, можно представить себе донартскую мифическую картину: богиня света **Са**, уходя вечером с неба, оставляет на ночь своих сыновей – звезды «седкъа». А позднее вся эта мифически возможная картина стала антропологизироваться в героический эпос. Пока это догадки.

Возвращаясь к приведенному сказанию, отметим, что хвалебные слова Села Саты в адрес ширтки – ласочки («Ласка хорошая, а

мышь плохая» – «Ширткъа-дика, дахка-во») и сегодня произносят ингушские дети над норою этого зверька и, по рассказам, ласочка выбегает из норы и от радости начинает кружиться вокруг нее.

И в этом сказании некогда бывшее тотемистическим существом ласка, антропоморфизировавшись в Боткъий Ширтку, как бы в благодарность за ласковые и хвалебные слова Села Саты, приходит на помощь героине (небесной богине) и помогает ей проникнуть в подземный мир – Іел и «выкрасть» оттуда нужные для людей различные блага.

Обратившись к некоторым другим ингушским сказаниям, мы находим довольно активное проникновение нартов в потусторонний подземный мир, откуда они часто выносят предметы, советы и пр., чего нет в мире земном.

Оттуда нарты достают водяную мельницу.

Там нарты узнают о необходимости делать поминки.

В нем нарты справедливо решают свои конфликты.

Представитель этого мира Ширтка учит изготовлению пива.

Небесная богиня, а затем по совместительству нартская героиня Села Сата чудесным образом уже спустившись в третий, подземный мир, с помощью Ботки Ширтки достает для нартов разные злаковые культуры и предметы рукоделия.

Изготовление ткани и одежды в прежние времена были исключительной прерогативой, как и женщин многих национальностей, ингушских женщин (мужчинам доставались постройки, заготовка леса, выделка кож, изготовление посуды, охота...). Ингушские девушки ценились не только по родовитости, знанию обычаев и соблюдению этикетных норм, а и по искусству изготовления одежды, мягкой домашней утвари. Поэтому невесты, выходя замуж, просили у Села Саты покровительства и добротных орудий рукоделия. А Магомет Джабагиев еще в конце XIX века назвал Села Сату ингушской богиней искусств.

Ингушская Села Сата по своим культурным деяниям во многом сближается со своими двойниками из нартских традиций других северокавказских народов.

К примеру, в кабардинском эпосе отмечено, что «благодаря ее советам и удается в конце концов вернуть стране нартов семена проса» (*текст «Мать нартов»*). А исследовательница балкарокарачаевского эпоса Т. Хаджиева отметила, что эта героиня «научила нартских женщин прясть, шить, готовить бузу...» И в осетинском эпосе Сатана научила нартов изготавливать пиво.

Искусство рукоделия было столь высокочтимо, что оно отразилось в местном нартском эпосе в форме соревнования двух богинь. Тут уместно привести текст «Спор между Села Сатой и Мялха Азой».

Бог Хало владел небом. В его дружине находилось шестьдесят три воина. Наступил срок ему жениться. Он находился в

сомнении, не зная на ком жениться, потому что в мире были две прославленные девушки – Села Сата и Мялха Аза. Кого из них выбрать, он никак не мог решить.

Его шестьдесят три нарта столь долго ходили в походы по бескрайному небу, что одежда их основательно пообносилась. Необходимо было одеть воинов во все новое.

И тут Хало сказал тем прославленным двум девушкам:

– Я женюсь на той из вас, которая в одну ночь сошьет для моих шестидесяти трех нартов одежду, которая каждому из них была бы впору.

Ночью, когда нет солнца, Мялха Аза не имела права никуда выходить и должна была спать, поскольку ее жизнь была связана с солнцем. Но тот запрет не касался Села Саты, поэтому она в полночь вошла в палаты, в которых спали те шестьдесят три нарта, и в одно мгновение на глаз сняла с каждого из них мерку.

Утром засели и к вечеру закончили шить Села Сата и Мялха Аза. Сшитые одежды отдали тем шестидесяти трем всадникам. Мялха Аза, отдавая сшитую ею одежду, сказала: «Пусть каждый наденет то, что ему впору». Села Сата же каждому всаднику отдала именно для него сшитую одежду.

Сшитое Мялха Азой кому-то оказалось впору, а кому-то великовато, а другому маловато. А вот сшитое Села Сатой каждому нарту оказалось как раз по нему. Села Сата победила в этом деле. Хало женился на ней, а не на Мялха Азе.

Но вот если бы Мялха Аза имела право ходить по миру и в ночное время, и если бы она, хотя бы краем глаза, сумела глянуть на тех нартов, вот тогда только и можно было бы точно узнать, которая из двух девушек более искусна.

(Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2006. Т. 4. С. 131.)

Сказание завершается довольно дипломатично – оправдывается проигрыш Мялха Азы. Конечно же имя Саты в эпосе звучит ярче, значимее, чем имя Мялха Азы, но когда доходит дело до их сравнения, вступает этика, которая диктует: не обижать кого-либо.

Рукоделие в отдаленные времена имело в народе большое значение. Оно требовало особого искусства, терпения, большого труда. Поэтому закономерно, что этот весьма значимый труд возвеличивался до божественности. Вполне понятно, что эти две богини были прежде всего почитаемы в женской среде. В мужской же среде мужчины отдавали большее предпочтение богу Селе, который дал людям ружье, саблю и кинжал. Таким образом, видно, что отец Села и его дочь Сата были покровителями, первый – мужчин, а вторая – женщин. Но так же, естественно, эти божества имели и другие функции.

Сата у всех носителей эпоса является доброй советчицей, провидицей, ворожеей, искусницей. Нартские герои могут проникать

и на небо, и в подземный мир. Такие же «путешествия» совершают и Села Сата, и Боткий Ширтка. Но в отличие от них нарты предстают более приземленными, лишь имея в этом плане некоторые незначительные рудименты, связывающие их с небом. Образы же Села Саты и Боткий Ширтки, активно действующие в нартском эпосе, все-таки дистанцированы от «земных» нартов, поскольку их исходная среда является внеземной, или небесной (Села Сата), или подземной (Боткий Ширтка). Эти последние двое героев совершенно не принимают участия в нартских бранных делах. Они – добрые помощники и советчики. Обращение в трудную минуту к ним сродни обращению к божествам. Исследователь Шортанов, исследуя адыгский эпос, отметил характерную деталь: «Знаменательно, что создатели эпоса обрекли всех своих героев на физическую смерть, а Сатаней наделили бессмертием». Это объяснимо тем, что боги обычно бессмертны. А в ингушском эпосе не гибнут (позднейшие незначительные наслоения не в счет) не только Села Сата, а и Соска Солса и Хамчи Петарза, что также придает им божественность.

Обычно в исследованиях нартских версий вопрос о божественности Села Саты не ставится. Есть рассуждения о ее божественности (в значении эпитета), ее умении ворожить или колдовать, но о самой ее божественной сущности обычно ничего не говорится. Скорее наоборот. Так, в исследовании абазинского эпоса прямо пишется: «Сатанея не возвеличена в ранг богини, ибо образ ее сложился до возникновения классового общества и является наиболее архаическим, древним». Социологизация и архаизация не могут тут иметь особого значения. По крайней мере, на примере ингушского эпоса мы довольно убедительно обосновали божественность светоносной Саты, являющейся дочерью грозного бога Селы, женою небесного бога Хало, творительницей двух небесных созвездий и т. д.

С твердой уверенностью можно сказать, что Села Сата – одна из самых древнейших богов из мифологических праоснов древних кавказцев со временем обосновавшаяся в Нартиаде и занявшая в ней свое особое место.

К подобному же заключению пришла и исследовательница Т. Дзокаева, написав: «Зря Василий Иванович Абаев поддался аланскому искушению. Объявил Шатану (Сатану. – *И. Д.*) аланской царевной и армянской женой. Не признал в ней нартской автохтонки» [*242*, *6*].

До сих слов мы умышленно избегали весьма существенную черту богини-героини, отмеченную во многих версиях нартского эпоса: это ее домовитость и хозяйственность; у нее имеется благодать, когда нарты испытывают голодное время, она как запасливая хозяйка открывает свои кладовые и спасает их от смерти. Это деяние у богини Саты у ингушей отсутствует, но оно у них увязано с другой героиней – Жер-бабой. Это сложное имя состоит из двух слов: «жеро» – вдова и «баба» – старая женщина, слово имеющееся у многих народов. С этой героиней в ингушском фольклоре связан

мотив изобилия («беркат»). Прежде чем остановиться на образе этой героини, приведем отрывок из записи Ч. Ахриева 1875 года «Солса и Патарз»:

Солса и Патарз возвращались из дальней дороги. Они проходили через один большой город. Вместе с ними было еще шесть орхустойцев. Все они остановились у одной престарелой вдовы. С дороги они сильно проголодались. Между тем вдова налила котел, вмещавший в себя быка, и бросила туда для варки три ребра. Затем она взяла из мешка щепотку муки, начала ее сеять и приготовлять чурек. «Что она за сумасшедшая! Неужели она думает накормить нас, голодных, тремя ребрами мяса и щепоткой муки?»

Вдруг щепотка муки наполнила целое корыто, а от трех ребер наполнился весь котел мясом. «Какое чудо! – удивились орхустойцы. – Из трех ребер наполнился котел мясом, а из щепотки – корыто мукой. Объясни нам причину этого! Нас очень удивляет превращение малого в большое». – «Такая благодать была до рождения Патарза Хамчи. Это ребра быка, зарезанного до рождения Патарза, и мука, смолотая тоже до рождения Патарза. Но когда появился на свет Патарза Хамча, вся эта благодать пропала». – «Неужели виновник скудности Патарза Хамча?» – спросил Патарза Хамча вдову. Она не знала его в глаза и отвечала: «Да!» – «Как же восстановить прежнюю благодать, и зависит ли это от Патарза Хамчи?» – спросил он вдову. «Не знаю!» – отвечала вдова.

Орхустойцы возвратились домой. Патарза Хамча был сильно опечален тем, что его появление на свете есть причина потери благодати для всего человечества. Он решил погибнуть, чтобы не носить на себе больше человеческих грехов. Поэтому по возвращении домой он позвал всех жителей, чтобы они привезли дров. Затем он нажег из этих дров углей и велел вокруг углей поставить меха. Он встал посреди углей и велел жечь их и подувать мехами. Несмотря на ужасный жар, Патарза Хамча, хотя раскалился, но не умирал. Тогда он говорит с досадой: «Бросьте меня в реку. Может быть, вода отнимет душу мою!» Его бросили в реку и тогда он совсем окреп. (Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2006 Т. 4. С. 134]

Мы видим, что в этом тексте Ч. Ахриев перевел эпическое имя Жербаба на русское словосочетание «престарелая вдова». В тексте сказано, что у нее в гостях были шесть орстхойцев. Тут Ч. Ахриев спутал нартов с орстхойцами, а названный в тексте Патараз является одним из главных героев Нартиады. У ингушей эпическим числом, обозначающим множество, является «63», в этой записи названа цифра «6», которую можно признать ошибочной: ведь в тексте имеется утверждение, что малое количество пищи было приготовлено для большого количества нартов.

После Ч. Ахриева в 1901 году Б. Далгат опубликовал сокращенный вариант этого сказания:

Хамчи Патриж родился на несчастье человечества. Пока он не родился на свет, если брали землю в руки и давили ее, из нее текло масло. До того было хорошо жить до него! Он же, родившись, принес с собой несчастье всему человечеству.

Однажды Хамчи Патриж был в гостях у одной женщины, с ним было еще много других гостей. Хозяйка из двух пригоршней муки испекла хлеб, которого хватило на десять человек. Когда гости, удивившись тому, спросили ее, как она это сделала, то она сказала, что это мука с того времени, пока еще не было на свете Патрижа. Тогда Патриж с горя хотел убить себя, но хозяйка удержала его, сказав: «Все равно теперь не изменишь этого, хотя бы ты и умер, – это воля божья».

(Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2006. Т. 4. С. 135, 136].

Этот текст имеет широкое распространение. Основная его идея о счастливом и благодатном времени затмила причину обвинения Хамчи Петарза в появлении скудности на земле. Правда, позднее стали появляться мотивы замаливания героем своих каких-то неприглядных поступков (но каких – опять умалчивается), а затем герой как бы оправдан, т. к. совершил значимый для народа подвиг.

На наш взгляд, когда эпос о нартах стал угасать, а сами нарты из эпических героев стали уже восприниматься грабителями и язычниками – богоотступниками, стали появляться мотивы их гибели, осуждения. Надо полагать, что осуждению стали подвергать не первых двух любимых нартов-богов Соска Солсу и Села Сату, а третьего по значимости Хамчи Петарза. Иначе трудно объяснить возлагаемую на него вину. Но Хамчи Петарза тут же в народе оправдывается тем, что он, во-первых, не знает за собой никакой вины, а во-вторых, из-за, пусть и неизвестной, вины считает себя не в праве жить на свете и совершает попытку самоубийства. Б. Далгат в примечании к этому тексту добавил: «Замечательный альтруизм в воззрениях ингушей: человек, приносящий несчастье ближнему, не считает себя в праве жить» [68].

Но вернемся к главной идее сказания: о наличии в прошлом благодатного времени («золотого века»), когда из земли можно было давить масло, а ничтожным количеством пищи накормилось целое войско. Этот сюжет в разных вариантах имеется не только в Нартиаде, а и в фольклоре других народов. Например, в русском фольклоре пугачевское войско так кормит некая подземная бабка. Известно, что «воспоминание» об изобилии в прошлом имело своей целью экстраполяцию его в будущее. Мотив этот в Нартиаде, особенно в ингушском эпосе, развивается и через оживление че-

ловека из прошлого, который и сообщает о бывшем благодатном времени.

Двойники Села Саты из эпического наследия других северокавказских народов предстают владелицами кладовых, спасающих нартов от голода в тяжелые времена. Они же предстают и в качестве искусных поваров. Но ингушской Села Сате эти достоинства не присущи, видимо потому, что это служило бы приземлению небесной световой богини, богине, покровительнице искусств и невест. Лишь в одном сказании («Сноровистая Села Сата») она представлена искусной домохозяйкой, и то это предстает ее притворством ради похищения из подземного мира необходимых для людей вещей. Роль домохозяйки за Села Сату в ингушском эпосе исполняет Жербаба. Это собственное имя, как уже было отмечено, восходит к нарицательному обозначению старой вдовы. Это жизненный и исторически обусловленный образ. В стародавние времена существовали большие патриархальные семьи, иногда насчитывавшие несколько поколений. Главы таких семей уходили из жизни, как правило, ранее своих жен. Не зря в наследство тех времен у ингушей сохранилась поговорка «Яхь йола пхьу ший даь коа беннабац» – смысл: «Гордый настоящий мужчина не умирает на своем дворе». Считалось идеальным погибнуть в бою, чем мирно скончаться дома. После смерти хозяина большой патриархальной семьи бразды ее правления переходили к старой вдове.

И при жизни мужа и после него женской половиной (вместе с детьми) заведовала она. Большое значение приобретало хранение и рачительное использование пищевых запасов, часто довольно скудных. Такие старые вдовы имели большой авторитет. Помимо хозяйственной значимости, их социальная роль возросла в общественно важных делах. Во всем этом видны корни возвеличивания эпической Жербабы, ставшей несколько сниженной копией светоносной Села Саты.

Черты ингушской Села Саты обнаруживаются и в осетинской Сатане. По замечанию З. В. Абаевой [4, *384*], **она дочь водной и небесной стихии»** (выделено нами. – *И. Д.*). Сатана тоненькими, как нож, четырьмя лепешками (наследием благодатных времен) насыщает четырех нартов [4, *387*]. И в адыгском эпосе Сатаней-гуаша является хранительницей кладовых с разными припасами.

Ингушская Жербаба является героиней и сказания, связанного с созвездием «Малая Медведица», которое у ингушей называется «Чухиева шайка» (Чухьий гІаьр).

В сказании повествуется: «Нарт-орстхойцы были весьма буйными людьми. Они брали в плен и продавали людей, разбойничали, давали ложные клятвы. Как-то украли мальчика, родители которого были очень богаты и могли уплатить большой выкуп. Сковали они мальчика и заключили в темницу. Затем послали посредников с предложением уплатить за мальчика выкуп. Отец мальчика влез в большие долги, собрал большую сумму. Предво-

дителем у этих нарт-орстхойцев был некий Чухи. В его дружине было семь разбойников. На предложенную сумму согласились все, кроме одного, по имени Цазик. Он был очень жаден и внес разлад в шайку, убеждая ее, что родители мальчика в состоянии внести более крупный выкуп. Но мужчинам не положено нарушать слово, и все же разбойники, выдумав какую-то причину, потребовали заплатить вдвое большую плату.

Отец и весь род мальчика стали вновь собирать деньги для выкупа, но тем временем мальчик умер, так как за ним не было должного ухода и его плохо кормили.

«Ваш мальчик был больным, оттого и умер, а мы тут ни при чем», – сказали разбойники и передали через посредников тело мальчика его родителям. Те объявили кровную месть всей шайке Чухи. Разбойники умели творить плохие дела, но сами были людьми трусливыми. Узнав об объявлении кровной мести, вся шайка со страха сбежала из тех мест. Но разве можно избежать Божьего наказания! Бог наслал на разбойников голод. Разбойный промысел их стал неудачным. Они оказались на грани голодной смерти. Кишки их урчали от голода. Но вот случайно, где-то далеко, они наткнулись на домик одиноко живущей Жербабы. Она не знала, какими плохими людьми были ее гости, и потому поставила перед ними гуй – большую чашу, полную мяса и галушек. Словно голодные псы накинулись они на еду, тесня друг друга. Но сколько бы они не ели, пищи не убывало.

Насытившись так, что животы их вздулись, они спросили Жербабу:

– Сколько бы мы не ели, еды не убывает. Почему это так?

– Потому что это благодать земная. Всевышний дал мне ее из-за моей чрезмерной щедрости: когда наступил голод, я последнюю краюху хлеба отдала нищему и сама очутилась на грани смерти.

Разбойники вновь стали странствовать, но вновь их постигла неудача. Вспомнили они про Жербабу, вернулись к ней и насильно отобрали у нее эту посудину. Разве Бог мог такое простить!? Задул сильный ветер и унес в небо всех разбойников Чухи, вместе с посудиной. Остался на земле лишь Цазик, которого вскоре земля поглотила. Посудина вознеслась и остановилась прямо посередине неба, превратившись в звезду. Также в звезды превратились Чухи и его разбойники. И сейчас они кружат вокруг той звезды-посудины, хотят до нее дотянуться. Не дай бог, чтобы они дотянулись, ибо тогда могут произойти большие несчастья.

Жербабе же Бог вновь дал неиссякаемую чашу. А еще дал хорошего пса, чтобы он не допускал к старухе злых людей.

Если посмотреть на небо, то и сегодня видно как Чухий-гяр – разбойничья шайка (Малая Медведица) кружится вокруг этой посудины (Полярной звезды), но не может до нее дотянуться».

Это сказание любопытно тем, что в нем отразились древнейшие мифические корни, связанные с созвездием Малая Медведица, и позднейшее наслоение – об эпической гибели нартских героев, свя-

занное со временем деградации эпоса. В сказании видна и этнология (появление созвездия) и мотив благодати. Герой этого сказания Цазик принадлежит к немногочисленной группе, условно говоря, «антинартов»: к примеру, осетинский Сырдон, адыгский Куйцук. Проносится через сказание и божественная идея: воздаяние за добрые деяния добром и злом – за злые.

Жербаба чаще всего присутствует в сказании о гибели нартов. В этих «трагических» сказаниях она предстает, пожалуй, даже более величественной, чем Села Сата, функции, которой более божественные. Жербаба не только олицетворяет собою исчезнувшую благодать; она предстает народным нравственным судьей нартов, ставших творить злые дела, – свидетельство разложения эпоса. Нравственная сила Жербабы столь величественна, что перед нею сникают даже беззаветно мужественные нарты.

В нартоведении имеются разные предположения о генезисе имени и образа Саты (Сатаней и др.). Во многом туманным и совсем неубедительным представляется мысль о возведении имени героини к санскритскому числительному «сто». В. Абаев в своем знаменитом «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» (Л., 1973.Т. 3. С. 39] просто констатирует, что это есть «старое аланское женское имя» и далее, ссылаясь на Моисея Хоренского (V в. н. э.), пишет, что армянские певцы «воспевали красоту и ум аланской принцессы Сатеник, которая во время алано-армянской войны (начало II в. н. э.) пленила армянского царя Арташеса и выручила из плена своего брата». Такой же концепции в своих исследованиях придерживался и Ж. Дюмезиль, который во многом затуманил исследование кавказского нартского эпоса, возводя его к скифо-сарматскому миру [86]. Кроме представителей осетинских нартоведов, другие исследователи не поддержали довольно легковесные идеи, что Сатана (и др.) восходят к аланской Сатиник, а Сослан (и др.) – к мужу грузинской царицы Тамары по имени Давид Сослан. Например, исследователь адыгского эпоса А. Шортанов отмечает: «Ж. Дюмезиль, на наш взгляд, произвольно отождествляет эпическую Сатаней с женой армянского царя Арташеса (V в. н. э.) – аланской царевной Сатаник, а Сосруко – Сослана – с мужем грузинской царицы Тамары – Давидом Сосланом» [220, *16*].

Нартоведами доказано, что корневая основа нартского эпоса является северокавказской, а не пришельцев тысячелетних времен прошлого и не из Закавказья. Представляется более разумным имена героев эпоса прежде всего объяснить, исходя из северокавказских реалий. Поэтому представляется более реальным возведение главной героини эпоса к **Са + те** – богине света, о чем уже сказано.

Как бы двойней Села Саты в ингушском эпосе выступает, также являющаяся полубогом-полугероем Мялха Аза – Солнечная Аза. В записях Ч. Ахриева, она почему-то названа просто Азой и матерью Солнца. По всей видимости, тут произошло смешение понятий

«мать» и «дочь». К тому же в самом имени («Солнечная Аза») заложен смысл: Аза, принадлежащая Солнцу, – такого о матери не скажешь. В 20–30-х гг. XX века Л. Семенов в горной Ингушетии записал следующее: «Змей соблазнил Азу, дочь Солнца», при этом не было сделано никаких пояснений, но в данном случае для нас достаточно, что названа именно дочерью, а не матерью Солнца. В народном сознании она всегда осознается дочерью Солнца. Сделаем попытку объяснить слово «Аза». У ингушей слово «зIи» двузначно – цепь или солнечный луч. Однако от солнца исходили временами и особые лучи. При восходе или закате солнца на горизонте иногда сквозь редкие облака в небо устремляются широкие пучки видимых лучей. Такой луч ингуши называют «**маьлха азар**». Здесь имеется в виду особый вид солнечного луча, который в мифологии приобрел значение – «дочери Солнца» по имени Аза. Других возможных объяснений пока не имеется.

Ранее уже было приведено сказание о соперничестве героинь Села Саты и Мялха Азы в рукоделии, в котором они почти не уступили друг другу, хотя некоторое преимущество все же осталось за Села Сатой. Естественно, что красоте героинь придается немалое значение, и тут, пожалуй, некоторое преимущество все же имеет Мялха Аза. Обе они, как уже было отмечено, являлись покровительницами невест, рукодельниц и воплощали в себе идеалы женщины. Но вот с материнством у них дела обстоят обособленно. Села Сата никогда не имеет своих детей. Мялха Аза единожды вышла замуж, но при этом оговаривалось, что ей нарекали не иметь интимных дел со смертными. Такая отчужденность от роли матери этих героинь, видимо, обусловливается их божественностью. Их мир – это небо, светила. Конечно, они теснейшим образом связаны со смертными, но все же из-за своего божественного (мифологического) свойства мало связаны с земным миром.

В ингушском эпосе только лишь Мялха Аза имеет волшебное зеркало, которое днем как бы аккумулирует солнечное сияние, а ночью передает его Мялха Азе. Тут имеется некая перекличка ингушской героини с осетинской Сатаной, которая также имеет чудесное «небесное» зеркало и также сидит в высоченной башне. Увязывание Сатаны с небом также сближает ее с ингушской светоносной богиней Села Сатой. Особая связь божественной героини Мялха Азы с Солнцем предстает в сказании «Хамчи Патараз и Мялха Аза».

Нарт Хамчи Патараз проводил жизнь в походах. Как-то ехал он, и вдруг все вокруг покрылось тьмою. Оказывается, сармак-дракон проглотил Солнце, а затем прыгнул в глубокое ущелье, по которому протекала река. Хамчи Патараз не мог понять, что же случилось. Неподалеку ему послышался женский плач. «Кто это может причитать в столь дальней и безлюдной стороне», – подумал про себя Хамчи Патараз и пошел на голос. Он увидел девушку необычайной красоты. От ее лица и рук исходило сияние.

– Почему плачешь? Кто тебя обидел и чем тебе помочь? – спросил он.

– Этот мир стал несчастным: ведь сармак проглотил Солнце. Если его не освободить, то не будет ни света, ни тепла. Все пропадет, – стала причитать девушка.

– Я до сих пор не видел такой удивительной девушки. Кто ты? – поинтересовался Хамчи Патараз.

– Я Мялха – Солнечная – Аза. Жизнь моя закончится, когда Солнца не станет. Но плачу я не о себе, а о безвинных людях, которые ни за что ни про что погибнут без Солнца. Есть ли на свете нарт, способный сразиться с сармаком и освободить Солнце?! – воскликнула Мялха Аза.

– Я из таких нартов. Давно не была в бою моя сабля, и она стала ржаветь, конь мой также разленился. Зовут же меня Хамчи Патараз.

– Ты известный мужчина. Из волшебных книг знаю, что лишь только ты можешь убить сармака, – сказала Мялха Аза и указала ущелье, в котором лежит сармак.

Недолго шел Хамчи Патараз и дошел до сармака. Нутро у сармака горело от Солнца. Потому-то сармак лежал с открытым ртом. В него устремлялась горная река и где-то около хвоста вытекала и шла себе далее. Эта вода студила Солнце и не давала ему прожечь сармака и освободиться.

Разбежался и с обрыва прыгнул Хамчи Патараз прямо на спину сармака. Начал он саблею рубить его. От боли взвился сармак в самое небо, а оттуда ринулся прямо на Хамчи Патараза. Но он успел отскочить в сторону. Упав, сармак продавил землю настолько, что образовалось озеро. Раззявил он пасть, чтобы проглотить нарта. А Патаразу этого и надо было. Он сам прыгнул прямо в пасть сармака и тут же очутился у него внутри, рядом с Солнцем. Чтобы оно меньше его жгло, Хамчи Патараз повернулся к нему спиною и стал изнутри рубить сармака.

Солнце сказало ему:

– Ты не сможешь прорубить столь большую дыру, сквозь которую я смогло бы выйти. Тут, рядом со мною, бьется сердце сармака. Руби его, и сармаку придет конец.

Хамчи Патараз так и поступил. Со всех сторон рубил он сердце и наконец уничтожил его. Тут же сармак дух и испустил. Хамчи Патараз почувствовал запах горящего мяса. Это Солнце прожгло спину сармака и взвилось прямо в небо на свое место.

Весь мир озарился, и тут Мялха Аза поняла, что Хамчи Патараз освободил Солнце и уничтожил сармака.

Вскоре они встретились, и Мялха Аза сказала:

– Как мне тебя отблагодарить?

– Если я по нраву тебе, выходи за меня замуж, – сказал нарт.

– Я-то согласна, но надо получить согласие Солнца, – ответила Мялха Аза.

Пошли они к Солнцу. Мялха Аза рассказала ему о сватовстве Хамчи Патараза.

Солнце ответило:

– Выходи за него, не раздумывая. Хотя он от жары в чреве сармака и повернулся ко мне спиною, я все же не сержусь, потому что он настоящий нарт.

Мялха Аза вышла замуж за Хамчи Патараза.

Приведенное сказание восходит к мифу, по которому свет и тьма (добро и зло) постоянно находятся в противоборстве. Концовка сказания, по которому небесная Мялха Аза якобы выходит замуж за земного Хамчи Петараза, скорее всего является позднейшей вставкой, продиктованной сказочной традицией, по которой сказочный герой, в результате своих подвигов, награждается помимо богатства еще и невестой-красавицей.

Примечательна идея этого произведения, отразившаяся в словах Мялха Азы, что в связи с гибелью Солнца она печется не о своей жизни, говоря: «Но плачу я не о себе, а о безвинных людях, которые ни за что ни про что погибнут без Солнца».

У ингушей в отдаленном прошлом имело место огнепоклонничество (земной огонь), тесно увязанное с солнцепоклонничеством (огнем небесным). Несмотря на длительный период существования митраизма, христианства, а теперь и ислама, у ингушей постоянно сохраняется интимно-божественное отношение к солнцу. Его называют «Дяла дошо малх», («Бог, золотое солнце»), «дарбан малх» («излечивающее солнце»), «даьттан малх», («масляное» – «плодородное-солнце») и т. д. Как и у многих народов, ингуши связывают с солнцем все положительное, нередко говоря: «ЦIа доаге а цIи тол, кха доаге а малх тол» («Хоть и пожаром грозит, огонь все же милее; хоть засухой грозит, солнце все же милее»). В Нартиаде стало общепринятым считать Солсу (и др.), принадлежащим к солярному миру. К нему, но уже без всяких сомнений, следует отнести и Мялха Азу.

К небу (к свету и созвездиям) относится Села Сата.

К солнцу – Солса и Мялха Аза.

Единственный образ в эпосе, связанный с Луной – божественная красавица «Бетта Лир» («Лунное сияние»). При определенных погодных условиях ночью, на некоем расстоянии от Луны, как бы нимбом образуется радужное сияние – это и есть Бетта Лир, любви которой добиваются нартские герои.

Ее образ пассивен – она подобна сказочной красавице, за которую герои борются. В отличие от солярной лунарная мифология в ингушском эпосе представлена, пожалуй, лишь единственным ее образом.

Величественные образы нартских героинь столетиями служили образцами поведения (и поклонения) для ингушских женщин.

ГИБЕЛЬ НАРТОВ

В национальных версиях нартского эпоса нарты предстают героями – врагами с античеловеческими силами; поборниками пусть старых, но моральных и этических норм; этакими рыцарями, подобным средневековым европейским героям. Во всем видны восхищение ими и пример для подражания... Но, что удивительно, у всех «нартских» народов обязательно нартов приводят к гибели. Казалось бы – парадоксальное явление. В чем же кроются причины?

Сам нартский эпос – чисто кавказское эпическое творчество, начав зарождаться на основе местной мифологии, стал развиваться с эпохи бронзы. За более чем двухтысячелетний период народы Кавказа проделали большой исторический путь, что, вполне естественно, прямым образом отражалось на самом эпосе. Со Средних веков, особенно в их поздний период, на Кавказ стали проникать монотеистические религии (христианство, ислам), которые всегда вели непримиримую борьбу с политеизмом. И тут язычники нарты никак не вписывались в идеологию монотеизма. Этот факт уже отмечался нартоведами. Второй причиной стало крушение первобытно-общинного строя и крушение идеологии «военной демократии». Образовавшимся народам стали мешать дикая вольница грабежей и междоусобий. Эпическое время старого эпоса закончилось, а вместе с тем нарты стали уже ассоциироваться с безбожными обыкновенными разбойниками.

Не лишним тут будет дать некоторый обзор мотивов гибели нартов у разных северокавказских народов.

По балкаро-карачаевскому эпосу, якобы нарты, истребив эмегенов и других врагов, от тел которых пошел мор, вынуждены были разбрестись кто на запад, а кто на восток, а некоторые «утонули в тех местах, бросившись в море» [154, *588*]. А по другому сказанию – ушли на небо. Вместе с тем тут о Сосруке имеется отдельное сказание о его гибели: нарты коварно заманили его в игру с колесом, которое отрезало ему ноги – мотив, имеющийся в адыгском и осетинском эпосах. К умирающему Сосруку прилетает голубь, которому герой говорит: «Ты самый дорогой среди птиц, лети и сообщи Сатаней, что я без ног». Прибежавшая Сатаней, своим прикосновением губами к ране, вылечила Сосрука.

Сюжет о гибели нартов в осетинском эпосе трактуется двояко: о гибели нартов и отдельно о гибели Сослана-Сосруко. Якобы, когда нарты перебили всех врагов и уже не знали с кем воевать, коварный Сырдон предложил им испытать силу небесных богов. Уастырджи (Святой Георгий) урезонивает нартов не выступать против Бога. Но нарты все же идут на богоотступничество и тогда Бог, уничтожив урожайность, доводит нартов до голодной смерти. Уастырджи спрашивает нартов, что им дать напоследок: просто бесславие или вечную славу, которую нарты и попросили.

«А потом (нарты. – *И. Д.*) сказали друг другу:

– Что же это делаем мы? Ведь сами мы дали согласие Богу: чем бесславная жизнь, лучше гибель со славой. – Тут каждый из них вырыл себе могилу и бросился в нее.

Так пришел конец прославленным нартам» [185, *285*].

В осетинском эпосе звучит и такая оценка: «За то, что нарты не признавали бога, он их стер с лица земли».

Про смерть Сослана-Сосруко повествуется отдельно. Якобы, опять же по наущению Сырдона и за плату скотом, колесо Балсага (или колесо Ойона), прокатившись (или ударивши) по незакаленным коленям героя, лишило его ног. Помимо Сырдона его врагами предстают и сами нарты [156]. У осетин есть сказание «Появится Сосруко и погибнет изобилие земное».

В имени колеса Балгаса В. Абаев в ряде своих исследований склонен был видеть ингушизм «Малх-саг» (Солнечный человек). Но тут есть неурядица: как это солярный герой вдруг гибнет от солнца!

По сведениям исследователя Ш. Инал-Ипа, в абхазских сказаниях некие враги нанесли Сасрыкве смертельную рану. Разные звери приходят, чтобы попить его крови и полакомиться его плотью. «Опечаленные прилетели к сраженному Сасрыкве голубь и горлица и, жалея его, сели перед ним в лужу крови, отчего у них и до сих пор ноги красные» [96, *27*].

В более развернутом плане вся эта ситуация описана у З. Джапуа. Через весь абхазский эпос проходит ненависть нартов к Сасрыкве. «Не дают братья-нарты покоя Сасрыкуа, захотели убить его» (текст «Гибель Сасрыкуа и поминки по нему» [78, *291*].

Далее идет типичный мотив: нарты скатывают на Сасрыкуа скалу (или валун), который он отбивает левой ногой. Тут вредная старуха советует отбивать камень правой, незащищенной, ногой. В результате нога разлетается и герой умирает. Волк и голубь чем могут помогают ему. К тому же голуби отказались пить его кровь. И тогда Сасрыкуа произнес заклятие: «Пусть ваш род (голубей. – *И. Д.*) никогда не иссякнет! Будьте моими горевестниками, пусть ваши лапки будут окрашены в мою кровь! Пока в мире есть хоть два человека, обиженных друг на друга, живите и вы» [78, *293*]. По другому тексту Сасрыкуа сказал голубю: «Чтобы ты стал священной, уважаемой птицей, совестливой, чтобы тебя любили люди» [78, *287*].

З. Джапуа опубликовал текст «Гибель Сасрыкуа и поминки по нему». Тут сначала утверждается, что нарты почему-то стали умирать один за другим. По каждому из них Сасрыкуа справлял поминки. «От них, нартов, и стали люди справлять поминки, оплакивать мертвых» [78, *293*]. Наконец умер и сам Сасрыкуа, но некому было по нему справить поминки. Некоему другу умершего героя приснился сон, что Сасрыкуа нуждается в поминовении и этот друг совершил поминки по умершему Сасрыкуа.

Меньшего внимания мотиву гибели удостоились нарты адыгского эпоса. В небольших текстах просто звучит информация о том, что нарты перед смертью попросили у бога Тха «натыф» – нартское просо, т. е. семена кукурузы, а по другому тексту сказано, что нарты куда-то ушли, потому что появился какой-то «неказистый человек». В адыгском эпосе также проводится предсказание, что с явлением на свет Сосрыквы земля потеряет свое плодородие и появится скудость.

В книге «Нарты. Кабардинский эпос» отмечено следующее:

«Думая об этом и глядя в ночное кавказское небо, с которого смотрят на землю звезды, какой-либо рассказчик, закончив свою повесть про дела нартов и помолчав после этого, задумчиво добавит:

– Нарты, пьющие расплавленную медь, переселились на небо. На западе есть семь блестящих звезд, и это и есть пропавшие нарты [155, *41, 42*].

Во всей Нартиаде только у адыгов и ингушей созвездие «Большая Медведица» считается образовавшимся от нартов, взлетевших на небо. Как уже отмечалось, по-ингушски это созвездие называется «Дарза къонгаш» (Сыновья вьюги), так названные потому, что матерью их являлась могучая Дарза-нана (Мать-богиня вьюги).

В эпические времена понятия о смерти были в числе значимых. Они включались в понятие героизма. Поскольку оно неотрывно от гибели, то и сама смерть трактовалась как проявление героики. К примеру, Геродот в своей «Истории» про массагетов писал: «Кто очень состарится, к тому сходятся родственники и убивают его... Умершего от болезни они хоронят, горюя о том, что ему не пришлось быть убитым». Аммиан Марцелин («Римская история») отмечал про алан: «У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов».

Приблизительные приведенным данным в прошлом существовали и у кавказских народов. Обратимся тут к ингушским примерам.

Еще в самом начале XIX века (1807–1808) Юлиус Клапрот писал об ингушах:

«Они очень худы, но весьма высоки, быстроноги, физически сильны и неутомимы. В их наружности отражаются независимость и степенность. У них неистовый нрав, но скоро вновь успокаивающийся; а все их взрывы чувств демонстрируются открыто и необузданно. Они считают презрение к жизни достоинством, а малейшее проявление страха – самым большим недостатком; по причине чего они скорее предпочтут покончить с собой, чем покориться воле другого» [274, *269, 270*].

В ходу у ингушей и такие поговорки:

«Гордый пес не умер на своем дворе» – «Яхь йола пхьу ший коа беннабац».

Испугавшемуся или нерешительному человеку говорили: «Ты что, смерти испугался?» (или «Подумаешь, помрешь» – «Лерг мара вий хьо»).

«Боящийся не стал героем» – «Кхийрачох турпал хиннавац».

Было в ходу выражение «Сладкая смерть» – «Мерза Іоажал», которым сопровождали достойно или геройски умершего человека.

В ранних записях ингушских нартских сказаний, произведенных Ч. Ахриевым и Б. Далгат, не говорится о Божьей каре. Просто повествуется о постигшем нартов несчастье в результате неурожая в течение длительного времени, и нарты, отчаявшись, решили покончить с собою, выпив расплавленную медь. Или по другому давнему варианту (в записи Б. Далгата), нарты перестали умирать, т. к. пользовались услугами оживляющего куста и «за это Бог истребил нартов, послав им страшный голод».

Но в позднейшей записи (Д. Мальсагов, 30-е годы XX в.) уже ярко высвечивается антибожеская и антигуманная жизнь нартов: «Нарт-орстхойцы не гнушались плохих поступков. Свои неблаговидные дела они не считали позором. Собирая шайки, они нападали на людей, насильничали, пленили в рабство. Вот так они и вели себя. Поэтому Дяла и Села (главные боги ингушского древнего божественного пантеона. – *И. Д.*) уничтожили их так: однажды, когда нарты, собравшись в шайку, пошли на свои злые дела, под ними разверзлась земля, и они там так и остались, не сумев выбраться на поверхность».

Вот тут-то их и настигла голодная смерть. Во всем видно суровое осуждение нартов. Но затем следует их возвеличение – тамада нартов Соска Солса восклицает: «Чтобы люди не говорили, что у нартов опухли ноги и головы и они умерли с голода, умрем достойно, выпив расплавленную медь!». В другом сказании («Погибли в пещере») Сеска Солса, произнося предсмертный тост, восклицает: «Пусть мы умрем, но слава о нас пусть будет бессмертной!».

Мужественный человек, по ингушским понятиям, в свой смертный час обязан был демонстрировать свое презрение к смерти. В одной из старинных ингушских песен приговоренные к казни абреки выпрашивают у палачей последнее желание – станцевать вокруг виселицы. Такое же желание изъявил, а затем и совершил предсмертный танец, по записи писателя А.-Г. Гойгова, прославленный абрек Сулумбек Гаравожев.

Именно согласно местным обычаям ведут себя нарты в свой смертный час. В этом видно народное восхищение героями, хотя они их первоначально осуждали за их неблаговидные дела. Народ в своем эпосе не осуждает нартов за самоубийство, хотя в быту, согласно религиозным догмам, оно считается тяжким грехом – Бог дает человеку душу, и он не в праве губить ее. Прощение нартам этого греха свидетельствует о народной любви к ним. Хотя они и

греховодники, но народная эпическая память, по которой они в прошлом идеализировались, все же оказалась довольно живучей.

Известна поэма М. Лермонтова «Песнь про купца Калашникова...», в которой в честном кулачном бою купец, защищая честь своей семьи, убивает насильника опричника Кирибеевича. Свершилось справедливое возмездие, однако, великий критик В. Белинский сделал тут тонкое замечание:

«Не правда ли: вам жаль удалого, хотя и преступного бойца? Таково обаяние великих натур, как бы ни было велико их преступление, но наказанные, они привлекают все удивление и всю любовь нашу...» [273, *178*].

Это замечание вполне можно отнести к «мотиву» гибели нартов. Мужественные и удалые нарты, подвергнутые наказанию и поставленные лицом к смерти, вызывали сочувствие и возвеличение, что и отразилось в нартском эпосе даже при его затухании.

Возвращаясь к ингушским реалиям этой темы, отметим, что целый ряд деталей у них является общим. Например, это касается мотива о голубе, проявившим сочувствие к умирающему Соска Солсе, о других зверях, которых герой или проклинает или поощряет. Также общим для всех версий эпоса является и исчезновение благодати на земле по вине нартов, а также в некоторых случаях и распитие ими в предсмертный час расплавленной меди, чему в ингушском эпосе уделено наиболее пристальное внимание. Ингуши про нартов говорят: «ЦIийдаь чаIа мийна наьрташ» – «Нарты, пившие расплавленную чау». Что такое «чаа» («чаIа») уже никто не помнит. Надо полагать, поскольку с этим сплавом наравне упоминается в губительном значении и расплавленная медь, то, по всей видимости, «чаIа» был какой-то медноносный сплав, секрет которого давно утерян. Причем ингушские нарты выпивают эту посмертную чашу вслед за тостом своего тамады Соска Солсы. У ингушей даже в смертный час этот герой подвергается большей идеализации, чем рядовые нарты: он выпивает целых три ковша расплавленной меди, вместо одного, и то смерть не сразу настигает его; или, в других вариантах, в отличие от своих сподвижников он пьет не расплав меди, а плавленое золото. Впрочем, идеализация Соска Солсы в ингушском эпосе выдерживается до конца, и все нарты постоянно чтут его. В этом большое отличие ингушской нартской версии от версии других народов, у которых этого главу нарты недолюбливают и даже предательски губят, о чем уже было сказано.

Откуда же появился в ингушском эпосе (а затухающими волнами и у других народов) мотив распития губительной расплавленной меди? В период затухания нартского эпоса герои прошедших времен, нарты, уже не мыслились как добытчики и защитники. Все более и более они стали осознаваться грабителями и насильниками и при этом остававшиеся приверженцами языческих воззрений, противоречивших идеологии монотеистических религий. Нарты, проще говоря, превратились в грешников, и потому наказание

им, на наш взгляд, стало кораническим: в суре «Дым» в Коране (в переводе Крачковского) повествуется о наказании грешников: «Ведь дерево *заккум* – пища для грешника, – как медь кипит оно в животах». Остается лишь гадать: как этот исламский мотив проник в Нартиаду и особенно прочно основался именно у ингушей, позднее всех среди северокавказцев принявших ислам.

И еще, но существенное, есть отличие ингушского эпоса в единственном ингушском сказании «Погибли в пещере». Текст настолько примечателен и исключителен, что достоин приведения полностью.

В горе Зогал-дук у нартов имелась своя небольшая пещера, в которой они отдыхали, вернувшись с походов. Как-то они пришли в нее после длительного отсутствия и сели пировать. Вдруг грянул страшный гром, затряслась земля. Внезапно гора треснула, произошел обвал, который наглухо закрыл вход в пещеру. Это Бог почему-то рассердился на нартов и обрек их на гибель. Лишь высоко вверху остался просвет величиною с кулак.

Как нарты ни старались, но освободиться не могли. Когда съели всех коней, нарты поняли, что их ожидает голодная смерть.

– Мы должны умереть так, – сказал их предводитель Сеска Солса, – чтобы люди и по смерти прославляли нас, высоко чтя наши имена.

В большом котле расплавили нарты медь, а в котле поменьше – золото. Всем нартам в кубки налили медь, а Сеска Солсе налили золото, тем самым проявляя к нему свое уважение.

Сеска Солса произнес тост:

– Пусть мы умрем, но слава о нас пусть будет бессмертной!

Дружно все выпили медь и погибли. Лежит, умирает Сеска Солса. Он настолько силен, что сразу умереть не может. Мучает его жажда.

И он воскликнул:

– Великий Боже, хотя бы выпить глоток воды!

Над тем отверстием в пещере пролетел голубь. Он услышал мольбу Сеска Солсы и в своем клюве принес ему воды. Выпил ее Сеска Солса, обмакнул в свой кубок пальцы и золотом провел по шее и груди голубя, сказав при этом:

– Пусть люди с сего дня величают тебя Голубем Сеска Солсы.

Никто не знает, где находится эта пещера. Говорят, когда наступят тяжелые времена, нарты оживут, выйдут из пещеры и станут нашими защитниками.

Тут, как кажется, не обошлось уже без христианского влияния. В период раннего христианства, как утверждает богословская литература, римский император Деций, будучи ревностным язы-

ником, нещадно преследовал христиан. Так он велел заточить в пещеру семерых юношей – ревностных и несгибаемых христиан, и они якобы выйдут из заточения после окончательной победы христианства. Этот, возможно, в прошлом имевший место в жизни случай, стал широко распространенной легендой.

Она, видимо, проникла и к ингушам в период их христианизации. Ведь не зря в этом нартском сказании названа гора Зогал-дук, на которой находится храм Соска-Солсы (эманации Иисуса), да и сам Андрей Первозванный как-то увязывается с этой горою, в образе внука чародея Маго, похороненного на той же горе.

К кавказскому мотиву «гибели нартов» в качестве параллели можно обратиться к роману Сервантеса «Дон Кихот», в котором ранее предельно возвеличенные рыцари, когда закончилось их время, были уже подвергнуты осмеянию.

О НАРТСКИХ ПАМЯТНЫХ МЕСТАХ ИНГУШЕТИИ [1]

* * *

Впервые обратившийся к ингушскому нартскому эпосу Ч. Ахриев отмечал:

«В Галгае много памятников, свидетельствующих о Соска Солсе» [22].

* * *

Л. Семенов отметил, что в горах Ингушетии есть камень, на котором Соска Солса якобы совершил предсмертную молитву, и на камне остались следы от прикосновения героя [180].

* * *

Е. Крупнов, совершая экспедиции по горной Ингушетии, записал:

«На плоском камне возле склепа у с. Салги, в котором якобы похоронен легендарный герой Соска Солса, сохранился «след» от копыта коня героя» [123].

* * *

По записи Ч. Ахриева:

«Соска Солса однажды поехал на своем коне в селение Накыст (недалеко от Тумги Галгаевского общества). Он въехал в селение, доехал до середины, но никто его не пригласил к себе в гости. И так как он долго стоял так на улице, то лошадь его захотела пить. Никто не дал и воды для лошади. Тогда лошадь ударила копытом в землю: образовался родник, и она напилась воды. Родник этот существует и поныне» [22].

* * *

В 1927 г. в горном селении Мецхал Л. Семеновым был обнаружен камень с чашеобразными углублениями, якобы образовавшимися от прикосновения нартов [179].

* * *

По свидетельству сказителя П. Махаури, в рассказанном им сказании «Как Соска Солса похитил девушку» сообщается:

---

[1] Здесь будут приведены только факты, по большей части нашедшие отражение в письменных источниках.

«Это ущелье, которое Соска Солса перескакивал на своем коне, находится между двумя селами и называется: «Место, где перепрыгивал конь Соска Солсы». Там имеются пещерки (выемки), оставшиеся от копыт коня Соска Солсы, в которых могут поместиться два человека» [14, IV].

* * *

О святилище, в котором поклонялись именно нартскому тамаде, богу и герою Соска Солса, Л. Семенов сделал такую запись:

«В Мецхале имеется небольшая полуразрушенная часовня Соска Солсы. Она начала разрушаться на памяти Б. Эльжаркиева, после землетрясения. По поверью, праведные люди, проспавши ночь в этой часовне, видели вещие сны, благодаря которым местное население узнавало о предстоящем урожае, голоде и т. п. Святилище Маги-Ерды и Соска Солса построены сыновьями чародея Маго» [179].

(Две фотографии этого святилища помещены в этой книге).

* * *

О брагунском мавзолее Борга-каш, что находится вблизи селения Плиево, А. Шегрен в 1846 г. записал, что в доисламский период костяки из этого мавзолея ингуши считали костями народа нарт [217].

Также А. Шифнер отметил, что невдалеке от Назрани, вниз по р. Сунже, «находится маленькое каменное строение, под которым, как говорят, скрываются костяки прославленных в преданиях нартов. Костякам этим приписывают двухтысячелетнюю древность; до появления русских в этом крае они были в большом почете» (*Шифнер А.* Записки императорской Академии наук. Т. 14, СПб., 1868].

* * *

По замечанию Г. Вертепова:

«Недалеко от местечки Назрань выстроена каменная будочка, в которой находятся скелеты; к этим скелетам ингуши до сих пор сохраняют особое религиозное уважение, сходятся к ним на поклонение и прикрывают их зеленым сукном, приносимым из Мекки. Предание утверждает, что скелеты эти принадлежат народу нарт, некогда жившему около Назрани, и оставались нетленными в течение 200 лет» [39].

* * *

В Ингушетии еще много скал, родников и полян, связанных с нартами и их тамадой Соска Солсой. Но один важный памятник, связанный с ингушскими нартами, находится вне пределов сегодняшней Ингушетии, близ селения Даргавс. Как известно, вплоть до позднего Средневековья там жили ингуши (см. Туганова, Семенова, Тменова, Колоева и др.). Ингушские сказания (по Ч. Ахриеву) Санибу (Даргавс) считали одним из мест пребывания ингушских нартов. Это очевидно хотя бы потому, что имеющийся там «Город мертвых» состоит из типично ингушских склепов, которые в горной Ингушетии находятся на каждом шагу. И все же приведем некоторые свидетельства ученых о том, что увязываемый с нартами склеповый «городок» являлся типично ингушским сооружением.

Один осетинский автор, М. Туганов, писал: «Предание говорит, что до прихода осетин в указанных ущельях (Санибское, Даргавское, Кобани) жили ингуши. Но после почти столетней войны осетины отогнали их (ингушей. – *И. Д.*) за Терек по правую сторону Военно-Грузинской дороги» (*Туганов Мухарбек.* Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977. С. 54]. Но ведь эти склепы были возведены задолго до того, как были «отброшены» ингуши.

(Попутное замечание: вышеприведенный автор пренебрежительно к ингушам написал «отбросили». Наверное, так можно было написать про ограбленных соседей, когда они находились в сталинской депортации вдали от родины. Цитата характеризует этическую сторону этого автора).

В любом случае признано, что Даргавс, а значит и находящийся при нем нартский некрополь (т. н. «Город мертвых») являются древнеингушскими.

А осетинский ученый В. Тменов, в более этических тонах отмечал, что Двалети – часть древней горной Ингушетии, осваивалась осетинами весь золотоордынский период ее завоевания, а затем жители Двалетии были ассимилированы осетинами; что по осетинским преданиям некогда коренным населением Тагаурии и Куртата были ингуши (из места, где находится т. н. «Город мертвых». – *И. Д.*), что уже в XVIII веке осетины стали вытеснять ингушей из Дарьяльского ущелья (из сел Ларс, Чми, Балта. – *И. Д.*) [197, *119–125*].

Исследователь Б. Калоев («Осетины...») отмечал «многие памятники материальной культуры (башни, склепы) современные жители (осетины. – *И. Д.*) считают наследием, оставшимся от прежних давних обитателей» [111, *38*]. Правда, Б. Калоев опустил, что эти давние обитатели были ингушами.

В. Тменов, Б. Калоев своими средневековыми предводителями, отвоевавшими у ингушей некоторые горные ущелья, называют Тага и Курта, а покоренных ими ингушей – *царгасаты*. Можно

предположить, что этот этноним восходит к другому этнониму, *дзурдзуки* – так именовали в грузинских источниках древних ингушей, проживавших в самом центре горного массива Кавказ, с центром горы Казбек.

Газета «Терские ведомости» (1870, № 49) сообщала: «На Тагауро-Куртатинском участке встречаются кое-где каменные, пирамидальные памятники... Народное предание говорит, что памятники эти были в таком же старом, почерневшем виде еще до появления здесь куртатинцев и тагауров».

От кого же конкретно остались эти памятники? Несомненно от ингушей, ведь пирамидальные древние башни и склепы имеются только у них.

* * *

И, наконец, в подтверждение вышеназванного приводим две цитаты из Л. Семенова, в 20–30-х гг. исколесившего все горные места Осетии и Ингушетии.

«Санибанское ущелье (ныне в Северной Осетии. – *И. Д.*), по ингушским преданиям, считается родиной ингушских нартов и самих ингушей» [179, *27*].

«В осетинском селении Саниба жители называют некоторые надземные склепы ингушскими» [179, *28*].

Вопреки недобросовестным ученым с очевидностью и с полным правом некрополь (т. н. «Город мертвых»), находящийся в Даргавсе (Санибе), является ингушским нартским памятником далекой эпохи.

Сокращения

Ас	– Абхазские сказания
Аиф	– Антология ингушского фольклора
АЭС	– Археолого-этнический сборник
ИНИИК	– Ингушский НИИ краеведения
ИКОРГО	– Известия кавказского отдела русского географического общества
ИНИИИГН	– Ингушский НИИ гуманитарных наук
ИФ-40	– Ингушский фольклор. Грозный, 1940
ИФ-59	– Ингушский фольклор. Грозный, 1959
ИФ-67	– Ингушский фольклор. Грозный, 1967
ИФ-91	– Ингушский фольклор. Грозный, 1991
КВ	– Кавказский вестник
КБФ	– Карачаево-балкарский фольклор.
НАНЭ	– Нарты. Абазинский народный эпос
НАГЭ	– Нарты. Адыгский героический эпос
НГЭБК	– Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев
НКЭ	– Нарты. Кабардинский эпос
НОГЭ	– Нарты. Осетинский героический эпос
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах
ССТО	– Сборник сведений о Терской области
СМОМПК	– Сборник материалов описания местностей и племен Кавказа
СНЭНК	– Сказания о нартах – эпос народов Кавказа
ТВ	– Терские ведомости
ТС	– Терский сборник
ЧИНИИИЯК	– Чечено-ингушский НИИ истории, языка и культуры
ЭО	– Этнографическое обозрение

Библиография

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.;Л., 1979.

2. *Абаев В. И.* Нартовский эпос. Дзауджикау, 1945.

3. *Абаев В. И.* О собственных именах нартовского эпоса // Язык и мышление. Вып. 5. М.;Л., 1935.

4. *Абаева З. В.* Сатана – Сатаней-Гуаша (эпический образ и художественный контекст) // СНЭНК. М., 1969.

5. Абхазские сказания. Сухуми, 1961.

6. *Акаба Л. Х.* Из мифологии абхазов. Сухуми, 1976.

7. Акты Кавказской археологической комиссии об Ингушетии и ингушах. Назрань, 1995.

8. *Алборов Б. А.* Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды» (к вопросу об осетино-ингушских культурных взаимоотношениях). Владикавказ, 1928.

9. *Алборов Б. А.* Термин «нарт» (к вопросу о происхождении нартского эпоса). Владикавказ, 1930.

10. *Алейников М.* Карачаевские сказания // СМОМПК. Вып. 3. Отд. 2. Тифлис, 1833.

11. Алексеев В. П. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

12. *Алиева А. И.* Адыгский нартский эпос. М.;Нальчик, 1969.

13. *Алиева А. И.* Поэтика нартского эпоса адыгов // СНЭНК. М., 1962.

14. Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2003–2012. Т. 1–10,

15. *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.) Сухуми, 1959.

16. *Аншба А. А.* Об именах Сосрыко и Сослан // Сборник научных работ аспирантов. Нальчик, 1965. Вып. 1.

17. Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968. Т. 2.

18. *Аутлев Малич.* Нартский эпос и народ // Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1994.

19. *Ахриев Ч. Э.* Из чеченских сказаний // ССКГ. Тифлис, 1871. Т. 6.

20. *Ахриев Ч. Э.* Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ. Тифлис, 1870. Т. 4.

21. *Ахриев Ч. Э.* «Приложение» (к статье Н. Грабовского «Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа») // ССКГ. Тифлис, 1870. Т. 3.

22. *Ахриев Ч. Э.* Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Т. 8.

23. *Ахриев Ч. Э.* Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ. Тифлис, 1870. Т. 4.

24. *Базоркин А.* Горское паломничество // ССКГ. Тифлис, 1875. Т. 8.

25. *Базоркин М. М.* История происхождения ингушей. Нальчик, 2002.

26. *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978.

27. *Байрамуков.* Об этимологии слова «нарт» и о генезисе эпоса Нарты // Тезисы Всероссийской научной конференции... Магас, 2000.

28. *Батчаев М., Стефанеева Е.* Горы и нарты. Ставрополь, 1969.

29. Башкирское народное творчество. Предания и легенды. Уфа, 1987. Т. 2.
30. *Берже А. П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859 (Элиста, 1991).
31. *Бетрозов Руслан.* Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991.
32. *Бларамберг Иоганн.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.
33. *Бойс Мэри.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988.
34. *Борисов А. Б.* Нартские сказания мелхистинцев // Ученые записки ИНИИГН. Магас, 2010. Вып. 3.
35. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2.
36. *Бывалый.* Молитва Соска-Солсы // ТВ. 1911. №127.
37. *Вагапов А. Д.* Славяно-нахские лексические параллели. Грозный, 1994.
38. *Вагапов Я.* Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990.
39. *Вертепов Г.* Ингуши // ТС. Владикавказ, 1892. Кн. 2.
40. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.
41. *Вирсаладзе Е. Б.* Нартский эпос и охотничьи сказания в Грузии // СНЭНК. М., 1962.
42. *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII– начале XIX века. М: Наука, 1974.
43. Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978.
44. Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2006. Вып. 4.
45. *Гаглойти Ю. С.* Осетино-вайнахские нартские параллели // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989.
46. *Гаглойти Ю. С.* Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977.
47. *Гагулашвили И. Ш.* Грузинская магическая поэзия. Тбилиси, 1983.
48. *Гадагатль А. М.* Героический эпос нарты и его генезис. Краснодар, 1967.
49. *Гадагатль А. М.* Память нации. Генезис эпоса. Нарты. Майкоп, 1997.
50. *Газиков Б. Д.* Архивная память: Сб. статей Назрань, 2003.
51. *Гамрекели В.* О племени двалов // Сб. Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1957. Вып. 2.
52. *Ган К.* Известия древнегреческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК. Вып. 4. Отд. 1.
53. *Гарданов Б.* Рецензия на книгу В. Абаева «Нартовский эпос» // Советская этнография. 1947. № 2.
54. *Гемрекели.* Двалы и Двалетия в I–XVвв. н. э. Тбилиси, 1958.
55. *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. 5.
56. География Страбона в семнадцати книгах. М., 1879.
57. *Головинский Н. И.* Чеченцы // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. 1.
58. *Горепекин Ф. И.* Маги-ерда (языческий бог-покровитель у ингушей) // Терские ведомости. Владикавказ, 1909.
59. *Гуриев Т. А.* Антропонимия осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе, 1981.
60. *Гуриев Т. А.* Историческая основа некоторых антропонимов в осетинском нартском эпосе // Фольклор и историческая этнография. М., 1983.

61. *Гуриев Т. А.* К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса (о монгольских влияниях). Орджоникидзе, 1971.

62. *Гуриев Т. А.* К характеристике монголизмов в осетинском (аланском) языке // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977.

63. *Гутов А. М.* Народный эпос: традиция и современность. Нальчик, 2009.

64. *Гутов А. М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М., 1993.

65. *Гутов А. М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик, 2000.

66. *Гюльденштедт И. А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.

67. *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев // ТС. Владикавказ, 1893. Кн. 2. Вып. 3.

68. *Далгат Б. К.* Страничка из северо-кавказского богатырского эпоса // ЭО, М., 1901. № 1.

69. *Далгат У. Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.

70. *Дахкильгов И. А.* Мифы и легенды вайнахов. Грозный, 1991.

71. *Дахкильгов И. А.* Ингушский нартский эпос // Устное творчество вайнахов. Грозный, 1977 (на инг. яз).

72. *Дахкильгов И. А.* Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.

73. *Дахкильгов И. А.* Об именах некоторых главных героев ингушского нартского эпоса // Сердало. 2006. 2 мая.

74. *Дахкильгов И. А.* Об ингушском нартском эпосе // Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2006. Т. 4.

75. *Дахкильгов И. А.* Сеска Солса, кто ты? // Лоаман Іуйре. Грозный, 1971. № 2. (на инг. яз.).

76. *Дахкильгов И. А.* Устное народное творчество вайнахов. Грозный, 1977 (на инг. яз.).

77. *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России... // СМОМПК. Тифлис, 1897. Т. 22.

78. *Джапуа З. Д.* Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле. Сухум, 2003.

79. *Джиоев Х. С.* К вопросу о происхождении термина «нарт» // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982.

80. *Дзидзигури Шота.* Грузинские варианты нартского эпоса. Тбилиси, 1971.

81. *Дзиццойти Ю. А.* Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ, 1992.

82. *Дзокаева Тина.* Осетины в плену у аланов. Долгая жизнь идеологемы. М., 2007.

83. *Дир А. М.* В Тагаурской и Куртатинской Осетии // ИКОРГО. Тифлис, 1912. Т. 21.

84. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1.

85. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976.

86. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990.

87. *Жирмунский В.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.;Л., 1962.

88. Заметки о Чечне и чеченцах // ССТО. Вып. 1. Владикавказ, 1878.

89. *Зейдлиц Н. К.* Поездка в Галгаевское и Джераховское ущелья // ИКОРГО. Тифлис, 1873. Т. 2. Вып. 3.

90. *Златковская Т. Д.* Некоторые древнебалканские элементы в фольклоре и этнографии южных славян и восточных романцев // Этническая история и фольклор. М., 1977.

91. *Иванов М. А.* В горах между р. Фортангой и Аргуном // ИКОРГО. 1904. Т. 17, №1.

92. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. 1. Вып. 1.

93. *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы: Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965.

94. *Инал-Ипа Ш. Д.* Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (опыт сравнительного изучения нартского эпоса) // СНЭНК. М., 1969.

95. *Инал-Ипа Ш. Д.* Об абхазских нартских сказаниях // Труды Абхазского НИИ. Сухуми, 1949. Вып. 23.

96. *Инал-Ипа Ш. Д.* Памятники абхазского фольклора. Нарты. Аца-ны. Сухуми, 1977.

97. *Инал-Ипа Ш. Д.* Сто детей одной матери // Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1994.

98. Ингуши / Сост. А. Х. Танкиев. Саратов, 1996.

99. Ингушские сказания, предания, сказки, пословицы. Саратов, 1998. (на инг. яз.).

100. Ингушские сказки, сказания и предания. Нальчик, 2002.

101. Ингушский фольклор. Грозный, 1940 (на инг. яз.).

102. Ингушский фольклор. Грозный, 1959 (на инг. яз.).

103. Ингушский фольклор. Грозный, 1967 (на инг. яз.).

104. Ингушский фольклор. Грозный, 1991 (на инг. яз.).

105. *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.

106. История Ингушетии. Нальчик; Магас, 2011.

107. Кабардинский фольклор / Вступ. ст., коммент. и словарь М. Е. Талпа. М.;Л., 1936.

108. Кабардинский фольклор. Нальчик, 2000.

109. Казахские народные сказки. Алма-Ата, 1971.

110. Калмыцкие сказки. Элиста, 1978.

111. *Калоев Б. А.* Осетины: Историко-этнографическое исследование. М., 1967.

112. *Кантария М. В.* Некоторые стороны традиционной ритуальной религии осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989.

113. *Караулов Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31.

114. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983.

115. *Кармоков Х. Г.* О происхождении имени Сосруко // Сб. научных работ аспирантов. Нальчик. Вып. 1.

116. *Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. М., 1973.

117. *Коларуссо Джон.* Нартский герой как рыцарь // Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1994.

118. *Косидовский Зенон.* Сказания евангелистов. М., 1979.

119. Красные искры: Литературный сборник. Орджоникидзе, 1931 (на инг. яз).

120. *Крупнов Е. И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // Советская археология. 1964. №1.
121. *Крупнов Е. И.* Изучение нартского эпоса и археология // АЭС. Грозный, 1966.
122. *Крупнов Е. И.* О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // СНЭНК. М., 1969.
123. *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.
124. *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.
125. *Кумахов М. А.* К этимологии имени основного героя адыгского и абхазского эпоса // СНЭНК. М., 1969.
126. *Кумахов М. А., Кумахова З. Ю.* Некоторые вопросы нартского эпоса // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. М., 1985.
127. *Куркиев А. Б.* Послесловие научного редактора // М. М. Базоркин. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002.
128. *Куркиев А.* Основной инстинкт нахской цивилизации // Сердало. 1998. 28 февр.
129. *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI в. М., 1963.
130. *Леонтович Ф. И.* Адаты Кавказских горцев. Нальчик, 2002. Вып. 2.
131. *Лопатинский Л. Г.* Кабардинские тексты // СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып. 12.
132. *Лопатинский Л. Г.* Предисловие // СМОМПК, Тифлис, 1896. Вып. 21.
133. *Лосев А. Ф.* Античная мифология. М., 1957.
134. *Магометов А. Х.* Этнические и культурно-исторические связи алан-осетин и ингушей. Орджоникидзе, 1982.
135. *Мальсагов Д.* Наьрт-орстхой // Дега гIоз. Фрунзе, 1957 (на инг. яз.).
136. *Мальсагов А. О.* Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970.
137. *Мальсагов А. О.* О нарт-орстхойском эпосе ингушей и чеченцев // СНЭНК. М., 1969.
138. *Мальсагов Д. Д., Ошаев Х. Д.* Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа // Очерк истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963.
139. *Мамиева Н.* Сатана в осетинском нартском эпосе. Орджоникидзе, 1971.
140. *Марковин В. И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965.
141. *Марр Н. Я., Семенов Я. И.* Вишапы. Л., 1931.
142. *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса М., 1963.
143. *Меремкулов.* Нарты // Абазинский народный эпос. Черкесск, 1975.
144. *Меретуков М., Шагиров А.* О семитомном издании нартского эпоса и о научной объективности // Вопросы литературы. 1973. № 5.
145. *Меретуков М. А.* Отражение древних форм социальных отношений в адыгском нартском эпосе // Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1994.
146. *Миллер В.* Кавказские предания о великанах, прикованных к горам // Журнал министерства народного просвещения. СПб.,1883. Янв.

147. *Миллер В. Ф., Харузин Н. Н.* Сказки, записанные в ингушском ауле Цори // ЭО. М., 1888. Вып. 3.
148. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды: В 3 т. М., 1881–1887.
149. Мифы народов мира. Энциклопедия. М., Т. 1, 1997; Т. 2, 1997.
150. *Мужухоев М. Б.* Нарты, аланы, вайнахи. Назрань, 1996.
151. Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1992.
152. Нарты. Абазинский народный эпос. Черкесск, 1975.
153. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.
154. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994.
155. Нарты. Кабардинский эпос М., 1957.
156. Нарты. Осетинский героический эпос: В 3 кн. М., 1989–1990.
157. *Небежев К. Ю.* Элементарные представления о демонических героях в адыгском нартском эпосе // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2000. Вып. 3.
158. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Житомир, 1991.
159. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958.
160. *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991.
161. Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.
162. Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. СПб., 1838. Кн. 1.
163. П. Заметки о Чечне и чеченцах // ССТО. Владикавказ, 1878. Вып. 1.
164. *Пиотровский Б. Б.* Вишапы. Каменные статуи в горах Армении. Л., 1939.
165. *Пожидаев В. П.* Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. М.;Л., 1926.
166. *Потанин Гр.* Очерки северо-западной Монголии (примечания) // Сборник сведений об ингушах. Назрань, 2009.
167. Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев: Абхазский народный эпос. М., 1962.
168. Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989.
169. *Пропп В. Я.* Принципы определения жанров русского фольклора // тез. докл. Специфика жанров русского фольклора. Горький, 1961.
170. *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. М., 1976.
171. *Рагуленко С. А.* Мифо-эпические сюжеты как семантический отголосок обрядовых форм (мотив рождения героя из камня) // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2007. Вып. 7.
172. Радость сердца: Сборник. Фрунзе, 1957. (на инг. яз. «Дега гIоз»).
173. *Рклицкий В. М.* К вопросу о нартах и нартских сказаниях // Известия Осетинского НИИ, Владикавказ, 1927. Вып. 2.
174. *Салакая Ш. Х.* Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976.
175. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878.
176. *Светлов В. Я.* Сочинения. СПб., 1910. Т. 2.
177. *Семенов Л.* К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев // Сб. Академии наук СССР – академику Н. Я. Марру. М., 1931.
178. *Семенов Л.* Ингушская и чеченская народная словесность // Известия ЧИНИИЯЛ. Литература. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 3.
179. *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный, 1963.

180. *Семенов Л. П.* Нартские памятники в фольклоре ингушей и осетин. Владикавказ, 1930.

181. *Семенов Л. П.* Нартский эпос и памятники материальной культуры // Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.

182. *Семенов Л. П.* Фригийские молитвы в древней ингушской культуре // Известия ЧИНИИИЯК. История. Грозный, 1959. Вып. 1.

183. *Семенов Н.* Туземцы Северо-восточного Кавказа: Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов. СПб., 1895.

184. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969.

185. Сказания о нартских богатырях. Осетинский эпос. М., 1960.

186. Сказки и легенды чеченцев / Собр. и пер. Н. Семеновым. Владикавказ, 1882.

187. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.

188. *Скитский Б. В.* Нартский эпос как исторический источник // Нартский эпос. Дзауджикау, 1949.

189. Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира. 1997. Т. 2.

190. Сокровище нартов. Балкарские сказания. Нальчик, 1976.

191. *Струве В. П.* Родина зороастризма // Советское востоковедение. М.;Л., 1948. Т. 5.

192. *Таказов Ф. М.* Мифология «нарт» // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения. Пятигорск, 2006. Ч. 2.

193. *Танкиев А. Х.* Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997.

194. *Танкиев А. Х.* Ущербная философия. Заметки на полях брошюры профессора М. Мужухоева. «Нарты. Аланы. Вайнахи» // Сердало. 1994. 13 апр.

195. Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2.

196. *Тресков И. В.* Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963.

197. *Тменов В. Х.* Несколько страниц из этнической истории осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989.

198. *Туганов М. С.* Кто такие нарты? // Известия Осетинского НИИ краеведения. Владикавказ, 1925.

199. *Урусбиев С.* Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // СМОМПК. 1881. Отд. 2.

200. *Урусбиева Ф. А.* Фольклор и этнология (к вопросу о системе жанров в карачаево-балкарском фольклоре) // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2000. Вып. 3.

201. *Услар П. К.* Древнейшие сказания о Кавказе // ССКГ. Тифлис, 1881. Вып. 10.

202. *Услар П. К.* Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.

203. *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Чеченский язык. Тифлис, 1888. Ч. 2.

204. Устное народное творчество вайнахов / Сост. А. Аушев. Орджоникидзе, 1931 (на инг. яз. «Вайнаьха багахбувцам»).

205. *Федунов Виктор.* О прометеевских мотивах в адыгском героическом эпосе. «Нартхэр» // Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1994.

206. *Хаджиева Т. М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994.

207. *Холаев А. З.* К вопросу о балкаро-карачаевском нартском эпосе // СНЭНК. М., 1969.

208. *Царевич Вахушти.* География Грузии / Введение, пер. и прим. М. Г. Джанашвили. Тифлис, 1904.

209. *Ципинов А.* Народная историческая проза адыгов. Нальчик, 2000.

210. *Ципинов А. А.* «Культурный герой» в мифо-эпической традиции адыгов // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2000. Вып. 3.

211. *Ципинов А. А.* Мифо-эпическая традиция адыгов. Нальчик. 2004.

212. Чечено-ингушский фольклор. М., 1940.

213. *Чиковани М. Я.* Нартские сюжеты в Грузии (параллели и отражения) // СНЭНК. М., 1969.

214. *Чиковани Михаил.* Амираниани (грузинский эпос). Тбилиси, 1960.

215. *Чичеров В. И.* Некоторые вопросы теории эпоса и современные исследования нартских сказаний осетин // Известия АН СССР. 1952. Вып. 5.

216. *Шавхелишвили А. И.* Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (с древнейших времен до XV века). Грозный, 1963.

217. *Шегрен А. М.* Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. Тифлис, 1846. № 28.

218. *Шиллинг Е.* Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.;Л., 1931. Т. 2.

219. *Шнирельман В. А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

220. *Шортанов А.* Нартский эпос адыгов // Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.

221. *Шортанов А. Т.* Героический эпос адыгов «Нарты» // СНЭНК. М., 1969.

222. *Эльмурзаев С.* Некоторые сказания в нартских памятниках чеченцев и ингушей // Труды ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1963. Т. 4. Вып. 3.

223. *Яковлев Н. Ф.* Ингуши. М., 1925.

224. *Абаев В. И.* Проблемы нартовского эпоса // Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.

225. *Псевдо-Плутарх.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. В переводе К. Гана // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4. Отд. 2.

226. *Павсаний.* Описание Эллады или путешествие по Греции во II в. до Р. Х. СПб., 1887–1889.

227. *Миллер В. Ф.* Комментарий к статье Н. С. Трубецкого // ЭО. 1908. Кн. 78. № 3.

228. *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1887.

229. *Ардзинба В. Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М., 1989.

230. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М., 1964.

231. *Пиотровский Б.* История и культура Урарту. Ереван, 1944.

232. *Яндиева М.* Ингушетия и ингуши. Назрань;М., 1999.

233. *Кисляков Н.* О древнем обычае в фольклоре таджиков // Фольклор и этнография. Л., 1970.

234. *Мальсагов Д.Д.* О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Языкознание. Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 2.

235. *Висковатов А.* С Казбека // Русский вестник. 1865. Т. 60.

236. *Манандян Я.А.* Круговой путь Помпея в Закавказье // Вестник древней истории. М., 1934. № 4.

237. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. С 1722-го по 1809. СПб.

238. *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей // ИнгНИИ краеведения. Владикавказ, 1930. Т. 2.

239. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Нальчик, 1973.

240. *Рагуленко С.А.* Мифо-эпические сюжеты как семантический отголосок // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2007. Вып. 7.

241. *Миллер Вс.* Отголоски апокрифов в кавказских народных сказаниях // Журнал министерства народного просвещения. Ч. СС XXXVIII. СПб., 1893. Июль.

242. *Дзокаева Тина.* Нарты. Неразгаданная символика. М., 2011.

243. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949.

244. *Дахкильгов И.А.* Шумеро-аккадское Ала(д), Бел(у) и ингушское Алла, Белла // Боль и гордость моя – родная Ингушетия. Нальчик, 2007.

245. *Малкондуев Х.Х.* Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1996.

246. *Миллер В.Ф.* Кавказо-русские параллели // ЭО. 1891. №3.

247. *Петросян А.А.* Решенные и нерешенные вопросы нартоведения // СНЭНК. М., 1989.

248. *Туганов М.* Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.

249. *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик, 1982.

250. *Кобычев В.Т.* Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977.

251. *Пиотровский Б.Б.* История и культура Урарту. Ереван, 1944.

252. Вехи единства. Грозный, 1982.

253. *Мусукаев Б.Х.* Антропонимы и топонимы в карачаево-балкарском нартском эпосе // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения. Пятигорск, 2006. Ч. 2.

254. *Дахкильгов И.А.* Начало Назрани. Нальчик, 2011.

255. *Марр Н.Я.* К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. Пг., 1918.

256. *Меликишвили Г.А.* К истории Грузии. Тбилиси, 1959.

257. *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1, 2.

258. *Вертепов Г.А.* В горах Кавказа // ТС. Владикавказ, 1903. Вып. 6.

259. *Смирнова Я.С.* Военная демократия в нартском эпосе // Советская этнография. 1959. №6.

260. Записки Кавказского отделения имп. Русского географического общества. Тифлис, 1880. Кн. 11. Вып. 2.

261. *Шиллинг Е.И.* Культ Тушоли у ингушей. Орджоникидзе;Грозный, 1935.

262. *Нетроева А.* Мцхет и его собор. «Свети-цховелли» // КВ. Тифлис, 1900. №2.

263. К-н Вл. Под Казбеком // КВ. Тифлис, 1900. №10.

264. *Захаров А.* Ингушская богиня Тушоли и Dea Siria Лукиана // ИИНИИК. Грозный, 1934–1935. Т. 4. Вып. 2.

265. *Коков Д., Шахмурзаев.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

266. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

267. *Хабичев М.* Из тайников карачаевских этнонимов // Ономастика Кавказа Орджоникидзе, 1980.

268. *Кузнецова А.* Образы великанов в ингушском Нартском эпосе // Межд. науч. конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2010.

269. *Гумилев Лев.* Открытие Хазарии. М., 2001.

270. *Небежев К. Ю.* Элементарные представления о демонических героях в адыгском нартском эпосе // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2000. Вып. 3.

271. *Азимов Айзек.* Занимательная мифология. Новая жизнь древних слов. М., 2003.

272. *Пропп В. Я.* О книге «Нарты» (рецензия) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.;Л., 1958. Вып. 3.

273. *Осетров Евгений.* Мир игоревой песни. М., 1981.

274. *Клапрот Юлиус.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.

Дахкильгов Ибрагим Абдурахманович

В 2012 г. профессору И. Дахкильгову исполнилось 75 лет со дня рождения. Из них 55 лет составляет его общий трудовой стаж и 50 лет – научно-педагогическая деятельность.

Отмечая эти важные вехи в его жизни, Ингушский НИИ гуманитарных наук рекомендовал к изданию данный многолетний и важный его труд, посвященный нартоведению.

К сведению читателей приведем краткую справку о жизни и деятельности юбиляра.

Родился 14 августа 1937 г. в гор. Орджоникидзе в семье учителей. В 1944 г. отца уволили из армии и вместе с семьей и со всем народом подвергли депортации в Казахстан на станцию Глубокая (на Иртыше). Затем семья перебралась на станцию Чу, затем – в Алма-Ату. Оттуда семья была депортирована вторично за 100 километров в село Чилик. После смерти «отца народов» семья вернулась в Алма-Ату, где юбиляр и окончил среднюю школу и устроился работать на завод «Эмальпосуда» штамповщиком. После депортации, не имея возможности вернуться в Орджоникидзе, в 1957 г. семья поселилась в гор. Грозном. В нем в том же году И. Дахкильгов поступил на историко-филологический факультет пединститута, который окончил в 1962 г. «с отличием». По распределению он был оставлен работать в вузе в качестве ассистента. Лишенный возможности поступить в аспирантуру, он сам выбрал тему и написал диссертацию. Вопреки всяким чинившимся против него препятствиям, в 1969 г. в Институте мировой литературы (Москва) он успешно защитил диссертацию по теме «Становление ингушской литературы».

Работая в Чечено-Ингушском госуниверситете, он проделал путь от ассистента до профессора. После восстановления в 1992 г. Ингушской Республики он работает профессором Ингушского госуниверситета и одновременно заведующим отделом фольклора Ингушского НИИ гуманитарных наук, а с 2004 г. и по настоящее время является директором этого института.

Научной работой он начал заниматься еще в студенческие годы, с 1958 г., собирая полевые фольклорные материалы, являясь руководителем факультетского студенческого научного общества.

Многогранна научная деятельность юбиляра: литература, фольклор, история, просвещение, – отличительная черта всех этих исследований – они все посвящены ингушеведению.

На сегодняшний день, не считая многочисленных статей, им издано 24 книги. Трудно найти более плодовитого исследователя.

Первой и (пока, к сожалению) единственной в нашем литературоведении явилась ценная монография И. Дахкильгова «Ингушская литература (период развития до 40-х годов)». Книга готовилась к изданию, когда цензура после событий 1973 года злобствовала на ингушскую литературу. Последняя развернутая глава монографии была посвящена Х-Б. Муталиеву, И. Базоркину и Д. Яндиеву. Из-за получившего клеймо «махрового националиста» и подвергшегося остракизму Базоркина вся эта глава – о литературе предвоенных лет – была целиком изъята цензурой. Так в неполном виде монография и вышла в свет. В настоящее время автор переиздал эту книгу, теперь на ингушском языке, чтобы ею могли пользоваться преподаватели ингушской литературы вузов и школ. Изъятая ранее глава восстановлена

И. Дахкильгов и его авторские книги (до 2011 г.)

в этой книге. Кстати, для вузовского преподавания Дахкильговым были опубликованы учебные пособия, программы, методические разработки. Сотни выпускников университета, которым преподавал Дахкильгов, работают во всех школах республики, в учреждениях культуры, в средствах массовой информации; являются поэтами, писателями и учеными. Этим своим наследием он очень дорожит и по праву гордится.

Перу Дахкильгова принадлежит пять монографий. Об одной из них, посвященной нашему календарю, и другой, повествующей о зарождении и развитии ингушской литературы, уже сказано. Далее идут монографии «Вайнаьха багахбувцам» («Устное народное творчество вайнахов»), «Исторический фольклор чеченцев и ингушей», «Мифы и легенды вайнахов», «ГIалгIай говзаме литература». Такое количество монографических исследований у нас до сих пор никто не написал, к сожалению.

Книга «Вайнаьха багахбувцам» («Устное народное творчество вайнахов») впервые осмысливает наш фольклор в единстве всех его жанров, как единую художественную систему.

Монография «Исторический фольклор чеченцев и ингушей» написана на очень редкую и в то же время значительную тему: что из исторического прошлого отразилось в нашем фольклоре и что является в нем псевдоисторическим. Тема монографии весьма ценная, особенно для народа, не располагающего многими историческими письменными источниками.

Весьма сложная задача – соотнести фольклорные произведения с историческими реалиями, отделить подлинные события от годами наслаивавшегося вымысла. Этот клубок трудных задач довольно успешно расплетается автором.

Оцифровка – dziglo
dziglo2013@yandex.ru

Апологеты социалистической эпохи терпеть не могли некоторые фольклорные жанры, особенно предания, мифы и легенды. Связано это было с тем, что эти фольклорные произведения не согласовывались с царствовавшей тогда официальной идеологией. Дахкильгов же нарушил это негласное табу: он записал, собрал из разных изданий тексты по названным жанрам, опубликовал их в так называемых «сводах», то есть тексты одного жанра – в едином своде. Издал он эти «своды» в разных книгах. Так, при его самом активном участии были изданы два тома «ГIалгIай фольклор» – в 1967 и 1991 гг. Эти «своды» затем их составителем подверглись научному исследованию.

Очередная монография «Мифы и легенды вайнахов» весьма уникальна.

В этой книге помещены 315 текстов мифолого-легендарного пласта нашего фольклора. Из этих текстов впервые были опубликованы 255 произведений. Все эти более чем триста текстов классифицированы и представлены единым сводом. Сопровождены они ценным монографическим исследованием.

Книга «Мифы и легенды вайнахов» и целый ряд других фольклорных книг, изданных И. Дахкильговым, являются сокровищницей национального духа, мыслей, понятий добра и зла, справедливости, долга, чести и всего хорошего в нашем народе.

Благодаря его монографиям, наше литературоведение, фольклористика и история далеко продвинулись вперед, они явились значительным вкладом в научную сокровищницу ингушеведения.

И. Дахкильгов своим личным примером доказывает, что настоящий ученый не может быть только кабинетным творцом. Как никто другой он записал и опубликовал наибольшее количество наших фольклорных текстов. Почти полвека, как он ведет эту работу. Его многочисленные записи опубликованы в двух томах «ГIалгIай фольклор», в альманахах и хрестоматиях, в ряде его личных фольклорных сборников, изданных им уже после восстановления Республики Ингушетия. Вот их перечень: «Ингушские сказания, предания, сказки, пословицы (ГIалгIай оаламаш дувцараш, фаьлгаш кицаш)», «Мудрые наставления наших предков (из ингушского фольклора)», «Ингушские сказки, сказания и предания», «Антология ингушского фольклора» – 5 томов из 10; «Ингушская литература XIX – начала XX в», «Начало Назрани».

К началу 2004 г. вновь созданный молодой НИИ еще не стал на ноги: в нем сохранилось всего семь научных сотрудников и вполсилы работало всего два отдела: языка и фольклора. В феврале 2004 г. Дахкильгова назначают директором НИИ и перед ним ставят задачу его восстановления.

Помимо всего прочего, крупный ученый обязан готовить научную смену. Преемственность в науке – задача очень серьезная. Многие годы Дахкильгов ведет аспирантуру, многие его аспиранты защитили диссертации и пополнили ряды педагогов вузов, научных сотрудников НИИ. Эта работа им продолжается и сегодня.

Впервые по ингушской литературе написан школьный учебник – «Учебник по ингушской литературе для 10 класса» (выдержал три издания). Затем – «Учебник по ингушской литературе для старших курсов педучилища», «Хрестоматия по литературе для 10 класса» (выдержала ряд изданий), «Хрестоматия по литературе для 11 класса». Конечно же

вся эта большая учебная литература сопровождалась работой по созданию школьных программ по ингушской литературе для старших классов.

Наука, образование, общественная работа отнимают много времени и сил. Тем не менее заниматься еще и литературно-творческой работой – задача, требующая прежде всего таланта, сил и упорства. Обладая всем этим, И. Дахкильгов проявил себя и талантливым писателем. Им написаны книги «Кукий денал», «Шутар», «Берд», «Наьначе».

На стыке 80-х и 90-х гг. прошлого века, когда замаячила надежда восстановления нашей государственности, на заседаниях «круглого стола» по консолидации сил разных партий и движений им был предложен эскиз нашего знамени именно в настоящем его сегодняшнем виде. Всеми этот эскиз был воспринят без каких-либо замечаний. А вскоре это знамя, не будучи еще официально утвержденным, уже развевалось над молодой Республикой.

И. Дахкильговым разработаны и введены в практику важных четыре научных проекта: а) Единение Ингушетии с Россией в 1770 г.; б) образование равнинной Ингушетии с 1781г.; в) 10-томная «Антология ингушского фольклора; г) 4-томная «История ингушской литературы».

И. Дахкильгов ведет немалую общественную работу. По его инициативе и при активном участии были созданы «Ассоциация ученых Ингушетии», «Союз ингушских писателей».

О том, что И. Дахкильгов активно и успешно продолжает свою научную деятельность, свидетельствует и эта книга «Ингушский нартский эпос», завершенная им накануне своего юбилея. Этот труд имеет большое значение в изучении всего северокавказского нартского эпоса.

Ученый Совет Ингушского НИИ
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

СОДЕРЖАНИЕ

Тексты

1. Хьалха хинна вампалаш (Прежние великаны) 5
2. Беза Ноаной (Матери-богини) 6
3. Дарза-наьна ворхI воI (гIалгIай шира оалам) (Семь сыновей вьюги (ингушское предание) 8
4. Дардза-наьнилг (Дардза-нянильг – Мать вьюг) 37
5. ХIана кад Дардза-нана (Причитания Дардза-наны). 38
6. Башлоамах (О горе Казбек). 39
7. ВорхI вешех хинна седкъий (Созвездие семи братьев) 40
8. Чухьий гIаьр (Чухиева шайка) 43
9. Соска Солса хьахиларах (Как родился Соска Солса) 46
10. Соска Солсас Сартал эшаварах (Как Соска Солса победил Сартала) 47
11. Соска Солсеи Батига Шиткъеи (Соска Солса и Батига Шитка) 55
12. Кхоардама тIехьа бола белам (Смех, идущий за позорищем) . . 59
13. Сеска Солсеи Села ПирIийи (Сеска Солса и Селий Пиръа) 61
14. Соска Солсеи хаьн тIехки (Соска Солса и тазовая кость) 63
15. Соска Солсеи сага керта титеи (Соска Солса и человеческий череп). 66
16. Iел баха бийца къовсам (Спор, разрешенный в царстве мертвых) 68
17. Джаьнтелг (Джантельг) 81
18. Баьтари йоIи (Бятар и девушка). 84
19. Мишта дIадоладенна хиннад сагIа даккхар (Как повелся обычай делать поминки) 86
20. Батыг Шертга 88
21. Соска Солсеи Боткъий Ширткъеи (Соска Солса и Боткий Ширтка) 88
22. Орстхойи Боткъий Ширткъеи (Орхустойцы и Ботоко Ширтга) 90
23. Соска Солсах фу мах баь хиннаб Боткъий Ширткъас (Во что Боткий Ширтка оценил Соска Солсу) 96
24. Соска Солса и Батыг Шертга 98
25. Сеска Солсеи вампали (Сеска Солса и вампал). 99
26. Гарбаш (Великан-чудовище). 102
27. Баьтари вампали (Бятар и вампал) 102
28. Орстхой (Орштохойцы – Карабулаки) 105
29. Соска Солсеи гIаьрахойи (Соска Солса и разбойники) 108
30. Наьрт Соска Солсах бола оалам (Сказание о нарте Соска Солсе) 109
31. Сеска Солсас йоI йодаярах (Как Сеска Солса похитил девушку) 112
32. Соска Солсеи АстагIа Темари (Соски Солсан) 114
33. Сеска Солсеи КIиндий Шоаи (Сеска Солса и Киндий Шоа) . . . 115
34. Сеска Солсий йоI йодаярах (Похищение дочери Сеска Солсы) . 118
35. КIиндий Шоас йоI йодаярах (Как Киндий Шоа похитил девушку) 119
36. Соска Солсеи Горжайи (Соска Солса и Горжай) 122
37. Майра Пахьтат (Храбрый Пахтат) 126
38. Наьрта воI (Сын нарта) 143
39. Ачамаза-боарз (Лоаман Хана воI) (Ачамза-курган) (Сын Лоаман Ха) 151

40. Лорсеи Солсеи (Лорса и Солса) 159
41. Соска Солсеи борзи (Соска Солса и волк) 167
42. Со толашагIа я (Я превосхожу тебя) 168
43. Сиска Солсеи къаьна пхьуи (Сиска Солса и старый пес) 170
44. ХIана оал говрабаьри (Почему говорят «говрабаьри» – всадник) 173
45. ЦIет дIадаккхарах (Как изжили обычай «цет») 176
46. Кхокха хинна дIаяхар (Превратилась в голубку) 179
47. Сеска Солсеи хьун кхоккхеи (Сеска Солса и лесной голубь) . . . 180
48. ХIанав Сеска Солса цхьа бIарг болаш (Почему Сеска Солса стал одноглазым) 181
49. Бятарас Эса-чIож даккхар (Как Бятар проложил ущелье Ассы) 182
50. Низ бола Села (Могучий Села) 186
51. Села Сата (Села Сата) 187
52. Села Сатах бола оалам (Сказание о Села Сате) 188
53. Села Сатий говзалаш (Сноровистая Села Сата) 189
54. Села Сатеи Маьлха Азеи вIаший къовсабаларах (Спор между Села Сатой и Маьлха Азой) 194
55. Солсеи Патарзи (Солса и Патараз) 195
56. Хамчи Патарз (Хамчий Патриж) 198
57. Хамчий Патарзи Маьлха Азеи (Хамчий Патараз и Мялха Аза) 199
58. Урузмани, Орзмии, Солсеи, Хамчий Патарзи (Урузман, Орзми, Солса и Патараз, сын Хамчий) 204
59. Оршамара Аьрш (Оршамар Арш) 208
60. Наьрт Хамчеи цун воI Патарзи (Нарт Хамчи и его сын Петараз) . 210
61. Хамчий Патарзи АстагIа Темари (Хамчи Патараз и хромой Тимур) 219
62. Мишта эшавир вампал IаьржаНегIе (Как победили черного вампала Неге) 223
63. ВорхI веший цхьа йиша (Сестра семерых братьев) 229
64. Оршме воI (Сын Оршмы) 235
65. Наьрташ Майреи Болати (Нарты Майра и Болат) 239
66. Тамашийна гIоз (Волшебное кольцо) 242
67. Сеска Солсеи Бетта Лири (Сеска Солса и Бетта Лир) 248
68. Наьрт ТIох, Маьлха Аза, цар во1 Моакхаз (Нарт Тох, Мялха Аза и их сын Моказ) 255
69. Саьтали хьунагIара нали (Сятал и лесной вепрь) 269
70. Боткъийна хиннар (Странствия Ботки) 275
71. Сказания о великанах-вамполож 282
72. Гарског (Гарског-хромоножка) 284
73. Зарваш, или семиголовый минотавр 288
74. Аьшки Сеска Солсеи (Эшк и Сеска Солса) 289
75. Колой-кIанти Сеска Солсеи (Колой-кант и Сеска Солса) 290
76. Как погибли нарты эрхстуа 269
77. Наьрт Соска Солсахи Охкар-кIантахи дола оалам (Сказание о нарте Соска Солсе и Охкыр-канте) 301
78. Хьамсара Аьлбика (Любимая Альбика) 302
79. БIарахой-кIант (Барахой-кант) 306
80. Сиксолсеи Гуйи (Сиксолса и Гуй) 314
81. Пхьагал-баьрийи Сеска Солсеи (Пхагал-Бяри и Сеска Солса) 315

82. Пхьагал-баьре сесаги наьрт-орстхои (Жена Пхагал-бяре и нарт-орстхоец) 317
83. Бийдолг-баьреи Сеска Солсеи (Бийдолг-бяри и Сеска Солса) . . 320
84. Барханера Пхьагал-баьре (Бархановский Пхагал-бяри) 322
85. Наьсари, Сайи, Ачами (Нясар, его сын Сай и Ачам) 325
86. Наьсари Къозаши (Нясарг и Козаш) 328
87. Къозаша виIий воIи Германчи (Внук Козаша и Германча) . . . 331
88. Наьрт ЦIокъий Наьсари, Мехка-нанеи Хи-нанеи (Нарты Цок и его сын Нясар, Мехка-нана и Хи-нана) 334
89. Мала хиннав эггара хьалха Наьсар-Керте ваха хайнар (Кто первым поселился в Нясар-Корте) 338
90. Наьсар (Нясар) 343
91. Хамчий Патарзи, Сеска Солсеи, Баткъа Ширткъеи (Хамчий Патарз, Сеска Солса и Боткий Ширтка) 346
92. Фаьра хьазилг (Благодатная птичка) 347
93. ТкъобIаь-Ерде лаьтта боккхий нах-кхелахой (Старики-судьи у храма Ткобя-Ерды) 348
94. ГIалгIай легенда (Галгайская (ингушская) легенда 349
95. Лял-Султа 354
96. Наьрташ кхалхарах (Смерть нартов) 359
97. Гибель орштхоев 361
98. Даьлас орстхой хIалак хIана баьб (Отчего Бог истребил орштхоев) 361
99. Наьрт-орстхой фу хадар (Как погиб род нарт-орстхойцев) . . . 362
100. Как нарт-орстхойцы сгинули со света 364
101. ЦIаста маларах (Выпили медь) 366
102. Наьрташа цIаста малар (Нарты выпили медь) 368
103. Фу бахьан долаш у дайтад (Почему была наслана зараза) . . . 369
104. ХьагIара чу байнараш (Погибли в пещере) 371
105. Сеска Солсас даь ламаз (Молитва Сеска Солсы) 373
106. Маца дийнлургба наьрташ (Когда оживут нарты) 373
107. 60 орхустойцев и Цазик 377

Исследование

Об ингушском нартском эпосе 383
Нарты, орстхойцы 399
Некоторые вопросы ингушского нартского эпоса 412
Очерк ингушской мифологии и эпос 435
Алла-Белла 476
Соска Солса 483
Петарза – безволосый 517
О других нартских героях 525
Села Сата и другие женские образы 550
Гибель нартов 571
О нартских памятных местах Ингушетии 578

Сокращения 582
Библиография 583
Дахкильгов Ибрагим Абдурахманович 593

ISBN 978-5-906002-42-6

Научное издание

ИНГУШСКИЙ НАРТСКИЙ ЭПОС

На ингушском и русском языках

Составление, перевод и комментарии **И. А. Дахкильгова**

Художник *М. М. Горлов*
Технический редактор *Т. В. Демьяненко*
Компьютерная обработка и верстка *А. С. Бозиевой*
Корректор *И. А. Хомякова*

Подписано в печать 20.12.12.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBookC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,5.
Тираж 1100 экз. Заказ № 260

ООО «Тетраграф»
360000, КБР, Нальчик, пр. Ленина, 33